

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА

А. А. ШАХМАТОВ

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

ТОМ I

ПОВЕСТЬ
ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ
И ДРЕВНЕЙШИЕ РУССКИЕ
ЛЕТОПИСНЫЕ СВОДЫ

Книга 1

РАЗЫСКАНИЯ
О ДРЕВНЕЙШИХ РУССКИХ
ЛЕТОПИСНЫХ СВОДАХ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«НАУКА»

2002

УДК 93/94
ББК 63.2
Ш 28

Ответственные редакторы:
В. К. ЗИБОРОВ, В. В. ЯКОВЛЕВ

Редактор издательства
Т. Л. ЛОМАКИНА

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ) проект № 02-04-16173д*

*Федеральная целевая программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)*

ISBN 5-02-026780-5 (Т. I, кн. 1)
ISBN 5-02-026779-1

© Издательство «Наука», 2002
© В. К. Зиборов, вступительная статья,
составление, примечания, 2002
© В. В. Яковлев, составление, 2002

АКАДЕМИК
АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ШАХМАТОВ
(1864—1920)

Научное творчество, да и сама жизнь А. А. Шахматова — редчайший пример гениальности в историко-филологической науке. Сегодня, когда наше общество пробует найти более верные ориентиры в своем прошлом, обращение к наследию ученого и переиздание его работ своевременно и актуально. Творчество А. А. Шахматова — пример того, как может и должен работать русский ученый.

Основой мировоззрения русского человека исконно было православие. Именно благодаря православию засияли имена Федора Достоевского, Модеста Мусоргского, Дмитрия Менделеева и Ивана Павлова. В этот ряд вполне уместно поставить и имя Алексея Шахматова, исследователя русского языка и летописания. Академик Шахматов — многогранный ученый-гуманитарий, внесший значительный вклад в отечественную филологию и историю, славяноведение и краеведение, знаток дипломатики и сфрагистики, великолепный издатель и редактор, активный общественный деятель и член Государственного совета и в то же время — скромнейший человек, подлинный патриот России. В многообразной научной и общественной деятельности А. А. Шахматова особое место занимают его работы по истории русского летописания. Русские летописи — уникальное явление нашей письменной культуры. Начиная с XI в. и по XVIII в. непрерывно велись погодные записи событий нашей истории, этими свидетельствами созидался духовный и интеллектуальный мир русских, украинцев, белорусов, молдаван и литовцев.

Вся наша письменная культура освящена деятельностью святых Православной Церкви: у истоков славянского алфавита стоят Кирилл и Мефодий, у истоков русского летописания — Нестор, один из первых русских летописцев. Русские летописи являют собой сложный объект научного исследования. Анализ любой из них подразумевает не только высокопрофессиональные навыки и великолепную эрудицию, но и величие духа, так как анализ творчества нескольких поколений летописцев — лучших представителей нашей культуры — предъявляет к исследователю высокие требования. В лице А. А. Шахматова русское летописание нашло достойного собеседника, а он, одухотворенный величием

и масштабностью анализируемого объекта, единственный из многих смог воссоздать в общих чертах всю его историю. По мощи, интеллекту, изощренности анализа, подготовке, результативности, новаторству равных Шахматову в отечественной науке нет.

Какие же условия способствовали становлению ученого, Алексея Александровича Шахматова? Он родился 5 июня 1864 г. «в Нарве, на Ивангородской стороне»,¹ в семье потомственного дворянина Александра Алексеевича Шахматова и Марии Федоровны Бистром (в этой ветви рода Шахматовых традиционными были имена Алексей и Александр). Отец, так же как и его брат Алексей Алексеевич, закончил одно из привилегированных учебных заведений императорской России — Училище правоведения, после чего служил по судебному ведомству и, в связи с назначениями, переезжал из города в город. У Алексея Шахматова были две сестры: старшая — Евгения (в замужестве Масальская, сделавшая очень много для увековечивания памяти своего брата) и младшая — Ольга. В течение полугода (май 1870 г.—январь 1871 г.) умирают отец и мать, и трое детей остаются сиротами. Казалось бы, фортуна отвернулась от Алексея и его сестер, но род Шахматовых в лице их дяди, Алексея Алексеевича, смог поспорить с самой судьбой: он и его жена, Ольга Николаевна, урожденная Челюсткина, стали для детей приемными родителями. С 1871 г. жизнь Шахматова неразрывно связана с Губаревкой (Шахматовкой), имением его дяди в Саратовской губернии, которое после смерти дяди он унаследовал. Алексей Алексеевич и Ольга Николаевна, не имея собственных детей, посвятили всю свою жизнь воспитанию племянников. Они занимались с ними языками, историей и географией, а в 10 лет Алексей под руководством дяди, окончившего также и Гейдельбергский университет, помимо французского и немецкого начал заниматься греческим и латинским языками. В это время он на основе прочитанной им «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина составил свой первый самостоятельный труд под заглавием «Деревня Губаревка—Шахматовка. Книга I. До Ярослава I. Русская старина. 23 апреля 1874. Составил Ал. Алексан. Шахматов» (объем — 175 страниц).

Сводная сестра Шахматова, Наталья Александровна, вспоминала об этом времени: «В Губаревке меня поразила интеллектуальность Лели: крошечный мальчик все сидел на скамеечке у открытого шкафа с книгами и усердно читал „Русскую старину“, которая мне казалась страшной сушью».² Первым, и можно сказать единственным, учителем истории Алексея был его дядя; они часами обсуждали Персидские войны и героев греческой истории, вели долгие и обстоятельные беседы о родословном древе Шахматовых. В этих беседах история рода и история России переплетались, прошлое становилось фундаментом мировоззрения мальчика. Связь с прошлым была не только умозрительной, она подкреплялась реалиями современности: в усадьбе Хмелевка, «гнезде» рода Шахматовых, ежегодно в августе, в день гибели Артема Лукича Шахматова, убитого во время пугачевщины, служили панихиду. В одной из ветвей рода Шахматовых хранился крест, который в 1698 г. один из Шахматовых «состроилъ по обещанию... во славу Пресвятыя Троицы и Пре-

¹ Алексей Александрович Шахматов. 1864—1920. Л., 1930. С. 9.

² Масальская Е. А. Повесть о брате моем А. А. Шахматове. «Легендарный мальчик». 1929. С. 6.

чистыя Богородицы и всех святых и во освящение и спасение всего дома его...».³

Основателем саратовской ветви рода Шахматовых был Тихон (середина XVII в.), неоднократно поминавшийся в «Хмелевских старинах» — рассказах о представителях рода Шахматовых. Сын Тихона, Алексей (первый в роду носил это имя), защищал юго-восточные рубежи Российского государства от «воровских» набегов башкир и казаков. Этот тезка Шахматова пожертвовал старому собору города Саратова земли по реке Большой Курдюм, часть доходов с которых шла на «ежегодное заупокойное поминание рода Шахматовых». Саратовские Шахматовы находились в родстве со многими известными в истории нашего государства фамилиями: Нечаевыми, Челюсткиными, Чертковыми, Всеволожскими, Вышеславцевыми, Безобразовыми, Ладыженскими. Конечно, семейные предания во многом способствовали увлечению Алексея Шахматова историей России.

Благодаря великолепной библиотеке, находившейся в Губаревке, и домашним учителям А. А. Шахматов в основном обучался дома, лишь эпизодически посещал ту или иную гимназию. Вместе с дядей он неоднократно бывал за границей, в одну из поездок Алексей занимался в Мюнхенской королевской библиотеке. Сохранилось письмо от 8 августа 1876 г., написанное им сестре, где юный Шахматов делится своими впечатлениями: «Мои шаги звучно раздавались на красивой мраморной лестнице, ведущей в читальную комнату, где меня ожидал Страбон, Помпоний Мела... Когда я взял эти книги, мне показалось, что я сломал стену, отделяющую меня от этих источников, что я теперь не буду ссылаться на Карамзина и Соловьева, которые сами ссылаются на Страбона и др., что я теперь могу собственным трудом достигнуть имени историка, но не трудами Карамзина и Соловьева, что я сам могу рыться в библиотеках, в архивах...».⁴ Эти строки написаны 12-летним мальчиком, четко осознавшим главное условие работы историка-профессионала, — обращение к первоисточникам.

Увлечение историей России постепенно сменяется интересом к филологическим изысканиям, о чем говорит, например, заголовок одной из тетрадей Алексея Шахматова: «Филологическая антропология». В это же время он тщательно штудирует «Поэтические воззрения славян на природу» А. Н. Афанасьева. Годом филологии для Шахматова стал 1878-й. В это время он, обучаясь в одной из московских гимназий, собирал слова из самых разнообразных языков (санскрит, готский, персидский, финский, кельтский и др.) для сравнительного изучения их корней. Итог подобного коллекционирования (что было модным занятием во многих западноевропейских странах) оказался неожиданным: гимназист Шахматов создает собственную лингвистическую теорию, с которой знакомятся профессора Московского университета В. Ф. Миллер, Н. И. Стороженко, Ф. Ф. Фортунатов. Творчеством Нестора летописца А. А. Шахматов начал заниматься в 1879 г., когда снял копию с древнейшего списка «Жития Феодосия Печерского», находившегося в Румянцевской библиотеке. В связи с интересом к Нестору он совершил поездку в Петербург, в Рукописный отдел Публичной библиотеки. Там Шахматов познако-

³ О замечательной святыне, имеющейся в роде гг. Шахматовых. Сообщил В. А. Шахматов. Отд. отт. Б. г., б. м.

⁴ Масальская Е. А. Указ. соч. С. 78.

мился с И. В. Ягичем, который предложил ему опубликовать статью в издаваемом им в Германии «Archiv für slavische Philologie» (в дальнейшем академик И. В. Ягич будет принимать самое горячее участие в судьбе молодого ученого).

Старшие коллеги воспринимали юного гимназиста как сформировавшегося исследователя; например, В. Ф. Миллер после прочтения лингвистического трактата Шахматова заявил, что подобное не мог написать ни гимназист, ни «25-летний человек, уже кончивший курс».⁵ А. А. Шахматов был назван современниками «легендарным мальчиком», когда в 1882 г., будучи гимназистом восьмого класса, он выступил неофициальным оппонентом на защите магистерской диссертации А. И. Соболевского (будущего академика) «Исследование в области русской грамматики» (официальными оппонентами были Ф. Ф. Фортунатов, Н. С. Тихонравов, А. Л. Дювернуа).

На пороге университета А. А. Шахматов был уже зрелым исследователем, поэтому можно отметить некоторые жизненные обстоятельства, способствовавшие формированию гениального гуманитария: искренняя и глубокая духовность — православие; интеллектуальная атмосфера в обществе и семье, когда естественным является знание нескольких иностранных языков; наличие семейной библиотеки, в чем-то уникальной; теплота семейного очага, подразумевающая не только любовь родных и близких, но и искреннее уважение к личности ребенка; культ рода с его преданиями и традициями, позволяющий воспринимать себя любому представителю его в масштабах ежеминутной обыденной жизни частью славного рода, принадлежность к которому налагает на каждого необходимость приумножения его славы; и конечно, призвание. Считается, что гениальными математики, композиторы и поэты рождаются, а филологами — становятся. Это явное заблуждение. Рождение гениального гуманитария — явление редчайшее, по крайней мере у нас, в России.

Гениальность в любой сфере человеческого творчества неразрывно связана с фантастической работоспособностью. А. А. Шахматов с юных лет отличался не свойственной для его возраста работоспособностью. Именно на эту сторону его деятельности обратил внимание С. Ф. Ольденбург в статье, посвященной памяти ученого: «Вне работы для Шахматова не было жизни. Мальчик, в 10 лет пишущий большую русскую историю, в 14 — пишущий уже филологические разыскания и ведущий в гимназии самостоятельную научную работу — припомним, что уже 17-ти лет он напечатал статью в известном иностранном научном журнале, — этот мальчик никогда не переставал работать и только усилил работу, когда стал взрослым. Мне особенно хочется напереть на эту черту характера Шахматова именно теперь (1920 г. — В. З.), когда так мало работают в России и когда малодушные говорят, что русские люди вообще не умеют работать. Нет, такие люди, как Шахматов, русские до мозга костей, показывают, что русский человек может и умеет работать».⁶

Поступление А. А. Шахматова на историко-филологический факультет Московского университета было естественным. За время студенчества

⁵ Там же. С. 193.

⁶ Ольденбург С. Ф. А. А. Шахматов как человек и деятель // ИОРЯС. 1920. Т. XXV: Пг., 1922. С. 63.

(1883—1887) он продолжал активно разрабатывать различные аспекты историко-филологической науки: характеристику языка новгородских грамот XIII—XIV вв., изучение местных живых говоров Олонецкой губернии, лингвистические вопросы общеславянского языка. После окончания Шахматов был оставлен при университете еще на два года для подготовки к профессорскому званию. В этот период, на новом этапе своего профессионального мастерства, он снова обращается к творчеству Нестора летописца и агиографа: одна из пробных лекций на звание приват-доцента была посвящена Нестору и прочитана 1 марта 1890 г. (текст лекции «О сочинениях преподобного Нестора» впервые публикуется в данном издании). В этой небольшой по объему работе намечены основные направления, по которым А. Шахматов позднее будет вести свои исследования в области раннего русского летописания.

В конце этого же 1890 г. в судьбе А. А. Шахматова происходит неожиданный и, казалось бы, ничем не объяснимый поворот: он бросает университет и уезжает на родину, где поступает на службу «земским начальником V участка Саратовского уезда, к которому была причислена Губаревка». Уход из университета молодого ученого породил массу слухов и домыслов (по мнению администрации Московского университета, в этом была замешана женщина), да и сам он по-разному объяснял причину столь неожиданного поступка. Например, в черновике и в самом его письме к И. В. Ягичу представлены несколько разнящихся друг от друга объяснений. Позднее, в автобиографии, свой поступок он характеризовал несколько туманно: «...в связи с некоторыми душевными переживаниями».⁷

Служба выявила в характере А. А. Шахматова общественную жилку, которая всегда будет присутствовать во всех его дальнейших поступках. Годы службы земским начальником (1891—1894) сопровождались активной работой над диссертацией «Исследование в области русской фонетики». После публикации в варшавском «Русском филологическом вестнике» она была представлена в Московский университет в качестве магистерской. Защита состоялась 12 марта 1894 г., оппонентами выступили Ф. Ф. Фортунатов, Р. Ф. Брандт, В. Ф. Миллер, Ф. Е. Корш. По словам самого Шахматова, он «по великому снисхождению факультета был удостоен степени доктора»,⁸ т. е. вместо магистерской (кандидатской) ему сразу присудили докторскую степень.

Как и во все предыдущие годы научной карьеры Шахматова, в его судьбе приняли участие старшие коллеги: по представлению А. Ф. Бычкова и И. В. Ягича в ноябре 1894 г. он был избран адъюнктом Императорской Академии Наук, в связи с чем, оставив службу в земстве, переехал в Петербург. С этого года начинается самый значительный период в научной деятельности ученого. Внешне академическая карьера была стремительной: в 1897 г. он был избран экстраординарным академиком, а в 1899 г. — ординарным. В 35 лет — действительный академик! Правда, в Императорской Академии Наук подобное не было исключением, но оно не являлось и правилом.

Деятельность А. А. Шахматова в Императорской Академии Наук была разнообразной и насыщенной: работа над Словарем русского языка; со-

⁷ Шахматов А. А. Автобиография // Алексей Александрович Шахматов. 1864—1920. Л., 1930. С. 6.

⁸ Там же.

редакторство с А. Ф. Бычковым, а потом и единоличное редакторство в обновленных Известиях Отделения русского языка и словесности (ИОРЯС), которые остаются и до настоящего времени вершиной в русской научной периодике по качеству публикаций древнерусских текстов и масштабности исследований; руководство I Отделением Библиотеки Академии Наук (с 1899 г.); представительство в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии Наук (с 1906 г.); участие почти во всех прогрессивных начинаниях Академии.

Вскоре после переезда в Петербург А. А. Шахматов женился на Наталье Александровне Градовской, дочери скончавшегося профессора А. Д. Градовского, чьи работы он издал со всей тщательностью великолепного текстолога. Любопытно, что свадебное путешествие молодых супругов не было развлекательной поездкой, а носило характер научной экспедиции. Они посетили города и земли южных славян, где Шахматов занимался изучением местных наречий. Мир славянства воспринимался ученым не только как объект исследования, он всегда являлся составной частью его мировоззрения: славянские народы должны быть едины, как едины их корни и язык.

Семейная жизнь поначалу складывалась счастливо: со стороны жены и тещи он нашел полное понимание важности его научных изысканий (часы работы в кабинете были священны для домашних). У любящих супругов родились три девочки и мальчик: Ольга (1897), Александр (1898), София (1901), Екатерина (1903). Однако жизненные испытания посетили и эту семью, когда тяжело заболел и после долгой болезни умер их единственный сын и наследник по мужской линии (1910).

Как уже отмечалось, служба земским начальником пробудила в А. А. Шахматове интерес к общественной жизни страны, он всегда по мере сил и возможностей принимал участие в событиях, которые прямо или косвенно его затрагивали. В 1901 г. он подписал «Заявление 99-ти», протестуя против жестокого подавления студенческой демонстрации. Есть его подпись и под «Запиской 342 ученых и служащих просвещения» (1905), одно из положений которой гласило: «...академическая свобода, необходимая для развития науки, несовместима с современным государственным строем России». В связи с событиями 1905 г. он вступил в партию кадетов, но вскоре, разочаровавшись, отошел от активной политической работы. В 1911—1912 гг. он участвовал в общественном противостоянии министру народного просвещения Л. А. Кассо, отстаивая интересы свободного развития науки и университетского образования. Увлечение общественной деятельностью приходится в основном на 1901—1907 гг., однако постепенно Шахматов убеждается в невозможности совмещения подобной работы с главной задачей своей жизни — наукой (после роспуска I Государственной думы он вышел из состава Государственного совета).

Обращаясь к научной деятельности А. А. Шахматова в области русского летописания, следует отметить, что в данном очерке анализ его творчества сделан лишь в общих чертах, более обстоятельную характеристику уместно дать в виде приложения к последнему тому публикуемых его работ.

В 1896 г. статьей «Несколько слов о Несторовом Житии святого Феодосия» А. А. Шахматов начинает активно разрабатывать сложный вопрос нашей историографии — вопрос о Несторе, об участии этого монаха Киево-Печерского монастыря в создании одной из русских ле-

тописей. Ежегодно ученый выступает на страницах различных научных периодических изданий со статьями, посвященными русскому летописанию. В этих статьях, а некоторые из них разрастались до объема полноценных монографий, им были затронуты почти все стороны истории летописания. Но главной, и центральной, темой его изысканий в области древнерусского письменного наследия оставалась тема Нестора.

А. А. Шахматов получил прекрасную филологическую и лингвистическую подготовку под руководством лучших исследователей того времени (например, одним из его учителей был Ф. Ф. Фортунатов — основатель московской лингвистической школы). Он впервые в отечественной историографии применил сравнительно-текстологический прием анализа к таким масштабным по своим объемам памятникам, какими являются русские летописи, каждая из которых представляет собой рукопись в 300 листов большого формата.

Формально весь период изучения А. А. Шахматовым истории русского летописания можно разделить на несколько этапов. Это длительное вхождение в мир истории России и летописей с особым вниманием к творчеству Нестора летописца (1876—1890), завершившееся первой самостоятельной работой в виде пробной лекции в Московском университете; время интеллектуального созерцания объекта предстоящего исследования (1890—1896). В 1896—1908 гг. выходит серия статей (более 30) объемом от нескольких страниц до монографического исследования, посвященных самым разнообразным вопросам истории русского летописания XI—XVI вв.; данный этап завершился публикацией знаменитых «Разысканий о древнейших русских летописных сводах» (1908), остающихся наиболее авторитетным исследованием в области русского летописания. В 1909—1920 гг. более тщательно и глубоко Шахматов разрабатывает (не только в кабинете, но и перед студенческой аудиторией) все намеченные им вопросы истории русского летописания; результатом этого последнего этапа научной деятельности ученого явились серия статей и одна прижизненная монография (Повесть временных лет. Т. I: Вводная часть. Текст. Примечания. 1916), где восстановлен текст нескольких летописных сводов, входящих в состав Повести временных лет. В это же время шла работа над двумя монографиями, оставшимися при жизни ученого неопубликованными (Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. 1938; Повесть временных лет и ее источники. 1940).

А. А. Шахматов впервые в отечественной историографии восстановил историю русского летописания XI—XVI вв. Свои многолетние изыскания (более 40 лет) он целенаправленно посвятил «всего лишь» одному историческому источнику — летописи. Гений, так же как и рядовой исследователь, обязан «настраивать себя на длинную дистанцию», гений лишь более результативен в своих изысканиях, он один может решать задачи, доступные целым поколениям ученых.

Впервые сравнительно-текстологический метод изучения летописей был широко применен А. А. Шахматовым при написании рецензии на исследование И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной» (1899). Как и многие рецензии XIX—начала XX в., эта работа Шахматова является самостоятельным исследованием, появившимся по ходу разбора чужого сочинения. Применение нового приема анализа оказалось результативным. Именно на эту сторону рецензии обратил

внимание М. Д. Присёлков: «Пред изумленным читателем лежала теперь полная схема истории русского летописания, указывались уже проложенные основные дороги для дальнейших изыскателей, с которых снималась трудная задача общей ориентировки в этом безбрежном море огромного материала списков, пугавшем возможностью потери годов ученой жизни при ошибочном первом шаге. Продолжателем теперь можно было спокойно избирать для проверки указанных А. А. Шахматовым наблюдений и для дальнейшего изучения и углубления тот или иной этап русского летописания. Разбор сочинения Г-на Тихомирова особенно интересен и поучителен еще и потому, что в лице автора разбираемого сочинения мы видим недюжинного представителя старой школы изучения русского летописания, ошибки и заблуждения которой в корне вскрыты и на деле — рядом параллельных исследований по путям новой школы — указаны критиком. Г-н Тихомиров подходил к той или иной летописи с вопросом о внутреннем составе памятника, с попыткой разложить его на первоначальные источники: погодные записи, сказания, исторические повести, местные записи, забывая — и в этом основной грех старой школы — спросить памятник о его происхождении, времени составления, редакциях и списках, о его взаимоотношении к другим родственным и близким сводам, наконец, не додумываясь до той мысли, что вернее и проще искать в данном своде предшествующего ему однородного памятника-свода, а не извлекать неоднородный, якобы „сырой“ материал, забывая, что с самого начала нашего летописания мы имеем дело со сводом, т. е. Повестью временных лет».⁹

Столь обширная по объему цитата из речи М. Д. Присёлкова, произнесенной им 30 октября 1920 г. на заседании факультета общественных наук Петроградского университета и посвященной памяти А. А. Шахматова, приведена прежде всего потому, что среди современных исследователей раздаются призывы к возврату дошахматовского приема анализа русских летописей; более того, появилась целая серия монографий и статей, где этот архаичный метод анализа воскрешается.

А. А. Шахматов затронул в своих исследованиях все стороны истории русского летописания, начиная с вопросов о правилах публикации летописных текстов, терминологии, хронологии и кончая развернутыми характеристиками деятельности различных летописцев. Многие положения, впервые высказанные им, остаются актуальными и определяющими дальнейший научный поиск. Современный исследователь, только отталкиваясь от его работ, может достигнуть положительных результатов как в общеисторических исследованиях, основанных на летописном материале, так и в разработке вопросов истории русского летописания.

Базируясь на единственно верном профессиональном фундаменте — работе с подлинниками и первоисточниками, А. А. Шахматов затронул и решил обширный круг вопросов истории русского летописания, и центральной фигурой его исследований, как уже отмечалось, был Нестор летописец. Знакомясь с научным наследием ученого, поражаешься масштабностью его деятельности: шесть веков русского летописания с десятками летописных центров и десятками авторов, сотни рукописей, и при этом — доскональность в решении любой проблемы. Часто А. А. Шахматов был первым, а иногда и единственным, в разработке

⁹ Присёлков М. Д. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова // ИОРЯС. Пг., 1920. Т. XXV: 1922. С. 130—131. (При цитировании сокращения раскрыты).

того или иного вопроса русского летописания. Например, таковым остается его эссе о первой дате русских летописей — 6360(62) г. Он не боялся говорить «не знаю», как правило сосуществовавшее с догматичностью при изложении материала, и в этом заключается характерная особенность подлинных исследователей. На последнее обратил внимание В. М. Истрин, неоднократно присутствовавший на выступлениях Шахматова: «...его изложение было по преимуществу догматическим и, так сказать, властным, подобно тому как и устная его речь, при всей его мягкости, была обыкновенно и догматична, и авторитетна».¹⁰

Академик В. М. Истрин отметил еще одну существенную сторону научного творчества А. А. Шахматова: «...его необыкновенная способность к гипотезам, его дар из немногих фактов рисовать целую картину, его смелость в построении целого архитектурного здания — все это оказывало уже ту неоценимую услугу, что указывало на новые пути исследования, ставило перед исследователем новые задачи, и часто его построения и выводы, так сказать, несбыточностью давали в результате пробуждение у специалистов особенного интереса к спорному вопросу. Немало было в работах Алексея Александровича такого, что казалось частью гипотетичным, частью прямо неприемлемым. Но особенность его дарования и состояла, между прочим, в том, что он не боялся гипотез и новых выводов, ниспровергающих при данных, по его мнению, условиях старые, твердо установленные положения. Алексей Александрович был силен в анализе, но синтезом и интуицией он был наделен в высшей степени... Присущее его уму творчество постоянно находилось в движении; решив для себя тот или другой научный вопрос, он не оставлял его навсегда, но постоянно возвращался к нему, и чуть только новый материал или даже старый, но иначе комбинируемый, наводил на него сомнение, как он вновь его пересматривал, без колебания отказывался от своих прежних выводов и строил новые заключения... Случалось иногда, что последователи Алексея Александровича ссылались на его выводы тогда, когда сам автор уже от них отказался. Но внимательное проследивание его научных построений, свидетельствующих о постоянном процессе творчества, делает соответствующие страницы чрезвычайно интересными, несмотря на присущую Алексею Александровичу некоторую сухость изложения. Они имеют немаловажное методологическое значение, наглядно указывая тот путь, идя по которому исследование, в конце концов, приведет к твердым и положительным результатам. Они важны, наконец, в моральном отношении, ибо они учат нас, что научная добросовестность не боится ошибок».¹¹

А. А. Шахматов использовал весь положительный опыт своих предшественников, придавая большую масштабность разработке намеченных до него вопросов. Например, на первых шагах анализа летописания в рамках Повести временных лет он столкнулся с вопросом о внелетописных источниках, которым занимались и его предшественники. Шахматов же развернул это направление в настоящее монографическое исследование, в котором кропотливо собрал ранние наблюдения, уточнил их, а во многом дополнил своими оригинальными изысканиями (работа была опубликована после смерти ученого, в данном издании

¹⁰ Истрин В. М. А. А. Шахматов как ученый // ИОРЯС. Пг., 1920. Т. XXV: 1922. С. 36. (При цитировании сокращения раскрыты).

¹¹ Там же. С. 35—37.

она вошла в третий том). Глубокое понимание летописей помогало А. А. Шахматову при знакомстве с работами своих предшественников верно находить перспективные направления; например, оттолкнувшись от Примечаний в одном из изданий Лаврентьевской летописи XIX в., где были указаны источники цитат из книги Ветхого Завета, он досконально разработал вопрос о Паримийнике как одном из источников летописного свода 1093 г. и тем самым нашел еще дополнительный аргумент в пользу существования этого свода.

Почти все работы по летописанию, да и по другим темам, создавались Шахматовым во время «летних каникул» в родовом имении Губаревка: уезжая из Петербурга в мае, он вместе с семьей до сентября—октября, из года в год, проводил отпуск в любимых с детства местах. Работе отводились утренние часы; ежедневно он уединялся в кабинете на втором этаже и благодаря размеренному и благоустроенному быту успевал за лето сделать многое. В это время он не только писал новые работы и вычитывал корректуры уже написанных статей и книг, но и вел активные краеведческие изыскания (так, им был создан и издан «Мордовский сборник», в процессе подготовки которого Шахматов изучил мордовский язык). За время «летних каникул» 1906 г. ученый создал одну из самых знаменитых своих книг — «Разыскания о древнейших русских летописных сводах». Наиболее перспективным, и главным, положением данного исследования является утверждение А. А. Шахматова о первичности начальной части Новгородской 1-й летописи младшего извода по отношению к начальным частям в рамках Повести временных лет таких летописей, как Лаврентьевская и Ипатьевская. В Приложении к «Разысканиям» исследователь опубликовал единственный до настоящего времени вариант восстановленного текста двух самых ранних, согласно его концепции, летописных сводов — Киевского 1039 г. и Новгородского 1050 г. с продолжением до 1079 г. «Разыскания» А. А. Шахматова создавал одновременно с исследованием, посвященным «Истории русского языка», где он наравне с А. И. Соболевским воссоздавал цельную картину истории нашего языка (масштабность решаемых задач одного сочинения определяла масштабность другого).

На последнем, завершающем, этапе у А. А. Шахматова появилась новая форма научной деятельности — преподавательская. Первоначально он был привлечен историко-филологическим факультетом Петербургского университета для чтения курса истории русского языка (1908/09 учебный год), но вскоре стал вести семинар, посвященный анализу языка Повести временных лет по Лаврентьевскому списку (1911/12 учебный год). Постепенно все больше времени Шахматов стал отводить русскому летописанию. В 1913/14 учебном году он читал общий курс «Несторова летопись» и вел практические занятия по чтению и разбору «Жития Феодосия» Нестора по списку Успенского сборника (XII в.). В 1914/15 учебном году А. А. Шахматов вел практические занятия по разбору синтаксических особенностей Повести; в 1918/19 учебном году читал общий курс «Повесть временных лет. Состав и источники» и вел просеминарий по источникам Повести и ее языку. И. Г. Голанов, слушавший А. А. Шахматова в 1913 г., оставил довольно яркие воспоминания о нем как о преподавателе: «Передавая на лекциях часть личных научных достижений, Алексей Александрович приобщал слушателей к своей творческой работе исследователя. Это научное обаяние и было той притягательной силой, которая влекла молодежь на лекции этого

профессора, скромного, не бившего на внешний эффект, незаметно входившего на кафедру, и наполняла целиком одну из словесных аудиторий, которая обычно не особенно богата слушателями в часы лингвистических занятий».¹² (Текст лекций, прочитанных А. А. Шахматовым в 1913/14 учебном году, впервые публикуется в данном томе).

Преподавание предмета исследования в высшей школе не только активизирует деятельность ученого, но и помогает ему четко «увидеть» перспективные или, наоборот, тупиковые направления: лекции или семинарские занятия требуют несколько иной последовательности в изложении материала, приспособленной для начинающих «входить» в новую область знания, что приводит к несколько иной комбинации давно уже известных положений и тем самым подталкивает исследователя к не замеченным им до этого решениям. С уверенностью можно говорить о том, что профессорская деятельность А. А. Шахматова в Петербургском университете оказалась дополнительным стимулом в его научных изысканиях, примером чего может служить работа по анализу источников Повести временных лет, создававшаяся в тесной связи с чтением одноименного курса на протяжении нескольких лет на историко-филологическом факультете.

Гений в гуманитарных науках — это не только выходящие за рамки обычных интеллектуальная одаренность и работоспособность, это прежде всего человечность, умение и желание делать добро, повышенное чувство справедливости. Эти качества были присущи А. А. Шахматову вполне. Прозрачность и незамутненность его нравственного содержания поразительны. Общение с А. А. Шахматовым производило на собеседников столь сильное впечатление, что из-под их пера при воспоминании о нем появлялись яркие и часто неожиданные характеристики: «Глубокой искренностью и чем-то возвышенным, в высокой степени благородным веяло от него, и всякий раз после встречи с ним у меня надолго оставалось такое впечатление, какое оставляет по себе великое художественное произведение с какой-нибудь высокой идеей, словно в разговоре с ним я соприкасался с чем-то неизмеримо прекрасным. Это тем более характерно для личности Алексея Александровича, что во время моих встреч с ним у нас не поднимались вопросы нравственного порядка, не затрагивалась и повседневная жизнь — наши беседы были исключительно в области вопросов славяно-русской филологии. Так прекрасна была душа Алексея Александровича, так одухотворена она была светом вечной и немерцающей Правды! Этот свет исходил из самой глубины ее, согревая тебя, его собеседника, и заставлял ярким пламенем вспыхивать где-то далеко в тайнике твоей души тлеющую твою собственную искорку Добра и Правды, и от этого света кругом становилось тепло и уютно — забывались невзгоды и горечи окружающей жизни» (П. А. Расторгуев, входивший в науку под руководством А. А. Шахматова).¹³

Скромность, порядочность, любовь к ближнему, сострадание, воспитанность — все эти качества, естественные для его натуры, были согреты теплотой семейного очага, где царила атмосфера любви и уважения.

¹² Голанов И. Г. Воспоминания о курсах и практических занятиях А. А. Шахматова в Петербургском университете в 1913/14 учебном году // ИОРЯС. Пг., 1920. Т. XXV: 1922. С. 328.

¹³ Расторгуев П. А. К характеристике личности А. А. Шахматова // ИОРЯС. Пг., 1920. Т. XXV: 1922. С. 318—319.

Лучшие человеческие качества, данные ему воспитанием, А. А. Шахматов еще более усилил, будучи исследователем по природе, размышлениями над общеполитическими и этическими вопросами. Об этом говорят строки его последнего письма, написанного им на больничной койке 8—10 августа 1920 г. дочери Софье, в котором он решает вопрос о месте религии в жизни человека: «Обойтись без религии при сильно развитой любви к ближним, любви деятельной, не пассивной, представляется мне совершенно невозможным. Думаю, что истинная любовь неизменно подскажет человеку второе из приведенных возможных решений: он останется христианином, ибо в семье верующих он найдет то сочувствие, в котором так нуждается самое чувство любви, ибо в семье верующих он найдет себе подобных».¹⁴ (Первое возможное решение — создание новой религии — для ученого было неприемлемым). Тема христианства — точнее, его значение в духовном мире А. А. Шахматова — прозвучала и в одном из последних его писем к отцу Николаю Чукову, о чем тот упомянул в прощальных словах, произнесенных 7/20 августа 1920 г. в церкви Смоленского кладбища при отпевании усопшего: «Он [Шахматов] глубоко чувствовал потребность в Божьей помощи и Божьей милости, он жаждал молитвы о себе. С истинным смирением и редким самоосуждением он сознавал себя мертвым для Христа, и в том видел свое оправдание. „Можно ли мне, человеку мертвому для Христа, просить у него для себя чего-нибудь, каких-либо милостей?“ Этот вопрос он ставит на мое рассмотрение. „В моем сердце, — пишет он [Шахматов], — христианские ростки были рано заглушены умственными интересами и научными исследованиями“, точь-в-точь как в притче о сеятеле... И вот такой великий ученый, всю жизнь свою посвятивший умственным интересам и научным исследованиям, на одре болезни, накануне смерти находит эти самые интересы и исследования как бы не стоящими внимания, даже мешающими тому, что должно быть единственно ценной и важной заботой, — мешающими проявлению христианских чувств так, как бы их хотелось проявить. Терзаемый этой мыслью, мучимый недовольством собой, считая себя погибшим для Христа, слабой, хладеющей рукой пишет он свой вопрос: можно ли ему, погибшему чаду Христову, просить чего-либо у Христа, особенно, можно ли просить милости?.. Покойный при всех своих высоких душевных качествах обладал духом этого христианского смирения, и он проявился в его последнем письме в такой мере, в какой желательно, чтоб и нам всем он был присущ. И на этот вопрос, о котором он говорит: „Разрешите его сами“, — мне кажется, братия, мы должны дать ответ определенно и ясно положительный. Покойный жаждал молитвы за себя. Исполним его волю».¹⁵

Последние дни, да и все последние годы А. А. Шахматова были омрачены событиями, происходившими в России. Об этом в несколько необычной форме «полулитературной зарисовки» рассказала его дочь Софья. «Чаще всего образ отца вставал перед ней, как живой, таким,

¹⁴ Последнее письмо А. А. Шахматова, написанное им во время своей предсмертной болезни 8—10 августа 1920 г. по н. ст. дочери своей С. А. ко дню ее рождения // РНБ. Ф. № 846. Шахматов А. А. № 12. Л. 258—259.

¹⁵ Надгробное слово о Николае Чукова. Произнесено 7 августа (20 августа по н. ст.) 1920 г. в церкви Смоленского кладбища при отпевании // РНБ. Ф. 846. Шахматов А. А. № 12. Л. 266—267.

каким она всего чаще видела его за последнее время его жизни — тихо-печальным, с затаенной болью в кротких чертах. Она знала, что эта боль — неизживаемое и тяжелое страдание за Россию, за Родину свою... Россию он любил как живую личность, как родное существо. Он любил ее независимо от ее правительства, поэтому ему были чужды чувства, как к России „старого режима”, так и к „красной, революционной” России. Но он всю жизнь горячо и страстно желал ей блага и хотел видеть ее свободной и процветающей. Он любил ее как мать, тем же повышенным и нежным чувством беззаветной сыновней преданности, которая с раннего возраста, как нечто очень сознательное и осмысленное, жило в его душе по отношению к родителям. Вокруг же себя он чувствовал утрату живой любви к родине и боялся, что без этого великого залога неосуществимо то счастье, о котором мечтали многие, и отсюда происходила его великая беспредельная скорбь...».¹⁶

Вера в Бога с пониманием слабости и тем самым греховности своей, вера в Россию — вот обязательные составные части духовного мира лучшего представителя русской науки. Отсюда можно сделать однозначный вывод, что только с таким духовным содержанием могут появляться гении в России. Примером для подражания является не только научное творчество А. А. Шахматова с его недостижимым для многих профессионализмом и такой же результативностью, но и вся его жизнь.

В период разрухи (1917—1920) А. А. Шахматов почти не имел возможности заниматься наукой, все его физические и душевные силы уходили на обеспечение семьи, состоявшей из восьми человек, самым необходимым — хлебом и теплом. Он, как и многие ученые, оказался совершенно неподготовленным к жестким условиям социального хаоса (надорвался при переноске книг и дров, сделанная операция была неудачной). Сохранился объемистый мартиролог не погибших, не умерших от ран и превратностей братоубийственной войны, не расстрелянных, а просто умерших ученых. Шахматов пополнил этот список имен «золотого века» русской науки, список 178 ее лучших представителей.¹⁷

Смерть праведника тиха и светла, так умирал и Алексей Александрович; рядом с ним была его дочь Екатерина, сохранившая для нас его последние мгновения: «Я пришла к нему около 9 часов вечера... Я сидела у окна, п[отому] ч[то] в комнате было уже темно, и просматривала франц[узскую] книгу (в рукописи полторы строчки зачеркнуты, часть слов читается хорошо: „которую он читал накануне”. — В. З.). Он лежал и смотрел на меня и вдруг подозвал к себе: „Не порти себе глаза, — произнес он ласково, как говорил нам каждый вечер при наступлении сумерек. — Зажги электричество, оно зажигается в коридоре”. Я зажгла и села на стул, рядом с ним. Он забылся... Папа лежал все в таком же положении, и не знаю, спал ли он, или был в бессознательном состоянии. Я боялась разбудить его и вспоминала, как он днем жаловался на прошлую бессонную ночь, и думала, что эти часы забвения принесут ему облегчение. Он стал дышать реже, легче, ровнее. И также пристально и спокойно смотрел на меня. Но так необычайно было выражение его взгляда, что мне казалось, он устремлен куда-то вверх и дальше меня. Дыхание его становилось все тише. Я продолжала сидеть не шевелясь,

¹⁶ Там же. Л. 262—265.

¹⁷ Наука и ее работники. Пг., 1921. № 3. С. 34—38.

сжимала его руки, с отчаянием целовала его голову. Когда пришла сестра — дыхание его незаметно прекратилось... Было 4 часа утра...».¹⁸

Коллега А. А. Шахматова по Академии Наук, В. М. Истрин, свое выступление, посвященное памяти русского ученого, завершил следующими словами: «Смерть пресекла жизнь Алексея Александровича в тяжелую для всех нас годину. Но пройдут года, сквозь мрак и тучи проглянет луч солнца и на нашу родину, засияют снова ясные дни, настанут лучшие времена, и теперешние невзгоды будут отходить в область преданий. И легендой тогда покажутся разговоры о том, что прославленный русский ученый, сорок лет своей жизни беззаветно отдавший на служение родной науке, профессор и академик Шахматов, в конце концов принужден был на своих слабосильных плечах носить на третий этаж двухаршинные бревна, падал, изнемогая под их тяжестью, пилил и колотил их и тем ускорил свою преждевременную смерть. Да, для будущих поколений это станет легендой. Но для нас, его современников, это не легенда, а живая действительность, и действительность суровая, печальная и... позорная».¹⁹

Гениальный русский филолог прожил всего 56 лет.²⁰

Наша задача проста: учась у лучших, воссоздавать тот мир, который будет порождать на Русской земле гениев в самой сложной сфере человеческого знания, в гуманитарных науках.

Составление первого и последующего томов осуществлялось с учетом типа издания, хронологической последовательности работ и их тематики. Данное издание — не академическое, цель его — дать широкому кругу исследователей в единой публикации все работы А. А. Шахматова по русскому летописанию, что предпринимается впервые. Хронологический принцип соблюдается как при составлении всех томов, так и при формировании каждого тома в отдельности. Тематический принцип составления — достаточно условный — заключается в том, что, например, в первом томе собраны все исследования ученого, посвященные Нестору летописцу и истории раннего русского летописания XI—XII вв.; во втором томе публикуются исследования, в которых характеризуются как отдельные летописи, так и летописные своды, представленные в них; в третьем томе помещены работы, где анализируются внелетописные источники русских летописей, а также исторические произведения древнерусской литературы, в той или иной степени связанные с летописями и т. д. Основа каждого тома — монографические исследования ученого; например, первый том открывается «Разысканиями о древнейших русских летописных сводах», второй — «Обозрением русских летописных сводов XIV—XVI вв.» и т. д. Работы А. А. Шахматова печатаются по прижизненным публикациям, посмертные издания выверяются по тексту

¹⁸ «Смерть папы. 3/16 августа 1920» Рукописная заметка С. А. Шахматовой, написанная ею 24 декабря 1921 (5 января 1922. по н. ст.) // РНБ. Ф. 846. Шахматов А. А. № 12. Л. 250—251. (В рукописи листы переплетены неверно, после л. 250 об. должен следовать л. 251 об., потом л. 251).

¹⁹ Истрин В. М. Указ. соч. С. 42.

²⁰ О судьбе дочерей А. А. Шахматова сообщается в книге: Макаров В. Н. «Такого не бысть на Руси прежде...». Повесть об академике А. А. Шахматове. СПб., 2000. Эпилог.

рукописей; исследования, оставшиеся в рукописях, издаются в соответствии с современными правилами орфографии. Тексты публикуются с небольшими изменениями, носящими технический характер, например: в работах автора летописный свод начала XII в. Повесть временных лет представлен несколькими вариантами сокращений, вместо многих вариантов используется общепринятый — ПВЛ. Иногда библиографические указания А. А. Шахматова лаконичны, поэтому они приводятся в развернутом виде.

Составители приносят искреннюю благодарность Т. Б. Карбасовой, Р. А. Наливайко, А. А. Романовой и А. Г. Сергееву, принявшим участие в подготовке к изданию первого тома.

Исследования А. А. Шахматова, посвященные анализу летописей — самого значительного исторического источника по истории России, открывают научную серию издательства — «Русская библиотека», где будут переизданы многие фундаментальные работы лучших отечественных ученых.

В. Зиборов

РАЗЫСКАНИЯ О ДРЕВНЕЙШИХ РУССКИХ ЛЕТОПИСНЫХ СВОДАХ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Научное изучение древней русской летописи начато великим Шлецером. Им были намечены вопросы, подлежащие дальнейшей разработке, им были определены способы и приемы исследования. После Шлецера в основание исследования должна была быть положена критическая разработка древнего текста, а этой разработке должно было предшествовать восстановление текста по дошедшим до нас данным.

Памятные русской исторической науке труды Карамзина, Погодина, Соловьева, Костомарова, Срезневского, Бестужева-Рюмина, Иловайского, равным образом Грушевского посвящены были анализу и характеристике Повести временных лет; они в значительной степени подготовили данные для восстановления первоначального текста этого летописного свода первой четверти XII в. и для анализа составных его частей.

Отлично в общем исполненные Археографическою комиссией издания русских летописей дают весьма удовлетворительное представление как о древнейших, так и о позднейших летописных сводах. Многочисленные рукописные редакции могут быть без труда изучены при помощи обнародованных текстов, так как почти все главные разновидности русской летописи нашли себе место в Полном собрании русских летописей и других изданиях комиссии.

Таким образом, автор предлагаемого труда начал исследование Повести временных лет при особенно благоприятных обстоятельствах: он имел серьезных предшественников в лице названных исследователей при разработке обширного рукописного материала; он имел надежные пособия в указанных изданиях Археографической комиссии.

Изучение Повести временных лет по многочисленным ее спискам привело автора к восстановлению двух ее редакций, не дошедших до нас в первоначальном своем виде: первая, Сильвестровская редакция, составленная в 1116 г., представлена лучше всего Лаврентьевским списком; вторая редакция 1118 г. обнаруживается в наибольшей полноте в Ипатьевском списке и позднейших новгородских сводах. Сравнительное изучение обеих этих редакций приводит к восстановлению первоначаль-

ного вида основной редакции, доведенной до смерти Святополка и составленной, как можно думать, Нестором.

Анализ Повести временных лет привел автора к извлечению из ее состава более древнего летописного свода, названного (не вполне удачно) Начальным Киевским сводом; существование такого свода подтверждается теми отрывками его, которые, правда, в позднейшей редакции сохранились в списках Новгородской 1-й летописи. Начальный свод, по некоторым данным, был составлен в Киево-Печерском монастыре в 1095 г., он был доведен до 1093 г. Исследование Начального свода привело автора к представлению о более древнем своде, доведенном до 1073 г. и составленном около того же времени в Киево-Печерском монастыре. Дальнейший анализ обнаружил, что Начальный свод представлял соединение Киево-Печерского свода 1073 г. с Древним Новгородским сводом, доведенным до 70-х гг. XI столетия и восстанавливаемым по данным как Начального свода, так и позднейших новгородских сводов.

Исследование Киево-Печерского свода 1073 г. привело автора к восстановлению свода, составленного в 1039 г. при Киевском Софийском соборе: это был первый Киевский летописный свод; его можно назвать Древнейшим сводом. Исследование Древнего Новгородского свода, доведенного до 70-х гг. XI столетия, указало автору на то, что ему предшествовал более древний Новгородский свод, составленный при Софийском владычном дворе в 1050 г.

Задачей предлагаемого труда является восстановление текста древнейших летописных сводов, предшествовавших Начальному Киевскому своду, т. е., с одной стороны, Древнейшего Киевского свода 1039 г. и Продолжения к этому своду, составленного в 1073 г., а с другой стороны, Древнего Новгородского свода 1050 г. и Приложения к этому своду, доведенного до 1079 г.

Костомаров в своих «Лекциях по русской истории» (1861 г.) указывал на возможность выделения из Сильвестровского летописного свода 1116 г. «повести древних лет». «Восстановить эту древнюю повесть, — замечает Костомаров, — было бы возможно до некоторой степени, но это было бы дело скорее художественное, чем ученое; и восстановителю пришлось бы руководствоваться скорее художественным тактом, чем учеными доводами». Несмотря на подобное предостережение, я решил восстановить эту «повесть древних лет», руководствуясь исключительно учеными доводами. Я был удовлетворен, когда по окончании работы заметил, что главнейший вывод, основанный на ученых доводах, совпал с выводом Костомарова, подсказанным ему, по-видимому, художественным чутьем его богато одаренной натуры. По мнению Костомарова, «повесть древних лет» «оканчивается за несколько лет до смерти Ярослава, может быть 1043 г., последним походом русских на Грецию, потому что впоследствии тон рассказа значительно изменяется, прежняя простота исчезает и становится ощутительным господство риторики». Как увидит читатель (в § 225), я пришел к выводу, что Древнейший Киевский свод составлен в 1039 г., причем он лег в основание Киево-Печерского свода (1073 г.) в такой редакции, где в конце была приписана статья 1043 г. о походе Владимира Ярославича на греков.

Свои «ученые доводы» в пользу как этого моего вывода, так и вообще всех поправок и изменений, внесенных мною в дошедший до нас текст, я изложил в исследовании, предпосланном восстановленному тексту. Ис-

следование это разбито на отдельные главы, лишь отчасти стоящие в связи между собою, а вообще представляющиеся самостоятельными экскурсами; впрочем, эти экскурсии связаны одною общою целью — восстановить текст древнейших сводов и выяснить условия их возникновения. В первой главе я устанавливаю отношение восстанавливаемых сводов к Повести временных лет. В следующих двух главах извлекаются данные о древнейших сводах из двух памятников житийной литературы, из которых второй, быть может, возник в самом составе свода 1039 г. Главы IV—VI посвящены определению вставок в первоначальный текст летописи. В главах VII—XI приводятся данные для восстановления Древнего Новгородского свода из Повести временных лет, из Синодального списка, а также из позднейших новгородских летописей. Глава XII содержит исследования о Житии Антония и о влиянии его на русские летописи. В главе XIII исследуется та часть летописи, которая дает рассказ о древнейших князьях; здесь, между прочим, рассмотрено и сказание о призвании варягов. Глава XIV, по содержанию своему, может назваться продолжением к предшествующей главе, так как в ней изучены народные предания, положенные в основание рассказа о последующих князьях, — об Игоре и сыновьях Святослава. Глава XV дает ряд указаний на взаимные отношения древних летописных текстов; к ней относится приложенная в конце книги таблица. Главы XVI и XVIII посвящены истории Древнейшего Киевского свода; между ними должна была быть вставлена глава XVII, рассматривающая состав и происхождение той позднейшей редакции, которой в 1073 г. подвергся первоначальный текст Древнейшего свода. В главе XIX излагается история древнейшего новгородского летописания, и наконец, в главе XX подведены итоги всему предыдущему исследованию.

Подстрочные примечания к тексту, помещенному вслед за исследованием, указывают те основания, которые руководили мною при принятии того или иного чтения, при предпочтении одного варианта другому; кроме того, в них имеются ссылки на те параграфы исследования, где даны основания для пропуска того или другого отрывка в летописном тексте. В следующих за текстом Дополнительных примечаниях приведены те параграфы исследования, в которых рассматривалась данная статья, приводилось данное известие; эти ссылки вместе с летописными текстами могут служить указателем к исследованию.

Предыдущие замечания делаются мною для того, чтобы облегчить пользование моею книгою. Итак, восстановленный текст снабжен критическим аппаратом. Но ссылка на этот аппарат, предлагаемый даже в виде исследования, не равносильна утверждению, что я в своей конъектуральной работе достиг твердых и положительных результатов. Я хорошо сознаю субъективность многих из моих «ученых доводов» и понимаю, что достоянием науки добытые выводы могут стать только после всесторонней оценки их другими исследователями. Предстоит еще решение общего вопроса: правильно ли поставлена мною задача и каковы должны быть приемы исследования.

Теперь уже вижу несколько существенных недостатков в своей работе, неустранимых и непоправимых после отпечатания книги.

Во-первых, правильнее было бы предпослать исследованию о текстах Древнейшего Киевского свода и Древнего Новгородского свода исследование о тексте Начального Киевского свода, так как он стоит между искомым и известным, между сводами середины XI в. и Повестью вре-

менных лет 1116 г. Между тем в предлагаемом труде я лишь в общих чертах (в главах I и XV) наметил отношения Начального свода к Повести временных лет и дал только общие указания на путь, приводящий к представлению о Начальном своде, причем ограничивался ссылками на некоторые мои статьи, где вопрос этот рассмотрен подробнее. Ссылки эти мало кого удовлетворят ввиду того, что статьи мои, относящиеся к Начальному своду, не представляют единства, писаны в разное время и отчасти не согласованы между собой. Таким образом, читатель, следя за моей работой, должен будет исходить из *гипотезы* о том, что текст Начального свода, восстанавливаемый по Повести временных лет и Новгородской 1-й летописи младшего извода, нам известен, нам доступен.

Во-вторых, ставлю себе в вину и то, что я не снабдил своего труда достаточным количеством ссылок на предшествующих исследователей. Перечитывая их труды во время печатания моей работы, я заметил, что в некоторых местах я высказываю положения, уже обнародованные раньше, а в других — не обратил внимания на противоречащие моим утверждениям мнения. В особенности приятно было мне встретить сходные с моими выводами замечания у Д. И. Иловайского, но досадно, что в тексте книги я не укрепил своих положений ссылками на авторитет почтенного исследователя. В поправках и дополнениях даю соответствующие ссылки.

В-третьих, в нескольких случаях пришлось противоречить самому себе. Эти случаи отмечены в поправках и дополнениях.

Выражаю глубокую признательность членам Императорской Археологической комиссии, давшим мне возможность поместить мой объемистый труд в том издании, где некогда было напечатано знаменитое исследование К. Н. Бестужева-Рюмина о составе русских летописей.

Октябрь 1908 г.

ГЛАВА I

ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ ПРЕДШЕСТВОВАЛИ БОЛЕЕ ДРЕВНИЕ СВОДЫ

§ 1. Повестью временных лет* принято называть древнейшую часть летописных сводов, дошедших до нас в списках Лаврентьевском, Радзивилловском, Московско-Академическом, утраченном Троицком, Ипатьевском, Хлебниковском и еще трех позднейших, восходящих к Хлебниковскому списку (Погодинскому, Краковскому и Ермолаевскому).¹ В списках Лаврентьевском, Радзивилловском, Московско-Академическом и утраченном Троицком древнейшая часть летописного текста доведена до 1110 г. и обрывается на неоконченной статье этого 6618 (1110) г., после чего следует приписка игумена Михайловского Выдубицкого монастыря (в Киеве) Сильвестра, свидетельствующая о том, что в 6624 (1116) г. им

* Далее по всему тому — ПВЛ (*Ред.*).

¹ В так называемой Переяславской летописи ПВЛ подверглась сильнейшей переработке и сокращению. В списках Софийской 1-й, Новгородской 4-й и сходных с ними видим текст ПВЛ в соединении с текстом Древней Новгородской летописи.

были написаны «книги си Лѣтописецъ». В списках же Ипатьевском и Хлебниковском читается окончание статьи 6618 (1110) г., а после нее без заметного перерыва следуют статьи 6619, 6620, 6621, 6622, 6623, 6624, 6625 и следующих годов, причем, однако, после 6625 г., после известия о кончине царя Алексея Комнина, замечается значительное уменьшение объема летописных статей. В части до 6618 (1110) г. текст Ипатьевского и Хлебниковского списков представляет (в особенности начиная с 6584 г.) несколько лишних известий против Лаврентьевского и сходных с ним списков. Таким образом, мы имеем основание говорить о двух редакциях ПВЛ: первой, представленной Лаврентьевским и сходными с ним списками, и второй, представленной Ипатьевским и Хлебниковскими списками.

§ 1¹. Исследование о взаимных отношениях перечисленных выше списков, равно как обеих предполагаемых ими редакций ПВЛ, не может быть предметом настоящего сочинения. Предполагая посвятить такому исследованию особый труд, считаю возможным ограничиться здесь сообщением главнейших выводов, к которым приводит сравнительное изучение дошедших до нас списков ПВЛ.

ПВЛ в первой своей редакции, быть может, принадлежавшей Нестору, доходила до 6621 (1113) г. и оканчивалась, как кажется, известием о кончине Святополка. Эта первая редакция была переработана в 6624 (1116) г. игуменом Сильвестром, закончившим свой труд сообщением о явлении огненного столпа над трапезницей Печерского монастыря в 6618 (1110) г. и опустившим, следовательно, события 1111—1113 гг. В 6626 (1118) г. составлена вторая редакция ПВЛ, положившая в свое основание Сильвестровскую редакцию. Сильвестровская и вторая редакции ПВЛ легли в основание нескольких позднейших сводов. С течением времени эти своды взаимно влияли друг на друга. В результате дошедшие до нас редакции ПВЛ оказываются редакциями смешанными. В Лаврентьевском списке лучше, чем в остальных, выдержаны особенности первой (собственно Сильвестровской) редакции, но и в нем видим заимствования из второй (между прочим, из нее взято начало благочестивых рассуждений под 1110 г.).¹ Радзивилловский список подвергся сильному влиянию списков, сохранивших вторую редакцию ПВЛ, и заимствовал из них ряд более или менее существенных поправок.² Протограф Ипатьевского и Хлебниковского списков в основных чертах своих следовал второй редакции, но внес в нее ряд особенностей из списков первой (Сильвестровской) редакции: при этом Хлебниковский список подвергся правке, в значительной степени сблизившей его с текстом Лаврентьевского и Радзивилловского списков.

В общем, исследование текста ПВЛ должно исходить из Лаврентьевского списка — не потому, что он был древнейшим, а потому, что в нем лучше, чем в других, представлена первая (Сильвестровская) редакция ПВЛ.

§ 1². Исследование текста ПВЛ обнаруживает в нем ряд вставок; исключение же из него этих вставок ведет к представлению о своде, старшем, чем ПВЛ. Укажу, например, несколько вставок, явно нарушивших первоначальный ход рассказа.

¹ В утраченном Троицком списке, судя по сохранившимся отрывкам, имелось немало позднейших поправок.

² Московско-Академический список испытал на себе влияние Софийской летописи.

Под 6370 (862) г. слова «к Русі: сиче бо ся зваху тии Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свие, друзии же Урмане, Анъглыне, друзии Гъте, тако и си. Рѣша Руси Чюдѣ Словѣни и Кривичи и Веси»¹ явно вставлены после «Идоша за море къ Варягомъ»; после этих слов мы ожидали бы прямо: «и рѣша: земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ». Вставка эта отмечена была А. А. Потебней в исследовании «К истории звуков русского языка» (Вып. II. С. 16).

Под 6453 (945) г. весь рассказ о трех местах Ольги имеет характер вставки, так как следующее за ним заглавие «Начало княженья Святослава» несомненно стояло некогда непосредственно за известием об убийении Игоря, оставившего после себя Ольгу и малолетнего Святослава.

Под 6454 (946) г. после слов «И побѣдиша Деревляны» читаем рассказ о четвертой мести Ольги (сожжение Искоростеня), а между тем совершенно очевидна связь этих слов со словами «и възложиша² на ня дань тяжьку»; отсюда заключаем, что указанный рассказ вставлен в текст ПВЛ.

Под 6463 (955) г. после слов «и приде Киеву» находим сравнение Ольги с Ефиопской царицей, приходившей к Соломону, и далее благочестивые рассуждения; за ними читаем: «Си же Ольга приде Киеву», т. е. то же, что перед отмеченным отрывком, который поэтому признаем вставленным.

Под 6476 (968) г. после слов «И оступиша градъ в силѣ велицѣ» читаем: «бещислено множество около града и не бѣ лъзѣ изъ града вылъсти, ни вѣсти послати», далее рассказ о смелом юноше, переплывшем Днепр и вызвавшем Претича, появление которого обратило печенегов в бегство («побѣгоша разнѣ отъ града»); между тем за этим рассказом читаем: «И отступиша Печенѣзи отъ града, и не бяше лъзѣ коня напоити» (следовательно, блокада города сделалась еще теснее после бегства печенегов и отступления их от города); ввиду этого отождествляю слова «И оступиша градъ в силѣ велицѣ» и слова «И отступиша Печенѣзи отъ града», признавая эти последние слова переделкою первых, вызванною вставленным рассказом о юноше и появлении Претича.

Под 6479 (971) г. Святослав, видя убыль в своей дружине, говорит: «пойду в Русь, приведу боле дружины»; мы видим исполнение этого решения ниже: «пойде в лодяхъ, къ порогомъ», а между приведенными словами находится сообщение о заключении Святославом мира с греками и текст договора; признаем и то и другое вставкой.

Под 6495 (987) г. Владимир, сообщив собранным боярам и старцам градским о выслушанных им речах греческих проповедников, спрашивает их: «Да что ума придасте? что отвѣщаете?» Прямой ответ на этот вопрос находим ниже: «Отвѣщавше же боляре рекоша: аще бы лихъ законъ Гречьскій, то не бы баба твоя прияла, Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣхъ челоувѣкъ»; поэтому предшествующий рассказ об испытании вер посредством посольства считаем вставкой.

Можно указать и на другие вставки, но мы ограничиваемся пока приведенными примерами.

¹ В текст Лаврентьевского списка вносим несколько поправок, предложенных издателем.

² Так в Лаврентьевском списке, а вторая редакция ПВЛ исправила для согласования с предыдущим: «възложи».

Итак, анализ текста ПВЛ приводит к представлению о более древнем или даже о более древних сводах, ей предшествовавших: в них не было, например, рассказов о мести Ольги, не было рассказа о смелом юноше, спасшем Киев от печенегов, не было договора Святослава с греками, рассказа об испытании вер посредством посольства, благочестивых рассуждений по поводу крещения Ольги и т. д.

§ 13. В начале списков Новгородской 1-й летописи младшего извода (старший извод представлен одним только списком — Синодальным) помещена древняя летопись сначала в более или менее полном виде (приблизительно до 1016 г.), потом в кратких извлечениях (1017—1052 гг.), затем опять в полном виде (1053—1074 гг.) и наконец, в отрывках, вполне тождественных с текстом Новгородской 1-й летописи старшего извода. Исследование о сложном составе младшего извода Новгородской 1-й летописи оставляем пока в стороне, но укажем здесь главные выводы, к которым приведет нас ниже это исследование. Новгородская 1-я летопись произошла из более древнего свода, составленного в Новгороде около 1425 г. и называвшегося Софийским временником. Софийский временник соединил данные двух старших сводов: протографа Синодального списка и другого древнего свода. К этому второму источнику возводятся отмеченные выше части Новгородской 1-й летописи младшего извода: во-первых, текст от начала летописи приблизительно до 1016 г., во-вторых, текст 1053—1074 гг. Сравнивая в этих пределах текст Новгородской 1-й летописи младшего извода с текстом ПВЛ, убеждаемся в том, что в первой сохранился более древний текст, чем во второй; в числе доказательств можно привести некоторые из отмеченных выше мест, где мы только что обнаружили вставки в тексте ПВЛ. Так, под 6454 (946) г. в Новгородской 1-й читаем: «И побѣдиша Древляны и возложиша на нихъ дань тяжьку», т. е. именно так, как, по нашему предположению, читалось в своде, предшествовавшем ПВЛ. Так, под 6479 (971) г. в Новгородской 1-й читаем: «И рече: поиду в Русь и приведу болши дружинѣ; и поиде в лодьяхъ», т. е. здесь не помещен договор Святослава с греками, которого не было, как мы предположили, и в своде, предшествовавшем ПВЛ. Это приводит нас к мысли, что в числе источников Софийского временника (откуда Новгородская 1-я младшего извода) был летописный свод, предшествовавший по времени своего составления ПВЛ.

Мысль эта находит себе подтверждение еще в следующих соображениях. Близость текста Новгородской 1-й летописи и ПВЛ стоит вне всякого сомнения; ее можно объяснить или так, что текст Новгородской 1-й (путем Софийского временника) заимствован из ПВЛ, или так, что ПВЛ пользовалась Софийским временником и почерпала свое содержание из него, или, наконец, так, что Софийский временник и ПВЛ восходят к одному общему источнику. Второе объяснение, т. е. возможность влияния Софийского временника на ПВЛ, должно быть отвергнуто, так как Софийский временник возник около 1425 г., а текст ПВЛ сложился в первой четверти XII столетия. Отвергаю и первое объяснение, т. е. возможность извлечения текста Софийского временника из ПВЛ, и это по следующим основаниям: текст Софийского временника представляется значительно сокращенным сравнительно с текстом ПВЛ. Но, оставляя в стороне первые страницы, где изложены древнейшие события, и обращаясь к сравнению Софийского временника с ПВЛ в пределах от призвания варягов и до княжения Владимира включительно

(засим Софийский временник следует некоторое время другому источнику — протографу Синодального списка), видим, что Софийский временник сокращает ПВЛ *систематически*. Так, в нем нет ни одного заимствования из Амартола, нет ни одного договора с греками, нет нескольких сказаний, как, например, сказание о смерти Олега, сказание о четвертой мести Ольги, сказание об отроке Переяславе, сказание о Белгородском киселе. Других сокращений в тексте летописи мы не находим; общие для Софийского временника и ПВЛ статьи переданы первым без всяких пропусков (кроме случайных, механических) с такою же подробностью, как ПВЛ. Ввиду этого нельзя признать текст Софийского временника извлечением или сокращением из ПВЛ: редактор не мог задаться целью опустить в своем труде все заимствованное из Амартола, все четыре договора и т. д. Впрочем, как мы видели выше, из текста самой ПВЛ очевидно, что в предшествовавшем ей своде не находился договор Святослава и что в соответствующем месте этого свода читалось совершенно так же, как читается теперь в Новгородской 1-й летописи (Софийском временнике). Следовательно, пропуск договоров в Софийском временнике может объясняться тем, что составитель держался не ПВЛ, а старшего, чем ПВЛ, свода. Таким образом, мы подходим к третьему из предложенных выше объяснений, и одно это объяснение признаем правильным и согласным со всеми выясняющимися при сравнительном изучении Софийского временника и ПВЛ обстоятельствами. Софийский временник и ПВЛ восходят к общему источнику — к летописному своду, предшествовавшему, следовательно, ПВЛ.

§ 14. Первоначальный состав и объем этого восстанавливаемого путем сравнительного изучения Софийского временника и ПВЛ свода может быть определен пока более или менее предположительно. Имея в виду, что Софийский временник составлен на основании двух источников — этого древнего свода и протографа Синодального списка, мы получаем возможность определить, что именно в тексте Софийского временника восходит к протографу Синодального списка и что, следовательно, заимствовано из другого источника — свода, предшествовавшего ПВЛ. К сожалению, Синодальный список дефектный — он дошел до нас только начиная с середины статьи 6524 (1016) г. Далее текст Софийского временника не дошел до нас в первоначальном виде; он известен, во-первых, в своде, легшем в основание Софийской 1-й и Новгородской 4-й летописей: здесь он соединен с текстом другого свода, содержавшего в составе своем ПВЛ (ср. хотя бы начало Софийской 1-й и Новгородской 4-й летописей, т. е. статьи, читающиеся перед Предисловием к Софийскому временнику); во-вторых, в составе Новгородской 1-й младшего извода: здесь текст Софийского временника осложнен несколькими вставками из того самого свода, что лежит в основании Софийской 1-й и Новгородской 4-й летописей. Таким образом, разложение текста Софийского временника на два источника, лежавшие в его основании, сильно затруднено. Тем не менее мы находим надежный критерий для такого разложения Софийского временника на составные его источники в следующем соображении: к своду, предшествовавшему ПВЛ, могут быть возведены все те статьи Новгородской 1-й летописи (Софийского временника), которые находят себе соответствие в ПВЛ. Следовательно, например, весь текст от 6453 г. до середины статьи 6523 г. (до середины плача Глеба Владимировича) может быть возведен в Новгородской 1-й

летописи к искомому своду.¹ Далее к нему же может быть возведен текст статей 6561—6582 гг.² Ряд соображений, подробно развитых нами ниже, в конце настоящего труда, побуждают нас возвести к тому же своду и начало Новгородской 1-й летописи, несмотря на сильные отличия ее от соответствующей части ПВЛ. Наконец, возводим все к тому же своду самое Предисловие к Софийскому временнику: позволяю себе сослаться на свою статью в Известиях Отделения русского языка и словесности (1908. Кн. 1), где приведены доказательства в пользу того, что Предисловие это восходит к древнему киевскому своду.

Таким образом, исходя из текста Новгородской 1-й летописи и имея еще в виду показания Синодального списка в части от 1016 г., мы в составе Новгородской 1-й летописи младшего извода отличаем: во-первых, текст, восходящий к Софийскому временнику, — сюда относим все то, что не может быть возведено к двум другим источникам; во-вторых, текст, восходящий к своду — родоначальнику Софийской 1-й и Новгородской 4-й летописей: сюда относим похвалу Владимиру под 6523 г., далее вторую половину статьи 6523 г., начиная со второй части плача Глеба Владимировича, вставки в статью 6524 г. (все то, чего нет в Синодальном списке), статьи 6552, 6553, 6555, 6557, 6558, 6559, 6560 гг., конец статьи 6563 г., вторую часть статьи 6566 г., вторую часть статьи 6568 г.; в-третьих, прибавки, сделанные редактором Новгородской 1-й летописи младшего извода: сюда относим вставку имени митрополита Герасима в перечне русских митрополитов.

В Софийском же временнике, в той части его, что доходит до 6582 (1074) г.,³ отличаем: во-первых, текст, восходящий к своду, предшествовавшему ПВЛ: это Предисловие, далее 6362—6523 гг. и, наконец, 6561—6582 гг.; во-вторых, текст, восходящий к протографу Синодального списка: это 6497 г. с приложенными к нему перечнями, 6525—6545 гг. (6546—6558 гг. были оставлены пустыми) и, как кажется, 6559 и 6560 гг. (которые в Новгородской 1-й сближены с другими источниками этой летописи, ср. выше); в-третьих, прибавки, сделанные редактором Софийского временника: сюда относим дополнения в перечнях князей, иерархов и посадников против того объема, какой они имели в протографе Синодального списка, составленном около 1330 г.

¹ Исключение составят: статья 6497 (989) г. о крещении Новгорода и приложенные к ней перечни князей, иерархов, епархий и посадников — эту статью и эти перечни я возвожу поэтому к протографу Синодального списка, хотя вижу сильную редакционную работу со стороны составителя самого Софийского временника, дополнившего некоторые из перечней до своего времени. (Во избежание недоразумений отмечаю, что имя митрополита Герасима не читалось в Софийском временнике, как видно из соответствующих перечней в Новгородской 4-й, например по Новороссийскому списку; ср. ЛЗАК за 1871 г., протоколы). Далее исключением является похвала Владимиру, явно заимствованная, и притом в сокращенном виде, из того свода, к которому восходят Софийская 1-я и Новгородская 4-я летописи. Наконец, возвожу к тому же своду слова «а Ярополкъ же княжа в Киевѣ, и воевода бѣ у него Блудъ», хотя возможно, что эти слова заимствованы из протографа Синодального списка (см. 6480 г.).

² Исключение составят новгородские и псковские известия 6563 г. о клевете на епископа Луку, 6566 г. — о возвращении Луки в Новгород, 6568 г. — о победе Изяслава над сосолами; все эти известия заимствованы из того свода, к которому восходят Софийская 1-я и Новгородская 4-я.

³ За этим годом Софийский временник следует исключительно протографу Синодального списка.

§ 1⁵. Итак, мы видим, что по Новгородской 1-й (Софийскому временнику) могут быть восстановлены лишь некоторые части предшествовавшего ПВЛ свода. Конец свода совсем не находит себе в ней соответствия; не может быть восстановлена и часть от 6524 до 6560 г.; в этой части, как мы видели, составитель Софийского временника следовал протографу Синодального списка, опуская, впрочем, некоторые известия этого вспомогательного своего источника. Причину, почему в Софийском временнике не представлен конец свода, предшествовавшего ПВЛ, а также часть его, обнимавшая годы 6524—6560, я вижу в том, что экземпляр этого свода, бывший в распоряжении составителя Софийского временника, был дефектный: он утратил свое окончание и листы, на которых были события 6524—6560 гг. Составитель Софийского временника, желавший передать свой древний источник полностью, был, однако, вынужден, начиная с 6524 г., обратиться к другому источнику — протографу Синодального списка; с 6561 г. ему удалось вернуться к первому источнику, но уже с 6583 г. пришлось ограничиться списыванием одного второго источника. Таким образом, о составе и об объеме древнего источника Софийского временника — свода, предшествовавшего ПВЛ, — мы можем судить лишь в пределах до 6582 г., и то выключив часть 6524—6560 гг. Но нельзя допустить, чтобы этот свод оканчивался на 6582 г., ибо такое окончание его в экземпляре, бывшем доступным составителю Софийского временника, зависело от случайных причин, от утраты конца свода; в Софийском временнике, по свидетельству Новгородской 1-й летописи младшего извода и Софийской 1-й летописи, статья 6582 г. обрывалась на неоконченной фразе: «абіе цѣловавъ его князь и обѣщася манастиремъ пещися».

Какие же данные могут быть привлечены к решению вопроса, до какого года доходил свод, предшествовавший ПВЛ? Окончание этого свода надо искать, конечно, в тексте ПВЛ, но указание на то, где именно его можно найти в этом тексте, дает, как кажется, смысл Предисловия, предпосланного исследуемому своду и включенного в Софийский временник. Анализ этого Предисловия показывает, что обличительные речи его составителя, обвиняющего современных князей в алчности и плохом управлении, должны быть отнесены к временам Святополка Изяславича, и притом к первым годам его княжения, когда Русская земля неоднократно подвергалась разорению со стороны половцев; эти обличительные речи ведут нас к определенному месту составления Предисловия: Печерский монастырь в лице игумена Иоанна в первые годы княжения Святополка, как мы знаем из патерика (рассказ о Прохоре лебеднике), выступал с резким осуждением князя за его корыстолюбие и насилия. В конце Предисловия составитель свода обещает довести рассказ до греческих царей Алексѣя¹ и Исакия: ряд соображений заставляет отказаться от мысли, что под этими царями разумеются императоры Исакий и Алексий Ангелы, правившие (один за другим) в конце XII и начале XIII столетия. Поэтому под Алексѣем я признаю императора Алексѣя Комнина (1081—1118 гг.), а под Исакием — его старшего брата, Исакия Севастократора, фактического соправителя Алексѣя.² Итак, мы получаем основание искать окончание свода, предшествовавшего ПВЛ, в первых годах княжения Святополка. Останавливаюсь на самом 1093 г., где

¹ Так (Олексѣи) читается в Троицком списке Новгородской 1-й летописи.

² Ср. статью в ИОРЯС. 1908. Кн. 1.

вступления Святополка на княжение; имея в виду длинные благочестивые рассуждения в конце летописной статьи 6601 (1093) г., рассуждения, вызванные поражениями со стороны половцев, — поражениями, вина за которые складывается летописцем на князя Святополка, принимая во внимание свидетельство Татищева, что за этими рассуждениями в некоторых списках читалось слово «аминь», я признаю окончанием свода, предшествовавшего ПВЛ, статью 6601 (1093) г., а именно содержащиеся в ней благочестивые рассуждения по случаю побед половецких и половецкого разорения. Составление же этого свода я отношу на время несколько позднейшее, быть может на 1094 или 1095 г. Высказываюсь относительно времени составления свода неопределенно: это время около 1095 г.

§ 1⁶. Из предыдущего видно, что главным источником нашего знакомства со сводом, составленным около 1095 г., остается ПВЛ; в пределах 6524—6560 гг. и 6582—6601 гг. мы можем судить о составе этого свода исключительно на основании ПВЛ. Но в остальных частях своих он восстанавливается путем сравнения ПВЛ с Новгородской 1-й летописью младшего извода. При этом оказывается, что восстанавливаемый путем внутреннего анализа содержания ПВЛ свод во многих случаях совпадает с текстом свода, восстанавливаемого путем сравнения ПВЛ с Новгородской 1-й летописью младшего извода: так, анализ ПВЛ показывает, например, что в предшествовавшем ей своду не было договоров с греками (заключаем об этом по явно вставленному договору Святослава) и не было рассказа о четвертой мести Ольги; в Новгородской 1-й летописи младшего извода не оказывается также ни договоров с греками, ни рассказа о четвертой мести Ольги. Но в других случаях результаты анализа ПВЛ не совпадают с данными о своде, предшествовавшем ПВЛ, извлекаемыми из Новгородской 1-й летописи младшего извода: так, например, анализ ПВЛ показывает, что некогда в летописном тексте отсутствовал и рассказ о первых трех местях Ольги, между тем этот рассказ читается в Новгородской 1-й; или еще: указанный анализ приводит к заключению, что под 6476 (968) г. некогда в летописном тексте не читался эпизод о смелом юноше и появлении Претича, между тем этот эпизод имеется в Новгородской 1-й; то же относительно эпизода испытания вер посредством посольства и многое другое. Что же доказывает такое несоответствие результатов анализа текста ПВЛ с данными, представляемыми Новгородской 1-й летописью?

Это несоответствие результатов показывает, что ПВЛ предшествовал не один свод, а, по крайней мере, два свода. Непосредственным ее предшественником был свод, составленный около 1095 г. и известный в отдельных частях по Новгородской 1-й летописи; но этому своду предшествовал другой свод, восстанавливаемый путем анализа как ПВЛ, так и соответствующих ей статей Новгородской 1-й летописи.

Задачей настоящего труда является восстановление путем анализа ПВЛ, или, точнее, путем анализа предшествовавшего ей свода, составленного около 1095 г., еще более древнего свода, который мы теперь же назовем Древнейшим Киевским сводом. Непосредственно же предшествовавший ПВЛ свод мы называем Начальным Киевским сводом.

§ 1⁷. В предстоящем нам исследовании мы должны исходить из текста Начального свода. Правда, свод этот не дошел до нас, но мы видели, что он восстанавливается путем исключения из ПВЛ, в пределах 6362—6523 гг. и 6561—6582 гг., всех тех статей, которых не имеется в Новго-

родской 1-й летописи младшего извода. Следовательно, при анализе летописного текста в только что отмеченных пределах мы можем исходить из текста статей, общих ПВЛ и Новгородской 1-й летописи младшего извода. При анализе же летописного текста 6524—6560 гг. и 6582—6601 гг. мы принуждены ограничиться текстом одной ПВЛ, освещая местами путем некоторых соображений вопрос о том, насколько этот текст отклонился от текста непосредственно ему предшествовавшего Начального свода.

ГЛАВА II

ПАМЯТЬ И ПОХВАЛА ВЛАДИМИРУ МНИХА ИАКОВА

§ 2. Этот памятник содержит в себе несколько важных летописных заметок, не находящих себе соответствия в дошедших до нас летописных сводах. Между тем весьма вероятно, что эти заметки извлечены из летописи, ибо многие из них сходны с дошедшими до нас летописными известиями. Вот почему находим необходимым рассмотреть эти заметки, а прежде того проанализировать состав памятника, где они находятся.

Состав сочинения, озаглавленного «Память и похвала князю Рускому Володимеру, како крестися Володимеръ и дѣти своя крести и всю землю Рускую отъ конца и до конца, и како крестися баба Володимерова Олга преже Володимера. Списано Ияковомъ мнихомъ»,¹ весьма сложный. Во-первых, отмечаем явную вставку похвалы Ольге в текст похвалы Владимиру; вставка обнаруживается тем особым заглавием, которое предшествует похвале Ольге («Похвала княгинѣ Олгѣ, како крестися и добръ поживе по заповеди Господни»), а также обращением «Послушайте, възлюблении» в конце этой похвалы, после чего продолжается похвала Владимиру. Во-вторых, видим явную непоследовательность в самой похвале Владимиру: после сообщения о взятии Корсуня и женитьбе Владимира читаем о его кончине, далее находим краткое сообщение о кончине Ольги, засим говорится о самой кончине Владимира и приводится его предсмертная молитва; наконец, за этой молитвой перечисляются (в виде летописных заметок) события сначала после крещения Владимира, а затем до крещения, причем перечень этот заканчивается заметкой о кончине Владимира. В-третьих, видим ряд повторений в составе похвалы Владимиру: так, повторена фраза «крести же и всю землю Рускую отъ конца до конца»; повторено дважды (с незначительным вариантом) «аггели възвеселишася и архаггели»; повторено дважды (с вариантами) «како шедши къ Царюграду и прияла бѣше святое крещеніе»; повторено дважды в составе похвалы Владимиру известие о кончине Ольги; при-

¹ Издания: по сборнику начала XVI в., принадлежавшему И. П. Сахарову, напечатано преосв. Макарием в Христианском чтении (1849. Кн. II); по Макарьевской Четвы Минее (июль, Синодальный список), напечатанной А. И. Соболевским в Чтениях Императорского общества Нестора летописца (Кн. II. С. 21 и сл.); по Мусин-Пушкинскому сборнику 1414 г. (копия начала XIX в.), изданному В. И. Срезневским в 1893 г. в Приложении к тому LXXII Зап. ИАН, № 5; по сборнику 1494 г. Казанской Духовной Академии, изданному им же в 1897 г. в Зап. ИАН (8-я сер. Т. I. № 6).

ведено три раза сообщение о смерти самого Владимира. В-четвертых, в похвале Ольге, вставленной в похвалу Владимиру, также обнаруживаются непоследовательность и повторения; об успении Ольги сказано два раза; после первого сообщения читается о прославлении Богом тела Ольги нетлением, причем эта часть сопровождается в начале и конце сходною фразою: «и Богъ прослави тѣло блаженныя княгинѣ Ольги, ейже имя въ святомъ крещеніи наречено Елена». Все это приводит нас к заключению, что обе статьи — похвала Владимиру и похвала Ольге — дошли до нас не в первоначальном своем виде.

§ 3. Совершенно ясно, что похвала Ольге читалась первоначально отдельно от похвалы Владимиру и лишь впоследствии вставлена в последнюю. Чем же вызвана такая вставка? Не содержал ли текст похвалы Владимиру такого места, которое естественно наталкивало на такую вставку? По-видимому, подобное место есть: мы читаем похвалу Ольге после фразы «Тако же и блаженны князь Володимѣрь створи с бабои своеи Олгои». Упоминание об Ольге и вызвало, как можно предположить, вставку похвалы Ольге, читавшейся некогда отдельно. Раньше я так и думал, причем шел еще дальше, исходя из мысли, что приведенная только что фраза действительно читалась в похвале Владимиру. Я именно признавал продолжением этой фразы следующее место, читающееся уже к концу памятника: «и съ благовѣрною Олгою, и та бо шедши Цѣсарюграду прияла бѣше святое крещенье»; слова «и съ благовѣрною Олгою» стоят непосредственно за сообщением о кончине Владимира, а потому решительно не могут быть связаны с предшествующим текстом. Такое признание, равносильное предположению, что фраза «Тако же и блаженный князь Володимѣрь створи съ бабою своею благовѣрною Олгою» разбита сделанною после слов «съ бабою своею» вставкою, имело для меня следствием необходимость счесть вставкою в текст похвалы Владимиру не только похвалу Ольге, но и непосредственно за нею следующую статью, начинающуюся словами «Блаженны же князь Володимѣрь, внукъ Олжинъ, крестивъся самъ и чада своя» и оканчивающуюся вышеупомянутым сообщением о кончине Владимира. Этот вывод подтверждался тем обстоятельством, что указанная статья в несколько сокращенном виде встречается отдельно от Памяти и похвалы, получив после издания ее А. И. Соболевским название «Древнее житие Владимира». Правда, в отдельном виде своем она не оканчивается упомянутым выше сообщением о кончине Владимира, а продолжена перечнем событий, имевших место после крещения Владимира, и затем событий, случившихся до его крещения; но тот же перечень отыскивается в Памяти и похвале в недалеком соседстве от предполагаемого окончания выделяемого из него особого памятника, а именно в самом конце Памяти и похвалы. Таким образом, анализ сводного памятника, озаглавленного «Память и похвала Владимиру», обнаруживал в нем следующие части: 1) самую Память и похвалу в двух отрывках: первом, от начала до слов «Тако же и блаженный князь Володимѣрь створи съ бабою своею Ольгою» включительно, и втором, от слов «и съ благовѣрною Олгою: и та бо шедши Цѣсарюграду» до слов «того ради примуть вѣнецъ красоты отъ руку Господня»; 2) похвалу Ольге, ясно выделяющуюся из состава памятника; 3) древнее житие Владимира в двух отрывках: первом, от слов «Блаженны же князь Володимѣрь, внукъ Олжинъ, крестивъся самъ и чада своя» до «и дары многы присла къ нему и мощи святыхъ даста ему» включительно, и втором, от слов «По святѣмъ же крещеніи поживе

блаженны князь Володимерь 28 лѣтъ» до конца памятника.¹ Теперь вижу ошибочность моего анализа.

§ 4. Сопоставляю следующие два места Памяти и похвалы: 1) «Яко же вѣроу онъ (Константин) великою и любовію Божією подвижся, утверди всю вселенную любовію и вѣроу и святымъ крещеніемъ просвѣти весь миръ и законъ Божій по всей вселеннѣй заповѣда и раздруши храмы идольскыя съ лжеименными богы, святыя же церкви по всей вселеннѣй постави на хвалу Богу, въ Троици славимому, Отцу и Сыну и Святому Духу, и крестъ обрѣте, всего мира спасеніе съ божественною и богомудрою матерью своею святою Еленою и с чяды своими, приведе къ Богу святымъ крещеніемъ бесчисленное множество и *требища* бѣсовская потреби и *храмы идольскыя* раздруши и *церквами украси* всю вселенную и *грады* и заповѣда *въ церквахъ памяти святыхъ творити пѣны и молитвами и праздницы праздновати* на славу и на хвалу Богу»; 2) «Блаженный же князь Володимерь, внукъ Олжинъ, крестився самъ, и чяда своя и всю землю Рускую крести отъ конца и до конца, *храмы идольскыя и требища* всюду раскопа и посѣче и идолы вся съкруши и всю землю Рускую и *грады* честными иконами *церкви украси, и памяти святыхъ въ церквахъ творяше пѣнемъ и молитвами, и праздноваше свѣтло праздницы* господьскыя». Связь между обоими местами совершенно очевидна: Владимир сравнивается с Константином, и ему приписываются деяния, сходные с деяниями Константина; следовательно, оба отрывка должны были первоначально следовать друг за другом, и второй отрывок должен был начинаться словами: «Также и блаженный князь Володимерь»; эти слова мы и читаем за первым отрывком, но за ними следует неожиданно: «сѣтвори съ бабою своею Олгою», а засим похвала Ольге. Отсюда видно, что эта похвала разорвала две части похвалы Владимиру: благодаря этому вторая часть похвалы (со слов «Блаженный же князь Володимерь, внукъ Олжинъ, крестився самъ») приобрела характер самостоятельного произведения и могла быть даже выделена как особое сочинение (см. выше). Но откуда же попали стоящие между обоими отрывками слова: «сѣтвори съ бабою своею Олгою», — слова, несомненно вызвавшие помешение вслед за ними похвалы Ольге?

Мне кажется, что они должны иметь связь со словами: «съ божественною и богомудрою матерью своею святою Еленою», читаемыми в первом отрывке. При этом выясняется, что первый отрывок не представляет единства; в нем явным образом слиты два приступа к сравнению Владимира с Константином: первый приступ, начинаясь словами: «Якоже вѣроу онъ великою и любовію Божією подвижся», оканчивается словами: «съ божественною и богомудрою матерью своею святою Еленою»; второй приступ не сохранил своего начала, он дошел до нас от слов «съ чяды своими» и до слов «на славу и на хвалу Богу». Второй приступ повторяет то же, что первый, даже иногда в тождественных выражениях; ср. в первом приступе: «...заповѣда и раздруши храмы идольскыя... святыя церкви по всей вселеннѣй постави на хвалу Богу»; а во-втором: «...храмы идольскыя раздруши и церквами украси всю вселенную... и заповѣда.. на хвалу Богу». Как видно из напеча-

¹ Слова «И тако добръ поживе благовѣрный князь Володимерь и сконча житіе свое въ правовѣрнѣй вѣре о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ» должны были быть признаны мною сочиненными редактором для перехода от текста древнего жития ко второму отрывку самой Памяти и похвалы.

танных выше текстов обоих отрывков (ср. набранное курсивом), соответствие находит себе в дальнейшем только второй приступ. Приняв во внимание находящуюся выше в похвале Владимиру фразу: «отвержеса всея діаволя лъсти и прииде отъ тмы діаволя на свѣтъ *съ чады своими*», я думаю, что второй приступ начинался словами: «Якоже онъ (т. е. Константин) отвержеса всея діаволя лъсти и прииде отъ тмы діаволя на свѣтъ *съ чады своими*» и далее продолжался: «и приведе къ Богу святымъ крещеніемъ бесчисленное множество, и требища бѣсовская потреби, и храмы идольския раздруши и церквами украси всю вселенную и грады и заповѣда въ церквахъ памяти святыхъ творити пѣньи и молитвами и праздники праздновати на славу и на хвалу Богу»; засим следовало: «такоже и блаженны князь Володимеръ, крестивъся самъ и чада своя и всю землю Рускую» и т. д.

Текст первого приступа нам известен, но где же соответствующая ему вторая часть сравнения? Первый приступ оканчивается словами: «съ божественною и богомудрою матерью своею святою Еленою». Ищем поэтому соответствующую ему вторую часть сравнения в словах: «Тако же и блаженны князь Володимеръ сътвори съ бабою своею Ольгою». Но, конечно, эта фраза не окончена; за ней следовало подробное перечисление того, что сделали Ольга и Владимир; вместо того читаем теперь похвалу Ольге.

§ 5. Наличие двух отрывков, где проводится сравнение Владимира с Константином, убеждает в том, что в Памяти и похвале слиты два сочинения, одинаково относившиеся к Владимиру, восхвалявшие его добродетели, перечислявшие его подвиги. Между обоими сочинениями замечалось сильное сходство; одно из них составлено было под влиянием другого; ср. предложенное выше сопоставление первого и второго приступов к сравнению Владимира с Константином.¹ Позднейший редактор слил оба эти сочинения. Различить в настоящее время, что именно в сводном тексте восходит к одному и что к другому источнику, представляется делом весьма сложным. Мы не решаемся предпринять здесь этой работы, так как она, если бы и удалась нам, слишком отвлекла бы нас от прямой нашей задачи. А задача эта состоит в определении отношения к начальной летописи тех летописных заметок, которые читаются в конце Памяти и похвалы. Трудно решить, принадлежали ли эти заметки сочинению Иакова мниха или другому слитому с ним сочинению анонима. Но совершенно ясно, что эти заметки попали в конец Памяти и похвалы в результате той редакционной работы, которой подверглись оба слитые в Памяти и похвале сочинения. Думаю, что заметки эти перенесены в конец памятника потому, что редактор дал предпоч-

¹ В Слове о законе и благодати находим также сравнение Владимира с Константином: «Онъ съ святыми отци Никиискаго збора законъ челоукомъ полагаше; ты же с новыми отци нашими епископы снимаяся часто, съ многымъ смиреніемъ свѣшевашеся, како в челоуцѣхъ сихъ новопознавшихъ законъ уставити. Онъ въ Елинѣхъ и Римлянѣхъ царство Богу покори; ты же, о блаженниче, подобно; уже бо и въ онѣхъ и в насъ Христосъ царемъ зовется. Онъ *съ матерью своею Еленою* крестъ отъ Иерусалима принесоша и по всему миру своему раславша, вѣру *утвердиста*; ты же *съ бабою своею съ Ольгою*, принесша крестъ отъ новаго Иерусалима Костянтина града, по всей земли своей поставивша и вѣру Христоу утвердиста». Но отдельные части сравнения не содержат тавтологии, подобной той, которую мы обнаружили в Памяти и похвале. Вместе с тем ясно, что в Памяти и похвале сравнение (в особенности в первом приступе) составлено не без влияния Слова о законе и благодати.

тение тому историческому материалу, который читается теперь в середине его; иначе — летописные заметки принадлежали одному из слитых в одно сочинение, а рассказ о победах Владимира над радимичами, ятвягами, серебряными болгарами и козарами и о взятии им Корсуня — другому. Редактор дал предпочтение рассказу этого другого своего источника; рассказ же первого источника отнес в конец своего труда. Вот почему мы признаем необходимым рассмотреть эти летописные заметки вне связи с остальным текстом Памяти и похвалы; у нас нет достаточно надежных данных для определения, какие еще части Памяти и похвалы должно возвести к тому сочинению, где содержались означенные заметки.

§ 6. Впрочем, в виде предположения, которому не придаю особенного значения, высказываю следующие соображения. Перед первой, точнее старшей, летописною заметкою, а таковою считаю сообщение: «И съде въ Киевѣ на мѣстѣ отца своего Святослава и дѣда своего Игоря», читаем: «Блаженный князь Володимеръ имяше скровище свое на небесѣхъ, съкрывъ милостынею и добрыми своими дѣлы; тамо и сердце его бѣ, въ царствіи небеснѣхъ, и Богъ поможе ему»; перед первыми историческими известиями в середине Памяти и похвалы, а именно перед словами «и побѣждале вся врагы своя, и бояхуся его вси; идѣже идяше, одолѣваше: Радимици побѣди» и т. д., читаем: «Тако же пребывающу князю Володимеру въ добрыхъ дѣлѣхъ, благодать Божіа просвѣщаше сердце его, и рука Господня помогааше ему». Не следует ли отождествить эти обе переходные фразы? Ср. в особенности конец их: «и Богъ поможе ему», с одной стороны, «рука Господня помогааше ему» — с другой. Если такое отождествление возможно, то весьма правдоподобно, что все летописные заметки, и притом изложенные в хронологическом порядке (а не так, как они читаются теперь), должны быть отнесены непосредственно за описанием добродетелей Владимировых, в особенности же милостыни его (отрывок «Боле же всего бѣше милостынѣю творя князь Володимеръ... вся милуя и одѣвая и накормя и напаяя»). Если же вместо них мы находим в дошедшем до нас тексте другой рассказ, то он восходит к другому сочинению и вытеснил летописные заметки потому, что редактору он показался интереснее и важнее. Этот другой рассказ обстоятельно излагает эпизод взятия Корсуня, между тем как в первом рассказе о взятии Корсуня упомянуто лишь мимоходом. Не следует ли видеть в этом указание на влияние Корсунской легенды на этот другой рассказ, на этот другой вид похвалы Владимиру? Первый вид, по-видимому, совсем не знал этой легенды; между тем второй вид использовал ее. При этом выясняется сходство между соответствующим Корсунской легенде рассказом и между памятниками житийной литературы о Владимире.

Слова «умысли же и на Гръчкыи градъ Корсунь. И сице моляшеся князь Володимеръ Богу: Господи, владыко всихъ, сего у тебе прошю: даси ми градъ да прииму ѿ и да приведу люди крестіаны и попы на свою землю и да научать люди закону крестьяньскому» ср. в проложном житии: «и рече в себѣ: сице створю, пойду въ землю и пленю градъ ихъ и обрящу учителя. Да еже умысли, то створи». Сообщение о женитьбе Владимира и о получении от царей мощей святых: «и даста ему сестру свою и дары многы присласта к нему и мощи святыхъ даста ему» ср. с подобным же сообщением в житии Владимира особого состава (в Плигинском сборнике): «Царь же Константинъ да Василеи дають сестру

свою съ великою честію и много святыхъ мощей».¹ Заметим, однако, что Память и похвала умалчивает о крещении Владимира в Корсуне, между тем как в названных житийных произведениях крещение Владимира происходит именно в Корсуне; эту особенность Памяти и похвалы надо поставить в связь с тем, что и в летописных заметках о крещении говорится до взятия Корсуня.

Таким образом, мы в общем приходим к следующему выводу: существовали два вида Памяти и похвалы мниха Иакова; один более древний: в составе его читались летописные заметки; другой более новый: в состав его вместо летописных заметок введены заимствования из житийных произведений, построенных на Корсунской легенде.² Позднейший редактор слил оба вида Памяти и похвалы в одно целое, но летописные заметки, которые нельзя было соединить с текстом, взятым из житийных произведений, он перенес в конец сводного памятника.

§ 7. Итак, летописные заметки входили в состав древнего вида Памяти и похвалы. Изложим их в их первоначальном хронологическом порядке и сопоставим затем с дошедшими летописными текстами.³

«И съде Киевѣ на мѣстѣ отьца своего Святослава и дѣда своего Игоря; а Святослава кнѣзя Печенѣзи убиша; а Яропѣлкѣ съдѣаше Киевѣ на мѣстѣ отьца своего Святослава; и Ольгу идущю съ вои у Вѣруча града, мость ся обломи съ вои, и удавиша Ольга въ гребли; а Яропѣлка убиша Киевѣ мужие Володимирови. И съде Киевѣ кнѣзя Володимерь въ осмое лѣто по смѣрти отьца своего Святослава, мѣсяца июня въ 11, въ лѣто 6486. Кръсти же ся кнѣзя Володимерь въ 10-е лѣто по убиении брата своего Яропѣлка. И каяшеся и плакашеся блаженни кнѣзя Володимерь всего того, елико сътвори въ поганьствѣ, не зная Бога.⁴ По святѣмъ же крещении пожи блаженни кнѣзя Володимерь 28 лѣтъ. На другое лѣто по крещении къ порогомъ ходи; на третие Кѣрсунъ городъ възя; на четвъртое лѣто цѣрквѣ камяну святѣя Богородица заложи; а на пятое лѣто Переяславль заложи; въ девятое лѣто десятину блаженни христорубивыи кнѣзя Володимерь въда цѣркѣви святѣи Богородици и

¹ Цари греческие и в Памяти и похвале названы также Константином и Василием, а не Василием и Константином, как в летописи (Начальном своде и ПВЛ).

² О событиях Владимирово княжения в этом другом виде Памяти и похвалы читалось: «Радимичи побѣди и дань на нихъ положи, Вятичи побѣди и дань на нихъ положи, Ятвягы взя и Сребряныя Болгарь и на Козары шедь побѣди я и дань взять на нихъ». Это основано на припоминании из летописи, которая, сообщая о походах на радимичей, вятичей и ятвягов, говорит о походе на болгар, а не на серебряных болгар, и умалчивает о походе на козар.

³ При восстановлении первоначального текста принимаем во внимание и указания статьи, извлеченной из Памяти и похвалы, — так называемого древнего жития Владимира.

⁴ За сим в тексте читается: «познав же Бога истиннаго, творца небесъ и земли, покаяся всего, и отвержеся дѣвола и бѣсовъ и вся службы его, и послужи Богу добрыми дѣлы своими и милостиною». Этот отрывок я признаю вставкой, сделанной редактором-сводчиком. Во-первых, в нем повторено то, что стоит непосредственно впереди: «покаявся всего» ср. выше «каяшеся всего»; во-вторых, слова «и послужи Богу добрыми дѣлы своими и милостиною» оказываются заимствованными из предыдущего текста Памяти и похвалы; ср.: «Тако же блаженни кнѣзя Володимерь послужи къ Богу всѣмъ сердцемъ и всею душою», а также: «блаженни кнѣзя Володимерь имѣаше съкровище свое на небесѣхъ, съкрывъ милостиною и добрыми своими дѣлы»; в-третьих, слова «и отвержеся дѣвола и бѣсовъ и вся службы его» также заимствованы из предыдущего текста Памяти и похвалы, где читаем: «и отвержеся вся дѣвола лѣсти», ниже: «уклонився отъ службы дѣвола»; еще ниже: «дѣвола отвергшеся и службъ его поругашася».

отъ имѣния своего. О томъ бо и самъ Господь рече: идеже есть съкро-
вище ваше, ту и сѣрдце ваше будеть.¹ И усьпе съ мирѣмъ мѣсяца июля
въ 15 днь, въ лѣто 6523, о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ».

§ 8. Рассмотрение этих летописных заметок, внесенных в текст Па-
мяти и похвалы, не оставляет сомнения в том, что составитель Памяти
и похвалы имел в своем распоряжении летопись; летопись эта сход-
ствовала как с Начальным сводом, так и с ПВЛ; так, в ней сходно
с этими сводами сообщалось о том, что Святослав убит печенегами и
что после него в Киеве сел Ярополк; далее, что Олег был задавлен
трупами при переходе через мост у города Вручего; далее об убиении
Ярополка в Киеве мужами Владимировыми, о вокняжении Владимира
в Киеве, о закладке Св. Богородицы, о даровании Св. Богородице деся-
тины в девятое лето по крещении и, наконец, об успении Владимира
15 июля 6523 г.

§ 9. Но вместе с тем несомненно, что летопись, использованная со-
ставителем Памяти и похвалы, существенно отличалась от дошедших до
нас сводов. Во-первых, в ней сообщались факты, не попавшие в На-
чальный свод и ПВЛ: так, эти своды не знают о походе Владимира на
другое лето по крещении к порогам (очевидно, против печенегов). Во-
вторых, некоторые события были изложены в ней совсем иначе, чем в
дошедших до нас сводах: так, взятие Корсуня было изложено не в связи
с крещением, а отдельно от него; Владимир взял Корсунь на третье
лето по крещении.² В-третьих, в этой летописи хронологические данные
существенно отличались от данных в дошедших до нас сводах; правда,
дата смерти Владимира (15 июля 6523 г.) тождественна с тою, что дают
Начальный свод и ПВЛ, но все остальные хронологические определения
решительно отличают восстанавливаемую по Памяти и похвале летопись
от дошедших до нас сводов. Владимир после крещения жил, по сооб-
щаемым в приведенных заметках данным, 28 лет; следовательно он крес-
тился в 6495 г. (в Начальном своде и ПВЛ — в 6496 г.); взятие Корсуня
имело место на третье лето по крещении, следовательно в 6497 г. (в
Начальном своде и ПВЛ — в 6496 г.); закладка Св. Богородицы отнесена
на четвертое лето по крещении, следовательно на 6498 г. (в Начальном
своде и Ипатьевском списке она отнесена на 6499 г., в Радзивилловском
списке — на 6497 г.); закладка Переяславля отнесена на 6499 г. (в Началь-
ном своде она опущена, в Лаврентьевском списке отнесена на 6500 г.,
в Радзивилловском и Ипатьевском — на 6501 г.); дарование десятины
Св. Богородице отнесено на девятое лето по крещении, следовательно
на 6503 г. (в Начальном своде и ПВЛ — на 6504 г.). Далее крещение
Владимира, по сообщению рассматриваемых летописных заметок, про-
изошло в десятое лето по смерти Ярополка; смерть же последнего от-
несена на 6486 г. (год вступления Владимира на киевский стол); эта дата
вполне согласована с выведенною нами выше датой крещения Влади-
мира — 6495 г.; между тем в Начальном своде и ПВЛ вступление Вла-
димира на стол и смерть Ярополка отнесены на 6488 г.; но Владимир

¹ Здесь читается теперь отрывок, предшествовавший летописным заметкам, предшест-
вующий и теперь первой из них: «Блаженный князь Володимерь имѣяше скровище свое на
небесѣхъ... И Богъ поможе ему».

² Не придаю значения подробности о том, что у Вручего под Олеговым войском об-
валился мост; в дошедших до нас сводах не говорится об обвале моста; Олега спихнули с
моста. Не существенно и то, что в предполагаемой летописи Св. Богородица была названа
«каменной».

сел на стол в восьмое лето после смерти Святослава, следовательно Святослав умер в 6478 г.; между тем в Начальном своде его смерть отнесена к 6480 г.

§ 10. Как же понять все эти отличия летописи, использованной составителем Памяти и похвалы, от дошедших до нас сводов? Для определения значения этих отличий укажем, что вне сомнения должна быть поставлена их независимость от данных дошедших до нас сводов, т. е. что отличия исследуемой летописи не могут быть объяснены как искажения данных Начального свода и ПВЛ. Это доказывается тем, что ряд соображений заставляет считать данные исследуемой летописи более точными, а потому и более первоначальными, чем соответствующие данные дошедших до нас сводов. Я оставляю в стороне сообщение о крещении Владимира в Киеве, а не в Корсуне, хотя и убежден в том, что предание о крещении Владимира в Киеве древнее предания о крещении его в Корсуне; оставляю в стороне и поход к порогам, хотя и сознаю, что сообщения о таком походе нельзя было ни извлечь из дошедших сводов, ни придумать из головы. Остановлюсь на хронологических данных. Поход на Корсунь и взятие его, по данным византийских и греческих источников, имели место в 6497 (989) г., причем самое взятие Корсуни случилось после апреля 989 г.;¹ итак, дата восстанавливаемой нами летописи подтверждается. Крещение Владимира, по вероятному предположению Голубинского, было отнесено в Несторовом Учении о житии и погублении Бориса и Глеба к 6495 (987) г.: дошедшую до нас цифру 6495 нетрудно объяснить из 6490-е, причем -е было принято за цифру 5;² итак, Несторово показание сходится с показанием исследуемых летописных заметок. Вступление Владимира на стол в 6486 г. подтверждается указанием ПВЛ (под 6360 г.) о том, что Владимир княжил 37 лет, ибо разница между 6523 и 6486 г. составляет 37.³ Дарование Св. Богородице десятины, а следовательно и освящение этой церкви, относится в исследуемой летописи к 6503 г., а в Начальном своде и ПВЛ — к 6504 г.; я даю решительное предпочтение 6503 г., ибо, по показанию соответствующей проложной статьи,⁴ освящение Св. Богородицы имело место 12 мая, а 12 мая приходилось на воскресенье именно в 6503 г., а не в 6504 г., а что освящение нового храма было приурочено к воскресному дню, вряд ли может подлежать сомнению. Итак, четыре даты исследуемой летописи — 6486, 6495, 6497 и 6503 гг. — заслуживают или предпочтения перед соответствующими датами Начального свода и ПВЛ, или находят себе подтверждение в других древних памятниках.⁵

¹ Ср.: *Васильевский В. Г.* Русско-византийские отрывки // ЖМНП. 1876. № 3; барон *Розен В. Р.* Император Василий Болгаробойца. 1883; *Линниченко И. А.* Современное состояние вопроса об обстоятельствах крещения Руси // Труды Киевской Духовной Академии. 1886. № 12. С. 605.

² *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. М., 1900. Т. I.

³ Ср.: *Srkulj St.* Drei Fragen aus dem Taufe des hl. Vladimir // Archiv für slavische Philologie. Bd XXIX. S. 248.

⁴ Статья эта с указанием именно 12 мая известна по прологам XIII—XIV и последующих веков. О празднике 12 мая упоминается уже в Обиходе церковном XIII в. (Румянцевский № 244). Ср.: *Никольский Н. К.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений. СПб., 1906. С. 41. В 1845 г. Бодянский издал эту статью в ЧОИДР (№ 2. С. 22), по прологу Типографской библиотеки, где ошибочно дан день 11 мая.

⁵ Относительно 6478 г., как года смерти Святослава, см. ниже § 91.

§ 11. Особого обсуждения заслуживает точная дата вступления Владимира на стол: 11 июня 6486 г. Из первой половины XI в., а тем более из X в., до нас не дошло ни одной точной даты, определяющей какое бы то ни было светское событие; имеющиеся у нас точные даты все относятся к событиям церковным: кончина Ольги (11 июля), убийство варягов-мучеников (12 июля), освящение Св. Богородицы (12 мая), смерть Владимира (15 июля), убийство Бориса (24 июля), убийство Глеба (5 сентября), освящение Вышегородской церкви Бориса и Глеба (24 июля), освящение Св. Софии (4 ноября), освящение Св. Георгия (26 ноября). Как же могла явиться дата 11 июня 6486 г.? Допустим ли мы возможность существования подобной единичной записи для отдаленного события X в.? Этот вопрос имеет существенное значение при изучении исследуемых летописных заметок, ибо от того или иного разрешения его зависит наше отношение к той летописи, откуда они извлечены. Думаю, что 11 июня 6486 г. не было дано в летописи как готовая дата, а было скомбинировано на основании некоторых других данных, заключавшихся в этой летописи, скомбинировано притом составителем Памяти и похвалы. Предполагаю, что составителю Памяти и похвалы была известна из нелетописного источника дата 12 июля 6486 г. как день убийства варягов-мучеников; предполагаю далее, что рассказ об убийстве варягов-мучеников был помещен в летописи непосредственно за известием о вступлении Владимира на стол; в Начальном своде и ПВЛ за словами «И нача княжити Володимѣрь въ Киевѣ единѣ» следует сообщение о поставлении им кумиров и приношении кумирам жертв; предполагаю, что в восстанавливаемой по приведенным выше заметкам летописи, вместо этого сообщения, читался рассказ об убийстве варягов-мучеников, после того, что варяг-отец отказался отдать своего сына в жертву богам. Этот ряд предположений ведет нас к следующему объяснению даты 11 июня 6486 г.: между днем вступления Владимира на стол и жертвоприношением богам, судя по Начальному своду и ПВЛ, прошел целый месяц, ибо между обоими событиями вставлен эпизод с требованием дани со стороны союзников Владимира, варягов; по предположению Владимира варяги прождали дани, после взятия Киева и вступления на стол Владимира, «за мѣсяць» и после того удалились в Царьград; к жертвоприношениям Владимир приступил только после удаления варягов. Соображая все это, составитель Памяти и похвалы вычел один месяц или один месяц и один день из даты 12 июля 6486 г., когда было совершено Владимиром жертвоприношение и убиты святые варяги, для определения дня вступления его на стол; в результате получена дата 11 июня 6486 г. Предложенное объяснение ведет нас к выводу, что летопись, откуда извлечены рассматриваемые летописные заметки, значительно сходствовала с Начальным сводом и ПВЛ; она сообщала об эпизоде с варягами после взятия Киева Владимиром; она содержала и рассказ об убийстве варягов-мучеников, но этот рассказ она помещала вслед за сообщением об эпизоде с варягами.

§ 12. Вниманию исследователя подлежит еще следующее обстоятельство: в летописных заметках сообщено, что на пятое лето по крещении Владимир заложил Переяславль. В ПВЛ также сообщается о закладке Переяславля, но совершенно отсутствовало это известие, судя по Новгородской 1-й, в Начальном своду; в ПВЛ закладка Переяславля поставлена в связь с эпизодом о единоборстве русского богатыря Перея-

слава с печенежским великаном; в Начальном своде нет и этого эпизода.¹ Между тем, если мы на основании предыдущих соображений признаем восстанавливаемую по рассматриваемым заметкам летопись старше, чем Начальный свод и ПВЛ, то мы вправе предположить, что текст ее должен был быть ближе к Начальному своду, чем к ПВЛ, происшедшей из Начального свода. Отметим далее, что в восстанавливаемой летописи о закладке Переяславля сообщалось на следующий год после закладки Св. Богородицы; в ПВЛ о закладке Переяславля говорится только через год после закладки Св. Богородицы, а между тем и в Начальном своде, и в ПВЛ на следующий год после закладки Св. Богородицы сообщается о закладке Белгорода. Решаюсь предположить, что и в восстанавливаемой летописи читалось: «а на пятое лѣто заложи Бѣлгородъ», причем замену Белгорода Переяславлем отношу на счет редактора сводного текста Памяти и похвалы, знакомого, по-видимому, с ПВЛ.

§ 13. Трудно сказать что бы то ни было положительного о времени составления исследуемой летописи на основании текста летописных заметок в Памяти и похвале. Если бы нам было известно время составления самой Памяти и похвалы, то мы бы могли заключить и о времени существования исследуемой летописи, использованной ее составителем. Но никаких данных о времени составления Памяти и похвалы мы не имеем. Считаю все-таки вероятным относить этот памятник (в первоначальном его виде) к глубокой древности; и одним из доказательств я признаю то обстоятельство, что Память и похвала не знает того, что Владимир крестился в Корсуне, придерживаясь старшего, еще не вытесненного, предания о том, что Корсунь был взят уже после крещения.²

¹ Текст ПВЛ был дополнен несколькими народными сказаниями сравнительно с текстом Начального свода, например сказанием о четвертой мести Ольги, об осаде печенегами Белгорода.

² Открытым оставляю вопрос о том, можно ли отождествлять автора Памяти и похвалы (старшего вида этого сочинения), Иакова мниха, с Иаковом мнихом, упоминаемым в Начальном своде и ПВЛ под 1074 г. Обращаю внимание на то, что слова «и о сыну его, реку же святую и славную мученику Бориса и Глѣба» в начале Памяти и похвалы имеют характер явной вставки, нарушившей течение следующей ясно выраженной мысли: «Такожде и азъ, худый мнихъ Иаковъ, слышавъ отъ многихъ о благовѣрнемъ князѣ Володимѣрь (всѣя Русскыя земля, о сыну Святославль), и мало собравъ отъ многыя добродѣтели его написахъ, како просвѣти благодать Божия сердце князю Русскому Володимеру, сыну Святославлю, внуку Игореву». (В скобки я заключил позднейшую, по моему мнению, вставку). Приведенные выше слова вставлены после слова «написахъ». Чем же вызвана эта вставка? Не произвольным ли сближением приведенного только что текста с тем местом в начале житийного сказания о Борисе и Глебе, где автор его обещает поговорить «индѣ» о добродетели Владимира? Такое сближение облегчило догадку, что автором житийного сказания о Борисе и Глебе был Иаков мних, но, разумеется, никакой убедительной силы сближения старого книжника и новейших исследователей не имеют; если же мы удалим приведенную выше фразу, то увидим, что догадка новейших исследователей о том, что житийное сказание о Борисе и Глебе (Родъ правыхъ благословиться) составлено Иаковом мнихом, теряет под собой всякую почву.

ГЛАВА III

СКАЗАНИЯ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ

1

§ 14. В списках ПВЛ под 6523 г. помещено сказание об убиении Бориса и Глеба. Оно известно в двух редакциях: краткой, которую находим в Лаврентьевском и Радзивиловском списках, и пространной, которую видим в Ипатьевском и Хлебниковском списках. Обе редакции отличаются одна от другой, главным образом, следующими особенностями. В пространной редакции в выписке, относящейся к ангелам и бесам, имеется фраза, опущенная в краткой: «Рече бо: кто идетъ прелестить Ахава, и рече бѣсь: се азъ иду»; за этой выпиской читаем в пространной редакции Псал. 57, 1—5 («тѣмъ же и Давыдъ глаголаше: аще во истину... по образу и змиину»), что в краткой опущено; после сообщения о возвращении к Святополку убийц Глебовых читаем в пространной редакции Псал. 36, 14, 15, 19 и 20 («и паки оружие... яко дымъ погибнуть»), что в краткой опущено; ниже, перед сообщением о перенесении мощей Глебовых, в пространной редакции читаются Псал. 51, 3—7 и Притч. I, 26 и 31 («яко бритва изострена... отъ земля живущихъ. Якоже и Соломонъ рче: азъ вашей... и своя нечѣсти насытитъся»).

Кроме того, отметим, что в похвале Борису и Глебу, которую сопровождается в ПВЛ сказание, в Лаврентьевской летописи опущена фраза: «Радуйся, церкви, свѣтозарное солнце стяжавъши, въсходъ всегда просвѣщаетъ въ страдании ваю въ славу мученикомъ».

Имея в виду что вообще Лаврентьевская представляет более древнюю и менее сложную редакцию, чем Ипатьевская и Радзивиловская летописи, я думаю, что и в данном случае редакция сказания о Борисе и Глебе по Лаврентьевской летописи древнее, первоначальнее, чем распространенная указанными вставками редакция Ипатьевской летописи. В дальнейшем исследовании мы будем исходить из редакции Лаврентьевской летописи.

§ 15. Вопрос о том, как сложилось дошедшее до нас летописное сказание о Борисе и Глебе, выдвигает прежде всего вопрос, не дошла ли до нас более древняя редакция его в Новгородской 1-й летописи, которая, как мы знаем, содержит отрывки из Начального Киевского свода. Ответ на этот вопрос необыкновенно осложняется следующим обстоятельством. Экземпляр Начального свода, бывший в распоряжении составителя Новгородской 1-й летописи (точнее, предшествовавшего ему свода, Софийского временника 1421 г.), был дефектный; кроме утраченного конца, в нем недоставало нескольких листов в середине; листы эти обнимали, во всяком случае, текст от 6524 до 6560 г.: это видно из того, что весь текст Новгородской 1-й летописи под этими годами восходит к Синодальному списку и к Новгородскому своду 1448 г. Но текст 6523 г. — читался ли он в дефектном экземпляре?

Мы не сомневаемся в том, что под 6522 и предшествующими годами Новгородская 1-я следовала тексту Начального свода: в этом убеждает тождество ее текста с ПВЛ. Первое сомнение возникает уже в начале статьи 6523 г. Похвала Владимиру оказывается заимствованною (и притом в сокращении) из Новгородского свода 1448 г. (ср. Софийскую 1-ю и Новгородскую 4-ю). Но переход от Начального свода к другому источнику мог произойти здесь не по причине дефектности Начального

свода, а по причине особой краткости редакции этой похвалы в Начальном своде; сошлюсь на Лаврентьевскую: она, в общем, первоначальнее Ипатьевской, но в ее похвале Владимиру видим сокращение текста Ипатьевской; составителю Лаврентьевской пришлось обратиться к этому другому тексту, вероятно, потому, что даже в ПВЛ редакции 1116 г. (которую, в общем, так хорошо передает Лаврентьевская) похвала Владимиру была краткая, неудовлетворявшая читателя (см. ниже § 27). Итак, возможно, что Начальный свод в дефектном экземпляре, над которым работали в Новгороде в 1421 г., содержал начало статьи 6523 г. Последующий текст, озаглавленный «О убиении Бориса и Глѣба», оказывается сначала, и притом на значительном пространстве, весьма близким к тексту ПВЛ; я поэтому решительно склоняюсь к мысли о том, что он заимствован в Новгородскую 1-ю летопись из Начального свода. Но до каких же мест идет заимствование? Рассказ об убиении Глеба настолько расходится с соответствующим текстом ПВЛ, что он, во всяком случае, не может быть возведен к Начальному своду; но, имея в виду текст Лаврентьевской летописи, заключаем, что отличия Новгородской 1-й от ПВЛ начинаются несколько выше. В Новгородской 1-й оказывается налицо отмеченная выше фраза, отсутствующая в Лаврентьевской: «Рече бо Богъ: кто идетъ прельститъ Ахава? и рече бѣсъ: се азъ иду»; ниже в ней читается Псал. 57, 1—5, отмеченный также выше и отсутствующий в Лаврентьевской. Следовательно, уже в этом месте Новгородская 1-я отстает от Начального свода. Отступая от Начального свода, Новгородская 1-я оказывается тождественною с Софийскою 1-ю; следовательно, она заимствует здесь свой текст из Новгородского свода 1448 г. Это обстоятельство дает нам указание на то место, где начинаются заимствования из свода 1448 г.; первую фразу, тождественную с Софийскою 1-ю и не сходную с ПВЛ, оказывается: «а ангели на благое слеми *суть*»; так и в Софийской 1-й; между тем в списках ПВЛ: «ангели на благое посылаеми» (Лаврентьевском), «а ангели на благое» (Радзивилловском и Ипатьевском), «ангели бо на благое слеми бывають» (Хлебниковском). Место, где начинались заимствования из свода 1448 г., не соответствовало, по-видимому, месту, где оканчивались заимствования из Начального свода; на пространстве еще десятка или двух десятков строк составитель Новгородской 1-й имел возможность следовать все тому же Начальному своду: это ясно из продолжающегося сходства с ПВЛ. Только после слов «лучше бы ми умрети съ братомъ, нежели жити на свѣтъ семъ прельстѣнѣмъ; аще бо быхъ, брате мой, видѣлъ лице твое ангелское» текст Начального свода оставляется совсем, и составитель переходит к своду 1448 г.

Итак, текст статьи об убиении Бориса и Глеба в Новгородской 1-й летописи я возвожу: а) к Начальному своду включительно до фразы «аще бо быхъ, брате мой, видѣлъ лице твое ангелское»; при этом отрывок «а ангели на благое слеми — ярость ихъ по образу змѣину» восходит к своду 1448 г.; б) к Новгородскому своду 1448 г., начиная со слов «то и селика постиже мя».¹

¹ Текст Новгородского свода 1448 г. в Новгородской 1-й сильно сокращен (составитель Новгородской 1-й младшего извода вообще сокращал свои второстепенные источники). После «не бы памяти ни единомуже ихъ о възыскании телесе святаго» он перешел к статье 6527 г., к сообщению о перенесении Глебовых мошей; при этом вместо «и о свѣтѣмъ Глѣбѣ не вси свѣдаху, яко въ Смоленскѣ убиенъ бысть» он написал: «ясно бо вси вѣдаху, яко въ Смоленскѣ убиенъ, нѣ не вѣдаху, кде положень».

§ 16. Необходимо сделать еще следующую оговорку. В первой части статьи есть несколько мест, которых нет в ПВЛ и которые нельзя возвести к своду 1448 г. (Софийский 1-й). Это, во-первых, вставка в текст псалмов, вложенных в уста Борису: после слов «мнози вѣсташа на мя» читаем: «мнози глаголють о души моей»; ниже после «Господи! услыши молитву мою» вставлено: «внуши моление мое истинною твоею, услыши мя правдою твоею»; во-вторых, после слов «бѣ бо послушливъ отцу» (о Глебе) прибавлено: «и любимъ отцемъ»; вместо «нежели жити на свѣтъ семь» читаем: «нежели жити на свѣтъ семь престельнѣмъ». Ниже мы вернемся к этим особенностям текста Новгородской 1-й, а здесь отметим предположительно, что некоторые из них восходят к Начальному своду.

Возвращаясь к поставленному выше вопросу, нам приходится признать, что Новгородская 1-я летопись, не давая представления о всем объеме сказания о Борисе и Глебе, как оно читалось в Начальном своде, доказывает, что значительная часть его была в Начальном своде тождественна с текстом сказания по ПВЛ. Итак, при анализе летописного сказания о Борисе и Глебе мы должны исходить из того вида, которое оно имеет в ПВЛ.

2

§ 17. Ближайшею задачею нашею признаем определение отношения летописного сказания к житийному сказанию, как мы назовем «Сказание, страсть и похвалу святым мученикам Борису и Глебу», начинающееся со слов: «Родъ правыхъ благословиться». Между летописным и житийным сказаниями оказывается ряд общих, иногда дословно тождественных мест. Это сходство между обоими сказаниями можно объяснить или предположением, что житийное сказание основывается на летописном, или так, что летописное сказание извлечено из житийного, или, наконец, так, что оба они восходят к одному общему источнику. Решение определяющегося таким образом вопроса должно приблизить нас к разъяснению происхождения летописного сказания.

§ 18. Отвергаю самым решительным образом возможность заимствования летописного сказания из подлежащего нашему исследованию житийного. Житийное сказание не содержит в себе ничего существенного, чего бы не было в летописном; оно отличается от летописного сказания одною риторикой;¹ так, в нем вставлены длинные речи и причитания, сначала Бориса, потом Глеба; длинные размышления приписаны самому Святополку после того, что он убил Глеба. Летописное сказание полно определенных фактов; риторики в нем мало; в сущности, риторика прорвалась только в предсмертном причитании Глеба. Мы знаем ценность сообщаемых нашею летописью фактов; если летописец умел так или иначе представить длинный ряд событий X и XI вв., то естественно ему же приписать занесение на письмо фактов, относящихся к убийству Бориса и Глеба; факты эти согласованы с другими, сообщенными им раньше и появляющимися у него позже; так, Глеб

¹ Единственною лишнею фактической подробностью в житийном сказании оказывается указание на место в сообщении о пронзении мечом Бориса на пути следования его убийц с места убийства в Вышегород: «и яко быша на бору, начатъ въскланяти святую главу свою».

совершает путь по Волге и идет к Смоленску, очевидно из Муром, где он посажен отцом на удел; так, Ярослав передает Глебу, когда тот достиг Смядыни, полученное им от Предславы известие о смерти отца и убиении брата; о Ярославе и Предславе летописец говорит и дальше.

§ 19. Не вижу также оснований для допущения общего источника, которым руководились бы, с одной стороны, житийное, а с другой — летописное сказание. За исключением общих с летописью фактов, в житии останутся одни риторика и лирика; следовательно, предполагать для жития отличный от летописи, не тождественный с летописью источник представляется совершенно излишним; риторика и лирика могли быть прямо сочинены составителем жития.¹

§ 20. Итак, я склоняюсь к мысли, что житийное сказание основано на летописном. Составитель, взяв в основание своего труда летописный текст, расширил его риторикой и лирикой, причем, как увидим, руководствовался еще одним источником. Эту мысль, которая, конечно, представлялась бесспорною и некоторым предшествующим мне исследователям, я подтверждаю еще тем, что в житийном сказании имеются фактические заимствования не только из летописного сказания о Борисе и Глебе, но и из других частей летописи. Так, буквально из летописи заимствован в житийное сказание рассказ о битве Ярослава со Святополком на Альте, причем знакомство составителя сказания с летописью сказалось и в предшествующих этому рассказу словах, которыми сжато переданы предшествующие победы Ярослава: «и вьсегда пособиемъ Божиємъ и поспѣшениемъ святою побѣдивъ, елико брани състави, оканъный посрамленъ и побѣженъ възвращаашеся».² Из летописи же заимствован им рассказ о Святополковом пропадении и сопровождающие его рассуждения (сравнение Святополка с Ламехом). Согласно с летописью, составитель житийного сказания сообщил о том, что у Владимира было 12 сыновей от нескольких жен; старшим назван Вышеслав (ср. ПВЛ под 988 г.), вторым — Изяслав (ср. там же), третьим назван Святополк (в ПВЛ под 988 г. он также назван третьим, в Радзивилловском и Ипатьевском списках); при этом читаем: «сего мати прежде бѣ чърницею Гръкыни соущи, и поялъ ю бѣ Яропѣлкѣ, братъ Володимиръ, и ростригъ ю красоты дѣля лица ея; и зача отъ нея сего Святопѣлка оканънааго; Володимиръ же поганъи еще, оубивъ Яропѣлка, и поять женоу его непраздъноу соущую, отъ неяже родися сии оканъныйи Святопѣлкѣ, и бысть отъ дѣвою отъцю и братоу соущую, тѣм же и не любляше его Володимиръ, акы не отъ себе емоу соущую» (ср. ПВЛ под 977 и 980 гг.). Обращение от статьи 988 г. к статье 980 г. имело следствием, что выписки продолжались уже из этой статьи: «а отъ Рогнѣди 4 сыны имѣаше: Изяслава и Мѣстислава и Ярослава и Всеволода, а отъ иноя Святослава и Мѣстислава, а отъ Бѣлгарынѣ Бориса и Глѣба» (ср. совершенно то же в ПВЛ под 980 г.); далее идет распределение княжений между сыновьями Владимира: «посади убо сего оканънааго Святопѣлка въ княжении Пиньскѣ, а Ярослава Новѣгородѣ, а Бориса Ростовѣ, а Глѣба Моуромѣ» (ср. ПВЛ под 988 г.; но там вместо Пинска —

¹ Не отрицаю того, что местами лирические отступления житийного сказания весьма удачны.

² Так в древнейшем списке XII в.; в позднейших (например, в Сильвестровском сборнике XIV в.) вставлен из летописи рассказ и о других битвах.

Туров);¹ составитель сказания умышленно ограничился только четырьмя названными князьями, ибо «о нихъ и повѣсть си есть»; но, как видно из его слов, он знал, где сидели и другие князья, — знал, следовательно, летописную статью 988 г. («и посажа вся по роснамъ землямъ въ княжении, иже инѣде съкажемъ»). Составитель сказания описывает согласно летописи и события, предшествовавшие смерти Владимира (поход Бориса на печенегов), а также самую смерть Владимира; рассказ о последней вложен в уста вестника, сообщающего о ней Борису на возвратном пути его с похода («и се приде вѣстникъ къ нему, повѣдая емоу отчю съмръть, како преставися отецъ его Василии... и како Святопълкъ потаи съмръть отца своего» и т. д.).

§ 21. Каким же сводом пользовался составитель житийного сказания: Начальным ли Киевским сводом или ПВЛ? Думаю, что Начальным сводом, и вот по каким основаниям.

Текст, заимствованный житийным сказанием из летописного, местами оказывается ближе к Новгородской 1-й летописи, чем к ПВЛ. Так, псалом 3, вложенный в уста Борису, в житийном сказании и Новгородской 1-й летописи звучит: «мънози вѣсташа на мя», между тем в ПВЛ (Лаврентьевском, Радзивилловском, Ипатьевском списках) — «мънози вѣстають на мя»; Святопълкъ посылает к Глебу со словами: «отецъ зоветъ ты и не съдравить ти вельми», между тем в ПВЛ — «не съдравить бо вельми»; «погъчеса конь въ рѣвъ и наломи ноги мало» — так в Новгородской 1-й, «ногоу малы» — в житийном сказании, между тем в ПВЛ — «и наломи ему ногу мало».

§ 22. Предположение, что житийное сказание пользовалось не ПВЛ, а Начальным сводом, ведет нас к следующему замечанию. В Начальном своде, во-первых, не было похвалы Борису и Глебу — ибо она не отразилась в житийном сказании; во-вторых, в нем было сообщено подробнее, чем в ПВЛ, о перенесении Глебовых мощей из Смоленска в Вышегород. В ПВЛ читаем: «Глѣбу же убѣну бывшую и повержену на брезѣ межи двѣма колодама, посемъ же вземше везоша ѿ и положиша ѿ брата своего Бориса у церкви святаго Василья». Пропуск перед словами «посемъ же» очевиден. Он восполняется житийным сказанием: «оубиену же Глѣбови и повърженоу на поусть мѣстѣ межу двѣма колодама, и Господь, не оставляяй своихъ рабъ, якоже рече Давыдъ: хранить Господь вся кости ихъ и ни едина отъ нихъ съкроушиться, и семоу святоуоумоу лежащю дълго время, не остави въ невѣдѣнии и небрежении отиноудъ пребыти, нѣ показа: овогда бо видѣша стѣлпъ огньнѣ... и тѣгда съказаша (Ярославу)... и то слышавъ посъла Смолинскоу... и пришедше положиша и Вышегородѣ». Думаю, что и здесь житийное сказание не обошлось без амплификации и еще других вставок

¹ Замена Турова Пинском представляется чрезвычайно любопытною. Не думаю, чтобы она произошла под влиянием того позднейшего (с конца XII в.) перевеса, который Пинск получил над Туровом (о таком перевесе см.: *Грушевський М. С. Історія України—Руси*. Львів, 1905. Т. II. С. 306). Скорее, можно думать, что Туров, прославленный уже чудесами святых братьев и гордившийся монастырем, названным их именами (см. ниже), благочестивый составитель житийного сказания решил не ставить в связь с именем окаянного Святопълка. Быть может, он желал стереть аналогию между современным ему великим князем Святопълком, городом которого был Туров, и Святопълком окаянным Туровским. Укажу еще, что летописец Переяславля Суздальского помещает Святопълка «в Пиньску и в Деревѣхъ»; источником летописца было житийное сказание, подвергшееся распространениям (между прочим, по паримии).

(так, перед сообщением о перенесении мощей Глебовых рассказывается, по летописи, о победе Ярослава и смерти Святополка), но оно доказывает, что в Начальном своде за приведенную фразу «Глѣбу же убиену бывшу и повержену на брезѣ межи двѣма колодама» читалось о явлениях на месте, где он был положен, далее о сообщении, сделанном об этих явлениях Ярославу, и уже затем о перенесении мощей в Вышегород.¹ Составитель ПВЛ выпустил рассказ о событиях, предшествовавших перенесению Глеба (в них упоминался Ярослав), из соображений хронологических, так как иначе получался анахронизм: Ярослав переносит тело Глеба в Киев, а там сидит Святополк.

§ 23. Предположение о том, что житийное сказание пользовалось именно Начальным сводом, а не ПВЛ, ведет нас еще к одному выводу. Мы не находим в житийном сказании тех вставок из Паримийника, которые читаются в ПВЛ; следовательно, их не было и в Начальном своде. Таких вставок две. Во-первых, непосредственно за похвалой Борису и Глебу (которой, как мы предположили, не было в Начальном своде) читаем об убиении Святополком брата Святослава, бежавшего в Угры, и засим, после размышлений Святополка, — длинный ряд благочестивых размышлений о праведных и неправедных князьях; эти рассуждения, как увидим, тождественные с текстом Паримийника, есть основание возводить именно к нему (§ 38). Во-вторых, за сравнением Святополка с Ламехом читаем в ПВЛ: «Съ Ламехъ уби два брата Енохова и поя собѣ женѣ ею; сей же Святополкъ новый Ламехъ² бысть, иже ся убо родиль бѣ отъ прелюбодѣяннѣ, иже изби братию свою, сыны Гедеоновы, тако и съ бысть»; то же читаем в Паримийнике, и притом полнее.³ Впрочем, признаю возможность и того, что житийное сказание могло опустить, при пользовании летописью, оба указанных места, входящих к Паримийнику, ибо ни то ни другое не относится непосредственно к ходу житийного повествования. Ниже я вернусь к вопросу о Паримийнике и представлю другие соображения в пользу того, что им не пользовался Начальный свод.

§ 24. Чтобы покончить с вопросом о житийном сказании, укажу на второй его источник. Это Несторово «Чтение о житии и о погублении блаженную стростотърпыцю Бориса и Глѣба». Предположение о влиянии Несторова сказания на житийное основывается на следующих сближениях текста того и другого сказания.

У Нестора указано, что Владимир при крещении получил имя Василия; в житийном сказании: «отецъ его Василеи, въ се бо имя нареченъ въ святѣмъ крещении». У Нестора читаем, что Борис, узнав о том, что Святополк сидит на столе, «възрадовася, рекыи: сии ми будетъ яко отецъ»; в житийном сказании: «се да идоу къ братоу моему и рекоу: ты ми боуди отецъ, ты ми братъ и старѣи»; непосредственно за этим у Нестора: «идяше же путемъ своимъ, яко овця незлобиво, не помышляше никака же зла на брата своего», а в житийном сказании, также непосредственно за приведенными словами: «и си на оумѣ си помышляя идяше къ братоу своему». У Нестора: «таче повелѣ поставити шаторъ

¹ Быть может, за приведенную фразу следовало: «Господь не остави въ невѣдѣнии и небрежении отинуль быти тѣлеси святаго, нѣ показа е: овогда бо видѣша» и т. д.

² В Лаврентьевском и Хлебниковском исправлено: «Авимелехъ».

³ А именно после «сыны Гедеоновы» в Паримийнике: «послѣдиже жена самого оуломкомъ жърнова оуби с города».

свои и вълѣзъ во нѣ молися Богу съ слезами... и паки падъ на ложи своемъ»; в житийном сказании: «и вълѣзъ въ шатъръ свои плакашеся съкроушенъмъ сърдыцъмъ... а самъ вълѣзъ въ шатъръ свои начать молитву творити вечернюю съ слъзми горькими... по сихъ же леже съпати». У Нестора: «и повелѣ прозвутеру отпѣти заутръню и святое еоуангелие чисти, бѣ бо день недѣльный», в житийном сказании: «бѣ же въ святоую недѣлю, рече къ прозвутероу своему: начъни заутрънюю». Непосредственно за этим у Нестора: «самъ же нача пѣти, глаголя сиче: Господи, что ся оумножиша стужающи ми, мнози востаха на мя... и прочее псалма»; в житийном сказании: «самъ же... начать молитися къ Господоу Богу... и начать пѣти: Господи, что ся оумножиша сътоужающи, мнози востаха на мя и прочая псалмы до коньца». У Нестора Борис, обращаясь к убийцам, говорит: «влѣзъше, братие, скончаите волю пославшаго вы»; в житийном сказании он говорит: «братие, пристоупивъше, сконъчаите слоужьбоу вашу». Нестор рассказывает, что убийцы вонзили в Бориса свои сулицы, а затем, думая, что он мертв, вышли вон; «блаженни же воскочи въ оторопѣ бывъ, изиде изъ шатра и въздѣвъ на небо руцѣ моляшеся, сиче глаголя: благодарю тя, владыко Господи Боже мои, яко сподобилъ мя еси...»; после молитвы Борисовой читаем: «и се ему рекшу, единъ отъ губитель притекъ оудари въ сердце его»; от этого и последовала его смерть; в житийном сказании также сообщается о том, что тело Борисово было прободено копьями; «и яко бысть оураненъ и искочи и шатѣра въ оторопѣ, и нача(ша) глаголати стояще окроугъ его: что стоите зряще? пристоупивъше сконъчаимъ повелѣное намъ. Си слышавъ блаженни начать молитися и милъ ся имъ дѣяти, глаголя... и възрѣвъ на небо съ слезами и горѣ въздъхнуувъ начать молитися сичими глаголы: Господи Боже мои... слава ти, яко сподобилъ мя еси...»; после молитвы Борис приглашает убийц кончить порученное им дело, но житийное сказание умалчивает о том, что он получил тогда удар в сердце.¹ Нестор продолжает: «и тако блаженни Борисъ предасть душу в руцѣ Божии мѣсяца июля въ 24 день»; в житийном сказании: «и абие оуспѣ, предавъ душу свою в руцѣ Бога жива мѣсяца июлия въ 24 день». Ниже, в рассказе об убиении Глеба, Нестор, повествуя о том, как Глеба настигла погоня, пишет об отроках Глебовых: «то ти, положише весла, сѣдяще сътующеся и плачущеся по святомъ»; в житийном сказании: «и абие вьсѣмъ весла отъ роукоу испадоша, и вьси отъ страха омьртвѣша». Сообщив о смерти Святополка, Нестор замечает: «бываетъ бо смерть грѣшнику люта, мнози бо глаголютъ въ рацѣ его видѣвши тако, якоже Ивоульяна² законопреступного»; в житийном сказании: «якоже бо Иоулиянъ цѣсарь, иже многы крѣви святыхъ моученикъ проливъ, горькою и нечеловѣчноую съмърть прия, невѣдомо отъ кого прободенъ бысть копиемъ въ сердце въдрожень, тако и съ, бѣгая, не вѣдыся отъ кого, злыоустрѣбноу съмъртъ прия».

Ввиду приведенных мест я признаю Несторово сказание источником житийного сказания.

¹ Ясно, что Несторов рассказ первоначальнее; отметим еще, что житийное сказание умалчивает о том, что убийцы вышли из шатра, думая, что Борис убит; умолчание об окончательном ударе, полученном Борисом, стоит в связи с тем, что, следуя летописи, житийное сказание сообщает ниже о том, что Бориса прикончили два варяга, когда его уже везли в Вышегород.

² В Сильвестровском сборнике: «и въ оуляни».

§ 25. Известно другое объяснение сходства Несторова и житийного сказаний. Покойный П. В. Голубовский в своем талантливом исследовании о службе святым мученикам Борису и Глебу в Иванической минее,¹ отметив совпадение Нестора и составителя житийного сказания в сравнении Святополка с Юлианом, объяснял его тем, что оба они — Нестор и составитель другого сказания — имели в своем распоряжении общий источник — Вышегородские церковные записки. Я не отрицаю наличности у обоих авторов церковных записок, ведшихся в Вышегородской церкви, но эти записки содержали, как это думает и Голубовский (с. 131), записки о чудесах Бориса и Глеба; признавать их литературную обработку сказаний о Борисе и Глебе мы не имеем основания (ср. ниже § 45). Можно быть уверенным, что Нестор дал бы более совершенное произведение, если бы у него были предшественники. Можно думать, что наличность литературной обработки сказания при Вышегородской церкви делала бы излишними новые обработки — обработку Нестора и составителя житийного сказания. Таким образом, допущение, что общие места, как, например, «искочи изъ шатра въ оторопѣ», «вълѣзь въ шатъръ моляшеся Богу», упоминание Юлиана законопреступного, попали к Нестору и к составителю житийного сказания из общего источника, привело бы к предположению о существовании предшествовавшей Несторову труду обработки сказания. Такое предположение мы не считаем вероятным и потому, отвергнув объяснение П. В. Голубовского, признаем, что в числе источников житийного сказания был труд Нестора.

§ 26. Тот же исследователь, не успевший, к сожалению, выпустить в свет готовившееся им сочинение о Несторе и Иакове Мнихе (ср. с. 130 названной статьи), отметил еще один письменный источник житийного сказания — это службу св. Борису и Глебу. «У Иакова Мниха,² — говорит П. В. Голубовский, — рассказ о смерти св. мучеников, как и в летописи, заканчивается их прославлением. Иаков Мних был очень талантливый писатель, умевший искусно сливать воедино разнородные материалы, которыми ему приходилось пользоваться. Поэтому его нельзя уловить в подражаниях тем или иным словам и выражениям. Тем не менее необходимо указать следующие совпадения в лирической части труда Иакова Мниха и в песнопениях нашей службы». Таких совпадений Голубовский указывает всего два, а именно в 7-м и 9-м песнопениях Иванической службы. Не отрицая отмеченного совпадения, замечу, что 7-е и 9-е песнопения находятся в позднейшей редакции службы, возникшей, по Голубовскому, в первой половине XII в.; их нет в древней редакции, составленной митрополитом Иоанном (см. сравнительную таблицу песнопений обеих редакций у Голубовского, с. 132); следовательно, вероятнее думать, что оба эти песнопения составлены под влиянием житийного сказания; появление последнего нет основания относить ко времени, скажем, позже 1125 г.

¹ Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Киев, 1900. Кн. XIV, вып. III. С. 156.

² П. В. Голубовский называет составителя житийного сказания, следуя другим исследователям, Иаковом Мнихом.

§ 27. Перехожу к другому, краткому сказанию о Борисе и Глебе, имеющему непосредственное отношение к летописи.

Н. К. Никольский среди проложных сказаний о святых Борисе и Глебе, восходящих большею частью к житийному сказанию, отметил один особый вид, признанный им сокращением «летописных известий под 1015 г., но в древнейшей (не дошедшей до нас) редакции их».¹ Этот вид проложного сказания озаглавлен: «Мѣсяца іюля въ 24 день, память творимъ новоявленную мученику Христову Бориса и Глѣба» и встречается в прологах с XIII—XIV вв.² Не подлежит сомнению, что определение Никольского верно: текст этого проложного сказания действительно извлечен из летописи, и притом из летописи старшей редакции, чем те летописи, что дошли до нас. В доказательство своей мысли Никольский привел то обстоятельство, что в этом сказании сохранился древний вид похвалы князю Владимиру, подвергшийся в дошедшей до нас летописи, следовательно в ПВЛ, значительному распространению. Вот текст похвалы, читающейся непосредственно за словами «и тако чѣстнѣ съкоуташа тѣло его съ плачемъ, блаженаго князя».

«Се бо естъ новии Костянтинъ Великаго Рима, иже крестивъся самъ и люди своя; тако и съ сѣтвори подобно ему. Сего бо въ память държать князи Русьстии и людие, поминающе святое крещение и прославляютъ Бога въ молитвахъ и пѣснехъ и псалмѣхъ, поюще Господеви новии людие, просвѣщении Святымъ Духомъ, чающе надежа великаго Бога Спаса Господа нашего Ісуса Христа въздати комоуждо противоу дѣломъ и неизреченноюю радость, юже боуди оулоучити всѣмъ хрестияномъ».

Эта похвала вошла в состав и той похвалы, что читается в ПВЛ. Доказательство того, что похвала настоящей редакции древнее похвалы ПВЛ, см. у Н. К. Никольского в его статье «Один из источников летописного сказания о крещении Владимира».³

§ 28. Прежде чем отметить еще несколько древних черт в тексте проложного сказания, укажем, что оно, кроме летописи, руководствовалось еще одним источником. Этим вторым источником признаем опять Несторово сказание. Приведем доказательства.

Проложное сказание говорит: «Борисъ бѣше изъмлада наоученъ страху Божию и божествѣныхъ писани»; Нестор: «блаженъ Борисъ въ разумѣ сѣи, исполнѣнъ благодати Божия, взимаше бо книги и чѣташе, бѣше бо и грамотѣ наоученъ». Проложное сказание говорит о Владимире: «въ крещении же нарѣченъ Василии»; Нестор: «вчера елинь Владимиръ нарицающа, днесъ крестьянъ Василии нарицається».⁴ Проложное сказание: «и распусти воя своя»; у Нестора: «и цѣлова вся, ти тако отпусти я».⁵ Проложное сказание: «и тако скончася блаженъ Романъ, сие бо имя наречено бысть въ крещении»; у Нестора: «бѣше же блажену Борису створено имя въ крещеньи Романъ». Проложное сказание: «и тако скончася блаженъ Давыдъ, сие бо наречено бысть въ крещении имя емоу

¹ Никольский Н. К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений. С. 277—279.

² К указанным Н. К. Никольским спискам прибавлю рукопись Паримийника 1271 г., л. 261.

³ «Христианское чтение» за 1902 г.

⁴ Летопись не дает христианского имени Владимира.

⁵ В летописи: «и се слышавше вои, разидошася отъ него».

Давыдъ, мѣсяца сѣнтября въ 5»; у Нестора: «святому же Глѣбови сотворено имя Давыдъ», ниже: «и тако святѣи Глѣбъ предасть душу свою в руцѣ Божии мѣсяца сѣнтяврія въ 5 день».¹

§ 29. Все остальное содержание проложного сказания может быть возведено к летописи, как видно, отличавшейся от ПВЛ, между прочим, теми самыми особенностями, которыми отличается (в известной части своей) текст Новгородской 1-й летописи от текста списков ПВЛ. Так, мы читаем здесь, что Глеб «въсѣдъ на конь съ маломъ дружины поиде, *бѣ бо любимъ отцемъ*»; подчеркнутых слов нет в ПВЛ, но они есть в Новгородской 1-й и, как мы предположили выше, они были и в Начальном своде; далее, как в Новгородской 1-й, сказано, что Глеб стал на Смядине (здесь, впрочем, «выше Смядины») «въ кораблици», между тем в ПВЛ: «въ насадѣ». Глеб произносит следующие слова: «лоуче бы ми оумрѣти съ братьемъ, неже жити въ свѣтѣ семь *прѣльстѣньмъ*»; подчеркнутого нет в ПВЛ, но оно есть в Новгородской 1-й; выше Святополк посылает сказать Глебу: «зоветь тя отецъ и несъдравить *ти* велми», так и в Новгородской 1-й, а в ПВЛ: «несъдравить бо вельми»; ниже: «и наломи конь ноги мало», так и в Новгородской 1-й, а в ПВЛ: «и наломи ему ногу мало».² Чтение «молися и о мнѣ, да быхъ и *азъ съподобленъ тою же страстью пріяти*» можно смело возвести к Начальному своду, ибо оно находит себе полное соответствие и в житийном сказании: «моли о моемъ оунынии, да быхъ *азъ съподобленъ тоу же страсть вѣсприяти*», между тем в ПВЛ: «молися о мнѣ, да и азъ быхъ ту же страсть пріяль».

Сделанные сопоставления ведут нас к неминувшему заключению, что летописью, откуда извлечено проложное сказание, была не ПВЛ, а предшествовавший ей Начальный Киевский свод. Отсутствие похвалы Борису и Глебу, столь подходящей к проложной статье, наводит нас на мысль, что и в Начальном своде не читалась та похвала, что помещена в ПВЛ. Ср. сделанное выше такое же замечание на основании житийного сказания (§ 22).

4

§ 30. Две рассмотренные нами обработки сказания о Борисе и Глебе — житийная и проложная — одинаково привели нас к Начальному своду и Несторову сказанию как к источникам. Нам предстоит рассмотреть теперь паримийное чтение о Борисе и Глебе, известное по памят-

¹ В летописи не указаны крестные имена Бориса и Глеба и не приведен день Глебовой смерти.

² Благодаря сокращению текст передан местами не вполне точно. Про Глеба сказано: «а брату его Глѣбови Ростовъ боудущю»; мы ожидали бы «Муромъ», на основании летописной статьи 988 г.; ниже читаем: «Борису же възвративъшюся и не обрѣтшю поганыхъ», в летописи: «не обрѣтшю Печеньгъ»; быть может, замена произошла оттого, что Нестор, не называющий вообще печенегов (вместо них: ратнии), в одном месте называет этих ратных «погаными» («да спасу люди отъ супротивящихся ему поганъ», — говорит Борис). Далее в сказании читается: «объртъвъше въ шатъръ Бориса» (как и в житийном сказании), между тем как в ПВЛ (и Новгородской 1-й): «оувъртъвъше»; так же: «посла по Глѣба» (как и в житийном сказании), между тем в ПВЛ и Новгородской 1-й: «посла къ Глѣбу». Вероятно, что эти чтения восходят к Начальному своду, а Новгородская 1-я представляет чтения ПВЛ. Замена «пустыни» (Нестор), «брега» (ПВЛ) «дубравой» — «и положенъ въ доубравъ» — принадлежит редакционному произволу, так же как последние слова сказания: «и прѣкрыша расъкъше корабль его и отъидоша оубиница злыя».

никам начиная с XII в.¹ Связь этого чтения с летописным текстом давно отмечена исследователями. Но объяснение ее может быть различное. Можно думать, что Паримийник сходные с летописью места заимствовал из последней, но возможно также предположение, что летопись пользовалась Паримийником и включила в свой состав чтение о Борисе и Глебе. П. В. Голубовский в ценном исследовании, названном выше, доказывает, что составитель паримии не пользовался летописью; фактическая часть заимствована составителем паримии не из летописи, а из какого-то другого источника; автор летописного рассказа воспользовался паримией, сократил ее, переставил несколько выражений. Голубовский готов допустить, что фактические части летописного повествования и паримии имеют общий источник, переданный в той или иной переработке каждым из авторов этих произведений, но в философско-лирической части летописное повествование стоит, по его заключению, в полной зависимости от паримии.

§ 31. Прежде чем приступить к разбору положений, выставленных Голубовским, отмечу общие для летописи и паримии статьи. Паримия в фактической части своей («отъ бытия») начинается с полученной Ярославом в Новгороде вести, содержит далее рассказ о переговорах Ярослава с новгородцами и сообщает о походе Ярослава против Святополка. Засим после отступления, где находим песнопение («Стѣнамъ твоимъ, Вышегородѣ»), читаем о том, что Святополк, не удовольствовавшись убиением братьев, решил убить еще Святослава, бежавшего в Угры; после этого следуют длинные рассуждения о злых и добрых князьях. За ними изложена битва на Альте. Святополк разбит, «давъ плещи и побѣже». Непосредственно за этим сообщается о Святополковой смерти, Святополк сравнивается с Ламехом, убившим двух братьев Еноховых, а ниже еще с Авимелехом, который, однако, во всех древних списках Паримийника назван ошибочно Ламехом. Кроме отмеченного песнопения, текст паримии находит себе в большей или меньшей степени соответствие в летописи. При этом различаются, как это отметил и Голубовский, фактическая и философско-лирическая части: фактическая часть оказывается короче и менее определенной, чем соответствующий летописный текст; напротив, философско-лирическая часть отчасти буквально сходна с летописным текстом, отчасти же дополняет его. Рассмотрю ту и другую часть паримии отдельно.

§ 32. Голубовский допускает, что фактическая часть летописи не зависит от паримии, но он отрицает и заимствование фактической части паримии из летописи; ему приходится допустить, что фактические части летописи и паримии восходят к одному общему источнику. Какие же основания приводит Голубовский против признания летописи источником фактической части паримии? «Рассказ об Альтской битве в паримии изложен гораздо подробнее, причем тут подробности очень интересные, и между тем их нет в рассказе летописном. Следовательно, составитель паримии пользовался не летописью, а каким-то другим источником». Так рассуждает Голубовский. Какие же это подробности? И точно ли прав Голубовский, допускающий, что подробности эти, опущенные летописью, свидетельствуют о рассказе очевидца (с. 152)?

¹ Ср. издание этой статьи в Приложении к т. I ПСРЛ. Пользуемся еще списком 1271 г., местами более полным, чем обнаруженный текст.

ПВЛ рассказывает о битве на Альте следующее: «и сступишася обои, бысть съча зла, якоже не была в Руси, и за руки емлюче съчахуся, и ступашася трижды, яко по удолюемъ крови тещи; к вечеру же одолѣ Ярославъ». В паримии читаем (подчеркиваем то, чего нет в летописи): «и съступишася обои, и бысть съча зла, якоже и не была въ Роуси, за роуки ся емлюще съчахоу, и по оудолиемъ крвь течаше, и състоупишася тришъды, и *омеркошася бьющеся, и бысть громъ великъ и тоутънь и дъжгъ великъ и мълния блистание; егда же облистахоу мълния, и блистахоуся оружия въ роукахъ ихъ, и мнози видяхоу вѣрнии ангелы, помогающа Ярославоу*». П. В. Голубовский в другом месте указал, что сходно описана в летописи битва при Листвене между Ярославом и Мстиславом: «и бывши нощи, бысть тьма, *молонья, и громъ и дождь...* и бысть съча силна, яко посвѣтѣше *молонья, блестящеся оружье, и бѣ гроза велика и съча силна и страшна*». Думать, что описание Лиственской битвы заимствовано летописцем из Паримийника, невероятно по двум причинам: во-первых, ночная битва при Листвене поставлена в связь с другими подробностями: Мстислав с вечера исполчил дружину; когда наступила тьма, Мстислав, обращаясь к дружине, говорит: «пойдемъ на ня, то ны есть корысть» (последние четыре слова сохранились в Софийской 1-й); во-вторых, совершенно неясно было бы, зачем летописец не сохранил этого описания при рассказе о Летской битве, если оно ему понравилось настолько, что он перенес его в рассказ о Лиственской битве. Еще менее ясно, как решился выпустить летописец такую подробность предполагаемого своего источника, как явление ангелов, помогавших Ярославу. Напротив, предположение, что описание Лиственской битвы повлияло на описание Летской битвы в паримии, представляется вероятным по следующим соображениям: начало рассказа об этой битве в летописи и паримии не согласовано с последующим описанием ее в паримии; из этого начала видно, что битва началась при восходе солнца («бѣ же пятокъ тогда, въсходящую солнцю»); мало вероятно, чтобы она затянулась до ночи; вероятнее сообщение летописи, что битва окончилась к вечеру (не напрасно составитель Тверского сборника для согласования летописи и паримии пришлось дать чтение: «и едва въ *глубокъ* вечеръ одолѣ Ярославъ»). Следовательно, подчеркнутые выше слова имеют явный признак вставки. Тут же читаем о явлении ангелов, что скорее указывает на книжное мудрствование, чем на рассказ очевидца.

§ 33. Отвергнув, таким образом, ту доказательную силу лишних в паримии против летописи слов, которую придавал им Голубовский, мы отвергаем и его заключение: паримия своим описанием Летской битвы не свидетельствует о пользовании источником, отличным от летописи; текст паримии в этой части может быть целиком возведен к летописи.¹

И другое место в фактической части паримии может быть возведено с полною вероятностью к летописи: это рассказ о сборах Ярослава против Святополка. При этом ясно, что составитель паримии в интересах

¹ Составитель паримии допустил некоторые переделки, и притом неудачные, как отчасти отметил и Голубовский. Так, вместо «крвь брата моего въпить къ тебѣ, Владыко» читаем: «крвь брату моею въпить к тебе, Владыко» («Ярослав, — замечает Голубовский, — стоял в этот момент на месте смерти св. Бориса и потому, естественно, говорит в молитве об одном Борисе»). Начав рассказ словами «Ярославъ же приде в силъ тяжьцѣ», между тем как в летописи: «Приде Святополкъ съ Печеньгы въ силъ тяжьцѣ», составитель паримии ниже вставил после «бѣ же пятокъ тогда, въсходящую солнцю» — «и приспѣ о то чинъ Святополкъ с Печеньги».

духовно-назидательных изменил кое-что в летописном тексте. Так, новгородцы сначала не хотят помогать Ярославу, но потом, вспомнив апостольское слово, согласились; Ярослав сравнивается с Авраамом, который, собрав 318 слуг своих, отбил взятого в плен Лота. Несмотря на это сравнение, число Ярославова войска показано в 6000 варягов и 30 000 прочих воинов.¹

§ 34. Не видя основания не признавать летописи за источник паримии в фактической ее части, мы, напротив, считаем такое признание необходимым. Рассказ о сборах Ярослава в Новгороде, о походе его на Святополка, во всяком случае, носит характер летописный. Как укажем ниже (§ 123), мы в этом рассказе обнаруживаем соединение записей киевских и новгородских; следовательно, мы должны думать, что в цельном виде он появился впервые в своде, и притом в своде летописном, ибо в задачу именно летописных сводов входило соединение исторических записей различных местностей.

§ 35. Признав, таким образом, летопись — и притом в своде, во всяком случае не старшем Начального свода, где впервые соединены были записи новгородские и киевские (§ 115), — источником фактической части паримии, обращаемся к философско-лирической части ее. Здесь мы должны согласиться с Голубовским: есть основания признать эту часть паримии источником соответствующего текста летописи. Так, благочестивые рассуждения о добрых и злых князьях, общие летописи и паримии, представляются мне заимствованными в летописи из паримии на основании следующих соображений. Летопись, передавая рассказ об убийстве Бориса и Глеба, почти не делает отступлений от фактического рассказа; исключение составляет только рассуждение о бесах и ангелах после сообщения об убийстве Бориса; между тем здесь видим значительное отклонение от хода рассказа. Благочестивые рассуждения о добрых и злых князьях в паримии изложены несколько полнее, чем в летописи; так, в паримии после «сяковыя бо Богъ дастъ за грѣхы, а старыя и мудрыя отъиметь» читаем: «отъять бо отъ насъ Богъ Владимира, а Святополка наведе грѣхъ ради нашихъ, якоже дрѣвле наведе на Иероусалимъ Антиоха»; трудно предположить, чтобы эта фраза была сочинена составителем паримии позднее тех рассуждений, в которые она вставлена. Второе место, где замечается совпадение между летописью и паримией, — это рассуждения по поводу смерти Святополка, сравнение его греха с грехом Ламеховым и затем сопоставление Святополка с Авимелехом. Голубовский и это место признает заимствованным в летопись из паримии. Я не отказываюсь следовать за ним и здесь, но со значительною оговоркою. Фраза «и по смерти вѣчно мучимъ есть связанъ» в летописи неясна. «Выходит так, — замечает Голубовский, — как будто Святополка кто-то связал и связанного мучит. Между тем ясный смысл получается у этого места в паримии: „и по смерти вѣчно моучимъ есть связанъ въ дно адоу“, т. е. по смерти, заключенный на дне ада, он вечно мучим. Итак, в летописи ясно текст испорчен, а само собою разумеется, что текст испорченный есть вторичный, а не первичный. Первичным текстом должен быть признан ясный текст паримии». Мы согласны с Голубовским и приведенную фразу признаем заимствованною в летопись из паримии. Но обращаемся к предшествующему тексту. В

¹ В летописи 1000 варягов и 40 000 новгородцев, но, по-видимому, в более древнем изводе читалось не 40 000, а 4000 (ср. Комиссионный список Новгородской 1-й).

летописи читаем: «егоже по правдѣ, яко неправедна, суду нашедшу на нь, по отшествіи сего свѣта, прияша муки оканьнаго; показоваше явѣ посланая пагубная рана, въ смерть немилостивно вѣгна»; в паримии: «егоже по правдѣ, яко неправедна, суду пришьдѣшу и по отшествіи сего свѣта прияша муки оканьнаго, показавѣше явѣ посланая на нь пагубная рана, въ смѣрть немилостивно вѣгна». Нельзя сказать, чтобы текст летописи и паримии был очень вразумителен. Я решительно бы затруднился признать, в которой из них он яснее, и вместе с тем вижу, что первоначально он не мог читаться в таком виде; следовательно, он восходит к третьему, не дошедшему до нас источнику.

§ 36. Источник этот выяснится, если мы обратимся к житийному сказанию; в соответствии с приведенною фразою, мы читаем в нем: «и приять възмѣздіе отъ Господа, якоже показаше¹ посыланая на нь пагоубная рана, и по смѣрти моукоу вѣчноую». Мы знаем, что житийное сказание не пользовалось паримией, но сделало ряд заимствований из Начального свода, до нас не дошедшего. Предполагаем поэтому, что и эта фраза взята из Начального свода, где, по-видимому (ср. текст ПВЛ, паримии и житийного сказания), она звучала так: «и приять възмѣздіе отъ Господа, якоже показаше явѣ посыланая на нь пагоубная рана, и по смѣрти моукоу вѣчноую». Смысл фразы ясный: Святополк получил от Господа возмездие, как показывала посланная на него болезнь, т. е. та самая болезнь, о которой сообщено выше (в летописи и житийном сказании, но не в паримии): «и раслабѣша кости его, не можаше съдѣти на кони, и несяхуть и на носилѣхъ... онъ же в немощи лежа», а по смерти он получил муку вечную. Итак, первоисточником оказывается Начальный свод. Как же попала его фраза в одинаковой порче в паримию и в ПВЛ? Если мы предположим, что паримия основывалась на Начальном своде, то все выяснится: *паримия* заимствовала фразу из *Начального свода*, испортила ее вставками и прибавила к ней слова «въ смѣрть немилостивно вѣгна и по смѣрти вѣчно моучимъ есть, связанъ есть въ дно адоу»;² ПВЛ воспользовалась *паримией* и заимствовала из нее испорченную и осложненную фразу, которую могла бы прочесть в основном своем источнике (Начальном своде) в первоначальном виде.

§ 37. Сделанный нами вывод дает нам возможность отнести несколько иначе, чем наш глубокоуважаемый предшественник, и к следующему тексту. В паримии непосредственно за словами «связанъ есть въ дно адоу» читаем: «понеже вѣдая братоубиство створи; 7 бо мѣстии створи Каинъ, оубивъ Авеля, а Ламѣхъ 70, понеже Каинъ, не вѣдый мѣщения, створи, а Ламѣхъ, вѣдый казнь бывшую на прародители своемъ, оубиство створи, а Святопылкъ вѣдая створи и обою сию горши бысть моука емоу. Рече бо Ламѣхъ своимъ женама: мужа оубихъ въ вѣрѣдъ мѣнъ и оуношу въ язвоу мѣнъ, тѣмъ же, рече, 70 мѣстии на мѣнъ, поне вѣдая створихъ». Для меня совершенно ясно, что соответствующий текст летописи (ПВЛ) первоначальнее текста паримии. Во-первых, в паримии нет фразы «есть же могыла его в пустыни и до сего дне, исходить же отъ нея смрадъ золь»; в летописи она читается непосредственно за словами «и по смерти вѣчно мучимъ есть связанъ»; фраза эта (читающаяся и в житийном сказании) представляется совсем не излишнею в рассмат-

¹ Так в Чудовском списке XIV в., а в списке XII в. ошибочно: показася.

² Ср. выше в Паримийнике: «находить бо ему досада и поношение, бездна глубока, моука вѣчная, послѣдняя же его зрять въ дно адоу».

риваемом рассказе, в особенности ввиду последующего: «Се же Богъ показа на наказанье княземъ Русьскимъ: да аще сии еще сие же створять, се слышавше, ту же казнь приимуть, но и больши сее». И этой фразы (читающейся в несколько измененном виде¹ и в житийном сказании) нет в Паримийнике, а между тем она тесно связана и с предшествующим («Се же» — относится к смраду от Святополковой могилы), и с последующим, а последующее в летописи оказывается сходным с приведенным выше отрывком паримии («понеже, въдая се, створять братоубиство... се въдая створихъ»)². Слово «понеже», конечно, относится к словам «ту же казнь приимуть, но и больши сее»; между тем в Паримийнике, вследствие указанного пропуска, «понеже» отнесено к сообщению о мучении Святополка. В летописи проведена параллель между Каином, приившим семь местей, и Ламехом, приившим семьдесят местей, с одной стороны, и Святополком, тяжело наказанным Богом, и теми русскими князьями, которые в будущем отважились бы на братоубийство, почему их ожидает казнь, бóльшая Святополковой, с другой стороны. Между тем в паримии нет такой выдержанной параллели: с одной стороны, в ней являются Каин и Ламех, а с другой — один Святополк, который, оказывается, принял более тяжелую муку, чем Каин и Ламех; возможные же в будущем князья-братоубийцы не упомянуты. Указанный пропуск в паримии вполне естествен, ибо Паримийник не мог преследовать цели политической; ср. отмеченную выше замену «русскихъ князей» просто «людьми» в соответствующем месте житийного сказания. Итак, я признаю текст летописи от слов «Есть же могила его въ пустыни» до слов «а Ламехъ, въдый казнь бывшую на прародители его, створи убийство» более первоначальным, чем соответствующее место паримии («понеже въдая братоубиство створи — горши бысть моука емоу»). Приняв же сделанный выше вывод относительно предшествовавшего ПВЛ Начального свода, я принимаю, что весь этот отрывок попал в ПВЛ (в точной передаче) и в паримию (в переделке) из Начального свода.

§ 38. За этим отрывком мы читаем в паримии: «Се Ламехъ оуби два брата Енохова, и поять собѣ женѣ ею; сыи же Святополкъ новии Ламехъ бысть, иже ся оубо родилъ бѣ отъ прѣлюбодѣяннѣя, иже изби братию свою, сыны Гедеоновы, *послѣдиже жена самого оуломкомъ жьрнова оуби с города* тако же и сыи Святопѣлкъ». То же, кроме, однако, подчеркнутого, читается в летописи, причем летопись повторяет ошибку паримии, заменившей имя Авимелеха именем Ламеха: Авимелех читаем только в Лаврентьевском и Хлебниковском списках. Я думаю, что поправка Ламеха на Авимелеха принадлежит составителю общерусского летописного свода XIV в., которым пользовались одинаково составитель Лаврентьевской и составитель Хлебниковской летописей (последний поправлял по нему протограф Ипатьевской летописи). Поэтому считаю чтение «Ламехъ», общее летописи и паримии, одним из доказательств в пользу того, что приведенный отрывок попал не из летописи в паримию (составитель последней, хорошо знакомый с Библией, не повторил бы ошибку летописи), а из паримии (куда вкралась ошибка при переписке с первоначального оригинала) в летопись. Другое доказательство приве-

¹ Вместо «на наказанье княземъ Русьскимъ» там читается: «на показание челоувкомъ».

² В летописи, конечно, нет фразы: «а Святополкъ въдая створи и обою сию горши бысть моука емоу».

дено Голубовским: подчеркнутые выше слова, безусловно, принадлежат первоначальному тексту; при ином понимании сравнение Святополка с Авимелехом потеряет значение; важно было указать на то, что как Авимелеха за братоубийство постигла кара на земле, так за братоубийство был покаран и Святополк. Третьим доказательством того, что весь отрывок составлен составителем паримии, считаю самый прием, которым он введен в текст; слова «Се Ламехъ оуби два брата Енохова» и т. д., содержащие пояснение предшествующего, напоминают приведенное выше составителем паримии объяснение к сравнению Ярослава с Авраамом; после слов «и възврати вся коня Съдомьскыя и Лота Ароновича шюрина своего и жену его и имение его» читаем: «и бѣ Лоть Аврамоу сыновѣць и шюринѣ, Аврамъ бо бяше поялъ братьню дощерь Ароновну Сарѣроу»; в сравнении Авраама с Ярополком последний назван «новымъ» Авраамом; в рассмотренном отрывке составитель паримии называл Святополка «новымъ» Авимелехом.

§ 39. Итак, заключаем наше исследование следующим выводом: Начальный свод не использовался паримией о Борисе и Глебе;¹ напротив, паримия почерпнула все фактическое свое содержание и параллель между Святополком, с одной стороны, Каином и Ламехом — с другой, из Начального свода; ПВЛ, дополнившая летописный рассказ о Борисе и Глебе похвалою этим князьям,² заимствовала из паримийных чтений (включенных в службу святым Борису и Глебу) три отрывка: 1) отрывок после сообщения об убиении Святослава, где содержатся размышления о добрых и злых князьях, 2) отрывок, непосредственно следовавший за сообщением о смерти Святополка (этим отрывком заменена одна фраза Начального свода), и наконец, 3) отрывок, где объяснено, что сделал Ламех, и проведено сравнение Святополка с Авимелехом.³

Имея в виду, что ПВЛ составлена в 1116 г., а Начальный свод — около 1095 г., мы полагаем время составления паримии между 1095 и 1116 гг. Всего вероятнее, что она возникла около 1115 г., когда перенесены вторично мощи Бориса и Глеба.⁴

¹ Поэтому чтения паримии не попали в житийное сказание, основывавшееся на Начальном своде.

² Похвала эта, как основательно заметил Голубовский, в значительной степени отражает те песнопения, что читались в службе Борису и Глебу полной (не древней, Иоанновской) редакции (с. 149).

³ Паримией, как указал Голубовский, пользовались составители позднейших летописных сводов. Так, между прочим, составитель свода 1448 г., а вероятнее его источника — общерусского свода 1423 г., вставил из паримии слова «и мнози вѣрнии видяху ангелы, помагающе Ярославу» в описание Летской битвы (Новгодская 4-я и Софийская 1-я), а ниже слова «во днѣ аду» после «по смерти мучимъ естъ связанъ» (там же). Равным образом из паримии взято число 30 000, определяющее войско Ярослава (вместо 40 000 в ПВЛ): ср. Новгородскую 4-ю и Софийскую 1-ю (списки Толстовский, Бальзеровский и др.).

⁴ Одной из древнейших редакций паримии о Борисе и Глебе считаю список 1271 г. Последующие редакции подвергались поправкам, дополнениям и сокращениям. Отмечу, например, в Трефолое Погодинского № 429: вместо «об сю страну Смольньска» — «об сю страну Смоленска выше оустѣа Смядины»; ср. в проложном сказании: «и ста выше Смядины». Там же вставлено: «глаголаста бо емоу Романъ и Давыдъ: мы ся, брате, не протививъ ни въ прѣкы глаголевъ; писано бо естъ: Господь гордымъ противляется, смѣреннымъ же дасть благодать»; ср. в житийном сказании в одной из молитв Бориса: «вѣси бо, Господи, яко не противлюся, ни въпрекы глаголю».

§ 40. Изучение житийного сказания, проложного сказания и паримии одинаково привело нас, как к источнику их, к Начальному своду. Теперь, благодаря извлеченным из названных памятников данным, имеем основание утверждать, что в этом Начальном своде летописное сказание отличалось от того вида его, который оно приняло в ПВЛ. Но никаких указаний на источники летописного сказания или на его еще более первоначальный, предшествовавший Начальному своду вид мы не получили.

§ 41. Обратимся к Несторову сказанию. Отметим связь его с летописным сказанием и постараемся объяснить эту связь. Несторово сказание привлекает особенное внимание наше, ибо по времени составления оно предшествует не только всем рассмотренным выше агиологическим памятникам, но и самому Начальному своду. Чтение о житии и погублении Бориса и Глеба составлено, как кажется, вскоре после 1079 г.; в конце его читаем: «видите ли, братие, коль высоко покорение, еже стяжаста святая къ старѣишому брату си; аще бо быста супротивилися ему, едва быста такому дару чудесному сподоблена отъ Бога; мнози бо суть нынѣ дѣтескы князи, не покоряющесе старѣшимъ и супротивящесе имъ и оубиваемы суть, ти не суть такои благодати сподоблени, якоже святая сия». Нестор писал свое сказание о Борисе и Глебе до Жития Феодосия, а последнее составлено во время игуменства Никона (1078—1088). Следовательно, Чтение о житии и погублении Бориса и Глеба составлено до 1088 г. Единственно подходящий момент, когда уместно было сказать об убиении детских князей, супротивящихся старейшим, был во второй половине XI столетия 1078 г., когда в битве у Нежатины нивы был убит в сражении с дядей Изяславом Борис Вячеславич, и 1079 г., когда был убит половцами Роман Святославич, приведший их против дяди Всеволода. Имена Бориса и Романа не могли не вспомниться Нестору, когда он обратил свое увещательное слово к теме о братолюбии и покорении старшим. Думаю, впрочем, что имеется основание предполагать, что Несторово сказание написано после 1081 г. Рассказав о перенесении мощей Бориса и Глеба в 6580 (1072) г., Нестор продолжает свое сказание о чудесах: «многа же чудеса створи Богъ на мѣстѣ томъ (т. е. куда перенесены были страстотерпцы) святыма своима страстотерпцема, якоже и на первомъ мѣстѣ». Прежде всего идет рассказ об исцелении немого и хромого; второй рассказ о жене сухорукой, оказывается, основан на личном сообщении исцеленной;¹ исцеление это произошло в воскресенье 15 августа («бѣ бо недѣля въ тѣ день и оупение святоя Богородица»);² но 15 августа приходилось на воскресенье после 1072 г. в первый раз в 1081 г., затем в 1087 г. Отсюда видно, что исцеление сухорукой произошло или в 1081 г., или в 1087 г., вероятнее

¹ «В единѣ же отъ днии ишедъшю ми нѣкоего ради орудия въ градъ и съдъшю ми на единомъ мѣстѣ, и се пришедъши нѣкая жена съде близъ мене, сяже нѣсмь зналъ даже и донынѣ, повѣдаше бо ся изъ иного града пришедъши... Се же все исповѣда ми сама съдящи яже бѣ с нею». Из позднейшего сказания о чудесах, приложенного к житийному сказанию, видно, что женщина эта была из Дорогобужа, причем она пришла в Вышегород, услышав об исцелении человека со скорченными руками и ногами у церкви Св. мучеников.

² То же видно из позднейшего сказания: «и приде въ день соуботный, и бѣше же и канонъ святыя Богородицы» (ср. в приложениях к житийному сказанию).

в 1081 г., ибо, как указано, сказание о Борисе и Глебе написано Нестором до Жития Феодосия, оконченного до 1088 г.

§ 42. Итак, Несторово сказание составлено между 1081 и 1088 гг. Какими же источниками располагал Нестор? Сам он говорит: «се азъ Нестерь грѣшныи о житии и о погублении и о чудесѣхъ святоу и блаженую страсотърпыцю сею (отъ) опаснѣ вѣдущихъ испытавъ, а¹ другая самъ свѣды, отъ многихъ мала въписахъ». Но, кроме устных источников, Нестор располагал, конечно, и письменными. На это указывает связь его сказания о перенесении святых и об их чудесах с позднейшим сказанием, приложенным к житийному сказанию. Обстоятельность последнего не оставляет сомнения в том, что оно основано на современных записях, ведшихся при Вышегородской церкви. Записи эти принадлежали к двум эпохам: древнейшие не переходили середины восьмидесятых годов XI в. и оканчивались рассказом об исцелении слепого (об этом исцелении повествует и Нестор, ссылаясь на устный источник: «и се пакы инѣ повѣда ми, глаголя»); позднейшие относятся ко времени после второго перенесения мощей (1115 г.) и в сообщениях о событиях, более отдаленных, носят явные следы припоминания и даже сочинительства.²

§ 43. Древнейшие записи велись, быть может, постепенно. Голубовский прав, возводя их ко временам Ярослава и митрополита Иоанна; последний именовался в них архиепископом, что едва ли не свидетельствует о современной записи. Записи, как видно из позднейшей редакции их, приложенной к житийному сказанию, начинались с обретения того места, где были погребены святые братья; передавали о пожаре церкви Св. Василия; «у неяже лежаста святая»; о построении сруба на месте сгоревшей церкви; о перенесении в него мощей, извлеченных из земли, причем запись отмечала, что мощи были поставлены «на деснѣи странѣ»; засим следовали рассказы о чудесах: 1) исцеление отрока с сухой и скорченной ногой (запись знала, что этот отрок был сын Миронег, вышегородского градника), 2) исцеление слепого; Миронег сообщил об обоих чудесах Ярославу; Ярослав выстроил церковь о пяти верхах; церковь освящена 24 июля, и в тот же день перенесены туда мощи святых,³ причем во время литургии случилось 3) чудо с исцелением хромого; упомянув о смерти Ярослава, церковные записи переходили к сообщению о построении новой церкви Изяславом и о перенесении туда мощей святых братьев (при этом перечислены епископы и

¹ Так я исправляю чтение Сильвестровского сборника: «исписавъ я».

² В них сообщено о построении Святославом Ярославичем каменной церкви, причем ее достраивал Всеволод; выстроенная церковь рухнула в день окончания своего; далее сообщено о смерти Всеволода; чудо при Святополке Изяславиче сообщено на основании устного источника («повѣдахоу бо иже и самовидци бывшей чудеси сиемоу бывшю»), причем рассказчик заимствовал сюжет из чуда, бывшего еще при Ярославе и записанного Нестором; далее сообщено о желании Святополка выстроить каменную церковь; засим обстоятельно говорится об оковании Владимиром обеих рук Бориса и Глеба золотом (причем ясно, однако, что это писано после 1115 г.: «се же преже сътвори въ лѣто 6610 лѣто, а послѣди по пренесении и множайшая содѣла»); рассказ переходит к построению церкви Олегом Святославичем (1112 г.), причем Святополк обвиняется в том, что по зависти не соглашался на перенесение в нее мощей святых братьев; далее сообщается о смерти Святополка (1113 г.) и, наконец, весьма обстоятельно повествуется о перенесении мощей при Владимире (1115 г.).

³ Если предположить, что 24 июля было днем воскресным, то перенесение мощей в церковь могло быть или в 1020, или в 1026 г. Ср. перенесение мощей в 1072 г. 20 мая, в воскресенье, в 1115 г. — 2 мая, в воскресенье.

игумены, бывшие на этом торжестве) и затем повествовали: о 4) чуде — исцелении хромого и немого, 5) чуде — исцелении жены сухорукой, 6) чуде — исцелении слепого.

§ 44. Не подлежит сомнению, что Нестор видел древнейшие записи Вышегородской церкви и воспользовался ими. Под непосредственным влиянием их составлена вся вторая часть Несторова сказания. Так же как Вышегородские записи, Нестор рассказывал об обретении места погребения святых братьев (неоднократное явление огненного столпа, опаление ног у варяга, ступившего на место, где лежали святые), о пожаре церкви, бывшей там (причем Нестор, быть может, на основании устных сообщений, излагает и причину пожара: неосторожность пономаря); старейшина, иже бе властелин граду тому (так называет Нестор Миронег), возвестил об этом Ярославу; по распоряжению последнего архиепископ Иоанн извлекает мощи Бориса и Глеба из земли; их помещают «на деснѣй странѣ» сруба, выстроенного на месте сгоревшего храма (Нестор: «внесоша же въ прежереченую клѣтку», но выше он об этой клетке не говорил, о ней говорилось выше в Вышегородских записях: «и поставили же бяхоу тоу клѣтѣкоу малоу на том мѣстѣ, идеже бяхе церкы съгорѣла»); далее идут чудеса: исцеление хромого сына старейшины града того (так называет Нестор Миронег);¹ исцеление слепого; властелин градный возвещает об этом Ярославу; Ярослав по совету архиепископа Иоанна приказывает выстроить церковь о пяти верхах (Нестор прибавляет, что заготовка леса началась зимой); церковь освящена 24 июля, и тогда же поставлены в ней раки святых «на деснѣй странѣ»; во время литургии произошло исцеление хромого; Ярослав уставляет десятину «от дани», проходившей через руки властелина града того, в пользу церкви (этого не знает дошедшая до нас редакция Вышегородских записей); архиепископ поставил попов и диаконов, а над ними старейшину (и этого нет в дошедшей редакции Вышегородских записей). Засим Нестор, очевидно, отступает от своего источника и рассказывает о чудесном избавлении двух осужденных в некоем граде от старейшин града того и посаженных в погреб; Ярослав, узнав об этом, велел выстроить на том месте церковь, «иже и ныне есть»; ясно, что это не Вышегородская запись, поэтому об этом чуде и нет в дошедшей до нас редакции этих записей. Нестор переходит далее опять к записям Вышегородским, но, сказав о смерти Ярослава, он подробнее говорит о нем (упоминает о построении им Св. Софии) и сообщает о его погребении; равным образом он гораздо подробнее сообщает о построении новой церкви Изяславом, причем опять упоминает о «княжей дани» («рекыи: даю имъ отъ дани княжи оукрасити церковь»); подробно рассказывает и о перенесении святых в новую церковь 20 мая 6580 г., причем не перечисляет епископов и игуменов (однако отмечает присутствие на торжестве преп. Феодосия); наконец, Нестор повествует о трех чудесах, соответствующих четвертому, пятому и шестому чуду Вышегородских записей, причем, однако, относительно пятого и шестого чуда Нестор утверждает, что рассказы о них он слышал сам: пятый — непосредственно от исцеленной, шестой — от другого лица.

¹ При этом чуде отрок увидел Бориса и Глеба, а с «нима и отрока, иже бѣ палъ на блаженемъ Борисѣ, свѣщу несуща предъ святыма»; отрок не назван, между тем в дошедшей до нас редакции Вышегородских записей читаем: «и повѣдаше съ нима видѣвъ Георгия оного отрока святого Бориса, ходяща съ нима и носяща свѣщю».

§ 45. Из предложенного обзора содержания Несторова сказания о чудесах видно, что он составил его под влиянием Вышегородских записей, причем случай позволил ему в рассказах о пятом и шестом чудесах сослаться и на устные источники.¹ Записи эти были ему известны в том древнем их виде, когда они доходили только до рассказа о шестом чуде включительно. Нестор, как указано, дополнил свой письменный источник еще одним рассказом, отнесенным ко временам Ярослава, — рассказом о двух чудесно освобожденных из заключения лицах в городе, где после того по приказанию Ярослава была воздвигнута церковь Св. Бориса и Глеба (не в Турове ли?). Это обстоятельство — дополнение Нестором Вышегородских записей еще одним рассказом о чуде, не имевшем непосредственного отношения к Вышегороду, — указывает, как кажется, что в Вышегородских записях Нестор мог найти сообщения только о таких событиях, которые имели прямое отношение к Вышегородской церкви. Следовательно, в них он не нашел и повествования об убиении святых братьев. Допустить, что в Вышегородских записях рассказу об обретении мощей святых мучеников, о чудесах их и перенесении мощей предшествовала повесть об их убиении, представляется весьма маловероятным. Во-первых, как указано выше, записи велись постепенно, следовательно, они имели деловой и эпизодический характер; во-вторых, составление повести об убиении Бориса и Глеба предполагает известный творческий момент, который нам пришлось бы продвинуть к 20-м гг. XI столетия, когда еще слишком живы были события 1015 г., когда еще не успела создаться легенда, этот стимул и основание для личного творчества; в-третьих, мы находим повесть об убиении Бориса и Глеба изложенную в наибольшей полноте (говорю о фактическом содержании) в летописи, следовательно, как раз в таком памятнике, который ничего не передавал о чудесах Бориса и Глеба и об обретении их мощей, т. е. ничего из того, что составляло главное содержание Вышегородских записей;² в-четвертых, наконец, неудачная компоновка Несторова сказания не позволяет нам принять, что в его распоряжении была уже готовая повесть об убиении Бориса и Глеба. И если бы такая повесть была уже в обращении в 80-х гг. XI столетия, стоило ли Нестору трудиться над составлением новой повести?

§ 46. Отрицая наличность в числе источников Нестора готовой повести об убиении Бориса и Глеба, мы с тем большим вниманием должны отнестись к тому обстоятельству, что Несторово и летописное сказания оказываются в тесной связи между собой. Прежде чем ответить на вопрос, как объяснить эту связь, приведем те данные, которые ее доказывают.

В Несторовом и летописном сказании Борис, получивший раньше наравне с прочими братьями удел (у Нестора: Владимир, в летописи:

¹ Отсюда значительное отклонение Нестора от Вышегородской записи. Так, например, в последней умолчано, что к исцеленной женщине явились не одни братья Борис и Глеб, но также и св. Никола; напротив, Нестор умолчал о том, что женщина эта была рабой и работала в День св. Николы по принуждению своей госпожи.

² Позже в летопись под 6580 г. вставлен из Вышегородских записей подробный рассказ о перенесении мощей Бориса и Глеба в новую церковь. В Лаврентьевской и Радзивилловской оно ошибочно отнесено ко 2 мая (очевидно, под влиянием установившегося, начиная с 1115 г., празднования именно этого дня), но в Ипатьевской и Хлебниковской правильно и согласно с Вышегородскими записями (ср. житийное и Несторово сказания) указано 20 мая (20 мая в 6580 г. приходилось на воскресенье).

Ростов), оказывается незадолго до смерти Владимира при нем (Нестор: «пославъ приведе къ себе блаженаго Бориса»; летопись: «в се же время бяше у него Борисъ»). Нестор и летопись одинаково сообщают, что когда Владимира постигла болезнь, оказавшаяся смертельною, в его страну (так Нестор; в летописи: «въ Русь») пришли неприятели (Нестор: «ратнии»; летопись: «Печеньзи»); против них Владимир выслал Бориса; в отсутствие Бориса случилась смерть Владимиров (в 6523 г.); на столе киевском сядитя Святополк; Борис, не встретившись с неприятелем, вернулся назад (по Нестору: «ратънии, якоже оуслышаша блаженаго Бориса идуща с вои, бѣжаша, не дерзнуша стати блаженому»; по летописи: Борис вернулся, не обретши печенегов); на пути он узнает о смерти отца. Далее Нестор и летопись сообщают о том, что воины Борисовы уговаривали его идти и сестъ в Киеве; Борис отвечал: «ни паки смѣю противитися старѣйшому брату» (Нестор), или: «не буди мнѣ възняти руки на брата своего старѣйшаго» (летопись). Борис (когда его покинули воины) «самъ съ *отроки* пребысть на мѣстѣ томъ» (Нестор), «стояше съ *отроки* своими» (летопись). Нестор и летопись сообщают, что Святополк дал поручение избранным им для того людям (по Нестору: «посла слугы своя погубити, избра мужа неистовыя»; по летописи: «отай призва Путшю и Вышегородскыя болярьцѣ») убить Бориса тайно (Нестор: «ношию»; летопись: «не повѣдуче никомуже»). И у Нестора и в летописи сначала сообщено о том, что убийцы ночью приблизились (Нестор: «приближишася на нь»; летопись: «подѣступиша ближе») к месту, где стоял Борис, а потом сказано, что он пел заутреню (у Нестора: «повелѣ прозвутеру отпѣти заутрѣню», в летописи: «слышаша Бориса поюща заутрѣню»), причем тут же прибавлено, что Борис начал петь псалмы; у Нестора: «и самъ же *нача пѣти глаголя* сие: *Господи, что ся оумножиша стужающи ми, мнози восташа на мя*» и т. д.; в летописи: «и вставъ *нача пѣти, глаголя: Господи, что ся умножиша стужающи мнѣ; мнози вѣстать¹ на мя*» и т. д. И Нестор и летопись отметили, что убийцы дали Борису возможность кончить заутреню (Нестор: «дондеже *конча заутрѣнею*»; летопись: «таче *кончавъ заутрѣню*»). По окончании заутрени Борис по Нестору: «*възлеже на одрѣ своемъ*»; то же в летописи: «*възлеже на одрѣ своемъ*»; тогда убийцы напали на него; у Нестора: «они же *акы звѣрие дивии нападоша на нь*», в летописи: «и се *нападоша акы звѣрье дивии*»; они пронзили его копьями (по летописи), сулицами (по Нестору). Вместе с Борисом пронзили его слугу: «и се единъ отъ *престоящихъ ему слугъ паде на немъ*, и того пронизоша» (Нестор), «и *слугу его падиша на немъ прободоша с ним...* бѣ бо възложилъ на нь гривну злату велику, в нейже *престояше ему*» (летопись).² Нестор и летопись сообщают, что тело Борисово погребено было в Вышегороде; у Нестора: «честъное же *его тѣло въземше несоша въ... Вышегородъ... и ту положиша... оу церкви святаго Василия*»; в летописи: «и *положиша тѣло его, принесше отай Вышегороду, у церкви святаго Василия*». У Нестора и в летописи сообщается о посылке Святополком убийц к Глебу (но у Нестора убийцы преследуют бегущего Глеба, а в летописи встречают его идущим в Киев); когда произошла внезапная встреча или внезапное столкновение кораблеца, где плыл Глеб, с кораблем посланных на него убийц (у Нестора: «и узрѣша

¹ В Начальном своде было: «вѣсташа» (ср. выше).

² В Ипатьевской и в Радзивилловской: «предстояше ему»; в Лаврентьевской: «предъстояше предъ нимъ».

иже бѣша съ святымъ напрасно корабль исходящъ на ня»; в летописи: «се внезапно придоша послании отъ Святополка»), убийцы овладели Глебовым кораблем; у Нестора: «и *имше корабль* ключи и привлекоша к себе», в летописи: «и ту абѣ послании *яша корабль* Глѣбовъ»; сидевшие с Глебом отроки его стали сетовать и плакать по святом; у Нестора: «а иже бѣша о святомъ въ корабли... сѣдяще стѣующесе и плачущесе по святомъ»; в летописи: «отроки Глѣбови уныша». И у Нестора и в летописи Глеба зарезал повар по приказанию Святополковых слуг; у Нестора: «бѣ же за святымъ сѣдяше старейшина поваром и *повелѣша* тому нечестивии *заклати Глѣба* святого: возми ножъ свой, *зарѣжи* господина своего... оканьнии же поварь... *изволкъ ножъ* свой... и се прежереченны *поварь*, ставъ на колѣну, закла главу святому и прерѣза гортань его»; в летописи: «оканьный же посланный Горясѣръ *повелѣ* вборзѣ *зарѣзати Глѣба*; *поварь* же Глѣбовъ, именемъ Торчинъ, *вынезъ ножъ, зарѣза* Глѣба». При этом Нестор сравнивает Глеба с агнятем незлобивым: «*акы агня* незлобиво», а летопись — с агнятем непорочным: «*акы агня* непорочно». Нестор сообщает, что тело Глебово было брошено под колодою: «*повергоша* в пустыни подъ *кладою*»; в летописи читаем: «Глѣбу же убѣну бывшу и *повержену* на брезѣ межѣ двѣма *колодама*». Ниже Нестор говорит о том, что впоследствии «*положиша* тѣло святого Глѣба окрѣсть святого *Бориса оу церкви святого Василья*»; в летописи читаем: «и *положишай* у брата своего *Бориса у церкви святого Василья*». Рассказав об убиении Глеба, Нестор сообщает, что Святополк «и на прочюю *братью* въздви-заше гонения, хотяи *вся* изгубити я ти самъ *единъ* владѣти всѣми странами»; в летописи вслед за убиением Глеба сообщается об убиении Святослава и говорится, что Святополк «*нача помышляти: яко избью всю братью* свою, и прииму власть Русьскую *единъ*».

§ 47. Итак, связь Несторова сказания с летописным очевидна; в них можно отметить даже общие фразы. Особенно важно, что ход рассказа одинаков в том и другом сказании. Объяснить эту связь можно, конечно, трояко: Нестор пользовался летописью; летопись пользовалась Нестором; Нестор и летопись пользовались одним общим источником.

Я не могу признать состоятельным первое объяснение, если под летописью будем разуметь Начальный свод или ПВЛ. Не стану выдвигать того аргумента, что летопись эта моложе Несторова сказания; я отрицаю самую возможность того, что Нестор знал летописное сказание в том его виде, в каком оно дошло до нас, в составе хотя бы Начального свода; отрицаю потому, что решительно не понял бы причины резкого отклонения Нестора от фактической части дошедшего до нас летописного сказания, если бы это последнее было ему известно. Я не говорю об обезличении в Несторовом изложении летописного сказания; не говорю о замене печенегов — ратными, вышегородских боярцев — мужами неистовыми, Горясера — нечестивыми; не говорю об умолчании имен местностей, где были убиты Борис (в летописи: река Лѣто) и Глѣб (в летописи: река Смядина), или имени убийцы Глебова (в летописи: Торчин), имен убийц Борисовых, имени Борисова слуги, убитого вместе с ним (в летописи: Георгий), — подобная замена и подобное умолчание могли входить в число литературных приемов Нестора, в чем нас убеждает его отношение к Вышегородским записям.¹ Но я подчеркиваю то

¹ Ср. указанные выше опущения имени вышегородского градника Миронег, названия города Дорогобужа (откуда была родом жена сухорукая) и др.

явное отклонение от фактов, сообщенных дошедшею летописью, которое находим у Нестора. Летопись ясно говорит, что Глеб не было при отце во время смерти последнего: он был в своей области; его вызвал оттуда Святополк, выслав навстречу убийц; Нестор сообщает, что Глеб был при отце, но после смерти последнего бежал из Киева, опасаясь Святополка. Летопись говорит, что Борис получил в удел Ростов, Нестор вместо Ростова называет Владимир. Летопись утверждает, что Глебовым уделом был Муром, Нестор представляет дело так, что малолетний Глеб совсем не был посажен отцом на удел. Трудно допустить, чтобы Нестор умышленно извратил летописные данные; вероятнее думать, что они не были у него перед глазами. Вероятно думать поэтому, что Нестор не пользовался тем летописным сказанием, которое дошло до нас.

§ 48. Следовательно, сходство между летописью и Нестором основывается, быть может, на влиянии Несторова сказания на летописное в составе Начального свода (конца XI в.). Но и такое объяснение не представляется вероятным. Правда, можно допустить, что разработка фактической стороны сказания (сравнительно с бесцветным повествованием Нестора) сделана была составителем Начального свода под влиянием различных местных сказаний; так, мы увидим, что этому составителю были известны не только киевские, но и смоленские, даже поволжские предания о Борисе и Глебе; под их влиянием он, вопреки Нестору, мог, например, утверждать, что окончательный, смертельный удар Борис получил на пути к Вышегороду, или что Глеб ехал в Киев, а не из Киева, когда его настигли убийцы, но откуда почерпнул бы летописец такие подробности, как имена Борисовых и Глебовых убийц, или то обстоятельство, что Святополк хотел потаить смерть своего отца или что Святополк вошел в тайные сношения с вышегородцами, если допустим, что основным источником летописного сказания было Несторово сказание? Допустив, что Начальный свод имел в числе источников для своего сказания о Борисе и Глебе Нестора, нам придется признать, что, кроме Нестора, у него были и другие обстоятельные повествования о событиях 1015 г. Но такое признание равносильно предположению, что летописное сказание о Борисе и Глебе заимствовано в значительной части из особого повествования и что само это повествование повлияло на Несторово сказание.

§ 49. Таким образом, выясняется необходимость признать состоятельным только третье из возможных объяснений. Связь летописного и Несторова сказаний зависит от пользования тем и другим одним общим источником. Выше мы указывали на невероятность того, что Несторову сказанию предшествовала литературно обработанная повесть о Борисе и Глебе. Приняв во внимание эти указания, приходим к предположению, что общим источником летописного, до нас дошедшего, и Несторова сказаний было более древнее летописное же сказание. Начальный свод конца XI в. восходит к старшему своду летописному: называем его Древнейшим летописным сводом. В этом своде и читалось то древнее летописное сказание о Борисе и Глебе, которое, с одной стороны, перешло в Начальный свод, а с другой — легло в основание Несторова сказания. Прежде чем перейдем к определению отношений дошедшего до нас летописного сказания (Начального свода и ПВЛ) к сказанию древнейшему (читавшемуся в Древнейшем летописном своде), укажем, что изучение Несторова сказания, помимо прямой связи его с летописным сказанием о Борисе и Глебе, приводит к установлению того факта, что Нестор,

когда в 1081—1088 гг. составлял свое Чтение, был знаком с летописью и пользовался ею. Летопись эта была Древнейшим летописным сводом, ибо Начальный свод и ПВЛ составлены позже Несторова Чтения.

§ 50. В Несторовом сказании и в той его части, которая не имеет прямого отношения к Борису и Глебу (в начале сказания), оказываются места, общие с летописью, сильно ее напоминающие. Отношу сюда прежде всего введение в сказание, содержащее обзор событий, приведших к принятию христианства Русью; в самом кратком изложении Нестор сообщает о творении мира и человека, о грехопадении Адама, рождении Каина и Авеля, размножении человечества и появлении идолопоклонства, присылке Богом сначала пророков, а потом Сына своего Иисуса Христа; так же кратко говорится о рождении Спасителя, Его крещении, избрании двенадцати апостолов, Его смерти и погребении, сошествии во ад, вознесении на небо, проповеди апостолов и их чудесах; далее сообщается об умножении христиан. Я думаю, что мысль внести в сказание такой экскурс в историю человечества дана была Нестору знакомством с Речью философа, читавшеюся уже в Древнейшем летописном свode. Не стану приводить параллельных выписок из сочинения Нестора и из Речи философа, хотя между ними попадают общие фразы; сопоставление более внимательное показывает, что в распоряжении Нестора была не одна эта Речь, но также и другие источники и между ними священное писание — книга Бытия (едва ли не по паримийным чтениям) и Евангелие; он знал, кроме того, и некоторые апокрифы; например, его сообщение о сошествии Христа во ад сильно напоминает Слово св. Евсевия о вшествии Иоанна Предтечи в ад;¹ быть может, он воспользовался и текстом какого-нибудь из исповеданий веры.² Ввиду этого возможно, что Несторово палейное сказание (напомним, что в нем не более 30—40 строк) извлечено из какой-нибудь более обширной компиляции, случайно совпадавшей местами с Речью философа. Я поэтому не настаиваю на неперенной связи Несторова сказания с этою Речью, хотя и считаю вероятным знакомство с нею Нестора ввиду निжеследующих сближений рассматриваемой части Несторова сказания с летописью.

«Симъ сие бывшимъ, — говорит Нестор, — оста же страна Руская въ первѣи прельсти идольскѣи; не оубо бѣ слышала ни отъ кого же слово о Господѣ нашемъ Исусѣ Христѣ; не бѣша бо ни апостоли ходилѣ к нимъ, никто же бо имъ проповѣдалъ слова Божия». Ниже: «не бѣ бо никтоже приходилѣ къ нимъ, иже бы благовѣстилъ о Господѣ нашемъ Исусѣ Христѣ».

Ср. в летописи под 6496 г.: «яко сде не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуше Бога». Так же под 6491 г.: «сде бо не суть апостоли учили, ни пророци прорекли»; далее: «аще и теломъ апостоли не суть сдѣ были».

¹ Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях. Казань, 1872. С. 212—214.

² «И вселися въ святую дѣвицу и рожься отъ нея дѣвства же не вреже, якоже прежде рождества дѣвою, такоже и по рождествѣ пребысть дѣвою...». «Посемъ же смерти вкуси волею страстию своею».

Сказав о крещении Владимира, Нестор прибавляет: «таче потомъ всѣмъ заповѣда вельможамъ своимъ и всѣмъ людемъ да ся крестятъ... и всѣмъ грядущемъ къ крещению... тако течаху радующесе къ крещению. Радовашесе князь Володимеръ, видя ихъ теплую вѣру».

Несколько выше Нестор предполагает прежнее время тому, что наступило после крещения: «слышите чюдо исполнь благодати: како вчера заповѣдая всѣмъ требу принести идоломъ, а днесъ повелѣваетъ хрѣститися... вчера не вѣдаше, кто есть Исусъ Христосъ, днесъ проповѣдатель его явися... вчера елинь Владимиръ нарицаяся, днесъ крестьянъ Василий нарицается».

Далее Нестор говорит про Владимира: «се второй Костянтинъ в Руси явися».

Ниже читаем: «потомъ же созда Владимиръ церковь святую Богородицю владычицю нашу Богородицю в Києвъ».

Еще ниже читаем: «бѣ бо и отецъ его (т. е. Владимир) тако милостивъ, якоже и на возѣхъ возити брашно по граду и овощъ и медъ и вино и спроста реши все, еже на потребу болящимъ и нищимъ; и проповѣднику глаголющю съ прошением: егда кто болить кто кде?»

Ср. в летописи: «посемъ же Володимеръ посла по всему граду, глаголя... Се же слышавше людье съ радостью идяху, радующесе и глаголюще... Володимеръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людие его».

Ср. в летописи под 6496 г.: «Весій еси, Господи, чюдна дела Твоя! вчера чтимъ отъ челоувѣкъ, а днесъ поругаемъ».

Ср. в летописи под 6523 г.: «Се есть новый Костянтинъ великаго Рима».

Ср. в летописи под 6497 г.: «посемъ же... помысли создати церковь пресвятыя Богородица».

Ср. в летописи под 6504 г.: «устрои же и се, рекъ: яко немощнии и болнии не могутъ долѣсти двора моего; повелѣ пристроити кола и въскладше хлѣбы, мяса, рыбы, овощъ разноличный, медъ въ бчелкахъ, а въ другихъ квасъ, возити по городу, въпрашающимъ: кде болнии и нищъ, не могы ходити? тѣмъ раздаваху потребу».

Особенное значение придаю последнему сближению; в летописи и у Нестора находим одинаково прямой вопрос, вложенный в уста развившим по городу то, что на потребу. Невозможно допустить, чтобы между обоими отрывками — Несторовым и летописным — не существовало ближайшей связи. И объяснить эту ближайшую связь проще всего предположением, что Нестор пользовался тем самым Древнейшим летописным сводом, который лежит в основании Начального свода.

§ 51. Итак, Несторово сказание о Борисе и Глебе может дать некоторые указания на состав и особенности Древнейшего летописного свода. Оставляя пока в стороне самый рассказ о святых братьях, отметим, что на основании Несторова сказания можно заключить о том, что в Древнейшем своде читалась Речь философа; в нем сообщалось о крещении Владимира, причем Нестор поставил его в связь с каким-то особнным Божиим явлением Владимиру: «такое же и сему Владимиру яв-

ление Божие быти ему крестьяну створи».¹ За крещением Владимира последовало крещение вельмож и всего народа, причем, по-видимому, не было указано, что Владимир крестился в Корсуне. Крещение было отнесено Древнейшим сводом, как кажется, не к 6496, а к 6495 г.; ср. у Нестора: «се бысть въ лѣто 6000 и 400 и 95».² Далее в Древнейшем сводѣ читались те благочестивые рассуждения (или часть их), которые находим в Начальном сводѣ (и ПВЛ) под 6496 г., после сообщения о крещении киевлян. Как и в Начальном сводѣ, в нем рассказывалось о построении Владимиром церкви Св. Богородицы и о милостынях Владимировых. Наконец, в нем указывался 6523 г. как год смерти Владимира. Впрочем, события этого года, как они для Древнейшего свода восстанавливаются по Несторову сказанию, мы рассмотрим ниже.

Итак, мы получили уверенность в том, что Нестор был знаком с Древнейшим сводом. Выше, путем сопоставления Несторова сказания с летописным, мы приходили к заключению, что оба они восходят к одному более древнему сказанию. Но Начальный свод, где читалось дошедшее до нас летописное сказание, произошел из Древнейшего свода. Итак, имеем основание предполагать, что древнейшее сказание о Борисе и Глебе, из которого произошли и Несторово, и дошедшее до нас летописное сказание, было помещено в Древнейшем летописном сводѣ.

6

§ 52. Прежде чем перейти к восстановлению древнейшего сказания о Борисе и Глебе, мы попытаемся извлечь некоторые указания на его состав и особенности путем анализа дошедшего до нас летописного сказания и сравнения его с Несторовым сказанием.

Анализ этого летописного сказания обнаруживает в нем противоречия и явные вставки. Укажу несколько мест в летописном сказании, явно ведущих к предположению о более первоначальном, не дошедшем до нас виде сказания. Начну со смерти Владимира, изложенной в дошедшем

¹ Ошибочно было бы думать, что Нестор в нижеследующих словах свидетельствует о постигшей Владимира перед крещением болезни: «бѣ же мужъ правдивъ и милостивъ к нищимъ и къ сиротамъ и ко вдовичамъ, единъ же вѣроу; сему Богъ спону нѣкакѹ створи быти ему хрестьяну, якоже древле Плакидѣ», — так в Сильвестровском списке XIV в. начинается сообщение о Владимирѣ. Слово «спона» (съпона) в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского объясняется для приведенного места как «тягость, болезнь», причем указан вариант: «сему Богъ спону нѣкакѹ навѣдѹи створи быти ему хрестьяну». Но при таком объяснении и при признании указанного варианта первоначальным чтением непонятно было бы сравнение Владимира с Плакидой, ибо никакой тяготы или болезни Бог не наводил на Плакиду; напасти посетили Евстафия уже после его крещения, и наведены они были не Богом, а дьяволом: «понеже оставилъ еси діавола, ищеть на тя напасти етеры». Думаю, что первоначально в Несторовом сказании читалось: «сему бо спона нѣкака створися быти ему хрестьяну», т. е.: ибо что-то помешало быти ему христианином; это стоит в прямой связи с предшествующей фразой, где говорится, что Владимир был язычником, но вместе с тем мужем правдивым, милостивым к нищим, к сиротам и вдовцам. Ср. в начале Жития Евстафия Плакиды: «бѣ етеръ стратилать именемъ Плакида... еллинъ же бѣ вѣроу, а дѣлы праведными украшаяся, алчущая насыщая, жажущая напаая, нагіа одѣвая, впадающимъ въ бѣду помагаю, ис темница изимая, и всѣмъ людемъ отнудъ помагаю». Для значения слова «съпона» ср. вариант, представляемый в Житии Феодосия Кассиановскою редакціею патерика, в конце жития: «то же многажды окушашеся врагъ тако же паки и тому спону створити (вместо этого в древних списках: „тѣмъ съмятъше“), и на того крамолу възложити».

² Что искажено потом: «въ лѣто 6000 и 400 и 90» (ср. выше § 10).

летописном сказании так: «Умре же на Берестовѣмъ, и потаиша ѿ, бѣ бо Святополкъ Киевѣ. Ночью же межъ клѣтми проиравше помость, оберѣвше в коверъ и ужи свѣсиша на землю; възложше ѿ на сани, везъше поставиша ѿ въ святѣй Богородици, юже бѣ сздать самъ. Се же увѣдѣвше людье, бецисла снидошася, и плакашася, болярѣ аки заступника ихъ земли, убозии аки заступника и кормителя; и вложиша ѿ въ корсту мороморяну, схраниша тѣло его съ плачемъ, блаженаго князя».

Не так давно на этом летописном отрывке остановился Е. Е. Голубинский.¹ Он отметил в нем непримиримое противоречие. «С одной стороны говорится, что бояре (Е. Е. Голубинский ищет подлежащее к сказуемым во множественном числе) потаили смерть Владимира, а с другой стороны — что они тотчас же постарались через привезенные тела в Киев сделать ее всем известною». Исходя из того предположения, что летописное сказание основано на житийном сказании (сказании монаха Иакова), Е. Е. Голубинский признал, что и это место летописи заимствовано из житийного сказания. В житийном сказании читаем: «вѣстникъ прииде (к св. Борису), сказая ему отнюю смерть, како преставися отецъ его Василей, зовемый Володимеръ, и како Святополкъ потаи смерть отца своего, въ ночь проиравъ помость на Берестовомъ и въ коверъ оберѣвъ, свѣсивше ужи на землю, везъше на санѣхъ, и поставиша въ церкви святыя Богородица». Е. Е. Голубинский предполагает, что текст житийного сказания, нами только что приведенный, испорчен и что испорченным уже текстом пользовался составитель летописи, отчего и произошло отмеченное противоречие; первоначально же в житийном сказании читалось: «како Святополкъ потаи смерть отца своего и како бояре, въ ночь проиравъ помость» и проч. По мнению Е. Е. Голубинского, «дело должно быть понимаемо так, что Святополк, находившийся в минуту смерти Владимира в Киеве и принявший намерение занять престол великокняжеский, имел нужду для улажения дела о занятии престола скрыть на некоторое время смерть отца, для чего приставил к дворцу Берестовскому свою стражу, но что бояре, враждебные ему или вообще не разделявшие его замысла, тайно от приставленной стражи вынесли из дворца тело Владимира и привезли в Киев, в Десятинную церковь, делая таким образом известною смерть великого князя всем киевлянам».

§ 53. По существу соглашаюсь вполне с поправкой Е. Е. Голубинского, но, не имея основания думать, что летописное сказание заимствовано из житийного, и полагая доказанным обратное заимствование, я думаю, что порча текста произошла при перенесении его из Древнейшего летописного свода в Начальный свод. В Древнейшем своде читалось, по-видимому: «Умре же на Берестовѣмъ, и потаи ѿ Святополкъ, бѣ бо Киевѣ; бояре же, ночью межю клѣтми проиравше помость» и т. д. Стоило прочесть приведенную фразу «и потаи ѿ, Святополкъ бѣ бо Киевѣ», как необходимым оказывалось отыскать подлежащее к «потаи», которое и было найдено в следующей фразе; «потаи» должно было замениться формой «потаиша».²

¹ ИОРЯС. 1904. Т. IX, кн. 2. С. 60—62.

² Составитель житийного сказания имел перед собой текст Начального свода, но он предположил, что потаить смерть Владимира мог только Святополк, поэтому он заменил «потаиша» формой «потаи», а затем вместо «проиравшѣ», «оберѣвшѣ» дал «проиравъ», «оберѣвъ», отнеся и это все к Святополку. Возможно, что в Начальном своде читалось еще «потаи» (в Новгородской 1-й: «потаиша», но она подверглась влиянию ПВЛ).

Кроме того, оговариваю еще один пункт разногласия моего с Е. Е. Голубинским. Никаких указаний на тайный вывоз тела Владимиров из Берестовского дворца в сообщенном отрывке усмотреть нельзя, ибо пролом помоста был сделан в исполнение известного погребального обряда, как об этом догадывались Соловьев (История России. Т. I. С. 242, примеч.) и А. А. Котляревский.¹

Приведенный выше отрывок Древнейшего свода остается все-таки непонятным, если мы не предположим, что дальше в этом своде объяснялось, с какою целью желал Святополк скрыть смерть своего отца. Известные нам факты дают основание думать, что он не пользовался расположением киевлян; напротив, Борис был любим в Киеве; кроме того, под начальством Бориса находились княжеская дружина и войско, выставленное Киевскою областью. Дружина и войско были отправлены Владимиром против печенегов. Святополк, по-видимому уже раньше враждовавший с Борисом,² быть может тогда, когда он поднял восстание против отца,³ понимал, что Борис, поддерживаемый киевлянами, не уступит ему великокняжеского стола, а между тем он имел на него право по старшинству. Он был моложе уже покойного тогда Изяслава, Рогнедина сына, но старше всех остальных братьев и, между прочим, Ярослава, так как родился вскоре после захвата Киева Владимиром, взявшим в жены вдову Ярополкову и родившим от нее Святополка. Единственным средством отделаться от Бориса, возвращавшегося с войсками к Киеву и стоявшего преградой на пути к осуществлению законных его прав, Святополк признал тайное убийство. Поэтому он решил, скрыв смерть отца от киевлян, помешать киевлянам и войску провозгласить Бориса князем при первом известии о смерти Владимира, а тем временем наемные убийцы должны были покончить с Борисом. Я думаю поэтому, что непосредственно за словами «умре же на Берестовѣмъ и потаи ѿ Святополкъ, бѣ бо Киевѣ» в Древнейшем своде читалось то, что попало в летопись ниже: «и приде ночью Вышегороду отай, призва Путю и Вышегородскыѣ болярыѣ и рече имъ: приете ли ми всѣмъ сердцемъ? Рече же Путыша и Вышегородьци: можемъ главы своя сложити за тя. Онъ же рече имъ: не повѣдуче никомуже, шедше убийте брата моего Бориса. Они же обѣщашася ему се створити» (а далее: «бояре же, ночью межю клѣтми примавше помость» и т. д.).

Итак, сообщение о смерти Владимира, как оно изложено в дошедшем до нас летописном сказании, ведет нас к решительному утверждению, что перед нами искаженный текст.

§ 54. Ниже читаем: «Бориса же убивше оканьнии, увертѣвше в шатеръ, възложивше на кола, повезоша ѿ, и еще дышюще ему. Увѣдѣвъ же се оканьный Святополкъ, яко еще дышетъ, посла два Варяга прикончатъ его; онѣма же пришедшема и видѣвшема, яко еще живъ есть, единъ ею извлекъ мечъ, пронъзе и къ сердцю».

¹ Приведа соответствующее место летописи, Котляревский делает к нему следующее замечание: «Мы имеем основания видеть здесь особый погребальный обычай, по которому усопшего выносили не дверью, но разнимали помост и в отверстие спускали тело. Такой обычай сохранился и доселе у племен немецких и славянских» (*Котляревский А. А. О погребальных обычаях языческих славян // Сборник ОРЯС. СПб., 1891. Ч. XLIX. С. 126*).

² Несторово сказание.

³ Ср. свидетельство Титмара Мерзебургского. Lib. VII (*Monumenta Poloniae historica Pomniki dziejowe Polski Wydat August Bielowski. Lwów, 1872. Т. I. С. 310*).

Итак, оказывается, что убийцы не заметили, что Борис не испустил еще духа; как же мог узнать об этом Святополк? Весьма вероятно, что Бориса повезли в Вышегород те самые лица, которые убили его по поручению Святополка, ибо, по свидетельству летописи, его принесли в Вышегород «отай»; самое избрание Вышегорода местом погребения для Бориса показывает, что его тело доставлено туда вышегородцами, которым было поручено убийство. Почему же убийцы, заметив, что Борис дышит, не прикончили его сами, а послали к Святополку, и почему последний, не желавший разглашать своего участия в убийстве, не поручил прикончить Бориса тем же преданным ему вышегородцам, Путыше и его дружине, а послал на это дело еще двух варягов? Вижу объяснение недоуменному месту летописного сказания в предположении, что эпизод с нанесением Борису смертельного удара варягами заимствован в летописное сказание из какой-нибудь легенды, сложившейся вокруг того или иного места, признанного благочестивыми почитателями святых мучеников местом кончины Бориса. Обращаю внимание на то, что в конце XII в. упоминается церковь святому мученику у монастыря Св. Кирилла, который стоял на Дорогожиче, урочище между Киевом и Вышегородом;¹ а именно под 6702 (1194) г. читаем в Ипатьевской летописи: «в суботу же ѿх ко святымъ Мученикомъ, церкви ту сущей у святаго Кюрила... в недѣлю же, празднику бывшую, и не може ѿхати с Нового двора, но ту и празнова и празникъ святому Мученику». Кирилловский монастырь был построен, по-видимому, отцом Святослава Всеволодича, о котором говорится в только что приведенном известии (ср. там же: «и положиша ѿ во святымъ Кюрилѣ, во отнѣ ему манастырѣ»), хотя самая церковь Св. Кирилла была выстроена (быть может, при жизни Всеволода Ольговича) матерью Святослава Всеволодича (ср. в известии о ее смерти под 6686 г.: «и положена бысть в Киевѣ у святаго Кюрила, юже бѣ сама создала»);² Следовательно, в XII в. на Дорогожиче, на пути из Киева в Вышегород находилась церковь Св. Бориса и Глеба. Предполагаю, что церковь была выстроена на том самом месте, где, по преданию, Борис испустил свой дух. Ср. ближайшее определение этого места в житийном сказании: «и яко быша на бороу, начать въскланяти святоую главою свою, и се оувѣдѣвъ Святоплѣкъ пославъ два Варяга и прободоста и мечьмъ въ сѣрдьце, и тако съконьчася». Указание на место, где заметили, что Борис еще жив, является единственной фактической прибавкой житийного сказания против летописного; она основана, конечно, на подробности, известной составителю житийного сказания из устного предания. Под «боромъ» всего вероятнее разумелся бор около Дорогожича, где начинались также болота, в которых увяз Игорь Ольгович после битвы 13 августа 6654 (1146) г.

Думаю, что я имею основание привести в пользу того, что Борис, по одному из киевских преданий, был убит на Дорогожиче, а не на Альте, еще следующее обстоятельство. Как увидим ниже (§ 61), преп. Ефрем Новоторжский был современником Бориса и Глеба; предание называет его братом Георгия и Моисея, слуг Борисовых. После убийства брата Георгия он удалился в Новгородскую область и устроил здесь,

¹ Ипатьевская под 6679 (1171) г.: «сняшася братья Вышегородѣ, и пришедше стаха на Дорогожичи подъ святымъ Куриломъ... и вторю недѣлю оступиша вьсь градъ Киевъ».

² Ср. *Максимович*. О создании киевской церкви Св. Кирилла // *Собр. соч.* Т. II. С. 161 и сл.; *Петров Н. И.* Историко-топографические очерки древнего Киева.

близ нынешнего г. Торжка, прежде всего странноприимный дом на реке *Дорогоще* (ныне на этом месте Семеновский погост на Дорогоще). Через несколько лет преп. Ефрем выбрал другое ближайшее к г. Торжку место, выстроил церковь в честь св. Бориса и Глеба и при ней устроил монастырь.¹ Правдоподобно думать, что река названа Ефремом Дорогощей в память урочища Дорогожича близ Киева;² а это ведет к заключению, что киевским Дорогожичем была связана память о св. Борисе и Глебе.

Итак, имеем основание предполагать, что составитель летописного сказания, до нас дошедшего, должен был согласовать два предания об убиении Бориса: одно из них говорило об убиении на Альте, а другое — на Дорогожиче. Быть может, первоначальное летописное сказание не содержало этих двух преданий, а говорило лишь об одном (см. ниже § 59).

§ 55. Далее видим еще неясность и несогласованность с действительностью в следующем отрывке. Святополк, убив Бориса, послал к Глебу, вызывая его обманным образом от имени больного отца. «Глѣбъ же, вборзѣ всѣдъ на конѣ, с малою дружиною поиде, бѣ бо послушливъ отцю. И пришедшу ему на Волгу, на поли потчеся конь во рвѣ, а наломи ему ногу мало; и приде Смоленску, и поиде отъ Смоленска, яко зрѣмо, и ста на Смядинѣ въ насадѣ».

Спрашивается, откуда шел Глеб по вызову своего брата Святополка, где он был при смерти отца? Судя по статье 6496 (988) г., Глеб сидел в Муроме. Следовательно, составитель Начального свода думал, что Глеб идет в Киев из Мурома.³ Но зачем же Глеб совершает путь из Мурома до Волги на конях? Муром находится на Оке, а перед Глебом открывался речной путь, если он хотел достигнуть истоков Волги, чтобы от них идти к Днепру, который должен был привести его в Киев.⁴ Мне представляется, что и здесь обнаруживается стремление летописца (составителя Начального свода) соединить два рассказа, два предания: по одному — Глеб ехал в кораблеце или в насаде, когда его настигли убийцы, а по другому — Глеб ехал на конях; первое предание отразилось и в Несторовом сказании (где, впрочем, Глеб на кораблеце едет от Святополка, убегая от него), второе же предание стоит в очевидной связи с легендой, связавшею, конечно, с определенной местностью (на Волге) падение Глеба с коня и повреждение им при этом падении ноги. Па-

¹ Рукописные жития; также: *свщ. И. Колосов*. Новоторжский Борисоглебский монастырь. СПб., 1890. С. 14; Монастыри и приходские церкви г. Торжка. Тверь, 1903.

² При «Дорогожичъ» была известна форма «Дорогожьчъ» (следовательно, в род. пад. «Дорогожча»); ср. Ипатьевскую летопись под 6654 г.: «въ слудовы Дорогожьчьския». Ср. «Любьчъ» при «Любичъ» (род. пад. «Любча» при «Любича»).

³ Ср. подобное понимание в позднейшей компиляции, в так называемой Переяславской летописи: «и посла по блаженана Глѣба въ Муромъ».

⁴ Путь Глебов, речной путь из Мурома в Киев, см.: *Ходаковский З. Я.* Пути сообщения в древней России // РИС. Т. I, кн. 1. С. 24—25. Н. В. Шляков предполагал, что Глеб шел не из Мурома, а из Ростова, куда он был переведен с удалением Бориса в Киев. Любопытен приведенный этим исследователем расчет, по которому оказывается, что в течение 42 дней (от 24 июля до 5 сентября) послам Святополка и Глебу приходилось делать по 46 верст в день (если Глеб сидел в Ростове) или по 56—60 дней (если он сидел в Муроме). Но, кроме того, Н. В. Шляков отмечает неясность того обстоятельства, зачем Глеб попал в Отмичи (село на устье Тьмы, ср. ниже). «Для чего ему было два раза переправляться через Волгу? Отмичи лежит на левом берегу Волги. «Не шел ли он из Белоозера? Но тогда путь удлинится еще до 2677 верст, т. е. до 64 верст в день» (О поучении Владимира Мономаха // ЖМНП. 1900. С. 97—98).

мятники сохранили нам название этой местности, а благочестивое рвение князей или простых русских людей уже в глубокой древности украсило ее построением монастыря в честь св. Бориса и Глеба. Так, в Хлебниковском списке читаем про Глеба: «и пришедшу ему на Волгу на усть Тмы»; последних слов нет в Ипатьевском списке; между тем отличия Хлебниковского списка от Ипатьевского зависели от исправления первого по общерусскому своду начала XIV в.; следовательно, указанная прибавка восходит к памятнику начала XIV в. В Тверском сборнике (1534 г.) читаем так же: «и пришедшу ему на Волгу на усть рѣки Тмы». «И на том месте, — продолжает Тверской сборник, — ныне монастырь Бориса и Глеба, зовомый Втомичий» (ПСРЛ. Т. XV. С. 130).¹ Если предание о месте, где Глеб повредил себе ногу, засвидетельствовано для XIV и следующих веков, то появление его можно отнести и к более древнему времени. Ничто не препятствует предположению, что предание это восходит к XI в. Оно могло быть известно и составителю Начального свода, как это ясно из только что приведенного отрывка. Ибо зачем было бы ему говорить о столь незначительном событии, как небольшое повреждение ноги Глебом, если бы этому событию не придано было где-либо в ином месте, в ином устном или письменном произведении большое значение, если бы с ним не ассоциировалось представление о памятном месте, которое должно быть посвящено святому угоднику. Таким образом, составителю Начального свода пришлось комбинировать предание о путешествии Глеба в кораблеце или насаде с преданием о падении его с коня на берегу Волги и Тмы и повреждении им ноги; в результате такой комбинации оказывалось, что Глеб на конях едет из Муром к Волге, а в кораблеце или насаде отправляется уже только из Смоленска.

§ 56. Непосредственно за рассмотренным отрывком читаем в дошедшем до нас летописном сказании: «В се же время пришла бѣ вѣсть къ Ярославу отъ Передѣславы о отни смерти, и посла Ярославъ къ Глѣбу, глаголя: не ходи, отецъ ти умерлъ, а братъ ти убьень отъ Святополка». Это место стоит в тесной связи с другим, которое находим ниже, в сообщении о сборах Ярослава против Святополка: «В ту же ношь приде ему вѣсти ис Києва отъ сестры его Передѣславы си: отецъ ти умерлъ, а Святополкъ съдѣти ти Києвъ, убивъ Бориса, а на Глѣба посла; а блюдиися его повелику».

Сообщение о сборах Ярослава против Святополка, содержащее подробности явно новгородские (например, об избии новгородцами варягов, о поездке Ярослава на Раком и др.), несомненно происхождения новгородского. В Начальный свод оно попало из Новгородского владычного свода XI в., которым пользовался составитель Начального свода. Уже это наводит на мысль, что некоторые подробности в этом сообщении вставлены составителем Начального свода для согласования статьи, заимствованной им из новгородского источника, с другими частями

¹ Ср. в описи XVI в.: «монастырь Вотминчина на берегу на Волгѣ... а въ немъ церковь пресв. Богородицы да стратотерпцы Борисъ и Глѣбъ». Ныне этот монастырь упразднен; на его месте село Отмичи Тверской губернии и уезда, в 13-ти верстах к северо-западу от Твери, вверх по берегу р. Волги, в устье р. Тмы. См.: *Зверинский В. В.* Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской Империи. СПб., 1897. Т. III. С. 131. Некоторые данные относительно Отмич см. в вышеназванном труде Н. В. Шлякова (С. 98 отд. отт.).

свода. Так, характер вставки имеет самый текст полученного Ярославом известия: в нем точно выясняется момент получения его Ярославом — это время между 24 июня и 5 сентября, между днем, когда убит Борис, и днем убийства Глеба. Составитель свода такую редакцию известия как будто предоставил себе возможность сообщить выше, в рассказе об убийстве Глеба, что Ярослав, получив известие от Передславы, поспешил предупредить Глеба о грозящей ему опасности. Ниже увидим, что дошедшие до нас отрывки Новгородского владычного свода уполномочивают нас утверждать, что первоначальная редакция полученного Ярославом известия была иная, чем та, что читаем в дошедшем до нас летописном сказании, а здесь отметим, что даже среди списков ПВЛ в тексте рассматриваемого известия замечаются большие отличия: Лаврентьевский, Радзивилловский и Хлебниковский списки излагают его так, как указано выше, а в Ипатьевском читаем: «а Святополкъ съдѣти в Киевѣ, послав уби Бориса и Глѣба». Возможно, впрочем, что это чтение позднейшее, — ему естественно было явиться потому, что о Глебовом убийстве уже сообщено было раньше. Но есть еще одна подробность, совершенно ясно обнаруживающаяся как вставка: не подлежит сомнению, что *си* перед текстом известия относится к *вѣсть*; мы вправе ожидать, что это *си* следовало непосредственно за словом *вѣсть*; следовательно, первоначальным мы вправе признать чтение: «В ту же ночь приде ему вѣсть си», а слова «ис Кыева отъ сестры его Передъславы», которые читаем между *вѣсть* и *си*, признаем вставкой. Такое заключение наше естественно вытекало бы и из общих соображений: составителю Новгородского свода решительно не могла быть известна такая подробность, как то, что весть о смерти отца и вокняжении Святополка пришла к Ярославу от Передславы. Но если составитель Начального свода вставил слова «ис Кыева отъ сестры его Передъславы» в новгородский рассказ о сборах Ярослава, то ему же можно приписать вставку приведенного выше сообщения о том, что в то время, когда Глеб ехал в Киев, к Ярославу пришла весть от Передславы о смерти и убийстве Бориса и что Ярослав послал известие об этом Глебу. И без указанного соображения сообщение это представляется не совсем ожидаемым и не совсем уместным: если Глеб был предупрежден Ярославом, отчего он не спасся бегством или не оградил себя от убийцы? Глеб стоял на Смядине в насаде, когда получил указанное известие; известие это повергло его в скорбь, которую он излил в длинном причитании; но внезапно явились посланные Святополком, «и ту абѣ послании яша корабль Глѣбовъ». Выходит так, что Глеб не только не попытался спастись бегством, но даже поплыл навстречу своим убийцам,¹ ибо если Глебов корабль стоял на месте, его незачем было иметь. Итак, приходим к заключению, что и в рассказе об убийстве Глеба в дошедшем до нас летописном сказании есть вставки против первоначальной редакции сказания как она читалась в Древнейшем своде.

§ 57. Обращаем еще внимание на только что приведенное обстоятельство. Глеб «ста на Смядинѣ в насадѣ», а ниже: «и ту абѣ послании яша корабль Глѣбовъ». Житийное сказание заменяет «в насадѣ» выражением «въ кораблици» и согласно с этим говорит и ниже о кораблице

¹ Составитель житийного сказания так и понял свой источник, ибо он пишет, что после получения известия от Ярослава «святыи же поиде въ кораблици и сръгоша и оустие Смядины».

(«святыи же поиде въ кораблицы»), а еще ниже — о лодье («начаша скакати злыи они въ лодию его»); я думаю, что эта замена насада кораблицем сделана составителем житийного сказания под влиянием Несторова сказания (где говорится то о корабле, то о кораблице) и не свидетельствует поэтому о том, что в Начальном своде читалось «въ кораблицы», а не «въ насадѣ». ¹ Итак, почему Начальный свод сначала употребил выражение «въ насадѣ», а затем — «корабль»? Если «корабль» было признано необходимым заменить другим выражением, почему оно не заменено словом «насадѣ» и ниже? Для объяснения этой особенности в тексте Начального свода прибегаем к приему, сходному с тем, что употреблен нами выше. Ищем указания на то, что в данном месте скомбинированы опять два источника: один из них, основной, говорил о корабле или кораблице (ср. это же выражение у Нестора), а другой, побочный, — употреблял слово «насадѣ». ² И этот другой источник мы, как и выше, признаем легендой, местным преданием.

Дело в том, что на месте убиения Глеба в глубокой древности возник монастырь. Уже под 6646 (1138) г. упоминается в Новгородской 1-й летописи этот монастырь: «а самого Святослава яша на пути Смолняне и стрѣжахуть его на Смядинѣ въ монастыри»; в 6653 (1145) г.: «заложиша церковь камяну на Смядинѣ, Борисъ и Глѣбъ, Смольньскѣ». ³ Весьма вероятно, таким образом, что с речкой Смядиной издавна связана благочестивая легенда, и легенда эта говорила о том, что Глеб убит на Смядине в насаде. Первоначальное сказание не знало, быть может, места убиения Глеба (как не знает его или не говорит о нем и Нестор); оно рассказывало, что Глеб захвачен на кораблеце настигшими его убийцами; смоленская легенда сообщала другие подробности об убиении Глеба. Начальный свод скомбинировал оба своих источника.

§ 57¹. Итак, наше исследование обнаружило ряд позднейших наслоений в дошедшем до нас летописном сказании о Борисе и Глебе. Позднейшее сказание изменило первоначальный рассказ о смерти Владимира и вставило: эпизод о смертельном ударе, полученном Борисом уже на пути в Вышегород, далее рассказ о путешествии Глеба (из Мурома) в Смоленск, во время которого он повредил себе ногу, затем самое указание на то, что он убит в Смоленске на Смядине, наконец, сообщение о присылке Глебу известия с предупреждением.

Думаю, что сравнение дошедшего до нас летописного сказания с Несторовым обнаружит еще несколько аналогичных указанным вставок.

§ 58. Выше мы определили главные отличия Несторова сказания от летописного. Мы не были склонны с самого начала допускать, чтобы Нестор решился исказить более или менее значительно свой оригинал, которым признаем Древнейший летописный свод. Теперь, после пред-

¹ В Новгородской 1-й «въ кораблицы» заимствовано из свода 1448 г., который, как мы видели, начинает влиять на текст Софийского временника 1421 г. (восходившего в известных частях своих к Начальному своду) еще выше.

² Думаю, что слово «корабль» было более в ходу на юге, чем на севере; «корабль» — слово заимствованное (ср. *греч.* *κάραβος*, *караβια*; *Котляревский А. А.* Скандинавский корабль на Руси // Сборник ОРЯС. 1890. Т. 48. С. 555—569); заимствование могло идти именно с юга; оно означало «легкое речное судно».

³ Не понимаю, почему на Смядынский монастырь перенесено название Втомычьего (как назывался, естественно, монастырь на реке Тъме, см. выше). У Зверинского (Материалы для историко-топографического исследования... С. 159) приведено название его Смядин-Борисоглебский-Втомычий монастырь.

ложенного выше анализа, оказывается, что дошедшее до нас летописное сказание в целом ряде случаев отступило от сказания первоначального, между тем как Нестор не противоречил этому предполагаемому первоначальному сказанию. Так, у Нестора говорится, что Борис испустил дух там, где его застали убийцы, а не по дороге в Вышегород; правда, смертельный удар получен им не в шатре, где его пронзили копьями, а вне шатра, когда он выскочил из него, причем удар пришелся в сердце, но тело его повезли в Вышегород бездыханным. Позволительно предполагать, что так же читалось и в первоначальном сказании, причем эта подробность и дала основание составителю Начального свода скомбинировать в своем сказании основное сказание и легенду о том, что Борис испустил дух на Дорогожиче. Так, далее у Нестора (как и в первоначальном сказании) не говорилось о путешествии Глеба (из Муром) в Смоленск и повреждении им ноги на Волге; по Нестору, Глеба преследовали на борзых кораблецах; когда его настигли убийцы, они, «имше корабль (Глѣбовъ) ключи, привлекоша къ себе»; мы видели, что первоначальный рассказ также говорил о том, что посланные Святополком люди «яша» корабль Глебов; следовательно, Несторов рассказ ближе к первоначальному, чем рассказ Начального свода, где вставлен эпизод о стоянке Глеба в насаде на Смядине. Так, наконец, Нестор ничего не говорит ни о предупреждении Передславой Ярослава, ни о предупреждении последним Глеба: мы видели, что и это в Начальном своде оказывается вставкой против первоначального рассказа.

Ввиду этого и другие отличия Несторова сказания от дошедшего до нас летописного могут оказаться не позднейшими изменениями первоначального сказания Древнейшего свода, а древними чертами, стертыми или искаженными в Начальном своде.

§ 59. Остановлюсь сначала на некоторых умолчаниях Нестора. Он не называет места, где убит Глеб, но предположение, что указание на Смоленск и на Смядину явилось в Начальном своде влиянием особой легенды, делает вероятным, что и в Древнейшем своде не было названо место Глебова убиения. Нестор не называет также места, где убит Борис; ясно только, что оно лежало на пути из того места, куда Борис ходил походом против поганых, в Киев. Начальный свод сообщает: «и ста на Лѣть пришедь»; можно заключить, что весть о смерти отца застала Бориса на Альте; он и остался там, отпустив войско, с одними отроками; далее читаем, что «послании придоша на Лѣто ночью». Итак, Борис убит на Альте. Но читалось ли это название в Древнейшем своде? Думаю, что нет, ибо если оно было в Древнейшем своде, Нестору не было бы основания опустить его; вместо того чтобы сказать: «а самъ съ отроки пребысть на мѣстѣ томъ день тѣи», он мог бы поставить: «на Лѣть день тѣи». Оставляя в стороне вопрос, где в самом деле убит был Борис, я вижу, что предание указывало решительно на Альто как на место его убиения. Ср. поставление монастыря на Альте еще до 1074 г.;¹ в 1117 г. Владимир Мономах заложил каменную церковь Св. Мученику на Лѣте и окончил ее со тщаньем многим; Лѣтская божница св. Мученику упоминается в летописях под 6662 (1154) г. Быть может, церковь в память Бориса и Глеба была основана на Альте действительно на

¹ Ср. под этим годом в летописном рассказе о кончине Феодосия: «и нарече имѣ Иякова презвитера. Братѣи же нелюбо бысть, глаголюще: яко не здѣ ест постриганъ; бѣ бо Ияковъ пришесть с Лѣтца с братомъ своимъ Пауломъ».

месте убиения Бориса, но возможно, что она построена Ярославом на месте победы над Святополком, приведшим на Русь печенегов;¹ ср. под 6527 (1019) г.: «и възиде противу ему на Лыто... и покрыша поле Летское оуби». Во всяком случае, несколько странным представляется совпадение места убиения Борисова и места окончательной победы Ярослава.² Не наведено ли было благочестивое предание на мысль, что Борис убит на Альте, существованием там часовни, церкви или монастыря, знаменовавших на самом деле другое событие? Если это так, то вполне естественно предполагать, что в Древнейшем своде (как и у Нестора) не было указано место убиения Бориса.³ Но предание указывало, как можно думать, еще на другое место убиения Бориса, на урочище Дорогожич (см. выше § 54). Составитель Начального свода, отдав предпочтение первому преданию, согласовал с ним второе, предположив, что Бориса на Дорогожиче прикончили варяги, когда оказалось, что он, раненный на Лыте, еще дышит.

§ 60. Другое значительное умолчание Нестора видим в рассказе о самом убиении Бориса. Мы читаем у него: «и се единъ отъ престоящихъ ему слугъ паде на немъ; они же и того пронизоша». Слуга этот, по свидетельству Начального свода, назывался Георгием. Отчего же не называл его Нестор? Сравнивая дальше поступок повара Глеба с поступком отрока Борисова, Нестор опять не дает имени Георгия: «оканьный же поваръ не поревноваше оному, иже бѣ палъ на святомъ Борисѣ, но уподобися Июдѣ предателю». Ниже, передавая Вышегородскую запись об исцелении сына вышегородского градника (Миронег), Нестор опять не называет Борисова слугу по имени, хотя и говорит о нем; исцеленный видел с Борисом и Глебом, явившимися ему, «и отрока, иже бѣ палъ на блаженемъ Борисѣ, свѣщю несуща предъ святыма». Дошедшая до нас редакция Вышегородских записей называет Георгия: «и повѣдаше съ нима видѣвъ Георгия, оного отрока святаго Бориса, ходяща съ нима и несуща свѣщю». Итак, слуга Борисов удостоился высокой награды, подвиг его давал особое основание для уважения его памяти. Сомневаюсь, чтобы Нестор умышленно умолчал его имя, если оно было бы ему известно; мне кажется, что это было бы противно обычным агиологическим приемам. Одно дело — не называть окаянных убийц или опустить имя того властелина града, сын которого удостоен был исцеления, и другое дело — скрыть имя угодника Божия. Признавая вероятным, что

¹ Ср. церковь Св. Бориса и Глеба в Новгороде на Гзени (Къземли), построенную, по видимому, на месте победы князя Глеба над Всеславом Полоцким в 1069 г.

² Есть основание думать, что победа эта произошла 24 июля. Ср. в описании Летской битвы: «бѣ же пятакъ тогда»; 24 июля в 6527 (1019) г. приходилось на пятницу; это обстоятельство еще более усиливало связь между местом победы и местом убиения, которое было отнесено также к 24 июля.

³ Под 6527 (1019) г. читаем: «и възиде противу ему на Лыто. Ярославъ ста на мѣстѣ, идеже убиша Бориса, въздѣвъ руцѣ на небо, рече: кровь брата моего вопыеть къ тебѣ, Владыко! мести отъ крове праведнаго сего» и т. д. Если соображение наше верно, то этих слов не было в Древнейшем своде. Впрочем, на то, что они вставлены, указывает, во-первых, сходство их со словами Ярослава в статье 6523 (1015) г., сказанными им еще в Новгороде: «да будетъ отмѣстникъ Богъ крове братья моя»; во-вторых, Ярослав с полным правом мог вспомнить здесь о крови не одного Бориса, но также и Глеба, если бы летописец не имел в виду подчеркнутую особо связь места Летской победы с местом убиения Бориса (ср. переделку в паримии: «кровь брату моему въпиеть къ тебѣ, владыко, мести кровь правдыну»); в-третьих, непосредственно за молитвой к Богу читаем, после слов «помолився, рекъ», молитвенное обращение к св. Борису и Глебу; такое накопление молитв вряд ли первоначально. Не читалось ли в Древнейшем своде: «Ярославъ же помолися, рекъ»?

Нестор не нашел имени слуги Борисова ни в Древнейшем своде, ни в Вышегородских записях,¹ ставим вопрос, откуда же это имя стало известным составителю Начального свода?

И здесь слуга сначала не назван. «И прободоша Бориса и слугу его, падша на нем, прободоша с ним». Но затем поясняется, кто был этот слуга; пояснение это имеет характер вставки. «Бѣ бо сей любимъ Борисомъ; бяше отрокъ съ родомъ сынъ Угърскъ, именемъ Георги, егоже любяше повелику Борисъ, бѣ бо възложилъ на нь гривну злату велику, в нейже предѣстояше предъ нимъ. Избиша же ины отроки Борисовы многы. Геограеви же сему не могуще вборзѣ сняти гривны съ шиѣ, уськнуша главу его, и тако сняша гривну, а главу отвергоша прочь; тѣмже послѣже не обрѣтоша тѣла сего въ трупии».

Обращаем внимание на связь этого отрывка с рассказом Поликарпа о преп. Моисее Угрине. «Увѣдно бысть о семъ блаженемъ Моисеи Угринѣ, яко любимъ бѣ святымъ Борисомъ. Сей бо былъ родомъ Угринѣ, братъ же Георгіа, на негоже святыи Борисъ възложи гривну злата, егоже убиша съ святымъ Борисомъ на Алтѣ и главу его отрѣзаша, златыя ради гривны. Сей же Моисѣй единъ избывъ отъ горкія смерти и горкаго заколенія избѣжавъ, и прииде къ Передславѣ, сестрѣ Ярославлѣ». Конечно, можно бы предположить, что Поликарп, обратив внимание на общее происхождение летописного Георгия Угрины и Моисея Угрины, присочинил рассказ о том, что оба Угрины были братьями и что Моисей был также любим Борисом, у которого служил вместе с братом; следовательно, все, что сообщено им о Георгии, восходило бы прямо к летописи. Но откуда же взято Поликарпом, что спасшийся Моисей скрылся у Передславы? Скажут, что и это сочинено на основании летописи, выставившей Передславу в активной роли помощницы Ярослава, и на основании еще того обстоятельства, что и Моисей и Передслава попали в плен к ляхам. Но предыдущее исследование показало, что активная роль приписана Передславе составителем Начального свода вопреки данным Древнейшего свода, который не сообщал о том, что Ярослав был извещен о смерти отца и избииении братьев именно Передславой. Следовательно, сам Начальный свод руководствовался какими-нибудь данными о Передславе, позволившими ему внести дополнение в первоначальный текст летописи. Не те же ли данные отразились в Поликарповом рассказе? Кроме того, отметим, что ПВЛ (и конечно, также Начальный свод) не говорит прямо о взятии в плен Передславы: летопись сообщает о том, что Болеслав захватил с собой «обѣ сестры Ярославли» (то же у Поликарпа); следовательно, общая участь (плен) еще не служила достаточно основой для ассоциации между Моисеем и Передславой.

Поликарп, рассказав о Моисее, называет тот источник, откуда он извлек свое повествование. «Се же вписано естъ в житіи святого отца нашего Антоніа, еже о Мовсѣи, бѣ бо пришель блаженный во дни святого Антоніа». Итак, возможно, что в Житии Антония говорилось о родстве Моисея с Георгием и о том, что Моисей, слуга Борисов, скрывался у благочестивой Передславы.

§ 61. Ниже, в главе XI, приведем доказательства в пользу того, что Начальный свод имел в числе источников Житие Антония. Думаю поэтому, что именно из него заимствованы: имя Георгия для слуги, прободенного над телом Борисовым, и подробность о возложении на него

¹ Дошедшая до нас редакция их могла заимствовать это имя из житийного сказания.

золотой гривны и отсечении убийцами главы его; замечание «тѣм же послѣже не обрѣтоша тѣла сего въ трупии» принадлежит, по-видимому, также Житию Антония и может быть поставлено в связь с благочестивою легендой, сообщающею, что глава св. Георгия обреталась в Борисоглебском монастыре, основанном преп. Ефремом Новоторжским (братом Моисея и Георгия) близ Торжка.¹ Итак, глава была обретена, а тела «не обрѣтоша».

§ 62. Мы отвлеклись в сторону от поставленной себе задачи. Возвращаясь к сравнению Несторова сказания с летописным, остановимся теперь на случаях прямого противоречия данных Нестора данным дошедшего до нас летописного сказания.

Рассказывая о Борисе, Нестор говорит: «паче посла ѿ потомъ отецъ и на область Владимиръ, юже ему дасть, а святаго Глѣба оу себе остави». Святополк тогда еще начал враждовать против Бориса, «хотяше бо оканьнии всю страну погубити и владѣти единъ». Владимир, узнав об этом, привел Бориса к себе. Начальный свод не знает о том, что Борис сидел некогда во Владимире. Под 6496 г. он сообщает о том, что при распределении уделов Борису достался Ростов, Глебу — Муром, а область Владимира получил Всеволод; правда, распределение это было не первоначальное, так как сначала Ростов получил Ярослав, переведенный в Новгород по смерти Вышеслава; можно было бы гадать, что Борис получил сначала Владимир, а потом после перехода Ярослава в Новгород — Ростов, но оснований для такого гадания не имеем. Между Нестором и Начальным сводом остается явное противоречие: по Нестору, Борису достался Владимир, а Глеб совсем не получил области; между тем, по Начальному своду, Борису достался Ростов, а Глебу — Муром. И в связи с этим стоит и дальнейшее противоречие: по Нестору, Глеб после смерти отца сел на приготовленный ему кораблец и поплыл от Киева, спасаясь от Святополка; по Начальному своду, он, услышав о смерти отца, возвращается из своей области в Киев и по пути попадаетеся убийцам, посланным Святополком.

Разумеется, мы не спросим: кто же прав — Нестор или Начальный свод? Для решения такого вопроса мы совсем не располагаем данными. Но мы можем рассмотреть вопрос об источниках того и другого рассказа. На что опирался в фактической части своей Нестор? На Древнейший летописный свод — это доказано выше; на некоторые устные рассказы «иныхъ христолюбцевъ» — об этом заявляет сам автор. Какими источниками располагал составитель Начального свода? Прежде всего Древнейшим летописным сводом, а потом еще рядом других письменных и устных источников, как это уже доказано предыдущим исследованием. Итак, состав Начального свода сложнее состава Несторова сказания; сложность состава отражалась на необходимости согласовать источники, комбинировать их и давать, таким образом, иной раз придуманные известия, искусственно составленные сообщения.

Таким искусственно составленным сообщением представляется мне и статья 6496 г., содержащая распределение волостей между сыновьями

¹ Ср. в Летописце Новгородском церквам Божиим (XVII в.) под 6523 г.: «Преподобный отецъ нашъ Ефремъ Новоторжскій бѣ въ сѣя времена». Основание монастыря относится преданием к 1030 г. Ср.: *Ратишин*. Исторические сведения о монастырях и церквах. С. 510; *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых. С. 335—338; *Зверинский В. В.* Материалы... Т. III.

Владимира. Новгородский владычный свод сообщал, что первым князем после крещения был Вышеслав, за ним Ярослав (ср. эти данные во всех перечнях князей новгородских, читающихся в новгородских сводах); думаю, что данные, касающиеся Новгорода, взяты составителем Начального свода из этого источника, из владычного свода; о том, что Изяслав сел в Полоцке, было ему известно из того обстоятельства, что там сидело все потомство его; что Мстислав получил Тмуторокань, составитель Начального свода заключил из дальнейших событий (похода Мстислава на касогов, постройки им в Тмуторокане церкви Св. Богородицы и др.); Святослав посажен летописцем в Деревех едва ли не в связи с последующей его судьбой, когда он бежал от Святополка к Угорской горе:¹ казалось, что путь в Угры был ближе всего открыт для князя Деревского; Святополк сидит в Турове, как кажется, в силу своего старшинства; ср. принадлежность Турова старшему Ярославичу, Изяславу, сидевшему в нем при жизни отца; Туров принадлежит старшему после Всеволода Ярославича при княжении последнего в Киеве. Неясно, почему Ростов отдан летописцем Борису, Муром — Глебу, Владимир — Всеволоду. Неясно также, почему не указано, кто из сыновей Владимировых сидел в Смоленске, в Чернигове, в Переяславле.²

В виде предположения высказываем догадку, что и здесь на сообщение Начального свода о Борисе и Глебе повлияли предания, связанные с этими святыми. Мы уже видели, что путешествие Глеба на конях к Волге и оттуда в Смоленск вставлено в Начальный свод под влиянием двух легенд — о падении Глеба с коня на месте, где позже возник Втомичий монастырь, и об убиении его на Смядине в насаде. Вспомним теперь, что Ростовская область уже в XII в. представляла предания о сидевших в ней или ходивших по ней князьях Борисе и Глебе. Так, Переяславская и Радзивиловская летописи, сообщая под 6667 (1159) г. о погребении Бориса Юрьевича в церкви Св. Мучеников, прибавляют: «юже бѣ създалъ отецъ его Георгии на Нърли, идѣже бѣше становище святаго Бориса». По-видимому, в позднейшей редакции читаем то же

¹ Об убиении Святослава в Угорской горе существовало народное предание. Ср.: Грушевский М. С. *Історія України—Руси*. Т. II. С. 7, примеч.

² Позднейшие компиляторы догадывались, что Судислав сидел в Пскове (на основании того, что он позже просидел там в заключении 24 года), а Stanisław — в Смоленске. Ср. Софийскую 1-ю, Новгородскую 4-ю и др. Откуда это известие о Stanisławе Смоленском? Почему позднейшие компиляторы не сумели сказать ничего про удел Позвизда? Я думаю, что в распоряжении составителя общерусского свода XV в. были какие-то данные, указывавшие на то, что в Смоленске сидел Stanisław. Обращаю внимание на возможность того, что Stanisław пережил бурные события 1115—1119 гг. Не его ли следует разумеать в загадочном известии Скилиция-Кедрина: ἐτελεύτησαν δὲ καὶ οἱ τῶν Ῥώσ ἀρχόντες, Νοτισθλάβος καὶ Ἱεροσθλάβος, καὶ ἄρχειν προεκρίθη τῶν Ῥώσ συγγενῆς τῶν τελευτησάντων Ζινισθλάβος (Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae op. ab Immanuele Bekkero suppletus et emendatus / Ed. Bonnae. 1839. Т. II. Р. 515). Известие это, как отметил и М. С. Грушевский (*Історія України—Руси*. С. 25), заслуживает всякого внимания, ибо читается под 6544 г., т. е. под тем же годом, под которым наша летопись сообщает о смерти Мстислава (Νοτισθλάβος). Если переставим имена Ярослава (Ἱεροσθλάβος) и Stanisławа (Ζινισθλάβος), то получим указание на то, что в 6544 г. умерли русские князья Мстислав и Stanisław и избран на княжение родственник умерших, Ярослав. Менее правдоподобно думать, что за смертью Ζινισθλάβος надо читать заточение Судислава. (Есть новое издание Скилицы: Ioannis Scylitzae *Synopsis Historiarum*. Editio princeps. Recensuit Ioannes Thurn // *Corpus Iontium Historiae Byzantinae*. Bezolini. 1973. В этом издании, например, имя Мстислава передано несколько иначе — Νοτισθλάβος (с. 399). — *Примеч. сост.*).

известие в Лаврентьевской: «идеже бѣ становище святою мученику Бориса и Глѣба»; еще более поздняя редакция вставляется перед словом «идеже» — «въ Кидекши» (Ипатьевская).¹ Возможно, что некоторые из таких преданий связывали Бориса с самим Ростовом. Не стану, впрочем, для подтверждения ссылаться на Житие Авраамия Ростовского, в некоторых списках которого в качестве просветителя Ростова является епископ Иларион, присланный с мучеником Борисом от князя Владимира,² ибо здесь Борис мог появиться путем книжным, под влиянием летописи. Не могу придавать значения и показанию Жития Константина Муромского о том, что Глеб, не принятый муромлянами на княжение, отъехал от города за 12 поприщ на реку Ишню и пребывал здесь до смерти своего отца.³ Ограничиваюсь приведенным выше указанием на предание XII в., сообщавшее о становище св. Бориса на р. Нерли в с. Кидекше. Это предание можно смело возвести и к XI в. Оно могло быть известно и составителю Начального свода, который и воспользовался им при распределении волостей между сыновьями Владимира. Бориса он посадил поэтому в Ростове, отвергнув показание Древнейшего свода о том, что Борис был посажен во Владимире. Неразлучный с ним в легендах и сказаниях Глеб посажен летописцем в Муроме как в волости, соседней с Ростовом, а город Владимир — для того чтобы не могло возникнуть сомнений в том, что летописец допустил ошибку, не сказав, что во Владимире сидел именно Борис, — отдан им Всеволоду как старшему после Святополка и Ярослава сыну Владимирову.

Благодаря сделанному летописцем распределению, ему стало возможно связать в одно целое предания о Глебе, указывавшие на падение его с коня на устье реки Тьмы и на убийство его в Смоленске; очевидно, Глеб шел из своей области по вызову Святополка в Киев, по пути был на Волге и с Волги попал в Смоленск. Так сложилось у составителя Начального свода убеждение в том, что рассказ Древнейшего свода о бегстве Глеба из Киева, где он сидел при отце без удела, необходимо отвергнуть.

§ 63. Отвергнув также сообщение о том, что Борис сидел во Владимире, составитель Начального свода должен был опустить известие Древнейшего свода (ср. Несторова сказание) о том, что князь Владимир должен был вывести Бориса из Владимира, опасаясь злобы Святополка. А между тем это известие, едва ли придуманное Нестором, а скорее всего почерпнутое им из Древнейшего свода, дает нам указание на то, что между Владимиром и Святополком происходили серьезные разногласия; об этих разногласиях имеем свидетельство современника, Титмара Мерзебургского,⁴ а потому придаем известное значение и извлекаемому из Несторова сказания известию.

§ 64. Перехожу еще к одному, впрочем гораздо менее значительному, противоречию между дошедшими до нас летописным и Несторовым сказаниями. В Начальном своде (ПВЛ) читаем, что Святополк во время смерти Владимира был в Киеве; в Несторовом сказании Святополк, узнав об отцовской смерти, «всѣде на коня и скоро доиде Кыева града». Это противоречие я считаю незначительным потому, что из слов Нестора

¹ Кидекша — село в 4 верстах от Суздаля.

² Ср.: Памятники старины русской литературы. Т. I. С. 225; *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых.

³ Памятники старины русской литературы. Т. I. С. 229.

⁴ Ср. lib. VII. Monumenta Poloniae historica... Т. I. S. 310.

видно, что Святополк был, во всяком случае, близко от Киева. Думаю, что в Древнейшем своде было указано, где сидел Святополк и откуда он приехал; выше я указывал на основания, для предположения, что в Древнейшем своде ярко проводилась мысль, что Святополк опирался на вышегородцев; можно думать поэтому, что Древнейший свод знал и сообщал о том, что Святополк во время кончины Владимира сидел в Вышегороде. Возможно, что после слов «Оумре же на Берестовѣмъ» читалось: «и потаи ѿ Святополкъ, бѣ бо Киевѣ, пришѣдъ изъ Вышегорода».

7

§ 65. Подводим итоги предшествующему исследованию. Сказание о Борисе и Глебе было занесено в Древнейший летописный свод, составленный, как можно думать (см. ниже в конце настоящего исследования), во второй четверти XI столетия. Остается невыясненным, существовало ли оно раньше в отдельном виде или сочинено самим составителем свода. Более вероятным представляется мне последнее предположение. Составитель Древнейшего свода не мог не остановиться с особенным вниманием на рассказе об уже прославленных святых русских и, дойдя до 6523 г., должен был посвятить им особую статью.

Сказание о Борисе и Глебе по Древнейшему своду восстанавливается главным образом по Начальному своду (ПВЛ), но также и по Несторову сказанию. Небогатое фактическим содержанием, оно не давало ни христианских имен святых братьев, ни даты, ни места их убийства. Тем удивительнее сохранение в нем имен убийц обоих братьев. Кажется, в этом случае им использовано киевское предание, приписывавшее исполнение злодеяния соседним вышегородцам: убийцы Борисовы названы вышегородцами. Место погребения Бориса (Вышегород, у церкви Св. Василия) было указано, сообщено было также об обретении мощей Глебовых и перенесении их к мощам Борисовым.

Общий состав сказания по Древнейшему своду представляется мне в следующем виде. В связи с сообщением о предсмертной болезни Владимира говорилось, что он послал бывшего у него в то время Бориса против печенегов; возможно, что при этом указывалась причина, почему Борис оказался у Владимира; он вывел его из Владимира, опасаясь злобы, которую питал к Борису Святополк; Владимир скончался на Берестовом; Святополк, узнав о смерти отца, приехал вскоре в Киев из Вышегорода и принял меры к тому, чтобы скрыть от киевлян это событие; ночью же он отправился тайно в Вышегород, призвал к себе Путышу и вышегородских старшин и уговорил их тайно умертвить Бориса. В ту же ночь бояре вывезли Владимирово тело из берестовского терема и поставили его в Св. Богородице. Далее сообщалось о погребении Владимира. После краткой похвалы Владимиру составитель Древнейшего свода сообщал, что Святополк сел на отцовском столе и начал склонять киевлян в свою пользу путем подкупов: одних он дарил одеждой, других — кунами. Киевляне колебались: сердце их не было со Святополком, так как братья их были с Борисом. Борис, возвращавшийся в то время в Киев, получает известие о смерти отца. Дружина уговаривает его идти в Киев и сесть на отцовском столе. Но Борис отказывается поднять руку на старшего брата; войско оставляет его. Чтобы усыпить бдительность Бориса, Святополк посылает к нему лестные предложения. Но одновременно к его стану приходят убийцы, ко-

торые под покровом ночи подкрадываются к его шатру. Здесь в Древнейшем своде (как у Нестора и в Начальном своде) сообщалось о том, что Борис пел в это время псалмы и каноны, затем помолился на икону и лег спать. Убийцы напали на Бориса и пронзили его копьями; вместе с Борисом пал его слуга, желавший защитить собою тело своего господина. Тело Борисово завернули в шатер и повезли тайно в Вышегород, где похоронили у церкви Св. Василия. Далее были названы имена убийц. Святополк посылает погоню за Глебом, бежавшим из Киева на север. Погоня настигает Глеба; убийцы овладевают его кораблем; Горясер приказывает повару Глебову, Торчину, зарезать его, что тот и исполняет. Тело Глебово оставлено в пустом месте между двумя колодами, но впоследствии его взяли и перевезли в Вышегород, где и положили рядом с братом. Убийцы возвратились к Святополку, который вознесся после того еще больше и послал убить своего брата Святослава, бежавшего в Угры; погоня настигла последнего в Угорской горе. Далее сообщалось о походе Ярослава против Святополка.

§ 66. Древнейший летописный свод послужил основанием для Несторова сказания о Борисе и Глебе (составленного в 1081—1088 гг.). В общем оно верно передавало фактическую часть своего источника, но распространило ее целым рядом лирических отступлений в форме рассуждений и молитв, вложенных в уста святым мученикам.

Древнейший летописный свод вскоре после своего составления перешел в Новгород. Здесь он подвергся переписке и дополнению новгородскими известиями. В текст статьи об убиении Бориса и Глеба не внесено никаких изменений (впрочем, он, быть может, был сокращен), но перед сообщением о смерти Владимира рассказано о размолвке, происшедшей между ним и сыном его, Ярославом, сидевшим в Новгороде и отказавшимся давать Киеву обычную дань (см. об этом ниже § 122). Смерть застает Владимира среди сборов в поход против сына, который, опасаясь отца, нанимает варягов. Ниже Новгородский свод, после рассказа об убиении Бориса и Глеба, как бы продолжал прерванный рассказ о Ярославе, которому предстоит теперь поход не против отца, а против братоубийцы Святополка.

Оба свода — Древнейший Киевский и Новгородский владычний — поступают в распоряжение Начального свода, составленного в конце XI в. Но, кроме этих сводов, у составителя Начального свода оказывается ряд устных источников в виде народных преданий и духовных легенд; вдобавок в его распоряжении находится еще Житие Антония. В статье об убиении Бориса и Глеба приходится особенно много считаться с духовными легендами: слава о чудесах святых мучеников, явленных ими при поставлении их рак в построенной во имя их в Вышегороде церкви (1021 или 1026 г.), распространилась по всему лицу земли Русской; она усилилась после торжественного перенесения их мощей в новую церковь (20 мая 1072 г.). И не только в Киеве, но и в других городах возникали, размножались и определялись подобные легенды, причем появление легенды сопровождалось построением храма, монастыря, а иной раз постройка часовни, храма, монастыря в память св. Бориса и Глеба порождала сама легенды и благочестивые припоминания. Имеем указания на то, что в XI в. были храмы во имя Бориса и Глеба кроме Вышегорода: на Альте, где храм выстроен в память победы Ярослава над Святополком 24 июля 1019 г., в Турове, где храм построен на месте засыпанного погребя, откуда освобождены были чудесным образом узники, в Торжке (Ефрем

Новоторжский). Вероятно возводить к XI в. и постройку Смядинского монастыря, далее Втомичьего при впадении Тьмы в Волгу, церкви близ Киева на Дорогожиче, церкви или монастыря в Новгороде на Гзени (месте победы Глеба Святославича), церкви или часовни на Нерли в Кидекше и т. д. С большей частью этих церквей связались легенды, которые должны были быть приняты во внимание новым повествователем об обстоятельствах убийства Бориса и Глеба. На Альте утверждали, что Борис убит на месте самой церкви, а 24 июля (день победы Ярослава и основания церкви) признавали днем убийства Бориса; на Дорогожиче говорили, что Борис убит там, на пути из Киева в Вышегород; в Смоленске помнили, что Глеб убит на Смядине в насаде; в Кидекше показывали становище св. Бориса; на устье Тьмы рассказывали, что здесь оступился конь Глебов и повредил ногу князю. Все эти легенды благочестивое усердие паломников приносило в Киев, и в них-то пришлось разобраться составителю Начального свода. Бывшее у него под руками Житие Антония давало новые данные для соображений и для дополнения ими повествования о событиях 1015 г.; здесь была изложена легенда о Моисее Угрине, а в ней упоминался Георгий, его брат, доблестный слуга Борисов; быть может, уже тогда сложилась и легенда о Ефреме Новоторжском, строителе Борисоглебской церкви на берегу р. Тверьцы: он признан братом Георгия и Моисея и владетелем святыни — главы убитого Георгия. Статья 6523 г. по Начальному своду весьма удачно соединила свое древнее основание со всеми этими легендами. Текст Древнейшего свода пришлось подвергнуть перестановкам и переделкам. Так, не приходилось говорить о бегстве Глеба из Киева, ибо оказывалось, что Глеб во время смерти отца был где-то далеко, быть может в Муроме. Борис убит на Альте, но смертельный удар он получает на Дорогожиче. Слуга Борисов назывался Георгием, он был родом Угрин; его голова найдена, но тела не могли признать, так как голова была отделена от туловища. Глеба не преследовали убийцы, они встретили его в Смоленске на Смядине; на пути к Смоленску, куда он спешил, чтобы оттуда попасть в Киев, Глеб на Волге, на устье Тьмы, повредил себе ногу.

Начальный свод и Несторово сказание вызвали, как кажется, около 1115 г. (года второго перенесения мощей Бориса и Глеба) появление двух произведений духовной литературы: во-первых, особого проложного сказания о Борисе и Глебе, в основу которого положен текст Начального свода, сильно сокращенный, но местами дополненный по Несторову сказанию; во-вторых, житийное сказание, приписываемое без достаточных оснований Иакову мниху: в него вошел также текст Начального свода, но почти без сокращений, и притом с обширными вставками, в которых отчасти отразилось Несторово сказание.¹ Сказание о чудесах в

¹ Житийное сказание имело в своем распоряжении довольно обширный материал. Ср. в нем ссылки на мучения св. Никиты, св. Вячеслава и св. Варвары; сообщение из легенды, относящейся к смерти Иулиана отступника (убитого св. Меркурием). Ср. более подробное развитие этого в летописи Архангелогородской: «Якоже бо Іуліанъ царь, иже многихъ святыхъ мученикъ крови проля, горькую и нечеловѣчную смерть пріять, невидимо отъ кого прободенъ бысть копіємъ въ сердце, токмо писаніу глаголетъ, отъ святаго мученика Меркурія убіенъ бысть, тако и сей бѣгая, не вѣдый же ся, отъ кого жъ се злострастную смерть пріять». Указание «преже 9 каландъ августа» при 24 июля заимствовано из мучения св. Христины, которое читается также под 24 июля. Счет по каландам был вообще на Руси неизвестен; могу привести пример из Новгородской 1-й под 6644 г. (ср. об этом известии ниже § 135).

древнейшей части основывается на тех самых Вышегородских записях, которыми пользовался Нестор.

Около того же времени составлено паримийное чтение о Борисе и Глебе; оно извлечено в фактической своей части из Начального свода; оттуда же заимствованы и некоторые рассуждения и сравнения.

В 1116 г. составлена ПВЛ. Она повторила сказание о Борисе и Глебе Начального свода, но в двух местах дополнила его по паримийному чтению. Кроме того, присоединила к сказанию похвалу святым братьям, составленную отчасти под влиянием службы Борису и Глебу.

ГЛАВА IV

О НЕКОТОРЫХ ВСТАВКАХ В ТЕКСТЕ НАЧАЛЬНОГО СВОДА

§ 67. Предыдущее исследование о Несторовом сказании о Борисе и Глебе и о древнем житии Владимира привело нас к представлению о летописном своде, более древнем, чем Начальный свод. Анализ сказания о Борисе и Глебе по Начальному своду дал возможность восстановить это сказание по старшему своду, который мы назвали Древнейшим летописным сводом. Думаю, что анализ и некоторых других частей Начального свода должен привести к обнаружению в нем позднейших вставок и наслоений. Расположим наши замечания в нескольких отделах.

1

§ 68. Имеется ряд оснований для признания хронологической сети Начального Киевского свода вставленной составителем этого свода, имевшим в своем распоряжении летопись, не расположенную по годам.¹ Годы, под которыми составитель Начального свода разместил древнейшие события, оказываются в теснейшей связи со вставленными им же в свод отрывками из какого-то хронографа. Так, первый год Начального свода (6362) обозначает начало царства императора Михаила: ср. в конце предисловия обещание начать рассказ от Михаила царя; он извлечен из того краткого вида хронографа, который дошел до нас в соединении с Палеей (ср., например, списки Синодальный № 211 и 210, Погодинский № 1435, список Срезневского и др.). Действительно, мы читаем в этом хронографе: «и при сего (т. е. Михаила) царствіи, въ второе лѣто царства его, крещена бысть Болгарьская земля, и преложиша книги отъ Греческа языка на Словеньскыи Кириль философъ с Мефодіемъ в лѣто 6363, при Борисъ князи Болгарьстѣмъ». Отсюда составитель Начального свода заключил, что вторым годом царствования Михаила был 6363 и что, следовательно, первым годом был 6362.² Из этого самого хронографа извлечено читающееся ниже сообщение о первом нападении Руси на Царь-

¹ Мысль о том, что первоначальная летопись была расположена раньше не по годам, не новая. Ср. ее у Н. П. Ламбина и С. М. Соловьева.

² На самом деле первым годом царствования Михаила с Феодорой был 6350, а первым годом единовластия Михаила был 6364.

град. Оно начинается словами: «В си же времена бысть въ Гръчкой земли царь именемъ Михайль и мати его Ирина,¹ иже проповѣдаетъ поклоняніе иконамъ въ пръвую недѣлю поста». Этот отрывок, несомненно вставленный (ибо он восходит к хронографу), разъединяет текст двух статей, тесно между собою связанных. В первой говорится об основании Киева тремя братьями, от которых произошли поляне, во второй — о кончине братьев и о нападении на полян окрестных племен и козар. Если мы удалим отрывок, где сообщается о первом нападении Руси, и удалим еще фразу «бяху же поганѣ, жруще озеромъ и кладяземъ и рощениемъ, якоже прочіи погани», которая также носит явные следы вставки,² то тогда только получим связный рассказ о древнейших судьбах Киева. Может ли быть сомнение, что этот связный рассказ будет вместе с тем более первоначальным? Итак, составитель Начального свода имел в одном из своих источников связный рассказ о древнейших судьбах Киева.

§ 69. Второй год, читающийся в Начальном своде, — это 6428. Под ним мы читаем сообщение о неудачном походе Игоря на греков и под Царьград, где в то время царствовал Роман. И название года, и самое сообщение оказываются заимствованными из того же хронографа, откуда взяты 6362 г. и сообщение о первом нападении Руси. Ср. в этом хронографе: «По Константинѣ же царствова Романѣ, поставленъ царемъ и Николою патриархомъ в лѣто 6428; іюня же мѣсяца 10 день приплуша Русь на Коньстантинѣ градъ» и т. д.³ Итак, из хронографа составитель Начального свода узнал о поражении Руси. Но ниже мы читаем у него о блестящем походе Олега и об обложении им греков данью. Надо было согласовать оба известия, ведущие, очевидно, к двум разным источникам. Согласовать их было всего проще, установив между ними известную последовательность: сначала было поражение — потом победа. Поражение изложено под 6428 г.; победу можно изложить под 6430 г., предполагая, что промежуточный, 6429 г., пошел на сборы. Для этого в конце сообщения 6428 г. составитель свода приписывает: «том же лѣтѣ препочиша и другое, на третье идоша». Для этого же он сочиняет статью 6429 г.: «В лѣто 6429. Игорь и Олегъ пристроиста воя многи, и Варягы, и Полянѣ, и Словенѣ, и Кривичи, и корабля многи бещисленни». Под следующим 6430 г. рассказан поход Олега. Итак, составитель Начального свода имел в одном из своих источников сообщение о победе Олега над греками, которое он указанным выше путем согласовал с греческим по происхождению сообщением о поражении Руси греками.

§ 70. Под тем же 6430 г. находим в Новгородской 1-й летописи младшего извода рассказ о смерти Олега, далее сообщение о походах Игоря и его нового воеводы Свенельда (ибо Начальный свод называл Олега не князем, а Игоревым воеводою). Статья 6430 г. оканчивается словами: «и дасть же дань Деревъскую Свѣнделду,⁴ и имаша по чернѣ кунѣ отъ дыма. И рѣша дружина Игореві: се далъ еси единому мужеві много».

¹ Ошибочно вместо Феодора под влиянием предыдущего, где хронограф говорит об Ирине, матери Константина VI.

² Ср. подобную фразу в Речи философа: «ови рощениемъ, кладяземъ и рѣкамъ жряху».

³ На самом деле, по ясному свидетельству Продолжателя Амартола, нападение Руси имело место в 6449 г. Это понял пользовавшийся непосредственно Амартолом составитель ПВЛ.

⁴ Несколькими строками выше сказано, что Свенельду была отдана дань, возложенная на угличей.

Естественное продолжение этих слов, конец речи Игоревой дружины, находим гораздо ниже под 6453 г.: «отроки Свѣнелъжи изодѣлися суть оружиемъ и порты, а мы назѣ». Совершенно ясно, что некогда рассказ, читающийся в конце статьи 6430 г., и рассказ статьи 6453 г. составляли одно целое. Следовательно, все стоящее между обеими половинами речи Игоревой дружины должно быть признано вставкой, прежде всего фраза: «по семь скажемъ о приключившихся въ лѣтъхъ сихъ», далее ряд пустых годов, 6431—6447, затем сообщение 6448 г. (повторяющее то, о чем говорилось выше, в конце статьи 6430 г.), далее пустой 6449 г., затем сообщение 6450 г. (где также повторено рассказанное раньше), далее пустые годы 6450—6452, наконец, слова: «Въ лѣто 6453. В то же лѣто ркоша дружина ко Игореву». Несомненно, что всего этого не было в Древнейшем своде. Несомненно также, что многое из того, что мы находим теперь в Новгородской 1-й, в соответствующем месте читалось и в Начальном своде. Но отождествить текст Новгородской 1-й с текстом Начального свода мы не можем по нижеизложенным соображениям.

§ 70¹. Интересующее нас место Новгородской 1-й летописи заслуживает особенного внимания потому, что первоначальный текст его, текст Древнейшего свода, не может быть восстановлен простым исключением хронологических определений (ряда пустых годов), а также кратких сообщений под 6448 и 6450 гг. из текста летописи. Отмечаем прежде всего, что ПВЛ доказывает, что текст Новгородской 1-й летописи в исследуемом месте не был тождествен с текстом Начального свода. Действительно, в Начальном своде в указанном месте перед рассказом о походе Игоря за деревскою данью читалась фраза: «Игорь же нача княжити въ Киевѣ, миръ имѣа ко всѣмъ странамъ. И *присѣ осень*, и нача мыслити на Деревляны, хотя примыслити большую дань». Фраза эта сохранилась в ПВЛ; мы имеем ясные указания на то, что она читалась и в Начальном своде. Дело в том, что первая часть приведенной фразы читается еще в другом месте ПВЛ, а именно за сообщением о заключении Олегом мира с греками: «И живяше Олегъ, миръ имѣа ко всѣмъ странамъ, княжа в Киевѣ. И *присѣ осень*, и помяну Олегъ конь свой» и т. д. Не может подлежать сомнению, что, в сущности, мы имеем перед собою одну фразу, дважды повторенную; ей уместно быть именно перед походом Игоря за данью, ибо дань собиралась осенью (осеннее полюдье).¹ Где же, в каком памятнике читалась эта одна фраза и почему в ПВЛ она удвоилась? Допустив, что фраза эта, и притом в том ее виде, как она читается перед походом Игоря, находилась в Начальном своде, из которого произошла ПВЛ, для нас выяснится и судьба ее в ПВЛ. Во-первых, отмечаем, что удвоение ее в ПВЛ доказывает, что составитель ПВЛ, найдя ее в своем основном источнике и отнеся ее не к Игорю, а к Олегу, обратился уже к иным источникам и вернулся к основному своему источнику только там, где повторил приведенную фразу, оставив ее на этот раз в самом соединении, в каком она находилась в основном источнике. Отсюда следует, что весь текст от слов «и помяну Олегъ конь свой» и до этой второй раз повторенной фразы восходит в ПВЛ не к основному источнику (Начальному своду), а к другим вспомогательным источникам; действительно, это заключение оправдывается при ближайшем рассмотрении соответствующего текста, ибо мы находим здесь: а) народное сказание, несомненно не известное составителю На-

¹ Ср. об осеннем полюдье у Константина Багрянородного.

чального свода (о смерти Олега в Киеве от укуса змеи), б) заимствования из Амартола, также не известного составителю Начального свода, в) договор Игоря с греками (Начальный свод не знает ни одного договора).¹ Во-вторых, удвоение приведенной фразы путем отнесения ее сначала к Олегу, а потом к Игорю вполне согласно с общим характером рассказов ПВЛ об Игоре и Олеге: ПВЛ пришлось в ряде случаев отнести к Олегу то, что Начальный свод приписывал Игорю, и вообще дать двух князей — Олега и Игоря — вместо одного Игоря и воеводы его Олега (см. об этом ниже).

Итак, фраза «Игорь же нача княжити въ Киевѣ, миръ имѣя къ всѣмъ странамъ. И приспѣ осень» читалась в Начальном своде. Новгородская 1-я летопись младшего извода, не имеющая ее, отступила, очевидно, от текста Начального свода. Отступление это, как можно думать, стояло в связи с тем, что Новгородская 1-я младшего извода составлена не по одному Начальному своду: в основании ее лежит Софийский временник, дополнявший текст Начального свода по тексту протографа Синодального списка, т. е. Новгородской 1-й летописи старшего извода (ср. ниже); кроме того, самый текст Софийского временника местами дополнен в Новгородской 1-й по своду 1448 г. (Софийский и Новгородский 4-й), как будет указано ниже.

§ 70². Ввиду этого и принимая во внимание данные ПВЛ, предполагаю, что текст Начального свода должен быть восстановлен в интересующем нас месте приблизительно следующим образом. После сообщения о смерти Олега, изложенного так же, как в Новгородской 1-й летописи младшего извода, читалось: «Игорь же съдыаше Киевѣ княжа² и поча воевати на Деревляны и на Угличѣ и примучивъ я, имаше на нихъ дань по чьрнѣ кунѣ.³ Въ лѣто 6431. Въ лѣто 6432... въ лѣто 6447. Въ лѣто 6448. В се лѣто яшася Угличи по дань Игорю, и Пересѣченъ взять бысть. В се же лѣто дасть дань на нихъ Свѣнелду. Въ лѣто 6449. Въ лѣто 6450. Въдасть дань Деревьскую Свѣнелду тому же. Въ лѣто 6451. Въ лѣто 6452. Въ лѣто 6453.⁴ И живяше Игорь, миръ имѣя къ всѣмъ странамъ, княжа Киевѣ. И приспѣ осень,⁵ и нача мыслити на Деревляны, хотя примыслити большую дань.⁶ В се же лѣто рекоша дружина Игореві: „отроци Свѣнелджи изодѣлися суть оружіемъ и пѣрты, а мы нази; поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы“. И послуша ихъ Игорь»⁷ и т. д.

§ 70³. Посмотрим теперь, как передан этот восстановленный нами отрывок Начального свода сначала в ПВЛ, а потом в Новгородской 1-й.

¹ Фразы «Поча княжити Игорь по Ользѣ», «И Деревляне затворишася отъ Игоря по Олговѣ смерти», «Иде Игорь на Деревляны, и побѣдивъ а, и возложи на ня дань болши Олговы», «а Игорь воеваше на Печеньги» представляются сочиненными составителем ПВЛ. Статья 6452 г. о несостоявшемся походе Игоря на греков представляется также сочиненною: надо было противопоставить поражению 6649 г. (ставшему известным по Амартолу) последующий успех Игоря, его месть грекам; греки, узнав о движении Игоря, умилоствуют его данью и дарами.

² Слова «Игорь... княжа» из Новгородской 1-й летописи.

³ Слова «поча воевати... по чьрнѣ кунѣ» из ПВЛ (6391 г.), где они отнесены к Олегу; слова «на Угличѣ» вставлены из Новгородской 1-й.

⁴ Слова «Въ лѣто 6431... Въ лѣто 6453» из Новгородской 1-й.

⁵ «И живяше Игорь... И приспѣ осень» из ПВЛ (6420 г.), где вместо Игоря — Олег.

⁶ Слова «и нача мыслити... большую дань» из ПВЛ (6453 г.).

⁷ Слова «В се же лѣто рекоша... И послуша ихъ Игорь» из Новгородской 1-й и из ПВЛ.

ПВЛ первыми словами не воспользовалась совсем. Слова «и поча воевати на Деревляны... по чернѣ кунѣ» перенесла под 6391 г., выпустив, однако, «на Угличѣ», и отнесла их к Олегу, в силу общего перенесения событий Игорева княжения на Олегово; это не помешало составителю ПВЛ использовать еще раз это известие после сообщения о смерти Олега и известия, им сочиненного: «поча княжити Игорь по Олзѣ»; мы читаем именно под 6421 г.: «И Деревляне затворишася отъ Игоря по Олговѣ смерти», а под 6422 г.: «Иде Игорь на Деревляны, и побѣдивъ я, и возложи на ня дань болши Олговы». Дальнейшее ПВЛ опущено, быть может, отчасти под влиянием вставки из Амартола рассказа о походе Игоря на греков, который пришелся бы некстати между известиями о даях с угличей и с древлян, уступленных Игорем Свенельду. Зато фразой «И живяше Игорь, миръ имѣя къ вѣсьмъ странамъ, княжа Киевѣ. И приспѣ осень» составитель ПВЛ воспользовался, сначала отнеся ее к Олегу и поместив ее непосредственно перед смертью Олега; потом он использовал ее ниже, слегка видоизменив¹ и отнеся к Игорю: это зависело от того, что по основному своему источнику составителю ПВЛ ничего не оставалось сказать об Игоревом княжении, ввиду перенесения всех событий Игорева княжения на Олегово; следуя основному источнику, за смертью Олега пришлось бы тотчас же сказать о смерти Игоря; на Олега перенесены не только все события Игорева княжения, но и та фраза, которая предшествовала рассказу о смерти Игоревой. Дальнейшее сохранено составителем ПВЛ, который, однако, счел нужным перед словами «В се же лѣто» вставить: «Въ лѣто 6453», исключенное им несколькими строками выше.²

§ 70⁴. Новгородская 1-я летопись младшего извода следует в соответствующем месте Софийскому временнику. Не думаю, чтобы она отличалась здесь от Софийского временника, дополняя его текст по своду 1448 г. (см. выше). Как же отнестись к тексту статьи Начального свода составитель Софийского временника?

Вместо кратко сообщения Начального свода, читаем следующую статью: «Игорь же сѣдше в Киевѣ княжа и воюя на Древяны и на Угличѣ. И бѣ у него воевода именемъ Свѣнделдъ и примучи Угличѣ, възложи на ня дань и вдасть Свѣнделду. И не владяшется единѣ градъ, именемъ Пересѣченъ; и сѣде около его три лѣта, и едва взя. И бѣша сѣдшае Угличѣ по Днѣпру внизъ, и посемъ преидоша межи Бѣгъ и Днѣстръ, и сѣдоша тамо; и дасть же дань Деревъскую Свѣнделду; и имаша по чернѣ кунѣ отъ дыма. И рѣша дружина Игоревы: „се далъ еси единому мужеву много“. По семъ скажемъ о приключившихся въ лѣтѣхъ сихъ». Далее Новгородская 1-я следует за Начальным сводом, но опускает слова: «И живяше Игорь миръ имѣя къ вѣсьмъ странамъ, княжа въ Киевѣ. И приспѣ осень, и нача мыслити на Деревляны, хотя примыслити большую дань». Как понять эти отступления Софийского временника от текста Начального свода?

Отметим прежде всего повторения в Софийском временнике: два раза сообщено о возложении дани на угличей, взятии Пересечена и уступке дани Свенельду, два раза сообщено об уступке деревской дани тому же Свенельду. Совершенно ясно, что Софийский временник имел дело с двумя источниками, повествовавшими (хотя и различно) об одних и тех

¹ «Игорь же нача княжити въ Киевѣ, миръ имѣя ко вѣсьмъ странамъ. И приспѣ осень».

² Вставка эта излишняя, ибо и предшествующая статья помечена 6453 г.

же событиях. Далее видим в Софийском временнике явную порчу текста, едва ли не указывающую на перестановку отдельных фраз обоих источников: неясно грамматически, кто примучил угличей — Свенельд или Игорь, тогда как, по существу, очевидно, что Игорь; неясно, почему сначала сказано о том, что Игорь примучил угличей, возложил на них дань и дал ее Свенельду, а уже потом сообщено о продолжительной осаде Пересечена; неясно, как была добыта деревская дань, ибо выше о победе над древлянами не сообщено. Наконец, любопытно отметить указанный выше пропуск фразы: «миръ имѣя къ вѣсьмъ странамъ. И присѣпъ осень»; не стоит ли он в связи опять-таки с влиянием на Софийский временник другого источника?

§ 70⁵. Вторым источником Софийского временника был протограф Синодального списка. Забегая несколько вперед, сообщаем здесь тот вывод, к которому мы пришли ниже относительно состава Синодального списка в утраченной им части: Синодальный список представлял соединение текста ПВЛ с текстом Древней Новгородской летописи. Составитель Софийского временника распространил свой рассказ об Игоре по протографу Синодального списка, а этот последний заимствовал то, чего нет в ПВЛ, из Древней Новгородской летописи. Как же было изложено в этой Древней Новгородской летописи интересное нас место, повлиявшее на текст Софийского временника? Нижеследующее исследование покажет, что Древняя Новгородская летопись, в общем, повторяла Древнейший Киевский свод, следовательно, в общем сходствовала с Начальным сводом. Думаю поэтому, что мы вправе предположить, что в Древнем Новгородском своде имелись некоторые фразы, общие с Начальным сводом (см. восстановленный выше отрывок его). Предполагаю, что в протографе Синодального списка, а также в Древнем Новгородском своде и далее, в Древнейшем Киевском своде, после сообщения о смерти Олега, читалось: «Игорь же съдѣше Киевѣ кнѣжа... И бѣ у него воевода именѣмъ Свѣнелдъ. И иде Игорь на Древляны и, побѣдивъ я, възложи на ня дань. И иде на Угличѣ и не вѣдаешеться единый градъ, именѣмъ Пересѣчень; и сѣде около его три лѣта, и едва възъ я. Бѣша сѣдѣше Угличи по Днѣпру вѣнизъ, и посемь преидоша межѣ Бѣгъ и Днѣстръ и сѣдоша тамо. И примучи Угличѣ и възложи на ня дань и вѣдасть Свѣнелду; и дасть же дань Деревъскую Свѣнелду; и имаше по чѣрнѣ кунѣ отъ дыма. И рѣша дружина Игоревѣ: „се дасть еси единому мужевѣ мѣного; отроци Свѣнелжи изодѣлися сугъ оружиемъ и пѣрты, а мы нази; да поиди, кнѣже, съ нами въ дань, и ты добудеши и мы“. И послуша ихъ Игорь» и т. д.

§ 70⁶. Как же комбинировал оба свои предполагаемые источники составитель Софийского временника?

Выписав из Начального свода фразу «Игорь же съдѣше Киевѣ кнѣжа», он последующее сообщение его сократил в словах: «и воюя на Древляны и на Угличѣ», имея в виду, что второй источник — протограф Синодального списка — подробнее говорил об этих войнах. Затем он перешел ко второму своему источнику и начал его списывать со слов «И бѣ у него воевода именѣмъ Свѣнелдъ». Имея в виду, что им уже сказано о походах Игоря на древлян и угличей, составитель Софийского временника перешел сразу к изложению результата побед Игоревых: «и примучи Угличѣ и възложи на ня дань и вѣдасть Свѣнелду» (см. это в протографе Синодального списка ниже). Заметив, что при этом опущен эпизод с Пересеченом, он начал списывать свой источник выше со слов

«И не владышеться», причем уже не повторил выхваченной раньше из него фразы. Списав, наконец, начало речи Игоревой дружины и заметив, что продолжение ее отыскивается ниже, составитель Софийского временника, после слов «се даль еси единому мужеву много», вставил переходную фразу: «Посемь скажемъ о приключившихся въ лѣтъхъ сихъ» и стал списывать из Начального свода ряд пустых годов, а также сообщения под 6448 и 6450 гг. Дойдя до статьи 6453 г., он выпустил фразу «И живяше Игорь... большую дань» потому, что увидел несоответствие слов «и нача мыслити на Деревляны, хотя примыслити большую дань» с последующим рассказом, где Игорь идет на древлян по требованию своей дружины, и не для того, чтобы примыслить большую дань, а для того, чтобы дать дружине возможность поживиться этой данью.

§ 70⁷. Сравнивая оба рассказа — рассказ Начального свода и рассказ Древнего Новгородского свода, ставим себе вопрос: который же из рассказов древнее? Ответ, конечно, ясен: более древний рассказ сохранился в Древнем Новгородском своде; он полнее рассказа Начального свода, он последовательнее его, он теснее связан с последующим, т. е. с сообщением о ропоте Игоревой дружины, приведшем к трагической развязке. Чем же вызваны отличия рассказа Начального свода от рассказа Древнейшего Киевского свода, точно переданного в Древнем Новгородском своде? Прежде всего вставкой хронологической сети. Составитель Начального свода отнес вступление Игоря на стол и его войны с древлянами и угличами к 6430 г.; между тем смерть Игоря отнесена была им (под влиянием тех или иных данных, см. ниже § 71) к 6453 г. Чтобы заполнить длинный ряд годов, он разбил рассказ своего источника на три года: сказав под 6430 г., в общем, о покорении древлян и угличей, он под 6448 г. повторил еще раз о покорении угличей, взятии Пересечена и уступке углической дани Свенельду, а под 6450 г. он сообщил об уступке деревской дани тому же Свенельду. Дойдя, наконец, до 6453 г. и видя себя вынужденным рассказать о походе Игоря на покоренных им древлян, составитель Начального свода, утративший, благодаря переделкам текста основного своего источника, твердую почву для объяснения этого Игорева похода, придумал для него свое объяснение: «и приспѣ осень и нача мыслити на Деревляны, хотя примыслити большую дань». После того он начал опять списывание своего источника и привел из него часть (конец) речи дружины Игоревой, из которой можно заключить, что составитель Начального свода поспешил со своим объяснением Игорева похода, упустив из виду, что подходящее объяснение было дано в его источнике — источнике Начального свода — в Древнейшем Киевском своде.

§ 71. Ставим себе новый вопрос. Какое могло быть у составителя Начального свода основание отнести смерть Игоря к 6453 г.? Отметим, что начало Святослава княжения он отнес к 6454 г., следующий за тем 6455 г. заполнил рассказом о поездке Ольги к Новгороду и Пскову; годы же 6456—6462 оставлены пустыми; под 6463 г. находим рассказ о крещении Ольги; годы 6464—6471 оставлены пустыми. Таким образом, после двух извлеченных из греческого источника годов, 6362 и 6428, и двух присочиненных к последнему годов, 6429 и 6430, оказывается ряд пустых годов: 6431—6471, он прерывается только двумя указаниями — на 6453—6455 гг., где говорится о смерти Игоря и первых годах княжения Святослава и Ольги, и на 6463 г., где сообщается о крещении Ольги.

Оставляя в стороне вопрос, откуда мог быть извлечен год крещения Ольги, переходжу к вопросу о 6453 г.

Думаю, что составитель Начального свода, поставленный в затруднение относительно того, как определить год Игоревой смерти и начало княжения Святослава, обратился и здесь к источнику, давшему ему возможность установить две предыдущие даты, 6362 и 6428 гг., а именно к хронографу. В этом хронографе под 6453 г. сообщалось о сведении Романа с царства, но Роман признан составителем Начального свода за современника Игоря. Конец царства Романова принят им за конец княжения Игоря. Что до 6454 и 6455 гг., то признаю их присочиненными к извлеченному из греческого источника 6453 г., как выше присочиненные 6429 и 6430 гг. — к 6428 г., извлеченному из того же источника.

Итак, мы получаем основание утверждать, что в Древнейшем своде рассказ о начале Русской земли, об Игоре и Олеге, о смерти Игоря и о княжении Святослава не был разбит на годы.

2

§ 72. После убиения Игоря в Начальном своде читалось: «Ольга же быше въ Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтскомъ Святославомъ, и кормилецъ его Асмудъ, и воевода бѣ Свѣнелдъ, тѣ же отцы Мъстишинъ». После этого указания мы ожидали бы такого продолжения, где бы выступили все названные четыре лица; между тем рассказчик переходит к изложению мести Ольги, начинающемуся с присылки к ней древлянами посольства. Ожидаемое же нами продолжение видим ниже, а именно после заглавия «Начало княженья Святослава» читаем: «В лѣто 6454. Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ собра вои многи и храбры и иде на Деревскую землю. И изидоша Древляне противу, и сънемъше-маса обѣма полкома накупъ, суну копьемъ Святославъ на Древляны, и копье летѣ сквозѣ уши коневы и удари в ноги коневы, бѣ бо дѣтескъ. И рече Свѣнелдъ и Асмудъ: князь уже почаль; потягнѣмъ, дружино, и мы по князи. И побѣдиша Древляны и возложиша на ня дань тяжку». Думаю, что оба приведенных отрывка читались некогда в связи, причем второй отрывок не содержал названия года и в начале был изложен несколько иначе (быть может: «и собраша вои многи и храбры и иде на Деревскую землю»). Основания для такого предположения, кроме уже указанной внутренней связи между обоими отрывками, следующие. Во-первых, допустив, что заглавие «Начало княженья Святослава» издавна отделено от приведенного выше сообщения, естественно помещенного после рассказа об убиении Игоря, нам пришлось бы думать, что летописец считал моментом вступления Святослава на стол не смерть Игоря, а следующий за тем год, причем месть Ольги относилась им ко времени какого-то междукняжья. Во-вторых, поход против древлян не согласован с сообщением об избииении древлян (в числе 5000 на тризне, совершенной у Игоревой могилы); правда, летописец указывает, что Ольга двинулась в поход против оставшихся древлян, для того чтобы добить их («и исьсѣкоша ихъ 5000; а Олга възвратися в Киевѣ и пристрои вои на прокъ ихъ»), но объяснение это явно натянуто и устанавливает лишь внешнюю связь между избииением древлян и походом против них. В-третьих, сравнение Начального свода с ПВЛ показывает, что рассказ о четвертой мести Ольги вставлен составителем ПВЛ. Приведенные выше слова «И побѣдиша Древляны и возложиша на ня дань

тяжку» разбиты; после «И побѣдиша Деревляны» составитель ПВЛ вставил рассказ о сожжении Искоростеня посредством выданных в качестве дани воробьев и голубей и начал его переходной фразой: «Деревляне же побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своихъ». Если, таким образом, позднейший сводчик распространил свой труд вставкой о четвертой местности Ольги, мы можем с вероятностью утверждать, что предшествующий ему сводчик распространил свой труд рассказом о первых трех местах Ольги, раз имеем другие основания для признания этого рассказа вставным.

§ 73. Рассказ о походе Ольги со Святославом и дружиной на древлян оканчивается словами: «и възложиша на ня дань тяжку: 2 части дани идета Киеву, а третья Вышегороду к Ользѣ; бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ». Итак, Святослав, по представлению летописца, сидит в Киеве, а Ольга — в Вышегороде; землей правит, очевидно, Святослав. Это согласовано с приведенным выше заглавием «Начало княженья Святославля», но не согласуется с дальнейшим известием, по которому Ольга идет в Новгород и уставляет там по Мсте и Луге погосты, дани и оброки. Ольга выступает здесь единолично, и это тем неожиданнее, что выше подобные же действия в Деревской земле приписаны Ольге в согласии со Святославом и дружиной: «И иде Ольга по Деревстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляючи уставы и уроки, и суть становища еѣ и ловища». Я думаю, что только что приведенное сообщение принадлежит одному источнику, а именно Древнейшему своду, а сообщение о поездке в Новгородскую область, включая в нее и Псков, — другому, а именно Новгородскому своду, бывшему, как увидим, в распоряжении составителя Начального свода. Такое заключение приводит к необходимости признать слова «И приде въ градъ свой Киевъ съ сыномъ своимъ Святославомъ, и пребывши лѣто едино», которые читаем в конце статьи 6454 г., вставкой составителя Начального свода: они, во-первых, не согласованы с предыдущим, где городом Ольгиным назван не Киев, а Вышегород, а во-вторых, обнаруживают явное сочинительство, ибо летописцу неоткуда было узнать, что поездка Ольги состоялась в 6455 г., а следовательно, что она была в Киеве после похода древлянского «лѣто едино».

Признав сообщение о поездке Ольги в Новгородскую область заимствованным из Новгородского свода, мы должны видеть в окончании статьи 6455 г., в словах «и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село еѣ Ольжичи и доселѣ», продолжение прерванного вставкой текста Древнейшего свода. Действительно, указание на ближайшие к Киеву места, связанные преданием с Ольгой, естественно было сделать киевлянину — составителю Древнейшего свода. Заметим, что слова эти не согласованы грамматически с предшествующим текстом, оканчивающимся словами: «и сани еѣ стоятъ въ Плесковѣ и до сего дне»; отсюда видно, что сообщение о следах деятельности Ольги на севере построено по образцу сообщения о деятельности ее на юге; указано тоже две реки, а в соответствии со словами «и есть село еѣ Ольжичи и доселѣ» сообщено о саях Ольги, находившихся там «до сего дне». Фраза, следующая затем: «И изрядивши, възвратиса къ сыну своему Киеву, и пребываше с нимъ в любви», настолько искусственна, что признание ее вставкой не нуждается в доказательствах; слова «и *пребываше* съ нимъ въ любви» ср. с приведенной выше вставкой «и *пребывши* лѣто едино».

§ 74. После перерыва в семь лет читаем в Начальном своде под 6463 г. о крещении Ольги в Царьграде. Трудно усомниться в том, чтобы

об этом событии не знал составитель Древнейшего свода; поэтому весьма вероятно, что и самый рассказ о крещении был изложен в этом своде. Но из такого заключения еще не следует, конечно, что рассказ Древнейшего свода был тождествен с рассказом Начального свода. В этом последнем переплетены, с одной стороны, духовные, церковные элементы, с другой — сказочные, народные. Сказочные элементы проглядывают в отношении Ольги к царю, духовные — в отношении ее к патриарху. Нельзя допустить, чтобы предложение, сделанное Ольге царем, взять ее себе в жены, хитрость Ольги, отклонившей это предложение, и эпизод с посольством от царя, прибывшим в Киев после крещения Ольги, — чтобы все это было составлено тем самым лицом, что сочинило речь патриарха к Ольге и похвалу ей. Я признаю вероятным, что в распоряжении составителя Начального свода был рассказ Древнейшего свода, содержащий исключительно духовные элементы дошедшего до нас сказания, в нем упоминалось о царе мимоходом. Ольга, прибыв в Царьград, крестится от царя и патриарха. «Просвъщена же бывъши, радовашеся душею и тѣломъ... Благослови ю патриархъ и отпусти ю, нарекъ ю дщерею собѣ. Она же, хотящи домови, приде къ патриарху... приходящаго ко мнѣ не изжену вонъ...». «Живяше же Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ... кормящи сына своего до мужьства его и до возраста его». Этот рассказ составитель Начального свода дополнил тремя вставками.¹ Первая начинается словами: «и приде к нему (к царю) Ольга»; в ней рассказывается о предложении царя и о требовании Ольги, чтобы он крестил ее сам; думаю, что благочестивый составитель первоначального сказания не мог приписать ни Ольге подобного требования («аще ли ни, то не крещюся»), ни царю подобного предложения. Вторая вставка начинается после подчеркнутых выше слов «и отпусти ю» словами: «И по крещеньи возва ю царь и рече ей». Царь повторяет свое предложение; Ольга отвечает ссылкой на то, что она его крестная дочь; царь отпускает ее с дарами. Третья вставка, которая помещена после похвалы Ольге («приходящаго ко мнѣ не изжну вонъ»), рассказывает о прибытии посольства от царя в Киев; вставка начинается словами: «Си же Ольга приде Киеву», но о прибытии в Киев Ольги сказано было уже выше («и иде с миромъ въ свою землю, и приде Киеву»). Речь послов к Ольге и ответ, данный Ольгой послам, содержат указание на такие обстоятельства, о которых умалчивает предшествующий рассказ: во-первых, послы от имени царя требуют исполнения данного Ольгой обещания прислать ему дары и вспомогательное войско; во-вторых, Ольга в ответе послам, отказываясь от исполнения своего обещания, требует, чтобы царь постоял у ней в Почайне столько времени, сколько она стояла в Суду (гавани Константинопольской). Ни об обещании Ольги, ни о продолжительном стоянии ее в Суду выше не говорилось. Думаю, что, вписывая эту последнюю вставку в статью о крещении Ольги, составитель Начального свода знал то, чего не передал нам, т. е. знал, на что намекает Ольга в своем ответе, и знал о том, что Ольга, получая дары от царя, обещала отдарить его по возвращении своем в Русь. Он мог знать об этом из особой легенды о крещении Ольги, — легенды, передававшей это событие со сказочными подробностями, едва ли не сводившимися по существу своему к продолжительной осаде Ольгой Царьграда, кото-

¹ Ниже увидим еще вставку в похвале Ольге: «Се же бысть якоже при Соломонѣ приде царица Ефиопская... приходящаго ко мнѣ не изжену вонъ».

рый спасся тем, что греческий царь стал ее восприемником у купели. Подобные легенды известны из позднейших летописцев XIV—XVII вв. Ср. известные повести о добывании Ольгой Царьграда, о сожжении ею города при помощи голубей и воробьев, после чего цари Михаил и Константин убеждают Ольгу креститься, например у Ф. А. Гилярова «Предания русской начальной летописи» (с. 250—254). Конечно, подобные легенды об Ольге явились, с одной стороны, отголоском исторических песен и преданий о походах на Царьград русских князей, а с другой — легенды о крещении Владимира в Корсуне. В одной краткой летописи, восходящей к XV в., сообщается, что Ольга приняла крещение в Корсуне, победив царя Михаила и искоренив литву: смешение Ольги с Владимиром здесь уже очевидно. С полным основанием можно думать, что легенда о добывании Ольгой крещения в Константинополе сложилась очень давно; отрывки этой легенды и вошли в статью о крещении Ольги по Начальному своду. Став на указанную точку зрения и признав приведенные выше отрывки заимствованными из легенды, мы необходимо должны возвести статью о крещении Ольги по Начальному своду к двум источникам: к источнику, так сказать, церковного происхождения, с одной стороны, к источнику народному — с другой. Мы знаем уже из предыдущего, что народные предания о мести Ольги древлянам внесены в летопись составителем Начального свода. Следовательно, внесение в летопись предания о добывании Ольгой крещения мы с вероятностью можем приписать тому же составителю Начального свода. А отсюда следует, что в Древнейшем летописном своде находилась «церковная» повесть о крещении Ольги.

§ 74¹. В рассказе о крещении Ольги находим еще явные вставки. После слов «и *приде Киеву*» читается длинный отрывок, содержащий сравнение Ольги с царицей Ефиопской и несколько благочестивых размышлений; за этим отрывком повторено: «Си же Ольга *приде Киеву*» (причем в Радзивилловском и Ипатьевском списках прибавлено: «и яко же рѣхомъ» или «рѣкохомъ», а в Комиссионном — «и якоже о ней въпредѣ рекохомъ»). Это повторение доказывает, как мне кажется, что мы имеем дело со вставкой. То же доказывается и тем, что сравнение Ольги с царицей Ефиопской не особенно уместно после сообщения о возвращении ее в Киев. Отмечу еще, что в этой вставке имеются заимствования из Паримийника: Притч. I, 20—22, Притч. XIII, 20, Притч. II, 2 и Притч. VIII, 17, а по-видимому, именно составитель Начального свода нередко прибегал к этому источнику (ср. § 114¹).

§ 75. В тесной связи с этой церковной повестью стоит рассказ о кончине Ольги, читаемый под 6477 г. Оставляем пока в стороне начало рассказа, где Святослав говорит матери и боярам о своем желании вернуться в Переяславец. Ольга уговорила его остаться ввиду своей болезни: «погребѣ мя, — говорит она, — иди яможе хочещи». Через три дня Ольга умерла. «И плакася по ней сынъ ея, и внуци ея, и людѣ вси плачемъ великомъ, несоша и погребоша ю на мѣстѣ». Непосредственно за этим читаем: «и бѣ заповѣдала Ольга не творити трызны над собою, бѣ бо имущи презвутерь, сей похорони блаженую Ольгу». Далее следует похвала Ольге. Итак, сначала говорится, что Ольгу погребли всенародно, а затем сообщается, что ее похоронил презвутер Ольгин; важно отметить, что в Новгородской 1-й и Софийской 1-й читается: «бѣ бо имущи презвутера втайнѣ». С уверенностью возводим это чтение к Начальному своду. Утверждаем поэтому, что Начальный свод в статье о кончине

Ольги содержал вопиющее противоречие: всенародное погребение предшествует тайному погребению, совершенному священником. Отсюда заключаем, что и в этой статье надо различать два источника: народный, который говорил о погребении Ольги Святославом, внуками и всеми людьми, и церковный, который говорил о погребении ее священником, которого она держала в тайне. Не решаюсь утверждать, чтобы народный рассказ был внесен составителем Начального свода, между тем как в Древнейшем своде читался рассказ церковный. Ниже предложу более подробный анализ рассказа о кончине Ольги, а здесь остановлюсь на вошедшей в него церковной повести.

§ 76. Имеем основание установить связь между церковною повестью о крещении Ольги и церковною повестью о ее кончине. Связь эта дается как внутренними соображениями, не позволяющими предполагать, чтобы составитель сказания о кончине Ольги мог не коснуться ее крещения, так и некоторыми внешними указаниями: а именно нельзя не отметить, что все дошедшие до нас сказания об Ольге (говорю о сказаниях церковных) говорят как о ее крещении, так и о ее кончине. В числе таких древних сказаний особенное внимание наше обращает известная проложная статья 11 июля. В ней имеется фраза, близко сходная с тем местом, где в летописной статье говорится о погребении Ольги: «и призвавши сына своего Святослава, *заповѣда* ему погребстися съ землею ровно, а могилы не сути, *ни тризны творити*, ни бѣдына (вар.: дына, години) дѣяти, нѣ посла злато къ патриарху Царяграда и преставися мѣсяца июля въ 11 день». Подчеркиваю слова, общие с летописью. Не сомневаюсь в том, что первоначальный текст, если возвести летописную и проложную статьи к одному оригиналу, сохранился точнее в проложной статье, чем в летописной. Чтение «ни бѣдына дѣяти» (нам непонятное)¹ указывает, конечно, на древность редакции. Впрочем, признать дошедший до нас текст проложной статьи первоначальным мы не можем. Зачем это «но» перед словами «посла злато къ патриарху Царяграда»? Не указывает ли оно, что первоначально за отрицательным распоряжением Ольги следовало положительное или, по крайней мере, изложение результата такого положительного ее распоряжения? Не стояло ли за этим «но» сообщение о погребении ее презвутером? Если да, то отсюда бы следовало, что летопись, говорящая о таком погребении Ольги, в известном смысле содержит более первоначальный текст, чем пролог. Обстоятельство, что частью пролог древнее летописи, частью же летопись древнее пролога, ведет к убеждению, что проложная и летописная статьи восходят к одному общему оригиналу. Этот общий оригинал, сокращенно переданный прологом, говорил и о княжеской деятельности Ольги, ибо вряд ли можно допустить, чтобы слова «обиходяше всю Русскую землю, дани и уроки лыгъкы уставляючи» были заимствованы в прологе из летописи. Этот общий оригинал подвергся сокращению и в летописи: так, в ней опущено сообщение о кресте, принесенном Ольгой в Русскую землю, а также о посылке золота патриарху после смерти Ольги.

§ 77. Сделанное нами заключение об источнике летописных статей о крещении и кончине Ольги представляется нам необходимым еще по следующим соображениям. Если мы не допустим существования особой повести о крещении и кончине Ольги, бывшей источником для обеих

¹ Объяснение слова «бѣдына», предложенное А. А. Котляревским в сочинении «О погребальных обычаях языческих славян», не представляется мне убедительным.

указанных летописных статей, то нам придется признать их автором составителя Древнейшего летописного свода. Невозможного в таком признании нет ничего, но все-таки оно мало вероятно. Задачей составителя Древнейшего свода было дать изложение главных событий из прошлого Русской земли, а не заняться прославлением русских угодников. Правда, мы считаем возможным приписать ему составление сказания о св. Борисе и Глебе, но если наше предположение относительно этого сказания верно, то из него ни в коем случае не следует, чтобы то же лицо, тот же составитель Начального свода был автором сказания об Ольге. Кроме того, допустив, что первоначальное сказание об Ольге составлено для Древнейшего летописного свода, мы не поймем, как могло явиться проложное сказание, содержащее факты и подробности, необъяснимые из Древнейшего свода, — и это в противоположность проложным сказаниям о Борисе и Глебе, которые все, в конце концов, восходят к летописному сказанию.

§ 78. Итак, признаем, что в распоряжении составителя Древнейшего свода была особая повесть о крещении и кончине Ольги. Из нее он взял обе статьи свои об обоих упомянутых событиях. Возникает вопрос, читалась ли в этой предполагаемой повести вся та похвала Ольге, которую находим в Начальном своде и ПВЛ, или, быть может, похвала эта приделана одним из позднейших редакторов (составителем Древнейшего свода или Начального свода), как приделаны были (по-видимому, составителем ПВЛ) похвала Владимиру и похвала Борису и Глебу. Считаю вероятным, что похвала Ольге содержалась уже в Древнейшем своде и в источнике этого свода — особой повести, между прочим, потому, что содержащееся в ней указание на нетленность мощей Ольги повторяется и в проложной статье, и в особой еще похвале Ольге, включенной в состав Иаковлевой Памяти и похвалы Владимиру.

§ 79. Если, таким образом, источником Древнейшего свода для статей об Ольге была особая повесть о ней, то является вопросом, не из нее ли заимствованы в Древнейший свод (а из этого свода в Начальный свод) названия 6463 г. (для крещения Ольги) и 6477 г. (для ее кончины)?

Поставленный вопрос стоит в прямой связи с вопросом о том, когда же в самом деле приняла Ольга крещение? Как известно, об этом крещении сообщают и греческие источники — Константин Багрянородный и Скилиций (Кедрин). Первый из них, не упоминая собственно о крещении Ольги, говорит о посещении ею Царьграда в 6466 г. (осенью 957 г.), а второй сообщает о прибытии Ольги в Царьград и крещении ее до 6464 г., а именно до кончины патриарха Феофилакта.¹ Предлагаю совершенно элементарный способ согласования обоих греческих источников. Ольга крестилась в 6463 г. еще при Феофилакте, а прибыла в Царьград в 6466 г. уже крещеной (в свите ее — священник Григорий). При подобном согласовании окажется, что Скилиций впал в ту же ошибку, что составитель повести о крещении Ольги: он поместил под одним годом и слил в одно два разных события — крещение Ольги и ее поездку в Царьград. Но вместе с тем окажется необходимым признать 6463 г. действительно годом крещения Ольги.²

¹ Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope... т. II. Р. 329.

² Составитель Новгородской 4-й летописи исправил 6463 г. на 6466 г. Поправка эта в высшей степени интересна. Кажется, она восходит к Ростовской летописи, по которой Новгородская 4-я исправила свой основной источник — свод 1448 г.

Указанное обстоятельство — точность датировки крещения Ольги — служит неопровержимым доказательством того, что в распоряжении составителя Древнейшего свода был письменный источник, повествовавший об этом событии; год этот читался уже в Древнейшем своде; это была первая хронологическая дата в этом своде. Вместе с тем 6463 г. является первою достоверною датой в Начальном своде, ибо он не выдуман и не заимствован из греческого хронографа. С полною уверенностью после этого признаем достоверным и 6477 г. как год смерти Ольги. Он также читался в Древнейшем своде (как и в похвале Ольге, включенной в Иаковлеву Память и похвалу Владимиру), причем заимствован из повести об Ольге, где, кроме того, был указан и день смерти Ольги — 11 июля. Таким образом, мы подходим к указанию на две древние записи о событиях X в.: первая из них свидетельствовала о крещении Ольги в 6463 г., а вторая — о кончине ее 11 июля 6477 г.

3

§ 80. В статье 6472 г., где описаны нравы Святослава, равно и в следующих за нею статьях 6473 и 6474 гг. находим ряд несообразностей. После слов «и посылаше къ странамъ глаголя: хочю на вы ити» читаем под 6472 г.: «И иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе Вятичи». Итак, Святослав в первом же походе нарушает свое обыкновение предупреждать врага, против которого он направлялся. Совершенно случайно встреча его с вятичами; он и не сражается с ними, а только узнает от них, что они дают дань козарам. Кроме того, странны слова «иде на Оку рѣку и на Волгу»; вятичи действительно жили, по свидетельствам, восходящим к XII в., на Оке, но зачем же было упоминать о Волге, до которой никогда не доходили вятические поселения? Дальнейшее разъясняет нам, в чем дело; под 6473 г. читаем: «Иде Святослав на Козары; слышавше же Козари изидоша противу» и т. д. Итак, Святослав поход направлен против козар, и, очевидно, он их об этом предупредил («слышавше же Козари»). Следовательно, Святослав шел на козар, живших на Волге, прямым путем; и идя этим путем, он встречает вятичей, данников козарских. Отсюда заключаем, что вятичи во времена Святослава (точнее, во время первоначальной записи рассматриваемой статьи) жили в юго-восточной России, где-нибудь около Дона; в начале XII в., как видно из ПВЛ, они сидели на Оке, и, по-видимому, это самое обстоятельство и повлияло на добавление, сделанное в тексте статьи 6472 г. составителем Начального свода: «И иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе Вятичи». Покорение вятичей изложено под 6474 г.: «Вятичи побѣди Святославъ, и дань на нихъ възложи». Но вероятно ли, чтобы Святославу пришлось в 6474 г. побеждать вятичей, после того как в предшествующем 6473 г. он победил козар, от которых они зависели? Естественнее думать, что обложение вятичей данью было прямым следствием разгрома козар. Ввиду всего изложенного, я думаю, что текст Начального свода ведет нас к такому первоначальному рассказу, где вслед за словами «И посылаше къ странамъ глаголя: хочю на вы ити» читалось: «И иде Святославъ на Волгу на Козары».¹ Далее рассказывалось о встрече с вятичами. Затем: «Слышавше же Козари, изидоша противу... и градъ ихъ Бѣлу Вѣжю взя. И Ясы побѣди и Касоги». Рассказ, как кажется, окан-

¹ Ср. ниже под 6475 г.: «И иде Святославъ на Дунай на Болгары».

чивался словами: «и приведе¹ къ Киеву Вятичѣ и дань на нѣ възложи». Первоначальный рассказ потерял свое единство под влиянием того, что разбит на годы. Итак, получаем еще данные для утверждения, что в распоряжении составителя Начального свода была летопись, где о княжении Святослава повествовалось в связном рассказе, не разбитом на годы.²

§ 81. Перехожу ко второй половине княжения Святослава, обнимающей по Начальному своду (ПВЛ) 6475—6480 гг. Рассказ относится преимущественно к войнам Святослава с болгарами и греками. Он начинается словами: «Иде Святославъ на Дунай, на Болгары». Затем сообщается кратко о победе Святослава над болгарами, о взятии им 80-ти городов по Дунаю и о водворении Святослава в Переяславце, причем греки были обложены данью. Таков состав статьи 6475 г. Под следующим годом составитель Начального свода рассказывает о нападении печенегов на оставленный без защиты Киев и на отражение их Святославом, подоспевшим по вызову киевлян из Переяславца. Далее, под 6477 г. читаем, как Святослав, обращаясь к матери и боярам, заявляет о желании жить в Переяславце Дунайском, как, уступая просьбе матери, он остается в Киеве, где, дождавшись смерти матери, погребает ее. Засим следует рассмотренный выше отрывок из повести об Ольге. Из статьи 6478 г. видим, что Святослав, вопреки своему первоначальному желанию, остается в Киеве еще целый год; под этим годом читаем, однако, только о распределении им волостей между тремя сыновьями. Только под 6479 г. видим Святослава опять в Переяславце, но ему приходится отвоевывать его от болгар силою. Затем следует рассказ о походе Святослава против греков; поход сопровождается поражением последних; испуганный царь посылает Святославу дань и дары. Тот возвращается в Переяславец. Увидев убыль в своей дружине, он морем возвращается в Русь, зимует в Белобережье, а на следующую весну (6480 г.) его убивают поджидавшие его в порогах печенеги. Воевода Свенельд возвращается в Киев к Ярополку.³

Критика уже давно отметила в этом рассказе ряд несообразностей и, между прочим, также противоречия исторической правде. Судя по греческим источникам, Святослав предпринимал действительно два похода в Болгарию, но походы эти относятся ими к двум соседним годам: первый поход был совершен в пятый год Никифорова царства (6476), а второй — в шестой год того же царства (6477).⁴ Ср. еще в маргинальной приписке к болгарскому переводу Манассиной летописи: «При семь Никифоръ цари плъниша (в рукописи «юсь») Руси Българскую (в рукописи «юсы») земля (в рукописи «юсь») по дваши въ двѣю лѣту». Между тем Начальный свод полагает промежуток между первым и вторым походом в три года. Далее известно, как печально окончился поход Святослава против греков; русская рать сначала вторглась в византийские области, опустошила их; их остановил было военачальник Варда

¹ В значении «привел в зависимость». Ср. в Новгородской 1-й (Начальном своде): «и Ясы побѣди и Касоги и *приведе* Киеву»; вместо этого в Ипатьевской: «*прииде*».

² Мне пришлось повторить здесь часть статьи моей, напечатанной в ИОРЯС за 1907 г.

³ Не забудем, что Начальный свод не знает договора Святослава с греками.

⁴ Скилиций: «πεισθέντες οὖν οἱ Ῥῶς καὶ ἐπελθόντες τῇ Βουλγαρίᾳ κατὰ τὸν Αὐγούστον μῆνα, τῆς ἰα ἰνδικτιῶνος, πέμπτῃ τῆς βασιλείας ἔτει τοῦ Νικηφόρου... καὶ τῷ ἔκτῳ δὲ πάλιν τῆς βασιλείας αὐτοῦ χρόνῳ ἐπεστράτευσαν κατὰ Βουλγαρίας» (Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae opе... Р. 372).

Склир, но затем, когда начальство над войском перешло к магистру Иоанну, русские возобновили свои набеги на Македонию. Успехам их положил конец сам император Иоанн Цимисхий; разбив русских у Преслава и затем взяв этот город приступом, Иоанн двинулся против Святослава, стоявшего в Дристре. Здесь произошло несколько сражений. Святослав был принужден просить мира у Цимисхия и с остатками своего войска отпущен им на родину. Нет ничего естественнее, что народные предания удержали память только о победах Святослава. Византия несколько раз в течение продолжительной борьбы с призванными ею самой в Болгарию русскими испытывала сильные унижения. И Никифор и Иоанн предлагали Святославу денежный откуп, с надменностью им отвергнутый. Все это запечатлевалось в памяти народной и, заглушая воспоминания о поражениях и печальном исходе похода, выдвигало своеобразное объяснение причины возвращения Святослава из Болгарии.

§ 82. Критика текста не найдет основания заподозрить первоначальность лежащего перед нами рассказа, если станет рассматривать его не со стороны соответствия исторической правде. Напротив, признав его, в общем, сказочным и указав на его зависимость от народных преданий, критика натолкнется с недоумением на такие подробности, которых не могла бы удержать историческая песня или устное сказание. Так, отмечаем упоминание о двух походах Святослава в Болгарию: греческие источники также указывают на два похода. Далее, в статье 6475 г. читаем о покорении Святославу 80-ти городов по Дунаю; я не думаю, чтобы это указание сохранилось в русском народном предании; указание это следует, скорее, признать свидетельством лица, знакомого с Болгарией и Дунаем и знавшего, что по Дунаю насчитывается до 80-ти городов. Имея в виду, что то же число 80 дает Прокопий для укреплений, воздвигнутых в той местности Юстинианом, что болгарские песни также содержат сходное число (77) для обозначения количества городов по Дунаю, я не могу не согласиться со Ст. Сркулем, сделавшим отсюда вывод о книжном источнике, повлиявшем на нашу летопись.¹ Иду еще далее в том же направлении. Могло ли принадлежать народному преданию указание, читаемое после текста «и поиде Святославъ ко граду воюя и грады разбивая», — «яже стоять пусты и до днешняго дне»? Думаю, что здесь опять сказывается письменный источник, составленный притом не русским, а лицом, знакомым с топографией той местности, где действовал Святослав. В приведенной фразе нас останавливает еще употребление слова «градъ» вместо «Царьградъ»: «и поиде... ко граду воюя и грады разбивая». Не признаем ли мы такое словоупотребление греческим? Для грека πόλις (город) обозначало Константинополь преимущественно перед другими городами. Еще одно замечание относительно знакомства составителя сказания, попавшего в летопись, или составителя источника этого сказания, с местными (болгарскими) условиями. Святослав в своей речи к матери и боярам называет Переяславец

¹ *Srkulj St.* Die Entstehung der ältesten russischen sogenannten Nestorchronik. Požega, 1896. S. 44: «Diese Notiz rührt von Prokopius her, der Chronist hat sie also irgendwo lesen müssen». Ср. в Сборнике болгарских песен Миладиновых: «колку иматъ отъ море до Дунавъ, седум-десетъ и седемъ градо'и» (*Jagić V.* Dunav-Dunaj in der slavischen Volkspoesie // Archiv für slavische Philologie. 1876. Bd 1. S. 303). Иначе: *Васильевский В. Г.* Русско-византийские отрывки // ЖМНП. 1876. № 6. С. 434. В care о Гаральде говорится, что он участвовал во взятии 80-ти городов в Серкландии (*Васильевский В. Г.* Сочинения. СПб., 1908. Т. 1. С. 263).

серединой своей земли, «яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, паволоки, вина, оwoщеве разноличныя, изъ Чехъ же и изъ Угорь сребро и комони, из Руси же скоро и воскъ, медь и челядь». Об этом мог действительно знать Святослав и хвастаться перед матерью и боярами; но знал ли об этом скромный монах, сочинявший летопись в XI в., знало ли об этом русское предание, помнил ли русский человек о тех впечатлениях, которые вынесены были из Болгарии его воинственными предками? Весьма неправдоподобно допустить то или другое. Гораздо вероятнее, что и здесь перед нашим летописцем был книжный источник, рассказывавший о Святославе с точки зрения болгарина или грека. Обращаем, наконец, внимание на речи, вложенные в уста Святослава. Правда, русской летописи вообще не чужд подобный прием оживления рассказа; мы встречаем немало речей в Киевской летописи XII в., но в Начальном своде и ПВЛ речи приводятся весьма редко. Между тем Святослав произносит три речи: одну в Киеве перед матерью и боярами (см. выше), другую, краткую, речь — в сражении под Переяславцем, отвоеванным у него болгарами («уже намъ сде пасти; потягнемъ мужьски, братья и дружино!»), и наконец, длинную речь — перед сражением с греками («уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посраимъ землѣ Рускѣ, но ляжемъ костыми, мертвии бо срама не имамъ; аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ; ни имамъ убѣжати, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду: аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою»). Эта речь положительно единственная для нашей древней летописи.¹ Поневоле рождается подозрение относительно того, не перенесена ли она готовою из письменного источника. Подозрение усиливает еще то обстоятельство, что подобную же речь Святослава читаем у Льва Диакона, который относит ее ко дню, предшествовавшему решительному сражению при Дристре (24 июля); она была сказана Святославом на совете старшин (коменте): «Погибнет слава, спутница российского оружия, без труда побеждавшего соседственных народов и, без пролития крови, покорявшего целые страны, — так говорил Святослав, — если мы теперь постыдно уступим римлянам. Итак, с храбростию предков наших и с тою мыслию, что русская сила была до сего времени непобедима, сразимся мужественно за жизнь нашу. У нас нет обычая бегством спастись в отечество, но или жить победителями или, совершивши знаменитые подвиги, умереть со славою».² Еще ближе к нашей летописи передана та же речь Святослава Скилицем, хотя у него не выдержано прямого обращения к слушателям.³ Не забудем, что Скилиций пользовался Львом Диаконом, но имел в виду еще и другой источник, каковым был современный описываемым событиям писатель.⁴

¹ Речь Святослава Ярославича под 6576 г. — «потягнѣмъ, уже намъ нѣлзѣ камо ся дѣти» — составляет явное подражание.

² История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей. СПб., 1820. Кн. IX, 7. С. 94.

³ «Ὁ Σφενδοσθλάβος παρήνει μᾶλλον ἔτι ἅπαξ πολεμῆσαι Ῥωμαίοις, καὶ ἡ καλῶς ἀγωνισαμένους ἐπικρατεῖς τῶν ἐναντῶν γενέσθαι, ἢ ἡττηθέντας αἰσχίστης ξωῆς καὶ ἐπονειδίστου εὐκλεᾶ καὶ μακάριον προτιμῆσασθαι θάνατον. ἀβίωτον γὰρ ἔσται αὐτοῖς δρασμὴ τὴν σωτηρίαν πορισάμενοις, εἴτερ μέλλοιεν εὐκαταφρόνητοι ἔσεσθαι τοῖς γειτονοῦσιν ἔθνεσιν, ἢ τὸ πρόσθεν αὐτοὺς ἐδέδεισαν σφοδρῶς» (Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae opere... P. 407).

⁴ В. Г. Васильевский в хронологических разысканиях «О годе смерти Святослава Игоревича» (Зап. ИАН. СПб., 1876. Т. XXVIII. С. 167).

Принимая во внимание сделанные выше указания, считаем необходимым признать, что на рассказе о походах Святослава, как он изложен в Начальном своде, сказалось влияние какого-то письменного источника, составленного не русским, а греком или болгаринном. Предполагаю, что таким источником могла быть какая-нибудь болгарская хроника, сообщавшая о походах Святослава то, что читалось о них у византийцев, — Льва Диакона или того анонима, которым воспользовался Скилиций. Ниже мы вернемся еще раз к этой болгарской хронике, а здесь ставим вопрос: кто же воспользовался ею — составитель Начального свода или еще составитель Древнейшего летописного свода? Считаю вероятным, что последний; мы увидим ниже (там, где говорим о крещении Владимира), что имеется не одно основание для признания болгарской хроники источником именно Древнейшего свода.

§ 83. Итак, сделанные выше указания позволяют нам приступить к анализу статей 6475—6480 гг. со стороны их источников, а также со стороны их первоначальной редакции. Если примем во внимание уже сложившееся у нас убеждение в том, что Древнейший летописный свод был изложен не в хронологической сети, то мы вправе признать названия 6475 и 6476 гг. вставленными позже составителем Начального свода. В таком случае окажется, что Древнейший летописный свод излагал события в следующем порядке: поход Святослава на Дунай и захват Болгарии; нападение печенегов на Киев; возвращение Святослава в Киев; смерть Ольги в 6477 г.; второй поход Святослава на Болгарию. Таким образом, Древнейший летописный свод согласован вполне с показаниями греческих источников: первый поход Святослава относится ко времени до 6477 г., а второй — мог быть, судя по буквальному тексту Древнейшего свода, совершен в этом же 6477 г., после смерти Ольги, после 11 июля, скажем, хотя бы в августе 6477 г. (по Скилицию, первый поход имел место в августе 6476 г.). Отсюда видим, что события 6477 г. (смерть Ольги), по Древнейшему своду (6476—6477 гг. по Начальному своду), являются вставкой в текст основного рассказа, восходящего к болгарской хронике. Вставка эта была весьма уместна, так как объясняла, почему Святослав предпринял два похода против болгар, почему он не утвердился в Болгарии окончательно после первого похода. Об этих двух походах составитель Древнейшего свода знал из болгарской хроники; в русских источниках он подыскал причину двукратного похода. Источники эти были — один устный, другой письменный. Письменный источник, повесть об Ольге, сообщал о кончине матери Святослава в 6477 г., устный — рассказывал об осаде Киева печенегами во время отсутствия князя и об освобождении Киева ушедшим в далекий поход Святославом. О первом источнике мы говорили выше. Скажем здесь о втором.

§ 84. Мы признаем этот второй источник устным народным преданием. Поэтому не сомневаемся в том, что он не был приурочен точно к походу Святослава в Болгарию; быть может, он и намекал, что Святослав на Дунае, в болгарях, но возможно, что он представлял себе Святослава на востоке, в походе против козар, ясов, касогов. Я даже считаю более вероятным именно последнее предположение, ибо предание ясно говорит, что помощь киевляне искали за Днестром и что печенеги, осадившие Киев с юга, опасались прибытия Святослава с востока, ср. подвиг юноши, переплывшего Днестр; далее предположение печенегов, что в лице Претича, подплывшего к Киеву с той стороны

Днепра, явился сам Святослав; наконец, слова Претича печенежскому князю: «пришелъ есмь въ сторожѣхъ, по мнѣ идетъ полкомъ со княземъ».

§ 85. Статья 6476 г., заполненная рассматриваемым народным преданием, не представляет тем не менее одного цельного рассказа. Совершенно очевидна в ней компиляция из двух источников. На такое заключение наводит эпизод с подвигом юноши и появлением Претича, — эпизод, решительно противоречащий тем условиям, которые введены предшествующим и последующим изложением. Мы указывали выше (§ 84) на эти противоречия; они станут особенно очевидными, когда сообразим еще следующие обстоятельства. Подвиг юноши, спасителя города, и появление Претича нисколько не улучшают положения; Киев оказывается в еще более тесной блокаде, чем раньше, и только тогда киевляне посылают к Святославу, который и приезжает на выручку. Ясно, что весь эпизод с подвигом юноши и появлением Претича не входил в замысел первого рассказчика, ясно, что он вставлен позднее. Укажем еще более осязательные основания. «И оступиша градъ въ силѣ велицѣ, — читаем мы в начале рассказа, — бесчисленно множество около града, и не бѣ лъзѣ изъ града выльсти, ни вѣсти послати; изнемогаху же людѣе гладомъ и водою». За этим изложен эпизод с подвигом юноши и появлением Претича. Непосредственно за тем читаем: «отступиша Печеньзи отъ града, и не бяше лъзѣ коня напоити на Лыбеди Печеньгѣ». Эта фраза содержит в себе явное противоречие: если печенеги отступили от города, то, очевидно, водопой на Лыбеди освободился; а выходит так, что отступление печенегов от города отяготило осаду. Ясно, что вместо «отступиша отъ града» надо читать: «оступиша градъ». А если так, то эта фраза окажется повторением той, что приведена выше, в начале рассказа. Следовательно, приведенная фраза удвоилась, и удвоилась, очевидно, под влиянием вставки; под влиянием же вставки внесена поправка «отступиша» вместо «оступиша», ибо из вставки ясно, что печенеги испугались угрозы Претича и бежали до прибытия Святослава.

Как же представить себе весь ход составления статьи 6476 г.? Одно лицо, а таковым мы признаем составителя Древнейшего свода, воспользовалось известным народным преданием об осаде печенегами Киева, оставшегося без князя; оно передало его кратко и приладило к введенным им выше условиям, поэтому весь эпизод о получении помощи с той стороны Днепра опущен; киевляне ищут помощи у Святослава, вызывают Святослава из Переяславца; очевидно, составителю Древнейшего свода надо было вернуть Святослава в Киев из Болгарии для того, чтобы затем отправить его туда же в новый поход. Другое лицо, а таковым мы признаем составителя Начального свода, дополнило рассказ Древнейшего свода вставкой; вставка заимствована из того же народного предания об осаде печенегами Киева, оставшегося без князя; этот второй редактор не обратил внимания на те противоречия, которые внесла вставка, что понятно, ибо не ему принадлежит первоначальный замысел всего рассказа; второй редактор согласовал только с предыдущим текст переходной фразы к дальнейшему рассказу; вместо «оступиша градъ» он написал: «отступиша отъ града».

§ 86. Итак, Древнейший свод подыскал причину появления Святослава в Киеве между обоими походами в Болгарию. Святослав вызван горькими сетованиями оставленных им киевлян: «ты, княже, чужей землѣ ищещи и блюдеши, а своя ся охабивъ». Как же объяснит соста-

витель Древнейшего свода вторичный поход Святослава? Причину его он подыщет, конечно, не во внешних обстоятельствах — их не придумаешь; он усмотрит их в настроении, характере самого Святослава. Последнему он тут же, после сообщения о его возвращении и обращении в бегство печенегов, влагает в уста речь, сказанную им матери и боярам, речь, о которой мы говорили уже выше: «не любо ми жити въ Киевѣ, но хоцю жити въ Переяславци на Дунаи», — вот смысл речи, но самое содержание ее едва ли позволяет допустить, что она могла быть сказана Святославом в Киеве, или, скажем определеннее, содержание этой речи едва ли могло быть придумано киевлянином: указание на торговое значение и богатство Переяславца ведет нас к другому автору, вложившему речь в уста Святославу, очевидно, при других обстоятельствах, иной обстановке. Мы убеждены в том, что речь сказана Святославом в Болгарии, или, скажем точнее, она была вложена в уста Святославу составителем болгарской хроники (о которой мы говорили выше). Где же, при каких обстоятельствах могла быть сказана Святославом эта речь?

В статье 6479 г. читаем, что Переяславец пришлось добывать вновь силой. Битва с болгарами, вышедшими на защиту города, долго оставалась нерешительной. Но «к вечеру одолѣ Святославъ, и взя градъ копиемъ, и рче: се градъ мой!»¹ Итак, Святослав по взятии Переяславца произнес речь. Не может быть, чтобы вся она ограничивалась тремя словами: «се градъ мой!» Речь была бы бессодержательна, и мы понимаем, почему составители некоторых списков ПВЛ решили опустить и эти слова. Думаю, что речь Святослава, в Древнейшем своде переданная также в указанных трех словах, была в источнике этого свода, болгарской хронике, изложена полнее и содержательнее; за словами «се градъ мой» следовало объявление Святославом Переяславца постоянным своим местом пребывания, причем это объявление обосновывалось так: «яко то есть среда земли моей, яко ту вся благая сходятся» и т. д. Ср. у Скилиция указание на то, что русских прельстила Болгария своим богатством или благоденствием (τὴν τοῦ τόπου θαυμάσαντες εὐφύϊαν).

Итак, составитель Древнейшего свода извлек речь Святослава, обращенную им в Киеве к матери и боярам, из речи Святослава, сказанной им при взятии Переяславца. Разумеется, он придал этой речи другой смысл и другое значение. Она, с одной стороны, должна была объяснить читателям причину второго похода Святослава, и с другой — дала возможность ввести в рассказ сообщение о смерти Ольги, которая была описана в другом источнике Древнейшего свода. Речь Святослава вызывает реплику Ольги: Ольга указывает на свою болезнь и просит Святослава сначала похоронить ее, а потом ехать куда ему угодно. Диалог между Ольгой и Святославом подсказывался текстом повести об Ольге, ибо в этой повести, судя по прологу, Ольга наказывала именно Святославу не творить над ее могилой языческих обрядов.² За этим диалогом автор рассказа спешит с развязкой: Святослава ведь нельзя долго задерживать в Киеве; болгарский источник требует скорого его возвращения в оставленную Болгарию (в том же 6477 г.). «По трехъ днехъ умре Олга». Верный завету родительницы Святослав погребает ее. Слова «несоша и

¹ Так читалось в Начальном своде (ср. Новгородскую 1-ю); в некоторых списках ПВЛ слова «и рче: се градъ мой» опущены, но в Ипатьевской они есть.

² «И призвавши сына своего Святослава, заповѣда ему погрестися съ землею ровню, а могилы не суги, ни тризны творити, ни бдына дѣяти».

погребоша ю на мѣстѣ»¹ принадлежат составителю Древнейшего свода, который все еще не может прервать сочиненного им рассказа и перейти к письменному источнику. Переход к нему, как мы видели, знаменуется явным противоречием: не сын и внуки, не весь киевский народ погребают Ольгу, как сказано выше, — ее хоронит священник, которого она держала у себя тайно.

§ 87. Как указано, составитель Древнейшего свода не может задержать Святослава надолго в Киеве; необходимо тотчас же после смерти Ольги сообщить о втором походе его в Болгарию. Конечно, это и сделал составитель Древнейшего свода, между тем как редактору Начального свода для того, чтобы разместить события в хронологической сети, выгоднее было рассказать о втором походе Святослава позже, ближе к году смерти Святослава, определенной им 6480 г.:² он и перенес рассказ о походе на Болгарию на 6479 г., а предшествующий 6478 г. занял рассказом о распределении волостей между сыновьями Святослава. Мы не будем задерживаться на этом рассказе, — некоторые замечания к нему будут сообщены нами ниже, — но укажем теперь же, что о распределении волостей Святославом говорил, конечно, и Древнейший свод.

§ 88. Покончив с русскими делами, объяснив, что делал Святослав в промежутке между двумя походами в Болгарию, составитель Древнейшего свода получил возможность вернуться к своему болгарскому источнику. Я думаю, что значительная часть статьи 6479 г. может быть возведена к этому источнику. Я указывал уже выше, что речь Святослава перед взятием Переяславца, речь его после взятия Переяслава (впрочем, опущенная составителем Древнейшего свода, или, точнее, перенесенная в предшествующий рассказ), речь его перед сражением с греками, сообщение о пустующих до днешнего дня городах, разоренных Святославом, — что все это ведет нас к болгарскому источнику. Отсюда заключаю, что болгарская хроника окружила Святослава известным ореолом, он стал для нее сказочным героем. Быть может, она давала даже характеристику Святослава, повлиявшую на характеристику, данную Древнейшим сводом.³ Поэтому нет ничего невероятного в предположении, что именно из болгарской хроники внесены в Древнейший свод и те части рассказа, которые могут представляться составленными русским летописцем в интересах прославления русского имени. Не колеблясь, отнес бы я эти сообщения о подвигах Святослава, о разбитии им впятеро сильнейшего греческого войска, о богатой дани, взятой с греков, на счет русской исторической песни, русского предания, если бы мне уда-

¹ На каком «мѣстѣ»? Не стояло ли первоначально: «на мѣстѣ у града»? Ср. ниже: «и погребоша Ольга (Святославича) на мѣстѣ у города Вручего». Позднейшие редакторы ПВЛ вместо «и бѣ заповѣдала Ольга» дают «идеже заповѣдала Ольга» для того, чтобы объяснить это «на мѣстѣ».

² Ошибочно, ибо по греческим источникам ясно, что Святослав был разбит Цимисхием в 6480 г., следовательно, умер в 6481 г., весной. Ср. замечку В. Г. Васильевского к статье Н. П. Ламбина в названном выше исследовании 1876 г.

³ Слова «и бѣ бо самъ храбрѣ и легко ходя, акы пардусъ», как отмечено В. М. Истриным (Александрия русских хронографов. М., 1893. С. 160), напоминают сравнение Александра как в Александрии, так и у Амартола с пардусом: «акы пардусъ, дръзостью воюя землю Сурьскую»; «скачи акы пардусъ съ мною силою на вѣсточныя страны и грады». Замечательно, что в Ермолинской летописи в конце статьи 6472 г. читается: «скакаше же яко пардусъ, со мною легостию, и многи страны и грады приискываше, к себѣ пріводя, яко же древнии Александръ Макидоньскій царь».

лось убедиться в существовании такой песни, такого устного предания. Быть может, национальное чувство болгар, униженное порабощением их Святославом, искало себе утешения в мысли, что Святослав бил и греков, что греки спасли свой город только данью и щедрыми дарами. Предание о дани, взятой Святославом с греков, могло долго держаться в Болгарии именно потому, что греки уплатили ему деньги за занятие Мизии и старались путем денежных обещаний удалить его оттуда. Ввиду этого я не умею отделить в статье 6479 г. элементы болгарские от русских.

§ 89. Впрочем, делаю следующую оговорку. После слов «и поиде Святославъ ко граду воюя и грады разбивая, яже пусты стоять и до днешняго дне» читаем длинный рассказ об испытании Святослава дарами. Этот рассказ я признаю вставкой и думаю, что непосредственное продолжение приведенным выше словам отыскивается ниже: «и посла царь, глаголя сиче: не ходи къ граду, возми дань еже хошеши; за маломъ бо бѣ не дошелъ Царяграда». Трудно решить, кем же сделана эта вставка: составителем Древнейшего свода или составителем Начального свода. Склоняюсь к предположению, что вставка эта появилась впервые в Начальном своде, который, как мы видели, охотно дополнял свой рассказ из народных преданий и песен. Быть может, не о Святославе, собственно, говорило использованное здесь предание, быть может, оно вспоминало старшего князя.¹

§ 90. Делаю еще одну оговорку. Весь конец статьи 6479 г. принадлежит, во всяком случае, русскому автору. Я думаю, что он читался почти в таком же виде, как дошел до нас,² уже в Древнейшем летописном своде. Не сомневаюсь в том, что о гибели Святослава от печенегов знал и болгарский источник (как знают и византийцы: Лев Диакон и Скилиций), но подробности, как зимовка на Белобережье, голод, испытанный при этом войском Святослава, имя печенежского князя Кури, чаша, сделанная из черепа Святослава, — все это ведет нас к народному преданию, к исторической песне. Предположение о существовании такой песни не противоречит высказанному выше сомнению относительно того, были ли русские песни, воспевавшие бранные подвиги Святослава. На Руси сложились сказания или песни о Святославе особенного характера: в них проводилась мысль, запечатленная на обращенном в чашу черепа Святослава: «чюжихъ ищя, своя погуби».³ В сущности, сходная мысль проводилась и в сказании об осаде печенегами Киева, оставленного Святославом.⁴

¹ Ср. предание об Олеге, не принявшем даров, но по другой причине: это было брашно и питье, устроенное с отравой.

² Ниже увидим необходимость оговорить сообщение о Свенельде.

³ О такой надписи на чаше печенежского князя сообщают Ермолинская, Львовская и некоторые другие летописи. В Тверском сборнике соответствующее место утрачено вследствие выпадения из рукописи листа. Но, судя по сборнику Публ. библ-ки (F.IV.214), вообще сходному с Тверским сборником, здесь, кроме приведенной надписи, читалось: «и есть чаша сѣя и донинѣ хранима въ казнахъ князеи Печенѣзкихъ, пѣаху же изъ нея князи со княгинею въ чертозѣ, егда поимаются, глаголюще сиче: каковъ былъ сѣи человекъ, его же лобъ есть, таковъ буди и родившея отъ насъ. Также и прочіихъ вои его лѣбы изоковаша сръбромъ и держаху оу себе, пѣюще зъ нихъ».

⁴ Ср. слова киевлян к Святославу: «ты, княже, чужезя земли ищещи и блюдеши, а своеса охавивъ».

§ 91. Нам можно теперь сделать следующее сопоставление. Согласно предыдущему, из Древнейшего летописного свода следовало заключить, что Святослав убит весной 6478 г. Действительно, Древнейший свод указывал на 6477 г. как на год смерти Ольги; за рассказом о ее кончине читалось: «по сем же» Святослав, распределив волости между сыновьями, отправился в Болгарию, победил там греков и вернулся затем на Русь. Таким образом, естественно было отнести эти события на 6477 г., а самую смерть Святослава — на весну мартовского 6478 г. И вот в древнем житии Владимира (в Памяти и похвале Владимиру) читаем: «и сѣде въ Киевѣ князь Володимеръ въ *осмое* лѣто по смерти отца своего Святослава, мѣсяца іюня въ 11, въ лѣто 6486». Следовательно, составитель Памяти и похвалы полагал смерть Святослава на 6478 г. и обнаруживал таким образом свою прямую зависимость от Древнейшего свода.

ГЛАВА V

ЛЕТОПИСНОЕ СКАЗАНИЕ О ВЛАДИМИРЕ И ЕГО КРЕЩЕНИИ

§ 92. В 1906 г. автор настоящего исследования напечатал статью, озаглавленную «Корсунская легенда о крещении Владимира».¹ В этой статье проведено следующее главное положение: в XI в. было известно два сказания о крещении Владимира; первое из них сообщало о крещении Владимира от греческого философа, прибывшего в Киев, второе — говорило о крещении Владимира в Корсуне. Ни то ни другое сказание не дошло до нас в цельном и первоначальном виде; второе сказание легло в основание довольно значительного числа статей, посвященных памяти Владимира, и, кроме того, вошло в летопись; первое сказание видим в той же летописи. Летопись эта — Начальный свод и происшедшая из него ПВЛ. В ней, таким образом, представлены два сказания о крещении Владимира; так или иначе они в ней согласованы; по летописи, к Владимиру действительно приходил греческий философ, он произнес перед ним длинную проповедь, показал ему картину Страшного суда, зажег во Владимире желание креститься, но крещение произошло позже, на третье лето: осторожный Владимир испытал еще раз разные вероисповедания посредством особого посольства и потом, решив принять греческую веру, пошел добывать ее в Корсуне.

Как указано, сказание, сообщавшее о крещении Владимира в Корсуне и вставленное составителем Начального свода в рамки другого сказания о крещении Владимира в Киеве, восстанавливается не по одной летописи, но также по различным видам жития Владимира и по различным повестям о его крещении. Восстановление первоначального вида Корсунской легенды, как для краткости я называю это сказание, предпринято мною в названной выше статье. В настоящее время, отчасти под влиянием некоторых замечаний со стороны критики,² отчасти же под

¹ Вошла в том II «Сборника статей в честь В. И. Ламанского».

² Шестаков С. К вопросу о месте крещения св. Владимира (по поводу исследования акад. А. А. Шахматова). Казань, 1908 (отг. из 5-го вып. тома XXIII Известий О-ва арх., ист. и этн.); он же в ЖМНП за 1907 г.

влиянием новых данных и новых размышлений я изменил бы текст отдельных частей восстановленного сказания,¹ местами дополнил бы его, а местами сократил, но в общем остаюсь при мысли, что Корсунская легенда существовала некогда в отдельном от летописи виде, почему и может быть восстановлена путем сравнительного изучения житий и повестей, нам известных.

§ 93. Корсунская легенда сложилась не раньше второй половины или даже последней четверти XI столетия. В основании ее лежат несомненные исторические факты: поход Владимира на Корсунь, взятие Корсуня, женитьба на греческой царевне, — все это факты не вымышленные; они засвидетельствованы и византийскими и арабскими источниками, притом современными этим событиям. Не подлежит сомнению, что Владимир привез из Корсуня мощи святых, священные сосуды, иконы;² он привел оттуда и попов; конечно, и Анна прибыла в Киев с попами. Эти попы содействовали крещению и просвещению Русской земли. Таким образом, в народной памяти устанавливалась связь между крещением Владимира и земли Русской, с одной стороны, его походом на Корсунь и женитьбой на греческой царевне — с другой. Итак, вот основание для Корсунской легенды, основание, уже уклонившееся от исторической действительности, слившее в одно разновременные события, придавшее единство тому, что на самом деле такого единства не имело. И обработка этого все же в существенных чертах своих исторического основания уклонилась в сторону легенды и былины. Никаких фактов, кроме указанных, у составителя сказания не было, а между тем самый замысел поведать о чудесных событиях, приведших Русь к крещению, будил фантазию, давал пищу поэтическому творчеству. Понятно, что это наводило составителя Корсунской легенды на пользование известными ему историческими песнями, где уже был разработан мотив добывания Владимиром Царьграда и невесты. Пользование подобными песнями внесло в Корсунскую легенду разные сказочные подробности. К числу их относим основную мысль сказания, будто Владимир идет на Корсунь добывать себе в жены дочь корсунского князя, далее весь эпизод со Ждѣберном, посылку в Царьград воевод Олега и Ждѣберна просить руки царевны Анны и т. д.

§ 94. Корсунская легенда с особенною силою разрабатывает мотив о добывании Владимиром невесты. Для благочестивого читателя XI в. этот мотив ассоциировался, конечно, с представлением о Владимире как о великом блуднике. Возникает вопрос, не было ли и в самой Корсунской легенде обращено особое внимание на эту черту Владимира-язычника? Некоторые данные заставляют нас решительно утверждать, что Корсунская легенда сообщала о многоженстве Владимира. Житие Владимира особого состава (Плигинский сборник) прямо указывает на то, что у Владимира было 12 жен, а наложниц 300, а в Белгороде 300, а в Берестове 200, а всего 800. В текст восстановленной мною Корсунской легенды я не внес этого перечисления наложниц, полагая, что житие

¹ Так, в особенности подлежат исправлению письмо Ждѣберна к Владимиру и молитва Анны: на них наложило свой отпечаток позднейшее сочинительство (ср. ниже еще несколько замечаний).

² Икона Св. Богородицы в Десятинном храме называлась Корсунскою; ср. Корсунские врата в Новгороде, Корсунские колокола в Пскове. Сообщение о мощах Климента и раке, привезенных в Киев из Корсуня, находим в латинском житии св. Мариана.

особого состава заимствовало его из летописи. Но теперь я склоняюсь к мысли, что Корсунская легенда перечисляла жен и наложниц Владимира. Признав Корсунскую легенду источником для Начального свода, я считаю вероятным, что весь отрывок Начального свода (и ПВЛ), где говорится о блудной жизни Владимира, заимствован из Корсунской легенды. Отрывок этот (в статье 6488 г.) начинается словами: «Бѣ же Володимеръ побѣженъ похотью женъскою»; он оканчивается словами: «Велій Господь нашъ и велия крѣпость его, и разуму его нѣсть числа!» За ними следует явно пристегнутое позже рассуждение о добрых и злых женах. В указанном отрывке названы пять жен Владимировых; при названии каждой из них (по имени названа одна Рогнеда) указаны дети, ею рожденные; затем сообщено, сколько наложниц имел Владимир в Вышегороде, Белгороде и на Берестовом сельце. Приведем фактическую часть интересующего нас отрывка: «и быша ему водимыя: Рогнѣдъ, юже посади на Лыбеди, идеже нынѣ стоитъ сельце Предѣславино, отъ неяже роди 4 сыны: Изяслава, Мѣстислава, Ярослава, Всеволода, а 2 дщери; отъ Грекинѣ Святополка; отъ Чехинѣ Вышеслава; а отъ другоѣ Святослава и Мѣстислава; а отъ Болгарыни Бориса и Глѣба; а наложницъ бѣ у него 300 Вышегородѣ, а 300 въ Бѣлѣгородѣ, а 200 на Берестовѣ в селци, еже зовутъ нынѣ Берестовое». Так читается в Лаврентьевской и Новгородской 1-й, следовательно, так же читалось и в Начальном своде.¹

§ 95. Приведем несколько соображений в пользу того, что отрывок этот вставлен в текст Начального свода не из Древнейшего свода, а из какого-нибудь нелетописного источника. Во-первых, это доказывается самым началом приведенного отрывка: «Бѣ же Володимеръ побѣженъ похотью женъскою»; такое начало не согласуется с предшествующим изложением; самое содержание отрывка показывает, что он не принадлежит историческому, повременному рассказу; отступая от него, он дает характеристику Владимира или описывает черты его жизни. Во-вторых, самый отрывок содержит в себе следы компиляции, следы спайки двоякого рода данных: с одной стороны, он перечисляет жен Владимировых — и это вполне согласно с замыслом очертить его блудную жизнь, дать сведения о его многоженстве, а с другой — при названии жен Владимировых указываются рожденные от каждой из них сыновья. Спрашиваем, уместен ли перечень их там, где идет дело о блудной жизни Владимира, — там, где о многоженстве его сообщается не просто как о факте, а как о проявлении похоти, причем тут же указываются и наложницы Владимировы? Уместно ли было поместить имена св. Бориса и Глеба там, где мать их названа в числе прочих жен, взятых Владимиром «не по браку»? Наши вопросы могут показаться бесцельными, ибо факт налицо, — перечень сыновей Владимира и между ними имена Бориса и Глеба читаются в отрывке, посвященном описанию блудной жизни Владимира. Но возникает вопрос, не вставлены ли эти имена

¹ Позднейшие своды вносят поправки: Ипатьевская и Московско-Академическая летописи опускают после имени Святослава слова: «и Мѣстислава». Очевидно желание остаться при одном Мстиславе; между тем эта поправка безусловно неверная, ибо оставлен Мстислав, старший Ярослава, а известный Мстислав, появляющийся в летописи с 6530 г., был моложе Ярослава, как видно из статьи 6534 г. Вместо этого Мстислава Софийская 1-я и Новгородская 4-я и др. называют Станислава; то же имя в Ипатьевской приписано позже к имени Святослава. Кроме того, Софийская 1-я, Новгородская 4-я и др. приписывают: 11) Судиславъ, 12) Позвиздъ.

позже составителем Начального свода, не отсутствовали ли они в первоначальной редакции этого отрывка? Редактор чужого труда, списываемого текста, далеко не всегда так внимателен к внутреннему смыслу его, как автор; редактору Начального свода было вполне естественно дополнить перечень жен перечнем сыновей Владимира, рожденных ими, но автору, говорящему о блудной жизни Владимира, вряд ли бы пришло в голову смягчить густые тени, ложащиеся на женолюбивого язычника, перечнем сыновей, рожденных его женами.

Исходя из этих соображений, я думаю, что перечень сыновей в приведенном отрывке заимствован составителем Начального свода из того самого перечня, который мы находим ниже под 6496 г., где сыновья Владимира названы в таком порядке: 1) Вышеслав, 2) Изяслав, 3) Святополк, 4) Ярослав, 5) Всеволод, 6) Святослав, 7) Мстислав, 8) Борис, 9) Глеб, 10) Станислав, 11) Позвизд, 12) Судислав. В подтверждение укажу на следующее: перечень 6496 г. перечисляет сыновей по времени их рождения, по старшинству (ср. там же: «умеръшу же старѣйшему Вышеславу въ Новѣгородѣ»); таким образом, одни имена оказываются рядом с другими в силу близости по времени рождения носящих эти имена сыновей Владимировых; а между тем под 6488 (980) г. те же имена объединяются рождением носителей их от одной матери: Борис и Глеб оказываются сыновьями болгарки, Святослав и Мстислав — чехини, Ярослав и Всеволод — Рогнеды. Не согласуются с указанным распределением только имена трех старших сыновей: Вышеслава, Изяслава и Святополка; Вышеслав назван сыном другой чехини, Изяслав — Рогнеды, а Святополк — гречанки; частью это объясняется тем, что из другого места летописи составителю Начального свода было известно о рождении Святополка от гречанки, вдовы Ярополка; частью же это зависело от простой ошибки составителя Начального свода: он назвал старшим сыном Рогнеды Изяслава, потом хотел назвать Вышеслава, но, заметив свою ошибку, поправил Вышеслава на Мстислава; таким образом, Вышеслава пришлось выделить и приписать к чехине, которых вследствие этого оказалось две вместо одной. Если оставим в стороне троих старших Владимировичей, то группировка остальных сыновей окажется вполне согласованною с группировкой жен Владимировых: Рогнеда, чехиня, болгарыня, с одной стороны, Ярослав, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб — с другой; трое последних Владимировичей — Станислав, Позвизд, Судислав — не названы совсем; к детям Рогнеды приписаны две дочери, — это те две сестры Ярослава, о которых сообщает Начальный свод под 1018 г.

Все это приводит меня к убеждению, что составитель Начального свода, заимствовав отрывок о блудной жизни Владимира из особой повести о Владимире, которую предположительно отождествляем с Корсунской легендой, дополнил его перечнем сыновей Владимировых, который был ему известен из другого его источника (предположительно из Древнейшего свода). Дополнение это сделано в одной части совершенно механически: говорю о распределении шести сыновей.¹ В Корсунской легенде перечень жен Владимировых был, быть может, несколько полнее: кроме Рогнеды, «юже посади на Лыбеди», чехини, бол-

¹ Следовательно, нельзя придавать никакой цены указанию на то, что Борис и Глеб рождены от болгарки, Святослав и Мстислав — от чехини.

гарыни,¹ были названы, быть может, еще несколько жен по месту их происхождения.

§ 96. Перед отрывком о блудной жизни Владимира в Начальном своде читаем об идолопоклонстве Владимира; перечисляются поставленные им идолы: «и жряху имъ, наричюще ихъ боги, и привожаху сынови свои и дщери и жряху бѣсомъ, и оскверняху землю требами своими; и осквернися земля Руская кровью и холмъ тѣй. Нѣ преблагый Богъ, не хотя смерти грѣшникомъ: на томъ холмѣ нынѣ церкви стоять, святаго Василья естъ, якоже послѣди скажемъ». Ряд данных наводит на мысль, что в Корсунской легенде было сообщено об идолопоклонстве Владимира; ср. в начале обычного жития Владимира: «сии князь Владимиръ сынъ Святославль отъ племени Варяжска, первѣ къ идоломъ много тщание творя». Вследствие этого имеем некоторое основание предполагать, что приведенное место Начального свода заимствовано из Корсунской легенды. Обращаю внимание на явную вставку этого места: она обнаруживается словами «якоже послѣди скажемъ». Вставка обнаруживается еще и тем, что текст этого места искажен вследствие пропуска, вследствие того что первоначальный текст внесен в Начальный свод не целиком; а именно после слов «Нѣ преблагый Богъ, не хотя смерти грѣшникомъ» никак нельзя ожидать того продолжения, которое находим теперь: подлежащее «Богъ» осталось без сказуемого. Не отрицаю возможности того, что об идолопоклонстве Владимира сообщалось и в Древнейшем своде, источнике Начального свода, но думаю, что в нем говорилось об идолопоклонстве в самых общих чертах. Думаю, что Древнейший свод ограничивался указанием: «и постави кумиры на холмѣ внѣ двора теремнаго». В подтверждение ссылаюсь на рассуждения, изложенные ниже в § 104, из которых следует, что непосредственно за этими словами сообщалось о жертвоприношениях, устроенных Владимиром, причем были замучены варяги христиане.

§ 97. Итак, определяя места, которые можно возвести в Начальном своде к Корсунской легенде, указываем прежде всего на два отрывка, рассмотренные выше, в статье 6488 (980) г. Следующую статью, где возможны заимствования из этой легенды, является статья 6496 (988) г., под которым рассказывается о походе Владимира на Корсунь и о крещении его в Корсуне.

Определение, что именно в этой статье Начального свода восходит к Корсунской легенде, а что — к Древнейшему своду, представляется затруднительным потому, что и Древнейший свод, как об этом свидетельствует Память и похвала Владимиру, сообщал о походе Владимира на Корсунь на третье лето по крещении, причем взятие Корсуни и в Древнейшем своде сопровождалось, по-видимому, рассказом о женитьбе Владимира на греческой царевне. Займемся сначала рассказом об осаде Корсуни. С полной вероятностью можно думать, что Корсунская легенда рассказывала о ней так же, как житие Владимира особого состава (Плигинский сборник). Осада ведется Владимиром с моря; варяг Ждѣберн пускает из Корсуни стрелу, на которой написано, как взять город, как заставить его сдаться: надо перекопать путь, которым с суши доставляется в Корсунь провиант; Владимир слушается совета, город по истечении трех месяцев сдается. Следовательно, то место летописной статьи,

¹ Неясно, была ли названа грекия; быть может, ее вставил Начальный свод, для того чтобы согласовать с тем, что он выше сообщил о рождении Святополка.

где говорится, что Владимир стал «объ онъ полъ града въ лимени, въдале града стрѣлище едино», должно быть возведено к Корсунской легенде. Напротив, слова «Володимеръ же обьстоя градъ», явно несогласованные и противоречащие предшествующему указанию, мы возведем к Древнейшему своду, ибо в нем сообщалось, что осада велась с суши. За этими словами читаем: «изнемогаху въ градъ людье». Это не у места в рассказе Корсунской легенды, ибо в ней несколько ниже Ждѣберн объясняет Владимиру, что ему не истомить граждан голодом, ввиду того что провиант доставляется в город сухим путем. Но в Древнейшем своде, говорившем о полной блокаде города («обьстоя градъ»), этим словам можно было быть и там, где мы застаем их в Начальном своде, если добавить слово «гладъмь» или заменить им слова «въ градъ». «Изнемогаху» — это еще не «изнемогаша»; «изнемогаша людье водною жажею» позже, когда их лишили воды. Далее, с уверенностью относим к Древнейшему своду эпизод с воздвиганием земляного вала вокруг города, — это свидетельствует также об осаде с суши.¹ Но вот видим в Начальном своде появление мужа корсунянина Анастаса, пустившего стрелу с предательским советом перенять воду, которая была проведена по трубам в Корсунь. Совет, данный Анастасом, свидетельствует опять о том, что в рассказе, в котором он появился, дело шло об осаде с суши. Но самый поступок Анастаса оказывается вполне аналогичным поступку Ждѣберна Корсунской легенды. Так, пущенная варягом, преданным Владимиру, стрела представляется более естественной, чем здесь, в Начальном своде: Анастас, как известно, был священником, и вряд ли уместна была с его званием стрельба из осажденного города. Считаю поэтому эпизод с пусканием предательской стрелы заимствованным в Начальном своде из Корсунской легенды; Ждѣберн Корсунской легенды заменен Анастасом; замена произошла под влиянием Древнейшего свода, где рассказывалось о совете, данном Владимиру попом Анастасом, конечно, не при помощи стрелы, а, вероятно, посредством тайного посланца. Далее читаем в Начальном своде: «Володимеръ же се слышавъ, възрѣвъ на небо, рече: аще се ся сбудеть, и самъ ся крещю». Точно такой фразы не было, по-видимому, ни в Древнейшем своде, ни в Корсунской легенде: в Древнейшем своде ее не могло быть потому, что Владимир, по нему, был уже крещен, а в Корсунской легенде странно было бы найти такую речь в устах Владимира, стремившегося взять Корсунь отнюдь не по каким-либо высоким побуждениям, да этой фразы и нет в житии Владимира особого состава (Плигинский сборник), вообще меньше остальных отошедшем от первоначального оригинала легенды. Думаю, однако, что в Древнейшем своде здесь была фраза, сходная с приведенною: Владимир, услышав совет Анастаса, давал какой-нибудь благочестивый обет, быть может, выстроить церковь Св. Богородицы.

§ 98. Следующее засим место в посылке Владимиром к греческим царям просить руки их сестры, как указано выше, представляется особенно трудным для анализа; трудно именно решить, восходит ли оно к Древнейшему своду или к Корсунской легенде. Считаю, однако, более вероятным признать это место заимствованным в Начальный свод из Корсунской легенды: во-первых, здесь выдержана та же мысль, какая положена в самое начало рассказа; Владимир собирается идти на Царьград опять для добывания невесты, как пришел именно за этим и к

¹ Об этом эпизоде см. § 236.

Корсуню; во-вторых, Владимир грозит сотворить Царьграду то же, что он сотворил с Корсунем, — Начальный свод, следуя, очевидно, Древнейшему своду, ничего не говорит о том, что же сделал Владимир с завоеванным городом, — между тем Корсунская легенда, как видно из жития Владимира особого состава (Плигинский сборник), говорила о жестокой расправе с князем корсунским и поставлении в Корсуне наместником Ждьберна. Сообщение о переговорах с царями, убеждающими Владимира креститься, сообщение о прибытии царевны, о крещении Владимира после чудесного исцеления — все это восходит, несомненно, к Корсунской легенде. Быть может, Древнейший свод ограничивался сообщением о мире, заключенном Владимиром с греческими царями, и о присылке ими в жены Владимиру их сестры. Думаю, что фраза, в которой Древнейший свод сообщал о браке Владимира с царевной, сохранилась ниже: «Володимеръ же посемъ, *поемъ* царицю»; здесь «поемъ» означает: взяв в замужество, повенчавшись.

§ 99. Где же продолжение этой фразы? Непосредственно за нею читаем: «и Настаса, и попы Корсуньски, с мощи святаго Климента и Фифа, ученика его, поима съсуды церковныя и иконы на благословенье себъ». Думаю, что слова «и Настаса, и попы Корсуньски, с мощи святаго Климента и Фифа, ученика его» восходят к Корсунской легенде. Ср. ниже попов корсунских при крещении киевлян, далее сообщение об Анастасе, как заведующем Десятинною церковью, в известии о построении этой церкви: рассказ же о крещении киевлян и подробности о построении церкви Св. Богородицы принадлежат, несомненно, Корсунской легенде. По-видимому, и Корсунская легенда, и Древнейший свод сообщали о взятых Владимиром из Корсуни сосудах и иконах, поэтому непосредственным продолжением приведенной фразы считаю: «поима съсуды церковныя и иконы на благословенье себъ».¹

§ 100. Рассказ о свержении кумиров Владимиром (по возвращении из Киева) я признаю заимствованным в Начальный свод из Корсунской легенды, основываясь, во-первых, на том, что выше (§ 96) мы признали восходящим к этой легенде сообщение о поставлении Владимиром кумиров; во-вторых, на том, что памятники, примыкающие непосредственно к этой легенде, сообщают еще о свержении кумира Волоса. Впрочем, Древнейший свод в общих чертах передавал об уничтожении кумиров: возвожу к нему фразу «повель кумиры испроврещи, овы иссъщи, а другыя огневи предати». В самом рассказе Начального свода о крещении киевлян обнаруживаются как будто два источника. Так, Начальный свод говорит о крещении киевлян в Днепре, между тем Корсунская легенда, судя по обычному житию Владимира, указывала на Почайну как на место крещения; далее в конце повторено два раза о поставлении Владимиром церквей: «И се рекъ, повель рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идеже стояху кумиры» и т. д., а ниже — «и нача ставити по градомъ церкви и попы и людье на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ». Возникает вопрос, не слиты ли в описании крещения киевлян два рассказа — рассказ Древнейшего свода (где был, следовательно, назван Днепр) и рассказ Корсунской легенды (из нее взята, например, первая из обеих фраз, где сообщено о поставлении Владимиром церквей). В пользу предположения о том, что некоторые части рассказа о крещении киевлян восходят к Древнейшему своду, приведу

¹ Сообщение о постройке церкви в Корсуне вставлено, см. § 236.

еще текст сетования дьявола: «сде бо мнѣхъ жилище имѣти, яко сде не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще Бога». Мы видели выше, что подобное же указание на то, что на Руси не было апостолов, высказано Нестором в его Чтении о житии и погублении Бориса и Глеба. Следовательно, ему уместно было быть и в Древнейшем своде, источнике Несторова сказания.

Что касается сообщения об отдаче Владимиром детей в учение книжное, то оно восходит, вероятно, к Древнейшему своду. Равным образом считаю вероятным, что к тому же своду восходят и благочестивые рассуждения по поводу крещения.¹

§ 101. К Корсунской легенде составитель Начального свода возвращается ниже в сообщении сначала о закладке, а потом и о постройке Десятинной церкви: здесь опять встречаем Анастаса и попов корсунских; кроме того, Корсунская легенда, возникшая сама при Десятинной церкви,² сообщала о даровании Владимиром этой церкви десятины, но об этом читалось, по-видимому, и в Древнейшем своде, который пользовался особым письменным источником, более древним, чем Корсунская легенда, — краткою статьею об основании церкви Св. Богородицы Десятинной (ср. § 259). Сообщение о передаче в церковь всего взятого Владимиром в Корсуне может восходить к Корсунской легенде.

§ 102. В противность указаним, сделанным мною раньше в исследовании «Корсунская легенда о крещении Владимира», я теперь в следующих затем статьях Начального свода не вижу заимствований из этой легенды. Говорю прежде всего о статье 6504 г. Вторая половина ее является характеристикой Владимира. Мы видели, что Несторово сказание о Борисе и Глебе пользовалось ею. Это доказывает, что характеристика восходит к Древнейшему своду. Упомяну еще и о похвале Владимиру, а именно о том первоначальном виде, который она имела в Начальном своде (ср. выше). И ее я возвожу теперь к Древнейшему своду, имея в виду отчасти некоторое сходство этой похвалы с похвалой Ольге, несомненно известною составителю Древнейшего свода, а потому предположительно послужившею для него образцом.³ Отмечу, кроме того, что сравнение Владимира с Константином имеется и у Нестора, который, быть может, заимствовал его из Древнейшего свода («се вторыи Костянтинъ в Руси явися»).

§ 103. Определив, таким образом, в общих чертах, что в статьях Начального свода, относящихся к Владимиру, может быть возведено к Корсунской легенде, рассмотрим теперь эти статьи еще раз по порядку для определения, какие части их могут восходить к Древнейшему своду.

Начнем со статьи 6488 (980) г. Начало статьи — эпизод с Рогнедой, как будет указано ниже (§ 118), не читался в Древнейшем своде, а заимствован в него из Новгородского владычного свода; равным образом вторая половина статьи, начиная с рассказа о поставлении кумиров,

¹ Слова «си бо не бѣша преди слышали словесе книжного» ср. у Нестора: «никто же бо имъ проповѣдалъ слова Божия».

² Ср.: Корсунская легенда о крещении Владимира (с. 60).

³ Непосредственно за словами «схраниша тѣло его с плачем, *блаженнаго князя*» читаем: «*Се есть* новый Костянтинъ великого Рима». А выше в рассказе об Ольге: «сей похорони *блаженную Ольгу*. *Си бысть* предътекущая крестьянстѣй земли, акы деньница предъ солнцемъ». Ниже: «сего бо память держать Русьстии людье, поминающе святое крещенье, и прославляютъ Бога» и т. д.; ср. об Ольге: «сию бо хвалять Рустии сынове аки начальницу... Се бо вси челоуѣци прославляютъ (Бога), видяще (ю) лежащу в тѣлѣ на многа лѣта».

восходит, как мы видели, не к Древнейшему своду, а к другим источникам.

Статьи 6489 и 6490 гг. не обращают на себя особенного внимания, хотя вероятно, что сообщение о втором походе Владимира на вятичей возникло вследствие пользования Новгородским сводом, где, так же как в Древнейшем своде, было упомянуто (но в иных выражениях) о покорении вятичей Владимиром.

§ 104. Статья 6491 г. содержит в начале заметку о покорении ятвягов; ее мы относим к Древнейшему своду. Засим идет явно пристегнутый к предыдущему рассказ о первых мучениках христианских. Не подлежит сомнению, что рассказ этот составлен не летописцем; в более полном виде мы читаем его в прологе (под 12 июля), причем в проложной статье указано имя младшего варяга — Иоанна; можно с уверенностью думать, что в первоначальной редакции этого рассказа был назван и старший варяг — Туры.¹ Вопрос, подлежащий нашему разрешению, сводится к тому, кто включил этот рассказ в летопись — составитель Начального свода или еще составитель Древнейшего свода? Я считаю, что последний, и притом на основании того, что в некоторых других местах Древнейшего свода обнаруживаются следы пользования этим рассказом о первых мучениках. Так, в особенности важно для нас сопоставление следующих слов варяга со словами, вложенными составителем Древнейшего свода в уста немецким проповедникам, пришедшим к Владимиру. Варяг говорит: «не суть то бози, но древо... а Богъ есть единъ, емуже служить Грыци и кланяются, иже створилъ небо и землю, звѣзды и луну, и солнце и челоуѣка... а си бози что сдѣлаша? сами дѣлани суть». Немцы говорят Владимиру: «кланяемся Богу, иже створилъ небо и землю, звѣзды, мѣсяць и всяко дыханье, а бози ваши древо суть». Зависимость последних слов от речи варяга очевидна; немцам незачем было переходить в обличение «а бози ваши древо суть», а между тем в этом обличении вся суть речи варяга. Далее отмечу сходство слов, которыми выражается сетование дьявола при крещении Руси (§ 100), с рассуждениями составителя рассказа о первых мучениках. Мы читаем в нем: «Тако бо тѣшася погубити родъ хрестьяньскій, но прогонимъ бѣше хрестомъ честнымъ и в иныхъ странахъ; сѣ же мнѣшяся оканьный: яко сѣ ми есть жилище, сѣ бо не суть апостоли учили, ни пророци прорекли... Аще и тѣломъ апостоли не суть сдѣ были, но ученья ихъ аки трубы гласять по вселенѣй в церквахъ, ихже ученьемъ побѣждаемъ противнаго врага, попирающе подъ нози» и т. д. Ср. в размышлениях, помещенных после рассказа о крещении киевлян: «А дьяволъ стена глаголаше: увы мнѣ, яко отсюда прогонимъ есть! сѣ бо мнѣхъ жилище имѣти, яко сѣ не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще Бога... не имамъ уже царствовати въ странахъ сихъ». Ясно, что размышления после крещения составлены под влиянием размышлений в рассказе о первых мучениках: в последнем ясно проведено противоположение между иными странами (где проповедано слово Божие апостолами) и Русью (где апостолов не было), между тем как в размышлениях после крещения такого противоположения нет, и упоминание о «странахъ сихъ» является не вполне ожидаемым. Кроме того, можно думать, что и дальнейшее содержание статьи о крещении составлено под влиянием рассказа о му-

¹ Сошлемся на нашу заметку «Как назывался первый русский святой мученик?» (Изв. АН. 1908. Т. I. № 9. С. 261—264).

чениках. Как видно из только что приведенных слов этого рассказа, дьявол побеждается раздающимся в церквах учением апостольским. Сообразно с этим Владимир, испросив в молитве о том, чтобы Бог дал новым людям своим «увѣдѣти истиннаго Бога, якоже увѣдѣша страны хрестьяньскыя» (ср. об этих странах, изгнавших от себя дьявола, в рассказе о мучениках) и чтобы Он даровал помощь для победы над супротивным врагом, повелевает, во-первых, строить *церкви*, а во-вторых, отдавать детей на *учение* книжное. Итак, заключаем, что составитель Древнейшего свода знал рассказ о первых мучениках и включил его в свой труд, подобно как выше он включил в него повесть о крещении и кончине Ольги. Выше, в § 11, приведены соображения, заставляющие предполагать, что рассказ о святых мучениках был в Древнейшем своде помещен непосредственно за рассказом о вступлении Владимира на стол.

Статья 6492 г. не обращает на себя особенного внимания и может быть возведена к Древнейшему своду. О статье 6493 г., где главным действующим лицом является Добрыня, скажем ниже, в главе, посвященной заимствованиям Начального свода из Новгородского свода.

§ 105. Статья ~~6494~~ 6494 г., содержащая сначала рассказ о прибытии к Владимиру посольств с предложением избрать веру, а потом речь греческого философа, восходит, как мне кажется, целиком к Древнейшему своду. Как указано выше, Древнейший свод крещение Владимира ставил в связь с проповедью греческого миссионера, которого он, как увидим ниже (§ 174), называл Кириллом. Убежденный красноречием проповедника, а также картиной Страшного суда, услышав последние слова философа — «аще хощещи одесную съ праведниками стати, то крестися», Владимир, по первоначальному замыслу рассказчика, введшего философа в качестве проповедника, конечно, изъявлял согласие креститься, а этим рассказчиком был составитель Древнейшего свода. Составитель последующего, Начального, свода изменил соответствующее место под влиянием Корсунской легенды, полагавшей крещение в Корсуне, а не в Киеве. Для этого Владимиру вложен уклончивый ответ, а под следующим годом сообщено о его совещании с боярами и старцами, которым он излагает вкратце то, что сообщено выше, и спрашивает их совета; по совету бояр и старцев Владимир посылает посольство для испытания вер, которое, вернувшись из поездки к болгарам, немцам и грекам, представляет отчет перед Владимиром, старцами и боярами. Бояре советуют Владимиру принять греческую веру, ссылаясь при этом на пример Ольги. Владимир, очевидно согласившись с ними, спрашивает, где же, в каком месте принять крещение? Бояре отвечают: «гдѣ ти любо». Через год, продолжает Начальный свод, Владимир пошел походом на Корсунь. Трудно сомневаться в том, что вся статья 6495 г. составлена редактором Начального свода с прямою целью перейти от беседы Владимира с философом к походу на Корсунь, где состоялось крещение. Отказ Владимира последовать приглашению философа креститься надо было мотивировать его колебаниями и сомнениями; это и выражено как в совещании Владимира с боярами и старцами, так и в посылке мужей добрых и смысленых для согладания вер. Но сомнения и колебания Владимира должны пасть под влиянием, с одной стороны, отчета вернувшегося посольства, а с другой — мудрого совета бояр и старцев; тем не менее Владимир не сдается. Это обстоятельство потребовалось опять мотивировать: в ход пускается прежнее объяснение, — Владимир сомневается и колеблется, но на этот раз его волнует вопрос не о том, какая служба

более угодна Богу, а о том, где принять греческую веру. Старцам и боярам не дано в этот раз рассеять сомнений Владимировых; они отвечают: «гдѣ ти любо», и это развязывает автору руки, — он переходит к описанию похода на Корсунь, где, по утверждению его авторитетного источника (Корсунской легенды), произошло Владимирово крещение.

§ 106. Полагая, таким образом, что статья 6495 г. придумана составителем Начального свода, мы тем не менее признаем вероятным, что элементы, в ней содержащиеся, заимствованы из источников Начального свода. В статье «Корсунская легенда о крещении Владимира» высказано предположение, что в первоначальной редакции этой легенды Владимир посылал испытать веры из Корсуни, когда греческие цари предложили ему креститься; ср. в ответе, данном Владимиром царям: «яко азъ крещюся, яко испитахъ преже сихъ дний законъ вашъ, и есть ми любя вѣра ваша и служение, еже бо ми сповѣдаша послании нами мужи». Остаюсь и теперь при этом предположении, но думаю, что статья 6495 г. содержит и такие элементы, которые восходят к Древнейшему своду. Попытаюсь доказать это.

Владимир, как указано, созвал бояр и старцев, спрашивал их совета относительно того, как отнестись к сделанному ему с разных сторон предложением. О предложениях болгар, немцев и жидов он только упоминает; очевидно, что он не одобряет их веры. Напротив, на предложении греков он останавливается подробно: отмечает отрицательное отношение их к другим верам («хуляще вси законы, а свой хваляще»), сообщает о длинной речи их, где они говорили от начала миру, о бытии всего мира; при этом Владимир высказывает свое удовольствие по поводу этой речи («суть же хитро сказаше, и чудно слышати ихъ, любо комуждо слушати ихъ»); наконец, передачу своей беседы с греками Владимир заключает словами: «и другий свѣтъ повѣдаютъ быти: да аще кто, дѣте, в нашу вѣру ступитъ, то паки, умеръ, встанеть, и не умрети ему в вѣки; аще ли во инъ законъ ступитъ, то на ономъ свѣтъ в огни горѣти». Оказывается, что Владимир неточно передал слышанное им от философа, которого он не называет, употребляя более общее выражение «Греци»; философ не произносил тех слов, что приписал ему Владимир. Трудно, однако, предположить, чтобы они были продуманы составителем статьи 6495 г., т. е. редактором Начального свода. Гораздо вероятнее, что он действительно извлек их из конца беседы Владимира с философом, переданной им неточно, в сокращении. Философу было вполне уместно произнести подобные приведенным слова, когда он объяснял Владимиру картину Страшного суда. А редактор Начального свода, заметивший, что описываемый им источник (Древнейший свод) приведет его к отвергнутой им развязке (крещению Владимира в Киеве), начал сокращать его именно с момента объяснения Владимиру этой картины. Но, сократив беседу философа при объяснении картины, он воспользовался выпущенными местами при составлении статьи 6495 г. Итак, вот один из элементов Древнейшего свода в составе статьи 6495 г.

Владимир оканчивает свою речь к боярам и старцам следующим вопросом: «Да что ума придасте? что отвѣщаете?» Мы видели, что бояре и старцы в ответ на это советуют ему послать мужей испытать чужие веры или, точнее, «кто како служить Богу». Выходит так, что «закону» противопоставляется «служба»: греческий «закон» одобрен князем, против него не возражают и его советники, но последние советуют испытать

еще «службу», т. е. обрядовую сторону. Никто не станет возражать против того, что такой ответ бояр и старцев на поставленный Владимиром вопрос совершенно неуместен; впрочем, смысл его опровергается тотчас же тем поручением, которое дано было с самого начала посольству: «идѣте первое в Болгары и *испытайте вѣру ихъ*» (а не «сзглядайте службу ихъ»). Не такого ответа мог ждать от своих советников Владимир, который еще раньше отверг предложения болгар, немцев и жидов и который только что подтвердил свое отрицательное к ним отношение. Владимир ставит боярам и старцам определенный вопрос о греческой вере, о греческом законе; он ждет от них совета, принимать ли именно эту веру или нет? Бояре и старцы не могли уклониться от ответа ссылкой на необходимость испытать службу болгар, немцев, жидов и греков. Для меня очевидно, что по первоначальному замыслу рассказчика ответ бояр и старцев должен был быть иной. Ставлю вопрос, не сохранился ли этот первоначальный ответ их ниже, где читаем: «Отвѣщавше же бояре рекоша: аще бы лихъ законъ Греческий, то не бы баба твоя приняла Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣхъ челоувѣкъ»? На этот вопрос отвечаю утвердительно: во-первых, останавливаюсь на слове «отвѣщавше». Приведенные слова читаются вслед за отчетом вернувшегося в Киев посольства. Кому же отвечают бояре, когда никто не задает им вопроса? Владимир не сделал по этому отчету ни одного замечания и не обращался с вопросом к собранной дружине. Кому же и на какой вопрос отвечают бояре? Ясно, что на прежний, приведенный выше вопрос Владимира: «Да что ума придасте? что отвѣщаете?» Следовательно, необходимо соединить вопрос с ответом и признать как совет бояр и старцев снарядить посольство, так и дальнейший рассказ о посольстве вставкой. Во-вторых, бояре в своем ответе говорят о *законе* греческом, но именно о законе и спрашивал их раньше Владимир; между тем мы видим между вопросом о греческом законе и ответом относительно него же рассказ об испытании служб, ибо и посольство в своем отчете сообщало исключительно о том, кто како служит. Следовательно, и в этом обстоятельстве видим доказательство того, что за вопросом Владимира должен был следовать непосредственно приведенный выше ответ бояр.

Таким путем мы подходим к предположению, что рассказ о созыве Владимиром совещания, окончившегося советом, данным боярами Владимиру, — принять закон греческий, подвергся вставке: в него вставлен эпизод с посылкой мужей для испытания служб. Этот эпизод, как указано, мы возводим к Корсунской легенде, а рассказ о совещании Владимира с боярами и старцами относим поэтому к Древнейшему своду. В Древнейшем своде этот рассказ имел иной смысл, чем тот, который придал ему редактор Начального свода. В Древнейшем своде Владимир не отвечал философу «пожду еще мало», хотя испытати о всех верах (которые он уже испытал и отверг, за исключением греческой); он отвечал, по-видимому, философу, что должен посоветоваться с дружиною.¹ Созвав ее, он ставит ей определенный вопрос о греческом законе и получает определенный, и притом утвердительный, ответ. Таким образом, созревшее во Владимире под влиянием беседы с философом решение находит себе подкрепление в совете, данном дружиной. Такой ход рассказа представляется естественным и целесообразным, в особенности

¹ Ср. опасения Святослава: «како азъ хочю инъ законъ прияти единъ? а дружина сему смѣяться начнуть».

если примем во внимание, что за согласным решением князя и дружины последовало, по сообщению Древнейшего свода, всенародное крещение.¹

Таким образом, нам приходится несколько изменить предложенное выше объяснение происхождения статьи 6495 г. Редактор Начального свода пожелал усмотреть в обращении Владимира к боярам и старцам за советом доказательство его сомнений и колебаний; последние же не только не рассеивают их и не борются с ними, а напротив, усиливают их фразой: «вѣси, княже, яко своего никтоже не хулить, но хвалить», — фразой, явно направленною против греков (хуливших все законы, а свой восхвалявших). Логическим следствием такой точки зрения является новая проверка служб и веры, проверка на местах. Итак, смысл статьи 6495 г. — оттянуть принятие веры до взятия Корсуня, но она далеко не вся сочинена, придумана; в ней только своеобразно скомбинированы данные обоих источников Начального свода.

§ 107. В Древнейшем своде за совещанием князя с боярами и старцами следовал рассказ о крещении Владимира, его сыновей и дружины и затем рассказ о крещении всего народа. К крещению Владимира относилось в Древнейшем своде еще наставление в вере, преподанное Владимиру. Философ, обративший Владимира, не мог оставить его без подобного наставления. Возвожу поэтому наставление в вере (в чем оно состояло, скажу ниже) к тому же источнику, откуда взята Речь философа.

Что же это был за источник? Как мною было уже высказано в печати,² таким источником следует признать не дошедший до нас рассказ о крещении болгарского царя Бориса от греков. Легенда о том, что Борис был обращен в христианство видом картины Страшного суда, была очень распространена, она перешла и в византийские хроники и сказания.³ Не подлежит сомнению, что и она, и все предание о крещении Бориса воплотились в самой Болгарии в письменный памятник. А это делает вероятным, что обстоятельства крещения Бориса и литературная обработка их стали известны и у нас на Руси. Быть может, не очень произвольно будет предположение, что составитель Древнейшего свода был знаком с историей крещения Бориса по тому самому болгарскому летописцу, о котором мы говорили выше и из которого почерпнуты им статьи, относящиеся к походу Святослава на Болгарию и на греков. Подтверждение такому предположению я вижу в том обстоятельстве, что философ греческий в Древнейшем своде назван был Кириллом (доказательства представим ниже, § 174), а между тем обращение Бориса связывалось именно с именем первоучителей славянских. Греческая версия болгарской легенды упоминает о Мефодии, но болгарский источник мог говорить и о Кирилле. Ср. в статье о переложении книг на славянский язык (попавшей в ПВЛ): «Костянтинъ же възратися въспять и иде учить Болгарьскаго языка». Ср. также указание на Кирилла

¹ Ср. слова киевлян, приглашенных Владимиром креститься: «аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре приияли».

² Шахматов А. А. Один из источников летописного сказания о крещении Владимира // Сборник статей по славяноведению, посвященных проф. Марину Степановичу Дринову. Харьков, 1908. С. 63—74.

³ Например, у Скилиция (Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae opе... Р. 152—153), Продолжателя Феофана (*Pheophanes Continuatus*. Ioannes Cameniato. Symeon Magister Georgius Monachus / Rec. I. Bekker. Bonn, 1838. Р. 162—165), Симеона Логофета. Ср. свод известных в труде М. Соколова «Из древней истории болгар» (СПб., 1879. Приложение).

и Мефодия, как просветителей Бориса, в Житии Климента. Другим подтверждением считаю влияние рассказа о Борисовом крещении на текст Церковного устава Владимира; во всех редакциях его сообщается, что Владимир принял крещение от патриарха Фотия, что является вопиющим анахронизмом, легко, однако, объяснимым, если вспомнить, что Фотий действительно крестил Бориса. Итак, допустив вообще возможность влияния памятников Борисова крещения на памятники крещения Владимира, мы вправе признать, что это влияние сказалось и в древнейшей летописной версии о Владимировом крещении.

§ 108. Я не сомневаюсь в том, что великое событие это сосредоточивало на себе напряженное внимание последующих поколений русских людей; не сомневаюсь поэтому в возможности появления своей, оригинальной, не зависимой от болгар повести о крещении Владимира и земли Русской. И эта повесть была бы, конечно, компилятивной уже в силу того благочестивого и серьезного к ней отношения, которого требовал самый предмет. Но самостоятельная повесть была бы скомпонована удачнее: великие усилия греческого философа, его замечательная проповедь, его демонстрация картины Страшного суда не потерпели бы неудачи, а привели бы к положительному результату. Правда, такой положительный результат и представляла, по только что высказанному предположению, древнейшая версия повести — повесть о Владимире в Древнейшем своде. Это верно, но тот факт, что древнейшая версия сменилась другой, что она была окончательно вытеснена этой другой версией, что составитель Начального свода решительно возражал против тех, кто полагал крещение Владимира в Киеве или Василеве, следовательно, от греческого философа, этот факт — говорю я — свидетельствует самым красноречивым образом в пользу того, что древнейшая версия находила себе опору не в народных воспоминаниях, не в устных преданиях и церковных легендах, а в книжной, искусственной комбинации. Помнили русские люди, что Владимир крестился в Киеве и что поход на Корсунь предпринят им уже после крещения, но как, при каких обстоятельствах, под влиянием чего произошло крещение — все это было забыто; пришлось строить здание на песке, пришлось прибегнуть к заимствованиям, к аналогиям. И все это здание, как видим, рухнуло под напором другой, более живучей и благодарной легенды, которая соединила факт крещения Владимира с фактом победы над греками, взятия их города, появления в Киеве корсунских попов и священных предметов, прибытия туда Анны-царевны. Вот то внутреннее основание, которое заставляет видеть в Речи философа и вообще во всей его беседе с Владимиром нечто чуждое, заимствованное. Внешние основания — анахронизм в имени философа Кирилла и аналогичное влияние других памятников болгарского крещения на памятники русские — указаны выше.

§ 109. Итак, Речь философа и беседы его с Владимиром — произведения болгарской литературы. Философу, обратившему Владимира в веру, естественно было преподавать ему и символ веры. Действительно, мы читаем в Начальном своде вслед за сообщением о крещении Владимира в Корсуне: «Крещену же Володимеру, предаша ему вѣру крестьянску, рекуще сиче: да не прельстятъ тебе нѣции отъ еретикъ, но вѣруй, сиче глаголя» и т. д. Не сомневаюсь в том, что эти слова читались в Древнейшем своде вслед за сообщением о крещении Владимира в Киеве и что те же слова находились в болгарском рассказе о крещении Бориса.

Но является вопрос, что же следовало за ними? В Начальном своде читаем: «Вѣрую во единого Бога Отца, Вседержителя Творца небу и земли, до конца вѣру сию. И паки: вѣрую въ единого Бога Отца нерожена, и въ единого сына рожена... Вѣрую же и седми сборъ святыхъ отецъ... 7-й сборъ въ Никии отецъ 300 и 50 прокляша иже ся не поклонять иконамъ». Непосредственно за этим: «Не принимай же ученья отъ Латынь, ихъже ученье развращено... прашають же грѣхи на дару, еже есть злѣе всего. Богъ да сохранить тя отъ сего». Итак, в Начальном своде сообщено, что Владимиру преподан, во-первых, символ веры, начинающийся словами: «Вѣрую во единого Бога Отца, Вседержителя Творца небу и земли»; во-вторых, другой символ веры, начинающийся словами: «Верую во единого Бога Отца нерожена», и наконец, ему же преподано наставление против латынян. Вероятно, что в первоначальной редакции читалось не так; в ней помещался, конечно, только один из обоих символов, в ней вряд ли имело место то наставление, что находим в Начальном своде. Думаю, что и в Древнейшем своде не было последних двух статей, т. е. второго символа и полемической статьи против латынян. Текст Древнейшего свода подвергся переработке составителя Начального свода, который заменил находившуюся в Древнейшем своде редакцию символа другою редакциею; кроме того, им же внесена полемическая статья против латынян. Чем руководствовался составитель Начального свода, заменяя одну редакцию символа другою, сказать трудно; в настоящее время мы знаем, благодаря Н. К. Никольскому,¹ текст той редакции символа, которою воспользовался составитель Начального свода; эта редакция имеет полуарианскую окраску, ибо говорит о подобносушной Троице вместо единосущной.²

Думаю, что у составителя Начального свода были соображения скорее литературные, чем религиозные; он хотел дать более обширную статью вместо краткой и всем известной статьи, содержавшей никео-цареградский символ веры. Это доказывается и тою переработкою, которой он подверг конец символа, вписанного им в свод, — конец, где говорится о соборах. Сравнительно с текстом символа, обнаруженного Никольским, та часть, где говорится о соборах, сильно распространена, а именно указана цель, задача каждого из соборов. Источником распространения и дополнения символа в этой части надо признать Палею хронографическую; на ближайшую связь ее с летописной статьей было в свое время указано А. С. Павловым. Мы знаем, что та же Палея хронографическая или тот же хронограф, в котором была помещена Палея, был источником Начального свода и в других частях его; это усиливает нашу уверенность в том, что вообще вся рассматриваемая часть летописной статьи 6496 г. составлена редактором Начального свода. За символом веры, распространенным, следовательно, по хронографической Палее, находим полемическую статью против латынян; значительная часть и

¹ Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1907. С. 5—8, 21—24 (отт. из Сборника ОРЯС. СПб., 1907. Т. LXXXII. № 4).

² Ср. у Н. К. Никольского (Там же. С. 7). А. С. Павлов в отзыве своем о сочинении А. Н. Попова о полемических сочинениях против латынян заметил: «Да и само по себе невероятно, чтобы греческое духовенство, вместо или сверх обязанного при крещении никео-цареградского символа веры, преподавало новопросвещенному русскому князю исполненное догматических тонкостей исповедание веры, которое, судя по своей редакции, предназначено было для произнесения рукополагаемых в епископы» (Отчет о 19-м при-суждении наград графа Уварова. СПб., 1878. С. 195).

этой статьи должна быть возведена к Палее, как показал в свое время Павлов, а именно перечень участников семи соборов и заключительные заметки о Петре Гугнивом заимствованы Начальным сводом из Палеи. Относительно же первой части этой полемической статьи возможно задать вопросом, не является ли она извлечением из более обширного полемического трактата? Мы не можем останавливаться здесь на этом вопросе и оставляем его открытым. Но думаем, что самая мысль дать при исповедании веры полемическую статью против латынян возникла у составителя Начального свода под влиянием Древнейшего свода, а в последнем полемическая статья против латынян могла появиться под влиянием его болгарского источника, которым он руководствовался, излагая крещение Владимира. Резюмируем наше исследование и наши предположения. В Древнейшем своде, под влиянием болгарского сказания о крещении Бориса, вслед за крещением Владимира сообщалось о преподанном ему наставлении в веру: наставление это состояло в никео-цареградском символе веры и в полемической статье против латынян, вышедшей, быть может, из-под пера патриарха Фотия.¹ Составитель Начального свода, упомянув о никео-цареградском символе, привел текст другого символа; вместо полемической статьи болгарского происхождения дал другую статью, извлекая ее, быть может, из более обширного трактата; наконец, как символ в конце, так и полемическая статья против латынян дополнены по хронографической Палее, или по хронографу, из которого произошла эта Палея.

§ 110. Таким образом, мы указали, что в статьях 6494, 6495 и 6496 гг. может быть возведено к Древнейшему своду. К нему возводим почти всю статью 6494 г. (кроме, однако, последних строк), начало и окончание статьи 6495 г. (кроме последних строк), значительную часть статьи 6496 г., а именно начало (но не все, ибо и в него внесены элементы из Корсунской легенды), упоминание о преподании Владимиру наставления в веру, далее благочестивые размышления после крещения.

За этими размышлениями в ПВЛ следует фраза: «Володимерь просвъщенъ самъ, и сынове его, и земля его. Бъ бо у него сыновъ 12» и т. д.; в Начальном своде ей (судя по Новгородской 1-й) соответствует: «Володимерь же просвъщенъ самъ и сыновъ его с нимъ 12, ихъже имена» и т. д. Затем и в ПВЛ, и в Начальном своде следует перечень Владимировых сыновей. Фраза эта ни в редакции Новгородской 1-й, ни в редакции ПВЛ неясна; в последней она оборвана и не имеет продолжения; в редакции же Новгородской 1-й она была бы понятна, если бы при «сынове» было вставлено, например, «крестишася», хотя все-таки первая половина фразы оказалась бы несогласованною с ее продолжением; можно бы ждать: «Володимиру же просвъщену самому». Думаю, что необходимо признать, что за словами «Володимерь же просвъщенъ» следовало в первоначальном тексте какое-нибудь сказуемое. Сопоставляя эти слова со словами «Просвъщена же бывъши, радовашеся душею и тѣломъ» в рассказе о крещении Ольги, предполагаю, что в рассказе о крещении Владимира, непосредственно за сообщением о его крещении и преподании ему наставления в веру, следовала фраза: «Володимерь же

¹ Ср. пастырское послание, отправленное Фотием к Борису вскоре после крещения последнего; в нем он излагал сущность христианской веры и нравственности; между прочим в нем дается символ веры, излагается история вселенских соборов. Ср. изложение послания в названном выше труде М. И. Соколова (с. 177 и сл.).

просвѣщенъ былъ, радовашеся душою и тѣломъ».¹ А за этой фразой следовало сообщение о крещении его сыновей: «И крестишася съ нимъ сынове его, ихъже имена»; затем перечислялись имена сыновей Владимира. Далее говорилось о крещении киевлян. Составитель Начального свода, перенеся крещение Владимира в Корсунь, выпустил сообщение о крещении его сыновей. В конце статьи 6496 г. он восполнил свой пропуск, передав в искаженном и сокращенном виде текст Древнейшего свода.

§ 111. Объясняя таким образом появление перечня сыновей Владимира в рассматриваемом месте Начального свода, приходим к выводу, что дальнейший отрывок, где говорилось о распределении волостей между сыновьями Владимира, составлен самим редактором Начального свода, что этого отрывка не было в Древнейшем своде. Действительно, ему было бы неуместно быть в Древнейшем своде за перечнем сыновей Владимира, ибо этот перечень читался в рассказе о крещении Владимира, его сыновей и киевлян. Выше, в исследовании сказаний о Борисе и Глебе, я приходил к тому же выводу, что сообщение о распределении волостей между сыновьями Владимира носит следы позднейшей редакционной работы. Ниже увидим, что толчком к составлению этого сообщения было соответствующее известие Новгородского владычного свода о том, что в Новгороде был посажен Вышеслав, а по смерти Вышеслава в Новгороде сел Ярослав.

§ 112. За сообщением о распределении волостей читаем: «И рече Володимеръ: се не добро еже мало городъ около Кіева. И нача ставити города по Деснѣ» и т. д. Думаю, что нет основания не возводить этого отрывка к Древнейшему своду. Но странно звучит его начало. Не говорилось ли перед ним о походе Владимира к порогам (против печенегов), т. е. о том самом походе, о котором сообщает Память и похвала Владимира?

О том, что статья 6497 г. о закладке церкви Св. Богородицы восходит к Корсунской легенде, было указано выше, но там же было замечено, что и в Древнейшем своде содержалось соответствующее известие.

Статью 6499 г. о закладке Белгорода можно без колебаний возвести к Древнейшему своду. Под 6500 г. сообщение о походе Владимира на хорватов² также должно быть возведено к Древнейшему своду.

§ 113. Сообщение об окончании церкви Св. Богородицы восходит, как кажется, к особой статье, сообщавшей об освящении Св. Богородицы (12 мая) и содержавшей известие о даровании этой церкви десятины; та же статья послужила источником и для Корсунской легенды; ср. особую статью об этом в прологе под 12 мая. Последующий рассказ о нападении печенегов на Василев, о чудесном спасении Владимира, о его обете поставить церковь Св. Преображения в Василеве, об исполнении этого обета и праздновании в Киеве дня Успения Св. Богородицы — весь этот рассказ представляется как будто не вполне ясным с хронологической точки зрения. Освящение Десятинной церкви имело место 12 мая,³ под которым мы его находим в прологе; сообщение под тем

¹ Ср. под 6504 г. фразу: «Видя же люди хрестьяны суца, радовашеся душою и тѣломъ».

² В Начальном своде читалось под этим годом только об этом походе. Рассказ о единоборстве отрока Переяслава с печенежином вставлен в ПВЛ ее редактором.

³ Очевидно, 6503, а не 6504 г., под которым оно значится в Начальном своде, ибо 12 мая приходилось на воскресенье в 6503 г. (см. § 10).

же годом об освящении церкви Св. Преображения в Василеве указывает два момента: первый — спасение Владимира от печенегов и данный им обет, второй — освящение церкви Св. Преображения; первый момент относится ко дню 6 августа, как показано в летописи («бѣ бо въ тѣ день Преображенѣ Господне, егда си бысть съча»); второй момент относится также к 6 августа, ибо в летописи сказано, что Владимир, праздновав в Василеве дней 8, вернулся в Киев к празднику Успения Св. Богородицы (15 августа). Следовательно, оба момента относятся к двум, вероятно соседним, годам, а не к одному, как сообщает Начальный свод. Весьма вероятно, что первый момент — чудесное спасение Владимира — относится к 6 августа 6502 г., а второй момент — к 6 августа 6503 г. Церковь Св. Преображения была освящена в тот же год, что церковь Десятинная, и это дало основание летописцу соединить их освящения в одной статье. Но если он, сообщая о праздновании освящения церкви Св. Преображения, говорил о нем как об определенном моменте, является вопрос, почему при описании празднества находим не аорист, а давнопрошедшее время: «и *сзываете*¹ боляры своя... праздновавъ князь дний 8, и *възвращаеться* Киеву на Успенѣ святыя Богородица, а ту паки *сотворяше* праздникъ великъ, сзывая бесчисленное множество народа»? Я думаю, что формы давнопрошедшего времени заменили формы аориста под пером частью редактора Начального свода, частью же редактора ПВЛ, которые обобщали то, о чем Древнейший свод сообщал как о случившемся однажды, в год освящения василевской церкви Св. Преображения. Подтверждаю свою догадку тем, что рядом с приведенными фразами другие фразы сохранили формы аориста; например, после «и *сзываете* боляры своя» читается: «и *раздая* убогимъ 300 гривенъ» (ср. выше: «и *створи* праздникъ великъ... и убогимъ раздая имѣнье много»). За словами «и ту паки *сътворише* (в Древнейшем своде читалось: «*сътвори*») праздникъ великъ, сзывая бесчисленное множество народа» в ПВЛ в Начальном своде находим: «Видя же люди хрестьяны суща, радовашеся душею и тѣломъ, и тако по вся лѣта творяше. Бѣ бо любя словеса книжная; слыша бо единою еуангелье чтомо» и т. д. Совершенно очевидно, что слова «и тако по вся лѣта творяше» не находятся в связи с предшествующею им фразою; напротив, ясно, что им место за предшествующим рассказом. Ими обобщено то, что рассказано выше относительно событий 6503 г. Владимир праздновал торжественно дни 6 и 15 августа не в одном этом году, но и впоследствии. Вот смысл этих слов, оторванных от предшествующего рассказа вставкой слов: «Видя же люди хрестьяны суща, радовашеся душею и тѣломъ». Слова «и тако по вся лѣта творяше», как кажется, и были причиной замены аористов давнопрошедшими в предшествующем рассказе. Вставленная же перед ними фраза представляется мне составленною на основании выпущенных Начальным сводом выше, в рассказе о крещении Владимира, слов: «Володимеръ же просвъщенъ бывъ, радовашеся душею и тѣлмъ» (ср. § 110, где указаны основания для восстановления этих слов). Как же понять эту вставку, чем она была вызвана? Думаю, что составитель Начального свода хотел дать приличное введение той общей характеристике Владимира, которую он предложил ниже (на основании Древнейшего свода).

¹ Новгородская I-я: «созва».

Признав конец статьи 6504 г. характеристикой Владимира в Древнейшем своде, мы сопоставляем это наше заключение с тем обстоятельством, что в Начальном своде за словами «И живяше Володимеръ по устроению отню и дѣдню» нет более известий, относящихся собственно до Владимирова княженья,¹ ибо речь отрывочных известий о кончине разных членов княжеского рода можно признать заимствованными в Начальном своде не из Древнейшего свода, а из другого источника.

Перехожу к определению этого источника Начального свода.

ГЛАВА VI

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ НАЧАЛЬНОГО СВОДА

1

§ 114. Не подлежит сомнению, что Десятинная церковь Св. Богородицы была еще Владимиром Святославичем избрана усыпальницей для членов княжеского рода. Так, в этой церкви похоронен он сам, конечно, по своему завещанию; позже, в 1044 г., когда были извлечены из земли останки двух дядей Ярослава, братьев Владимира — Ярополка и Олега, эти останки были окроплены святою водою и перенесены в ту же Десятинную церковь; в 1078 г. в ней похоронен великий князь Изяслав Ярославич. Весьма вероятно, что над похороненными в этой церкви были высекаемы на могильных плитах или крестах надписи с указанием года (а иной раз и дня) смерти. Думаю, что эти надписи были использованы, между прочим, составителем особого княжеского помянника, восходящего ко времени Ярослава и в конце XI в. использованного Начальным сводом. К временам Владимира относились, кажется, три надписи. Первая внесена составителем Начального свода без комментария: «В лѣто 6508. Преставися Мальѡрѣдъ». Вторая надпись свидетельствовала о трех смертях: Рогнеды в 6508, ее сына Изяслава в 6509 и внука Всеслава в 6511 г., и о перенесении останков их (из Полоцка, где, по имеющимся данным, жила Рогнеда с сыном Изяславом) в Св. Богородицу; эта надпись комментирована в Начальном своде и изложена в нем так: «В се же (т. е. в 6508) лѣто преставися Рогънѣдъ, *мати Ярослава*. В лѣто 6509. Преставися Изяславъ, *отець Брячиславъ, сынъ Володимеръ...* В лѣто 6511. Преставися Всеславъ, *сынъ Изяславъ,*² *внукъ Володимеръ...* В лѣто 6515. Перенесени си³ въ святую Богородицу». Подчеркнутые слова признаю комментарием; он ведет нас ко времени, когда имена, приведенные в надписи, нуждались в пояснении; возможно, что этот ком-

¹ В ПВЛ под 6505 г. вставлен рассказ об осаде Белгорода печенегами, но не подлежит сомнению, что этот рассказ, основанный на народном сказании, не читался в Начальном своде (ср. Новгородскую 1-ю, где его нет).

² Чтение «Мьстиславъ» Новгородской 1-й представляется *позднейшею* ошибкою.

³ Так в Новгородской 1-й, а в ПВЛ ошибочно «святии». Позднейший свод (Новгородская 5-я) излагал это известие так: «принесени быша си въ святую Богородицу князи».

ментарий находился уже в княжеском помяннике.¹ Третья надпись передана, по-видимому, также с комментарием: «В лѣто 6519. Преставися раба Божіа² Анна, царица Володимира».

К княжескому помяннику восходит далее известие о перенесении останков Ярополка и Олега в Св. Богородицу; известие это перефразирует и дополняет, вероятно, более лаконическую надпись: «Въ лѣто 6552. Выгребоша 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святослава, и крестиша кости ею, и положиша я въ церкви святыя Богородица».³

Последним известием, внесенным в Начальный свод из княжеского помянника, считаю запись 6601 г.: «В се же лѣто преставися Ростиславъ, сынъ Мьстиславль, внукъ Изяславль, мѣсяца октямбрия въ 1 день; а погребень бысть ноямбрия въ 16, в церкви святыя Богородица Десятины».⁴

О четырех известиях 1054, 1056, 1058, 1063 гг., восходящих в Начальном своде к княжескому помяннику, см. ниже.

А. А. Куник в исследовании «Известны ли нам год и день смерти вел. кн. Ярослава Владимировича?»⁵ обратил внимание на особенный характер некоторых из приведенных нами надписей, а также и других, им подобных, и предположил, что они извлечены составителем I Киевской летописи, составленной, по А. А. Кунику, около 1100 г.,⁶ из Княжеского Синодика, или Помянника. Продолжительные размышления побудили меня принять это мнение знаменитого исследователя нашей древней истории.

А. А. Куник возводил к тому же источнику известия о рождении некоторых князей Ярославова дома. Что касается этих известий, то источником их я признаю те же припоминания, на основании которых составлены известия политические. Поэтому решаюсь возвести их к Древнейшему своду.

2

§ 114¹. В числе источников Начального свода был текст Паримийника. Нам пришлось выше, рассматривая сказание о Борисе и Глебе (§ 35—39), указывать на то, что паримийным чтением о Борисе и Глебе воспользовался для дополнения летописного рассказа составитель ПВЛ. В Начальном своде таких заимствований не было. Но, с другой стороны, имеется несколько указаний на то, что составителю Начального свода был известен Паримийник и что он пользовался им в нескольких местах своего труда. В § 74¹ нами отмечена вставка в рассказе о крещении Ольги; в этой вставке оказываются заимствования из Паримийника

¹ Изяслав пояснен именем его сына Брячислава, умершего в 1044 г. Но, конечно, такое пояснение могло быть сделано и позже, во второй половине XI в., ибо именем Брячислава Изяслав поставлялся в связь с современником — Всеславом Брячиславичем, князем Полоцким.

² Так в Новгородской 1-й (Начальном своде), а в ПВЛ «раба Божіа» опущено.

³ Позднейший компилятор дополнил по ошибочной догадке: «въ Володимири». Ср. Ипатьевскую, Софийскую 1-ю и др.

⁴ Отмечаю еще употребление глагола «преставися», а не «умьре» во всех этих надписях. Ср. «умьре» в известиях 6523, 6541, 6544, 6552, 6577 и др.

⁵ СПб., 1896. Отг. из ЛЗАК.

⁶ На чем основано это предположение, не знаю, но с ним близко совпадает мое предположение о том, что Начальный свод составлен около 1095 г.

(Притч. I, 20—22; II, 2; VIII, 17; XIII, 20). В § 94 отмечена вставка в начале рассказа о Владимире — это рассуждение о злых и добрых женах (ПВЛ под 980 г.); оно содержит текст Притч. V, 3—6 и XXXI, 10—32; эти заимствования сделаны, очевидно, из Паримийника (вторая седмица, вторник вечер и пяток ваий вечер). Ввиду того что статья 6601 (1093) г., которую, как предположено в § 1⁵, оканчивался Начальный свод, ясно обнаруживает пользование Паримийником,¹ считаю себя вправе и другие вставки из него относить на счет составителя Начального свода.

§ 114². Исходя из этих соображений, я признаю вставками в текст Начального свода еще некоторые отрывки с выписками из паримийных чтений. Так, под 6545 (1037) г. находим текст Притч. VIII, 12, 14—17, читаемый в Паримийнике на третьей седмице в понедельник вечер. Частью на основании этого текста, частью же ввиду явного отступления этого места от рассказа о Ярославе, — отступления, вызвавшего затем переходную фразу: «Ярославъ же съ, якоже рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ», — я признаю вставкой отрывок, начинающийся словами «Велика бо бывает полза отъ ученья книжного, книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью» и оканчивающийся словами «въсприемлетъ души велику ползу». В этом отрывке содержится похвала книжному учению; она вызвана предшествующею фразою: «и списаша книги многы, имиже поучащися вѣрни людье наслаждаются ученья божественаго». Мне кажется, что между этой вставкой и одним местом Предисловия к Начальному своду (ставшего Предисловием к Софийскому временнику) имеется известная связь. Как там, после указания на церкви, монастыри и спасающихся в них черноризцев, «ихъже ради молитвъ миръ стоитъ», читаем: «Аще бо къ святымъ симъ (испорчено «въ сыи») прибѣгнемъ церквамъ, тѣмъ велику ползу приимемъ души и тѣлу», так и здесь после указания на книги — «имиже поучащися вѣрни людье наслаждаются ученья божественаго» — находим отрывок, в котором читается фраза: «аще бо поищеши въ книгахъ мудрости прилѣжно, то обрящеши велику ползу души своей». Отметим, что текст Притч. VIII, 17 приведен и в указанной выше вставке в рассказе о крещении Ольги.

Под 6463 (955) г. читаем: «Живяше же Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ, и учащеть и мати креститися, и не брегаше того ни въ уши приимати»; непосредственно же за этим: «но аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся, тому. Невѣрнымъ бо вѣра хрестьяньска уродство есть», и далее следуют тексты Псал. LXXXI, 5; Ис. VI, 10; Притч. I, 24—25, 29—30. Дальше читаем: «Якоже бо Ольга часто глаголаше: азъ, сыну мой, Бога познахъ и радуюся; аще ты познаеши, и радоватися почнешь. Онъ же не внимаше того, глаголя: како азъ хочу инъ законъ прияти единъ, а дружина сему смѣются начнуть. Она же рече ему: аще ты крестишися, вси имуть то же створити. Онъ же не послуша, творяше норovy поганьския, не вѣдый, аще кто матере не послушаетъ, в бѣду впадаетъ, якоже рече: аще кто отца ли матере не послушаетъ, то смерть прииметь. Се же к тому гнѣвашеся на матерь. Соломонъ бо рече»; далее текст Притч. IX, 7, 8. Нельзя не заметить, что мы имеем перед собою

¹ Среди благочестивых рассуждений мы находим в этой статье отрывок: «Якоже пророк глаголаше: падете пред враги вашими... тако глаголетъ Господь Богъ Израилевъ», содержащий текст Лев. XXVI, 17, 19—20, 33, 40—41; те же отрывки из Лев. XXVI читаются в паримии: «на начало индикта, сирѣчь новаго лѣта». Состав паримии: Лев. XXVI, 3—12, 14—17, 19—20, 22, 33, 40—41.

не первоначальный текст, а текст, подвергшийся вставкам и перестановкам. Так, во-первых, отметим несогласованность слов «и не брежаше того, ни въ уши приимати» с последующим «но аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся тому»; во-вторых, фраза «и не брежаше того, ни въ уши приимати» (так в Лаврентьевском, вместо чего в других списках: «и не брежаше того, но въ уши внимаше» или «приимаше») находит себе соответствие с последующей фразой: «Онъ же не внимаше того»; в-третьих, тексты Ис. VI, 10 и Притч. XIII, 20 и I, 24—25, 29—30, которые читаем между обеими приведенными фразами, отыскиваются в Паримийнике (вторая седмица, четверток утро; четвертая седмица, четверток вечер; первая седмица, вторник вечер). Ввиду этого отождествляю обе фразы, и вслед за «и не брежаше того» читаю: «ни въ уши внимаше того, глаголя» и т. д. Отсюда следует, что вставкой должно признать и отрывок: «но аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся тому. Невѣрнымъ бо вѣра хрестыаньска уродство есть, не смыслиша бо ни разумѣша во тѣмъ ходящии, и не вѣдаютъ славы Господня». Но вполне очевидна связь этого отрывка с ответом Святослава: «како азъ хочу инъ законъ прияти единъ? а дружина сему смѣяться начнутъ»; приведенный отрывок как бы комментирует слова Святослава; поэтому предполагаю, что он читался за этими словами и вводился не словами «но аще кто хотяше креститися», а словами «аще бо кто хотяше креститися». Следовательно, предположенная выше вставка сложилась, во-первых, из отрывка, перенесенного из дальнейшего текста («но аще кто хотяше... славы Господня»); во-вторых, из заимствованных из Паримийника текстов («одебелѣша бо сердца ихъ... подражаху же мои обличенья»); в-третьих, из придуманной (составителем Начального свода) фразы: «Якоже бо Ольга часто глаголашеть: азъ, сыну мой, Бога познахъ и радуюся, аще ты познаеши, и радоватися почнешь». Можно думать, что составитель Начального свода, решив вставить тексты Ис. VI, 10 и Притч. XIII, 20 и I, 24—25, 29—30, увидел, что такая вставка слишком отделила бы слова Святослава от реплики Ольги («аще ты крестишися, вси имуть то же створити»); поэтому он весь текст, т. е. не только выписки из Паримийника, но и предшествовавшие фразы, к которым их было удобно приладить, перенес выше, до начал беседы Ольги со Святославом.

За словами «аще кто отца ли матери не послушаетъ, то смерть прииметь» читаем: «Се же къ тому гнѣвашеся на мать. Соломонъ бо рече» и далее, как указано, текст Притч. IX, 7—8; и этот текст заимствован из Паримийника (третья седмица, вторник вечер и седмица четвертая по пасце, вторник вечер). Отсюда заключаю, что предшествующие ему слова о гневе Святослава придуманы составителем Начального свода для того, чтобы иметь возможность внести указанное заимствование из Паримийника.

§ 114³. В конце рассказа о кончине Ольги (6477 г.) мы читаем в Начальном своде после слов «рече бо пророк: прославляющая мя прославлю» (1 Цар. II, 30) — «О сяковыхъ бо Давыдъ глаголаше» и далее текст Псал. CXI, 6—8 и затем, после слов «Соломонъ бо рече», текст Премудр. V, 15—16. Имея в виду, что последний текст читается в Паримийнике (неделя всех святых, вечер), я признаю его вставленным в летопись составителем Начального свода и принимаю, что первоначально рассказ о кончине Ольги оканчивался текстом указанного псалма.

§ 114⁴. В статье 6504 (996) г., содержащей характеристику Владимиру, приводится ряд текстов: Матф. V, 7; Лук. XII, 33; Матф. VI, 19—20; Псал. CXI, 5 и Притч. XIX, 17. Возможно, что текст Притч. XIX, 17, читающийся в Паримийнике (понедельник вайи, вечер), не читался в Древнейшем своде и вставлен составителем Начального свода.

3

§ 114⁵. Под 6576 (1068) г., после сообщения о несчастной битве на Альте, в которой Изяслав, Святослав и Всеволод потерпели поражение от половцев, приведено поучение о казнях Божиих. Оставляю в стороне вопрос о происхождении этого поучения.¹ Ставлю вопрос, читалось ли оно уже в Древнейшем своде (в позднейшей обособленной редакции) или вставлено составителем Начального свода? Думаю, что поучение вставлено в летопись составителем Начального свода ввиду следующих соображений: во-первых, оно несомненно представляло отдельное сочинение, отдельное поучение; никоим образом нельзя допустить, чтобы оно было скомпилировано составителем летописи; ср. сокращения и порчу в тексте поучения;² во-вторых, оно вставлено в летописный текст совершенно механически, по-видимому, под влиянием слов «грѣхъ же ради нашихъ» летописного текста; в-третьих — и, конечно, только этому, третьему, соображению мы придаем решающее значение, — текст летописи оказывается явно поврежденным благодаря вставке поучения; признавая составителя непосредственного продолжения из Древнейшего Киевского свода составителем летописного текста 1068 г., мы должны заключить, что он не был тождествен с редактором, вставившим поучение в летописный текст. Действительно, мы читаем: «и бывши нощи, подѣдоша противу собѣ, грѣхъ же ради нашихъ пусти Богъ на ны поганяя, и побѣгоша Русьстии князи и побѣдиша Половци». Не сомневаюсь в том, что «побѣдиша Половци» должно читаться раньше, чем «побѣгоша Русьстии князи», — сначала половцы победили, а потом князя бежали; допустив эту перестановку, увидим, что слова «и побѣгоша Русьстии князи» тесно связаны со словами, читающимися непосредственно за поучением (точнее, за словами: «Мы же на предлежащее възвратимся», которые находятся за этим поучением), а именно со словами: «Изяславу же со Всеволодомъ Киеву побѣгшу, а Святославу Чернигову». Конструкция дательного самостоятельного здесь совсем нехвата, ибо дальше читаем: «и людье Киевьстии прибѣгоша Киеву»; ввиду этого предлагаю читать за словами «и побѣгоша Русьстии князи» — «Изяславъ же съ Всеволодѣмъ Киеву, а Святославъ Чернигову». Отсюда заключаем, что вставка поучения разорвала восстановленную нами фразу. Следовательно, поучение вставлено не составителем Древнейшего свода или непосредственного его продолжения, которому принадлежит эта восстановленная фраза, а составителем Начального свода. Думаю, что вставка поучения отразилась не только на перестановке в первой части разорванной фразы, но и на сокращении и изменении ее. Представляется вероятным, что слова «грѣхъ же ради нашихъ» предшество-

¹ Ср.: Чаговец В. А. Преподобный Феодосий Печерский, его жизнь и сочинения. Киев, 1901. С. 84—126.

² Например, в начале текст явно испорчен: «Наводить бо Богъ по гнѣву иноплемьники на землю, и тако скрушенымъ имъ въспоманутся къ Богу».

вали непосредственно словам «побѣдиша Половѣци»; между тем слова эти отделены друг от друга вставкою слов: «пусти Богъ на ны поганѣя»; думаю, что эти слова извлечены из поучения. Равным образом из него же извлечено слово «иноплемѣнницы» в начале летописного сообщения: «Придоша иноплемѣнницы на Русьску землю, Половѣци мнози»; ср. в начале поучения: «Наводитъ бо Богъ по гнѣву своему иноплемѣнники на землю». Возможно, что под влиянием той же вставки поучения и вызванной ею перестановки опущено указание дня битвы на Альте; под предшествующим 6575 г. были отмечены дни битвы на Немиге и захвата Всеслава на Орше; ср. здесь ближайшее определение: «и бывши нощи».

4

§ 114⁶. Под тем же 6576 г., после рассказа о народном восстании в Киеве, читаем: «Изяславъ же бѣжа в Ляхы». Продолжение этих слов видим в нижеследующей фразе: «Всеславъ же съде Киевъ», после чего находим благочестивые размышления по поводу силы Честного Креста, освободившей Всеслава из поруба. Между словами «Изяславъ же бѣжа в Ляхы» и «Всеславъ же съде Киевъ» находим вставку; в ней сообщается о победе Святослава над половцами у Сновска 1 ноября. Вставка эта не может принадлежать составителю Древнейшего свода или его непосредственного продолжения, ибо она разорвала на две части восстановленную выше фразу. Следовательно, она сделана составителем Начального свода. Содержание ее ясно указывает на Черниговскую запись; отмечены: день битвы, число войска Святослава и число половцев, приведена речь Святослава; оканчивается запись словами: «възратися с побѣдою в градъ свой Святославъ». Отсюда делаю вывод, что Начальный свод в числе источников имел Черниговскую летопись. Других заимствований из нее в текст, соответствующий Древнейшему Киевскому своду или непосредственному его продолжению, обнаружить не удалось.

ГЛАВА VII

СЛЕДЫ НОВГОРОДСКИХ ИЗВЕСТИЙ В НАЧАЛЬНОМ СВОДЕ

§ 115. В тексте Начального свода, насколько он нам известен по сравнительному изучению Новгородской 1-й летописи и списков ПВЛ, — изучению, доказывающему, что он был доведен до 1093 г. и составлен около 1095 г., — обнаруживается ряд записей новгородского происхождения. Относительно некоторых из таких записей возможно сомнение, принадлежат ли они действительно Новгороду, не возникли ли они в Киеве, где в XI в., благодаря оживленным сношениям по пути из варяг в греки, хорошо могли знать обо всем, что делалось на берегах Волхова. Но содержание некоторых записей не оставляет никакого сомнения в том, что они появились именно в Новгороде. Укажу такие записи.

Под 6571 г. читаем: «В се же лѣто Новѣгородѣ иде Волховъ вспять дний 5; се же знаменье не добро бысть, на 4-е бо лѣто пожже Всеславъ

градъ». Если мы примем во внимание, что позднейшая новгородская летопись нередко отмечала случаи обратного течения вод в р. Волхове,¹ а также и то, что характер самой записи показывает, что это явление поставлено в связь с последующим событием новгородским, у нас не останется никаких сомнений в том, что эта запись сделана в Новгороде.

Под 6550 г. читаем о походе Владимира Ярославича на емь и о конском море, случившемся во время похода. И то и другое событие важны были для новгородца; киевлянин не мог обратиться на них внимания.

Наличность этих двух известий в Начальном своде делает для меня несомненным пользование составителем этого свода новгородскими записями. Ввиду этого заключения я без колебания возвожу к новгородскому источнику и ряд других записей, так или иначе обнаруживающих свое новгородское происхождение. Перечислю все эти записи, включая в число их и обе только что приведенные. Впрочем, оставлю в стороне древнейшую часть Начального свода, до 6453 (945) г.; о вошедших в нее новгородских элементах скажу ниже в особой главе.

§ 116. Под 6455 г. читаем: «иде Вольга Новугороду и устави по Мьсть повосты и дани и по Лузь оброки и дани; ловища ея суть по всей земли, знамяня, и мьста и повосты, и сани ее стоять въ Плесковъ и до сего дне». Трудно допустить, чтобы такая запись могла возникнуть в Киеве. Относительно происхождения этой записи решаюсь предложить такую догадку. Новгородский летописец, прочитав в Древнейшем Киевском своде фразу «И иде Ольга по Деревьсти земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляючи уставы и уроки; и суть становища еѣ и ловища», предположил, что дело идет о посещении Ольгою той части Новгородской области, которая носила название Деревской земли или просто Дерев (ср. подобное же название «Дерева» для земли древлян), а позже Деревской пятины.²

Это его предположение и имело следствием вставку о погостах, данях и оброках по Мсте и по Луге, т. е. по тем двум водным путям, которые, сходясь около Новгорода, служили средством сообщения центра (Новгорода) с его областью. Можно думать, что древнее представление о Деревях, Деревской земле не совпадало с границами Деревской пятины конца XV в. Ср. Деревской погост (погост Пречистенской в Деревях) в Обонежской пятине на притоке Волхова Оску.³ В подтверждение высказанного предположения привожу следующее место Степенной книги (жития Ольги): «И иде Ольга сыномъ своимъ и воинствомъ по Деревской земли, уставляючи уставъ и уроки и ловища. Ньцыи же глаголють, яко Деревская земль бѣ, иже во области Великого Новаграда, нынѣ же Деревская пятина именуема; инѣи же глаголють, яко Съверская страна бѣ, идѣже бѣ Черниговъ градъ». Так гадали в XVI в. на северо-востоке, а в XI в. новгородцу было естественно принять Деревскую землю Приднѣп-

¹ Например, под 6684 г. (обратное течение продолжалось пять дней), 6881 г. (семь дней), 6884 г. (семь дней), 7033 г. (девять дней) и др.

² Ср. в уставной грамоте, данной церкви Св. Иоанна на Опоках: «имати съ купецъ тая старина и въ вѣкы: съ Тверского гостя, и с Новгородскаго, из Бѣжицкого, из Деревьского, и съ всего Помостья» (т. е. местности по Мсте) (Русские достопримечательности. Т. I. С. 81; по списку XV в. Новгородской 1-й). В Новгородской 1-й под 1441 г. читаем: «Новгородци же послаша архиепископа Еудимья и с нимъ бояръ и житыхъ людей и наѣхаша его в Деревяхъ, у города у Дѣмяна» (ср.: Неволлин К. О пятинах и погостах новгородских. С. 47). Деревская пятина известна по актам начиная с конца XV в. (ср.: Там же. С. 52 и 12).

³ Неволлин К. Указ. соч. С. 158.

ровья за свою, Деревскую землю. На отождествление это наводило и то обстоятельство, что Новый Торжок, находившийся на южной оконечности Деревской земли, в глубокой древности (по свидетельству одного из списков жития Ефрема Новоторжского, Погодинский список № 718) назывался Коростенем. Ср. замену Искоростеня южных списков Коростенем в северных. Отмечу еще, что в расстоянии 40 верст от Новгорода на юго-западном берегу озера Ильменя, по дороге из Новгорода в Старую Русу, имеется село Коростынь.¹ Другая форма: Коростыня («ѣхаша на Коростыню», «доиде Коростыни» Псковская 1-я летопись, 6979 г.; IV, 242; «на мѣсто, нарицаемое Коростыня» Воскресенская, VIII, 164). Ср. в позднейших сводах: «и убиша его Игоря внѣ града Коростеня близъ Старыя Русы, тутъ же и погребенъ бысть» (рукопись Публ. библики. F.IV.216; ср.: *Гуляров Ф. А.* Предания русской начальной летописи. С. 213²). Ввиду всего изложенного, «иде Вольга Новугороду» считаю пояснением, сделанным уже составителем Начального свода. В Новгородском своде непосредственно за сообщением об обходе Ольгою Деревской земли читалось: «и устави по Мьсть» и т. д.

§ 117. Под 6478 г.: «В се же время придоша людье Ноугородьстии, просяще князя собѣ: „аще не поидете к намъ, то налѣземъ князя собѣ“. И рече к нимъ Святославъ: „а бы пошелъ кто к вамъ“. И отпрѣся Ярополкъ и Олегъ; и рече Добрыня: „просите Володимера“. Володимеръ бо бѣ отъ Малуши, ключницѣ Ользины; сестра же бѣ Добрыня, отецъ же има Малѣкъ Любечанинъ; и бѣ Добрыня уй Володимеру. И рѣша Ноугородьци Святославу: „въдай вы Володимера“; онъ же рече имъ: „воты вы естъ“. И пояша Ноугородьци Володимера к собѣ, и иде Володимеръ съ Добрынею уемъ своимъ Новугороду». Не может быть сомнения, что перед нами народное новгородское предание. В нем сказывается и некоторый юмор сознающего свой перевес новгородца и гордость по поводу сделанного выбора, ибо Владимир оказался победителем Ярополка и могущественнейшим князем русским. Кроме того, здесь в активной роли выступает Добрыня — один из популярных посадников новгородских.³ Это также доказывает новгородское происхождение записи.

§ 118. Под 6488 г. обнаруживается в Начальном своде следующая вставка. Сказав об убиении Олега Древлянского, летописец сообщает, что Владимир (сидевший в Новгороде), услышав об этом, бежал за море, а Ярополк посадил своих посадников в Новгороде и стал владеть один в Руси. Владимир вернулся в Новгород с варягами, выслал оттуда посадников Ярополка и велел им сказать брату: «Володимеръ ти идеть на тя, пристраивайся противу биться». Непосредственным продолжением этого места следует признать читаемый ниже текст: «и поиде на Ярополка. И приде Володимеръ Киеву съ вои многи, и не може Ярополкъ

¹ Там же. С. 141.

² Позволяю себе сослаться здесь на мою статью, печатающуюся в юбилейном сборнике в честь П. И. Китецкого.

³ *Миллер В. Ф.* Очерки русской народной словесности (с. 148): «ввиду тесной исторической связи Новгородской области с Киевской в XI—XII вв. и ввиду не меньшего участия Добрыни в новгородских событиях, чем в киевских, можно думать, что эпический Добрыня равно принадлежал и южно-киевскому и северо-новгородскому эпосу». Но точно ли доказано участие Добрыни в киевских событиях? Ввиду отсутствия таких указаний (о событиях 6493 г. см. § 120) можно признать Добрыню исключительно северным героем.

статии противу» и т. д. Между тем за высылкой Ярополчих посадников следует явная вставка, начинающаяся с совершенно неуместной фразы: «И съде в Новѣгородѣ». В этой вставке рассказывается о сватовстве Владимира к Рогнеде и о последовавших событиях: взятии Владимиром Полоцка и женитьбе на Рогнеде. Признаю эту вставку новгородскою записью. Сошлюсь на связь ее с только что рассмотренною новгородскою статьею 6478 г.: Рогнеда укоряет здесь Владимира именем Робичича, а там указано рождение Владимира от ключницы Ольги. Сошлюсь еще на тот вариант рассказа о сватовстве Владимира, который записан в Лаврентьевской летописи под 6636 (1128) г. (ср. об этом варианте в § 184⁴); в нем в активной роли выступает Добрыня, «храборъ и нарядень мужъ», а Добрыня, повторяем, является действующим лицом именно в новгородских сказаниях. Отмечу, наконец, еще следующую особенность в тексте Начального свода. Мы читаем в нем после гордого отказа Рогнеды: «Володимеръ же собра вои многи, Варяги, Словѣни, Чюдъ и Кривичи, и поиде на Рогѣволода»; ниже: «и поиде на Ярополка. И приде Володимеръ Киеву съ вои многи». Уместнее было бы ждать упоминания о варягах в сообщении о походе Владимира против Ярополка, ибо именно против него приглашены были Владимиром варяги. Ввиду этого предполагаю, что в первоначальном тексте Древнейшего свода, вслед за высылкой из Новгорода Ярополчих посадников, читалось: «Володимеръ же собра вои многи, Варяги, Словѣни и Кривичи и поиде на Ярополка; и не може Ярополкъ стати противу». Я умышленно опускаю имя чуди в тексте Древнейшего свода, ибо, как увидим ниже (§ 198), в главе, посвященной анализу начала Древнейшего свода, составитель этого свода, говоря о северных событиях, постоянно упоминал рядом именно словен и кривичей, умалчивая о чуди; между тем именно новгородский летописец вставил в рассказ о призвании князей имя чуди. Следовательно, и анализ вставки 6488 г. показывает, что чудь прибавлена новгородцем, выхватившим из Древнейшего свода слова «Володимеръ же собра вои многи, Варяги, Словѣни и Кривичи» и вставившим их в свою запись. Итак, вот второе указание на то, что новгородский источник, которым воспользовался Начальный свод, сам основывал свой рассказ на Древнейшем Киевском своде.

§ 119. Под тем же 6488 г. ниже читаем: «Володимеръ же посади Добрыню, уя своего, в Новѣгородѣ; и пришедъ Добрыня Новугороду, постави кумира надъ рѣкою Волховомъ, и жряху ему людѣ Ноугородьстїи аки Богу». Вряд ли можно сомневаться в новгородском происхождении этой записи. Достаточно поставить вопрос, почему летопись, умалчивая о языческом культе в Переяславле, Чернигове, Смоленске и т. д., упоминает о Новгороде?

§ 120. Под 6493 г. сообщено о походе Владимира на болгар с Добрынею, с уем своим. Хотя болгары и побеждены, но Добрыня говорит: «сѣглыдахъ колодникъ, и суть вси в сапозѣхъ; симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ». Мне кажется, что перед нами опять легендарный Добрыня, а легендарный Добрыня, как указано, принадлежит прежде всего Новгороду. Обращаем внимание на слова его: «поидемъ искать лапотниковъ». Следовательно, рассказ выхвачен из серии походов Владимира с уем его Добрынею. Почему имя Добрыни связывается с походом на болгар, не совсем ясно, как неясно и то, о каких болгарях идет речь — о дунайских или волжских. Я считаю вероятным, что статья 6493 г. имеет в виду дунайских болгар, ибо поход совершается в лодьях,

а вспомогательное войско из торков идет берегом на конях;¹ ср. двойной путь в Болгарию, отмеченный в рассказе о походе Святослава; Свенельд советует Святославу: «поиди, княже, на конихъ около, стоять бо Печенъзи в порозъхъ». Но не могу не отметить, что Память и похвала Владимиру говорит о походе Владимира на серебряных болгар. Как отмечено было выше (глава II), слова этой Памяти и похвалы «и Вятичи побѣди и дань на нихъ взять, и Ятвиги взять, и Серебряныя Болгары, и на Казары шедъ побѣди я» не основаны на летописи; действительно, летопись умалчивает и о том, что Владимир воевал с казарами. Не свидетельствуют ли эти слова о древней песне, сообщавшей об этих походах Владимира? Не говорила ли эта песня о Владимировом спутнике, Добрыне? Во всяком случае, считаю вероятным, что Древнейший свод сообщал о походе Владимира на болгар дунайских и о заключении с ними вечного мира; вставку же Добрыни я отношу на счет новгородского сводчика, заимствовавшего ее из исторической песни о походах Владимира и Добрыни.

§ 121. Под 6496 г. в распределении волостей между сыновьями Владимира читаем: «И посади Вышеслава въ Новѣгородъ... умершу же старѣйшему Вышеславу Новѣгородъ, посадиша Ярослава Новѣгородъ». Выше было указано, что сообщение о распределении волостей между сыновьями Владимира составлено редактором Начального свода. Но основания для его сообщения должны были быть даны в его источниках. Предполагаю поэтому, что только что приведенные известия извлечены им из Новгородского свода; подтверждаю свое предположение формой «посадиша»; мы ожидали бы в устах киевлянина, говорящего о распоряжениях Владимира, «посади»; новгородец мог, скорее, выразиться так о своем князе.² Ниже увидим основания для предположения, что перечень князей новгородских читался в весьма древних новгородских сводах именно непосредственно за статьей о крещении Новгорода.

§ 122. Под 6522 г. находим: «Ярославу же сущю Новѣгородъ и урокомъ дающую Киеву двѣ тысячѣ гривнѣ отъ года до года, а тысячу Новѣгородъ гридемъ раздаваху; и тако даяху посадници Новѣгородьстии, а Ярославъ сего не даюше отцу своему. И рече Володимеръ: требите путь и мостите мость; хотяшеть бо на Ярослава ити, на сына своего, но разболѣся». И это известие я считаю новгородским. Оно стоит в связи с последующим сообщением о найме Ярославом варягов и избииении их новгородцами, которое, как увидим, носит явные новгородские черты. Киевское предание помнило о войне Владимира с печенегами, против которых был выслан Борис. Сборы в поход на Ярослава и не могли оставить в Киеве такого воспоминания, как в Новгороде, где результаты их выразились в появлении варягов и дальнейших, важных для Новгорода, событиях.

Под 6523 г. читаем непосредственное продолжение предыдущей статьи: «Хотящю Володимеру ити на Ярослава, Ярославъ же, пославъ за море, приведе Варягы, бояся отца своего; но Богъ не вдасть дьяволу радости».

¹ Соображения эти были высказаны в свое время И. А. Линниченко (Современное состояние вопроса об обстоятельствах крещения Руси // Труды Киевской Духовной Академии. 1886. № XII. С. 604).

² Ср. под 6685 г.: «и посадиша Новгородьци Мъстислава на столъ»; под 6688 г.: «и приведоша Володимира въ Новѣгородъ и посадиша и на столъ» и др.

За этим опять: «Володимеру бо разболѣвшюся»; ср. выше под 6522 г.: «но разболѣся».

§ 123. Ниже под тем же 6523 г. сообщается, что у Ярослава было на службе много варягов и они начали творить насилие новгородцам и их женам. Новгородцы восстали и избили варягов «во дворѣ Поромонѣ». Ярослав рассердился и «шедѣ нарокомѣ», сел во дворе, заманил к себе нарочитых мужей новгородских и перебил их. В эту самую ночь к нему пришла весть из Киева от Передславы о смерти отца и вокняжении Святополка, уже убившего Бориса и пославшего убить Глеба. Ярослав созывает вече, сообщает ему дошедшую до него весть и заручается согласием примирившихся с ним новгородцев помогать ему. Далее говорится о числе войска Ярославова и о выступлении его против Святополка. Думаю, что основание всего приведенного рассказа новгородское: кому, как не новгородцу, можно было припомнить, например, такую подробность, как то, что варяги были избиты во дворе Поромона. Полное подтверждение такому заключению находим в том обстоятельстве, что позднейшие новгородские своды передают этот рассказ более точно и более определенно. Так, фразе «Вставше Новгородци избиша Варягы во дворѣ Поромони, и разгнѣвася Ярославъ, пошедѣ *нарокомѣ*, съде въ дворѣ» в Новгородской 1-й соответствует: «и собращася *в ночь*, и съкоша Варягы въ Поромонѣ дворѣ, а князю Ярославу тогда *въ ту ночь* сущу на *Ракомѣ*, и се слышавъ Ярославъ разгнѣвася на гражаны, и шьдѣ съде во дворѣ», что дает, конечно, более правильный смысл рассказу. По ПВЛ выходит, что Ярослав, рассердившись, пошел «нарокомѣ» (или прочтем: «на Ракомѣ») и сел во дворе, а Новгородская 1-я объясняет, что новгородцы избили варягов, воспользовавшись тем, что Ярослав был на Ракоме (населенная местность близ Новгорода, в 7 верстах от него). Ясно, что киевлянин не понял, что такое «на Ракомѣ», и отсюда несомненно, что самый рассказ принадлежит не киевлянину, а новгородцу.

В конце 6524 г. в Лаврентьевском списке читаем: «Ярославъ же съде Киевѣ на столѣ отъни и дѣдни, и бѣ тогда Ярославъ Новѣгородѣ лѣтъ 28». Прочие списки ПВЛ опускают «Новѣгородѣ».¹ Вряд ли чтение их может быть признано более первоначальным. Ярославу не могло быть в 1016 г. 28 лет, ибо он умер 76-ти лет в 1054 г. (отсюда поправка Татищева: 38 лет). Следовательно, чтение Лаврентьевского списка исправнее чтения других списков. А отсюда ясно, что ПВЛ (Начальный свод) заимствовала эту заметку из Новгородского свода. Чтение «лѣтъ 18» Новгородского свода 1448 г. (Софийская 1-я и Новгородская 4-я) я считаю позднейшей поправкой потому, что при нем нет слова «Новѣгородѣ», — выходит, что дело идет о годах Ярослава. Это исправленное чтение восходит к общерусскому своду 1423 г., что видно из поправки 28 на 18 в Ипатьевском списке, который подвергся исправлению по общерусскому своду 1423 г. Вслед за этим в ПВЛ читается: «В лѣто 6525. Ярославъ иде (в Ипатьевской, Радзивилловской прибавлено: «въ Киевѣ») и погорѣ

¹ Только в Никоновской летописи, и притом в одном лишь Патриаршем списке, читаем: «Ярославъ же съде в Новѣ на столѣ отъч и дѣдни» (прочие списки вместо «в Новѣ» — «въ Киевѣ»). [В издании 1862 г., на которое ссылается А. А. Шахматов, это чтение Патриаршего списка в примеч. 4 на с. 75 приведено несколько иначе — «съде вновь». — *Примеч. сост.*]. Ср.: ПСРЛ. СПб., 1862. Т. IX. С. 75, примеч. 4. Не сомневаюсь вообще в том, что в распоряжении составителя Никоновской летописи был именно Лаврентьевский список.

(Ипатьевская и Радзивиловская: «погорѣша») церкви». Я думаю, что слова «Ярославъ иде» выхвачены из Новгородского свода. Предлагаю читать: «Ярославъ идя Киеву, посади Новѣгородъ Костянтина Добрынича»; ср. в росписи князей новгородских: «и идя къ Киеву, и посади въ Новѣгородъ Коснятина Добрынича» (ср. § 185).

Под 6526 г. к новгородским заимствованиям отношу сообщение о прибытии разбитого Ярослава в Новгород, о желании его бежать за море, о том, как новгородцы во главе с Константином, сыном Добрыни, не пустили его от себя, о денежных сборах для найма варягов.

§ 124. Под 6529 г. читаем о нападении Брячислава на Новгород и о победе Ярослава над Брячиславом, одержанной им на реке Судомире; после победы Ярослав воротил в Новгород людей, захваченных в плен Брячиславом. Конечно, и это известие новгородское; заметим, кстати, что в позднейших новгородских сводах оно изложено полнее, чем в ПВЛ. Так, в Софийской 1-й и Новгородской 4-й читаем в конце статьи: «И отътолъ призва къ себѣ Брячислава, и давъ ему два города Вѣсвѣчи и Видбескъ, и рече ему: буди же со мною за одинъ. И воеваше Брячиславъ с великимъ княземъ Ярославомъ вся дни живота своего».

§ 125. Под 6534 г. читаем: «Ярославу сущю Новѣгородъ, приде Мъстиславъ ис Тѣмutorоканя Киеву, и не прияша его Кыяне; онъ же шедъ съде на столъ Черниговъ, Ярославу сущю Новѣгородъ тогда. В се же лѣто вѣсташа волъсви в Суждали, избиваху старую чадь по дьяволу наущению... Слышавъ же Ярославъ волхвы, приде Суздалю... И възвративъся Ярославъ, приде Новугороду, и посла за море по Варягы» и т. д. Совершенно ясно, что мы имеем здесь дело с новгородскою вставкою; вслед за словами «съде на столъ Черниговъ» в первоначальном рассказе (Древнейший свод) читалось, конечно: «Ярославъ же посла за море по Варягы». Странно было бы допустить, что Ярослав позаботился о приглашении варягов только по возвращении из Суздаля; вставка начинается повторением слов: «Ярославу сущю Новѣгородъ» («тогда. В се лѣто» вставлено, конечно, составителем Начального свода).

§ 126. Под 6538 г. читаем несомненно новгородское известие: «иде Ярославъ на Чюдъ, и побѣди я, и постави градъ Юрьевъ».

Под 6544 г. признаем новгородскими три известия: «иде Ярославъ Новугороду, и посади сына своего Владимира Новѣгородъ, епископа постави Жидяту». Впрочем, первое из этих известий, а может быть и второе, читались и в Древнейшем своде, ибо следующее киевское известие об освобождении Ярославом Киева, осажденного печенегами, начинается словами: «Ярославу же сущю Новѣгородъ».

Под 6550 г. находим новгородское известие о походе Владимира на емь.

§ 127. Под 6552 г. известия о смерти Брячислава Полоцкого и о вокняжении Всеслава едва ли не новгородского происхождения. Слова «сего ради немилостивъ есть на кровьпролитие» (дело идет о Всеславе) особенно уместны под пером новгородского летописца, которому пришлось ниже, под 6574 и 6577 гг., рассказывать о нападениях Всеслава на Новгород, сожжении и ограблении его.

Несомненно новгородским признаем известие 6553 г. о закладке Св. Софии в Новгороде.

§ 128. Под 6558 г. сообщено о кончине жены Ярослава. Имея в виду, что она умерла в Новгороде (ср. в Новгородской 1-й летописи под 1439 г. известие о гробнице матери Владимира Ярославича в Новгороде), я признаю это известие новгородским.

Под 6560 г. читаем о кончине Владимира Ярославича в Новгороде, причем отмечено место его погребения: Св. София, «юже бѣ самъ со-здалъ». Конечно, перед нами новгородское известие. Уверенность наша увеличивается еще тем обстоятельством, что новгородские летописи (начиная с Синодального списка) указывают точно день кончины Владимира.

Под 6562 г. в сообщении о кончине Ярослава читаем: «Самому же болну сущю и пришедшу Вышегороду, разболѣся велми, Изяславу тогда сущю, а Святославу Володимери, Всеволоду же тогда сущю у отца». Так в Лаврентьевской, Радзивиловской и в Новгородской 1-й; можно заключить отсюда, что так же читалось не только в ПВЛ, но и в Начальном своде. В Ипатьевской и Хлебниковской: «Изяславу тогда в Туровѣ князящю». Думаю, что это чтение восходит (путем Галицкой летописи) к Древнейшему своду. Составитель Начального свода встретил в своих двух источниках разноречивые показания: Древнейший свод давал чтение Ипатьевского списка, а Новгородский свод, очевидно, имел: «Изяславу тогда сущю Новѣгородѣ»; ср. именно такое чтение в позднейших новгородских сводах (Софійский 1-й и др.). Итак, в отсутствии указания, где был Изяслав в момент смерти Ярослава, видим влияние Новгородского свода.

§ 129. Под 6571 г. находится приведенное выше новгородское известие об обратном течении Волхова.

Под 6573 г. читаем: «В се же лѣто Всеславъ рать почаль». Ввиду того что рать эта имела в виду ближайшим образом Новгород, я считаю и это известие новгородским.

Под 6574 г. видим опять новгородское известие в словах: «Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полотъский и зая Новѣгородъ». Ср. в новгородских летописях (начиная с Синодального списка) подробное известие о взятии Всеславом Новгорода.

§ 130. После указанной статьи 6574 (1066) г. мы не находим более в ПВЛ (Начальном своде) ни одного известия, которое можно было бы возвести к новгородской летописи. Известие 6579 (1071) г. о смуте, произведенной в Новгороде появившимся там при князе Глебе волхвом, я признаю записанным в Киево-Печерском монастыре ввиду высказанных выше соображений. Известие 6586 (1077) г. об убиении Глеба в Заволочии, хотя и встречается в новгородских сводах с лишнею подробностью (указанием дня 30 мая), несомненно киевское или черниговское (говорю об известии ПВЛ, но о том же событии было новгородское известие).

§ 131. Итак, видим, что составитель Начального свода, работавший около 1095 г., имел в своем распоряжении, кроме Древнейшего Киевского свода, еще и Новгородский свод. В следующей главе рассмотрим еще другие имеющиеся у нас данные для восстановления этого Новгородского свода. А пока подчеркнем тот вывод относительно взаимных отношений Новгородского свода и Древнейшего Киевского свода, к которому мы приходили, рассматривая некоторые из приведенных выше известий.

Новгородский свод стоял в прямой зависимости от Древнейшего Киевского свода: под влиянием киевских известий об Ольге является новгородское об оброках и даях, установленных ею по Мсте и Луге; киевское известие о распределении волостей между сыновьями Святослава вызывает новгородскую статью о том, как новгородцы добыли себе в князя Владимира; киевское известие о поставлении Владимиром куми-

ров в Киеве вызывает известие новгородское о поставлении кумира в Новгороде Добрынею; киевское известие о походе Владимира на болгар вызывает новгородское предание о спутнике Владимира в его походах, Добрыне; киевский рассказ об убиении Бориса и Глеба и последовавшем столкновении Ярослава со Святополком вызывает новгородские подробности об этом столкновении и некоторых предшествовавших ему обстоятельствах. Такого рода известия Новгородского свода наводят на мысль, что он представлял из себя переработку Древнейшего Киевского свода; новгородский редактор этого свода дополнил Киевский свод новгородскими подробностями и известиями; быть может, он и продолжил этот свод. В таком случае наличие в Новгородском своде статьи, отнесенной редактором Начального свода к 6574 г., доказывает только, что Новгородский свод доходил, по крайней мере, до этого года, но не может свидетельствовать в пользу того, что и Древнейший Киевский свод был доведен до этого года.

Можно пока утверждать с уверенностью, что появление Новгородского свода относится ко времени до 90-х гг. XI в., ибо работавший около 1095 г. редактор Начального свода включил его известия в состав своего труда.

ГЛАВА VIII

ДАННЫЕ ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПЕРВОГО НОВГОРОДСКОГО СВОДА XI в. НОВГОРОДСКАЯ 1-я ЛЕТОПИСЬ

§ 132. Предыдущее исследование показало, какие мы имеем основания утверждать, что в XI в., и притом до 90-х гг. его, возник в Новгороде летописный свод, послуживший источником для Киевского Начального свода, составленного около 1095 г. Анализ статей и известий, внесенных из Новгородского свода в Начальный свод, показывает, что первый из этих сводов был построен по образцу Древнейшего Киевского свода, представлял его переработку с дополнениями из новгородских источников. Поэтому текст Древнейшего свода мог бы служить нам для восстановления первого Новгородского свода, если бы этот текст дошел до нас; он установил бы то основание, на котором построен Новгородский свод. Другие данные для восстановления первого Новгородского свода должно искать в позднейших памятниках новгородского летописания. Сравнительное изучение их показывает, что свои древнейшие новгородские известия они извлекли именно из первого Новгородского свода. Рассмотрим эти дошедшие до нас памятники с точки зрения их отношений к первому Новгородскому своду.

§ 133. Синодальный список Новгородской летописи старшего извода утратил, к величайшему ущербу для науки, свое начало, а именно первые 16 тетрадей, или 128 листов; он начинается с середины статьи 6524 г. со слов «а вы плотници соуше, а приставимъ вы хоромъ роубити». Мы не станем останавливаться на вопросе о различных почерках, которыми писана рукопись, и не будем определять по ним время ее составления. Склоняемся к мысли, впервые высказанной А. И. Соболевским, что вся рукопись наша принадлежит XIV в.; к этому ведут и некоторые сообра-

жения относительно внутреннего ее содержания, ясно отражающего на себе влияние общерусского свода начала XIV в., того самого свода, который послужил источником и Лаврентьевского списка, в особенности при изложении событий последних десятилетий XIII и начала XIV в.

В изложении событий XIII и XIV вв. Синодальный список является по преимуществу летописью новгородскою. Известий суздальских, а тем более иных в нем сравнительно очень немного; укажу на некоторые из заимствованных из неновгородского источника (а таковым я признаю общерусский свод начала XIV в.) статей: под 6711 г. — известие о взятии Киева Ольговичами и половцами, под 6712 г. — обширную статью о взятии Царьграда крестоносцами, под 6726 г. — обширную статью о злодеянии братоубийцы Глеба Рязанского, под 6732 г. — повесть о Калкской битве, под 6746 г. — повесть о взятии татарами Суздальской земли и некоторые другие.

§ 134. Анализ Синодального списка обнаруживает следы двух летописцев или двух переписчиков, говорящих о себе в первом лице. Под 6652 (1144) г. читаем: «Въ то же лѣто постави мя попомъ архепископъ святыи Нифонтъ». Сопоставление этой записи с записью 6696 (1188) г., где сообщено о кончине раба Божия Германа, иерея Св. Иакова, зовомого Вояты, служившего у Св. Иакова 45 лет (следовательно, с 1144 г.), показало, что лицом, говорившим о себе в первом лице под 6652 г., был священник церкви Св. Иакова в Неревском конце, Герман Воята.¹ Под 6738 (1230) г. к известию о кончине игумена Спасо-Хутынского монастыря Саввы приписано: «и дай Богъ молитва его святая всѣмъ крестьяномъ и мнѣ грѣшному Тимофѣю понаманарю»; этого пономаря Тимофея трудно не отождествить с Тимофеем, пономарем церкви Св. Иакова, который в 1262 г. переписал для церкви Св. Нерукотворенного Образа так называемый Лобковский пролог.² Таким образом, Синодальный список в своей истории связывается с новгородскою церковью Св. Иакова. Мы видим в нем работу трех членов причта этой церкви, последовательно трудившихся над текстом летописи: попа Германа, далее неизвестного, записавшего о смерти Германа, и пономаря Тимофея. Представляется вероятным, что составитель Новгородской 1-й летописи старшего извода (единственным дошедшим до нас списком с нее является Синодальный) положил в основание своего труда летописный свод церкви Св. Иакова и дополнил его по общерусскому своду начала XIV в. Следовательно, исключив из текста Синодального списка ряд статей и известий, заимствованных из общерусского свода, получим представление о первоначальном составе летописного свода церкви Св. Иакова.

§ 135. Этот свод оказывается погодно ведущеюся в Новгороде летописью. Имеем ряд данных, указывающих на то, что погодная летопись велась при дворе новгородского владыки, а не при церкви Св. Иакова. Не стану перечислять здесь всех этих данных. Укажу, например, что в древнейших погодных записях ясно обнаруживается личность одного из летописцев, очевидно привлеченных владыкой к летописному делу. Личность эта — известный Кирик, иеродиакон и domestik Антониева монастыря. Кроме «Въпрашания Кюрикова, еже въпраша епископа Ноугородского Нифонта и инѣхъ» (ср.: РИБ. Т. VI. С. 22 и сл.), Кирик составил «Ученіе, имже вѣдати челоуѣку числа всѣхъ лѣтъ» (ТОИДР.

¹ Ср.: *Прозоровский Д. И.* // ЖМНП. 1852. Июль.

² *Срезневский И. И.* Славяно-русская палеография XI—XIV вв. СПб., 1885. С. 191.

1828. Ч. IV, кн. 1). В этом труде выяснено, что он составлен в 6644 (мартовском) г., и притом до наступления 15-го индикта, т. е. до 1 сентября 6644 (мартовского) г.: «да есть круговъ тѣхъ изшло отъ Адама до сего лѣта 6644-го 442; а послѣднее индикта 14 избываетъ». Следовательно, ввиду имеющегося в конце сочинения Кирика указания на новгородского князя Святослава Ольговича («князю же Святославу сыну Олгову въ княженіи живушю въ Новѣгородѣ лѣто 1»), вступившего на стол 19 июля 6644 г., ясно, что это сочинение написано между 19 июля и 1 сентября 6644 г. В соответствующем месте Новгородской 1-й летописи (Синодальный список) читаем: «Въ то же лѣто приде Новугороду князь Святославъ Олговицъ ис Цернигова, отъ брата Всеволодка, мѣсяця июля въ 19, преже 14 каланда августа, въ недѣлю, на сборъ святыя Евѣиміе, въ 3 часть дне, а лунѣ небеснѣй въ 19 день». Обстоятельность указания свидетельствует, что сообщение это написано в самом скором времени после 19 июля (указан час прибытия Святослава!), т. е. в то самое время, когда Кирик писал свое Учение. Итак, первое, на что обращаем внимание, это совпадение во времени. Второе указание на то, что запись сделана Кириком, извлекаем из ее сложности: указан счет календами, приведен лунный день; такая запись свидетельствует об основательном знании счета времени. Отмечаем далее, что при названии 6644 г. указано «индикта лѣта 14». Далее, непосредственно за приведенным известием 19 июля, находим: «Томъ же лѣтѣ наставъшю индикта 15 убиша Гюргя Жирославица». При названии следующего 6645 г. опять назван 15 индикт. До этого 6644 г. индикты в Новгородской 1-й не обозначаются; позже индикт является впервые под 6676 (1168) г.: «приде князь Романъ Мстиславицъ вѣнукъ Изяславль, Новугороду на столъ, мѣсяця априля въ 14, въ вѣторую недѣлю по велицѣ дни, индикта перваго». Не следует ли из этого, что Кирику принадлежали во владычном своде только записи 6644 и 6645 гг.?

§ 135¹. В каком же отношении к Софийской владычной летописи стояла летопись церкви Св. Иакова? Можно с уверенностью сказать, что перед нами в Синодальном списке *владычная* Новгородская летопись. Содержание Синодального списка показывает, во-первых, значительное внимание к интересам церковным, сосредоточивавшимся вокруг владыки; во-вторых, весьма большую осведомленность в церковных делах: постройка церквей, смена игуменов и игумений, пожары церквей — все это тщательно отмечается; в-третьих, видим в Синодальном списке напряженный интерес к внутренним и внешним интересам Новгорода. Совмещение всех этих интересов при значительной осведомленности естественнее всего ждать в летописи, ведшейся при дворе новгородского владыки. Отметим, кроме того, непрерывное ведение погодных записей в течение более двухсот лет, — сомнительно, чтобы такую работу могла выдержать отдельная церковь; гораздо вероятнее допустить, что непрерывно летопись велась именно при дворе владыки. Итак, вот ряд соображений, побуждающих нас признать, что летопись церкви Св. Иакова представляла из себя постепенно дополнявшуюся копию с владычной Новгородской летописи. Отождествление пономаря Тимофея, работавшего в 1262 г. над Лобковским прологом, с лицом, упомянувшим свое имя в Синодальном списке под 1230 г., ведет нас к заключению, что Тимофей не был летописцем, не составлял погодных записей, а только переписывал готовый текст, ибо сомнительно, чтобы он состоял в должности пономаря в течение 32 лет.

Отмеченное обстоятельство — наличие у нас не самого текста Новгородской летописи, а только копии с него, извлечения из него — отнимает у нас надежду определить главные моменты в истории владычного летописания, проследить смену летописцев, углубиться в исследование их источников и т. д. Впрочем, возможно, что официальный свод, над которым работало несколько поколений летописцев, даже в подлинном своем экземпляре не давал бы широкого поля для историко-литературных наблюдений.

Историко-литературным явлением в настоящем, полном смысле можно признать только летописный *свод*, летописный рассказ о прошедших временах, а никак не погодные записи летописцев. Правда, и в них местами обнаруживается личное творчество: оно сказывается в лирических отступлениях, в нравоучительных размышлениях, в благочестивых молитвах. Не отрицаем историко-литературного интереса за некоторыми из записей Софийского владычного свода, но большая часть их оказывается простой реляцией о современных событиях. Реляции эти интересны при разрешении вопроса, как составлялись наши погодные летописи; заносились ли в них ежегодно пережитые события, или записи делались периодически, в зависимости от случайных распоряжений владыки или лиц, ближайшим образом ведавших ведением Софийской летописи, — этот вопрос, немаловажный для историка, найдет себе, вероятно, разрешение при тщательном анализе Синодального списка.

И вот мы стоим лицом к лицу с любопытным явлением в духовной жизни Великого Новгорода: в нем велась непрерывно погодная летопись, но обработок этой летописи, летописных сводов мы видим очень мало. Обработка, появившаяся в 30-х гг. XIV в. под влиянием только что составившегося во Владимире общерусского свода, дала направление всему дальнейшему летописанию. В отсутствии летописных сводов главное отличие новгородского летописания от южнорусского; и на южной Руси велись летописи, вероятно однородные по характеру своему с Новгородскою владычною летописью, но летописи эти подвергались литературным обработкам, образовывали летописные своды, что вносило сильное оживление в летописание. В Новгороде, по-видимому, не хватало литературных сил для подобной компилятивной, по существу своему, но тем не менее в значительной степени и творческой работы; говорю особенно о XIII в., ибо в XII в., в 60-х гг. его, появился, по-видимому, летописный свод, включивший в свой состав предшествующие летописные записи и установивший связь между новгородским и киевским летописанием.

§ 136. Появление в Новгороде в XII в. летописного свода доказывается, между прочим, следующими соображениями. Дошедший до нас в составе Синодального списка труд Германа Вояты относится ко времени до 1188 г., ибо в 1188 г. Воята помер; труд этот представляется копией не с погодных записей владычной летописи, а с летописного свода, широко задуманного и, вероятно, так же широко исполненного. Действительно, в начале труда Германа Вояты было помещено извлечение из ПВЛ; таким образом установилась связь новгородского летописания с русским летописанием вообще. Впрочем, предыдущее утверждение наше требует доказательств; точно ли уже в труде Германа Вояты находилось извлечение из ПВЛ? Не внесено ли оно составителем Синодального списка или, точнее, составителем Новгородской 1-й летописи старшего извода, работавшим в 30-х гг. XIV в. и имевшим в своем распоряжении

общерусский свод, где читалась ПВЛ? От того или иного разрешения этого вопроса зависит принятие или непринятие положения, что труд Германа Вояты был копией не с погодных новгородских записей, а с летописного свода.

§ 137. Решительно утверждаю, что извлечение из ПВЛ входило в состав труда Германа Вояты, — и вот на каком основании. Одно из известий ПВЛ, читающихся в Синодальном списке, носит ясные следы того, что оно подверглось редакции в Новгороде, и притом именно в XII в. Под 6614 (1106) г. читаем: «Въ то же лѣто пострижесе Святоша князь, сынъ Давыдовъ, Църніговъ, *тѣсть Всѣволожь*».¹ Под Всеволодом разумеется здесь Всеволод Мстиславич, бывший князем новгородским в течение около двадцати лет (1117—1136).² Кому, как неновгородцу, могла прийти мысль определить Святошу как тестя Всеволожа? Заключаю отсюда, что обработка известий ПВЛ, следовательно составление летописного свода, относится не позже как к середине XII в., ибо уже к концу этого века вряд ли было бы признано уместным комментировать имя Святоши именем Всеволода Мстиславича.

§ 138. Вместе с тем редакция новгородских летописных известий в той части Синодального списка, которая восходит к труду Вояты, показывает, что обработка их явилась не раньше 1165 г., когда новгородские владыки получили титул архиепископов («повелено бысть владыцѣ архіепископство митрополитомъ»); Синодальный список последовательно называет владык, предшественников архиепископа Ильи — Иоанна, архиепископами, между тем как современные им записи называли их епископами, и так же называли они сами себя: ср. архиепископа Феодора под 1077 г., Никиту под 1108, Иоанна под 1110 и 1130, Нифонта под 1130, 1131, 1135, 1148, 1149, 1151, 1153, 1156 гг. (также в записи самого Германа Вояты под 1154 г.).³ Правда, можно было бы думать, что замена епископа архиепископом произошла позднее под пером хотя бы даже составителя Новгородской 1-й летописи, но нас останавливает при этом следующее соображение: Аркадий, непосредственный предшественник архиепископа Ильи, упомянут в Синодальном списке три раза (1156, 1158, 1163 гг.), и всякий раз с титулом епископа. Я могу понять это только так, что составитель свода, привыкший уже называть современного владыку архиепископом, назвал так же и всех предшествующих владык — епископов, но, дойдя до Аркадия, он вспомнил, что Илья, в противоположность своему предшественнику, назывался архиепископом, — и это побудило его соблюсти данный Аркадию в современных записях титул епископа. Следовательно, летописный свод составлен после 1165 г., но лицом, современным архиепископу Илье и епископу Аркадию. Наше заключение согласуется с тем, что Герман Воята, списавший этот свод, работал до 1188 г.

§ 139. Мы говорим о Германе Вояте как о переписчике. Но не был ли он составителем свода, не он ли подверг литературной обработке

¹ Ср. в Лаврентьевской: «Въ то же лѣто пострижесе Святославъ, сынъ Давыдовъ, внукъ Святославль, мѣсяца февралѣ въ 17 день».

² Карамзин Н. М. История государства Российского. Роспись IV; *Зотов*. О черниговских князьях. С. 266 и 263, примеч. 25.

³ Но под 6644 г. читаем: «епископъ дворъ»; под 6649 г.: «и прия слы вся и епископа и гость»; под 6664 г.: «который епископъ тако украси святую Софию...»; под 6650 г.: «епископъ и купецъ и слы Новгородскыя не пушаху изъ Руси»; под 6577 г.: «при епископъ Федоре».

Новгородскую владычную летопись, соединив ее с извлечением из ПВЛ? Отвечаем на этот вопрос отрицательно. Имеем в виду соображения, которые изложим ниже при рассмотрении свода 1448 г.; из них видно, что летописный свод, составленный в Новгороде в 1166—1167 гг., не был тождествен с трудом Германа Вояты и был прежде всего гораздо полнее его. Но и независимо от этих соображений я находил бы невероятным приписать иерею Герману честь литературной обработки владычной летописи: обработка эта была делом трудным и важным; вероятно, что она могла быть предпринята не иначе, как с благословения владыки; вероятнее еще, что работа была исполнена по нарочитому повелению владыки Ильи. Можно было бы допустить, что владыка обратился к Герману Вояте как к искусному книжнику, но в таком случае недопустимо, чтобы Воята в порученном ему труде упомянул о времени своего поставления в попы; запись 1144 г. свидетельствует, что он работал для себя, для церкви Св. Иакова, а не для архиепископа. Не умолчу еще об одном соображении: если бы Герман Воята был составителем летописного свода и редактором новгородских известий владычной летописи, его труд не изобиловал бы такими вопиющими пробелами, как те, что мы видим в нем теперь. Лицо, задумавшее связать новгородское летописание с киевским, не пренебрегшее поработать над извлечением известий из ПВЛ, не могло так небрежно и поверхностно отнестись к своим, новгородским известиям, как отнесся Герман Воята. Неужели составитель Новгородского свода не упомянул бы о кончине епископа Иоакима, не сказал бы хоть несколько слов о епископе Луке Жидяте, не отметил бы поставления епископов Стефана, Германа и т. д.? Имеем ясные указания на то, что во владычной летописи читались соответствующие известия; между тем в Синодальном списке их нет. Опускание подобных известий не вяжется с широко задуманными основаниями летописного свода, отразившимися и в самом труде Германа Вояты. Для меня очевидно, что Герман Воята — переписчик; он воспроизвел владычный летописный свод (мы не можем не признавать его именно владычным) в частных своих интересах; это позволило ему не стесняться при передаче содержания свода — и он сильнеешим образом сократил его, спеша подойти к более современным событиям.¹

§ 140. Сокращая события киевские (и вместе с тем искажая их), Герман Воята не стеснялся и с новгородскими статьями: мы видели, какие важные им опущены известия. Тем не менее некоторые известия остались, и они могут служить ценным материалом при восстановлении не дошедшего до нас Новгородского летописного свода XII в. Перечислим эти известия в части до 1093 г. (на котором оканчивался Начальный Киевский свод).²

Под 6524 г. читаем конец статьи, где описана встреча Ярослава со Святополком и последовавшая затем битва; Святополк побежден и бежит в печенеги; Ярослав садится на столе отца своего и отпускает все войско свое, щедро наделив старост, смердов и новгородцев. Отметим здесь существенные отличия новгородского рассказа о первой битве Ярослава

¹ Древнейшая часть летописного свода до крещения Руси включительно была, как кажется, передана полнее: вспомним, что Синодальный список утратил в начале 128 листов; на них древнейшие события могли быть изложены довольно обстоятельно.

² Оставляем в стороне те новгородские известия, которые были в ПВЛ и могли попасть из нее.

со Святополком от рассказа Начального свода (ПВЛ): Синодальный список сообщает о посылке Ярославом в стан Святополка к расположенному ему мужу; воспользовавшись его советом, Ярослав перевозится на другую сторону Днепра с вечера, а не на рассвете; битва происходит ночью; для того чтобы новгородцы в темноте различали своих от неприятелей, Ярослав приказывает им обмотать головы убрсами; Святополк побежден до света; кроме того, в Начальном своде (ПВЛ) сообщалось, что Святополк бежал в ляхи, а здесь — в печенеги;¹ наконец, в Начальном своде (ПВЛ) ничего не говорилось о награждении Ярославом своей дружины. Нет никакого сомнения, что Синодальный список в статье 6524 г. следовал новгородскому источнику. Отметим еще, что в Синодальном списке слито описание Любечской битвы, взятое из ПВЛ, с описанием этой битвы по новгородскому источнику.

Под 6553 г. читаем: «сѣгорѣ святая Софія въ соуботоу по заоутрѣнии въ часъ 3, мѣсяця марта въ 15».

Под 6560 г.: «прѣставися Володимеръ, сынъ Ярославль, въ Новѣгородѣ мѣсяця октября въ 4». Известие о смерти Владимира имеется и в ПВЛ, но день смерти Владимира в ней не указан.

Под 6574 г.: «приде Всѣславъ и възъ Новѣгородъ съ женами и съ дѣтми колоколы сѣима оу святыхъ Софіе. О велика бѣше бѣда въ часъ тѣи! и понекадила сѣима».

Под 6577 г.: «Въ то же лѣто осень, мѣсяця октября въ 23, на святого Якова брата Господня, въ пятничю въ часъ 6 дни, опять приде Всеславъ къ Новоугороду; Новгородци же поставиша пѣлькъ противу ихъ оу звѣринца на Къземли. И пособи Богъ Глѣбоу князю съ Новгородци. О велика бѣше сѣця Вожняномъ! И паде ихъ бещисльное число; а самого князя отпуостиша Бога дѣля. А назаутрие обрѣтесе крѣсть честный Володимеръ оу святѣи Софіе Новѣгородъ при епископѣ Федоре».

Под 6585 г.: «прѣставися Феодоръ архиепископъ Новгородскыи».

Под 6587 г.: «оубиша за Волокомъ князя Глѣба мѣсяця мая въ 30». Это известие есть и в ПВЛ, но в ней не указан день.

Мы отметили все новгородские известия, отсутствующие в ПВЛ в пределах до 1093 г. Укажем еще два неновгородских известия, отличающих Синодальный список от списков ПВЛ: под 6558 г. читаем: «родися Святопѣлькъ»; под 6577 г. к известию о бегстве Всеслава из Киева прибавлено: «и погоре Подолие». Нет основания признавать эти известия восходящими к новгородскому источнику свода, лежащего в основании Синодального списка; относим их на счет той редакции ПВЛ, по которой был дополнен новгородский источник Новгородского свода.

§ 141. Чтобы покончить с Синодальным списком, отметим, что утраченная часть его (рассказ до 1016 г.) может быть восстановлена местами по спискам Новгородской 1-й летописи младшего извода.² Эта летопись в древнейшей редакции своей, доходившей до 30-х гг. XV в., составлена на основании: 1) Софийского временника, летописного свода, доведенного до 1421 г.; 2) погодных записей владычней летописи, заполнивших 1422—1433 гг. В новейшей редакции, доведенной до 40-х гг. XV в., Новгородская 1-я младшего извода дополнила текст древнейшей редакции вставками из Новгородского свода 1448 г., а в конце — также

¹ По Начальному своду (ПВЛ), Святополк бежал в печенеги после третьей битвы (конец 6526 г.).

² Списки Комиссионный, Академический и др.

еще выписками из погодных записей владычной летописи. Что касается Софийского временника, то он составлен на основании: 1) дефектного экземпляра Начального Киевского свода (в нем не доставало конца, начиная с окончания статьи 1074 г., а также в середине — листов, обнимающих конец статьи 6523 г. и события 6524—6560 гг.); 2) Синодального списка или, вероятнее, его протографа; 3) владычной погодной летописи. Составитель Софийского временника положил в основание своего труда Начальный Киевский свод; ему он следовал включительно до 1074 г.; начиная с 1075 (6583) г. он держался Синодального списка, местами исправляя и дополняя его по владычной летописи; начиная с 6839 (1331) г. он следовал одной владычной летописи (Синодальный список доведен только до 1333 г.). Но, как указано выше, в части 6523—6560 гг. Начальный свод в том экземпляре, который имелся в распоряжении составителя Софийского временника, был дефектный. В этой-то части ему пришлось обратиться к протографу Синодального списка.

§ 142. Оставляю в стороне вопрос, не попало ли в Софийский временник что-нибудь из Синодального списка (из его протографа) в статью 6523 г. Но с полной уверенностью утверждаю, что статья 6524 г. заимствована Софийским временником из (протографа) Синодального списка. До нас эта статья Софийского временника дошла в Новгородской 1-й не в первоначальном виде, а в соединении со вставками из свода 1448 г. (как это ясно из отличий Комиссионного и сходных списков от Синодального во второй части статьи), но первоначальная редакция без труда восстанавливается путем исключения заимствований из свода 1448 г. Считаю поэтому вероятным, что первая часть статьи 6524 г. («Бысть съца у Любца, и одолѣ Ярославъ... почто приидосте с хромчѣмъ тѣмъ?») читается въ Комиссионном списке приблизительно так же, как она читалась в Софийском временнике, а в Софийском временнике она читалась некогда так же, как в Синодальном списке.

Составитель Софийского временника прибег к Синодальному списку один раз еще выше, для дополнения текста Начального свода. А именно он не мог отказаться от вставки статьи о крещении Новгорода, которую и поместил вслед за рассказом о крещении Руси под 6497 г. Соответствующую статью Комиссионного и сходных списков я возвожу к Софийскому временнику; в Софийском же временнике текст этой статьи был тождествен с текстом Синодального списка, ибо, согласно предыдущему, Софийский временник мог заимствовать его только из Синодального списка, так как других новгородских источников у него не было. Итак, к числу приведенных выше новгородских известий Синодального списка прибавляем рассказ о крещении Новгорода («Въ лѣто 6497. Крестися Володимиръ и вся земля Руская... и плы съ свѣта окошное»).

§ 143. За этой статьей в Софийском временнике, по свидетельству обеих редакций Новгородской летописи младшего извода, следовали перечни великих князей киевских, князей новгородских, русских митрополитов, новгородских владык, русских епархий и новгородских посадников. Перечней этих ни в коем случае не могло быть в Начальном своде, да их и нет в ПВЛ. Следовательно, в Софийский временник они могли попасть только из протографа Синодального списка. Правда, перечни эти в известных частях оказываются гораздо моложе Синодального списка; перечень князей новгородских в древнейшей редакции Новгородской 1-й летописи младшего извода был доведен, как кажется, до

Юрия Дмитриевича (1433—1434),¹ а в позднейшей (Комиссионный и сходные списки) до Василия Васильевича (1425—1462); перечень митрополитов — до Герасима (1434—1435), владык новгородских — до первого Евфимия (1424—1429).² Но это вполне понятно: составитель Новгородской 1-й летописи, где мы находим эти перечни, а еще раньше его составитель Софийского временника, куда они попали из протографа Синодального списка, довели их до своего времени. Между тем один из перечней ясно отражает момент составления самого Синодального списка (его протографа) или, точнее, общерусского свода, вызвавшего его к существованию, — это перечень русских епархий, ведущий нас ко времени между 1303 и 1330 гг.³

В начале перечней статьи 6497 г. находим перечень великих князей киевских, доведенный только до имени Ростислава Мстиславича (1159—1166). Согласно с только что сказанным, перечень этот читался в протографе Синодального списка; как указано выше, в основании протографа Синодального списка лежит труд Германа Вояты, составленный между 1165 и 1188 гг.; итак, мы вправе предположить, что перечень киевских князей до Ростислава Мстиславича включительно восходит к летописному своду Вояты или к еще старшему новгородскому своду, который списывался Воятой. В этом перечне видим определенное хронологическое указание на время составления как перечня, так и возникшего одновременно с ним свода; перечень и свод составлены до 1167 г., ибо в Новгороде знали бы в 1167 г., что великим князем сделался Мстислав Изяславич; ср. в Синодальном списке 6675 г.: «Седе Мьстиславъ Изяславиць Киевѣ на столѣ». Но мы видели, что составление свода должно отнести ко времени после 1165 г., после учреждения новгородской архиепископии. Следовательно, свод составлен в 1165—1167 гг.⁴ Относится ли это определение к своду, вышедшему из-под пера Германа Вояты, или к тому своду, с которого снял копию Воята, выяснится из дальнейшего.

¹ Ср. в списках Новгородской 5-й, в конце перечня: «посемь Васи́лій Васи́льевичъ, а потомъ Дми́трій Юрьевичъ». Думаю, что «Дми́трій Юрьевичъ» — позднейшая поправка вместо Юрия Дмитриевича, названного последним великим князем в Троицком списке Новгородской 1-й младшего извода, который также зависел от древнейшей редакции.

² А второй Евфимий, получивший поставление в апреле или мае 1434 г., не назван.

³ Это видно из того, что в перечне не названы епископии Галичская, Перемышльская, Холмская, Луцкая и Туровская, отделившиеся от Киевской митрополии в начале XIV в., по-видимому, именно в 1303 г. Ср.: *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. М., 1900. Т. II. С. 97. Вместе с тем в перечне не названа Суздальская епископия потому, что в 1299 г. она вошла в состав митрополичьей области и возобновлена лишь в 1330 г. Ср.: *Н. Д.* Иерархия Всероссийской церкви от начала христианства в России и до настоящего времени. М., 1892. С. 75. Не названы также Коломенская, учрежденная в 1350 г., и Великопермская, учрежденная в 1383 г. Умолчание о Сарской епископии объясняется тем, что она разумелась под Переяславскою (фактически упраздненной в 1279 г.).

⁴ Таким образом, в перечнях, читаемых под 6497 г., в Комиссионном и сходных списках отразились следующие моменты: 1165—1167 гг. — момент составления Древнего Новгородского свода; 1303—1330 гг. — момент составления Синодального списка (следовательно, точнее 1330 г., после которого в Синодальном списке меняется почерк); 1421 г. — момент составления Софийского временника (ср. в списке посадников новгородских имя Тимофея Васильевича, упоминаемого в летописи под 1421 г.); 1433—1434 гг. — момент составления первой редакции Новгородской 1-й летописи младшего извода; 1434—1462 гг. — момент составления второй редакции той же летописи. Кроме того, в Комиссионном списке читается после перечня епископий цифра 22, явно заимствованная из свода 1448 г. (где епископий названо не 12, как в Новгородской 1-й, а 22).

§ 144. Мы извлекли из Новгородской 1-й летописи старшего извода (Синодального списка) ряд указаний на существование новгородского свода, составленного в 1165—1167 гг. и отредактированного Германом Воятой. В этом своде читались перечисленные выше древние новгородские известия. Анализ Новгородской 1-й летописи младшего извода (Комиссионного и сходных списков) нисколько не увеличит наших сведений ни о своде 1165—1167 гг., ни об источнике древних новгородских известий, ибо эта летопись восходит к Софийскому временнику, составившемуся на основании, во-первых, Киевского Начального свода и, во-вторых, уже рассмотренного Синодального списка; кроме того, в позднейшей редакции Новгородской летописи (редакции Комиссионного и сходных списков) оказываются заимствования из подлежащего нашему рассмотрению свода 1448 г. Для нас в настоящее время анализ Комиссионного и сходных списков важен лишь постольку, поскольку он приводит к восстановлению некоторых утраченных частей Синодального списка. Мы уже использовали Комиссионный и сходные списки с этой стороны. Переходим поэтому к другому новгородскому своду, а именно к своду 1448 г.

ГЛАВА IX

ДАННЫЕ ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПЕРВОГО НОВГОРОДСКОГО СВОДА XI в. НОВГОРОДСКИЙ СВОД 1448 г.

§ 145. Новгородский свод 1448 г. восстанавливается путем сравнения Новгородской 4-й и Софийской 1-й. На 1448 г. указывает хронологическая заметка под 1380 г., заявляющая, что совпадения Пасхи и Благовещения надо ждать через 11 лет; такое совпадение в XV в. было в 1459 г.; следовательно, эта заметка и включивший ее в свой состав свод написаны в 1448 г. В составе Новгородского свода 1448 г. ярко выделяются заимствования из Софийского временника, того самого свода, который в некоторой переделке представлен списками Новгородской 1-й летописи младшего извода. Так, за вводными статьями, восходящими к ПВЛ, помещено Предисловие к Софийскому временнику, тождественное с тем, что читается в списках Новгородской 1-й младшего извода. И в дальнейшем составитель свода 1448 г. все время руководствуется данными Софийского временника, соединяя их с текстом другого своего источника; зависимость его от Софийского временника становится особенно заметною начиная с изложения событий второй половины XI столетия; Софийский временник кладется в основание составлявшегося в 1448 г. свода, а другой источник только дополняет его. Этим объясняется, например, то обстоятельство, что статья 1074 г. о смерти Феодосия обрывается на той же неоконченной фразе, что в Софийском временнике («общася монастыремъ пещися»), между тем как другой источник Софийского временника содержал, конечно, всю статью о кончине Феодосия и сопровождал ее рассказом о первых подвижниках пещерских. Зависимость от Софийского временника очевидна и из того, что начиная с 6583 (1075) г. свод 1448 г., до 1074 г. довольно полно

передававший текст ПВЛ, сокращает его, дает из него и из последующей киевской, затем суздальской и московской летописей сравнительно небольшие извлечения. Между тем события новгородские занимают гораздо больше места, и рассказ о них тянется на протяжении всего свода.

Выделив из состава свода 1448 г. статьи, восходящие к Софийскому временнику, получим представление о другом источнике этого свода; изучение его в части, относящейся к событиям XIV и XV вв., показывает, что по содержанию своему это был общерусский свод, так как в нем переплетаются известия московские, ростовские, тверские, рязанские, смоленские, нижегородские, псковские и др. Более подробное исследование свода 1448 г. с этой стороны дано в исследовании «Общерусские летописные своды XIV и XV вв.»,¹ к которому и позволяю себе отослать читателя. Таким образом, появление в 1448 г. Новгородского свода аналогично появлению в 30-х гг. XIV в. Новгородской 1-й летописи старшего извода. Как в 1448 г. образование общерусского свода в Москве вызывает в Новгороде компиляцию, в состав которой входят статьи из общерусского свода и из местного, новгородского свода (Софийского временника), так же точно в 30-х гг. XIV в. возникший во Владимире общерусский свод порождает переделку местного новгородского свода, дополнив его заимствованиями из общерусского свода (так явился протограф Синодального списка).

Итак, в составе свода 1448 г. оказываются статьи: 1) восходящие к Софийскому временнику, 2) восходящие к общерусскому своду. Не подлежит сомнению, что общерусский свод 1423 г. не мог обойтись без новгородских статей; в нем рядом с тверскими, псковскими и другими заимствованиями читались, конечно, и заимствования из новгородских летописей или какой-нибудь одной новгородской летописи. Поэтому определить, что именно в своде 1448 г. восходит к Софийскому временнику и что — к другому источнику, невозможно по новгородскому или неновгородскому происхождению той или иной статьи; с одной стороны, из общерусского свода могли попасть в свод 1448 г. также и новгородские статьи, а с другой — Софийский временник (как видно из Новгородской 1-й) имел в своем составе неновгородские статьи и мог передать и их вместе с новгородскими в свод 1448 г. Более надежным основанием для признания той или иной статьи свода 1448 г., восходящей к Софийскому временнику, была бы наличность ее в Новгородской 1-й младшего извода, но, во-первых, Новгородская 1-я младшего извода выпускала, быть может, некоторые статьи своего источника — Софийского временника; во-вторых, новгородский источник, из которого общерусский свод 1423 г. почерпнул свои новгородские известия, мог быть сходен, местами тождествен, с Новгородскою 1-ю летописью старшего извода (протографом Синодального списка), почему наличность общих статей в Новгородской 1-й младшего извода и общерусском своде объяснялась бы использованием одним общим источником.

§ 146. Тем не менее в общем можно признать, что в своде 1448 г. новгородские известия, которых нет в Новгородской 1-й летописи, должны быть возводимы к общерусскому своду.

Таких известий, в особенности в XIII и XIV вв., можно указать довольно много. Ср. под 6845 г. сообщение об осаде немцами Корельского городка и о предательстве Валита Корелянина, воеводы новгородского

¹ См.: ЖМНП. 1900. Сентябрь, октябрь; 1901. Ноябрь.

(Соф. 1-я), под тем же годом о чуде в церкви Св. Троицы на Рядитине улице (Соф. 1-я), под 6824 г. о походе Луки на Мурманы и избиении немцами ушкуев Игната Молыгина (Новг. 4-я), под 6835 г. о поставлении церкви в Десятинном монастыре (Новг. 4-я), под 6839 г. подробности о пребывании владыки Василия в Киеве и его злоключениях на обратном пути (Новг. 4-я), под 6853 г. о закладке Св. Спаса на Ковалеве (Новг. 4-я), под 6855 г. о мире новгородцев с литвою (Новг. 4-я), под 6858 г. о буре на Духов день, о поставлении церквей Флора и Лавра, Козмы и Демьяна и о закладке церкви Св. Иоанна Златоустого (Новг. 4-я), под 6859 г. о поновлении церкви Св. Бориса и Глеба в Околотке (Новг. 4-я), под 6860 г. о закладке каменной стены в Орехове (Новг. 4-я) и т. д. Замечательно то обстоятельство, что до 20-х гг. XIV в. подобных известий в своде 1448 г. — известий, лиших против Новгородской 1-й, — почти нет (см. относительно древнейшего периода ниже). Не поставим ли мы указанное выше обстоятельство в связь с тем, что до 30-х гг. XIV в. доходит Синодальный список, по-видимому, в известных частях своих основательно исчерпавший содержание Новгородского владычного свода, между тем как начиная с 30-х гг. составитель Софийского временника (откуда Новгородская 1-я летопись младшего извода) остался без руководства Синодального списка? Как видно из предыдущего, главным источником новгородского летописания была Новгородская владычная летопись. Составитель Софийского временника делал выборку из владычной летописи не с тою тщательностью, что его предшественник. Об этом можно догадываться и из того, что самый труд предшественника (протограф Синодального списка) передан составителем Софийского временника с пропусками.¹

Таким путем мы приходим к заключению, что общерусский свод заимствовал свои известия не из Софийского временника, а из самой владычной летописи. Очевидно, с нее была снята копия и послана в Москву по распоряжению митрополита. Поэтому-то в общерусском своде новгородские известия в значительной части были тождественны с известиями Софийского временника (Новгородской 1-й летописи младшего извода), но кроме таких известий в нем имелись и известия, опущенные составителем Софийского временника, не считавшим, очевидно, своею задачею исчерпать данные владычной летописи.

§ 147. Что же содержала копия с владычной летописи, полученная в 1423 г. митрополитом, в древнейшей своей части? Иначе — что лежало в основании этой летописи? Погодные ли записи, начинавшиеся с XI в., или какой-нибудь свод этих древнейших записей, продолжавшийся погодными записями позднейшими? Разрешение этих вопросов видим в сопоставлении новгородских известий общерусского свода 1423 г. с Синодальным списком.

Как отмечено выше, общерусский свод содержал лишь очень немного лиших против Синодального списка известий, — мы объясняем себе

¹ Ср. под 6652 г. опущение известия о пожаре Холма и церкви Св. Ильи; под 6657 г. — известия о лунном затмении; под 6675 г. — известия о кончине игуменьи Св. Варвары и поставлении другой игуменьи; под 6687 г. — известия о кончине игуменьи Св. Иоанна и поставлении другой игуменьи; под 6692 г. — известия о построении церкви Св. Власия; под 6697 г. — о рождении у князя Ярослава Владимировича дочери; под 6698 г. — о рождении у него же сына; под 6696 г. — о построении нового моста через Волхов; под 6700 г. — о кончине игуменьи Св. Воскресения, о поставлении другой игуменьи и т. д.

это тем, что составитель Синодального списка тщательно использовал владычную летопись Новгородскую, так же тщательно использованную и составителем общерусского свода. Но в части, содержащей древнейшие новгородские известия, общерусский свод расходился самым резким образом с Синодальным списком. Почти не содержа лишних против Синодального списка известий для XII, XIII и XIV вв., общерусский свод насчитывал (по свидетельству свода 1448 г. или, точнее, обоих его отпрысков — Софийской 1-й и Новгородской 4-й) десятки лишних известий для XI в. Отчего же происходит такое различие? Это различие удовлетворительно объясняется изображенной выше историей Синодального списка (его протографа): не во всех частях своих он представлял непосредственную выборку из владычной летописи; в основании его лежала не соответствующая выборка погодных известий из названной летописи, а готовый уже труд Германа Вояты — летописный свод, редактированный Воятой в промежутке между 1165 и 1188 гг. А Герман Воята, как мы видели, сильно сокращал свой источник (или свои источники), причем сокращения особенно резко сказались в рассказе о событиях XI в.; начиная приблизительно с 6611 г. сокращений меньше (о чем свидетельствует отсутствие пустых, незаполненных годов).¹ Следовательно, общерусский свод сходствовал в своих новгородских известиях с Синодальным списком, начиная с того места, где последний (сам ли это составитель протографа Синодального списка или Герман Воята — для нас безразлично), бросив сокращать, стал передавать владычную летопись полностью; напротив, до того места общерусский свод расходился с Синодальным списком, ибо последний сокращал, а общерусский свод передавал полностью эту летопись. Иначе — общерусский свод сходствует с Синодальным списком там, где последний совпадает с владычной летописью, различествует от него там, где Синодальный список ее сокращает.

§ 148. Итак, для нас становится все яснее, что Герман Воята не был составителем свода: его труд заключался в сокращенной передаче своего оригинала; невероятно, чтобы, сократив свои новгородские известия, он вместе с тем позаботился пополнением их известиями киевскими; совершенно очевидно, что Герман Воята сокращал готовый летописный свод, соединявший новгородские известия владычной летописи с известиями киевской летописи.

Синодальный список, или, точнее, лежащий в основании его летописный свод, редактированный Германом Воятой, предполагает существование в XII в. новгородского летописного свода, составленного на основании владычной летописи и дополнившего известия этой летописи по летописи киевской. Этот летописный свод и по широте замысла, и по средствам, потребовавшимся для его исполнения, не мог быть делом частного лица; а priori считаю вероятным, что он возник по повелению новгородского владыки.

§ 149. Обращаюсь теперь к прямому ответу на поставленный выше вопрос: не лежал ли в основании из года в год ведшейся Новгородской владычной летописи тот самый свод XII в., который предполагается Синодальным списком, ведущим нас к труду Германа Вояты?

¹ Не заполнен 6629 г.; ср. выше незаполненные годы: 6583, 6584, 6588—6595, 6602, 6604, 6606—6608, 6610.

В числе известий, попавших из владычней летописи в общерусский свод, а из общерусского свода в свод 1448 г., читалось следующее: «Въ лѣто 6557, мѣсяца марта въ 4 день суботный, сгорѣ церкви святая Софія; бѣаше же честно устроена и украшена, 13 верхы имущи, а стояла конецъ Пискупли улицы, над Волховом, идѣже нынѣ постави Сотко церковь камену святого Бориса и Глѣба». Известие о пожаре Св. Софии несомненно древнее: об этом свидетельствует указание на то, что он произошел в день субботный; Синодальный список сохранил еще подробность: «въ часъ 3». А между тем редакция, в которой оно изложено, ни в коем случае не современна самому событию: Сотко Сытинич заложил каменную церковь святых мучеников Бориса и Глеба весной 6675 (1167) г. Но к какому же времени отнесем мы эту редакцию? В 1262 г. эта церковь сгорела от грома, возобновлена она была лишь лет через сорок (освящена 9 декабря 1304 г.). Следовательно, редакция приведенного известия ведет нас не к XIV и не ко второй половине XIII в., а к более раннему времени. Впрочем, слово «нынѣ» прямо указывает на время около 6675 г.; мы не читаем: «идѣже нынѣ стоит церковь», а читаем: «идѣже нынѣ постави». Итак, вот ясное свидетельство в пользу того, что древние новгородские известия подверглись обработке во второй половине XII в., или, что то же, что во второй половине XII в. возник Новгородский летописный свод.

Время составления свода определяется приведенным известием. Оно указывает на то, что свод составлен около 1167 г. Итак, перед нами новое указание все на те же годы, которые мы называли раньше. На основании копии, составленной с этого свода Германом Воятой, мы утверждали, что Новгородский свод появился не раньше 1165 г. (титул архиепископа распространен на древних владыках новгородских); далее, имея в виду находившийся в этом своде перечень киевских великих князей, доведенный до Ростислава Мстиславича (умершего в 1166 г.), мы заключали, что свод составлен до получения в Новгороде известия о вокняжении в Киеве Мстислава Изяславича (середина мая 1167 г.), — следовательно, приблизительно до начала июня этого года. Теперь мы видим, что в этом своде сообщалось о поставлении церкви Бориса и Глеба (весна 1167 г.); подводя итог всем трем указаниям, видим, что этот свод составлен в апреле или мае 1167 г.

Появление Новгородского свода 1167 г. стоит в прямой связи с учреждением новгородской архиепископии. Новый владыка новгородский (поставленный 28 марта 1165 г.) признал необходимым подвести итог предшествующей церковной жизни Новгорода за время управления епископов. Он повелел составить летописный свод.

§ 150. Главное свое содержание летописный свод архиепископа Ильи почерпнул из погодной владычней летописи. Но начало свода основывалось на других, предшествующих сводах. Прежде всего отмечаем заимствования из летописного свода неновгородского. Проследить эти заимствования удобно только по Синодальному списку, так как общерусский свод, включивший в свой состав владычную летопись, а с нею вместе летописный свод 1167 г., соединил их с заимствованиями из других сводов неновгородских. Оставив в стороне XI в., отмечаем в XII в. некоторые известия, восходящие к неновгородскому источнику: под 6609 (1101) г. смерть Всеслава, под 6611 (1103) г. рассказ о походе русских князей против половцев и о победе мордвы над Ярославом, под 6613 (1105) г. известие о поставлении трех южнорусских епископов, под 6615

(1107) г. о землетрясении 5 февраля, под 6617 (1109) г. о полой воде в Днепре, Десне и Припети и о закладке церкви (Золотоверхой) Святополком, под 6619 (1111) г. о славном походе русских князей в глубь степей Половецких, под 6621 (1113) г. о походе Ярослава Святополчича на ятвягов, его женитьбе на Мстиславне и о кончине Святополка и Давыда, под 6622 (1114) г. о кончине Святослава Владимировича и поставлении Феоктиста епископом черниговским, под 6623 (1115) г. о перенесении мощей Бориса и Глеба и кончине Олега Святославича.

§ 151. Замечательно, что все эти и некоторые другие известия предшествуют новгородским известиям соответствующих годов: в начале годовой статьи излагаются события неновгородские, а уже за ними — новгородские.¹ Эта особенность в размещении событий, взятых, очевидно, из двух источников, позволяет нам утверждать, что заимствования из источника неновгородского (киевского) шли в свод 1167 г. только до 6623 (1115) г. Действительно, начиная с 6624 (1116) г. всюду на первом месте оказываются новгородские события. В связи с этим стоит и то, что в сущности и по содержанию своему ни одно из известий позже 6623 г. не предполагает наличия неновгородского источника.

§ 152. Правда, мы найдем в Синодальном списке на протяжении 6624—6675 гг. несколько записей о событиях южнорусских, но все эти записи могли возникнуть и не на южной Руси, а в Новгороде, куда приходили сообщения из Киева, путем устной передачи. Так, прежде всего видим в Синодальном списке сообщения о смене великих князей; отмечены: кончина Владимира Мономаха (но без указания дня), кончина Мстислава (14 апреля), кончина Ярополка и вокняжение Вячеслава (но умолчано о вокняжении Всеволода Ольговича), кончина Всеволода Ольговича (месяца июля), вокняжение Игоря и изгнание его Изяславом, изгнание Изяслава Юрием, победа Изяслава над Юрием (17 июля 6659 г.), смерть Изяслава (14 ноября), смерть Вячеслава, прибытие в Киев Ростислава и изгнание его Изяславом Давыдовичем, вокняжение в Киеве Юрия (на вербницу 6663 г.), кончина Юрия (весной 6665 г.) и вокняжение Изяслава Давыдовича, победа Мстислава Изяславича над Изяславом Давыдовичем и др. Все эти известия живо интересовали и волновали Новгород: частью они касались князей, сидевших в Новгороде и оставивших там по себе добрую память (Мстислава, Изяслава), частью от отмеченных событий зависели перемены в жизни самого Новгорода, находившегося в теснейшей зависимости именно от киевских великих князей. Далее отмечена кончина митрополитов: Константина под 6667 г., Иоанна под 6674 г. Не совсем ясна причина записи кончины жены Изяслава под 6659 г.; не была ли она (имя ее неизвестно) так или иначе связана с Новгородом, не из Новгорода ли она родом? Из известий, не связанных с лицами, отметим только одно южнорусское под 6631 г.: «въ то же лѣто падеся церкы святаго Михаила Переяславли». Но ничто не мешает допустить, что и это известие дошло в Новгород путем устной передачи. Все остальное, что Синодальный список сообщает о южной Руси, тесно связано с Новгородом; например, известие о походе всей Русской земли на Галич под 6653 г. занесено потому, что в походе участвовали и новгородцы, пришедшие на помощь киевлянам с воеводою Неревинном.

¹ На пространстве от 6605 г. (с которого новгородские известия становятся чаще) и до 6623 г. правило это нарушено только под 6616 и 6618 гг., и то потому, что в этих статьях совсем нет неновгородских статей.

§ 153. Итак, в распоряжении Новгородского свода 1167 г. находился неновгородский свод, использованный им в пределах до 6623 (1115) г. Очевидно, это был список с ПВЛ, и притом не содержащий продолжения по Киевской или иной летописи, — иначе в Новгородском своде находились бы известия этих летописей, иначе в начале погодных записей мы, как и до 6623 г., читали бы эти неновгородские известия. Но ПВЛ, использованная составителем Новгородского свода 1167 г., очевидно, не была тождественна с тою редакцией, что читаем в Лаврентьевском или Радзивилловском списках. Во-первых, она излагала подробно события и после 6618 (1110) г., между тем как Лаврентьевская и Радзивилловская начиная с 1111 г. сокращают ПВЛ; ср. под 6619 г. город «Щарукань», которого нет в Лаврентьевском и Радзивилловском (но он есть в Ипатьевском), под 6621 г. о женитьбе Ярослава Святополчича, чего нет в Лаврентьевском и Радзивилловском (но есть в Ипатьевском); под 6623 г. названы князья, бывшие при перенесении Бориса и Глеба, их имен нет в Лаврентьевском (но они есть в Ипатьевском); под 6623 г. упомянуто о солнечном затмении, его нет в Лаврентьевском и Радзивилловском (но есть в Ипатьевском). Во-вторых, ряд особенностей в тексте сближал эту редакцию ПВЛ с тою, что находится не в Лаврентьевском и Радзивилловском, а в Ипатьевском; так, под 6614 (1106) г. читаем: «избиша Половче на Дунаи», в Лаврентьевском и Радзивилловском не видно, чтобы половцы были избиты именно на Дунае («и угониша Половче и полон отяша»); ср. в Ипатьевском: «и угонивше до Дуная, полоня отяша, а Половцѣ исъсѣкоша»; под 6623 (1115) г. смерть Олега Святославича отнесена к 1 августа, как в Ипатьевском, между тем в Лаврентьевском — к 8 августа, а в Радзивилловском — к 18 августа.

§ 154. Необходимо различать две редакции ПВЛ: первую, составленную в 1116 г. игуменом Сильвестром и доведенную до 1110 г., и вторую, продолженную, по крайней мере, до 6625 (1117) г. Первая представлена списками Лаврентьевским и Радзивилловским, вторая — Ипатьевским. Здесь не место распространяться ни относительно того, что в Лаврентьевский и Радзивилловский проникли некоторые статьи и известие второй редакции, ни относительно того, что вторая редакция в Ипатьевском списке подверглась влиянию первой. Мы возвращаемся к Новгородскому своду 1167 г. и утверждаем, что в его распоряжении находилась именно вторая редакция ПВЛ.

Как отмечено, общерусский свод, насколько он восстанавливается по своду 1148 г., дает весьма скудные данные для суждения об особенностях той редакции ПВЛ, которая вошла в его состав путем свода 1167 г., включенного в общерусский свод вместе со всею владычною новгородскою летописью; это зависело от того, что общерусский свод пользовался и другими сводами, содержавшими ПВЛ. Тем не менее кое-какие указания на особенности той редакции ПВЛ, что читалась в Новгородском своде 1167 г., извлекаем и из анализа общерусского свода, точнее, из анализа происшедшего из него свода 1448 г. (Софийский 1-й и Новгородский 4-й).

§ 155. Мы ниже вернемся еще раз к рассмотрению статей, извлеченных общерусским сводом из Новгородского свода 1167 г., а здесь остановимся пока лишь на одной такой статье.

Под 6395 (887) г. в Софийской 1-й и Новгородской 4-й находим хронологическую выкладку русских событий. В ПВЛ (Лаврентьевский и др.) соответствующая статья читается под 6360 (852) г., в своде 1448 г.

(Софийский 1-й и Новгородский 4-й) под 6360 г. имеется лишь первая часть хронологической статьи (события до царя Михаила), между тем вторая (русские события) распределена между статьей 6387 г. (годы от Рюрика до Олега) и статьей 6395 г. (годы остальных событий). Я думаю, что такое распределение хронологической статьи 6360 г. перешло в свод 1448 г. из общерусского свода, а в общерусский свод — из Новгородского свода 1167 г.; в этот последний распределение это заимствовано, как мне кажется, из ПВЛ второй редакции. Впрочем, должен сделать теперь же оговорку. К Новгородскому своду 1167 г. и далее к ПВЛ второй редакции может восходить не весь текст статьи 6395 г.; в нем ясно обнаруживается следующая вставка: «А отъ Михаила царя до крещения Болгарьскыя земли лѣтъ 17... а отъ перваго до втораго пренесенія лѣтъ, а до взятія Кіевскаго лѣтъ 87, а отъ взятія Кіевскаго до Калковскаго бою лѣтъ 20». Что это вставка, видно хотя бы из начала, где упомянут Михаил царь, о котором выше ничего не сказано. Вставка эта заимствована из подобной же хронологической выкладки, читавшейся (быть может, в том же общерусском своде) под 6732 (1224) г. перед повестью о Калкском побоище.¹ Исключив эту вставку, увидим, что известие «а Володимерь 37 лѣтъ» (за ним читается вставка) восходит к статье 6360 г. первой редакции ПВЛ (Лаврентьевский и др.), между тем слова «а Святополкъ окаянный 3 лѣта княжи, бѣяся съ братомъ своимъ Ярославомъ» представляются дополнением, внесенным другим редактором (ср. выше подобные же дополнения относительно времени Игоревой женитьбы); следующие за сим слова — «Отъ Ярослава лѣтъ 40» — оказываются искажением слов «а Ярославъ княжи лѣтъ 40». За этими словами в первой редакции читаем: «Тѣмже отъ смерти Святослави до смерти Ярославли лѣтъ 85; а отъ смерти Ярославли до смерти Святополчи лѣтъ 60». Выкладка общерусского свода опустила эти слова, но вместо них в ней читаем следующее: «отъ Володимера Ярославича лѣта 4». Если правильно предположение, что перед этими словами опущено только что приведенное указание на годы от смерти Святослава до смерти Ярослава и от смерти Ярослава до смерти Святополка, то слова «отъ Володимера Ярославича лѣта 4» я нахожу необходимым восстановить в первоначальном их чтении так: «а Володимерь княжи лѣта 4», т. е. под Володимером понимаю Владимира Мономаха и вижу в этом указание на то, что выкладка составлена в пятое лето княжения Мономаха, т. е. в 1118 г. Подтверждение такому пониманию и исправлению имени Володимера Ярославича на имя Владимира (Всеволодича) вижу в том обстоятельстве, что непосредственно за сим читалось в общерусском своде:² «Володимера Ярославича сынове: Мстиславъ, Ярополкъ, Вячеславъ, Всеволодъ, Юрьи, Андрѣй», т. е. в нем перечислялись сыновья Владимира Мономаха, ошибочно названного второй раз Владимиром Ярославичем.

Итак, хронологическая выкладка, а следовательно и содержащий ее летописный свод, составлены в 1118 г., в пятый год княжения Мономаха. Наш вывод подтверждается и перечнем сыновей Мономаховых; мы не

¹ Мне такая выкладка известна по Рогожскому летописцу, открытому Н. П. Лихачевым и теперь издаваемому Императорской Археографической комиссией под его редакцией. Перед повестью о Калкской битве читаем: «Купно от Адама до Христа лѣтъ 5500... От Костянтина до Михаила царя лѣтъ 542. Отъ Михаила до крещения Българскыя земля лѣтъ... Отъ плънения Кіевскаго до Калковскаго бою лѣтъ 20, индиктіона 10».

² Основываюсь на показании Новгородской 4-й летописи.

находим среди них ни Святослава, скончавшегося в 1114 г., ни Романа, скончавшегося 6 января 6626 г.; следовательно, состав сыновей Мономаха, данный в перечне, соответствует как раз 1118 г.

Выше мы сделали вывод, что в распоряжении составителя Новгородского свода 1167 г. была ПВЛ во второй ее редакции. Наш вывод подтвердился: в распоряжении составителя Новгородского свода была ПВЛ в редакции, составленной в 1118 г.

§ 156. После этого необходимого отступления возвращаемся к вопросу об источниках свода 1167 г. И прежде всего отмечаем вероятность того, что архиепископский свод 1167 г. должен был положить в свое основание старший епископский свод XI в. Анализ Начального свода показал нам (глава VII), что его составитель пользовался в числе источников Новгородским сводом. Нам удалось сделать даже определенные выводы об общем характере этого Новгородского свода: он основывался на Древнейшем Киевском своде, следовал ему, местами перерабатывая его на основании местных новгородских известий. Вероятно ли, чтобы в Новгороде в 1167 г., когда создавали новый свод, забыли о старом, составленном в XI в.? Анализ Синодального списка, основывавшегося в конце концов на своде 1167 г., обнаружил в части до 1093 г. (времени составления Начального свода, уже имевшего в своем распоряжении Новгородский свод) ряд новгородских известий, изложенных притом так, что явно обличают современные событиям записи (указаны дни месяца, иной раз и недели). Следовательно, эти известия читались и в своде 1167 г. Анализ свода 1448 г. показывает, что и в общерусском своде содержались те же самые известия XI в., а частью еще и другие местные известия, явно обличающие современную запись, мы приведем эти известия ниже; эти известия попали в общерусский свод, согласно предыдущему, из Новгородского свода 1167 г.

§ 157. Итак, ясно, что в составе свода 1167 г. находился и старший Новгородский свод, составленный в XI в., тот самый свод, выдержки из которого попали в Начальный Киевский свод. Ставим вопрос: когда именно составлен этот старший Новгородский свод, до какого именно года он служил источником для составителя свода 1167 г.?

Ниже, в конце исследования, мы приводим доказательства в пользу того, что этот свод составлен в 1050 г. Но в общерусском своде, как это доказывает свод 1448 г., есть указания на то, что свод этот получил продолжение еще в XI в. Так, для 50-х гг. XI в. насчитывалось четыре новгородских известий (отсутствующих в ПВЛ);¹ для 60-х гг. — пять таких известий;² для 70-х гг. — три известия.³ Между тем для 80-х гг. не отыскивается ни одного новгородского известия ни в общерусском своде, ни также в Синодальном списке; нет их и для первых пяти лет 90-х гг. Только начиная с 6603 (1095) г. видим опять ряд, сначала, впрочем, очень скудный, новгородских известий. Думаю, что отсюда можно сделать заключение о том, что новгородское летописание в XI в. велось

¹ Смерть Владимира Ярославича (с указанием дня смерти); прибытие Изяслава в Новгород, назначение посадником Остромира, поход Остромира на чудь и убийство его, поход Изяслава на чудь; клевета против владыки Луки и заточение Луки в Киеве; возвращение Луки в Новгород и наказание клеветника Дудики.

² Смерть Луки; поставление Стефана; нападение Всеслава на Новгород; смерть Стефана; победа Глеба над Всеславом.

³ Смерть владыки Феодора; поставление Германа; убийство Глеба в Заволочии (с указанием дня).

с перерывами, причем особенно значительный перерыв падал на 1079—1094 гг.; не забудем, что вследствие именно такого перерыва остались неотмеченными такие события, как смерть Германа, который, судя по числу лет его владычества, умер в 1095 г., а также поставление Никиты, его преемника. Такие перерывы в новгородском летописании не свидетельствуют о тех или иных моментах, до которых был доведен летописный свод, а показывают только, что погодные записи велись не беспрерывно, а со значительными промежутками.

Итак, нахожу вероятным, что первый Новгородский владычный свод, составленный в середине XI в., был положен в основание Новгородского свода 1167 г. уже в распространенном позднейшими приписками виде. Приписки эти не могут, однако, служить доказательством того, что этот свод составлен сам, скажем, например, около 1079 г.

Владычный свод 1167 г. лег в основание дальнейшего новгородского летописания, к нему стали приписываться погодные записи. В таком виде этот памятник стал известен составителям общерусского свода 1423 г.

§ 158. Прежде чем перейти к ближайшему рассмотрению свода XI в., как мы пока условно обозначаем Новгородский свод, подведем итоги нашему исследованию об источниках свода 1167 г. В основание его положена Новгородская владычная летопись, которая представляла из себя соединение первого владычного свода с последующими погодными записями; это основание дополнено (и дополнено притом, как кажется, во всех частях)¹ по ПВЛ второй редакции (редакции 1118 г.).

§ 159. Свод XI в. может быть по данным свода 1448 г. (восходящим к общерусскому своду), с одной стороны, по данным Синодального списка, с другой — восстановлен лишь гадательно. Оба названных памятника ведут нас, собственно, к своду 1167 г.; по исключении из этого свода прямых заимствований из ПВЛ второй редакции мы получили бы, конечно (в пределах до середины XI в.), текст первого Новгородского свода. Но, во-первых, сам свод 1167 г. может быть восстановлен лишь предположительно; во-вторых, как угадать, что именно взято в свод 1167 г. из ПВЛ и как отличить это от того, что взято еще сводом XI в. из Древнейшего Киевского свода?

Имеем, однако, в виду, во-первых, полную вероятность того, что все специально новгородские известия общерусского свода (не читавшиеся в ПВЛ) заимствованы им в пределах до 1167 г. из свода 1167 г., а в пределах до середины XI в. в конце концов большею частью из свода XI в.; имеем в виду, во-вторых, что резкие отличия в тексте ПВЛ в общерусском своде, в пределах до середины XI в., не могут быть возведены ни к известным нам редакциям ПВЛ, ни также к той второй редакции, которая в довольно полном виде отразилась в Ипатьевском и сходных с ним списках, почему их придется возвести, в том случае если отличия эти представляют более древний текст, чем текст ПВЛ, к Древнейшему своду (итак, заимствования из него попали в общерусский свод через посредство Новгородского свода 1167 г. и далее Новгородского же свода XI в.).

¹ Например, под 6552 г. из ПВЛ заимствовано известие о христианском погребении останков князей Ярополка и Олега; в Древнейшем своде (см. выше), а следовательно и в Новгородском своде XI в., не было этого известия. Под 6558 г. сообщено о рождении Святополка, чего не давал не только Начальный свод, но и первая редакция ПВЛ.

Поэтому, выделяя из свода 1448 г., во-первых, специально новгородские известия, во-вторых, статьи, содержащие более древний текст, чем ПВЛ, мы вправе и то и другое возвести к Новгородскому своду XI в.

§ 160. Остановимся сначала на специально новгородских известиях свода 1448 г. (восходящего к общерусскому своду 1423 г.). Мы сказали, что в пределах до середины XI в. большая часть их может быть возведена к своду XI в. Такую оговорку (большая часть) пришлось сделать ввиду уже известного нам известия о пожаре новгородской Софии, изложенного в редакции 1167 г. («идѣже нынѣ постави Сотко церковь камену святого Бориса и Глѣба»).

§ 160¹. В рассказе о расселении словен после слов ПВЛ «Словѣни же съдоша около озера Ильменя, и прозвашася своимъ именемъ, и съдѣлаша градъ и нарекоша Новѣгородъ» в своде 1448 г. и общерусском своде 1423 г. читалось: «и посадиша старѣйшину Гостомысла»; эта прибавка восходит к своду 1167 г., где, вероятно, читалась соответствующая статья, заимствованная, согласно предыдущему, из ПВЛ второй редакции. Находим неизбежным возвести это известие к своду XI в. и предполагаем, что оно читалось в нем в рассказе о древнейшем моменте истории Новгорода.

§ 161. Остальные новгородские известия свода 1448 г. приводятся здесь в хронологическом порядке, причем отмечаем, во-первых, соответствие им известий Синодального списка, во-вторых, те редакционные изменения, которым они подверглись в общерусском своде.

Под 6497 (989) или 6499 (991) гг. в своде 1448 г. читалось известие о крещении Владимира, Русской земли и Новгорода, восходящее к своду 1167 г. Мы видели выше, что это известие находилось и в Синодальном списке (своде Вояты) и восстанавливается притом для Синодального списка по Новгородской 1-й младшего извода. Сравнительно с текстом (протографа) Синодального списка текст свода 1448 г. оказывается, во-первых, подновленным вставкой, восходящею, по-видимому, к общерусскому своду: вместо «Крестися Володимиръ и вся земля Руская, и поставиша в Киевѣ митрополита, а Новуграду архіепископа, а по инымъ градомъ епископы и попы и діаконы» читаем: «Крестився Володимерь и взя у Фотія патріарха у Цареградскаго перваго митрополита Киеву Леона, а Новугороду архіепискупа Якима Корсунянина, а по инѣмъ градомъ епискупы и попы и діаконы, иже крестиша всю землю Русьскую». Вставка эта стоит в связи с влиянием, оказанным на общерусский свод со стороны церковного устава Владимира, где читаются слова: «пріять есмь крещеніе отъ Гречьскаго царя и отъ Фотія патріарха Царегородьскаго, и пріяхъ отъ него перваго митрополита Леона Киеву, иже крести всю Русскую землю святымъ крещеніемъ». Во-вторых, текст свода 1448 г. сравнительно с Синодальным списком представляет следующее дополнение после слов «влечахуть и по калу, біюще жезліемъ» — «и пихающе, и въ то время вшелъ бѣ въ Перуна бѣсъ, и нача кричати: о горе, охъ мнѣ! достахся немилостивымъ симъ рукамъ; и вринуша его въ Волховъ. Онъ же, плыва сквозъ великій мостъ, верже палицю свою на мостъ, еюже и нынѣ безумніи убивающеся утѣху творять бѣсомъ». Я думаю, что эти слова читались в своде 1167 г.; они опущены протографом Синодального списка (Германом Воятой) в силу того, что здесь вообще сокращались статьи и известия свода 1167 г. Доказательство того, что место это находилось в первоначальном рассказе, вижу в том, что здесь

упомянуто «вринуша его въ Волховъ». В Синодальном списке момент ввержения Перуна в воду опущен, а между тем он необходим. Читалась ли статья о крещении Новгорода в таком же виде в своде XI в.? Думаю, что нет; редакция 1167 г. наложила на эту статью свой отпечаток: именно в ней оттенено, что Новгород получил архиепископа, а прочие города — епископов. Вероятно, в своде XI в. соответствующее место было изложено так: «и поставиша по всѣмъ градомъ епископы и попы и діаконы». Вспомним, что ни ПВЛ, ни тем более Начальный свод или Древнейший свод не упоминают о киевском митрополите до 1039 г. Ввиду указанного явного подновления статьи о крещении Новгорода в своде 1167 г., сомневаюсь в том, чтобы подробности о свержении Перуна восходили к своду XI в. Скорее, они составлены частью под влиянием аналогичного рассказа ПВЛ, частью же по позднейшим преданиям; в особенности сомнительно, чтобы к XI в. восходило сообщение о палице, брошенной на великий мост, а между тем можно думать, что это сообщение читалось в своде 1167 г., несмотря на умолчание Синодального списка.

§ 162. Под 6523 г. читаем в своде 1448 г. те самые подробности о событиях, предшествовавших выступлению Ярослава из Новгорода против Святополка, которые, судя по Новгородской 1-й младшего извода, находились и в Синодальном списке. Конечно, текст Синодального списка являлся бы первоначальнее текста свода 1448 г., слившего новгородскую статью с соответствующею статьею ПВЛ. Замечу, что текст Синодального списка (и его протографа), если даже он был тождествен с текстом свода 1167 г., ни в коем случае не был тождествен с текстом свода XI в.; редактор свода 1167 г., перерабатывая текст свода XI в., мог внести кое-что из ПВЛ; так, фраза «И в ту же ночь ис Києва сестра Ярослава Передслава присла къ нему вѣсть, рекъши» представляется мне заимствованною из ПВЛ.

§ 163. Под 6524 г. битва Ярослава со Святополком рассказана была в общерусском своде 1423 г. согласно со сводом 1167 г., как видно из совпадения текста свода 1448 г. с текстом Синодального списка. Конец статьи расходится с Синодальным списком; здесь сказалось, конечно, влияние ПВЛ; ср. выше § 140.

Под 6527 г., в конце статьи, в Софийской 1-й и Новгородской 4-й читаем: «И нача Ярославъ воя дѣлити, старостамъ своимъ по десяти гривень, а смердомъ по гривнѣ, а Новгородцемъ по десяти гривень, и отпусти я вся домовъ; и давъ имъ правду и уставъ, списавъ грамоту, рече: по сему ходите и держите, якоже списахъ вамъ». Засим в списках Софийской 1-й следуют: Русская Правда, Судебник греческого царя Константина и проч.; между тем в Новгородской 4-й этих статей нет. Но в Комиссионном списке, который, как мы знаем, начиная с конца 6523 г. дополняет текст Софийского временника (тождественного в соответствующем месте с Синодальным списком) по Новгородскому своду 1448 г., мы находим под 6524 г. (лишние против Синодального списка) слова: «и давъ имъ правду, и уставъ списавъ, тако рекши имъ: по сей грамотѣ ходите, якоже списахъ вамъ, такоже держите», а за ними: «А се есть Правда Рускаа» и далее текст Правды. Не сомневаюсь в том, что и эти слова, и текст Правды попали в Комиссионный список из свода 1448 г.; в свод же 1448 г. они внесены из общерусского свода, а в этот последний — из Новгородской владычной летописи, в частности же из лежащего в основании ее свода 1167 г., хотя возможно, что в новгородском источнике общерусского свода читался не текст Русской

Правды, а текст Ярославовой грамоты. Об этом скажем ниже, в конце настоящего исследования.¹

Под тем же 6527 г., в самом конце статьи, читаем следующее новгородское известие: «Коснятинъ же бяше тогда въ Новѣгородѣ, и разгнѣвася на нь великий князь Ярославъ, и поточи и въ Ростовъ и на третіе лѣто повелѣ его убити въ Муромѣ, на рѣцѣ на Оцѣ». Не сомневаюсь в том, что это известие путем свода 1167 г. восходит к своду XI в.: последний говорил о Константине и выше, в рассказе о том, как новгородцы с Константином-посадником во главе помешали Ярославу, разбитому Святополком, бежать за море.

§ 164. Под 6529 г. в своде 1448 г. подробнее, чем в ПВЛ, рассказывалось о нападении Брячислава Полоцкого на Новгород, а именно в нем имеется лишняя фраза в середине статьи: «и полонѣ отъ него отѣя, елико бяше Новгородскія волости, и посла ихъ къ Новугороду». А в конце статьи помещено еще следующее: «И отътолѣ призва къ себѣ Брячислава и давъ ему два города Вѣсвѣчъ и Видбескъ, и рече ему: буди же со мною заодинѣ. И воеваше Брячиславъ съ Ярославомъ вся дни живота своего». Все известие о Брячиславе имеет (и в самой ПВЛ) характер новгородский. Признаю поэтому, что в свод 1448 г. и в общерусский свод статья попала из свода 1167 г. и далее из свода XI в.

Под 6532 г. в своде 1448 г. подробнее, чем в ПВЛ, была изложена статья о подавлении Ярославом мятежа в Суздальской земле. Так, после слов «яко си держать годину» вставлено: «и жито и голодъ пушаютъ»; далее после «и бѣ мятежъ великъ и гладъ по всей странѣ той» вставлено: «яко мужю своя жена дати, да кормятъ себе челядиномъ»; наконец, после «а человѣкъ не вѣсть ничтоже» вставлено: «Христосъ Богъ единъ вѣсть на небесѣхъ». Мы уже высказывали выше (глава VII), что в ПВЛ путем Начального свода это известие попало из новгородского источника. Ввиду этого считаю вероятным, что приведенные подробности попали в общерусский свод 1423 г. (а оттуда в свод 1448 г.) из Новгородского свода 1167 г. и далее из свода XI в.

§ 165. Под 6538 г. в своде 1448 г., после сообщения о походе Ярослава на чудь, читалось: «и прииде къ Новугороду, собра отъ старостъ и отъ поповъ дѣтей 300 учити книгамъ. Того же лѣта преставися архиепископъ Акимъ; бяше ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше». В новгородском происхождении этих известий усомниться нельзя, а это делает вероятным, что и предшествующее известие о походе Ярослава на чудь и основании им Юрьева — новгородское и попало, следовательно, в ПВЛ путем Начального свода из Новгородского свода XI в. Фраза «иже ны учаше» может быть отнесена на счет сводчика середины XI в. Ясно, что составитель свода вспоминает себя и своих сверстников.

Под 6540 г. в своде 1448 г. читалось: «И тогда же Улѣбъ иде изъ Новагорода на Желѣзныя врата, и опять мало ихъ прииде». Новгородское происхождение известия очевидно.

Под 6542 г. в своде 1448 г., после сообщения о посажении Ярославом сына своего Владимира на княжение в Новгороде и поставлении епис-

¹ Составитель Софийской 1-й заменил неудовлетворительный, по его мнению, текст другим, взятым из Приложений к своду 1448 г., и списал за Русской Правдой также и другие статьи Приложений. Ср. эти статьи в Приложениях к Комиссионному списку, дополнявшему и в этих статьях текст Софийского временника по своду 1448 г.

копа Жиряты, читалось: «и людемъ написа грамоту, рекъ: по сей грамотъ дадите дань. Бяше бо хромоногъ, но умомъ свершень и храборъ на рати и християнъ, чтяше самъ книги». Ввиду явно новгородского происхождения известия о грамоте Ярославовой признаю вероятным, что и известие о поставлении Ярославом епископа происхождения новгородского (в Начальный свод оно внесено из свода XI в.). Что же касается характеристики Ярослава, то весьма вероятно, что она составлена не без влияния соответствующей статьи Древнейшего свода, где именно около того же времени сообщалось о христианских добродетелях Ярослава и любви его к книгам.

Под 6546 г. в своде 1448 г. читалось: «Иде Ярославъ веснѣ Кыеву и на зиму ходи на Ятвягы, и не можаху ихъ взяти»; в ПВЛ только: «Ярославъ иде на Ятвягы». Ввиду обстоятельности и явно новгородского происхождения («иде Кыеву») признаю эту статью заимствованною в конце концов из свода XI в.

Под 6552 г. в своде 1448 г. находилось: «Ходи Ярославъ на Литву; а на весну заложи Новѣгородъ и съдѣла и». В новгородском происхождении известия не может быть сомнения.

§ 166. Под 6557 г. в своде 1448 г. читалось: «мѣсяца марта въ 4 день суботный, сгорѣ церква святая Софія; бяше же честно устроена и украшена, а стояла конецъ Пискупли улицы, надъ Волховомъ, идѣже нынѣ постави Сотко церковь камену святаго Бориса и Глѣба». Мы видели уже это известие в другой редакции по Синодальному списку, где читается: «Въ лѣто 6553. Съгорѣ святая Софія, въ субботу, *по заутрѣнии*, въ часъ 3 мѣсяца марта въ 15». Как же читалось это известие в своде 1167 г., куда, согласно предыдущему, восходят, с одной стороны, Синодальный список, а с другой — новгородские известия свода 1448 г. (общерусского свода 1423 г.)? Я думаю, что в своде 1167 г. оно читалось так же, как в своде 1448 г., хотя и с добавлением сохранившихся в Синодальном списке слов: «по заутрѣнии, въ часъ 3». Основываюсь на том, что 4 марта приходилось в 6557 (1049) г. действительно на субботу. Между тем в известии Синодального списка, относящем пожар на 15 марта 6553 (1045) г., явная ошибка, ибо 15 марта приходилось на субботу не в 1045, а в 1046 г. Думаю, что ошибка допущена еще Германом Воятой, который заметил, что его источник (свод 1167 г.) говорит под 6553 г. (как и ПВЛ) о закладке Владимиром новой Св. Софии, а под 6557 г. — о пожаре старой; предположив, что закладке новой церкви должен был предшествовать пожар старой, Герман Воята и перенес известие о пожаре под 6553 г., поместив его непосредственно перед известием о закладке новой Св. Софии; при этом он неправильно вычислил по вруцелету, что суббота приходилась на 15 марта (надо было дать: 2, 9 или 16 марта). Не указывает ли ошибка Германа Вояты на то, что он работал в 1169 г. над перепиской свода 1167 г. и что он не справился с вруцелетом? В 1169 г. 15 марта приходилось на субботу.

§ 167. Под 6558 г. в своде 1448 г. читалось: «Священа бысть святая Софія въ Новѣгородѣ на Въздвиженіе честнаго креста повелѣніемъ великого князя Ярослава и сына его Володимира и архиепископа Луку». В Синодальном списке нет этого известия.

Под тем же годом читалось о преставлении жены Ярослава с указанием дня 10 февраля. Имея в виду отсутствие этого дня в Лаврентьевской и Радзивилловской летописях, думаю, что указание на день восходит к своду 1167 г.; Ирина умерла в Новгороде, см. § 128.

Под 6560 г. в своде 1448 г. в известии о кончине Владимира Ярославича читалось следующее добавление: «въ недѣлю 4 октября». Синодальный список имеет только 4 октября. В мартовском 1052 г. 4 октября приходилось на воскресенье. Ввиду обстоятельности этого указания думаю, что соответствующее известие ПВЛ новгородского происхождения.

Под 6562 г. в своде 1448 г. читалось: «И прииде Изяславъ къ Новгороду и посади Остромира въ Новѣгородъ; и иде Остромиръ съ Новгородци на Чюдъ, и убиша его Чюдъ, и много паде съ нимъ Новгородцевъ. И паки Изяславъ иде на Чюдъ и взя оськъ Кедипивъ, сирѣчь Солнча рука». Из записи в Остромировом Евангелии видно, что Остромир был еще жив в 6564—6565 гг.: следовательно, в своде XI в., к которому возводим все эти известия, они не были определены точно хронологически. В Синодальном списке эти известия опущены.

Под 6563 г. в своде 1448 г. читалось: «Того же лѣта клевета бысть на архіепископа Луку отъ своего холопа Дудики, и изыде изъ Новгорода и иде къ Києву, и осуди митрополить Ефремъ; и пребысть тамо три лѣта». В Синодальном списке нет этого известия.

Под 6566 г. свод 1448 г. продолжает: «Того же лѣта архіепископъ Лука прія престолъ свой въ Новѣгородъ и свою власть; Дудицъ же холопу устну и носъ срѣзаша и обѣ руцѣ уськоша, и сбѣжа в Нѣмцѣ». В Синодальном списке нет этого известия.

Под тем же годом, непосредственно за приведенным известием, в Новгородской 4-й находим «Поучение архиепископа Луки к братии». Думаю, что оно путем свода 1448 г. и общерусского свода 1423 г. восходит к своду 1167 г. и далее — к своду XI в. Софийская 1-я опустила поучение это так же, как вообще сокращала и опускала уже в древнейших своих редакциях новгородские статьи свода 1448 г.

Под 6568 г. в своде 1448 г. читалось: «Преставися архіепископъ Лука, идя изъ Києва, на Копысь, мѣсяца октября; того же мѣсяца преданъ бысть гробу своим клиросомъ, бывшу ему епископомъ лѣтъ 23». В Синодальном списке нет этого известия.

Под 6569 г. в своде 1448 г. было занесено: «Того же лѣта поставленъ бысть Новугороду архіепискупъ Стефанъ». В Синодальном списке нет этого известия.

§ 168. Под 6575 г. в своде 1448 г. после «Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полотський и зая Новѣгородъ» — фразы, восходящей к ПВЛ, — прибавлено: «до Неревского конца и пожже; и пойма все у святыя Софіи и паникадила и колоколы и отъиде». В Синодальном списке под 6574 г. читаем: «Приде Всѣславъ и възя Новѣгородъ, съ женами и съ дѣтми; и колоколы съима у святыя Софіе, — о, велика бѣда въ часъ тый! и понекадила съима». Нельзя сомневаться в том, что свод 1448 г. в данном месте следует общерусскому своду 1423 г., который вставил известие свода 1167 г. в текст, заимствованный из ПВЛ. Таким образом, выясняется, что редакция известия в Синодальном списке ближе к редакции свода 1167 г., чем соответствующие известия свода 1448 г.; впрочем, Герман Воята (протограф Синодального списка) выпустил слова: «и пожже и до Неревского конца».

Под 6576 г. в своде 1448 г. читалось: «И иде владыка Стефанъ въ Києвъ, и тамо свои холопы удавиша его». В Синодальном списке нет этого известия.

Под 6577 г. в своде 1448 г. было записано: «Побѣди Глѣбъ съ Новгородци Всеслава князя на Кзени, мѣсяца октября въ 23 день, въ пятокъ

въ часъ 6 дни, на память святаго апостола Іакова, брата Господня; велика бѣ съча тогда Вожаномъ; а заутра обрѣтесе крестъ князя Володимира въ святой Софѣи на полатахъ, егоже взялъ бѣ князь Всеславъ ратию въ святей Софѣи». Мы видели, что эта статья в таком же виде имеется в Синодальном списке, но в нем она сохранилась в более древней редакции; ср.: «Новгородци же поставиша пѣлъкъ противу ихъ, у Звъринця, на Къземли, и пособи Богъ Глѣбу князю съ Новгородци»; ниже, после слов «О, велика бяше съча Вожняномъ!», читаем: «и паде ихъ бещисльное число, а самого князя отпустиши Бога дѣля»; в конце в Синодальном списке не объяснено, что обретшийся крест был взят Всеславом из Св. Софии: «а на заутрие обрѣтесе крѣсть честный Володимиръ у святей Софии Новѣгородѣ, при епископѣ Федоре»; таким образом, в известной части редакция свода 1448 г. является более первоначальной, сравнительно с редакцией Синодального списка. Отметим, что 23 октября приходилось действительно на пятницу в мартовском 1069 г.

Под 6585 г. в своде 1448 г. читаем: «Того же лѣта преставися архіепискупъ Новгородскій Ѳеодоръ». То же известие имеется в Синодальном списке.

Под 6586 г. в своде 1448 г. значилось: «Того же лѣта поставлен бысть архіепискупъ Новугороду Германъ». В Синодальном списке нет этого известия.

Под 6587 г. в своде 1448 г. при известии об убиении Глеба Святославича в Заволочии был указан день убийства — 30 мая. То же в Синодальном списке.

Это последнее известие новгородского происхождения, которое в своде 1448 г. можно возвести к своду XI в., бывшему в распоряжении Киевского Начального свода, составленного около 1095 г. За ним, как мы говорили, новгородские известия прерываются на протяжении 15 лет. Следующим новгородским известием, общим своду 1448 г. и Синодальному списку, оказывается: «Иде Святопѣлъкъ и Володимеръ на Давида Смольнску, и вдаша Давиду Новѣгородъ».¹

§ 169. Предложенный выше перечень новгородских известий свода 1448 г. не исчерпывает всех отличий свода 1448 г. от обычного текста ПВЛ в пределах до 1079 г., под которым читаем последнее новгородское известие этого свода за XI в. Кроме приведенных статей и известий

¹ В приведенный перечень мы не поместили следующие два известия свода 1448 г., ведущих нас к общерусскому своду 1423 г. Под 6568 г. читаем: «Того же лѣта ходи Изяславъ на Сосолы, и дань даяти заповѣда 2000 гривень; они же поручившеся дань дати, и изгнаша данники; на весну же пришедше повоеваша села о Юрьевѣ, и градъ и хоромы пожгоша, и много зла сѣтвориша, и до Пскова доидоша воююще; и идоша противу имъ Псковичи съ Новгородци на сѣчу, и паде Руси 1000, а Сосоль безъ числа». Под 6573 г.: «Князь Всеславъ Полочкыи былъ у Пскова ратью и перси билъ пороки» (ср.: Новгородскую 4-ю; в Софийской 1-й это известие опущено). Оба известия представляются мне по происхождению псковскими, а не новгородскими. Ср. имя «Русь», которым новгородцы, в особенности в древнейшее время, себя не называли; далее «Псковичи съ Новгородци», а не наоборот. Составитель свода 1423 г. имел в своем распоряжении немало псковских известий и статей (например, статьи, касающиеся Довмонта). Оба приведенных известия вошли (быть может, путем новгородских летописей) в псковские летописи: первое — в Псковскую 1-ю, второе — в Псковскую 2-ю. Отмечу еще одно смоленское известие в своде 1448 г., восходящее к своду 1423 г., — это читаемое под 6562 г. «И посемъ раздѣлиша Смоленскъ на три части»; хронологически правильнее было бы отнесение его к 6568 г. (как сделано в Ростовской компиляции XV в., см. § 181); в своде 1423 г. это известие действительно могло читаться под 6568 г. вслед за сообщением о кончине Игоря Ярославича.

новгородского происхождения, находим ряд других статей и известий, обнаруживающих более или менее существенные отличия от текста ПВЛ. Не сомневаемся в том, что многие и из этих отличий восходят к тому же источнику, что приведенные выше, ибо Новгородский свод (1167 г.), предполагаемый новгородскими известиями свода 1448 г., как мы видели, содержал заимствования не только из старшего Новгородского свода (XI в.), но и из ПВЛ второй редакции; кроме того, старший Новгородский свод основывался на Древнейшем Киевском своде. Таким образом, в Новгородском своде 1167 г. должны были встречаться статьи, как восходящие к ПВЛ второй редакции, так и восходящие к Древнейшему своду. Но, кроме того, не забудем, что Новгородский свод 1167 г. вошел в общерусском своде 1423 г. в соединение не только с текстом ПВЛ, но также еще с текстом житий святых и хронографа, которыми, как кажется, широко пользовался составитель этого митрополичьего свода. Следовательно, в своде 1448 г., происходящем из свода 1423 г., могут оказаться заимствования и из нелетописных источников. О них скажем ниже. Обращаясь же к летописному составу этого свода, рассмотрим те статьи и известия его, которые, несмотря на свое новгородское происхождение, могут быть возведены к Новгородскому своду 1167 г. Сначала отмечаем две статьи, которые, не обнаруживая прямо своего новгородского происхождения, оказываются при ближайшем анализе составленными в Новгороде.

§ 170. В статье 6532 (1024) г., относящейся к Лиственской битве, свод 1448 г. представляет несколько существенных отличий от соответствующего текста ПВЛ (Лаврентьевский, Радзивилловский, Ипатьевский и др.). Так, после слов «Мъстиславъ же слышавъ изиде противу има (на съчю) къ Листвену» прибавлено: «и бяше осень, и ту ся срътоша»; после словъ «и бывши ноши» прибавлено: «рябиной»; слова Мстислава «пойдемъ на нихъ» дополнены: «то ны есть корысть»; после слов «яко посвѣтяше молнія, такое блещашеся оружіе» прибавлено: «елико же молнія освѣтяше, толко мечи видяху, и тако другъ друга убиваху»; наконец, за словами «а Якунъ иде за море» прибавлено: «и тамо умре». Как объясним мы все эти отличия свода 1448 г.? Если бы мы имели дело с позднейшею компиляцией XVI в., то, конечно, могли бы отнести приведенные вставки на счет произвола редактора, но составителей свода 1423 г. и происшедшего из него свода 1448 г. нельзя уличить в искажении источников путем амплификаций и других придумываний; кроме того, такие подробности, как то, что битва была осенью или что Якун умер за морем, не придумываются; дополнение речи Мстислава — «то ны есть корысть» — также весьма удачно и вряд ли может быть отнесено на счет фантазии позднейшего компилятора. Исходя из того положения, что свод 1448 г. отличается от ПВЛ прежде всего влиянием на него Новгородского свода 1167 г., мы склоняемся к мысли, что и в данном случае отличия этого свода должны быть возведены к новгородскому источнику, а это ведет нас к предположению, что в этом новгородском источнике о Лиственской битве существовал рассказ, независимый от киевского источника. Предположение наше вероятно само по себе: Лиственская битва должна была заинтересовать как южан, так и северян; Ярослав шел из Новгорода с варягами и словенцами, Мстислав выставил против него свою дружину и северу; битва решила судьбу Киева и всей Руси. Предположив, что рассказов об этой битве было записано два: один — в Новгороде, другой — в Киеве, мы поймем, почему в ПВЛ

сообщено об этой битве короче, чем в своде 1448 г.: составитель этого свода имел в своем распоряжении текст ПВЛ и Новгородского свода; по Новгородскому своду дополнялся уже готовый текст ПВЛ; между тем составитель Начального свода (откуда произошла ПВЛ) дополнял по новгородскому источнику свой киевский источник, несомненно менее полный, чем соответствующий текст ПВЛ. Вводя в наши рассуждения это последнее замечание, мы имеем в виду тот вывод, к которому мы пришли выше (в главе VII), о том, что Начальный свод составлен по двум источникам: киевскому и новгородскому; предполагаем поэтому возможным, что в распоряжении Начального свода было и при составлении статьи о Ливонской битве два рассказа о ней — киевский и новгородский. Подтверждаем это предположение ссылкой и на те повторения, которые замечаются в соответствующем тексте ПВЛ, ср.: «и бысть съча силна», ниже: «и бѣ гроза велика и съча силна и страшна». Итак, нам предстоит определить, что именно в тексте интересующей нас статьи, в изложении ее в ПВЛ, восходит к новгородскому и что — к киевскому источнику. При разрешении этой задачи исходим из данных, представляемых сводом 1448 г.; из них видно, что в новгородском рассказе с особенною подробностью говорилось о ночной обстановке битвы; так, именно такие подробности попали из него в свод 1448 г. (ср. выше); поэтому описание битвы в отношении ее к ночной обстановке возводим в Начальном своде к новгородскому источнику: ср. слова «и бывши нощи рябиной»,¹ «яко посвѣтяше молонья, блещашеться оружие», а выше: «бысть тма, молонья, и громъ и дождь»; равным образом к новгородскому источнику относим и речь Мстислава: «пойдем на ня», — речь, как можно думать, оборванная и сокращенная в Начальном своде, в особенности если принять во внимание продолжение ее, данное в своде 1448 г.; Мстислав, очевидно, решил воспользоваться темнотой ночи и разыгравшеюся грозой и выразил это в своей речи (ср. вторую половину ее в своде 1448 г.: «то ны есть корысть»). Напротив, новгородский рассказ, по-видимому, ничего не знал о расположении, данным своему войску Мстиславом, равным образом не упоминал об эпизоде объезда поля битвы на следующий день Мстиславом, — никаких лишних подробностей для этих частей свод 1444 г. не представляет. Сообщение о бегстве Ярослава и Якуна принадлежит киевскому рассказу: Новгородский свод не дает никаких лишних подробностей; между тем сообщение «Ярославъ же приде Новугороду, а Якунъ иде за море» относим на счет новгородского рассказа, ввиду прибавки, читаемой в своде 1448 г.: «и тамо умре». Напротив, подробность о золотой луде, которую носил Якун, возводим к киевскому источнику; золотая луда была найдена на поле битвы на следующее утро, а этот эпизод об осмотре поля битвы был вообще опущен новгородским рассказом.

Одинаковый сюжет обусловил, конечно, присутствие и некоторых общих выражений, общих фраз в киевском и новгородском рассказах: так, тот и другой рассказ сообщал об Якуне, которого, кажется, именно новгородский источник называл князем варяжским; ср. в своде 1448 г.: «и посла за море по Якуна, по Варяжскаго князя»; читаемая ниже фраза Начального свода (ПВЛ) — «побѣже съ Якуномъ княземъ Варяжъ-

¹ Ср.: малор. горобіна ніч: грозовая ночь в июле и августе (Слов. Желех.); горобиний, вероятно, вместо орябиний, как горобка вместо орябка (Tetrao bonasia); ср.: орябина = рябина.

скимъ» — едва ли не заимствована из новгородского рассказа, хотя, впрочем, ввиду чтения «и тако побѣди Мьстиславъ Ярослава и Якуна» свода 1448 г. я определил бы еще точнее, что слово «побѣже» восходит по киевскому рассказу, а «съ Якуномъ княземъ Варяжскимъ» извлечено из фразы новгородского рассказа: «и тако побѣди Мьстиславъ Ярослава и Якуна, князя Варяжскаго»; действительно, в Начальном своде (ПВЛ) за «побѣже съ Якуномъ, княземъ Варяжскимъ» читаем: «и Якунь ту отбѣже луды златоѣ», что не особенно последовательно в смысле гладкости изложения.

§ 171. Сходные соображения вызывает статья о походе Владимира Ярославича против греков. В своде 1448 г. она оказывается изложенною с большею подробностью, чем в ПВЛ. Особенно отличается в них начало статьи: свод 1448 г. сообщает, что морская рать Владимирова состояла из варягов и руси; на Дунае, куда направился флот, произошло несогласие между русью, желавшею высадиться на берег и идти сухим путем, и варягами, порешившими идти к Царьграду в лодьях; греки, увидев неприятеля, начали погружать в море пелены Христовы с мощами святых; Божиим гневом возмутилось море и разбило русские лоды; варяги обратились в бегство. О буре, разбившей корабли русские, в ПВЛ сообщено кратко; о руси и варягах ничего не говорится. Очевидно, перед нами два рассказа: один киевский (сохранившийся в ПВЛ), другой новгородский (сохранившийся в своде 1448 г.). Но, с одной стороны, в своде 1448 г. оказываются, наряду с текстом новгородского рассказа, вставки из ПВЛ, а с другой — в ПВЛ обнаруживаются заимствования в основной рассказ из другого источника. Так, в ПВЛ читаем в начале рассказа: «И поиде Володимеръ в лодьяхъ и придоша в Дунай, и поидоша ко Цесарюграду; и бысть буря велика, и разби корабли Руси»; не могу не признать слов «и поиде Володимеръ в лодьяхъ, и придоша в Дунай» вставкою из другого рассказа: во-первых, «и поиде Володимеръ» не согласовано с дальнейшим: «и поидоша ко Цесарюграду»; во-вторых, здесь говорится о лодьях, между тем как в дальнейшем — о кораблях; в-третьих, совершенно неясно, зачем упомянуто в ПВЛ о прибытии («и придоша») в Дунай, когда с этим прибытием не связано никаких действий и следствий (в своде 1448 г. по прибытии в Дунай начинается разногласие между варягами и русью). Итак, восстанавливая киевский рассказ о походе Владимира, возводим к нему весь текст соответствующей статьи ПВЛ, кроме приведенной выше фразы. К новгородскому рассказу возводим текст соответствующей статьи свода 1448 г., точнее, начала этой статьи, кроме, однако, сообщения о том, что воеводство было поручено Вышате, Яневу отцу (ср. об этом в ПВЛ), а также, кроме слов «и бысть буря велика» (ибо выше было: «и възмутися море и громъ бысть великъ и силенъ») и слов «и разби корабли Руси» (ср. выше: «и начаша ся лодии разбивати»). После слов «и побѣгоша Варязи вспять» свод 1448 г. следует ПВЛ, причем, однако, нас останавливают еще две вставки: после слов «прочии же вои Володимировы вывержени быша на брегъ, числом 6000» читаем «и сташа на брезѣ нази»; ниже читаем: «Вышата же воевода видѣ дружину свою стоящую и рече: не иду къ Ярославу» — этих слов нет в ПВЛ, но дальнейшее есть и в своде 1448 г., и в ПВЛ: «и высьде изъ корабля къ воемъ, и рече Вышата: азъ иду съ ними, рекъ: аще живъ буду съ ними, аще ли погибну, то съ дружиною». Итак, в своде 1448 г. два раза приведена речь Вышаты к дружине, причем первый раз он говорит, что не идет к Ярославу, а второй, что пойдет

с ними в Русь. В ПВЛ читаем: «и не идяше с ними *никтоже* отъ дружины княжее. И рече *Вышата*: азъ поиду с ними; и высъде ис корабля к ним и рече: аще живъ буду, то с ними, аще погину, то с дружиною» (курсивом набрано то, что опущено в Лаврентьевском и читается в Радзивиловском и Ипатьевском, или только в одном Ипатьевском). Лишнее в тексте свода 1448 г. объясняется, конечно, влиянием другого источника; слова «и сташа на брезъ нази» тесно связаны с предыдущим: «прочіи вои Володимеровы»; если, согласно предыдущему, возведем к новгородскому источнику «и сташа на брезъ нази», то к тому же источнику отнесем слова «прочіи же вои Володимеровы», а такое отнесение вполне согласно с тем, что слова эти находят себе соответствие в предшествующем: «и побѣгоша Варязи вспять», между тем как в киевском рассказе, насколько он восстанавливается по ПВЛ, появление слов «прочіи же вои Володимеровы» неясно. Если же мы допустим, что новгородский источник сообщал о том, что эти вои «сташа на брезъ нази» (между тем как киевский источник говорил: «и вывержени быша на брегъ числомъ 6000»), то естественно предположить, что об этих воях говорилось еще что-нибудь. Предполагаю, что о них было сказано, что они «рѣша: не идемъ отъсюду», причем это обстоятельство и побудило Владимира вернуться вспять. Составитель свода 1423 г., а может быть, еще и составитель свода 1167 г., компилируя текст новгородского рассказа с текстом ПВЛ, отнес слова «не идемъ», переделав их в «не иду», к Вышате. Возвращаясь еще раз к существованию двух рассказов о походе Владимира на греков — новгородского и киевского, отмечу, что в Новгороде могли живо интересоваться исходом похода потому, что Владимир был в то время князем новгородским; кроме того, в его рати были и варяги, шедшие, конечно, через Новгород; любопытно, что новгородец, ближайшие соплеменники которого не участвовали в походе, приписал погибель Владимировых людей Божьему гневу, причем вину неудачи отнес на счет варягов, настоявших на том, чтобы идти в лодьях. Здесь отметим, что корабль является в киевском рассказе, а лодья — в новгородском; ср. сказанное о слове «корабль» в § 56.

§ 172. Перехожу к другим, явно неновгородским известиям свода 1448 г. Под 6525 г. в своде 1448 г. (Софийский 1-й и Новгородский 4-й) читаем: «Придоша Печенѣзи къ Киеву и сѣкошася у Києва, и одва къ вечеру одолѣ Ярославъ Печенѣгомъ, и отбѣгоша посрамлени. И заложи Ярославъ великій градъ Києвъ, и Златая врата постави, и церковь святую Софію заложи». Не сомневаюсь в том, что те же известия под тем же годом находились и в своде 1167 г., ибо Синодальный список имеет следующую статью: «Въ лѣто 6525. Ярославъ иде къ Берестію. И заложена бысть святая Софія Києвъ». Таким образом, оказывается, что и в своде 1448 г., и в Синодальном списке, одинаково под 6525 г., помещаются известия, на самом деле относящиеся к другим годам: действительно, нападение печенегов на Киев и поражение их Ярославом относится к 6544 г. (ср. ПВЛ), закладка Св. Софии и города Киева — к 6545 г. (ср. ПВЛ), наконец, поход Ярослава к Берестью относится к 6530 г. (ср. ПВЛ). Все попытки наших историков оправдать 6525 (1017) г. для первых двух событий наталкиваются на непреодолимые затруднения, в особенности, когда мы сообразим, что под 6544 г. в рассказе о нападении печенегов на Киев в ПВЛ определенно сказано: «Печенѣзи приступати начаша и ступишася на мѣстѣ, идеже стоитъ нынѣ святая Софія, митрополя Русьская; бѣ бо тогда поле внѣ града»; следователь-

но, оба события — нападение печенегов в 6544 (1036) г. и закладка Св. Софии в 6545 (1037) г. — поставлены ПВЛ в известную между собою связь, и связь эта сохранена составителем Новгородского свода 1167 г., сообщившим в статье 6525 (1017) г. и о том и о другом событии. Можно думать, что в своде 1167 г. интересующие нас известия читались в следующем порядке: сначала поход на Берестье (Синодальный), потом нападение печенегов (свод 1448 г.) и, наконец, закладка Св. Софии (Синодальный и свод 1448 г.). Как же попали эти известия в свод 1167 г. под один 6525 (1017) г.? Думаю, что эти известия перенесены в свод 1167 г. из свода XI в., наличность же трех известий без ближайших хронологических определений в своде XI в. стоит в связи с отмеченным уже выше обстоятельством: Новгородский свод XI в. основывался на Древнейшем Киевском своде; можно думать, что составитель свода XI в. сокращал свой киевский оригинал начиная с княжения Ярослава, и, сокращая его, он привел подряд три приведенных нами выше известия. Составитель свода 1167 г., недоумевая, куда их отнести, и не сумев отождествить их с соответствующими известиями ПВЛ, поместил все три известия под один год. Происшедший из свода 1167 г. свод Германа Вояты, откуда Синодальный список, разрешил скопившиеся под 6525 г. известия, выпустив второе из них — о нападении печенегов на Киев. Происшедший из свода 1167 г. общерусский свод 1423 г. первое из трех известий — поход к Берестью — выпустил совсем, отождествив его с таким же известием 6530 г. (ПВЛ); таким образом, под 6525 г. остались два известия: о нападении печенегов на Киев и о закладке Св. Софии и города Киева. Сообразно с этим под 6545 г. в своде 1423 г. (и далее в своде 1448 г.) читалось: «*Свершенъ бысть градъ Кіевъ и церковь святая Софія свершена*», между тем как в ПВЛ под 6545 г.: «*заложѣ Ярославъ городъ великій... заложѣ же и церковь святѣя Софѣя*». Чтения «*свершенъ*», «*свершена*» объясняю в общерусском своде как попытку согласовать известия 6525 и 6545 гг. Из Синодального списка видно, что в своде 1167 г. под 6545 г. было чтение «*заложѣ*» (так что в Синодальном списке о закладке Св. Софии говорится два раза).¹

§ 173. Из того обстоятельства, что составитель свода XI в. поместил подряд известия 6530, 6544 и 6545 гг. своего киевского оригинала, я вывожу, что он не воспользовался ни одним из тех известий Древнейшего Киевского свода, которые попали затем в Начальный свод (и ПВЛ) и читались под 6530—6543 гг. И действительно, весьма вероятно, что новгородский сводчик не воспользовался в своем рассказе киевским сообщением о Лиственской битве (ср. выше § 169¹), киевским сообщением о походе Владимира на греков и умолчал, например, о знамении на небеси, о смерти Мстислава и сына его Евстафия.

Отмечу еще, что в своде 1448 г. два раза сообщено о победе Ярослава над Брячиславом; первый раз под 6528 г. кратко: «*побѣди Ярославъ Брячислава*» (Новгородская 4-я и Софийская 1-я); второй раз под 6529 г. подробно (см. § 167). Думаю, что и в своде 1423 г. было такое же двойное упоминание (см. § 177), и так же в Новгородском своде 1167 г. и далее в своде XI в.; в последнем первое известие восходило бы к Древнейшему своду, а вторая статья была бы новгородского происхождения.

¹ Новгородская 1-я младшего извода (Комиссионный и Академический) под влиянием свода 1448 г. приписала под 6545 г. к словам «и церковь святѣя Софѣя» — «сверши».

Других новгородских статей, в которых были бы заметны отличия в тексте свода 1448 г. от текста ПВЛ, я указать не могу. Оставляю в стороне заимствования, сделанные в свод из нелетописных источников (хронографов и житий святых). Заимствования из Жития Антония рассмотрим отдельно ниже.

Впрочем, не считаю возможным умолчать об одном еще отличии в своде 1448 г., а именно в нем, в первом рассказе о мести Ольги (под 6453 г.), вставлено число 50 для указания, сколько нарочитых мужей было прислано древлянами за Ольгой в Киев.¹ Думаю, что вставка эта восходит опять-таки к своду 1167 г., а в этот свод она попала из второй редакции ПВЛ; составитель второй редакции, вообще знакомый с народными сказаниями, вставил из устного варианта сказания о мести Ольги это число 50.

§ 174. Отдельно должна быть рассмотрена прибавка имени Кирилла при словах: «Посемъ же прислаша Греци къ Владимиру философа *Кирилла*». Выше, в § 107, было указано, почему имя Кирилла вероятно возводить к Древнейшему Киевскому своду, заимствовавшему эпизод о прибытии философа к Владимиру из рассказа о крещении болгарского князя Бориса. ПВЛ и еще раньше Начальный свод опустили имя Кирилла ввиду явного анахронизма: составителю Начального свода было известно из Хронографа, что Кирилл и Мефодий перевели греческие священные книги на славянский язык в 6363 (855) г. (ср. § 68). Что имя Кирилл читалось в своде 1423 г., видно из свода 1448 г. (Софийский 1-й и Новгородский 4-й); попасть в свод 1423 г. оно могло или из нелетописного источника, или из свода 1167 г.; допустить первое совершенно невероятно: ни в одном хронографе, ни в житии не могло быть подобного анахронизма. Допустив же, что имя Кирилла заимствовано из свода 1167 г., мы должны будем возвести его и дальше — к своду XI в., так как свод 1167 г. основывался на второй редакции ПВЛ (где не было Кирилла) и на Новгородском своде XI в. В своде XI в. имя Кирилла попало, конечно, из Древнейшего Киевского свода, ибо все неновгородское почерпнуто им оттуда.

ГЛАВА X

ДАННЫЕ ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПЕРВОГО НОВГОРОДСКОГО СВОДА XI в. ОБЩЕРУССКИЙ СВОД 1423 г. И ОБЩЕРУССКИЙ СВОД НАЧАЛА XIV в.

1

§ 175. В предшествующей главе мы рассмотрели те данные для восстановления Новгородского свода XI в., которые извлекаются из Новгородского свода 1448 г., причем отметили, что этот свод 1448 г. ведет нас

¹ Ср. это число в Софийской 1-й (V, 103); в Новгородской 4-й его нет, но Новгородская 4-я вообще переработана по тексту ПВЛ; что то же число 50 было в своде 1423 г., доказывает Хронограф.

к общерусскому своду 1423 г. Все интересовавшее нас в своде 1448 г. в качестве заимствования из Новгородского свода XI в. восходит к своду 1423 г., который представляет соединение текста ПВЛ по московско-суздальскому изводу с Новгородским сводом 1167 г. В настоящей главе представим доказательства для выставленного в главе VIII положения о том, что общерусский свод 1423 г. содержал заимствования из Новгородского свода 1167 г. и что заимствования из последнего проникли в свод 1448 г. путем именно свода 1423 г. Мы именно можем указать на несколько памятников, непосредственно восходящих к своду 1423 г.: в них оказываются те самые новгородские статьи и известия, которые вошли в состав свода 1448 г. Укажем эти памятники и извлечем из них все, что относится к нашей задаче, — восстановить Новгородский свод XI в.

§ 176. Отношу сюда прежде всего Хронограф. Неуместно было бы здесь предложить исследование о происхождении этого памятника, дошедшего до нас в редакции 1512 г. В другом месте я указал на те основания, которые мы имеем для отнесения первоначальной редакции Хронографа, вышедшей из-под пера Пахомия Сербина, к 1442 г.¹ Русская часть Хронографа, как известно, весьма кратко передающая события русской истории, вряд ли составлена на основании многих, даже двух-трех источников. Гораздо вероятнее предположить (ввиду именно ее краткости), что она извлечена из одного только летописного памятника. Памятник этот был несомненно сходен со сводом 1448 г., о котором мы говорили выше; доказывается это тем, что большинство известий Хронографа находит себе соответствие в Софийской 1-й и Новгородской 4-й, не в одной из обеих этих летописей, а в обеих вместе. Но что оригиналом, откуда извлечена Пахომием русская часть Хронографа, не был свод 1448 г., видно как из того, что этот свод моложе Хронографа, так и из того, что многие известия Хронографа не отыскиваются ни в Софийской 1-й, ни в Новгородской 4-й, не отыскивались, следовательно, и в своде 1448 г.² Ввиду этого я считаю необходимым возвести все содержание русской части Хронографа к первоисточнику свода 1448 г., а именно к общерусскому митрополичьему своду 1423 г., дополненному погодными записями до 1442 г. Приведу известия Хронографа, не находящие себе соответствия в тексте ПВЛ и не могущие быть возведенными к нелетописным источникам общерусского свода (к житиям, древнейшим хронографам и т. п.). Известия эти окажутся в большинстве случаев тождественными с теми, которые отмечены нами выше по своду 1448 г.; источником их, что видно и из их содержания, является в большинстве случаев новгородская летопись. Таким образом, Хронограф, как и свод 1448 г., ведет нас к восстановлению общерусского свода 1423 г. и дальше — одного из источников этого свода — Новгородского свода 1167 г.

§ 177. Отметим фактические отличия Хронографа от ПВЛ. В начале читаем о словенах, пришедших с Дуная к озеру Илмерю: «и создаша градъ и нарекоша и Новъградъ и посадиша старѣйшину Гостомысла». Ср. то же в своде 1448 г.; восходит к Новгородскому своду 1167 г. (§ 160).

¹ К вопросу о происхождении Хронографа // Сборник ОРЯС. 1899.

² Укажу для примера известие в рассказе о крещении Руси: «взять перваго митрополита Михаила».

В сообщении о мести Ольги сказано: «и потомъ послаша по нея 50 мужей». Ср. то же в своде 1448 г.; восходит к Новгородскому своду 1167 г. (§ 173).

Под 6480 г. в сообщении о смерти Святослава прибавлено: «а всѣхъ поживе 30». В своде 1448 г. нет этого известия и нет года рождения Святослава. Но в списке Царского Софийской 1-й летописи, восходящем к своду, сокращенному из общерусского свода, а также в Ипатьевской летописи, рождение Святослава показано под 6450 г.

Под 6481 г. читаем: «воевода же у Ярополка Блудъ». Ср. ту же фразу под тем же годом в своде 1448 г. Этой фразы нет в ПВЛ, но она была, судя по Комиссионному и другим спискам Новгородской 1-й, в Начальном своде. Следовательно, она могла быть и в Древнейшем летописном своде и перейти из него в Новгородский свод XI в. и далее в Новгородский свод 1167 г.

Под 6498 г. читаем о крещении Владимиром Смоленской земли и поставлении Владимира на реке Клязьме. Ср. те же известия в своде 1448 г.; восходят к общерусскому своду и далее к ростовскому или суздальскому источнику этого свода.¹

Под 6525 г. читаем: «придоша Печенѣзи къ Кіеву и одолѣ имъ Ярославъ. Того же лѣта заложи Ярославъ градъ Кіевъ болѣ перваго, и Златая врата и церковь святую Софію». Ср. те же известия в своде 1448 г.; восходят, как мы видели, к общерусскому своду и далее к Новгородскому своду 1167 г., а в конце концов к своду XI в. (§ 172).

Под 6528 г.: «Того же лѣта побѣди Ярославъ Брячислава». Под следующим годом то же известие. Ср. то же в своде 1448 г.; восходит в конце концов к своду XI в. (§ 173).

Под 6529 г. в конце: «потомъ же смирися (Брячислав) съ Ярославомъ». Ср. то же в своде 1448 г.; в статье 6529 г.: «и отътоль призва къ себѣ Брячислава... и рече ему: буди же со мною заодинъ» (§ 164).

Под 6545 г.: «совершенъ бысть градъ Кіевъ и святая церкви Софья Премудрость Божія». Ср. слово «совершенъ» и в своде 1448 г.; в общерусском своде оно возникло в соответствии со словом «заложень» под 6525 г. (§ 172).

Под 6553 г. к известию о закладке Владимиром Ярославичем церкви Св. Софии в Новгороде прибавлено: «камену». Этой прибавки нет в своде 1448 г. (который, по-видимому, следует здесь Софийскому временнику, а Софийский временник следует Синодальному списку), но «камену» читалось, очевидно, в общерусском своде 1423 г. и может восходить в конце концов и к своду XI в.

Под 6558 г.: «священа бысть (Св. Софія) архіепископомъ Лукою на Воздвиженіе честнаго креста». Ср. то же в своде 1448 г.; восходит в конце концов к своду XI в. (§ 167).

Под 6560 г.: указан день 4 октября в сообщении о кончине Владимира Ярославича. Ср. то же в своде 1448 г.; восходит в конце концов к своду XI в. (§ 167).

Под тем же годом читаем: «преподобный Антоній нача ставити манастирь Печерскій въ Кіевъ при великомъ князѣ Ярославъ». Ср. то же в своде 1448 г.; восходит путем свода 1423 г. к Житию Антония (ср. ниже § 191¹⁹).

¹ Чтение «Смоленская земля», вероятно, древнее, чем «Словенская» (как в своде 1448 г.); быть может, здесь сказался смоленский источник.

Под 6565 г.: «Въ то же время бысть преподобный игумень Θεодосій». Ср. то же в своде 1448 г.; восходит путем свода 1423 г. к Житию Антония (ср. ниже § 191¹⁹).

Под 6569 г.: «поставленъ бысть Новугороду архіепископъ Стефанъ». Ср. то же в своде 1448 г.; восходит в конце концов к своду XI в. (§ 167).

Под 6575 г.: «сей (Всеслав) пограби Великій Новъгородъ до Неревскаго конца и соборную церковь Соію пограби, все драгое и поникадила и колоколы». Ср. то же в своде 1448 г.; восходит в конце концов к своду XI в. (§ 168).

Под 6579 г.: указано, что в Новгороде во время мятежа, произведенного волхвом, архиепископом был Феодор: «тогда же бысть архіепископъ Θεодоръ».¹ Ср. то же в своде 1448 г.; восходит, вероятно, к своду 1167 г.

§ 178. К общерусскому своду 1423 г. восходит, по-видимому, и текст обширной и весьма, по-видимому, распространенной в XV в. компиляции, восстанавливаемой по следующим памятникам: а) протографу Ермолинской и Уваровской № 188 летописи, к которому примыкает и сокращенный список Кирилло-Белозерский; б) Львовской (известной по печатному изданию и списку Императорской Публичной библиотеки); в) Тверском сборнику (ПСРЛ. Т. XV); г) протографу Погодинского списка № 2036 и № 1409; д) Новгородской 5-й, местами исправившей по ней свой текст. Скажу несколько слов о каждом из этих памятников в отдельности (Новгородскую 5-ю оставляю в стороне).

а) Не подлежит сомнению, что Ермолинская и Уваровская восходят к одному оригиналу; обе летописи весьма близко сходны между собою до 6925 (1417) г. включительно; за общими известиями с Уваровской в Ермолинской вслед за 6925 г. идет статья 6926 (1418) г., затем перерыв до 6933 (1425) г.; в Уваровской за общими известиями с Ермолинской следует, начиная с 6925 г., текст, общий с Московским сводом (восстанавливаемым по Эрмитажному № 4166, Типографской, Воскресенской, Ростовской и другим сходным летописям). Наличие в Уваровской и Ермолинской под 6904 (1396) г. перечня владык ростовских, причем в Уваровской перечень доведен до Трифона (1462—1467), а в Ермолинской — до Вассиана (1467—1481), делает вероятным, что общий протограф обеих летописей по происхождению своему был Ростовским владычным сводом; это подтверждается и другими данными, о которых мы не будем здесь распространяться. Кирилло-Белозерский список (хранящийся в Императорской Археографической комиссии) сходен преимущественно с Уваровскою до 6523 (1015) г., года смерти Владимира, а потом представляет краткое извлечение из текста, сходного с Уваровской, продолжая, однако, летопись и дальше 7026 (1518) г., на котором прерывается Уваровская. В настоящее время Императорской Археографической комиссией подготавливается издание Ермолинской летописи с вариантами по Уваровской и Кирилло-Белозерскому списку.

б) Львовская летопись, весьма сложная по своему составу, доходила в первоначальной своей редакции только до 1518 г., как можно думать на основании этого, что только до этого года доходят заимствования из нее, сделанные в древнейший (дефектный) список Софийской 2-й летописи (Архивский, см.: ПСРЛ. Т. VI). В числе источников Львовская летопись имела: Московский свод (о котором мы только что упомянули), Суздальскую летопись, весьма сходную с Радзивиловскою, а также и

¹ В известном разряде списков ошибочно прибавлено: «въ Ростовъ».

Новгородскую 1-ю младшего извода (из нее заимствован, например, конец статьи 6496 г. и статьи 6496 г. о крещении Новгорода, а также 6499 и 6500 гг.). Одним из источников была и исследуемая компиляция, чем объясняется сходство с нею на значительном протяжении. Местами сходство переходит в тождество (например, под 6532—6578 гг.).

в) Еще сложнее Тверской сборник — говорю о первой части его, доведенной до 1255 г. (последнее известие: «даша посадничство Михаилу Степановичу»; ПСРЛ. Т. XV. С. 400). Кроме исследуемой компиляции, он руководствовался еще Новгородскою 1-ю летописью, одною из редакций Софийской 1-й летописи, Суздальскою летописью, сходною с Радзивилловскою, и др. Но заимствованиям их общего источника с Ермолинскою и Львовскою отведено весьма значительное место. Имея в виду ростовские известия Тверского сборника под 6499 г. (XV, 115), 6498 г. (XV, 115), а также некоторые другие данные, признаю, что и Тверской сборник дает основания признать исследуемую компиляцию ростовскою по происхождению.

г) Погодинские № 2036 и № 1409 восходят, несомненно, к общему оригиналу; первый из этих списков прерывается на 1396 г., а № 1409 доходит до 1494 г. Этот общий их оригинал составлен на основании как исследуемой нами компиляции, так и нескольких других источников: назовем Хронограф и Московский свод. Близость к Ермолинской, Львовской, Тверской обнаруживается в каждой статье и может быть объяснена только наличностью общего источника.¹ Сокращенный Московский свод 1494 г., как мы условно можем назвать протограф обоих Погодинских списков, весьма важен в истории нашего летописания тем, что по нему дополнен список Царского Софийской 1-й летописи, а также и потому, что он вошел в состав Архангелогородской летописи.

§ 179. Ввиду указаний Ермолинской, Уваровской летописей, а также Тверского сборника я признаю исследуемую компиляцию составленною в Ростове и условно называю ее Ростовскою. Не входя здесь в подробную историю ее возникновения и отношения к ней названных выше памятников, ставлю вопрос об источниках Ростовской компиляции XV в. Для решения его укажем, во-первых, на близость ее к тексту Софийской 1-й и Новгородской 4-й, причем, однако, ее нельзя возвести ни к той, ни к другой летописи. Так, например, под 6621 г. в этой компиляции читалось: «Того же лѣта Мѣстиславъ Володимеричъ заложи въ Новѣгородѣ церковь святаго Николы на торговищи, на княжи дворѣ»;² в Софийской 1-й летописи нет этого известия, в Новгородской 4-й оно есть, но слов «на торговищи» в ней нет (в Новгородской 1-й нет слов «на торговищи на княжи дворѣ»). Следовательно, надо, во всяком случае, отказаться от мысли возвести Ростовскую компиляцию к Софийской 1-й. Ввиду только что указанной статьи сомнительно, чтобы она восходила и к Новгородской 4-й. Впрочем, это опровергается рядом других указаний; так, например, в Ростовской компиляции под 6544 г. сообща-

¹ Например, под 6420 г.: «оумре Олегъ оуядень скоропіею изъ главы коня своего, княживъ лѣтъ 33»; ср. то же в Уваровской: «въ осени умре Олегъ, уядень скоропіею изъ главы коня своего, княживъ лѣтъ 33». Под 6488 г.: «и оуби Роговолода и сына его Давыда»; ср. то же в Львовской: «и уби Роговолода и сына его Давида». Под 6579 г.: «выимающе жито изъ закожія»; ср. то же в Тверской и Ермолинской. Под 6415 г.: «дабы не воевалъ гражанъ (и по) пристанищемъ»; ср. то же в Тверской и Львовской и т. д.

² Ермолинская, Уваровская, Львовская, Тверская летописи.

лось в начале статьи о рождении Вячеслава,¹ в Новгородской 4-й и Софийской 1-й нет этого известия; также нет в них известия о рождении Изяслава, помещенного в Ростовской компиляции в конце 6532 г.² и т. д. Кажется, можно, ввиду подобных данных, усомниться в том, чтобы Ростовская компиляция восходила к своду 1448 г., общему оригиналу Софийской 1-й и Новгородской 4-й. Можно бы, конечно, предположить, что Ростовская компиляция имела в числе одного из своих источников или свод 1448 г., или Софийскую 1-ю, или Новгородскую 4-ю и дополняла этот свой источник по другим, но не очень вероятно, чтобы она пользовалась для дополнений и неновгородским источником (рождение сыновей Ярослава), и новгородским (прибавка «на торговищи»). Ввиду этого более вероятным представляется мне предположение, что составитель Ростовской компиляции имел общий источник со сводом 1448 г. (откуда Софийская 1-я и Новгородская 4-я), а общим источником мог быть общерусский свод 1423 г.

Во-вторых, укажем, что к числу наиболее характерных отличий Ростовской компиляции от свода 1448 г. относится присутствие в ней заимствований их хронографов (типа Еллинского летописца).³ Имея в виду что, по указанию свода 1448 г. (ср. выше), дополнению по хронографу типа Еллинского летописца подвергся именно общерусский свод 1423 г., видим в этих отличиях Ростовской компиляции от свода 1448 г. доказательство в пользу происхождения компиляции именно из свода 1423 г.⁴

§ 180. Итак, мы возводим Ростовскую компиляцию XV в. к общерусскому своду 1423 г. Ввиду этого с полной вероятностью ведем содержащиеся в ней новгородские известия к своду 1167 г. (источнику общерусского свода 1423 г.). Перечислим эти известия.

В начале, в вводной статье: «и старѣйшину Гостомысла поставиша» (Львовская, Ермолинская, Погодинская и др.).⁵ Под 6499 г. о крещении Новгорода (Ермолинская); под 6529 г. дополнение в статье о войне Ярослава с Брячиславом (Ермолинская, Львовская и др.); под 6569 г. о по-

¹ Там же.

² Ермолинская, Уваровская, Львовская, Тверская, список Царского Софийской 1-й; Погодинский (6533 г.).

³ Ср. под 6374 г. прибавку «Ориѣнта въ Костентине граде остави» (Львовская, Тверская) и замену слов «также и святую ризу... съ пѣснями изнесше съ плачемъ и омочи въ рѣцѣ» словами «ризу съ пѣснями изнесше въ море скутъ омочивше» (Львовская, Тверская, XV, 32, примеч. 7; «омочи въ море» Ермолинской; «въ морѣ» вместо «въ рѣцѣ» список Царского). Под тем же годом прибавлено: «нѣкоторому же князю Скуфянину Влахерну нарицаему идушу, ту ему избиену бывшу» (Львовская и Тверская). Под 6421 г.: «Въ то же время приде Семіонъ царь Болгарскій на Царьградъ и сотворивъ миръ, иде во свояси» (Львовская и Тверская). Под 6376 г. прибавка «Макидонянинъ» к имени царя Василия при известии о его воцарении (Ермолинская, список Царского Софийской 1-й, также Тверская, где все известие изложено подробнее). Ср. еще хронографические известия, сохранившиеся в одной Тверской: под 6394 г. точное указание на продолжительность царствования Леона и Александра, под 6450 г. известие о перенесении пояса Пречистой Богородицы, под 6428 г. прибавку к имени царя Романа его прозвания «неудръжимъ» (ἀβάστακτος) и др. Приведем еще вставку в статью 6415 г. после слов «замкоша съсудъ» — «сирѣчь пропяша чѣпь протяжную отъ Галаты до Лахернскія церкви» (Тверская, в Львовской короче: «рекше чѣпь пропяша отъ Лахерныя церкви»; в Ермолинской еще короче: «Греци же перепяша по морю чепи»).

⁴ Свод 1448 г. выпустил некоторые из хронографических дополнений свода 1423 г. (например, под 6374 г.) под влиянием третьего своего источника (вторым был Софийский временник), содержащего в начале ПВЛ по суздальскому изводу.

⁵ Ср. то же в своде 1448 г. (§ 160, 161, 173, 167, 168, 177).

ставлении Стефана владыки (Ермолинская, Львовская); под 6575 г. о нападении Всеслава на Новгород (Ермолинская, Львовская); под 6579 г. вставка имени архиепископа Феодора (Ермолинская, Львовская); под 6586 г. о поставлении владыки Германа (Ермолинская, Львовская). Сюда же отнесем неясную прибавку под 6569 г. к известию о поставлении Стефана владыки: «а въ Новѣгородѣ лѣта того еще князь Ростиславъ Владимировичъ» (Тверская);¹ прибавку под 6596 г. после известия «Святополкъ иде изъ Новогорода къ Турову на княженіе» — «а въ Новѣгородѣ съде Давыдъ Святославичъ» (Тверская, Львовская, Ермолинская); под 6585 г. прибавку к известию о кончине новгородского архиепископа Феодора: «уядень отъ своего пса, бывъ на архіепископїи 9 лѣтъ» (Тверская).

Особенного внимания заслуживает еще следующее чтение Ростовской компиляции, засвидетельствованное, впрочем, не всеми происшедшими от нее сводами, а только Уваровской летописью (и Кирилло-Белозерским списком). Под 6391 г. в рассказе об Олеге сообщено: «И дань устави по всеи земли: с Новагорода по 300 гривенъ, иже и донынѣ даютъ».² Думаю, что это чтение восходит путем свода 1423 г. к Новгородскому своду XI в.

Если допустим, что Тверской сборник в числе источников имел Софийскую 1-ю летопись в редакции именно списков Карамзина и Оболенского, то другие новгородские известия Тверского сборника, не находящие себе соответствия в Львовской и Ермолинской, можно возвести к этому источнику.³

§ 181. Кроме новгородских известий, из свода 1167 г. заимствованы были в своде 1423 г. и некоторые неновгородские известия. Ввиду данных нами уже выше (§ 172 и 173) указаний относим сюда: под 6525 г. известие о нападении печенегов на Киев и закладке Ярославом города Киева («больши градъ Кіевъ») и Св. Софии *каменной* (Львовская, Тверская, Погодинская, Ермолинская); под 6528 г. о победе Ярослава над Брячиславом (Ермолинская, Львовская, Тверская); под 6568 г. прибавку «и раздѣлиша Смоленскъ на три части» (Ермолинская, Львовская, Тверская) после сообщения о смерти Игоря Ярославича (в своде 1448 г. эта прибавка попала по ошибке под 6562 г., см. § 173). Под 6545 г. выражение «свершень» о граде Киеве и о Св. Софии вместо «заложень» (Ермолинская, Львовская, Тверская) явилось в своде 1423 г. под влиянием известий 6525 г., заимствованных из свода 1167 г.

Ввиду этого позволительно поставить вопрос, не следует ли возвести к интересующим нас первоисточникам еще несколько известий неновгородских, читавшихся в Ростовской компиляции и ее источнике — общерусском своде 1423 г.?

Относительно ряда дополнений Ростовской компиляции решительно отвергаем возможность того, что они были уже в тех двух источниках,

¹ Мы не решаемся возвести этого к Новгородскому своду XI в., так как в перечне новгородских князей Ростислав не значится князем.

² Ермолинская опустила слова «иже и донынѣ даютъ». В Львовской под влиянием других источников, как в ПВЛ: «300 гривенъ на лѣто мира дѣля, еже и до смерти Ярославли даяше Варягомъ». Сходно и также под влиянием других источников в Тверской. Что в Ростовской компиляции читалось именно так, как в Уваровской, я заключаю еще из Новгородской 5-й, исправившей чтение Новгородской 4-й: «еже не даютъ» на «еже нынѣ не даютъ». Поправка «еже не даютъ» принадлежит составителю Софийского временника (ср. § 206⁸).

³ Например, об освящении Св. Софии в 6558 г.; о пожаре Св. Софии в 6557 г.; об оклеветании владыки Луки Дудикой в 6563 г.; о кончине Луки в 6568 г.; о битве с Всеславом на Гзени 23 октября в 6 часов дня в 6577 г. и др.

на которых основывались древние чтения и известия общерусского свода 1423 г. Мы видели, что свод 1423 г. пополнялся за счет житий святых и сказаний. Так, например, надпись на чаше, сделанной из черепа Святослава («чюжихъ желая, своя погуби» в Уваровской; «чюжихъ ища, своя погубихъ» в Ермолинской; «чюжимъ паче силы жалая и свояси погуби за премногую несытость его» в Львовской), принадлежит, конечно, одному из нелетописных источников свода 1423 г.; также приписка при имени Рогнеды под 6488 г.: «та же убити его хотъ, ножемъ заръзати» (Львовская, Тверская, Уваровская, Ермолинская) ведет нас к известной легенде (помещенной, между прочим, в конечной части своей в Тверской под 6496 г.). Не повторяю сделанных уже выше указаний относительно тех известий, которые, кроме Ростовской компиляции, имеются еще в своде 1448 г.

§ 182. Отвергая значение большей части неновгородских известий Ростовской компиляции для восстановления первоисточников общерусского свода, останавливаемся, однако, на следующих трех чтениях этой компиляции. Во-первых, под 6485 г. читаем в обращении Ярополка к Свенельду над трупом Олега Святославича: «яжь, егоже еси хотѣль» (Львовская, Ермолинская); то же читаем в своде 1448 г. (Софийская 1-я), между тем как в ПВЛ «вижь», «виждь»; чтение «яжь» в своде 1448 г. может восходить как к общерусскому своду 1423 г., так и к Софийскому временнику, где, по свидетельству Новгородской 1-й, читалось тоже «яжь» (откуда видно, что так же читалось в Начальном своде). Ростовская компиляция доказывает, что и в своде 1423 г. читалось «яжь», а это свидетельствует о том, что «яжь» заимствовано в этот свод из Новгородского свода 1167 г. и дальше из Древнейшего Киевского свода (путем Новгородского свода XI в.). Во-вторых, под 6481 г., после известия о вокняжении Ярополка, в Ростовской компиляции было прибавлено: «воевода же бѣ у него Блудъ» (Уваровская);¹ мы уже видели выше, что Хронограф дает основание думать, что такое же чтение было в своде 1423 г., причем и оно в конце концов восходит к Древнейшему летописному своду (оно сохранилось и в Начальном своде, но опущено в ПВЛ).

§ 183. Приведенное выше (§ 180) чтение Ростовской компиляции «иже нынѣ дають» представляет еще тот интерес, что ему соответствует такое же чтение в Никоновской летописи: «а отъ Новагорода триста гривень на лѣто мира дѣля, еже и нынѣ дають». Откуда заимствовано это чтение Никоновской летописи?

Сложная по составу своему Никоновская летопись имела в числе источников и Ростовскую компиляцию. Это доказывается, например, следующими данными. На значительном протяжении (едва ли не до середины XI в.) источником Никоновской летописи является Хронографический список Новгородской 5-й, дополненный, как известно, на полях и над строками по другим неизвестным (частью баснословным) источникам.² И вот в тексте Никоновской летописи, восходящем к Новгородской 5-й, находим места чтения, заимствованные, по свидетельству Львовской, Тверской и др., из Ростовской компиляции. Так, под

¹ А Ермолинская прибавляет еще: «а други Свѣнтегдъ».

² Укажу для примера статью 6471 г.; в Никоновской читаем: «конину или звѣрину или инаа» (в ПВЛ: «конину ли, звѣрину ли или говядину»); ср. в Хронографическом списке: «конину или звѣрину или инная», причем «инная» читается на месте соскобленного «грядину», как в прочих списках Новгородский 5-й (и Новгородский 4-й). Очевидно, Никоновская заимствовала текст Хронографического списка уже после внесения в него указанной поправки.

6455 г. слова «сына своего оставивши въ Кіевѣ и нача уставляти» (в Хронографическом списке: «и устави»), «и до сего дне», «Русстѣй и Новѣгородстѣй», «и нынѣ», «у Кіева близъ на Деснѣ» не находят себе соответствия в Хронографическом списке; все они (но вместо «Русстѣй и Новѣгородстѣй» только «Рустей») оказываются заимствованными из Ростовской компиляции (ср. Львовская, Тверская, отчасти Погодинская). Под 6463 г. в словах «челядь и воскъ и бѣлку скору» «бѣлку» заимствовано отсюда же (Львовская, Погодинская). Далее отмечаем близкое сходство Никоновской со Львовскою и др. в изложении событий XII в. Можно указать ряд мест, отличающих Никоновскую от Воскресенской и Лаврентьевской и находящих себе соответствие в Львовской и Тверской. Поэтому я не колеблясь возвожу чтение Никоновской летописи «еже и нынѣ дають» к Ростовской компиляции.

§ 184. Под 6525 г. мы читаем в Никоновской, согласно с Ростовской компиляцией, следующее: «Того же лѣта заложи Ярославъ градъ Кіевъ, болѣ прѣваго, и Златаа врата постави, и церковь святѣа Софіи заложи». А затем находим: «и много церквей постави и безъ числа имѣніа раздаа нищимъ; бѣ бо Ярославъ, якоже и отецъ его, христоролюбивъ и нищелюбивъ и всегда умъ свой няпоая божественными писаніи» (далее следует сообщение об освобождении Ярославом Кіева, осажденного печенегами). Приведенные слова находят себе соответствие в Львовской, где читаем под 6525 г., после известия о закладке Св. Софии: «и въ митрополіи многи церкви постави. По семъ нача вѣра крестьяньская и простиратися въ Руской земли. Того же лѣта прииде Антоней изъ Царьграда и съ нимъ ти певцы въ печеру». Замечу, что в Ермолинской под 6560 г., согласно со сводом 1448 г., читаем: «Того же лѣта прииде изъ Святѣа Горы Антонии и нача жыти в пещере, юже преже ископа Ларионъ, иже митрополить; а в Кіевъ прішли три пѣвцы изъ Грекъ с роды своими». Ввиду того что слова «и съ нимъ ти певцы въ печеру» читаются только в одном из обоих списков Львовской летописи, я признаю вероятным, что в Ростовской компиляции под 6525 г. сообщалось только о прибытии Антония из Царьграда. Как известно, Житие Антония сообщает о двух путешествиях Антония; не отразилось ли это и в тексте общерусского свода 1423 г., пользовавшегося этим житием? Под 6525 г. в нем было занесено о прибытии Антония из Царьграда, а под 6560 г. — о прибытии его из Святой Горы. Понятно, что список Публичной библиотеки Львовской летописи соединил оба известия в одно и перенес сообщение 6560 г. в статью 6525 г. Это соображение делает вероятным, что сообщения об уставлении митрополии (вместо «и въ митрополіи» следует читать: «и устави митрополію»), о построении многих церквей, о расширении веры христианской при Ярославе читались в своде 1423 г. под 6525 г. (те же известия читались и под 6545 г. под влиянием ПВЛ; в своде 1448 г. они читаются только под 6545 г.). Такую особенность свода 1423 г. я могу объяснить только предположением, что все это читалось под 6525 г. в Новгородском своде 1167 г., который, в свою очередь, руководился сводом XI в. (ср. сказанное выше, § 172). Свод XI в. повторял при этом ту статью Древнейшего свода, которая в Начальном своде попала под 6545 г.¹

¹ В своде, послужившем общим источником для Архангелогородской летописи и летописи Авраамки, эти сообщения читались, как и в своде 1448 г., под 6545 г. Но перенося их под 6545 г., сводчик перенес вместе с ними и известие о прибытии Антония из Царьграда, а это привело к прибавке о прибытии к Антонию трех певцов из Греции.

Может ли дать Никоновская летопись еще какие-нибудь данные для восстановления древнейших сводов? Сомневаюсь в том, чтобы подобных данных было много. Но кое-что с вероятностью возводим к источнику Никоновской — Ростовской компиляции и далее к своду 1423 г. и его источнику — Новгородскому своду 1167 г. Такова, например, под 6563 и 6565 гг. прибавка к имени Дудики, клеветника епископа Луки, имен еще двух клеветников его, Козмы и Дамиана. Не читалось ли в Новгородском своде 1167 г. (и еще раньше в своде XI в.): «и осуди и митрополить Ефремъ на Козму и Даміана», т. е. 1 ноября? Переделка «по Дудикинымъ рѣчемъ и злыхъ его друговъ Демьяна и Козмы клеветамъ» может принадлежать или составителю свода 1423 г., или составителю Никоновской летописи, скорее последнему.

2

§ 184¹. Мы говорили в предшествующем исследовании (§ 145—184) об общерусском своде XV в., составленном, как можно думать, в 1423 г. при митрополите Фотии. К нему восходят: свод 1448 г. (Софийская 1-я и Новгородская 4-я), Хронограф, Ростовская компиляция XV в. Таким образом, появление митрополичьего свода в 1423 г. дало направление всему летописанию XV в. Этому митрополичьему своду предшествовали другие общерусские своды, имевшие несомненно такое же влияние на старшее летописание. С уверенностью можем говорить об общерусском своде начала XIV в., составленном, очевидно, по приказанию митрополита Петра. К представлению о таком своде ведет, между прочим, и Лаврентьевская летопись. В части до середины XIII в. Лаврентьевская летопись представляется Ростовским летописным сводом; причем, однако, в этом своде резко отличались древнейшая часть (Владимирский свод, доведенный до 1185 г.) и позднейшая (Ростовская летопись, от 1206 до 1262 г.). Но кроме Ростовского свода, Лаврентьевская руководствовалась еще Переяславскою летописью; отсюда ее близкое сходство с дошедшим до нас списком летописи Переяславля Суздальского, а также с Радзивилловскою летописью: из нее заимствованы известия 1185—1205 гг., а также некоторые поправки в части до 1185 г. Наконец, третьим источником Лаврентьевской летописи признаем общерусский летописный свод, доведенный до 1305 г.: из него сделано несколько заимствований в части до 1205 г.; в части же от 1206 до 1305 г. к нему возводим все то, что не имеет явного ростовского характера. Итак, к общерусскому своду возводим южнорусские известия (например, 1206, 1207, 1221, 1240, 1241 гг. и др.), черниговские (1283 и 1284 гг.), владимирские (1206, 1207 гг. и т. д.), рязанские (например, 1217, 1258, 1300 гг.), смоленские (1285, 1300 гг.), тверские (1285, 1294, 1295, 1296, 1297, 1298 гг. и др.), новгородские и др. Наличие подобных известий в общерусском своде начала XIV в. может быть объяснена только так, что составителю этого свода были доступны местные летописи — владимирская, черниговская, тверская, смоленская и т. д. Пользование Новгородскою летописью доказывается следующими, например, известиями: под 6808 г. читаем о новгородском пожаре, ср. сходное известие в Новгородской 1-й под 6807 г.; под 6809 г. — о поставлении епископа Феоктиста, ср. сходное известие в Новгородской 1-й под 6808 г.; под 6810 г. — о взятии немецкого городка на Неве, ср. сходное известие в Новгородской 1-й под 6809 г.; под 6808 г. — о кончине епископа Кли-

мента, ср. сходное известие в Новгородской 1-й под 6807 г.; под 6802 г. — о прибытии великого князя Андрея в Новгород, ср. сходное известие в Новгородской 1-й под 6801 г.

§ 184². Пользование составителем общерусского свода начала XIV в. Новгородскою летописью представляет для нас в настоящее время тот интерес, что эта летопись была, конечно, тождественна с Новгородским владычным сводом, положившим, как мы знаем, в свое основание свод 1167 г., который, в свою очередь, имел главным источником Новгородский свод XI в. Правда, мы не можем искать в Лаврентьевской летописи данных, которые бы могли служить восстановлению свода 1167 г., ибо пользование общерусским сводом со стороны составителя Лаврентьевской летописи более или менее определенно можно установить только с 1193 г.¹ Но под 6636 (1128) г. находим в Лаврентьевской статью, восходящую, как видно из ее содержания, к древней летописи, и притом, можно думать, именно к Новгородской, ибо древняя Киевская летопись нам так или иначе известна по ПВЛ. Статья эта начинается словами: «О сихъ же Всеславичихъ сиче есть, яко сказаша въдушии прежде». Отметим прежде всего, что помещение ее в Лаврентьевскую под 1128 г. представляется непонятным. Правда, в начале года сообщено: «Преставися князь Полотський Борисъ», но не могла же смерть этого Всеславича дать основание составителю Лаврентьевской предложить рассказ о Всеславичах, смысл которого — объяснить, почему потомки Рогволода взимают меч «противу Ярославимъ внукомъ». В Воскресенской летописи этот рассказ помещен под тем же 6636 г., причем подогнан к известию: «Того же лѣта преставися Борисъ князь Всеславичъ»; с этой целью последнее известие переставлено с начала года на четвертое место. Но такое тесное соединение двух известий скорее можно понять как стремление составителя Воскресенской осмыслить так или иначе появление вставки о Всеславичах.² Объяснение, как попала эта вставка в летописный свод, находим в следующей статье Воскресенской и Лаврентьевской летописей, статье 6637 г. Здесь читаем в Воскресенской довольно пространно (и притом сходно с Ипатьевской, где соответствующая статья перенесена под 6648 г. и приурочена к возвращению двух из поточенных Всеславичей) о том, что Мстислав поточил полоцких князей с женами и детьми в Царьграде, «зане не бяху въ воли его и не послушаху его, егда зовяшеть ѿ въ Русскую землю въ помочь»; когда Мстислав окончил рать с половцами, он послал за кривскими князьями (между прочим, за тремя Всеславичами: Давыдом, Ростиславом и Святославом) и поточил их в Царьград. В Лаврентьевской кратко: «Въ то же лѣто поточи Мстиславъ князи Полотскыѣ Цесарюгороду, с женами и с дѣтьми». Отсюда заключаем, что вставка о Всеславичах, читаемая под 6636 г., разъясняет сообщение 6637 г. о поточении Всеславичей Мстиславом. Следовательно, первоначально она читалась не под 6636, а под 6637 г. непосредственно за словами: «и въсаждавъ ихъ въ лодіи поточи ихъ ко Царюграду за ослушание ихъ, и по городомъ ихъ посажа мужи своя» (Воскресенская). Отсюда делаем дальнейший вывод: в Лавренть-

¹ Под этим и следующим 1194 г. в Лаврентьевской имеются известия, которых нет в Переяславской и Радзивиловской; между тем известия 1194 г. находят себе соответствие в Ипатьевской, пользовавшейся общерусским летописным сводом начала XIV в.

² В числе источников Воскресенской была Троицкая (утраченная) летопись, которая основывалась сама на Лаврентьевской (протографе Лаврентьевской).

евской вставка попала ошибочно под 6636 г. не из того источника, к которому восходит краткое известие 6637 г. о поточении Всеславичей Мстиславом, а из другого — вспомогательного; краткое известие 6637 г. мы вправе возвести к Ростовскому своду и далее к Владимирскому своду, который, как известно, сокращал соответствующие части Киевской летописи; следовательно, вставка о Всеславичах, читаемая под 6636 г., может восходить только к общерусскому своду, ибо третий источник Лаврентьевской — Переяславская летопись — была, в общем, весьма сходна с Ростовским (Владимирским) сводом.¹ Вывод наш подтверждается тем, что в общерусском своде, по свидетельству Ипатьевской и Воскресенской,² статья о поточении Мстиславом Всеславичей была изложена в полном виде под 6637 г.

§ 184³. Итак, рассказ о Всеславичах попал в Лаврентьевскую из общерусского свода, а в последний, как можно думать, ввиду уже высказанных соображений, из Новгородского владычного свода 1167 г. и далее из свода XI в. Впрочем, решаемся утверждать это только относительно первой части рассказа, сообщающей о сватовстве Владимира на Рогнеде и о насильственном завладении ею, ибо эта часть рассказа находит себе соответствие в Начальном своде и ПВЛ, куда, как мы видели (§ 118), она попала из Новгородского свода; вторая часть, начинающаяся словами «и нарекоша ей имя Горислава, и роди Изяслава», восходит, по видимому, к отдельному сказанию о Рогнеде. Сказание это было известно составителю общерусского свода: ср. вставку слов «та же убити его хотѣ, ножемъ зарѣзати» (§ 181), а также сообщение о крещении Рогнеды (§ 181; Тверская, XV, 112—113). Возможно, ввиду этого, что и первая часть рассказа попала в общерусский свод из Новгородского свода не непосредственно, а путем сказания о Рогнеде. В таком случае пришлось бы допустить, что Новгородским сводом для статьи о Рогнеде воспользовался не составитель общерусского свода, а составитель особого сказания о Рогнеде, попавшего в общерусский свод. Для нас это безразлично; нам важно только отметить, что первая часть рассказа о Рогнеде, попавшая из общерусского свода в Лаврентьевскую летопись под 6636 г., восходит в конце концов к Новгородскому своду XI в.

§ 184⁴. Самого поверхностного сравнения этой первой части рассказа о Рогнеде с той статьей, что читается в Начальном своде и ПВЛ под 980 г., достаточно для утверждения, что обе статьи восходят к одному источнику. Ср. общие фразы в той и другой статье: «Онъ же рече дъшери своей: хощеши ли за Володимера? Она же рече: не хочю розути роби-чича, но Ярополка хочю. Бъ бо Рогъволодь пришелъ изъ заморья, имѣяше волость свою Полотьскъ»; ниже под 980 г.: «и уби Рогъволода и сына его два, и дъчерь его поя женѣ», а под 1128 г.: «потомъ отца ея уби, а саму поя женѣ». Ввиду этого признаю необходимым руководствоваться статьей 1128 г. при восстановлении текста соответствующей статьи свода XI в. При этом даю предпочтение некоторым чтениям статьи 1128 г. Так, сватовство через Добрыню («и съ посла к Роговолоду и проси у него дщере за Володимера») представляется более первона-

¹ Воскресенская летопись представляет соединение Троицкой летописи с Московским сводом (основанным на Софийской 1-й) и общерусским сводом.

² В Радзивилловскую вставка попала из Лаврентьевской. Имеется ряд указаний на то, что Радзивилловская представляет соединение летописи Переяславля Суздальского с Лаврентьевской.

чальным, чем сватовство самого Владимира («и посла ко Роговолоду Полотьску, глаголя»): Начальный свод имеет в виду взрослого Владимира, сидевшего в Новгороде на столе уже десятый год; между тем статья 1128 г. указывает, что Владимир был во время сватовства Рогнеды очень молод («дѣтську сущю»). Предпочитаю признать для свода XI в. эту вторую точку зрения, так как иначе Владимир обошелся бы без помощи Добрыни и в походе против Роговолода (Начальный свод и ПВЛ и не упоминают совсем о Добрыне), а между тем Добрыня не сходит со сцены в статье 1128 г. и ниже: «идоста на Полтескъ»; Добрыня велел Владимиру быть с Рогнедой в присутствии родителей. Почему же в Начальном своде изменен рассказ, чем объяснить удаление им Добрыни?

Думаю, что прежде всего соображениями хронологическими. Начальный свод отнес весь эпизод на 6488 (980) г., когда Владимир пошел на Ярополка; он оттенил этим то обстоятельство, что завладение Рогнедой было, в сущности, отнятием невесты у Ярополка («в се же время хотяху Рогънѣдь вести за Ярополка»), но помещение этого эпизода под 6488 г. явно насильственно. Владимиру, вернувшемуся с варяжскою помощью из-за моря и пославшему к Ярополку объявление войны, совсем некстати было затевать сватовство и отвлекать свои силы походом на Полоцк. Это соображение заставило нас (§ 118) признать эпизод со сватовством Рогнеды вставкой в текст Древнейшего Киевского свода; содержание вставки ведет нас к новгородскому источнику. Но где же в Новгородском своде был помещен этот эпизод? Думаю, что непосредственно за предшествующим эпизодом (также перенесенным из Новгородского свода в Начальный свод), — эпизодом о добывании новгородцами князя. Этот эпизод, помещенный в Начальном своде и ПВЛ под 6478 (970) г., оканчивается словами: «и иде Володимеръ съ Добрынею уемъ своимъ Новгороду»; думаю, что непосредственным его продолжением являются те слова, что читаются перед эпизодом о добывании Рогнеды: «И съде въ Новѣгородѣ» (ср.: 1128 г., перифраза: «и Володимеру сущю Новгородѣ»). Допустив это, мы поймем, почему рассказ 1128 г. сообщает о Владимире, что он был детеск, и почему ПВЛ устранила из рассказа Добрыню, когда перенесла рассказ на десять лет позже того, что изложенное событие имело место по соображению лица, внесшего его в свод; мы поймем далее, почему рассказ 1128 г. представляет Добрыню главным действующим лицом: таковым он был и в предшествующем эпизоде.

Сопоставляя текст Новгородского свода, как он восстанавливается по статье 1128 г., с соответствующим текстом Начального свода (ПВЛ), видим, что при внесении в Киевский свод смягчены некоторые слишком резкие черты: устранена дикая сцена надругательства над Рогнедой и ее родителями. Статья 1128 г. окончательно убеждает нас в том, что слова «а Туры Туровѣ, отъ негоже и Туровци прозвашася» вставлены составителем Начального свода; далее — что им же вставлено: «в се же время хотяху Рогънѣдь вести за Ярополка»; наконец, что слова «собра вои многи, Варяги и Словѣни, Чюдь и Кривичи» относились первоначально не к походу Владимира на Полоцк, а к походу его на Ярополка (см. § 118).

ГЛАВА XI

ДАННЫЕ ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПЕРВОГО НОВГОРОДСКОГО СВОДА XI в. ПЕРЕЧНИ КНЯЗЕЙ И ВЛАДЫК НОВГОРОДСКИХ

§ 185. Мы привели ряд данных, ведущих к восстановлению Новгородского свода XI в. Они извлечены нами из свода 1167 г., отразившегося в Синодальном списке, своде 1448 г. и Ростовской компиляции XV в. Кажется, найдутся еще данные в том же своде 1167 г., которые можно возвести к своду XI в. Судя по Синодальному списку, в своде 1167 г. за рассказом о крещении Новгорода был помещен перечень великих князей киевских; мы рассмотрели выше этот перечень и пришли к заключению, что он составлен именно в 1167 г.; за этим перечнем читается в Синодальном списке еще другой — перечень князей новгородских. Не восходит ли этот перечень к своду 1167 г. (путем летописи Германа Вояты)? В Синодальном списке он был, вероятно, доведен до Ивана Даниловича. Если он читался в своде 1167 г., то должен был оканчиваться в нем словами «и введоша опять Ростиславича Святослава» (ср. в тексте летописи под 1161—6669 гг.: «а Святослава ввѣдоша опять на всѣй воли его, сентября въ 28»), так как Святослав Ростиславич сидел в Новгороде до 1167 г., когда он, приблизительно около 1 сентября, удалился из Новгорода. Как мы знаем, текст Синодального списка в соответствующей части утрачен; он дошел до нас в Новгородской 1-й (под 989 г.) и в своде 1448 г. (ср. в приложениях к Комиссионному списку Новгородской 1-й и к летописи Авраамки). Анализ текста интересующего нас перечня по названным памятникам убеждает нас в том, что действительно основная часть его доходила до приведенных слов. До приведенных слов видим в перечне один прием, а после них — другой; до этих слов, начиная именно с княжения Мстислава Владимировича, перечень указывает, сколько времени каждый князь сидел на новгородском столе;¹ между тем за этими словами нет почти ни одного хронологического указания.² Итак, помимо общих соображений о составе Синодального списка, источника его — летописи Вояты и источника последней — свода 1167 г., мы из самого текста перечня извлекаем указание на то, что он доходил некогда только до второго княжения Святослава Ростиславича.

На основании каких же данных составлен перечень составителем свода 1167 г.? Имея в виду, что в части, соответствующей времени от ухода Мстислава в Киев и оставления им в Новгороде сына Всеволода (6625 г.), перечень строго согласован с данными летописными, заключа-

¹ Исключение составляет только первое княжение Святослава Ростиславича, сидевшего в Новгороде первый раз два года (1158—1159). Что до княжения Ростислава Юрьевича, то о нем сказано неопределенно: «и по малъ времени прииде Святополкъ, и показаша путь Ростиславу»; по летописи, Ростислав сидел в 6650 г. в Новгороде меньше года, всего четыре месяца. Давыд Ростиславич пробыл в Новгороде не более одного-двух месяцев. Отметим еще ошибочные данные, явившиеся следствием неоднократной переписки: Святополк Мстиславич сидел не «лѣто», а лет 6 (6650—6656); Ярослав Изяславич сидел не «лѣто», а лет 6 (6656—6662).

² Исключение составляют указания на то, что Дмитрий Александрович, а затем Михаил Александрович сидели по три месяца (последний — 3 месяца неполных).

ем, что он составлен по тем же данным, что свод 1167 г., т. е. по погодным записям Софийской владычной летописи (ошибки оговорены выше, в примечании). Напротив, в части до 6625 г. перечень не всегда находит себе соответствие в данных Синодального списка. Привожу эту часть перечня: «А се в Новѣгородѣ: прѣвый князь по крещеніи Вышеславъ, сынъ Володимеръ; и по немъ братъ его Ярославъ; и володѣше землею; и идя къ Киеву, и посади в Новѣгородѣ Коснятина Добрыница. И родися у Ярослава сынъ Ильѣ, и посади в Новѣгородѣ, и умре. И потомъ разгнѣвася Ярославъ на Коснятина, и заточи и: а сына своего Володимира посади в Новѣгородѣ. И писа грамоту Ярославъ, рекъ тако: „по сей грамотѣ ходите“. И по преставленіи Володимеровъ в Новѣгородѣ, Изяславъ посади сына своего Мѣстислава; и побѣдиша и на Черехи; бѣжа къ Киеву, и по взятіи города преста рать. И посади Святославъ сына своего Глѣба, и выгнаша из города, и бѣжа за Волокъ, и убиша и Чюдъ; а Святополкъ сѣде на столѣ, сынъ Изяславъ, (и) иде Киеву. И присла Всеволодъ внука своего Мѣстислава, сына Володимира; и княживъ 5 лѣтъ, иде к Ростову, а Давидъ прииде к Новугороду княжить; и по двою лѣту выгнаша и. И прииде Мѣстиславъ опять, и сѣдѣ в Новѣгородѣ 20 лѣтъ».

§ 186. Прежде чем решить вопрос, откуда заимствованы в перечень приведенные в нем данные, отметим соответствующие им места в Новгородской 1-й, в Новгородском своде 1448 г. (Софийской 1-й и Новгородской 4-й) и в ПВЛ.

Для первого известия ср. Новгородскую 1-ю младшего извода и ПВЛ под 988 г.: «И посади Вышеслава в Новѣгородѣ... Умерѣшу же старѣйшему Вышеславу в Новѣгородѣ, и посади Ярослава в Новѣгородѣ». Далее в ПВЛ под 6526 г. упоминается новгородский посадник Константин Добрынич. В своде 1448 г., кроме того, под 6527 г. читаем: «Коснятинъ же бѣаше тогда въ Новѣгородѣ, и разгнѣвася на нѣмъ великій князь Ярославъ, и поточи ѣ въ Ростовъ». В ПВЛ под 6544 г.: «и посади сына своего Володимера Новѣгородѣ», причем свод 1448 г. прибавляет: «и людемъ написа грамоту, рекъ: по сей грамотѣ дадите дань». Под 6586 г. ПВЛ и Новгородская 1-я сообщают об убийении Глеба Святославича в Заволочии (за Волоком). Под тем же годом в ПВЛ: «Сѣдящу Святополку в негѣ мѣсто Новѣгородѣ, сыну Изяславу». Под 6596 г. в ПВЛ: «иде Святополкъ изъ Новагорода к Турову жити». Под 6603 г. в Новгородской 1-й: «Иде Святополкъ и Володимеръ на Давида Смольнску, и вдаша Давиду Новѣгородѣ»; напротив, в ПВЛ под тем же годом: «Сего же лѣта исхояща, иде Давидъ Святославичъ изъ Новагорода Смолинску; Новгородци же идоша Ростову по Мѣстислава Володимерича и поемше ведоша и Новугороду, а Давыдови рекоша: не ходи к намъ; и пошедь Давидъ, воротися Смолинску, и сѣде Смолинскѣ, а Мѣстиславъ Новѣгородѣ сѣде».

§ 187. Отсюда видно, что дошедшие до нас своды содержат далеко не все известия, сообщенные в перечне, читавшемся в своде 1167 г. В них нет указания на то, что Ярослав, идя к Киеву (очевидно, в 1016 г.), посадил в Новгороде Константина Добрынича; далее, что у Ярослава, очевидно, до 1020 г. (когда родился Владимир) родился сын Ильѣ и что отец посадил его в Новгороде, где он умер; нет далее указания на то, что в Новгороде посажен великим князем Изяславом сын его, Мѣстислав (по-видимому, после 6568 г., когда, согласно Новгородскому своду 1448 г., Изяслав был в Новгороде); нет известия о поражении Мѣстислава

на Черехе и бегстве его в Киев: дело идет, очевидно, о событиях 6575 г., когда Новгород был взят Всеславом (в 6577 г. видим Мстислава в Киеве); ср.: «и по взятъи города преста рать»; нет далее указания на то, что Святослав посадил в Новгороде сына своего Глеба (вероятно, в 6577 г.), хотя о князе новгородском Глебе Святославиче ПВЛ упоминает под 6579 г., а Новгородская 1-я — и под 6579, и под 6577 г.; равным образом в них не указано, что Глеб был изгнан из Новгорода и был убит за Волоком именно чюдью; не упомянут в них и факт присылки Всеволодом в Новгород внука Мстислава (очевидно, в 6596 г., за семь лет до 6603 г.); не указано и то, что Мстислав после пятилетнего княжения (следовательно, в 6601 г.) удалился в Ростов и что его место занял Давыд Святославич (6601—6603 гг.).

§ 188. Все эти подробности, ускользнувшие от составителей Начального свода и ПВЛ, частью, быть может, не включенные также в свод 1167 г., заимствованы в перечень, очевидно, из письменного источника. В распоряжении сводчика 1167 г., составившего этот перечень, было два источника: Киевская летопись и Новгородский владычний свод. Данные перечня не могли читаться в Киевской летописи, и их нет в ПВЛ; следовательно, они заимствованы из владычного свода. Наш вывод согласуется вполне с тем обстоятельством, что отдельные выражения перечня совпадают с текстом тех дополнительных известий свода 1448 г., которые заимствованы им из владычного свода (см. выше). Ср. сообщение о гневе Ярослава на посадника Константина и о заточении Константина, известие о грамоте, данной Ярославом новгородцам.

Отметим еще одно обстоятельство: первые хронологические определения в рассматриваемом перечне относятся к княжениям Мстислава Владимировича (5 лет) и Давыда Святославича (2 года). Княжения их предшественников не определены годами; напротив, княжения всех последующих князей определены перечнем хронологически (см. выше). Не служит ли это указанием на то, что из древнейшей части владычного свода — а составление этой части мы относили выше к XI в. — нельзя было извлечь точных хронологических указаний?

§ 189. Кроме перечня князей новгородских, в Новгородской 1-й летописи старшего извода читался, по-видимому, и перечень посадников (ср. этот перечень в Новгородской 1-й младшего извода, под 6497 г.). Быть может, начало перечню положено сводом 1167 г. Во всяком случае, имена посадников извлечены из летописи. Между тем дошедшая до нас Новгородская 1-я летопись оказывается недостаточною для определения всех посадников. Так, в ней нет имен трех старших посадников: Гостомысла, Константина, Остромира. Все три имени, как мы знаем, имеются в Новгородском своде 1448 г. в известиях, извлеченных, согласно предыдущему, через посредство общерусского свода 1423 г. из владычного Новгородского свода (ср. в Новгородской 4-й и Софийской 1-й: вводные статьи, далее 6527 и 6554 гг.). Это указывает на то, что перечень посадников руководствовался в древнейшей своей части тем же владычным сводом.

§ 190. Дошедшие до нас списки новгородских владык, изложенные с хронологическими определениями, восходят к редакции, помещенной в приложениях к Софийскому временнику. Отсюда список перешел в приложения к Новгородскому своду 1448 г. (ср. Новгородскую 4-ю, Комиссионный список Новгородской 1-й, летопись Авраамки и др.). Существенного против того, что мы знаем о древнейших событиях по Нов-

городской 1-й младшего извода и сводам 1423 и 1448 гг., мы в этих списках не находим. При именах епископов даны годы их владычества; в сводах 1423 и 1448 гг. даны лишь годы владычества Луки Жидяты; здесь же имеем еще годы владычества Иаокима — 42, Стефана — 8, Феодора — 9, Германа — 18. Сходно со сводами 1423 и 1448 гг. день смерти указан только для Луки (15 октября), причем отмечено и место его погребения — «за святою Софьею в Новѣгодѣ». Кроме этой подробности (в пределах XI в.), находим еще следующее: вместо краткого сообщения о преставлении Феодора в 6585 г. читаем: «А Феодора свой песь уяде, и с того умре», ср. то же в рассмотренной выше Ростовской компиляции (Тверской сборник), а о смерти Германа сказано, что он «преставися въ Киевѣ», между тем как своды 1423 и 1448 гг. не сообщали совсем о его смерти (случившейся, по-видимому, в 6604 г.). Думаю, что все эти данные извлечены из владычного свода: составитель списка руководствовался именно им, а не известными нам летописями.

§ 191. Остановлюсь еще на одной позднейшей компиляции, в основании своем представляющей сокращением Новгородского свода 1448 г., дополненным по Хронографу. Эта компиляция в части до 6817 г. дошла до нас, между прочим, в летописи Авраамки. Здесь под 6506 г. читаем: «В Новѣгородѣ владыка Акимъ уряди себѣ *монастырь Десятинный*, а святую Софью заложи дубову конецъ Пискупли улицы надъ Волховомъ и сверши ю о дванадцати версѣхъ». Думаю, что в источнике летописи Авраамки — в названной выше компиляции — читалось не «монастырь Десятинный» (который, как известно, возник только в XIV в.), а «церковь Иоакима и Анны», и что слова «монастырь Десятинный» попали с полей, где они стояли при предшествующем известии: «Заложи Володимѣръ церковь святую Богородицу первозданную и манастирь» (дело идет о Десятинной церкви).¹ Первоисточником является Хронограф. Правда, в редакции 1512 г. этого известия нет, но оно могло быть в старшей редакции; ср. в особенности ошибочную хронологию (6506 вместо 6497 г.), характерную для Хронографа (где, например, освящение Печерской церкви отнесено на 6607 г. вместо 6597 г.). Хронограф извлек это известие из общерусского митрополичьего свода, а последний заимствовал его из Софийского владычного свода, которым он, конечно, пользовался в числе прочих источников. Ср. в Летописце церквам Божьим (известном по поздним спискам): «И в лѣто 6497-го постави владыка первый епископъ Иоакимъ первую церковь каменную богоотецъ Иоакима и Анны; в той же церкви и служили до Софіи». Отсюда получаем основание возвести к владычному своду следующую заметку: «И уряди себѣ Акимъ церковь богоотецъ Иоакима и Анны, а святую Софию заложи дубову конецъ Пискупли улицы надъ Волховомъ и сверши ю о 13 версѣхъ».²

¹ Ср. ниже в Супральском списке: «Свершиша *манастирь* святую Богородицу», вместо чего в летописи Авраамки более древнее чтение: «мастеры». Во всяком случае, в обоих известиях «манастирь» ошибочно заменило слово «мастеры».

² В Хронографе 13 было поправлено на 12 — здесь, как и ниже под 6550 г., в сообщении о пожаре Св. Софии. Ср. в общерусском своде под 6557 г.: «имуши върхъ 13».

ГЛАВА XII

ЖИТИЕ АНТОНИЯ КАК ИСТОЧНИК НАЧАЛЬНОГО СВОДА КОНЦА XI в. И ОБЩЕРУССКОГО СВОДА 1423 г.

§ 191¹. Утраченное уже в XIV в. или, по крайней мере, не отыскивавшееся в 70-х гг. этого века в Киево-Печерском монастыре, Житие Антония принадлежит к памятникам глубокой древности. В XIII в. оно было хорошо известно составителям Печерского патерика Симону и Поликарпу: оба ссылаются на него и черпают из него данные, относящиеся к древнейшей эпохе жизни Печерского монастыря. Чтобы дать представление о содержании и составе Жития Антония, необходимо просмотреть все ссылки на него в творениях Симона и Поликарпа.

1. Сказав в своем послании к Поликарпу о том, что многие из иноков Печерских удостоились епископского сана и указав на Леонтия, епископа Ростовского, Симон продолжает: «Илариона же митрополита и самъ чель еси въ житіи святаго Антонія, яко отъ того постриженъ бысть и тако священства сподобленъ» (ср. изд. Яковлева, с. 90*). — 2. В конце статьи, озаглавленной «Что ради имѣти тшаніе и любовь къ преподобнымъ отцемъ Антонію и Феодосію Печерскимъ», Симон, судя по Арсеньевской редакции патерика (Берсеньевскому списку), говорил: «и сего дѣля азъ грѣшный епископъ Симонъ тужу и скорблю и плачуся и желаю тамо ми скончанія, да быхъ точію положенъ былъ въ божественной тои персти и малу отраду пріаль быхъ многихъ ми грѣховъ. И ина такова обрящеши, брате Поликарпе, въ житіи святаго Антонія. Къ нему же прииде отъ Киева нѣкто хотя быти чернецъ», и далее рассказывалось о преп. Евстратии (изд. Яковлева, с. 93). — 3. В слове о святом Афанасии Затворнике Симон, рассказав об исцелении Вавилы от мощей св. Афанасия, продолжает: «аще ли кому не вѣрно мнить написаное се, да почтеть житіе святаго Антонія отца нашего, начальника Рускимъ мнихомъ, и да вѣруеть» (изд. Яковлева, с. 99). — 4. Рассказав в слове о создании церкви о чуде, бывшем при основании каменной церкви Печерской, причем на место, выбранное для закладки, сошел небесный огонь, Симон заметил: «въ житіи святаго Антонія сего пространнѣе обрящеши, въ Феодосіевѣ же житіи всѣмъ явлена суть, како столпъ огненъ явися отъ земля и до небеси; овогда же облакъ, иногда же аки дуга отъ верха оная церкви на сіе мѣсто, многажды же и иконъ приходити, ангеломъ ту носящимъ, на хотящее быти мѣсто» (изд. Яковлева, с. 119). — 5. В конце слова об Агапите безмездном враче Поликарп, обращаясь к архимандриту Акиндину, выражает готовность написать о чудотворении, воздержании, послушании преподобных отцов печерских, для того чтобы оставить это на пользу сущим по нас, «якоже блаженны Нестеръ в лѣтописцѣ написа о блаженныхъ отцѣхъ, о Дамьянѣ, Іеремѣи и Матфѣи и Исакии. Въ житіи святаго Антонія вся житія ихъ вписана суть, аще и въкратцѣ речена, но паче о преже реченыхъ черноризцихъ¹ явно реку, а не въ тайнѣ; аще бо азъ премолчу, отъ меня до конца забвена будетъ

* Памятники русской литературы XII и XIII веков, изданные Яковлевым. СПб., 1872. — *Примеч. сост.*

¹ Так следует, быть может, исправить вместо «но паче преже реченіи черноризци».

и тому не помянутся имена ихъ, якоже было и до сего дни; се же речеса въ 15 (вар.: в 12) лѣто твоего игуменства, еже не бысть помяновенія 100 и 60 лѣтъ, нынѣ же твоя ради любве оутаенная слышана быша» (изд. Яковлева, с. 135—136). — 6. Рассказав о подвижнической жизни Моисея Угрина, Поликарп говорит: «се же и въ житии святаго отца нашего Антонія вписано есть о семъ Моисии, како прииде и скончася в добръ исповѣданіи о Господѣ, пребывъ 10 лѣтъ въ монастыри, 5 лѣтъ въ плѣнѣ страдавъ окованъ, 6 лѣтъ за чистоту страдавъ въ страсти» (Берсеневский список).¹ — 7. В сказании о Федоре и Василии Поликарп влагает в уста Федора, поставленного на суд перед князем Мстиславом Святополковичем, который спросил его, много ли в найденном им сокровище золота, серебра и сосудов и известно ли, кем оно сокрыто в пещере, следующие слова: «въ житіи святаго Антоніа повѣдается, Варяжскіи поклажаи есть, понеже съсуди Латынѣстии суть, и сего ради Варяжская пещера зовется и до нынѣ, злата же и сребра бесчислено множество».

§ 191². Из приведенных свидетельств Симона и Поликарпа видно, что Житие Антония содержало рассказы о нескольких отцах печерских, приобретших славу и признание своими чудесами и благочестивою своею жизнью. Между прочим в нем излагалась история Моисея Угрина: Поликарп сообщает о том, что Житие Антония рассказывало о прибытии Моисея в монастырь после продолжительного томления в плену; Симон, говоря об исцелении Вавилы от мошей св. Афанасия и ссылаясь на Житие Антония, имел, конечно, в виду случай исцеления блудной похоти от приложения к телу кости от мошей преп. Моисея, тот случай, о котором рассказывает Поликарп в своем слове об Иоанне Затворнике; следовательно, Житие Антония рассказывало и о чудесах, сотворенных Моисеем Угрином после своей смерти, и содержало повествование о Иоанне Затворнике, заимствованное из него Поликарпом. Кроме того, Житие Антония говорило и о других печерских угодниках, по ясному указанию того же Поликарпа. Наконец, оно сообщало и о древнейших событиях, связанных с судьбою Печерской обители: между прочим, о прибытии к Антонию Илариона и его пострижении; оно говорило и о какой-то Варяжской пещере, где, по-видимому, поселился преп. Антоний; с особенною подробностью рассказывалось в нем об основании и построении церкви Св. Богородицы Печерской.

Одна из ссылок на Житие Антония Поликарпа дает основание предположить, что это житие написано за 160 лет до того времени, как за свой труд принялся Поликарп. Это указание мы не решаемся принимать в буквальном его смысле; полагаем, что 160 лет выставлено Поликарпом в том предположении, что Житие Антония составлено в год его смерти, которая, по некоторым данным, имела место в 1072 или 1073 г. Весьма возможно, что Поликарп писал около 1230 г., и таким образом, у него получилось представление о 160-ти годах, протекших со времен появления Жития Антония. Не отрицая возможности того, что Житие Антония действительно появилось в 70-х гг. XI в., считаем более вероятным отнести его к несколько позднему времени, когда личность Антония и события 1072—1073 гг. (постройка храма) уже успели стать легендарными.

¹ В Кассиановских редакциях последние слова несколько изменены: «а въ плѣненіи страдавъ въ юзахъ лѣтъ 5, шестое же лѣто за чистоту терпя страсти»; кроме того, выше вместо слов «како прииде» — «бѣ бо пришесть блаженны во дни святаго Антоніа» (изд. Яковлева, с. 151).

§ 191³. Житие Антония оказало весьма значительное влияние на русскую летопись, благодаря тому что летописный свод, легший в основание всего последующего летописания, был составлен в Печерском монастыре. Этот летописный свод, называемый мною Начальным сводом, появился около 1095 г. Нам уже пришлось указывать на несколько заимствованных из Жития Антония в него статей. Считаем целесообразным повторить здесь эти указания.

В § 60 указано, что в Древнейшем свode не был назван по имени слуга Борисов, решившийся защитить собой тело своего господина; в Начальном свode он назван Георгием, причем указано, что он был родом Угрин, что его очень любил Борис, возложивший на него большое золотое ожерелье; при этом сообщено, что вместе с Георгием были убиты и многие другие слуги; труп Георгиев был обезглавлен для того, чтобы снять с шеи его ожерелье; голова была отделена от туловища; поэтому тело Георгия не могло быть найдено среди трупов. Мы доказывали, что все это заимствовано Начальным сводом из сказания о Моисее Угрине, содержащегося в Житии Антония, и ссылались при этом на то, что в Поликарповом сказании о Моисее Угрине приведен весь этот эпизод; причем указано, что Георгий был братом Моисея. Возражая против возможного предположения, что связь Моисея Угрина с Георгием придумана Поликарпом на основании общего происхождения их, не допуская того, чтобы Поликарп заимствовал рассказ об убиении Георгия из летописи, мы указывали на то, что этот эпизод не является случайною и позднейшею вставкою в рассказ о Моисее Угрине; Поликарп сообщает, что Моисей спасся один от бывшего на Альте избиения и пришел к Предславе, сестре Ярослава; он пребывал у ней до тех пор, пока Ярослав не победил Святополка; но Святополк бежал в ляхи и, придя оттуда с Болеславом, изгнал Ярослава и сел в Киеве; Болеслав вернулся в ляхи и взял с собой обеих сестер Ярослава, а также и бояр его, а с ними и блаженного Моисея. Таким образом, весь рассказ о начале подвижничества Моисея тесно связан с указанным эпизодом; близость Моисея к Борису (он был его отроком) связала его судьбу с Предславой, к которой он бежал после убийства Бориса и с которою он попал в плен к Болеславу. Правда, ни Начальный свод (ПВЛ), ни Поликарп не говорят о том, что одною из обеих сестер Ярослава, взятых в плен Болеславом, была именно Предслава, но, как увидим, Житие Антония сообщало об этом совершенно определенно.

Отмеченная нами связь Моисея Угрина с Предславой дает нам основание думать, что Житие Антония послужило источником, если не прямо, то косвенно, для тех двух вставок Начального свода, о которых мы говорили в § 56; в первой вставке, сделанной в текст, восходящий к Древнейшему своду, читаем: «в се же время пришла бѣ въсть къ Ярославу отъ Передьславы о отни смерти, и посла Ярославъ къ Глѣбу, глаголя: не ходи, отецъ ти умерлъ, а брать ти убьенъ отъ Святополка»; вторая вставка сделана в текст Новгородского свода XI в. (§ 162): «в ту же ночь приде ему въсть ис Кыева отъ сестры его Передьславы си: отецъ ти умерлъ» и т.д.; вставкой мы признали слова: «ис Кыева отъ сестры его Передьславы». Высказываем предположение, что Житие Антония приписывало Предславе активную роль в борьбе Ярослава со Святополком, и ставим это наше предположение в

связь с дальнейшим указанием, извлекаемым из общерусского свода 1423 г.

§ 191⁴. Мы не решились бы утверждать так определенно, что вставки о Георгии Угрине и о Предславе заимствованы составителем Начального свода из рассказа о Моисее Угрине, читавшегося в Житии Антония, если бы не могли доказать на одной из статей Начального свода, что последний имел действительно в числе источников рассказ о Моисее Угрине. Мы читаем в Начальном своде (ПВЛ) под 6538 (1030) г.: «В се же время умре Болеславъ Великий въ Лясѣхъ, и бысть мятежь в земли Лядьстѣ: вставше людѣе избиша епископы, и попы, и бояры своя, и бысть в нихъ мятежь». Место это сближается со следующим отрывком в Поликарповом сказании о Моисее Угрине: «Въ едину убо ночь Болеславъ напрасно умре; и бысть мятежь великъ въ всеи Лядской землѣ и вѣставше людѣе избиша епископы своя и боляры своя, якоже и в лѣтописци повѣдаеть, тогда и сѣю жену убиша». Возможно, что Поликарп заимствовал приведенное известие из Летописца, хотя ссылка его на последний может быть истолкована так, что об этом мятеже говорит не только Житие Антония (где было вписано житие Моисея), но и Летописец. Обращаю внимание на другое обстоятельство — на соответствие обоих известий (о смерти Болеслава и о мятеже в Польской земле) в их последовательности исторической действительности и на хронологическое определение обоих событий, в них изложенных.

Белёвский в своем издании Несторовой летописи, в примечании к этому месту, отметил, что Нестор не означает точно года смерти Болеслава, а говорит о ней неопределенно, что она имела место «в се же время» (Болеслав умер 3 апреля 1025 г.); год, поставленный Нестором в начале статьи, относится, по мнению Белёвского, скорее к мятежу, описанному здесь: он действительно случился вскоре после смерти Болеслава, и притом около 1030 г.¹ Этот мятеж есть основание относить к 1031 г., когда король Мешко должен был бежать, угрожаемый восстанием;² впрочем, польские источники дают основание думать, что русская статья имела в виду другой, еще более поздний по времени мятеж, случившийся уже по смерти Мешка, в 1034 г., во время малолетства Казимира.³

Итак, с одной стороны, Начальный свод (ПВЛ), а с другой — Поликарпово сказание о Моисее Угрине установили одинаково связь между двумя событиями, на самом деле между собою не связанными: между смертью Болеслава и мятежом в Польской земле. Спрашиваем, где было уместнее возникнуть этой связи: в летописи или в рассказе о Моисее Угрине? В летописи — связь эта случайна и необъяснима; в рассказе

¹ Monumenta Poloniae historica. Lwów, 1864. T. I. S. 857.

² Bobrzyński M. Dzieje polski w zarysie. Wyd. 2. Warszawa, 1880. T. I. S. 118.

³ Idem. S. 118—119. Соответствующее место в хронике Галла изложено так: «Et cum tantam iniuriam et calamitatem ab extraneis Polonia pateretur, absurdus tamen adhuc et abhominabilis a propriis habitatoribus vexabatur. Nam in dominos servi, contra nobiles liberati, se ipsos in dominium extulerunt... insuper etiam a fide catholica deviantes, quod sine voce lacrimabili dicere non valemus, adversus episcopos et sacerdotes Dei seditionem inceperunt, eorumque quosdam gladio quasi dignius peremerunt, quosdam vero quasi morte dignos viliori lapidibus obruerunt» (Monumenta Poloniae historica. S. 415—416). Длугош относит этот мятеж к 1037 г. Об этом же мятеже вспоминала жена Изяслава (сестра Казимира, дочь Мешка) в Житии Феодосия: «яко такоже бысть въ странѣ нашеи; отбѣжавшимъ нѣкое ради бѣды чернцемъ, много зла створися ихъ ради въ земли тои».

же о Моисее Угине идет последовательное развитие следующих событий: пленения Моисея Болеславом, мучений Моисея, доставшегося некой польской госпоже, пострижения Моисея монахом Святой Горы, жалобы на Моисея, принесенной госпожой его Болеславу; «Болеславъ же усрамися величества жены и любве первыя потакви ей творя, въздвиже же гоненіе веліе на черноризци и изгна вся отъ области своея.¹ Богъ же сътвори отмщеніе рабомъ своимъ вскорѣ»; Божие отмщение выразилось во внезапной смерти Болеслава и в мятеже, наступившем в Польской земле. Отсюда ясно, что в сказании о Моисее Угине оба события — смерть Болеслава и мятеж — поставлены в тесную и прямую связь между собой самым ходом всего рассказа. Уже поэтому признаю, что Поликарп заимствовал известия о смерти Болеслава и мятеже не из летописи, где связь между ними случайная, а из Жития Антония. Датировка этих событий в летописи решительно подтверждает наше заключение.

По сообщению патерика, Моисей страдал «въ плѣненіи въ юзахъ лѣтъ 5, шесть же лѣтъ за чистоту» (ср. выше § 191¹); следовательно, он пробыл в Польше всего 11 лет; на двенадцатый год он освободился после убийства мучившей его госпожи. Но он, по словам того же патерика, попал в плен вместе с сестрами Ярослава в 6526 (1018) г.; следовательно, он освободился из плена в 6538 (1030) г. В полном согласии с этим стоит то обстоятельство, что в списках Кассиановской 2-й редакции патерика год прибытия Моисея в Киев определяется как 6539 (1031). Итак, 6538 г., под которым сообщено о смерти Болеслава и мятеже в Польской земле, определен составителем Начального свода по письменному источнику; таковым могло быть именно Житие Антония. Другое объяснение совпадения летописного расчета (6538—6526 гг.) с расчетом патерика (Моисей был в плену 11 лет), а именно признание, что Поликарп основал свой расчет на летописи, не может быть принято, ибо при таком объяснении останется непонятным, во-первых, как явилось в летописи приурочение смерти Болеслава и мятежа в Польской земле к 6538 г.; во-вторых, почему оба эти события, отделенные друг от друга по крайней мере на шесть, а вероятнее, и на девять лет, приведены в летописи рядом под одним годом.²

§ 191⁵. Утвердившись таким образом в мысли, что Житие Антония послужило источником для Начального свода, мы укажем в этом своде еще на одну статью, обязанную своим происхождением или, точнее, своим составом тому же житию. Это — Сказание что ради зовется Печерский монастырь, помещенное в Начальном своде (ПВЛ) под 6559

¹ Итак, вот на какое изгнание чернцов из Польской земли намекала в Житии Феодосия жена Изяслава. Поликарп делает соответствующую ссылку на Житие Феодосия.

² Предполагаю, что в Житии Антония читалось так же, как в обеих Кассиановских редакциях: «страдавъ въ юзахъ лѣтъ 5, шестое же лѣто за чистоту терпя страсти»; ср. выше в речи госпожи Моисеевой к Болеславу: «и не довольно бысть ему 5 лѣтъ оковану быти отъ плѣнившаго его, отъ него же искупихъ его, и шестое лѣто пребысть у мене и много мучимъ бысть отъ мене за преслушаніе, еже самъ на ся привлече, по жестокосердію своему, нынѣ же постриженъ бысть отъ нѣкогого черноризца». Составитель Начального свода прочел 6-е лето как 6 лет и на этой ошибке основал свой расчет. Точно так же ошибочно прочел 6-е лето как 6 лет составитель Берсеневского списка патерика. Так же ошибочно прочло то лицо, что вставило 6539 г. для обозначения года прибытия Моисея к Антонию в текст Кассиановской 2-й редакции патерика. Житие Антония, сообщая о том, что Болеслав умер в 6-й год после пленения Моисея, стояло, следовательно, близко к действительности, ибо 6533 (1025) г. является седьмым годом после 1018 г.

(1051) г. В этом сказании, если в особенности сопоставим его с другими свидетельствами о начале Печерского монастыря, увидим влияние Жития Антония; влияние это, как можно думать, обязано известной переработке сказания, изложенного первоначально в иной редакции, не тождественной с тою, в которой мы читаем его в Начальном своде (и ПВЛ). Приведем доказательства.

Сказание сообщает о том, что, когда «увѣданъ бысть всѣми великій Антоній и чтимъ», «начаша приходити к нему братья, и нача приимати и постригати я». По свидетельству Несторова Жития Феодосия, Антоний не сам постригал братию, а поручил это «великому Никону, прозвутеру тому сущю и черноризцу искусну». Между тем Житие Антония, как мы видели, определенно говорило о священстве самого Антония и о том, что он сам постригал приходившую к нему братию. Ср. слова Симона: «Илариона же митрополита и самъ чель еси въ житіи святаго Антоніа, яко отъ того постриженъ бысть и тако священства сподобленъ». Сказание возвращается еще раз к пострижению братии от Антония; для него это, очевидно, не безразлично; оно придает этому особенное значение и смысл, которые открываются из следующих слов, вложенных в уста Антонию: «Съвъкупленъ же братіи, рече имъ Антоніи: се Богъ васъ, братья, совокупи, и отъ благословенья есте Святыя Горы, имже мене постриже игумень Святыя Горы, а язъ васъ постригалъ». Итак, благодаря преемству священства перешла на Печерскую обитель от Святой Горы.

Вот чего не знают другие памятники, говорящие о начале Печерской обители; сошлюсь на Житие Феодосия, где, конечно, благодарная тема эта была бы так или иначе воспользована; сошлюсь также на рассказ летописи под 1074 г., где также могла бы сказаться в каком-либо намеке эта точка зрения об особой связи Печерского монастыря со Святой Горой. Между тем сказание проводит ее весьма решительно и даже тенденциозно: оно обстоятельно говорит о путешествии Антония в Святую Гору, *о пострижении* его там и о полученном им от *игумена* Святогорского наказания: «иди в Русь опять, и буди благословленъ отъ Святыя Горы, и рече ему, яко отъ тебе мнози чернѣи быти имуть». Антоний, прийдя в Киев и выбрав себе пещеру для жительства, обращается к Богу с молитвой: «Господи! утверди мя в мѣстѣ семъ, и да будетъ на мѣстѣ семъ благословенъ Святыя Горы и моего *игумена*, *имже мя постригль*». Далее приведем обращение Антония к сошедшейся к нему братии: «и отъ благословенья есте Святыя Горы, имже *мене постриже игумень* Святыя Горы, а язъ васъ постригалъ; да буди благословенъ на васъ первое отъ Бога, а второе отъ Святыя Горы». Сходные слова читаем ниже, когда Антоний дает свое благословение на поставление монастыря: «благословенъ Богъ о всемъ, и молитва святаго Богородица и сущихъ отецъ иже в Святѣй Горѣ да будетъ с вами». Наконец, ниже встречаем заключение рассказчика: «есть же манастирь Печерскый отъ благословенья Святыя Горы».

Итак, тенденциозность в сказании упоминаний о благословении Святой Горы, на котором основана святая Печерская обитель, не подлежит никакому сомнению; является вопрос, кому принадлежат эти упоминания — самому составителю сказания или позднему его редактору, скажем, редактору Начального свода. Мне представляется несомненным, что мы имеем в этих упоминаниях вставки, внесенные в первоначальный текст сказания редактором Начального свода. Антоний преподавал бы свое

благословение братии на поставление монастыря, конечно, в таком виде: «благословень Богъ о всемъ, и молитва святыя Богородица да будетъ с вами»; слова «и сущихъ отецъ иже въ Святѣй Горѣ» после «Богородица» явно вставлены (см. выше). Равным образом читаемое выше: «да буди благословенье на васъ *первое* отъ Бога, а *второе* отъ Святыя Горы» представляется искусственно составленною фразою, заменившею, быть может, первоначальное чтение: «да буди благословенье на васъ отъ Бога». Неясно выражена мысль игумена, постригшего Антония: «иди в Русь опять и буди благословенье отъ Святыя Горы»; пропущено как будто «на тебѣ»; неясность также указывает на вставку. Совсем неуклюже то место, где Антоний преподает благословение сошедшей к нему братии: «се Богъ васъ, братья, совокупи, и отъ благословенья есте Святыя Горы», причем дальше вложена в уста Антонию мотивировка последнего его утверждения: ибо меня постриг игумен Святой Горы, а я постриг вас; только после этой мотивировки Антоний решается преподать братии два благословения: первое от Бога, второе от Святой Горы.

§ 191⁶. Признав, таким образом, те места сказания, где тенденциозно проводится мысль о том, что Печерский монастырь пошел от благословения Святой Горы, вставками, я не отрицаю того, что первоначальное Сказание сообщало о путешествии Антония в Грецию и о пострижении его там. Напротив, думаю, что в дошедшей до нас редакции сохранились следы этого первоначального рассказа, быть может, не упоминавшего вовсе о Святой Горе или, во всяком случае, не придававшего особенного значения пострижению Антония от игумена Святогорского. Основываюсь на следующем месте в начале сказания: «И не по мнозѣхъ днѣхъ бѣ нѣкий челоувѣкъ, именовъ мирьскымъ, отъ града Любча; и възложи ему Богъ в сердце въ страну ити; онъ же устремися в Святую Гору, и видѣ ту монастыря сушая, и обиходивъ, възлюбивъ чернечьскый образъ, приде в манастирь ту, и умоли игумена того, дабы на нь възложилъ образъ мнишьскый. Онъ же, послушавъ его, постриже и, нарекъ имя ему Антоний, наказавъ его и научивъ чернечьскому образу, и рече ему: иди въ Русь опять, и буди благословенье отъ Святыя Горы, и рече ему, яко отъ тебе мнози черньци быти имуть; благослови ѿ, и отпусти его, рекъ ему: иди с миромъ». Не ясно ли, что здесь слиты два рассказа о путешествии Антония? Бог возложил ему «въ сердце въ страну ити»; что значит это выражение? Не читалось ли в первоначальном рассказе: «въ страну Гречьску ити»? «Гречьску» было опущено ввиду вставки из другого источника: «онъ устремися в Святую Гору».

Далее находим: «възлюбивъ чернечьскый образъ», а несколькими строками ниже: «дабы на нь възложилъ образъ мнишьскый»; не принадлежит ли «чернечьскый» первоначальному рассказу, а «мнишьскый» не вставлено ли из другого источника? В благословении игуменом Антония и отпущении его в Русь присутствие двух источников совершенно явно; ср. два раза: «и рече ему», а ниже еще: «рекъ ему»; далее, сначала: «иди в Русь опять», затем: «иди с миромъ»; сначала: «и буди благословенье отъ Святыя Горы», затем: «благослови ѿ». Думаю, что в первоначальном источнике читалось: «и научивъ чернечьскому образу, и рече ему, яко отъ тебе мнози черньци быти имуть; и благослови и, и отпусти его, рекъ ему: иди с миромъ»; следовательно, слова «иди в Русь опять, и буди благословенье отъ Святыя Горы» вставлены из другого источника. Отмечаем еще пропуск мирского имени Антония в приведенном

выше отрывке; это, думаю, указывает, что оба источника Начального свода — первоначальный рассказ и Житие Антония — расходились в сообщении, какое было мирское имя Антониево.

§ 1917. Продолжаем наши указания на несоответствие данных сказания другим древним свидетельствам о начале Печерского монастыря и на возможность возвести эти данные к Житию Антония. Построение малой церковцы «во имя святыя Богородица» сказание, как и Житие Феодосия, относит ко времени игуменства Варлаама, которого Антоний поставил братии вместо себя; ср. в сказании: «И постави имъ игуменомъ Варлама... Братья же съ игуменомъ... поставиша церковыцу малу надъ пещерою во имя святыя Богородица Успенъ»; в Житии Феодосия: «преподобнии же Антонии... поставивъ братии в себе место блаженнаго Варлаама... тогда же божественнии Варламъ постави надъ пещерою малу церковыцу во имя святыя Богородица». Но в рассказе о построении великой церкви и поставлении монастыря сказание резко расходится с Житием Феодосия. Нестор приписывает построение церкви и монастыря игумену Феодосию: «тогда сеи великий Феодосий обрѣтъ мѣсто чисто, недалече отъ пещеры суще, и разумѣвъ, яко довольно есть на възграженіе монастыря... в мало время *възгради церковь* на мѣстѣ томъ во имя святыя и преславныя Богородица и приснодѣвы Маріа, и *оградивъ и, поставивъ кѣліе мнози*, и тогда преселися съ братією на мѣсто то в лѣто 6570, и *оттолѣ* Божиюю благодатью въздрате мѣсто то, и *бысть монастырь* славенъ, еже и донынѣ есть, *Печерскый* наричемъ, иже отъ святаго отца нашего Феодосія поставленъ бысть». Сказание не называет игумена, поставившего церковь и монастырь: «игуменъ же и братья заложиша церковь велику, и манастирь *огородиша* столпьемъ, *кельѣ* поставиша многы, *церковь свершиша* и иконами украсиша. *И оттолѣ* почася *Печерскый манастирь*». Между тем из буквального смысла сказания ясно, что игуменом этим был не Феодосий, а Варлаам; ср.: «монастыреви же свершену, игуменьство держащу Варламови, Изяславъ же постави манастирь святаго Дмитрия, и выведе Варлама на игуменьство к святому Дмитрию»; и только после этого сообщено об избрании игуменом преп. Феодосия. Но определенно сказание не говорит, что Печерский монастырь поставлен игуменом Варлаамом; напротив, оно как бы избегает называть игумена; ср. выше: «и съвѣтъ сътвориша братья со игуменомъ поставити манастирь»; вместе с тем оно отмечает деятельное участие в этом деле Антония; игумен с братией испрашивают от него благословения на поставление монастыря; он «выхлопатыветъ» землю под постройку у князя Изяслава; наконец, сказав о переводе Варлаама в монастырь Св. Дмитрия, который Изяслав хотел «сворити вышний сего монастыря, надѣясь богатству», сказание продолжает: «Мнози бо манастири отъ цесарь и отъ боярь и отъ богатства поставлени, но не суть тацѣ, каци суть поставлени слезами, пощеньемъ, молитвою, бдѣньемъ; Антоний бо не имѣ злата, ни сребра, но стяжа слезами и пощеньемъ, якоже глаголахъ». Итак, сказание решительно утверждает, что Печерский монастырь основан Антонием, и не согласуется в этом основном утверждении с Нестором; ср. слова Нестора: «иже отъ святаго отца нашего Феодосія поставленъ бысть». То обстоятельство, что сказание умалчивает об имени игумена, поставившего монастырь, заставляет нас думать, что мы имеем здесь дело с тенденциозным изменением первоначального текста сказания. Тенденцию видим не в том, что вместо Феодосия строителем монастыря является игумен, руководимый истинным основателем монас-

тыря — Антонием; такую же пассивную роль сказание могло бы приписать и Феодосию, если бы цель его состояла только в прославлении Антония; видим тенденциозность в том, что игумен не назван совсем и что вместо исторических Варлаама и Феодосия пришлось говорить о каком-то неизвестном безымянном игумене. Это обстоятельство мы объясняем себе тем, что Житие Антония, по которому переделано сказание в Начальном своде, в изложении судеб Печерского монастыря держалось совсем особой хронологии.

§ 191⁸. Мы уже имели случай видеть хронологические данные Жития Антония: Моисей Угрин прибыл к Антонию (если придерживаться расчета составителя Начального свода) в 6539 (1031) г., ибо только в 6538 г. он освободился от плена; ср. 6539 г. в киноварной приписке при заглавных строках сказания о Моисее в Румянцевском списке № 305 Печерского патерика: «прииде къ преподобному Антонию въ лѣто 6539». Отметим далее вставку, сделанную обеими Кассиановскими редакциями в Житии Феодосия при сообщении о пострижении его по повелению Антония от преп. Никона: «в лѣто 6540, при князи благочестивомъ Ярославѣ Володимировичи». Обе отметки не доказывают, как мне кажется, знакомства составителя Кассиановских редакций с Житием Антония, так как они без труда могут быть объяснены как результат сопоставления данных Поликарпа с летописью. Подобный же хронологический расчет находим в рассматриваемом нами сказании: «И постави имъ игуменомъ Варлама, — читаем мы здесь, — а самъ иде в гору, и ископа пещеру, яже есть подъ новѣмъ монастыремъ, в ней же сконча животь свой, живъ в добродѣтели, не выходя ис пещеры лѣтъ 40 никдѣже, в ней же лежать мощъ его и до сего дне». Антоний умер в 1072 или 1073 г., следовательно, он уединился в пещеру в 1032 или 1033 г.; таким образом, поставление Варлаама приходится отнести к 1032 г., что явно противоречит историческим фактам, несомненно точно переданным Нестором: Варлаам, сын боярина Иоанна, пришел к Антонию в княжение Изяслава Ярославича, следовательно, после 1054 г. Итак, мы вправе заключить отсюда, что составитель Начального свода в одном из своих источников читал о поставлении Антонием игумена Варлаама в дни князя Изяслава (ср. выше в сказании: «Изяславъ же увѣдѣвъ житѣе его, приде с дружиною своею, прося у него благословенья и молитвы»), а в другом — о поставлении Антонием не Варлаама, а другого безымянного игумена, после чего он удалился в другую пещеру и жил в ней 40 лет. Этим другим источником, согласно со всеми вышеприведенными соображениями, могло быть только Житие Антония. Следовательно, и то место, где сказание переносит на время Варлаама основание великой церкви и поставление монастыря, обязано влиянию Жития Антония; в нем, вопреки Житию Феодосия, сообщалось, что монастырь Печерский гораздо старше 1062 г.; первый игумен был поставлен в 1032 или 1033 г.; этот самый игумен и основал монастырь под руководством Антония.

Поликарпов пересказ Жития Антония прямо указывает на то, что монастырь был основан во время Ярослава. Мы читаем в нем, что Моисей, освободившись от польского плена, пришел к св. Богородице в Печерский монастырь и пробыл в монастыре 10 лет; следовательно, основание и церкви и монастыря приходится, согласно Поликарпу, отнести ко времени около 1030 г.

§ 191⁹. В связь со своеобразною хронологией Жития Антония ставим то начало Сказания о том, что ради прозвася Печерский монастырь,

которое оно имеет в Кассиановской второй редакции; в общем, эта статья в Кассиановской второй редакции сходствует с соответствующей статьей Кассиановской первой редакции, тождественною с летописною статьей 6559 (1051) г., но начало в ней иное. Мы читаем здесь, что еще в княжение Владимира Святославича любечанин Антоний отправляется в страну Греческую, на Афон; приняв там пострижение, он приходит в Киев и, походив по дебрям и горам, находит у с. Берестова пещеру, которую ископали варяги; в ней он поселяется, пребывая затем в великом воздержании. По смерти Владимира власть перешла к Святополку; он начал избивать братию. Антоний, увидев кровопролитие, удалился из Киева и бежал опять в Святую Гору. После вокняжения Ярослава, любившего Берестово и заботившегося о находившейся там церкви Двенадцати Апостолов, некто Иларион, поп той церкви, вырыл себе пещеру на Днепровском холму и жил в ней, пока в 1051 г. не был избран на сан митрополита. Пещерка опустела, но в это время с Афона вернулся Антоний, посланный в Россию игуменом одного из тамошних монастырей, и поселился в пещере Иларионовой и т. д., т. е. начиная с сообщения о вокняжении Ярослава рассказ Кассиановской второй редакции становится сходным с соответствующим рассказом Кассиановской первой и ПВЛ. Это начало сказания в Кассиановской второй редакции, где таким образом говорится о двух путешествиях Антония в Святую Гору, я ставлю в связь с Житием Антония на основании, во-первых, того, что начало Печерского монастыря относится, таким образом, ко временам старшим, чем 1051 г., а Житие Антония давало именно право относить основание монастыря к 1032—1033 г.; во-вторых, на основании упомянутой здесь «пещеры, юже ископаша Варязи» мы приводили выше (§ 191¹) свидетельство Поликарпа о том, что в Житии Антония говорилось о Варяжской пещере; в-третьих, наконец, на основании того, что здесь сообщено о путешествии Антония в Святую Гору, а мы видели, что рассказ о пострижении Антония в Святой Горе лежал в основании Жития Антония. Но, конечно, Житие Антония говорило не о двух путешествиях Антония на Афон, а только об одном; Кассиановская вторая редакция была принуждена придумать двойное путешествие для того, чтобы согласовать: а) свидетельство Жития Антония о том, что он ездил на Афон и пострижен там в дни княжения Владимира Святославича; б) свидетельство того же жития о том, что он поселился в Варяжской пещере, — с рассказом Кассиановской первой редакции (и ПВЛ) о том, что Антоний ездил на Афон и пострижен там в княжение Ярослава Владимировича и что, вернувшись с Афона, он поселился в пещере, вырытой Иларионом. Таким образом, в 1462 г. возникла попытка согласовать Житие Антония со Сказанием о том, что ради прозвася Печерский монастырь, — попытка, аналогичная с тою, которая предпринята была в конце XI в. составителем Начального свода, давшим измененную и дополненную вставку редакции указанного сказания.¹

§ 191¹⁰. Между прочим, не согласно было Житие Антония с первоначальною редакциею сказания относительно того, где поселился первоначально Антоний: сказание сообщало, что в пещерке, юже ископал Иларион; Житие Антония указывало на Варяжскую пещеру. И отноше-

¹ Оставляю в стороне вопрос, был ли знаком уставщик Кассиан с подлинным Житием Антония или только с теми обрывками из него, которые давали сочинения Симона и Поликарпа. Более вероятным считаю последнее. Ср. с. 200, примеч. 1.

ния Антония к Илариону представлены были в Житии Антония иначе, чем они представлены в сказании; в сказании Антоний возвращается в Русь уже после поставления Илариона митрополитом; в Житии Антония Иларион постригается Антонием. Отметим еще одно отличие дошедшей до нас редакции сказания от Жития Феодосия: последнее сообщало, что преп. Феодосий, вскоре после основания монастыря (1062 г.), послал одного из монахов своих в Константинополь к Ефрему скопцу, «да весь устав Студийскаго монастыря исписавъ прислеть к нему; онъ же преподобнаго отца нашего Феодосія повелѣнная ту абіе створи и весь уставъ монастырскіи списавъ, посла к нему, и егоже прѣмъ отецъ наш Феодосіи повелѣ честь предѣ братією и оттолѣ начать въ своемъ монастыри вся творити по уставу святаго монастыря Студийскаго». Между тем сказание говорит другое: «И нача искати правила чернецьскаго, и обрѣтесе тогда Михайль чернецъ манастиря Студийскаго, иже бѣ пришесть изъ Грекъ с митрополитомъ Георгиемъ, и поча у него искати устава чернецъ Студийскихъ; и обрѣтъ у него, исписа и устави въ манастири своемъ, како пѣти пѣнья манастирская, и поклонъ какъ держати, и чтенья почитати, и стоянье в церкви, и весь рядъ церковный и на трапезѣ съданье, и что ясти в кыя дни, все съ уставленьемъ». Итак, оба источника одинаково сообщают о том, что Студийский устав введен в Печерский монастырь Феодосием, но Нестор говорит о том, что устав получен от Ефрема, постриженника печерского, удалившегося незадолго перед этим в Константинополь,¹ а сказание указывает на некоего Михаила чернеца как на лицо, от которого Феодосий получил этот устав. Думаю, что первоначальная редакция сказания и здесь сходствовала с Житием Феодосия и что изменение внесено в нее опять-таки под влиянием Жития Антония. Согласно предыдущему, основателем монастыря Житие Антония почитало не Феодосия, а Антония и относило основание ко времени задолго до 1062 г.; естественно поэтому предположить, что в Житии Антония сообщалось о том, что Студийский устав введен в монастырь не Феодосием, а Антонием, причем Антоний получил его от пришедшего из грек чернца Михаила; быть может, Житие Антония давало еще точнейшие указания относительно того, что этот Михаил прибыл вместе с митрополитом Феопемптом: в сказании находим «с митрополитомъ Георгиемъ», но решаюсь видеть в таком чтении поправку редактора Начального свода, который хотел согласовать два известия двух своих источников и, согласовав их механически, заменил Ефрема казенника чернцом Михаилом, но потом, внося слова «с митрополитомъ Феопемптомъ», заменил из соображений хронологических Феопемпта Георгием. Ставлю в связь сообщение Жития Антония о получении Антонием Студийского устава от пришедшего из грек чернца Михаила с сообщением этого же жития о прибытии к Антонию трех певцов из грек с роды своими: эти певцы ввели в Печерском монастыре демественное пение; ср. об этом сообщении ниже (§ 191¹⁹).

§ 191¹¹. После сделанных замечаний мы, не колеблясь, определяем дошедший до нас в ПВЛ текст Сказания о том, что ради прозвася Печерский монастырь как позднейшую редакцию более древнего сказания, сложившуюся под влиянием Жития Антония. Это житие, составленное с очевидною тенденцією прославить Печерский монастырь и

¹ Ср. выше в Житии Феодосия: «по сихъ же паки Ефремъ казенникъ отъиде къ Константинограду, и ту живяше въ единомъ монастыри».

для этого отнести его составление ко временам давно минувшим, когда в России едва начиналось распространение христианства, имело именно поэтому сначала громкий успех, а потом печальную судьбу: его стали игнорировать, его забыли, — оно слишком противоречило как монастырской традиции, так и письменным памятникам, возросшим на этой самой традиции, — Житию Феодосия и летописи. Но не скоро разобрались русские люди в этом любопытном памятнике христианского благочестия, где наряду с заведомо извращенными фактами и придуманными событиями имелись достоверные данные; и тяжело было пренебречь таким памятником, в особенности монахам Печерской обители, когда они находили в нем занимательные рассказы о первых отцах — основателях святого места: легендарном Антонии, великом Моисее Угрине, преп. Феодосии; когда в нем в захватывающем изложении представлялись события, связанные с постройкой святого храма, причем так определенно говорилось о великих чудесах, явленных св. Богородицей; когда, наконец, далекое прошлое Печерской обители оказывалось также богатым чудесами и великими предзнаменованиями, из которых главное — это благословение Святой Горы, почившее на двух первых подвижниках печерских, на Антонии и Моисее (вспомним, что последний пострижен неким мнихом от Святой Горы, в сане иерея). Составитель Начального свода работал в такое время, когда Житие Антония только что появилось; есть основание предполагать, что оно возникло в конце 80-х или самом начале 90-х гг.;¹ это было причиной того, что Житие Антония, забытое впоследствии, оказало на него такое влияние. В XII в., благодаря указанной выше причине, Житие Антония, столь явно противоречившее сложившейся в Печерском монастыре традиции, было отвергнуто, оставлено в пренебрежении; на это пренебрежение указывает Поликарп, говоря, что в течение 160-ти лет не было помяновения о древних отцах, жития которых вписаны в Житие Антония. Симону и Поликарпу, приступившим к составлению новой редакции Печерского отечника, было естественно обратиться к первой его редакции, т. е. к Житию Антония.

§ 191¹². Нам предстоит решить вопрос, читалось ли Сказание о том, что ради прозвася Печерский монастырь в первоначальном своем виде в Древнейшем Киевском своде, или оно заимствовано Начальным сводом еще из другого источника. Высказываемся за то, что статья эта находилась в своде, предшествовавшем Начальному своду; имеем в виду при этом то обстоятельство, что этот предшествовавший Начальному своду свод был составлен в Печерском монастыре. Невероятно, чтобы

¹ Основания эти, кроме некоторых общих соображений, например, относительно того, что Житие Антония появилось после Жития Феодосия, ибо в противном случае оно не осталось бы незамеченным Нестором, также и того, что оно написано раньше 1095 г., около которого возник Начальный свод, сводятся к следующему. В этом житии, которое признаю древнейшим видом Печерского отечника, читалось, между прочим, Житие Евстратия Постника; это видно, во-первых, из того, что слово о нем помещено Симоном непосредственно за фразой: «и ина такова обрящещи, брате Порликарпе, в житии святого Антоніа, к нему нѣкто прииде» и т. д.; во-вторых, из того, что тот же Евстратий называется ниже Герасимом, причем это можно объяснить только влиянием письменного источника, где было указано сначала светское, а потом монашеское имя подвижника. Память Евстратия празднуется 28 марта, между тем он был распят в день Пасхи; Пасха приходилась на 28 марта в XI в. (после 1050 г.) в 1087, 1092 и 1098 гг., а в XII в. (до 1150 г.) ни разу. Следовательно, рассказ об Евстратии мог сложиться не раньше 1087 г.

в нем не сообщалось о начале Печерской обители, о построении храма Св. Богородицы и т.д. Но, как мы видели, первоначальное сказание сильно отличалось от дошедшего до нас в ПВЛ сказания. Первоначальный вид восстанавливается частью путем удаления обнаруженных в предшествующих вставок и изменений, частью же посредством привлечения Жития Феодосия. Думаю, что Нестор в своем изложении, в Житии Феодосия, древнейших судеб Печерского монастыря держался данных первоначального (летописного) сказания. Ср. доказанное выше (§ 49) пользование со стороны Нестора Древнейшим сводом. Так, между прочим, считаю 6570 (1062) г. — дату построения монастыря — заимствованным Нестором из Древнейшего свода. В восстанавливаемом ниже тексте соответствующей статьи нам придется сделать несколько ссылок на Житие Феодосия, подобно тому как, восстанавливая первоначальный рассказ об убиении Бориса и Глеба, мы должны были ссылаться на Несторово Чтение об убиении святых мучеников.

2

§ 191¹³. Общерусский летописный свод 1423 г., который в значительной степени может быть восстановлен по своду 1448 г. (Софийский 1-й и Новгородский 4-й), включил в свой состав несколько произведений житийной литературы. Так, между прочим, в него вошли обширная повесть об убиении Михаила Черниговского, также Житие Александра Невского, Житие великого князя Дмитрия Ивановича, обширные отрывки из Жития Михаила Александровича Тверского; в древнюю летопись сводчиком 1423 г. включены из пролога: сказание об убиении варягов-мучеников, далее сказание об убиении Бориса и Глеба («Родъ правыхъ благословиться»), сказание о перенесении мощей их в 1072 г.; кроме того, в этот свод сделаны заимствования из паримийного чтения о Борисе и Глебе (ср. § 39), а также взяты из Жития Владимира похвала ему (§ 39) и указание на то, что он крестился в церкви Св. Иакова. Все это побуждает нас допустить, что в числе источников общерусского свода было и Житие Антония. Приведем восходящие к этому житию места и поставим их в связь с извлеченными нами выше из рассмотрения Начального свода (ПВЛ) данными. Не забудем, что к восстановлению общерусского свода 1423 г., кроме свода 1448 г., должны быть привлечены еще хронографы и Ростовская компиляция XV в.

§ 191¹⁴. Под 6526 г. в Новгородской 4-й и Софийской 1-й после слов «Ярославъ же не утягну исполчитися, и побѣди Болеславъ Ярослава» читаем: «и ту убиша Блуда воеводу, и иныхъ побѣдиша множество, а еже ихъ руками яша, то расточи Болеславъ по Ляхомъ».¹ Этих слов нет в ПВЛ. Мы не видим основания возводить их к Новгородскому своду, служившему источником для общерусского свода 1423 г., ибо из Новгородского свода попали в общерусский свод преимущественно новгородские известия; не отрицаем того, что в Новгородском своде были и южнорусские статьи и известия, но не имеем основания думать, что южнорусская по происхождению статья, где сообщалось о победе Болеслава над Ярославом, была в Новгородском своде изложена полнее,

¹ В Ростовской компиляции XV в.: «и избѣша вои его и Блуда убиша» (Ермолинская, Тверская и Львовская).

чем в ПВЛ: мы не поняли бы причины сокращения этой статьи в Начальном своде или ПВЛ. Между тем рассказ о победе Болеслава над Ярославом мог быть помещен в Житии Антония, ибо результатом этой победы было пленение Болеславом Моисея Угрина; Поликарп сообщает, что Моисей был взят Болеславом при удалении из Киева, но возможно, что Моисей был захвачен в бою у Воляня. В подтверждение можем сослаться и на прямое свидетельство Тверского сборника, где читаем: «На томъ бою изымаша Моисеа Угрина, брата Георгіева, иже бѣ убити съ княземъ Борисомъ; бѣ бо и той слуга Борисовъ, и много пострада въ Лятской землѣ отъ вдовы нѣкыа, млады суша, еяже мужъ, боляринъ сый Болеславъ, убіенъ на семъ бою. Моисей же, по страданіи своемъ, приде въ Ківъ, въ Печерскій монастырь, и бысть чюдень старецъ, красень тѣломъ и душею, о немъ же лежать повѣсти въ Отечницѣ Печерскомъ» (ПСРЛ. Т. XV. С. 137). Какую может иметь цену это свидетельство? Думаю, что оно основывается на такой редакции патерика, которая нам неизвестна, а именно на какой-то распространенной редакции его, а эта распространенная редакция могла, в свою очередь, позаимствовать кое-что из Жития Антония.¹

Ниже читаем в своде 1448 г. (Софийский 1-й и Новгородский 4-й) следующее место, отсутствующее в ПВЛ: «И съде (Болеслав) на столѣ Володимерь. И тогда Болеславъ положи себѣ на ложи Предславу, дщерь Володимерову, сестру Ярославлю».² В связи с этим стоит и дальнейшее: «Болеславъ же побѣже изъ Кіева, поволочивъ Предславу, возма имѣніе и боляре Ярославли и сестры его»;³ слов «поволочивъ Предславу» нет в ПВЛ. Оба эти места, по указанным выше основаниям, не можем возвести к Новгородскому своду, источнику свода 1423 г.; между тем вероятно признать его заимствованием из Жития Антония по следующим данным: во-первых, предшествующая вставка в тексте свода 1423 г. восходит, несомненно, к Житию Антония; во-вторых, мы знаем, что Житие Антония сообщало о том, что Моисей после избиения слуг Борисовых скрывался у Предславы; следовательно, житие интересовалось личностью Предславы. Ставим это в связь с предположенными выше (§ 191³) вставками, сделанными из Жития Антония в текст Начального свода; в этих вставках Предславе отводится такая активная роль в борьбе Ярослава со Святополком, о которой не знал Древнейший свод.

Можем привести еще одно основание, в пользу по крайней мере того, что приведенные в общерусском своде известия о Предславе восходят к древнему источнику; они не придуманы, ибо находят себе соответствие в свидетельстве современника событий, разыгравшихся после смерти Владимира Святославича. Титмар Мерзебургский сообщает о том,

¹ Ср. сходную вставку в Тверском сборнике выше, в рассказе об убийении Бориса, после слов «Бяше же сей отрокъ родомъ Угринъ, именемъ Георгій» — «братъ Моисею, егоже потомъ плѣни Болеславъ, плѣнуа Кіевъ съ Святополкомъ, бѣяся съ Ярославомъ; много пострада въ Лясхѣ въ плѣну отъ жены нѣкыа, еяже мужа убиша на бою вои Ярославли; она же хотѣ сего Моисея въ домъ свой взяти въ мужа себѣ, красоты ради его, бѣша бо красни велми; о немъ же повѣсть въ Патерицѣ въ Печерскомъ».

² Ср. в Ермолинской: «Тогда же Болеславъ насиліе твори надъ сестрою Ярославлю Предславою».

³ В Тверском сборнике очевидна позднейшая поправка: «побѣже ис Кіева, поволочивъ Предславу, взя имѣніе Ярославле и сестры его Предславы, и боярь взя съ собою». В своде 1448 г., как и в ПВЛ, говорится о сестрах Ярослава.

что Болеслав, захватив в плен девять сестер Ярослава, одну из них обесчестил.¹

§ 191¹⁵. Перехожу к дальнейшим указаниям. Под 6551 г. в общерусском своде, как видно из свода 1448 г., вслед за рассказом о несчастном походе Владимира на греков читалось: «Тое же осени Ярославъ дасть сестру свою за Казимира. И въ та лѣта обидяше Моиславъ Казимира, и ходи Ярославъ двжды въ лодіяхъ на Мазавшане, и рече Казимиру: ели отецъ твой Болеславъ побѣдивъ мене, и полони людей моихъ за ся, то дай ми за вѣно. И собра Казимиръ людей его Руси полоненныхъ осмьсотъ, кромѣ женъ и дѣтей, и вда за вѣно Ярославу, шуину своему. Сей же Казимиръ дасть сестру свою за Изяслава, сына Ярослава».² В ПВЛ в соответствии с этой статьей читаем: во-первых, под 6551 (1043) г.: «В си же времена вдасть Ярославъ сестру свою за Казимира, и вдасть Казимиръ за вѣно людей 8 сотъ, яже бѣ полонилъ Болеславъ, побѣдивъ Ярослава»;³ во-вторых, под 6555 (1047) г.: «Ярославъ иде на Мазовшаны, и побѣди я, и князя ихъ уби Моислава, и покори я Казимиру».⁴ Сравнивая известия ПВЛ с сообщением общерусского свода 1423 г., видим, что в этом последнем установлена связь между двумя событиями, не стоящими между собою в связи в ПВЛ, между выходом в замужество за Казимира сестры Ярослава и между походом (или походами) Ярослава в помощь Казимиру против мазовшан. Трудно сомневаться в том, чтобы такая связь между этими обоими событиями не существовала в действительности; очевидно, родственный союз был причиной той помощи, которую оказал Ярослав Казимиру; кроме того, значительное вено, данное Казимиром за жену свою (800 русских пленников), доказывает, что Казимир получил от Ярослава не только руку его сестры, но еще нечто, а именно существенную услугу в борьбе с Моиславом Мазовецким; между тем в ПВЛ сообщение о вене, поставленное непосредственно за известием о женитьбе Казимира, не стоит ни в какой связи с походом Ярослава на мазовшан. Ввиду этого я прежде всего не могу признать сообщения свода 1423 г. заимствованным из ПВЛ; не ссылаюсь на большую полноту его, на речь Ярослава к Казимиру, на пристегнутое в конце известие о женитьбе Изяслава, — все это можно, пожалуй, объяснить позднейшим сочинительством, но основываюсь на том, что свод 1423 г. рассказывает о походе Ярослава на мазовшан и о женитьбе Казимира в одной статье, между тем как ПВЛ помещает эти события в две разные статьи; в этом я и вижу независи-

¹ «Ibi fuit noverca regis predicti, uxor, et 9 sorores eiusdem, quarum unam prius ab eo desideratam antiquus fornicator Bolizlavus, oblita contextali sua, iniuste duxerat» (Monumenta Poloniae historica. T. I. S. 317). Длугош под 1018 г. передает, что, по некоторым известиям, война между Болеславом и Ярославом возгорелась из-за отказа последнего отдать за него сестру свою: «Boleslaus Poloniae Rex in magnam indignationem actus, bellum Iaroslao indixit, et munitionibus suis expugnatis, etiam sorore Iaroslai capta, pro concubina abutebatur».

² В Ростовской компиляции XV в. всего этого нет, но зато к известию 6555 г., о котором скажем ниже, приписано: «зятю своему: сестра его за нимъ бѣ» (Львовская, Ермолинская; в Тверском: «зятю своему Лятцкому»).

³ Слова «яже бѣ полонилъ Болеславъ, побѣдивъ Ярослава» опущены в Лаврентьевском, они есть в Ипатьевском и Радзивиловском списках.

⁴ Это известие читается и в своде 1448 г., причем после слова «иде» прибавлено «третіе». Думаю, что «третіе» стоит в связи со сделанным выше (в статье 6551 г.) указанием: «и ходи Ярославъ двжды». Это «двжды» едва ли не стоит вместо слова «второе» первоначального текста, ибо о первом походе Ярослава на мазовшан в лодях сообщено и в ПВЛ, и в своде 1448 г. под 6549 (1041) г.: «второе» могло быть передано цифрой 2 (в).

мость свода 1423 г. от ПВЛ, в этом вижу также указание на большую первоначальность текста сообщения свода 1423 г. сравнительно с ПВЛ. Впрочем, я не сомневаюсь в том, что при внесении в свод 1423 г. это сообщение несколько потерпело в первоначальной своей редакции: так, мы уже предположили выше (предыдущее примечание), что прибавка «второе» (измененное в своде 1448 г. в «двожды») внесена под влиянием наличности сообщения о походе Ярослава на мазовшан 6549 (1041) г.; отсюда же, быть может, заимствованы слова «въ лодіяхъ»; замечательно, что список Царского, стоявший под влиянием свода 1423 г. (через посредство Ростовской компиляции), опускает эти слова; быть может, их не было в своде 1423 г. и они внесены уже в свод 1448 г.; наконец, ввиду всего сказанного вероятно признать, что начало сообщения, нас интересующего, сокращено под влиянием приведенного ниже по ПВЛ известия: действительно, мы читаем здесь, что Моислав обижал Казимира и что Ярослав ходил два раза на мазовшан, но о том, имели ли успех оба похода Ярослава, о том, победил ли Ярослав Моислава и помог ли своим походом Казимиру, сообщение умалчивает; вероятно думать, что первоначально за словами «и иде Ярославъ на Мазовшаны»¹ читалось: «и побѣди я и князя ихъ уби Моислава и покори я Казимиру».

Сделанный нами вывод мы применяем к оценке дошедших до нас в ПВЛ двух приведенных выше известий. Они некогда составляли одно целое; причину умолчания Начального свода (ПВЛ) под 6551 г. о походе Ярослава на мазовшан, несмотря на то что источник Начального свода уполномочивал его говорить об этом походе там же, где было сообщено о женитьбе Казимира, я вижу во влиянии на Начальный свод другого источника. Этим другим источником я признаю Древнейший свод, в котором вообще отмечались походы Ярослава: так, им отмечены походы на литву, на ятвягов, на греков и т. д.; в нем было сообщено и о походе Ярослава на мазовшан, причем Древнейший свод давал основание отнести его на 6549 (1041) г.; не допускаю поэтому, чтобы в этом своде под 6555 (1047) г. сообщалось о другом походе Ярослава.

§ 191¹⁶. Оставляю пока в стороне вопрос о том, откуда заимствовано известие 6555 г. о походе Ярослава на мазовшан и убийении им Моислава; я надеюсь разрешить его ниже в главе, посвященной вопросу об объеме Древнейшего свода. Перехожу теперь к вопросу, откуда заимствовано, с одной стороны, общерусским сводом, а с другой — Начальным сводом сообщение о женитьбе Казимира на сестре Ярослава. Мы только что видели, что есть основание думать, что это сообщение попало в Начальный свод не из Древнейшего свода: признав источником известия 6549 г. Древнейший свод или Новгородский свод, мы не можем допустить, чтобы источником для сообщения о женитьбе Казимира был тот же свод; совершенно ясно, что сообщение это заимствовано из такого источника, где одновременно с известием о женитьбе Казимира рассказывалось также о походе Ярослава на мазовшан; между тем в Начальном своде сообщение о женитьбе Казимира не стоит в связи с сообщением о походе Ярослава. Общерусский свод 1423 г. имел общий источник с Начальным сводом в своде Новгородском: составитель Начального свода использовал редакцию XI в., а составитель общерусского свода —

¹ Поправляю так в предположении, что слова «второе» и заменившее его «двожды», а также «въ лодіяхъ» появились в своде 1423 г. (и своде 1448 г.) под влиянием известия 6549 г. (ср. выше).

редакцию позднейшую, но основанную на той же редакции XI в. Допустимо ли, однако, предположение, что сообщение о походе Ярослава на мазовшан и женитьбе Казимира заимствовано в Начальный свод и общерусский свод 1423 г. из Новгородского свода? В пользу этого можно было бы привести большую полноту сообщения в своде 1423 г., в котором вообще новгородские известия представлены полнее, чем в Начальном своде, сокращавшем и частью искажавшем их. Но мы не можем подыскать никаких оснований для объяснения того, почему запись об этих двух событиях, в особенности же о женитьбе Казимира, возникла именно в Новгороде; можно было бы допустить возможность существования подобного сообщения в Новгородском своде, но только в том случае, если признать его перенесенным из Древнейшего Киевского свода, а мы только что привели доказательства в пользу того, что Древнейший свод не имел этого сообщения. Итак, мы вынуждены искать другой источник, откуда сообщение, нас интересующее, попало и в Начальный свод, и в общерусский свод 1423 г. Общим источником для Начального свода и для общерусского свода 1423 г. было, как мы видели, Житие Антония. Допустимо ли, однако, чтобы сообщение о походе Ярослава на мазовшан и о женитьбе Казимира содержалось в Житии Антония?

Вспомним, что в состав Жития Антония входило житие Моисея Угрина. Поликарп не говорит о том, как освободился из польского плена Моисей. Рассказав о народном восстании, во время которого были избиты епископы и бояре, причем была убита также и госпожа Моисеева, Поликарп продолжает: «преподобнии же Моисѣи, възмогъ отъ ранъ, прииде къ святѣи Богородици в Печерскіи монастырь». Избиение бояр польских не могло быть достаточным объяснением для освобождения Моисея из плена. Естественно думать, что Житие Антония, сказав о восстании, при котором убита была госпожа Моисеева, для того чтобы связать его с грозным пророчением святого, произнесенным им в присутствии Болеслава, подыскивало другую причину для объяснений его освобождения из польского плена, причем руководствовалось, быть может, и живым еще во время его составления преданием. Предание помнило об освобождении Казимиром 800 пленных за вено сестры Ярославовой, выданной в замужестве за Казимира; предание, верное исторической действительности, поставило это необычное по своим размерам вено в связь с услугой, оказанною Ярославом своему зятю, теснимому Мазовецким Моиславом. Думаю, что Житие Антония и привело этот факт (поход Ярослава против Моислава и освобождение 800 пленных Казимиром, зятем Ярослава) для объяснения того, как освободился из польского плена Моисей.

§ 191¹⁷. Спрашиваем, почему в своде 1423 г. известия о женитьбе Казимира и походе Ярослава на мазовшан, а в Начальном своде известие о женитьбе Казимира помещены под 6551 г.? Здесь уместно сослаться на польские и немецкие источники, сообщающие об этом браке Казимира с Марией-Добронегой; анализ их привел Бальцера к заключению, что брак этот имел место раньше 1043 г.; действительно, рождение Болеслава и Владислава, происшедших от этого брака, относится (правда, не с полной достоверностью) к 1039 и 1040 гг.¹ Основываясь на наших данных, думаю, что брак этот должно отнести ко времени около 1041 г.,

¹ Balzer. Genealogia Piastów. С. 89.

когда Ярославом был, согласно летописному известию, предпринят поход против мазовшан; трудно сомневаться в том, что этот поход был совершен по просьбе Казимира, очевидно уже тогда связавшего себя брачными узами с русским княжеским домом. Во всяком случае, дату 1043 г. для брака Казимира с Добронею надо признать ошибочной; причину ошибки ищем в том источнике, откуда известие об этом браке попало в Начальный свод, т. е. в Житии Антония. Думаю, что Житие Антония давало основание отнести смерть Моисея на 6561 (1053) г.; вместе с тем оно указывало, что Моисей пробыл в монастыре 10 лет (Поликарп: «пробыть въ монастыри лѣтъ 10»); отсюда выводилось заключение, что он пришел в монастырь в 6551 (1043) г.¹

§ 191¹⁸. Сделаем еще несколько замечаний относительно той редакции, которую сообщение Жития Антония приняло в общерусском своде 1423 г. Обращаем прежде всего внимание на слова, которыми начинается известие о женитьбе Казимира: «Тои же осени Ярославъ дасть сестру свою за Казимира»; в Начальном своде (ПВЛ) вместо «тои же осени» читается: «в си же времена»; ср. в общерусском своде ниже: «И въ та лѣта обидяше Моиславъ Казимира». Отчего же произошла замена неопределенного «в си же времена» определенным «тои же осени»? Замена эта тем резче бросается в глаза, что самый год 6551-й для брака Казимира недостоверен и вставлен составителем Начального свода (а за ним составителем общерусского свода), как мы видели, предположительно. Думаю, что слова «тои же осени» попали в общерусский свод из другого источника, а именно из Новгородского свода, где они читались непосредственно за рассказом о поражении Владимира Ярославича греками; слова эти относились к следовавшему за этим рассказом в Новгородском своде известию о походе Владимира на емь, которое общерусский свод, как видно из Новгородской 4-й и древнейших списков Софийской 1-й, поместил под 6551 г.

Мы говорили уже о вставке слов «двожды в лодьяхъ». Обращаем внимание на слова Ярослава, обращенные к Казимиру: «ели отецъ твой Болеславъ побѣдывъ мене, и полони людѣй моихъ за ся, то дай ми за вено». Думаю, что они читались и в Житии Антония, ибо, конечно, требованием Ярослава вознаграждения за помощь против Моислава было естественно объяснить необычное и вместе с тем ценное вено, полученное им за сестру. Точно ли Ярослав и в Житии Антония называл Болеслава отцом Казимира? Болеслав Храбрый приходился дедом Казимира, но возможно, что Житие Антония, как мы знаем, не очень точное в своих исторических данных, допустило эту ошибку.

Наконец, в конце сообщения, восходящего к Житию Антония, читаем: «Сей же Казимиръ дасть сестру свою за Изяслава, сына Ярославля». Думаю, что и это известие (которому нельзя, разумеется, придавать хронологической ценности, но которое верно по существу) восходит к Житию Антония. Оно может принадлежать современнику — лицу, знав-

¹ Мы видели выше, что составитель Начального свода, на основании данных того же Жития Антония (Моисей страдал в узах 5 лет, а 6 за чистоту), вывел заключение о том, что мятеж, во время которого убита госпожа Моисеева, случился через 11 лет после 1018 г., т. е. в 1030 г. Этот же 1030 г. (летописи) послужил для Кассиана основанием установить годы: 1031 — для прибытия Моисея в монастырь и 1032 — для пострижения Феодосия. Отсюда следует, что Кассиан руководился не Житием Антония, а только Поликарповым посланием, сопоставленным с летописью.

шему, что Казимир приходился зятем Изяславу и дядей Святополку, знавшему, что княгиня Изяславля (умерла в 1108 г.) дочь того самого Казимира, о котором идет речь.

§ 191¹⁹. Еще несколько известий общерусского свода должны быть, кажется, возведены к Житию Антония. Под 6560 (1052) г. читаем в своде 1448 г.: «Того же лѣта начало Печерскому монастырю отъ Антонія, а въ Кієвъ пришли триє пѣвци изъ Грекъ съ роды своими» (Софійская 1-я и Новгородская 4-я).¹ Замечательно, что некоторые компиляции, восходящие в конце концов к общерусскому своду, помещают эти известия и под другими годами. В Львовской летописи под 6525 (1017) г.: «Того же лѣта прииде Антоней изъ Царяграда и съ нимъ ти певцы въ пещеру» (список Публ. библ.-ки). В летописи Авраамки под 6545 (1037) г.: «При семъ и Антоній Печерскій бысть. В то же время пѣвци три придоша изъ Царяграда». В Архангелогородском летописце: «Принесень (чит.: при сем) бысть Антоней Печерскій. Въ то же время придоша изъ Царяграда три краснопѣвцы». Имея в виду, что общерусский свод представлял соединение нескольких источников, нахожу возможным допустить, что он о начале Печерского монастыря говорил два раза: первый, под 6545 г., после сообщения об основании Ярославом церквей и монастырей, а второй, под 6560 г., под влиянием того, что ПВЛ (главный источник общерусского свода) говорила о начале Печерского монастыря под 6559 г. В первом сообщении говорилось, как в летописи Авраамки: «При семъ и Антоній Печерскій бысть. Въ то же время пѣвцы три с роды своими придоша изъ Грекъ»; во втором говорилось, как в Хронографе, о том, что Антоний начал ставить монастырь. Составитель свода 1448 г. первое сообщение перенес ко второму под 6560 г.; составитель Хронографа опустил совсем первое сообщение; составитель Ростовской компиляции также перенес первое сообщение ко второму под 6560 г.; составитель Львовской летописи перенес (непосредственно из источника, восходящего в конце концов к общерусскому своду) первое сообщение вместе с фразой «Посемъ нача вѣра крестьянская и простиратися въ Руской земли» под 6525 г. ввиду того, что под 6525 г. сообщалось то же, что под 6545 г. (о закладке Св. Софии); составитель общего для Архангелогородской летописи и летописи Авраамки источника сохранил первое сообщение, но зато опустил второе.

Откуда же как не из Жития Антония могли попасть в общерусский свод 1423 г. сообщения как о том, что Антоний стал известен при Ярославе, причем, очевидно, к нему в монастырь пришли три певца, так и о том, что Антоний построил монастырь? Второе сообщение вполне согласно с тем, что мы уже знаем о Житии Антония, всю честь основания и построения монастыря приписывавшего Антонию, а не Феодо-

¹ Ср. в Хронографе под тем же годом: «преподобный Антоній нача ставити монастырь Печерскій въ Кієвъ при великомъ князѣ Ярославѣ». В Ермолинской: «Того же лѣта прииде изъ Святыя Горы Антоніи и нача жыти в пещере, юже преже ископа Ларионъ, иже митрополитъ, а в Кієвъ пришли три пѣвци изъ Грекъ с роды своими». В Тверском сборнике: «Въ лѣто 6560... О началъ Печерскаго монастыря. Того же лѣта прииде Антоній изъ Святыя Горы, и нача жити въ пещерѣ, юже преже ископа Ларионъ, егоже поставилъ Ярославъ митрополитомъ. О демествомъ пѣти на Руси. Того же лѣта придоша изъ Грекъ 3 пѣвци съ роды своими въ Кієвъ». Никоновская под 6559 г. помещает Сказание о начале Печерского монастыря, а потом известие: «Того же лѣта придоша въ Кієвъ триє пѣвцы отъ Грекъ съ роды своими».

сию. Сообщение же о прибытии трех певцов должно быть комментировано именно так, как комментировали его составитель Тверского сборника, с одной стороны (певцы установили демественное пение на Руси), составитель Архангелогородской летописи — с другой (эти певцы были краснопевцами); ср. такой же комментарий в Степенной книге («оть нихъ же начать быти въ Рустѣй земли ангелоподобное пѣніе изрядное осмогласіе, наипаче же и трисоставное согласованіе и самое красное демественное пѣніе»), а также еще у Татищева.¹ Можно именно думать, что и Житие Антония это прибытие певцов поставило в связь с установлением на Руси демественного пения и с введением Студийского устава в Печерском монастыре. Сказание о том, что ради прозвася Печерский монастырь приписывало уставление «како пѣти пѣнья манастырская» Феодосию, но Житие Антония относило его ко времени более раннему, полагая, что и Студийский устав введен в монастыре еще преп. Антонием (ср. об этом выше в § 191¹⁰). Оговариваюсь здесь относительно того, что Житие Антония не давало, по-видимому, точного указания на время прибытия певцов; общерусский свод отнес его к 6545 (1037) г. потому, что под этим годом говорилось вообще о начале монастырского жития на Руси.

Последним заимствованием общерусского свода из Жития Антония представляется следующее известие, помещенное в нем, судя по своду 1448 г., под 6565 (1057) г.: «Тогда бысть игумень Феодосій Печерскій въ Кіевѣ» (Софійская 1-я и Новгородская 4-я).² Оставляю нерешенным вопрос, почему это известие читалось в Житии Антония под 6565 г. Но, имея в виду, что именно около этого года случилось пострижение Феодосия (см. об этом ниже, в главе XVI), думаю, что и в Житии Антония этот год означал год прибытия к Антонию и пострижения от него Феодосия.

ГЛАВА XIII

СКАЗАНИЯ О ПЕРВЫХ РУССКИХ КНЯЗЬЯХ

§ 192. Полученные благодаря предшествующему исследованию результаты дают нам возможность приступить к подробному анализу начальной части древней летописи, сказаний о Рюрике, Аскольде и Дире, Олеге. В нашем анализе мы отправляемся не от текста ПВЛ, а от текста Начального Киевского свода, дошедшего до нас, как я думаю, в довольно исправном виде, в исследуемой части его, в составе Новгородской 1-й летописи младшего извода. Я убежден в том, что соответству-

¹ Под 1053 г. читаем: «Сегожъ года пришесть митрополить Георгій изъ Царяграда и съ нимъ три челоувѣка съ роды своими Демественники, и учаху въ Руси пѣти на 8 голосовъ». Как попал к Татищеву митрополит Георгий, мне неясно.

² То же в Хронографе, в Ермолинской (под 6562 г.), в Львовской (под 6562 г.), в летописи Авраамки (под 6563 г.). В Архангелогородской читаем под 6563 г. «При семь бысть Антоній Печерскій, и собравшася къ нему братіи 12, къ нему же и Феодосій пришесть пострижеся», а вслед за тем: «Въ лѣто 6567, Антоній Печерскій и Феодосій заложили церковь святыхъ Богородицы въ Печерскомъ монастыри. Въ Патерицѣ писано о нихъ. А создана по нихъ Феодосіемъ лѣта 6570».

ющий текст ПВЛ вполне удовлетворительно объясняется из текста Начального свода, но для того чтобы не быть голословным, присоединю в конце настоящей главы несколько строк относительно того, как видоизменился текст начальной части Начального свода под пером редактора ПВЛ.

Начальный свод появился, как мы знаем, около 1095 г. В числе источников он имел два старших свода — Древнейший Киевский свод и Новгородский свод XI в.; последний, как доказано, представляется переработкой Киевского свода. Поэтому ставим прежде всего вопрос, не отразились ли в сказаниях о первых русских князьях указанные два источника — киевский и новгородский?

Утвердительный ответ на этот вопрос вытекает из следующих соображений. Не подлежит сомнению, что предание о Кие, Щеке и Хориве должно признать киевским: ср. топографическую осведомленность рассказчика (увоз Боричев, гора Щековица, гора Хоривица, река Лыбедь); равным образом киевским представляется предание об убиении Аскольда и Дира Олегом и Игорем (ср.: гора Угорское, Олмин двор, церковь Св. Николы, церковь Св. Ирины); напротив, предание о призвании варяжских князей носит следы новгородского происхождения; сошлюсь и здесь на топографическую осведомленность рассказчика: конечно, Белоозеро было известно киевлянам, но стали ли бы они упоминать об Изборске, совсем незначительном городке Новгородской области? Равным образом новгородское происхождение занесенного в Начальный свод предания о смерти Олега в Ладоге и о могиле его в Ладоге совершенно очевидно (это новгородское предание вытеснено в ПВЛ другим, киевским).

Итак, мы видим на пространстве первых страниц Начального свода сплетение преданий киевских и новгородских. Это обстоятельство вполне согласно с предположенным нами существованием двух источников — киевского и новгородского — у составителя Начального свода.

§ 193. Попытке определить, что именно должно возвести к киевскому и что к новгородскому источнику, мы предположим еще следующие указания на наличность двух или нескольких источников для рассматриваемой части Начального свода. Указания эти извлекаются из того впечатления, которое производят некоторые из содержащихся в ней сказаний: в них нет цельности, соответствия подробностей основному замыслу, в них замечается компромисс, согласование двух версий, двух источников. Так, в рассказе о призвании князей называются сначала три племени, а потом четыре: сначала словене, кривичи, меря, затем словене, кривичи, меря и чудь; в призвании князей участвуют четыре племени, а князей на зов является трое; сядятся эти князья не в центрах, которые были средоточием призвавших их племен, а в городах, не имеющих как будто прямого отношения к этим племенам: Новгород составляет исключение — это центр словен, и в нем сядится Рюрик, но почему Трувор сядится именно в Изборске, а не в Пскове, Полоцке или Смоленске, которые все имеют более права назваться центрами кривичей, чем Изборск? Правда, в XVI в. составитель Архангелогородского летописца дал нам комментарий, как будто разъясняющий наше недоумение: упомянув об Изборске, он говорит: «а то нынѣ пригородокъ Псковскій, а тогда былъ въ Кривичехъ болшій городъ». Но, конечно, такой комментарий доказывает только то, что и в XVI в. поселение Трувора в Изборске, а не в большом городе кривичском, вызывало недо-

умение книжников.¹ Еще непонятнее поселение Синеуса на Белоозере, в области не мери, участвовавшей в призвании, а веси, не принимавшей в нем участия.² Правда, составитель ПВЛ присоединил весь к числу племен, призвавших князей, но такое, несомненно позднейшее, распространение текста доказывает только, что уже в начале XII в. поселение Синеуса на Белоозере, а не в области мери (в Ростове), вызывало недоумение внимательного летописца.

В сказании об овладении варяжскими князьями Киевом нас останавливает в Начальном своде выставление действующими лицами Игоря и Олега одновременно; вследствие этого рассказ ведется в двойственном числе: «начаста воевати», «налѣзоста Днѣпръ рѣку», «узрѣста городъ Киевѣ», «потаистася въ лодыяхъ», «излѣзоста на брегъ», «сѣзваста Асколда и Дира» и т. д. Впечатление получается такое, что мы имеем дело с двумя князьями, но Игорю вкладываются в уста слова: «вы нѣста князя, ни роду княжа; но азъ есмь князь и мнѣ достоить княжити»; выше отношение Олега к Игорю определяется как отношение воеводы к князю (Олег назван воеводой Игоря). Но если Игорь — князь, а Олег — воевода, то рассказ должен был бы вестись в единственном числе, ср. ниже единственное число в рассказе об Игоре и Свенельде. Составитель ПВЛ дает иное толкование отношений Игоря к Олегу: Олег княжит вследствие малолетства Игоря; сообразно с этим в соответствующем рассказе об овладении Киевом находим всюду единственное число: «поиде внизъ», «увидѣ Олегъ», «похорони воя», «присла къ Асколду и Диру» и т. д., но один раз при этом является двойственное число: «придоста къ горамъ къ Киевскимъ». Это двойственное число обличает явную переделку в ПВЛ первоначального рассказа, ведшегося в двойственном числе. Следовательно, редакция Начального свода (Новгородской 1-й летописи) более первоначальная, и мы остаемся лицом к лицу с недоуменным вопросом: почему пришлось вести рассказ в двойственном числе, если Игорь — князь, а Олег — воевода? Недоумение наше увеличивается еще более, когда увидим ниже, что Олег выступает самостоятельно от Игоря в походе против греков: перед нами, конечно, князь, а не воевода. Правда, в конце статьи об этом походе прибавлено, очевидно, для низведения Олега в сан воеводы: «Прииде Олегъ къ Киеву и ко Игорю», но последние слова имеют характер явной вставки.

§ 194. Таким образом, мы обнаруживаем в сказаниях о призвании князей, об овладении ими Киева и о походе Олега следы спайки двух или нескольких источников, следы компромисса между ними. Имеем возможность указать еще на явную тенденциозность сказания об овладении Киевом. Мы привели слова, с которыми Игорь обращается к Аскольду; Аскольд и Дир княжат в Киеве (ср. выше: «и бѣста княжаща в Киевѣ»), а Игорь говорит им, что они не князья и не роду княжа; в очевидном соответствии с этим выше об Аскольде и Дире сказано, что

¹ Ср. в Степенной книге: «Отъ Варягъ бо Руссію прозвахомся, а преже Словени быхомъ, еще бо граду Пскову не сущу, но бяше тогда начальный градъ въ странѣ той, зовомый Изборскъ, идѣже преже господствуя Труворъ» (ПСРЛ. Т. XXI. С. 6).

² Что на Белоозере сидела весь, а не меря, ясно из целого ряда свидетельств. Приведу слова, сказанные в 1471 г. на новгородском вече: «потомъ же правнукъ его (Рюрика) князь великій Владимиръ крестися и всѣ земли наши крести: Рускую, и нашу Словѣнску, и Мерску, и Кривичску, Весъ, рекше Бѣлозерскую, и Муромъ, и Вятичи и прочаа» (ПСРЛ. Т. VIII. С. 160).

это были два варяга, назвавшиеся князьями («и нарекошася князема»). ПВЛ и здесь приходит на выручку, комментируя соответствующие слова, вложенные в уста Олегу, так, что Аскольд и Дир были боярами Рюриковыми, отпросившимися в Царьград и без разрешения князя засевшими в Киеве; но, конечно, такой комментарий, облегчая формальное понимание Олеговых слов, несколько не делает рассказ более правдоподобным. Как же определить отмеченную нами тенденцию, сквозящую в речи Игоря и в признании Аскольда и Дира самозванными князьями? Я думаю, что здесь сказалась историко-политическая концепция составителя Начального свода, ставившая единство земли Русской в связь с единством княжеского рода. Этот единый княжеский род является эмблемой единой Русской земли. Но если княжеский род исконно един, то другие князья, князья не этого рода, должны быть: или признаны самозванными — этим признанием устранялось значение предания о князьях Аскольде и Дире; или — это не князья, а воеводы княжеские, действовавшие по поручению и от имени князя; князь Олег превращен в воеводу.

Следовательно, кроме спайки разных источников, комбинации занесенных в них преданий, мы в Начальном своде усматриваем еще важный фактор: тенденциозное изложение и тенденциозное освещение извлеченных из источников и преданий фактов.

В нашем анализе мы и отправляемся, с одной стороны, от наличности в распоряжении составителя Начального свода, по крайней мере, двух источников — киевского и более позднего, новгородского, с другой же стороны, из того положения, что, соединяя свои источники, составитель Начального свода придавал им тенденциозную окраску.

§ 195. Начнем со сказания о призвании князей. Не найдем ли мы здесь влияния двух источников (киевского и новгородского), с одной стороны, тенденциозного освещения старых преданий — с другой? Как указано выше, сообщение о городе Трувора Изборске принадлежит новгородскому источнику. Следовательно, все сообщение о том, где сели призванные князья — Рюрик, Синеус и Трувор, можно признать новгородским. Решимся ли мы, однако, признать вообще все сказание новгородским? Решимся ли возвести его к Новгородскому своду и отрицать существование его в Древнейшем Киевском? Указанные выше соображения заставляют нас ответить на эти вопросы отрицательно. Мы отметили несоответствие городов Новгорода, Белоозера и Изборска четырем племенам, участвовавшим в призвании, — славянам, кривичам, мерянам и чудю. Следовательно, если города принадлежат новгородскому источнику, то племена мы должны возвести к другому источнику, а именно к киевскому. Но, как мы указывали, в начале сказания являются только три первые племени, а потом к ним присоединяется еще четвертое племя — чудь. О скольких же племенах повествовал киевский источник? Считаю вероятным, что только о трех. Ср. ниже несомненное заимствование из киевского источника, где сообщено о дани, наложенной Игорем на словен, кривичей и мерю («и дани устави, Словеномъ и Кривичемъ и Мерямъ дань даяти Варягомъ»). Следовательно, четвертое племя — чудь — вставлено новгородским сводом; это и естественно, новгородцу было близко известно, что варяги до последнего времени брали дань с чуды, творили насилие над чудью.

§ 196. Выяснив таким образом, что некоторые подробности, которыми обставлен рассказ о призвании князей, обличают два источника его,

двух его составителей, обращаемся к главному его содержанию. Суть его в том, что северные племена были обложены данью и даже покорены варягами; восстание изгоняет насильников; освободившиеся племена начинают управляться самостоятельно, но начавшиеся внутренние раздоры приводят к тому, что эти племена призывают к себе варяжских князей и покоряются им добровольно. Таким образом, на смену того состояния, которое нарисовано рассказчиком в начале, является в конце рассказа прежнее состояние северных племен: сначала подчинение их варягам, потом освобождение, наконец опять подчинение варягам. Правда, насильственное подчинение варягам сменилось как будто чем-то иным: добровольным подчинением варяжским князьям; но такой вывод из буквального смысла рассказа несколько не вяжется с теми последствиями, которые имело это добровольное подчинение. Последствия эти следующие: во-первых, «и отъ тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь и отъ тѣхъ словеть Руская земля; и суть Новгородстїи людїе до днешняго дни отъ рода Варяжьска»; как ни толковать эту фразу, быть может даже не читавшуюся именно в таком виде в Начальном своде (см. об этом ниже), из нее следует, что варяги и после добровольного якобы призвания трех князей, пришедших, правда, с многочисленной дружиной, оказываются находниками, и притом настолько влиятельными, что дают то или иное свое имя принявшей их земле. Во-вторых, словене, кривичи и меря, т. е. те самые племена, которые добровольно призвали варяжских князей, облагаются несколько позже данью в пользу опять-таки варягов; даже не в пользу киевского князя или его дружины, а, как по крайней мере читается в дошедшем до нас тексте, в пользу именно варягов («и дани устави, Словеномъ, и Кривичемъ и Мерямъ дань даяти Варягомъ»). Итак, определенная нами схема рассказа остается в силе, несмотря на кажущееся различие обоих состояний северных племен: перед освобождением их от ига варяжского и после этого освобождения. Мне кажется, мы вправе признать поэтому, что в установленной нами последовательности трех моментов (подчинение варягам, освобождение, подчинение варягам) второй момент — вставной. Этот момент говорит о восстании против варягов, об изгнании их за море, о добровольном призвании князей; призвании князей — это, конечно, самая характерная часть всего эпизода; характерна она и в смысле определения той среды, того места, где мог возникнуть рассказ обо всем эпизоде.

§ 197. Киев не знает призвания князей, приглашения их на стол. Напротив, в Новгороде это для позднейших веков его жизни вполне обычное явление. Но не коренится ли начало его в глубокой древности, не стоит ли оно в связи со всем строем государственно-правовых отношений Новгорода? Предание, как мы видели, записанное в Новгороде и попавшее в Начальный свод из Новгородского свода, влагало в уста новгородцам, пришедшим к Святославу просить себе князя, такую речь: «аще не пойдете къ намъ, то налѣземъ собѣ князя»; эти слова находят себе полное соответствие в решении веча, сообщенном в сказании о призвании варягов: «поищемъ собѣ князя». Уже в конце 70-х гг. XI в. новгородское вече резко проявляет свою самостоятельность: князь Глеб Святославич изгоняется из города. Такое проявление веча едва ли не вызвано какою-либо виной изгнанного князя, нарушением им той или иной вольности новгородской, опиравшейся на грамоту Ярослава. Трудно сомневаться в том, что именно во времена Ярослава Новгород при-

обрел какие-то особенные права; договорные отношения Новгорода к князьям в XII и XIII столетиях опирались на эти древние права; ясное свидетельство находим, например, в словах суздальского летописца XII в., который не отрицает того, что «издавна суть свобожени Новгородци прадъды князь нашихъ» (Лаврентьевская под 1169 г.). Вот первое, и главное, основание, которое я выставляю в пользу того, что весь рассказ об освобождении новгородцев и других племен от варягов и далее о призвании ими князей происхождения новгородского, а не киевского.

Вторым основанием выставляю то, что этот рассказ сообщает о том, как появилась княжеская власть именно в Новгороде; происхождение этой власти в Киеве, как видно из дальнейшего рассказа, иное; варяжские князья призваны не всеми русскими племенами, не всю землю, а только новгородцами и другими северными племенами; следовательно, рассказ о призвании князей представляет по своему смыслу законченное целое; невероятно, чтобы киевский летописец мог с такой определенностью воссоздать хотя бы и фантастический рассказ о событии, представлявшем для него лишь попутный интерес.

Третье основание в пользу новгородского происхождения интересующего нас рассказа — это отмеченная выше топографическая осведомленность автора его: в Киеве не могли вспомнить об Изборске, не стали бы там упоминать о Белоозере в рассказе о призвании княжеской династии, приобретшей в скором времени значение общерусское.

Четвертым основанием в пользу иного происхождения рассказа об *освобождении* от варягов и призвании князей сравнительно с сообщением об *обложении* северных племен данью в пользу варягов я считаю несогласованность того рассказа с этим сообщением. Выше я уже указывал, что города, где сели Рюриковы братья, не находят себе соответствия в тех племенах, которые были обложены данью в пользу варягов; отмечу еще, что рассказ об освобождении от варягов как будто еще тесно связывается с предыдущим сообщением об обложении северных племен данью; свергают иго варяжское те самые племена, которым варяги творили насилие, но дальнейший рассказ о самом призвании варягов переносит нас в другую обстановку: перед нами вече старшего города, а не вечевое собрание трех племен; призванные им князья садятся, старший — в старшем городе, а младшие — в пригородах; Изборск и Белоозеро представлены как бы пригородами новгородскими. Таким образом, рассказ о призвании варяжских князей, сопоставленный с сообщением об обложении северных племен данью, должен быть признан новгородским, между тем как упомянутое сообщение признаем, в силу отмеченного противоположения, киевским.

Пятое основание вытекает из только что сделанного вывода. Киевская летопись сообщала об обложении северных племен, и, между прочим, новгородцев, данью варяжскою. Новгородский летописец не отрицает этого факта, но объясняет его добровольным подчинением Новгорода: насильников новгородские люди сумели прогнать за море, а подчинились впоследствии варяжским князьям добровольно, требуя и от них водворения порядка и правого суда. Нельзя не видеть в таком воспроизведении исторического события проявления местного свободолюбивого духа; перед нами тот самый новгородский книжник, который в другой раз, при других обстоятельствах сумеет отстоять вольности родного города от поползновений пришлого князя.

§ 198. Предыдущие соображения приводят нас к следующему выводу: Древнейшая Киевская летопись сообщала о покорении северных племен — словен, кривичей и мери — варягами и об обложении их данью. Сообщение это оканчивалось словами, которые в Новгородской 1-й изложены так: «И отъ тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь, и отъ тѣхъ словеть Руская земля; и суть Новгородстїи людїе до днешняго дне отъ рода Варяжьска». Могли ли они быть изложены так же в Древнейшем Киевском своде? Находим два основания для отрицания такой возможности: во-первых, соответствующая им фраза в ПВЛ свидетельствует о том, что слова эти в Новгородской 1-й летописи заимствованы не из Начального свода; к Начальному своду можно возвести, с одной стороны, места, общие Новгородской 1-й летописи и ПВЛ, с другой — те места Новгородской 1-й летописи, из которых могут быть выведены соответствующие чтения ПВЛ. В данном случае ПВЛ представляет следующее чтение: «И отъ тѣхъ Варягъ прозвася Руская земля; а Новъгородьци отъ рода Варяжьска, преже бо бѣша Словѣни». Такое чтение извлекаем из Радзивилловского, Троицкого и Московско-Академического списков. Лаврентьевский список дает возможность для древнейшей редакции ПВЛ предполагать более полное чтение, а именно: «И отъ тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ,¹ прозвася Руская земля, Новъгородстїи суть людїе² отъ рода Варяжьска, преже бо бѣша Словѣни». Итак, ПВЛ вместе «прозвашася Русь» дает чтение: «прозвася Руская земля» и опускает дальнейшее: «и отъ тѣхъ словеть Руская земля»; кроме того она прибавляет в конце: «преже бо бѣша Словѣне». Нельзя не признать поэтому чтение ПВЛ как будто более первоначальным, чем чтение Новгородской 1-й летописи: в этой последней тавтология «и отъ тѣхъ... прозвашася Русь, и отъ тѣхъ словеть Руская земля» указывает на комбинацию двух источников; опущение «преже бо бѣша Словѣне» представляется поправкой, ибо слова эти сами по себе темны, и удаление их из текста было поэтому естественно.

§ 199. Оставим поэтому пока в стороне Новгородскую 1-ю летопись и приступим к анализу восстановленной нами фразы ПВЛ. Ставим прежде всего вопрос: читалась ли эта фраза так же в Начальном своде, непосредственно предшествовавшем ПВЛ? Для решения этого вопроса привлекаю дальнейший текст ПВЛ под 885 г. и соответствующее ему место в Новгородской 1-й летописи. В последней читаем: «И бѣша у него (у Игоря) Варязи мужи Словенъ и оттолъ³ прозвашася Русью»; в ПВЛ: «И бѣша у него (Олега) Варязи и Словѣни и *прочїи* прозвашася Русью». Вставка слов «и прочїи» весьма характерна именно для ПВЛ, которая, как увидим, проводит тенденциозно теорию варяжского про-

¹ Слова «Варягъ находникъ тѣхъ» в Лаврентьевском опущены, вероятно, по причине механической — повторение слова «тѣхъ».

² Слова «Новъгородстїи суть людїе» в Лаврентьевском испорчены в «Новгородьци ти суть людѣ», и кроме того прибавлено (по-видимому, из списка, сходного с Радзивилловским) после «людѣ» — «Новгородьци». В Радзивилловском эти слова изложены так: «Новъгородъ тїи суть людѣ Новгородци».

³ Так в Комиссионном, где над строкой приписано «прочїи»; в Толстовском: «и оттолъ прочїи». Но это «прочїи» заимствовано из Троицкого списка, а путем его — из ПВЛ. Чтение Комиссионного списка находит себе соответствие в Карамзинском списке Новгородской летописи, который считают списком Новгородской 4-й, исправленным по своду 1448 г. Следовательно, и в своде 1448 г. не было слова «прочїи»; не было его и в Софийском временнике, не было и в Начальном своде.

исхождения Руси; теория эта находила себе опровержение в соответствующем месте Начального свода, ибо оказывалось, что варяги назвались русью только после перехода в южную Русь, но вставка слов «и прочи» устранила возникшее было затруднение. Следовательно, Начальный свод сообщал о том, что варяги (или варяги и словене) прозвались русью, только перейдя в южную Русь, осевши в Киеве. Нахожу поэтому невероятным, чтобы тому же Начальному своду принадлежало указание на то, что Русская земля прозвалась так от варягов, в особенности потому, что указание это стоит там, где о превращении варягов в русь (по переселении их в Киев) еще не было речи. Это принуждает меня признать чтение ПВЛ измененным сравнительно с предполагаемым текстом Начального свода. Как же читалась соответствующая фраза в Начальном своде? Исключаем возможность того, чтобы в ней находились слова «прозвася Русская земля». Эти слова заменили собой, под влиянием теории о варяжском происхождении Руси, другое чтение. Решение вопроса, какое же именно чтение Начального свода подверглось указанной замене, можно бы ждать от соответствующего текста Новгородской 1-й летописи, но там еще резче выражено то самое, что мы признаем вставкою составителя ПВЛ, — вставкою, сделанною под влиянием варяжской теории о происхождении Руси: «И отъ тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь и отъ тѣхъ словеть Руская земля»; следовательно, не только Русская земля получила свое имя от тех варягов, но от них назвались русью и призвавшие их племена, или по крайней мере новгородцы. Чтение Новгородской 1-й летописи ни в коем случае нельзя возвести к Начальному своду: во-первых, потому, что оно стоит в противоречии с дальнейшим, где сказано, что варяги прозвались русью, поселившись с Игорем в Киеве; во-вторых, потому, что оно не разъясняет, почему народ, называвшийся варягами, дал имя руси другим племенам; в-третьих, потому, что повторение — «прозвашася Русь», «словеть Руская земля» — указывает на непервоналичность текста; в-четвертых, потому, что с приведенною фразою не согласовано ее окончание: «и суть Новгородстѣи людѣ до днешняго дни отъ роду Варяжска».

Итак, признаем чтение Новгородской 1-й летописи непервоналичным, и притом возникшим под влиянием ПВЛ, ибо именно ПВЛ проводила теорию о варяжском происхождении Руси. Имея в виду, что почти так же читается в своде 1448 г. (Софийской 1-й и Новгородской 4-й), делаем вывод, что соответствующее место Новгородской 1-й читалось так же в Софийском временнике. Софийский временник представляет текст Начального свода, местами исправленный по протографу Синодального списка (списка Новгородской 1-й старшего извода): см. об этом ниже в главе XV. Протограф Синодального списка в общем повторял текст ПВЛ второй редакции. Отсюда заключаем о возможности того, что слова «прозвашася Русь, и отъ тѣхъ словеть Руская земля» или, точнее, не все эти слова, а только подчеркнутые, попали в Софийский временник из протографа Синодального списка и далее из ПВЛ, заменив другое чтение, — чтение Начального свода. Такое заключение ведет нас и к дальнейшему выводу: слово «прозвашася» восходит именно к Начальному своду, ибо оно не находит себе соответствия в ПВЛ, не находило соответствия, следовательно, и в протографе Синодального списка: мы читаем в ПВЛ: «и отъ тѣхъ... прозвася Русская земля»; этому «прозвася» соответствует в Софийском временнике «словеть», причем замена «прозвася» на «словеть» произошла под влиянием наличности

слова «прозвашася» в предшествующем тексте. Таким образом, видим, что в Начальном своде читалось: «И отъ тѣхъ Варягъ находникъ тѣхъ прозвашася Х». Что стояло за «прозвашася», не видно из предыдущих соображений, но ясно, что не слово «Русь»; это извлечено из последующего, из слов протографа Синодального списка «и отъ тѣхъ... прозвася Русская земля».

В исследовании «Сказание о призвании варягов» я подставил вместо Х слово «Варягы» (твор. пад., мн. ч.), полагая, что Начальный свод общал при этом о том, что призвавшие варяжских князей племена прозвались от этих князей варягами. Я встретил возражения в устной беседе со стороны глубокоуважаемого А. Е. Преснякова, с которым я, с большою всегда пользою для себя, так охотно беседую о вопросах, связанных с исследованием русского летописания. А. Е. Пресняков сообщил мне, что он вместо «Варягы» предпочел бы читать «Новгородьци», причем поставил бы перемену племенного названия (словене) на территориальное (новгородцы) в связь с поселением Рюрика в Новгороде; ср. замену названия полян киевлянами. Сначала поправка, предложенная А. Е. Пресняковым, показалась мне вполне приемлемою, но теперь, после продолжительных размышлений, я возвращаюсь к чтению «Варягы». Мотивировку этого чтения даю ниже, там, где возвожу его к первоисточнику.

§ 200. Таким образом, интересующая нас фраза в Начальном своде читалась предположительно: «И отъ тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Варягы, и суть Новгородьстии людие до дньшьяго дне отъ рода Варяжьска, прежде бо бѣша Словѣне». Последние четыре слова, опущенные в Новгородской 1-й, возвожу к Начальному своду на основании ПВЛ (первой редакции); Новгородская 1-я, т. е. Софийский временник, опустила их под влиянием протографа Синодального списка, где они не читались так же, как не читаются во второй редакции ПВЛ (ср. Ипатьевскую летопись).

§ 200¹. Как же сложилась эта фраза в Начальном своде и какой она имеет смысл? Мы знаем, что Начальный свод соединял чтения Древнейшего Киевского свода с чтениями Новгородского свода XI в.; знаем из предыдущего исследования, что фразе этой предшествует эпизод, вставленный из Новгородского свода; между тем самую фразу мы признали восходящею к Древнейшему Киевскому своду (где она читалась, быть может, и не в том виде, как в Начальном своде). Подтверждаем наше заключение о том, что интересующая нас фраза попала в Начальный свод из Древнейшего Киевского свода, следующим соображением: упомянутые в ней «тѣ Варяги» — это, конечно, те варяги, о которых говорилось выше, что им давали дань словене, кривичи и меря; что это не те варяги, о призвании которых только что сообщил вставленный из Новгородского свода эпизод, ясно из прибавки «находникъ тѣхъ»; этой прибавкой редактор Новгородского свода только связал свой эпизод о призвании варягов (находников) с дальнейшим рассказом Древнейшего Киевского свода. Итак, в этом последнем читалось: «И отъ тѣхъ Варягъ прозвашася Варягы» и т. д. Кого же имел при этом в виду Древнейший Киевский свод, кто же именно прозвался варягами? Из последующего видно, что дело идет о словенах: «прежде бо бѣша Словѣне», — видно еще прямее, что дело идет о новгородцах: «и суть Новгородьстии людие до дньшьяго дни отъ рода Варяжьска». Между тем из буквального смысла дошедшего до нас рассказа, если исключить из него эпизод о призвании варягов, следует, что варягами прозвались не одни новгород-

цы, не одни словене, а все четыре племени, платившие дань варягам: словене, кривичи, меря и чудь. Действительно, ни о новгородцах, ни специально о словенах выше не упоминается. Но смысл фразы Древнейшего Киевского свода требует дополнения предшествующего рассказа (замененного эпизодом о призвании варягов) таким текстом, где сообщалось о новгородцах или специально о словенах. Предполагаю, что место это содержало приблизительно такие слова: «Словѣне же сѣдяху Новѣгородѣ» и что непосредственно за тем читалось: «И отъ тѣхъ Варягъ прозвашася Варягы». За приведенными словами находим: «и суть Новѣгородьстии людие до дньнѣшняго дньне отъ рода Варяжьска». Я думаю, что это не принадлежит составителю Древнейшего Киевского свода: во-первых, слова эти как будто ослабляют категорическое утверждение его, что новгородские словене прозвались варягами; во-вторых, вводит совершенно новое данное, а именно о варяжском *происхождении* новгородцев, ибо раньше утверждалось только о том, что новгородцы прозвались варягами. Признаю эти слова комментарием составителя Новгородского свода XI в., комментарием к сообщению Древнейшего Киевского свода о том, что новгородцы прозвались варягами; комментарий ссылагается на варяжское происхождение многих новгородских мужей, не утративших и до последнего времени своего варяжского обличья (языка и проч.). Что касается дальнейшего «прежде бо бѣша Словѣне», то считаю вероятным, что эти слова восходят к Древнейшему Киевскому своду. Ср. подобное же утверждение в ПВЛ: «отъ Варягъ бо прозвашася Русью, первое бѣша Словѣне» (6406 г.).

§ 201. Приводим теперь основания для предложенного выше чтения: «и отъ тѣхъ Варягъ прозвашася Варягы», дополняя это в предшествующем словами: «Словѣне же сѣдяху Новѣгородѣ». Основания находим в последующем рассказе. Мы читаем в нем о переходе северного князя (из Новгорода) в Киев; в Начальном своде князь этот назван Игорем: «и сѣде Игорь княжа в Києвъ; *и бѣша у него Варязи мужи Словѣне*, и оттолѣ прозвашася Русью». Так читается в Комиссионном списке; в Троицком списке Новгородской 1-й и в своде 1448 г.: «и бѣша у него мужи Варязи Словени»; в ПВЛ, где северный князь назван Олегом: «бѣша у него Варязи и Словѣни» (Лаврентьевский), «и бѣша у него Словѣни и Варязи» (Ипатьевский), «и бѣша у него Варязи Словѣни» (утраченный Троицкий). Думаю, что в Начальном своде читалось так, как в своде 1448 г. (Софийский 1-й и Новгородский 4-й) и Троицком списке Новгородской 1-й: «и бѣша у него мужи Варязи Словѣне»; пропуск слова «мужи» в ПВЛ объясняю себе так же, как вставку «и прочи» за словом «Словѣне»; составитель ПВЛ перенес все внимание на вторую фразу, на утверждение «прозвашася Русью»; в силу этого он видоизменил предшествующие подлежащие. Русью прозвались и варяги, и словене, и проч.; вследствие этого лишним оказывалось определять предшествующее «бѣша» особым подлежащим; русью прозвались не одни «мужи», но и все вообще бывшие под Олегом варяги, словене и проч. Обращаю далее внимание на отсутствие союза «и»: «Варязи Словѣне»; так в Комиссионном, Троицком, Новгородском 1-м и своде 1448 г. Почему не было сказать «Варязи и Словѣне»? Слово «Словѣне» в таком сочетании имеет вид вставки. Должно предположить более древнее чтение: «и бѣша у него мужи Варязи»; таково, вероятно, чтение Древнейшего Киевского свода; вставка же «Словѣне» едва ли не принадлежит составителю Новгородского свода, который, как мы видели, перенес в свой текст слова

«и отъ тѣхъ... прозвашася Варягы, прежде бо бѣша Словѣне» и комментировал их утверждением, что действительно новгородские люди происходят от рода варяжска. Итак, в выясняющемся для Древнейшего Киевского свода «и бѣша у него мужи Варязи, и оттолѣ прозвашася Русью» вижу соответствие предшествующему утверждению того же свода, по которому словене новгородские прозвались варягами: во-первых, на основании этого предшествующего утверждения слово «Варязи» дополнено или комментировано словом «Словѣне»; во-вторых, ясно, что сам Древнейший Киевский свод уже не отличает в этом месте словен от варягов; Олег повел на Киев новгородцев — это видно из всего контекста (ср. ниже § 206), а между тем мужей Олеговых Древнейший Киевский свод определяет как варягов.

Переходим ко второму основанию; находим его тут же в следующем за только что рассмотренным местом тексте: «Сей же Игорь нача грады ставити, и дани устави Словеномъ и Варягомъ даяти, и Кривичемъ и Мерямъ дань даяти Варягомъ»; так в Комиссионном списке; приблизительно так же в Троицком, Новгородском 1-м («устави и дани Словеномъ и Варягомъ даяти, Кривичемъ» и т. д.). В ПВЛ в соответствии с этим находим: «Се же Олегъ нача города ставити, и устави дани Словѣномъ, Кривичемъ и Мери и Варягомъ дань даяти» (Лаврентьевский; между тем в Радзивилловском, утраченном Троицком и Ипатьевском: «и устави дани Словѣномъ и Кривичемъ и Мерямъ, и *устави* Варягомъ дань даяти»).¹ Думаю, что чтение Начального свода выясняется без труда; это: «и устави дани Словѣномъ и Варягомъ даяти и Кривичемъ и Мери, дань даяти Варягомъ». Дошедшее до нас чтение ПВЛ представляет поправки к первоначальному тексту, — поправки, вызванные второй половиной фразы: «дань даяти Варягомъ»; находя здесь повторение, составитель ПВЛ выпустил выше: «и Варягомъ даяти»; составитель второй редакции ПВЛ прибавил еще слово «устави» перед «Варягомъ дань даяти». Как же мы поймем восстановленную нами фразу Начального свода? Она представляется нелепою по своему содержанию. Игорь собирал дань, конечно, в свою пользу, в пользу своей дружины, и не мог считать своею обязанностью уставлять дани в пользу варягов. Невероятно, чтобы словене, кривичи и меря платили дань за море варягам после политического объединения их под главенством киевского князя. Разуметь же под варягами Игоря и его мужей мы не имеем основания, между прочим, потому, что, по свидетельству Начального же свода, Игоревы варяги, перейдя в Киев, назвались русью. Кроме того, приведенная выше фраза говорит прямо о том, что дань была возложена на словен, кривичей и мерю в пользу врагов, а не в пользу самого Игоря. Ср. в ПВЛ под 6391, 6392, 6393 и др. известия о возложении дани киевским князем в свою пользу: Олег посылает, например, сказать вятичам: «не дайте Козаромъ, но мнѣ дайте». Нелепая по своему содержанию фраза, нами восстановленная, оказывается еще построенною совершенно неуклюже: если в Начальном своде читалось «и Варягомъ *даяти*», то, следовательно, в этой фразе дважды повторено одно и то же, ср. ниже

¹ В своде 1448 г. явно позднейшее чтение: «Сии же Олегъ нача ставити грады и дани устави по всеи Рускои земли, Словеномъ и Кривичемъ и Меряномъ дань даяти Варягомъ» (Новгородская 4-я и Софийская 1-я). Список Царского Софийской 1-й, быть может, свидетельствует о том, что слова «по всеи Рускои земли» в общерусском своде 1423 г. читались после «нача ставити грады».

«даяти Варягомъ», причем слова «и Варягомъ даяти» представляются прямо излишними; если же в Начальном своде читалось «и Варягомъ», то неясно содержание фразы: оказывается, что варяги в числе прочих племен платили дань варягам. Правда, в ПВЛ совсем опущено это «и Варягомъ», при этом по Лаврентьевской варяги оказываются в числе прочих племен, обложенных данью, уплачивавшиеся, очевидно, уже не варягам, а Киеву, но такое понимание возможно лишь при известной натяжке, ибо слова «и Варягомъ дань даяти» в конце восстановленной фразы можно относить и к последующему «оть Новгорода гривенъ триста на лѣто»; так и понял это место составитель второй редакции ПВЛ, вставивший, как мы видели, перед словами «Варягомъ дань даяти» — «устави».¹ Ввиду этого не могу дать предпочтения чтению ПВЛ и считаю его подновленным.

Соображая все изложенное, имея в виду нелепость фразы и неуклюжее ее построение, я признаю, что фраза эта претерпела известные редакционные изменения. Исходя из того положения, что Древнейший Киевский свод отождествил новгородских словен с варягами, я думаю, что в нем соответствующая фраза звучала: «и устави дани Варягомъ и Кривичемъ и Мери». Составитель Новгородского свода XI в., отметивший это отождествление словен с варягами и протестовавший против него то путем комментария (ср. указанное выше «и суть Новъгородстии людие отъ рода Варяжьска»), то путем поправки («и бѣша у него мужи Варязи Словѣне» вместо «Варязи»), внес соответственную поправку и здесь: он дал вместо «Варягомъ» чтение «Словѣномъ и Варягомъ». Составитель Начального свода, говоривший выше о дани, взимавшейся варягами со словен, кривичей и мери, предположил ошибку в чтении Новгородского свода: стремясь исправить ее, он дополнил слово «Варягомъ» словом «даяти» и прибавил дальше для вящего пояснения «дань даяти Варягомъ». Таким образом, из предложенного анализа интересующей нас фразы Начального свода выяснилось, что она предполагает выше чтение: «И отъ тѣхъ Варягъ прозѣвашася Варягы, прежде бо бѣша Словѣне», ибо соответствующая интересующей нас фразе фраза Древнейшего Киевского свода заменила ожидаемое имя словен именем варягов, а поправка Новгородского свода предполагает в источнике его наличие подобного отождествления словен и варягов.

§ 202. Возвращаемся к тому первоначальному рассказу, который может быть восстановлен на основании указанных соображений для Древнейшего Киевского свода. Исходя из соответствующего текста Начального свода, отмечаем все, что в этом последнем не может восходить к Древнейшему Киевскому своду.

«Въ времена же Кыя и Шека и Хорива *Новъгородстии людие, рекомии* Словени, и Кривичи и Меря, *Словенѣ свою волость имѣли, а Кривичи свою, а Меря свою; каждо своимъ родомъ владыше; а Чюдѣ своимъ родомъ;* и дань даяху Варягомъ отъ мужа по бѣлѣи вѣверици; а иже бяху у нихъ, то ти насилье дѣяху Словеномъ, Кривичемъ и Мерямъ и Чюди». Мы привели текст Начального свода и отметили в нем то, что не может восходить к Древнейшему Киевскому своду. Приведем основания. Слова «Новъгородстии людие» характерны в устах составителя Новгородского свода XI в.: мы находим это выражение в рассказе о прибытии к Святославу

¹ Лаврентьевский: «и устави дани Словѣном, Кривичемъ и Мери и Варягомъ дань даяти отъ Новгорода гривенъ триста на лѣто».

новгородцев с просьбой дать им князя (Начальный свод и ПВЛ под 6478 г.), далее в сообщении о постановлении Добрынею кумира над Волховом (6488 г.); считаем поэтому прибавку «Новъгородстии людие» комментарием к имени словен, сделанным составителем Новгородского свода (ср. ниже: «и суть Новъгородстии людие отъ рода Варяжъска»). Подлежащие словене и кривичи и меря не имеют при себе сказуемого; поэтому считаю слова, читающиеся непосредственно за ними, вставленными позже. Эту вставку, или, точнее, часть этой вставки, я возвожу к новгородскому источнику Начального свода. Новгородский летописец оттенил этими словами, читавшимися при том, как кажется, ниже, после сообщения об изгнании варягов, что словене, кривичи и меря не составляли одной волости, а управлялись друг от друга самостоятельно. Считаю вероятным, что соответствующее место в Новгородском своде читалось полнее, а именно в нем сообщалось о построении словенами Новгорода и о старейшине новгородском Гостомысле. Как мы видели (§ 160¹), Новгородский свод содержал упоминание о Гостомысле; наиболее подходящим местом для этого упоминания был рассказ о событиях, предшествовавших изгнанию варягов. Во второй части вставки находим: «кождо своимъ родомъ владаше, а Чюдъ своимъ родомъ». Эту часть вставки я не могу возвести вместе с началом вставки к одному общему источнику: ведь это продолжение вставки противоречит ее началу; в начале говорится о том, что словене, кривичи и меря имели свою волость, т. е. свою государственную власть, свое княжение, а здесь читаем: «кождо своимъ родомъ владаше»; итак, здесь находим утверждение, что названные племена жили родами, управлялись родовыми начальниками. Я думаю, что в этом выразилась особенная точка зрения составителя Начального свода, особая его историко-политическая концепция: княжеская власть началась только с водворением на Руси княжеской династии, а бывшие до того князья — это или самозванцы, или родовые старейшины. Та же мысль выражена им в самом начале: «Живяху кождо съ родомъ своимъ на своих мѣстехъ и странахъ, владѣюще кождо родомъ своимъ»; эти слова представляются явно вставкою, прибавкою к последующему рассказу о построении Киева тремя братьями; этим словам соответствуют во второй части рассматриваемой вставки сначала: «кождо своимъ родомъ владаше», дальше: «а Чюдъ своимъ родомъ»; ясно, что автором, сочинителем обоих мест является одно и то же лицо. Переходим к третьей вставке: мы считаем такой вставкой имя чуди. Ведем ее к Новгородскому своду, основываясь, во-первых, на том, что чудь не названа с самого начала, не названа она и ниже в числе племен, обложенных Игорем данью; напротив, мы находим чудь в эпизоде о призвании князей, и имени ее соответствует город Изборск, пограничный город словен и чуди.¹ Эта чудь была необходима для составителя Новгородского свода: иначе он не мог уяснить себе поселения Трувора, одного из призванных варяжских князей, в Изборске. Я думаю, что в Новгородском своде чудь была прибавлена уже к первому перечню пле-

¹ «Изборск, поставленный на самой окраине кривского населения, с северо-запада, на рубеже с сильною чудью, и в соседстве новгородцев...» (Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 180). Соловьев утверждал, что под этой чудью должно разуметь: «Вотъ или воль древней Вожской пятины в Новгородской области, которых и теперь русские соседи называют не иначе, как чюдья» (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. I. С. 292. Примеч.).

мен, но Начальный свод, руководствуясь Древнейшим Киевским сводом, опустил чюдъ в этом первом перечне, зато он оговорил ее особо во вставке «а Чюдъ своимъ родомъ» и привел ее имя ниже, во втором перечне.

§ 203. Приведенный выше рассказ Древнейшего Киевского свода, как мы предположили (§ 200¹), продолжался словами: «Словѣне же съдяху Новѣгородѣ. И отъ тѣхъ Варягъ прозвашася Варягы, прежде бо бѣша Словѣне». Первая фраза восстановлена нами по догадке, а вторая извлечена из Начального свода (ПВЛ); слово «Варягы» вставлено на основании вышеприведенных соображений.

Каков же смысл всего этого рассказа Древнейшего Киевского свода и каково его происхождение? Он представляется введением к дальнейшему рассказу о киевских событиях, к рассказу о водворении варяжского князя в Киеве. Этот дальнейший рассказ основывался на народном предании, быть может, на народной песне о том, как был взят Киев вещим Олегом. Предшествующее ему сообщение о событиях северных основывалось не на народном предании и не на припоминаниях, а на комбинациях киевского летописца. Он знал, во-первых, из народного предания о завладении Киева князем Олегом; во-вторых, упорная традиция указывала на варяжское происхождение киевской княжеской династии и княжеских дружинников;¹ в-третьих, современные отношения (XI в.) и припоминания из более древних времен свидетельствовали об объединении северных и южных племен под главенством одного князя; в-четвертых, земли словен, кривичей и мери соединялись в представлении киевлян в одном общем представлении о верхних, верховных землях;² в-пятых, представление о новгородских славянах тесно связалось с представлением о варягах, частью оттого, что в Новгороде действительно жило немало варягов (ср. в нем Варяжскую божницу, Варяжскую улицу), частью оттого, что варяги шли в Киев через Новгород и, конечно, увлекали с собой немало словен, постоянно смешиваясь с ними в дружинах, частью, наконец, и оттого, что близость новгородских владений к Варяжской земле переносила, естественно, на новгородцев имя ва-

¹ Приведу, например, следующие данные. Древняя проложная статья о Владимире начинается словами: «Съ бысть сынъ Святославъ отъ племени Варяжска князь Володимиръ». Одно из древнерусских поучений на неделю мытаря и фарисея содержит такое место: «не хвались родомъ, ты благородный, не говори: отецъ у меня бояринъ, а мученики Христовы братья мнѣ». По объяснению В. О. Ключевского, «это намек на христиан варягов, отца с сыном, пострадавших от киевских язычников при князе Владимире в 983 г. Значит, русскому обществу XI в. боярин русский представлялся непременно родичем, земляком киевских мучеников варягов, хотя в X и в начале XI в. известно по летописи немало княжих мужей из туземцев славян» (Курс русской истории. Т. I. С. 197). Боярин Шимон, игравший видную роль при дворе Изяслава, был, согласно патерику, варягом по происхождению. Варяжское происхождение большинства имен Олеговых и Игоревых мужей, занесенных в договоры, стоит вне сомнения. Родственные связи Ярослава с варяжскими конунгами также имеют значение в вопросе о варяжском происхождении киевской княжеской династии.

² Ср.: «Володимеру же шедшу Новугороду по верховниѣ воѣ» (ПВЛ под 997 г.). Киевская летопись под 6656 г. противопоставляет «верхнія земли» Русской земле: «Изяславъ (сидевший в Киеве) да дары Ростиславу, что отъ Рускыи земль и отъ всихъ царьскихъ земель, а Ростиславъ (сидевший в Смоленске) да дары Изяславу, что отъ верьхнихъ земль и отъ Варягъ». Под 6693 г. читаем в той же летописи: «Великій князь Всеволодичъ Святославъ шель бѣшетъ въ Корачевъ и сбирашетъ отъ верьхнихъ земель вои». Ср.: *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 225. Примеч.

рягов.¹ Думаю, что указанных элементов было достаточно для того, чтобы сложиться рассмотренному выше введению к киевскому преданию о завладении Киева Олегом.

§ 204. Когда Древнейший Киевский свод перешел в Новгород, там было обращено особое внимание на это введение. Новгородский сводчик решил развить его в самостоятельный и цельный рассказ о древнейшей судьбе родного города; в него вставлены им данные, извлеченные из местных преданий. И в Новгороде помнили и знали о владычестве варягов, но народное предание вспоминало и о свержении варяжского ига, и о самостоятельной жизни Новгорода во времена Гостомысла; надо было объяснить, как же исчезла впоследствии эта политическая самостоятельность, как попал Новгород в зависимость от киевского князя. На памяти народной совершился ряд событий, подсказывавших правдоподобное объяснение; в моменты опасности новгородцам приходилось не раз обращаться за помощью к заморским варягам; вспомним Владимира, бежавшего из Новгорода при тревожных известиях с юга, Ярослава, не один раз обращавшегося за варяжской помощью; и Владимир и Ярослав шли затем с призванными ими варягами на юг и утверждали там свое господство; и если Древнейший Киевский свод рассказывал о подобном же движении северного князя на юг во главе новгородцев и варягов, то появление варягов, с точки зрения новгородца, можно было объяснить только их призыванием, приглашением самим Новгородом. Итак, сравнительно недавнее прошлое давало новгородскому летописцу возможность прибегнуть к объяснению появления варягов в Новгороде и их похода на Киев в союзе с новгородцами призыванием их самим Новгородом. Но летописцу приходится идти дальше: из Древнейшего Киевского свода ясно, что во главе варягов, овладевших Киевом, находился варяжский князь и что этот самый князь обложил, между прочим, и словен данью в пользу Киева; сообщение о дани в пользу Киева соответствовало и современной действительности; не отрицал новгородский летописец и сообщения о варяжском происхождении княжеской династии: оно подтверждалось многочисленными данными, но он сделал из этого сообщения свой собственный вывод, соответствовавший политическим воззрениям, приобретающим в Новгороде все большую силу: князь новгородский есть призванный самим Новгородом князь; княжеская власть в Новгороде имела и должна иметь юридическое основание в призывании, предполагающем известное соглашение и соблюдение князем дорогих для города вольностей. Новгородский летописец выходит с честью из тех затруднений, которые создавались темным, запутанным рассказом Киевского свода: Новгород не был покорен варягами, новгородцы свергли варяжское иго, они управлялись самостоятельно, имели свою власть, и в силу своей самостоятельности они по свободному решению обратились к варягам и призвали оттуда князя. Политические права создаются на исторических прецедентах: новгородские люди лет через сто после предположенного призвания первого князя приглашают на стол, по сообщению того же новгородского летописца, малолетнего Владимира и сажают впоследствии Владимирову сына Ярослава («и посадиша Ярослава»). Кто знает, быть может, новгородцы, державшие

¹ В Калужской губернии мешовцы называют жителей Мосальского уезда поляками; в свою очередь, мосали называют поляками жителей Рославльского уезда Смоленской губернии и т. д. Дальнейшие соображения о варяго-словенах сообщены ниже.

в 1102 г. речь к Святополку, в которой отстаивали свое право удержать у себя князем Мстислава и не принимать Святополкова сына,¹ уже ссылались на прошлое, уже приводили свидетельства своего летописца в пользу того, что новгородцы издавна имели свободу приглашать себе князя.

Но перед новгородцем развертывался, когда он вспоминал древнейшие судьбы родной земли, ряд любопытных местных преданий о варяжских князьях. Каждый значительный центр на севере, и притом не в одной Новгородской земле, был связан или своим именем, или воспоминаниями с варяжскими князьями: на Белоозере вспоминали о варяжском князе Синеусе, память о нем была жива еще в XVI столетии, когда указывали даже погост, где он сидел;² Изборск помнил о Труворе; Ладога вспоминала Олега, и в ней показывали Олегову могилу; в Новгороде говорили о князе Рюрике, указывали Рюриково городище;³ в Полоцке вспоминали о Рогволоде и т. д. Составитель Новгородского свода не считал нужным воспроизводить все известные ему предания о Рюрике, изборское — о Труворе, белозерское — о Синеусе. Эти предания о трех князьях варяжских он решил приладить к киевскому рассказу о трех племенах, поработанных варягами, — словенах, кривичах и меди. Для этого в области словен новгородских летописцу, казалось бы, не требовалось больше одного предания, — предания о Рюрике, дальше он, казалось бы, должен был бы втянуть в свой рассказ то или иное мерское или кривичское предание о древних варяжских князьях, но области мери и кривичей отстояли далеко от Новгорода и туда не заходили их предания, пришлось прибегнуть к преданиям соседних областей; белозерцы помнили о князе Синеусе, правда, на Белоозере сидит весь, а не меря, о которой говорил Древнейший Киевский свод, но области веси и мери связаны административно, Белоозеро подчинено ведь Ростову; изборяне рассказывали о Труворе, правда, изборяне это не кривичи, но подходящего кривичского предания в наличии у летописца не имелось; Изборск населен наполовину чудью, пришлось ввести чудь в число племен, призвавших варягов. Таким образом, не отступая от основной нити киевского рассказа, новгородский летописец получил возможность соединить три предания о трех варяжских князьях — Рюрике, Синеусе и Труворе — в одно сказание о призвании этих князей четырьмя племенами, свергнувшими с себя варяжское иго. Весьма вероятно, что представление о трех князьях-братьях было дано как эпи-

¹ «И рѣша Новгородци Святополку: се мы, княже, прислани к тобѣ, и ркли ны тако: не хотимъ Святополка, ни сына его; аще ли 2 главѣ имѣеть сынѣ твой, то пошли и; а сего ны дасть Всеволодъ, а въскормили есмы собѣ князь, а ты еси шель отъ насъ».

² Ср.: рукопись Публ. библ-ки Q.IV.216: «умре Труворъ в ызборске, и Синеусъ на Белеозере в Кистеме». В Кирилло-Белозерском сборнике XVI в. (хранящемся в Императорской Археографической комиссии) про Синеуса сказано, что он сидел «у насъ на Кистемѣ».

³ Ср.: Бураковский. Путеводитель по Новгороду и его окрестностям. Новгород, 1891. С. 119—120: «В двух верстах от города на правом берегу Волхова, близ его истока, расположено так называемое Рюриково Городище. Здесь, как говорит предание, поселились славяне, пришедшие с юга, часть которых впоследствии, по причине увеличения населения, перешла несколько ниже и основала Новый город, или Новгород. В Городище жили самые влиятельные из славян, вследствие чего здесь же поселился первый русский князь Рюрик, когда призван был на княжение. Впрочем, никаких памятников не сохранилось на Городище... и о пребывании здесь Рюрика говорят только предание да самое название местности».

ческий мотив из других рассказов, других преданий, подобных и тому преданию, которое в Киеве приурочивало построение города именно трем братьям; вот почему Синеус и Трувор оказываются в рассказе новгородца братьями Рюрика, вот почему братьев остается трое, несмотря на участие в призвании еще четвертого племени — чуди.

§ 205. В результате новгородский летописец создает следующее сказание, вставленное им в рассказ Древнейшего Киевского свода: «И вѣсташа Словѣне и Кривичи и Меря и Чюдѣ на Варягы и изгнаша я за море и начаша владѣти сами собѣ. Словѣне свою волость имѣша и поставиша градъ и нарекоша и Новѣгородъ и посадиша старѣйшину Гостомысла, а Кривичи свою, а Меря свою. И вѣсташа сами на ся воевать и бысть межи ими рать велика и усобица, и вѣсташа градъ на градъ, и не бѣша въ нихъ правды. И рѣша къ себѣ: поищемъ себѣ князя, иже бы владѣлъ нами и рядилъ ны по праву. Идоша за море къ Варягомъ и рѣкоша: земля наша велика и обилна, а наряда у насъ нѣту; да поидѣте к намъ княжить и владѣть нами. И избрашася 3 братия съ роды своими и пояша съ собою дружину многу и приидоша къ Новугороду; и сѣде старѣйшій в Новѣгородѣ, бѣ имя ему Рюрикъ; а другой сѣде на Бѣлѣозерѣ Синеусъ; а третей въ Изборьскѣ, имя ему Труворъ».¹ За этой вставкой новгородский летописец продолжал списывать свой киевский источник. Но к словам «И отъ тѣхъ Варягъ» он прибавил: «находникъ тѣхъ», для того чтобы теснее связать фразу со вставленным эпизодом. Итак, получилась фраза: «и отъ тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Варягы». Фраза, ясная для киевлянина, называвшего новгородцев варягами (как мещовец называет жителей Мосальского уезда поляками, ср. выше), но непонятная для новгородца, хорошо отличавшего коренных жителей Новгорода, словен, от варягов. В виде комментария, как мы видели (§ 200), им дается к этой фразе объяснение: «и суть Новгородьстии людие до днешняго дни отъ рода Варяжьска, преже бо бѣша Словѣне».

Мы видели выше, что составитель Начального свода списывал сначала в соответствующем месте Древнейший Киевский свод. Но потом он заметил бѣольшую полноту Новгородского свода. Из него он вставил слова: «Словенѣ свою волость имѣша, а Кривичи свою, а Меря свою», но не принял сообщения о поставлении Новгорода и о Гостомысле. После этой вставки составитель Начального свода продолжал списывать текст Новгородского свода, заменив, впрочем, в эпизоде о призвании варягов перенесенное отчасти выше сообщение о волости словен, кривичей и мери, далее сообщение о поставлении Новгорода и о Гостомысле словами: «и города ставити».

§ 205¹. Переходим к дальнейшему. Как переходил составитель Древнейшего Киевского свода, а за ним и первый новгородский сводчик к рассказу об овладении Киева варяжским князем? В Начальном своде читалось: «По двою же лѣту умре Синеусъ и братъ его Труворъ, и приа

¹ Мы привели текст Комиссионного списка, не исправляя его пока по другим. Но исключили из него после слов «и пояша съ собою дружину многу» слова «и предивну». Признаем эти слова вставленными по недоразумению из протографа Синодального списка, где, по-видимому, читалось: «и *приде в Новѣгородъ* старѣи Рюрикъ». Ср. в Троицком списке Новгородской 1-й: «и *приде къ Новугороду* и сѣде старѣишии въ Новѣгородѣ». Кроме того, я исключил слова «и города ставити» после «и начаша владѣти сами собѣ» (ср. ниже). Курсивом я обозначил слова, не вошедшие предположительно в Начальный свод.

власть единъ Рюрикъ, обою брату власть, и нача владѣти единъ. И роди сынъ, и нарече имя ему Игорьъ. И възрaстъшю же ему Игорю, и бысть храборъ и мудръ. И бысть у него воевода, именемъ Олегъ, мужъ мудръ и храборъ. И начаста воевати» и т. д. Могло ли это читаться в Древнейшем Киевском своде? Конечно, нет, ибо этот свод ничего не знал ни о Рюрике, ни о Синеусе и Труворе. Но не заимствовано ли это из Новгородского свода XI в.? И это представляется маловероятным: во-первых, зачем было новгородцу сообщать о смерти Синеуса и Трувора и утверждать единовластие Рюрика? Во-вторых, мог ли он назвать Олега воеводой Игоревым, когда северное предание (ладожское) говорило, по-видимому, о князе Олеге?

Приведенное место представляется совершенно искусственным по своему содержанию, в нем ярко проглядывает определенная тенденция. Русская княжеская династия должна получить ясную генеалогию: исторический Игорь должен быть связан с Рюриком, которого новгородское сказание называло первым князем; Рюрик — это родоначальник династии; боковые линии должны отпасть сами собой; с единством княжеского рода стоит в связи единство Русской земли; следовательно, Синеус и Трувор умерли бездетными, и притом вскоре после призвания, ибо уже Рюрик владел един. Устранив, таким образом, Синеуса и Трувора, лицо, составившее приведенный отрывок, должно было разрешить вопрос, в каком же отношении к Рюрику стоит исторический Игорь. Если бы источники говорили об одном Игоре, то дело решалось бы просто: Игорь — сын Рюрика, но источники говорили, очевидно, о двух князьях — об Олеге и Игоре. И именно сначала говорилось об Олеге, а потом уже об Игоре: это ясно из Начального свода; поход на греков приписывается Олегу, и после его смерти сообщено: «Игорь же съдѣаше в Киевѣ княжа». Вместе с тем взаимные отношения Олега и Игоря не были, очевидно, определены источниками: иначе дело значительно бы упростилось для составителя Начального свода, и ему не пришлось бы прибегнуть к искусственной комбинации. Но отчего умолчанию источников он не противопоставляет гипотезу: Рюрик родил Олега, Олег родил Игоря? Причину вижу в следующем. Все рассматриваемое место скопировано составителем Начального свода. В числе источников последнего был хронограф; в этом хронографе говорилось под 6428 г. о поражении Руси, напавшей на Царьград, но Древнейший Киевский свод рассказывал, напротив, о победе Олега, о дани, взятой им с Царьграда, о щите Олега, повешенном в ознаменование победы на вратах Царьградских; победа не могла предшествовать поражению, с этим не мирилось национальное чувство, победа была жестокою расплатою за поражение, Олег отомстил грекам за поражение. Кто же был поражен? Допустить, что поражен был сам вещий Олег — это пойти в разрез с преданием, это оскорбить чувство читателя, это возбудить в нем недоверие. Вот почему, вставив из хронографа рассказ о поражении Руси греками перед рассказом о победоносном походе Олега, составитель Начального свода отнес поражение на счет князю Игорю («Посла князь Игорь на Грькы»). Итак, Игорь княжил раньше Олега. Но это противоречило и свидетельству источников, и тому также, что исторический Игорь был, несомненно, отцом исторического Святослава и дедом исторического Владимира. Как же выйти из создавшегося затруднения: Олег побеждает греков после поражения Игоря, но Олег княжил раньше Игоря? Легендарный Олег превращается для этого составителем Началь-

ного свода в Игореву воеводу. Эта комбинация позволяет выдвинуть роль Олега в рассказе о взятии Киева, устранить Олега в рассказе о поражении Руси под Царьградом и снова ввести Олега-победителя в рассказ о славном походе Руси под Царьградом. Составитель Начального свода сохранил в целостности предания, не исказил образа вещаго Олега, а вместе с тем дал себе возможность сказать, на основании хронографа, о поражении Руси. Таким образом, Рюрику наследовал Игорь; это сын Рюрика, Олег, Игорев воевода. Искусственно скомбинировав переход от предшествующего повествования к рассказу о взятии Киева, летописец упустил из внимания одно существенное обстоятельство: он не упомянул о смерти Рюрика.

§ 206. Прежде чем перейти к анализу рассказа о взятии Киева и о последующих событиях, отвечаем на вопрос, как же переходили Древнейший Киевский свод и Новгородский свод от предшествующего повествования к этому рассказу. Думаю, что до нас дошла одна фраза из этого утраченного переходного места. В своде 1448 г., точнее — еще в своде 1423 г., который соединил текст ПВЛ с текстом Новгородского свода 1167 г., вслед за сообщением о том, как уселись призванные князья, находим фразу: «и начаша воевати всюду». В своде 1448 г. она относится к Рюрику, Синеусу и Трувору; вероятно, к ним же она относилась в Новгородском своде XI в. Но какое основание имел этот свод говорить о войнах Рюрика, Синеуса и Тривора? Думаю, что прямого отношения эта фраза не могла иметь к этим князьям, так как вижу ее связь с последующим рассказом о киевском взятии; мы читаем там: «и поидоша внизъ по Днѣпру и приидоша къ горамъ Киевскимъ», — не «поидоста» «приидоста», как естественно было бы ждать ввиду предшествующего: «И начаста (Игорь и Олег) воевати, и налъзоста Днѣпръ рѣку и Смолнескъ градъ». Ввиду сказанного выше признаю себя вправе предположить, что двойственное число заменило множественное уже в самом Начальном своде, когда в нем появилась комбинация Игорь—Олег; следовательно, раньше читалось: «И начаша воевати и налъзоша Днѣпръ рѣку». Ср. выше фразу, извлеченную нами из свода 1448 г. и возведенную к Новгородскому своду 1167 г.: «И начаша воевати всюду». Но рассказ о взятии Киева варягами несомненно киевского происхождения. Поэтому слова «и начаша воевати» или «и начаша воевати всюду» восходят в конце концов к Древнейшему Киевскому своду. Отсюда заключаю, что рассказ о взятии Киева соединялся с предшествующим повествованием этой самой фразой: «И начаша воевати всюду». О ком же идет дело? Конечно, о тех варягах, речью о которых окончилось предшествующее повествование. «И отъ тѣхъ Варягъ прозвашася Варягы» — «И начаша воевати всюду». Но мы не можем удовольствоваться таким восстановлением. В последующем рассказе выступает князь варяжский, овладевающий Киевом и затем уставляющий дани на покоренных племенах. Об этом князе должно было быть упомянуто перед словами «И начаша воевати всюду».

Кто же этот князь? Игорь или Олег? В Начальном своде находим Игоря, в ПВЛ — Олега. Оставляем показание ПВЛ в стороне и решаемся утверждать на основании самого текста Начального свода, что в его источнике — следовательно, в Древнейшем Киевском своде — говорилось не об Игоре, а об Олеге. В Начальном своде находим Игоря, князя, и Олега, воеводу его; рассказ ведется в начале и потом дальше опять в двойственном числе. Невероятно, чтобы так же стояло в источ-

нике Начального свода; этому противоречат, между прочим, формы множественного числа, о которых мы говорили выше; этому противно и то, что вообще рассказ о деяниях князя повели бы в единственном числе, даже если бы упомянули о его воеводе. И если в Начальном своде двойственное число заменило в нескольких случаях множественное число оригинала, то возможно, что двойственное число заменило в других случаях единственное число в этом же рассказе. Появление Олега в качестве действующего лица при Игоре доказывает, что в источнике Начального свода действующим лицом был Олег. Мы видели выше, какие побуждения руководили составителем Начального свода при вставке имени Игоря. Итак, согласно предыдущему, уже выше, перед словами «И начаша воевати всюду» должно было быть упомянуто об Олеге. Я думаю, что там, непосредственно за «И отъ тѣхъ Варягъ прозвашася Варягы», читалось: «И бысть у нихъ князь именемъ Олегъ, мужъ мудръ и храборъ». Ср. в тексте Начального свода перед словами «И начаста воевати» — «И бысть у него (у Игоря) воевода, именемъ Олегъ, мужъ мудръ и храборъ». Выше читаем то же об Игоре: «и бысть храборъ и мудръ»; совершенно ясно, что эта характеристика перенесена на князя Игоря с князя Олега, других оснований для признания Игоря храбрым и мудрым составитель Начального свода не имел.

§ 206¹. Итак, Олег со своими варягами (под которыми разумелись и словене и варяги) поплыл вниз по Днепру. «И приидоша къ горамъ Киевскимъ и узрѣша ¹ городъ Киевъ, и испыташа, кто в немъ княжить; и рѣша: два брата Аскольдъ и Диръ». Уместно поставить вопрос, не правы ли те исследователи, которые предполагали, что в первоначальном рассказе говорилось об одном князе, сидевшем в Киеве; соправительство двух князей — совсем необычное для Древней Руси явление. Это соображение, а также и то, что Масуди (арабский писатель X в.) говорит о славянском короле Дире,² не упоминая об Аскольде, побуждали исследователей, начиная с Н. П. Ламбина и кончая М. С. Грушевским, отвергать соправительство Аскольда и Дира и предполагать, что они княжили в разное время. Н. П. Ламбиным были указаны еще и внутренние, извлеченные из самой летописи основания для признания сомнительным факт одновременного убиения Олегом Аскольда и Дира: они похоронены в разных местах города Киева, отстоящих друг от друга на добрые полмили, как выражается Грушевский.³ Не отрицая соображений историков, всецело к ним присоединяясь, я нахожу, что рассматриваемое сказание не содержит само в себе указаний на то, что первоначально в нем читалось одно имя — Дира или Аскольда. Оба эти имени соединены не составителем писанного сказания, а самим народным преданием. Но вопросом является, где же именно их соединило народное предание — в сказании о завладении Олегом Киева, или в другом самостоятельном сказании? Выше в Начальном своде читалось: «И по сихъ братиѣ приидоста два Варяга и нарекошася князема: одному бѣ имя Аскольдъ, а другому Диръ, и бѣста княжаща в Киевѣ и владѣюща Полями; и бѣша ратни съ Древляны и съ Уличи». Итак, народное предание помнило об Аскольде и Дире не только то, что при них Киев взят Олегом и что

¹ В Начальном своде «узрѣста».

² Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. по Р. Х.). СПб., 1870. С. 137.

³ Грушевський М. С. Історія України—Руси. Т. I. С. 363.

они были им убиты, но как будто еще и то, что они были варягами и что, вокняжившись в Киеве, они воевали с древлянами и угличами. Думаю, что имена Аскольда и Дира были соединены именно в этом предании; перенесены же они в сказание о завладении Олега Киевом составителем Древнейшего Киевского свода. Сомневаюсь, чтобы в устном рассказе или в соответствующей исторической песне сообщалось о том, что Олег имел дело именно с Аскольдом и Диром. Считаю возможным, что Олегу устное предание приписывало убийство Кия, Щека и Хорива.¹ Составитель Древнейшего Киевского свода, записавший сначала предание о князьях Аскольде и Дире, приступив затем к записи о завладении Олегом Киева, счел удобным устранить обоих названных им раньше князей со сцены, вставив их имена в рассказ о завладении Киева Олегом и предоставив им умереть от дружины Олеговой. Итак, признаю, что уже в Древнейшем Киевском своде в рассматриваемом сказании читались имена Аскольда и Дира, читалось и об их убийстве.

§ 206². Но в этом сказании обнаруживаются еще две вставки, сделанные уже составителем Начального свода; говорю *еще* две вставки, имея в виду обнаруженную выше вставку Игоря рядом с именем Олега. Это, во-первых, речь Игоря к Аскольду: «вы нѣста князя, ни роду князя, нѣ азъ есмь князь, и мнѣ достойть княжити». Отсылаю к соответствующему месту «Истории Украины» Грушевского, где дается должная оценка этой необыкновенной речи Игоря, решительно лишенной смысла и основания. Замечу, со своей стороны, ту явную тенденцию, которую обнаруживает эта речь. Составитель Начального свода систематически, как мы видели, проводит две идеи: идею о единстве княжеского рода и идею о появлении княжеской власти только со времени Рюрика, главы современной ему княжеской династии; до тех пор племена управлялись своими, родовыми старейшинами; встречавшиеся до того князья — на самом деле князья самозваные, ибо они не роду князя, ибо они происходят не от Рюрика.² Эта идея и выражена Игорем, речь которого я и считаю поэтому вставкой. Отмечу, что в приписываемом таким образом сочинителю составителя Начального свода месте — «И рече Игорьъ къ Аскольду» и т. д. — единственный раз является единственное число вместо множественного или двойственного; далее, вместо Аскольда и Дира назван один Аскольд. В связи с обнаруженной вставкой стоит и редакционное изменение в предшествующей записи, в сказании о вокняжении Аскольда и Дира в Киеве; мы читаем в нем: «и нарекося князема»; слова эти намекают на то самое, что откровенно высказал Аскольду Игорь, т. е. на то, что Аскольд и Дир — князья самозваные. Но если слова «и нарекося князема» — тенденциозная вставка составителя Начального свода, то не ему ли принадлежат и слова «приидоста два Варяга»? Если вставка «и нарекося князема» стоит в связи с речью Игоря к Аскольду, не стоит ли «приидоста два Варяга» в связи с рассказом о том, как водворились в Киеве Игорь и Олег? Сомнительно, чтобы между словами «приидоста два Варяга» и дальнейшим «и нарекося князема» не было тесной внутренней связи; для того чтобы иметь возможность сказать, что Аскольд и Дир назывались князьями, надо было объяснить, кто же они были на самом деле:

¹ Ср. подобные сказания в позднейших летописных сборниках.

² Едва ли не поэтому же Олег, которого, в силу указанных выше соображений, составитель Начального свода не признал сыном Рюрика, был низведен в воеводы.

они были простыми варягами, — вот смысл слов «приидоста два Варяга».

§ 206³. Нам приходится, таким образом, определить, что же рассказывал Древнейший Киевский свод об Аскольде и Дире и в какой связи стояло его сообщение с предшествующим рассказом об основании Киева. Отвлекаемся на время от сказания о завладении Киева Олегом. Как мы видели, за рассказом о Кие, Щеке и Хориве обнаруживается ряд вставок: во-первых, фраза «бяху же поганѣ, жруще озеромъ и кладяземъ и рощениемъ, якоже прочіи погани»; во-вторых, отрывок из хронографа о нападении Руси на Царьград. За этим отрывком читаем: «По сихъ лѣтѣхъ братіа си изгибоша и быша обидими Древляны (и) инѣми околними». Далее следует явная вставка, где приводится эпизод с казарской данью. Вставка обнаруживается словами «Нъ мы на преднее возвратимся» в конце ее. Ввиду этого слова «И по сихъ братіи той», которые читаем за вставкой, точнее, за словами «Нъ мы на преднее возвратимся», должны быть отождествлены со словами «По сихъ лѣтѣхъ братіа си изгибоша», которые читаются перед вставкой, а из такого отождествления следует, что «и быша обидими Древляны (и) инѣми околними» также вставлено; нельзя сомневаться в том, что вставка этих последних слов стоит в связи с последующей вставкой, содержащей эпизод о казарской дани; словами этими вводится рассказ о казарах. Извлечены эти слова из дальнейшего; ср. ниже: «и быша ратни съ Древляны и съ Угличи». Следовательно, имеем основание думать, что непосредственно за рассказом об основании Киева за словами «и быша мудри и смыслени, нарицахуся Поляне, отъ нихъже суть Поляне (Кыеве) и до сего дне» читалось в Древнейшем Киевском своде «И по сихъ братіи», а далее об Аскольде и Дире. Ничего *о приходе* Аскольда и Дира не говорилось, а только сообщалось о том, что они княжили в Кыеве: «И по сихъ братіи княжиста Кыевъ Аскольдъ и Диръ и бѣста владѣюща Полями». Вот, думаю, как было изложено интересующее нас место в Древнейшем Киевском своде.

§ 206⁴. Возвращаюсь к сказанию о завладении Киева Олегом. Мы рассмотрели одну вставку. Переходим к другой. В Новгородской 1-й и, по-видимому, в Начальном своде читалось: «И убиша Аскольда и Дира, и абіе несъше на гору и погребоша Асколда на горѣ, еже ся нынѣ Угорьское наричетъ, идеже естъ дворъ Олминъ, на той могылѣ постави Олма церковь святого Николу; а Дирева могила за святою Ириною». Останавливаемся прежде всего на том, что гора, где похоронен Аскольд, определяется здесь ближайшим образом словами «еже ся нынѣ Угорьское наричетъ». Выше было уже упомянуто об этой горе, и притом без указания на то, что она называется так именно теперь: «и с малою дружиною излѣзоста на брегъ подъ Угорьскимъ». Отсюда заключаю, что рассказ, содержащий эту последнюю фразу, писан одним лицом, а место, где находится фраза «еже ся нынѣ Угорьское наричетъ», — другим, иначе — что это место вставлено в первоначальный рассказ о завладении Киева Олегом. Во всяком случае, топографическое определение могил Аскольда и Дира не могло принадлежать устному преданию о завладении Киева Олегом, если бы даже мы признали возможным, что в этом устном предании упоминались Аскольд и Дир (а не Кий, Щек и Хорив или какой-нибудь анонимный князь); приурочение к сказанию преданий о могилах Аскольда и Дира принадлежит, конечно, редактору свода, и притом — ввиду указанных соображений — редактору Началь-

ного свода, а не Древнейшего. Следовательно, и упоминание о постройке Олмой церкви Св. Николы на Аскольдовой могиле должно отнести на счет сводчика конца XI в. В Древнейшем Киевском своде вместо всего того, что содержится теперь в Начальном своде, читалось, по-видимому, только следующее: «И убиша Асколда и Дира и несоша на гору и погребоша я». Свод всех предыдущих указаний относительно первоначального вида сказания об овладении Киева Олегом даем в соответствующем месте восстанавливаемого ниже текста Древнейшего Киевского свода.

§ 206⁵. В конце этого сказания читаем сообщение, уже подвергшееся нашему обсуждению. «И съде Игорь княжа в Киевѣ, и бѣша у него Варязи мужи Словенѣ, и оттолѣ прозвашася Русью». Так читается в Начальном своде; в Древнейшем Киевском своде вместо Игоря стояло имя Олега, а в конце говорилось: «и бѣша у него мужи Варязи, и оттолѣ прозвашася Русью» (см. § 201). Здесь уместно обсудить, какое значение имеет приведенное сообщение. Слово «Русь» составитель Древнейшего Киевского свода употребил впервые в этом месте; выше он говорил о полянах как о жителях Киева. Если он сказал, что Олеговы варяги, поселившись в Киеве, назывались русью, то, следовательно, он отличал русь от полян. В ПВЛ читаем под 6406 (898) г.: «Поляне, яже нынѣ зовомая Русь», но в Древнейшем Киевском своде не было соответствующего места; выше, в начале ПВЛ, повторена фраза Древнейшего Киевского свода: «нарицахуся Поляне, отъ нихъже суть Поляне в Киевѣ и до сего дне». В сущности, эти фразы, не противоречащие одна другой, указывают, однако, на две разные точки зрения; память о полянах и этнографическое имя их были живы и в XI в., хотя же поляне назывались и русью. Итак, во всяком случае поляне не отождествлены с русью; поляне «прозвашася Русью» (ср. конец летописной статьи 6406 г. в ПВЛ), но сохраняли и свое исконное этнографическое название. Но нам важно отметить, что составитель Древнейшего Киевского свода, следя за судьбой Олеговых варягов в Киеве, не указал на то, что они назывались там полянами или кыянами, а перенес на них имя руси. Сказав выше несколько строк перед этим, что кыяне до сих пор называются полянами, он Олегову дружину переименовывает из варягов в русь. Думаю, что в этом отразилось живое в XI и, как видно из ПВЛ, еще и в XII столетии представление о том, что имя руси — это имя княжеской дружины, княжеских бояр и вообще правящих верхов. Мы встретились только что выше, в рассказе о новгородском севере, с таким же правящим слоем, давшим свое имя и всему подвластному племени, — это варяги. На юге тот же правящий слой носил название руси. Летописец различает и на севере и на юге эти правящие слои от сидевшего под ними народа. Говоря о древнейших временах или сообщая этнографические подробности современные, он скажет о словенах и полянах, но в рассказе о политических событиях, где на первом месте выступают князь и его дружина, он употребит названия варяги и русь, прибегнет еще к терминам кыяне и новгородцы.

§ 206⁶. Варяги и русь — это, с одной стороны, племена севера, с другой — племена юга. Для нас ясно происхождение первого имени: варягами называли шведов, вообще жителей Скандинавии. Но что же такое русь? По ясному свидетельству составителя ПВЛ, русь — это тоже варяги, русь — это варяжское племя. Мы не придаем значения исторической достоверности всем ученым мудрствованиям составителя ПВЛ: в

них слишком ясно просвечивает тенденция, упорное желание доказать тождество руси и варягов. Но думаем, что ученый киевлянин в исходных положениях своих прав: русь — это те же норманы, те же скандинавы; русь — это древнейший слой варягов, первые выходцы из Скандинавии, осевшие на юге России раньше, чем потомки их стали оседать на менее привлекательном, лесистом и болотистом славянском севере. Эти вторые выходцы, потомки скандинавского населения, давшего и первых выходцев, стали известны уже не под именем руси, а варягов; Впрочем, финские племена продолжали называть и новых выходцев из Скандинавии старым именем, как и до сих пор финны называют их все так же (Ruotsi). Впоследствии забывается и имя варягов, несмотря на продолжающиеся сношения со Скандинавией: ее жители получают название свеи.¹ Оставляем в стороне вопрос, чем вызывалась эта смена названий — русь, варяги, свея, а также какая их этимология. Для нас имеет существенное значение, что родство или тождество руси с варягами отмечено не только киевлянами, но и греками. Ср. известное место у Продолжателя Амартола: «κατέπλευσαν οἱ Ῥῶς οἱ καὶ Δροῖται λεγόμενοι, οἱ ἐκ γένους τῶν Φράγγων ὄντες».² Константин Багрянородный отличает русь от ее данников кривичей, лучан и прочих словен, отличает и в отношении языка, причем, давая русские названия порогов и отличая их от славянских, приводит названия древнескандинавские, следовательно варяжские.

Итак, в VIII—IX вв. имели место следующие два явления: среди приднепровских славян появляются полчища скандинавов, садятся в укрепленных местах и начинают покорять себе славянские племена; их называют *русью*, быть может, под влиянием той этнографической среды, через которую они проникали на юг, — среди финских племен. Заняв южные области, русь недружелюбно встречает новых, последующих выходцев из Скандинавии; конечно, оградить себя совсем от этих родичей невозможно, но неохотно русь делится с ними насыщенными местами, облюбованными данями. Становится ясным, что юг уже отрезан для колонизации его скандинавами; новые выходцы являются туда уже не завоевателями, не хозяевами, а гостями. Колонизационная волна должна оседать в местностях, более близких к Скандинавии и по природным свойствам своим менее привлекательных: скандинавы занимают озерную область и покоряют себе финнов и ильменских славян; захватив верховье Волги, они проникают и в среднюю Россию; эти новые выходцы носят название *варягов*; так, по-видимому, называли они себя сами и, благодаря тесному общению со своей метрополией, сохраняли за собой это название, несмотря на влияние окружающей этнографической среды.

¹ В Новгородской 1-й летописи варяги упоминаются последний раз под 6709 (1201) г.: «а Варягы пустиша без мира за море... а на осьнь придоша Варязи горою на миръ, и даша имъ миръ на всѣй воли своей». В этой же летописи варяги вообще исчезают уже с XII в.; Впрочем, они упомянуты под 6696 (1188) г.: «въ то же лѣто рубоша Новѣгородѣце Варязи на Гѣтъхъ, Немыце въ Хоружьку, и Новотържыць (так предлагаю читать вместо: и въ Новотържыць, так как было бы: въ Новѣмъ Търгу); а на весну не пустиша из Новагорода своихъ ни одного мужа за море, ни съла въдаша Варягомъ, нъ пустиша я без мира». Свою находим начиная с 1134 г.: «приходи Свьискей князь съ епископы въ 60 шнекъ на гость, иже изаморья шли»; под 1164 г.: «придоша Свѣе подъ Ладугу» и т. д.

² В болгарском переводе: «приплу Русь... иже и скѣди глаголемъ отъ рода Варяжска сушим». То же у Симеона Логофета.

Таким образом, государственность, складывавшаяся понемногу на юге, начинает зарождаться и на севере. Покорители и тут и там ассимилируются с местным населением: в этом их сила. Но зато они дают местностям, ими занятым, племенам, особенно тесно с ними слитым, свое название. На юге поляне получают имя руси, широко распространяющееся затем всюду, куда проникает княжеский данщик, где садится княжеский дружинник. На севере словене получают имя варягов, то имя, которым гордятся, конечно, не только варяжские, но и славянские дружинники и на Белоозере, и в Ростове, и в далеком Муроме. Столкновение двух государственностей — русской и варяжской — становится неизбежным. Русскому князю необходимо удержать в своих руках весь торговый путь из варяг в греки, иначе упадет торговое значение Киева, Переяславля, Чернигова и других южных городов; ему важно оградить свои владения от новых пришельцев, которых готов выслать теперь не только скандинавский, но и славянский и чудский север. Варяжскому князю естественно стремиться на юг с организованными полчищами словен и чуди, чтобы вытеснить оттуда счастливых своих сородичей, занявших богатые области славянского юга. И вот в IX в. начинается продолжительная борьба, тянувшаяся около двух столетий, борьба между варяжским севером и русским югом. Странный оборот принимает эта борьба; северный князь остается не раз победителем, он захватывает Киев, изгоняет соперника, но потом оседает в Киеве и становится сам уже русским, а не варяжским князем: «и бѣша у него мужи Варязи и отътолѣ прозвашася Русью». Вспомним Олега—Игоря, позже Владимира, наконец, Ярослава. В этой борьбе проигрывает тот или иной русский князь, но выигрывает русский юг; напротив, побеждает князь варяжский и проигрывает варяжский север. Ясно, что государственность покоилась на юге на более прочных основаниях. Соревнование между русским и варяжским началами оканчивается полным торжеством начала русского: Новгород попадает под зависимость киевского князя, хотя и получает от него великие свободы в награду за помощь, оказанную неоднократно князю, посаженному на русский стол варяжским севером. Торжество русской государственности имеет самое решительное значение для судьбы варяжского имени: варяги спешат переименовываться в русских не только на юге, но и на севере. Имя варягов быстро забывается, не удерживается оно и в Новгороде; на смену ему проникает на север имя руси, но оно означает уже не скандинавов, а киевского князя и его родичей, а также княжеских дружинников; преимущественное же его значение — это жители южного Приднепровья. В самом факте исчезновения имени варягов я вижу указание на то, что *варяги* означало на севере не только скандинавов (которые стали называться затем свеи), но также еще те самые понятия, которые впоследствии получили имя руси, — имя, пошедшее с юга, после политического перевеса юга над севером. Дольше других северных центров остается вне сферы русского имени Новгород, это старое варяжское гнездо. Имеем свидетельство, едва ли не записанное в XII, а может быть, даже и в XI в., — свидетельство псковского летописца о событии 6568 (1060) г.: в нем псковичи и новгородцы называются русью.¹ Напротив, в Новгородской летописи

¹ Свод 1448 г. (восходит к общерусскому своду 1423 г.): «Того же лѣта ходи Изяславъ на Сосолы и дань даяти заповѣда 2000 гривень; они же поручившиися дань дати, и изгнаша данники, на весну же пришедше повоеваша села о Юрьевѣ, и градъ и хоромы пожгоша,

слово «Русь» в XII в. означает преимущественно Киевскую область, но под 1169 г. Русскою землею названы и низовцы.¹ Под 6746 (1238) г. Русскою землей названы Суздальская и Рязанская, Ростовская и Тверская земли. Вообще с середины XIII в. имя *Русь* начинает употребляться для обозначения Суздальской области.² Но себя, свою землю новгородцы еще не скоро назовут русским именем.

§ 206⁷. Нам необходимо сказать еще о последних строках сказания об овладении Киева Олегом. В Комиссионном списке они изложены так: «Сей же Игорь начал грады ставити, и дани устави Словѣномъ и Варягомъ даяти, и Кривичемъ, и Мерямъ данъ даяти Варягомъ, а отъ Новагорода 300 гривенъ на лѣто мира дѣля, еже не даютъ». Согласно сказанному выше (§ 201), восстанавливаем для Древнейшего Киевского свода начало этого сообщения в таком виде: «Сии же Ольгъ нача грады ставити, и дани устави Варягомъ и Кривичемъ и Мери». Но читалось ли в Древнейшем Киевском своде «а отъ Новагорода 300 гривенъ на лѣто мира дѣля, еже не даютъ»? В ПВЛ в соответствующем месте находим: «отъ Новагорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославѣ даяше Варягомъ». Следовательно, подобная же фраза читалась и в Начальном своде (составленном около 1095 г.). Но наличность этой или подобной фразы в Начальном своде не доказывает того, что она имелась уже в Древнейшем Киевском своде: мы знаем, что Начальный свод соединял текст Древнейшего свода с другими источниками и прежде всего с Новгородским сводом XI в. Не попала ли эта фраза в Начальный свод из Новгородского? Это вероятно не только потому, что сообщение говорит о Новгороде; это видно еще и из того, что в более древнем, более первоначальном виде оно известно именно из такого свода, который подвергся влиянию древнего свода Новгородского, а именно из общерусского свода 1423 г. В § 182 и 183 было указано, что общерусский свод 1423 г. представлял чтение: «а отъ Новагорода триста гривенъ на лѣто, мира дѣля, еже и нынѣ даютъ» (ср. Никоновский, Уваровский, Кирилло-Белозерский).

§ 206⁸. Историю текста интересующего нас сообщения я представляю себе в таком виде. В Новгородском своде XI в. и происшедшем из него своде 1167 г. читалось: «еже и нынѣ даютъ»; в протографе Синодального списка, составленном в XIV в., исправлено: «еже не даютъ». Из свода 1167 г. чтение «еже и нынѣ даютъ» попало в общерусский свод 1423 г. и далее в Ростовскую компиляцию XV в. — источник Уваровской, с одной стороны, Никоновской — с другой. Составитель Начального свода заимствовал фразу новгородского источника в свой труд, но переделал ее в «еже до смерти Ярославѣ даяше Варягомъ», причем вставка имени

и много зла сътвориша, и до Пьскова доидоша воююще; и идоша противу имъ Пьсковичи съ Новгородци на съю, и падоша Руси 1000, а Сосоль безчислено» (Софийская 1-я и Новгородская 4-я). Следующее псковское известие общерусского свода (и свода 1423 г.) относится к 6573 (1065) г.: «Князь Всеславъ Полоцкии бысть у Пльскова ратью и перси биль пороки» (Новгородская 4-я).

¹ «Придоша подъ Новѣгородъ Суждальци съ Андреевицемъ, Романъ и Мьстиславъ съ Смольняны и съ Торопыцяны, Муромцы и Рязанцы съ двема князьма, Полоцкий князь съ Полоцьяны, и вся земля просто Русьская».

² Например, под 6765 г.: «приде вѣсть изъ Руси зла, яко хотятъ Татарове тамгы і десятины на Новѣгородъ». Под 6770 г.: «і удержа і (Александра) Берка, не пуста въ Русь». Под 6823 г.: «поиде князь Михаіло изъ орды в Русь». Под 6830 г.: «приходи в Русь посоль силень изъ орды, именемъ Ахмыль, и много створи пакости по Низовьской земли» и т. д.

«Варягомъ» аналогична указанной выше (§ 201) вставке «дань даяти Варягомъ»; вставка сделана по недоразумению; отсюда следует, что и перемена текста «еже и нынѣ даютъ» на «еже до смерти Ярославль даяше» основывалась также на недоразумении; новгородский летописец сообщал о дани, уплачивавшейся Новгородом Киеву, киевскому князю, а составитель Начального свода понял, что дело идет о дани, уплачивавшейся Новгородом варягам. Почему же он изменил текст своего источника? Потому, что ему было хорошо известно, что Новгород в его время не уплачивал дани варягам, но он увидел в своем источнике обратное утверждение; не отвергая свидетельства источника, он комментировал его указанием на то, что дань эта теперь уже не уплачивается. Но почему же было не изменить текста Новгородского свода на «еже не даютъ», почему же составитель свода указал, что дань уплачивалась до смерти Ярослава? Вижу в этом указание на то, что составление соответствующей новгородской записи составитель Начального свода относил ко времени до кончины Ярослава. Имел ли он для этого основания? Ведь новгородский его источник был доведен, по крайней мере, до 1063 г. и составлен, следовательно, после смерти Ярослава. Я думаю, что основания для этого были; быть может, они не были даны в самом списке с Новгородской летописи, попавшем в Печерский монастырь, где составлен Начальный свод, но до Печерского монастыря могло дойти сведение, что древнейшая часть новгородской летописи (как и древнейшая часть Киевского свода) составлена еще до смерти Ярослава. Мы извлекаем из поправки Начального свода не историческое данное об отмене дани с Новгорода варягам, а данное историко-литературное о том, что древнейшая часть Новгородского свода появилась до смерти Ярослава. Эта древнейшая часть Новгородского свода всецело основывалась на Древнейшем Киевском своде; приведенное сообщение было припиской, комментарием к глухому сообщению Киевского свода. В нем читалось: «Сии же Ольгѣ... дани устави Варягомъ и Кривичемъ и Мери». Составитель Новгородского свода объяснил и развил это известие: во-первых, к имени варягов приписано имя словен;¹ во-вторых, сообщено известие, специально относящееся к Новгороду: «а отъ *Новагорода* 300 гривенъ на лѣто мира дѣля, еже и *нынѣ* даютъ». Ср. совершенно сходную не по содержанию, а по приему вставку слов «и суть *Новъгородстии людие до днешняго дне* отъ рода Варяжьска» во фразу Киевского свода: «И отъ тѣхъ Варягъ прозвашася Варягы, прежде бо бѣша Словѣне» (после «Варягы»).

Составителю Начального свода пришлось скомбинировать обе фразы обоих источников. Кроме того, желая уяснить себе и читателям, о какой же дани сообщают источники, и вчитываясь в текст их, он понял, что дело шло о дани, наложенной киевским князем в пользу варягов. Поэтому он к слову «Варягомъ» прибавил «даяти» и приписал еще раз после имени «Мери» — «дань даяти Варягомъ»; не удовлетвовавшись этим, он и к последнему, специально новгородскому известию приписал имя варягов. Заметив несоответствие современной действительности, которая ничего не знала о дани с Новгорода в пользу варягов, он, по указанным выше соображениям, изложил новгородское известие так: «еже до смерти Ярославль даяше Варягомъ». Из Начального свода рассматриваемая фраза без существенных изменений перешла в ПВЛ, где,

¹ Ср. «и бѣша у него мужи Словѣне Варязи» вместо «Варязи» (§ 201).

впрочем, исключено как излишнее «Варягомъ даяти» и где последняя фраза теснее слита с предшествующим благодаря пропуску союза «а»: «и устави дани Словѣномъ, Кривичемъ и Мери, и Варягомъ дань даяти отъ Новгорода» и т. д. Вследствие этого получился такой смысл: словене, кривичи и меря платят дань Киеву, а Новгород — 300 гривен варягам.

Составитель Новгородского свода 1167 г. следовал в этом месте, сильно интересовавшем, конечно, новгородцев, своему новгородскому источнику, своду XI в. (а не ПВЛ). Общерусский свод предпочел чтение свода 1167 г. — «еже и нынѣ дають» — соответствующему чтению ПВЛ: «еже до смерти Ярославѣ даяше Варягомъ».

Составитель протографа Синодального списка (в основании его лежит труд Германа Вояты — копия со свода 1167 г.) изменил «еже и нынѣ дають» на «еже не дають». Составитель Софийского временника, соединявший текст Начального свода к текстом протографа Синодального списка, предпочел в данном месте текст этого второго своего источника и дал чтение «еже не дають». Отсюда это чтение перешло, с одной стороны, в Новгородскую 1-ю летопись младшего извода (Комиссионный список и др.), а с другой — в свод 1448 г., который соединял текст общерусского свода с текстом Софийского временника.

§ 206⁹. Итак, мы имеем свидетельство XI в. о том, что Новгород уплачивал дань Киеву в размере 300 гривен в год. Это известие исследователи¹ уже давно сопоставляют с известием, читавшимся в Начальном своде (и ПВЛ) под 6522 (1014) г.: «Ярославу же сущю Новѣгородѣ и урокомъ дающе Киеву двѣ тысячѣ гривнѣ отъ года до года, а тысячу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху». Известие это, как указано в § 206⁷, заимствовано в Начальном своде из Новгородского свода XI в. Из него видно, что во времена Владимира Новгород уплачивал дань в размере 3000 гривен; из рассмотренного же нами выше известия следует, что Олег уставил дань в размере 300 гривен и что эта дань уплачивалась и в XI в., когда был составлен Новгородский свод; я думаю, что сохранение «нынѣ» в своде 1167 г. показывает, что и в XII в. мы не имеем, но не указывает ли на нее известие о печерских даях, уплачивавшихся Новгородом Киеву? Под 6641 (1133) г. читаем: «Ярополкъ посла Мстиславича Изяслава къ братѣи Новугороду, и даша дани Печерьскыѣ и отъ Смолинъска даръ, и тако хрестъ целоваша». Как же понять разницу 300 гривен (при Олеге) и 3000 гривен (при Владимире)? Предполагают, что дань была со временем увеличена. Но мне кажется, что слова «еже нынѣ дають» доказывают, что именно во время летописца уплачивалось 300 гривен. Думаю поэтому, что дань, достигавшая при Владимире 3000 гривен, была при Ярославе уменьшена до 300 гривен. Приведу два основания: во-первых, во времена Олега и Игоря дань взималась белками, веверицами, куницами; ср. сообщения Начального свода и ПВЛ о даях, уставленных этими князьями, а также сообщение Начального свода о

¹ См.: *Калайдович К. Ф.* Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских. М., 1821. С. 7. Примеч. 18. («В 882 г. Олег узаконил, чтобы новгородцы платили великому князю 300 гривен. Во время княжения Владимира I сия подать увеличена до 2 тысяч гривен, не включая в сие число третьей тысячи, раздаваемых в самом Новгороде княжеским гридням»); а также: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. I. С. 191.

том, что варяги брали от мужа по белой веверице; нельзя поэтому установление дани в размере 300 гривен возводить к слишком отдаленным временам. Во-вторых, Ярослав в 1014 г. отказался платить дань киевскому князю, находя ее для себя обременительною; конечно, в этом его поддерживали новгородцы. Мы знаем, что Ярослав дал разные свободы новгородцам; не было ли в числе их уменьшение дани с 3000 гривен до 300? Во всяком случае, естественно ждать, что новгородцы получили прежде всего финансовое облегчение от посаженного ими на киевский стол князя.

§ 207. Перехожу к третьему сказанию, к походу Олега на Царьград. В предыдущем сказании нам пришлось отметить только одну вставку новгородского редактора: это сообщение о новгородской дани. Здесь же как будто сильнее обнаруживается его влияние. Во-первых, совершенно ясно, что указание на то, что Олег пошел в Ладогу и что в Ладоге находится его могила, принадлежит составителю Новгородского свода. Можно еще удивляться, что киевлянин — составитель Начального свода — включил в свой труд это известие; в Киеве, как известно, поминали Олегову могилу, и притом, оказывается, не в одном месте, не на одной горе Щековице, где помещает ее ПВЛ, а в двух разных местах.¹ Но, по-видимому, оба источника — и Древнейший свод, и Новгородский — отвлекали от составителя Начального свода мысль о Киеве как о месте кончины Олеговой. В Начальном своде читаем: «Иде Олегъ к Новугороду, и оттуда в Ладогу. Друзіи же скажутъ, яко идущю ему за море, и уклону зміа в ногу, и с того умре; есть могила его в Ладозѣ». В этом отрывке ясно отразились два источника. Я думаю, что в Древнейшем своде читалось: «Иде Олегъ к Новугороду и оттуда за море, и уклону зміа в ногу, и с того умре». В Новгородском же своде XI в.: «Иде Олегъ к Новугороду и оттуда в Ладогу и тамо умре, есть могила его въ Ладозѣ». Новгородский редактор переделал сообщение Древнейшего свода на основании местного предания: мы видели уже его знакомство с преданиями, связывавшими города Новгород, Белоозеро, Изборск с именами Рюрика, Синеуса и Трувора; город Ладога был, очевидно, связан с именем Олега. Древнейший Киевский свод обнаруживает знакомство с преданием, по которому смерть Олега произошла от укуса змеи. По-видимому, предание это в первоначальном виде не приурочивало смерти к Киеву и не связывало ее с возвращением Олега из похода на Царьград; приурочение это принадлежит уже составителю ПВЛ.

§ 208. Допустив влияние новгородского источника на конец сказания об Олеге, мы можем искать его и в самом сказании. У нас является вопрос, не принадлежит ли новгородцу эпизод о павлоचितых и кропинных парусах. В этом эпизоде словене противопоставляются руси: словене получили кропинные паруса, русь — павлоचितые; ветер разодрал кропинные паруса. «И рѣша Словѣне: имемся своихъ тольстинахъ; не даны суть Словѣномъ прѣ». Может казаться, что в этом рассказе выразилась насмешка киевлянина над новгородцем и что, следовательно, рассказ составлен не новгородцем, а киевлянином. Но не слишком ли добродушна эта насмешка? Не отнесся ли бы киевлянин с большей иронией к словенам, не умеющим управлять тонкими парусами? Со-

¹ Лебединцев П. Г. Какая местность в древности называлась Олеговой Могилой? // Чтения общества Нестора летописца. Киев, 1879. Кн. 1. С. 22; Грушевський М. С. Історія України—Руси. Т. I. С. 363.

мневаюсь еще и в том, что киевлянин ввел в свой рассказ о походе на Царьград словен, — это значило бы разделить с ними честь славного похода. Более вероятным представляется мне новгородское происхождение рассматриваемого эпизода: «имѣмся своихъ толстинѣ», — говорят словене, и они делают правильно, толстины выдерживают напор ветра; не побрезговали словене робищищем Владимиром, и они сделали правильно, ибо Владимир оказался великим и мудрым князем. Если предположить, что эпизод о парусах вставлен в сказание новгородцев, то чтение «раздра я вѣтръ» (ПВЛ) предпочтительнее чтению «и раздра вѣтръ кропинныя» (Новгородская 1-я); очевидно, ветер разорвал не только кропинные паруса словен, но и паволочитые русских. Доказательство того, что слова «И рече Олегъ: исшйите парусы паволочиты Руси, а Словѣномъ кропинныя» — вставка, вижу в том, что за ними следует: «и бысть тако» (после чего идет сообщение: «и повѣси щить свой» и т. д.).

§ 209. Итак, в Древнейшем своде сказание о походе Олега оканчивалось, по-видимому, словами «Повѣси же щить свой въ вратѣхъ, показуя побѣду; и поиде отъ Царяграда». Эти слова читались за сообщением о дани, наложенной Олегом на греков. Но определяя, как же именно было изложено в Древнейшем своде это последнее сообщение, мы встречаемся с новым затруднением; в Начальном своде читается: «И заповѣда Олегъ дань даяти на 100 корабль по 12 гривнѣ на человекъ, а въ корабль по сороку мужъ; самъ же взя злато и паволоки, и возложи дань, юже дають и доселѣ княземъ Рускимъ». ПВЛ имеет только первую фразу, причем вместо «100 корабль» в ней находим «2000 корабль», вторая же фраза отчасти повторена ниже (и в Начальном своде, и в ПВЛ): «прииде Олегъ къ Киеву (и ко Игорю), несый злато и паволоки и вино и овощъ». Таким образом, ПВЛ опустила неосторожное утверждение Начального свода о том, будто греки и доселе дают дань князьям русским. Является вопрос, откуда попало это сообщение в Начальный свод: из Киевского ли Древнейшего свода, или из Новгородского свода XI в.? Решить этот вопрос вполне определенно трудно, но я склоняюсь к мысли, что источником в данном случае был Новгородский свод; во-первых, есть основание утверждать, что именно эта фраза читалась в Новгородском своде XI в.; мы читаем в Хронографе 1512 г.: «и повинушася Грецы и много время даяху дань Рускимъ княземъ... Самъ же Олегъ взять злато и серебро много, и паволоки, и различное украшеніе, и вина и овоща множество»; Хронограф заимствовал свой текст из общерусского свода 1423 г., а в числе источников этого свода был Новгородский свод 1167 г., основанный на своде XI в. Во-вторых, мы знаем, что Новгородский свод XI в. передавал текст Древнейшего летописного свода, сокращая, а местами и дополняя его; слова «и возложи дань» можно признать сокращением сообщения Древнейшего свода: «И заповѣда Олегъ дань даяти» и т. д.; слова «самъ же взя злато и паволоки» можно признать сокращением фразы «несый злато и паволоки и вино и овощъ», читавшейся в Древнейшем своде. В-третьих, быть может, правдоподобнее отнести на счет новгородца, чем на счет киевского летописца, сообщение о том, что греки доселе дают дань русским князьям; в Киеве отношения русских князей к грекам были более известны, чем в Новгороде, а эти отношения, в особенности после разрыва мира при Ярославе, не давали никакого основания для приведенного сообщения.

§ 210. Выяснив тот вид, который имели рассмотренные древнейшие сказания в Древнейшем своде, и определив те редакционные изменения, которым они подверглись сначала в Новгородском своде XI в., а затем в Начальном своде, пользовавшемся как Древнейшим сводом, так и Новгородским, скажем несколько слов о редакционных изменениях, внесенных в эти сказания ПВЛ. Составитель ПВЛ, *во-первых*, внес в свой труд новые хронологические данные, не бывшие в распоряжении Начального свода: сказание о призвании варягов он изложил под 6367 и 6370 гг., сказание об овладении Киева варяжским князем — под 6390, сказание о походе Олега на Царьград — под 6415 г.; здесь не место распространяться относительно происхождения и значения этих годов. *Во-вторых*, он обратил особенное внимание на состав древнерусских племен и географическое их распределение; добытые им сведения включены во все три сказания; так, в сказании о призвании варягов в число племен, участвовавших в призвании князей, включена весь под влиянием, конечно, того соображения, что Белоозеро, где сел Синеус, было в области веси (ср. в вводной статье: «на Бѣлѣозерѣ сѣдять Веси»); равным образом весь значится под 6367 г. в числе племен, обложенных данью в пользу варягов; под тем же годом северным племенам — чуди, словенам, мери, веси и кривичам — противоположены южные племена — поляне, северяне и вятичи, обложенные данью в пользу козар. Географические сведения летописца позволили ему назвать и те города, куда Рюрик посадил своих мужей по смерти братьев: это Полоцк (город кривичей), Ростов (город мери), Белоозеро (город веси); летописец тут же поясняет, каким племенам принадлежали эти города, прибавляя еще, что в Новгороде исконно жили словене, а в Муроме — мурома; по этим городам варяги являются находниками, пришлецами, а первыми насельниками были названные племена; замечание это основано на фразе Начального свода, сохраненной и ПВЛ: «И отъ тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвася Руская земля, Новѣгородъци ти сугъ людѣ Новѣгородъстии отъ рода Варяжска»; к этой фразе прибавлено: «преже бо бѣша Словѣни», что стоит в явном соответствии с читаемым ниже: «а первѣи насельници в Новѣгородѣ Словѣне». В статье об овладении Киевом составитель ПВЛ перечисляет племена, принявшие участие в походе Олега: названы все пять племен, принимавших участие в призвании варягов, а кроме того, сами варяги; упомянув о завладении Олегом Смоленска, составитель ПВЛ указывает, что этот город находился в области кривичей;¹ ср.: «Кривичи... ихже градъ есть Смоленскъ»; следующим городом, который взят Олегом, назван Любеч, Начальный свод не называет его. В сказании о походе Олега на Царьград опять перечислены племена, пошедшие с Олегом; кроме северных племен, названы и среднерусские и южнорусские племена. *В-третьих*, составитель ПВЛ привлек в качестве источников, с одной стороны, некоторые народные предания, а с другой — договоры с греками; народные предания и договоры 6415 и 6420 гг. решительно свидетельствовали о том, что Олег был князем, а не воеводой; мы видели, что превращение Олега в воеводу было следствием особых мудрствований составителя Начального свода, которому пришлось признать Игоря сыном, а следовательно, и преемником родоначальника княжеской семьи, Рюрика; Древнейший свод, основываясь

¹ В списках ПВЛ: «и приде къ Смоленску съ Кривичи». Поправка: «съ Кривичи» принадлежит С. М. Соловьеву (Указ. соч. Т. I. С. 114. Примеч. 174) и Миклошичу.

на живом источнике, называл Олега князем: ПВЛ вернулась к этим живым источникам (ср. сказание о смерти Олега и погребении его на Щековице), а подтверждение им нашла в договорах, бывших неизвестными составителям прежних сводов. Но составителю ПВЛ пришлось прибегнуть к компромиссу, так как происхождение Игоря от Рюрика, придуманное составителем Начального свода, принято им за верное. Игорь — сын и преемник Рюрика, но он остался малолетним и за него княжил Олег, — вот выход, найденный из затруднительного положения составителем ПВЛ. Наконец, *в-четвертых*, сказание о призвании князей подверглось сильному изменению на основании особой сложившейся у составителя ПВЛ теории.

§ 210¹. Теория эта отождествляла русь с варягами; она утверждала, что в 6370 (862) г. были призваны в Новгород не варяжские, а русские князья. Высказанные выше соображения разъясняют, как кажется, смысл и происхождение теории; в основании ее лежат несомненно исторические явления, но им дано своеобразное освещение; освещение это имеет в известном смысле тенденциозный характер, но зародилась тенденция едва ли от чего иного, как только от несоблюдения исторической перспективы. Позволю себе повторить вкратце предложенные выше выводы. В VIII—IX вв. скандинавы овладевают славянским югом, который по имени их получает название Руси; так, в особенности, стало называться южное Приднепровье соседями, имевшими дело, в сношениях с ним, с представителями власти, с князьями и их дружиною; эти верхние слои носили на юге преимущественное название руси, между тем как покоренные племена продолжали называться полянами, северянами, древлянами и т. п. Позже, чем на юге, утверждают скандинавы свое господство на севере: здесь они назывались варягами; их имя, в особенности в устах соседей, начинает вытеснять племенные имена покоренных словен, хотя на самом севере варягами назывались преимущественно верхние слои, князья и их дружинники. Составителю Древнейшего Киевского свода, как кажется, вполне ясны были эти два явления. Рассказав об овладении варягами Киева, он прибавил, что, осев в Киеве, эти варяги назвались русью. Составитель Новгородского свода несколько осложняет рассказ вставкой эпизода об изгнании варягов за море и о призвании их в лице трех князей с их дружинами. Составитель Начального свода комбинирует Древнейший Киевский свод с Новгородским, устанавливая, кроме того, генеалогическую связь варяжского Рюрика с русским Игорем. Составителю ПВЛ положение вещей представляется уже в более туманном виде, отчасти благодаря влиянию источников. Он хорошо знает, что русь — это те же варяги; различие имен не мешает ему отождествить этих разновременных выходцев из Скандинавии. Но он не упускает из виду, что имя руси старше имени варягов, что оно утвердилось на юге раньше появления варягов на севере. Желая объяснить себе, как же появилась русь на юге, он решил использовать сообщение Начального свода о призвании варяжских князей, причем использование этого сообщения было тем естественнее, что русские князья оказывались, по Начальному своду, прямыми потомками варяжского Рюрика. Для составителя ПВЛ стало очевидным, что северные племена призвали не варягов, а русь, и что, следовательно, русь появилась в южном Приднепровье одновременно с появлением первых «русских» князей. Сделанный вывод пришлось согласовать с различными данными, попавшими в труд составителя ПВЛ из нескольких источников.

Прежде всего он решил вставить имя руси в перечень племен Иафетова рода и поместил его между готами и англянами: «Афетово бо и то кольно: Варязи, Свеи, Урмане, Готе, Русь, Агняне, Галичане» и т. д. В сказании о призвании варягов он к словам «И идоша за море къ Варягомъ» прибавил: «къ Русі; сие бо тиі звахуся Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свеи, друзии же Урмане, Англияне, друзии Гѣте, тако и си». Ниже, вместо слов Начального свода «и пояша съ собою дружину многу», он исправил: «и пояша по собѣ всю Русь»; поправка любопытная: ею устранялось возможное возражение, что руси нет теперь (во время летописца) среди племен, живших на Варяжском море, — она вся без остатка переведена в славянские земли. Вместо «И отъ тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Варягы», — фразы, с точки зрения составителя ПВЛ, бессмысленной, ибо сами варяги назывались русью, — он дал чтение: «И отъ тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвася Руская земля». Наконец, ниже, в рассказе о завладении Киева Олегом, сообщению Начального свода — «И бѣша у него Варязи и Словѣне и *оттолѣ* прозвашася Русью» — он дал другой смысл: «И бѣша у него Варязи и Словѣне и *прочи* прозвашася Русью». Итак, не варяги и словене прозвались русью, поселившись в Киеве, а напротив, «прочіе», т. е. киевляне, назвались русью, когда среди них поселились варяго-русы и словене. Эта поправка спасла теорию составителя ПВЛ и оградила ее от возможного возражения.¹

ГЛАВА XIV

МИСТИША СВЕНЕЛЬДИЧ И СКАЗОЧНЫЕ ПРЕДКИ ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА

§ 211. В числе источников нашего знакомства с древними русскими летописями не последнее место принадлежит знаменитому труду польского Ливия — Яна Длугоша, в распоряжении которого находились и русские исторические памятники.

Длугош, живший от 1415 до 1480 г., принялся за составление польской истории в конце 1455 г. и работал над ней 25 лет.² Не сразу выработал Длугош план предстоящего труда и не сразу определился состав его источников. Исследователи убеждаются в том, что отдельные части его истории написаны не в той последовательности, в которой они изложены в готовом труде; при этом сам Длугош признает, что редкая страница не подверглась по шести-семи раз поправкам и переработке.³ Русские источники, как указывает Длугош в предисловии, стали доступны ему позже остальных; он выучился читать по-русски уже убе-

¹ Но зоркий глаз исследователя и за этой поправкой усмотрел первоначальный смысл фразы: С. М. Соловьев даже из текста ПВЛ (на текст Новгородской 1-й летописи он не обратил внимания, да и не мог обратить внимания в этом случае, так как Комиссионный список еще не был издан) вынес такое впечатление, что «варяги и славяне прозываются русью только по утверждению в Киеве» (Указ. соч. Т. I. С. 115. Примеч.).

² Ср.: *Bobrzyński, Smolka*. Jan Długosz jego życie i stanowisko w piśmiennictwie. S. 68—69.

³ Ср.: *Semkowicz A.* Krytyczny rozbiór dziejów polskich Jana Długosza (do roku 1384). Kraków, 1887. S. 10.

ленный седидами.¹ Итак, русские памятники, а между прочими русские летописи, стали известны Длугошу в 60-х или 70-х гг. XV в. Можно а priori из вышеприведенного указания самого Длугоша заключить, что источники эти не были очень многочисленны. Ближайшее исследование показывает, что в распоряжении польского историка было не больше трех или четырех русских летописей.

Источники Длугоша определены в значительной степени. Укажу, между прочим, на прекрасный труд Цейсберга,² а также на указанную выше книгу Семковича, но, кажется, эти исследования должно признать для настоящего времени устаревшими. Для определения русских источников сделано очень мало. К. Н. Бестужев-Рюмин в своей книге «О составе русских летописей до конца XIV века» (СПб., 1868) подготовил материал, необходимый для такого определения, выбрав из Длугоша все русские известия.³ У Цейсберга находим лишь несколько общих замечаний касательно русского источника Длугоша (с. 298). Более обстоятельно рассмотрен вопрос Семковичем (с. 52—55); он, кажется, первый указал на необходимость признать в числе источников Длугоша летопись Перемышльскую, которую можно, конечно, назвать и более общим названием — Галичскою.⁴ Но Семковичу мешало его недостаточное знание русского языка, а кроме того, конечно, отмеченное им отсутствие таких исследований русских летописей, которые определили бы взаимное отношение отдельных списков и сводов.

Признавая исследование Длугоша со стороны русских источников делом будущего, я ограничусь здесь несколькими замечаниями относительно бывших в его распоряжении русских летописей.

§ 212. Оставляю в стороне летописи западнорусские; их влияние несомненно, начиная с книги X *Historiae polonicae*. Пользование другими русскими летописями можно проследить на пространстве от X до XIII в. включительно. Последнее заимствованное Длугошем из русских летописей известие относится, по указанию Семковича, к 1288 г. (см. книгу VIII; в IX нет ни одного известия, почерпнутого из русского источника).

Обращаясь к этим русским известиям Длугоша, видим, что прежде всего выделяется в качестве источника общерусский по содержанию и составу своему свод. К нему возводим, с одной стороны, статьи, восходящие к древней (Несторовой) летописи, к ПВЛ, к нему же восходят киевские события XII в. (например, битва Ярополка с половцами, приведенными на Русскую землю Ольговичами в 1139 = 6644 г.; или известие о смерти Ярополка 1140 = 6647; или известие о смерти Юрия Владимировича 1163 = 6666; или взятие Киева войсками Боголюбского 1170 = 6676; или смерть Глеба Киевского 1172 = 6680 г. и др.); к нему же

¹ «Unde et ob eam rem, cano iam capite, ad perdiscendum literas Ruthenas me ipsum appuleram, quatenus Historiae nostrae series crassior redderetur». Предисловие, с. XI, изд. Пржездзецкого (Ioannis Dlugossi seu Longini canonici Cracoviensis Historiae Polonicae libri XII ad veterrimorum librorum manuscriptorum fidem recensuit... Cura et impensis Alexandri Przeździecki. Cracoviae, 1873. T. I—II. Lib. I—VIII).

² Zeissberg H. Die polnische Geschichtsschreibung des Mittelalters. Leipzig, 1873. S. 297 ff.

³ Выборка нуждается в основательном пересмотре, между прочим вследствие того, что она сделана по изданию 1711 г. Издание Пржездзецкого вышло позже, чем книга Бестужева-Рюмина (1873 г.).

⁴ Или, как предполагает И. А. Линниченко, южнорусскую летопись, более полную, чем та, какая нам известна под именем Ипатьевской (ЖМНП. 1887. Дек. С. 358).

возводятся и события суздальские (например, сообщение о смерти Михаила Юрьевича и борьбе Всеволода с племянниками 1184 = 6685 г.; сообщение о распре Всеволодичей 1206 = 6724; о злодеянии братоубийцы Глеба Рязанского 1207 = 6725; о победе Ярослава Всеволодича над литвой 1216 = 6733 г. и др.). Итак, в распоряжении Длугоша был свод общерусский. Правда, такому предположению может быть противопоставлено другое: Длугош пользовался и Киевскою, и Суздальскою летописью. Но предположение это невероятно, если мы примем во внимание, что до нас дошли такие русские летописные своды, в которых уже были соединены в одно целое и ПВЛ, и приведенные киевские и суздальские события. Мы не можем указать на свод, вполне соответствовавший тому составу, который предполагается общерусским источником Длугоша. Но не подлежит сомнению, что именно к такому же источнику, как Длугошева выборка, восходит ряд московских и новгородских сводов. Это те своды, о которых мы говорили раньше, своды, восходящие к общерусскому летописному своду 1423 г. Прежде всего, сюда относится свод 1448 г., от которого произошли Новгородская 4-я и Софийская 1-я; далее, сюда же принадлежит тот Московский свод второй половины XV в., который лежит в основании Воскресенской: он составлен из соединения Софийской 1-й со сводом 1423 г. Общерусский свод 1423 г., в свою очередь, восходит к более древней редакции общерусского же свода, по-видимому, к редакции начала XIV в.: общерусский свод начала XIV в. познается из сравнительного изучения Лаврентьевской летописи, представляющей соединением общерусского свода с древнею Ростовскою летописью, далее — Ипатьевской летописи, значительная часть которой заимствована из того же общерусского свода; далее, между прочим, и из Новгородской 1-й летописи старшего извода (Синодального списка), в которой также есть вставки из общерусского свода начала XIV в. (например, под 6726 г. рассказ о братоубийстве Глеба Рязанского, под 6732 г. повесть о Калкском побоище). Вот почему большая часть русских статей Длугоша отыскивается или в Лаврентьевской, Ипатьевской, Новгородской 1-й (как происшедших из общерусского свода начала XIV в.), или в Софийской 1-й, Новгородской 4-й (как происшедших из общерусского свода 1423 г.). Я не буду приводить примеров подобных соответствий, сами по себе они ничего не доказывают. Но думаю, что мы имеем данные для утверждения, что Длугош пользовался именно сводом 1423 г.

Под 1212 г. читаем повесть о Калкском побоище (в наших летописях ср. под 6731 или 6732 г.). Текст Длугоша не может быть возведен ни к тексту Ипатьевской летописи, ни к тексту Новгородской 1-й. Так, одни части Длугошева текста находят себе соответствие в Ипатьевской: например, слова «*perueniunt usque ad Protholcze*», ср.: «и стаха у рѣкы Хортицѣ на броду у протолчи»; другие части находят себе соответствие в Новгородской 1-й: например, «*Polowczis autem contritis et diffugientibus, etiam acies Ruthenorum turbantur*», ср.: «и побегоша не успѣвъше ничтоже Половци назадъ, и потѣпташа бежаще станы Русскихъ князь; не успѣша бо исполчитися противу имъ, и смятошася вся». Напротив, не видим затруднений возвести текст Длугоша, например, к тексту Софийской 1-й (из которой он перешел в Московско-Академический список). Так, в последнем отыскиваются места, находящие себе соответствие как в Ипатьевской, так и в Новгородской 1-й; но, кроме того, видим в нем ряд мест, отсутствующих и в Ипатьевской, и в Новгородской, но чита-

ющихся у Длугоша; например, перечень князей: «Msczislau Romanowicz cum militia Kyoviensi, item Msczislau Msczislawicz cum Halicziensi militia, item Wlodimir Rurikowicz, caeterique Duces Russiae, item Duces Czirnyeo- vienses, item Duces Smolnenses»;¹ далее: «Msczislau autem Msczislawicz Halicziensis Dux, dum fugiendo ad naves pervenisset, superatis fluviis, naves, persecutionem Thartarorum veritus, disrumpi mandavit, abindeque fugax in Halicz pavore et trepidatione plenus pervenit»;² далее: «Wlodimirus autem Rurikowicz fuga et ipse salvatus, in Kyow perveniens, sedem accepit Kyovi- ensem».³ Текст Софийской 1-й восходит к своду 1448 г., а в последнем статья о Калкском побоище заимствована из свода 1423 г. При этом считаем возможным утверждать, что эта статья до 1423 г. не читалась в такой редакции, какую находим в Софийской 1-й: дело в том, что эта редакция представляет соединение двух рассказов о Калкском побои- ще — рассказа старшего извода общерусского свода, извода начала XIV в. (ср. сокращенную передачу рассказа в Синодальном списке) и рассказа Галичской летописи (ср. рассказ, дошедший до нас в Ипатьевской). Са- мое беглое знакомство с редакцией Софийской 1-й летописи доказывает справедливость такого утверждения: между текстами Ипатьевской и Нов- городской 1-й нет ничего общего, а текст Софийской 1-й соединяет осо- бенности и той и другой. Но моментом такого соединения был именно момент составления общерусского свода первой четверти XV в., и этот момент мы по целому ряду соображений относим к 1423 г. Следовательно, Длугош был знаком именно с этим сводом.

Рассматривая русские известия Длугоша в пределах XII и начала XIII в., находим возможным возвести большую часть их к своду, сход- ному с Лаврентьевской летописью. Ср. статьи 1126 (=6634) г., 1129 (=6641), 1139 (=6644), 1140 (=6647), часть статьи 1145 (=6650), 1147 (=6654), 1149 (=6657), 1154 (=6660), 1156 (=6661), 1158 (=6662 и 6663), часть статьи 1159 (=6663), 1163 (=6666), часть статьи 1167 (=6667), 1170 (=6677), 1172 (=6680), 1172 (=6683), 1184 (=6685), 1194 (=6693), 1194 (=6694), 1199 (=6703), 1207 (=6725) г. Но этот сходный с Лаврентьевским свод мы не признаем тождественным с ним, ибо, например, под 1184 г. находим опущенное в Лаврентьевском известие об ослеплении Мсти- слава и Ярополка Ростиславичей Всеволодом (ср. 6685 г.), между тем это известие находим в Софийской 1-й и Новгородской 4-й; под 1202 (=6711) г. несколько фраз в рассказе о взятии Киева Рюриком и Оль- говичами не читаются в Лаврентьевской, но они имеются в Радзиви- ловской и утраченной Троицкой (ср. у Карамзина и частью в Симео- новской); под 1205 (6713) г. вся статья восходит к Радзивиловской и утраченной Троицкой, причем особенно близко сходство с послед-

¹ Ср.: «а ис Киева князь Мьстиславъ со всею силою, а из Галича князь Мстиславъ со всею силою, Володимерь Рюриковичъ с Чернѣговци и вси князи Руссии и вси князи Чернѣговскіи, а ис Смоленска...».

² Ср.: «И тогда же князь Мстиславъ Мьстиславичъ преди перебѣже Днѣпръ, и приде к лодьямъ, повелъ жеши я, а иные съчи и отринути отъ берега, бояся по себѣ погонѣ отъ Татаръ, а самъ едва убѣжа в Галичъ».

³ Ср.: «а князь Володимерь Рюриковичъ прибѣже в Киевъ и съде на столѣ». Кроме того, отмечу, что испорченное у Длугоша место «Et illico Thartari, respirandi spatio non dato, in Ruthenos et Polowczos *decima septima die* irruunt» должно, вероятно, читать: «*decima septima* (вместо *sexta*) *die mensis iunii*», ср.: «Сим же злоба створися отъ Татаръ мѣсяца июня въ 16 день».

нею; ¹ под 1206 (6724) г. находим статью, которой нет ни в Лаврентьевской, ни в Радзивилловской, ни в утраченной Троицкой (Симеоновской), но которая читается в Софийской 1-й и Новгородской 4-й и др. Если не допустить, что источник Длугоша тождествен или близко сходен с тем сводом, который сам зависит от Лаврентьевской и других сходных сводов и вместе с тем стал источником Софийской 1-й и Новгородской 4-й, иначе — тождествен с общерусским сводом, то нам придется признать, что Длугош имел в своем распоряжении и Лаврентьевскую, и Троицкую, и Софийскую 1-ю летописи, что представляется маловероятным.

§ 213. Определив, таким образом, основной источник Длугоша как общерусский свод 1423 г., видим, что другим его источником была действительно та самая летопись, которую Семкович признал Перемышльскою, но которую правильнее назвать Галичскою. К этой летописи относятся, например, такие сообщения, как указание на день смерти и место погребения Володаря Перемышльского (1126 = 6632 г.); или рассказ об усобицах между сыновьями Володаря (1127 и 1128 гг.); или рассказ о захвате Володаря поляками (1121 г.), о чем Ипатьевская упоминает под 6653 г., ошибочно ссылаясь на то, что сообщила об этом раньше, «въ заднихъ лѣтъхъ»; или рассказ об убиении Ярослава Святополчича, осадившего вместе с Васильком и Володарем Андрея Владимировича во Владимире (1123 = 6631 г.); или рассказ о бегстве Владимира Ярославича из угорского плена (1187 = 6698 г.); или еще рассказ о победе Мешки над Романом (1195 = 6703 г.) и т. д. Эта Галичская летопись частью, но далеко не в полном виде, вошла в состав Ипатьевской летописи, а также, по-видимому, и общерусского свода начала XIV в. (ср. Воскресенскую летопись).²

§ 214. В пределах XII—XIII вв. я не нахожу возможным допустить для русских известий Длугоша иных источников, кроме указанных двух — общерусского свода 1423 г. и Галичской летописи XIII в. Переходя к X—XI вв., т. е. к событиям, входившим в состав ПВЛ, мы также поэтому вправе допустить для этих событий наличность у Длугоша только двух указанных источников. И действительно, большая часть событий до XI в. включительно находит себе полное соответствие в Лаврентьевской и сходных с нею списках, откуда заключаем, что для них источником был тот же общерусский свод 1423 г. Отметим, между прочим, что указание на удел Игорев в сообщении о распределении уделов между сыновьями Ярослава (1052 = 6562 г.), не имеющееся ни в Лаврентьевской, ни в Радзивилловской, ни в Ипатьевской, читалось в Троицкой утраченной летописи (Карамзин), а также в Софийской 1-й и Новгородской 4-й.³

¹ «Et invadentes tabernacula, quae ipsi magis proprio et usitato vocabulo turres id est Wyesze appellant»; ср.: (Троицкий список Карамзина).

² И. А. Линниченко правильно указал на то, что «сравнивая рассказ о южнорусских событиях у Длугоша и Татищева, можно убедиться, что оба имели под рукою сходные редакции южнорусской летописи, только список Татищева был, по-видимому, полнее списка Длугоша» (ЖМНП. 1887. Дек. С. 358). Не следует упускать из виду, что Длугош сообщает о пленении Володаря Болеславом дважды: один раз, по русскому источнику, под 1122 г. (причем изменник Петрок не назван), другой раз, по польскому, под 1134 г. (причем Володарь заменен Ярополком, будто обольщенным этим Петроком — Петром Властом). Это особенно ясно выдвигает, что известие 1122 г. взято из русской летописи. Заметим, что указан день возвращения Володаря из плена в Перемышль: 22 июля.

³ «Игореви Володимиръ» — «Gregorio Wladimiriam».

§ 215. Но имеется несколько известий и подробностей, которые не могут восходить к указанному источнику. Приведем их.

«*Gentilium et ipsi ergorem sequutisstagna, lacus, fontes, aquas pro diis colebant*». Соответствующее место находим в Новгородской 1-й: «Бяху же поганѣ, жруще озеромъ и кладеземъ и рощениемъ, якоже прочіи погани». Эти слова и у Длугоша, и в Новгородской 1-й относятся к полянам и читаются непосредственно после рассказа об основании Киева. В ПВЛ их нет. Правда, они есть в Софийской 1-й и Новгородской 4-й, откуда можно было бы думать, что они были и в своде 1423 г., источнике Длугоша. Но Хронограф указывает, что их не было в этом своде. Следовательно, в Софийскую 1-ю и Новгородскую 4-ю они путем свода 1448 г. попали из Софийского временника (откуда произошла Новгородская 1-я младшего извода). В Софийский временник они внесены, очевидно, из Начального Киевского свода.

«*Absumptis deinde Kyg, Szczyk et Korew, filii eorum et nepotes linea directa succedentes, principabantur apud Ruthenos annis multis, donec successio huiusmodi ad duos fratres germanos Oskald videlicet et Dir pervenit*». В ПВЛ, а следовательно, и в общерусском своде 1423 г. появление Аскольда и Дира в Киеве изложено, во-первых, гораздо ниже, а во-вторых, совсем иначе, чем у Длугоша; они представляются пришельцами от варягов. Ближе к Длугошу Начальный Киевский свод (Новгородская 1-я), который об Аскольде и Дире сообщает до призвания варягов (как и Длугош). Но и Начальный свод в этом случае нельзя было бы признать источником для Длугоша, ибо он ясно оттеняет, что Аскольд и Дир были пришлыми варягами и только «нарекостася князема». Кроме того, не видим в Новгородской 1-й указания на то, чтобы род Кия, Щека и Хорива держал княжение в Руси до Аскольда и Дира. А между тем подобную фразу находим в ПВЛ, где читаем непосредственно за сообщением о смерти трех братьев и их сестер: «И по сихъ братѣи держати почаша родъ ихъ княженъе в Поляхъ».

Сказав о смерти бездетных Синеуса и Трувора, Длугош продолжает: «*Rurko in eorum Principatus succedens, moriens filium nomine Iior reliquit, qui adolescentiam pertingens, Oszkaldum et Dyr Kyovienses Principes nihil hostilitatis ab eo suspicatos in dolo occidit, et Principatus ac terras eorum occupavit*». ПВЛ, а за нею и общерусский свод 1423 г. приписывали убийство Аскольда и Дира Олегу; о нем совсем умолчано у Длугоша. Но Начальный свод захват Киева и расправу с Аскольдом и Диром приписывает Игорю (Олег является в качестве его воеводы).

Непосредственно за этим читаем: «*Sed neque Duci Iior Oszkaldi et Dyr Ducum Kyoviensium diu impunita fuit occisio. Dum enim populos, qui Drewlyanye vocabantur Ruthenici generis Ducem proprium Miskinam (вар.: Nyszkynam) habentes, ad tributum fretus potentia cogeret, et prima solutione, de qua inter eos convenerat, non contentus, secundam in eodem anno exigeret, a Drewlyanis iniuriam non ferentibus nefarie occisus interiit. Qui missis ad suam relictam Olham nuntiis, quatenus Ducem eorum Miskinam (вар.: Nyszkynam) virum acciperet et principatus uniret, summopere suadebant: illa muliebri dolo usa, primis et alteris Drewlyanorum nuntiis benigne appellatis et apud se retentis, Drewlyanos cum Duce eorum Nyszkina ad se venire, quasi coniugium sociatura et Principatus unitura, iubet*» и т. д., кратко передана месть Ольги. Весь этот отрывок можно было бы признать заимствованным из ПВЛ, а следовательно, из свода 1423 г., если бы не имя древлянского князя: Miskina. Это имя указывает самым решительным

образом на другой источник. ПВЛ и Начальный свод называют его Малом.

Ниже поход на древлян приписывается не Ольге, а Святославу: «*Patris autem sui lior occisionem ulturus, primam expeditionem in Drewlyanos egit, et gravi caede domitos sub iugum mittit, tributumque imponit*». И в ПВЛ, и в Начальном своде слова «и возложи на ня дань тяжку» относятся к Ольге.

Под 971 г. читаем, что Святослав посадил сыновей своих в трех уделах, «*magna execratione quemlibet obstringens, ut sorte sua contentus ab alterius occupatione se contineat*». Этого завета Святослава нет ни в Начальном своде, ни в ПВЛ. В соответствии с этим ниже сообщено, что распря между Святославичами произошла от стремления одних князей расширить свои владения за счет других. «*Non poterat inter filios Swanthoslai Russiae Ducis instituta a patre charitas et terrarum divisio esse diuturna, sed occisione Swanthoslai secuta, quasi provinciae et regiones latissimae Ruthenicae, a patre relictas, angustae illos forent, contentio inter illos de principandi maiori et praeeminencia suboritur*». Конечно, этот отрывок содержит собственные рассуждения Длугоша, но любопытно, что он совсем не упоминает о причине ссоры Ярополка с Олегом, выставленной нашими летописями, об эпизоде с убийством Люта.

§ 216. Оставляя в стороне некоторые незначительные отличия в дальнейшей передаче русских известий у Длугоша,¹ приведу еще несколько более резких особенностей сравнительно с текстом ПВЛ, вошедшим в свод 1423 г.

Под 1014 г., к которому ошибочно отнесены события 6532 (1024) г., сообщено о двух битвах Ярослава с Мстиславом (ПВЛ говорит об одной): «*Msczislau dux de Thimuthrokany bis Iaroslau fratrem Ducem Kyouiensem bello superat... Et licet Iaroslau Kyouiensis Dux in sui solatium Ducem Worahunorum Iakuy accivisset, duplici tamen certamine fortuna tentata, conflictus succumbit*».

Под 1033 г. указано, что Ярослав соорудил храм Св. Софии по обету своему на месте победы над печенегами: «*In signum autem victoriae, in loco certaminis ecclesiam Sanctae Sophiae, ante conflictum votam, Iaroslau erigit*».

Под 1034 г. переданы подробности о построении Ярославом Св. Софии: «*Exstruit deinde sumptuoso muro ecclesiam Sanctae Sophiae cuius turrim tabulatis deauratis tegit; ecclesiam vero vasis aureis et argenteis, libris, vestibusque pretiosis dotat, nobilitat et exornat*».

Под 1058 г. имя половецкого князя, победившего Всеволода 2 февраля (по ПВЛ 6569 г.), названо (не во всех, впрочем, списках так): *Sobal alias Siekal* (в некоторых списках только *Szekal*).

Под 1052 г. день смерти Ярослава определен 7 ноября (в ПВЛ): суббота Федоровой недели 6562 г.²

¹ Например, в рассказе о крещении Владимира, очевидно по недоразумению, сообщается о прибытии в Корсунь царей Василия и Константина; крещение Руси отнесено на третий год по крещении Владимира в Корсуне; построение Владимиром церкви Св. Преображения отнесено не к Василеву, а к Киеву; названа, кроме Предславы, еще Мстислава, дочь Владимира, в сообщении об уходе сестер Ярослава Болеславом в плен; особенно много искажений, частью под влиянием польских источников, в рассказе о борьбе Ярослава со Святополком.

² То же 7 ноября приводит, конечно, на основании Длугоша Стрыйковский. В некоторых поздних русских летописях смерть Ярослава отнесена на 17 октября 6562 г. (Эрмитажная № 445; также Летописец Женского Пед. ин-та).

Под 1072 г. (в ПВЛ 6584) сообщено о смерти Святослава Ярославича, согласно с ПВЛ (21 декабря ошибочно см. 27 декабря). Но в конце читаем: «Reliquit autem unicum filium Hleb (вар. Oleh): hic paternum Ducatum, videlicet Nowogrodek (вар. Nowograd), Swanthoslao obeunte possedit». Впрочем, о том, что Глеб княжил в Новгороде, Длугош мог заключить из статьи 6586 г.

Под 1103 г. (в ПВЛ 6611) указан день, когда состоялся съезд в Долобске, — 8 апреля: «conventu apud Kyovam Duces Russiae octava die Aprilis celebrato, expeditionem contra Polowczos, aestate non expectata, gerendam indicunt».¹

§ 217. Признаю, что источником большей части приведенных выше известий была та особая русская летопись, которою Длугош дополнял данные общерусского свода 1423 г. Особенного внимания заслуживает указание дня, когда состоялся Долобский съезд; его нельзя было приписать, а между тем его нет ни в одном списке ПВЛ. Что Длугош, рассказывая о русских событиях XI в., имел два русских источника, можно заключить и из таких его данных, как сообщение о двух сражениях Ярослава с Мстиславом (об одном сражении оба его источника могли рассказывать различно); далее, из таких мест, как Sobal alias Siekal (Радзивилловская и Ипатьевская: «Сокаль»; Лаврентьевская: «Искаль»)². Что этот другой источник Длугоша был сходен с Ипатьевской и Хлебниковской летописями, видим из таких чтений его, как uedinowlasczcz в статье 1033 г. для определения княжеской власти Ярослава; в Ипатьевской и Хлебниковской под 6544 г.: «единовластець», между тем в Лаврентьевской и своде 1423 г., судя по Софийской 1-й и Новгородской 4-й: «самовластець»; на близость Длугоша к Ипатьевской в данном месте обратил внимание Бестужев-Рюмин. Под 1094 г., где ослеплен Василько, назван Zwinnigrod; ср. «Звенигород» в Ипатьевской и Хлебниковской (6605 г.), между тем как в Лаврентьевской, Радзивилловской и своде 1423 г. (судя по Софийской 1-й): «Бѣльгородъ». Принимая во внимание доказанное выше пользование Длугошем для XII и XIII вв. Галичскою летописью, признаем, что из нее же внесено все то или, по крайней мере, значительная часть того, что отличает текст Длугоша от предполагаемого текста общерусского свода 1423 г.

§ 218. Отличия Галичской летописи от ПВЛ в рассказе о событиях IX—XI столетий дают нам основание думать, что в основание ее был положен свод старший, чем ПВЛ. Мы привели ясные данные в пользу того, что Галичская летопись содержала некоторые чтения, сближавшие ее именно с Начальным сводом. Ср. вставку о поклонении рекам, озерам и колодцам за сообщением об основании Киева; сообщение о том, что Игорь (а не Олег) покорил Киев и убил Аскольда и Дира. Можно было бы на основании этого думать, что Галичская летопись содержала в начале текст Начального свода, но это не согласуется с другими ее особенностями: древлянский князь, убивший Игоря, назван не Малом, а Мискиной; Святослав, распределяя волости между сыновьями, заве-

¹ Не привожу данных о русских событиях в статьях Длугоша, посвященных русско-польским отношениям; частью они могли попасть к нему из польских источников, частью же они придуманы Длугошем. Не касаюсь и прямых недоразумений; например, оба известия о саранче (прузи) изменены в известия о нападении на Русь прусов (Prutheni), к которым один раз (под 1103 г.) присоединены литовцы (Lithuani).

² У Сафоновича «Секель», вероятно, под влиянием Длугоша.

щает им жить между собою в мире; кроме того, отметим здесь еще одно известие, на которое обратил внимание и Бестужев-Рюмин; непосредственно за рассказом о призвании князей (в котором, кстати, ничего не говорится о Руси: «a Varasis tres duces acciperunt») читаем о размере дани, взимавшейся Рюриком и его братьями: «His et cuilibet eorum a Ruthenis et populis eorum (*вар. suae*) ditioni subiectis ex quolibet capite humano pro tributo unus aspergellus (*вар. asperiolus*) albus reddebatur». Правда, Начальный свод (но не ПВЛ) сообщает о такой дани, взимавшейся варягами до призвания князей,¹ но, быть может, и эта особенность Длугоша ведет нас к другому источнику, чем Начальный свод. Во всяком случае, имя «Мискина» и завешание Святослава заставляют нас принять, или что в числе источников Длугоша для древнейшего периода были источники, нам не известные, или что не известные нам летописи были в числе источников Галичской летописи, использованной Длугошем. Принимая во внимание, что Галичская летопись содержала данные, ведущие нас, с одной стороны, к Начальному своду, а с другой — к ПВЛ (не забудем, что Начальный свод доходил только до 1093 г.), я признаю вероятным, что она представляла компиляцию обоих этих сводов; в состав компиляции вошли заимствования и из других источников. Быть может, нижеследующие соображения сделают вероятным, что отмеченные выше особенности — имя «Мискина» и завешание Святослава — восходят к одному из таких источников, Древнейшему летописному своду.

§ 218¹. Святослав завещал сыновьям, чтобы каждый довольствовался своим уделом и воздерживался от захвата чужой области. Приведя соответствующее место Длугоша, Бестужев-Рюмин заметил: «Этой фразы, обычной вообще в наших летописях, нет в соответствующем тексте Повести временных лет». Возможно, именно ввиду общности подобного завешания (ср. в особенности завешание Ярослава), что оно читалось в летописном своде, бывшем в распоряжении Длугоша. Но его нет ни в Начальном своде, ни в ПВЛ. Расходятся оба летописных свода с Длугошем и в дальнейшем рассказе, тесно связанном с рассматриваемым местом. Длугош пишет: «Non poterat inter filios Swanthoslai Russiae Ducis instituta a patre charitas et terrarum divisio esse diuturna, sed occisione Swanthoslai secuta, quasi provinciae et regiones latissimae Ruthenicae, a patre relictas, angustae illis forent, contentio inter illos de principandi maiori et praeeminentia suboritur». Итак, распря между сыновьями Святослава произошла, по Длугошу, из-за стремления к большей власти: никакого ближайшего повода к упомянутому им походу Ярополка на Олега Длугош не указал. За приведенную фразу читаем: «Quam sibi Iaropolkus natus maior vendicare satagens, castrum Warosz (т. е. Вьручь), in quo germanus suus Olha consistebat, conquirens, Olham interficit et in Ducatum Drewlyanorum sanguine fraterno dotatus succedit». Итак, Длугош, с одной стороны, умалчивает о приведенном в Начальном своде и ПВЛ эпизоде, якобы послужившем ближайшим поводом к походу Ярополка на Олега (убиении Олегом на охоте Люта Свенельдича), а с другой — сообщает о завещании, данном Святославом своим сыновьям, и о нарушении ими этого завещания. Начальный свод (ПВЛ), умалчивая о завещании, содержит эпизод об убиении Люта Свенельдича Олегом Святославичем.

¹ «И дань даяху Варягомъ отъ мужа по бълѣи вѣверици».

§ 219. Дошедшие до нас летописные своды дают основание предполагать, что эпизод об убиении Люта вставлен в летописный текст позднее составителем Начального свода и что его не было в Древнейшем Киевском своде. Основания эти следующие: во-первых, в Начальном своде (и ПВЛ) поход Ярополка на Олега отделен от эпизода с Лютом пустым годом (6484); вследствие этого эпизод этот не имеет того характера, который желал придать ему сводчик, — он не имеет значения непосредственной причины Ярополкова похода на Деревскую землю; «и молвяше всегда Ярополку Свѣналдъ: поиди на братъ свой и прими волюсть его; хотя отмстити сыну своему» — так читается под 6483 г., и только под 6485 г. находим: «поиде Ярополкъ на Олга, брата своего, на Деревьску землю». Во-вторых, как указано было в § 177 и 182, в Древнейшем Киевском своде рассказ о начале Ярополкова княжения вводился следующими словами: «А Ярополкъ *сѣде* (или бѣ)¹ княжа Киевѣ, и воевода бѣ у него Блудъ». Ср. эти слова, с одной стороны, в Новгородской 1-й летописи, куда они попали из Синодального списка, заимствовавшего их в конце концов из Новгородского свода XI в., с другой стороны, в общерусском своде 1423 г. (ср. наличность их как в своде 1448 г., так и в Хронографе), куда они попали в конце концов из того же источника. Новгородский свод XI в. мог их заимствовать только из Древнейшего Киевского свода. Если же допустить, что в Древнейшем Киевском своде действительно читались эти слова, а за ними — эпизод с Лютом, то нам придется отметить странную в нем непоследовательность, ту самую непоследовательность, которая замечается теперь в Новгородской 1-й и в своде 1448 г. (Софийской 1-й и Новгородской 4-й): рассказ, назвав Ярополкова воеводу Блуда, переходит неожиданно к изложению эпизода с Лютом Свенельдичем.² Итак, сообщения о Блуде воеводе, с одной стороны, о Люте Свенельдиче — с другой, как будто исключают взаимно друг друга; и действительно, в ПВЛ (предположительно и в Начальном своде), где мы находим эпизод с Лютом, отсутствует сообщение о воеводе Блуде. А между тем в самом тексте ПВЛ встречаем указание на то, что приведенные выше слова некогда читались в первоисточнике ПВЛ, следовательно, в Древнейшем Киевском своде. Ниже под 6488 (980) г. читаем: «И приде Володимерь Киеву съ вои многи, и не може Ярополкъ стати противу, и затворися Киевѣ с людьми своими и съ Блудомъ»; итак, Блуд вводится в рассказ как уже известное лицо, а между тем раньше о нем в ПВЛ не говорилось³ (зато ниже читаем: «Володимерь же посла къ Блуду, *воеводѣ Ярополчю*»).

Мы заключаем отсюда, что Начальный свод (ПВЛ) исключил из текста Древнейшего Киевского свода слова «и бѣ у него воевода Блудъ», но зато вставил эпизод с Лютом Свенельдичем. Я надеюсь подтвердить это предположение дальнейшими соображениями, но пока ставлю вопрос, как же переходил Древнейший Киевский свод к рассказу о походе Ярополка на Олега? Маловероятно, чтобы за словами «и бѣ у него воевода Блудъ» читалось прямо: «Поиде Ярополкъ на Олга, брата своего».

¹ В Новгородской 1-й вместо этого «же».

² «А Ярополкъ же княжа в Киевѣ, и воевода бѣ у него Блудъ. В лѣто 6481. В лѣто 6482. В лѣто 6483. Ловы дѣюще Свѣнѣдичю, именемъ Лутъ».

³ Так, в первой редакции ПВЛ (Лаврентьевская, Радзивилловская); во второй редакции: «и съ воеводою Блудомъ»; ср. Ипатьевскую, а также Новгородскую 1-ю (заимствовавшую «и съ воеводою» из протографа Синодального списка).

Если Блуд назван воеводой Ярополковым, то, очевидно, ему должно было быть отведено видное место в непосредственно следовавшем за сообщением о нем рассказе. А между тем в рассказе о походе Ярополка на Олега активная роль отводится Свенельду; не Блуд, а он сопровождает Ярополка в этом походе, как видно из обращенных к нему Ярополком слов: «И рече Свѣнелду: яжь, сего ты еси хотѣлъ». Допустив, что эпизод с Лютом обязан своим появлением в тексте Начального свода (ПВЛ) вставке и что его не было в Древнейшем Киевском своде, мы вправе предположить, что и в дальнейшем рассказе имя Свенельда вставлено, или, скажем прямее, что в этом рассказе имя Свенельда заменило имя Блуда. Не лишен, кажется, значения пропуск слов «и рече Свѣналду» в Лаврентьевском списке; быть может, в одном из источников его, а именно в первой редакции ПВЛ, стояло «и рече Блуду»; имея в виду, что в другом источнике (Переяславской летописи или общерусском своде начала XIV в.) стояло «и рече Свѣналду»,¹ составитель Лаврентьевской летописи мог опустить совсем эти слова.² Если предположение наше верно, если действительно речь Ярополка была обращена не к Свенельду, а к Блуду в Древнейшем Киевском своде, то необходимо допустить и дальнейшее следствие: в Древнейшем Киевском своде сообщалось о том, что поход Ярополка на Олега предпринят по совету, по наущению Блуда. Мы читаем под 6483 (975) г.: «и молвяше всегда Ярополку Свѣналдъ: поиди на брать свои и волость его; хотя отмстити сыну своему». Нельзя сказать, чтобы фраза эта была построена очень складно; слова «хотя отмстити сыну своему» имеют характер вставки, приписки, прибавки. Не стояло ли в Древнейшем Киевском своде, и притом непосредственно за словами «и бѣ у него воевода Блудъ», — «и молвяше всегда Ярополку Блудъ: поиди на Ольга брата своего и прими волость его»? В таком случае дальше следовало бы: «И поиде Ярополкъ на Деревьску землю». В Начальном своде (и ПВЛ) читаем: «Поиде Ярополкъ на Ольга, брата своего, на Деревьску землю», но слова «на Ольга, брата своего» извлечены, по-видимому, из предыдущего.

§ 219¹. Исходя из предположенного чтения Древнейшего Киевского свода, заключаем, что вставками в тексте Начального свода (ПВЛ) приходится признать, во-первых, отрывок «Ловы дѣюще Свѣналдичю... И о томъ бысть межю ими ненависть, Ярополку на Ольга», во-вторых, слова «хотя отмстити сыну своему». Вставка первого отрывка обнаруживается крайне небрежным и неуклюжим его языком: «Ловъ дѣюще» вместо «Ловъ дѣюще» читаем в Лаврентьевском, Радзивилловском, Московско-Академическом и Комиссионном списках Новгородской 1-й; вместо «именемъ Лють» мы ожидали бы «именемъ Люту»; ниже после слов «и заѣхавъ уби и» неуклюже вставлено: «бѣ бо ловы дѣя Олегъ»; во фразе «И о томъ бысть межю ими ненависть, Ярополку на Ольга» смешаны две конструкции.

§ 219². Подкрепляем предположение о том, что имеем в статье 6483 г. дело со вставкой, не только соображениями о шероховатостях языка этой вставки, но еще рядом других соображений. Прежде всего отмечаем, что Лют Свенельдич, о котором говорит вставка, тождествен с Мистишей (Мстиславом) Свенельдичем, о котором Начальный свод (и ПВЛ)

¹ Свеналду, вместо Блуду, было бы поправкой второй редакции ПВЛ.

² Ср. аналогичный пропуск слов «сѣде Новѣгородъ» под 6370 (862) г.; первая редакция ПВЛ имела «сѣде Новѣгородъ», а вторая — «сѣде в Ладозѣ».

сообщает выше, под 6453 (945) г. Это утверждение наше основывается на том, что древней русской исторической песне принадлежал образ Мстислава Лютого. Так называют Мстислава Владимировича Тмутороканского два памятника: во-первых, Симоново сказание о создании Печерской церкви, где читаем о Якуне, что он «отъбъже златы руды (вместо луды), бяся полкомъ по Ярославъ с лютымъ Мстиславомъ»; во-вторых, Новгородская 4-я летопись, вставившая в текст свода 1448 г. (ср. Софийскую 1-ю летопись) под 6532 (1024) г. следующее известие (повторяющее то, что было изложено выше): «Ярославъ Владимиръ в Суздали изби вълхвы, а братья его Лютыи Мъстиславъ съде в Черниговъ».¹ Я думаю, что имя Мстислава Лютого перенесено на Мстислава Владимировича с Мъстиши-Люта, сына Свенельдова; отсюда я вывожу, что Мъстиша и Лют означали одно и то же лицо. Мы только что предположили, что эпизод с Лютом Свенельдичем вставлен в статью 6483 г.; имеем основание утверждать, что какой-то эпизод с Мъстишей Свенельдичем был исключен из текста Начального свода в статье 6453 г. Действительно, вот что мы читаем о Мъстише Свенельдиче в этой статье: «Ольга же бяше в Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтскомъ Святославомъ, и кормилецъ его Асмудъ, воевода бѣ Свѣнельдъ, то же отецъ Мистишинъ». Летописец ссылается на Мистишу как на известное лицо, а между тем о нем он раньше не говорил, не упоминая его и позже (или, точнее, называя его Лютом под 6483 г.). Думаю, что ссылка «тѣ же отецъ Мъстишанъ» показывает, что о Мистише существовало какое-то сказание, какая-то песня, быть может, воспевавшая его как героя; разумеется, летописец не мог при этом иметь в виду тот бледный образ Люта Свенельдича, который вставлен им в статью 6483 г. Свенельд, еще не один раз упомянутый летописцем, не нуждался бы в определении посредством ссылки на его сына Люта, играющего (в противоположность тому же Свенельду) совершенно пассивную роль. Существование песни или сказания, где Мъстиша Лютый являлся в качестве героя, доказывается перенесением его имени на тмутороканского князя, который, по свидетельству летописи, был храбр на рати. И вот, зная этого героического Мистишу, составитель Начального свода ограничивается просто ссылкой на него, когда говорит о Свенельде, а самого Мистишу вводит в свой рассказ ниже под именем Люта как личность случайную и совершенно пассивную. Уже это заставляет меня думать, что у составителя Начального свода были какие-то причины, побудившие представить Мистишу в ином свете, чем он мог бы это сделать на основании известных ему, но не обнаруженных данных; следовательно, летописец оставил следы знакомства с двумя различными сказаниями или песнями о Мистише; он дал предпочтение тому сказанию, которое сообщало об убийстве Мистиши-Люта на охоте Олегом Святославичем, и вставил его в текст Древнейшего Киевского свода; вероятно думать, что другое сказание он встретил в тексте самого Древнейшего свода, но исключил его как противоречащее первому. Где же могло читаться в Древнейшем своде это исключенное составителем Начального свода сказание о Мистише-Люте? Ответ на этот вопрос дадим ниже; здесь заметим только, что, по всей вероятности, перед тем местом, где читаются слова «тѣ же отецъ Мистишинъ», ибо их легче всего понять так, что летописец ссылается

¹ Вставку эту по некоторым основаниям возвожу к Ростовскому своду.

в них на лицо, о котором перед этим говорил его источник, но которое им почему-то было опущено в соответствующем месте.

§ 219³. Эти слова сопровождают имя Свенельда; ими Свенельд вводится в рассказ как новое лицо; действительно, о нем Начальный свод (и ПВЛ) не упоминает выше, хотя и говорит об отроках Свенельжих: «В се же лѣто рекоша дружина Игореві: отроці Свѣнльжи изодѣлися сѹть оружьемъ и порты, а мы нази». Появление этих отроков Свенельжих в тексте Начального свода (и ПВЛ) совершенно непонятно; на основании ссылки Игорева дружины на Свенельжих отроков мы вправе предполагать, что источник Начального свода говорил перед тем о Свенельде и об отношении его к Игорю; из первоначального рассказа должно было явствовать, кто же такой этот Свенельд и почему Игорева дружина завидует Свенельдовой, каким образом последняя оказалась с оружием и платьем, а первая — обездоленной. По счастью, такое предположение находит себе фактическое подтверждение в тексте как Новгородской 1-й летописи, так и свода 1423 г. (откуда свод 1448 г. и далее Софийская 1-я и Новгородская 4-я летописи). Как было указано в § 70—70⁷, в Древнейшем Киевском своде, по свидетельству названных памятников, восходящих в соответствующем месте в конце концов к Новгородскому своду XI в., читалось об Игоре: «И бѣ у него воевода именемъ Свѣнльдь. И иде Игорьъ... И примучи Угличѣ и възложи на ня дань и вѣдасть Свѣнльду; и дасть же дань Деревскую Свѣнльду; и имаше по чѣрнѣ кунѣ отъ дыма. И рѣша дружина Игореві: се далъ еси единому мужеві мѣного; отроци Свѣнльжи изодѣлися сѹть оружьемъ и пѣрты, а мы нази» и т. д. (см. § 70⁶). Итак, перед нами факт пропуска в Начальном своде приведенного отрывка Древнейшего свода. Мы выше предположили, что составитель Начального свода опустил место, касающееся Мистиши, Свенельдова сына; мы констатируем здесь, что он опустил место, где говорилось о самом Свенельде и о причине обогащения Свенельдовой дружины. Нельзя сомневаться в том, что оба пропуска стоят между собою в тесной связи и что они вызваны одною общею причиною. Но сначала подчеркнем то обстоятельство, что пропуск в тексте Начального свода того места, где Древнейший Киевский свод говорил о Свенельде и уступленной ему дани, подтверждает высказанное выше предположение о том, что в этом своде опущено сказание о Мистише, сыне Свенельда; действительно, мы указывали, что из слов «тѣ же отецъ Мистишинѣ» следует, что о Мистише говорилось перед тем; и вот мы обнаруживаем пропуск перед самым рассказом об убийстве Игоря, который имеет за собой приведенную выше фразу, где в Начальном своде (и ПВЛ) читаются слова: «и воевода бѣ Свѣнльдь, тѣ же отецъ Мистишинѣ». В этом мы и видим подтверждение того, что Начальный свод пропустил рассказ Древнейшего Киевского свода о Мистише. В Древнейшем Киевском своде не могли читаться только что приведенные слова; видим это хотя бы из того, что Свенельд, уже введенный выше в рассказ, не нуждался в новом определении: «тѣ же отецъ Мистишинѣ». Слова эти вставлены составителем Начального свода, и вставлены притом в какой-то зависимости от допущенного им раньше пропуска.

§ 219⁴. Мы привели выше опущенное Начальным сводом место Древнейшего Киевского свода. Оно логически последовательно приводит к рассказу о походе Игоря в Деревскую землю за данью. Дружина Игорева заключает свои сетования требованием: «пойди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы». Следовательно, о сыне Свенельдовом не могло

быть речи в только что приведенном месте Древнейшего Киевского свода; о нем должно было быть сказано ниже. Но ниже излагается рассказ об убиении Игоря древлянами; мы заключаем, что в Древнейшем Киевском своде Мистиша участвовал в этом эпизоде (убиении Игоря древлянами) и что он исключен именно из этого эпизода. Заключение наше, равносильное утверждению, что текст статьи 6453 (945) г. в Начальном своде (ПВЛ), точнее — статьи об убиении Игоря, не первоначальный, находит себе подтверждение в ее анализе. Выслушав сетования дружины и покоровшись ее требованию, Игорь идет в Деревы в дань; «и примышляше къ первой дани». Что означает это выражение? Судя по концу предшествующей статьи, можно думать, что оно равносильно употребленному там выражению: «хотя примыслити большую дань». Выше под 6422 г. сообщалось, что «Древляне затворишася отъ Игоря по Ольговѣ смерти», но Игорь пошел на них, победил их «и възложи на ня дань болши Ольговы»; про Олега же известно (статья 6491 г.), что он брал на древлянах дань по черне куне. Итак, под первою данью приходится разуместь тот размер дани, который установлен был Игорем после вторичного покорения древлян. Но такое толкование, вытекающее из смысла предшествующих статей ПВЛ, не согласуется с тем обстоятельством, которое выясняется из данных Новгородской 1-й летописи, восходящих к Древнейшему Киевскому своду: деревская дань была отдана Игорем Свенельду, Свенельд «имаше по чернѣ кунѣ отъ дыма»; Игорева дружина сетует именно на это и, следовательно, под ее влиянием Игорь решается на несправедливость: он идет в Деревскую землю для того, чтоб взять с нее вторично годовую дань, собиравшуюся в осеннее полюдье. Итак, выражение «примышляше къ первой дани» можно понять так, что Игорь пошел за вторым сбором. Нельзя, однако, признать приведенное выражение удачным; и предложенное толкование не согласовано, как мне представляется, с дальнейшим. Появление Игоря и требование «второй» дани не вызывает протеста древлян; они, по-видимому, покойно переносят и насилия, чинившиеся Игорем и его мужами; Игорю дана возможность беспрепятственно собрать «вторую» дань: «возьмавъ дань, поиде въ градъ свой». Непонятно ввиду этого, для чего летописец подчеркнул сначала (еще до сетования дружины), что Игорь хотел увеличить дань, взимающуюся с древлян, отметил дальше, что он собирал ее несправедливо, во второй раз, указал, наконец, что собирание дани сопровождалось насилиями. Можно бы ждать, что Игорь именно за эти свои действия встретит отпор со стороны древлян. Но дело представляется в ином освещении: «Идушу же ему въспясть, размысливъ, рече дружинѣ свое: идѣте съ данью домови, а я възвращюся, похожую и еще. Пусти дружину свою домови, съ маломъ же дружины възвратися, желая больша имѣнья». И вот только тут наступает развязка: древляне по совещании с князем Малом задумывают дать Игорю отпор и решаются при этом на крайнее средство, на убийство Игоря: «аще не убьемъ его, то вся ны погубитъ». Развязка несколько отсрочивается посылкой к Игорю протеста, выраженного в такой форме: «почто идеши опять? поимать еси всю дань»; но Игорь не слушал древлян, они вышли из Искоростеня и убили его. В этом освещении нельзя не отметить искусственных черт и явных натяжек: главный момент, несправедливое взимание второй дани, отставлен на второй план, а на первый выдвинут, и притом, как кажется, не без умысла, другой момент: попытка Игоря взять с древлян еще (третью) дань, но уже при особых обстоятельствах;

он отпускает от себя дружину и остается лишь с небольшим отрядом; умысел, руководивший рассказчиком, был тот, чтобы объяснить, каким образом древляне могли оказаться победителями и расправиться с Игорем; желание доказать, что перевес их был случайный и что верх они одержали не в открытом и равном бою, заставило рассказчика пристегнуть к главному моменту (несправедливому взиманию второй дани) другой побочный эпизод, выясняющий, как могли древляне справиться с Игорем. Благодаря этому развязка отсрочивается, и непосредственную причину ее оказывается жадность самого Игоря («желая больша имѣнья»). Но не ясно ли, что рассказчик уклонился от первоначального плана, отступил от основного замысла? В начале рассказа (мы принимаем во внимание дошедший до нас отрывок Древнейшего Киевского свода) сообщалось, что Игорь отдал и угличскую и деревскую дани Свенельду; щедрость или расточительность князя вызывает неудовольствие дружины, соблазняющей своего князя возможностью прибытка («да и ты добудеши и мы»); князь не только поддается соблазну, но оказывается еще более жадным, чем дружина, и, в явный ущерб ее интересам, собирается походить по древлянам для личной корысти. В ПВЛ (и в Начальном своде) не видно этой вопиющей несообразности, ибо в ней отсутствует начало рассказа, где сообщено об уступке Игорем угличской и деревской дани Свенельду. Мы вправе поэтому думать, что в Древнейшем Киевском своде, от которого сохранилось начало рассказа, было иначе изложено его окончание, столь резко расходящееся в дошедшей редакции с его началом. Такое предположение объяснит нам поэтому непоследовательность и шероховатость, отмеченные нами в соответствующем тексте ПВЛ (и Начального свода): перед нами оказался бы не первоначальный рассказ, а его переделка, переработка, при которой естественно возникают и шероховатость, и непоследовательность изложения.

§ 219⁵. Исходя из начала рассказа, как оно читалось в Древнейшем Киевском своде, мы вправе спросить себя, чьи же интересы были нарушены Игорем, когда он, поддавшись увещанию дружины, пошел в Деревя по дань; речь дружины дает определенный ответ на этот вопрос: «се дать еси единому мужеву много» — вот смысл сетований дружины; отними у него дань, уступи ее нам и возьми часть ее себе — вот логический вывод из этих сетований. Следовательно, Игорь, отправившись в Деревя по дань, нарушил этим самым интересы Свенельда и дружины Свенельдовой, которая кормилась деревскою данью. Дошедший до нас летописный рассказ, как мы видели, дает понять, что Игорь грубейшим образом нарушил *ius gentium*, отправившись собирать с древлян вторую дань; но уже самая наличность намека на то, что с них уже была взята кем-то первая дань («и примышляше къ первой дани»), показывает, что мы имеем дело не с первоначальным рассказом, ибо не указано, кто же взял с древлян первую дань. Быть может, я заблуждаюсь, но решаюсь высказать сомнение в том, чтобы первоначальный рассказ (стоявший в непосредственной зависимости от народного предания) мог приписать киевскому князю столь явное нарушение народных прав. Думаю, что в первоначальном рассказе дело шло не о взимании второй дани, а об отнятии деревской дани у Свенельда; самый факт похода Игоря в Деревя в дань был равносителен отнятию дани у Свенельда, ибо, конечно, Игорь пошел в Деревя не только, когда годовая дань была уже собрана Свенельдом, а тогда, когда наступил срок для сбора этой дани; дружина

Игорева выбрала, конечно, удобный для себя момент, а таковым была осень, когда вообще собиралась дань, а не другое время года, когда данщики могли встретиться с таким положением, при котором действительно с населения нечего взять. Итак, если поход Игоря в Деревскую землю нарушил интересы Свенельда и если в результате похода мы видим убийство Игоря, мы вправе связать это убийство Игоря с недовольством Свенельда и его дружины, вызванным Игоревым походом, с защитой ими своих интересов. Свенельд, получивший деревскую дань от Игоря, стал фактически владельцем Деревской земли; поход Игоря на древлян был равносителен походу его против Свенельда. Отсюда заключаю, что Игорь погиб в сражении со Свенельдом, защищавшим вместе с подвластными ему древлянами прежде всего свои интересы, а вместе с ними — и самую Деревскую землю.

§ 219⁶. И вот когда чтение Мискина вместо Мала, сохранившееся у Длугоша, приобретает для нас интерес и значение. Замечу прежде всего, что из двух вариантов — *Miskina* и *Niskina* — я считаю себя вправе отдать предпочтение первому, несмотря на то, что второй получил большую известность благодаря Стрыйковскому, передавшему имя древлянского князя в виде *Niskinia*;¹ чтение *Miskina* находим в издании 1711 г., а также в одном из древнейших списков Длугоша, так называемом Королевском XV в. (Публ. библ.-ка. IV.F.№ 12: *Myszkynam* два раза на л. 75).² Чтение *Miskina* я возвожу к чтению «Мьстина» или «Мистина» Длугошева источника (Галицко-Русской летописи), а форму «Мьстина» сопоставляю с именем Мьстины в сказании об убийстве св. Вячеслава князя Чешского.³ «Мьстина» является, конечно, вариантом имени «Мьстислав»; поэтому я отождествляю Длугошева Мьстину (*Miskina*) с Мистишей, Мьстишей нашей летописи. Длугош называет Мистину князем древлянским; не забудем, что в распоряжении Длугоша находился и другой летописный источник, говоривший о князе древлянском Мале; Мал заменен здесь (и ниже в рассказе о мести Ольги) у Длугоша Мис-

¹ В Густынской летописи находим в рассказе о мести Ольги князя Нискина, вместо Мала. В Ядре Росс. ист. является Ниския.

² Бялецкий говорит об этом списке, а именно о первой части его между прочим следующее: «*Zważając jak starannie i pięknie pierwotnie ta część rękopismu była wykonana i zastanawiając się nad późniejszymi poprawkami tak licznie i upornie robionemi, nasuwa się wniosek, że w każdym razie rękopism ten musiał być w zetknięciu bliskim z poważnym jakimś exemplarzem Długoszowej Kroniki. Starożytność i staranność pisma pierwotnego, silnie popiera ten wniosek*» (*Biadecki A. Rekopisma Długosza w petersburskich bibliotekach*. 1860. S. 5). В Парижском списке (библиотеки князей Чарторьжских), положенном в основание издания Пржездзецкого, читаем: *Nyszkynam*. Но нельзя согласиться с мнением издателя, утверждающего, что этот список — автограф Длугоша; ср. сомнения, высказанные Цейсбергом (Указ. соч. С. 336, примеч.); ср. также худшие чтения Парижского списка, в особенности в именах, иной раз даже по сравнению с изданием 1711 г.: например, под 1054 г. *Myeczslaw* вместо *Venceslaus*, Вячеслав. Мискина проник и в русские источники в форме Мыскин. Ср. в рукописи Публ. библ.-ки XVII в. Q. IV.111 в перечнях имен, между прочим: «отъ Дыра Дыряне или Древляне, отъ Синева — Синевляне, отъ Трувора — Труворяне или Тморокане, отъ Олеха — Олехяне, отъ Мыскина — Мыскиняне» (ср.: *Гиляров Ф.* Предания русской начальной летописи. М., 1878. С. 11).

³ «Убиша же въ томъ градъ съ нимъ (Вячеславом) Мьстину единого; а иныя мужи идоша въ борзъ» (список XV в., изданный в 1865 г. в «Филологических наблюдениях» А. Х. Востокова. СПб. С. 95). «Оубиша же в томъ градъ с нимъ Мьстиною единого, а иныя моужи идоша в борзъ» (изд. Фр. Пастрнека в «*Věstník Král. české společnosti nauk*» за 1903 г.). В хорватско-глаголических списках: «оубише же такожде в томъ градъ и Мастиною етера, частна мужа Вещеслава» (Пастрнек, I. с., р. 74).

тиной. Принимая во внимание все вышеизложенное, имея в виду, что Игорь должен был встретить в своем походе на Деревскую землю отпор от Свенельда и Свенельдовой дружины, я думаю, что в первоначальном рассказе сообщалось о столкновении Игоря с Мистишей Свенельдичем и об убиении Игоря этим Мистишей, Мстиславом Лютым народной песни.

Итак, первоначальный рассказ об убиении Игоря и вызванной им войне киевлян с древлянами представляется в таком виде. Игорь, побуждаемый дружиной, идет походом на Деревскую землю, но Свенельд не отказывается от данных ему прав; происходит столкновение Игоревой дружины со Свенельдовой и с древлянами (подданными Свенельда), в этом столкновении Игорь убит Мстиславом Лютым, сыном Свенельда.

§ 2197. Наш вывод представляется логическим заключением из представленных выше данных и вызванных ими соображений. Но твердое основание он может получить только в том случае, если нам удастся объяснить причину, приведшую составителя Начального свода к изменению рассказа Древнейшего Киевского свода — к исключению начала рассказа (об уступке Игорем дани Свенельду), к иному освещению самого хода столкновения Игоря с древлянами, приведшего к его убиению, наконец, к исключению имени Мистиши, упомянутого, однако, совершенно неожиданно ниже, для ближайшего определения Свенельда, Святославова воеводы.

Причину всех этих изменений видим в наличии у составителя Начального свода другого (на этот раз, конечно, устного) источника, где о Свенельде и Мистише рассказывалось совершенно иначе, чем в Древнейшем Киевском своде. Мы уже знакомы с этим источником; это сказание или песня о том, как Мистиша Лют Свенельдич был убит на охоте древлянским князем Олегом Святославичем. Под влиянием этого источника переработан составителем Начального свода рассказ Древнейшего Киевского свода о столкновении киевского Ярополка с древлянским Олегом; вместо того чтобы видеть причину этого столкновения в стремлении Ярополка, наущаемого Блудом, захватить братнюю волость, составитель Начального свода вводит в рассказ новое обстоятельство: убиение Люта Олегом и стремление Свенельда отомстить Олегу за смерть сына. Приняв в свой труд (или, точнее, решившись поместить в нем) это заимствование из сказания или песни, составитель Начального свода должен был согласовать с ним текст предшествующего летописного рассказа. Согласование потребовало значительной его переделки, так как рассказ об убиении Игоря самым решительным образом расходился со сказанием или песней об убиении Люта Свенельдича. В Древнейшем Киевском своде Свенельд назывался воеводой Игоревым; сын его, Мистиша, убивал Игоря; Свенельд, очевидно, оказывался в полном разрыве с киевским князем, а между тем сказание или песня, известная составителю Начального свода, представляла Свенельда воеводой Ярополка; сын Свенельдов Мистиша (Лют) на службе у киевского князя; не он во главе древлян убивает киевского князя, а его самого убивает древлянский князь, когда он зашел на его территорию. Помирить оба рассказа частичными вставками нельзя, надо было принять или тот, или другой рассказ. Составитель Начального свода дал предпочтение второму (устному) своему источнику, быть может потому, что он был более согласован с другими, нам не известными данными, быть может потому,

что действительно имелись указания (в преданиях)¹ на то, что Свенельд был воеводой при Святославе и Ярополке, а не при старом Игоре. Следствием такого предпочтения и явилась необходимость полной перделки рассказа об убиении Игоря. Во-вторых, из него исключен всякий намек на то, что убиение Игоря возникло в конце концов на почве соревнования дружины Игоревой с дружиной Свенельда; для этого опущено сообщение о том, что Игорь уступил своему воеводе Свенельду угличскую и деревскую дани; правда, в речи дружины Игоревой сохранена фраза «отроци Свѣнелжи изодѣлися сѹть оружьемъ и порты, а мы: нази», но из этой фразы не видно, чтобы Свенельд и его дружина кормились именно деревскою данью и чтобы поход Игоря нарушил интересы Свенельда; опущение фразы «се далъ еси единому мужевѣ много» в начале той же речи Игоревой дружины доказывает стремление редактора Начального свода устранить всякую мысль о неудовольствии между Игорем и Свенельдом. Редактор Начального свода, вместо этого исключенного им начала, вставляет в свой рассказ фразу: «И приспѣ осень, и нача мыслити на Древляны, хотя примыслити большюю дань», и его не смущает то обстоятельство, что он приписал в этой фразе инициативу похода на Деревскую землю Игорю, а в нижеследующем тексте выставил виновником похода дружину Игореву, а не самого Игоря. Итак, Игорь пошел в Дерева в дань. Редактор, устраняя мысль о столкновении Игоря со Свенельдом, спешит тотчас же к изображению таких данных, которые объяснят развязку Игорева похода. Игорь «примышляше къ первой дани»; здесь брошен намек или на то, что Игорь стал брать лишнее, большую дань, или на то, что он стал брать вторую дань; если действительно мы имеем намек на то, что Игорь брал вторую дань, то ясно, что составитель Начального свода исходил не из предложенного им самим текста, а из текста своего источника, из которого можно было заключить, что Игорь пошел за данью, уже отданною другому и, может быть, уже собранною этим другим. Но от намека редактор Начального свода переходит уже к прямому изображению тех обстоятельств, которые, по его мнению, могли послужить причиной неудовольствия древлян: Игорь «насиляше имѣ и мужи его». Итак, дело близится к развязке: древляне восстали и убили Игоря. Так хотел рассказать редактор Начального свода. Но он вовремя спохватывается: и в Древнейшем Киевском своде Игоря побеждают древляне, но с ними, и во главе их, Свенельд и лютый Мстислав; этим объясняется поражение Игоря и его убиение; в Начальном своде названные герои устранены из рассказа — они не враждебны киевскому князю, они его верные слуги; как же понять перевес древлян и несчастный исход Игорева похода? Мы видели, к какому приему прибег редактор Начального свода: Игорь побит вследствие малочисленности своей дружины. Составитель Начального свода так прямо и говорит в конце рассказа: «убиша Игоря и дружину его: бѣ бо ихъ мало»; малочисленность же дружины объясняется тем, что большую часть ее Игорь отпустил от себя; отпустил же он ее от себя для того, чтобы поживиться данью с древлян в свою пользу. Нужды нет, что редактор впал в противоречие: Игорь идет на древлян для своей

¹ Составителю Начального свода не был известен Святославов договор, где упомянут Свенельд. Отметим, что Лев Диакон называет Свенельда третьим, после Святослава, военачальником. Возможно, что Свенельд спасся благодаря тому, что вернулся из Болгарии степью, как предполагал Соловьев (История России. Т. I. С. 151).

корысти, между тем как выше к походу его побуждают жалобы той самой дружины, в угоду которой предпринят поход и которая потом оказывается помехой для наживы самого князя; редактор нечувствителен к этим противоречиям, и выше Игорь выставлен инициатором похода («хотя примыслити большую дань», ниже: «желая больша имѣнья»), причем пассивная роль Игоря в дальнейшем («и послуша ихъ Игорь») должна быть отнесена всецело на счет письменного источника Начального свода, а не соображений и домыслов самого редактора его. Для редактора важно одно: благополучно довести до конца свой рассказ, отступивший от основного источника, и устранить мысль о том, что Игорь убит Свенельдом и Мистишей — этими народными героями, а не самими древлянами.

§ 219⁸. Доведя свой рассказ до убийства Игоря, составитель Начального свода обращается к основному своему источнику — Древнейшему Киевскому своду и выписывает из него о погребении Игоря, а затем о том, что в Киеве после Святослава осталась Ольга с детским Святославом. Здесь-то мы и находим фразу: «и кормилецъ его Асмудъ и воевода бѣ Свѣнелдъ, тѣ же отецъ Мистишинъ». Теперь для нас совершенно ясно, что слова «и воевода... Мистишинъ» — вставка, сделанная в тексте Древнейшего Киевского свода редактором Начального свода. Для чего же понадобилась эта вставка? Конечно, для того, чтобы ввести в рассказ тех двух славных мужей, которые только что выше были опущены из летописного текста. Мы указали на то, что, устраняя из лагеря противников киевского князя Свенельда и Мистишу, составитель Начального свода руководствовался таким источником, который прямо называл их слугами и приверженцами этого князя; составитель Начального свода в указанной вставке и идет навстречу данным своего устного источника: Свенельд и Мистиша оказываются на службе у Святослава. Свенельд назван рядом с Асмудом; это имело следствием превращение кормильца и воеводы Асмуда¹ в кормильца, причем функции воеводы передаются Свенельду. Верный этому своему сочинительству, составитель Начального свода последовательно держится его и дальше; мы читаем ниже, перед речью к дружине в битве киевлян с древлянами, вместо «И рече Асмудъ» — «И рече Свѣнелдъ и Асмудъ»; вставка имени Свенельда обличается формой единственного числа «рече», а также и тем, что нет основания допустить, чтобы во главе войск стояли одновременно два лица: воевода Свенельд и кормилец Асмуд.

§ 219⁹. Составитель Начального свода забывает затем о Свенельде; точнее — не вставляет его имя в текст Древнейшего Киевского свода: походы Святослава на козар, ясов и касогов, покорение вятичей, походы на болгар обходятся без Свенельда. Свенельд появляется ниже, в самом конце княжения Святослава, в таком месте, которое содержит в себе явные признаки вставки. Мы читаем в Начальном своде (ср. Новгородскую 1-ю и ПВЛ): «И рече (Святослав): поиду в Русь и приведу болши дружинѣ; и поиде в лодяхъ. Рече же ему воевода отень Свѣнелдъ: поиде, княже, около на конихъ: стоять бо Печеньзи в порозѣхъ. И не послуша его, нѣ поидоша в лодяхъ». Думаю, что слова «Рече же ему... в лодяхъ» вставлены редактором Начального свода в текст Древнейшего Киевского свода. Основываюсь, во-первых, на том, что Свенельд дает свой совет несвоевременно, Святослав уже пошел в лодяхъ, когда Све-

¹ Ср. под 6526 (1018) г.: «и бѣ у Ярослава кормилецъ и воевода именемъ Бudy».

нелъд стал говорить ему: «пойди около на конихъ»; во-вторых, на том, что Свенельд назван «воевода отень», т. е. воеводой Игоревым. Какое основание для этого имел составитель Начального свода? Свенельд в начале княжения Святослава назван воеводой; из соответствующего текста ясно, что он такой же воевода Святослава, как Асмуд кормилец Святослава; в сражении с древлянами он предводительствует Святославовой дружине. Для чего же в конце княжения Святослава понадобилось вспомнить, что Свенельд, собственно, Игорев воевода? В княжении Игоря о Свенельде, воеводе, не говорится совсем, и только в статье 945 г. упомянуты его отроки. Мне кажется, что прибавка «воевода отень» доказывает, что Древнейший Киевский свод, основной источник Начального свода, говорил о Свенельде именно как об Игоревом воеводе, и прибавка эта сделана под влиянием этого источника, точнее, во внимание к его рассказу. Совершенно аналогична отмеченная выше прибавка «тъ же отецъ Мистишинъ». Свенельд перенесен составителем Начального свода из одной эпохи в другую, и это его перенесение подчеркивается ссылками на опущенный текст основного источника. Для чего же понадобилось Начальному своду перенести Свенельда из Игорева княжения в Святославово и упомянуть о Свенельде в конце последнего?

Свенельда мы видим тотчас же и ниже: Святослава, не послушавшего Свенельда, убили в порогах печенеги, «Свѣнелъдъ же приде Кыеву къ Ярополку». Вслед за этим, как мы видели, сообщено об убиении Люта Свенельдича Олегом древлянским. Итак, в активной роли Свенельд выступает в княжении Ярополка, когда он подбивает его идти против брата для отомщения за убитого сына. Но летописцу надо было указать, что этот Свенельд — тот самый Игорев воевода, о котором Древнейший Киевский свод давал неверные сведения, сообщая о его отложении от киевского князя. Для этого он вводит его в княжение Святослава, упоминает о нем в начале этого княжения и в конце его и таким образом подготавливает читателя к мысли, что Свенельд, побудивший Ярополка к походу против брата, тождествен со Свенельдом, о котором говорил Древнейший Киевский свод и об отроках которого сообщал сам Начальный свод под 6453 (945) г. Итак, я признаю места, где упомянут Свенельд, под 945, 946, 971 и 972 гг. вставками, вызванными стремлением составителя Начального свода выставить Свенельда, Игорева воеводу, в ином свете, чем его выставил Древнейший Киевский свод, и для того доказать, что отец Люта, Свенельд, и отец Мистиши — одно и то же лицо.

§ 219¹⁰. Мы приближаемся к подведению итогов предшествующему исследованию. Древнейший Киевский свод включил в свой состав сказание об убиении Игоря Мистишей Свенельдичем; рассказ об уступке Игорем угличской и деревской дани Свенельду, о ропоте Игоревой дружины, о походе Игоря на древлян является непрерывною составною частью сказания, введением к главному его эпизоду — убиению Игоря Мистишей. Начальный свод имел в своем распоряжении другое сказание — об убиении Олегом древлянским Мистиши, Свенельдова сына; под влиянием этого другого сказания им и переделан текст Древнейшего свода. Итак, о Мистише Свенельдиче существовали два различных сказания, две различные исторические песни. По одной версии, он убил киевского князя и этим вызвал войну киевлян с древлянами, по другой — он убит древлянским князем, и это убийство вызвало войну киевлян с древлянами. Родство обоих сказаний очевидно, но родство это

вызвано, конечно, смешением одного сказания с другим, перенесением характерных черт из одного сказания в другое. Я думаю, что в XI в. были известны два сказания, перешедшие из отдаленной древности и основывавшиеся на двух определенных, частью сходных исторических событиях. Первое сказание вспоминало о походе Ольги и Святослава на древлян для отомщения за убийство Игоря; второе — вспоминало о походе Ярополка на древлян и убиении древлянского князя Олега. Первое сказание было обставлено подробностями, особенно заманчивыми для княжеской дружины (где возникали и держались такие сказания); оно рассказывало о причине убийства Игоря, о лютом Мстиславе, поразившем Игоря в сражении за поправленные права своего отца Свенельда. Второе сказание, сначала бедное по содержанию, бледное по окраске своей, подверглось впоследствии влиянию первого сказания; оно заимствовало из него прежде всего основную черту: мщение; как поход Ольги и Святослава вызван мстью за убийство Игоря, так и поход Ярополка вызван также мстью; оно заимствовало из него далее действующие лица: Свенельд и Мистиша переносятся во второе сказание из первого; в первом они являются противниками Ольги и Святослава, виновниками убийства Игоря; во втором им отводится другая роль: они на службе киевского князя, они его слуги и пособники; самая война с древлянами ведется ими (Свенельдом) и из-за них (убийство Мистиши). Быть может, в таком перенесении характерных черт из одного сказания в другое сказалось стремление сделать своими, русскими, киевскими героями такие лица, которые в старших песнях и сказаниях являются в качестве врагов и противников Киева. Образ Мистиши Лютого, храброго, отважного героя, не мог в представлении киевлянина оставаться долго во враждебном для него и для его князя лагере; он делает его своим, он отвоевывает его у седой старины в свою пользу. Сказание, в котором старый Свенельд и его героический сын Мистиша являются не противниками, а преданными слугами киевского князя, будет поэтому пользоваться у киевлян большим успехом, чем сказание, изображавшее их противниками Киева; составитель Начального свода дает решительное предпочтение этому виду сказания перед рассказом Древнейшего Киевского свода, основанным на другом, более первоначальном виде сказания о Свенельде и Мистише.

§ 219¹¹. Рассматривая переделку текста Древнейшего Киевского свода, предпринятую составителем Начального свода, я упустил из внимания одно существенно важное обстоятельство: вместо Мистиши и Свенельда во главе древлян оказывается князь Мал («Слышавше же Деревляне, яко опять идеть, сдумавше со княземъ своимъ Маломъ»). Мы объясняли весь текст Начального свода, заменивший текст Древнейшего Киевского свода, как результат мудрствований редактора, желавшего перенести образы Свенельда и Мистиши в иное место, в другой рассказ. Но имя Мала указывает на наличность у него другого источника. Что же это за источник? Ответ не представляет никаких затруднений; это то сказание о мести Ольги древлянам, которое мы признали в § 72 вставкой, сделанною составителем Начального свода, заимствовавшим его из устного источника; в этом сказании князем древлянским является этот самый Мал: «се князя убихомъ Рускаго, — говорят древляне, — поимемъ жену его за князь свой Малъ»; ниже читаем в обращении древлян к Ольге: «да поиди за князь нашъ за Малъ; бѣ бо имя ему Малъ, князю Деревьску».

§ 219¹². Я позволяю себе сделать еще несколько выводов из предложенного выше исследования. Мы рассматривали выше (§ 117) новгородскую вставку в текст Древнейшего Киевского свода, перешедшую и в состав Начального свода и относящуюся к признанию новгородцами на княжение Владимира. В ней читаем, между прочим: «Володимеръ же бѣ отъ Малуши, ключницѣ (милостыницѣ) Ользины, сестра же бѣ Добрыни, отецъ же бѣ има Малѣкъ (*вар.* Малѣко) Любчанинъ, и бѣ Добрыня уй Володимеру». Считаю вероятным, что и эта фраза читалась (хотя, как увидим, в измененном виде) в Новгородском своде, так как она стоит в прямой связи с последующим рассказом того же свода, где Рогнеда корит Владимира происхождением от рабыни, называя его «робичичемъ». В приведенном сообщении нас останавливают два обстоятельства: во-первых, ясная этимологическая связь между именем Малуши и отца ее Малка; ср. вариант имени Малуши, известный из Никоновской и Архангелогородской летописей, — Малка; во-вторых, несоответствие отчества Добрыни, извлекаемого из этого сообщения, с известным по былинной традиции отчеством его Никитич, Никитинич. В 1864 г. Д. Прозоровский высказал предположение, что отец Добрыни и Малуши, Малко, — одно лицо с Малом, князем древлянским; любечанином летопись назвала его потому, что Ольга, взяв его в плен после смерти Игоря, поселила в Любече.¹ Думаю, что основная мысль Прозоровского верна: Малко — одно лицо с Малом древлянским, о котором мы говорили в предыдущем параграфе; основываясь на следующем. Мы видели, что в Начальном своде Мал, князь древлянский, заменил Мистишу Свенельдича; предположив, что и в рассматриваемом сообщении произошла такая замена, извлекаем для Добрыни более древнее отчество — Мистинич, Мистишич; думаю, что Добрыня Мистинич вполне естественно заменен позже Добрыней Микитичем. Допустив же, что в источнике Начального свода, а таковым для данного места мы должны признать Новгородский свод XI в., читалось, что «отецъ же бѣ има Мистиша Свѣнельдичъ» (или Мистиша Древлянин), мы принимаем, что Начальный свод заменил имя Мистиши Свенельдича именем Малка Любчанина на том же основании, на каком выше Мистиша заменен Малом. Но почему же вместо Мала читается Малк или Малко и почему древлянский Мал, конечно, убитый Ольгой, мстившею за убийство мужа, оказался любечанином?

Отвечая на этот вопрос, замечу, что летопись не дает основания предполагать, чтобы Мал был князем искоростенским, он мог быть одним из деревских князей, сидевших в разных центрах Деревской земли («а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревску землю»). Позднейшие сказания связывают имя Мала с именем деревского города Кольца. Ср. в летописях Синод. библ-ки № 964 и Публ. библ-ки Q. б. О. XVII, 72 (о последнем см. у Халанского в «Экскурсах в область древних рукописей и старопечатных изданий». Харьков, 1902. № XXIII): «А сама княгиня Ольга нача пленити Древлянскую землю и попленивъ и прииде подъ градъ ихъ Колецъ і ста около его... И повелѣ княгина Олга Колецъ градъ разорити и князя ихъ Мала повелѣ убити».² Важно

¹ О родстве святого Владимира по матери // Зап. ИАН. Т. V. С. 17—26.

² *Гиляров Ф. А.* Предания русской начальной летописи. М., 1878. С. 250. То же в Синописе по списку Ундольского № 1110; то же в рукописи Ундольского № 764: «и повелѣ княгиня Олга градъ Колецъ разорити до основания, а князя Малая повелѣ убити».

отметить, что в позднейших сказаниях, повествующих о взятии Коростеня, не говорится об убиении Мала. Что же такое этот город Колец? Думаю, что Колец — это древнее Клеческ, современное Клецк, местечко Слуцкого уезда Минской губернии. Имя это в древности звучало предположительно *Къльчъскъ (ср. *польск.* Kielcy из *Къльци): Къльчъскъ в Ипатьевской под 6650, 6657 гг. представляет пропуск в первом слоге; *Къльчъскъ в именительном падеже должно было перейти с течением времени в Кольчъскъ, откуда появилось под влиянием косвенных падежей: *Колеческъ, *Колецкъ, Колецъ; в косвенных падежах получалось Клечска, Клечка (ср. в Ипатьевской под 6650 г.: Клеческъ под влиянием Клечска), отсюда далее Клеческъ, Клечка (ср. Клеческъ в Хлебниковском списке). Жители *Къльчъска назывались *къльчане, отсюда не *кчелчане, а *кольчане. Думаю, что народные сказания и песни, связывавшие имя Мала с городом Клеческом (на севере Деревской земли, быть может, уже в Дреговичских пределах), называли Мала кольчанином. Составитель Начального свода на основании этого заменил Мистишу Древлянина или Мистишу Свенельдича Малом Кольчанином. Чтение «малъ кольчанинъ» вызвало недоумение переписчиков и составителя ПВЛ, которые осмыслили его, предложив поправку «Малко Любчанинъ».

§ 219¹³. Замена Мистиши именем Мала имела, как кажется, следствием и изменение имени матери Владимира. Она названа Малушей, и это «Малуша» несомненно произведено от имени появляющегося в Начальном своде отца ее. Не допускаю, чтобы «Малуша» было результатом прямого сочинительства редактора Начального свода, хотя бы отправлявшегося от имени ее отца Мала. Скорее, перед нами осмысление первоначального имени Малуши, приурочение его к имени Мала. Считаю вероятным, что Древнейший Киевский свод называл мать Владимирову Малфредью. Ср. под 6508 г. в Начальном своде и ПВЛ известие: «Преставися Мальѣрьдъ». В § 113 и 114 мы предположили, что известие это заимствовано из княжеского синодика. Составитель Начального свода осмыслил другие записи синодика с точки зрения современника Ярослава; при известии «Преставися Рогънѣдъ» он приписал: «мати Ярослава» и т. д. Известие же «преставися Мальѣрьдъ» оставлено им без комментария. Позднейшие книжники, имея в особенности в виду чтения, как «преставися Мальфридъ», предполагали, что «Мальфридъ» — имя одного из Владимировых богатырей, ср. в Никоновской: «преставися Мальѣрьдъ силный»; Малфреда сильного находим и в Степенной книге в перечне Владимировых богатырей. Некоторые исследователи¹ предполагали, что под Малфредью должно разуметь одну из Владимировых жен. С одинаковой вероятностью можно допустить, что Малфредью называлась мать Владимира, переделанная в Малушу под влиянием подставленного ей отца Мала (ср. дальнейшее превращение Малуши в Малку). Быть может, составитель Начального свода в этом имени «Мальѣрьдъ» нашел подтверждение для своего смелого шага — замены Мистиши (отца Малфреди и Добрыни) Малом; сблизив имя Мала с Малфредью, он пошел дальше, видоизменив самое имя Малфредъ в производное от имени Мал, в Малушу. Если мать Владимира действительно называлась Малфредью Мстиславною, то имя дочери Мстислава Владимировича, Малфреди (жены короля шведского Сигурда), могло быть дано ей в память о прабабке.

¹ Например: *Смт.* Nestors Russiske Kronike. Kjobenhavn, 1869. S. 101.

§ 219¹⁴. Уместно привести здесь ту редакцию, в которой читается соответствующее место в Никоновской и Архангелогородской летописях. В Никоновской «Володимиръ бо бѣ отъ Малки, ключницы Олжины; Малка же бѣ сестра Добрынь, — и бѣ Добрыня дядя Володимиру; и бѣ роженіе Володимиру въ Будутинѣ веси, тамо бо въ гнѣвъ отслала ея Олга, село бо бѣше ея тамо, и умираючи даде его святѣй Богородици». В Архангелогородской: «Владимеръ бо бѣ отъ Малки, ключницы Ольжины; Малка же бѣ сестра Добрынь, отецъ ея бѣ Малкъ Любутчанинъ:¹ бѣ бо Добрыня Малковъ сынъ дядя Володимиру по матери, и роженіе бысть Владимиру въ Будотинѣ селѣ; ту бо бѣ посла Ольга Малку во гнѣвъ; село бо бѣ ея ту. Бѣ бо умирая Ольга отдасть село то пресвятѣй Богородици». Весьма важно было бы определить источник этих дополнительных данных, отсутствующих в древней летописи. Предполагаю, что в конце концов они восходят к общерусскому своду 1423 г. (мы знаем, что общие места Никоновской и Архангелогородской летописей могут восходить к этому своду, ср. § 178 и 183), а общерусский свод мог иметь в числе источников какие-то записи Киевской Десятинной церкви,² и в составе их могло находиться приведенное сообщение, явно связанное с Десятинною церковью. Можно думать, что Малфредъ не только похоронена в этой церкви, но и пожертвовала ей село Будутино, которое, к сожалению, трудно приурочить к той или иной определенной местности. Во всяком случае, из сообщения Никоновской и Архангелогородской летописей выясняется, что мать Владимира была христианкой.

§ 219¹⁵. Как указано, былины сохранили отчество Добрыни, вытекавшее из первоначального о нем рассказа в Древнейшем Киевском сводѣ; они называют его Никитичем, а Древнейший Киевский свод указывал, что он был сыном Мистиши. Ввиду этого мы вправе искать в былинах воспоминания и о самом Мистиши, которого ждем, между прочим, в виде Никиты. Предполагаю, что образ Никиты Залешанина (Заолешанина) отразил в себе образ Мистиши Древлянина;³ замечательно, что он — богатырь не киевский, поэтому, когда Илья Муромец выдал себя за Никиту, его никто не узнал в княжеском тереме, кроме, впрочем, Добрыни Никитича, очевидно, не в пример другим киевским богатырям знавшего Никиту Залешанина. Впрочем, в некоторых былинах он назван в ряду других киевских богатырей.⁴ Малфредъ Мистинишну, или Мстиславну, следует, быть может, видеть в Марфиде Всеславьевне, хотя, по-видимому, самый свой образ Марфида заимствует у Запавы Путятичны.

¹ Замена любечанина любутчанином стоит в какой-то связи с приписываемым былинами Добрыне происхождением из Рязани. Любутск — приокский город.

² Ср. в Никоновской летописи некоторые церковно-исторические данные X-XI вв., отсутствующие в других сводах.

³ Ср.: Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1862. Вып. IV. С. 46.

⁴ Например: Песни, собранные Киреевским. С. 44.

ГЛАВА XV

К ИСТОРИИ ТЕКСТА НОВГОРОДСКОЙ 1-й ЛЕТОПИСИ МЛАДШЕГО ИЗВОДА

§ 220. Мы подходим теперь все ближе и ближе к главной задаче нашего исследования, к восстановлению Древнейшего летописного свода. Твердое основание такая работа может найти только в тексте ПВЛ, так или иначе до нас дошедшем, нам известном. Но мы исходили в предыдущем исследовании и будем исходить и в предстоящей работе по восстановлению текста из другого старшего текста — текста Начального свода, как мы называем Киевский летописный свод, составленный около 1095 г. Этот старший, чем ПВЛ, лет на двадцать памятник дошел до нас не в полном виде, а в обширных отрывках, сохранившихся в Новгородской 1-й летописи младшего извода, представленной списками Комиссионным и Академическим. Как указано было в главе I, мы знаем Начальный свод в следующих частях его, сохранившихся в Новгородской 1-й младшего извода: Предисловии, тексте 6362—6523 и 6560—6582 гг. Ничто в дальнейшем исследовании не поколебало этого нашего вывода. Но это исследование дало нам возможность заглянуть глубже в состав самого текста отмеченных отрывков и решить, насколько он может быть использован при восстановлении текста сначала Начального свода и далее Древнейшего свода; это исследование познакомило нас с историей Новгородской 1-й летописи старшего извода (Синодального списка), тесно связанного с возникшею из него Новгородскою 1-ю летописью младшего извода; мы знаем, что Новгородская 1-я летопись младшего извода составлена по двум старшим летописным сводам: Софийскому временнику и Новгородскому своду 1448 г.; в свою очередь, Софийский временник составлен по Новгородской 1-й старшего извода (Синодальному списку или его протографу) и по Киевскому Начальному своду в дефектном экземпляре, доведенном до 6582 г. Отсюда следует, что в тексте Новгородской 1-й летописи младшего извода и, между прочим, в тех самых частях его, которые мы возводим к Начальному своду, могут оказаться чтения, во-первых, Начального свода; во вторых, Синодального списка (как для краткости назовем Новгородскую 1-ю летопись старшего извода); в-третьих, Новгородского свода 1448 г. (восстанавливаемого по Софийской 1-й и Новгородской 4-й). Исследователь, приступающий к древнейшей реконструкции, должен иметь в виду то состояние текста Начального свода, которое выясняется из только что предложенных замечаний: в отрывках 6362—6523 и 6560—6582 гг. он может наткнуться на чтения, восходящие не к тексту Начального свода, а к тексту Синодального списка и к тексту свода 1448 г.

§ 220¹. Сложность истории Новгородской 1-й летописи младшего извода дает мне основание повторить здесь в несколько более обстоятельном изложении те главные выводы, к которым мы пришли выше, исследуя предшествующее новгородское летописание.

1. В XI в. был составлен в Новгороде первый летописный свод, положивший в свое основание Киевский свод. Этот первый Новгородский свод будет нами восстановлен в конце настоящего исследования. Свод

этот лег в основание дальнейшего новгородского летописания, ведшегося погодно при дворе епископа.

2. В 1167 г. был составлен в Новгороде второй летописный свод при дворе новгородского владыки, только что возведенного в архиепископский сан. В основание его был положен список ПВЛ второй редакции (1118 г.), но он воспринял и все содержание предшествующего новгородского свода. Свод этот лег в основание дальнейшего новгородского летописания, ведшегося погодно при дворе архиепископа.

3. В 1169 г. был составлен в Новгороде список со второго летописного свода священником церкви Св. Иакова Германом Воятой. Список передавал текст своего оригинала со значительными сокращениями. Летописец Германа Вояты был, как кажется, в XIII в. дополнен по архиепископской летописи и доведен до второй половины XIII столетия.

4. Около 1333 г. был составлен в Новгороде летописный свод, дошедший до нас в Синодальном списке. В основание его положена предшествующая компиляция с продолжениями. Но текст распространен вставками из общерусского свода (составленного в Москве при дворе митрополита) начала XIV в.; он продолжен до времени составления (до 30-х гг. XIV в.) по архиепископской летописи.

5. Около 1423 г. в Москву ко двору митрополита потребовали архиепископскую летопись, для составления нового извода общерусского летописного свода. Есть основание думать, что некоторые (древнейшие) части архиепископской летописи были отосланы в подлиннике; этим объяснялась бы необходимость, скоро обнаружившаяся, положить в основание нового владычного свода не древнюю архиепископскую летопись, а свод 1333 г. (Синодальный список).

6. Новый владычный свод — Софийский временник — составлен около 1423 г., вскоре после отсылки в Москву древнего владычного свода. Как указано, в основание Софийского временника кладется Синодальный список. Но его недостатки, в особенности в древнейших частях, заставляют обратиться к помощи других источников; в Новгороде отыскивается дефектный экземпляр Начального Киевского свода. Составитель Софийского временника решил использовать сначала его, для того чтобы обратиться к Синодальному списку: а) в тех частях, где Начальный свод оказывался дефектным (а именно в нем были вырваны листы, содержавшие рассказ о событиях 6523—6559 гг.); б) там, где драгоценная рукопись обрывалась (на неоконченной повести о кончине преп. Феодосия). За прекращением Синодального списка пришлось прибегнуть к другим источникам; оказалось возможным довести летопись до времени составления Софийского временника; у составителя имелась, по-видимому, копия с позднейших частей владычной летописи (отосланной, как мы видели, в Москву).

7. В 1433 г. была составлена первая редакция памятника, называемого нами Новгородскою 1-ю летописью младшего извода. Эта редакция представляла список с Софийского временника (№ 6), лишь кое-где дополненный, а местами значительно сокращенный. До нас эта редакция дошла в отрывках в составе Троицкого списка Новгородской 1-й летописи и так называемой Новгородской 5-й летописи (ср.: Синодальный список № 280 так называемой Новгородской 4-й летописи).

8. В 1448 г. Софийский временник (№ 6) вошел в соединение с общерусским летописным сводом, содержавшим, как мы видели, ценные заимствования из архиепископского свода (№ 5), доставленного в Мос-

кву в 1423 г. Новгородским летописателям, утратившим этот древний свод, пришлось для восполнения оказывавшихся пробелов прибегнуть к общерусскому своду.

9. Появление свода 1448 г. (№ 8) вызвало в скором времени вторую редакцию Новгородской 1-й летописи младшего извода: в основание положена первая редакция (№ 7); она дополнена вставками из свода 1448 г.; продолжена она была, по-видимому, до 1439 г. (ср. смену почерка в Комиссионном списке после этого года). До нас дошли два списка этой второй редакции Новгородской 1-й летописи младшего извода: Комиссионный и Академический (последний, судя по Толстовскому списку, который признаем копией с него, был доведен до 1443 г.). Вопреки прежнему своему мнению, я не возвожу Академического списка к Комиссионному, не нахожу возможным возвести и Комиссионный список к Академическому; оба они восходят к не дошедшему до нас оригиналу второй редакции Новгородской 1-й летописи младшего извода. Отличия Комиссионного списка от Академического зависели частью от того, что во многих местах то первый список, то второй позволял себе опiski и незначительные отступления от общего оригинала, частью же от того, что оба списка, каждый притом самостоятельно, позволили себе исказить текст оригинала вычурными прикрасами, мудреными выражениями, амплификациями, славянизмами и т. п. Подобного рода искажения имели место уже в общем оригинале Комиссионного и Академического списков, но их было в нем сравнительно немного; число их увеличилось в Академическом, в особенности же в Комиссионном списке.

§ 220². Итак, для восстановления при помощи Комиссионного и Академического списков текста Софийского временника необходимо прежде всего устранить из них отмеченные искажения. Покажем, в чем именно они состояли, на некоторых позднейших частях летописи, для того чтобы иметь твердые основания при устранении их из древнейшей части.

Составитель второй редакции Новгородской 1-й летописи младшего извода (оригинала Комиссионного и Академического списков), переписывая, например, повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 г., внес в нее следующие изменения, не оправдываемые ни Синодальным списком, ни Софийским временником (Софийская 1-я летопись): «а сына Олеку затвори въ стѣнахъ высокихъ и *стража пристави*» вместо «стражею» (Синодальный и Софийский); «абіе разболѣся» вместо «разболѣвѣся» (Синодальный и Софийский); «Фрязи же увѣдавшѣ *яко изимаша* Исаковича» вместо «ята» (Синодальный и Софийский); «*облѣчени* въ бронѣ» вместо «одѣни» (Синодальный и Софийский). Переписывая сказание об Александре Невском, он делает, например, следующее отступление от текста свода 1448 г. (ср.: Софийскую 1-ю летопись): «и слышавъ таковой *страшный* гласъ» вместо «и гласъ слыша таковой».

Но еще больше отступлений позволяет себе составитель Академического списка. Например, в повести 1204 г.: «и *се пакы отселъ* начаша строити брань къ граду» вместо «оттолѣ» (Комиссионный и Софийский). В сказании об Александре: «отъ матери боголюбивыа *имененемъ зовомыа* Феодосіа» вместо «отъ Феодосіа матери боголюбивы»; «и *пакы далъ* бо бѣ Богъ ему премудрость Соломоню» вместо «и далъ же»; «да поможемъ сроднику своему Александрови *на невѣрныа языки*» вместо «сроднику своему Александру»; «и слышавъ таковой *страшный и дивный и грозный* гласъ»

вместо «страшный»; «потомъ же *паки пойдяше* скоро Александръ князь» вместо «пойде».

Несравненно больше подобных амплификаций в Комиссионном списке. Например, в повести 1204 г.: «*i абіе* слѣпивши его» вместо «и слѣпивъ его»; «*и сице заповѣдавши*, яко никтоже не внидетъ *зде*» вместо «яко не внидетъ никтоже»; «*и паки* вси хотяху Радиноса» вместо «и вси хотяху Радиноса»; «Николу воина *нарочита*» вместо «Николу воина»; «и бояре *въ градъ томъ* увѣдавши *помышление царево и паки* утолиша его» вместо «бояре же увѣдавши, утолиша царя»; «а мѣсяца маия въ 9 на память святаго пророка Исаия, и в тои же день святаго отца нашего Николы принесеніе честныхъ мощей его» вместо «а мѣсяца маия въ 9». В сказании об Александре: «отъ Феодосіа матери боголюбивы нравомъ, добродѣтели и богоугодна купнѣ якоже суца, великими просвѣщается дѣлы, якоже иноческаго сподобитись ей чина и приснопомнѣмая Феодосіа, мати князя Александра» вместо «отъ Федосіа матери боголюбивы»; «и събра *вои множество* силу велику *зѣло*» вместо «и събра силу велику»; «жалостно бѣ слышати, *паче же видѣти достойно*, яко отецъ его Ярославъ» вместо «жалостно слышати, яко отецъ его Ярославъ»; «сына своего, Богомъ въспѣтаннаго и богочестивнаго и Богомъ утвержаемаго, и поборника сущи православнѣй Христовѣй вѣрь, дражійшаго Александра» вместо «сына своего честнѣйшаго и драгаго Александра» и т. д.

Отсюда видно, как свободно относился к своему оригиналу составитель Комиссионного списка. Более надежным оказывается текст Академического списка, но и он местами подвергся, как мы указали, распространениям. Но зато текст, восстанавливаемый при помощи сопоставления Комиссионного и Академического списков, оказывается надежным в смысле близости к своему оригиналу. Следовательно, при восстановлении текста Софійского временника по Комиссионному и Академическому спискам можно признавать восходящими к восстанавливаемому памятнику только те чтения, которые общи Комиссионному и Академическому спискам; имея же в виду отмеченную вольность составителя Комиссионного списка и, напротив, большую консервативность составителя Академического списка, мы вообще должны предпочесть чтения Академического списка чтениям Комиссионного, несмотря на бѣльшую древность последнего.

Особенно резко сказала редакторная работа составителя Комиссионного и составителя Академического списков в статьѣ о крещении Ольги. Тот и другой позволили себѣ ряд отступлений от общаго оригинала.

Так, например, составитель Комиссионного списка вместо «и прииде Ольга къ царю и видѣвъ ю царь добру суцу лицемъ» сочиняет: «они же повѣдаша царю приходъ ея; *i абіе* царь возва ю к собѣ; она же иде къ нему, ничтоже медлящи. И видѣвъ ю царь зѣло добру суцу лицемъ»; вместо «и рече царь къ бояромъ своимъ» — «и рече царь прѣдстоящимъ ту велможамъ своимъ»; вместо «и благослови ю патриархъ и иде съ миромъ въ свою землю и прииде къ Киеву» — «и благословивъши патриархъ со вселенскимъ соборомъ, и отпусти ю с миромъ въ свою землю; и пришедши ей паки къ Киеву, принявши святое крещеніе и божественныя дары въ Царскомъ градѣ отъ честнѣйшаго патриарха»; вместо «и отпусти послы» — «и *сіа* паки словеса глаголавши много, *i абіе* отпусти приходящая послове» и т. п.

Составитель Академического списка имеет вместо «просвъщена же бывши» — «просвъщена же бывши святымъ крещеніемъ и въкусивши святаго и божественаго тѣла и крове Господня»; вместо «и радовашеся душою и тѣломъ» — «и радовашеся съ всею душою истинному Богу и Спасу нашему Иисусу Христу»; вместо «и поучи ю патриархъ о вѣрѣ» — «и по сихъ паки поучи ю патриархъ о вѣрѣ божественымъ писаніемъ святыхъ отецъ преданная седми съборовъ» и т. д.

Но сравнение Академического и Комиссионного списков с текстом Софийской 1-й и Новгородской 4-й летописей доказывает, что уже в оригинале обоих списков допущены были отступления от текста Софийского временника: ср. в Академическом и Комиссионном: «хотящи възвратитися къ странѣ своей» вместо «она же хотящи домовъ». Впрочем, подобных отступлений немного.

§ 220³. Тем не менее возможность редакционных изменений со стороны составителя 1-й или 2-й редакции Новгородской 1-й летописи младшего извода ведет нас к необходимости признать, что для восстановления при помощи Комиссионного и Академического списков текста Софийского временника должен быть привлечен и свод 1448 г., т. е. текст Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописей; мы знаем, что свод 1448 г. составилсЯ из соединений текста Софийского временника с текстом общерусского свода. Впрочем, не следует упускать из виду возможности влияния свода 1448 г. на текст второй редакции Новгородской 1-й летописи младшего извода; поэтому некоторые чтения оригинала Комиссионного и Академического списков могут быть обязаны своим происхождением *влиянью* свода 1448 г. Не думаю, однако, чтобы это влияние было очень значительно. То обстоятельство, что составитель второй редакции Новгородской 1-й летописи не заимствовал в начале из свода 1448 г. почти никаких статей, исключая части от 6552 до 6559 г.,¹ остававшейся в Софийском временнике совершенно незаполненной вследствие дефектности Начального свода, указывает на то, что свод 1448 г. оставался составителем второй редакции Новгородской 1-й летописи почти совсем в стороне при переписке текста первой редакции.

Поэтому согласные чтения Комиссионного, Академического и свода 1448 г. (Софийский 1-й и Новгородский 4-й) я возвожу к Софийскому временнику; равным образом возвожу к нему согласные чтения Комиссионного и свода 1448 г.; далее согласные чтения Академического и свода 1448 г.; наконец, в значительном количестве случаев возвожу к нему и согласные чтения Комиссионного и Академического списков. Впрочем, относительно чтений, общих Академическому и своду 1448 г., должна быть сделана оговорка: Академический список подвергся исправлению по Троицкому списку Новгородской 1-й летописи (точнее, по его протографу), а этот Троицкий список представлял текст первой редакции Новгородской 1-й летописи младшего извода, исправленный и дополненный по какому-то московскому своду. Поэтому возводим к Софийскому временнику только те чтения Академического списка, согласные со сводом 1448 г., которым противопоставляются чтения Комиссионного списка, не находящие себе подтверждения в древних списках ПВЛ.

¹ В дальнейшем заимствованы из свода 1448 г. некоторые более или менее обширные сказания.

§ 220⁴. Таким образом, задача восстановления Софийского временника в древнейшей его, нас интересующей части представляется вполне выполнимой. Но будет ли восстановленный таким образом текст Софийского временника тождествен с текстом Начального свода? Умалчиваем о неизбежных подновлениях при переписке в XV в. текста конца XI в.; эти подновления нетрудно было бы выделить и устранить из восстановленного текста. Но имеем в виду то, что Софийский временник, согласно предыдущему, составлен и в древнейшей части своей на основании не одного Начального свода, а двух памятников: Начального свода и протографа Синодального списка. Не отразилось ли влияние протографа Синодального списка на тексте Софийского временника?

Определенный, бесспорный ответ на этот вопрос дать, к сожалению, нельзя потому, что древнейшая часть Синодального списка, вплоть до середины статьи 6524 (1016) г., утрачена. В части же от 6524 до 6583 г., с которого Софийский временник следовал протографу Синодального списка, этот последний настолько отличался от текста Начального свода, что никакой речи о влиянии его на текст Софийского временника, копировавшего текст Начального свода, быть не может. Предыдущее исследование показало, что в части до 6524 г. Софийский временник заимствовал из протографа Синодального списка статью о крещении Новгорода и приложенные к ней перечни князей, епископов и проч. Тем настойчивее выдвигается вопрос, не заимствовано ли из того же источника еще кое-что? Вероятное решение этого вопроса надо ждать от предварительного разрешения другого вопроса: представлял ли протограф Синодального списка в части до 6524 г. такой же краткий, отрывочный перечень известий, как в части 6524—6582 гг., или он был здесь полнее и содержательнее? Если древнейшая часть протографа Синодального списка сходствовала по краткости и отрывочности с частью после 6524 г., то ни о каком влиянии протографа Синодального списка на Софийский временник быть речи не может; если же протограф Синодального списка в древнейшей своей части передавал летописный текст не в извлечении, а полностью, то влияние его на Софийский временник представляется весьма вероятным. Решение поставленного вопроса оказывается вполне возможным. Благодаря сохранившемуся в Синодальном списке счету тетрадей ясно, что первый лист его (содержащий текст статьи 6524 г.) был некогда первым листом 16-й тетради и что, следовательно, Синодальный список утратил 15 тетрадей, или 120 листов; полагая на каждом листе 36 строк (на странице их 18), а в каждой строке от 20 до 23 букв, видим, что утраченная часть Синодального списка содержала 95—100 тысяч букв. Заметим, что соответствующая часть Ипатьевской летописи, по приблизительному подсчету, содержит 140 тысяч букв, а соответствующая часть Комиссионного списка — от 85 до 90 тысяч букв. Следовательно, текст Синодального списка в утраченной части был *полнее* текста Комиссионного списка, но *короче* текста ПВЛ.

§ 220⁵. Наш вывод согласуется с предполагаемой историей протографа Синодального списка. В древнейшей части своей он оказывается копией с летописи Германа Вояты; последняя является копией с Новгородского свода 1167 г. Этот свод положил в свое основание список ПВЛ, но не упускал из внимания и старшего Новгородского свода XI в.; весьма естественно предположить, что под влиянием этого свода XI в. подвергся сокращению и текст списка ПВЛ. Но тем не менее свод

1167 г. был полнее Начального свода (об объеме которого судим по Академическому и Комиссионному спискам), ибо он мог содержать ряд тех статей ПВЛ, которые не входили в состав Начального свода.

Итак, мы указали на вероятность того, что текст протографа Синодального списка влиял на текст Софийского временника в части до 6524 г. Перенос в свой труд статьи Начального свода, составитель Софийского временника имел полную возможность сверить и исправить их по протографу Синодального списка.

§ 220⁶. Думаю, что в пользу такого вывода можно привести, например, следующее соображение. Под 6480 г. читалось в Софийском временнике: «Свѣндель же прииде Киеву къ Ярополку; а Ярополкъ же княжа в Киевѣ и воевода бѣ у него Блудъ». В соответствующем месте ПВЛ: «Свѣналдъ же приде Киеву къ Ярополку. И всѣхъ лѣтъ княженья Святослава лѣтъ 20 и 8». Может ли приведенное выше чтение Софийского временника восходить к Начальному своду? Думаю, что нет, ибо в Начальном своде, как и в ПВЛ, Блуд является в рассказе уже позже, под 6488 г., а активным деятелем в борьбе Ярополка с Олегом оказывается не Блуд, а Свенельд. Между тем мы знаем, что слова «а Ярополкъ же бѣ (или: съде) княжа в Киевѣ; и воевода бѣ у него Блудъ» читались, во всяком случае, в Новгородском своде 1167 г., ибо мы находим их в своде 1423 г., как это видно, например, из Хронографа и Ермолинской летописи. Присутствие этих слов в Новгородском своде 1167 г. доказывает, что они читались в Новгородском своде XI в. и далее в Киевском Древнейшем своде, а это последнее обстоятельство вполне естественно, ибо, как мы знаем, Древнейший свод не знал о Свенельде времен Ярополка, а только о Свенельде времен Игоря (ср. § 219⁷). Поэтому мы и думаем, что приведенная фраза читалась как в Дневнейшем Киевском своде, так и в Новгородском своде XI в. Составитель Начального свода ввел в ряд статей, относящихся к княжениям Святослава и Ярополка, Свенельда и сообразно с этим должен был устранить сообщение о воеводе Блуде в известии о вокняжении Ярополка. Следовательно, приведенная нами фраза могла попасть в Софийский временник не из Начального свода, а только из протографа Синодального списка, восходящего, как мы знаем, в конце концов к Новгородскому своду 1167 г.

§ 220⁷. Итак, протограф Синодального списка, а может быть, еще летопись Вояты представляли следующую любопытную особенность в своем составе: приблизительно до вокняжения Ярослава они содержали довольно полный летописный текст, между тем после 6524 г., по-видимому, до самого конца XI в. они ограничивались самою краткою выборкою из свода 1167 г.

Оставляю нерешенным вопрос, от чего зависело такое неодинаковое отношение Германа Вояты к своему оригиналу. Возвращаясь к предложенному выводу: в части до 6524 г. протограф Синодального списка оказал влияние на соответствующие статьи Начального свода при перенесении их в Софийский временник. Этот вывод имеет для нас то значение, что заставляет с осторожностью возводить текст статей Софийского временника к тексту Начального свода. Может оказаться, что в составе Софийского временника некоторые статьи в части до 6524 г. восходят к протографу Синодального списка; может оказаться, что отдельные чтения Софийского временника должны быть возведены к протографу Синодального списка.

§ 220⁸. Останавливаемся на первой возможности: в составе Софийского временника некоторые статьи в части до 6524 г. могут возводиться не к Начальному своду, а к протографу Синодального списка. Действительно, такие статьи есть. Это, во-первых, статья 6497 г. о крещении Новгорода и приложенные к ней перечни;¹ совершенно ясно, что ни эта статья, ни эти перечни не читались в Начальном Киевском своде; их нет в ПВЛ; перечень великих князей киевских, доведенный до Ростислава Мстиславича, указывает на 1158—1167 гг., т. е. на время составления Новгородского владычного архиепископского свода (1167 г.). Это, во-вторых, приведенное выше «а Ярополкъ же княжа в Киевѣ, и воевода бѣ у него Блудъ». Есть ли, кроме этих двух статей, еще и другие, восходящие к протографу Синодального списка? Думаю, что нет; никаких указаний на то, чтобы в части до 6524 г. какая-нибудь статья, кроме двух указанных, восходила в Софийском временнике к протографу Синодального списка, я не нашел.²

§ 220⁹. Переходим ко второй возможности: некоторые статьи Софийского временника могут содержать чтения, восходящие к протографу Синодального списка. В том, что это действительно так, имеется ряд веских указаний. Сравнивая текст Софийского временника (Академический, Комиссионный, Софийская 1-я) с текстом Лаврентьевского, Радзивиловского и Ипатьевского списков, видим, что в целом ряде случаев Софийский временник отступает от текста Лаврентьевского списка и сходится с текстом Радзивилковским и Ипатьевским, причем многое заставляет предполагать, что в Лаврентьевском сохранилось более первоначальное чтение. Приведем такие чтения.

Под 6453 (945) г.: «и *изшедше* Древлянь изъ града Коростеня противу» (то же в Радз., Хлебн.) вместо «вышедше» (Лавр.); «да в велицѣ чести *пойду* за вашъ князь» (то же в Радз., Ипат.) вместо «приду» (Лавр.). Под 6463 (955) г.: «благословити тя *имуть*» (то же в Радз., Ипат.) вместо «хотять» (Лавр.); после «прииде къ Киеву» прибавлено: «*яко же (яже) предъ рекохомъ*» (то же в Радз. и Ипат.: «и яко же рѣкохомъ»), в Лавр. этого нет; «радоватися *начнеши*» (то же в Радз., Ипат.) вместо «почнешь» (Лавр.). Под 6476 (968) г.: «аще не приступите *утро*» (то же в Ипат.) вместо «аще кто не приступитъ с утра» (Лавр.). Под 6479 (971) г.: «то промыслите *о себѣ*» (то же в Радз., Ипат.) вместо «собою» (Лавр.); «и *не позрѣ* на ня» (то же в Ипат.) вместо «не зрѣ» (Лавр.); «мертви бо срама *не имуть*» (ср. в Ипат. и Радз.: «не имають») вместо «не имамъ» (Лавр.). Под 6485 (977) г.: «высподѣ *подъ трупиемъ*» (ср. в Ипат. и Радз.: «[на]исподи подѣ трупиемъ») вместо «высподи трупия» (Лавр.). Под 6488 (980) г.: «и *оседаху* Ярополка въ Роднѣ» (то же в Ипат. и Радз.) вместо «осѣде» (Лавр.); «побѣгни *из града*» (то же в Ипат. и Радз.) вместо «за градъ» (Лавр.); «и разуму его нѣсть *числа*» (то же в Ипат. и Радз.)

¹ Перечни в Софийском временнике были продолжены до времени его составления, т. е. до 1423—1425 гг.

² Отмечаю еще раз, что похвала Владимиру в Софийском временнике читалась краткая, в несколько строк; вторая редакция Новгородской 1-й младшего извода (Комиссионный и Академический) заимствовала похвалу из свода 1448 г. (этот из свода 1423 г., а этот из Жития Владимира); далее статья об убиении Глеба, начиная со слов «то и селика постижемя», заимствована также из свода 1448 г. В Софийском временнике здесь был, по-видимому, прямо пропуск (ср. такой же пропуск в конце статьи о смерти преп. Феодосия). В протографе Синодального списка, как кажется, убиение Бориса и Глеба было изложено совсем кратко.

вместо «конца» (Лавр.); «*бысть* яко корабль» (то же в Ипат. и Радз.) вместо «*владеать* яко корабль» (Лавр.). Под 6493 (985) г.: «а хмель *грязнути*» (то же в Ипат. и Радз.) вместо «почнеть тонути» (Лавр.). Под 6494 (986) г.: «Нѣмци из Рима» (то же в Ипат. и Радз.), в Лавр. только «Нѣмци». Под 6495 (987) г.: «*отинудь* Богъ съ челоуѣкы пребываетъ» (то же в Ипат. и Радз.) вместо «онѣдъ» (Лавр.). Под 6496 (988) г.: «и боряху крѣпко *гражданѣ*» (то же в Ипат. и Радз.) вместо «изъ града»; «яко *въ поганья*, рече, иду» (то же в Ипат. и Радз.) вместо «въ полонѣ» (Лавр.); «*въскраи* церкви» (то же в Ипат. и Радз.) вместо «съ края»; «*бити* жезлиемъ» (то же в Ипат. и Радз.) вместо «тети» (Лавр.). Под 6504 (996) г.: «и медь *въ бочкахѣ*» (то же в Ипат. и Радз.) вместо «въ бчелкахѣ» (Лавр.); «нѣ съ *испытаниемъ*» (то же в Ипат. и Радз.) вместо «но со испытомъ» (Лавр.) и т. д.

§ 220¹⁰. Эти и другие подобные отличия восходят, очевидно, к одному общему для Ипатьевской, Радзивилловской и протографа Синодального списка оригиналу — особой редакции ПВЛ, отличной от той, что лежит в основании Лаврентьевской летописи. Эта последняя летопись в общем следует первой редакции ПВЛ, составленной в 1116 г.; как мы указали выше, Новгородский свод 1167 г. (а текст Синодального списка восходит именно к этому своду) основывался на второй редакции ПВЛ, составленной в 1118 г.; к этой же редакции, как ясно из целого ряда соображений, возводятся чтения Ипатьевской и Радзивилловской летописей (ср. § 154). Для Ипатьевской летописи это доказывается, например, тем обстоятельством, что она содержит прямое продолжение ПВЛ (годы 1111—1117), что она дополняет текст первой редакции вставками некоторых событий в рассказе о XI в., что она повествует о первоначальном поселении призванных князей в Ладоге и последующем за сим основании Новгорода, что она заменяет имя Иоанна Цимисхия в рассказе о крещении Ольги именем Константина, сына Леонова, и т. д. Для Радзивилловской это же следование второй редакции (при значительном влиянии первой) доказывается общими чтениями с Ипатьевскою.

§ 220¹¹. Итак, вторая редакция ПВЛ отличалась от первой сильною переработкою в языке; многие слова и выражения первой редакции по той или иной причине заменены были другими. Наиболее точно сохранились особенности второй редакции в Новгородском своде 1167 г., ибо здесь текст ПВЛ вошел в соединение с довольно отличным от нее Новгородским сводом XI в., почему особенности ПВЛ оставались неизменными; в Ипатьевской и Радзивилловской летописях текст второй редакции ПВЛ вошел в соединение с текстом первой редакции, что имело неминуемым последствием утрату в них многих типичных особенностей второй редакции. Здесь не место распространяться по вопросу о взаимных отношениях обеих редакций ПВЛ. Возвращаемся к тексту Софийского временника.

§ 220¹². Мы извлекаем из него без затруднения текст Начального свода, но текст этот подвергся в Софийском временнике сильнейшей переработке по протографу Синодального списка, иначе — по второй редакции ПВЛ. Ввиду этого те чтения Софийского временника, которые, отличаясь от Лаврентьевской, сходны с Ипатьевскою и Радзивилловскою, мы вправе возводить не к Начальному своду, а к другому источнику Софийского временника — к протографу Синодального списка. Отсюда же следует, что, напротив, чтения, общие Софийскому временнику и

Лаврентьевскому списку, могут быть с уверенностью возводимы к Начальному своду.

Предыдущие соображения ведут нас еще к одному дальнейшему заключению: текст Лаврентьевского списка является при восстановлении Начального свода более надежным руководителем, чем текст Софийского временника; Лаврентьевский список представляет первую редакцию ПВЛ, поэтому текст сравнительно более близкий к Начальному своду, чем вторая редакция ПВЛ и, следовательно, чем текст Софийского временника, в котором текст Начального свода подвергся переработке со стороны второй редакции ПВЛ.

§ 220¹³. Совершенно особого внимания заслуживает та часть Новгородской 1-й летописи младшего извода, которая содержит рассказ о древнейших событиях, — это часть до 6453 (945) г. В этой части видим особенное отличие текста Новгородской 1-й летописи от текста ПВЛ. Вместе с тем предыдущее исследование показало, что именно в этой части Новгородская 1-я летопись содержит ряд чтений, восходящих (путем Софийского временника) не к Начальному своду, а к протографу Синодального списка. Я сошлюсь на соображения, высказанные в § 70⁵ и 70⁶, где доказано влияние протографа Синодального списка на рассказ о походах Игоря против древлян и угличей; далее — на § 199, где чтение «прозвашася Русь, и отъ тѣхъ словеть Руская земля» возведено к тому же источнику Софийского временника; затем — на § 206⁸, где чтение «еже не даютъ» точно так же признано заимствованным из протографа Синодального списка. Ввиду этого у нас возникает сомнение относительно того, точно ли можно возвести текст древнейшей части Новгородской 1-й летописи младшего извода к Начальному своду, не восходит ли она целиком ко второму источнику Софийского временника — к протографу Синодального списка. Но сомнение это нельзя признать основательным. Текст протографа Синодального списка в конце концов восходит к двум первоисточникам — к ПВЛ и Новгородскому своду XI в. Это обстоятельство дает нам возможность определить, что именно могло читаться в тексте протографа Синодального списка и чего не могло в нем быть. Правда, Новгородский свод XI в. до нас не дошел, но мы не имеем оснований предполагать, чтобы он в частях, касающихся событий неновгородских, отличался бы от Древнейшего Киевского свода, восстанавливаемого на основании данных, выше нами сообщенных.

§ 220¹⁴. Так, рассказ о походе Руси на Царьград при царе Михаиле не мог читаться в протографе Синодального списка в том виде, в каком мы его находим в Новгородской 1-й младшего извода, ибо его нельзя возвести ни в ПВЛ (отсутствие имен Аскольда и Дира, другая хронология), ни к Новгородскому своду XI в. (так как в этом последнем, так же как в Древнейшем Киевском своде, не было заимствований из того хронографа особой редакции, к которому восходит соответствующая статья). То же справедливо и для рассказа о походе Руси на Царьград при царе Романе. Далее, рассказ о завладении Киева Игорем и Олегом не мог читаться в протографе Синодального списка в том виде, в каком мы его находим в Новгородской 1-й младшего извода, ибо и его нельзя возвести ни к ПВЛ (которая сообщала о завладении Киева Олегом), ни к Новгородскому своду XI в. (в последнем Олег не мог быть назван воеводой Игоревым, и рассказ не мог вестись в двойственном числе: то и другое, как мы указывали, — черты позднейшей обработки). Равным

образом невероятно возводить слова «и ко Игорю» в рассказе о походе Олега на Царьград к протографу Синодального списка; их нет в ПВЛ (где Олег предпринимает поход самостоятельно, а не в качестве воеводы Игорева), не могло быть и в Новгородском своде XI в., рассказ которого сходствовал с рассказом Древнейшего Киевского свода, а в этом последнем не могло содержаться этой явно позднейшей вставки, имевшей очевидную целью помирить рассказ о самостоятельном походе Олега с представлением об Олеге — Игоре воеводе.

§ 220¹⁵. Помимо этих соображений, можно указать еще на данные, извлекаемые из самой ПВЛ и доказывающие, что непосредственно предшествовавший ей свод должен был быть в общем сходен с тем самым текстом, который представляет Новгородская 1-я младшего извода.

Имеется ряд оснований думать, что пользование Амартолом должно быть отнесено на счет составителя ПВЛ, а не Начального свода: последний имел в своем распоряжении другой хронографический источник (ср. заимствования из него под 6573 и другими годами). Далее не подлежит сомнению, что Начальный свод не знал договоров с греками; соответствующие этим договорам места в ПВЛ обнаруживают явные вставки, между тем как текст Начального свода, где договоров нет, оказывается первоначальным (ср. договоры Игоря и Святослава). Затем можно с уверенностью утверждать, что в Начальном своде не было статьи о преложении книг с греческого на славянский язык, — статьи, содержащей также данные о первоначальном единстве и позднейшем расселении славян. Наконец, вполне естественно допустить, что составитель ПВЛ включил в свой труд легенды и сказания, не бывшие в распоряжении старшего свода: позднейшее летописание целым рядом примеров свидетельствует о таком распространении младших сводов на счет старших.

И вот, если, ввиду указанных соображений, мы исключим из древнейшей части текста ПВЛ: во-первых, заимствования из Амартола; во-вторых, два Олеговых договора; в-третьих, ряд данных о расселении славян и статью 6406 (898) г. о преложении книг; в-четвертых, наконец, легенду об апостоле Андрее и сказание о смерти Олега, — мы получим представление о своде, весьма сходном с тем, что представлен Новгородскою 1-ю летописью младшего извода. Не должно упускать еще из виду, что привлеченные составителем ПВЛ источники вызвали с его стороны распространение основного источника новыми известиями, возникавшими по вполне понятной ассоциации. Рассказ Амартола о распределении земель между сыновьями Ноя дополнен сведениями о русско-славянских, чудских и варяжских племенах, сидящих в Иафетовой части; данные статьи о преложении книг касательно расселения славян дополнены сведениями о русско-славянских племенах; легенда об Андрее связана с сообщением о пути из варяг в греки; заимствованию из Амартола о нравах различных племен предшествует рассказ о нравах русско-славянских племен; за ним следует сообщение о нравах половцев. Поэтому, восстанавливая старший свод, мы вправе исключить из текста ПВЛ и все эти позднейшие вставки и распространения ее источников. Отличия свода, восстановленного путем исключения указанных материалов из ПВЛ, от текста Новгородской 1-й летописи окажутся совершенно незначительными. Лишних фактов почти не окажется в таком восстановленном своде: известия о покорении Олегом древлян, северян, радимичей представляются частью извлеченными из текста, сходного с

текстом Новгородской 1-й (покорение Олегом древлян ср. с покорением древлян Игорем), частью же противоречащими другим сообщениям Древнейшего свода и потому вставленными (радимичи покорены не Олегом, а Владимиром); поход Игоря 944 г. после поражения 941 г. представляется явно сочиненным для того, чтобы покрыть бесславное событие, о котором летописец узнал из Продолжателя Амартола.

§ 220¹⁶. Хотя отличий восстановленного таким путем текста старшего, чем ПВЛ, свода сравнительно с текстом Новгородской 1-й летописи младшего извода не много, но тем не менее они оказываются настолько существенными, что опять возникает вопрос, можно ли возвести текст ПВЛ к тексту, сходному с Новгородскою 1-ю летописью младшего извода. Не стану говорить о том, что некоторые статьи Новгородской 1-й летописи явно заменены другими в ПВЛ; например, статьи о походах Руси на Царьград при царях Михаиле и Романе изложены в Новгородской 1-й по одному хронографическому источнику, а в ПВЛ — по другому (по Амартолу). Обращаюсь к другим отличиям: ПВЛ излагает рассказ о призвании варягов с иными подробностями, чем Новгородская 1-я; Рюрик и его братья оказываются не варягами, а русскими; самая русь отождествлена, впрочем, с варягами. Вместо «идоша за море к Варягомъ и ркоша» Новгородской 1-й летописи мы читаем в ПВЛ: «идоша за море къ Варягомъ къ Руси; сие бо ти звахуся Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свие, друзии же Урмане, Анъглыне, друзии Гъте, тако и си. Ръша Руси Чюдь, Словъни и Кривичи и Весь». Не сомневаемся в том, что текст Новгородской 1-й именно в этом случае более первоначальный, чем текст ПВЛ; слова «къ Руси; сие бо ти звахуся Варязи Русь, яко се... и Весь» имеют все признаки вставки. Вставка эта, как мы видели, стоит в связи с особым взглядом составителя ПВЛ, настойчиво им проводившимся, по которому Русь Киевская — те же варяги, причем появление их относится ко времени призвания варяжских князей, Рюрика и его братьев. Как указано выше (глава XIII), Новгородская 1-я в своем рассказе о призвании руси держится другого взгляда и различает русь от варягов. Ввиду только что отмеченной большей первоначальности текста Новгородской 1-й летописи сравнительно с ПВЛ, я в этом отличии Новгородской 1-й летописи от ПВЛ вижу решительное доказательство в пользу того, что в этой летописи представлен текст старшего, чем ПВЛ, свода. Различие между варягами и русью проводится и ниже в Новгородской 1-й; она утверждает, что варяги, перейдя в Киев с завоевавшим Киев князем, прозвались русью; между тем ПВЛ в соответствующем месте говорит, что русью прозвались вообще варяги, словене и проч. В совершенном противоречии с этим находится утверждение той же Новгородской 1-й летописи, помещенное непосредственно за призванием варягов: мы читаем здесь, что «отъ тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь, и отъ тѣхъ словеть Руская земля». Ввиду указанных выше соображений считаем эти слова вставленными из протографа Синодального списка, в который, как мы знаем (путем свода 1167 г.), проникли многие чтения ПВЛ.

Вторым существенным отличием ПВЛ от Новгородской 1-й оказывается отношение к Олегу: по Новгородской 1-й — это воевода Игорев, а по ПВЛ — это князь, правивший во время малолетства Игоря. Не сомневаюсь в том, что последний взгляд восходит к первому; в связи с ним находится и то обстоятельство, что в ПВЛ имеется текст двух договоров, где Олег назван князем; можно поэтому думать, что превра-

шение воеводы Олега в князя Олега вызвано отчасти влиянием этих договоров. Мы указывали выше, что текст ПВЛ сохранил в одном месте след того, что его источник говорил о завладении Киевом, так же как говорит теперь Новгородская 1-я, в двойственном числе (Игорь и Олег), между тем как вообще это двойственное число переправлено в ПВЛ в единственное, а именно в ПВЛ читаем: «придоста къ горамъ хъ Киевскимъ». Но признавая и в этом случае текст Новгородской 1-й более первоначальным, чем текст ПВЛ, ставим себе вопрос, можно ли признать исконною чертою соответствующего рассказа наличность в нем двух действующих лиц — Игоря и Олега? Выше мы доказывали, что некогда говорилось в рассказе о завладении Киевом об одном Олеге, а что Игорь вставлен после. Следовательно, текст Новгородской 1-й летописи предполагает более древний текст, где говорилось об Олеге, а не об Игоре и Олеге, в соответствующем рассказе. Отсюда мы и заключаем, что в Новгородской 1-й летописи представлен текст свода, непосредственно предшествующего ПВЛ, а не свода первоначального.

Не имея основания допускать, чтобы второй источник, к которому в конце концов восходит текст протографа Синодального списка, т. е. Новгородский свод XI в., заменил Олега Игорем и Олегом, имея, напротив, в виду, что первый источник указанного текста — ПВЛ — говорит о князе Олеге, мы не можем допустить, чтобы в рассказе о завладении Киева Новгородская 1-я летопись следовала протографу Синодального списка. Следовательно, соответствующий рассказ Софийского временника (из которого произошла Новгородская 1-я летопись) восходит ко второму его источнику — к Киевскому Начальному своду, непосредственному источнику ПВЛ.

§ 220¹⁷. Для наглядности взаимные отношения большей части списков, упомянутых в предшествующем исследовании, изображены в приложенной графической таблице (см. с. 357). О названном во второй строке сверху первом Печерском своде не говорилось выше, скажем о нем в следующих главах.

ГЛАВА XVI

ОБЪЕМ ДРЕВНЕЙШЕГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА; ВРЕМЯ И МЕСТО ЕГО СОСТАВЛЕНИЯ

§ 221. Мы подходим в этой главе к подведению итогов предшествующего исследования. Нам предстоит решить прежде всего вопрос об объеме восстанавливаемого по предложенным выше данным свода. Разрешение этого вопроса облегчит нам ответ на все другие вопросы, относящиеся к ближайшему определению тех условий, при которых возник этот памятник.

В высшей степени важным обстоятельством, которое мы поставим исходным началом предстоящих нам рассуждений, признаем следующую особенность ПВЛ и Начального свода, служащих основанием для восстановления Древнейшего летописного свода. На всем протяжении их до 6569 (1061) г. мы совсем почти не встречаем в их тексте точных хронологических определений; разумеет под точным определением ука-

зание дня совершившегося события. Действительно, до 6569 г. находим только два таких указания: под 6523 (1015) г. указан день кончины Владимира Святославича («мѣсяца иуля въ 15 день»); под 6562 (1054) г. указан, впрочем, в форме недостаточно вразумительной, день кончины Ярослава Владимировича (Лаврентьевская: «в субботу 1 поста святого Феодора»). Ни одного другого точного хронологического определения мы в тексте ПВЛ не найдем; остались не указанными даже такие дни, как день кончины Ольги, убийства Бориса, убийства Глеба, освящения Богородицы Десятиной, освящения Св. Софии. Под 6569 г. указан день поражения Всеволода Ярославича от впервые напавших на Русскую землю половцев: 2 февраля; после этого указания точные хронологические определения встречаются все чаще; под 6574 г. отмечен день кончины Ростислава Владимировича в Тмуторокане: 3 февраля; под 6575 г. — день битвы на Немиге: 3 марта, и день, когда был схвачен вероломным образом Всеслав: 10 июля; под 6576 г. — день освобождения Всеслава из поруба: 15 сентября, и день победы Святослава над половцами: 1 ноября; под 6577 (1069) г. — день возвращения Изяслава в Киев: 2 мая. Начиная с 6580 (1072) г. точные хронологические указания становятся еще чаще и последовательнее. Вряд ли отмеченное обстоятельство — отсутствие точных хронологических указаний до 6569 г. и появление их в изобилии начиная с 60-х гг. XI в. — может быть объяснено случайностью; перед нами — два различных приема летописания, зависевших, конечно, от той или иной определенной причины.

§ 221¹. Отыскивая эту причину, я вижу только две возможности: или начиная с 1061 г. мы имеем дело с другим летописцем, чем до этого года, или же летописец, излагавший события до 1061 г. понаслышке, по устным преданиям, приблизительно с указанного времени был современником описываемых событий; как таковой он не затруднялся точным их хронологическим определением. Не отвергая того, что действительно точность хронологических определений предполагает современную событиям летописную запись, я думаю, однако, что отсутствие точных хронологических определений в части до 1061 г. зависело не только от того, что часть эта была составлена не современником; думаю, что необходимо принять в расчет наличность двух различных приемов летописания; думаю, что в части приблизительно до 1061 г. мы имеем дело с лицом, руководившимся одними приемами, а в части приблизительно от 1061 г. — с лицом, державшимся других летописных приемов. Подтверждаю свою мысль следующими двумя соображениями: во-первых, в части после 1061 г. находим точные хронологические определения при таких событиях, о которых киевлянин (предполагаем, что летопись ведена в Киеве) мог узнать, казалось бы, только понаслышке, спустя довольно продолжительное время: так, им указан день кончины Ростислава в далеком Тмуторокане; следовательно, точность хронологического определения не предполагает непременно личного участия современника в описываемом событии, непосредственного восприятия его, аутопсии; записав, скажем, хотя бы месяца через три-четыре, рассказ о смерти Ростислава, летописец добился того, что ему сообщили не только обстоятельства, при которых она случилась, но и точное указание дня, когда имела место Ростиславова кончина; предполагаем поэтому, что тот же летописец, заносая в свой свод событие, отстоявшее от него на десять или на двадцать лет, мог бы поинтересоваться точною датой события и добиться ее путем расспросов; между тем следов такой пытливости мы в части

до 1061 г. не находим. Во-вторых, в части до 1061 г. многие события могли бы быть без труда определены точными хронологическими указаниями, при желании со стороны летописца иметь такие указания; так, нетрудно было узнать, что Ольга умерла 11 июля, что Св. Богородица Десятинная освящена была 12 мая, Св. София — 4 ноября, монастырь Св. Георгия — 26 ноября; во второй половине XI в., как видно из Несторова Чтения, решительно утверждали, что Борис убит 24 июля, а Глеб — 5 сентября; как видно из Памяти и похвалы Владимиру мниха Иакова,¹ во второй половине XI в. знали, как это знают и позднейшие прологи, что убиение первых варягов-мучеников случилось 12 июля; можно с уверенностью утверждать, что составителю Древнейшего свода была известна эта дата из той самой статьи об убиении этих варягов, которую он включил в свой свод, а между тем он опустил дату 12 июля; равным образом дата 11 июля стояла, несомненно, в том источнике свода, откуда извлечен рассказ о кончине Ольги,² а между тем составитель свода опустил эту дату. Наконец, в статье 6527 г. мы находим еще более резкое указание на опущение составителем свода даты, бывшей ему известною, данной одним из его источников: день битвы на Альте между Ярославом и Святополком определен как пятница: «бъ же пятькъ тѣгда»; слова же «24-го іюля», несомненно сопровождавшие это определение,³ не повторены Древнейшим сводом, как видно из отсутствия их в ПВЛ. Я не вижу основания для предположения, чтобы подобные опущения были сделаны составителями Начального свода или ПВЛ; непонятно было бы, зачем эти летописцы не решились повторить хронологических дат Древнейшего свода, между тем как сами давали такие даты для позднейших событий в изобилии. Приходится допустить, что опущения эти имели место уже в Древнейшем своде; приходится поставить их в связь с отсутствием в этом своде вообще точных хронологических определений. Мы имеем дело в Древнейшем своде с таким летописцем, который решил, по-видимому, совсем не давать точных хронологических определений описываемых событий; в силу этого своего решения он, во-первых, не добивался датировки сообщаемых ему разными источниками данных, во-вторых, опускал и те даты, которые находились в его источниках.

Исключение составило бы только 15 июля 6523 г. Но всматриваясь внимательнее в текст, где приведена эта дата, мы увидим, что возможно усомниться, точно ли она читалась в Древнейшем своде. В Лаврентьевском и других списках ПВЛ находим: «самъ бо боляше велми, в неже болести и скончася мѣсяца иуля въ 15 день. Умре же на Берестовѣмъ и потаиша ѿ». Итак, Владимир *скончася* тогда-то, *умре* же там-то. Не зависела ли эта амплификация от влияния на текст ПВЛ (или предшествовавшего ему Начального свода) вставки определения «мѣсяца иуля въ 15 день», не находившегося в первоначальном тексте? Признаю вероятным, что в первоначальном тексте читалось: «самъ бо боляше велми, въ неже болести и скончася на Берестовѣмъ»; вставка слов «мѣсяца иуля въ 15 день» после «скончася» вызвала вставку слов «умре же» перед следующим «на Берестовѣмъ», хотя, понятно, можно было бы обойтись и без этой вставки; ср. еще большее распространение в Ипать-

¹ Ср. § 11 и 104.

² Ср. § 75.

³ Ср. § 59.

евском списке, где после «умре же» вставлено: «Володимеръ князь великий». Если чтение Ипатьевского списка более первоначальное, то имеем указание на то, что на распространение интересующего нас места повлиял определенный источник, указывавший дату кончины Владимира и называвший его великим князем Русским, т. е. так, как Древнейший свод вообще не называет киевских князей. Что же касается даты смерти Ярослава, то вопрос о ней оставим пока в стороне, ибо у нас возникает сомнение, доходил ли текст Древнейшего свода до года Ярославовой кончины.

§ 222. Итак, признав характерным для Древнейшего летописного свода отсутствие в нем точных хронологических дат, делаем вывод, что свод этот не включал в свой состав событий 6569 (1061) г., что он прекращался до этого года; с 6569 г. ясно выступает другое лицо с другими приемами, отличавшими его от составителя Древнейшего свода. Пользуясь этими указаниями, ищем окончания Древнейшего свода в тексте до 6569 г.

Отметим теперь же, что статья 6568 (1060) г. составлена не современником, а спустя значительный промежуток после описанных в ней событий: мы читаем в ней о походе Ярославичей в союзе со Всеславом Полоцким против торков: «Се слышавше Торци, убояшася, пробѣгоша и до сего дне»; сказать так летописец мог через пять-десять лет после 1060 г., после того, что торки в течение более или менее заметного числа лет не тревожили Русской земли.¹ Следовательно, эта статья 6568 г. составлена тем самым лицом, что дало описание 6569 и последующих годов, а не тем лицом, что составило Древнейший свод. Перед статьей 6568 г. находим известие об освобождении Ярославичами дяди своего, сидевшего в порубе 24 года (6567 г.), известие о победе Изяслава над голядью (6566 г.) и известие о смерти Вячеслава Ярославича (6565 г.). Перед последним известием читается обширная статья 6562 г., в которой описываются кончина Ярослава, вокняжение в Киеве Изяслава и два события, следовавшие за кончиной Ярослава (победа Всеволода над торками и мир Всеволода с половцами). Будем ли мы искать окончания Древнейшего свода в статьях 6565—6567 гг. или в статье 6562 г.?

§ 223. Остановимся на статье 6562 (1054) г. Начало ее как будто резко отличает ее от предшествующих статей, где говорилось о деятельности Ярослава. Мы читаем здесь: «Преставися великий князь Русьский Ярославъ». Выше Ярослав не назывался великим князем² — и это обстоятельство должно быть признано характерным. Если бы мы, основываясь на Ипатьевском списке, предположили, что в первоначальном тексте, т. е. в Древнейшем своде, читалось не «великий князь Русьский», а только «князь Русьский», то и в таком случае начало статьи 6562 г. представлялось бы необычным. Зачем было называть Ярослава князем Русским летописцу, который в целом ряде предшествующих статей упоминал имя Ярослава без всякого эпитета? Но начало это, как увидим ниже в § 253¹, может быть и не принадлежало летописцу и вставлено позже составителем Начального свода. Вслед за предшествующими ис-

¹ Торки появляются в летописи вновь под 6588 (1080) г., когда они напали на Русскую землю и были побеждены Владимиром.

² Отдельно стоит статья 6559 г. о начале Печерского монастыря.

следователями¹ отмечаю связь статьи 6562 г. с событиями 6581 (1073) г., когда между Ярославичами возникла жестокая распря, когда Святослав со Всеволодом, преступив отцовскую заповедь, изгнали Изяслава из Киева. Летописец выступил под 1073 г. с решительным обвинением младших Ярославичей, в особенности Святослава, бывшего началом «выгнанию братню» и прельстившего ложными подговорами Всеволода; летописец дважды указывает на происшедшее при этом нарушение заповеди Ярослава; вполне вероятно поэтому отнести на счет того же летописца внесение в свод самого текста Ярославова завещания сыновьям, тем более что этот текст составлен в настолько общих выражениях, что предполагать у летописца наличие копии с Ярославова завещания у нас нет оснований. Текст завещания вводится словами: «наряди сыны своя, *рекъ* имъ»; он мог быть сочинен самим летописцем, знавшим доподлинно, что Ярослав перед смертью увещевал своих сыновей жить в мире и поручал младшим слушаться старшего Изяслава. Во всяком случае, можно с полной уверенностью предполагать, что статьи 6562 и 6581 гг. составлены одним лицом, принадлежат одному автору: под 6562 г. летописец подробно сообщает о том, как Ярослав заповедал сыновьям «не преступати предела братня, ни сгонити», а под 6581 г. он выступает обличителем Святослава и Всеволода, прогнавших брата, преступивших предел «чюжій». Отсюда следует, что статья 6562 г. принадлежит составителю не Древнейшего свода, а продолжения к этому своду.

Итак, мы ищем окончания Древнейшего свода в одной из статей, предшествовавших статье 6562 (1054) г. и относящихся, следовательно, к княжению Ярослава. В конце этого княжения находим весьма мало известий: последнее, относящееся к самому Ярославу, известие принадлежит статье 6555 (1047) г.: «Ярославъ иде на Мазовшаны, и побѣди я, и князя ихъ уби Моислава, и покори я Казимиру»; засим два года оставлены пустыми; под 6558 г. находим в ПВЛ известие о смерти жены Ярослава, которое содержит признаки новгородской записи, как потому, что Ирина скончалась в Новгороде (она похоронена в местном Софийском соборе), так и потому, что в Новгородской летописи записи сохранена в более полном виде, в ней указан день смерти княгини;² следовательно, можно думать, что первоначально 6558 г. оставался пустым. Под 6559 г. находим известие о поставлении митрополита Илариона и стоящую в связи с этим статью о начале Печерского монастыря; как увидим ниже, статья эта первоначально читалась не под 6559, а под 6570 г.; известие о поставлении Илариона представляется извлеченным из этой статьи; ср. общие в этом известии и в статье слова: «постави митрополитомъ въ святѣи Софії»; следовательно, и 6559 г. оставался первоначально (в своде, предшествовавшем Начальному своду) пустым. Под 6560 г. читается в ПВЛ известие о кончине Владимира Ярославича: большая обстоятельность записи в Новгородской летописи (в ней указан день месяца и день недели, когда умер Владимир),³ да и самая редакция ее в ПВЛ («и положень бысть в святѣи Софії, юже бѣ самъ создалъ»)

¹ Шляков Н. В. 850 лет со дня кончины вел. кн. Ярослава I Мудрого // ЖМНП. СПб., 1907. Ч. IX. № 6. Отд. 2. С. 362—400.

² В Софийской 1-й и Новгородской 4-й: 10 февраля. То же в Ипатьевской, причем она следует здесь, вероятно, общерусскому своду начала XIV в., воспользовавшемуся новгородскими источниками.

³ Синодальный список Новгородской 1-й; Софийская 1-я и Новгородская 4-я.

делают вероятным новгородское происхождение известия 6560 г.; следовательно, и этот год оставался в своде, предшествовавшем Начальному своду, пустым. Наконец, под 6561 (1053) г. помещено известие о рождении у Всеволода Ярославича сына Владимира; имея в виду, что перед ним стояло пять пустых годов, а что следующее за ним известие — кончина Ярослава — принадлежит уже составителю продолжения к Древнейшему своду (см. выше), можно с большою вероятностью отнести внесение этого известия 6561 г. на счет последующих сводчиков. Синодальный список Новгородской 1-й летописи, вопреки всем дошедшим до нас спискам ПВЛ, сообщает под 6558 (1050) г. о рождении Святополка. Ввиду известной нам истории Синодального списка (глава VIII) можно возвести это известие ко второй редакции ПВЛ; известие же о рождении Владимира должно, по-видимому, возвести к старшему своду; Комиссионный список доказывает, что оно читалось уже в Начальном своде. Появление же его в Начальном своде так же мало доказывает то, что оно находилось уже в Древнейшем своде, как появление известия о рождении Святополка во второй редакции ПВЛ не доказывает, чтобы это известие восходило к первой редакции или к Начальному своду.¹ Считаем поэтому возможным, что в Древнейшем своде не читалось и это известие 6561 (1053) г. и что, следовательно, Древнейший свод доходил только до приведенного выше известия 6555 (1047) г. о походе Ярослава на мазовшан. Но и это заключение наше относительно объема Древнейшего свода потерпит ниже изменение.

§ 224. Сначала проверим приведенное заключение ссылкой на памятник, ближайшим образом связанный с Древнейшим сводом. В главах VIII—XI нами определен в общих чертах состав Новгородского свода XI в.; ряд указаний, извлекаемых для восстановления этого памятника из ПВЛ, Синодального списка, Новгородского свода 1448 г. и др., свидетельствует о том, что в основание этого Новгородского свода XI в. был положен Древнейший Киевский свод. Мы доказывали, что в составе Новгородского свода XI в. читались статьи и известия, заимствованные из Киевского свода; материал, извлеченный из последнего, передавался в сокращении и со значительными пропусками. Тем не менее можно с уверенностью предполагать, что общие Новгородскому с Киевским сводом статьи и известия, заимствованные первым из последнего, не переходили за 6547 (1039) г. Как мы знаем из § 124, 172, 173, 177, 181 и 184, в Новгородском своде XI в. под 6525 г. были кратко изложены следующие известия Киевского свода: о победе Ярослава над Брячиславом (6528 г.), о походе Ярослава к Берестю (6538 г.), о нападении печенегов на Киев и отражении их Ярославом (6544 г.) и, наконец, о закладке Ярославом города Киева, закладке и окончании церкви Св. Софии и построении им многих других церквей (6545 и 6547 гг.). За этим последним известием в Новгородском своде XI в. излагались уже самостоятельно, независимо от Киевского свода, свои местные, новгородские известия; среди них находим и такие известия, как поход Владимира Ярославича на греков; это объясняется тем, что Владимир был князем новгородским, он сидел с 6544 (1036) г. в Новгороде. Отмеченный состав Новгородского свода, его отношение к своду Киевскому легко объясняются при предположении, что сам Киевский свод оканчивался почти

¹ Надо иметь в виду, что Святополк был моложе Мстислава Изяславича; год рождения последнего не отмечен.

там же, где прекращаются заимствования из него в свод Новгородский: мы указали, что эти заимствования доходят до 1039 г.; мы видели выше, что Древнейший свод оканчивался, быть может, 1047 г.

§ 224¹. Между статьей 1039 г. об освящении Св. Софии митрополитом Феопемптом и известием 1047 г. в тексте ПВЛ находим краткие известия 1040 и 1041 гг. о походах Ярослава на литву и мазовшан; известие 1042 г. о походе Владимира на емь; статью 1043 г. с изложением похода Владимира на греков; краткое известие об отдаче в замужество за Казимира сестры Ярослава и возвращении Казимиром взятых в плен его дедом русских семейств; известие 1044 г. об извлечении из земли останков Ярополка и Олега Святославичей; статью 1044 г. о смерти Брячислава и вокняжении в Полоцке Всеслава; наконец, известие 1045 г. о закладке Владимиром Св. Софии в Новгороде. Относительно этих статей и известий ПВЛ, читавшихся, по-видимому, и в Начальном своде, возникает сомнение, точно ли все они читались в Древнейшем своде, главном источнике Начального свода, и не должно ли их возвести к Новгородскому своду или к иному второстепенному источнику Начального свода. Сомнение это тем законнее, что некоторые из перечисленных статей 6548—6553 (1040—1045) гг., во всяком случае, можно с уверенностью возвести к Новгородскому своду: таковы известия 6550 (1042) г. о походе Владимира на емь и 6553 (1045) г. об освящении новгородской Св. Софии; известие же 6551 (1043) г. о женитьбе Казимира и возвращении им пленных должно быть, ввиду соображений, высказанных в § 191¹⁶, возведено к Житию Антония. Итак, исследованию нашему подлежат остальные известия: 6548 (1040), 6549 (1041), 6551 (1043) и 6552 (1044) гг.

Относительно первого известия статьи 6552 г. об извлечении из земли останков Святославичей выше, в § 114, высказано предположение, что оно восходит к заимствованиям из княжеского помянника, основывавшегося на записях Десятинной церкви Св. Богородицы; заимствования эти в летопись внесены составителем Начального свода; следовательно, этого известия не было в Древнейшем своде. В § 127 было высказано предположение, что известия о кончине Брячислава, вокняжении Всеслава и обстоятельствах его рождения заимствованы в Начальный свод из Новгородского.

Обращаемся к статьям 6548 и 6549 гг.: «В лѣто 6548. Ярославъ иде на Литву. В лѣто 6549. Иде Ярославъ на Мазовъшаны въ лодыяхъ». Оба эти известия признаю извлеченными из Новгородского свода по следующим основаниям. Во-первых, сходное с ними известие, помещенное выше под 6546 г., «Ярославъ иде на Ятвягы», должно быть определено как новгородское, ввиду того что в новгородских сводах оно изложено подробнее, чем в ПВЛ; в Софийской 1-й и Новгородской 4-й читаем: «И иде Ярославъ веснѣ Киеву, а на зиму ходи на Ятвягы и не може ихъ възяти». Во-вторых, известие о походе Ярослава на литву читается и в новгородских сводах, правда под 6552 (а не 6548) г., в тесном соединении с несомненно новгородским известием:¹ «Ходи Ярославъ на Литву, а на весну заложи Новѣгородъ и съдѣла и».

§ 224². Полагая, что отождествление известия 6548 г. «Ярославъ иде на Литву» с новгородским известием 6552 г. «Ходи Ярославъ на Литву»

¹ Известию 6546 г. о походе на ятвягов также предшествует несомненно новгородское известие: «И иде Ярославъ веснѣ Киеву».

должно окончательно разрешить вопрос о новгородском происхождении известия 6548 г.; я остановлюсь несколько подробнее на объяснении, почему эти известия, если они тождественны, читаются в ПВЛ и Новгородском своде 1448 г. (Софийский 1-й и Новгородский 4-й) под разными годами. Отмечу прежде всего, что в Новгородском своде 1448 г. (это видно также и из Комиссионного списка) известие «Ходи Ярославъ на Литву, а на весну заложи Новъгородъ и съдѣла и» помещено между двумя известиями — об извлечении останков Святославичей и смерти Брячислава, читаемыми в ПВЛ одно вслед за другим. Вижу в этом указание на то, что приведенное известие уже в новгородском источнике общерусского свода 1423 г. (из которого произошел Новгородский свод 1448 г.) читалось в тесной связи или с предшествующим или с последующим ему известием ПВЛ (и Начального свода), но новгородский источник общерусского свода 1423 г., как мы знаем из главы X, определяется как свод 1167 г., положивший в свое основание ПВЛ и дополнивший это основание по Древнему Новгородскому своду. Таким образом, заключаем, что уже в своде 1167 г. интересующее нас известие (или, как окажется ниже, часть его) читалось между известиями об извлечении останков Святославичей и о смерти Брячислава. Отвечая на вопрос, почему же в этом своде оно попало между обоими этими известиями, ищем причину не в главном источнике свода 1167 г. — ПВЛ, ибо в этом источнике оба известия (об извлечении останков Святославичей и о смерти Брячислава) читались одно за другим, а во втором его источнике — в Древнем Новгородском своде. В этом своде интересующее нас известие читалось, очевидно, в тесной связи с предшествующим или последующим ему известием; скажем теперь определеннее: в этом своде читалось при интересующем нас известии одно из двух сопутствовавших ему в своде 1167 г. известий — или известие об извлечении останков, или известие о смерти Брячислава. Принимая во внимание сделанное выше указание на то, что известие о смерти Брячислава по происхождению своему новгородское, заключаю, что в Древнем Новгородском своде под 6552 г. читалось: 1) интересующее нас известие (или, как окажется ниже, часть его); 2) известие о смерти Брячислава. Свод 1167 г., верный своему правилу помещать сначала известия ПВЛ, а потом известия новгородского источника (§ 151), последовал ему и здесь: после известия ПВЛ об извлечении останков Святославичей он поместил два известия новгородского источника (из которых второе читалось и в ПВЛ как попавшее из Новгородского свода еще в Начальный свод). Итак, предложенные соображения ведут нас к выводу, что последовательность, в которой в статье 6552 г. читались в своде 1167 г. интересующее нас известие (или, как окажется ниже, часть его) и известие о смерти Брячислава, служит доказательством того, что оба эти известия происхождения новгородского.

Далее остановлюсь на том обстоятельстве, что в своде 1448 г. интересующее нас известие, судя по Комиссионному списку, читалось несколько иначе, чем в Софийской 1-й и Новгородской 1-й; в Комиссионном списке оно изложено так: «Ходи Ярославъ на Литву, а на весну же *Володимиръ* заложи Новъгородъ и съдѣла его». Чтение Комиссионного списка предпочтительнее перед чтением Софийской 1-й и Новгородской 4-й потому, что под следующим годом сообщается о закладке тем же Владимиром Св. Софии новгородской; сомнительно, чтобы Ярослав мог пробыть в Новгороде то немалое время, которого требовала постройка

городской стены (ср.: «и съдѣла ѿ»), в особенности если стена была каменная (не вижу возражений против этого). Ввиду этого признаю пропуск имени Владимира в Софийской 1-й и Новгородской 4-й позднейшим.

§ 224³. Наконец, обращаю внимание на ту редакцию первого известия статьи 6552 г., которую представляют, с одной стороны, свод 1448 г. (Софийская 1-я и Новгородская 4-я), а с другой — Ипатьевская летопись; в этой редакции к словам ПВЛ, по Лаврентьевскому, Радзивилловскому и другим спискам: «и положиша я въ церкви святѣя Богородица», прибавлено: «въ Володимери». Как понять эту странную прибавку, чем она могла быть вызвана? Как мог редактор прийти к мысли, что останки Ярополка, убитого в Киеве, похоронены во Владимире? Не естественнее ли было комментировать церковь Св. Богородицы указанием на то, что дело идет о киевской Десятинной церкви? Мне кажется, что подобная прибавка «въ Володимери» могла явиться только в результате какого-нибудь недоумения. Имея в виду, что Ипатьевская летопись обнаруживает в ряде случаев общие чтения со сводом 1448 г., зависевшие от того, что в основании Ипатьевской лежит общерусский свод начала XIV в., между тем как свод 1448 г. основывается на позднейшей редакции этого же общерусского свода редакции 1423 г., я думаю, что чтение «въ Володимери» должно быть возведено к общерусскому своду начала XIV в. В числе источников этого общерусского свода была и новгородская летопись; в этой летописи, как мы видели, за известием об извлечении останков Святославичей читалось о построении Владимиром Ярославичем стены новгородской. И вот, на основании неудачной прибавки к предшествующему известию слов «въ Володимери» заключаем, что известие о построении стены новгородской начиналось именем Володимера, что оно сообщало, так же как Комиссионный список, о построении стены Владимиром Ярославичем. Следовательно, этому известию не предшествовало то, что читалось перед ним в своде 1448 г. (ср.: Комиссионный, Софийскую 1-ю и Новгородскую 4-ю), — перед ним не было слов «Ходи Ярославъ на Литву». Отсюда заключаем, что эти слова перенесены в свод 1448 г. или в предшествующем своде 1423 г. из другой статьи, а это дает нам основание думать, что слова эти в своде 1423 г. перенесены из статьи 6548 г., где по спискам ПВЛ читается: «Ярославъ иде на Литву». Нам остается объяснить, чем же могло быть вызвано подобное перенесение. Предполагаем, что в статье 6548 г. новгородский источник общерусского свода сообщал сначала о походе Ярослава на литву, а потом о закладке Владимиром Новгорода: «Иде Ярославъ на Литву, а на весну Володимеръ заложи Новгородъ»; в статье же 6552 г. сообщалось об окончании города Владимиром, быть может, в такой форме: «Володимеръ съвърши городъ Новѣгородъ» или «Володимеръ постави городъ Новѣгородъ».¹ В общерусском своде начала XIV в. (источнике Ипатьевской летописи) имя *Володимер* было прочтено как *Володимери* и отнесено к предшествующему известию; таким образом,

¹ Ср. сообщение Новгородской 1-й о том, что в 6839 (1331) г. владыка Василий заложил часть каменной стены новгородской, а под 6841 (1333) г.: «Того же лѣта архиепископъ Новгородскыи Василий постави городъ камень въ два лѣта». Причина продолжительности строения стены при Владимире могла заключаться в том, что Владимира в предшествующем 1043 г. был отвлечен походами на греков и на емь. Возможно, что «Новѣгородъ» в восстановленной выше фразе было совсем опущено.

вместо «и положиша я въ церкви святыя Богородица. Володимеръ же постави городъ Новъгородъ» было прочтено: «и положиша я въ церкви святыя Богородица Володимери. Постави городъ Новугороду».¹ В общерусском своде 1423 г. известие «Постави городъ Новугороду» комментировано и исправлено на основании предположения составителя свода о том, что это известие тождественно с читавшимся выше под 6548 г. в новгородском источнике свода: «Иде Ярославъ на Литву, а на весну Володимеръ заложи Новъгородъ»; в результате получилось под 6552 г., вместо известия «*постави городъ* Новъгородъ» следующее исправленное известие: «Ходи Ярославъ на Литву, а на весну Володимеръ заложи Новъгородъ и *сдѣла ѿ*». Под 6548 г. осталось в своде 1423 г. под влиянием других его источников известие ПВЛ: «Иде Ярославъ на Литву». Итак, считаем себя вправе признать это известие ПВЛ и Начального свода новгородским; из предыдущего следует, что в первоначальной редакции оно было тесно связано со следовавшим за ним новгородским известием: «а на весну Володимеръ заложи Новъгородъ».

Возвращаясь к предыдущему, видим, что из двух кратких известий — 6548 и 6549 гг. — первое восходит к новгородскому источнику Начального свода. Это дает нам основание предположить, что и известие 6549 г. — «Иде Ярославъ на Мазовъшаны въ лодияхъ» — попало в Начальный свод также из его новгородского источника. Таким образом, видим, что в пределах 1040—1045 гг. только одно известие — статья 1043 г. о походе Владимира на греков — может быть возведено к главному источнику Начального свода — Древнейшему своду; все остальное восходит к источникам второстепенным — Новгородскому своду, Житию Антония и княжескому помяннику.

§ 225. Мы оказываемся лицом к лицу со следующим явлением: анализ Новгородского свода XI в. дает указания на то, что его киевский источник доходил только до 6547 (1039) г.; анализ Начального свода (ПВЛ) показывает, что Древнейший Киевский свод оканчивался известием 6555 (1047) г., причем, однако, между этим известием и статьей 1039 г. читался рассказ 6551 (1043) г. о походе Владимира на греков. Это обстоятельство, как мне кажется, делает вероятным, что Древнейший Киевский свод оканчивался именно статьей 6547 (1039) г. об освящении Св. Софии в Киеве, а что рассказ о походе Владимира на греков и известие 6555 (1047) г. о походе Ярослава на мазовшан присоединены лишь впоследствии — продолжателем Древнейшего свода или составителем Начального свода. Вероятность этого увеличивается еще следующим соображением.

О походе Ярослава на мазовшан мы имеем три известия: два в ПВЛ под 6548 и 6555 гг.; третье читается в своде 1448 г. (Софийский 1-й и Новгородский 4-й) под 6551 (1043) г.: «И въ та лѣта обидяше Моиславъ Казимира, и ходи Ярославъ дващи на Мазовшаны, и рече Казимиру: ели отецъ твой, побѣдивъ мя, и плѣнить люди моя за ся, то дай ми за вѣно»; далее следует известие о возвращении Казимиром плененных Болеславом людей. Откуда это известие? Возможны два объяснения его: или оно сочинено составителем свода 1448 г. (точнее, предшествовавшего ему свода 1423 г.) на основании известия ПВЛ 1047 г., или оно заимствовано из Жития Антония, бывшего, как мы знаем, источником для

¹ Ипатьевская опустила «постави городъ Новугороду» потому, что (под влиянием других своих источников) опускала новгородские известия общерусского свода.

свода 1423 г. (§ 191¹³ и сл.). Первое объяснение не представляется вероятным как потому, что самое известие 1047 г. передано в своде 1423 г. ниже полностью, так и потому, что сама ПВЛ не давала никакого основания ставить в связь поход Ярослава на Моислава Мазовецкого с возвращением плененных Болеславом русских семейств (ср. слова Ярослава, сказанные им Казимиру после похода на Моислава). Напротив, за второе объяснение говорила бы та связь, которая устанавливается сводом 1448 г. между обоими известиями (походом на мазовщан и возвращением пленных), а что известие о возвращении пленных восходит к Житию Антония, в этом для меня нет сомнения ввиду высказанных в § 191¹⁵—191¹⁶ соображений. Но если мы допустим, что Житие Антония говорило о походе или походах Ярослава на Моислава Мазовецкого, то с полной вероятностью примем и следующее предположение: в этом же житии сообщалось об окончательной победе Ярослава над Моиславом и покорении мазовщан Казимиру, т. е. в нем читалось то самое известие, что имеется под 1047 г. в ПВЛ; быть может, оно предшествовало непосредственно известию об отдаче Казимиром сестры своей в замужество за Изяслава Ярославича (и это известие попало в свод 1448 г.). Следовательно, мы получаем возможность утверждать, что известие 6555 (1047) г. заимствовано в Начальный свод (ПВЛ) из Жития Антония, заимствовано одновременно с известием о возвращении Казимиром пленных; оно помещено под 6555 (1047) г., между тем как известие о возвращении пленных — под 6551 (1043) г., быть может, потому, что в Житии Антония содержалось указание на «четвертое же лето» перед известием об окончательной победе Ярослава над Моиславом Мазовецким.¹

Итак, мы с большой вероятностью устраняем известие 6555 (1047) г. из состава Древнейшего Киевского свода. Это еще более приближает нас к тому пределу, который устанавливается для этого свода Новгородским сводом XI в. — к 6547 (1039) г. Неясным остается только известие 6551 (1043) г. о походе Владимира. Если исключим из соответствующей статьи ПВЛ слова «И поиде Володимеръ въ лодяхъ, и придоша въ Дунай», как восходящие к Новгородскому своду,² то получим рассказ, совершенно несходный с соответствующим рассказом Новгородского свода. Но Новгородскому своду киевский рассказ остался, очевидно, неизвестным, так как вместо него находим у него свое самостоятельное повествование. Имея в виду значительность события 1043 г., я думаю, что рассказ о нем можно приписать современнику, дополнившему им текст Древнейшего свода. Ниже укажу, что его рассказ дошел до нас не в первоначальном, а обособленном вставками виде.

§ 226. Повторим еще раз: Новгородский свод XI в. свидетельствовал о том, что Древнейший свод оканчивался статьей 6547 (1039) г. о построении Ярославом церквей и установлении им митрополии; анализ ПВЛ (Начального свода) приводит к указанию, что последними статьями Древнейшего свода были: известие 6547 (1039) г. об освящении церкви Феопемптом и рассказ о походе Владимира на греков в 6551 (1043) г.

¹ Выше, в § 191¹⁷, было указано, почему известие о возвращении пленных отнесено было на основании Жития Антония к 6551 г.

² Ср. § 171, где указано на то, что новгородское известие говорило о лодях Владимировых, в противоположность киевскому, сообщавшему о кораблях; кроме того, сообщение о прибытии к устью Дуная имеет смысл именно в новгородском источнике, так как в этом месте начались разногласия между русью и варягами, входившими в состав Владимирова войска, — разногласия, о которых сообщил этот источник.

Если мы предположим, что рассказ об этом походе составлен и приписан позже к Древнейшему своду, то придем к выводу, что показания Новгородского свода и ПВЛ совпадают вполне. Заметим, что известие 6547 (1039) г. должно быть поставлено в прямую связь с предшествующей статьей 6545 (1037) г., ибо, основываясь на том, что 4 октября (день освящения Св. Софии) приходилось на воскресенье именно в 1039 г., мы принимаем, что в ней сообщалось об освящении не Десятинной церкви, а церкви Св. Софии, русской митрополии; ср. в Новгородском своде XI в.: «и църквь святую заложи камяну и устави митрополию» (§ 172, 181; ср. свидетельство Львовской и Ермолинской летописей). Приходится предположить, что известие об освящении церкви Феопемптом читалось в составе статьи 6545 (1037) г. и извлечено или составителем продолжения к Древнейшему своду, или составителем Начального свода из этой статьи. Такое предположение напрашивается само собой, когда мы сообразим, что в этой статье говорится об окончании Св. Софии: Ярослав положил книги «въ святѣи Софии, юже създа самъ; и украси ю златъмь и сребръмь и съсуды църквьными, в ней же обычныя пѣсни Богу въздають въ годы обычныя». Не стояли ли слова «священа же бысть въ лѣто 6547 митрополитъмь Феопентъмь» перед фразой: «въ ней же обычныя пѣсни Богу въздають въ годы обычныя»?

§ 227. Мы привели основания для утверждения, что Древнейший Киевский свод оканчивался статьей 6547 (1039) г., содержавшей известие об учреждении Ярославом митрополии, и восхвалением просветительной деятельности Ярослава. Наш вывод подсказывает нам ряд дальнейших заключений относительно времени и места составления Древнейшего свода. Сопоставляем следующие два места в тексте ПВЛ (Начального свода). Под 6485 (977) г., в рассказе о войне Ярополка с Олегом Древлянским, читаем: «И погребоша Ольга на мѣстѣ у города Вручего, и есть могила его и до сего дне у Вручего». Под 6552 (1044) г. находим: «Выгребоша 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля, и крестиша кости ею, и положиша я въ церкви святыя Богородица». Следовательно, с 1044 г. могила Ольгова уже не существовала близ города Вручего; она была разрыта (если действительно Олег был погребен близ этого города), и останки Олега были перенесены в церковь Св. Богородицы. Отсюда видим, что статья 6485 г., содержащая приведенную выше фразу, составлена до 1044 г. Этот вывод наш согласуется с тем, что Древнейший свод доходил только до 1039 г.; он составлен, очевидно, до 1044 г. Следовательно, составление Древнейшего свода надо отнести на время 1039—1044 гг. Предполагаем, что годом составления свода был 1039-й или 1040-й.

В 1039 г. была окончена постройка Св. Софии; вероятно, в этом же году была учреждена Русская митрополия. Составление Древнейшего свода, как кажется, стояло в связи с обоими этими событиями. Мы видим, что именно эти события вызывают летописца на длинные рассуждения о распространении христианства на Руси при Ярославе; они побуждают его рассказать о просветительной деятельности Ярослава; написанные Ярославом книги оказываются положенными им в Святой Софии; вскользь упомянув о других церквях и монастырях, поставленных Ярославом, летописец останавливается подробно только на церкви Св. Софии: «украси ю златомъ и сребромъ и сосуды церковными»; только о ней он сообщает, что ее освятил митрополит Феопемпт, только о ней он говорит, что в ней «обычныя пѣсни Богу въздають в годы обычныя».

Связь летописца с церковью Св. Софии очевидна; она упрочивается решительно тем обстоятельством, что свой труд летописец предпринял одновременно с основанием этой церкви. Думаю, что учреждение митрополии Русской стало побудительной причиной к составлению Русского летописца. Мы видели в главе IX, что возведение новгородского владычества в архиепископию вызвало появление новой, распространенной редакции владычного свода. Мы говорили в главе X о митрополичьих сводах северо-восточной Руси, время от времени возобновлявшихся и дававших направление всему современному им летописанию. Ставим вопрос: не перешла ли к нам в Россию из Греции эта связь епископских и митрополичьих кафедр с летописным делом? Не следовал ли митрополит Феопемпт освященному на родине своей примеру, когда, сделавшись первым русским митрополитом, побудил кого-либо из своих причетников составить первую русскую летопись?

§ 227¹. Весьма важна для определения времени составления Древнейшего свода легко обнаруживающаяся связь между Словом о законе и благодати и нашею древнею летописью. В летописи и в названном памятнике оказывается ряд общих мест; их так много, что это нельзя объяснить случайностью. Перечислим их здесь. Во-первых, находим много общего в тексте Слова о законе и благодати с Речью философа; оставляю в стороне отрывок с изложением пророчеств; он вставлен в Слово из летописи, что показывает отсутствие его во многих списках; укажем на такие соответствия, как в Слове: «и отыгнани быша Июдѣи и расточени по странамъ, и чада благодатная крестьянин наслѣдници быша Богу и Отцю», в Речи философа: «и расточи ны по странамъ грѣхъ ради нашихъ, и предана бысть земля наша хрестеянѡмъ»; в Слове: «пришедши бо Римляны плѣниша Иерусалимъ и разбиша и до основанья его... и росѣяни быша Июдѣи по странамъ», в Речи философа: «и посла на ны Римляны, грады ихъ разбиша и самы расточиша по странамъ». В Слове и в Речи философа читаем приблизительно в сходных выражениях: «Рече же Гедѣонъ къ Богу: да будетъ суши на рунѣ токмо, и по всеи же земли роса; и бысть тако». Во-вторых, находим общие места в Слове и летописи в тех частях, где Слово говорит об обращении Руси в христианство; так, в Слове: «Благословенъ Господь Израилевъ, яко посѣти и створи избавленье людемъ своимъ... въводя въ обновленье паки бытия в жизнь вѣчную», в летописи: «Благословенъ Господь, иже возлюбил новыя люди... помилова бо ны паки банею бытия». В-третьих, особенно много общего в Слове и в летописи найдем в той части, где Слово говорит о Владимире; в Слове: «и заповѣда по всеи земли своеи креститися во имя Отца и Сына и Святаго Духа... и всимъ быти крестьяномъ, малымъ и великимъ, рабомъ и свободнымъ, оунымъ и старымъ, богатымъ и убогимъ. И не бысть ни единого противляющагося благочестному его повелѣнїю», в летописи: «Володимѣрь посла по всему граду, глаголя: аще не обрящется кто на рѣцѣ богатъ ли, ли убогъ, или нищъ, ли работникъ, противень мнѣ да будетъ. Се слышавше людѣе с радостью идяху». ¹ В Слове: «вси людие... въславиша, глаголюще... велии еси, Господи, чюдна дѣла Твоя», в летописи: «Тѣмъ же и мы припадаемъ к

¹ Ближе к Слову читаем у Нестора в Чтении о Борисе и Глебе: «и сеи чюдныи заповѣди бо ишедши, якоже преже ркохомъ (ср. выше: а днесь повелѣваетъ хреститися во имя Отца и Сына и Святаго Духа), всѣмъ хреститися и всѣмъ грядущемъ крещению, ни понѣ единому супротивящюся...». Возможно, что Нестор знал Слово о законе и благодати.

нему, глаголюще... велий бо еси и чюдна дѣла Твоя». В Слове: «Не видѣ апостола, пришедша в землю твою... не видѣ бѣсъ изгонящъ именемъ Христовымъ... сихъ всѣхъ не видѣвъ, како убо вѣровавъ?», в летописи: «яко сде не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще Бога». В Слове, как и в летописи, после сообщения о милостынях Владимира прибавлено: «слышалъ бо бѣ» (в летописи: «слыша бо единоу»). В-четвертых, в Слове оказывается общее место со статьей об Ольге: «и съ сими помыслы вниде въ умъ и въ святую купѣль, и еже инѣмъ уродство мнится, тобѣ сила намѣнится», ср. в летописи: «невѣрнымъ бо вѣра хрестыаньска уродство есть».

Ввиду приведенных сближений считаю вероятным, что Слово о законе и благодати использовало летопись. Косвенное на это указание нахожу и в следующем месте Слова: «Похвалимъ же и мы... кагана нашей земли Володимира, внука стараго Игоря, сына же Святослава славнаго, иже въ своя лѣта владычествующу, мужьствомъ и храборьствомъ прослувшю въ странахъ многихъ и поминаются нынѣ и словуть». Об Игоре и Святославе поминала древняя летопись. Принимая во внимание, что Слово составлено, во всяком случае, до кончины Ярослава, заключаю о существовании древней летописи до 1054 г.

§ 228. Не имеем основания думать, чтобы основанная в 1039 г. русская летопись продолжалась затем при Св. Софии, чтобы при дворе киевского митрополита велась погодная запись событий, подобно тому как такая запись имела место при дворе новгородского владыки. Но приписываем киевскому митрополиту, ввиду только что высказанных соображений, почин в великом деле летописания, прославившего Русскую землю. Было время, когда начатое митрополитом дело заглохло, ведение летописи при церкви Св. Софии не наладилось; Древнейший свод не получал продолжения в виде ежегодных или периодических записей. Причины этого ищем в разыгравшихся вскоре после 1039 г. событиях; в 1043 г. произошел разрыв с Грецией; мир был восстановлен не ранее 1046 г.; какое положение занял при этом в отношении к Ярославу митрополит Феопемпт, неясно, но едва ли не в связи с охлаждением, происшедшим между Русью и Царьградом, стоит то обстоятельство, что в 1051 г. Ярослав поставил митрополитом русина Илариона, собрав для этого избрания в Св. Софии русских епископов. Поставление Илариона характерно не только для международных отношений, созданных политикой Ярослава, оно знаменовало собой рост национальных сил духовных. Этот рост, кроме яркого и видного побега в лице митрополита Илариона, блестящего проповедника и богослова (мы продолжаем верить, что он автор Слова о законе и благодати), дал русскому обществу славную Печерскую обитель, основанную не князьями и боярами, а духовными подвигами таких представителей русского народа, как преп. Антоний и Феодосий. Летописание Русской земли оказалось в руках этой обители.

Когда именно случился переход летописного дела в руки Печерского монастыря, должно выяснить изучение ПВЛ и предшествовавшего ей Начального свода. Как указано в главе I, имеется ряд оснований для предположения, что Начальный свод, составленный около 1095 г., возник в Печерском монастыре. Но был ли Начальный свод первым летописным сводом этого монастыря или ему предшествовали другие своды — вот вопрос, подлежащий ближайшему нашему исследованию. Мы говорили выше о продолжении Древнейшего летописного свода;

указывали на то, что продолжателю первого Киевского свода принадлежали и рассказ о смерти Ярослава, и обличительные речи в статье 1073 г., излагающей междоусобия Ярославичей. Объединим ли мы это продолжение Древнейшего свода с Начальным сводом? Решимся ли мы отнести на счет составителя Начального свода указанные статьи 1054 и 1073 гг.?

Ответ на эти вопросы мы даем в следующей главе. Нам приходится ответить на них теперь же, до решения других вопросов, связанных с Древнейшим сводом, например до определения его источников, ибо не подлежит сомнению, что продолжатель свода внес в него немало редакционных поправок и изменений. Древнейший свод может быть восстановлен непосредственно только в той редакции его, которая возникла под рукой первого его продолжателя. Необходимо поэтому выяснить время, когда работал продолжатель, и определить объем его труда.

ГЛАВА XVII

ПРОДОЛЖЕНИЕ К ДРЕВНЕЙШЕМУ КИЕВСКОМУ СВОДУ, СОСТАВЛЕННОЕ В 1073 г. ПРЕП. НИКОНОМ ПЕЧЕРСКИМ

1

§ 229. Решимся ли мы отнести на счет составителя Начального свода статьи 1054 г., где изложено завещание Ярослава его сыновьям, и 1073 г., где летописец с негодованием отмечает нарушение отцовского завета Святославом и Всеволодом? Начальный свод составлен около 1095 г. (см. главу I); в нем ярко отразились злобы дня, волновавшие киевлян в 90-х гг.: плохое управление со стороны князя, склонного к поборам и насилиям, растущая опасность от половцев, разорявших страну своими набегами. Это обстоятельство делает для меня невероятным отнесение на счет составителя Начального свода речей и размышлений по поводу распри между Ярославичами. Иначе пришлось бы допустить возможность искусственного настроения со стороны летописца, волнующегося при описании событий за 20 и более лет так же, как при описании живой, современной действительности. Впрочем, за то, что события 1054—1073 гг. описаны не составителем Начального свода, говорит еще и то обстоятельство, что при изложении их содержатся такие подробности, которые свидетельствуют о современной записи. Допустим ли мы, например, что путем расспросов и припоминаний в 1095 г. можно было восстановить день битвы на Немиге (1067 г.) или день поражения Всеволода половцами (1061 г.)? Еще более убедительно говорят о современной записи те соображения, которые выдвигаются определением места, среды, где возникло первое продолжение к Древнейшему своду.

Начальный свод составлен в Печерском монастыре. Указание на это извлекаем, между прочим, из тех обличительных наставлений и резких укоров, которые летописец обращает к князю Святополку. И в Предисловии к Начальному своду, и в статье 1093 г. видим отголоски тех обличений, с которыми обращался к Святополку игумен Печерский Иоанн, находивший, конечно, поддержку в занятой им позиции со стороны

управляемой им обители. В непосредственном продолжении к Древнейшему своду, а таковым считаем статьи 1054—1073 гг., видим, во-первых, резкое обличение Святослава и Всеволода, согнавших Изяслава с отцовского стола; эти обличения должны быть сопоставлены с тем решительным выступлением игумена Печерского Феодосия в защиту прав старшего Ярославича, которое так ясно изображено Нестором в Житии Феодосия;¹ во-вторых, мы видим здесь еще одну резкую выходку против современных князей, на этот раз против всех трех Ярославичей, нарушивших в 1067 г. крестное целование ко Всеславу и коварным образом захвативших его на Орше;² обличения летописца ведут нас опять к Печерскому монастырю. Мы знаем, что этот монастырь в лице преп. Антония, нашедшего, конечно, поддержку в основанной им обители, стал во враждебное отношение к Изяславу за нарушение им крестного целования ко Всеславу; не одобрили печерские отцы и крутой расправы Изяслава с киевлянами, участвовавшими в 1069 г. в освобождении Всеслава из поруба.³ Итак, в пользу того, что непосредственное продолжение к Древнейшему своду составлено, так же как Начальный свод, в Печерском монастыре, мы приводим, во-первых, политическое настроение составителя, оказывающееся тождественным с политическим настроением Печерского монастыря, насколько последнее выразилось в выступлениях Антония и Феодосия.

В пользу того же положения мы приведем, во-вторых, еще следующее соображение. Под 6572 (1064), 6573 (1065) и 6574 (1066) гг. мы находим в исследуемом продолжении рассказа о событиях, разыгравшихся в далеком Тмуторокане. Сначала сообщается о появлении в Тмуторокане князя Ростислава Владимировича, изгоняющего оттуда князя Глеба, сына черниговского Святослава Ярославича; летописец называет и ближайших соратников Ростислава: это бежавшие с ним (из Новгорода?) Порей и Вышата, сын Остромира, воеводы новгородского. Святослав, узнав об этом, идет против Ростислава, последний выходит из Тмутороканя без боя, «не убоявся его (Святослава)», — замечает летописец, — но не хотя противу стрывеи своему оружию взяти». Святослав сажает в Тмуторокане своего сына Глеба, но по удалении Святослава Глеб изгоняется вторично Ростиславом. Ниже описывается смерть Ростислава, отравленного присланным к нему греками котопаном; летописец знает, что котопан был за это побит камнями в Корсуне; умершего Ростислава летописец провожает добрыми словами, похвалой, и отмечает день его смерти (3 февраля), а также место его погребения (церковь Св. Богородицы в Корсуне*). Как объяснить эту осведомленность киевского летописца относительно тмутороканских событий? Почему именно они, а не другие

¹ Ср.: Шляков Н. В. Указ. соч.

² «Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, цѣловавше крестъ честный къ Всеславу.; онъ же, надѣяся цѣлованью креста.; и тако яша Всеслава... преступивше крестъ». Под 1068 г.: «Се же Богъ яви силу крестную, понеже Изяславъ, цѣловавъ крестъ, и я ѿ (Всеслава); тъмже наведе Богъ поганяя, сего же явъ избави крестъ честный... Богъ же показа силу крестную на показанье земль Русьстѣй, да не престають частнаго креста, цѣловавше его».

³ Ср. под 1074 г. в рассказе о преп. Исаакии: «В си же времена приключися прити Изяславу из Ляховъ; нача гнѣватися Изяславъ на Антонѣя изъ Всеслава, и приславъ Святославъ, в ночь поя Антонѣя Чернигову». Под 1069 г.: «и пришедъ Мьстиславъ (сын Изяслава) истче иже бѣша выскли Всеслава, числомъ 70 чади, а другыя слѣпиша, другыя же безъ вины погуби, не испытавъ».

* У Шахматова ошибка, в оригинале — Тмуторокане. — *Примеч. сост.*

события, которыми, конечно, было богато бурное время первых Ярославичей, привлекли к себе внимание продолжателя Древнейшего свода? Чем объяснить его горячие симпатии к Ростиславу, юному и на Руси совсем неизвестному князю? Ответ на эти вопросы находим в следующих соображениях.

§ 230. Несторово Житие Феодосия сообщает, что еще до 6570 (1062) г., когда поставлен был преп. Феодосием монастырь над пещерами, преп. Никон, один из старших сподвижников преп. Антония, совершивший обряд пострижения над преп. Феодосием, удалился на Тмутороканский «остров» и основал монастырь близ города Тмутороканя. После смерти Ростислава, князя «острова того» (следовательно, после 1066 г.), Никон по просьбе жителей Тмутороканя ездил в Чернигов к Святославу и ходатайствовал перед ним о присылке в Тмуторокань на княжение сына; съездив вместе со Святославичем Глебом в Тмуторокань и обрядив свой монастырь, Никон вернулся в Печерскую обитель по усиленной просьбе преп. Феодосия; это было, следовательно, около 1067 г. Допустив, что продолжение к Древнейшему своду составлено в Печерском монастыре, мы поймем причину появления в этом продолжении рассказа о событиях тмутороканских; в монастыре находился живой свидетель этих событий, присутствовавший при всех них и, очевидно, принимавший деятельное участие в жизни Тмутороканя, так как на него возложено было жителями этого города поручение уговорить Святослава прислать к ним его сына Глеба и, быть может, примирить его с предшествовавшим поведением тмутороканцев, явно принявших сторону Глебова и Святослава противника — Ростислава. Не могу себе представить иного пути, кроме предположенного, коим до Киева могли дойти подробности о тмутороканских событиях: там могли узнать о столкновении Глеба с Ростиславом, о движении Святослава против Ростислава, о смерти Ростислава, но пришло ли бы киевлянину в голову писать похвалу неизвестному князю, отмечать его доблесть и покорность перед старшими? Ясно, что в Киев прибыл свидетель тмутороканских событий 1064—1066 гг. и что рассказ о них записан с его слов. При допущении, что запись составлена в Печерском монастыре, выясняется, что этим свидетелем не мог быть кто иной, кроме Никона; при допущении, что этим свидетелем был Никон, выясняется, что запись могла быть составлена именно в Печерском монастыре.

§ 231. Личность Никона тесно связана, таким образом, с летописью, составленную в Печерском монастыре; мы признаем это естественным, как только допустим, что составление этой летописи падало на начало 70-х гг. XI в., когда Никон жил в Феодосиевом монастыре, распростившись с основанною им в Тмуторокане обителью. Из Жития Феодосия известно, что Никон, как старейший, пользовался большим влиянием в монастыре, ему Феодосий поручал братию, когда отлучался из монастыря; Никон был человек книжный; тогда как Феодосий поучал братию «духовными словесы», великий Никон говорил поучения братии из книг («ис кънигъ почитающе»); он занимался и переплетным делом, что также требовало известной книжности и грамотности.¹ Трудно сомневаться в том, что летописный труд, предпринятый святою обителью, не стал под непосредственное заведование Никона. Никон мог сделаться главным

¹ «Мъногашды же паки великууму Никону съдящо и дѣлающе книги и блаженууму въскраи того съдящо и прядущо нити, еже на потребу таковууму дѣлу».

редактором летописи; ему же мы вправе приписать некоторые вставки, сделанные в переписанный им, или под его наблюдением, Древнейший летописный свод, который лег в основание дальнейшего летописания Печерского монастыря. Перечислим эти вставки.

2

§ 232. Под 6530 (1022) г. мы читаем в ПВЛ (Начальном своде) рассказ о единоборстве Мстислава Тмутороканского с касожским князем Редедей; рассказ основан на местном тмутороканском предании, связавшем это событие — победу Мстислава над касогами — с построением Мстиславом по обету в Тмуторокане храма Св. Богородицы. «И пришедъ Тмутороканю, заложи церковь святыя Богородица и созда ю, яже стоит и до сего дне Тмуторокани», — так заканчивается рассказ, обличая своим окончанием знакомство автора с этим отдаленным городом.¹

§ 233. Под 6544 (1036) г. сообщается о кончине Мстислава; сообщение это, а также указание на место его погребения (недостроенная им в Чернигове церковь Св. Спаса) могут быть возведены к Древнейшему своду; но принадлежала ли этому же своду похвала Мстиславу? Сомневаюсь в этом потому, что подобная же похвала читается при сообщении о кончине Ростислава; нам пришлось приписать ту похвалу Никону, допустить, что она написана с его слов. Считаем вероятным, что Никон умел рассказать на основании тмутороканских преданий и о доблестях Мстислава и что самая похвала Мстиславу составлена с его слов. В этой похвале читаем между прочим: «любяше дружину по велику». Эти слова сближают похвалу с тем описанием Лиственской битвы, которое дает ПВЛ (Начальный свод). Мстислав, объезжая на следующий день после битвы поле сражения и увидев иссеченных северян (сражавшихся за него) и варягов (сражавшихся за Ярослава), воскликнул: «кто сему не радъ? се лежить Съверянинъ, а се Варягъ, а дружина своя цѣла». Я считаю на основании этого вероятным, что эта подробность в описании Лиственской битвы составлена продолжателем Древнейшего свода по рассказам того же Никона; не забудем, что выше — и притом, вероятно, опять согласно с рассказом Никона — летописец сообщал о походе Мстислава на Ярослава «съ Козары и съ Касоги»; итак, дружину Мстислава, сохранению которой он радовался после Лиственской битвы, составляли выходцы из Тмутороканя, и, между прочим, козары и касоги, те самые касоги, о которых Никон рассказывал и раньше, сообщая о единоборстве Мстислава с Редедей, и позже, повествуя о том, что Ростислав обложил данью вместе с иными также и касогов. Я тем охотнее приписываю приведенную выше подробность влиянию Никонова рассказа, что вслед за ней читаем: «И посъла Мъстиславъ по Ярославу, глаголя: сяди на столъ своемъ Киевѣ, понеже ты еси старѣи братъ, а мнѣ буди си сторона». Не напоминает ли поступок Мстислава поведение Ростислава в отношении к дяде, Святославу Ярославичу? Он уступил ему без боя Тмутороканъ, «не хотя противу стрывеи своему оружию взяти». Весьма вероятно, что великодушное предложение приписано победителю Мстиславу тем самым лицом, которое рассказало о благо-

¹ О единоборстве Мстислава с Редедей вспоминает и певец Слова о полку Игореве; это, думаю, свидетельствует о знакомстве его с тем или иным летописным сводом, включившим соответствующий рассказ в свой состав.

родном поступке Ростислава, т. е. Никоном, считавшим покорение младших князей старшим неперменным спутником княжеской добродетели. Предложение Мстислава не вяжется ни с предыдущими, ни с последующими событиями, изложенными в Древнейшем своде: Мстислав хотел до Лиственской битвы захватить Киев, но этого не допустили киевляне, оставшись верными Ярославу; Ярослав через год после Лиственской битвы двигается опять из Новгорода против Мстислава и только тогда заключает с ним мир у Городца.

§ 234. В рассказе о походе Святослава против козар мы читаем: «одоль Святославъ Козаромъ и градъ ихъ Бѣлу Вежю възъ, Ясы побѣди и Касогы»; эти последние слова — «Ясы побѣди и Касогы» — я считаю вставкой, сделанною опять-таки на основании Никоновых рассказов. В Тматорокане могли помнить и рассказывать о походах Святослава на далекий восток; там естественнее, чем в Киеве, на основании местных припоминаний устанавливалась связь между именем Святослава и именами соседних с Тматороканем народов — касогов и ясов.

§ 235. Предположительно отношу на счет Никона еще одну вставку в самом начале Древнейшего свода. В Начальном своде, как это видно из Комиссионного списка, после рассказа об основании Киева и вставки из Хронографа, содержащей рассказ о нападении Руси на Царьград при царе Михаиле, читалось: «По сихъ лѣтехъ братіа сіа изгибоша и быша обидими Древляны и инѣми окольними. И наидоша я Козаре на горахъ сихъ, сѣдѣща в лѣсѣхъ, и рѣша: платите намъ дань» и т. д., т. е. рассказывался эпизод с данью, в виде меча от каждого дыма, — данью, испугавшею козар, которые от нее отказались, причем козарские старцы прорекли, что в будущем поляне будут взимать дань с козар. Летописец замечает при этом, что проречение старцев сбылось, как сбылось некогда проречение Фараоновых старейшин по поводу Моисея; «якоже и бысть: владѣють бо Козары князи Русьстии и до днѣшняго дни». Не подлежит сомнению, что весь этот эпизод, равно как и предшествующая ему фраза вставлены позже в летописный текст; на это указывает, во-первых, то, что за ним содержится переходная фраза, всегда характерно отмечающая конец вставок: «нѣ мы на преднее възвратимся»; во-вторых, то же доказывается неуклюжим строением первой фразы в предполагаемой вставке: не указано, кто же был обидим древлянами и кого нашли козары на горах киевских. Возможно, конечно, признать, что эта вставка внесена в летописный текст составителем Начального свода, но внимание наше обращает на себя то обстоятельство, что эпизод с козарскою данью не согласуется с теми киевскими преданиями о полянах и их нравах, которые дошли до нас путем летописи. Составитель Древнейшего свода изображает полян звероловами; составитель ПВЛ говорит о тихом и кротком нраве древних полян; он же сообщает предание о том, что поляне платили козарам дань.¹ Мы заключаем отсюда, что рассказ об эпизоде с козарскою данью по происхождению своему не киевский; если же он не киевский, то, конечно, козарский; ибо в других местах, у других племен не стали бы рассказывать об отношениях козар к полянам. Под 6493 г. в ПВЛ сообщается о том, что Добрыня, осмотрев взятых в плен болгар, говорил Владимиру: «сѣглядахъ колодникъ, иже суть вси в сапозѣхъ; симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ».

¹ «Мы сѣдимъ, платячи дань родѣмъ ихъ Козаромъ», — смиренно сообщают жители Киева подплывшим к их городу варягам, Аскольду и Диру.

Итак, русское предание или русская былина говорила о добровольном отказе от борьбы с болгарами, оказавшимися обуянными в сапоги; я думаю, что по аналогии надо приписать козарскому преданию или козарской былине рассказ о добровольном отказе козар от дани с полян, когда те предложили им в виде дани от дыма меч. Лицом, внесшим в летопись козарское предание, с большою вероятностью можно признать Никона, живавшего в Тмutorокане и там находившегося в близком общении, между прочим, с козарами. Он рассказывал о том, что Ростислав, сидя в Тмutorокане, брал дань «у Касогъ и на инѣхъ странахъ»; вспомним проречение козарских старцев: «си имуть имать дань на насъ и на инѣхъ странахъ»; комментарий летописца не оставляет сомнения в том, что под этими «си» должно разумеать русских князей: «якоже и бысть: володѣють бо Козары Русьстии князи¹ и до днешняго дне». А что Ростислав брал дань, между прочим, и на козарах, это можно заключить из таких сообщений, как участие в 6587 (1079) г. козар в убийстве тмutorоканского князя Романа Святославича; ср. 6591 (1083) г.: «приде Олегъ из Грекъ Тмutorоканю... и съде Тмutorокани, и исъче Козары, иже бѣша свѣтници на убьенье брата его и на самого». Остатки могущественных некогда козар жили, очевидно, в соседстве с Тмutorоканем и были подвластны местному князю.

§ 236. Предполагаю, что на счет Никона должна быть отнесена еще одна вставка в текст Древнейшего свода. В рассказе о Корсунском взятии, насколько он для Древнейшего свода может быть восстановлен по удалении из него вставок из Корсунской легенды, — вставок, внесенных составителем Начального свода, оказывается эпизод, не имеющий прямого отношения к взятию Владимиром Корсуна. Корсунъ взят благодаря тесной блокаде его, помешавшей подвозу припасов («изнемогаху *гладѣмь*² людие»), и благодаря отводу воды, текшей в город по трубам. Поэтому нижеследующая подробность является как бы излишнею, как бы вставкою в первоначальный рассказ: «Володимеръ же изряди воя своя и повелѣ присъпу сути* къ граду. Симъ же съпущимъ Корсуняне, подькопавъше стѣну градскую, крадяху сыплемую пѣрсть и ношаху къ собѣ въ градъ, сыплуще посредь града; вои же присыпаху боле». Но в прямой связи с этой вставкой стоит дальнейшая подробность в рассказе о возвращении Владимира из Корсуна в Киев: «постави же цѣрквь на горѣ, юже съсыпаша крадуще присъпу, яже цѣркы стоить и до сего дѣне». Итак, эпизод о постройке Владимиром церкви вставлен в летопись лицом, побывавшим в Корсуне, видевшим эту церковь. Выше читаем в ПВЛ (и Начальном своде), что Владимир крестился в церкви Св. Василия, «и есть цѣркы та стоящи въ Корсунѣ градѣ на мѣстѣ посреди града, идѣже торгъ дѣють Корсуняне; полата же Володимеря съ края цѣркве стоить и до сего дѣне, а царицина полата за олтаремъ». Предыдущее исследование показало, что Древнейший свод не знал о крещении Владимира в Корсуне и сообщал о крещении его в Киеве; у нас нет основания предполагать, чтобы Корсунъ на место Киева ввел в свой труд (работавший в 70-х гг. XI в.) продолжатель Древнейшего свода. Но не читались ли указания на Владимирову и царицыну полаты раньше, —

¹ В Лаврентьевском: «Русьский», но в Комиссионном, Софийской 1-й, Ипатьевском: «Русьстии князи».

² Так поправляю вместо «въ градъ».

* сыпати. — *Примеч. сост.*

до переработки соответствующих статей (статьи о крещении Владимира и статьи о Корсунском взятии) на основании позднейшей легенды, — не читались ли эти указания раньше не после слов «крести же ся в церкви святого Василия», а после слов, приведенных нами выше: «постави же церковь на горѣ... крадуше приспу»? Не заменены ли редактором Начального свода эти слова («и есть църкы та стоящи въ Корсунѣ градѣ на мѣстѣ посреди града, идѣже торгъ дѣють Корсуняне») более кратким определением («яже церкви стоять и до сего дне»)? Я думаю, что имею право дать утвердительный ответ на эти вопросы, между прочим, по следующим соображениям. Церковь, где крестился в Корсуне Владимир, была, по всем данным, названа в Корсунской легенде, впервые возвестившей о крещении Владимира не в Киеве, а в Корсуне, церковью Св. Иакова: ср. показание жития Владимирова; это обстоятельство (название церкви Св. Иаковом) и было причиной замены в позднейших сводах малоизвестной церкви другими церквами с более популярными в Древней Руси именами (одни своды заменили Иакова Св. Богородицей, другие — Св. Софией, третьи — Св. Климентом, четвертые — Св. Спасом); в Начальном своде вместо Св. Иакова читалось «Св. Василия», как можно заключить из показаний Лаврентьевского списка, с одной стороны, Комиссионного и Академического — с другой;¹ это название перенесено, по-видимому, из дальнейшего летописного текста, где сообщалось о построении Владимиром в Корсуне церкви Св. Василия; вместе с названием церкви перенесены из дальнейшего и приведенные выше топографические определения церкви и полат Владимировой и царицыной.

В пользу такого предположения приведу показание обычного жития Владимира о том, что построенная Владимиром церковь была церковью Св. Василия.² Само по себе вероятно, что лицо, сообщившее о построении Владимиром церкви, знавшее легенду, связанную с этой церковью, должно было знать и сообщить летописцу, во имя какого святого была построена церковь;³ само по себе вероятно, что Владимир—Василий поставил церковь во имя своего ангела. Итак, вот соображения, на основании которых я предлагаю читать после сообщения о женитбе Владимира следующее: «постави църковь святого Василия на горѣ, юже съспаша крадуше приспу, и есть църкы та стоящи в Корсунѣ градѣ на мѣстѣ посреди града, идѣже торгъ дѣють Корсуняне; полата же Володимеря съ края църкве стоять и до сего дне, а царицина полата за олтарьмь». Как указано выше, эти топографические определения доказывают знакомство сообщившего их лица с Корсунем, но, кроме того, напомним еще раз, что все сообщение о церкви, построенной Владимиром в Корсуне, имеет характер вставки; ввиду этого предполагаю, что в Древнейшем своде не было ни сообщения об этой церкви, ни сопровождавших его топографических определений. Допустить, что вставки эти сделаны составителем Начального свода, мы не имеем основания: он перерабатывал соответствующие статьи Древнейшего свода по другому, не устному, а письменному источнику, изображавшему Корсунское

¹ Признаю теперь «Св. Василиска» искажением вместо «Св. Василия». И в так называемом Переяславском летописце стоит «Святого Василия».

² Ср. текст обычного жития в издании А. И. Соболевского в Чтениях Общества Нестора летописца (кн. II).

³ Ипатьевская летопись на основании позднейших данных дает ей название Иоанна Предтечи.

взятие в совершенно иных, новых чертах. Предполагаю поэтому, что вставки сделаны продолжателем Древнейшего свода, преп. Никон. Никон, живший в Тмуторокане, основавший там монастырь, бывал несомненно и в Корсуне, тесно связанном с Тмутороканем и торговыми и политическими интересами; ср. рассказ того же Никона о том, как котопан, отравивший Ростислава, был именно за это убит камнями корсунскими людьми. Возможно, что Никон посетил Корсунь во время первой своей поездки в Тмуторокань в сопровождении монаха монастыря Св. Мины; ср. в Житии Феодосия: «и пришьдъша надъ море, ту же и разлучистася отъ себе... боляринъ же идыи къ Константиню граду... великыи же Никонъ отъиде въ островъ Тьмутороканьскыи».

3

§ 237. Перечисленные нами вставки в текст Древнейшего свода, свидетельствующие об участии в переработке этого свода лица, знакомого с Тмутороканем, козарами, касогами и Корсунем, ведут нас к личности Никона, которого признаем поэтому ближайшим участником или руководителем работы, предпринятой в Печерском монастыре, когда последний решил оживить летописное дело, загложшее на Руси после первых славных десятилетий Ярославова княжения. Приведу теперь основание, которое как будто не позволяет признать самого Никона составителем продолжения к Древнейшему своду. Основание это следующее. Под 6573 (1065) г. читаем: «в си же времена бысть дѣтищъ ввержень в Сѣтомль; сего же дѣтища выволокоша рыболове въ неводъ, егоже позоровахомъ до вечера, и паки ввергоша ѿ в воду». Если допустим, что этот случай имел место не именно в 1065 г. (ср. неопределенное указание: «в си же времена»), то все же придется отнести его на ближайшие к 1065-му годы. Никон был в то время в Тмуторокане; следовательно, не ему принадлежит «позоровахомъ». Думаю, что «позоровахомъ» относится к монастырской братии, а не к случайным свидетелям, смотревшим на извлеченного из речки уroda; невероятно, чтобы летописец употребил 1-е лицо множественного числа, если бы даже оказался сам в случайно собравшейся поглазеть на невиданное зрелище толпе. Не указывает ли это «позоровахомъ» на совокупную работу, происходившую над монастырскою летописью? Не следует ли признать множественное число, употребленное от лица автора, соответствующим тому не единоличному автору, который говорил в летописи от имени всей монастырской обители? Такая точка зрения объяснила бы то двойственное отношение, которое нам приходится проявить по вопросу об авторстве Никона, когда мы рассматриваем вопрос о первом Печерском монастырском своде: с одной стороны, ясно, что Никон работал над этой летописью, составлял ее, а с другой — видим и другого автора, быть может, и не единоличного, который говорит о себе, что смотрел на извлеченного из Сетомли уroda в то время, когда Никон был в далеком Тмуторокане.

§ 238. Но я обращаю внимание на следующее обстоятельство, подтверждающее, напротив, ближайшее участие Никона в деле составления продолжения к Древнейшему летописному своду. Под 6569 (1061) г., как мы уже знаем, находится первая точная хронологическая дата: 2 февраля половцы разбили под предводительством Сокала князя Всеволода. Следующее известие, читавшееся в продолжении к Древнейшему сво-

ду, — это смерть Судислава в 6571 (1063) г.: день смерти Судислава не указан; затем в Древнейшем своде находились два тмутороканских известия, о которых мы говорили выше;¹ далее следовало известие о комете с неопределенным указанием, когда она была видна («въ си же времена»);² далее — сообщение об уроде, извлеченном из Сетомли, опять с неопределенным хронологическим указанием («въ си же времена»); засим, со ссылкой «предъ симъ же временемъ», сообщается о солнечном затмении;³ далее уже под 6574 (1066) г. читаем о кончине Ростислава в Тмуторокане с указанием 3 февраля; затем под 6575 (1067) г. сообщается о походе Ярославичей против Всеслава, о битве при Немиге, с указанием на 3 марта, о захвате Всеслава на Орше, с указанием на 10 июля; под 6576 (1068) г. читаем о знаменитом поражении Ярославичей на Альте без указания дня битвы; но последовавшая затем в Киеве смута определена 15 сентября и т. д.; под 1069, 1072 и 1073 гг. находим точную датировку событий. Как понять отмеченное колебание в датировке событий? Почему рядом с точною датировкою видим неопределенные и неверные вместе с тем указания, вводящиеся словами «в се же время», «в си же времена»? Если точное указание дня поражения Всеволодова половцами 2 февраля 6569 г. предполагает современную запись, доказывает, что летописец работал в 1061 г. или вскоре после этого года, то почему же этот самый летописец не занес в свой труд точных дат хотя бы отмеченных им астрономических явлений, почему тот же летописец не дал даты другого, еще более чувствительного поражения, понесенного русскими князьями на Летском поле?

Предположение, что летописцем или главным руководителем летописи был Никон, разъясняет эти недоуменные вопросы. Мы знаем из Жития Феодосия, что Никон покинул Русь и отправился в Тмуторокань вскоре после пострижения Варлаама и Ефрема; этим пострижением он навлек на себя гнев князя Изяслава.⁴ Когда же произошло это пострижение и в котором именно году Никон удалился из Киевских пещер?

§ 239. Недавно ответ на первую часть этого вопроса дал Н. В. Шляков в своей интересной и многосодержательной брошюре «850 лет со дня кончины вел. кн. Ярослава I Мудрого».⁵ Отметим, что Варлаам и Ефрем постриглись вскоре после восшествия на киевский стол Изяслава, Н. В. Шляков указал на то, что, «судя по именам их при пострижении, пострижение это должно было случиться 19 ноября 1055 г. и 28 января 1056 г., когда дни эти падали на воскресение: известно ведь, что и пострижение совершается по праздникам, а имена давались по дню святого». Мы отдаем должное остроумной догадке Н. В. Шлякова, но не

¹ Известие 6571 г. об обратном течении Волхова — это новгородское известие, внесенное в Начальный свод; равным образом признаем новгородским известие 6573 г.: «Въ се же лѣто Всеславъ рать почаль».

² У Pîngré (*Cométographie ou traité historique et théorique des comètes*. Paris, 1783) указана большая знаменитая комета в апреле—мае не 1065, а 1066 г.

³ Очевидно, что затмение, бывшее 19 апреля 1064, а не 1065 г. Ср.: *Oppolzer. Canon der Finsternisse*. Wien, 1887.

⁴ В Житии Феодосия непосредственно за рассказом об окончательном водворении Варлаама, сына боярина Иоанна, в пещерах читаем: «то уже отъють многимиъ приходящемъ въ пещеру благословения ради, еже отъ отць тѣхъ, и друзии отъ нихъ бывааху чръньци Божию благодатию. Тѣгда же великии Никонъ и друзии чръньць святаго Мины монастыря, боярина тако наречемъ, съвѣщавъшася тако, отъидоста, хотяща особъ състи».

⁵ ЖМНП. 1907.

можем согласиться с нею ввиду тех самых соображений, которыми руководился почтенный исследователь. Преп. Феодосий был пострижен раньше Варлаама и Ефрема; судя по Житию Феодосия, пострижение его имело место года за три или четыре до Варлаамова пострижения, ибо Нестор сообщает о прибытии матери Феодосиевой в пещеры до Варлаамова пострижения, а прибытие матери Феодосиевой случилось через четыре года после того, что Феодосий, бежав из материнского дома, прибыл в Киев;¹ пострижение Феодосия (не прибытие его в Киев, а обращение его к Антонию), судя по данному ему при пострижении имени, случилось 11 января; на воскресенье 11 января падало в 1052 и 1058 гг. Думаю, что Феодосий пострижен не в 1052, а в 1058 г.; во-первых, судя по статье о том, что ради прозвася Печерский монастырь, сам Антоний начал свою подвижническую жизнь не раньше 1051 или 1052 г., когда Иларион оставил пещерку на Берестовом после поставления своего в митрополиты в 1051 г., во-вторых, в своде 1448 г. (Софийский 1-й) читаем под 6565 (1057) г.: «Тогда бысть игумень Феодосии Печерский», что, быть может, читалось в первоисточнике: «тъгда бысть пострижень Феодосии Печерский».² Ввиду этого прибытие к Феодосию матери его можно отнести к концу 1060 г. и предположить, что Варлаам принял пострижение 19 ноября 1060 г. (день этот приходился на воскресенье), а Ефрем — 28 января 1061 г. (приходилось на воскресенье).

§ 240. Если это так, то отбытие Никона в Тмуторокань, случившееся вскоре после пострижения Ефрема, имело место в первых числах февраля 1061 г.; известие о поражении Всеволода 2 февраля 1061 г. он узнал, еще будучи на Руси, в Киеве. С февраля 1061 г., по крайней мере до февраля 1067 г., Никон провел в Тмуторокане; действительно, 3 февраля 1067 (январского) г.³ умер при нем от отравы Ростислав; Никон по просьбе жителей Тмутороканя отправился в Чернигов к Святославу Ярославичу с просьбой отпустить сына на княжение в Тмуторокань. Чернигова Никон мог достигнуть приблизительно в марте 1067 г., но он не застал там Святослава; Святослав с братьями был в это время в Полоцкой области, воюя со Всеславом; битвой при Немиге (3 марта 1067 г.) борьба со Всеславом еще не окончилась; Всеслав продолжал защищаться, и только обманом Ярославичам удалось захватить своего противника: это случилось 10 июля. Никон пережидал возвращения Святослава, вероятно, в Печерском монастыре; о посещении им монастыря именно в это время (в поездку, совершенную из Тмутороканя после смерти Ростислава) сообщает Нестор в Житии Феодосия. На усиленные просьбы Феодосия остаться в монастыре Никон отвечал обещанием вернуться в него после поездки в Тмуторокань и устройства дел, связанных с основанным им там монастырем Св. Богородицы. Никон сдержал свое обещание: «дошедъ съ княземъ Глѣбомъ острова того, оному съдшу на столѣ въ градѣ томъ, Никонъ же възратися вспять». Предположив, что поездка в Тмуторокань и обратно, а также, быть может, продолжительное

¹ «И се пришьдѣше отъ Києва и повѣдаша еи, яко преже сихъ 4 лѣтъ видѣхомы и въ нашѣмъ градѣ ходяща и хотяща острѣтися въ единомѣ отъ манастыревѣ. И то слышавъши она и не облѣнивъшися и тамо ити...».

² Не забудем, что 11 января 6565 мартовского года соответствует 11 января 1058 январского. Впрочем, Новгородская 4-я имеет это известие под 6564 г. и излагает его так: «Въ лѣто 6564. Поча княжити в Києвѣ Изяславъ Ярославичъ; при семъ же Феодосии игумень Печерскій бысть».

³ 3 февраля 6574 мартовского года.

пребывание там, необходимое для устройства покидаемой обители, заняло времени около года, увидим, что Никон вернулся в Печерский монастырь в июле или августе 1068 г. Мы поняли бы тогда не только то, почему в летописи, составленной Никоном, в статьях 1062—1066 гг. почти совсем нет событий, которые относились бы к Киеву,¹ и, напротив, в них есть три события, относящиеся к Тмутороканю, но также и то, почему в этой летописи определенно отмечены события 3 марта и 10 июля 1067 г.: в марте—июле этого года Никон был на Руси; мы поняли бы еще и то, почему летопись отметила 15 сентября как день возмущения в Киеве, когда освобожденный из поруба Всеслав сел на столе великокняжеском: 15 сентября 1068 г. Никон мог уже вернуться в монастырь к поджидавшему его Феодосию.²

Итак, начиная с 1068 г. Никон жил в Киеве, в Печерском монастыре; им записаны события 1069—1073 гг. В 1073 г. произошла упомянутая нами выше распря между Ярославичами: «великыи же Никонъ, — рассказывает Нестор в Житии Феодосия, — видѣвъ таковое съмятение въ князихъ суще, отиде съ инѣма двѣма чьрноризыщема въ прѣже реченыи островъ, идеже бѣ монастырь поставиль». Не стоит ли этот отъезд Никона в связи с теми обличениями Святослава, которые Никон приносил перед братиею и которые занес, конечно, и в летопись? Обличения эти могли не понравиться князю; в летописи они дошли и до нас (ср. выше § 223). Но если мы признаем автором статьи 6581 (1073) г. Никона, то неминуемым следствием этого признания будет утверждение, что летопись, составленная Никоном, обрывалась на 1073 г.; в ней сообщалось о вступлении Святослава и Всеволода в Киев 22 марта после оставления его Изяславом, но об основании каменной церкви Св. Богородицы эта летопись уже не сообщала; Житие Феодосия ясно говорит, что Никон ушел из монастыря раньше этого события, непосредственно перед ним; быть может, Никон оставил монастырь до 7 мая 1073 г., когда, по-видимому, умер Антоний; смерть Антония, основателя Печерского монастыря, осталась поэтому не отмеченною в летописи.

§ 241. В ПВЛ (Начальном своде) непосредственно за обличениями Святослава сообщается об основании Феодосием Печерской церкви; но не принадлежит ли это сообщение позднейшему продолжателю Никоновой летописи? Эта летопись нашла себе продолжателя в Печерском монастыре; продолжение это дошло и до нас, но мы имеем данные для утверждения, что после 1073 г. в Печерском летописании произошел перерыв. Мы указывали основания для предположения, что статья 1073 г. составлена современником, очевидцем междоусобной распри, приведшей к изгнанию Изяслава, и составлена им под непосредственным впечатлением этих тяжелых событий. Укажем теперь основания, которые заставляют нас отнести статью 1074 г., содержащую описание кончины Феодосия, на несколько лет позже этого события. Статья эта составлена, конечно, очевидцем описываемой им кончины: ввиду точности и хро-

¹ Только смерть Судислава и извлечение рыболовами уroda из Сетомли относятся к Киеву; затмение Солнца и комета могли быть наблюдаемы и в Тмуторокане. Быть может, не лишено значения, что комета, по описанию летописца, наблюдалась на западе: «се же проявляше не на добро, посемь бо быша усобиць многы и нашествие поганыхъ на Русьскую землю, си бо звѣзда бѣ акы кровава, проявляющи крови пролитье». Русская земля лежала на запад от Тмуторокана.

² День битвы при Альте был, как кажется, указан Никоном, но указание это опущено вследствие вставки — поучения о казнях Божиих (ср. § 114⁵).

нологической определенности рассказа в этом не может быть сомнения;¹ но время ее написания не может быть отнесено к дням игуменства Стефана, заместителя Феодосия. В Печерском монастыре создалась партия, враждебная новому игумену; его сторонники обращали особое внимание на то, что он был близким учеником Феодосия; летописец передает речи сторонников Стефана, отстаивавших своего избранника перед умирающим игуменом: он возрос под твоею рукою, говорили они, и послужил тебе; противники ставили в вину Стефану нарушение им монастырского устава;² они выдвигали в качестве аргумента, освобождавшего их от обязанности повиновения своему игумену, историю его избрания. Феодосий по усиленной просьбе братии, отказавшейся от права избрать себе самой игумена, хотел благословить на игуменство Иакова пресвитера, но братии это было нелюбо, и она стала просить Феодосия благословить на игуменство Стефана демественника. Феодосий послушал братию, благословил Стефана, но сказал при этом следующее жесткое слово: «се азъ, по Божью повелѣнью, нареклъ быхъ Иакова; се же вы свою волю створити хочете». Итак, летописец устами преп. Феодосия свидетельствует, что Стефан стал игуменом вопреки Божью повелению.³ Не могу допустить, чтобы это могло быть написано при игуменстве Стефана; для меня ясно, что рассказ об успении Феодосия составлен после изгнания Стефана из монастыря, и написан он притом его противником, косвенно оправдывавшим братию за мятеж против игумена, получившего все-таки благословение от Феодосия; для меня ясно, что этот рассказ написан в дни игуменства Никона, избранного на место Стефана. Следовательно, Печерское летописание, прерванное при игуменстве Стефана, когда монастырь стал местом внутренних раздоров и вражды, возобновилось при игуменстве Никона, который, как мы видели, раньше сам вел летопись и довел ее до 1073 г. Но оставим в стороне это второе продолжение к Древнейшему своду, относящееся ко времени едва ли раньшеему, чем 1078 г.,⁴ и вер-

¹ Так, автор различает события, имевшие место в пятый, шестой, седьмой и восьмой дни предсмертной болезни Феодосия; он указывает не только день кончины Феодосия, но и час («въ часть 2 дне»).

² Это можно заключить из преподанного Стефану Феодосием наставления, как его передает летопись: «чадо! се предаю ти монастырь, блюди со опасеньемъ его, и яже устроишь въ службахъ, то держи; преданья монастырская и уставъ не измѣняй, но твори вся по закону и по чину монастырскую».

³ Ср. с этим слова Нестора по поводу назначения на игуменство Никона (при котором написано Житие Феодосия): «И се, якоже мню, по Божью изволению быти того поставлению, якоже тому старѣйшу сущю всѣхъ».

⁴ Следы участия Никона в составлении статей 1075 г. и сл. вижу, во-первых, в рассказе о посещении Святослава немецкими послами, перед которыми Святослав хвалился своим богатством; Никон осуждает Святослава, сохранив к нему враждебные чувства после событий 1073 г. (сопоставление поступка Святослава с поступком Иезекии напоминает Никоновы сопоставления — под 1073 г. поступка Святослава и Всеволода по отношению к Изяславу с отнятием Хамовыми сыновьями земли у Сифова племени, и в начале летописи — покорение козар русскими князьями с гибелью египтян от Моисея); во-вторых, перу Никона может принадлежать похвала Глебу Святославичу под 1078 г.: Глеб, как бывший князь тмутороканский, был хорошо известен Никону (ср. похвальные строки, сочиненные Никонем, в отношении к двум другим тмутороканским князьям — Мстиславу Владимировичу и Ростиславу); в-третьих, постоянное внимание, уделяемое тмутороканским событиям, например под 1077, 1078, 1079, 1081, 1083 гг. (после того Тмуторокань упоминается в ПВЛ только еще один раз, под 1094 г., когда оттуда пришел с половцами Олег), также ведет нас к Никону, не утратившему, конечно, связи с основанным им в Тмуторокане монастырем.

немся к первому продолжению его, доведенному до события 22 марта 1073 г.

§ 242. Ставим прежде всего вопрос, когда именно Никон принялся за обработку Древнейшего летописного свода и за составление продолжения к нему. Ответ на этот вопрос находим в следующих соображениях. Под 6526 (1018) г. в ПВЛ (Начальном своде) читаем следующее объяснение удаления из Киева Болеслава Храброго после победы его над Ярославом, предоставившей киевский стол Святополку. «И рече Болеслав: *разведѣте* дружину мою по городомъ на *покормъ*; и бысть тако... Оканьный же Святополкъ рече: елико же Ляховъ по городомъ, *избивайте* я; и избиша Ляхы. Болеславъ же побѣже ис Кыева». Соответствует ли это объяснение причины удаления из Киева Болеслава действительности? Нисколько, ибо ему противоречит, во-первых, дальнейшее известие о том, что Болеслав взял с собою имение и бояр Ярославовых, а также двух сестер Ярослава и еще множество пленных: мог ли это позволить себе беглец, опасавшийся остаться безоружным во вражеской стране? Во-вторых, современник событий 1018 г. Титмар Мерзебургский сообщает о торжественном возвращении Болеслава в Польшу после блестяще удавшегося похода. Итак, объяснение Болеслава бегства отнесем на счет патристического возбуждения летописца, оскорбленного победой Болеслава, его торжеством. Но что же дало летописцу повод внести в историю торжества нечестивого Святополка и его союзника именно ту подробность, которую мы выше привели? Думаю, что повод был дан событиями 1069 г. Мы читаем здесь о появлении в Киеве Изяслава с ляхами, предводительствуемыми его союзником и двоюродным братом Болеславом Смелым; с помощью ляхов Изяслав утвердился на киевском столе, так же как пятьдесят лет перед этим ляхи с Болеславом Храбрым во главе посадили на стол Святополка. «И съде Изяславъ на столъ своемъ, мѣсяца мая въ 2 день, — продолжает летописец, — и *распуца* Ляхы на *покормъ*, и избиваху Ляхы отай, и възвратиса съ Ляхы¹ Болеславъ въ землю свою».

Думаю, вслед за Карловичем (см. нижеследующее примечание), что подробность об избииении ляхов, распущенных на покорм, в 1018 г. перенесена летописцем из пережитых им событий 1069 г.; такое перенесение оправдывается тем сходством, которое замечалось между событиями того и другого года.²

¹ Так поправляю вместо «в Ляхы».

² Ср. смешение подробностей обоих походов Болеслава Храброго и Болеслава Смелого и у польских летописцев. Мартин Галл (составивший свою хронику в самом начале XII в.), описывая взятие Киева Болеславом Храбрым, сообщает о том, что он ударил обнаженным мечом в киевские Златые врата; и то же сообщается им в рассказе о взятии Киева Болеславом Смелым (*Monumenta Poloniae historica*. T. I. S. 402, 419). Исследователи, отмечая, что Златые врата еще не существовали в 1018 г., справедливо указывают на то, что подробность эта перенесена в рассказ о взятии Киева Болеславом Храбрым из преданий о взятии Киева Болеславом Смелым. Карлович, посвятивший разбору известий об обоих походах особое исследование (*Karłowicz. Wyprawa Kijowska Bolesława Wielkiego*. Poznań, 1872. S. 15, 17 и сл.), объясняет заимствованием из преданий о походе Болеслава Смелого и ту подробность, сообщенную Галлом, по которой Болеслав Храбрый пробыл в Киеве 10 месяцев; Титмар Мерзебургский показывает, что пребывание Болеслава на Руси было очень непродолжительно. Ср. еще появление в рассказе Галла о походе Болеслава Храброго половцев, о которых еще не знали в первой половине XI в. Возражения, сделанные Грушевским Карловичу в отношении подробности об избииении распущенных на покорм ляхов (ср.: *Грушевський М. С. Історія України—Руси*. Т. II. С. 13, 60), не представляются мне убедительными.

Отсюда следует, что место, где Древнейший свод сообщал об избиении ляхов и бегстве Болеслава Храброго, вставлено, и вставлено притом лицом, пережившим события 1069 г. и видевшим, чем именно было вызвано удаление из Киева Болеслава Смелого. Таким лицом, согласно предыдущему, был Никон. Следовательно, Никон перерабатывал текст Древнейшего свода и приступил к составлению продолжения к нему не раньше 1069 г. Этот вывод в значительной степени приближает нас к предположенному выше времени окончания Никонова труда, т. е. к 1073 г. Мы с большою еще уверенностью, чем раньше, можем теперь утверждать, что статья о кончине Ярослава, т. е. та первая или вторая статья, которыми начиналось Никоново продолжение к Древнейшему своду, составлена в 1073 г. под влиянием распри между Ярославичами и с целью обличения Святослава и Всеволода, восставших против Изяслава. Следовательно, составление продолжения к Древнейшему своду относим к 1073 г.; работа же по переписке и перделке самого Древнейшего свода могла начаться еще в предшествующем 1072 г.

4

§ 243. Перехожу к краткому обзору состава продолжения к Древнейшему своду, приготовленного Никоном в начале 1073 г.

Мы видели выше, что Древнейший свод обнимал события до 1039 г. и оканчивался статьей о закладке и освящении Св. Софии. Но, кажется, к нему была приписана еще одна статья, — статья о поражении Владимира греками в 1043 г. Я предполагаю так потому, что статья эта обнаруживает, как сейчас скажем, в своем составе работу двух авторов: одним из них, а именно для вводных эпизодов в этой статье, можно признать печерского летописца, Никона; но отсюда следует, что основная часть статьи дана была источником, легшим в основание труда Никона, т. е. Древнейшим летописным сводом. Приведу данные, обнаруживающие в рассматриваемой статье двух авторов. В ней говорится о том, что буря разбила русские корабли и что воины Владимира были выброшены на берег в числе 6000 человек; греки, узнав о расстройстве русского флота, послали в погоню за остатками его 14 хеландий; Владимир, заметив их, вернулся и разбил их, «и възвратися въ Русь *въсѣдавъшея* въ корабль своѣ»; выброшенных же на берег, предводительствуемых Вышатой, греки привели в Царьград и ослепили множество их; через три года они по заключении мира были отпущены в Русь к Ярославу. Останавливаясь на фразе: «и възратися въ Русь *въсѣдавъшея* въ корабль своѣ»; читаю так на основании варианта Радзивилловского списка, где находим «въсѣдъше», между тем как в Лаврентьевском — «сѣдавъшея», в Ипатьевском — «сѣдавшия»; впрочем, чтение «сѣдавъшея», ввиду последующего «въ корабль своѣ», едва ли может иметь другой смысл, чем чтение «въсѣдъше». Итак, из смысла приведенной фразы явствует, что выброшенные на берег воины Владимировы сели в корабли и вернулись в Русь. Следовательно, фраза эта находится в полном противоречии с последующим рассказом, где сообщено, что греки схватили выброшенных на берег и отвели их пленными в Царьград. Такое противоречие может быть объяснено только вставкой в первоначальный текст; в нем говорилось о том, что буря разбила русские корабли, что значительная часть войска была выброшена на берег, что греки отправились в погоню за оставшимися кораблями, но они были разбиты Владимиром;

логическим следствием морской победы было бы спасение выброшенных на берег, тем более что о сухопутной греческой рати наш рассказ умалчивает, и то место, которое признаем поэтому вставкой, где говорится о том, что выброшенные на берег русские попали в плен грекам, оказывается совершенно неожиданным. Это место стоит в прямой связи с другим, ему предшествующим; никто из князей дружины не пожелал идти с выброшенными на берег воинами, решившимися пробиться в Русь сухим путем; тогда к ним присоединился Вышата, который, выйдя из корабля, объявил, что готов разделить смерть с дружиной. Неясно, как понять решение Вышаты, почему о нем говорит летописец; выше он говорил, что воеводство было поручено Ярославом этому Вышате; в таком случае Вышата был обязан принять меры к спасению своих воинов и взять на себя предводительство ими. Но самое упоминание о воеводстве Вышаты останавливает на себе наше внимание еще потому, что воеводой Ярославовым назван ниже Иван Творимирич: «и взяша князя въ корабль Иванъ Творимирича, воеводы Ярославля»; итак, Вышата был одним из воевод — это объяснило бы нам значение его самоотверженного поступка. Но возникает новый вопрос: почему летописец в самом начале статьи сообщил о Вышате, причем сообщение это имеет такой смысл, будто Вышате было поручено главное воеводство? Разрешение выставленных недоумений вижу в предположении, что все три места, где говорится о Вышате: 1) место, где сообщено о воеводстве Вышаты, 2) рассказ о самоотверженном поступке Вышаты, 3) сообщение о судьбе выброшенных бурей на берег и предводительствуемых Вышатой, — что все эти три места вставлены позже в первоначальный текст рассказа. В пользу такого предположения говорит еще и то, что Вышата назван отцом Яневым; современная или вообще близкая ко времени события запись не могла бы, конечно, дать Вышате такого именно определения, — определения по имени его сына; Вышата был сам по себе лицом известным, и если бы требовалось отличить его от другого Вышаты, то современник назвал бы его по отцу; ср. в этой же статье имя Ивана Творимирича. Очевидно, слова «отцю Яневу» и, конечно, не одни эти слова, а все три отмеченные нами как вставки места, написаны в такое время, когда Вышаты не было в живых и когда известность получил его сын Янь.

Этот Янь, несомненно, тот самый, который в летописи упоминается еще несколько раз; мы находим его под 1071 г. в качестве данщика Святослава («дань емлющю Яневи, сыну Вышатину»), под 1089 г. в качестве киевского тысяцкого, под 1093 г. в качестве Святополкова военачальника, под 1106 г. в качестве воеводы Святополча (в Ипатьевской и Софийской 1-й указано при этом его отчество: Вышатич); под тем же 1106 г. сообщается о его смерти и погребении в Печерском монастыре, причем летописец говорит, что он от него слышал многа словеса, «еже и вписахъ въ летописаньи семь, отъ негоже слышахъ». Последнее обстоятельство наводит на предположение, что отмеченные вставки в рассказ о Владимировом походе на греков обязаны своим появлением Яню, сыну Вышатину; я не допускаю и мысли о том, что вставки сделаны под влиянием рассказов Яня тем летописцем, которому принадлежит сообщение о его кончине, ибо, конечно, вставки относительно участия Вышаты в походе Владимира читались уже в Начальном своде, но думаю, что рассказами Яня мог воспользоваться и предшественник того летописца и на основании их дополнить первоначальный текст статьи

о походе Владимира. Близость Яня к Печерскому монастырю началась еще во времена Феодосия: это засвидетельствовано летописью, где мы под 1091 г. читаем о посещениях Феодосием Яня и его жены Марии, которая по проречению Феодосия была похоронена рядом с ним в 1091 г. Следовательно, правдоподобно допустить, что уже Никон, работавший в 1073 г., заимствовал кое-что из Яневых рассказов. Впрочем, это доказывается внесенною Никоном статьей под 1071 г., где подробно описывается усмирение Янем Белозерской области, встревоженной появлением волхвов; обстоятельность рассказа не оставляет сомнения в том, что он записан вскоре после описываемых событий, а события эти, во всяком случае, имели место до 1071 г. Итак, нахожу вероятным, что отмеченные три вставки в рассказ о походе Владимира внесены Никоном при переработке им текста Древнейшего летописного свода.

§ 244. Следующею статьею ПВЛ, которую можно возвести к продолжению Древнейшего летописного свода, составленному Никоном, оказывается статья о начале Печерского монастыря. Выше, в § 191⁵—191¹², мы отметили те редакционные вставки и переделки, которым подвергся в Начальном своде первоначальный текст этой статьи. Здесь мы предложим несколько дополнительных замечаний, которые должны уяснить первоначальный состав и происхождение этой статьи. Отмечу прежде всего, что в продолжении к Древнейшему своду она читалась, по-видимому, не под 1051 г., куда ее переставил Начальный свод, частью по той причине, что в этой статье упоминается о поставлении Илариона митрополитом в 6559 (1051) г., частью же под влиянием Жития Антония, утверждавшего, что монастырь начался не при Изяславе, а гораздо раньше, в княжение Ярослава; перенесение статьи о начале Печерского монастыря из статьи 6570 (1062) г., где она была помещена предположительно в продолжении к Древнейшему своду, под 6559 (1051) г. было своего рода компромиссом между старой традицией, связывавшею появление монастыря с поселением Антония в пещерке, оставшейся свободною после Илариона, и утверждением Жития Антония относительно глубокой древности, когда началась подвижническая жизнь Антония. Думаю, что статья о начале Печерского монастыря читалась под 6570 (1062) г., т. е. годом основания монастыря,¹ по следующим соображениям: во-первых, невероятно, чтобы этот год не был отмечен в Печерской летописи, каковою было продолжение к Древнейшему своду; во-вторых, статья оканчивается словами: «Се же написахъ и положихъ, в кое *лѣто* почаль были манастирь и что ради зоветься Печерьскый»; допустив, что статья с самого начала читалась под 6559 г., мы увидели бы, что утверждение летописца неправильно и неосновательно, ибо в этой статье не указано, в какое же лето почал быть монастырь. Итак, в сущности мы должны были бы в настоящем обзоре состава продолжения к Древнейшему своду рассмотреть занимающую нас статью ниже, под 1062 г., но продолжаем свои замечания здесь, чтобы не дробить их.

§ 245. Исходя из предположения, что настоящая статья составлена преп. Никоном или другим лицом, под непосредственным его руковод-

¹ Ср. в Житии Феодосия: «въ мало время възгради църквъ на мѣсть томъ въ имя святыя и преславныя Богородица и приснодѣвица Марія, и оградивъ, и постави келиѣ многы; и тѣгда преселися отъ пещеры съ братіею на мѣсто то въ лѣто 6570, и отътолѣ Божию благодатию въздрасте мѣсто то и бысть манастирь славнь, се же и донинѣ есть Печерьскый наричемъ».

ством, в 1073 г., я думаю, что замечания: «кдѣ нынѣ ветхый монастырь Печерський», ниже: «яже суть и до сего дне в печерь подѣ ветхымъ манастыремъ», и еще ниже: «(ископавъ печеру), яже есть подѣ новымъ манастыремъ» не содержались в первоначальном тексте, а вставлены или позднейшим продолжателем, или составителем Начального свода; новый монастырь построен, как видно из Жития Феодосия, в 1073—1074 гг.

Далее, слова «и постави и митрополитомъ в святѣи Соѣи» я считаю необходимым дополнить словами: «въ лѣто 6559 собравъ епископы» на том основании, что все известие о поставлении Илариона митрополитом, читаемое в начале летописной статьи 6559 г., представляется извлеченным из рассматриваемой статьи о начале Печерского монастыря.

Особенного обсуждения заслуживает окончание рассматриваемой статьи. После сообщения о получении Феодосием Студийского устава и введении его в свой монастырь и замечания о том, что устав этот переняли от Печерского монастыря другие, вследствие чего Печерский монастырь почитается как старший между всеми другими, читаем: «Феодосьеви же живущю в монастыри и правящю добродѣтельное житѣе и чернечское правило, и приимающю всякого приходящаго к нему, к нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и приять мя лѣтъ ми сущю 17 отъ роженъа моего. Се же написахъ и положихъ, в кое лѣто почаль быти монастырь и что ради зоветься Печерський. А о Феодосьевѣ житиѣ паки скажемъ». Кому принадлежат эти слова? Можно ли отождествить летописца, говорящего здесь о себе, с составителем рассматриваемой статьи? Обращаю внимание на употребление им единственного числа: «придохъ», «написахъ», «положихъ», а рядом находим и множественное: «скажемъ». Это «скажемъ» напоминает «скажемъ» в начале статьи: «И се да скажемъ, что ради прозвася Печерський манастырь». Быть может, допустимо, что одно и то же лицо сначала употребило единственное число, а потом множественное, но непонятен смысл фразы: «А о Феодосьевѣ житиѣ паки скажемъ». Что такое «паки»? Не предполагает ли оно непосредственного продолжения этой фразы рассказом о житии Феодосия? А между тем такого продолжения не находим. Я не могу понять слова «паки» (опять, еще) в значении «инѣде» (в другом месте),¹ или «по семъ», не могу поэтому видеть продолжения статьи 6559 г. в статье 6582 (1074) г., где к тому же говорится не о житии Феодосиеве, а о его кончине («Скажемъ же о успеньи его мало»). Следовательно, фраза «А о Феодосьевѣ житиѣ паки скажемъ» предполагает существование такого продолжения статьи 6559 г., какого она в настоящее время не имеет; статья о начале Печерского монастыря утратила свое окончание, а это ведет нас к неминуемому заключению, что приведенный выше отрывок «Феодосьеви же живущю в монастыри... и что ради зоветься Печерський», — отрывок, представляющийся теперь окончанием, заключением этой статьи, совсем не читался в первоначальной редакции статьи или читался в ней ниже, после рассказа о житии Феодосия. В первоначальной редакции этой статьи за словами «тѣмъ же почтенъ есть монастырь старѣи всѣхъ» читалось: «А о Феодосьевѣ житиѣ паки съкажемъ», и действительно в ней должно было говориться об этом житии. Я думаю, что до нас дошли в другом месте отрывки из

¹ Никоновская летопись заменила слово «паки» словом «инѣдѣ». Кубарев в своем исследовании о Несторе понимал «паки» как «въ другомъ мѣстѣ» (РИС. Т. IV. Кн. 4. М., 1842. С. 429).

этой второй части статьи о начале Печерского монастыря; имею в виду тот рассказ о Печерском монастыре и о некоторых из прославившихся в нем братьях, который читаем под 6582 г., вслед за статьей об успении Феодосия.

§ 246. Вопрос об этом рассказе заслуживает особенного нашего внимания, так как анализ рассказа и признание его входившим в состав Никонова продолжения к Древнейшему своду даст нам несколько ценных указаний, подтверждающих наши выводы. Рассказ начинается словами: «Стефану же предержащу монастырь и блаженное стадо, еже бѣ совокупилъ Феодосий, такы черныцѣ, яко свѣтила в Руси сияють». Нельзя не признать такое начало неуклюжим и неуместным, если сообразим, что за ним повествуется о монастырской жизни времен не Стефана, а еще Феодосия. Сначала находим общую характеристику блаженного стада, его благочестивых подвигов, его любви друг к другу и послушания; яркие черты этой характеристики не оставляют сомнения в том, что она относится ко времени игуменства Феодосия; в этом особенно убеждает сопоставление с Несторовым Житием Феодосия, где между прочим читаем: «они же, яко земля, жажущия воды, тако приимаху словеса его, приносяще трудовъ своихъ плоды къ Господу, овъ сто, овъ же 60; и бѣ видѣти на земли челоуѣкы житиемъ акы ангеломъ тѣчны и монастырь тѣ подобнь небеси». За общей характеристикой читаем в анализируемом рассказе:

«Тацѣ бо бѣша любовници и въздержници, и постници, отъ нихже намѣню нѣколико мужъ чюдныхъ»; в числе этих мужей названы: Дамиан, современник Феодосия и скончавшийся раньше него, о котором (и притом сходно с летописью) повествует и Нестор в Житии Феодосия, Иеремия, помнивший крещение земли Русской, Матвей Прозорливый, переживший Феодосия, и Исакий, принятый в монастырь еще великим Антонием, но переживший Феодосия, и скончавшийся при игумене Иоанне. Итак, во всяком случае, рассказчик не задавался целью изобразить жизнь Печерского монастыря после Феодосия, поэтому приведенные выше слова — «Стефану же предержащу монастырь» — должны быть поняты как позднейшая вставка;¹ это ясно в особенности еще и потому, что слово «предержащу», за которым следует «монастырь», не может относиться к дальнейшим словам «блаженное стадо» и т. д. Но если рассказчик изображает нам цветущие времена Феодосиевы, то употребление настоящего времени «сияють» весьма характерно указывает, что автором рассказа был современник Феодосиев;² крепкие постники и богатые любовью братья еще не отошли вместе с великим игуменом, создавшим монастырь, — они живы, они сияют в Руси, как светила; из названных нарочито славных мужей нет уже в живых Дамиана (он умер при Феодосии и о его смерти сообщено рассказчиком), нет, быть может, также Иеремии (о котором рассказ идет в прошедшем времени), но что мешает нам предположить, что Матвей и Исакий еще живы? Правда, о кончине того и другого упомянуто в дошедшем до нас тексте, но вряд ли подлежит сомнению, что отрывок «При семъ бо старци Феодосий преставися, и бысть Стефанъ игумень, и по Стефанъ Никонъ, сему и

¹ Ср. ниже вставку отрывков, начинающихся словами: «При семъ бо старци Феодосий преставися, и бысть Стефанъ игумень и по Стефанъ Никонъ», «Феодосью же преставльшюся, и Стефану въ него мѣсто бывшю».

² В Ипатьевском списке исправлено: «сияху».

еще сущю старцю... и почи въ старости добръ в монастыри семъ», в котором рассказано о видении, бывшем Матвеем в церкви, где он на месте опоздавшего к службе игумена Никона увидел осла, — вставлен в летопись позже, и притом после 1088 г., когда умер Никон. Поэтому позднейшею вставкою можем признать и окончание рассказа об Исакии, начинающееся словами: «Θεοδοςью же преставльшюся и Стефану въ него мѣсто бывшю, Исакий же рече»;¹ в этом отрывке, написанном не раньше 1088 г., так как в нем упомянут Никонов преемник Иоанн, находим также враждебную памяти игумена Никона выходку: «да ово отъ игумена Никона приимаше (Исакий) раны».²

В конце рассматриваемой статьи, после рассказа об Исакии, читаем: «Таци ти быша черноризци Θεοδοςьева монастыря, иже сияють и по смерти, яко свѣтила, и молятъ Бога за сдѣ сущюю братью и за мирьскую братью и за приносящая въ монастырь, в немже и донынѣ добродѣтельное житѣ живутъ, обще вси вкупѣ, в пѣньи и в молитвахъ и послушаньи, на славу Богу всемогущему и Θεοδοςьевами молитвами сблюдаеми, емуже слава, аминь». Обращаю внимание на то, что эта фраза построена не совсем ясно: где подлежащее к «живутъ»? Думаю, что его надо отождествить с подлежащим к «молятъ», а это ведет к необходимости предположить, что слова «и по смерти» вставлены позже³ и что вместо «быша» первоначально читалось «суть». Итак, получаем еще указание на то, что рассматриваемая статья написана при жизни Феодосия и прославляемых ею черноризцев. Такое же указание получаем при сравнительном изучении текста начала этой статьи по спискам Лаврентьевскому и Ипатьевскому; мы уже видели, что вместо «сияють» Лаврентьевского списка Ипатьевский предлагает «сияху»; отмечаем еще замену «ини же ядуще хлѣбъ с водою» Лаврентьевского списка фразой «овии же ядяху хлѣбъ с водою» в Ипатьевском; далее вместо чтения Хлебниковского списка «наказующе и утѣшающе» в Лаврентьевском и Ипатьевском — «наказуху (и) утѣшающе». Следовательно, в Лаврентьевском и Хлебниковском списках сохранились формы настоящего времени, замененные в Ипатьевском формами прошедшего. С другой стороны, и в Ипатьевском оказываются формы настоящего времени, замененные в Лаврентьевском прошедшими, например, в Ипатьевском: «аще который братъ впадетъ в кое либо согрѣшение», в Лаврентьевском — «аще который братъ въ етеро прегрѣшенъе впадаше»; в Ипатьевском: «и посылають по нь, приводяху брата къ монастырю; и шедше вси покланяхуся игумену, и умолятъ игумена, и приимаху в монастырь брата с радостию», в Лаврентьевском — «посылаючи по нь, призываху брата к монастырю, шедши вси кланяхуся игумену, и моляху игумена, и приимаху брата в монастырь с радостью». После этих сопоставлений у меня нет сомнений в том, что рассматриваемый рассказ был первоначально изложен в той части, где характеризовался вообще весь монастырь, в настоящем времени и что прошедшие времена появились уже под пером позднейших редакторов.

¹ Обращаю внимание на неуклюжее построение этой фразы.

² Составитель окончания рассказа об Исакии называет себя самовидцем его подвигов («а другое и самовидецъ бѣхъ»). Ср. это слово в статье 1091 г. об обретении мощей Феодосия. Вероятно, мы имеем перед собой составителя Начального свода.

³ Ср. «иже сияють яко свѣтила» с приведенным выше: «яко свѣтила в Руси сияють».

§ 247. Наши рассуждения клонятся к тому, чтобы, признав рассмотренные части статьи 6582 г. входившими некогда в состав статьи о начале Печерского монастыря, определить время составления этого описания Печерского монастыря временем, предшествовавшим кончине преп. Феодосия. Скажем определеннее: предыдущие соображения позволяют нам отнести это описание к 1072—1073 гг. и признать его составленным Никоном.

Итак, статья о том, что ради прозвася Печерский монастырь, в первой половине своей сходилась с тем текстом, что читаем теперь в ПВЛ под 6559 г. (разумеется, мы исключим из него вставки, сделанные на основании Жития Антония); во второй половине она сообщала о житии Феодосия, о его подвигах, и затем переходила к общей характеристике блаженного стада Феодосиева монастыря, выдвигая специально краткие очерки житий Дамиана, Иеремии, Матвея и Исакия. Статья оканчивалась так же, как кончается теперь статья 1074 г. (в которую вошла значительная часть статьи о начале Печерского монастыря), т. е. отрывком: «Таци ти (суть) черноризци Феодосьева манастиря... ему же слава, аминь». Составитель Начального свода поместил под 6559 г. только первую половину статьи; вторая половина частью выпущена, частью перенесена под 6582 г. Вместо этой второй половины составитель приделал свое окончание, в котором он сообщил о себе, о прибытии своем в Печерский монастырь; слова «правлящу добродѣтельное житѣе» напоминают окончание статьи 6582 г., где есть фраза: «в немже и донныѣ добродѣтельное житѣе живутъ»; следовательно, слова эти могли быть написаны под влиянием окончания статьи, что ради прозвася Печерский монастырь; летописца, говорящего о своем приходе к Феодосию, я отождествляю с составителем Начального свода; того же летописца вижу в статье об обретении мощей Феодосиевых и в похвале Феодосию. За словами «и приять мя лѣтъ ми сущю 17 отъ роженя моего» читаем: «Се же написахъ и положихъ, в кое лѣто почаль быти монастырь и что ради зоветься Печерський». Эти слова вряд ли можно приписать лицу, переделавшему рассматриваемую статью; скорее, они принадлежат действительно автору этой статьи, т. е. Никону. Предполагаю, что первоначально они читались несколько иначе: «Се же написахомъ и положихомъ...», что соответствовало «скажемъ» в начале статьи и «скажемъ» в следующей затем фразе «А о Феодосьевѣ житиѣ паки скажемъ».

§ 248. Следующею статьею ПВЛ, которая может быть возведена к Никонову продолжению Древнейшего свода, оказывается статья 6562 г. о кончине Ярослава. Мы останавливались выше (§ 223) на содержании этой статьи и отмечали политическое ее значение. Имея в виду, что статья написана в 1073 г., следовательно через 19 лет после смерти Ярослава, предполагаем, что все содержание ее представляет результатом частью сочинительства, частью же припоминаний. Особенное внимание обращает на себя день кончины Ярослава: статья обозначает его неопределенно: «в субботу 1 поста святаго Феодора»; так в Лаврентьевском и Радзивилловском списках; чтение Ипатьевского, Комиссионного и других списков, обозначающих день точнее,¹ представляется подновленным. Вокруг этого числа в новейшее время сложилась значительная уже ли-

¹ Ипатьевский список указывает на 20 февраля, Комиссионный — месяца февраля.

тература.¹ Является вопросом, имеем ли мы дело с мартовским или сентябрьским годом. Не сомневаюсь в том, что в Древней Руси считали мартовскими годами: суббота 1-я поста приходилась для (мартовского) 6562 г., т. е. для того года, который с 1 марта 6562 г. соответствовал нашему (январскому) 1054 г., на 26 февраля предшествующего 6561 (мартовского) г. Признаю поэтому днем кончины Ярослава 26 февраля. Правда, можно было бы ожидать более точного обозначения: Ярослав умер в 6561 г. 26 февраля, в субботу первой недели поста, но через 19 лет естественно было выразиться и не так точно, в особенности имея в виду ближайшие события: вступление Изяслава на киевский стол в начале (мартовского) 6562 г. в марте 1054 г. Таким образом, стоящий в заголовке статьи 6562 г. я отношу, собственно, к последовавшим за смертью Ярослава событиям: прибытию Изяслава в Киев, победе Всеволода над торками и появлению половцев; все эти события записаны в 1073 г. по памяти.

§ 249. Замечателен пропуск 6563 г. в ПВЛ и Начальном своде (Коммиссионный и Академический списки); этот пропуск доказывает, как кажется, только одно: в Никоновом продолжении к Древнейшему своду не было непрерывного ряда годов, непрерывной хронологической цепи; пустые годы были вставлены уже составителем Начального свода, который в данном случае мог быть введен в заблуждение 6562 г.; отнеся его мысленно ко дню смерти Ярослава, он следующие события отнес мысленно к 6563 г. и перескочил поэтому на 6564 (пустой) г.

Известия 6565 г. — смерть Вячеслава и перевод Игоря в Смоленск, 6566 г. — победа Изяслава над голядью, 6567 г. — освобождение из поруба Судислава, 6568 г. — смерть Игоря и победа Ярославичей со Всеславом над торками, — все эти известия записаны в 1073 г. по памяти. Точное указание при них года («в лѣто» такое-то, или «в семь же лѣтъ») доказывает, как мне кажется, что припомнил эти события и приурочил их к тем или другим годам сам Никон; известия, сообщенные другими лицами, он вводит более неопределенными указаниями.

Под 6569 г. находим сообщение о первой победе половцев над Русью; Никон запомнил и день этого события, быть может потому, что он приходился на большой праздник, на Сретение Господне; около того же времени Никон оставил надолго Печерскую обитель.

Год 6570 оставлен в ПВЛ (Начальном своде) пустым, но, как указано, Никон поместил под этим годом статью о начале Печерского монастыря, перенесенную составителем Начального свода выше, под 6559 г. Под 6571 г. читалось о кончине и погребении Судислава; об этом известии скажем ниже.

Под 6572 г. и в начале 6573 г. в Никоновом своде содержались тмутороканские известия, о которых мы говорили выше. В конце 6573 г. им помещены три известия, по-видимому записанные с чужих слов и потому датированные неточно: известие о комете (явившейся, как мы указывали выше, в 6574 г.), известие об уроде, извлеченном из Сетомли, и, наконец, известие о солнечном затмении (имевшем место в 6572 г.). Под 6574 г. Никон поместил тмутороканское известие. Записанные им

¹ Куник А. А. Известны ли нам год и день смерти вел. кн. Ярослава Владимировича? 1896; Шляков Н. В. О Поучении Владимира Мономаха. 1900. С. 112; Шляков Н. В. 850 лет со дня кончины вел. кн. Ярослава I Мудрого // ЖМНП. СПб., 1907. Ч. IX; Степанов Н. В. ИОРЯС. 1908 и др.

под 6575 г. события имели место во время его пребывания на Руси, поэтому они так точно им датированы.

§ 250. Под 6576 г. за кратким известием о поражении русских князей на Альте следует обширное поучение, оказывающееся переработкою поучения, помещенного в Симеоновом Златоструе. Совершенно ясно, что поучение вставлено, ибо оно разбивает текст предшествующего известия и даже искажает его перестановкой (ср. § 114⁵). Думаю, что его не было в Никоновом своде. Возможно, что Никон указал день сражения, но указание это опущено вследствие вставки поучения. Вторая половина статьи 6576 г. своею обстоятельностью и живостью не оставляет сомнения в том, что она записана ближайшим современником: ввиду того что мы считаем летопись составленную в 1073 г., видим, что запись сделана через четыре года. Рассуждения о вине Изяслава, нарушившего крестное целование ко Всеславу, ведут нас, как мы видели, к той точке зрения на возникшую в Киеве смуту, которой держался Печерский монастырь: это подтверждается статьей о начале Печерского монастыря, где в рассказе об Исакии сообщено о гневе Изяслава на Антония из-за Всеслава и удалении Антония на Болдины горы. Впрочем, это случилось уже в следующем 6577 (1069) г. Статью 6576 г. надо признать первым обстоятельным рассказом современника о виденных им событиях. Исключаем из Никонова труда сообщение о победе Святослава над половцами 1 ноября, ввиду явной вставки отрывка: «Посемь же Половцемъ воюющимъ... въ градъ свой Святославъ», где находится это сообщение (ср. § 114⁶).

§ 251. Под 6577 г. обстоятельный рассказ о возвращении Изяслава с ляхами в Киев принадлежит, несомненно, Никонову своду. Статья 6577 г. представляется оборванною на неоконченной фразе: «Всеславу же бѣжавшю»; считаю вероятным, что за этим читалось: «погорѣ Подолие». Слова эти не сохранились в дошедших до нас списках ПВЛ, отнесших «Всеславу же бѣжавшю» к предыдущему известию, где говорится о смерти Мстислава в Полоцке и замене его Святополком, но они есть в Синодальном списке, куда они попали из второй редакции ПВЛ: «Приде Изяславъ съ Ляхы, а Всеславъ бѣжа Полотьску; и погоре Подолие».¹ Место, где это известие читается в Синодальном списке (начало статьи), не оставляет сомнения в том, что перед нами не новгородское, а киевское известие (ср. § 151).

§ 252. Под 6578 г. читаем в ПВЛ (и Начальном своде) о рождении у Всеволода сына Ростислава и о закладке церкви Св. Михаила в монастыре Всеволоже. Восходят ли оба эти известия к Никонову своду, для меня неясно. Нахожу возможным, что в распоряжении составителя Начального свода был летописец, ведшийся в Выдубицком монастыре и отмечавший события, связанные с князем Всеволодом и его домом. Исключая поэтому предположительно оба известия 6578 г. из Никонова продолжения к Древнейшему своду.

§ 253. Первые три известия 6579 г., из которых два относятся к борьбе Всеслава с Изяславом, я отношу к Никонову своду. Засим читаем: «Въ си же времена приде волхвъ прелщень бѣсомъ»; летописец рассказывает о появившемся в Киеве волхве, предсказывавшем, что на пятое лето Днепр потечет вспять и что Греческая земля станет на Русской, а

¹ Отмечу, что в Летописце Толстовском № 145 (представляющем сходство с Тверским сборником) читается: «Всеславъ бѣжа в Варяги».

Русская — на Греческой; волхв этот исчез куда-то без вести. Это упоминание о волхве повело за собой другой длинный рассказ о волхвах, появившихся на Белоозере и там схваченных Янем Вышатичем; рассказ начинается словами: «Бывши бо единою скудости въ Ростовстѣй области». За ним читаем описание бесов, данное каким-то новгородцем со слов кудесника из племени чуди; описание, сообщающее о посещении кудесника новгородцем, начинается словами: «в си бо времена, в лѣта си». Наконец, после некоторых рассуждений о бесах и волхвах читаем о появлении волхва в Новгороде при князе Глебе и о произведенной им там смуте. Возведем ли мы все эти рассказы к Никонову своду? Думаю, что затруднений к тому встретиться не может. Мы уже говорили о близости Яня к Печерскому монастырю и о возможности того, что рассказ о белозерских волхвах записан непосредственно от Яня; диалог между Янем и волхвами, подробное описание встречи его с волхвами и последовавшей затем расправы с ними — указывает, несомненно, на то, что рассказ записан со слов очевидца или участника описываемых событий.¹ Рассказ вводится неопределенным указанием: «бывши единою скудости въ Ростовстѣй области»; это свидетельствует, думаю, о том, что после этих событий прошло уже некоторое время. Появление Яня на службе у Святослава удивляет несколько потому, что Янь принадлежал к киевскому боярству. Не имел ли место переход Яня к Святославу в 1068—1069 гг., когда в Киеве сидел Всеслав? Янь с другими боярами мог удалиться в Чернигов к Святославу и там предложить ему свои услуги. Рассказ о новгородском волхве, вставшем при князе Глебе, мог быть также записан Никоном; Никон, посадивший в 1067 г. Глеба на тмутороканский стол, мог поддерживать с ним так или иначе сношения и по переходе его в Новгород в 1068 г. или 1069 г. (в 1069 г. 23 октября Глеб одерживает победу над Всеславом, напавшим на Новгород). Рассказ о посещении кудесника новгородцем, вероятно, также записан в Киеве: Никон мог услышать его даже от кого-нибудь из монахов Печерской обители родом из Новгородской области. Итак, считаю вероятным, что три только что названных сообщения записаны Никоном и им внесены в продолжение к Древнейшему своду. Но почему он поместил их именно под 1071 г.? Ряд рассказов о волхвах начинается сообщением о появлении волхва в Киеве. Можно бы думать, что именно этот волхв появился в Киеве в 1071 г., но препятствием является неопределенное указание, стоящее перед этим сообщением: «в си времена»; Никон в 1073 г. мог без труда определить, точно ли этот волхв появился в 6579 г., и в утвердительном случае сказать: «в семь же лѣтъ». Мы знаем, что Никон употребляет неопределенные указания там, где говорит о событиях, уз-

¹ Рассказ о волхвах белозерских представляет общие черты с рассмотренным нами выше (§ 164) новгородским рассказом о возмущении, произведенном в 6532 г. волхвами в Суздале. Ср. под 6532 г.: «избиваху старую чадь по дьяволу наущенью и бѣсованью, глаголюще, яко си держать гобино»; под 6579 г.: «идѣ приидуча в погость, ту же нарекаста лучышиѣ жены, глаголюще, яко си жито держит, а си медь... и убивашета многыя жены». Под 6532 г. Ярослав говорит: «Богъ наводитъ по грѣхомъ на куюждо землю голодомъ, или моромъ, ли ведромъ, ли иною казнью, а человекъ не вѣсть ничтоже, Христосъ Богъ единъ вѣсть на небеси»; под 6579 г. Янь говорит: «створилъ Богъ человекъ отъ землѣ, ставленъ костыми и жылами отъ крове, нѣсть в немъ ничтоже, и не вѣсть ничтоже, но токмо единъ Богъ вѣсть». Думаю, однако, что сходство между обеими статьями случайное. Быть может, впрочем, слова «и не вѣсть ничтоже, но токмо единъ Богъ вѣсть» вставлены составителем Начального свода в статью 6579 г. из статьи 6532 г.

нанных им понаслышке; ввиду этого отношу появление волхвов не к 1071 г., а ко времени более раннему и сопоставляю «в си времена» статьи 6579 г. с «в си же времена», которое дважды употреблено под 6575 г. Думаю, что появление волхва имело место около 6573 г., и подтверждаю это предположение ссылкой на сходство проречения волхва с угрозами киевлян, высказанными ими в 6577 (1069) г. при известии о приближении к Киеву Изяслава с ляхами: «зажегше градъ свой, ступимъ въ Гречьску землю». Испуганные киевляне вспомнили в 1069 г. о пророчестве волхва, предсказывавшего, что на *пятое* лето Русская земля¹ станет на Греческой, и начали подумывать о том, что им придется последовать этому пророчеству. Таким образом, получается косвенное указание на то, что появление волхва в Киеве имело место в 1064 г. Теряясь в догадках, почему рассказ о волхвах помещен именно под 6579 (1071) г., останавливаюсь на следующем обстоятельстве. Все рассказы о волхвах перенесены под 6579 г. составителем Начального свода; у Никона же они находились под 6573 г., т. е. на том именно месте, где составитель Начального свода поместил, вместо рассказов о волхвах, ряд выписок из хронографа (о различных чудесных явлениях). Продолжая под 6573 г. перечисление различных примечательных событий, бывших «в си времена», Никон вставил в свой свод рассказ о киевском волхве; по ассоциации ему вспомнились другие рассказы о волхвах и кудесниках, ими он и заполнил статью 6573 г., не заботясь о точной хронологии; ср. такое выражение его, как «бывши бо единою скудости въ Ростовьстѣ области». Почему составитель Начального свода перенес все рассказы Никонova свода из 6573 г. под 6579 г., остается для меня неясным.

Под 6580 (1072) г. читается статья о перенесении мощей Бориса и Глеба в новую церковь, поставленную Изяславом. Думаю, что в Никонном своде читалось известие об этом событии, но оно было изложено иначе (и вероятно, короче), чем в ПВЛ (и Начальном своде). Дошедшую же до нас летописную статью я считаю сокращением соответствующей вышегородской записи,² составленной притом спустя некоторое время после события; ср. о церкви, поставленной Изяславом: «яже стоит и нынѣ». Перенесение мощей имело место 20 мая, а не 2-го; ср. 20 мая в Ипатьевской летописи (см. § 43 и 44). Поправка 20 мая на 2 мая произошла под влиянием второго перенесения мощей, бывшего 2 мая в 1115 г.

О статье 6581 (1073) г., где рассказывается о распре между Ярославичами и об изгнании Изяслава, мы говорили выше. Содержание этой статьи навлекло, по-видимому, гнев Святослава на Никона, закончившего свой труд внесенными в эту статью обличениями нарушивших отцовскую заповедь князей.

§ 253¹. Из этого обзора содержания Никонova продолжения к Древнейшему своду видно, что в распоряжении Никона были одни устные источники; следов пользования источниками письменными мы в его труде не находим. Впрочем, местами Никон вводил в свои повествования параллели из библейской истории: ср. вставленный им эпизод о дани козарской, а также статью 6581 (1073) г.

¹ Русская земля — это русские люди; ср. тут же: «а се ведеть на ны Лядьскую землю».

² При сокращении опущены имя Неофита, черниговского епископа, а также эпизод с ногтем Глебовым, попавшим под клобук Святослава.

У меня возникает, однако, сомнение в отношении четырех известий Никонова продолжения. Под 6562 г. читаем: «Преставися великий князь Русьский Ярославъ», под 6565 г.: «Преставися Вячеславъ, сынъ Ярославль, Смольнськъ», под 6568 г.: «Преставися Игорьъ, сынъ Ярославль», под 6571 г.: «Судиславъ преставися, Ярославль братъ, и погребоша и въ церкви святого Георгия». Не извлечены ли эти известия из одного общего источника? Отмечаем торжественное выражение: «преставися». Как указано в § 114, это выражение в ряде известий о кончинах членов княжеской семьи ведет нас, по вероятному предположению А. А. Куника, к княжескому помяннику. Помянник этот был использован составителем Начального свода около 1095 г. Указаний на пользование им уже со стороны составителя Древнейшего свода 1039 г. мы не имеем; напротив, вполне вероятно отсутствие в этом своде известий 6508, 6509, 6511, 6515, 6519 гг., восходящих к помяннику, равным образом и известия 6544 г. о перенесении останков Ярополка и Олега в Св. Богородицу. Все эти известия попали в летопись, по-видимому, только благодаря редактору Начального свода. Отсутствие заимствований из княжеского помянника в Древнейшем своде объясняется, быть может, тем, что помянник составлен уже после 1039 г.; особенно вероятно допустить такое предположение, если признать, что помянник велся при церкви Св. Софии, которую Ярослав, как кажется, предназначил быть усыпальницей членов своего дома; церковь Св. Софии сама окончена и освящена только в 1039 г. Но мы не можем отрицать возможности того, что помянником этим воспользовался Никон так же, как он воспользовался самим летописным сводом, составленным при Софийском соборе. Ввиду этого не признаю вероятным, чтобы четыре названных известия 6562, 6565, 6568, 6571 гг. были вставлены в летопись уже только редактором Начального свода. Думаю, что они заимствованы из княжеского помянника самим Никоном.

В подтверждение приведу следующее. В известии 6562 г. Ярослав был, судя по Лаврентьевскому, Радзивиловскому, Хлебниковскому спискам, назван великим князем Русским. Думаю, что чтение Ипатьевского списка, где опущен эпитет «великий», не может быть признано первоначальным.¹ С тем же эпитетом, вообще совсем необычным в летописи, Ярослав назван и в статье о начале Печерского монастыря: фраза «Посемь же преставльшюся великому князю Ярославу»² составлена явно под влиянием текста известия 6562 г.: «Преставися великий князь Русьский Ярославъ». Следовательно, Никон, автор статьи о начале Печерского монастыря, имел перед глазами приведенный текст известия о кончине Ярослава.

За известием 6565 г. о кончине Вячеслава читаем: «и посадиша Игоря Смолинськъ, изъ Володимеря выведше». Нельзя сомневаться в том, что эти слова принадлежат Никону,³ но отсюда следует, что в его труде

¹ Ср. подобный же пропуск под 6601 (1093) г. в сообщении о смерти Всеволода. Первым, кто назван в Ипатьевской летописи великим князем, это Владимир Мономах, который при этом титулуется так, как стали титуловаться великие князья с XIV в.: «великий князь всея Руси». В Лаврентьевской же эпитет Мономаха тот же, что эпитет Ярослава: «великий князь Русский». Впрочем, в сообщении 1015 г. Владимир Святославич именуется в Ипатьевской великим князем. См. § 221.

² Ипатьевская здесь сохранила слово «великому».

³ Отсутствие подлежащего при «посадиша» вполне характерно для летописца, жившего во времена Ярославичей: до 1072 г. они постоянно действовали сообща.

находилось и известие, вызвавшее эти слова, т. е. известие о кончине Вячеслава.

Из того, что известие о кончине Ярослава заимствовано из княжеского помянника, не следует, чтобы к тому же помяннику восходило указание на день кончины Ярослава; мы читаем его ниже, и притом в другом соединении: «и предать душу свою Богу в субботу 1 поста святого Θεодора». В княжеском помяннике, по крайней мере в древнейших его известиях (до конца XI в.), не приводились, как кажется, точные хронологические указания.

ГЛАВА XVIII

О СОСТАВЕ И ОБ ИСТОЧНИКАХ ДРЕВНЕЙШЕГО СВОДА

Имеем теперь возможность, после выяснения вопроса о Никоновой редакции 1073 г., вернуться к исследованию Древнейшего летописного свода. Как мы видели, он составлен приблизительно в 1039 г. при вновь учрежденной Киевской митрополии.

1

§ 254. В составе этого свода находим повествования о древнейших судьбах Русской земли. Рассказав о начале Киева, автор переходил к изложению предания о том, как водворился в Киеве варяжский князь Олег, сообщал затем предание о походе Олега на Царьград и предание об убиении древлянами другого киевского князя, родоначальника княжеской династии, Игоря; затем рассказывал, согласно с народным преданием, о походе Ольги с малолетним Святославом против древлян. Неожиданно встречаемся в его труде вслед за этим с рассказом иного характера, в котором излагаются обстоятельства крещения Ольги; имеем основание думать, что 6463 г., которым определено это событие, был первым годом, приведенным автором Древнейшего свода. Перейдя к Святославу, Древнейший свод стал руководствоваться опять народным преданием; на основании его изложен поход Святослава против козар и покорение вятичей. Затем он упоминал о походе Святослава на болгар, причем, как указано в § 82, у нас возникает сомнение относительно того, точно ли и здесь автором руководило народное предание; возможно, что он имел под рукой письменный (болгарский) источник; рассказ об отражении печенегов от Киева, вставленный между сообщением о двух походах Святослава на болгар, основан, конечно, на народном предании; автор второй поход определил 6477 г., но по всем признакам год этот был дан в источниках как год кончины Ольги, о которой тут же им и рассказано, притом в изложении, не оставляющем сомнения в том, что источником рассказа было житие или сказание о св. Ольге. Следующий затем рассказ о войне Святослава сначала с болгарами, потом с греками содержит указания на заимствования из болгарского источника, но рассказ об убиении Святослава печенегами основан на народном предании. Народное предание лежит в основании и дальней-

шего повествования, где сообщается об усобице между сыновьями Святослава и вокняжении Владимира в Киеве; в связь с торжеством Владимира-язычника поставлено жертвоприношение богам, повлекшее за собой мученическую смерть двух варягов; рассказ об этом явно основан на письменном источнике; из него заимствован и 6486 г., оказывающийся, таким образом, третьим годом Древнейшего свода, означающим год вступления на киевский стол Владимира. После этого рассказа о первых христианских мучениках на Руси находим несколько кратких сообщений о походах Владимира — на ляхов, вятичей, ятвягов, радимичей и болгар. Что касается первого из этих сообщений, то оно едва ли не составлено на основании припоминаний, вызванных событиями 1031 г. (следовательно, современными автору Древнейшего свода), когда Ярослав и Мстислав «заяста грады Червеньскыя опять», т. е. те самые грады, которые в самом начале своего княжения взял у ляхов Владимир («Перемышль, Червень и ины грады, иже суть и до сего дьне подъ Русию») и которые в 6526 (1018) г. отнял у Ярослава Болеслав («и города Червеньскыя зая собѣ»). Обращаю внимание на то, что овладение Владимиром Червенских городов отнесено в ПВЛ (Начальном своде) на 6489 г., а возвращение их Ярославом и Мстиславом — на 6539 г., т. е. что между тем и другим событием ровно пятьдесят лет; думаю, что это круглое число 50 явилось не случайно и что, следовательно, 6489 г. извлечен из 6539 г.; отсюда заключаю, что извлечение это сделано тем самым лицом, которое записало событие 6539 г., т. е. составителем Древнейшего свода; вот почему признаю 6489 г. четвертым годом, читавшимся в этом своде. Следующие известия помещены в Древнейшем своде под 6490, 6491, 6492 и 6493 гг.; конечно, годы эти явились искусственно; ряд Владимировых походов приурочен к последовательному ряду годов; об этих походах (но, конечно, без указания последовательности между ними) сообщали, вероятно, народные предания; ср. упоминание о воюеде Волчьем Хвосте в рассказе о победе над радимичами.

Составитель Древнейшего свода, получив таким образом ряд годов (6489—6493), решил поместить следующую статью об испытании Владимиром вер под 6494 г., что было вполне уместно и ввиду того, что последовавшее затем крещение Владимирово относилось источниками Древнейшего свода к 6495 г. Испытание вер в первой своей части, где рассказывается о посещении Владимира проповедниками болгар-магометан, немцев-папистов и евреев козарских, представляется плодом сочинительства автора Древнейшего свода; напротив, как обличительная речь философа против магометан, папистов и евреев, так и последующее изложение этим философом прообразовательного значения Ветхого Завета и главных событий земной жизни Иисуса Христа представляются заимствованными из болгарского источника, повествовавшего об обращении князя Бориса философом Кириллом; имя Кирилла сохранено было и Древнейшим сводом. Рассказ о крещении Владимира и киевлян основан, по-видимому, на устном предании и частью даже на припоминаниях самого составителя, жившего во время, не столь отдаленное от крещения Руси. Но, быть может, у него под руками был и письменный источник, повествовавший о крещении Руси; этот вопрос мы рассмотрим ниже. События после крещения — поход Владимира против печенегов и его градостроительство — излагаются на основании частью народных преданий, частью же припоминаний; это помещено под «другимъ лѣтом по крещеніи», разумеется гадательно. Но о том, что поход

на Корсунь и славное его окончание имели место на третий год по крещении, — воспоминание об этом могло сохраниться в памяти народной; взятие Корсуни связано с помощью, оказанною Владимиру Анастасом, корсунцем; об этой личности, игравшей, вероятно, заметную роль во все последующее княжение Владимира, могли помнить и в конце 30-х гг., тем более, что в 1018 г. Анастас был еще жив: Древнейший свод сообщал об измене его Ярославу и об отъезде его из Киева с Болеславом, которому вверился он лостью, за что был поставлен им над своим имением (захваченным в Киеве). Сообщение о построении церкви Св. Богородицы и о даровании ей десятины, распорядителем которой сделан Анастас, быть может, также имеет источником устное предание, хотя молитву Владимира составитель свода мог заимствовать и из письменного источника. Между годом закладки Св. Богородицы (год мог быть определен по соображению, что церковь строилась пять лет, а окончена на девятое лето по крещении) и годом ее окончания вставлены сообщения о закладке Белгорода и о походе на хорватов; думаю, что приурочение этих событий к пятому и шестому годам по крещении сделано гадательно: о событиях говорили народные предания, но поместить их раньше было невозможно, так как на каждый год Владимирово княжения уже приходилось по одному событию. На основании Памяти и похвалы Владимиру допускаю, что события после крещения Владимира определялись отсчитыванием того или другого числа от года крещения; подтверждение этому вижу в том обстоятельстве, что Начальный свод отнес окончание Св. Богородицы к 6504 (996) г., *девятому* по крещении, отсчитав его от 6496 (988) г., принятого за год крещения; между тем Древнейший свод, полагая окончание Св. Богородицы на девятое лето по крещении, имел в виду, конечно, 6503 (995) г., бывший девятым после 6495 (987) г., когда крестился Владимир: освящение Св. Богородицы имело место 12 мая именно 995 г., как указано в § 10. За рассказом об окончании Св. Богородицы составителю Древнейшего свода уже нечего было сообщить из событий Владимирово княжения; он припомнил, впрочем, легенду о построении церкви Св. Преображения в Василеве, освященной, по-видимому, в один год со Св. Богородицей, и затем приступил к общей характеристике Владимира, пользуясь при этом и народными преданиями (об отношении Владимира к дружине), и другими рассказами (о милосердии Владимира). Имена Болеслава Лядского, Стефана Угорского и Андриха (Ольдриха) Чешского обязаны своим появлением в этой характеристике сообщениям летописца.¹ Подойдя к 6523 (1015) г., автор Древнейшего свода приблизился к такому времени, о котором могли хорошо помнить современники, о котором сохранил воспоминание и он сам. Смерть Владимира, избиение Святополком братии, переменное счастье в борьбе Святополка с Ярославом — это все были настолько яркие, особенно по последствиям своим, события, что восстановить через 20—25 лет последовательный ход их, установить между ними связь не представляло затруднений. Но у нас возникает сомнение, не имел ли автор Древнейшего свода в числе источников рассказ об убиении Бориса и Глеба; этот вопрос мы рассмотрим ниже.

В княжении Ярослава составитель свода отмечает даже такие события, которые сравнительно не так важны; указаны годы рождения пяти сы-

¹ Ольдрик правил Чехией в 1012—1034 гг., Стефан Угорский — в 978—1038 гг., Болеслав умер в 1025 г.

новой Ярослава из общего числа семи,¹ отмечено явление кометы с указанием 6535 г., упомянуто о смерти сына Мстиславова Евстафия. Понятно, что события более важные описываются и определяются с такою тщательностью, которая позволяет полагаться на соответствующие сообщения Древнейшего свода как на вполне достоверные исторические свидетельства. Начиная с первого года Ярославова княжения, определенного, как кажется, 6525-м, имеем перед собою не свод народных преданий и случайных припоминаний, а попытку дать в летописном изложении описание истекших 25-ти лет Ярославова княжения. Автор летописного свода доводит свой рассказ до закладки и освящении Св. Софии и оканчивает свой труд похвалою просветительной деятельности Ярослава. Весьма вероятно, что эта похвала была изложена в настоящем времени и что перемена этого времени на прошедшее принадлежит позднейшему редактору, преп. Никону.

Сделанный нами обзор содержания Древнейшего свода позволяет приступить теперь к определению источников свода. Различаем: а) письменные источники, б) народные предания, в) припоминания и г) сочинительство самого сводчика.

2

§ 255. Письменные источники были немногочисленны. На первом месте назову *болгарскую летопись*. Указание на такой источник извлекаем, во-первых, из статей, относящихся к болгарским и греческим войнам Святослава; как мы видели, упоминание о 80-ти городах, взятых Святославом по Дунаю, боевые речи Святослава, его речь о преимуществах Переяславца как средоточия его земель, указание на то, что греческие города, опустошенные Святославом, стоят пусты и до сего дня, — все это ведет к болгарскому источнику; мы видели при этом, что речи о преимуществах Переяславца уместно было быть помещенной там, где Святослав овладевает этим городом и садится в нем, а не в рассказе о посещении им Киева и беседе его с матерью и боярами; между тем Святослав, взяв Переяславец приступом, ограничивается восклицанием: «се градъ мой!» Если допустим, что этими словами вводилась речь о преимуществах Переяславца, то увидим, что автор Древнейшего свода отнесся к своему источнику довольно свободно; вместе с тем такое допущение ведет к неминувшему заключению о наличии у этого автора письменного источника. Как мы указывали выше, болгарская летопись говорила о Святославе как о личности почти легендарной: он не знает поражений; покоритель Болгарии за малым не взял самого Царьграда; греков спасли только усиленные мольбы и обильная дань, уплаченная русскому князю; такое изображение Святослава являлось некоторым удовлетворением болгарскому национальному чувству, пережившему тяжелые испытания благодаря водворившемуся в Болгарии Святославу. Ввиду этого считаем вероятным, что некоторые черты из предложенной составителем Древнейшего свода характеристики Святослава заимствованы им из того же болгарского источника; упомянем здесь

¹ Неясно, почему опущено сообщение о рождении пятого сына Игоря; рождение старшего, Ильи, не упомянуто, по-видимому, потому, что случилось в Новгороде еще до перехода Ярослава в Киев.

еще раз о сравнении Святослава с пардусом; подобное сравнение находим в Александрии.

Во-вторых, видим указание на влияние болгарской летописи еще в статье о походе Олега на Царьград. Греки испугались, когда увидели, что Олег двинул свою рать на колесницах, снабженных парусами; они выслали к нему с просьбой не губить города и с предложением дани. Олег остановил свое войско. Греки вынесли ему брашно и вино, но Олег не принял его, ибо оно было с отравой. Греки испугались и сказали: «это не Олег, а святой Димитрий, посланный Богом на нас». Могло ли прийти в голову русскому летописцу, знавшему, что Олег — язычник, приписать грекам приведенные от имени их слова? Мне это представляется весьма маловероятным, хотя бы потому, что летописец ниже говорит о том же Олеге: «и прозвали его Олегом вещим, ибо люди были язычниками и невеждами»; греки не были ни язычниками, ни невеждами, а между тем им приписывается отождествление Олега со св. Димитрием, и именно тогда, когда Олегу пришлось обнаружить свое вещее свойство, когда он угадал, что высланные ему припасы приготовлены с отравой. Вспомним, что Димитрий Солунский был святым, особенно чтимым болгарами, что бывали случаи, когда болгарские князья, отправляясь на Царьград, заезжали в Солунь и испрашивали себе благословения у мощей св. Димитрия; вспомнив это, признаем вероятным, что болгарская летопись в повествовании о походах Симеона на Царьград могла содержать сходное с приведенным место, причем греки отождествили со св. Димитрием не язычника, а христианина Симеона, наводившего страх на Византийскую империю. Повторение слов «убояшася Гръци и рѣша» сначала перед предложением греков уплатить Олегу дань, потом перед сравнением Олега со св. Димитрием наводит на мысль, что отрывок «и вынесоша ему брашню и вино... посыланъ отъ Бога на ны» вставлен в рассказ, где за предложением дани со стороны греков естественно ждать продолжения в виде слов: «И устави Ольгъ воя, и заповѣда дань даяти на 100 корабль» и т. д. Такая вставка могла произойти под влиянием болгарской летописи, где подобный эпизод читался в рассказе о походах Симеона.

В-третьих, как указано выше, болгарская летопись послужила источником для рассказа об обращении в христианство Владимира. Мы доказывали это не только именем философа Кирилла, которого болгарские предания признают просветителем Болгарии, но также и тем, что обращение Владимира поставлено в связь с картиной Страшного суда, которая, как мы знаем, послужила причиной обращения Бориса; болгарская легенда, занесенная в греческий источник, приписывала эту картину художнику Мефодию, сделавшемуся впоследствии святым епископом (так в некоторых версиях легенды), но возможно, что болгарские источники связывали эту картину с тем же Кириллом. Как видим, в распоряжении составителя Древнейшего свода мог быть рассказ о крещении Владимира, составленный для прославления Владимира и назидательного чтения новообращенным христианам, но в этом рассказе ничего не говорилось о причине, побудившей Владимира принять крещение. Наиболее подходящим автор Древнейшего свода признал предположение, что Владимир был приведен к вере проповедью, а образец такой проповеди автор нашел в болгарской летописи. По-видимому, летопись эта говорила о предложениях, сделанных Борису со стороны магометан, паписов и иудеев, ибо Речь философа начинается опровержением и обличе-

нием этих исповеданий, но вероятно, что болгарская летопись лишь кратко упоминала о самих этих предложениях; мы вернемся ниже к сочиненным в Древнейшем своде диалогам между Владимиром и приходившими к нему миссионерами.

Думаю, что болгарская летопись в отношении к Древнейшему своду имела еще то значение, что послужила для него и образцом, и главным основанием, откуда русский летописец почерпнул как приемы летописания, так и свою фразеологию.

§ 256. На втором месте назовем *сказание о княгине Ольге*. К нему восходит рассказ о крещении Ольги в Царьграде, о возвращении ее в Киев, где ей не удалось убедить сына Святослава принять христианство, а также рассказ о ее кончине. Доказательства существования подобного древнего сказания приведены выше: проложные статьи, относящиеся к Ольге, не могут быть возведены к летописи ввиду некоторых фактических подробностей, в них содержащихся (крест, привезенный Ольгой из Царьграда; золото, посланное по завещанию ее патриарху). В рассказе о смерти Ольги мы указали следы спайки в Древнейшем своде: сначала сообщено, что Ольгу похоронили торжественно и всенародно, а потом сказано, что ее похоронил священник, которого Ольга держала «въ тайнѣ». Первое сообщение как будто вытекает из всего предыдущего рассказа: киевляне призывают Святослава на выручку осажденного их города; они попрекают князя за то, что он оставил свою старую мать; Святослав перед матерью и боярами объявляет о желании своем вернуться в Переяславец, но мать уговаривает его подождать с отъездом, ссылаясь на свою болезнь: «погребѣ мя, иди яможе хоцещи». И когда через три дня Ольга умерла, Святослав со всеми людьми похоронил ее. Второе же сообщение совершенно неожиданно: Ольга не велела творить над собой тризны, ибо она втайне держала у себя священника, который и похоронил ее, очевидно, так же втайне. Сообщение это в более полном виде читается в проложных житиях св. Ольги — вот причина, почему мы считаем возможным возвести его к отдельному сказанию об Ольге (ср. § 73, 75, 76). Возможно, что проложная статья об Ольге, например подобная той, что читается в прологе Типографской библии XIV в. № 368,¹ целиком восходит к предполагаемому сказанию. В таком случае указание на то, что Ольга родом из Пскова, надо возвести в Начальном своде к Древнейшему своду, а в этом последнем — к тому же сказанию. Мы читаем в этой проложной статье, что Ольга, вернувшись на Русь, «обиходяше всю Русьскую землю, дани и уроки льгькы уставляючи и кумиры сокрушаючи». Не заимствовано ли отсюда, т. е. из протографа этой статьи, в Древнейший свод сообщение о том, что Ольга уставляла уставы и уроки по Деревской земле и что становища ее и ловища имеются по всей земле? Эту подробность предполагаемого сказания надо поставить в связь с последующим: «даяше же и милостыни много убоѣзи чадѣ»; следовательно, творя милостыню, Ольга одновременно облегчала тяготы, лежавшие на населении.² Похвалу Ольге, читавшуюся в Древнейшем своде после рассказа о ее кончине, возводим к тому же сказанию.

¹ Гилларов Ф. А. Предания русской начальной летописи.

² Сообщение Татищева, ссылающегося при этом на определенный источник (Раскольничий список) о том, что Ольга велела отложить княжеское (т. е. какую-то свадебную пошлину), быть может, восходит к тому же сказанию.

Такое предположение тем правдоподобнее, что вряд ли было бы осторожно признать сводчика, автора Древнейшего летописного свода, поставившего себе прямую и определенную цель — рассказать о древнейших судьбах Русской земли и довести рассказ до новейших событий, — признать его одновременно составителем житийных сказаний, похвальных слов Ольге, далее Владимиру и проч. Одному человеку справиться со всем этим разнообразным материалом было бы непосильно, и потому мы стараемся по возможности теснее ограничить область личного творчества, сочинительства составителя Древнейшего свода.

§ 257. Третьим письменным источником нашего свода признаем *сказание о варягах-мучениках*. Дошедшее до нас сказание о них в прологе подверглось сильному влиянию летописи; это видно, между прочим, из пропуска имени варяга-отца, пропущенного и в летописи, но несомненно названного в первоначальном виде сказания;¹ то же следует и из того, что проложная статья, как и летопись, начинает рассказ с победы Владимира над ятвягами, между тем как из соображений, высказанных в § 11, видно, что первоначально рассказ приурочивался ко времени вступления Владимира на киевский стол. Летопись, несмотря на возможность, данную сказанием, не сохранила указания на день мученичества варягов, пролог дает этот день — 12 июня; драгоценная дата эта является ключом для разгадки, почему составитель Памяти и похвалы Владимиру полагал днем восшествия Владимира на стол 11 июня, а это указание древнего памятника красноречиво свидетельствует о том, что действительно в первоначальном сказании (а за ним и в Древнейшем своде) мученичество варягов излагалось вслед за рассказом о вступлении на киевский стол Владимира.

§ 258. Переходим к вопросу о четвертом источнике Древнейшего свода — *сказании о князе Владимире*. Я не мог бы привести ясных и убедительных доказательств в пользу существования такого сказания. Мы видели, что для объяснения факта обращения Владимира в христианство летописцу пришлось прибегнуть к аналогиям; это могло бы служить доказательством, что ему не было известно сказание о Владимиром крещении. Имеем, однако, в виду высказанные выше соображения: невозможность допустить соединения в одном лице и летописца, и сводчика, и автора агиологических статей; руководствуясь главным образом этим, мы были бы склонны допустить, что рассказ о крещении киевлян, сообщение о добродетелях Владимира и посмертная похвала ему извлечены составителем Древнейшего свода из отдельного сказания. Нас останавливают, однако, некоторые сомнения: отдельные элементы, вошедшие в рассказ о Владимире, могли быть заимствованы составителем Древнейшего свода из других известных ему статей, нами уже рассмотренных. Так, похвала Владимиру вводится в текст одинаково с похвалой Ольге; там мы читаем: «сей похорони блаженую Ольгу. Си бысть предтекущая хръстьянсть земли»; здесь: «схраниша тѣло его съ плачьмъ блаженаго кнѣзя. Съ есть новѣй Костѣнтинъ великого Рима». Так, в описании крещения киевлян читаем: «И бяше си видѣти радость на небеси и на земли, толико душъ съпасаемыхъ; а дѣволъ стѣня глаголаше: увы мнѣ, яко отъсюда прогонимъ есмь! сде бо мнѣхъ жилище имѣти, яко сде не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуше Бога, но веселяхъся о

¹ Имя это Туры; доказательства см. в статье «Как назывался первый русский мученик» (Изв. ИАН. 1907. Май. Сер. 6).

службѣ ихъ, еже служажу мнѣ; и се уже побѣженъ есмь отъ невѣгласа, а не отъ апостолъ, ни отъ мученикъ, не имамъ уже царствовати въ странахъ сихъ». Этот отрывок стоит в тесной связи с тем, что помещено составителем Древнейшего свода выше из сказания о первых мучениках: «*дѣволъ* радовашеся сему, не вѣды, яко близъ погибель хотяше быти ему. Тако бо тѣшася погубити родъ хрестьяньскій, но *прогонимъ* быше хрестомъ честнымъ и в инѣхъ *странахъ*; *сде же* мняшеся оканьныи: яко *сде* ми естъ *жилище*, *сде бо не суть апостоли* учили, ни пророци прорекли... Аще и тѣломъ *апостоли* не суть сде были, но *ученья* ихъ аки трубы гласять по вселенѣи в церквахъ». Но можно ли наверное утверждать, что только что приведенное место составлено действительно летописцем? Возможно, что оно читалось уже в отдельном сказании о Владимире, автор которого, как видно из другого обстоятельства, мог пользоваться сказанием о мучениках-варягах непосредственно. Вероятно именно, что в связи с предполагаемым отдельным сказанием о Владимире стоит проложная статья о Владимире; в ней мы читаем: «И отътолѣ наречеса мѣсто то святое, идеже нынѣ церковь святую мученику Турова. И тѣ бысть первый ходатый нашему спасению»; в этих словах видим доказательство того, что составитель проложной статьи, или протографа этой статьи — отдельного сказания о Владимире, был знаком со статьей о первых мучениках в том виде ее, когда в ней еще читалось имя старшего варяга Турыя, опущенное в летописи.¹ Возможно, что составитель сказания о Владимире был знаком и со сказанием об Ольге; общее место в начале похвалы Ольге и Владимиру в приведенных выше летописных отрывках могло быть заимствовано составителем сказания о Владимире из сказания об Ольге. Склоняюсь к мысли, что действительно в распоряжении составителя Древнейшего свода находилась статья о Владимире или о крещении Руси, но возвожу к ней не приведенные выше отрывки, которые могли быть, как мы видели, составлены и летописцем, а то лирическое отступление от рассказа, которое находим в конце, после сообщения об отдаче детей в учение книжное. Отступление это начинается словами: «Симъ же раздаяномъ на учение кнѣгамъ». Оно в значительной части состоит из выписок из Священного Писания и требовало от составителя особого напряжения. Можно думать, что он имел в виду прославление не князя Владимира, а самого крещения Руси. Нельзя ли предположить существование статьи, специально посвященной прославлению дня крещения? Не из нее ли взят отмеченный отрывок, оканчивающийся словами: «иже прияли суть крещение и покаяние въ отъпущение грѣховъ, новии людие хрестияньстии, избѣрании Богъмъ»? Отмечу общее место между сообщением летописца о крещении, а также вызванным им кратким лирическим отступлением и тем обширным лирическим отступлением, которое читаем у него же ниже. Мы уже привели фразу «И бяше си видѣти радость на небеси и на земли,

¹ И дальше видим опять влияние сказания о первых мучениках на сказание о крещении Владимира: последний после крещения киевлян произносит молитву, в которой говорит между прочим: «и даждь имъ, Господи, увѣдѣти тебе, истиннаго Бога, якоже увѣдѣша страны хрестьяньскыя, утверди и в нихъ вѣру праву и несовратѣну и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да, надѣяся на тя и на твою державу, побѣждоу козни его». Дальше сообщается о построении Владимиром *церквей*. Ср. в сказании о мучениках: «Но ученья ихъ аки трубы гласять по вселенѣи в *церквахъ*, ихъже ученьемъ побѣждаемъ *противнаго врага*, попирающе подъ нозѣ, яко же попраста и си отѣника».

толико душъ съпасаемыхъ»; ср. ниже: «Колика ти радость! не единъ, ни дѣва съпасается... се же не единъ, ни дѣва, нѣ бесчисленное мѣножество къ Богу приступиша, святымъ крещениемъ просвѣщени»; слова «И бѣше си видѣти радость» представляются мне перифразомъ словъ «Колика ти радость», а это наводитъ на мысль, что первая фраза составлена летописцемъ на основаніи второй фразы, составленной другимъ лицомъ. Итакъ, заканчиваю настоящие рассужденія следующимъ предположеніемъ: въ распоряженіи составителя Древнейшаго свода была статья о крещеніи Руси; онъ заимствовалъ изъ нее отрывокъ, читающійся после словъ «Симъ же раздаяномъ на учение кѣнигамъ»; остальной рассказъ о крещеніи Владимира (насколько онъ не повторялъ въ той части, гдѣ говорится объ обращеніи Владимира, болгарскаго своего источника) составленъ самимъ летописцемъ.

Въ пользу такого предположенія приведу еще следующее. Философско-лирическое отступленіе, нами рассматриваемое, состоитъ изъ текстовъ Священнаго Писанія; мѣстами эти тексты переделаны для приуроченія ихъ къ 1-му лицу множественнаго числа, отъ имени котораго ведутся эти рассужденія. Ср. «въ родъ и родъ въсхвалимъ» вместо «родъ и родъ въсхвалить», ниже «исповѣдающесея» въ Псалмѣ 135 вместо «исповѣдайтесь» и т. д. Уже эта переделка наводитъ на мысль о самостоятельности рассматриваемаго отрывка, независимости его отъ летописи. Но, кроме того, вместо «имже приведеніе обрѣтохомъ вѣроу въ благодать сию, въ немже хвалимся и стоимъ» (Римл. V, 2) въ Древнейшемъ сводѣ, судя по Ипатьевской летописи, читалось: «имже приведеніе отбѣтохомъ вѣроу въ благодать сию кѣнзя нашего Володимера, *имже* хвалимся и стоимъ» (остальные списки опустили «кѣнзя нашего Володимера», но сохранили «имже»). Въ этомъ чтеніи вижу указаніе на то, что сказаніе о крещеніи Руси, отрывокъ изъ котораго попалъ въ летопись, составлено еще во времена Владимира.

§ 259. Пятымъ письменнымъ источникомъ была *грамота, данная Владиміромъ церкви Св. Богородицы*; этой грамотой Владиміръ закрепілъ за церковь десятину отъ своего именія и отъ своихъ городовъ. Выписки изъ нее, приведенныя въ сообщеніи объ окончаніи церкви, доказываютъ пользованіе ею со стороны летописца; возможно, что онъ заимствовалъ эти выписки и изъ проложной статьи (12 мая), если только допустить, что уже во времена Ярослава прологъ пополнялся русскими статьями.

§ 260. Перехожу къ вопросу о шестомъ письменномъ источникѣ Древнейшаго свода, *сказаніи о святыхъ Борисѣ и Глебѣ*. Рассказъ объ убиеніи ихъ имѣетъ въ летописи все признаки отдельнаго агиологическаго сочиненія; въ уста Бориса вложены подходящія псалмы и молитвы; смерть Глеба вызываетъ лирическое восклицаніе, заимствованное изъ псалма; дѣйствія Святополка жестко осуждаются; вопреки хронологической послѣдовательности сообщается о перенесеніи тела Глебова къ Вышгородской церкви еще до побѣды Ярослава надъ Святополкомъ. Вопросъ сводится поэтому къ тому, составлено ли это сочиненіе самимъ летописцемъ, или онъ нашелъ его уже въ готовомъ видѣ? При решеніи этого вопроса надо имѣть въ виду, что рассказъ объ убиеніи Бориса и Глеба самымъ тѣснымъ образомъ сплетается и съ предшествующими, и съ послѣдующими летописными данными. Объ отсутствіи Бориса во время смерти Владимира сказано летописцемъ выше, до рассказа о послѣдующихъ событіяхъ, приведшихъ къ трагической развязкѣ; желаніе Святополка скрыть смерть отца, его переговоры съ

вышегородцами в ту самую ночь, когда бояре перевезли тело Владимирово в церковь Св. Богородицы, — это все факты, которые придется возвести к агиологическому сочинению, посвященному св. Борису и Глебу, как скоро мы не допустим того, что оно само составлено летописцем. Все последовавшее за убиением святых братьев поставлено в тесную и прямую связь с ним: Ярослав идет на Святополка с целью отомстить за пролитую кровь праведных; Святополкова гибель свидетельствует о небесной каре, постигшей Святополка при жизни и уготованной ему по смерти, — словом, и все исторические события приняли под пером летописца такую окраску, которая затрудняет отделение исторических (летописных) элементов от агиографических. Нам приходится допустить: или что в агиографическом сочинении о Борисе и Глебе уже теснейшим образом были слиты оба эти элемента, или что слитие их произошло под пером летописца, и продумавшего, и изобразившего их в одном связном целом. Я останавливаюсь на втором предположении потому, что оно менее сложно, чем первое: работа летописца у нас перед глазами; между тем не имеем достаточного основания допустить существование агиологического сочинения, посвященного Борису и Глебу и вмещавшего в себе исторические факты, летописные данные. Не забудем, что дело идет о святых князьях, что прославление их было важно не только для церкви, но и для правящего князя (в данном случае для Ярослава); не забудем, что этому князю отведена видная роль в рассказе, причем он оказывается отместником за святых, он является орудием Божьей кары окаянному Святополку. Таким образом, составление сказания о Борисе и Глебе должно было иметь во времена Ярослава прежде всего характер политической работы; приняться за такую приличествовало вполне летописцу. Вот почему я отождествляю составителя Древнейшего свода с составителем сказания об убиении Бориса и Глеба.

Но меня останавливает одно кажущееся сначала незначительным обстоятельство. В описании битвы на Альте читаем: «Бѣ же пятѣкъ тѣгда». Мы видели выше, что в 6527 (1019) г. 24 июля приходилось на пятницу, и это побудило нас признать, что 24 июля было, собственно, днем победы Ярослава над Святополком; в честь этой победы была выстроена церковь на Летском поле; ко дню 24 июля приурочена уже только впоследствии кончина Борисова. Вероятно ли, чтобы летописец, сообщив о том, что Летская победа случилась в пятницу, умолчал бы о том, что это было 24 июля, если бы он узнал о дне этой победы из устных расспросов, из воспоминаний, скажем, участников битвы? Не признавая этого вероятным, я заключаю, что указание на пяток (24 июля) извлечено летописцем из письменного источника; он опустил 24 июля так же, как, говоря о кончине Ольги, опустил 11 июля, а рассказывая о мученичестве варягов, не дал дня 12 июля. Следовательно, о Летской битве в распоряжении летописца было письменное сообщение. Этот вывод наводит на следующее соображение. Впервые празднование памяти св. Бориса и Глеба установлено в начале Ярославова княжения при архиепископе Иоанне, который освятил в этот день новую церковь в Вышегороде, выстроенную во имя Бориса и Глеба вместо сгоревшей церкви Св. Василия; перед тем совершились два чуда над мощами святых братьев, извлеченными из земли и поставленными в срубе (клетке), воздвигнутом на месте сгоревшей церкви Св. Василия; 24 июля, одновременно с освящением церкви во имя Св. Бориса и Гле-

ба, были перенесены их мощи из сруба в эту церковь.¹ Все эти события, в связи со случившимся того же 24 июля во время литургии третьим чудом, побудили причет Вышегородской церкви составить первую запись о чудесах святых братьев, причем в эту же запись было включено сообщение о первом перенесении мощей Бориса и Глеба; трудно усомниться в том, что записи этой предшествовало и краткое сообщение о том, как попали мощи сначала Бориса, потом Глеба в Вышегород; следовательно, она упоминала об убиении их нанятыми Святополком убийцами. Равным образом запись говорила и о низложении Святополка, о поражении его Ярославом в битве на Альте, случившейся в пяток 24 июля, а также, вероятно, и о построении храма на месте этой битвы. Но все это, как можно думать, излагалось весьма кратко и вне той общей исторической оправы, которую сумел дать заимствованному из нее рассказу составитель Древнейшего свода. Итак, предполагаем, что в распоряжении его находилось не сказание о Борисе и Глебе, а краткая запись Вышегородской церкви об их убиении, погребении, обретении мощей, прославлении и об их чудесах. Не нахожу вероятным, чтобы в этой записи содержалось много фактического; так, даже имена убийц Борисовых вряд ли возводятся к Вышегородской записи; сомневаюсь, чтобы запись вообще подчеркивала убиение Бориса вышегородцами; это заимствовано, скорее, из местных преданий киевских, находивших себе противовес в преданиях вышегородских, которые объясняли нахождение Борисова тела в Вышегороде тем, что его отвергли киевляне.² Летописец не только придал агиологический характер своему повествованию, он обогатил его и историческими фактами; об этом ясно свидетельствуют описания битвы у Любеча и Волыни, в которых решался спор между Ярославом и Святополком.

3

§ 261. Народные предания могли быть известны составителю Древнейшего свода как в форме исторических песен и былин, так и в форме прозаических рассказов. Определить форму того или иного восстанавливаемого по Древнейшему своду предания невозможно. Считаем нужным выделить в особую группу те благочестивые легенды, которые уже во времена Ярослава стали складываться вокруг памяти св. Бориса и Глеба. Перечислим народные предания, занесенные в Древнейший свод.

Предание о Кие, Щеке, Хориве и сестре их Лыбеди сообщало о них, что они основали Киев. Возникновение предания едва ли не обязано этимологии географических названий, как, впрочем, это подчеркивается и самим изложением его у летописца: имя Щека извлечено из урочища Щековица, Хорива — из урочища Хоривица, имя Лыбеди — из названия речки, протекающей близ Киева. Ограничивалось ли предание одним сообщением о существовании этих братьев, основавших Киев, или пе-

¹ «И уставиша праздникъ праздновати мѣсяца иулия въ 24, въ нь же день убиень прѣблагенны Борисъ; въ тѣ же день и церкви священа и пренесена быста святая». Сказание о чудесах по списку Успенского собора XII в. (См.: Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971. С. 17—23, 61. — *Примеч. сост.*)

² Подобное предание занесено в Тверской сборник: «И привезше на Днѣпръ, вложиша его (Бориса) въ лодію, и приплувше съ нимъ подъ Кієвъ; Кіане же не пріаша его, но отпехнуша прочь. И привезше тѣло его тай, положиша у церкви святаго Василя, въ Вышегородѣ, въ землю погребоша».

редавало о них еще что-нибудь, неясно. Из ПВЛ мы знаем, что существовал рассказ о том, будто Кий был перевозчиком через Днепр, но этому рассказу составитель ПВЛ противопоставляет предание, по которому Кий ходил к Царьграду и там был принят с почестью царем греческим. Если мы правильно восстановили текст Древнейшего свода, возведя к нему фразу «И по сихъ братии държати почаша родъ ихъ къняжение въ Поляхъ», то оказалось бы, что Аскольд и Дир по представлению составителя этого свода были потомками Кия или его братьев. Таким образом, Кий, Щек и Хорив были в представлении составителя Древнейшего свода не только основателями Киева, но и родоначальниками старого княжеского рода, истребленного Олегом.

Об Аскольде и Дире составитель Древнейшего свода ничего не мог сообщить, кроме того, что давало *предание о завладении Киева Олегом*. Об Олеге существовало несколько народных преданий; он характеризовался в них как вещий князь; здесь была отмечена та хитрость, при помощи которой он убил Аскольда и Дира и сел в Киеве. Указание на погребение Аскольда и Дира на горе свидетельствует, по-видимому, о том, что и составителю Древнейшего свода известна была могила, которую составитель Начального свода определял ближе как могилу Аскольдову, на горе, называвшейся «Угорское» (ср. § 206⁴). Трудно сомневаться в том, что народное предание отмечало северное происхождение Олега; весьма вероятно, что оно называло его варяжским князем, пришедшим из заморья через Новгород.

Предание о походе Олега на Царьград принадлежало к особому циклу сказаний о походах русских на Царьград; к тому же циклу относились отмеченное выше предание о походе Кия на Царьград, а также позднейшие предания о походе на Царьград княгини Ольги. Вещий Олег подступает к Царьграду на колесницах, снабженных парусами; результат победы Олеговой обычный — это обильная дань в пользу князя и дружины; предание определяло и размер дани: 12 гривен на человека.

Предание о смерти Олега от укуса змеи осталось в Древнейшем своде совсем неразработанным. Составитель Древнейшего свода в противоположность позднему летописцу не знает, что Олег умер в Киеве и похоронен на Щековице; по его данным, Олег отправился через Новгород за море и там умер от укуса змеи.

Предание об убиении Игоря древлянами было известно составителю Древнейшего свода в довольно обстоятельном виде. Игорь был киевским князем; он, как и другие киевские князья, вел войны с древлянами и угличами (ср. выше замечание о том, что такие войны велись еще старыми князьями, происходившими от Кия и его братии). И древляне и угличи были покорены Игорем, но он отдал управление над ними воеводе своему Свенельду. Это обогатило Свенельда и его дружину и возбудило ропот Игоревой дружины. Игорь двинулся на Деревскую землю, но в схватке с древлянами был убит Мстишей, сыном Свенельда. Предание об этом событии было, как кажется, широко распространено в Киеве. Как мы видели, оно оживлялось упоминанием о популярных в памяти народной лицах: о Свенельде и сыне его Мстиславе Лютом, умели рассказать еще кое-что другое, но, кроме того, предание связывало этого Мстислава с личностью популярнейшего князя Владимира; Мстиша был дедом Владимира по матери (Малфреди) и отцом известного Добрыни. Древнейший свод умалчивает, впрочем, об этом родстве; мы узнаем о нем из Новгородского свода (§ 219¹² и сл.).

Предание об убиении Игоря стояло в тесной связи с *преданием* о последовавшем затем *походе Ольги и Святослава против древлян*. Это предание изложено в бледных очертаниях, но упоминает о первом ударе копьем со стороны малолетнего Святослава и называет Асмуда воеводой и кормильцем Святослава. Баснословные предания о мести Ольги древлянам составитель Древнейшего свода не решился включить с свой труд.

Предание о войнах Святослава представлены в Древнейшем своде в весьма скудных обрывках. Как кажется, народная память не сохранила воспоминаний о далеких походах Святослава на болгар и греков, но отчетливо помнила о его походах на восток; впрочем, весьма бледно изложено Древнейшим сводом разрушение Козарского царства, более обстоятельно рассказано о покорении вятичей. Присоединение к Киеву родственных славянских племен — эта благодарная тема охотно разрабатывалась народными преданиями; мы видели в преданиях об Игоре рассказы о покорении им древлян и угличей, имя Святослава связано с покорением вятичей. Далекие походы Святослава, не дававшие видимых, осязательных результатов в глазах современников, были скоро забыты потомством, но в потомство перешел тот ропот, который вызывал смелый князь в киевлянах, видевших от своего князя разорение, ущерб земле и людям. Этот ропот, как кажется, вылился в форме особого *предания о том, как Киев едва не был взят печенегами в отсутствие Святослава*. Древнейший свод представил это предание в весьма неполном виде; гораздо обстоятельнее оно изложено в Начальном своде и ПВЛ (§ 85). Из этого более полного изложения явствует, что народное предание полагало при этом Святослава не на западе, в Переяславце, а где-нибудь на востоке (§ 84). Приурочение предания к походам Святослава против болгар принадлежит догадке составителя Древнейшего свода. Главное обвинение киевлян против Святослава формулируется ими в словах: «ты, кнѣже, чужѣя земля ищѣши (и блюдеши),¹ а своѣя охабивъ». Как указано в § 90, сходная с этими словами надпись была сделана, по сообщению позднейших сводов, на черепе убитого печенегами Святослава. Это дает основание думать, что народное предание самую гибель Святослава ставило в связь (и справедливо) с его непокойным нравом и его ошибками. Возможно, что о гибели Святослава от печенегов, предводительствуемых Курей, имелось особое народное предание, правильно приуроченное составителем Древнейшего свода (под влиянием болгарского источника) к возвращению Святослава из Болгарии. Но предание это было поставлено в связь с преданием о том, как печенеги едва не взяли Киева.

§ 262. *Предания о распрях между Святославичами* представлены в Древнейшем своде в значительной разработке. Два главных момента — убийство Олега Ярополком и убийство Ярополка Владимиром — стоят в известной связи между собой: Владимир мстит за брата и движением против Ярополка спасает себя. Нельзя не видеть известной аналогии между событиями после смерти Святослава и событиями после смерти Владимира. После смерти Святослава Ярополк убивает Олега; Владимир, сидевший в Новгороде, обращается за помощью к варягам и овладевает Киевом, причем Ярополк теряет жизнь. После смерти Владимира Ярополк убивает братьев Бориса, Глеба и Святослава; Ярослав, сидевший

¹ Заключенное в скобки, быть может, вставлено составителем Древнейшего свода, сообщившим перед этим, что Святослав сел, «кнѣжа», в Переяславце.

в Новгороде, обращается за помощью к варягам и овладевает Киевом, причем Святополк теряет жизнь. Эта аналогия обращает на себя не только наше внимание; ее, конечно, заметили и современники. И подобно тому как наличность двух походов польских Болеславов, восставших в 1018 г. на киевском столе Святополка, а в 1069 г. — Изяслава, имела следствием, что подробности, относящиеся к походу 1069 г., переносились в рассказ о походе 1018 г., так же возможно допустить, что события 1015—1019 гг., насколько они были известны летописцу, давали окраску его рассказу о событиях 977—978 гг. Эти соображения заставляют меня отнестись с некоторою осторожностью к тому развитию, которое дано летописцем преданию о распре между Святославичами; не все в его рассказе соответствовало преданию, кое-какие черты и даже факты могли быть включены в него из событий, более близких к летописцу и лучше им исследованных, — из истории борьбы между Святополком и Ярославом. Останавливаюсь на двух особенностях рассказа о распре Святославичей.

Во-первых, перед нами выдвигается личность Ярополкова воеводы Блуда с чертами предателя и изменника: по рассказу Древнейшего свода (потерпевшему изменению в Начальном своде благодаря влиянию особой версии о Люте Свенельдиче), Блуд возбудил Ярополка против Олега и стал таким образом начальником братоубийственной вражды; тот же Блуд предал Ярополка Владимиру. Оставляя в стороне вопрос, соответствовало ли все это действительности,¹ или, по крайней мере, точно ли при этом передается народное предание. Обращаю внимание на те философско-лирические отступления, которые вызывает в летописце поведение Блуда: после изменнического согласия Блуда на предложения Владимира, сделанные при посредстве подосланных посредников, летописец восклицает: «О, злая лесьть челоувѣческа! Якоже Давыдъ глаголетъ...» (и далее следуют выписки из псалмов); затем читаем резкое осуждение изменяющих князьям своим или господам слуг; они, по словам летописца, *хуже бѣсовъ*; заключает свои рассуждения летописец замечанием, что Блуд, предавший своего князя, был повинен в его крови. Это неожиданное философско-лирическое отступление, пожалуй, даже не совсем уместное в изображении той языческой среды, где произошли описываемые события, сильно напоминает подобные же отступления в рассказе об убиении Бориса и Глеба, где летописец выступает с длинными обличениями против Святополка, где летописец обличает и окаянных убийц Борисовых, Святополковых слуг, сравнивая их с бесами («сици бо слугы бѣси бывають... золь бо челоувѣкъ, тѣсая на злое, *хужи естъ бѣса*»). Заключаю из этого, что летописец, изображая борьбу Владимира с Ярополком, чувствовал, что она кое в чем напоминала борьбу Ярослава со Святополком; это поднимало его чувство до такого же философско-лирического подъема, какое оно получало при изображении Святополка. В результате ему удалось изобразить две яркие фигуры, олицетворявшие зло в разных его проявлениях, — фигуры, приковывавшие на себе внимание потомства: предателя Блуда и братоубийцы Святополка.²

¹ Не забудем, что Новгородская летопись в рассказе о сражении при Любече говорила о том, что в стане Святополка был муж в приязнь Ярославу и что победа Ярослава явилась следствием тайных сношений с ним.

² Ср. Степенную книгу, Сказание о Мамаевом побоище и др.

Во-вторых, я обращаю внимание на любопытный рассказ летописца о наемных варягах, предъявивших к Владимиру большие требования после взятия Киева: «се градъ нашъ, — объявили они, — мы прияхомъ ѿ, да хочемъ имати окупъ на нихъ, по 2 гривнѣ отъ челоуѣка». Владимир уговорил их ждать месяц, пока не соберут им денег; когда варяги по истечении месяца увидели, что Владимир их обманул, они отпросились в Царьград. Владимир отпустил их, но послал предупредить царя: «се идуть к тебѣ Варязи, не мози ихъ держати въ градъ; оли то сътворять ти зло, яко и сде, но расточи я разнѣ, а сѣмо не пушай ни единого». Это первый рассказ в Древнейшем своде, который я затруднился бы возвести к народному преданию (или к старшему письменному памятнику). О поступке Владимира с варягами не могла, конечно, сложиться былина, а если она и сложилась бы, то не могла бы сохранить той весьма характерной подробности, каковою является предупреждение, посланное Владимиром к греческому царю. Можно, конечно, допустить, что рассказ основан на припоминаниях, но странно, что в нем не сохранилось тех черт, которые могли бы запечатлеться у киевлян особенно резко, — что в нем не говорится, что же именно совершили варяги в Киеве, кроме выраженной ими Владимиру угрозы взять с киевлян окуп, а между тем Владимир предупреждает греческого царя о том, что варяги могут совершить в Царьграде такое же зло, как и здесь. Ввиду сомнений, возбуждаемых этим рассказом, я предполагаю, что летописец перенес на 978 г. событие, имевшее на самом деле место в 1017 г. Ярослав победил Святополка при Любече при помощи варягов, составлявших по расчету новгородского летописца четвертую часть всего Ярославова войска: варягов было 1000, а новгородцев — 3000. Тот же летописец рассказал о насилиях, творившихся этими варягами в Новгороде в 1015 г., и о возмущении, вызванном этими их насилиями. Не повторились ли подобные насилия и в Киеве по взятии его Ярославом? До нас дошло ясное свидетельство Титмара Мерзебургского о разорении и пожаре Киева в 1017 г.; древнейшая летопись, по-видимому, также сообщала о пожаре в Киеве, повредившем и Св. Богородицу Десятинную. Не были ли эти пожары следствием бесчинства варягов в завоеванном городе? И не побудили ли Ярослава эти их бесчинства отправить их в Грецию с должным предупреждением византийского императора, с которым русский княжеский дом состоял в родственных отношениях? В пользу признания рассказа о Владимировых варягах, перенесенным литературным путем из событий 1017 г., говорит еще и отмеченное выше обстоятельство: летописец умолчал, в чем же состояло зло, содеянное варягами Киеву; варяги в 1017 г. сожгли Киев, пожгли его церкви; упоминание о церквях было бы неуместно в рассказе, относящемся ко временам Владимира.

После этих замечаний, имеющих целью показать, во-первых, что фигура Блуда изображена несколько сгущенными красками, во-вторых, что эпизод с варягами вставлен летописцем в рассказ о событиях 978 г. произвольно, я нахожу возможным возвести все остальное повествование о распри Святославичей и вокняжении Владимира к народным преданиям. Предание помнило о том, что Владимир стоял между Дорогожичем и Капичем; летописец подтверждал его тем, что ров, которым окопался при этом Владимир, виден был и «до сего дня»; предание передавало об осаде Ярополка в Родне; летописец подтверждал его ссылкой на современную ему пословицу: «бѣда аки въ Роднѣ». По мнению лето-

писца, пословица эта сложилась оттого, что осажденные в Родне терпели сильный голод, но, быть может, первоначальный смысл пословицы был иной: он намекал на распрю между братьями и исходил из созвучия слов «Родня» и «родня».¹ Предание помнило еще об оставшемся верным Ярополку некоем Варяжке; Варяжко бежал к печенегам и мстил Владимиру неоднократными набегами с печенежскою ратью; с трудом привлек его к себе Владимир, «заходивъ к нему ротъ»; весьма вероятно, что народное предание гораздо обстоятельнее, чем летописец, сообщало о Варяжке и его войнах с Владимиром.²

§ 263. Популярный князь киевский Владимир, и теперь еще воспеваемый в народных былинах, стал весьма рано центральной личностью в том дружинном эпосе, который складывался в X—XI вв. в Киеве. Едва ли не главной заслугой Владимира в глазах русских людей было объединение им под своею властью всех восточнославянских племен.³ Народное предание приписывало ему покорение вятичей, радимичей, хорватов; им же покорена Ятвяжская земля; он воевал с ляхами и взял у них Червенские города; он победил болгар дунайских; все эти походы воспевались, по-видимому, в былинах, которые стали рано переносить на Владимира подвиги предшествовавших ему князей. Так, о покорении вятичей другие народные предания говорили как о деле Святослава; утверждать на основании летописи, что при Владимире вятичи захотели сложить с себя ярмо, надетое на них Святославом, и что их пришлось поэтому покорить вновь, мы конечно, не будем. Но главная борьба шла во времена Владимира со степью, с печенегами, постоянно тревожившими русские пределы; отдельные эпизоды этой борьбы запечатлелись в памяти народной в виде ярких картин, подобных тем, что изобразил составитель ПВЛ, рассказавший о единоборстве отрока Переяслава с печенежином и об осаде печенегами Белгорода. Составитель Древнейшего свода воспользовался *преданиями о войнах Владимира* и на основании их составил сообщения о походах против ляхов, вятичей, ятвягов, радимичей, болгар, хорватов. О войнах с печенегами он сообщил лишь в общих чертах, упомянув, впрочем, об одном из походов Владимировых к порогам.

Предания о пирах Владимира, о которых повествуют и современные нам былины, использованы летописцем в характеристике Владимировой, данной им в конце рассказа о его княжении. В летописном сборнике, именуемом Летописцем Переяславля Суздальского* и восходящем по времени своего составления к XIV в., вставлены некоторые подробности об обильных яствах, подававшихся на этих пирах; можно думать, что слава о них воспевалась и во времена Ярослава.

В повествовании о событиях после Владимира я не вижу указаний на пользование былинами или историческими песнями. События эти были для летописца недавнего происхождения; они не успели еще при-

¹ Ср. эту пословицу в более полном виде в Ермолинской летописи: «бѣда аки в Роднѣ; брать брата убиль». В Переяславском летописце читаем: «без хлѣба, в Роднѣ».

² Ср. в Переяславском летописце слова, обращенные Варяжком к Блуду: «всякъ милостникъ подобень есть зміи запазушнѣй».

³ В Слове о законе и благодати читаем: «и единодержечъ сии бысть в земли своей, покоривъ подъ ся округня страны, овы миромъ, а непокоривыя мечемъ».

* Современное издание: ПСРЛ. Т. 41. Летописец Переяславля Суздальского (Летописец русских царей). М., 1995. Шахматов в тексте и ссылках называет его Переяславским летописцем. — *Примеч. сост.*

нять легендарной окраски, и рассказ о них, быть может местами неточный и даже сказочный, основывался на припоминаниях современников.

§ 264. Впрочем, в сказании о Борисе и Глебе видим зачатки слагавшейся уже вскоре после первого прославления этих князей легенды. Как отмечено выше, в Киеве приписывали убийство любимого князя Бориса вышгородцам; легенда сохранила имена убийц и подробности убийства. В рассказе об убийстве Глеба опять находим имена убийц. Про Святослава сказанию известно, что он настигнут убийцами в горе Угорской. О Святополке сообщается в ярких выражениях, какую злою он умер смертью, где он испустил свой дух; могилу эту знают «и до сего дьне», из нее исходит злой смрад. Все эти подробности ведут к предположению о существовании *легенды об убийстве Бориса и Глеба* еще во времена Ярослава.

Духовную легенду порождает сплошь и рядом постройка нового храма или часовни. Одна из подобных легенд восходит еще ко времени Владимира; она связана с построением в Василеве церкви Св. Преображения. *Легенда о построении этой церкви* сообщает об обете, данном Владимиром во время одной из неудачных битв с печенегами, когда Владимиру пришлось скрываться под мостом; вероятно, из этой же легенды заимствован рассказ о пиршестве, сопровождавшем освящение нового храма. *Легенда о построении Св. Богородицы Десятинной* сохранила воспоминание о походе Владимира на Корсунь; поход был предпринят с прямою целью добыть священников, священные книги и сосуды, необходимые для новопросвещенной страны; Владимир идет, следовательно, на Корсунь уже по принятии христианства; вот почему он находит помощь со стороны священника корсунского Анастаса; этого самого Анастаса вместе с попами корсунскими Владимир привозит с собой в Киев, им он поручает выстроенную после похода церковь Св. Богородицы; Анастаса он делает распорядителем десятины; церковь украшается иконами, сосудами и крестами, взятыми в Корсуне. Некоторые соображения побудили меня признать, что легенда эта составителем Древнейшего свода использована не вполне; к ней вернулся впоследствии составитель Начального свода, но в конце XI в. она успела принять уже совершенно иной характер; она преобразовалась в Корсунскую легенду, повествовавшую, вопреки летописи, что самое крещение Владимир принял в Корсуне. Таким образом, в дошедшем до нас летописном тексте имеются заимствования и из более древней легенды о создании церкви Богородицы Корсунской и из более новой легенды о крещении Владимира в Корсуне; различить эти заимствования не так легко, и, быть может, кое-что в восстановленном нами тексте может показаться произвольным. В частности отметим, что сообщение об украшении Владимиром Св. Богородицы иконами, сосудами и крестами, взятыми в Корсуне, мы не включили в текст Древнейшего свода потому, что об этом в Начальном своде (и ПВЛ) читается при известии об основании Св. Богородицы, между тем Древнейший свод говорил об окончании этой церкви ниже, через несколько лет; это побудило меня исключить и сообщение о взятии Владимиром из Корсуни Анастаса, корсунских попов, мощей Климента и Фива, сосудов и икон, тем более что глагол «поемь», относящийся и к царевне, и ко всему перечисленному, мог быть употреблен первоначально именно в отношении к одной царевне (взяв в замужество).

§ 265. Припоминания в тексте Древнейшего свода едва ли переходят время Ярослава. Нас поражает незначительное количество событий из княжения Владимира. После сообщения о походе на хорватов, отнесенном на 6500 г., и до 6523 г. летописец не дал ни одного факта, если исключим сообщение об окончании Богородицы Десятиной, рассказ об основании церкви Св. Преображения и некоторые данные в характеристике Владимира. Это доказывает, что, углубившись во времена Владимира, летописец основывался на более или менее готовых материалах (письменных источниках, народных преданиях в виде песен и былин, духовных легенд); частичных припоминаний мы для этого времени у него не находим. Напротив, начиная с 6523 г., с сообщения о смерти Владимира, многое в тексте Древнейшего свода нельзя понять иначе, как результат припоминания со стороны летописца или тех старых людей, к которым обращались его расспросы. Оставив в стороне рассказ об убийстве Бориса и Глеба как породившем уже во время летописца духовные легенды, переходим к событиям, связанным с борьбой Ярослава со Святополком. Описание Любечской битвы — это первое в летописи обстоятельное описание сражения; отмечено расположение войсковой и другой стороны, указаны топографические данные, сообщены данные хронологические (войска стояли друг против друга три месяца), отмечен непосредственный повод к битве, установлена причина поражения Святополка: все это ведет нас к рассказам очевидцев, к их припоминаниям. Под 6525 г. говорится о пожаре в Киеве; конечно, о нем не сообщали ни былины, ни легенды, но о нем помнили в Киеве. Под 6526 г. подробно описано сражение Ярослава с Болеславом Лядским у Воляны; в конце статьи сообщено, что Болеслав отобрал себе Червенские города, и это, конечно, основано на припоминаниях. Под 6528 г. читаем первое в летописях наших известие о рождении князя:¹ в этом году родился сын Ярослава Владимир. О рождении первенца Ярослава Илии, родившегося и умершего в Новгороде, летописец не знает, не помнит. Под 6532 г. описывается Лиственская битва; упоминание Якуна, носившего золотую луду, не делает рассказа об этой битве сказочным, ибо подробность о том, что на поле битвы была найдена оставленная бежавшим Якуном золотая луда, могла принадлежать показанию очевидца, участника сражения. Под 6534 г. сообщено о первом мирном договоре между князьями, он состоялся в Городце между Ярославом и Мстиславом. Под 6536 г. находим первое русское известие о небесном знамении, в данном случае о комете.² Под 6544 г. читаем о болезни и смерти Мстислава, о поездке Ярослава в Новгород; летописец помнит, что в это время у Ярослава родился сын Вячеслав;³ в это же время на Киев напали печенеги; Ярослав поспел на выручку города; сражение произошло на том месте, где стоит ныне Св. София, митрополия Русская, «бѣ бо тогда поле внѣ града». Все это основано на припоминаниях, и едва ли отдаленных.

¹ Известие 6450 (952) г. о рождении Святослава в Ипатьевской и других летописях, конечно, позднейшего происхождения.

² Известие 6419 (911) г. о комете заимствовано из греческого источника.

³ Любопытно, что под 6528, 6532, 6535, 6538 гг., сообщая о рождении сыновей Ярослава, летописец прибавляет: «и нарече ему» такое-то имя; «нарече» потому, что они рождались не в отсутствие Ярослава; говоря о рождении Вячеслава, летописец пишет: «и нарекоша имя ему Вячеслав»; Вячеслав родился в отсутствие Ярослава.

§ 266. В рассказе о временах Ярослава Древнейший свод не отвел места для народных преданий: он весь, как мы видели, основан на припоминаниях. Зато предшествующие эпохи не могли быть изложены составителем Древнейшего свода иначе, как при помощи известных элементов сочинительства, спаивавшего письменные и устные его источники, комментировавшего и исправлявшего их. Под сочинительством разумею не одну выдумку, вымысел, но также комбинирование данных, восстановление по ним и по современной действительности событий и положений прошедшего времени.

Так, путем комбинации различных данных летописец сочинил ту переходную фразу, которая после рассказа о начале Киева позволила ему перейти к преданию о появлении в Киеве Олега. Олег — князь варяжский, он пришел из Новгорода; в Новгороде варяги сели путем насилий, путем порабощения словен, сидевших в Новгороде; варяги покорили себе не одних словен, но также и кривичей и мерю — словом, весь славянский север. В этих утверждениях летописца видим отголоски и народных преданий, и следы его умозаключений, и обобщение по аналогии; в этих утверждениях, как мы видели, скрыто сознание летописца о тождестве правивших на юге и на севере общественных элементов, русских и варягов. Подобно тому как имя полян и других племен поглощено именем руси, так же точно словене новгородские прозвались варягами; эти самые варяги, перейдя в Киев, и именно прежде всего они (а не покоренные ими поляне), назвались русью. Строки, где составитель говорит о покорении севера варягами, тесно связаны с последующим его утверждением о том, что Олеговы варяги прозвались русью, причем Олег стал ставить города и уставлять дани.

Летописец следит за образованием и ростом Русской земли; он отмечает с большою последовательностью постепенный ход объединения тех земель, которые в его время находились под рукой Ярослава. Ко временам Олега он относит покорение русскому владычеству, исходившему из Киева, из земли полян, — кривичей, мери и словен новгородских, которых называет варягами; Игорь покорил угличей и древлян; Ольга и Святослав довершили покорение древлян; Святослав покорил вятичей; Владимир довершил покорение вятичей; он покорил еще радимичей и хорватов, отобрал у ляхов Червенские города и присоединил к своим владениям землю ятвягов. Границы Русской земли вызывают в летописце живое представление; он отдает себе отчет о том, где сидят упоминаемые им племена: вятичей он знает на юге, на пути из Приднепровья к нижнему Поволжью; угличи сидят между Бугом и Днестром; этому противоречило, однако, народное предание, сообщавшее об осаде Игорем в течение трех лет угличского города Пересечена; Пересечен находится на нижнем течении Днепра; летописец устраняет противоречие указанием на то, что раньше угличи сидели восточнее, вниз по Днепру, и что в теперешние их жительства они перешли позже. Заговорив о радимичах, летописец вспомнил предание об их ляхском происхождении и сообщил о том, что в теперешние их жительства они перешли из Ляшской земли. Комментируя сообщение письменного источника об уставлении Ольгой земли, летописец подтверждает его известием о том, что становища и ловища и перевесища Ольги имеются по Днепру и Десне и что село ее, Ольжицы, известно и доселе; но выше

землей, уставленную княгиней Ольгой, он назвал Деревскую. Не служит ли это доказательством того, что под Деревскою землею разумелась им и земля северян, сидевших по Десне?

Летописец был человеком бывалым; кроме Киева он был знаком и с другими местностями Русской земли; это доказывает и его замечание о жителях угличей, и указание на село Ольжичи, и утверждение о том, что Игорева могила находится у Искоростеня, а Ольгова — у Вручьего и до сего дни. Описывая гибель Святослава и комбинируя показания источников, летописец догадывается, что он провел зиму в Белобережье. Для оживления своего рассказа летописец пользуется и топографическими данными Киева: он вспоминает о рве между Дорогожищем и Капичем, когда говорит об осаде Киева Владимиром, говорит о погребении Аскольда и Дира на Угорском, указывает, что Ольга была погребена у града Киева.

Неясное в событиях давнопрошедших восстанавливается летописцем по аналогии позднейших событий. Примером этого, как мы видели, служит рассказ об удалении Владимиром наемных варягов из Киева. Время Владимира, привлекавшее на себя все внимание летописца, с трудом восстанавливалось им по источникам. Приходилось прибегать к сочинительству. Особенно удачно надо признать сцену, изображающую испытание вер Владимиром, к которому приходят миссионеры различных вероучений; по-видимому, о прибытии миссионеров говорил и болгарский источник летописца, описывавший крещение Бориса, но у нашего летописца это описание получило самостоятельное развитие. Им сочинены диалоги между Владимиром и миссионерами, что доказывается, как мы видели (§ 104), между прочим, теми речами, которые вложены летописцем в уста латинских миссионеров; одна из фраз в этих речах заимствована из сказания о варягах-мучениках; разговор с евреями передает одно место из обличительной Речи философа. Сочиненные летописцем диалоги указывают на знакомство его и с магометанами, и с иудеями; о внешних обрядах их он имел известное представление.

Мы оканчиваем свои заметки об источниках и составе Древнейшего свода. Конечно, вопрос заслуживал бы более подробной разработки, но ей уместнее появиться после проверки критикой тех приемов и результатов, к которым пришло настоящее исследование при восстановлении текста Древнейшего свода.

ГЛАВА XIX

О ДРЕВНЕМ НОВГОРОДСКОМ СВОДЕ И ПРЕДШЕСТВОВАВШЕЙ ЕМУ НОВГОРОДСКОЙ ЛЕТОПИСИ

1

§ 267. Предыдущее исследование (главы VII—XI) доказало существование такого Новгородского летописного свода, которым пользовался в качестве источника составитель Начального свода, работавший в Киеве около 1095 г. При этом мы получили указание на следующую характер-

ную особенность этого Новгородского свода; в основание его положен Древнейший Киевский свод, более или менее им исчерпанный и дополненный вставками новгородских статей и известий; за последним известием этого основного источника начинается ряд самостоятельных статей и известий новгородского происхождения; последним же известием, заимствованным из основного источника, было сообщение о построении Ярославом Св. Софии, митрополии Русской (мы видели, что Древнейший свод оканчивался именно этим сообщением). Мы привели и приведем еще раз два доказательства, на которых основано наше утверждение: во-первых, в Древнем Новгородском своде, насколько он восстанавливается по Синодальному списку Новгородской 1-й летописи, а также по своду 1448 г. (Софийский 1-й и Новгородский 4-й), вслед за названием 6525 г., т. е. за годом вступления Ярослава на стол киевский,¹ был помещен краткий перечень событий Ярославова княжения, начиная с победы Ярослава над Брячиславом и кончая сообщением о построении им митрополии Русской в Киеве; за этим перечнем шли известия новгородского происхождения с явным нарушением хронологической последовательности, ибо первым таким известием было сообщение о заточении Ярославом посадника Константина Добрынича, случившемся, по-видимому, не очень долго после 6525 г., т. е. года вступления на киевский стол Ярослава. Во-вторых, начиная с только что указанного новгородского сообщения о судьбе посадника Константина, отношение восстанавливаемого Новгородского свода к Киевскому (в частности, к Начальному Киевскому) своду резко изменяется; до этого сообщения Новгородский свод основывался на Киевском (а именно на Древнейшем Киевском своде), начиная с него в Новгородском своде не оказывается ни одного известия киевского происхождения: общие Новгородскому своду и Начальному своду (ПВЛ) статьи оказываются заимствованными Начальным Киевским сводом из его новгородского источника.

Как же понять установленную нами характерную особенность того Древнего Новгородского свода, который восстанавливается по названным выше позднейшим новгородским сводам, с одной стороны, по ПВЛ — с другой? Думаю, что в этой особенности Новгородского свода сказалась прежде всего история его составления. В нем явным образом слиты два источника: во-первых, своя Новгородская летопись, во-вторых, Древнейший Киевский свод. Это особенно ясно и из той статьи, где рассказывается о событиях 6525 г. (года вступления Ярослава на киевский стол); сначала читаем новгородское описание битвы, в которой Ярослав одержал решительную победу над Святополком и после которой сел в Киеве; далее сообщены вкратце события Ярославова княжения, до построения киевской Св. Софии включительно, а затем читаем «Костянтинъ же бяше тѣгда Новѣгородѣ, и разгнѣвася на нь Ярославъ»; ясно, что это новгородское известие читалось некогда непосредственно за новгородскую статью о победе Ярослава над Святополком и о его вокняжении в Киеве. Следовательно, в Новгороде, до появления в нем исследуемого нами свода, существовала своя местная *летопись*; исследуемый же *свод* произошел из соединения этой местной летописи с текстом Древнейшего Киевского свода.

¹ Ярослав вошел в Киев, по-видимому, поздней осенью 6524 г. (мартовского и январского).

§ 268. Ближайшей задачей нашей является определение состава той Новгородской летописи, которая вошла в соединение с текстом Древнейшего Киевского свода, но предварительно исследуем те данные, которые позволили бы нам заключить, когда именно произошло указанное соединение. Составитель Древнего Новгородского свода в начале своего труда относился к основному своему источнику, Древнейшему Киевскому своду, по-видимому, несколько иначе, чем в конце, где, как мы видели, сводчик самым решительным образом сократил его; в начале Древнего Новгородского свода текст Древнейшего Киевского свода был передан довольно полно, что видно из того, что весьма многие статьи этого свода были дополнены новгородскими данными. Такое неодинаковое отношение к основному источнику — Киевскому своду — со стороны составителя Древнего Новгородского свода, сначала (до Ярослава) передача его текста полностью, а потом сокращение его, имело последствием подобный же неравномерный состав позднейших новгородских сводов: история Синодального списка доказывает, что в начале его был довольно подробно изложен текст ПВЛ, между тем как начиная с 6525 г. этот текст подвергся решительному сокращению. Передавая текст Древнейшего Киевского свода в начале (до Ярослава) полностью и дополняя его известиями новгородскими, составитель Древнего Новгородского свода вряд ли являлся при этом простым компилятором, соединявшим с текстом основного своего источника текст источников новгородских. Сомневаюсь, чтобы Новгородская летопись, бывшая в его распоряжении, давала обильные данные для древнейших эпох; предположение, что данные этой летописи начинались поздно, — скажем, со времен Ярослава или, что, как увидим, вероятнее, со времени новгородского крещения, — может объяснить нам, почему составитель Древнего Новгородского свода почти совсем забросил свой основной (киевский) источник только с 6525 г. и обратился тогда исключительно к источнику новгородскому — к Новгородской летописи; эта летопись до 6525 г. своею неполнотою, скудостью своих данных не могла сравниться с киевским источником. Итак, дополняя, а местами комментируя текст Древнейшего Киевского свода, составитель Древнего Новгородского свода действовал не как компилятор, а как исследователь исторических данных и собиратель народных преданий.

§ 268¹. Рассматривая труд составителя Древнего Новгородского свода с этой точки зрения, мы останавливаемся на следующем внесенном им добавлении в соответствующий текст Древнейшего Киевского свода. В этом последнем читалось: «Сии же Ольгъ нача грады ставити и устави дани Варягомъ и Кривичемъ и Мери». Как мы видели выше (§ 201, 206⁷ и 206⁹), фраза эта в Древнем Новгородском своде была изложена так: «Сии же Ольгъ нача грады ставити и устави дани *Словѣномъ*, Варягомъ и Кривичемъ и Мери, а *отъ Новагорода 300 гривѣнь на лѣто мира дѣля, еже и нынѣ даютъ*».

Высказанные в указанных параграфах соображения показали, что мы из фразы «а отъ Новагорода 300 гривѣнь на лѣто мира дѣля, еже и нынѣ даютъ», — фразы, читавшейся в Древнем Новгородском своде, — не можем извлечь прямого указания на то, когда же именно она написана и что означает в ней слово «нынѣ»; дань уплачивалась Новгородом киевскому князю и позже; поэтому Новгородский свод 1167 г., включивший эту фразу в свой состав, оставил ее без изменения. Но из того обстоятельства, что составитель Начального Киевского свода изменил

слова «еже и нынѣ дають» на «еже до смерти Ярославѣ даяше Варягомъ», мы заключили, что киевский летописец конца XI в. под «нынѣ» своего новгородского источника разумел время до смерти Ярослава. Мы не можем отвергать законности и основательности такого понимания составителя Начального свода и предполагаем поэтому, что, по его мнению, тот Древний Новгородский свод, который он использовал в своем труде, был составлен во время Ярослава. И это мнение составителя Начального свода мы отвергнуть не можем. Признаем, что действительно Древний Новгородский свод составлен до смерти Ярослава, причем это было так или иначе выражено в нем, например, в предисловии или послесловии составителя. Правда, составитель Начального свода заимствовал из новгородского своего источника и известия после смерти Ярослава, например известие 6571 (1063) г. об обратном течении Волхова, но тем не менее он имел основание думать, что этот новгородский источник Древнего Новгородского свода (в основной части своей) был составлен до кончины Ярослава. Мы последуем за составителем Начального свода и признаем, что Древний Новгородский свод — тот самый свод, где текст Древнейшего Киевского свода вошел в соединении с текстом Новгородской летописи, — составлен до кончины Ярослава.

§ 269. Это наше заключение находит себе подтверждение в содержании и характере новгородских записей, восходящих ко времени до Ярославовой кончины: сообщение о пожаре новгородской Св. Софии содержит точную дату события (обозначен не только день, но и время дня, когда случился пожар: 4 марта, в субботу — после заутрени в 3-м часу), указан день освящения каменной Св. Софии, указан день смерти жены Ярослава (похороненной в Св. Софии), указан день смерти князя новгородского Владимира, положенного также в Св. Софии. Таким образом, до 1054 г. Древний Новгородский свод содержал четыре точных хронологических определения: под 6557 (1049), 6558 (1050) и 6560 (1052) гг.; вспомним, что в Древнейшем Киевском своде (доведенном до 1039 г.) не содержалось ни одной точной даты и что первые точные даты появляются только в Продолжении к Древнейшему своду (день смерти Ярослава 1054 г. и день победы половцев над Всеволодом 1061 г.); обилие точных дат в Новгородском своде можно понять только при допущении, что он сам составлен или что летопись, положенная в его основание, велась в те годы, к которым относятся эти точные даты; напротив, скудость известий и отсутствие дат в киевской летописи за соответствующее время можно объяснить только тем, что она в 40-х и 50-х гг. совсем не велась в Киеве.

§ 270. До 6557 г. мы в Древнем Новгородском своде не найдем точных дат. Но это не мешает нам предположить, что летопись велась в Новгороде и до 1049 г.; велась она, по-видимому, иным лицом и иными приемами, чем записи 6557—6560 гг., но современность ее описываемым в ней событиям явствует из ее содержания.

2

§ 271. Изучение восстановленного нами текста Древнего Новгородского свода, помещенного ниже в Приложении, показывает, что первую достоверную и вместе с тем самостоятельную новгородскую записью было сообщение о крещении Новгорода епископом Иоакимом в 6497 г.; сообщение это очень кратко: «Прииде Новугороду епископъ Іоакимъ

Кърсунянинъ и требища разруши и Перуна постъче»; далее следовали сообщения о поставлении Иоакимом церкви во имя Иоакима и Анны и о закладке им церкви Св. Софии о тринадцати верхах; рассказ о свержении Перуна в Волхов, которого отринул шестом Питъблянин, я считаю позднейшею прибавкою, так же как эпизод с брошенною Перуном на Великий мост палицей. Решительно ничто не доказывает, чтобы эта запись была современна событию; напротив, ее краткость и неопределенность свидетельствуют о появлении ее спустя много лет после 6497 г. Вслед за нею читаем о посадении Владимиром в Новгороде Вышеслава; «умъръшю же Вышеславу, посадиша Ярослава Новѣгородѣ». Оба эти известия я возвожу к Новгородской *летописи* (источнику Древнего Новгородского свода) по следующим основаниям: во-первых, к ней восходит следующая статья, описывающая начало и причину столкновения Ярослава с киевским князем; столкновение возникло на почве финансовых отношений; Ярослав не стал давать Киеву установленной дани: «так о даяху вѣси кѣнязи Новѣгородѣстии, а Ярославъ сего не даяше отъцю своему»; я читаю: «даяху *вѣси кѣнязи*», как в Комиссионном и прочих списках Новгородской 1-й, а не «даяху *посадъници*», как в Лаврентьевском и др.; заключаю отсюда, что Новгородская летопись знала о князьях новгородских, предшествовавших Ярославу; имея в виду, что до нас дошли сведения только о двух таких князьях — Владимире и Вышеславе, думаю, что Новгородская летопись сообщала, во всяком случае, и о Вышеславе. Во-вторых, обращаю внимание на 3-е лицо множественного числа «посадиша»; возможно, что Ярослав был приглашен на стол самими новгородцами¹ и что «посадиша» относится к предполагаемому «людие Новѣгородѣстии» (ср. § 202); но для нас важно установить связь этого 3-го лица множественного числа с таким же грамматическим лицом в следующей статье новгородского происхождения: «а тысящю Новѣгородѣ гридьмъ раздаваху»; раздавали опять-таки «людие Новѣгородѣстии»; признав статью новгородскою, мы должны признать новгородским и известие о посадении Ярослава на стол новгородский. Трудно сомневаться в том, что оба известия о Вышеславе и Ярославе не имеют самостоятельного значения и должны быть признаны переходом к следующей статье.

§ 272. Эта статья, начинающаяся словами «Ярославу же сущю Новѣгородѣ и урокѣмъ Киеву дающю дѣвѣ тысящи гривнѣ отъ года до года, а тысящю Новѣгородѣ гридьмъ раздаваху», представляет обстоятельный рассказ о новгородских событиях перед кончиной Владимира и о дальнейших событиях, приведших Ярослава на киевский стол. Не сомневаясь в ее новгородском происхождении, веду ее к письменному источнику Древнего Новгородского свода, каковым, согласно предыдущему, была особая Новгородская летопись. Доказательство этому вижу в самом начале статьи. Противоречия, в ней содержащегося, не могло быть в первоначальной редакции, или прямее — противоречие в начале статьи доказывает, что она извлечена из письменного источника и приложена составителем Древнего Новгородского свода к предыдущему рассказу. Противоречие заключается в том, что сначала говорится о том, что Ярослав давал Киеву установленную дань, а затем, что он этой дани не

¹ В таком случае, рассказ о приглашении на стол князя Владимира, вставленный составителем Новгородского свода, мы могли бы признать сочиненным под влиянием этого позднейшего события.

давал («Ярославу... дающею Киеву... а Ярославъ не даяше Киеву отцю своему»); «не даяше» нельзя понимать как не стал давать (было бы «поча не даяти»); впрочем, и такое понимание не устранило бы противоречия, так как выше рассказ вводит сообщение о том, что Ярослав дает, а не давал раньше Киеву дань. Далее, самый оборот с дательным самостоятельным представляется явною вставкою сводчика, желавшего соединить статью своего новгородского источника с предшествующим текстом; нельзя же допустить, чтобы первоначальный рассказ мог начинаться словами: «Въ то время, какъ Ярославъ былъ въ Новгородъ и уплачивалъ установленную ежегодную дань Киеву въ двѣ тысячи гривень, а тысячу раздавали гридямъ въ Новгородъ, такъ давали всѣ Новгородскіе князья, а Ярославъ этого не давалъ въ Киевъ отцу своему». Итак, интересующая нас статья не была составлена новгородским сводчиком, а была вставлена им в свой труд и подверглась при этом некоторой с его стороны переделке. Ввиду фразы «а тысящу Новѣгородъ гридѣмъ раздаваху» представляется вероятным, что в первоначальном своем виде, в Новгородской летописи, статья начиналась словами: «Тѣгда же Новѣгородѣстии людие даяху Киеву двѣ тысячи гривень отъ года до года, а тысящу Новѣгородъ гридѣмъ раздаваху; тако даяху вѣси кѣнззи Новѣгородѣстии, а Ярославъ сего не даяше Киеву отцю своему». Слова эти читались непосредственно за «умьрьшю же Вышеславу, посадиша Ярослава Новѣгородъ». Из смысла их следует, что Ярослав вообще не соглашался уплачивать дани Киеву; не видно, чтобы он сначала платил, а потом прекратил уплату дани. Следовательно, возможно, что Ярослав, посаженный на новгородский стол самими новгородцами (но, конечно, с согласия Владимира), прекратил уплату дани, опираясь на свою связь с призвавшим его населением. Этому противоречит как будто то обстоятельство, что ниже читаем о том, что Ярослав сидел в Новгороде 28 лет; выходило бы, что Ярослав надумал отказаться от киевской дани только на 26-й или 25-й год своего княжения, но сообщение о 28 годах Ярославова княжения в Новгороде представляется мне сочиненным составителем Древнего Новгородского свода на основании тех хронологических дат, которые им самим установлены; вокняжение Ярослава в Новгороде попало под 6497 г. вслед за известием о крещении Новгорода, а вокняжение его в Киеве отнесено на 6525 г. Между тем из Новгородской летописи, скорее, вытекало заключение, что Ярослав, посаженный новгородцами на стол, тут же заявил о прекращении уплаты киевской дани.

§ 273. Переходим к изложению содержания статьи, подлежащей нашему исследованию, насколько она может быть восстановлена для Новгородской летописи.

Владимир, узнав о решении Ярослава, хотел пойти на Новгород войною. Ярослав послал за море и пригласил варягов. Владимир, не успев исполнить своего намерения, скончался. Варяги (очевидно, тяготившиеся бездействием) производили в Новгороде насилия над гражданами. Последние, воспользовавшись отсутствием Ярослава, бывшего в пригородном селе Ракоме, избили варягов. Вернувшись в город, Ярослав жестоко отомстил новгородцам: заманив к себе виновников избиения варягов, он всех их умертвил; убито было до тысячи славных воинов, а другие бежали из города. В ту же ночь Ярослав узнал от приехавшего из Киева вестника о смерти отца, вокняжении Святополка и избиении им братьев. Он поспешил примириться с новгородцами. Ярослав собрал 4000 воинов (1000 варягов и 3000 новгородцев) и пошел на Святополка.

Отмечу еще раз обстоятельность рассказа, хорошую осведомленность рассказчика. Правда, события, в нем описанные, были настолько ярки и важны по своим последствиям, положение Новгорода и Ярослава настолько было полно драматизма, что все это могло неизгладимыми чертами врезаться в память народную, но сомнительно, чтобы можно было надолго запомнить такие подробности, как «Поромонь дворъ», где были избиты варяги, пребывание Ярослава в Ракоме, созыв Ярославом вече для примирения с новгородцами на поле (новгородцы, опасаясь новой мести Ярослава, не согласились бы собраться в городе). Такие подробности свидетельствуют о том, что запись сделана в то время, когда живы были современники и участники этих событий.

§ 274. Какое же продолжение в Новгородской *летописи* имела рассматриваемая статья? В Новгородском *своде* за ней помещено было описание Любечской битвы, но описание это восходит, несомненно, к Киевскому своду; это доказывается, во-первых, тем, что оно полностью передается и в ПВЛ (в ней, а быть может, еще в Начальном свode опущено только имя воеводы Святополкова, Волчий Хвост, едва ли не для согласования со статьей 6492 г., где Волчий Хвост назван воеводой Владимира), во-вторых, тем, что Новгородская 1-я летопись ясно свидетельствует о том, что из двух сообщений ее о Любечской битве (в статье 6524 г.) одно (первое) должно восходить (путем свoda 1167 г.) к ПВЛ. К Киевскому же своду восходит в Новгородском свode и указание на то, что разбитый Святополк бежал в ляхи, а Ярослав сел «на столъ отни и дѣдни». Правда, за этим последним указанием читалось в Новгородском свode: «Бѣ же тѣгда Ярославъ Новѣгородѣ лѣтъ 28»; это указание принадлежит новгородскому сводчику, но, как мы видели, его не могло быть в Новгородской летописи. Предполагаю, что затем в Новгородском свode сообщалось о посажении в Новгороде Константина Добрынича и затем о рождении у Ярослава сына Ильи, посажении его в Новгороде и его смерти; все это в Новгородской летописи читалось, по-видимому, ниже. За этими новгородскими вставками Новгородский *свод* передавал по ПВЛ о поражении Ярослава Святополком, пришедшим на Русь в союзе с Болеславом. Весьма сомнительно, чтобы об этом поражении сообщала Новгородская *летопись*. Поэтому непонятно, как могло попасть в этот свод следующее за тем несомненно новгородское сообщение: «Ярославу же прибѣгъшю Новугороду, и хотяше бѣжати за море, и посадникъ Костянтинъ съ Новѣгородьци расѣкоша лодий Ярославль, рекуще: „хощемъ ся и еще бити съ Болеславъмъ и Святопѣлкъмъ“. Начаша скоть събирати отъ мужа по 4 куны, а отъ старость по 10 гривнѣ, а отъ бояръ по 18 гривнѣ; и приведоша Варягы и въдаша имъ скоть». Возможно, что это сообщение сочинено составителем Новгородского свoda, но как мог он решиться дать подробное исчисление произведенных новгородцами сборов? Возможно, что это сообщение все-таки восходит к Новгородской *летописи*, хотя оно и читалось в ней не в том соединении, что в Новгородском *своде*.

Рассмотренная нами выше статья Новгородской летописи представлялась бы нам непонятною, если бы она оканчивалась в первоначальной своей редакции так же, как оканчивается теперь в редакциях позднейших, т. е. словами: «И събѣра вои 4000: Варягъ бѣшетъ тысяща, а Новѣгородьць 3000». Только что выше летописец сообщил об избииении варягов новгородцами, а новгородцев Ярославом. Как же мог Ярослав после такого избииения собрать 1000 варягов? Как мог он решиться пе-

рейти в наступление, полагаясь на остатки избитой дружины, когда раньше для оборонительной борьбы с отцом счел необходимым прибегнуть к найму варягов? Кроме того, содействие новгородцев, к которым обратился Ярослав, оказывается совершенно пассивным; после возгласа «можемъ по тобѣ бороти» содействие это выражается только в том, что они не препятствуют Ярославу набирать войско. Не имея возможности восстановить события и действия в их реальной действительности, мы, однако, вправе были бы ждать, что рассказчик внесет в них больше внутренней связи, сообщит о них с большею живостью. За приведенным возгласом новгородцев мы хотим прочесть об энергичном участии их в сборах Ярослава, хотим видеть их в активной роли. В такой роли изображает их Новгородский *свод* в дальнейшем своем рассказе, когда разбитый Болеславом Ярослав появился в Новгороде и хотел бежать за море, но думаю, что Новгородская *летопись* в этой активной роли выставила новгородцев после сообщения о тяжелой драме, разыгравшейся в Новгороде в смутные июльские дни. За словами «можемъ по тобѣ бороти» в Новгородской *летописи* следовало: «И начаша скоть събирати отъ мужа... и приведоша Варягы и въдаша имъ скоть». Кроме приведенных уже соображений, в пользу такого предположения говорит еще следующее: во-первых, эти слова — «И начаша скоть събирати... и въдаша имъ скоть» — читаются за словами, сходными с вышеприведенною фразою: «можемъ по тобѣ бороти», а именно за словами «хощемъ ся и еще бити съ Болеславъмъ и съ Святополкъмъ»; эти последние слова явно присочинены именно составителем Новгородского свода, так как ни из его собственного рассказа, ни из ПВЛ не видно, чтобы новгородцы участвовали в битве при Волини, в которой Болеслав победил Ярослава. Во-вторых, сочиненность речей, вложенных сводчиком в уста новгородцев, дает основание признать сочиненною и предшествующую им подробность, «и посадникъ Костянтинъ съ Новъгородъци расъкоша лодить Ярославль»; и действительно, не слишком ли шаржирован рассказ новгородского сводчика? Новгородцы могли удержать Ярослава, прибежавшего в Новгород сам-четвёрт, и не прибегая к порче лодок, в которых он хотел ехать за море.¹ В-третьих, сообщение о денежных сборах новгородцев стоит в тесной связи с сообщением о денежном вознаграждении, полученном новгородцами от Ярослава, когда он сел на киевский стол; это вознаграждение, согласно новгородским источникам (Новгородской 1-й летописи), было выдано им после Любечской битвы; следовательно, вероятно, что и денежные сборы были произведены новгородцами перед этой битвой, т. е. перед первым выступлением Ярослава против Святополка. В-четвертых, укажем еще на соображения хронологические: Новгородский *свод*, а за ним и Начальный свод (ПВЛ) изображают события с такой поспешностью, которая ведет к недоумениям и требует объяснений; узнав о смерти Владимира и избииении братьев, Ярослав примиряется с новгородцами, собирает войско и идет на Святополка; из хода рассказа видно, что поход имел место в том же 6523 (1015) г., когда умер Владимир: поэтому мы и читаем в ПВЛ о встрече Ярослава со Святополком у Любеча под 6523 г. Между тем Любечская битва имела место не в 6523 (1015) г., а в 6524 (1016) г., и притом позднюю осень, когда начинались уже морозы и когда озеро около Любеча уже замерзло; это видно из той же ПВЛ, которая, однако, не

¹ Ср. поступок новгородцев перед битвой при Любече: «отъринуша лодия отъ берега».

дает объяснения, как могла наступить осень 1016 г. после трехмесячного стояния Святополкова и Ярославова войска друг против друга, — стояния, начавшегося осенью 1015 г.¹ Следовательно, поход Ярослава должен быть отнесен на 6524 (1016) г.; сборы Ярослава, если они начались даже в сентябре 6523 (1015) г. после убийства Глебова, заняли, таким образом, несколько месяцев; в течение их мог быть произведен указанный денежный сбор в Новгороде и могли быть наняты варяги за морем. Об этом и сообщала Новгородская летопись, помещавшая за словами новгородцев «можемъ ся по тобѣ бороти» приведенный выше отрывок: «И начаша скоть събирати... и въдаша имъ скоть»; Новгородский свод выпустил этот отрывок для того, чтобы передать его ниже; в результате — события представились в ускоренном темпе; немедленно за примирением с новгородцами Ярослав собирает войско и движется с ним против Святополка.

§ 275. Итак, отвечая на вопрос, что же следовало в Новгородской летописи за рассмотренною выше статьей, утверждаем, что — отрывок с сообщением о денежных сборах новгородцев и приглашении варягов. Затем следовало: Святополк «изиде противу его къ Любичю, и съде ту на поли съ мѣножьствѣмъ вои», — вот слова, попавшие из этой летописи в Новгородский свод и читающиеся, например, в Новгородской 1-й летописи уже под влиянием ПВЛ (через посредство свода 1167 г.) в несколько ином соединении, а именно перед *киевским* описанием Любечской битвы.² Новгородская летопись давала иное описание Любечской битвы, чем Киевская. Новгородское описание сохранилось в Новгородской 1-й летописи непосредственно за киевским описанием (не

¹ В ПВЛ читаем под 6523 г.: «и изыде противу ему к Любичю обѣ онъ полъ Днѣпра, а Ярославъ обѣ сю. Начало княженья Ярослава Киевѣ. В лѣто 6524. Приде Ярославъ на Святополка, и стаща противу оба полы Днѣпра, и не смяху ни си онѣхъ, ни они сихъ начати, и стояща мѣсяць 3 противу собѣ».

² Те же слова, точнее первую половину их, находим и в ПВЛ (Начальном своде) в конце статьи 6523 (1015) г.: «и изыде противу ему к Любичю». Думаю, что Начальный свод заимствовал их из Новгородского свода. Соответствующее место представляется испорченным в дошедших списках ПВЛ. В Радзивилловском и Ипатьевском читаем: «и пристрой бес числа вои, Руси и Печенѣгъ, и изыде противу ему к Любичю обѣ онъ полъ Днѣпра, а Ярославъ обѣсю», — в Лаврентьевском: «пристрой бещисла вои онъ полъ Днѣпра, а Ярославъ обѣсю». Объясняя себе такой пропуск в Лаврентьевском тем, что опущенная механически фраза (после слова «вои») оканчивалась словом «вои», и предполагаю поэтому, что первоначальный текст ПВЛ читался так: «и пристрой бес числа вои, Руси и Печенѣгъ, и изыде противу ему к Любичю и ста съ вои обѣ ону страну Днѣпра, а Ярославъ обѣсю». Затем «обѣ ону страну» заменено «обѣ онъ полъ» под влиянием следующей статьи 6524 г. В Лаврентьевском «Руси и Печенѣгъ... и ста съ вои» опущено механически. В общем источнике Ипатьевского и Радзивилловского «и ста съ вои» опущено под влиянием следующей статьи 6524 г., где читается: «и стаща противу оба полы Днѣпра». В Древнейшем своде, источнике Начального свода, не читалось «и изыде противу ему к Любичю»; это видно, во-первых, из того, что указание на место, где стоял Святополк, читалось ниже, в рассказе о самом сражении между Ярославом и Святополком; действительно, в ПВЛ за словами «и сступишася на мѣстѣ» явный пропуск (ср. в статье 6544 г.: «и сступишася на мѣстѣ, идеже стоитъ нынѣ святая Софѣя, митрополя Русьская»); во-вторых, из того, что точное определение «изыде к Любичю» не вполне согласуется с неопределенностью дальнейшего указания «обѣ онъ полъ Днѣпра». Но в Древнейшем своде не читалось и это неопределенное указание. Думаю, что непосредственно за словами «и изыде противу ему к Любичю» в нем следовало: «и стаща противу оба полы Днѣпра». Переделка Начального свода зависела частью от вставки слов «и изыде противу ему к Любичю», частью от необходимости вставки 6524 г. для отнесения к нему Любечской битвы.

оконченным, однако, списыванием), оно начинается словами: «И бяше Ярославу мужъ въ приязнь у Святопѣлка». Что это описание не представляется переделкой или распространением киевского описания (сохранившегося в ПВЛ), видно особенно из обстановки битвы. Новгородское описание не сообщает о перевозе войска Ярославом с правого берега на левый; битва происходит ночью и оканчивается до света («и до свѣта побѣдиша Святопѣлка»); между тем в киевском описании Ярослав на рассвете («противу свѣту») перевез войско, и битва происходила, следовательно, утром. Я уверен, что новгородское и киевское описания относятся к одной и той же битве; различия в них зависели от того, что впечатления, в них переданные, исходили из двух противных лагерей (и это несмотря, конечно, на то, что оба описания сочувственны Ярославу). За Любечской битвой сообщено в Новгородской летописи (и в Новгородском своде) о том, что Святополк бежал к печенегам, а Ярослав пошел в Киев и сел на отцовском столе. Благодарный новгородцам Ярослав щедро наделил их: старосты и смерды получили по десять гривен и по гривне, а каждый новгородец получил по десять гривен. Кроме того, отпуская новгородцев домой, Ярослав дал им «правду» и писаный «устав». Новгородская статья оканчивается словами: «и давъ имъ правду и уставъ съписахъ, тако рекъ имъ: по сеи грамотѣ ходите; якоже съписахъ вамъ, тако же държите».

§ 276. Из предыдущего видно, с какою обстоятельностью описаны были в Новгородской летописи события 1015—1016 гг. При разрешении вопроса о происхождении и времени возникновения этой записи необходимо иметь в виду следующие два обстоятельства. Во-первых, отмечаю ту положительную часть записи, которая самым ясным образом свидетельствует о том, что она не может быть отнесена на время, сколько-нибудь отдаленное от событий 1015—1016 гг.; мы говорили уже о таких подробностях, как указания на Поромонь двор, село Раком или определение размера денежных сборов на наем варягов; дополним это еще указанием на подробности в описании битвы Любечской: в нем приведены переговоры Ярослава с преданным ему в стане Святополка мужем, сообщены слова Ярослава, обращенные им к дружине. Во-вторых, останавливаясь на тех отрицательных соображениях, на которые наводит весь этот новгородский рассказ о событиях 1015—1016 гг.; в сущности, им дается весьма неполное освещение тех событий, которые связаны с вокняжением Ярослава в Киеве; летописец представляет дело так, что Ярослав упрочился на киевском столе после Любечской битвы; он умалчивает о последовавшем поражении его при Волыни и бегстве в Новгород; ничего не говорит о новой помощи, оказанной, как можно думать, новгородцами Ярославу, который в 1019 г. появляется вновь у Киева с приведенными, конечно, с севера войсками; Новгородская летопись как будто закрывает глаза на дальнейшие события; она совсем равнодушна к ним, ничего не желая знать ни о судьбе Киева, попавшего во власть ляхов, ни о последовавшем затем поражении Святополка, ни даже о судьбе окаянного братоубийцы,¹ против которого ополчились в 1016 г. новгородцы. Утверждаем это так решительно не только потому,

¹ Сведения о Святополке оканчиваются сообщением о том, что он бежал в печенеги; возможно, что после Любечской битвы Святополк действительно бежал сначала к своим союзникам, печенегам, и уже от них переправился в Польшу.

что дошедшие до нас новгородские своды не представляют ни одной соответствующей этим событиям статьи новгородского происхождения, и не потому, что восстанавливаемый нами Новгородский свод перенял киевские статьи о событиях 1016—1018 гг. для помещения их перед новгородским рассказом о Любечской битве (вследствие чего о Любечской битве явились два рассказа), а главным образом потому, что непосредственно за Любечской битвой в Новгородской летописи (по свидетельству всех новгородских сводов) сообщались события 6525-го и следующих годов в кратком изложении, основанном на тексте Киевского свода; ясно, что Новгородская летопись не представляла никаких известий для 6525-го и ближайших к нему годов.

Итак, видим напряженный интерес новгородского летописца именно к событиям 1015—1016 гг. Почему же интерес его упал после сообщения о Любечской битве и возвращении новгородцев восвояси? Мы дадим ответ на этот вопрос, видоизменив его: почему же новгородский летописец проявил такой интерес к событиям 1015—1016 гг.? Искал ли он в них сюжет для занимательного рассказа, интересовала ли его при этом деятельность Ярослава, учитывал ли он ту помощь, которую Новгород оказал своему князю? Сомневаюсь, не менее драматичными были и последующие события, например появление Ярослава сам-четвёрт в Новгороде после поражения при Волини; добывание киевского стола Ярославом продолжалось в еще более напряженных размерах в два последующих года; Новгород своею вторичною поддержкой заслужил еще большей благодарности потерявшего все на юге Ярослава. Эти соображения заставляют меня признать, что главной побудительной причиной для новгородца занести в летопись события 1015—1016 гг. было нечто иное; ему важно было закрепить вписанием в летопись тот «учредительный» акт, который даровал Новгороду Ярослав, провозжая в 1016 г. из Киева посадивших его на великое княжение новгородцев.

§ 277. Имеем полное основание думать, что Ярославова грамота была занесена в Новгородскую летопись и перешла оттуда в Новгородский свод XI в. Перед нами ясное свидетельство о том, что в Новгородском своде 1448 г. за словами «давъ имъ правду и уставъ, списавъ грамоту, рече: по сему ходите и держите, якоже списахъ вамъ», — словами, отнесенными в конец статьи 6527 (1019) г., читалась Русская Правда.¹ Текст Русской Правды был помещен в своде 1448 г. в такой редакции, которая могла возникнуть только во второй половине XI в. при сыновьях Ярослава; следовательно, этим текстом заменен другой памятник времен Ярослава, и ввиду того, что перед ним упомянута Ярославова грамота, признаем, что таким памятником в Новгородской летописи, и вероятно даже еще в Новгородском своде XI в., была эта самая грамота, опреде-

¹ Ср. Софийскую 1-ю летопись, где в Русской Правде присоединены еще Судебник царя Константина и проч.; Комиссионный и Академический списки Новгородской 1-й (распространившие в данном месте текст протографа Синодального списка по своду 1448 г.) поместили «Правду Русскую» за вышеприведенными словами, читающимися в конце статьи 6524 (1016) г. Отсюда заключаем, что в своде 1448 г., в статье 6527 (1019) г., читался тот самый текст Русской Правды, что в Комиссионном и Академическом списках, причем Софийская 1-я заменила его другим текстом с присоединением еще других статей, заимствованных из Приложения к своду 1448 г. Новгородская 4-я выпустила в статье 6527 г. текст Русской Правды, поместив заглавие ее (одно только заглавие) в самый конец статьи 6524 г. под влиянием Новгородской 1-й летописи. Ср. § 163.

лявшая те или иные вольности новгородские;¹ грамота эта (в числе других однородного содержания, ср. ниже § 279 и 282) хранилась в Новгороде как святыня; в 1230 г. Ярослав Всеволодич, призванный новгородцами «на всеи воли Новгородьстѣи», целовал св. Богородицу «на грамотахъ на всѣхъ Ярославлихъ»; в 1229 г. Михаил Всеволодич (Черниговский) целовал крест «на всѣи воли Новгородьстѣи и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ».

Вписывая в летопись важный политический акт, составитель летописи решил дать и историю его происхождения; история должна была показать, что акт Ярослава был не случайною его милостью, а заслужен новгородцами пролитую за Ярослава кровью и собранными для его дела деньгами.

§ 278. Предыдущее исследование приводит меня к следующему заключению. В 1017 г. новгородские власти во главе с посадником и епископом решили вписать Правду новгородскую (как, по-видимому, называлась Ярославова грамота) в летопись; исполнение этого решения принял на себя епископ Иоаким. Так возникла первая Новгородская летопись; она в начале сообщала кратко о крещении Новгорода прибывшим туда Иоакимом, поставлении им церквей, посажении Вышеслава, приглашении на стол Ярослава и затем подробно говорила о событиях 1015—1016 гг.; в конце была вписана Ярославова грамота.

3

§ 279. Появившаяся в 1017 г. при владычном дворе епископа Иоакима летопись не скоро нашла себе продолжение. Начавшаяся с учредительного акта 6524 (1016) г. политическая свобода Новгорода подверглась вскоре тяжелому испытанию. Можно догадываться, что Ярослав разгневался на новгородского посадника Константина Добрынича за то, что он, опираясь, вероятно, на новгородскую знать, предпринял те или иные шаги к расширению своей власти и ограничению власти князя. Заточение Константина в Муром, где он потом был казнен, не могло не отразиться на политическом настроении Новгорода; ничто не побуждало новгородцев закреплять на письме память о переживавшихся ими событиях. Подходящий для оживления оставленной летописи момент явился только в 1036 г., когда Ярослав, посадив на стол новгородский сына своего Владимира, дал новгородцам новую грамоту; судя по тому, что о ней говорит летопись («и людѣмъ написа грамоту, рекъ: по сеи грамотѣ дадите дань»), грамота Ярослава определяла размер дани, приходившейся с Новгорода в пользу Киева; быть может, именно тогда определилась цифра в 300 гривен, о которой (как о дани, установленной еще Олегом) сообщал позднейший новгородский сводчик. Размер этот значительно (в десять раз) ниже той дани, которую уплачивал Новгород при Владимире; возможно, что дань в пользу Киева была уменьшена Ярославом еще раньше, в 1017 г., но те или иные события, отголоском которых

¹ Думаю, что та же Ярославова грамота читалась и в Новгородском своде 1167 г.; заменена же она «Правдой Русской», по-видимому, при составлении общерусского свода 1423 г. в Москве, следовательно, по соображениям не литературным, а политическим. Новгородский свод 1448 г. следовал общерусскому своду 1423 г. В Синодальном № 792 XVI в. читаем: «дасть имъ *судебную* грамоту, почему имъ ходить». Конечно, это позднейший комментарий, основанный на том, что в оригинале названной летописи читалась Русская Правда. Некоторые позднейшие компиляции называют эту грамоту «пошлинною».

служит известие о заточении посадника Константина, заставили Ярослава дать вопросу о дани новое или более точное определение в 1036 г., одновременно с посадением в Новгороде Владимира Ярославича. Появление этой Ярославовой грамоты, в связи с прибытием в Новгород нового князя и нового епископа Луки (на место скончавшегося в 1030 г. Иоакима), вызвало в 1036 г. продолжение заброшенной с 1017 г. летописи.

§ 280. Продолжение к первой Новгородской летописи обнимало время приблизительно от 1020 до 1036 г. Первое известие, в нем записанное, много должно было говорить современникам, понимавшим ход и внутреннюю связь событий. «Костянтинь же бяше тогда Новѣгородѣ, и разгнѣвася на нь Ярославъ, и поточи ѿ Ростову; на третее лѣто повелѣ убити ѿ Муромѣ на Оцѣ рѣцѣ». Итак, вслед за грамотой Ярослава (1016 г.) оказывается вписанным известие о заточении Константина; между обеими статьями устанавливается внешняя связь, а быть может, между обоими событиями — выдачей Новгороду грамоты и заточением Константина — была и тесная внутренняя связь (ср. выше). Затем находим известия 6529 (1021), 6532 (1024), 6538 (1030) и 6540 (1032) гг.; наконец, под 6544 (1036) г. сообщается о посадении князя Владимира и епископа Луки и о даровании Ярославом грамоты. Рассматривая все эти статьи, видим, что главный интерес летописца сосредоточен на личности Ярослава; описываются деяния Ярослава, — новгородцы на заднем плане; три первых статьи 1021, 1034 и 1030 гг. соответствуют трем моментам прибытия или пребывания Ярослава в Новгороде (победа Ярослава над Брячиславом, взявшим Новгород и уведшим в плен его жителей; «Ярославу сущю Новѣгородѣ», в Суздале начинается мятеж и т. д.; Ярослав побеждает чужд и приходит в Новгород); равным образом статья 1036 г. сообщает о прибытии Ярослава в Новгород. Одна только статья 1032 г. о походе Улеба с новгородцами на Железные Врата составлена по другому поводу. Можно думать, что летописец, соображая, что именно вписать в летопись, для того чтобы довести ее до 6544 г., умышленно выбирал те годы, когда, по собранным им сведениям, Ярослав был в Новгороде. Ничто в записях этого летописца не обличает того, что они занесены на пергамен в самый момент описываемых событий, но, конечно, они составлены *современником*, через немного лет после того или иного события. Это доказывается обстоятельностью изложения: под 6529 г. указано, что Ярослав настиг Брячислава у реки Судомы на седьмой день (после выхода Брячислава из Новгорода),¹ приведены слова Ярослава, обращенные к Брячиславу (в сущности же — смысл состоявшегося между ними договора), названы города, уступленные Ярославом Брячиславу; под 6532 г. приведены подлинные выражения грамоты Ярослава, данной им Суздальской земле, взволнованной голодом и смуту, описана Лиственская битва, дано хронологическое определение битвы (осень, ночь), повторены слова Мтислава, сказанные им дружине. Что статья 6532 г. записана не в этом году, а спустя некоторое время, можно догадываться и из того, что в ней упомянуто о смерти Якуна. Судя по Печерскому патерику, Якун изгнал своих племянников, Фрианда и Шимона, по смерти брата своего Африкана; это

¹ Так следует, думается, понимать летописное сообщение: «И пришьдъшю ему къ Судомири рѣцѣ, Ярославъ слышавъ то и съвкупивъ воя многы, ис Киева въ седьмыи днь постиже и ту».

событие едва ли имело место раньше 1030 г. (года рождения Всеволода Ярославича, на службу к которому Ярослав определил прибывшего к нему после смерти Африкана Шимона).

§ 281. Особого рассмотрения заслуживают следующие заметки в статьях 6529 и 6538 гг. Под 6529 (1021) г. читаем: «И воеваше Брячиславъ съ Ярославъмъ вься дъни живота своего»; эта заметка составлена не ранее 1044 г., когда умер Брячислав, поэтому ставлю ее на счет позднейшего сводчика, а не составителя летописи, который в 1036 г. внес запись о нападении Брячислава на Новгород и примирении его с Ярославом. Под 6538 (1030) г. находим: «И прииде (Ярослав) Новугороду. И събъра отъ старость и поповъ дѣтии 300 учить кѣнигамъ. И преставися епископъ Іоакимъ, и бѣаше ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше». Последних слов никак нельзя приписать летописцу 1036 г.; в них ясно сказывается припоминание о времени отдаленном, давно протекшем; отношу поэтому и их на счет новгородского сводчика, работавшего, как увидим, в 1050 г., т. е. через 20 лет после сообщенного в статье 6538 г. события; если летописцу было в 1050 г. лет 30—35, он мог быть в числе набранных по распоряжению Ярослава в 1030 г. детей. Отмечу еще, что слова «и бѣаше ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше» и самым смыслом своим, и тем положением, которое они занимают в статье 6538 г., явно обнаруживают, что они вставлены в летописный текст позже. Во-первых, что значит: «и бѣаше ученикъ его Ефремъ»? Ввиду того что эти слова читаются после слов «И преставися епископъ Іоакимъ», исследователи предполагали, что Ефрем стал заместителем Іоакима,¹ но такое предположение не оправдывается ни глагольной формой «бѣаше», составляющей со следующим «ученикъ» сказуемое к имени Ефрем, ни дальнейшим определением Ефрема словами «иже ны учаше». Слова «иже ны учаше» теснейшим образом связаны с предыдущим «И събъра отъ старость и поповъ дѣтии 300 учить кѣнигамъ», поэтому конец статьи 6538 г. я перевел бы так: «И скончался епископ Іоаким; и Ефрем, который учил нас, был его учеником». Ввиду этого я признаю вставкой, сделанною сводчиком 1050 г., и фразу «И събъра отъ старость и поповъ дѣтии 300 учить кѣнигамъ». Первоначальный текст летописи (1036 г.) ограничивался словами: «И прииде Новугороду. И преставися епископъ Іоакимъ». Составитель свода 1050 г. заключил свои припоминания, относящиеся к этому году, в двух фразах: после первой фразы летописи он сообщил о том, что Ярослав учредил в этом году в Новгороде училище, а после второй фразы летописи сводчик сообщил имя главного руководителя и учителя этой первой новгородской школы. Считаю нелишним отметить, что мысль включить это свое личное припоминание в летописный свод могла быть дана сводчику Древнейшим летописным сводом, сообщавшим о Владимире, как он «нача поимати у *нарочитоѹ чади* ² дѣти и даяти нача на учение кѣнижное».

§ 282. Статья 6544 (1036) г., которою заканчивалась Новгородская летопись, вряд ли дошла до нас в первоначальном виде. Если мы верно

¹ Основание дано старинными книжниками. В перечнях владык новгородских читаем: «и бѣ въ него (Іоакима) мѣсто ученикъ его Ефремъ, иже насъ учяше». Правильнее понимал статью 6538 г. составитель Тверского сборника, у которого читаем: «А отъ Акыма 3 лета владыкы не было въ Новѣгородѣ» (XV, 153).

² Новгородский сводчик в своем припоминании выразился определеннее: «отъ старость и поповъ».

поняли появление первого момента (1017 г.) и затем второго (1036 г.) в истории новгородского летописания, то должны ждать в статье 6544 г. текст Ярославовой грамоты, определявшей размер дани с Новгорода. Имея в виду судьбу Ярославовой грамоты 6525 (1017) г., можем думать, что грамота 6544 (1036) г. была действительно занесена в летопись, из летописи она перешла в свод 1050 г., далее в свод 1167 г., но общерусский свод 1423 г. не повторил ее по соображениям политическим, ведь основываясь на этих Ярославовых грамотах, новгородцы утверждали, что они издавна освобождены прадедами нынешних князей; это вызывало сетование современников Андрея Боголюбского во Владимире (Лаврентьевская под 1169 г.); тем более осторожно отнесся бы к передаче этих грамот в общерусском летописном своде современник великого князя Василия Дмитриевича в Москве.

4

§ 283. В конце статьи 6544 г., а именно после предполагаемой грамоты Ярослава, читаем краткую похвалу Ярославу. В дошедших сводах она изложена в прошедшем времени «Бяше же Ярославъ», «чтяше самъ книги», но возможно, что первоначально она излагалась в настоящем времени. Это вытекает из следующих соображений. Кому принадлежит эта лаконическая похвала Ярославу? Маловероятно, чтобы летописцу, хотя он и имел бы основание выразить благодарность Ярославу за дарование льготной грамоты родному городу; маловероятно, между прочим, потому, что предшествующее изложение событий не обнаруживает в летописце особенного интереса к внутренней жизни Новгорода; маловероятно также и потому, что составление похвалы, даже краткой, малосодержательной, предполагает известный творческий момент, а ждать такого момента от составителя скудных записей 6529-го и следующих годов мы не имеем основания. Более вероятно, что похвала Ярославу составлена составителем свода 1050 г. Во-первых, мы читаем ее в том месте, где прекращалась летопись 1036 г. (ибо вероятно, что она заключалась текстом Ярославовой грамоты) и где составитель свода 1050 г. должен был перейти к самостоятельному изложению событий. Во-вторых, оказывается, что эта похвала Ярославу хронологически почти совпадает с той похвалой, что читалась в Древнейшем своде. В последнем похвала Ярославу читалась в статье 6545 (1037) г. после сообщения о построении Ярославом Св. Софии и учреждении митрополии; в Новгородском своде мы находим похвалу под 6544 (1036) г., причем должно принять во внимание и то, что в этом своде совсем не было статьи 6545 (1037) г.; следовательно, вероятным представляется, что похвала Новгородского свода составлена под влиянием похвалы Древнейшего Киевского свода. В-третьих, вероятность такого заключения находит себе подтверждение и в том обстоятельстве, что похвала Новгородского свода содержит сообщение, сходное с похвалой Киевского свода: в Новгородском своде читалось: «почитая самъ кѣнигы» (так поправляю вместо «чтяше самъ книги» Софийской 1-й и Новгородской 4-й), а в Киевском своде — «и книгамъ прилежа, и почитая я часто в ноши и въ дне». Составитель Новгородского свода не списывал похвалы своего оригинала, а составил свою похвалу под его влиянием; он выставляет храбрость Ярослава на рати, отмечая вместе с тем его хромоту; здесь сказался новгородец, вспоминая о славной Любечской победе новгородцев

под предводительством Ярослава, над хромотой которого посмеялся киевский воевода Волчий Хвост.

§ 284. Наш вывод относительно похвалы Ярославу под 6544 г. позволяет нам перейти теперь же к вопросу о том, как и когда составил первый Новгородский свод. Мы отметили выше два момента в истории новгородского летописания — 1017 и 1036 гг.; третий момент — это 1050 г., когда трудами князя новгородского Владимира был окончен постройкой и освящен каменный храм Св. Софии. К этому моменту мы и относим составление Новгородского свода, основываясь на следующих соображениях. Во-первых, два известия под 1049 и 1050 гг. обнаруживают вполне современную событиям запись: под этими годами *впервые* появляются в Новгородском своде точные хронологические даты; известие 6557 (1049) г. указывает не только день, но и час, когда сгорела старая дубовая церковь Св. Софии; известие 6558 (1050) г. указывает день освящения новой каменной церкви Св. Софии; итак, перед нами не только современные событиям записи, но записи, явно связанные с церковью Св. Софии, ибо указание на час, когда сгорела церковь, могло быть дано только членом причта этой церкви. Во-вторых, мы знаем, что Древнейший Киевский свод появился в 1039 г. одновременно с учреждением митрополии и освящением церкви Св. Софии: строителям новгородского храма естественно было последовать примеру киевского митрополита и позаботиться об основании летописного свода одновременно с освящением или окончанием Св. Софии. В-третьих, имеем полное основание утверждать, что Новгородский свод Св. Софии был составлен по образцу Киевского свода Св. Софии, использованного при этом почти целиком, в особенности в пределах до княжения Ярослава; это делает особенно вероятным, что самый замысел создать свод возник под влиянием обстоятельств, сходных с теми, что вызвали создание свода Киевского, т. е. под влиянием построения нового соборного храма.

§ 285. Ввиду этого признаю, что Новгородский свод составлен в 1050 г. по распоряжению новгородского владыки Луки и князя новгородского Владимира в ознаменование построения нового храма Св. Софии. Составитель свода, как указано, положил в основание своего труда текст Древнейшего Киевского свода, копия с которого была, очевидно, изготовлена для новгородского князя или владыки; в текст этого свода вставлены составителем Новгородского свода свои дополнения, поправки и замечания. До 6497 (989) г. дополнения извлечены из местных новгородских преданий; начиная с 6497 г. (года крещения Новгорода) видим влияние второго письменного источника — Новгородской летописи, составленной в два приема в 1017 и 1036 гг. и доведенной до 1036 г. Составителю свода трудно было справиться с двумя источниками и компилировать их; впрочем, до 6523 г. второй источник давал самый ничтожный материал и вставить его в текст Киевского свода представлялось делом легким; но под 6523 и 6524 гг. компиляция оказалась работой непосильной для неопытного сводчика; это видно из того, что ему пришлось удвоить рассказ о Любечской битве, переставить произвольно некоторые события, даже придумывать искусственные фразы и положения (например, эпизод, где новгородцы препятствуют Ярославу бежать за море); отчаявшись в успехе дальнейшей подобной компилятивной работы, составитель свода, дойдя до заглавия «Начало княжения Ярославля въ Киевѣ», решил дать сначала краткое извлечение из основного своего источника — Древнейшего Киевского свода, а потом

перейти к списыванию второго источника — Новгородской летописи; так, под 6525 г. (годом вступления Ярослава на киевский стол) оказываются краткие сообщения о событиях 1021, 1030, 1036, 1037 гг., а вслед за тем идут новгородские известия, начиная с заточения Константина (около 1020 г.). Списав свой второй письменный источник и используя под 6544 г. соответствующую статью (6545 г.) основного источника для составления краткой похвалы Ярославу, составитель свода оказался вынужденным перейти к заполнению пробела между 6544 (1036) и 6558 (1050) гг. путем расспросов старых людей и припоминаний.

5

§ 286. Таким образом выясняется, что анализу исследователя первого Новгородского свода подлежат: во-первых, дополнения, поправки и замечания в части до 6525 г. включительно, внесенные в текст Древнейшего свода; во-вторых, его дополнения, поправки и замечания в части после 6525 до 6544 г. включительно, внесенные в текст Новгородской летописи; в-третьих, летописный рассказ 6544—6550 гг., составленный самим сводчиком. Имеем при этом в виду исследование самостоятельных частей первого Новгородского свода, а не тех приемов, которые употреблены им при передаче текста обоих письменных источников. Судить об этих приемах очень трудно, так как текст Новгородского свода, не оригинальный, а представлявший переделку текста Древнейшего Киевского свода, остается совершенно неизвестным исследователю, за немногими исключениями, а именно за исключением тех статей, которые подверглись переделке в Начальном своде (ПВЛ) и потому воспроизведены позднейшими новгородскими сводчиками в том виде, в каком они читались в первом Новгородском своде.¹ У нас есть некоторые основания для предположения, что текст Древнейшего свода местами был передан составителем свода 1050 г. в сокращении, но не решаюсь останавливаться на этом ввиду недостаточности данных. В части, обнимающей 6523—6524 гг., можно составить себе представление о тех неудачных комбинациях, к которым прибегал сводчик 1050 г. для согласования обоих своих письменных источников; мы уже познакомились с этим приемами (§ 274 и сл.) и не будем к ним возвращаться. Переходим к исследованию самостоятельных частей свода 1050 г., распределив подлежащий рассмотрению материал по трем выясненным выше группам.

§ 287. Дополнения в части до 6525 г., внесенные в текст Древнейшего свода, основывались на народных преданиях, припоминаниях и собственных соображениях составителя Новгородского свода. Основанием для вставки служило всякий раз то или иное данное в соответствующем тексте Древнейшего свода. Укажем эти вставки.

Остановимся сначала на народных преданиях. Мы говорили выше (§ 196) о предании, повествовавшем о том, как в Новгороде появился варяжский князь. Предание не знало, по-видимому, о покорении новгородцев варягами и о последовавшем затем восстании их против иноземного владычества; об этом восстании пришлось сказать потому, что киевский источник говорил о покорении новгородцев варягами. Пре-

¹ Сюда относится, например, начало рассказа об убиении Игоря (ср. § 219³) или сохранение имени Святополкова воеводы Волчья Хвоста (ср. § 274).

дание вспоминало о старейшине Гостомысле;¹ после его смерти наступили раздоры и несогласия среди новгородцев; новгородцы вышли из смуты так же, как выходили впоследствии при аналогичных обстоятельствах: они приглашали к себе князя; в данном случае был приглашен варяжский князь Рюрик. Это предание составитель Древнего Новгородского свода подладил под текст Древнейшего свода Киевского, прибавив к нему, что вместе с Рюриком пришли его братья Синеус и Трувор и сели — один на Белоозере, а другой — в Изборске; о Синеусе Белоозерском и Труворе Изборском ему были известны местные предания; соединив их с Рюриком, сводчик осветил ту картину, что была дана в Древнейшем Киевском своде, где вся страна словен, кривичей и мери оказывалась под властью варягов; и к кривичам и к мере варяги, по рассказу новгородского сводчика, проникли так же, как в Новгород; правда, о кривичах у него не было подходящих данных, не мог он рассказать и о мере, но Изборск и Белоозеро расположены в направлениях, ведущих к кривичам и к мере; сказав о них, сводчик признал себя удовлетворенным.

В Новгороде помнили и о князе Олеге; могилу его показывали в Ладоге; помнили, как словене ходили вместе с русью под Царьград; сводчик внес в свой труд эпизод из соответствующего предания.

В Новгороде любили князя Владимира. Народные предания и здесь, так же как и на юге, сделали его своим героем: славу о Владимире разносили, конечно, его дружинники. Одно из преданий вспоминало о том, как появился Владимир в Новгороде: его избрали себе сами новгородцы; вместе с Владимиром прибыл его дядя Добрыня; предание знало, каким образом Добрыня приходился дядей Владимиру: он был братом Малфреды, матери Владимировой, и сыном знаменитого в южных былинах, проникших и на север, Мистиши Свенельдича Лютото. Малфредь была рабыней Ольги; мстя за убийство Мистишей мужа своего Игоря, Ольга обратила детей его в рабство. Таким образом, Владимир, родившийся от Святослава и рабыни Ольгиной Малфреды, был робичичем, сыном рабыни. Это — благодарная тема для народного эпоса, знающего о последующем возвышении Владимира, о его знаменитых подвигах и могуществе. Тема эта во всей полноте использована в другом предании, приведенном тут же словоохотливым сводчиком, — предании о том, как Владимир и дядя его Добрыня добывали руку гордой княжны полоцкой Рогнеды.

Добрыня был, конечно, лицом историческим; нельзя сомневаться в том, что он управлял Новгородом, когда Владимир сел в Киеве. О нем хорошо помнили в Новгороде еще и потому, что потомство его вошло в состав новгородского боярства (посадник Константин был сыном Добрыни; возможно, что Остромир был его внуком, как догадывался Прозоровский). Но исторический Добрыня не помешал появлению Добрыни в былинах, исторических песнях и сказаниях. В Новгороде — это постоянный спутник Владимира, он руководит Владимиром в его походах. Об одном из походов предание рассказывало, что Добрыня, осмотрев пленных и увидев, что все они в сапогах, посоветовал искать других данников; новгородский сводчик вставил это предание (быть может,

¹ Во всяком случае, память о Гостомысле держалась в Новгороде долго. Ср. новгородских бояр Гостомысловых (из их рода св. Иулиания Тверская).

произвольно) в сообщение Древнейшего свода о походе Владимира на болгар.

§ 288. К вставкам, явившимся в результате припоминаний, относится, быть может, сообщение о том же Добрыне, будто он поставил в Новгороде идол Перуна над Волховом, вернувшись из Киева, где сел Владимир.

Из вставок, обязанных сочинительству или соображениям сводчика, отметим прибавку чуди в перечень племен, покоренных варягами; прибавка эта стоит в связи, вероятно, с тем, что в XI в. часть чуди была покорена Новгородом, а другая часть платила дань варягам. Чудь прибавлена еще в перечне племен, двинутых Владимиром против Ярополка (в Древнейшем своде вместо чуди читалось, быть может, меря), а также в перечень тех племен, из которых Владимир набирал лучших мужей для поселения их во вновь построенных городах (и здесь чудь заменила, быть может, мерю Древнейшего свода). Далее укажем на поправку, внесенную сводчиком, заменившим варягов, под которыми Древнейший свод разумел и новгородских словен, словенами и варягами. Утверждение Древнейшего свода о том, что новгородцы прозвались варягами, сводчик комментировал фразой: «и суть Новъгородстии людие до дньшьяго дьне отъ рода Варяжска», выпустив вместе с тем фразу «прежде бо бѣша Словѣне» своего киевского источника. Сказав о дани, наложенной Олегом на словен, варягов, кривичей и мерю, сводчик прибавил: «а отъ Новагорода 300 гривнѣ на лѣто мира дѣля, еже и нынѣ дають». Как мы видели, размер дани показан тот, что имел место в XI в., в княжение Ярослава; он не согласован с дальнейшим сообщением (заимствованным из Новгородской летописи) о том, что во время Владимира дань достигала 3000 гривен. Новгородский сводчик, не поняв, что Древнейший свод, говоря о древлянах, понимает южных древлян, приднепровских и предположив, что дело идет о древлянах, живших по Мсте, произвольно прибавил к сообщению Древнейшего свода об уставлении Ольгою земли свое сведение о том, что Ольга устала по Мсте погосты и дани и по Луге оброки и дани. Луга вела, хотя и не прямо, ко Пскову; это дало повод сказать, что сани Ольгины до сих пор обретаются во Пскове.

§ 289. Переходим к той части Новгородского свода, которая обнимает события от заточения Константина до 6544 (1036) г.; текст этой части свода восходит к Новгородской летописи. Как было указано выше, составителю свода в этой части принадлежат следующие два замечания: по-первых, под 6529 (1021) г., слова «и воеваше Брячиславъ съ Ярославѣмъ всѣ дѣни живота своего», во-вторых, под 6538 (1030) г., слова «И събра отъ старость и поповѣ дѣтии 300 учить кѣнигамъ» и далее «и бѣаше ученикъ его (Иоакима) Ефремъ, иже ны учаше».

§ 290. Третья часть Новгородского свода обнимает летописные события 6544—6550 гг. и, по всей вероятности, составлена самим сводчиком. Свой самостоятельный рассказ он начал с похвалы Ярославу, имея при этом в качестве образца ту похвалу, что помещена была в Древнейшем летописном своде. Вслед за нею читаем: «Иде Ярославъ веснѣ Киеву, а на зиму ходи на Ятвягы и не може ихъ възяти». Это известие в своде 1448 г. читается не под 6544, а под 6546 г., но думаю, что на перестановку (быть может, еще в тексте свода 1167 г.) повлияла ПВЛ, где под 6546 г. имеется известие: «Ярославъ иде на Ятвягы»; это известие ПВЛ, как указано выше (§ 224¹), мы отождествляем с новгородским (более обстоятельным) известием и признаем его заимствованным в На-

чальный свод из Новгородского свода; думаю, что оно попало под 6546, а не 6544 г. по причинам механическим: 6544 и 6545 гг. были заполнены событиями, а 6546 г. был пустой.¹ В пользу того, что известие, нами рассматриваемое, читалось первоначально под 6544 г., приведу следующие два соображения: во-первых, под 6544 г. слова «Иде Ярославъ веснѣ Киеву» вполне уместны, ибо в 6544 г. Ярослав, по свидетельству как Новгородского свода, так и Древнейшего Киевского свода, был в Новгороде, между тем под 6546 г. они были бы неуместны, ибо никаких данных о том, что Ярослав в этом году был в Новгороде, мы не имеем; во-вторых, ПВЛ под 6544 г. сообщает о вызове Ярослава из Новгорода в Киев, осажденный печенегами; при этом в Новгородском своде 1448 г. к словам ПВЛ «прииде къ Киеву» прибавлено: «веснѣ» (Софийская 1-я и Новгородская 4-я); прибавка эта, сделанная, как кажется, еще в своде 1167 г., явно ведет нас к новгородскому известию именно 6544 г., где сказано: «Иде Ярославъ веснѣ Киеву».²

У нас возникает вопрос, почему новгородский летописец отметил поход Ярослава на ятвягов под 6544 г. и отметил ниже походы Ярослава на литву (6548 г.) и мазовшан (6549 г.)? Думаю, что в этих походах участвовала и новгородская помощь, направлявшаяся по требованию Ярослава на ятвягов, литву и мазовшан с противоположной движению киевской рати стороны. Кроме этих трех известий, касающихся походов Ярослава, остальная часть Новгородского свода заполнена прежде всего известиями о деятельности новгородского князя Владимира: под 6548 (1040) г. сообщено о закладке им новой крепостной стены вокруг Новгорода; под 6551 (1043) г. рассказывается, и притом весьма обстоятельно, о походе Владимира на греков: очевидно, Владимир привел к отцу в Киев варягов (упомянутых в рассказе), а также, быть может, и новгородскую помощь, (что, впрочем, сомнительно, ввиду того что рассказчик отмечает присутствие в войске Владимира только варягов и руси). Рассказ новгородского летописца представляется более правдивым, чем соответствующий киевский рассказ, приписанный, как мы видели, к Древнейшему своду; новгородец не решился упомянуть и о частичном успехе, который выпал будто на долю Владимира, судя по рассказу киевлянина. Под тем же 6551 (1043) г. сообщено о походе Владимира на емь. Под 6552 (1044) г. летописец отметил окончание Владимиром новгородской крепостной стены.

Под тем же годом записано известие о смерти Брячислава и вокняжении Всеслава; появление этого известия в Новгородском своде объясняется тем, что новгородцам пришлось вести долгую борьбу с Брячиславом; заметка летописца под 6529 (1021) г. о том, что Брячислав воевал с Ярославом до конца своих дней, имеет, конечно, в виду прежде всего неоднократные нападения Брячислава на новгородскую область, куда направлял свои взоры впоследствии и его преемник. К этому известию о смерти Брячислава прибавлена заметка о чудесном рождении

¹ На то, что поход этот имел место действительно в 6545 г., указано в следующем примечании.

² Под весной приходится разумеать месяц февраль, для того чтобы согласовать новгородское известие о времени выезда Ярослава из Новгорода с киевским известием о том, что битва у Киева Ярослава с печенегами произошла в 6544 г. Но, разумеется, Ярослав на самом деле мог выехать из Новгорода в январе или самом начале февраля 6544 (январского 1137) г.; запись, составленная через 14 лет, могла ошибиться в одном-двух месяцах. Следовательно, поход на ятвягов имел место собственно зимой 6545 г.

Всеслава от волхвования; заметка оканчивалась словами: «еже (язвѣно) носить Вьсеславъ и до сего дѣне на собѣ: сего ради немилостивъ есть на крѣвопролитіе». Думаю, что слова эти или прибавлены (сначала они могли появиться на полях) позднейшим читателем, а именно в 60-х гг. XI в., когда Всеслав наводил неоднократно ужас на Новгород своими набегами, или вставлены при переписке Новгородского свода (в Новгороде) для Киево-Печерского монастыря в конце 80-х или начале 90-х гг. того же XI в.

Под 6553 (1045) г. сообщено о закладке Св. Софии князем Владимиром, под 6557 (1049) г. — о пожаре старой дубовой Св. Софии и, наконец, под 6558 (1050) г. — об освящении каменной Св. Софии. Мы видели, что оба последние известия снабжены точными хронологическими данными, это доказывает современную событиям запись. Но достойно замечания, что сводчик стремился и в сообщениях о предшествующих событиях давать несколько более точные определения их: так, он сообщил под 6544 г. о том, что Ярослав вышел из Новгорода весной, а поход на ятвягов совершил зимой; под 6548 г. закладка крепостной стены Владимиром отнесена также на весну;¹ под 6551 г. поход Владимира на греков отнесен на весну.

Можно думать, что по первоначальному замыслу составителя Новгородского свода этот труд его оканчивался известием 6558 (1050) г. об освящении Св. Софии 14 сентября. Самый свод составлен был около того же времени. Читающиеся вслед за этим известием сообщения о кончине сначала жены Ярослава 10 февраля 6558 (мартовского) г., а потом и строителя Св. Софии, князя Владимира, 4 октября 6560 г. надо признать позднейшими приписками к Древнему Новгородскому своду.

6

§ 291. Древний Новгородский свод лег в основание дальнейшего новгородского летописания. Клирики Св. Софии стали постепенно пополнять свод записями о современных событиях. Запись велась не систематически: вносилось то, что почему-либо казалось заслуживающим особенного внимания; некоторые записи внесены лишь по прошествии нескольких лет после отмеченного в них события. Так, запись о клевете, бывшей на епископа Луку в 6563 г., внесена в летопись не раньше 6566 г., когда Лука вернулся на владычество, а быть может, даже в 6568 г., когда он умер; ср. указание под 6563 г.: «и пребысть тамо три лѣта». Запись 6571 г. об обратном течении Волхова внесена в летопись не ранее 6575 г., ибо сообщает, что это знамение предвещало сожжение Всеславом города на четвертый год после этого. Таким образом, выясняются два момента пополнения Новгородского свода записями — это 6568 (1060) и 6577 (1069) гг., когда Всеслав вторично напал на Новгород, но был разбит на речке Гзени. Третьим моментом был, по-видимому, 6587 (1079) г., когда новгородцы изгнали своего князя Глеба, убитого затем вскоре чудью. Вследствие таких приемов в летописании записи, читавшиеся в конце Древнего Новгородского свода, оказываются мало-содержательными и неточными.

§ 292. Как указано, первыми приписками к Древнему Новгородскому своду были сообщения о кончине Ирины и Владимира в 6558 и 6560 гг.

¹ Следовательно, правильное было бы отнести это известие на 6549 (мартовский) г.

Предполагаю, что следующей записью было сообщение о кончине Яро-слава. Умолчание в Начальном своде о том, где находился во время этого события Изяслав (ср. в Комиссионном списке и в Лаврентьевском: «Изяславу тгда сущю»), заставляет предполагать разноречие в обоих источниках Начального свода — Древнейшем Киевском своде и Новгородском своде. Имея в виду показание Ипатьевской летописи и некоторых других, полагаем, что в Древнейшем Киевском своде читалось: «Изяславу князю Туровъ»; следовательно, становится вероятным, что в Древнем Новгородском своде этому соответствовало чтение: «Изяславу тгда сущю Новѣгородѣ», как, впрочем, читается в Софийской 1-й летописи. Но если Изяслав был в Новгороде, то дальше, конечно, отмечалось прибытие его в Киев. Предполагаю поэтому, что за этим читалось: «и иде Киеву»¹ и далее то, что находится в Софийской 1-й и Новгородской 4-й в статье 6562 г.: «и посади Остромира Новѣгородѣ». В Софийской 1-й и Новгородской 4-й вслед за этим читается о походе Остромира на чудь, в котором он был убит; поход этот не мог иметь места ни в 6562, ни в 6563 г., ибо запись в Остромировом Евангелии доказывает, что Остромир был жив еще в 6565 г. Предполагаю поэтому, что это известие о походе и смерти Остромира читалось в Новгородском своде ниже, и притом, всего вероятнее, под 6558 (1060) г. Что оно перенесено в статью 6562 г. именно из статьи 6568 г., видно из того, что вместе с ним перенесено из статьи 6568 г. известие: «И по семь раздѣлиша Смольнскъ на три части»; это известие читается под 6568 г. в Тверском сборнике и Ермолинской летописи, которые следовали при этом, конечно, общерусскому своду 1423 г.; ему и уместно быть именно под этим годом, так как Смоленск мог быть разделен на три части только после смерти Игоря Ярославича, сидевшего в Смоленске и скончавшегося в 6568 (1060) г.² Итак, отношу известие о походе и кончине Остромира на 6568 (1060) г. и думаю, что в Новгородском своде за известием о посадении Остромира следовали три известия, относящиеся к епископу Луке: 6563 г. — клевета на Луку, 6566 г. — возвращение Луки в Новгород на владычество, 6568 г. — смерть Луки, причем перед сообщением о его смерти было вписано его Поучение. За этим известием читалось упомянутое известие о походе и кончине Остромира, затем следовало известие о прибытии Изяслава в Новгород и походе его на чудь; отправляясь из Новгорода в Киев, Изяслав сажает в Новгороде сына своего, Мстислава.

Расположив таким образом события 6562—6568 гг., мы приходим к заключению, что все соответствующие им известия составлены в один определенный момент, а именно в 6568 (1060) г.

§ 293. Вторым моментом составления дальнейших записей Новгородского свода был, по-видимому, 6577 (1069) г. Под ним во всех подробностях (указан день и даже час события) сообщено о поражении Все-слава под Новгородом. В связи с этим под 6575 (1067) г. приведено известие о взятии Всеславом Новгорода и сожжении его; общий автор

¹ Ср. в списках Комиссионном и Оболенского: «и приде Изяславъ Киеву городу», вместо «Новугороду» остальных списков Софийской 1-й летописи. Впрочем, происхождение такого чтения в Комиссионном и Оболенского мне неясно.

² Новгородский свод 1448 г. перенес известия 6568 г. в статью 6562 г., по-видимому, желая сблизить оба сообщения о посаднике Остромире; при этом оказалось перенесенным и известие: «И посемь раздѣлиша Смольнскъ на три части».

известий 6575 и 6577 гг. обнаруживается в сходных восклицаниях, вырвавшихся из его груди;¹ под 6573 г. сообщено о начале военных действий Всеслава и, быть может, под тем же годом говорилось о поражении новгородского князя Мстислава на Черехе, опущенном в летописных сводах, но сохранившемся в перечне новгородских князей. Под 6571 г. летописец записал об обратном течении Волхова: «се же знамение не на добро бысть; на 4-е бо лѣто пожже Вьсеславъ градъ». Ввиду тесной связи между собой событий 6571—6577 гг., записанных, несомненно, одним лицом, относим на счет того же лица запись 6569 г. о поставлении епископа новгородского Стефана. Ему же принадлежит вставка (маргинальная?) статьи о рождении Всеслава от волхвования, оканчивающейся словами: «сего ради немилостивъ есть на крѣвопролитіе».

Третьим моментом составления записей Новгородского свода признаю 6587 г., под которым значится убийство новгородского князя Глеба 30 мая чудью за Волоком, куда он бежал, изгнанный новгородцами; современность записи доказывается точною датировкою: 30 мая. Ввиду этого предыдущие два известия — 6585 г. о кончине епископа Федора и 6586 г. о поставлении Германа — считаем записанными в том же 6587 (1079) г.

§ 294. После третьего момента, т. е. 1079 г., в новгородском летописании наступает заметный перерыв. Летопись продолжена только в 6605 (1097) г. известиями о победе Мстислава с новгородцами на Колакше и о большом пожаре в Новгороде. Пятый момент наступил в 6616 (1108) г., под которым с указанием дня записана смерть епископа Никиты. После этого новгородское летописание попадает в более рачительные руки и ведется погодно почти без перерывов. Мы знаем, что в 1167 г. Древний Новгородский свод с обосложившими его приписками переработан в более полный свод, дополненный по ПВЛ (см. главу IX).

По-видимому, после 1079 г., а во всяком случае, после 1069 г., с Новгородского свода была снята копия для отправки в Киево-Печерский монастырь, где начала созревать мысль о составлении общерусского свода. Быть может, копия была снята по распоряжению или с разрешения епископа Германа (1078—1095), постриженника Феодосиева монастыря. Около 1095 г. ею воспользовался для своего труда составитель Начального Киевского свода.

ГЛАВА XX

ГЛАВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРЕДЫДУЩЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1

Расположим выводы, к которым мы пришли в предшествующих главах относительно хода летописного дела в Древней Руси, хронологически.

¹ Под 6575 г.: «О, велика бяше бѣда въ часть тѣи!» Под 6577 г.: «О, велика бяше съча Вожаномъ!»

Мы имели возможность познакомиться с условиями появления в Древней Руси XI в. нескольких летописных сводов: Древнейшего Киевского, Древнего Новгородского, Первого Киево-Печерского; за Первым Киево-Печерским сводом лет через двадцать составлен был Второй Киево-Печерский свод, который называю только для того, чтобы не нарушать принятой в предшествующих исследованиях терминологии, Начальным сводом. Мы остановили свое исследование на Первом Киево-Печерском своде, появившемся в 1073 г. Вопрос о том, как появились три древнейших русских летописных свода, так или иначе рассмотрен, но остались недостаточно выясненными условия, при которых в Древней Руси возникали летописи, а между тем *летописи*, казалось бы, вообще предшествуют летописным *сводам*.

Решительно никаких точных указаний на пользование местною киевскою летописью мы при восстановлении Древнейшего Киевского свода найти не могли. Если запись о кончине Малфреды, Рогнеды, ее сына и внука, а также запись о перенесении останков Рогнеды, сына ее и внука в Десятинную церковь оставим в стороне в том предположении, что записи эти извлечены из княжеского помянника, то первой летописной заметкой должны будем признать сообщение 6528 (1020) г. о рождении у Ярослава сына Владимира. Но Древнейший свод составлен в 1039 г. Отсюда предположение, что это сообщение и следующие за ним статьи, имеющие характер летописных заметок, составлены, по припоминаниям, в 1039 г.; восстановить события, которым истекло 19 или меньше лет, не представляло, конечно, затруднений, тем более что в этих летописных заметках не приводятся точные даты событий. Отвергаем мысль о том, чтобы записи о кончине Малфреды, Рогнеды и т. д. были извлечены из *летописи* Десятинной церкви, ведшейся в начале XI в. (Малфредь и Рогнеда скончались в 6508 г.), между прочим потому, что существование такой летописи и пользование ею Древнейшим сводом имели бы последствием наличность ряда известий, относящихся к Владимирову княжению, а между тем Древнейший свод не дает ни одного события для последних двадцати лет этого княжения. Отвергаем вообще существование заметной или общеизвестной летописи в Киеве до 1039 г., основываясь на том, что дошедшие до нас своды доказывают отсутствие такой летописи даже для времени после 1039 г., ибо соображения, приведенные в главе XVI, не оставляют сомнения в том, что промежуток между 1040 и 1054 гг. заполнен: во-первых, случайною или, точнее, единичною записью похода на греков в 1043 г.; во-вторых, заимствованиями, сделанными составителем Начального свода из Новгородского свода и из Жития Антония. Тот факт, что свод 1039 г. не получил продолжения в виде погодной летописи, доказывает, что ему и не предшествовала также подобная летопись. Изучение состава Первого Киево-Печерского свода доказывает, что и позже, до самого 1073 г., когда Никон потруился над созданием свода, не было в Киеве погодной летописи, так как в труде Никона не отыскивается следов пользования такою летописью; напротив, многое указывает на то, что самые известия 6569, 6572, 6573, 6584 и следующих годов занесены на пергамен впервые Никоном. Это обстоятельство делает особенно вероятным, что погодной записи событий не было в Киеве в первых трех четвертях XI столетия.

Впрочем, не отрицаю возможности того, что подобные записи стали появляться и в Киеве, и в некоторых других городах уже в третьей

четверти XI столетия. В § 114⁶ приведены указания на существование черниговской записи события 6576 (1068) г.; выше нами было предположено, что летописные заметки велись, быть может, начиная с 6578 (1070) г., во Всеволожем Михайловском монастыре.

Совершенно особенный характер получила летопись в Новгороде. Благодаря особым условиям, в которых развивалась жизнь этого города, наиболее доступного влиянию западной цивилизации, в Новгороде весьма рано определяются стремления к политической самостоятельности и к ограждению ее договорами с правящим князем. В последующее время стремления эти получают все большее преобладание над другими сторонами жизни этого города, но исследователю ясно, что начало их надо искать в седой старине и что развитие их предполагает такой момент, когда в силу тех или иных обстоятельств Новгород почувствовал и сознал свою свободу. Предполагаем, что таким моментом был 1017 г., когда Ярослав даровал городу вольности, обеспеченные особою учредительною грамотой. Этот момент закреплен был в народном сознании не только передачей грамоты на хранение в местную Св. Софию, но и внесением ее в летопись, где изложены были великие события, приведшие Новгород к свободе. Итак, этот памятник лег в основание новгородского летописания. Указаний на то, чтобы летопись велась в Новгороде погодно после 1017 г., мы не имеем; отсутствие погодных записей в Новгороде стоит в связи и однородно с отсутствием таких записей в современном Киеве. Но в 1036 г., когда Новгород получил вторую учредительную грамоту от Ярослава и когда и ее также внесли в летопись, путем припоминаний были воспроизведены главнейшие события между 1017 и 1036 гг. Так появилась Новгородская владычня летопись.

Перехожу к обзору древнейших летописных сводов.

Учреждение в 1039 г. митрополии вызвало составление около того же времени первого русского летописного свода, который называем условно *Древнейшим Киевским сводом*. Составитель в пределах до Владимирова княжения включительно использовал, во-первых, местные киевские предания, уже в его время закрепленные, конечно, в форме песни, былин; во-вторых, несколько письменных сказаний о русских святых и о других событиях церковной жизни. Образцом для свода и вместе с тем источником для него послужил болгарский летописный свод. Начиная с Ярославова княжения материалом для составителя свода служили припоминания об истекших событиях; с этого времени свод 1039 г. становится вполне достоверным историческим источником, хотя и то, что сообщено им раньше об Ольге, Святославе, Владимире, Святополке, в значительной части своей не должно быть признано баснословным ввиду сравнительно не очень большого промежутка между этими эпохами и моментом составления свода. Современные события Древнейший Киевский свод доводил до 6547 (1039) г.; он оканчивался прославлением Ярослава, строителя храмов и распространителя духовного просвещения.

Как указано выше, появление Древнейшего Киевского свода не вызвало постоянного летописания при Киевской митрополии.

В 1050 г. окончена строением и освящена церковь Св. Софии в Новгороде. В ознаменование этого события строители храма, князь Владимир и епископ Лука, решили озаботиться составлением летописного свода. В основании *Древнего Новгородского свода* положен Древнейший Киевский свод, использованный, впрочем, более или менее полно только до княжения Владимира Святославича включительно; конец его, где из-

лагались события Ярославова княжения, передан в кратком извлечении. Другим источником послужила Новгородская летопись 1036 г.: одно известие ее (крещение Новгорода) внесено в княжение Владимира; остальное содержание этой летописи касалось событий 1015-го и следующих годов; сначала сводчик прибег к компилированию своего новгородского источника с киевским (события до 1017 г.), но потом передал текст новгородского источника отдельно, поместив его вслед за упомянутым кратким извлечением из Древнейшего свода (события после 1017 г. включительно до 1036 г.). Рассказ о событиях после 1037 и до 1050 г. включительно составлен сводчиком самостоятельно на основании распросов и припоминаний.

Вскоре текст Древнего Новгородского свода обособился приписками; эти приписки имеют характер погодной летописи, но изучение их показывает, что они записаны в несколько следовавших друг за другом моментов; к первому моменту относятся известия 6558 и 6560 гг., ко второму — следующие известия до 6568 г. включительно, к третьему — известия до 6577 г. включительно, к четвертому — известия 6586 и 6587 гг., к пятому — известия 6605 г. Только приблизительно с 6616 (1108) г., следовательно, со времени епископства Иоанна (1110 г.), владычня новгородская летопись стала вестись без перерыва, дополняясь в короткие промежутки погодными записями.

В 1073 г. окончен под главным редакторством иеромонаха Никона обширный летописный свод, составленный в Киево-Печерском монастыре. Этот *Первый Киево-Печерский свод* представлял в начале копию с Древнейшего Киевского свода, местами лишь дополненную незначительными вставками; копия с этого свода содержала в конце запись (быть может, современную) о походе на греков под предводительством Владимира Ярославича. Вторая часть свода начиналась со статьи, описывающей кончину Ярослава, и представляла самостоятельный труд сводчика, руководившегося припоминаниями и рассказами современников. Припоминания эти принадлежат в значительной части самому Никону, некоторые из них — прочей монастырской братии. В числе лиц, сообщавших Никону материалы для летописи, можно с уверенностью назвать боярина Яня Вышатича. Под 6570 (1062) г., годом основания Печерского монастыря, была помещена обширная статья, посвященная истории этой обители с древнейших времен до событий, современных составителю свода.

Первый Киево-Печерский свод в скором времени (не ранее, однако, игуменства Никона) получил продолжение сначала в виде обширной статьи о кончине преп. Феодосия, а потом и погодных известий, явно обличающих местами современную запись. Такие записи продолжались вплоть до 1093 г.

Около 1095 г. был составлен Второй Киево-Печерский свод, который мы называем *Начальным сводом*. Этот свод можно признать первым общерусским сводом, ибо составитель задался целью соединить с текстом Первого Киево-Печерского свода, обособленного летописью, следовательно с киевским летописанием, летописание, во-первых, новгородское, насколько оно выразилось в Древнем Новгородском своде с прикнувшей к нему владычню летописью, во-вторых, черниговское (ср. известие 1068 г.), в-третьих, летописание других монастырей (например, Выдубицкого) и городов. Пользование греческим хронографом, Паримийником, Житием Антония и другими памятниками увеличило объем

и интерес к новому своду; этим обеспечено было за киево-печерским летописанием общерусское значение и общерусский характер. Начальный свод лег в основание ПВЛ, источника и основания всех позднейших летописных сводов.

2

Главным результатом нашего исследования признаем восстановленный ниже текст трех древнейших летописных сводов: *Древнейшего Киевского свода*, вошедшего в состав *Первого Киево-Печерского свода*, с одной стороны, *Древнего Новгородского свода* — с другой.

Итак, сначала дан текст Первого Киево-Печерского свода; в наборе отмечена та часть его, которая восходит к Древнейшему своду; в противоположность той части, которая восходит к перу составителя Первого Киево-Печерского свода, она набрана без отступления от полей; отличена особым шрифтом также и статья 6551 (1043) г., приписанная к Древнейшему своду и вместе с основным текстом вошедшая в состав Киево-Печерского свода. Вставки, сделанные составителем Киево-Печерского свода в текст как Древнейшего свода, так и приписанной к нему статьи 6551 г., напечатаны или отступя, или в квадратных скобках. Отступя напечатан и текст Продолжения к Древнейшему своду, т. е. вся самостоятельная часть Киево-Печерского свода.

Текст Первого Киево-Печерского свода восстановлен преимущественно по тексту Лаврентьевского списка. При этом приняты во внимание и использованы данные других списков ПВЛ (Ипатьевского и Хлебниковского, Радзивилловского и Московско-Академического), далее так называемого Летописца Переяславля Суздальского, также списков Новгородской 1-й младшего извода (Комиссионного, Академического, а в дефектных местах последнего — Толстовского), Синодального списка Новгородской 1-й старшего извода и, наконец, списков двух изводов Новгородского свода 1448 г. — Новгородской 4-й и Софийской 1-й. Все исправления, внесенные на основании этих данных в текст Лаврентьевского списка, оговорены в первой колонне примечаний; не оговоренное, за самыми ничтожными исключениями (исправлены описки), восходит к Лаврентьевскому списку.¹

Ссылки на те параграфы исследования, в которых приведены основания для того или иного исправления, даны в Дополнительных примечаниях, помещенных за текстом.

Во второй колонне подстрочных примечаний отмечены со ссылками на соответствующие параграфы исследования все те отступления от текста Первого Киево-Печерского свода (а следовательно, и Древнейшего Киевского свода), которые позволил себе при передаче его составитель Второго Киево-Печерского или Начального Киевского свода. Имея в виду значительную близость, в особенности начиная с 6453 (945) г., текста Начального свода к тексту ПВЛ, думаю, что эти примечания дадут достаточно данных и для заключений о главнейших отличиях до-

¹ Опущенные из текста Лаврентьевского списка слова не оговариваются, но они в значительной части отмечены в Дополнительных примечаниях. Ссылки в первой колонне примечаний относятся к тому или другому определенному слову или повторенной в сноске фразе, но если в соответствующем месте курсив, то — ко всему набранному курсивом.

шедшего до нас летописного текста, текста ПВЛ, от текста восстанавливаемых древних сводов 1039 и 1073 гг.

В третьей колонне примечаний отмечены места, заимствованные из Священного Писания (в тексте они переданы разрядкой), а также вставки, сделанные составителем Киево-Печерского свода в текст Древнейшего свода.

Текст Древнего Новгородского свода в тех частях его, где он следовал Древнейшему летописному своду (эти части отмечены особым шрифтом), восстановлен согласно с предложенным выше текстом этого последнего свода; впрочем, эти части Древнего Новгородского свода почти всюду набраны с пропусками, обозначенными многоточиями, ввиду вероятности того, что текст этого свода в пределах до Владимирова княжения включительно довольно точно и полно передавал соответствующий текст своего киевского оригинала. Те части Древнего Новгородского свода, которые составлены самим сводчиком или возводятся к Новгородской летописи 1036 г., восстановлены, во-первых, а именно в пределах до 6524 (1016) г. включительно, по Лаврентьевскому и иным спискам, выше перечисленным; во-вторых, а именно в части от 6526 до 6558 (1050) г., главным образом по данным новгородских источников, а именно по обоим изданиям Новгородского свода 1448 г., по росписям князей и владык новгородских, причем, однако, не упущено сравнение с соответствующим текстом Лаврентьевского и иных списков ПВЛ. По тем же данным восстановлены помещенные в виде Приложения к Древнему Новгородскому своду летописные известия 1050—1079 гг.; позднейшие записи, не бывшие в распоряжении составителя Второго Киево-Печерского (Начального) свода, оставлены без внимания. В тексте, восходящем к Новгородской летописи 1036 г., набраны отступя предполагаемые вставки, обязанные своим появлением как составителю Древнего Новгородского свода, так и составителю копии с него, сделанной для Киево-Печерского монастыря.

В первой колонне примечаний отмечены источники, из которых заимствована та или иная фраза, то или иное слово новгородских статей свода. Неоговоренное восходит к Лаврентьевскому списку.

Во второй колонне примечаний оговорены главные отступления, допущенные позднейшими сводами при передаче текста этих новгородских статей.

В третьей колонне примечаний отмечены те вставки, которые сделаны в текст, заимствованный из Новгородской летописи 1036 г. как составителем Древнего Новгородского свода, так и составителем копии с владычного свода, приготовленной для Киево-Печерского монастыря.

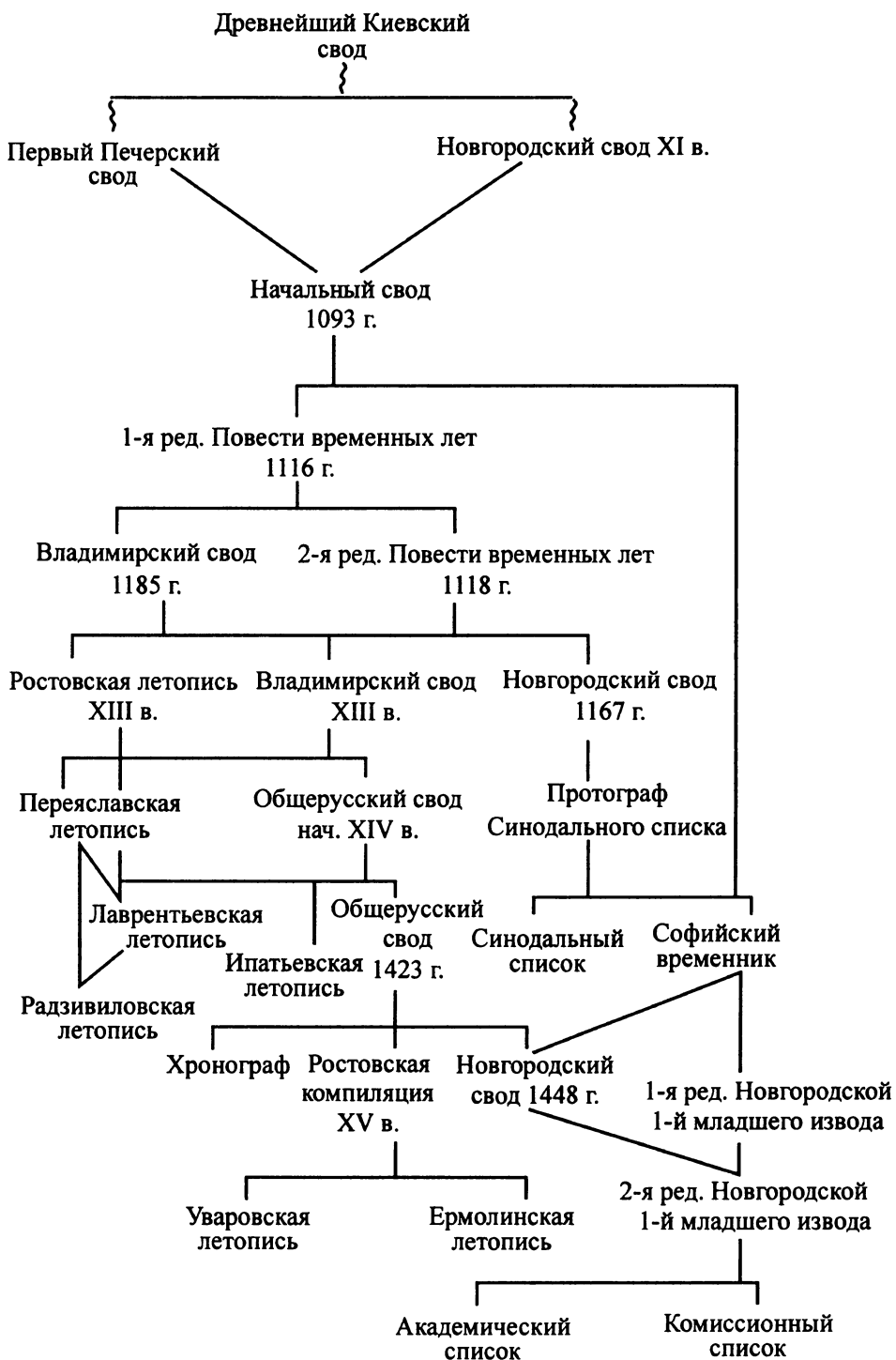
В Дополнительных примечаниях, помещенных за текстом, приведены ссылки на те параграфы исследования, в которых даны основания для того или иного чтения в тексте Древнего Новгородского свода.

Слова переданы в восстановленном тексте в том виде, в каком они встречаются в памятниках XI в. Впрочем, в графике сделан ряд отступлений от приемов древнего письма: так, вместо иотированного *a* и малого юса пишется *я*, вместо иотированного *e* — *е*, вместо *ou* — *у*, вместо *yi* — *ы*. Но не ввожу буквы *й* вместо *и*. Не даю сокращенных написаний (с титлами); пишу по-церковнославянски «чловѣкъ», а не «человѣкъ». Я не счел необходимым давать нестяженные формы в сложном склонении прилагательных и в спряжении давнопрошедшего времени: пишу «добраго», не «добрааго», «доброму», не «добрууму», «вожаше», не «вожаа-

ше», «любляше», не «любляше». Не отрицаю возможности, что в оригиналах XI в. читались нестяженные формы; такие формы для давнопрошедшего времени попадают во многих позднейших сводах, как-то в Софийской 1-й (например, «посвѣтяше», «блещашеся»), и часть их может восходить к оригиналам XI в.; ср. подобные формы в русских памятниках, как Житие Феодосия, житийное сказание о Борисе и Глебе и т. д. Вместо *ѡа* в давнопрошедшем я даю стяженные формы с *я*: «имяше», «бяху». Допускаю и новообразования, как «ходяше» вместо «хожаше». Где имеется указание списков, ввожу формы на *-шетъ* и на *-хутъ* в давнопрошедшем. Пишу «приду», «придохъ», не «прииду», «приидохъ», хотя в XI в. можно встретить и те и другие написания. В выборе между церковнославянскими и русскими формами я руководствовался рукописною традицією; допускаю поэтому в текст некоторые полные гласные формы («порогъ», «Новгородъ», «Деревляне», но «градъ», «брегъ»); даю в дательном и местном постоянно «собѣ», «тобѣ», не «себѣ», «тебѣ»; допускаю написания с *и*, *ж* («хочю», «яжъ») рядом с написаниями с *ш*, *жд* («мещимъ», «побѣждаемъ»); допускаю русское окончание *ѣ* в род. ед. ж. р., им. мн. ж. р., вин. мн. ж. и м. р. рядом с церковнославянским окончанием *я*. Вместо *азѣ*, *я* и *язѣ* даю для однообразия *азѣ*. Восстанавливаю всюду исконные формы с *ѣ* и *ѣ*: «кѣнязь», «сѣмьртъ», «дѣва», «вѣси», хотя возможно, что в оригиналах XI в. попадались и написания, как «князь», «два», «кто», «звати», «всего». В конце предлогов ставлю для однообразия *ѣ* (но оставляю: *без*, *из*, *бес*, *ис*). Даю исключительно окончания *-ия*, *-ие*, *-ию*, *-ии*, а не *-ѣя*, *-ѣя*, *-ѣе*, *-ѣю*, *-ѣи* («братия», «властию»). После *ш*, *ж*, *ч*, *щ*, *ц* пишу *ю*, не *у*, но *а*, не *я*. Поправки языка (архаизация его) не оговорены в примечаниях; кое-какие заметки по языку сообщены в Дополнительных примечаниях. Должен признать, что в некоторых отношениях при восстановлении форм древнего языка я не был достаточно последователен. Возможно, что в оригиналах XI в. было гораздо меньше руссизмов, чем то допущено в предлагаемом тексте.

Курсивом напечатано все то, что извлечено не из летописных сводов или вставлено по догадке.

ТЕКСТЫ

А. ДРЕВНЕЙШИЙ КИЕВСКИЙ СВОД 1039 г. В РЕДАКЦИИ 1073 г.

Начало земли Русьстѣ.^а¹ Быша три братия: единому имя Кыи, а другому Щекъ, а третиему Хоривъ; сестра ихъ Лыбедь. Съдяше^б Кыи на горѣ, кѣде^в нынѣ увозъ Боричевъ,² а Щекъ съдяше на друзѣи^г горѣ, кѣде^д нынѣ зовется Щековица, а Хоривъ на третиеи горѣ, отъ негоже прозвася Хоривица. И 5 сътвориша градъ³ и нарекоша имя ему Киевъ. Бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяще звѣрь. Бяху мужи мудри и съмыслни, нарицахуся Поляне, отъ нихъже суть^е Поляне Киевѣ и до сего днѣ.⁴

* По сихъ же лѣтѣхъ братия си изгыбоша, и * быша 10 обидими Деревлями и^з инѣми окольними. И наидоша я Козаре, съдяща на горахъ сихъ въ лѣсѣхъ, и рѣша

^а «Начало земли Русьстѣ» из Ком. ^б Так в Троицк.; в Лавр.: съдяще. ^в Так в Ипат.; в Лавр.: гдѣже. ^г Из Ком. ^д Так в Ипат.; в Лавр.: гдѣ. ^е Так в Радз. и Ком.; в Лавр.: есть. * «братия си изгыбоша, и» из Ком. (ср. Лавр. под 6370), в Лавр.: «по смерти братьѣ сея». ³ Из Ком. и Радз.

¹ В Нач. св. прибавлено: «Живяху кѣждо съ родѣмъ своимъ на своихъ мѣстѣхъ и странахъ, владѣюще кѣждо родѣмъ своимъ» (§ 199). ² В Нач. св. прибавлено: «и бѣ съ родѣмъ своимъ» (§ 199). ³ В Нач. св. прибавлено: «въ имя брата своего старѣишаго»; эти слова извлечены, как кажется, из Предисловия к Нач. св. («также и въ нашей странѣ званъ бысть градъ великый Киевъ въ имя Кыя»). ⁴ В Нач. св. прибавлено: «бяху же погани, жьруще озеромъ и кладяземъ и рощениемъ, якоже прочии погани»; эти слова извлечены, как кажется, из Речи философа («и по діаволу научению, ови рощениемъ и клядяземъ и рѣкамъ жьряху и не познаша Бога»); соответствие им находится и в Предисловии к Нач. св. Затем в Нач. св. вставка о походе Руси на Царьград (§ 68).

* Дальше следует вставка позднейшего редактора (§ 235).

Козаре: «платите намъ дань». Съдумавъше же ^а Поляне въдаша отъ дыма мечь. И несоша Козаре къ князю своему.¹ Князь же съзъва старѣишины своя и рече имъ: ^б «се налѣзохомъ дань нову». Они же рѣша ему: ^в «отъкуду?» Онъ же рече: ^г «въ лѣсѣ на горахъ надъ рѣкою Днѣпрскою». Они же рѣша: «что суть въдали»? Онъ же показа имъ ^д мечь. И ^е рѣша старѣицы Козарьстии: «не добра дань, княже; мы ся доискахомъ оружиемъ единою страны,^ж рекъше саблями, а сихъ оружие обоуду остро, рекъше мечи;^з си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ». Се же събысться все; не отъ своя воля рекъшемъ ^и *имъ*,^к нъ отъ Божия повелѣния. Якоже ^л при Фараонѣ цѣсари Егѣптьскѣ, егда приведоша Моисѣя предъ Фараона, и рѣша старѣишина Фараоня: «сии хоцетъ съмирити область Егѣптьску», якоже и бысть: погыбоша Егѣптяне отъ Моисѣя, а първѣ ^м бѣша ^н работающе имъ; тако и си първѣ ^о владѣша, а послѣже самѣми владѣють, якоже и ^п бысть: владѣють бо ^р Козары Русьстии князи ^с и ^т до дньншн-
20 няго дъне.²

И по сихъ братии държати почаша родъ ихъ княжение въ Поляхъ;³ и бѣша ратьни с Деревлями и съ Угличи.^у

^а Из Ком. и Радз. ^б «Князь же... рече имъ» из Ком.; в Лавр. и др.: «и рѣша имъ». ^в Так в Ком.; в Лавр.: имъ. ^г Так в Ком.; в Лавр.: «Они же рѣша». ^д Так в Ком.; в Лавр.: «Они же показаша». ^е Из Ком. и Ипат. ^ж Так в Ком. и Ипат.; в Лавр.: «одиною стороною». ^з Так в Ком. и Ипат.; в Лавр.: мечь. ^и Так поправляю; в Ком.: рекше, в Лавр.: рекоша. ^к Вставлено по смыслу. ^л Так в Соф. 1-й; в Лавр.: яко. ^м Так в Ком. и Ипат.; в Лавр.: первое. ^н Так в Ком. и Ипат.; в Лавр.: быша. ^о Из Ком. и Ипат. ^п Из Ком., Соф. 1-й и Ипат. ^р То же. ^с Из Ком. и Ипат. ^т То же. ^у «и бѣша ратьни съ Деревлями и съ Угличи» из Ком.

¹ В Нач. св. прибавлено: «и къ старѣишинамъ (своимъ)». ² Здесь в Нач. св. читалось: «нъ мы на предънее възвратимся». ³ В Нач. св. здесь вставлено о прибытии в Киев двух варягов, Аскольда и Дира (§ 206² и 206³).

Въ *си* же времена ¹ Словѣне ² и Кривичи и Меря ³ дань даяху Варягомъ отъ мужа по бѣлѣ и вѣверици; а иже бяху у нихъ, то ти насиліе дѣяху Словѣномъ и Кривичемъ и Мери; ^а ⁴ и отъ тѣхъ Варягъ ⁵ прозвѣвашася Новѣгородьци ^б ⁶ *Варягы*, ^в прежде бо бѣша Словѣне. ^г ⁷ И бысть у *нихъ* кѣнязь, ^д ⁸ именѣмъ Ольгъ, мужъ ⁵ мудръ и храбръ. И начаша ⁹ воевати вьсюду ^е ¹⁰ и налѣзоса ^ж ¹¹ Дѣнѣпръ рѣку и Смольнѣскъ градъ; и отътолѣ поидоса вѣнизъ по Дѣнѣпру, и придоша къ горамъ Киевѣскимъ, и узрѣша ^з ¹² городъ Киевъ, и испытася, кѣто въ немъ кѣняжить. И рѣша: «дѣва брата, Асколдъ и Диръ». Ольгъ же *потай* ¹⁰ *воя своя* ^и ¹³ въ лодияхъ, и съ малѣмъ дружины излѣзоса ^к ¹⁴ на берегъ подѣ Угѣрскимъ, творѣщая гостьми, ^л и съзѣвася ^м ¹⁵ Асколда и Дира. ^н Сълѣзѣша же има, высѣкаша прочіи вои из

^а «Въ *си* же времена... и Мери» из Ком.; впрочем, вместо «въ *си* же времена» в Ком.: «Въ времена же Кыя и Щека и Хорива». ^б См. в Доп. примеч. ^в В Ком.: «прозѣвашася Русь», см. § 200¹. ^г «прежде бо бѣша Словѣне» из Лавр., см § 200¹. ^д Вместо «у *нихъ* кѣнязь» в Ком.: «у него воевода», см. § 206. ^е «и начаша воевати вьсюду» из свода 1448 г. ^ж Ком.: налѣзоста. ^з Ком.: узрѣста. ^и Вместо «Ольгъ же *потай* воя своя» в Ком.: «Игоръ же и Олегъ творѣщаяся мимоидуша, и *потай*стася»; ср. Лавр.: «похоронивъ вои своя». ^к Ком.: излѣзоста. ^л В Ком.: «на берегъ, творѣщаяся Подугорѣскими гостьми». ^м Ком.: съзѣваста. ^н «и отъ тѣхъ Варягъ... Асколда и Дира» из Ком.

¹ В Нач. св.: «Въ времена же Кыя и Щека и Хорива». ² В Нач. св.: «Новѣгородьстии людие, рекоміи Словѣне» (§ 202). ³ В Нач. св. прибавлено: «Словѣне свою волость имѣли, а Кривичи свою, а Меря свою, кѣждо своимъ родѣмъ владѣаше, а Чюдѣ своимъ родѣмъ» (§ 202). ⁴ В Нач. св. прибавлено: «и Чюди» (§ 202); затемъ вставленъ рассказъ о призваніи варягов. ⁵ В Нач. св. прибавлено: «находѣникъ тѣхъ» (§ 200¹ и 204). ⁶ Извлекаю это «Новѣгородьци» из Лавр., Радз., утраченной Троицкой, где находимъ дважды новгородцевъ во фразѣ: «И отъ тѣхъ Варягъ прозѣвася Русѣя земля, Новѣгородьци ти суть людѣе Новѣгородьци отъ рода Варяжѣска». ⁷ В Нач. св. прибавлено: «и суть Новѣгородьстии людие до дѣньшнѣяго дѣне отъ рода Варяжѣска»; далее сообщалось о смерти Синеуса и Трувора, о единовластіи Рюрика, о рожденіи и возмужалости Игоря. ⁸ В Нач. св.: «у него воевода». ⁹ В Нач. св.: начаста. ¹⁰ В Нач. св. «вьсюду» опущено. ¹¹ В Нач. св.: налѣзоста. ¹² В Нач. св.: узрѣста. ¹³ В Нач. св. исправлено, какъ в Ком. (см. примеч. «и»). ¹⁴ В Нач. св.: излѣзоста. ¹⁵ В Нач. св.: съзѣваста.

лодии ^{а 1} на брегъ ² и убиша Асколда и Дира, и несоша ^б на гору и погребоша я. ^{в 3} И съде *Ольгъ* ^{г 4} кнѣжа Киевѣ; и бѣша у него мужи Варязи, ^{д 5} и отътолѣ прозъвашася Русию. Сии же *Ольгъ* ^{г 4} нача грады ставити и дани устави Варягомъ ^б и Кривичемъ и 5 Мери. ^{е 7}

По сихъ же ⁸ иде Ольгъ на Грькы и приде къ Цѣсарюграду; и Грьци замъкоша Судъ, ^ж а градъ затвориша. И вылъзе ^з Ольгъ на брегъ ^и и повелѣ извлещи корабля на брегъ, и повоева около града; и мѣного убиство сътвориша Грькомъ и разбиша мѣногы 10 полаты и църкѣви пожъгоша. ^к И повелѣ Ольгъ воемъ своимъ колеса издѣлати и вѣставити корабля на колеса; и бывъшую покосьну вѣтру, вѣспяша пѣрѣ и съ поля идоша къ граду. Видѣвъше ^л же Грьци убояшася и рѣша, высълавъше къ Ольгови: «не погубляи града; имемъся по данъ, якоже хоцещи». И устави ^м 15 Ольгъ воя, и вынесоша ^н ему брашьно и вино; и не прия его, бѣ бо устроено съ отравою. И убояшася Грьци и рѣша: «нѣсть се Ольгъ, нѣ святѣи Дѣмитрии, посъланъ отъ Бога на ны». И заповѣда Ольгъ данъ даяти на сѣто ^о корабль по 12 гривнѣ на

^а Так в Переясл., Толст. и Троицк.-Новгор. 1-й; в Ком.: «прочіи воины, злодѣи». ^б Так в Толст. и Троицк.-Новгор. 1-й; в Ком.: «і абіе несѣше». ^в Вставлено по смыслу. ^г В Ком.: Игорь. ^д Так в Толст. («мужи варязи словени»). ^е «Сълѣзъшема же има... и Мери» из Ком. ^ж Так в Толст., в Ком.: съсудъ. ^з В Ком.: вылъзъ, в Ипат. и Переясл.: вылъзе. ^и «на брегъ» из Ипат. и Радз. ^к «пожъгоша» из Радз., Ипат. и Соф. 1-й. ^л Так в Толст., где, впрочем: «и видѣвъше»; в Ком.: «и увидѣвъше». ^м Так в Радз. и Хлебн., в Ком.: «и исъстави». ^н Так в Радз. и Переясл., в Ком.: внесоша. ^о Так в Толст., в Ком.: «на 100, 200».

¹ В Нач. св. прибавлено: Игоревѣ. ² В Нач. св. здесь вставлена речъ Игоря к Аскольду (§ 206²). ³ В Нач. св. прибавлены указанія на места погребенія Аскольда и Дира (§ 206⁴). ⁴ В Нач. св.: Игорь. ⁵ В Нач. св. прибавлено: Словѣне (§ 201). ⁶ В Нач. св.: «и дани устави Словѣномъ и Варягомъ даяти» (§ 201). ⁷ В Нач. св. было прибавлено: «данъ даяти Варягомъ, а отъ Новгорода 300 гривенъ на лѣто мира дѣля, еже даяше до смърти Ярославля» (§ 201); далее сообщено о женитьбѣ Игоря и рожденіи Святослава. ⁸ В Нач. св. здесь вставленъ рассказ о походе Игоря на Царьград и о приготовленіях Игоря и Олега к новому походу (§ 69).

чловѣкъ, а въ корабли по сороку мужъ.¹ Повѣси же ^а щить свои въ вратѣхъ, показая побѣду; и поиде отъ Цѣсаряграда.² И ^б приде Ольгъ Киеву,³ несы злато и паволокы и вино и овощъ и всяко узорочие.^в И прозваша ѿ Ольгъ ^г вѣщии; бяху бо ^д людие погани и невѣгласи. Иде Ольгъ Новугороду и отътуда ⁴ 5 за море, и уклону ѿ змيا въ ногу, и съ того умьре.^е ⁵

По сихъ же Игорь *сѣде* * Киевѣ кѣняжа; ^б и приведе собѣ жену отъ Пльскова, именемъ Ольгу; и бѣ мудра и смысльна, отъ неяже родися сынъ Святославъ.⁷ И бѣ у него воевода, именемъ Свѣнелдъ. И *иде Игорь на Деревляны и, побѣдивъ я,* 10 *възложи на ня дань.*³ И *иде на Угличѣ;*^и и не въдадѣшеться единъ градъ именемъ Пересѣченъ; и сѣде около его три лѣта, и едва възя ѿ. Бѣша ^к же сѣдѣще Угличи по Днѣпру вънизъ, и по семь преидоша ^л межю Богъ и Днѣстръ, и сѣдоша тамо. И примучи Угличѣ, и ^м възложи на ня дань, и въдасть Свѣнелду; ^н 15 и дасть же дань Деревъскую Свѣнелду; и имаше ^о по чѣрнѣ кунѣ отъ дыма. И рѣша дружина Игореви: «се далъ еси единому му-

^а Из Толст. ^б Так в Радз. и Переясл. ^в «и всяко узорочие» из Радз. и Ипат. ^г Так в Толст., в Ком.: Олга; в Соф. 1-й и Троицк.-Новгор. 1-й: «прозваша Олга». ^д Так в Радз. и Ипат., в Ком.: «и бяху». ^е «По сихъ же иде Ольгъ... и съ того умьре» из Ком. * Ком.: «Игорь же сѣдѣше». ³ См. § 70². ^и См. § 70²; вместо этого в Ком.: «и воюя на Древляны и на Угличѣ» читается выше. ^к Ком.: «и едва взя. И бѣша». ^л Так в Толст. ^м Из Троицк.-Новгор. 1-й. ^н Фраза «и примучи... въдасть Свѣнелду» в Ком. выше, после: «и бѣ у него воевода именемъ Свѣнелдъ». ^о Так в Троицк.-Новгор. 1-й, в Ком.: имаша.

¹ В Нач. св. прибавлено: «самъ же възя злато... а Словѣномъ кропины; и бысть тако» (§ 208 и 209). ² В Нач. св. прибавлено: «и въспѣша пѣрѣ... не даны суть Словѣномъ пѣрѣ» (§ 208 и 209). ³ В Нач. св. прибавлено: «и къ Игорю». ⁴ В Нач. св. прибавлено: «в Ладугу; друзии же сѣказаютъ, яко идущю ему» (§ 207). ⁵ В Нач. св. прибавлено: «есть могила его въ Ладозѣ» (§ 207). ⁶ В Нач. св. вместо этого: «И живѣше Игорь, миръ имѣя къ всѣмъ странамъ, кѣняжа Киевѣ» (§ 70²). ⁷ В Нач. св. фраза «и приведе собѣ жену... сынъ Святославъ» перенесена выше. Все дальнейшее в Нач. св. опущено и заменено словами: «И приспѣ осень и нача мыслити на Деревляны, хотя примыслити большюю дань. Въ лѣто 6453. Рекоша дружина Игореви: отроки Свѣнелъжи» и т. д.

жеви мно́го; ^а отроци Свѣнелжи изодѣлися суть оружиемъ и пѣрты, а мы нази; да ^б поиди, кѣняже, съ нами въ ^в дань, да и ты ^г до-будеши и мы». Послуша ихъ Игорь, иде въ Дѣрева ^д въ дань.^е (*За-тем сообщалось о нападении на Игоря Мъстиши, сына Све-5 нельда, вместе с древлянами* ¹).

И вышѣдъше изъ града Искоростѣня Древлѣяне убиша Игоря и дружину его; ² и погребенъ бысть Игорь; есть могила его у Искоростѣня града въ Древлѣхъ и до сего дѣне.

Начало кѣняжения Святославля.* Ольга же бѣше
10 Кыевъ съ сынѣмъ своимъ съ дѣтѣскѣмъ Святославѣмъ, и кѣрмильцѣ его и ^з воевода бѣ Асмудъ.^и ³ И *събѣраша* ^к ⁴ вои мно́гъ и храбрѣ,^л и *идоша* ^м ⁵ на Древлѣску землю. Изидоша Древлѣяне противу; сънѣмъшемася обѣма пѣлкома на съкупѣ, суну копиемъ Святославѣ на ^н Древлѣяны, и копие летѣ сквозѣ уши коневѣ, и ^о удари
15 въ ноги коневѣ, бѣ бо дѣтѣскѣ. И рече Асмудъ: ⁶ «кѣнязь уже почаль; потягнѣте, дружино, по кѣнязи». И побѣдиша Древлѣяны, и възложиша на ня дань тяжѣку: дѣвѣ части дани идѣта Киеву, а третѣя Вышегороду къ Ользѣ; бѣ бо Вышегородѣ градѣ Ользинѣ.

20 И иде Ольга по Древлѣстѣ земли съ сынѣмъ своимъ и съ

^а Из Толст. и Троицк.-Новгор. 1-й. ^б Так в Толст. и Хлебн., в Ком.: а. ^в Так в Лавр., в Ком.: на. ^г «да и ты» в Лавр., в Ком.: «а ты». ^д «въ Дѣрева» из Лавр. ^е «По сихъ же Игорь съде Кыевъ кѣняжа... иде въ Дѣрева въ дань» из Ком. * Заглавие из Ком. и Ипат. (помещено в них ниже). ^з Из Радз. и Ком. ^и В Лавр.: Свѣнелдѣ, а Асмуд назван кормильцем (§ 219⁸). ^к В Лавр. и др.: собра (согласовано с Ольгой). ^л В Лавр.: «вои много и храбры». ^м В Лавр. и др.: иде. ^н Из Радз., Ипат. и Ком. ^о Из Радз. и Ипат.

¹ В Нач. св. этот рассказ заменен другим, начинавшимся словами «и примышляше къ первой дани и насилѣше имѣ и мужи его»: Игорь, возвращаясь из Древлѣской земли, отпускает свою дружину в Киев, а сам с небольшою дружиной идет опять в дань; древлѣяне с князем Малом требуют удаления Игоря, но он не слушает их (§ 219⁶ и 219⁷). ² В Нач. св. прибавлено: «бѣ бо ихъ мало» (§ 219⁷). ³ В Нач. св.: «и кормилецъ его Асмудъ и воевода бѣ Свѣнелдѣ, тѣ же отѣцъ Мъстишинѣ» (§ 219² и 219⁸); дальше в Нач. св. вставлен рассказ о мести Ольги (§ 72). ⁴ В Нач. св.: събѣра. ⁵ В Нач. св.: иде. ⁶ В Нач. св.: Свѣнелдѣ и Асмудъ (§ 219⁸).

дружиною, уставляючи уставы и уроки; суть становища ея и ловища ¹ по всеи земли,² и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ея Ольжичи и доселѣ.³

По сихъ же иде Ольга въ Грькы и приде Цѣсарюграду; бѣ тогда цѣсарь именѣмъ Цѣмьскѣи.⁴ И крѣсти ю цѣсарь съ патриархѣмъ. Просвѣщена же бывѣши радовашеся душою и тѣлѣмъ; и поучи ю патриархъ о вѣрѣ; рече еи: «благословена ты въ Русьскыхъ кнѣзѣхъ,^а яко възлюби свѣтъ, а тѣму остави; благословити тя хотѣтъ сынове Русьстѣи въ послѣднѣи родѣ внукѣ твоихъ». И заповѣда еи о цѣрквѣнѣмъ уставѣ, о молитвѣ и о постѣ, о милостыни и о въздѣржанѣи тѣла чиста; она же, поклонивѣши главу, стояше, акы губа напаяема, вѣнимаючи учения; и ^б поклонися ^в патриарху, глаголющи: «молитвами твоими, владыко, да сѣхранена буду отъ сѣти неприязнѣны». Бѣ же наречено ^г имя еи въ крѣщении Елена, якоже и древнѣя цѣсарица, мати великаго Костѣянтина. Благослови ю патриархъ и отпусти ю,⁵ нарекѣ ю дѣщерѣю собѣ. Она же, хотящи домови, приде къ патриарху, благословения просящи на домѣ; и рече ему: «людие мои погани и сынѣ мои; да бы мя Богѣ сѣблютъ отъ всѣякого зѣла». И рече еи ^д патриархъ: «чадо вѣрное! въ Христа крѣстилася еси и въ Христа облечеса, Христосѣ иматъ сѣхранити тя; якоже сѣхрани Еноха в пѣрвыя роды и по томѣ Ноя въ ковчезѣ, Авраама отъ Авимелеха, Лота отъ Содомлянѣ, Мовсѣя отъ Фараона, Давыда отъ Саула, три отроky отъ пещи, Данила отъ звѣрии, тако и ты избавитъ отъ неприязни и отъ сѣтии его». Благослови ю патриархъ, и иде съ мирѣмъ въ свою землю. И приде Киеву. Се же бысть ⁶ въ лѣто 6463.⁷

^а Из Ипат.; в Радз., Соф. 1-й и Ком.: женахъ (в Лавр. опущено).

^б Из Радз. и Ком. ^в Так поправляю вместо «поклонившихся». ^г Так в Ком. и Ипат.; в Лавр.: речено. ^д Из Ком.

¹ В Нач. св. прибавлено о возвращении Ольги и Святослава в Киев (§ 73) и затем под 6455 г. о походе Ольги в Новгородскую землю (§ 73 и 116). ² Здесь продолжение вставки о поездке Ольги в Новгородскую землю. ³ В Нач. св. прибавлено о возвращении Ольги в Киев. ⁴ Здесь в Нач. св. вставка из народного предания (§ 74). ⁵ Здесь в Нач. св. вставка (§ 74). ⁶ Здесь в Нач. св. вставка (§ 74¹ и 114¹) и далее еще другая вставка (§ 74). ⁷ В Нач. св. слова «въ лѣто 6463» перенесены в начало статьи.

Живяше же Ольга съ сынѣмъ своимъ Святославѣмъ, и уча-
шет ѿ матери крѣститися; и небрежаше^а того, ни въ^б уши¹
вѣнчаше того, глаголя: «како азъ хошю инъ законъ прияти единъ,
а дружина сему смѣяться начнеть». Аще бо^в кто хотяше во-
5 лею^г крѣститися, не браняху, нъ ругахуся тому. Невѣрнымъ
бо въра хрѣстіяньска уродство есть;^{*} не смы-
слиша бо, ни разумѣша въ тѣмъ ходящии.^{2**} Она
же рече^д ему: «аще ты крѣстишися, вси имуть то же творити».^с
Онъ же не послуша матери; творяше нравы поганьскыя, не вѣды,
10 аще кто матери не послушаетъ, въ бѣду въпадаетъ; якоже рече:
аще кто отъца ли матери не послушаетъ, съмѣрътъ
прииметь.^{3***} Нъ обаче любляше Ольга сына своего Свято-
слава, рекущи: «воля Божия да будетъ; аще Богъ хошетъ поми-
ловати рода моего и землѣ Русьскыѣ, да възложитъ имъ на
15 сѣрдце обратитися къ Богу, якоже и мѣнѣ Богъ дарова». И
се рекъши, моляшеся за сына и за люди по вся ноци и дѣни,
кѣрмѣящи сына своего до мужѣства его и до вѣзраста его.

Кѣнязю Святославу вѣзрастѣю и вѣзмужавѣю, нача вой-
сѣвъкупляти мѣногъ и храбрѣ;^ж бѣ бо самъ храбрѣ^з и льгѣкъ,^{и4}
20 акы пардусѣ; воины мѣногы творяше,⁵ а^к возѣ по собѣ не во-
жаше, ни котѣла, ни мясѣ варя, нъ по тѣнѣку изрѣзавъ конину

^а Так в Радз. и Ком.; в Лавр.: «не бѣжаше». ^б Из Радз. и Ком.
^в Вставлено по смыслу (§ 114²). ^г Из Ком., Соф. 1-й и Ипат. ^д Так
в Радз. и Ком.; в Лавр.: нарече. ^е Так в Ипат., Радз., Соф. 1-й и Ком.;
в Лавр.: сътворити. ^ж Так поправляю; в Лавр.: «многи и храбры». ^з «бѣ
бо самъ храбрѣ» из Ком., Ипат. и Соф. 1-й. ^и Так в Ипат. и Соф. 1-й;
в Лавр.: легко. ^к Из Ком.

¹ Здесь в Нач. св. вставлено: «вѣнчаше, нъ аще кто хотяше...
въ тѣмъ ходящии» (см. ниже), далее еще: «и не вѣдятъ славы Господ-
ня, одебелѣша бо сѣрдца ихъ... аще ты познаеши и радоватися почѣ-
неши. Онъ же не» (§ 114²). ² Слова «Аще кто хотяше... въ тѣмъ хо-
дящии» перенесены в Нач. св. выше (см. предыдущее примеч.). ³ В
Нач. св. прибавлено: «Се же к тому гнѣвашеся на матерѣ. Соломанъ
бо рече... да не възненавидятъ тебе» (§ 114²). ⁴ В Нач. св.: «льгѣкъ
ходя». ⁵ В Нач. св.: «творяше ходя».

* 1 Коринф. I, 18. ** Пс. LXXXI, 5. *** Лев. XX, 9.

ли, звѣрину ли, грядину ^а на угльхъ испекъ ядеше; ^б ни шатъра
имяше, нѣ подѣкладъ постылавъ и седьло въ головахъ; тако же
и прочии вои его вѣси бяху. И ^в посылаше къ странамъ, глаго-
ля: «хощю на вы ити».

И иде ¹ на Вѣлгу на Козары. ^г И налѣзе Вятичѣ, и рече ⁵
Вятичемъ: «кому данъ даете?» Они же рѣша: «Козаромъ по
щѣлягу отъ рала данъ ^д даемъ». ² Слышавъше же Козаре изи-
доша противу съ кнѣзъмъ своимъ каганъмъ и съступишася
обои, ^е и бывъши брани, одолѣ Святославъ Козаромъ и градъ
ихъ Бѣлу Вежу взя, [Ясы побѣди и Касоги], ^{*} и приведе ¹⁰
къ ^ж Киеву ^з ³ Вятичѣ ⁴ и данъ на ня възложи.

По сихъ же иде Святославъ на Дунаи на Бѣлгары. Бивъ-
шемъся обоимъ, одолѣ Святославъ Бѣлгаромъ и взя город
80 по Дунаеви. Съде кнѣжна ту Переяславъци, емля данъ на
Грыцѣхъ. 15

По семъ же придоша Печенѣзи на Русьску землю първое, а
Святославъ бѣше Переяславъци; и затворися Ольга ^и съ вѣнуки
своими, Яропѣлкъмъ и Ольгъмъ и Володимеръмъ, въ градъ Киевѣ.
И оступиша градъ въ силѣ велицѣ, бещисльно мѣножьство около
града, ⁵ и не бѣше лѣзѣ коня напоити на Лыбеди Печенѣгы. ^к И ²⁰
посылаша Кыяне къ Святославу, глаголюще: «ты, кнѣже, чюжея
земля ищещи и блюдеши, а своя ся охабивъ; малы бо насъ не
възяша Печенѣзи, матеръ твою и дѣти твоя; аще не поидеши,

^а Так в Ком.; в Лавр.: «или говядину». ^б Так в Ком. и Радз.; в Лавр.: «ядяху». ^в Из Ипат., Радз., Соф. 1-й и Ком. ^г Вставлено по смыслу. ^д Из Ком. ^е Так в Соф. 1-й: так поправляю вместо «бить» Лавр., ср. «на бои» Ком., «обои полцѣ» Толст. ^ж Из Толст. и Троицк.-Новгор. 1-й. ^з «и приведе Киеву» из Ком. ^и В Лавр.: «Волга въ градъ», но «въ градъ» опущено в Толст., Соф. 1-й, Хлебн., Переясл. и др. ^к Так в Ком. и Ипат.; в Лавр.: Печенѣзи.

¹ В Нач. св. прибавлено: «на Оку рѣку и» (§ 80). ² В Нач. св. прибавлено: «Въ лѣто 6473. Иде Святославъ на Козары» (§ 80). ³ В Нач. св. прибавлено: «Въ лѣто 6474». ⁴ В Нач. св. прибавлено: «побѣди Святославъ» (§ 80). ⁵ В Нач. св. вставлен рассказ о подвиге смелого юноши и появлении Претича (§ 85).

* Это вставлено позднейшим редактором (§ 234).

ни обраниши насъ, да паки, ны възьмутъ; аще ти не жаль отъ-
чины своея, ни матере, стары суца, и дѣтии своихъ?» То слы-
шавъ Святославъ въбързѣ въсѣде на конѣ съ дружиною своею
и приде Киеву, цѣлова мать свою и дѣти своя, и съжалися
5 о бывшемъ отъ Печенѣгъ. И събѣра вои и прогнѣ Печенѣгы
въ поле.^а *Се же* бысть¹ въ лѣто 6477.

И^б рече Святославъ къ матери своей и къ бояромъ своимъ:
«не любо ми естъ Киевѣ быти, хоцю жити Переяславѣци въ
Дунаи, яко то естъ среда земли моеи, яко ту вся благая съхо-
10 дятся: отъ Грькѣ злато, паволоки, вина, оwoщеве разноличьни,
ис Чехѣ же и^в из Угрь^г серебро и комони, из Руси же скоро
и воскъ, медъ и челядь». Рече ему Ольга: «видиши ли^д мя
больну^е суцю; камо хоцещи от мене ити?» бѣ бо разболѣлася
уже; рече же ему: «погребѣ мя, иди яможе хоцещи». По трѣхъ
15 дньхъ умьре Ольга. И плакася по неи сынъ ея и вѣнуци ея и
людие вси плачѣмъ великѣмъ; и^ж несѣше^з погребѣша ю^и на мѣ-
стѣ у *града Києва*.^к 2 И бѣ^л заповѣдала Ольга не творити тризны
надъ собою: бѣ бо имущи презвутерь; сии похорони блаженую
Ольгу.

20 Си бысть предѣтекущи хръстиянѣстѣ земли акы дньница
предѣ сълнѣцѣмъ и акы заря предѣ свѣтѣмъ сияше^м и акы луна
въ ноци, тако и си въ невѣрныхъ чловѣцѣхъ свѣтяшеся,^н акы
бисѣрь въ калѣ: калѣни бо бѣша грѣхы,^о не омѣвени креще-
ниемъ святымъ. Си бо омыся купѣлю святою и съвлечеся грѣ-
25 ховьныя одежда^п вѣтѣхаго чловѣка Адама и въ новыи Адамѣ

^а Так в Радз. и Ком.; в Лавр.: «в поли». ^б Из Ком. и Моск.-Акад.
^в Из Толст. и Ипат. ^г В Лавр. ошибочно: «из урогъ». ^д Из Ком. и Ипат.
^е Так в Ком. и Радз.; в Лавр.: болное. ^ж Из Ком. и Ипат. ^з Так в Ком.
и Ипат.; в Лавр.: «несоша и». ^и Так в Ком.; в Лавр.: и. ^к Вставлено
по сравнению с рассказами об убиении Игоря и об убиении Олега.
^л Так в Ком. и Радз.; в Лавр.: бо. ^м В Лавр. и Соф. 1-й: «си бо съяше»,
в Ком.: «ибо сияше». ^н Так в Радз. и Ком.; в Лавр.: свѣтяшеся. ^о Так
в Моск.-Акад.; в Лавр.: грех; ср. в Соф. 1-й: грѣхи (В.), грѣхми (К. О.),
в Ком.: грѣхомъ. ^п Так в Ком.; в Лавр.: «грѣховною одежевъ».

¹ В Нач. св. переделано в «и бысть миръ». ² В Нач. св.: «у града
Кіева» опущено.

облечеса, еже есть Христось. Мы же рыцѣмъ къ неи: радуися, Русьское познание къ Богу, начатѣкъ примирению *бысть*.^а Си пьрвое въниде въ цѣсарство небесное отъ Руси, сию бо хвалѣть Русьстии кѣнязи и ^б *людие* ^в акы начальницю: ибо по смърти моляше Бога за Русь. Правѣдныхъ бо душа не умирають, 5 якоже рече Соломонъ: похваляемугъ правѣдному възвесе- селяться людие; * бесъмъртна^д бо есть память его, яко отъ Бога познавается и отъ чловѣкъ. Сию ^е бо вси чловѣци прославляють, видяще лежащю ^ж въ тѣлѣ на многа лѣта; рече бо Пророкъ: прославляющая мя прославлю.** О сяковыхъ 10 бо Давыдъ глаголаше: въ память вѣчную^з правѣд- никъ будеть, отъ слуха зѣла не убоиться; гото- во сърдце его упѣвати на^и Господа, утвърдися сърдце его, и не подвижется.^{1***}

Посемъ же Святославъ посади Яропѣлка Кыевъ, Ольга ² въ 15 Деревѣхъ, *а Володимера Новѣгородѣ*.^{к 3} И *иде* ^л Святославъ Переяславцю,⁴ и затворишася Българе въ градъ. И излѣзоша Българе на сѣчу противу Святославу, и бысть сѣча велика, и одалаху Българе. И рече Святославъ во емъ своимъ: «уже намъ съде пасти; потягнѣмъ мужьскы, братие и дружино!» И къ ве- 20 черу одолѣ Святославъ, и възя градъ копиемъ; и рече; «се градъ мой!» ^м И посѣла къ Грькомъ, глаголя: «хощю на вы ити

^а Исправлено по смыслу; в Лавр. и др.: быхом. ^б «кѣнязи и» из Ком. ^в Так поправляю вместо «сынове» (Лавр. и Ком.) на основании сходного места в похвале Владимиру. ^г Так в Толст., Ипат. и Соф. 1-й; в Лавр. и Ком.: похвала. ^д Так в Троицк.-Новгор. 1-й; в Лавр.: бесмертие. ^е Так поправляю, ср. выше: «сию бо хвалѣть»; во всех списках вместо «сию» — «се». ^ж Так в Ком.; в Лавр.: «видяща лежащая». ^з Из Ком. и Радз. ^и То же. ^к Восстанавливаю по догадке (§ 117). ^л То же (§ 117). ^м «и рече: се градъ мой» из Ком. и Ипат.

¹ В Нач. св. здесь вставка (§ 114³). ² В Нач. св.: «а Ольга». ³ Вместо «а Володимера Новѣгородѣ» в Нач. св. вставка о приглашении Владимира в Новгород новгородцами (§ 117). ⁴ В Нач. св. вместо этого: «Въ лѣто 6479. Приде Святославъ въ Переяславцю».

* Притч. XXIX, 2. ** 1 Царств. II, 30. *** Пс. CXI, 6—8.

и ^а възяти градъ вашъ, яко и сии». И рѣша Гръци: «мы недужи противу вамъ стати, нѣ възми дань на насъ, и на дружину свою, и повѣжьте, ны, колько васъ, да въдамы по числу на главы». Се же рѣша Гръци, лѣстяще подѣ Русию. И рече имъ
5 Святославъ: «есть насъ 20 тысящъ»; и прирече 10 тысящъ, бѣ бо Руси 10 тысящъ только.^б И пристроиша Гръци 100 тысящъ на Святослава, и не даша дани. И поиде Святославъ на Гръкы, и изодоша противу Руси. Видѣвъше же Русь убояшася зѣло мнѡжества вои, и рече Святославъ: «уже намъ нѣкамо ся дѣти,
10 волею и неволею стати противу; да не посраимъ землѣ Русьскыѣ, нѣ лязѣмъ костью; мъртви бо срама не имамъ; аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ; ни имамъ убѣжати, нѣ станѣмъ крѣпко, азъ же предѣ вами поиду; аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою!» И рѣша вои: «идеже глава твоя, ту и своя главы
15 съложимъ». И испълчишася Русь и Гръци противу, и съразистася пѣлка, и оступиша Гръци Русь,^в и бысть сѣча велика; и одолѣ Святославъ, и бѣжаша Гръци. И поиде Святославъ къ граду, воюя и грады разбивая, иже стоятъ пусти ^г и до днѣшняго днѣ.¹ И посъла цѣсарь, глаголя сиче: «не ходи къ граду,
20 възми дань на насъ,^д еже хоцещи»; за малѣмъ бо бѣ не дошлѣ Цѣсаряграда. И ^е даша ему дань; имашеть же и за убиенныя, глаголя: «яко родъ его възметъ». Възя же и дары мнѡгы, и възвратися въ Переяславыць с похвалою великою. Видѣвъ же мало дружины своя, рече въ собѣ: «еда како прельстивѣше
25 избиють дружину мою и мене», бѣша бо мнѡзи погыбли на пѣлку. И рече: «поиду въ Русь, приведу боле дружины». И * поиде въ лодияхъ.² И посълаша Переяславци къ Печенѣгомъ, глаголюще: «се идетъ вы Святославъ въ Русь, възъмъ имѣние мнѡго у Гръкъ и полонѣмъ бещисльнѣ, съ малѣмъ ³ дру-

^а Из Радз., Ипат. и Соф. 1-й. ^б Так в Радз.; в Лавр.: то. ^в Слова «и Гръци противу, и съразистася пѣлка, и оступиша Гръци Русь» из Ком., Толст. и Ипат. ^г Из Ком. и Радз. ^д Слова «на насъ» из Ком. и Соф. 1-й. ^е Так в Радз. и Ком.; в Лавр.: ибо. * Из Радз. и Ком. ³ В Лавр.: малыми.

¹ В Нач. св. здесь вставка (§ 89). ² В Нач. св. здесь вставка о Свенельде (§ 2199).

жины». Слышавъше же се Печенѣзи заступиша пороги. И приде Святославъ къ порогомъ, и не бѣ лъзѣ проити порогъ; и ста зимовати въ Бѣлобережии; и не бѣ у нихъ брашна уже, и бысть гладъ великъ, яко по полутривнѣ глава коняча. И зимова Свя-
тославъ ту. Веснѣ же приспѣвъши, поиде Святославъ въ пороги, 5
и нападе на нь Куря, кѣнязь Печенѣжскыи; и убиша Свято-
слава, възяша главу его, и въ лѣбѣ его съдѣлаша чашю, око-
вавъше ^а лѣбѣ его, и пияху по немъ.¹

Кѣняжение Яропѣлче.^б А Яропѣлкѣ *сѣде*^в кѣняжа 10
Кыевѣ. И воевода бѣ у него Блудъ; ^г ² и мѣлвляше вьсѣгда Яро-
пѣлку: ³ «и поиди на Ольга, брата своего,^д ⁴ и преими власть его». ⁵
Поиде Яропѣлкѣ ⁶ на Деревьску землю, и изиде противу его Ольгѣ,
и въпѣлчистася; ^е и сѣразивъшемася ^ж пѣлкома, побѣди Яропѣлкѣ
Ольга. Побѣгшу же Ольгу съ вои своими въ градъ, рекомыи 15
Вѣручии, бѣаше чресъ гроблю мостъ къ вратомъ граднымъ; тѣ-
снящеся другъ друга пихаху въ гроблю; и съпѣхнуша Ольга съ
мосту въ дѣбрь: падаху людие мѣнози, и удавиша ^и ³ кони и ^и
чловѣци. И въшѣдъ Яропѣлкѣ въ градъ Ольговъ, прея ^к власть
его. И посѣла искать брата своего; искавъше его, не обрѣтоша.
И рече единъ Деревлянинъ: «азъ видѣхъ, яко вѣчера съпѣхнуша 20
съ мосту». И посѣла Яропѣлкѣ искать брата, и влачиша трупие
изъ гроблѣ отъ утра и до полудне; и налѣзоша Ольга выис-
поди трупия; вынесоша ^л ^и, и положиша ^и на ковѣрь. И приде

^а В Лавр.: оковаше. ^б «Кѣняжение Яропѣлче» из Ком. и Троицк.-Новгор. 1-й. ^в В Ком.: же; исправляю по смыслу. ^г «А Яропѣлкѣ... у него Блудъ» из Ком. ^д «на Ольга брата своего» извлекаю из дальнейшего, в Лавр. и Ком.: «на братъ свои». ^е Так в Ком.; в Лавр.: вполчишася. ^ж «и сѣразивъшемася» из Ком. и Радз.; в Лавр.: ратившемася. ^з Из Ком. ^и Из Ком. и Соф. 1-й. ^к Так в Переясл.; в Лавр.: перея; в Ком. и Радз.: прия. ^л Так в Радз.; в Лавр.: внесоша.

¹ В Нач. св. прибавлено: «Свѣнелдъ же приде Киеву къ Яропѣлку». ² В Нач. св. вместо «Кѣняжение Яропѣлче... у него Блудъ» указание на число лет княжения Святослава, и затем: «Въ лѣто 6481. Нача княжити Ярополкъ»; далее следует пустой 6482 г., наконец под 6483 г. рассказывается об убиении Олегом Люта Свенельдича (§ 177, 182, 219 и 219¹). ³ В Нач. св. по связи с предыдущим прибавлено: Свѣнелдъ. ⁴ В Нач. св.: «поиди на братъ свои» (§ 219). ⁵ В Нач. св. прибавлено: «хотя отъмстити сыну своему». ⁶ В Нач. св. прибавлено: «на Ольга, брата своего».

Яропѣлкѣ надѣ нѣ и^а плакася, и рече *Блуду*:^б «яжѣ в сего ты, еже еси хотѣлъ!» И погребоша Ольга на мѣстѣ у града Вѣручаго, и естъ могила его и до сего днѣ у Вѣручаго.¹ Слышавѣ же се Володимѣрь Новѣгородѣ,² убоявѣся, бѣжа за море.

5 И прѣя власть его Яропѣлкѣ^г³ и посадники своя посади Новѣгородѣ. И бѣ владѣя единѣ вѣ Руси.

В лѣто 6486.^д Начало кѣняжения Володимѣря.^е Приде Володимѣрь съ Варягы Новугороду и рече посадникомѣ Яропѣлчемѣ: «идѣте кѣ брату моему и рѣцѣте ему: Володимѣрь
10 ти идеть на тя, пристраиваися противу битѣся». ⁴ И събѣра вои мѣногѣ,^ж Варягы и Словѣны⁵ и Кривичѣ,⁶ и поиде на Яропѣлка. И приде Володимѣрь Кыеву,⁷ и не може Яропѣлкѣ стати противу, и затворися Кыевѣ съ людѣми своими и съ Блудѣмѣ.⁸ Володимѣрь же посѣла кѣ Блуду⁹ съ лѣстїю, глаголя: «попрїяи ми; аще
15 убїю брата своего, имѣти тя хошю вѣ отѣца мѣсто, и мѣногу чѣсть вѣзьмешї отѣ мене; не азѣ бо почахѣ братїю бити, нѣ онѣ; азѣ же, того убоявѣся, придохѣ на нѣ». И рече Блудѣ кѣ посѣломѣ Володимѣремѣ: «азѣ буду тобѣ вѣ сѣрдѣце и вѣ прїязнѣство». О зѣлая лѣсть чловѣчѣска! Якоже Давыдѣ глаголетѣ: яды и хлѣбѣ
20 мои вѣзвѣлїчилѣ естъ на мя лѣсть. Съ убо^з лукавѣствовавѣше на кѣнязя своего лѣстїю. И паки: языки своими

^а «надѣ нѣ и» из Соф. 1-й и Ипат.; в Лавр.: «надѣ немѣ». ^б Вставлено по смыслу; в Ком. и др.: «и рече Свѣнѣлду»; в Лавр. «и рече Свѣнѣлду» опущено (см. § 219). ^в Так в Переясл., Ком., Соф. 1-й и своде 1423 г. (§ 182); в Лавр.: вижѣ. ^г Слова «И прѣя власть его Яропѣлкѣ» извлечены из предыдущего текста Лавр., Ком. и др. (ср. ниже, примеч. 1). ^д Вставлено предположительно; в Нач. св.: «Вѣ лѣто 6488» (ср. § 11 и 104). ^е Это заглавїе из Ком. и Соф. 1-й. ^ж В Лавр. и др.: многи. ^з Так в Ком.; в Лавр.: бо.

¹ В Нач. св. вставлено: «И прѣя власть его Яропѣлкѣ», а затем о жене Ярополковой. ² В Нач. св. вставлено ввиду предыдущей вставки: «яко Яропѣлкѣ уби Ольга». ³ В Нач. св. это перенесено выше (см. примеч. 1). ⁴ В Нач. св. вставка рассказа о Рогнеде (§ 103, 118 и 1844). ⁵ В Нач. св. прибавлено: Чюдѣ; в Древн. св. стояло вместо этого, быть может: «и Мерю». ⁶ Продолжается вставка рассказа о Рогнеде. ⁷ В Нач. св. прибавлено: «съ вои многи». ⁸ Здесь в Нач. св. вставка с указанием, где стоял Владимир (см. Доп. примеч.). ⁹ В Нач. св. прибавлено: «воеводѣ Яропѣлчю».

льщахуся;^а суди имъ, Боже,* да отпадутъ отъ
мыслии своихъ по мѣножѣству нечѣстия ихъ; из-
рини я,^б яко прогнѣваша тя, Господи.** И пакы
тъи рече Давыдъ: мужъ крѣвѣи и^в лѣстивъ не пре-
половить^г дѣний своихъ.*** Съ есть свѣтъ зълъ, иже 5
свѣщеваютъ на крѣвопролитие; то суть неистовии, иже приимыше
отъ кѣнзя или отъ господина своего чѣсть ли дары, ти мыслятъ
о главѣ кѣнзя своего на погубление; горыше суть бѣсовъ таковии:
якоже и^д Блудъ преда кѣнзя своего, приимъ отъ него чѣсти
мѣногы; съ бо бысть повиннъ крѣви тои. Съ бо Блудъ, затвори- 10
вся^е съ Яропылкѣмъ, сълаше къ Володимеру часто, веля ему при-
стряпати къ граду бранию, а самъ мысля убити Яропылка; гра-
жданы же не бѣ лѣзѣ убити его. Блудъ же не възмогъ, како бы
погубити ѿ, замысли лѣстѣю, веля ему не^ж излазити на брань из
града. Лѣстя же рече^з Блудъ Яропылку: «Кыяне сълютъся къ Воло- 15
димеру, глаголюще: приступай къ граду, яко предамы ти Яропылка;
побѣгни за градъ». И послуша его Яропылкъ; избѣгъ предъ
нимъ, затворися въ градъ Родни на устѣи^и Рѣси.^к А Володи-
меръ вѣниде въ Кыевъ. И ошѣде Яропылка въ Родни, и бѣ
гладъ великъ въ немъ; и^л есть притѣча до сего дѣне: бѣда акы 20
въ Родни. И рече Блудъ Яропылку: «видиши ли,^м колько вои
у брата твоего? нама ихъ нѣ пребороти; твори миръ съ братьемъ
своимъ», лѣстя подъ нимъ се рече. И рече Яропылкъ: «такъ буди!»
И посъла Блудъ къ Володимеру, сице глаголя: «яко събысться
мысль твоя, яко приведу къ тобѣ Яропылка, и пристрой убити 25
ѿ». Володимеръ же то слышавъ, вышѣдъ въ дворъ теремныхъ

^а Так в Соф. 1-й; в Лавр.: лѣстяхуся. ^б Так в Ком. и др.; в Лавр.: «и зрѣнья ихъ». ^в Так поправляю; в Акад.: «крове и»; в Лавр.: «въ крови». ^г Так поправляю; в Лавр.: «не приплювить»; ср. Хлебн., Соф. 1-ю и Моск.-Акад.: «не преполовять». ^д Из Ком., Ипат. и Соф. 1-й. ^е Так в Ком., Ипат. и Радз.; в Лавр.: затворися. ^ж Из Ком. и Ипат. ^з В Лавр.: «лѣстяче же»; в других: «рече же». ^и Так в Ипат.; в Лавр.: усть. ^к Так в Ком. и Ипат.; в Лавр.: рѣки. ^л Из Ком., Ипат. и Радз. ^м Из Ком., Соф. 1-й, Ипат. и Радз.

* Пс. XL, 10. ** Пс. V, 10—11. *** Пс. LIV, 24.

отнь,¹ сѣде ту съ дружиною своею. И рече Блудъ Яропѣлку:
«пойди къ брату своему и рѣчи ему: чѣто ми ни вѣдаси, то
азъ прииму». И^а поиде Яропѣлкѣ; реже же ему Варяжько:
«не ходи, кѣняже, убюють тя; побѣгни въ Печенѣгы и при-
5 ведеши вои». ^б И не послуша его. И приде Яропѣлкѣ къ Во-
лодимеру; яко полѣзе въ двѣри, подѣяста ѥ дѣва Варяга ме-
чема^в подѣ пазусѣ; Блудъ же затвори двѣри и не да по немъ ити
своимѣ; и тако убиенѣ бысть Яропѣлкѣ. Варяжько же видѣвъ,
яко убиенѣ бысть Яропѣлкѣ,^г бѣжа съ двора въ Печенѣгы и
10 мѣного воева на Володимера съ Печенѣгы;^д и едѣва приваби ѥ,
заходивѣ къ нему ротѣ. У Яропѣлка же жена Грѣкыни бѣ, и
бѣаше была прежде^е чѣрницею, юже бѣ^ж привелѣ отѣцъ его Свя-
тославѣ, и вѣда ю за Яропѣлка красоты ради лица ея.^з ² Володи-
мерѣ же залеже жену братьню,³ и бѣ непраздѣна, отѣ неяже
15 родися Святопѣлкѣ;⁴ тѣмъ же^и и отѣцъ его не любляше, бѣ бо
отѣ дѣвою отѣцю, отѣ Яропѣлка и отѣ Володимера.

По семъ рѣша Варязи Володимеру: «се градъ нашѣ; и^к мы прѣя-
хомѣ я, да хощемѣ имати окупѣ на нихѣ, по дѣвѣ гривнѣ отѣ
чловѣка». И рече имѣ Володимерѣ: «пожѣдѣте, даже вы куны
20 съберуть, за мѣсяцѣ». Жѣдаша за мѣсяцѣ, и не дасть имѣ,
и рѣша Варязи: «сѣлѣстилѣ еси нами, да покажи ны путѣ въ
Грѣкы»; онѣ же рече имѣ: «идѣте». И избѣра отѣ нихѣ мужа

^а Из Ком. ^б Из Радз., в Лавр.: ми. ^в Так в Радз., в Лавр.: мечѣми.
^г «Варяжько... Яропѣлкѣ» из Ком. и Радз. ^д «и мѣного... съ Печенѣгы»
из Ком. и Радз. ^е Из Ком. и Соф. 1-й. ^ж «юже бѣ» из Ком. и Ипат.,
в Лавр.: «бѣ бо». ^з «У Яропѣлка же жена... лица ея» в Лавр. и др.
выше. ^и Из Ком. и Ипат. ^к То же.

¹ Здѣсь в Нач. св. вставлено: «о немъ же прежде сѣказахомѣ» (ср.
в Нач. св. под 6453 г., в рассказѣ о первой мести Ольги); что это
вставка, заключаю из того, что и рассказ об Ольгиной мести вставлен.

² Слова «У Яропѣлка же... красоты ради лица ея» перенесены в
Нач. св. выше, под 6485 г., ср. с. 372, примеч. 1. ³ В Нач. св. прибав-
лено «Грѣкыню». ⁴ Следующіе затем слова: «Отѣ грѣховнаго бо ко-
рени золь плодъ бываетѣ; понеже бѣ была мати его черницею, а вто-
рое, Володимерѣ залеже ю не по браку, прелюбодѣичичѣ бысть убо»
я считаю вставкой, иначе непонятен смысл следующих затем слов. За
что же, собственно, не любил Владимир Святополкѣ?

добры и ^а съмыслны и храбры,^б и раздая имъ грады; прочии же идоша Цѣсарюграду въ Грькы. И посъла предъ ними сълы, глаголя сие цѣсарю: «се, идуть къ тобѣ Варязи, не мози ихъ държати въ градѣ, оли то сътворять ти зъло, яко и съде, нъ рас-
точи я разнo, а сѣмо не пушай ни единого».

5

И нача кѣняжити Володимеръ Кыевъ единъ, и постави ку-
миры на хълму вѣнѣ двора теремнаго,¹ и творяше потребу ку-
миромъ съ людѣми своими. И рѣша старьци и бояре: «мещимъ
жребии на отрока и дѣвицю; на него же падеть, того зарѣжемъ бо-
гомъ». И ^в бяшетъ Варягъ единъ, бѣ дворъ его, идеже естъ църкы 10
святыя Богородица, юже съдѣла Володимеръ; бѣ же Варягъ тѣи
пришълъ изъ Грькѣ, и ^в държаше въ тайнѣ ^г вѣру хръстиянскую; и
бѣ у него сынъ краснѣ лицьмъ и душею; на сего паде жребии
по зависти дияволи. Не тѣрпяшетъ бо дияволъ, власть имы надъ
всѣми, и съ бяшетъ ему акы тѣрнѣ сѣрдьци, и ^в тѣщашеся 15
потребити оканьныи, и наустити люди. Рѣша пришѣдыше посълании
къ нему: «яко паде жребии на сынъ твои, изволиша бо ѿ бози
собѣ, да сътворимъ потребу богомъ». И рече Варягъ: «не суть
то ^д бози, нъ древо; дньсь естъ, а утро изгниеть; не ядять бо,
ни пиять, ни мѣлвять, нъ суть дѣлани руками въ дрѣвѣ; а Богъ 20
есть единъ, емуже служатъ Грьци и кланяются, иже сътвори ^е
небо и землю, звѣзды и луну и сълныце и чловѣка, и ^ж далъ естъ
ему жити на земли; а си бози чѣто съдѣлаша? сами дѣлани суть;
не дамъ сына своего бѣсомъ». Они же шѣдыше повѣдаша людѣмъ;
они же, възъмьше оружие, поидоша на нѣ и разѣяша дворъ около 25
его. Онъ же стояше на сѣнѣхъ съ сынѣмъ своимъ. Рѣша ему:
«вѣдай сына своего, да вѣдамы богомъ». Онъ же рече: «аще
суть бози, то единого себе посълють бога, да имуть сынъ мои;
а вы чему претребуете?» И кликнуша, и посѣкоша сѣни подѣ

^а Из Радз. ^б Так в Ком., Ипат. и Радз., в Лавр.: добры. ^в Из Ком. и Радз. ^г «въ тайнѣ» из Ком. и Ипат. ^д Так в Ком., Ипат. и Радз., в Лавр.: бо. ^е Так в Акад.; в прочих: створил. ^ж Из Ком. и Радз.

¹ Засим до конца статьи 6488 г. в Нач. св. вставки (§ 94—96, 114¹, 119). О связи в Древн. св. начала княжения Владимира и сказания о первых мучениках сказано в § 11 и 104; Нач. св. перенес это сказание ниже, под 6491 г.

- нима, и тако побѣдиша я, и не съѣсть никтоже, кѣде положиша я. Бяху бо тѣгда чловѣци невѣгласи и погани. Дияволъ радовашеся сему, не вѣды, яко близъ погыбѣль хотяшеть ^а быти ему. Тако бо и преже ^б тычашеся погубити родъ хрѣстіяньскыи, нѣ прогонимъ
- 5 бѣаше крѣстѣмъ чѣстныи въ инѣхъ ^в странахъ, сѣде же мѣняшеся оканьныи: яко сѣде ми естъ жилище, сѣде бо не сѣуть апостоли учили, ни пророци прорекли; не вѣды пророка глаголюща; и на-реку не люди моя люди моя; * о апостолѣхъ бо рече: въ всю землю изидоша вѣщания ихъ, и въ конѣцъ
- 10 въселенныя глаголи ихъ.** Аще и тѣмъ апостоли не сѣуть сѣде ^г были, нѣ учения ихъ акы трубы гласять по въселенѣи въ църквахъ, ихъже ^д учениемъ побѣждаемъ противнаго врага, попирающе подъ нозѣ, якоже попраста ѥ сѣя отъника,^е приимѣша вѣнцы небесныи съ святыми мученики и съ ^ж правѣдники.
- 15 Въ лѣто 6489. Иде Володимеръ ^з къ Ляхомъ и зая грады ихъ, Перемышль, Чьрвень и ины грады, иже ^и сѣуть и до сего дѣне подъ Русію.
- Въ лѣто 6490.¹ Володимеръ ^к Вятичѣ побѣди, и възложи на ня дань отъ плуга, якоже и отъць его имаше.²
- 20 Въ лѣто 6491. Иде Володимеръ на Ятвагы, и побѣди Ятвягы, и възъ землю ихъ.³
- Въ лѣто 6492. Иде Володимеръ на Радимичѣ. Бѣ у него воевода Вѣлчии Хвостъ, и посѣла Володимеръ предъ собою Вѣлчии Хвоста; и ^л сѣрѣте я на рѣцѣ Пищанѣ, и побѣди Радимичѣ Вѣлчии
- 25 Хвостъ; тѣмъ и Русь корятся Радимичемъ, глаголюще: «Пищаньци

^а Так в Соф. 1-й; в Лавр.: хотяше. ^б «и преже» из Ипат., Ком. и Соф. 1-й. ^в Так в Ком.; в Лавр.: «и въ онѣхъ». ^г Так в Ипат. и Соф. 1-й; в Лавр.: не. ^д Так в Акад., Радз., Хлебн.; в Лавр.: имѣже. ^е Так поправляю; Лавр.: отъника. ^ж Из Ком. и Ипат. ^з Из Ком. и Радз. ^и Так в Радз.; в Лавр. и Ком.: еже. ^к Вставлено по смыслу. ^л Из Ком. и Радз.

¹ В Нач. св. вместо этого: «Въ семь же лѣтъ и». ² Здесь в Нач. св. под 6490 г. вставлено о втором походе на вятичей (§ 103). ³ Здесь в Нач. св. вставлены слова «и иде Киеву», и затем помещено сказание о первых мучениках, читавшееся в Древн. св. выше.

* Ос. II, 23 и Римл. IX, 25. ** Пс. XVIII, 5.

вълчия хвоста бѣгають». Быша же Радимичи отъ рода Ляховъ; прешѣдше ту ся вѣселиша, и платятъ дань Руси, повозъ везуть и до сего днѣ.

Въ лѣто 6493. Иде Володимеръ на Българы ¹ въ лодияхъ, а Търкы берегъмъ приведе на конихъ; и побѣди Българы.² И сътвори миръ Володимеръ съ Българы, и ротъ заходиша межю собою,^а и рѣша Българе: «толи не будетъ межю нами мира, олиже ^б камень начынетъ плавати, а хмель грязнути».^в И приде Володимеръ Киеву.

Въ лѣто 6494. Придоша Българе вѣры Бохъмичѣ, глаголюще: «яко ты кѣнязь еси мудръ и съмысльнъ, нѣ ^г не вѣси закона, да ^д вѣруи въ законъ нашъ и поклонися Бохъмиту». И рече Володимеръ: «како есть вѣра ваша?» Они же рѣша: «вѣруемъ Богу, а Бохъмитъ ны учить, глаголя: обрѣзати уды таинныя и свинины не ясти, вина не пити; и по смърти же, рече, съ женами похоть творити блудну;^е дасть Бохъмитъ комуждо по седмицѣхъ женъ краснъ и ^ж избереть едину красну, и вѣсѣхъ красоту възложить на едину, такъ будетъ ему жена; съде же, рече, достоить блудъ творити всѣхъ, на семь свѣтъ; аще кѣто будетъ богатъ съде, то и тамо,^з аще ли есть убогъ съде,^и то и тамо»; и ина многа льсть, еяже нѣ льзѣ псати срама ради. Володимеръ же послушаше ^к ихъ ^з сладко; нѣ се ему бѣ нелюбо о обрѣзании ^л удовъ и о неядении мясъ свинныхъ, а о питии отинудъ. И *отпусти я,*^м рекъ: ^н «Руси есть веселие питие, не можемъ бес того

^а Так в Ком., Ипат., Радз. и Соф. 1-й; в Лавр.: собѣ. ^б Так в Радз. и Ипат.; в Соф. 1-й: оли; в Лавр.: елико; в Ком.: «елико же». ^в Так в Ком., Соф. 1-й, Радз., Ипат.; в Лавр.: «почнетъ тонуть». ^г Из Соф. 1-й. ^д Так в Соф. 1-й, Радз., Ипат., Ком.; в Лавр.: «но». ^е «и по смърти же... творити блудну» из Ком. и Радз. ^ж Из Ком. и Радз. ^з Слова «аще кѣто... то и тамо» из Ком. и Соф. 1-й. ^и Так в Ком. и Соф. 1-й; в Лавр.: «аще буде кто убогъ». ^к Так в Ком.; в Лавр.: слушаше. ^л Слова «о обрѣзании» из Ком.; в Лавр. и Соф. 1-й: обрѣзанье. ^м Вставляю по смыслу. ^н Так в Ком.; в Лавр.: рька; в Переясл.: «и рече».

¹ Здесь вставлено в Нач. св.: «с Добрынею, съ уемъ своимъ» (§ 120).

² Здесь вставка в Нач. св. (§ 120). ³ Здесь в Нач. св. вставлено: «бѣ бо самъ любя жены и блужение многое, послушаше ихъ» (ср. § 95).

быти». По томъ же придоша Нѣмци,¹ посълании отъ папежа, и рѣша ему: «рекль ти тако папежъ: земля твоя яко и земля наша, а вѣра ваша не яко вѣра наша; вѣра бо наша свѣтъ есть, кланяемься Богу, иже сътвори^а небо и землю, звѣзды, 5 мѣсяць и всяко дыхание, а бози ваши древо суть». Володимеръ же рече: «како^б заповѣдь ваша?» Они же рѣша: «пощение по силѣ; аще кто пиетъ или ястъ, то все въ славу Божию,* рече учитель нашъ Павль». Рече же Володимеръ Нѣмцемъ: «идѣте опять, яко отъци наши сего не прияли 10 суть». Се слышавъше Жидове Козарьстии придоша, рекуще: «слышахомъ, яко приходиша Българе и хръстияне, учаще тя кѣждо^в вѣрѣ своей; хръстияне бо вѣрують, егоже мы распяхомъ, а мы вѣруемъ единому Богу Авраамову, Исаакову, Ияковлю». И рече Володимеръ: «что есть законъ вашъ?» Они же рѣша: «обрѣзатися, 15 свинины не ясти, ни заячины, суботу хранити». Онъ же рече: «то кѣде есть земля ваша?» Они же рѣша: «въ Иерусалимѣ». Онъ же рече: «то тамо ли есте?»^г Они же рѣша: «разгнѣвася Богъ на отъца наша и расточи ны по странамъ грѣхъ ради нашихъ, и предана быть земля наша хръстияномъ». Онъ же рече: 20 «то како вы инѣхъ учите,^д сами отъвържени отъ Бога и расточени? аще бы Богъ любилъ васъ и законъ вашъ, то не бысте расточени по чюжимъ землямъ; еда и^е намъ то же мыслите прияти?»

По семь же присълаша Гръци къ Володимеру философа Ки- 25 рила,^ж глаголюща^з сице: «слышахомъ, яко приходили суть Българе, учаще тя прияти вѣру свою, ихъже вѣра осквърняетъ небо и землю,

^а Так в Ипат., Радз. и Ком.; в Лавр.: сътворил. ^б Так в Радз. и некоторых списках Соф. 1-й; ср. выше «како есть вѣра ваша?»; в Лавр.: кака. ^в Так в Ипат.; в Ком.: кождо; в Лавр.: «кто же». ^г Так в Хлебн. и некоторых списках Соф. 1-й; в Лавр. и Ком.: есть. ^д Так в Ком.; в Лавр.: учителя. ^е Из Ипат., Ком. и Соф. 1-й. ^ж Вставлено из свода 1448 г. (Соф. 1-й и Новгор. 4-й), см. § 107 и 174. ^з Так в Моск.-Акад.; в Лавр.: глаголюще.

¹ Здесь в Нач. св. вставлено: «глаголюще: придохомъ».

* 1 Коринф. X, 31.

иже суть прокляти паче всѣхъ чловѣкъ, уподобльшеся Содому и Гомору, на няже ^а пусти Господь камение горюще и потопа я, и погрязоша, яко и сихъ ожидаетъ днь погыбѣли ихъ, егда придетъ Богъ судить земли и погубить ^б вся творящая безакония и сквърны дѣющая; си бо омывають оходы своя, въ рѣть вѣли- 5 ваютъ и по брадѣ мажутся, поминающе ^в Бохъмита; тако же и жены ихъ творятъ ту же сквърну и ино пуще: отъ съвѣкупления мужьска и женьска вѣкушаютъ». Си слышавъ Володимеръ плюну на землю, рекъ: «нечисто есть дѣло». Рече же философъ: «слышахомъ же и се, яко приходиша отъ Рима поучить васъ къ вѣрѣ ^г 10 своей, ихъже вѣра малѣмъ съ нами развращена; служатъ бо опрѣсныкы, рекыше оплаткы, ихъже Богъ не преда, нъ повелѣ хлѣбѣмъ служити, и преда апостоломъ, примѣ хлѣбъ и рекъ: ^г се есть тѣло мое, ломимое за вы; тако же и чашю примѣ, рече: се есть крѣвь моя новаго за- ^д 15 вѣта;* си же того не творятъ, и ^д суть не исправили ^е вѣры». Рече же Володимеръ: «придоша къ мнѣ Жидове, глаголюще: яко Нѣмци и Грьци вѣрують, егоже мы распяхомъ». Философъ же рече: «въ истину въ того вѣруемъ; тѣхъ бо пророци прорицаху, яко Богу родитися, а друзи распяту быти и погребену, а въ 3-иднь въскрѣснути и на небеса възити; ^ж они же ^з 20 тыя ^з пророкы избиваху, а ^и другыя претираху. Егда же събысться пророчение сихъ, съниде на землю, и распятие прия, и въскрѣсъ, на небеса възиде; на сихъ же ожидаше покаяния за 40 и за блѣтъ, и не покаяшася, и посъла на ня Римляны, ^к 25 грады ихъ разбиша и самы расточиша по странамъ, и работаютъ въ странахъ».

Рече же Володимеръ: «то чѣсо ^к ради съниде Богъ на землю,

^а Так исправлено вместо «на неже» Лавр., Ком. ^б Так исправляю вместо «погубить» Ком. «погубять» Лавр. ^в Так поправляю; в Лавр.: поминають; в Радз.: наричющи. ^г «и рекъ» из Ком. и Ипат. ^д Из Ком., Ипат. и Радз. ^е Так в Ком., Ипат. и Радз., а в Лавр.: «не бысть правили». ^ж Так в Ком., Ипат. и Соф. 1-й; в Лавр.: взиде. ^з Из Хлебн., Радз. и Ком. ^и Из Ипат. и Ком. ^к Так поправляю ввиду последующего «чѣсо»; в Лавр. и др.: что.

* 1 Коринф. XI, 24—25; Лук. XXII, 19—20.

и страсть такову ^а прия?» Отвьщавъ же философъ рече: «аще хощещи послушати, да съкажу ти из начала, чьсо ради съниде Богъ на землю». Володимеръ же рече: «послушаю радъ». И нача философъ глаголати сиче:

5 *(Далее следовали: речь философа и дополнительные ответы его Владимиру).*

И се рекъ, показа Володимеру запону, на неже бѣ написано судище Господьне; и ^б показоваше ему о десну правдыныя, въ веселии предъидуша въ рай, а о шюю ^в грѣшныи, идуща въ
10 муку. Володимеръ же, въздъхнув, рече: «добро симъ о десную, горе же симъ о шюю!» Онъ же рече: «аще хощещи о десную съ правдыными стати, то крѣстися».

Володимеръ же положи на сѣрдци своемъ ¹ и съзъва ^г бояры своя и старьца градьскыя, и рече имъ: «се, приходиша къ мнѣ
15 Българе, рекуще: приими законъ нашъ; по семь же приходиша Нѣмци, и ти хваляху законъ свои; по сихъ приходиша ^д Жидове. Сихъ ^е же послѣже придоша Гръци, хуляще ^ж вся законы, свои же хваляще,³ и мѣного глаголаша, съказующе отъ начала миру, о бытии вьсего мира; суть же хытро съказующе, и чюдьно слы-
20 шати ихъ, любо комуждо; и другыи свѣтъ повѣдаютъ быти: да аще кѣто, дѣеть, въ нашу вѣру ступитъ, то пакы умеръ въ-станеть,^и и не умрети ему въ вѣкы; аще ли въ инъ законъ ступитъ, то на ономъ свѣтъ въ огни горѣти. Да чѣто ума придасте? чѣто отвьщаете?» ² Отвьщавыше же бояре рѣша: ^к «аще бы
25 лихъ законъ Гръчскыи, то не бы баба твоя прияла, Ольга, яже бѣ мудрѣиши вьсѣхъ чловѣкъ».³

^а Так в Ком. и Радз.; в Лавр.: такою. ^б Из Радз. ^в Так в Ком., в Лавр.: о шюю. ^г В Лавр., Ком. и др.: «Созва Володимеръ». ^д Так в Ком., Радз. и Хлебн.; в Лавр.: придоша. ^е Так в Хлебн.; в Лавр. и Радз.: се; в Ком.: сии. ^ж В Лавр.: хуляше. ^з В Лавр.: хваляше. ^и Так в Ком. и Радз.; в Лавр.: станеть. ^к Так в Ипат.; в Лавр.: рекше.

¹ Здесь в Нач. св. вставка: «рекъ: пожду и еще мало, хотя испытати о вьсѣхъ вѣрахъ. Володимеръ же сему дары многы вдавъ, отпусти и съ честию великою» (§ 105 и 106). ² Здесь в Нач. св. вставка (§ 106). ³ То же.

(Далее следовал не дошедший до нас рассказ о крещении Владимира в Киеве).

Крещену же Володимеру, предаша ему вѣру хрѣстіяньску, рекуще сице: «да не прельстятъ тебе нѣции отъ еретикъ, нѣ вѣруи, сице глаголя: «Вѣрую въ единого Бога, Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, и ^а до коньца вру сию».¹

Володимеръ же,^б просвѣщенъ *бывъ, радовашеся душою и тѣлѣмъ. И крѣстишася* ^в сынове его съ нимъ, ихъже имена: ^г Вышеславъ, Изяслав, Ярославъ, Святопълкъ, Всеволодъ, Святославъ, Мьстиславъ, Борисъ, Глѣбъ, Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ. *По семь же крѣстишася бояре его.*^д²

Володимеръ же ^е ^з повелѣтъ кумиры испроврещи, овы иссѣщи,^ж а другы огневи предати.⁴ По семь же Володимеръ посъла по вьсему граду, глаголя: «аще не обрящется кѣто на ^з рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищъ, ли работникъ, противнѣ мѣнѣ да будетъ». ¹⁵ Се слышавыше людие съ радостию идяху, радующеся и глаголюще: «аще бы се не добро было, не бы сего кнѣзь и бояре прияли».⁵ И сънидеся бес числа людии: вѣлѣзоша въ воду, и стояху ови до шиѣ, а друзи до пѣрсии, млади же отъ берега, друзи же младеньцѣ ^и дѣржаще; съвѣршени же бродяху, попове же стояще ²⁰ молитвы творяху. И бѣше си видѣти радость на небеси и на

^а Из Ипат. и Ком. ^б Из Ком. и Ипат. ^в Вставлено по смыслу (ср. § 110 и 113); в Ком. вместо этого: «самъ и»; в Лавр.: «имъ и». ^г «сынове его съ нимъ, ихъже имена» из Ком. и Акад., а в Лавр. вместо того: «сынове его, и земля его. Бѣ бо у него сыновъ 12». ^д Вставлено на основании того, что ниже говорится, что бояре уже приняли крещение. ^е Вставлено по смыслу. ^ж Так в Ком. и Ипат.; в Лавр.: осѣчи. ^з Из Ком. ^и Так в Ком. и Радз., в Лавр.: млади.

¹ Здесь в Нач. св. вставка (§ 109). ² «По семь же... бояре его» в Нач. св. опущено. ³ Перед этим в Нач. св. рассказано о походе на Корсунь, крещении там Владимира и возвращении его в Киев. ⁴ Здесь в Нач. св. вставка (§ 100). ⁵ Здесь в Нач. св. вставлено: «Наутрия жъ изиде Володимеръ съ попы царицины и съ Кѣрсуньскими на Днѣпръ»; вставка обнаруживается кроме упоминания о царицыных и корсунских попах еще словом «наутрия», которому нет соответствия в предыдущем (в Радз. и Ипат.: «аще не обрящется кѣто завтра на рѣцѣ»; но в Лавр. и Ком.: «завтра» нет).

земли, толико душъ съпасаемыхъ; а дияволъ стена глаголаше: «увы мнѣ, яко отъсюда прогонимъ есмь! съде бо мнѣхъ жилище имѣти, яко съде не суть учения апостольска, ни суть вѣдуще Бога, нѣ веселяхъся о службѣ ихъ, юже ^а служаху мнѣ; и се уже побѣ-
5 женъ есмь отъ невѣгласа, а не отъ апостолъ, ни отъ мученикъ; не имамъ уже цѣсарьствовати въ странахъ сихъ». Кръстивъшемъ же ся людемъ, идоша къждо въ дома своя.

Володимеръ же, радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людие его, възврѣвъ на небо, рече: ^б «Боже, сътворивый небо и землю!
10 призьри на новыя люди сия, и даждь имъ, Господи, увѣдѣти тебе, истиннаго Бога, якоже увѣдѣша страны хрѣстіяньскыя; утвърди вѣру въ нихъ праву и несъвратну и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да надѣяся на тя и на твою държаву, побѣжю кѣзни его». И се рекъ, повелѣ рубити църквы
15 и поставляти по мѣстомъ, идеже стояху кумири; и постави църквъ святаго Василия на хѣлмѣ,¹ идеже творяху потреби кѣнзю и людие. И нача ставити по градомъ църквы и попы, и люди на крещение приводити по всѣмъ градомъ и селомъ. И ^в посълавъ, нача поимати у нарочитыѣ чади дѣти и даяти на учение
20 кѣнижное; матери же чадѣ сихъ плакахуся ^г по нихъ, еще бо не бяху ся утвърдили вѣрою, нѣ акы по мъртвѣцѣхъ ^д плакахуся.

Симъ же раздаяномъ на учение кѣнигамъ, събысться пророчество на Русьстѣ земли, глаголющее: въ оны дѣни услышатъ глусии словеса кѣнижная, и яснѣ будетъ
25 языкъ гугнивыхъ.* Си бо не бѣша преди слышали словесъ кѣнижныхъ,^е нѣ по Божию строю и по милости своеи помилова Богъ, якоже рече ^ж пророкъ: помилую, егоже аще хощу

^а Так поправляю вслед за Миклошичем; в Лавр. и др.: еже. ^б Из Ком., Радз. и Ипат. ^в Из Ком. ^г Так в Ком. и др.; в Лавр.: плакаху. ^д Так в Ком. и Соф. 1-й; в Лавр.: мертвеци. ^е «словесъ книжныхъ» из Ком. и Соф. 1-й; в Лавр.: «словесе книжного». ^ж Из Ком. и Радз.

¹ Здесь в Нач. св. вставлено: «идеже стояше кумирь Перунъ и прочии» (§ 96).

* Ис. XXIX, 18.

помилюю; *¹ помилова бо ны паки банею бытия и обновлениемъ Духа,*² по изволению Божию, а не по нашимъ дѣломъ. Благословенъ Господь Иисусъ Христосъ, иже възлюбилъ новыя люди, Русьску землю, и ^а просвѣтилъ ю крещениемъ святымъ! Тѣмъ же и мы припадаемъ къ нему, глаголюще: Господи Иисусе 5
Христе! чѣто ти въздамы о всѣхъ, яже въздасть намъ, грѣшникомъ намъ сущемъ? Недоумѣемъ противу даромъ твоимъ въздаяния въздати; велии бо еси, Господи,^б и чюдна дѣла твоя, величию твоему нѣсть коньца! въ родъ и родъ възсхвалимъ^в дѣла твоя,*³ рекуще^г съ Давыдѣмъ: 10
придѣте, възрадуимъся Господеви, възкликнемъ Богу Съпасу нашему, варимъ лице его исповѣданіемъ,*⁴ исповѣдающеся ему, яко благъ, яко въ вѣки милость его, яко избавилъ ны есть отъ врагъ нашихъ,*⁵ рекъше отъ идолъ суетныхъ. И паки рыцѣмъ съ 15
Давыдѣмъ: възпойте Господеви пѣснь нову, възпойте Господеви, вся земля; възпойте Господеви, благословите имя его, благовѣстите^д днь отъ дне съпасения его, възвѣстите въ языцѣхъ славу его, въ всѣхъ людехъ^е чюдеса его, яко велии Гос- 20
подь и хвальнъ зѣло,*⁶ и величию его нѣсть коньца. Колика ти радость! не единъ, ни дѣва съпасается. Рече бо Господь: яко радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемъся; *⁷ се же, не единъ, ни дѣва, нъ 25
бещисленно мнѡжество къ Богу приступиша, святымъ крещениемъ просвѣщени. Якоже пророкъ рече: възкроплю на вы воду чисту, и очиститесь отъ идолъ вашихъ и отъ грѣхъ вашихъ.*⁸ И * паки другыи пророкъ рече: кѣто яко Богъ, отъемля грѣхы и преступая неправды?

^а Из Радз. ^б Из Соф. 1-й и Ком. ^в Так в Ипат. и Соф. 1-й; в Ком.: «и възхвалимъ»; в Лавр.: всхвалить. ^г Так в Толст., Ипат. и Радз.; в Лавр.: «реку же». ^д Так в Ком. и Радз.; в Лавр.: благословите. ^е Так в Ком. и Радз.; в Лавр.: языцѣхъ. * Из Ком., Радз. и Ипат.

*¹ Исх. XXXIII, 19. *² Тит. III, 5. *³ Пс. CXLIV, 3—4. *⁴ Пс. XCIV, 1—2. *⁵ Пс. CXXXV, 1, 24. *⁶ Пс. XCV, 1—4. *⁷ Лук. XV, 7. *⁸ Иезек. XXXVI, 25.

яко хотяи милостивъ есть, тѣи^а обратить и ущед-
рить ны, и погрузить грѣхы наша въ глубинѣ.*¹
Ибо Павль глаголетъ: братие, елико насъ крѣстися
въ Исуса Христа, въ смѣръть его крѣстихомъся и
5 погребехомъся убо съ нимъ крѣщениемъ въ
смѣръть; да якоже вѣста Христосъ отъ мѣртвыхъ
съ славою Отъчею, такоже^б и мы въ обновленіе^в
житія поидемъ.*² И пакы: ветѣхая мимоидоша, и се,
быша новая; *³ нынѣ приближися намъ съпасение,
10 ношъ успѣ, а днь приближися.*⁴ Имъже приве-
деніе обрѣтохомъ вѣрою кнѣзя нашего Володимера^г
въ благодать сию, имъже хвалимъся и стоимъ; *⁵
нынѣ же свободихомъся отъ грѣха, поработивъ-
шесѣ Господеви, имамы^д плодъ нашъ^е въ свяще-
15 ние.*⁶ Тѣмъ же длъжни есмы работати Господеви, раду-
щесѣ ему; рече бо Давыдъ: работаите Господеви съ
страхъмъ, и радуитесѣ ему съ трепетъмъ.*⁷ Мы же
възъпиимъ * къ Господу Богу нашему, глаголюще: благосло-
венъ Господь, иже не дасть насъ въ ловитву зу-
20 бомъ ихъ! сѣтъ съкрушися, и мы избавлени
быхомъ *⁸ отъ прельсти дияволя. И погыбе память
его съ шюмъмъ, и Господь въ вѣкы пребываетъ,*⁹
хвалимъ отъ Русьскыхъ сыновъ, пѣваемъ въ Троици, а дѣ-
мони проклинаеми отъ благовѣрныхъ мужъ и отъ говѣинъ-
25 ныхъ^з женъ, иже прияли суть крѣщение и покаяние въ отъпу-
щение грѣховъ, новии людие хрѣстіяньстии, избѣрании Богъмъ.¹

^а Так в Ком. и Хлебн.; в Лавр.: то. ^б Так в Соф. 1-й и Хлебн.; в Лавр. и Ком.: якоже. ^в Так в Ком.; в Лавр.: обновленъ. ^г «кнѣзя нашего Володимера» из Ипат. ^д Так исправляю; в Лавр., Ком. и др.: имате (см. Доп. примеч.). ^е Так исправляю; в Лавр., Ком. и др.: вашъ. ^ж Так исправляю; во всех списках: възопиемъ. ^з Так в Ипат. и Ком.; в Лавр.: вѣрныхъ.

¹ Здесь в Нач. св. помещен перечень сыновей Владимира (читавшийся в Древн. св. выше) и затем вставка (§ 10 и 111).

*¹ Мих. VII, 18—19. *² Римл. VI, 3—4. *³ 2 Коринф. V, 17. *⁴ Римл. XIII, 11—12. *⁵ Римл. V, 2. *⁶ Римл. VI, 22. *⁷ Пс. II, 11. *⁸ Пс. СХХІІІ, 6—7. *⁹ Пс. IX, 7—8.

Се же бысть въ лѣто 6495.^а По святѣмъ же крещении пожи Володимеръ 28 лѣтъ.^{б 1}

На другое лѣто по крещении иде Володимеръ къ порогомъ,^в и побѣди Печенѣгы и прогна я въ поле.^{г 2} И рече Володимеръ: «се не добро, еже мало город около Кыева». И нача ставити 5 грады по Деснѣ и по Остри^д и по Трубешеву и по Сулѣ и по Стугнѣ, и поча нарубати мужѣ лучышѣ отъ Словѣнъ и отъ Кривичъ³ и отъ Вятичъ, и отъ сихъ насели грады; бѣ бо рать отъ Печенѣгъ, и бѣ воюяся съ ними и одалая имъ.

*На третее же лѣто по крещении^{е 4} иде Володимеръ въ 10 силѣ велицѣ * на Кърсунѣ, градъ Гръчскыи; и затворишася Кърсуняне въ градъ⁵ и боряхуся крѣпко изъ града. Володимеръ же обстоя градъ; изнемогаху *гладѣмъ*³ людие.⁶*

** Володимеръ же изряди воя своя и повелѣ присъпу 15 сути^и къ граду. Симъ же съпущемъ, Кърсуняне, подѣ- копавъше стѣну градскую, крадяху^к сыплемую пѣрсть и ношаху къ собѣ въ градъ, сыплюще посередъ града; вои^л же присыпаху боле.⁷*

^а Вставлено на основании Памяти и похвалы Владимиру и Несторова Чтения о Борисе и Глебе. ^б Вставлено из Памяти и похвалы Владимиру (§ 7, 9 и 10). ^в Вставлено из Памяти и похвалы Владимиру (§ 7 и 112). ^г Прибавлено предположительно по связи с предыдущим и последующим; ср. главу 41 Степенной книги, где перед рассказом о поставлении Владимиром городов сообщено о его победе над печенегами. ^д Так в Соф. 1-й, в Лавр. и Ком.: Востри (Вѣстри). ^е Вставлено из Памяти и похвалы Владимиру (§ 7). ^ж «въ силѣ велицѣ» из Ком.; в Лавр. и др.: «съ вои». ^з Так исправляю; в Лавр. и др.: «въ градъ». ^и Так в Ком. («суть приспу»); в Лавр. и Радз.: приступити. ^к Так в Ипат. и Ком.; в Лавр.: крадуще. ^л Так в Ком. и Ипат.; в Лавр.: воины.

¹ В Нач. св. «се же бысть... 28 лѣтъ» опущено. ² В Нач. св. «На другое... въ поле» опущено. ³ В Нач. св. прибавлено: «и отъ Чюди» (так предполагаю ввиду § 198); возможно, что в Древн. св. было: «и отъ Мери». ⁴ В Нач. св. вместо этого: «Въ лѣто 6496». ⁵ В Нач. св. здесь вставка из Корсунской легенды (§ 97). ⁶ То же. ⁷ То же.

* Дальше следует вставка позднейшего редактора (§ 236).

И се,^а мужь Кърсунянинъ,¹ именъмь Анастасъ ² (далее со-
общалось о тайном присыле Анастаса к Владимиру со сле-
дующим советом): «кладязь же есть^б за тобою отъ вѣстока,
ис того вода идетъ по трубѣ; копавъ, преими». Володимеръ же,
5 се слышавъ (далее следовала не дошедшая до нас молитва Вла-
димира). И ту абие повелѣ копати преки трубамъ, и преяша воду.
Людие изнемогоша водьною жаждою и предашася.³ (Далее со-
общалось о мире, заключенном Владимиром с греками, и о
присылке из Царяграда царями сестры их в замужество
10 Владимиру).

Володимеръ же,⁴ поимъ цѣсарицю,⁵ поима съсуды църквь-
ныя и^в иконы на благословение собѣ.

* Постави же църквь святаго Василия^г⁶ на горѣ,
юже^д съсыпаша,⁷ крадуще присъпу; и есть църкы та
15 стоящи до сего дъне въ Кърсуни градъ на мѣстѣ по-
средѣ града, идеже търгъ дѣють Кърсуняне; полата
же Володимеря съ края църкве стоитъ и до сего
дъне, а цѣсарицина полата за олтарьмь.^е⁸

Вѣдасть же за вѣно Грькомъ Кърсунъ опять цѣсарицѣ дѣля,
20 а самъ приде Киеву.

^а Из Ком., Ипат. и Радз. ^б Так исправляю, согласуясь с дальней-
шим («ис того»); в Лавр. и Ипат.: «кладязи, яже суть»; в Акад.: «кла-
дязи же суть»; в Соф. 1-й: «кладязи суть». ^в Из Радз. и Ком. ^г Взято
из предыдущей статьи Лавр. и других списков («крести же ся в церкви
святаго Василья»). ^д Так поправляю; в Лавр., Ком., Ипат.: иже. ^е «и
есть църкы та... за олтарьмь» из Лавр. и других списков, где это чи-
тается выше (в сообщении о крещении Владимира).

¹ Здесь в Нач. св. вставлено слово «стрѣли» из Корсунской легенды.
² В Нач. св. здесь вставка из Корсунской легенды (§ 97). ³ То же; быть
может, кое-что в последующем тексте Нач. св. восходит к Древн.
св. ⁴ В Нач. св. прибавлено: «по семь». ⁵ В Нач. св. здесь вставка из
Корсунской легенды (§ 99). ⁶ В Нач. св. вместо «святаго Василия» —
«Кърсуни» (§ 236). ⁷ В Нач. св. прибавлено: «средѣ града»; ср. дальше.
⁸ В Нач. св. «и есть църкы та... за олтарьмь» перенесено выше, а вмес-
то того здесь «яже църки стоитъ и до сего дне». Засим в Нач. св.
вставлено из Корсунской легенды (§ 99).

* Дальше следует вставка позднейшего редактора (§ 236).

На четвъртое лѣто по кръщени^{а 1} помысли създати църквѣ
камян^{б 2} пресвятыя Богородица; посълавъ, приведе мастера
отъ Грькѣ. И начьньшю зе ему^в здати,³ съконьча⁴ ю въ
лѣто 6503.^{г 5}

На пятое лѣто по кръщени^{д 6} заложи градъ Бѣльгородъ 5
и наруби въ нь отъ инѣхъ градъ и мьного людии съведе въ нь;
бѣ бо любя градъ съ.

На шестое лѣто по кръщени^{е 7} иде на Хърваты.

На девятое лѣто по кръщени^{ж 8} Володимеръ, видѣвъ църквѣ
свършену, въшѣдъ въ ню, помолися Богу, глаголя: «Господи 10
Боже! призри съ небесе и вижь и посѣти вино-
града своего и свърши, иже^з насади десница
твоя,* новыя люди сия, имѣже обратилъ еси сърдце въ ра-
зумъ познати тебе, Бога истиннаго, и призри на църквѣ твою
сию,^и юже създахъ, недостойныи рабъ твои, въ имя рождыша 15
тя Матере, приснодѣвныя Богородица; да аще^к кѣто помолиться
въ църкви сеи, то услыши молитву его и отпусти грѣхы его,^л
молитвы ради пресвятыя^м Богородица». И помоливъшюся ему,
рекъ сице: «се,^н даю църкви сеи святыя Богородица отъ имѣ-
ния моего и отъ градъ моихъ десятую часть», положи, написавъ 20

^а Извлечено из Памяти и похвалы Владимиру. ^б Из Ипат. и Хлебн.
^в Из Ком. ^г Вставлено по смыслу. ^д Извлечено из Памяти и похвалы
Владимиру. ^е Вставлено по смыслу. ^ж То же. ^з Так поправляю; в Лавр.
и Ипат.: яже; в Ком.: еже. ^и Так в Радз., Ком. и Ипат.; в Лавр.: си.
^к «да аще» из Ком. и Соф. 1-й; в Лавр.: аже. ^л «и отпусти грѣхы его»
из Ком. ^м Так в Ком. и Ипат.; в Лавр. и Соф. 1-й: пречистыя. ^н Из
Ком., Радз. и Ипат.

¹ В Нач. св. вместо этого: «По семь же Володимеръ въ лѣто 6497
живяще въ законѣ хрьстьянствѣ», что восходит к Корсунской легенде.
² В Нач. св. опущено. ³ В Нач. св. прибавлено: «и яко». ⁴ В Нач. св.
прибавлено: «зича украси». ⁵ В Нач. св. «въ лѣто 6503» опущено, а
вместо того вставлено об окончании церкви из Корсунской легенды
(«иконами, и поручи ю... кресты»). ⁶ В Нач. св. вместо этого: «Въ лѣто
6499». ⁷ В Нач. св. вместо этого: «Въ лѣто 6500». ⁸ В Нач. св. вместо
этого: «Въ лѣто 6504».

* Пс. LXXIX, 15—16.

клятву въ църкви сеи, рекъ: «аще кто сего посудить, да будет проклятъ». И въдасть десятину Анастасу Кърсунянину. И сътвори праздникъ великъ въ ть днь бояромъ своимъ и старьцемъ градъскимъ,^а и убогимъ раздая имѣния^б мьного.

5 По сихъ же придоша Печенъзи къ Василеву, и Володимеръ съ малымъ дружины изиде противу.^в И съступивъшемся имъ,^г не могъ Володимеръ^д стърпѣти противу, подбѣгъ ста подь мостымъ, едва укрыся противныхъ; и тьгда обьщася поставити църквь Василевъ святаго Преображения; бѣ бо въ
10 ть днь Преображение Господьне, егда си бысть съча. Избывъ же Володимеръ сего, постави църквь и сътвори праздникъ великъ, *съваривъ*^е 1 300 проваръ меду, и съзва^ж бояры своя и старѣишины и посадники своя^з по всѣмъ градомъ своимъ^и и люди мьногы, и раздая убогимъ 300 гривнь. Праздновавъ^м кьнязь дьнии 8, възвратися^к 2 Киеву на Усьпение свята
15 тья Богородица, и ту паки сътвори^л 3 праздникъ великъ, *съзъвавъ*^м 4 бещисльное мьножьство народа.⁵ И тако по вся лѣта творяше.

Бѣ же милостивъ къ нищимъ, вдовицамъ и сирымъ.^н Слыша бо единою евангелие чьтомо: блажени милостивии, яко
20 ти помиловани будутъ; * и паки: продайте имѣния

^а Так в Ком., Ипат. и Радз.; в Лавр. и Соф. 1-й: людьскимъ. ^б Так в Ком. и Моск.-Акад.; в Лавр. и др.: имѣнье. ^в «и Володимеръ... противу» из Ком. и Радз. ^г Из Ком., Ипат. и Акад. ^д Из Ком., Ипат. и Радз. ^е Так исправляю; в Лавр. и др.: варя; в Акад. опущено. ^ж Так в Ком., Переясл. и Акад.; в Лавр. съзываше. ^з «и старѣишины и посадники своя» из Ком. и Акад.; в Лавр.: «и посадники, старѣишины». ^и Из Ком. и Акад. ^к Так в Соф. 1-й и Переясл.; в Лавр. и Ком.: «и възвращашеться». ^л Так в Соф. 1-й и Переясл.; в Лавр.: стваряше, в Ком. и Хлебн.: творяше. ^м Так исправляю; в Лавр. и Хлебн.: сзывая; в Ком. и Ипат.: съзываше. ^н Вставлено по смыслу; вместо этого в Нач. св.: «бѣ бо любя словеса книжная».

¹ В Нач. св. исправлено: варя (§ 113). ² Там же исправлено: възвращашеться. ³ Там же исправлено: сътворяше. ⁴ Там же исправлено: съзывая. ⁵ В Нач. св. здесь вставлено: «Видя же люди хрьстіяны суца, радовашеся душею и тѣлымъ» (§ 113).

* Матф. V, 7.

ваша и дадите нищимъ; * и пакы: не съкрывайте собѣ съкровищъ на земли, идеже тѣля тѣлитъ и татіе подѣкоповають, нѣ съкрывайте собѣ съкровище на небесѣхъ, идеже ни тѣля тѣлитъ, ни татіе крадутъ, **¹ си слышавъ, повелѣ всяку нищю и убогу^а приходи 5
на дворѣ кѣняжъ и възимати всяку потребу, питіе и яденіе, и отъ скотѣницъ кунами. Устрои же и се: рекъ, «яко немощнии и больнии не могутъ долѣсти двора моего», повелѣ пристроити кола и^б вѣскладыше хлѣбы, мяса, рыбы, овошъ различныхъ, медъ въ бѣчелѣкахъ, а въ другихъ квасъ, возити по 10
граду, въпрашающемъ имѣ: ^в «кѣде боль^г и нищъ, не могутъ ходити?» И^д тѣмъ раздавахуть^е на потребу. Се же пакы творяше людѣмъ своимъ: по вся недѣля устави на дворѣ въ гридѣници пиръ творити и приходити бояромъ и гридѣмъ и сътѣскимъ и десятѣскимъ и нарочитымъ мужемъ при кѣнязи и 15
безъ кѣнязя; бываше же на обѣдѣ томъ^ж мѣножество мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, бѣше по изобилию отъ всего. Егда же подѣпяхуться, начѣняхуть рѣпѣтати на кѣнязь, глаголюще: «зѣло естъ нашимъ головамъ: да намъ ясти древянами лѣжицами, а не сребрянами». Се слышавъ Володимерь повелѣ исковати 20
лѣжицѣ сребряны ясти дружинѣ, рекъ сице: «яко сребрѣмъ и златѣмъ не имамъ налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отѣцъ мой доискася дружиною злата и сребра». Бѣ бо Володимерь любя дружину, и съ ними думая о строи землѣнѣмъ и о ратѣхъ и о^з уставѣ землѣнѣмъ. 25

И бѣ жива съ кѣнязи окольними его^и мирѣмъ: съ Болеславѣмъ Лядѣскимъ и съ Стефанѣмъ Угѣрѣскимъ и съ Андрихѣмъ Чешѣскимъ; и бѣ миръ межю ими и любы. Живяше же Володи-

^а Так в Ком. и Ипат.; в Лавр.: «всякому нищему и убогому». ^б Из Радз. и др. ^в Вставлено по смыслу. ^г Так поправляю; в Лавр. и Ипат.: болнии; в Хлебн.: болныи; в некоторых списках Соф. 1-й: «боли (и нищи, немогыи)». ^д Из Ком., Ипат. и Радз. ^е Так в Соф. 1-й; в прочих: раздаваху. ^ж «на обѣдѣ томъ» из Ком., Соф. 1-й и Ипат. ^з Из Ком. и Радз. ^и Из Ипат. и Соф. 1-й.

¹ В Нач. св. здесь вставка (§ 114⁴).

* Лук. XII, 33. ** Матф. VI, 19—20.

меръ въ страсть Божию; и умножишася разбоеве; и рѣша епископи Володимеру: «се, умножишася разбоиници; почто не казниши ихъ?» Онъ же рече имъ: «боюся грѣха». Они же рѣша ему: «ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милование; достоить ти казнити разбоиника, нъ съ испытатьмъ». Володимеръ же, отъвѣргъ виры, нача казнити разбоиницы; и рѣша старьци: ¹ «ратъ мѣнога; оже вира, то на оружии и на конихъ буди». И рече Володимеръ: «да ^а тако буди». И живяше Володимеръ ^б по устроению отню и дѣдню.²

10 В лѣто 6523. Володимеру ³ разболѣвшюся, въ се же время бѣаше у него Борисъ, *егоже выведе из Володимеря зѣлобы ради, юже имяше къ нему Святопѣлкъ.*^в ⁴ Печенѣгомъ же ^г идущемъ на Русь, посѣла противу имъ Бориса; а самъ ^д боляше вельми, въ неже болести и съкончася ⁵ на Берестовѣмъ; и потаи ^е и Святопѣлкъ, бѣ бо ^ж Киевѣ, *пришѣдъ из Вышегорода.*^з ⁶ Нощю же *иде* ^и Вышегороду ⁷ отаи; призывавъ же ^к Путышу и Вышегородскыѣ боярыцѣ, рече имъ: «пріяете ли ми всѣмъ сѣрдьцымъ?» Рече же Путыша съ Вышегородьци: «можемъ главы своя съло-

^а Из Ком. и Ипат. ^б Слова «такъ буди. И живяше Володимеръ» из Ком., Ипат. и Радз. ^в Вставлено на основани Несторова Чтения: «нача (Святопѣлкъ) мыслити на праведнаго... хотя блаженаго погубити... увѣдѣвъ убо то, благовѣрный отецъ ихъ, пославъ (во Владиміръ), приведе къ себѣ блаженаго Бориса, блуды да нѣкако пролиетъся кровь праведнаго» (§ 62, 63 и 65). ^г Из Соф. 1-й. ^д «а самъ» из Ком. и Ипат.; в Лавр.: «самъ бо». ^е Так исправляю на основани житийнаго сказанія («како Святопѣлкъ потаи сѣмьртъ отьца своего»); в Лавр. и др.: потаиша. ^ж В Лавр. и др. вместо «Святопѣлкъ бѣ бо» — «бѣ бо Святопѣлкъ» (§ 53). ^з Вставлено на основани § 64. ^и Так исправляю; в Лавр. и др.: «Святопѣлкъ же приде ночью». ^к Так в Ком. и Акад.; в Лавр.: призва.

¹ В Нач. св. «епископи и старьци» (ср. Лавр. и др.); быть может, первоначально было только «старьци»; в Ком.: «старци епископи». ² Далее в Нач. св. ряд вставок (§ 113 и 114). ³ В Нач. св. прибавлено: бо. ⁴ В Нач. св. «его же выведе... къ нему Святопѣлкъ» опущено. ⁵ В Нач. св. прибавлено: «мѣсяца июля въ 15 днь. Умре же Володимеръ кнѣзъ». ⁶ В Нач. св. «пришѣдъ изъ Вышегорода» опущено; дальнейшее до «обѣщашася ему се сѣтворити» перенесено ниже. ⁷ В Нач. св.: «Святопѣлкъ же приде ночью Вышегороду» (§ 53).

жити за тя». Онъ же рече имъ: «не повѣдуше никому же, шьдъше убиите брата моего Бориса». Они же въскорѣ обѣщашася ему се сѣтворити.¹

Бояре же^{а 2} ношию, межю клѣтми проиравъше помость, обрътѣвъше ковьрѣ *Володимера*,^б ужи сѣвѣсиша на землю; и възложыше ѿ на сани, везыше поставиша ѿ въ святѣи Богородици, юже бѣ сѣздалъ самъ. Се же увѣдѣвъше людие бес числа сѣнидошася и плакашася по немъ: бояре акы заступника ихъ земли, убозии акы заступника и кѣрмителя; и^в вѣложиша ѿ въ кѣрсту мраморяну и сѣкуташа^г тѣло его съ плачѣмъ, блаженаго кѣнзя. Съ естъ новыи Костянтинъ великаго Рима, иже крѣстивъся самъ и люди своя; тако и сѣ сѣтворити подобно ему.³ Сего бо въ память дѣржать *кѣнзѣи*^д Русьстии и^е людие, поминающе святое крѣщение, и прославляють Бога въ молитвахъ и въ пѣсньхъ и въ псалмѣхъ, поюще Господеви, новии людие, просвѣщении Святымъ Духѣмъ, чающе надежда великаго Бога^ж Съпаса нашего Іисуса Христа въздати комуждо противу *дѣломъ*^з неиздреченную радость, юже буди уллучити въсѣмъ хрѣстяномъ.

О убиении Борисовѣ. Святопѣлкъ же сѣде Кыевѣ по отци своемъ, и сѣзѣва Кыеаны и нача даяти имъ имѣние, овѣмъ кѣрзна, а другимъ кунами, и раздая мѣножьство; и⁴ они же приимаху, и не бѣ сѣрдѣце ихъ съ нимъ, яко братия ихъ бѣша съ Борисѣмъ. Борису же възвративъшюся съ вой, не обрътѣшю Печенѣгъ, вѣстъ приде къ нему: «отѣцъ ти умѣрлъ». И плакася по отци вѣлми; любимъ бо бѣ отѣцѣмъ своимъ паче всѣхъ, и ста *шатъ*-

^а Вставлено на основании догадки Е. Е. Голубенского (§ 52).^б Так исправляю; в Лавр. и Ком.: ѿ; в других опущено. ^в Из Ком. и Радз. ^г Так в Ком. и проложном сказании (§ 27); в Лавр.: сѣхраниша. ^д Из проложного сказания (§ 27). ^е Оттуда же. ^ж Из Радз., Ипат. и проложного сказания. ^з Так в проложном сказании (§ 27); в Лавр. и др.: трудомъ. ^и В Лавр. и др. слова «овѣмъ кѣрзна... мѣножьство» см. ниже, перед сообщением о походе Ярослава против Святополка.

¹ В Нач. св. здесь вставка из Паримийника (ср. § 39 и 114¹). ² В Нач. св. «бояре же» опущено (§ 52). ³ Здесь в ПВЛ (но не в Нач. св.) вставка (§ 27). ⁴ В Нач. св. «овѣмъ кѣрзна... мѣножьство» опущено.

ры.^{а 1} Рѣша же ему дружина отъня: «се, дружина у тебе отъня и вои; поиди, сяди Кыевѣ на столѣ отъни». Онѣ же рече: «не буди мѣнѣ възняти руки на брата своего старѣишаго; аще отъць ми умьре, то съ ми буди въ отъца мѣсто». И се слышавъше вои
5 разидошася отъ него. Борисѣ же стояше съ отроцы своими; ² бѣ бо ему вѣсть уже, яко хотять погубити и. Посылании же придоша *отъ Святополка*^б нощию и подѣступиша ближе около шатѣра^{в 3} и слышаша блаженаго Бориса поюще заутрню. И вѣставѣ нача пѣти, глаголя: Господи! чѣто ся умножиша
10 сътужающии мѣнѣ? мѣнози вѣсташа^г на мя; ^{*1} мѣнози глаголють о души моей; ^д и пацы: яко стрѣлы твоя унѣзоша въ мѣнѣ, яко азѣ на раны готовѣ; и болѣзнь моя предѣ мѣною естъ; ^{*2} и пацы глаголаше: Господи! услыши молитву мою, и не вѣнидивѣ судѣ съ рабѣмъ
15 своимъ, яко не оправдѣться предѣ тобою вѣсякѣ живыи, яко погѣна врагѣ душу мою.^{*3} И конѣчавѣ експсалма, увѣдѣвъ,^е яко послани суть губитѣ его, нача пѣти псалтырь,^ж глаголя: яко обидоша мя унѣци тучѣни, и съборѣ зѣлобивыхъ осѣде мя; ^{*4} Господи Боже

^а Извлекаю из житийного сказания, где «ста на Лѣтъ шатѣры»; в Лавр. и др.: «на Лѣтъ пришедѣ». ^б Из житийного сказания. ^в «около шатѣра» извлекаю из дальнѣйшаго (в Лавр. и др.: «и се нападоша акы звѣрьѣ дивии около шатѣра»). ^г Так в Ком., у Нестора и в житийном сказании (§ 46); в Лавр. и др.: вѣстають. ^д «мѣнози... моеи» из Ком. (§ 46). ^е В Лавр.: увидѣвъ. ^ж В Лавр.: псалтырю.

¹ В Нач. св. было, как кажется: «и ста на Лѣтъ шатѣры» (ср. житийное сказание); в ПВЛ: «и ста на Лѣтъ» (§ 59). ² Здѣсь в Нач. св. вставлен отрывок, читавшійся в Древн. св. частью выше: «Святополкѣ же, исполнивсѣ безаконѣя... како бы ѣ погубити. Святополкѣ же приде ночью Вышегороду... ему се сътворити. О сяковыхъ бо Соломонѣ рече... нечестѣмъ бо свою душу емлють». Кроме того, здѣсь в Нач. св. читается фраза: «Послании же придоша на Лѣто... Бориса поюща заутрню», которая в Древн. св., как кажется, читалась несколько ниже. ³ В Нач. св. «около шатѣра» помещено ниже, после «и се нападоша акы звѣрьѣ дивии».

^{*1} Пс. III, 2. ^{*2} Пс. XXXVII, 3, 18. ^{*3} Пс. CXLII, 1—3. ^{*4} Пс. XXI, 13, 17.

мои, на тя упѣвахъ, съпаси мя, и отъ всѣхъ го-
 нящихъ избави мя.* По семь же нача канунъ пѣти; таче
 коньчавъ заутрню, помолися, глаголя, зря на икону, на образъ
 Владычнь: «Господи Иисусе Христе, иже симъ образомъ явися на
 земли съпасения ради нашего, изволивъ своею воелею пригвоз- 5
 дити на кръстѣ руцѣ свои, и примѣ страсть грѣхъ ради на-
 шихъ, тако и мене съподоби прияти страсть; се же не отъ про-
 тивныхъ приимаю, нѣ отъ брата своего, и не сътвори ему, Го-
 споди, въ семь грѣха». И помоливъшюся ему, възлеже на одрѣ
 своемъ. И се нападоша на нь ^а акы звѣрие дивии ¹ и насунуша ѣ 10
 копии, и прободоша Бориса, и *единого отъ предъстоящихъ слугъ* ^б
 его, падъша на немъ, прободоша съ нимъ.² Увидѣвъше ^в же,³
 яко и еще живъ есть *Борисъ*, единъ *отъ губитель*,^г⁴ извлекъ
 мечъ, пронъзе ѣ къ сѣрдыцю. И тако съконъчася блаженни Бо-
 рисъ, вѣнъць примѣ отъ Христа Бога съ правдыными, причтъся 15
 съ пророкы и апостолы, съ ликы мученичьскими въдваряся,
 Аврааму на лонѣ почивая, видя неиздреченную радость, въспѣ-
 вая съ ангелы и веселяся въ лику святыхъ. Бориса же убивъше
 оканънии, обрѣтъвъше ^д въ шатѣрь, възложивъше на кола, по-
 везоша ѣ ^е отаи Вышегороду.⁶ И положиша тѣло его принесъше 20
 у църкъве святаго Василия. Оканънии же си убиицѣ придоша
 къ Святопѣлку акы хвалу ^е имуще, безаконъници. Суть же имена

^а «на нь» из Хлебн. ^б Вставлено из Несторова Чтения (§ 46); в Лавр. вместо того: слугу. ^в Так в Моск.-Акад.; в Лавр.: увѣдѣвши. ^г Ср. эти слова у Нестора; в Лавр.: ею (относится к двум варягам, о которых говорит предшествующая вставка). ^д Так читалось, вероятно, в Нач. св.; ср. житийное и проложное сказания; в ПВЛ «увертѣвши» (Лавр. и др.). ^е Так в Ком.; в Лавр.: хулу.

¹ В Нач. св. прибавлено «около шатѣра», ср. выше пропуск этих слов в Нач. св. ² Здесь в Нач. св. вставка (§ 60 и 61). ³ Здесь в Нач. св. вставка (§ 54 и 59). ⁴ В Нач. св.: «единъ ею» (т. е. из области варягов, о которых говорилось выше). ⁵ Слова «Бориса же убивъше... повезоша и» читаются в Нач. св. выше; вместо них здесь вставлено «И положиша тѣло его принесъше», что в Древн. св. несколько ниже. ⁶ «отаи Вышегороду» в Нач. св. помещено ниже в следующей фразе после слова «принесъше».

* Пс. VII, 2.

симъ законопреступникомъ: Путьша, Тальць, Еловичъ, Ляшко;
отыць же ихъ сотона. Сици бо слугы бѣси бываютъ; бѣси бо на
злое посылаеми бываютъ, а ^а ангели на благое. Ангелъ бо чло-
вѣку зѣла не сѣтваряеть, нѣ благое мыслить ему вѣсѣгда, паче
5 же хрѣстіяномъ помагаеть ^б и заступаеть ^в отъ супротивнаго дия-
вола; а бѣси на злое вѣсѣгда ловять, завидяще ему, понеже ви-
дять чловѣка Богѣмъ почыщена, и завидяще ему на зло сълеми
скори суть. Зѣлъ чловѣкъ, тыщася на злое, хужии ^г есть
бѣса; бѣси бо Бога бояться, а зѣлъ чловѣкъ ни Бога боиться,
10 ни чловѣкъ ся стыдитъ; бѣси бо крѣста ся боять Господня, а
чловѣкъ зѣлъ ни крѣста ся боить.

Святопѣлкъ же оканьныи помысли въ собѣ, рекъ: «се убихъ
Бориса, како бы убити Глѣба?» ¹ *Бѣ бо Глѣбъ избѣгль ис Кыева,
бояся сего погубления.^д И о томъ увѣдѣвъ оканьныи тыи, яко*
15 *на полунощныи страны бѣжалъ есть, посла и тамо, да и*
того погубять.^е Послании же гѣнаша по Глѣбѣ дѣни многы
*и постигоша ѱ.** И ту абие ² яша корабль Глѣбовъ и обнажиша
оружие; отроци Глѣбови уныша; оканьныи же Горясѣръ повелѣ
въбѣрзѣ зарѣзати Глѣба; поваръ же Глѣбовъ, именемъ Търчинъ,
20 вынѣзъ ножъ, зарѣза Глѣба. Акы агня непорочно принесесе на
жѣртву Богови въ воню благоухания жѣртва словесная! И прия
вѣнѣць, вѣшдѣ въ небесныи обитѣли, и узрѣ желаемаго брата
своего, и радовашесе съ нимъ неиздреченною радостію, юже
улучиста братолубиемъ своимъ. Се, коль добро и коль
25 красѣно, еже жити братома въкупѣ! * Оканьнии же
възвратишася вѣспять, якоже рече Давыдъ: да възвратятся
грѣшѣници въ адъ.** Онѣмъ же пришьдѣшемъ и повѣ-

^а Из Радз. ^б Так в Радз.; в Лавр.: помагають. ^в Так поправляю; в Лавр.: заступають. ^г В Лавр. «не хужи». ^д Вставлено ввиду сообщения Несторова Чтения о бегстве Глеба (ср. § 62). ^е Вставлено, причем слова эти взяты из Несторова Чтения. ^ж Вставлено по смыслу.

¹ В Нач. св. вместо нижеследующего вставлена другая версия (§ 55 и 62). ² В Нач. св. прибавлено: послании.

* Пс. СXXXII, 1. ** Пс. IX, 18.

давьшемъ ^а Святопылку: «яко сътворихомъ повелѣная тобою»; онъ же, се слышавъ, възнесся сърдыцѣмъ ^б больма, не вѣды Давыда глаголюща: чѣто ся хвалиши о зѣлобѣ, сильныи? безаконие въ съ^в днь умысли языкъ твой.*

Глѣбу же убиену бывшю и повържену на *пустѣ мѣстѣ* ^г 5
межю двѣма колодама, *Господь не остави въ невѣдѣнии и небрежении отинудѣ быти тѣлеси святаго, нѣ показа е: овѣгда бо видѣша стѣлпѣ огнынѣ, овѣгда свѣщѣ горушѣ; и пакы пѣния ангельска слышаху мимоходящеи путьмѣ гостие, ини же ловѣ дѣюще и пасуще. И то слышавъ Ярославъ посла на възискание* 10
брата. И обрѣтоша ѿ, идеже бѣша видѣли, и шѣдше съ крѣсты и съ свѣщами мнѣозѣми и съ кандилы, и съ чѣстїю мнѣогою вѣложше въ корабль, и привезше ^д положиша ѿ *Вышегородѣ* ^е у брата своего Бориса, у църкѣве святаго Василия.

Святопылкѣ же съ оканьныи и зѣлыи, пославъ, уби Свято- 15
слава ^ж в горѣ Угрьстѣ, бѣжащю ему въ Угры. И нача помышляти: «яко избїю вѣсю братїю свою и преиму власть Русьску единѣ».

И ^з се слышавъ *Новѣгородѣ* и Ярославъ ^к ¹ печальнѣ бысть о отьци и о братїи. ^л ² И събѣра *вои мнѣогѣ, Варягы и Словѣны*, ^м ³ 20
и поиде на Святопылка, нарекъ Бога и рекъ: «не азъ почахъ избивати братїю, нѣ онъ; да будетъ отѣмьстѣникъ Богъ крѣве братїи моея, зане без вины пролия крѣвь Борисову и Глѣбову пра-

^а Так в Хлебн. и Радз., в Лавр.: «и повѣдаша». ^б Так в Радз. и житийном сказании; в Лавр.: «сердце его». ^в Так исправляю по житийному сказанию; в Лавр.: весь. ^г Из житийного сказания; в Лавр. и др.: брезѣ. ^д Вставлено из житийного сказания (§ 22 и 46); в Лавр. и др. вместо всего этого: «по семь же взяше везоша ѿ, и». ^е Из житийного сказания. ^ж В Лавр. и др.: «уби Святослава, пославъ»; поправляю ввиду дальнейшего «въ горѣ». ^з Из Радз. и Ипат. ^и Вставлено по смыслу. ^к Из Ипат. ^л «и о братїи» из Моск.-Акад. ^м Вставлено по смыслу.

¹ В Нач. св. «и се слышавъ... Ярославъ» помещено ниже, а перед этим вставка из Новгор. св. (§ 123). ² В Нач. св. вставка (§ 123). ³ В Нач. св. это опущено, и вместо того из Новгор. св. вставлено: «Ярославъ Варягъ тысячу, а прочихъ вои 4000».

* Пс. LI, 3—4.

вѣднѹю; еда и мѣнѣ сѣ же сѣтворитѣ? нѣ суди ми, Господи, по правдѣ, да сѣконѣчается зѣлоба грѣшѣнаго».¹

Слышавѣ же Сѣятопѣлкѣ идуща Ярославѣ пристрои бес числа вои , Руси и Печенѣгѣ,^{а2} и сташа противу *собѣ*^б оба-
5 полѣ Днѣпра. И не смяху ни си на ^в онѣхѣ, ни они на ^в сѣхѣ, и стояша мѣсяцѣ 3.³ И воевода Сѣятопѣлчѣ, именѣмѣ Вѣлчѣи Хвостѣ,^г ѣздя вѣзлѣ брегѣ, укаряти нача Новѣгородѣцѣ, гла-
голя: «чѣто придосте сѣ хромѣцѣмѣ симѣ, а вы плотѣници сущѣ? а приставимѣ вы хоромѣ рубитѣ нашихѣ». Се слышавѣше Новѣ-
10 городѣи рѣша Ярославу: «яко заутра перевеземѣся на ня; аще кѣто не поидетѣ сѣ нами, сами потѣнемѣ». Бѣ же уже вѣ заморозѣ, и ^д стояше Сѣятопѣлкѣ ^е межѣ дѣвѣма озерома и вѣсю ношѣ пилѣ бѣ сѣ дружиною своею. Ярославѣ же заутра, испѣлчивѣ дружину свою, противу свѣту перевезеса. И вѣсѣдѣше на брегѣ,
15 отѣринуша лодѣи отѣ брега; и поидоша противу собѣ и сѣступѣшасѣ на мѣстѣ *близѣ Любѣча*.^{ж4} Быстѣ сѣча зѣла, и не бѣ лѣзѣ озерѣмѣ Печенѣгомѣ помагати, и прѣтиснуша Сѣятопѣлка сѣ дружиною кѣ озеру, и вѣступиша на ледѣ, и обломѣся сѣ ними ледѣ, и одалати нача Ярославѣ. Видѣвѣ же Сѣятопѣлкѣ
20 побѣже, и одолѣ Ярославѣ.³ Сѣятопѣлкѣ же бѣжа вѣ Ляхѣ.

Начало кѣняжения Ярославѣя Кѣевѣ.^и В лѣто 6525.⁵ Ярославѣ сѣде Кѣевѣ на столѣ отѣни и дѣдѣни. *Вѣ то же время быстѣ пожарѣ великѣ Кѣевѣ, и погорѣ цѣркѣ свѣтыя Богородѣица*.^{к6}

^а «Руси и Печенѣгѣ» из Радз. и Ипат. ^б Извлекаю из дальнейшего. ^в Из Ипат., Хлебн. и Радз. (ср. сходную фразу в статье 6500 г.). ^г «именѣмѣ Вѣлчѣи Хвостѣ» из Ком. ^д Из Ипат. и Хлебн. ^е Порядок слов из Хлебн.; в Лавр.: «Сѣятополкѣ стояше». ^ж Вставлено по догадке (с. 336, примеч. 2). ³ «Видѣвѣ же... Ярославѣ» из Радз. ^и В Лавр. это заглавѣе выше, в начале летописной статьи. ^к «Вѣ то же время... Богородѣица» вставлено на основаниѣ § 62; в Лавр.: «и погорѣ цѣркѣ».

¹ В Нач. св. повторено: «и поиде на Сѣятополка». ² Здѣсь в Нач. св. вставлено сначала из Новгор. св.: «и изыде противу ему кѣ Любѣчию сѣ вои»; и далее: «обѣ онѣ полѣ Днѣпра, а Ярославѣ обѣ сю. Вѣ лѣто 6524. Приде Ярославѣ на Сѣятополка». ³ В Нач. св. вставлено: «противу собѣ». ⁴ В Нач. св. «близѣ Любѣча» опущено. ⁵ В Нач. св. заглавѣе отнесено выше, а 6525 г. помещен ниже. ⁶ В Нач. св. «Вѣ то же время... Кѣевѣ» опущено; опущено также «сѣвѣтыя Богородѣица»; выше на основаниѣ Новгор. св. двѣ вставки: «и бы тогда Ярославѣ Новѣгородѣ лѣтѣ 28» и «Ярославѣ иде Кѣеву».

Въ лѣто 6526. Поиде ^а Болеславъ съ Святопѣлкѣмъ на Ярослава съ Ляхы; Ярославъ же мѣножьство ^б съвѣкупи *вои*,^в Русь и Варягы и Словѣны, и поиде противу Болеславу и Святопѣлку. Приде Волиню, и стаща обаполъ рѣкы Бога.^г И бѣ у Ярослава кѣрмильць и воевода, именѣмъ Буды, и нача Буды ^д укарятъ Болеслава, глаголя: «да то ти прободемъ трѣскою чрево твое тѣлстое»; бѣ бо Болеславъ великъ и тяжкъ, яко и на кони не могы сѣдѣти, нѣ бѣше смѣслѣнъ; и рече Болеславъ къ дружинѣ своеи: «аще вы сего укора не жалѣ, азъ единъ погыну». И ^е вѣсѣдъ на конь, вѣбрѣде въ рѣку, и по немъ вои его. Ярославъ же не утягну ^ж испѣлчитися, и побѣди Болеславъ Ярослава. Ярославъ же убѣжа съ 4-ми мужи Новугороду.

Болеславъ же вѣниде въ Кыевъ съ Святопѣлкѣмъ...

* И рече Болеславъ: «разведѣте дружину мою по городомъ на покѣрмѣ». И бысть тако; ¹ оканѣнныи же ¹⁵ Святопѣлкѣ рече: «елико же Ляховъ по городомъ,^ж избиваите я». И избиша Ляхы. Болеславъ же побѣже ис Кыева,

възмѣ имѣние и бояры Ярославля и сестрѣ его; и Анастаса пристави Десятинѣнаго къ имѣнию, бѣ бо ся ему вѣвѣрилъ лѣстию; ²⁰ и людии мѣножьство веде съ собою, и грады Чѣрвеньскыя зая собѣ, и приде въ свою землю. Святопѣлкѣ же нача кѣняжити Кыевъ.²

В лѣто 6527.³ Ярославъ събѣра мѣножьство вои, *Варягы и Словѣны*,³ и поиде на Святопѣлка.^и И вѣзиде противу ему на ²⁵

^а Так в Радз. и Ипат.; в Лавр.: «приде». ^б Из Ипат. и Радз. ^в Так исправляю вместо «съвѣкупивъ», как в Лавр. и Хлебн. ^г В Лавр. и др.: Буга; ср. выше с. 363. ^д Из Ипат. и Радз. ^е Из Радз. и Ипат. ^ж Так в Радз. и др.; в Лавр.: «по городу». ³ Вставлено по аналогии предыдущего. ^и «и поиде на Святопѣлка» извлекаю из предыдущего (см. примеч. 2).

¹ В Нач. св. здесь вставка из Новгор. св. (§ 276). ² В Нач. св. здесь вставлено из Новгор. св.: «и поиде Ярославъ на Святополка, и побѣди Ярославъ Святополка, и бѣжа Святополкъ в Печенѣгы». ³ В Нач. св. вставлено: «Приде Святополкъ с Печенѣгы в силѣ тяжкѣ», ср. ниже.

* Дальше следует вставка позднейшего редактора (§ 242).

Лѣто Святопѣлкѣ въ силѣ тяжьцѣ.^а Ярославъ ¹ же помолися,^б рекъ: «брата моя! аще еста и тѣлѣмъ отышла^в отсюда, нѣ молитвою помозѣта ми на противнаго сего убицию и гърдаго». И се ему рекъшу, поидоша противу собѣ, и покрывша поле

5 Лѣтское обои отъ мѣножства вои. Бѣ же пятѣкъ тѣгда. И възходящю сѣлнцю, сѣступишася обои; бысть сѣча зѣла, якаже не была въ Руси; и за руки емлющеся ^г сѣчахуся, и сѣступашася тришѣды, яко по удолиемъ крѣви тещи; къ вечеру же одолѣ Ярославъ, а Святопѣлкѣ бѣжа. И бѣжащю ему, нападе

10 на нѣ бѣсѣ, и раслабѣша кости его, не можаше сѣдѣти на кони,^д и несяхутѣ ѿ на носилѣхъ; принесоша ѿ къ Берестию, бѣгающе съ нимъ; онѣ же глаголаше: «побѣгнѣте съ мѣною, женуть по насѣ». Отроци же его възсылаху противу, еда кѣто женеть по немъ;^е и не бѣ никогоже възслѣдъ гоняща, и бѣжаху с нимъ.

15 Онѣ же въ немощи лежа, възхопивъсѣ, глаголаше: «осе женуть, оно женуть,^ж побѣгнѣте». Не можаше тѣрпѣти на единомѣ мѣстѣ, и пробѣжа Лѣдску землю, гонимъ Божиимъ гнѣвѣмъ; и ^з прибѣжавъ^и въ пустыню межю Ляхы и Чехы, испровѣрже зѣлѣ животь свои. И *приятѣ възмѣздіе отъ Господа, якоже* ^к показоваше явѣ

20 *посыланая на нѣ* ^л пагубная рана, и по сѣмѣрти *муку вѣчнѣую*.^м Есть же могѣла его въ пустыни и до сего дѣне, исходитѣ же отъ нея смрадѣ зѣлѣ.² Ярославъ же сѣде Кѣевѣ, утерѣ пота съ дружиною своею, показавъ побѣду и трудѣ великѣ.

Въ лѣто 6528. Родися у Ярослава сынѣ, и нарече имя ему

25 Володимѣрь.

^а «Святопѣлкѣ въ силѣ тяжьцѣ» из предыдущего (см. с. 397, примеч. 3). ^б Так исправляю вместо полмоливъсѣ; в Хлебн.: помолился. ^в Из Радз. и Ипат. ^г Так в Радз. и др.; в Лавр.: емлюче. ^д Слова «на кони» из Ипат. ^е «по немъ» из Ипат., Радз.; в Лавр.: «по насѣ». ^ж «оно женуть» из Ипат. и Радз. (в последней: «о женуть»). ^з Из Радз. ^и Так исправляю; в Лавр.: прибѣжа. ^к Вставлено из житийного сказания. ^л То же. ^м Вставлено из житийного сказания; в ПВЛ слова «И приятѣ възмѣздіе отъ Господа... и по сѣмѣрти муку вѣчнѣую» сильно переделаны под влиянием Паримийника.

¹ В Нач. св. здѣсь вставка. ² Здѣсь в Нач. св. вставка относительно значенія для русских князей Святополкова примѣра (§ 37), а в ПВЛ внесена еще вставка из Паримийника (§ 37).

Въ лѣто 6529. Побѣди Ярославъ Брячислава.¹

Въ лѣто 6530. Поиде ^а Ярославъ къ Берестію.

* Въ си же времена, Мьстиславу сущю Тьмуторо-
кани, поиде на Касоги. Слышавъ же се кнѣзь Ка-
сожскыи Редедя изиде противу тому, и ставъшема 5
обѣма пълкома противу собѣ, рече Редедя къ Мьсти-
славу: «что ради губивъ дружину межю собою? нѣ
сѣнидевъ ся сама боротъ; да аще одолѣши ты, то възъ-
меша имѣние мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою;
аще ли азъ одолѣю, то възму твое все». И рече Мьсти- 10
славъ: «такъ буди». И съхастася.^б И рече Редедя къ
Мьстиславу: «не оружиемъ ся биевъ, нѣ борьбою». И
яста ся бороти крѣпко, и надълзѣ борющемася има,
нача изнемагати Мьстиславъ: бѣ бо великъ и сильнъ
Редедя. И рече Мьстиславъ: «о, пресвятая ^в Богородице! 15
помози ми; аще бо одолѣю ^г сему, съзижду църквѣ
въ имя твое». И се рекъ, удари имъ о землю, и
выньзѣ ^д ножъ, зарѣза Редедю; и ^е шьдѣ въ землю
его, възвѣ все имѣние его, и * жену его, и дѣти его, и
данъ възложи на Касоги. И пришьдѣ Тьмутороканю, 20
заложу църквѣ святыя Богородица, и създа ю, яже
стоитъ и до сего дѣне Тьмуторокани.

** *По сѣмъ же* ² поиде Мьстиславъ на Ярослава съ
Козары и съ Касоги.

Въ лѣто 6532. Ярославу сущю Новѣгородѣ, приде Мьсти- 25
славъ ис Тьмутороканя Кыеву, и ^з не прияша его Кыяне; онъ

^а Так в Радз.; в Лавр. и Ипат.: «приде». ^б «И съхастася» из Хлебн. и Ипат. ^в Так в Радз. и Ипат.; в Лавр.: пречистая. ^г Так в Радз. и Ипат.; в Лавр.: удолѣю. ^д Так исправляю вместо «выньзе». ^е Из Радз., Соф. 1-й и др. * Из Радз., Соф. 1-й и др. ^з Так в Радз.; в Лавр.: ии.

¹ Это известіе в Нач. св. распространено по Новгор. св. (§ 124 и 173). ² В Нач. св. вместо этого: «Въ лѣто 6531».

* Дальше следует вставка позднейшего редактора (§ 232). ** Ср. § 233.

же, шьдъ, сѣде на столѣ Чърниговѣ.¹ И посылѧ Ярославъ ^а за море по Варягы. И приде Якунѣ съ Варягы; и бѣ Якунѣ слѣпъ, луда бѣ у него златѣмъ истѣкана.² Иде Ярославъ съ Якунѣмъ на Мьстислава; Мьстиславъ же, слышавъ, възиде противу има
5 къ Листвьну.

* Мьстиславъ же, съ вечера испълчивъ дружину, постави Сѣверъ въ чело противу Варягомъ, а самъ ста съ дружиною своею по крилома. И бывъши но-
щи,³ поидоста ^б Мьстиславъ и Ярославъ противу собѣ,
10 и съступися чело, Сѣверъ, съ Варягы, и трудишася Варязи сѣкуще Сѣверъ, и по семь наступи Мьсти-
славъ съ дружиною своею и нача сѣщи Варягы.^в ⁴

И бысть сѣчас сильна.⁵ Видѣвъ же Ярославъ, яко побѣ-
жаемъ естъ, побѣже,⁶ и Якунѣ ту отѣбѣже луды златыѣ.⁷

15 ** Мьстиславъ же, освѣтъ заутра и ^г видѣвъ лежащѣ исѣчены ^д свои ^е Сѣверъ и Варягы Ярославлѣ, рече: «къто сему не радъ? се, лежитъ Сѣверянинъ, а се, Ва-
рягъ, а дружина своя цѣла». И посылѧ Мьстиславъ по Ярославъ,^ж глаголя: «сяди на столѣ ^з своемъ
20 Киевѣ, понеже ^и ты еси старѣи ^к братъ, а мѣнѣ буди си сторона».

^а Из Радз. и Ипат. ^б Так исправляю вместо «поиде» ввиду последующего «противу собѣ». ^в «и трудишася Варязи... нача сѣщи Варягы» из Радз. и Ипат. ^г Из Радз. и Ипат. ^д Так в Ипат. и Соф. 1-й; в Лавр.: сѣчены. ^е Так исправляю вместо «отъ своихъ»; ср. Хлебн.: «лежаща свои Сѣверы исѣчены». ^ж Так исправляю; в Лавр. и Ипат.: «по Ярославъ», в Моск.-Акад.: «по Ярослава». ^з «на столѣ» из Радз., Ипат. и Соф. 1-й. ^и Из Ипат. и Радз. ^к Так в Ипат.; в Лавр.: старѣишеи.

¹ Здесь в Нач. св. вставка из Новгор. св. (§ 125). ² Здесь в Нач. св. вставлено из Новгор. св.: «И приде къ Ярославу». ³ Здесь в Нач. св. вставка из Новгор. св. (§ 170). ⁴ То же. ⁵ То же. ⁶ То же. ⁷ То же.

* Далее следует вставка позднейшего редактора (§ 233). ** То же.

И съдяше Мъстиславъ Чърниговъ, а Ярославъ Новѣгородъ, и не смяше Ярославъ ити въ Киевъ, донѣдеже съмирилася; ¹ и бяху Киевъ мужи Ярославли. И родися Ярославу ^а другии сынъ, и нарече имя ему Изяславъ.

Въ лѣто 6534. Ярославъ съвѣкупи вои много ^б и приде 5
Киеву, и сътвори миръ съ братьемъ своимъ Мъстиславѣмъ у Горо-
дѣца. И раздѣлиста по Днѣпръ Русьску землю: Ярославъ
прия сию страну, а Мъстиславъ ону; и начаста жити мирно и въ
братолубствѣ, и уста усобица и мятежъ, и бысть тишина велика
въ земли. 10

Въ лѣто 6535. Родися 3-и сынъ Ярославу и нарече имя ему
Святославъ. *Въ се же лѣто* ^{в 2} знамение змиево ^г явися на не-
беси, яко видѣти въсеи земли.³

Въ лѣто 6538. Ярославъ Белзъ ^д възъ. И родися Ярославу
4-и сынъ, и нарече имя ему Всеволодъ.⁴ 15

Въ лѣто 6539. Ярославъ и Мъстиславъ събѣраста вои много,
идоста на Ляхы и заяста грады Чървеньскыя опять, и повое-
васта Лядьску землю, и многогы Ляхы приведоста, раздѣливъ-
ша я. Ярославъ посади своя ^е по Ръси, и суть до сего дъне. *И* ⁵
поча ставити города по Ръси. 20

Въ лѣто 6541. Мъстиславичъ Еустафии умре.

Въ лѣто 6544. Мъстиславъ изиде на ловы, разболѣся и умре;
и положиша ѿ у църкви ^ж святаго Съпаса, юже бѣ ^з самъ за-
ложилъ: бѣ бо въздано ея при немъ възвыше, яко на кони
стоящю ^и досящи. 25

^а Так в Хлебн.; в Лавр. опущено; в Радз. и Ипат.: «у Ярослава».

^б Так исправляю вместо «воя многы»; в Радз.: «вои много». ^в Вставлено по смыслу (ср. § 265 и Доп.). ^г Из Радз. и Соф. 1-й. ^д Так в Ипат.; в Лавр.: Бзы. ^е Из Ипат. ^ж Из Радз. и Ипат. ^з Из Радз. и Хлебн. ^и Так поправляю вместо «стояще».

¹ В Нач. св. переставлено: «И не смяше Ярославъ ити въ Киевъ, донѣдеже съмирилася. И съдяше Мъстиславъ Чърниговъ, а Ярославъ Новѣгородъ». ² В Нач. св.: «В лѣто 6536», но в Соф. 1-й под 6535 г. ³ В Нач. св. вставлено: «В лѣто 6537. Мирно бысть». ⁴ В Нач. св. вставка из Новгор. св. (§ 126) и Жития Антония (§ 61). ⁵ В Нач. св. вместо этого: «В лѣто 6540. Ярославъ».

* Бѣ же Мѣстиславъ дебелъ тѣлѣмъ, чѣрмѣнѣмъ ^а лицѣмъ, великома очима, храбръ на рати, милостивъ, и ^б любляше дружину по велику, имѣния не щадяше, ни пития, ни ядения браняше.

5 По семь же прея власть его всю Ярославъ, и бысть едино-властьцъ ^в Русьстѣ земли.

И иде Ярославъ Новугороду, и посади сына своего Володимера Новѣгородѣ.¹ И въ се время родися Ярославу сынъ, и ^г нарекоша имя ему Вячеславъ.

10 Ярославу же сущю Новѣгородѣ, вѣсть приде ему, яко Печенѣзи остоятъ Кыевъ. Ярославъ събѣра вои многѣ, Варягы и Словѣны, приде Киеву и вѣниде въ градъ свои. И бѣ Печенѣгъ бес числа. Ярославъ же ^д выступи из града, и испѣлчи дружину, постави Варягы посреде, а на правѣи сторонѣ Кыя-
15 ны, а на лѣвѣмъ крилѣ Новѣгородьцѣ. И ^е сташа предѣ градѣмъ. А ^ж Печенѣзи приступиша и почаша; и съступишася на мѣстѣ,³ идеже стоитъ нынѣ святая Софія, митрополия Русьская; бѣ бо тѣгда поле вѣнѣ града. И бысть сѣча зѣла, и едва одолѣ къ вечеру Ярославъ. И побѣгоша Печенѣзи разно, и не вѣдяхуся
20 камо бѣжаше,^и и ови бѣжаше ^к тоняху въ Сѣтомли, ини же въ инѣхъ рѣкахъ, а прокъ ихъ пробѣгоша и до сего дѣне.

Въ се же лѣто вѣсади Ярославъ ² въ порубѣ братѣ свои,^л ³ оклеветанъ къ нему.

Въ лѣто 6545. Заложил Ярославъ градъ великий, у негоже
25 града суть Златая врата; заложил же и цѣрквѣ святѣя Софія, митрополию; и по семь цѣрквѣ на Златыхъ вратѣхъ святѣя Богородица Благовѣщение, по семь святѣя Георгія монастырь и

^а Так в Ипат.; в Лавр.: чермень. ^б Из Ипат. и Радз. ^в Так в Ипат.; в Лавр. и Соф. 1-й: самовластецъ. ^г Из Радз. и Ипат. ^д То же. ^е То же. ^ж Из Ипат. ^з Так в Радз. и Ипат.; в Лавр.: «на мѣсто». ^и Так в Радз. и Ипат.; в Лавр.: бѣжати. ^к «и ови бѣжаше» из Радз. и Ипат. ^л Так исправляю вместо «брата своего» ввиду следующего «оклеветанъ».

¹ Здесь в Нач. св. вставка из Новгор. св. (§ 126). ² В Нач. св. прибавлено: «Судислава». ³ В Нач. св. «брата своего Плесковъ».

* Дальше следует вставка позднейшего редактора (§ 233).

святѣя Ирины. И при семь нача вѣра хрѣстіяньска плодитися
 и расширѣти, и чѣрноризьци почаша мѣножитися, и манастиреве
 починаху быти. И бѣ Ярославъ любя цѣрквѣньныя уставы, попы
 любляше по велику, излиха же чѣрноризьцѣ, и кѣнигамъ прилежа,
 почитая я часто въ нощи и въ дѣне. И събѣра письцѣ мѣногы 5
 и прекладаше съ ними отъ Грьчѣска ^а на Словѣньское письмо, и
 съписаша кѣнигы мѣногы, имиже поучающесе ^б вѣрнии людие
 наслаждаются учения божѣстваго.¹ Ярославъ же, кѣнигы^в ²
 мѣногы написавъ, положи въ святѣи *сеи* цѣрквѣи,^г ³ юже създа
 самъ; и ^д украси ю златѣмъ и сребрѣмъ и съсуды цѣрквѣньными. 10
 В лѣто же 6547 священа бысть митрополитѣмъ Феопемтѣмъ
 цѣркы *си*,⁴ въ неихже обычѣньныя пѣсни Богу въздають въ
 годы обычѣньныя. И ины цѣрквѣи ставляше по градомъ и по мѣ-
 стомъ, поставляя попы и дая имъ отъ имѣния своего урокъ,
 веля имъ учити люди и приходити часто къ цѣрквѣамъ; *попомъ* 15
 бо часто достоить учити люди,^е понеже тѣмъ есть поручено
 Богѣмъ; и умѣножишася презвутери и * и людие хрѣстіяньстии.³ И

^а В Лавр. и др.: «и прекладаше отъ Грекъ»; слова «с ними» и слог
 ска (в Грьчѣска) извлекаю из стоящего в Лавр., Ипат. и Хлебн. за
 словами «книгы многы» непонятного «и *сни ска*» (Лавр. и Хлебн.) «и
 сниськами» (Ипат.); слоги «с ними» и «ска» попали почему-либо
 в протографе названных списков на строку и прочтены были вместе.

^б Так поправляю; в Лавр.: поучашесе; в Ипат.: поучаються. ^в Из
 Хлебн. ^г «сеи цѣрквѣи»; так поправляю предположительно; в Лавр.: «в
 святѣй Софѣи церкви»; в Радз.: «в святѣи Софѣи»; в Ипат.: «въ церкви
 святои Софѣи». ^д Из Радз. и Ипат. ^е «попомъ бо часто достоить учити
 люди» из Ипат. (но вместо «попомъ» там «попови»). * Из Радз. и
 Ипат. ³ Из Ипат. и Радз.

¹ Здесь в Нач. св. вставка (§ 114²). ² В Нач. св. ввиду предшеству-
 ющей вставки: «Ярославъ же съ, якоже рекохомъ, любимъ бѣ кѣни-
 гамъ». ³ Быть может, уже в Нач. св. это было изменено (ср. выше
 примеч. «г»). ⁴ Как указано в § 226, «Священа бысть... цѣркы си»
 в Нач. св. выделено в особое известие, причем, быть может, уже в
 Нач. св. «си» заменено ошибочно словами: «святѣя Богородица, юже
 създа Володимеръ, отецъ Ярославъ» (о том, что Св. София была ос-
 вящена 4 ноября 6547 г., см. § 226). Затем в Нач. св. вставлено под
 6546 г. известие о походе Ярослава на ятвягов (§ 224¹), под 6547 г.
 известие об освящении церкви, под 6548 и 6549 гг. известия о походах
 Ярослава на литву и мазовшан (§ 224¹—224³); под 6550 г. о походе
 Владимира на емь (§ 115 и 126).

радовашеся Ярославъ ¹ зѣло, а врагъ сѣтовашеться, побѣжаемъ новыми людьми хрѣстіяньскими.

* Въ лѣто 6551. Посѣла Ярославъ сына своего Володимера на Грькы и вѣда ему вои мѣногъ [а воеводство поручи Вышатѣ, отцю Яневу],^{2**} и ^а поидоша къ Цѣсарюграду; и бысть буря велика и разби корабль Руси, и кѣняжъ корабль разби вѣтръ; и вѣзяша ^б кѣнязя въ корабль Иванъ Творимирича,^в воеводы Ярославля; и ^г ³ вывѣржени быша на брегъ числѣмъ 6000,

*** и хотящемъ ^д поити въ Русь, и не ^е идяше съ ними никѣтоже ^ж отъ дружины кѣняжа. И рече Вышата: ^з «азъ поиду съ ними». И высѣде ис корабля къ нимъ,^и рек: ^к «аще живѣ буду, аще ли ^л погыну, то съ дружиною». И поидоша, хотяще въ Русь.

И бысть вѣсть Грькомъ, яко избило море Русь, и посѣла цѣсарь, именѣмъ Мономахъ, по Русь ^м олядии 14. Володимеръ же,⁴ вѣспятивъся, изби олядия Грьчѣскыя, и вѣзвратишася ^н Русь,^о вѣсѣдавшеся ^п въ корабль своѣ.

**** Вышату же яша съ извѣрженными на брегъ, и приведоша я Цѣсарюграду, и слѣпиша Руси мѣногю. По трѣхъ же лѣтѣхъ, миру бывѣшю, пущенъ бысть Вышата въ Русь къ Ярославу.⁵

^а Из Радз. ^б Так в Ипат. и Хлебн.; в Лавр.: взя. ^в Так в Ипат. и Хлебн.; в Лавр.: «Иванъ Творимиричъ». ^г Из Радз. ^д Так поправляю вместо «хотяще». ^е Из Радз. и Ипат. ^ж Из Ипат. и Соф. 1-й. ^з То же. ^и Так в Радз. и Ипат.; в Лавр.: «с ними». ^к Из Ипат. ^л Из Радз. и Ипат. ^м Так в Радз.; в Лавр.: «по Руси». ^н Так поправляю ввиду послѣдующаго «вѣсѣдавшеся»; в Лавр. и др.: вѣзвратися. ^о Так поправляю; в Лавр. и др.: «въ Русь». ^п Так поправляю; в Лавр.: сѣсѣдавшеся; в Ипат.: сѣсѣдавшия; в Радз.: вѣсѣдше.

¹ В Нач. св. прибавлено: «видя мѣножество цѣркѣвии и люди хрѣстіяны». ² Здесь в Нач. св. вставка из Новгор. св. (§ 1692). ³ Здесь в Нач. св. вставлено: «прочии же вои Володимери» из Новгор. св. (§ 1692). ⁴ Здесь в Нач. св. вставлено: «видѣвъ съ дружиною, яко идуть по немъ» (причина вставки та, что в Новгор. св. читалось: «видѣвъ же се Володимеръ съ дружиною вѣзвратися въ Русь»). ⁵ Здесь в Нач. св. вставка из Житія Антонія и затем еще ряд вставок (§ 224¹—224³ и 225).

* Нижеследующую статью признаем приписанною в концѣ Древн. св.

** Заскобленное признаем вставкой позднейшаго редактора (§ 243).

*** Дальше следует вставка позднейшаго редактора (§ 243). **** То же.

* Въ лѣто 6562. Начало кнѣжениа Изяславлѣ.^а Преставися великий кнѣзь Русьскый Ярославъ. И еще бо живу сущю^б ему, наряди сыны своя, рекъ имъ: «се азъ отхожю свѣта сего, сынове мои; имѣите въ собѣ любовь, понеже вы есте братия единого отца и матери; да еще будете въ любви межю собою, Богъ будетъ въ васъ и покорить вы противныя подъ вы. И будѣте мирно живуще; аще ли будете ненавидѣно живуще, въ распряхъ которающесѣ, то погыбнете сами и^в землю отцѣ своихъ и дѣдъ своихъ погубите,^г иже ю^д налѣзоша трудъмъ своимъ великимъ; нѣ пребывайте мирно, послушающе братъ брата. Се же поручаю въ себѣ мѣсто столъ старѣишему сыну моему и брату вашему Изяславу Кыевъ; сего послушайте, якоже послушасте мене, да тѣ вы будетъ въ мене мѣсто; а Святославу даю Чърниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Игореву Володимерь,^е а Вячеславу Смольньскъ». И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братьня, ни съгонити, рекъ Изяславу: «аще кѣто хоцетъ обидѣти брата своего, то ты помагаи, егже обидятъ». И тако уряди сыны своя пребывати въ любви. Самому же больну сущю и пришьдѣшу Вышегороду, разболѣся вельми, Изяславу тѣгда Туровъ кнѣзящю,^ж а Святославу Володимери, Всеволоду же тѣгда сущю у отца, бѣ бо любимъ отцѣмъ паче всея братия, егже^з имѣаше присно у себѣ. Ярославу же приспѣ коньць жития и

^а Заглавие это читается в Лавр. и др. ниже, после слов: «живе же всѣхъ лѣтъ 70 и 6» (см. § 248). ^б «живу сущю»: так в Ком., Ипат., Радз. и Соф. 1-й; в Лавр.: живущю. ^в Из Ипат. и Радз. ^г Из Ипат. ^д Вставлено по смыслу. ^е «а Игореву Володимерь» из Ком. и Соф. 1-й; пропуск механический: глаз перенесся с одного «а» к другому. ^ж «Туровъ кнѣзящю» из Ипат. ^з Так в Радз. и др.; в Лавр.: егже.

* Отсюда идет продолжение к Древн. св., составленное преп. Никоном.

- предасть душу свою въ субботу 1 поста святаго
Федора. Всеволодъ же съпрята тѣло отца своего;
възложыше на сани, везоша ѥ Киеву, попомъ пою-
щемъ ^а обычныя пѣсни; ¹ и ^б принесъше положиша ѥ
5 въ рацѣ мраморянѣ въ църкѣви святаыя София. И
плакася по немъ Всеволодъ и людие вси. Живе же
всѣхъ лѣтъ 70 и 6.² И пришьдѣ Изяславъ съде Киевѣ,
Святославъ Чърниговѣ, Всеволодъ Переяслави, Игорь
Володимери, Вячеславъ Смольнѣсцѣ.
- 10 Въ се же лѣто иде Всеволодъ на Търкы зимѣ
къ Воиню ^в и побѣди Търкы. Въ семь же лѣтъ при-
ходи Болушъ съ Половцы, и сътвори Всеволодъ
миръ съ ними, и възвратишася въспять, отънюдуже
бѣша ^г пришьли.
- 15 Въ лѣто 6565. Преставися Вячеславъ, сынъ Яро-
славль, Смольнѣсцѣ, и посадиша Игоря Смольнѣсцѣ,
из Володимеря выведъше.
- Въ лѣто 6566. Побѣди Изяславъ Голядь.^д
- 20 Въ лѣто 6567. Изяславъ и ^е Святославъ и Всево-
лодъ высадиша стрыя своего ис поруба, съдѣ бо
лѣтъ 20 и 4, заводивъше ѥ * крѣсту; и бысть чърныцмъ.
- 25 Въ лѣто 6568. Преставися Игорь, сынъ Ярославль.
Въ семь же лѣтъ Изяславъ и Святославъ и Всево-
лодъ и Вьсеславъ, съвъкупивъше ^з воеи бещисльнѣ,^и
поидоша на конихъ и въ лодияхъ, бещисльно мѣно-
жъство, на Търкы. Се слышавъше Търци убояшася,
пробѣгоша и до сего дѣне, и помьроша бѣгающе,

^а Так поправляю; в Лавр.: «попове поюще». ^б Из Радз. и Ипат.
^в «зимѣ къ Воиню» из Радз. и Хлебн. ^г Из Акад. и Соф. 1-й. ^д Так в
Ипат. и Ком. (где «Голядь»); в Лавр.: Голяди. ^е Из Радз. и Ипат. ^ж Из
Ипат. и Акад. ^з Так в Ипат.; в Лавр.: совокупи. ^и Так поправляю; в
Лавр. и др.: бещислены.

¹ В Нач. св. прибавлено: «и плакашася по немъ людие» из Нов-
гор. св. ² В Нач. св. за сим идет заглавие: «Начало кѣняжения Изя-
славля Киевѣ».

Божиимъ гнѣвѣмъ гоними, ови отъ зимы, друзи же гладѣмъ, ини же морѣмъ и судѣмъ Божиимъ. Тако Богъ избави хръстіяны отъ поганыхъ.

Въ лѣто 6569. Придоша Половци първое на Русь-ку землю воевать; Всеволодъ же изиде противу имъ, 5 мѣсяца февралѣ въ 2 днь; и бивъшемся имъ, побѣдиша Всеволода, и воевавшѣ отъидоша. Се бысть първое зѣло отъ поганыхъ и безбожныхъ врагъ. Бысть же кнѣзь ихъ Сокаль.^а

Въ лѣто 6570.¹ *Начало Печерскаго монастыря.*^{6,2} 10 Боголюбивому кнѣзю Ярославу любящу Берестовое и църквѣ ту сущюю Святыхъ Апостолъ и попы многы набѣдящю, въ нихъже бѣ презвутеръ, именемъ Иларионъ, мужъ благъ, кнѣжънъ и постъникъ; и ^в хожаше съ Берестоваго на Днѣпръ, на хѣлмъ, кѣде нынѣ 15 монастырь ³ Печерскыи, и ^г ту молитву творяше, бѣ бо ту лѣсъ великъ. Ископа печерьку малу дѣву сажению,^д и приходя съ Берестоваго, отъпѣваше часы и моляшесѣ ту богу въ таинѣ. По семь же Богъ кнѣзю въложи въ сѣрдьце и постави ѥ митроплитьмъ, въ 20 лѣто 6559,^е ⁴ въ святѣи Софії, събравъ епископы,^ж ⁴ а си печерька тако ста. И не по мнозѣхъ днѣхъ бѣ нѣкыи чловѣкъ, именемъ мирьскымъ *Антипа*,^{3,5} отъ града Любѣча, и възложи сему Богъ въ сѣрдьце въ страну *Грьчьску*^{и6} ити и тамо монастыря сущая 25

^а Так в Радз. и Ком.; в Лавр.: Искаль. ^б Вставляю предположительно. ^в Из Радз. и Ипат. ^г То же. ^д Так в Ипат.; в Лавр.: сажену. ^е «въ лѣто 6559» заимствую из начала летописной статьи. ^ж «събравъ епископы» заимствую из предыдущего известия в начале летописной статьи. ³ Из маргинальной приписки к Летописцу Переяславля Суздальскаго. ^и Вставляю по смыслу.

¹ Следующая статья в Нач. св. перенесена под 6559 г. (§ 244).

² Вместо этого заглавия в Нач. св.: «И се да съкажемъ чѣто ради прозвасѣя Печерскыи монастырь». ³ В Нач. св.: «ветѣхыи монастырь».

⁴ В Нач. св.: «Въ лѣто 6559» «събравъ епископы» перенесено выше.

⁵ Мирское имя Антонія в Нач. св. опущено. ⁶ В Нач. св. опущено.

5 видѣти.^а¹ И обиходивъ,² приде въ единъ отъ сущихъ
 ту монастырь^б и моли^в игумена того, да бы на нь
 възложилъ образъ *чърньчьскыи*.^г³ Онъ же, послушавъ
 его, постриже ѿ, нарекъ имя ему Антонии, наказавъ
 10 его и научивъ чърньчьскому *житию*; ^д⁴ и рече ему: «яко
 отъ тебе мнози чърньци быти имуть»; и ^е благослови
 ѿ, и отпусти, рекъ ему: «иди съ мирѣмъ». Антонии
 же приде Киеву и мышляше, кѣде бы жити; и ходи
 по монастыремъ, и не възлюби, Богу не хотящю; и
 15 поча ходити по дѣбрьмъ и по горамъ, ища, кѣде бы
 ему Богъ показалъ; и приде на хѣлмъ, идеже бѣ Ила-
 рионъ ископалъ печерьку, и възлюби мѣстыце ^ж се и
 въселися въ не; ⁵ и поча жити ту, моля Бога, яды
 хлѣбъ сухъ и то же чресъ днь и воды въ мѣру въку-
 20 шая, копая пещеру и не дада^з собѣ упокоя ни ^и
 днь, ни ^к ношь, въ трудѣхъ пребывая, въ бѣдѣнии
 и въ молитвахъ. По семь же увѣдѣвъше ^л добрии чло-
 вѣци приходяху къ нему, приносяще ему, еже на по-
 требу, и ^б просяху у него благословения.
 По семь же, преставльшюся великому князю Яро-
 славу, прея власть сынъ его Изяславъ, и сѣде Киевѣ.
 Антонии же прославленъ бысть въ Русьстѣ земли. Изя-
 славъ же, увѣдѣвъ житие его, приде съ дружиною

^а «и тамо монастыря сущая видѣти» из Хлебн. (где вместо «видѣ-
 ти» — «ту видѣти»); в Лавр. ниже: «и видѣ ту монастырь сущи».
^б «единъ... монастырь» из Ипат.; в Лавр.: «монастырь ту». ^в Так
 в Ипат. и Радз.; в Лавр.: умоли. ^г Так поправляю вместо «мънишьс-
 кыи» ввиду последующего. ^д «житию» из Феодосиевской редакции Па-
 терика, в Лавр. и др.: образу. ^е Из Ипат. ^ж Так в Радз. и Ипат.; в
 Лавр.: мѣсто. ^з Так исправляю (Феод. ред. Патерика: не дадый); в
 Лавр. и др.: да. ^и Из Ипат. и Радз. ^к Так исправляю (согласно с Феод.
 ред. Патерика); в Лавр.: увѣдѣша; в Радз. и Ипат.: увѣдаше.

¹ Вместо «и тамо... видѣти» в Нач. св. вставка из Жития Антония
 (§ 191¹ и сл.). ² В Нач. св. вставка из Жития Антония. ³ В Нач. св.,
 ввиду предыдущей вставки, изменено в «мнишьскыи». ⁴ В Нач. св.
 здесь вставка из Жития Антония. ⁵ То же. ⁶ Вставлено: «прослу якоже
 великыи Антонии, и приходяще къ нему».

своею, прося у него благословения и молитвы. И увѣ-
данъ бысть всѣми великыи Антонии и чѣстимъ;¹ и
сбѣрася братия къ нему числѣмъ 12 ископаша пе-
черу велику, и църквѣ, и кѣлія.² Съвкупленъ же
братии, рече имъ Антонии: ³ «живѣте собѣ, и поставлю
вы игумена, а самъ хочу въ ону гору ити единъ, яко-
же и преже бяхъ обыклъ уединився жити»: ^a и постави
имъ игумена, именемъ ^b Варлама, а самъ иде въ гору
и ископа пещеру, *и живяще въ ней, не выходя изъ нея*; ^b ⁴
братия же съ игуменѣмъ живяху въ пещерѣ.^г И умно- 10
жившемся братии и не могущемъ ся вмѣстити въ пе-
черу,^д помыслиша поставити внѣ пещеры *църквѣвѣцю*; ^e ⁵
и приде игумень и братия къ Антонию, и рѣша ему: «отъ-
че, умножилось братиѣ, а не можемъ ся вмѣстити въ
пещеру; да бы Богъ повелѣлъ и твоя молитва, да бы- 15
хомъ поставили църквѣвѣцю внѣ пещеры». И повелѣ
имъ Антонии. Они же поклонишася ему и поставиша
църквѣвѣцю малу надъ пещерою въ имя святыхъ Бого-
родица Усыпения.⁶ *По семь же* Изяславъ постави ма-
настырь святаго Дѣмитрія, и выведе Варлама на игу- 20
меньство къ святому Дѣмитрію, хотя сѣтворити вышнии
сего монастыря, надѣяся богатству. Мнози бо ма-
настыри отъ цѣсарь и отъ боярь и отъ богатства
поставлени, нѣ не суть таци, кацы суть поставлени

^a Из Радз. ^b «игумена именемъ» из Радз.; в Лавр.: игуменомъ.

^в Вставлено по смыслу, ср. Житие Феодосия. ^г «въ пещерѣ» из Радз. и Ипат. ^д «и не могущемъ... въ пещеру» из Ипат. ^e Вставлено по смыслу; в Лавр. и др.: монастырь.

¹ Здесь в Нач. св. вставка из Жития Антония: «и начаша приходити к нему братия, и нача приимати и постригати я». ² Здесь в Нач. св. вставка: «яже суть и до сего дне подъ ветхымъ монастыремъ в пещерѣ» (§ 245). ³ Здесь в Нач. св. вставка из Жития Антония. ⁴ Это в Нач. св. опущено; вместо того: «яже есть подъ новымъ монастыремъ» (§ 245) и далее вставка из Жития Антония. ⁵ В Нач. св. (на основании отчасти Жития Антония): «поставити внѣ пещеры монастырь». ⁶ Здесь в Нач. св. вставлено под влиянием Жития Антония то, что в Древн. св. читалось ниже.

слъзами и ^а пощениемъ, и ^а молитвою, и ^а бѣдѣниемъ.¹
Варламу же шѣдѣшю къ святому Дѣмитрию, свѣтъ
сътворише братия идоша къ старьцю Антонию и рѣ-
ша: «постави намъ игумена». Онъ же рече имъ: «кого
5 хотите?» Они же рѣша: «кого хочетъ Богъ и ты». И
рече имъ: «къто болии въ васъ, акъже Феодосии, по-
слушѣливъ и кроткъ, и смѣренъ; ^б да съ будетъ вамъ
игуменъ». И ^в ради бывше, поклонишася старьцю
и поставиша Феодосия игуменъмъ, братии сущи ^г чи-
10 слѣмъ 20. Феодосию же приимѣшю манастирь, поча
имѣти въздѣржаніе, велико пощение и молитвы съ
слъзами, и свѣзкупляти нача мѣногы чѣрноризыцѣ, и
свѣзкупи братиѣ числѣмъ 100.² И посъла единого отъ
братиѣ къ Изяславу кѣнязю, река тако: «кѣняже мои!
15 се, Богъ умѣножаетъ братию, а мѣстыце мало; да бы
ны далъ гору ту, яже естъ надъ печерою». Изяславъ
же, слышавъ, радъ быстъ, посъла мужъ свои и вѣда
имъ гору ту. Игуменъ же братия заложиша цѣрквѣ
велику и манастирь оградиша стѣпиемъ, кѣлия пос-
20 тавиша мѣногы, цѣрквѣ свѣвршиша и иконами укра-
сиша. И отътолѣ почася ^д Печерскыи манастирь; имъ-
же бѣша жили чѣрнѣци преже въ печерѣ, отъ того
прозѣвася Печерскыи манастирь.³ *По сихъ же* ^е нача
Феодосии ^ж искати правила чѣрнѣчскаго (далее сообща-
лось, какъ в Житии Феодосия, о получении Студий-
25 ского устава через Ефрема скопца).⁴ И устави въ

^а Из Ипат. и Радз. ^б Поправляю по Феод. ред. Патерика; в Лавр.: «послушѣливый, кроткий, смѣренный». ^в Из Радз. (где «и братья»).
^г Из Ипат. и Хлебн. ^д Так в Моск.-Акад.; в Лавр.: почаша. ^е Вставлено
из Жития Феодосия. ^ж Вставлено по смыслу.

¹ Здесь в Нач. св. вставлено: «Антоний бо не имѣ злата, ни сребра,
но стяжа слъзами и пощениемъ, якоже глаголахъ». ² В Нач. св. сле-
дующий отрывок перенесен, под влиянием Жития Антония, выше.
³ Здесь в Нач. св. вставка из Жития Антония и далее то, что поме-
щено в Никоновом своде выше. ⁴ В Нач. св. под влиянием Жития
Антония другой рассказ.

манастыри своемъ, како пѣти пѣнія манастырская
 и поклонъ како държати и чѣтения почитати и стоя-
 ние въ църкѣви и весь рядъ църкѣвныи и на^а тра-
 пезѣ сѣдание и чѣто ясти въ кыя дѣни.¹ Се же
 написахомъ и положихомъ,^б въ кое лѣто почаль 5
 быти манастырь и чѣто ради зоветься Печерьскыи.
(Далее следовало не дошедшее до нас повествова-
ние о духовных подвигах Феодосия)² ...³ и бла-
 женое стадо, еже бѣ съвѣкупилъ Феодосии, такы
 чърныцѣ, *иже*^в яко свѣтила въ Руси сияють: ови 10
 бо⁴ постыници крѣпцы, ови же на бѣдѣни, ови
 на кланяние колѣнное, ови на пощение чресъ дѣнь
 и чресъ дѣва дѣни, ини же ядуще хлѣбъ съ во-
 дою, ини зелие варено, друзи сыро. Въ любви *же*^г
 пребываютъ,^д мѣньшии покаяющесе старѣшимъ и 15
 не смѣюще предъ ними глаголати, нѣ все *творятъ*^е
 съ покорениемъ и съ послушаниемъ великѣмъ; тако же
 и старѣшии *имѣють*^ж любовь къ мѣньшимъ, нака-
 зающе^з я^и и^к утѣшающе, яко чада възлюбленая.
 Аще которыи братъ въ етеро прегрѣшение въпадетъ,^л 20
утѣшаютъ^м ѿ^н и епитимию единого брата раздѣляютъ^о
 трие ли чѣтыри за велику любовь. Така^п бо⁵ любви

^а «и на» из Радз. и Ипат. ^б Так поправляю на основании § 245; в Лавр.: «се же написахъ и положихъ». ^в Вставлено по смыслу. ^г То же. ^д Так поправляю вместо «пребывающе». ^е Вставлено по смыслу. ^ж Так поправляю; в Лавр.: имя; в Ипат.: имяху. ^з Так в Хлебн. и Моск. св. 1479 г. (протографе Воскр. летописи); в Лавр. и Ипат.: наказаху. ^и Из Хлебн. (где, впрочем, «ихъ»). ^к Из Ипат. ^л Так в Ипат.; в Лавр.: впадале. ^м Так поправляю; в Моск. св.: утѣшаючи; в Лавр.: утѣшаху. ^н Из Ипат. ^о «единого брата раздѣляютъ» из Ипат. (где «раздѣляху»). ^п Так поправляю; в Лавр.: тако; в Ипат.: такова.

¹ Здесь в Нач. св. вставка о заимствовании Студийского устава другими монастырями из Печерского; и далее вставка, где составитель Нач. св. говорит о себе (§ 245). ² Это опущено в Нач. св. и восстановлено быть не может. ³ Дальнейшее перенесено в Нач. св. в статью 6582 г. ⁴ В Нач. св. прибавлено: «бяху». ⁵ В Нач. св. прибавлено: «бо бяхе».

въ братии тои и^а въздержание велико. Аще братъ
 етеръ выидеть^б из манастиря, вся братия имѣють^в
 о томъ печаль велику и^г посылають^д по нь, призы-
 вающе^е брата къ манастирю, *дондеже придетъ*^ж въ
 5 манастирь,^з и^и шьдыше вси поклоняться^к игумену
 и умолять^л игумена и примуть^м брата въ манастирь
 съ радостію. Тацѣ бо ти^н любвьници и въздержници^о
 и постъници, отъ нихъже намѣню нѣколико мужъ чюдъ-
 10 ныхъ. Яко се първыи Даміянъ презвутерь бѣше такъ^п
 постъникъ и въздержникъ, яко развѣ хлѣба ти воды
 ясти ему до смърти своея. Аще кѣто коли принесѣше
 дѣтищъ больнъ, кацѣмъ любо недугъмъ одържимъ,
 ли съвършенъ чловѣкъ, кацѣмъ любо недугъмъ одър-
 15 жимъ, приходѣше въ манастирь къ блаженому Ѣеодо-
 сию, повелѣваше сему Даміану молитву сѣтворити
 болящему; и абие сѣтворяше молитву и маслѣмъ по-
 мазаше, и приимаху исцѣление приходѣщии къ нему.
 Разболѣвъшю же ся и коньць пріяти лежащю ему
 въ немощи, приде ангелъ къ нему въ образѣ Ѣеодо-
 20 сиевѣ, даруя ему цѣсарство небесное за труды его;
 по семь же приде Ѣеодосіи съ братіею, и присѣдаху у
 него; оному же изнамагающю, възрѣвъ на игумена,
 рече: «не забывай, игумене, еже ми^р еси ночью^с обѣ-
 щаль»; и разумѣвъ великыи Ѣеодосіи, яко видѣние
 25 видѣлъ, рече ему: «брате Даміане! еже ти^т есмь обѣ-
 щаль, то ти буди». Онъ же, смѣжаривъ очи, предасть
 духъ въ руцѣ Божии. Игуменъ же и братія похоро-

^а Из Ипат. ^б Так поправляю; в Лавр.: выидѣше. ^в Так поправляю; в Лавр.: имяху. ^г Из Ипат. ^д Так в Ипат.; в Лавр.: посылаючи. ^е Так поправляю; в Лавр.: призываху. ^ж Вставлено по смыслу. ^з «въ манастирь» из Воскр. (где: «и тако и пришедъ въ монастырь»). ^и Из Ипат. ^к Так поправляю; в Ипат.: поклоняхуся; в Лавр.: кланяхуся. ^л Так в Ипат.; в Лавр.: моляху. ^м Так поправляю; в Лавр.: приимаху; в Моск. св.: пріемлюше. ^н Так в Воскр.; в Лавр. и др.: бѣша. ^о В Лавр. ошибкой: «сдержжци». ^п Так поправляю; в Лавр.: тако. ^р Из Радз. и Ипат. ^с Из Ипат. ^т То же.

ниша тѣло его. Такъ же^а и другиѣ братъ, именъмъ Еремия, иже помянаше крещение земля Русьскыя. Сему^б даръ дарованъ отъ Бога: проповѣдаше преди-будущая, и аще кого видяше въ помышлении, обличаше ѿ въ таинѣ и наказаше блюстися отъ диявола; 5 аще которыѣ братъ умышляше ити из манастиря и узряше ѿ, пришьдѣ къ нему, обличаше мысль его и утѣшаше брата; аще кому^в чѣто речаше, ли добро, ли зѣло, събудяшеться старѣе слово. И^г другиѣ старѣцъ, именъмъ Матѣѣи: тѣи^д прозорливѣ. Единою бо ему 10 стоящую въ църкѣви на мѣстѣ своемъ, възведѣ очѣ свои, позрѣ по братии, иже стоятъ поюще по обѣма странама, и^е видѣ обиходяща бѣса, въ образѣ Ляха, въ людѣ, и носяща въ приполѣ цвѣтъкы, иже глаголються лѣпцы.* И обиходя подѣлѣ братию, възимая 15 из лона лѣпкѣ, вѣржаше на кого любо: аще прильняше кому цвѣтъкѣ въ поющихъ отъ братия, и тѣ,^з мало постоявъ и раслабленъ умѣмъ, вину сътвори каку любо, изидяше ис църкѣве, и^и шѣдѣ въ кѣлию, усняше и не възвратяшеться въ църкѣвъ до отъ- 20 пѣтия; аще ли вѣржаше на другаго, и не прильняше къ нему цвѣтъкѣ, стояше крѣпкѣ въ пѣнии, дондеже отъпояху утрнью, и тѣгда изидяше въ кѣлию свою. Се же вида старѣцъ повѣдаше братии вѣсеи.^к Паки же видѣ старѣцъ се: по обычаю бо сему старѣцю 25 отъстоявъшю утрнью, братия же, отпѣвъши заутрнью,^л предѣ зорями идоша по кѣлиямъ своимъ,

^а В Лавр.: «такъ же бѣ», но в Ипат. нетъ «бѣ», а в Моск.-Акад.: «паки же» (возможно, что в дальнейшемъ рассказѣ объ Иеремии в первоначальномъ текстѣ стояли формы не прошедшего, а настоящего времени). ^б В Лавр.: «Сему бѣ», но в Ипат. нетъ «бѣ». ^в Такъ в Радз. и Ипат.; в Лавр.: «къ нему». ^г Такъ поправляю; в Лавр. и др.: «Бѣ же и». ^д Изъ Ипат. (тои бѣ); в Лавр.: бѣ; в Радз.: «и бѣ». ^е Изъ Ипат. и Радз. ^ж Такъ поправляю; в Лавр.: «глаголеться лѣпокѣ». ^з «и тѣ» изъ Ипат. ^и Изъ Радз. и Ипат. ^к Такъ поправляю; в Лавр. и др.: своеи. ^л «братия... заутрнью» изъ Ипат. (но тамъ: «братѣи отпѣвши заутрнью»).

сь же старьць послѣ исхожаше ис църкѣве. Идущую
же ему единою,^а сѣде опочивая подѣ бильмѣ, бѣ бо
кѣлия его подале църкѣве, и^б видѣ се, яко тѣла
поиде отъ воротъ; възведѣ очи свои, видѣ единого
сѣдяща на свинии, а другыя текуща около его. И рече
имѣ старьць: «камо идете?» И рече сѣдѣи на свинии бѣсъ:
«по Михалѣ по Тольбековича». Старьць же знаменася
крѣстнымъ знаменіемъ, и приде въ кѣлию свою. Яко
бысть свѣтъ, разумѣ старьць и^в рече кѣлиинику:
«иди, въпрашай, естъ ли Михалъ въ кѣлии?» И рѣша
ему: «яко давѣ скочилъ естъ^г съ стѣлпия по заутрь-
нии». И повѣда старьць видѣніе се игумену и всеи^д
братии.¹ Яко се^е другыи чѣрноризыць, именемъ Исакии:
яко еще сущю ему въ мирѣ² и богату сущю ему, бѣ
бо купецъ, родѣмъ Торопчанинѣ, и помысли быти
мѣнихъ, и раздая имѣніе свое требующимъ и по^ж
манастыремъ, и иде къ великому Антонию въ пещеру,
моляся ему, да бы ѿ сѣтвориць чѣрноризыцьмѣ. И пріятъ
ѿ Антоніи и^з възложи на нь пѣрты чѣрнѣчскыя, на-
рекъ имя ему Исакии, бѣ бо имя ему Чѣрнѣ. Съ же
Исакии въспріятъ житіе крѣпко: облече бо ся въ
власяницу, и повелѣ купити собѣ козыль и одѣра
мѣхѣмъ козыль и възвлече^и на власяницу, и осыше
около его кожа сыра; и затворися въ пещерѣ, въ еди-
нои улицѣ, въ кѣлииници малѣ, яко чѣтырь лакѣтъ, и
ту моляше Бога съ слѣзами; бѣ же ядѣ его проскура
едина, и та же чресѣ дѣнь и^к воды въ мѣру пияше.
Приносяшетъ же ему великыи Антоніи и подаваше ему
окѣньцьмѣ, яко ся вѣмѣстѣяше рука: и^л тако пріимаше

^а Так в Ипат.; в Лавр.: единому. ^б Из Радз. и Ипат. ^в То же. ^г То же. ^д Из Ипат. ^е В Лавр. и др.: «яко се бысть». ^ж Из Ипат. ^з Из Радз. и Ипат. ^и Так в Радз., в Лавр.: овлече. ^к Из Радз. и Ипат. ^л То же.

¹ Здесь в Нач. св. вставка о видении, бывшем Матфею при игуменстве Никона (§ 246). ² В Нач. св. прибавлено: «въ житии мирѣстѣмъ».

пищю. И того сътвори лѣтъ 7, на свѣтъ не вылазя,
ни на ребрѣхъ лѣгавъ,^а нѣ сѣдя мало принимаше
съна. И единою, по обычаю, наставъшю вечеру, поча
кланяться, поя псалмы, оли и до полунощия; и ^б яко
трудяшеться, сѣдѣше на сѣдалѣ своемъ. Единою 5
же ему сѣдѣшю, по обычаю, и свѣщю угасивъшю,
вънезапу свѣтъ, яко отъ сѣлныца, вѣсия въ печерѣ,
яко зракъ вынимая чловѣку. И поидоста 2 уноши къ
нему красъна, и блистаста лица ею акы сѣлныце и гла-
голаста ^в къ нему: «Исакие! вѣ есвѣ ангела, а се идеть 10
къ тобѣ Христосъ съ ангелы». ^г И вѣставъ Исакии видѣ
тылпу и лица ихъ паче сѣлныца *сияху*, и единъ посредѣ
ихъ, и сияшеть лице ^д его паче вѣсѣхъ, и глаголаста ему:
«Исакие, то ти Христосъ; ^е падъ поклонися ему». Онъ
же не разумѣ бѣсовскаго дѣиства, ни памяти прекръ- 15
ститися; и ^ж выступя, поклонися, акы Христу, бѣсовску
дѣиству. Бѣси же кликнуша и рѣша: «нашъ еси, Иса-
кие, уже». И введеъше ѱ въ кѣлиицю, посадиша ѱ,
и начаша садитися около его; и бысть пылна кѣлия ихъ
и улица пчерьская. И рече единъ отъ бѣсѣ, глаго- 20
лемыи Христосъ: «възмѣте сопѣли, бубны и гусли,
и ударяйте, ать ны Исакии съпляшеть». И удариша
въ сопѣли, въ гусли и въ бубны, и ^з начаша имъ
играти; и утомивъше ѱ, оставиша ѱ еле ^и жива, ^к и отъ-
идоша, поругавъшесѣ ему. Заутра же бывъшю свѣту 25
и приспѣвъшю въкушению хлѣба, приде Антонии
по обычаю къ окъньцю, и глагола: «благослови,
отъче Исакие!» и не бысть гласа ни послушания. И
многогажды глагола Антонии, ^л и не бысть отъвѣта. И
рече Антонии: «се, уже преставилься есть». И посъла 30

^а В Лавр.: «не лѣгавъ», но в Ипат.: лежа. ^б Из Радз. и Ипат. ^в Так в Ипат., в Лавр.: глаголюща. ^г «съ ангелы» из Ипат. и Радз. ^д «сияшеть лице» так поправляю; в Ипат.: «сѣяху отъ лица». ^е «И вѣставъ Исакии... то ти Христосъ» из Ипат. ^ж Из Радз. и Ипат. ^з То же. ^и Так в Хлебн.; в Лавр.: оле. ^к Так в Радз., в Лавр.: живного. ^л «и не бысть гласа... Антонии» из Ипат.

въ манастирь по Оеодосия и по братию. И отъ-
 копавъше кѣде бѣ загражено устие, пришьдѣше
 възъша и, мъртва мѣняще, и^а вынесѣше положиша ѿ
 предѣ печерою. И узрьша, яко живѣ есть, и рече
 5 игуменъ Оеодосии: «яко се иматъ быти отъ бѣсовъ-
 скаго дѣиства». И положиша ѿ на одрѣ, и^б служаше
 около его Антонии. Въ си же времена приключися
 прити Изяславу из Ляховъ, и^в нача гнѣватися Изя-
 славъ на Антония из Всеслава, и присълавъ Свято-
 10 славъ^г въ нощъ поя Антония Чърнигову. Антонии же,
 пришьдѣ Чърнигову,^д възлюби Болдины горы; ископавъ
 печеру, ту ся въсели; и^е есть ту манастирь святыя
 Богородица на Болдинахъ горахъ, *близъ*^ж сего мѣста.
 Оеодосии же, увѣдавъ, яко Антонии шълъ Чърнигову,
 15 шьдѣ съ братиею, възъ Исакия и принесе ѿ къ собѣ
 въ кѣлию и служаше около его, бѣ бо раслабленъ
 тѣлѣмъ и умѣмъ,^з яко не мощи ему обратитися на
 другую страну, ни вѣстати, ни сѣдѣти, нѣ лежаше на
 единой странѣ, и подѣ ся полѣваше,^и мѣногажды и
 20 чървие въкыняхуся подѣ бедру ему съ мочения и съ
 полѣвания. Оеодосии же самъ своима рукама омываше
 и съпряташеть ѿ; за дѣвѣ лѣтѣ се сътвори около его. Се
 же бысть чюдно и дивьно: яко за дѣвѣ лѣтѣ лежа,
 сии ни хлѣба въкуси, ни воды, ни овоща, ни отъ какаго
 25 брашна, ни языкѣмъ проглагола, нѣ нѣмъ и глухъ
 лежа за дѣвѣ лѣтѣ.^к Оеодосии же моляшеть^л Бога за
 нѣ и молитву творяшеть^л надѣ нимъ днь и нощъ, донѣ-
 деже на 3-е лѣто проглагола и слыша и на ноги
 нача вѣстати, акы младенець, и нача ходити. И не
 30 брежаше въ църквѣ ходити, нѣ^м нужею привлекахуть^н

^а Из Радз. и Ипат. ^б То же. ^в То же. ^г То же. ^д «Антонии... Чърнигову» из Ипат. и Радз. ^е Из Ипат. и Радз. ^ж Вставлено из Патерика Печерского (где читается: «близъ Чернигова»); в Лавр.: вместо «близъ» — «и до». ^з «и умѣмъ» из Радз. и Ипат. ^и Так в Радз. и Ипат.; в Лавр.: плевалъ. ^к «се сътвори около его... лежа за дѣвѣ лѣтѣ» из Радз. и Ипат. ^л Так в Ипат.; в Лавр.: «моляше», «творяше». ^м Из Ипат. ^н Ср. Хлебн.: привлекаху; в Лавр.: привлекахуть.

и къ църкви; и тако по малу научиша ѿ.^а И по семь научи и ^б *Оеодосии* ^в на трапезьницу ходити и посажа- шеть ѿ кромѣ братия: положажу предъ нимъ хлѣбъ, и не възмаше его, ноли възложити будяше^г въ руцѣ ему. Оеодосии же рече: «положите хлѣбъ предъ нимъ, 5 а не възкладайте въ руцѣ ему, ать самъ ясть». И не бреже^д за недѣлю ясти, и по малу оглядавъся, ку- саше хлѣба, и^е тако научися ясти. И тако избави ѿ^ж Оеодосии отъ кѣзни дияволя. Исакии же възприять въздържаніе паки жестоко.¹ 10

Таци ти^з чьрноризьци Оеодосіева манастиря, иже сияють^и яко свѣтила и молятъ Бога за сѣде сущою братію и за мирьскую братію и за приносящая въ манастирь, въ немъже^к добродѣтельное житіе живутъ обще вси възкупѣ, въ пѣнии и въ молитвахъ и въ 15 послушании, на славу Богу всемогущему, Оеодосіе- вами молитвами съблюдаеми, емуже слава, аминь.

Въ лѣто 6571. Судиславъ преставися,² и погре- боша ѿ въ църкви святаго Георгия.³

Въ лѣто 6572. Бѣжа Ростиславъ⁴ Тьмутороканю, и 20 съ нимъ бѣжа Порѣи и Вышата, сынъ Остромирь, воеводы Новѣгородьскаго; и пришѣдъ выгѣна Глѣба ис Тьмутороканя, а самъ сѣде въ него мѣсто.

Въ лѣто 6573. Иде Святославъ на Ростислава Тьму- тороканю.^л Ростиславъ же отъступи кромѣ из града, 25 не убоявъся его, нѣ не хотя противу стрывеи своему

^а «и тако по малу научиша ѿ» из Радз. и Ипат. ^б Из Хлебн. (где «его»). ^в Вставлено по смыслу. ^г Из Ипат. ^д Так в Ипат.; в Лавр.: «не прежде». ^е Из Радз. и Ипат. ^ж Из Ипат. ^з В Лавр. и Радз.: «таци ти быша»; в Ипат. и Хлебн.: «таци же бѣша». ^и В Лавр. и др.: «сияють и по смерти». ^к В Лавр. и др.: «въ немъже и донынѣ» («и нынѣ»). ^л «и съ нимъ бѣжа Порѣи... В лѣто 6573. Иде Святославъ на Ростислава Тьмутороканю» из Ипат. и Ком.

¹ Далее в Нач. св. (под 6582) вставлен рассказ о последующей жизни Исакия. ² В Нач. св. вставлено: «Ярославъ братъ». ³ В Нач. св. здесь вставлено новгородское известие (§ 115). ⁴ В Нач. св. прибавле- но: «сынъ Володимерь, внукъ Ярославъ».

5 оружия възяти. Святославъ же, пришьдъ Тьмуторо-
 каню, посади сына своего паки Глѣба и ^а възвратися
 опять. Ростиславъ же, пришьдъ, паки выгна Глѣба,
 и приде Глѣбъ къ отцю своему; Ростиславъ же съде
 10 Тьмуторокани.¹
 Въ си же времена бысть знамение на западѣ,
 звѣзда превелика, лучѣ имущи акы крѣвавы, възхо-
 дящи съ вечера по заходѣ сѣньчѣнѣмъ, и пребысть
 15 за 7 днѣи. Се же проявляше не на добро; по семь
 бо быша усобицѣ многы^б и нашьствие поганыхъ на
 Русьску землю; си бо звѣзда бѣ акы крѣвава, проя-
 вляющи крѣви пролитіе. Въ си же времена бысть дѣ-
 тищѣ вѣвѣрженъ въ Сѣтомль; сего же ^в дѣтища выво-
 20 локоша рыболови въ неводѣ, егоже позоровахомъ
 до вечера, и паки вѣвѣргоша и въ воду; бѣшетъ бо
 сицѣ: на лици ему срамѣнии удове, иного нѣ лѣзѣ ка-
 зати срама ради. Предѣ симъ же временѣмъ и сѣньце
 премѣнися, и не бысть свѣтло, нѣ акы мѣсяцъ бысть,
 егоже невѣгласи глаголють сѣнѣдаему сущю.²
 25 Въ си же ^г времена приде вѣлхвѣ, прельщенъ
 бѣсѣмъ; пришьдъ бо Киеву, глаголаше: «явило ми ся
 есть 5 богъ, глаголющѣ сице: повѣдай^д людѣмъ, яко
 на пятое лѣто Дѣньпру потещи вѣспятъ, а ^е землямъ
 преступати на ина мѣста, яко стати Грьчѣстѣ земли
 30 на Русьстѣ,^ж а Русьстѣ на Грьчѣстѣ, и прочимъ зем-
 лямъ измѣнитися; егоже невѣгласи послушахуть,³

^а Из Ипат., Радз. и Акад. ^б Так в Ипат., Радз. и Ком.; в Лавр.: много. ^в Так в Ипат. и Ком.; в Лавр.: его же. ^г Из Радз., Ипат., Ком. и Соф. 1-й. ^д «явило ми ся... повѣдай» из Акад., Ком., Переясл. и Ипат. (но в них: «глаголюще»); в Лавр. вместо этого: «сице повѣдая». ^е Так в Ком., Ипат., Радз.; в Лавр.: и. ^ж «на Русьстѣ» из Радз. и Ипат. ³ Так в Ипат.; в Лавр.: послушаху.

¹ Здесь в Нач. св. вставка из Новгор. св. (§ 128). ² Здесь в Нач. св. вставка из Хронографа, а последующее перенесено в нем под 6579 г.

вѣрнии же насмѣхаются,^а глаголюще ему: «бѣсъ тобою играетъ на пагубу тобѣ». Се же и бысть ему: въ едину бо ночь бысть безъ вѣсти. Бѣси бо подѣтъкъше на зѣло въводятъ, по семь же насмисаються, вѣвѣргъше ѿ въ пропасть смѣртъную, научивъше глаголати, якоже 5 се сѣкажемъ бѣсовское наущение и дѣйство.

Бывъши бо единою скудости^б въ Ростовѣ области, вѣстаста дѣва вѣлхва отъ Ярославля, глаголюща: «яко вѣ сѣвѣвѣ, кѣто обилие дѣржитъ». И поидоста по Вѣлзѣ; кѣде придуча^в въ погостъ,^г ту же нарицаста^д 10 лучшая жены, глаголюща: «яко си жито дѣржитъ, а си медъ, а си рыбы, а си скору». И привожаху къ нима сестры своя, матери и жены своя; она же въ мѣчѣтъ, прорѣзавъша за плечима,^е выимашета^ж любо жито, любо рыбу, или вѣверицу,^з и убивашета мѣно- 15 гы жены и^и имѣние ихъ отѣимашета собѣ. И придоста на Бѣлоозеро. И бѣ о^к нею людии нѣ 300. Въ се же время приключися прити отъ Святослава дань емлющую Яневи, сыну Вышатину. Повѣдаша ему Бѣлоозерци: «яко дѣва кудесьника избила уже мѣногы жены 20 по Вѣлзѣ и по Шекѣснѣ и пришѣла еста сѣмо». Янѣ же, испытавъ, чия еста смѣрда, и увѣдѣвъ, яко своего кѣнзя, посѣлавъ къ симъ,^л иже около ею суть, рече имъ: «выдаите вѣлхва та сѣмо, яко смѣрда еста моя и моего кѣнзя». Они же сего не послушаша. Янѣ 25 же поиде самъ безъ оружия, и рѣша ему отроки его: «не ходи безъ оружия, осоромятъ тя». Онѣ же повелѣ възяти оружие отрокомъ, и бѣста 12 отрока съ

^а Так исправляю; в Ипат.: насмѣхаются; в Лавр.: насмѣхаются; в Ком.: насмѣхуся; в Радз.: смеяхуться. ^б Так в Радз., Ипат., Ком.; в Лавр.: скудити. ^в Так в Радз.; в Лавр.: придуть. ^г Так в Радз.; в Лавр.: «в погостъ». ^д Так поправляю; в Лавр. и Соф. 1-й: нарицаху; в Радз.: нарекаста; в Акад.: нарикаста. ^е Так в Хлебн. и Ком.; в Лавр. и Ипат.: плечемъ. ^ж Так поправляю; в Лавр.: выиимаста. ^з «или вѣверицу» из Ипат., Ком. и Соф. 1-й. ^и Из Радз. ^к Так в Ипат.; в Лавр.: у. ^л Так поправляю; в Лавр. и др.: нимъ.

нимъ, и поиде къ нимъ по лѣсу. Они же сташа, испълчивъ-
 шесея противу; Яневи же идуцю съ топорьцьмъ; вы-
 ступиша отъ нихъ трие мужи, и^а придоша къ Яне-
 ви, рекуще ему: «вида идеши на съмъртъ, не ходи».
 5 Оному повелѣвъшю бити^б я, къ прочимъ же поиде. Они
 же сунушася на Яня; единъ грѣшися Яня топорьмъ;
 Янь же, оборотя топоръ, удари ѿ тылиемъ, повелѣ
 отрокомъ същи я; они же бѣжаша въ лѣсъ; убиша
 же ту попина Янева. Янь же, вышѣдъ въ градъ къ
 10 Бѣлоозерьцемъ, рече имъ: «аще не имете^в вѣлхву сею,
 не иду отъ васъ и за лѣто». Бѣлоозерьци же, шѣдъше,
 яша я и приведоша я къ Яневи. И рече има: «что
 ради погубиста толико чловѣкъ?» Онѣма же рекъшема:
 15 «яко ти държать обилие; да аще истребивъ и избиевъ^г
 сихъ, будетъ гобино; аще ли хоцещи, то предъ тобою
 выимевъ жито, ли рыбу, ли ино что». Янь же рече:
 «по истинѣ лъжета;^д сътворишь бо есть^е Богъ чло-
 вѣка отъ земля, съставль ѿ^ж костьми и жилами, и^з отъ
 крѣве; нѣсть въ немъ ничьтоже».¹ Она же рѣста: «въ
 20 вѣвѣ, како есть чловѣкъ сътворенъ». Онъ же рече:
 «како?» Она же рѣста: «Богъ, мывъся въ мѣвьници
 и въспотивъся, отеръся ветѣхъмъ, върже ѿ съ небесе на
 землю; и распъръся сотона съ Богъмъ, кому въ немъ
 сътворити чловѣка, и сътвори дияволъ чловѣка, а Богъ
 25 душою въ нь вѣложи; тѣмъ же аще умъреть чловѣкъ, въ
 землю идеть тѣло, а душа къ Богу». Рече има Янь: «по
 истинѣ прельстиль ва^и есть бѣсъ; коему Богу вѣруета?»
 Она же рѣста: «антихрьсту». Онъ же рече има: «то
 кѣде есть?» Она же рѣста: «сѣдитъ въ безднѣ». Рече

^а Из Радз. и Ипат. ^б Так в Радз.; в Лавр.: обити. ^в Так в Радз., Ипат. и др.; в Лавр.: имате. ^г «и избиевъ» из Акад., Ипат., Хлебн., Соф. 1-й.
^д Так в Хлебн., Ком. и др.; в Лавр.: «лжа то». ^е «бо есть» из Ипат., Ком. и др. ^ж Так поправляю; в Лавр. и др.: съставленъ. ^з Из Радз., Ком. и др. ^и Так поправляю; в Лавр.: васъ; в Соф. 1-й: вы.

¹ В Нач. св. прибавлено: «и не вѣсть никътоже, нъ тѣкъмо единъ Богъ вѣсть» (ср. § 253, с. 306).

има Янь: «какыи то Богъ, съдяи въ бездѣнѣ? тѣ есть
бѣсъ, а Богъ есть на небеси, съдя на престолѣ, сла-
вимъ отъ ангелъ, иже предѣстоятъ ему съ страхомъ,
не могуще на нь зрѣти; сии бо ангелъ, егоже въ гла-
голета антихрѣстъ, за величание его отъ ангелъ^а 5
свѣрженъ^б бысть съ небесе, и есть въ бездѣнѣ, якоже
то въ^в глаголета, жьда, егда придетъ Богъ съ небесе;
сего имъ антихрѣста съвяжетъ узами и посадить ѿ въ
огни вѣчнѣмъ^г съ слугами его,^д иже къ нему вѣрують;
вама же и съде муку прияти отъ мене и по смърти 10
тамо». Онѣма же рекъшема: «нама бози повѣдають, не
можеша нама сътворити ничѣтоже». Онѣ же рече има:
«лѣжють вама бози». Она же рѣста:^е «нама стати предѣ
Святославѣмъ, а ты нама^ж не можеша сътворити
ничѣтоже». Янь же повелѣ бити я и потѣргати брадѣ 15
ею. Сима же тепенома и брадѣ ею потѣрганѣ про-
скѣпѣмъ, рече има Янь: «что вама бози мѣлвять?»
Онѣма же рекъшема: «стати нама предѣ Святославѣмъ»,
повелѣ Янь вѣложити рубля^з въ уста има и привя-
зати я къ упругомъ,^и и пусти предѣ собою лодия, и 20
самъ по нихъ иде. Сташа на устии Шекъсны; и рече
има Янь: «что вама бози мѣлвять?» она же рѣста:
«сице нама бози мѣлвять: не быти нама живомъ отъ
тебе». И рече има Янь: «то ти вама право повѣдали». Она
же рѣста: «нѣ аще не пустиши, мѣного ти добра 25
будетъ; аще ли наю погубиши, мѣногу печаль прии-
меша и зѣло». Онѣ же рече има: «аще ваю пуццю, то

^а Так поправляю; в Лавр.: «сикъ бо ангелъ свѣрженъ бысть, егоже
вы глаголета антихрѣстъ, за величанье его»; в Ипат.: «сии бо отъ ан-
гелъ свѣрженъ бысть, егоже вы глаголете антихрѣста, за величание
его». ^б Так в Радз., Ипат., Соф. 1-й; в Лавр.: низъверженъ. ^в Так по-
правляю; в Лавр.: вы. ^г «въ огни вѣчнѣмъ» из Ипат., Ком., Соф. 1-й;
в Лавр.: «и емъ его». ^д Так в Ипат. и Ком.; в Лавр.: своими. ^е «Она
же рѣста» из Радз. (где «рекоста»). ^ж Из Ипат., Ком. и Соф. 1-й (в
них: «намъ»). ^з Так в Ипат. и Ком.; в Лавр. и Соф. 1-й: рубль. ^и Так
в Радз., Ипат., Соф. 1-й; в Лавр.: упругу.

злыо ми будеть отъ Бога; аще ли ваю погублю, то мзда
ми будеть отъ Бога». ^а И рече Янь повозьникомъ: «ци
кому васъ кѣто родинъ убиенъ отъ сею?» Они же
рѣша: «мѣнѣ мати, другому сестра, иному рождение».
5 Онъ же рече имъ: «мѣстите своихъ». Они же, поимѣше,
убиша я и повѣсиша я на дубѣ, отъмѣстие приимѣша
отъ Бога по правдѣ. Яневи же идущю домови, въ
другую ночь медвѣдъ, възлѣзъ и угрызъ ею, сѣнѣсть;
и тако погыбнуста наущениемъ бѣсовскимъ; инѣхъ
10 на пагубу ведуща, ^б а своя пагубы не вѣдуща. Аще
ли быста вѣдала, то не быста пришѣла на мѣсто се,
идеже ятома има быти; аще ли и ята быста, то по чѣто
глаголаста: «не умрети нама», оному мыслящю уби-
ти я? Нѣ се есть бѣсовское наущение; ^в бѣси бо не
15 вѣдѣть мысли чловѣчскыя, нѣ вѣлагають помыслъ
въ чловѣка, тайны не сѣвѣдуще. Богъ единъ сѣвѣсть
помышления чловѣчская, бѣси же не сѣвѣдають ничѣ-
тоже; суть бо немощни и худи вѣзорѣмъ. Яко и се
сѣкажемъ о вѣзорѣ ихъ и о омрачении ихъ.

20 Въ си бо времена приключися нѣкоему Новѣго-
родьцю прити въ Чюдѣ, и приде къ кудесьнику, хотя
вълхвованія отъ него; онъ же по обычаю своему нача
призывати бѣсы въ храмину свою. Новѣгородьцю же
сѣдящю на порозѣ тоя же храмины, кудесьникъ ле-
25 жаше оцѣпъ, и шибе имъ бѣсъ; кудесьникъ же, въ-
ставъ, рече Новѣгородьцю: «бози не смѣють прити,
нѣчѣто имаши на собѣ, егоже бояться». Онъ же, по-
мянувъ на собѣ крѣсть и отышѣдъ, постави кромѣ
храмины тоя. Онъ же нача опять призывати бѣсы;
30 бѣси же, мѣчѣтавъше ^г имъ, повѣдаша, чѣто ради
пришѣлъ есть. По семь же почѣ прашати его: «чѣто

^а «аще ли ваю погублю... отъ Бога» из Радз. и Ипат. (где «васъ погублю»). ^б «инѣхъ на пагубу ведуща»: так поправляю; в Лавр.: «инѣмъ вѣдуще»; в Ипат.: «инѣмъ вѣдуща и гадающа»; в Ком. и Соф. 1-й: «инѣмъ видѣща и гадающа». ^в Так в Радз., в Лавр.: наученье.

^г Так в Ипат. и Ком.; в Лавр., Хлебн., Соф. 1-й: метавше.

ради бояться сего,^а егоже носимъ на собѣ, крѣста?» Онъ же рече: «то^б есть знамение небеснаго Бога, егоже наши бози бояться». Онъ же рече: «то каки суть бози ваши, кѣде живутъ?» Онъ же рече: «бози наши живутъ^в въ бездѣнахъ; суть же образъ чьрни, 5
крила ти хвосты имуще; всходятъ же и подѣ небо, слушающе вашихъ богъ; ваши бо бози^г на небеси суть; аще кто умреть отъ вашихъ людий, то възносимъ есть на небо; аще ли отъ нашихъ умираетъ, то носимъ есть^д къ нашимъ богомъ въ бездѣну». Якоже 10
и есть: грѣшници бо въ адѣ суть, ждуще муки вѣчныя, а правѣдници въ небеснѣмъ жилищи вѣдваряются съ ангелы. Сица ти есть бѣсовская сила и лѣпота и немощь; тѣмъ же прельщаютъ члвчкы, веляще имъ глаголати видѣния, являющесе имъ; не 15
свѣршеномъ вѣрою являющесе въ снѣ, инѣмъ въ мьчѣтѣ, и тако влхвуютъ наущениемъ^е бѣсовскимъ.

Паче же женами бѣсовская влшвенія бывають; искони бо бѣсъ жену прельсти, си же мужа; тако въ вся 20
роды^ж мѣного влхвуютъ жены чародѣствомъ и отравою и инѣми бѣсовскими кѣзньми. Нѣ и мужи прельщени бывають отъ бѣсъ невѣрнии, яко се въ пѣрвыя роды;^з при апостолѣхъ бо бысть Симонъ влхвъ, иже творяше влшствомъ пѣсомъ глаголати члвчѣскы, и самъ премѣняшеться, ово старѣ, ово младѣ,^и ово 25
ли и иного премѣняше въ иного образѣ, въ мьчтании сице творяшеть;^к и^л Анѣни и Маврии влшвениемъ чюдеса творяшета^м противу Моусѣви, нѣ вскорѣ

^а Так в Ком. и Акад.; в Лавр. и др.: его. ^б Так в Радз., Ком. и Ипат.; в Лавр.: что. ^в «Онъ же рече: бози наши живутъ» из Ипат. и Ком. ^г Так в Радз. и Ипат.; в Лавр.: ангели. ^д Из Ипат., Ком. и Соф. 1-й. ^е Так в Радз., в Лавр.: наученьемъ. ^ж «въ вся роды»: так поправляю; в Лавр.: «все роди»; в Ком.: «сии роди»; в Соф. 1-й: «си роди». ^з В Лавр. ошибочно: «се первое чароды». ^и Так в Ком., Соф. 1-й и др.; в Лавр.: молодѣ. ^к Так в Ипат.; в Лавр.: творяше. ^л Из Хлебн. и Акад. ^м Из Ипат. (где, впрочем: «творяшеть»).

не възмогоста противу Мовсѣви; нѣ и Кунопъ^а творяшеть^б мъчтании бѣсовскы,^в яко и по водамъ ходити и^г ина мъчтания творяше, бѣсѣмъ льстимъ, на пагубу собѣ и инѣмъ.

- 5 Сиць бѣ вѣлхвѣ вѣсталъ при Глѣбѣ Новѣгородѣ; глаголашеть^д бо людемъ, творяся акы Богъ, и^е многы прельсти, мало не всего града, глаголашеть бо, «яко провѣдѣ^ж вся», и хуляшеть^з вѣру хрѣстіяньскую; глаголашеть бо: «яко преиду по Вѣлхову предѣ всѣми».
- 10 И бысть мятежъ въ градѣ; и вси яша ему вѣру, и хотяху побити^и епископа; епископъ же, възъмъ крѣсть и обѣлкѣся^к въ ризы, ста, рекъ: «иже хошеть вѣру яти вѣлхву, тѣ да идетъ за нѣ; аще ли вѣруеть кто, тѣ къ крѣсту да идетъ». И раздѣлишася
- 15 на двѣе: кнѣзь бо Глѣбъ и дружина его идоша и сташа у епископа, а людие вси идоша за вѣлхва; и бысть мятежъ великъ межю ими. Глѣбъ же, възъмъ топоръ подѣ skutъ,^л приде къ вѣлхву и рече ему: «то вси ли, чѣто утро хошеть быти и чѣто ли до вечера?» Онъ же рече: «провѣдѣ^м вся». И рече Глѣбъ: «то вси ли, чѣто ти^н хошеть быти дньсь?» Онъ же рече:^о «чюдеса велика сътворю». Глѣбъ же, вынѣмъ топоръ, растя ѣ, и паде мѣртвъ, и людие разидошася; онъ же погыбе тѣлѣмъ и душею, предавъся дияволу.
- 25 Въ лѣто 6574. Ростиславу суцю Тѣматорокани и

^а Так в Радз., Ипат.; в Лавр.: конобъ. ^б Так в Ипат.; в Лавр.: творяше. ^в Так поправляю; в Лавр.: «мечтанье бѣсовско»; в Радз.: «мечтании бесовы»; в Ком. и Ипат.: «мъчтаниемъ бѣсовскимъ». ^г Из Радз., Ком. и Ипат. ^д Так в Ипат. и Ком.; в Лавр.: глаголетъ. ^е Из Ком., Ипат. и Радз. ^ж Так в Радз. и Ком.; в Лавр.: проповѣдь. ^з Так в Ком. и Акад.; в Лавр. и др.: хуля. ^и Так в Ком., Акад., Соф. 1-й и Радз.; в Лавр. и сп. Царск.: погубити; в Ипат.: бѣдити; в Хлебн.: побѣдити. ^к Так в Моск.-Акад., Ипат. и Акад.; в Лавр.: облекѣся. ^л Так в Ипат.; в Лавр.: «подѣ skutомъ»; в Ком., Акад. и Соф. 1-й (кроме К. и О.): «подѣ skutъ». ^м Так в Акад. и Радз.; в Лавр.: проповѣжь. ^н Из Радз., Ком. и Соф. 1-й. ^о «Онъ же рече» из Ком., Ипат. и Соф. 1-й.

емлющую дань у Касогъ и на^а инѣхъ странахъ; сего же убоявшеся Грьци посълаша съ лъстїю котопана; оному же пришѣдшю къ Ростиславу и вѣвѣрившюся ему, чѣташеть ѥ Ростиславъ. Единою же пиюще Ростиславу съ дружиною своею, рече котопанъ: «кѣняже! 5
хоощу на тя пити»; оному же рекъшю: «пий». Онъ же, испивъ половину, а половину дасть кѣнязю пити, до-
тиснувъся пальцемъ въ чашю, бѣ бо имѣя подѣ ногъ-
тѣмъ растворение смѣртное, и вѣдасть кѣнязю, урекъ
смѣртъ до дѣне осмаго.^б Оному же испившю, кото- 10
панъ, пришѣдъ Кѣрсуню, повѣдаше, яко въ сїи
дѣнь умѣреть Ростиславъ, якоже и бысть; сего же
котопана побиша камениемъ Кѣрсунѣстїи людїе. Бѣ
же Ростиславъ мужъ добръ на рать,^в вѣзрастѣмъ же
лѣпъ и красѣнъ лицѣмъ и милостивъ убогымъ. И умѣре 15
мѣсяца февраля въ 3 дѣнь, и тамо положѣнъ бысть,
въ церкѣви свѣтыя Богородица.

Въ лѣто 6575.¹ Ярославичи² триє, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, сѣвѣкупивше вои, идоша на Вѣсеслава, зимѣ сущи велицѣ. И придоша къ Мѣньску, 20
и Мѣняне затворишася въ градѣ. Сї же братїя вѣ-
зяша Мѣньскъ, исѣкоша мужѣ, а жены и дѣти вѣ-
даша на щиты, и поидоша къ Немизѣ, и Вѣсеславъ
поиде противу. И сѣвѣкупишася обои на Немизѣ, мѣ-
сяца марта въ 3 дѣнь, и бѣаше снѣгъ великъ, и^г пои- 25
доша противу собѣ; и бысть сѣча зѣла, и мѣнози па-
доша; и одолѣша Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ,
Вѣсеславъ же бѣжа. По семь же, мѣсяца іюля въ

^а Так поправляю; ср. эпизод с козарскою данью (с. 360); в Лавр.: «у инѣхъ странахъ». ^б Так в Ком., Соф. 1-й и Радз.; в Лавр.: семаго.

^в Так в Акад. и Ипат.; в Лавр.: «добль ратьнѣ»; в Соф. 1-й (кроме К. и О.): «добель на рати». ^г Из Радз.

¹ Здесь в Нач. св. вставлено из Новгор. св. «Заратїся Вѣсеславъ, сынѣ Брячиславѣ, Полотѣскїи, и зая Новѣгородѣ» (§ 128). ² В Нач. св. вставлено «же».

- 10 днь, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ цѣловаша ^а
крѣсть чѣстныи къ Всеславу, рекъше ему: «приди къ
намъ, яко не сѣтворимъ ти зѣла»; онъ же, надѣявѣся
о ^б цѣловании крѣста, прѣха ^в въ лодии чресъ Дъ-
нѣпръ. Изяславу же въ шатъръ предъидушю, Все-
славу по немъ идущю, ^г и се, *нападоша на Всеслава*. ^д
И тако яша Всеслава на Рѣши у Смольньска, престу-
пивъше крѣсть. Изяславъ же, приведъ Всеслава Кые-
ву, вѣсади ѿ въ порубъ съ двѣма сынѣма.
- 10 Въ лѣто 6576. Придоша ¹ на Русьску землю Половци
мънози; Изяславъ же и Святославъ и Всеволодъ изи-
доша противу имъ на Лѣто. И бывъши нощи, поидоша ^е
противу собѣ: * грѣхъ же ради нашихъ ² побѣдиша По-
ловци, и побѣгоша Русьстии кѣнязи, ³ Изяславъ ^з же
съ Всеволодѣмъ Кыеву, а Святославъ ^и Чѣрнигову. ⁴
И людие Кыевѣстии прибѣгоша Кыеву, и сѣтвориша
вѣче на търговищи, и рѣша, посѣлавъшесѣ къ кѣнязю:
«се, Половци росулися по земли, да вѣдай, ^к кѣняже,
оружие и конѣ, и еще биемъсѣ съ ними». Изяславъ
же сего не послуша. И начаша людие говорити ^л на
воеводу на Кѣснячѣка; идоша на гору съ вѣча, и при-

^а Так в Ком. и Хлебн.; в Лавр., Ипат. и Соф. 1-й: цѣловавше. ^б Из Ком., Акад. и Соф. 1-й. ^в Так в Ипат. («перѣха»); в Лавр.: «и приѣхавъ»; в Акад.: «и приѣха»; в Соф. 1-й: поѣха. ^г «Всеславу по немъ идущю» из Ком. и Соф. 1-й. ^д Вставлено по смыслу. ^е Так в Ком., Соф. 1-й и Ипат.; в Лавр.: подѣидоша. * Так в Ком. и Ипат.; в Лавр.: пусти. ^з Так поправляю; в Лавр. и др.: Изяславу (ниже вставлено: «побѣгшю»). ^и Так поправляю; в Лавр. и др.: Святославу. ^к Так в Ком. и Ипат.; в Лавр. и Соф. 1-й вместо «да вѣдай» — «дай». ^л Так в Радз. и др.; в Лавр.: «люди его корити».

¹ В Нач. св. прибавлено заимствованное из Слова о казнях Божиих: иноплемѣнники. ² Здѣсь вставлено из Слова о казнях Божиих: «пусти Богъ на ны поганяны» (§ 114⁵). ³ В Нач. св. переставлено ввиду дальнейшей вставки: «и побѣгоша Русьстии кѣнязи и побѣдиша Половци» (§ 114⁵); далее помещено в Нач. св. Слово о казнях Божиих (§ 114⁵). ⁴ В Нач. св.: «Изяславу же съ Всеволодѣмъ Кыеву прибѣгшю, а Святославу Чѣрнигову».

доша на дворъ Къснячковъ, и не обрѣтъше его, ста-
ша у двора Брячиславля и рѣша: «поидѣмъ, высадимъ
дружину свою ис погреба». И раздѣлишася на двѣ;
половина^а ихъ иде къ погребу, а половина ихъ иде
по мосту; сии же придоша на кнѣжъ дворъ. Изяславу 5
же сѣдящю на сѣньхъ съ дружиною своею, начаша
пърѣтиса съ кнѣзьмъ, стояще долѣ. Кнѣзю же из
окънѣца зрящю и дружинѣ стоящи у кнѣзя, рече
Туки, братъ Чюдинъ, Изяславу: «видиши, кнѣже, лю-
дие възвылися суть;^б посъли, ать Вьсеслава блю- 10
дутъ». И се ему глаголющю, другая половина людии
приде отъ погреба, отворивъше погребъ; и рѣша^в
дружина кнѣзю: «се зъло есть; посъли къ Вьсеолаву,
ать, призывавъше лѣстию къ окънѣцю, пронзутѣ^г и
мечѣмъ». И не послуша сего кнѣзь. Людие же клик- 15
нуша, и идоша къ порубу Вьсеславлю; Изяславъ же,
се видѣвъ, съ Вьсеволодѣмъ побѣгоста съ двора кнѣ-
жа.^д Людие же высѣкоша Вьсеслава ис поруба, въ 15
днь семтября, и прославиша ѥ средѣ двора кнѣжа;
дворъ же кнѣжъ разграбиша, бещисльнѣ мнѣжьство 20
злата поимаша^е и сребра, и кунами и скорою.* Изя-
славъ же бѣжа въ Ляхы,¹ Вьсеславъ же сѣде Кыевъ.
Се же, Богъ яви силу кръстьную, понеже Изяславъ,
цѣловавъ кръсть, и я ѥ; тѣмъ же наведе Богъ пога-
нныя, сего же явѣ избави кръсть чьстьныи. Въ днь бо 25
Въздвигения Вьсеславъ, въздѣхнувъ, рече: «о, кръсте
чьстьныи! понеже къ тобѣ вѣровахъ, избави мя отъ
рова сего». Богъ же показа силу кръстьную на³ по-

^а Так в Радз., Акад. и др.; в Ком. и Лавр.: половину. ^б Так поправ-
ляю; ср. в Ком. и Акад.: «возлилися»; в Лавр. и др.: възвыли. ^в Так
в Ипат., Радз. и Соф. 1-й; в Лавр.: рекоша. ^г Так в Акад.; в Лавр.,
Ком. и др.: пронзуть. ^д Ср. в Ком.: «кнѣзя», в Лавр. опущено. ^е Из
Ком. и Акад. * Так в Ком. и Ипат.; в Лавр.: бѣлю. ³ Из Ком., Радз.
и др.

¹ Здесь в Нач. св. явная вставка едва ли не из Черниговской лето-
писи (§ 1146).

казание земли Русьстѣ, да не преступаютъ чьстнаго
крѣста, цѣловавъше его; аще ли преступить кѣто, то
и съде приметъ казнѣ и на придушимъ вѣцѣ казнѣ
вѣчнѣную. Понеже велика есть сила крѣстная: крѣстѣмъ
5 бо побѣжены бывають силы бѣсовскыя, крѣстѣ^а бо
кѣняземъ въ бранѣхъ пособить, крѣстѣмъ бо^б огра-
жаеми^в вѣрнии людие побѣжаютъ супостаты противъ-
ныя, крѣстѣ бо въскорѣ избавляетъ отъ напасти
призывающимъ его съ вѣрою; ничѣсо^г же ся боятъ
10 бѣси, тѣкѣмо крѣста; аще бо бывають отъ бѣсѣ
мѣчтания, знаменавѣше лице крѣстѣмъ, прогоними бы-
вають. Всеславѣ же сѣдѣ Киевѣ мѣсяцѣ 7.

Въ лѣто 6577. Поиде Изяславѣ съ Болеславѣмъ
на Всеслава; Всеславѣ же поиде противу; и приде
15 Бѣлугороду Всеславѣ, и, бывѣши нощи, утаивѣся
Кыянѣ, бѣжа изъ Бѣлагорода Полотѣску. Заутра же ви-
дѣвъше^д людие кѣнязя бѣжавѣша възвратишася
Киеву и, сътворише^е вѣче, посѣлашася къ Святославу
и къ Всеволоду, глаголюще: «мы уже зѣло сътво-
20 рили есмы, кѣнязя своего прогнѣнавѣше, а се, ведетъ
на ны Лядѣску землѣю; а поидѣта въ градѣ отѣца
своего; аще ли не хочѣта, то намѣ неволя зажѣгѣшемъ^ж
градѣ свои ступити^з въ Грьчѣску землѣю». И рече
имѣ Святославѣ: «въ посѣлевѣ къ брату своему; да^и
25 аще поидетъ на вы съ Ляхы губить васѣ, то въ
противу ему ратию, не дадивѣ^к бо погубити града
отѣца своего; аще ли хочѣтъ съ мирѣмъ, то въ малѣ
придетъ дружинѣ». И утѣшиста Кыяны. Святославѣ
же и Всеволодѣ посѣласта къ Изяславу, глаголюща:

^а Так в Ком.; в Лавр. и Ипат.: крестомъ. ^б Из Ком. ^в Так в Ком. и Хлебн.; в Лавр.: «согражаеми». ^г В Лавр.: ничто, ср. Акад.: «ничѣго».

^д Так в Ипат. и Соф. 1-й; в Лавр. и Ком.: видѣша. ^е Так в Ком. и Акад.; в Лавр. и др.: створиша; в Соф. 1-й: сътворивше. ^ж Так поправляю; в Радз., Ком. и др.: зажегше; в Лавр.: зажгоша. ^з Так поправляю; в Лавр. и др.: ступимъ. ^и Из Ком., Ипат. и Соф. 1-й. ^к Так в Ком., Ипат. и Радз.; в Лавр.: давѣ.

«Вьсеславъ ти бѣжалъ, а не води Ляховъ Кыеву, противъна бо ти нѣту; аще ли хоцещи гнѣвъ имѣти и погубити града, то вѣси, яко нама жаль отъня стола». То слышывъ Изяславъ остави Ляхы и поиде съ Болеславѣмъ, мало Ляховъ поимъ; посылъа же предъ 5 собою^а сына своего Мьстислава Кыеву. И пришьдъ Мьстиславъ исѣче иже бѣша высѣкли Вьсеслава, числѣмъ 70 чади, а другыя слѣпиша, другыя же без вины погуби, не испытывъ. Изяславу же идущю къ граду, изидоша людие противу съ поклонѣмъ, и 10 прияша кѣнязь свои Кыяне, и сѣде Изяславъ на столѣ своемъ, мѣсяца мая въ 2 днь. И распуща Ляхы на покѣрмъ, и^б избиваху Ляхы отай; и^б възвратися съ^в Ляхы Болеславъ въ землю свою. Изяславъ же възгѣна тѣргъ на гору, и прогѣна Вьсеслава ис 15 Полотѣска, и^г посади сына своего Мьстислава Полотѣстѣ; онъ же вѣскорѣ умьре ту; и посади въ него мѣсто брата его,^д Святопѣлка. Вьсеславу же бѣжавъ-шю, погорѣ Подолие.^е 1

Въ лѣто 6579. Воеваша Половѣци у Растовѣца и у 20 Неятина.* Въ се же лѣто выгѣна Вьсеславъ Святопѣлка ис Полотѣска. Въ се же лѣто побѣди Яропѣлкѣ Вьсеслава у Голотичѣска.²

Въ лѣто 6580. *(Здѣсь сообщалось о перенесении мощей Бориса и Глеба в новую церковь, построенную 25 Изяславом).*³

Въ лѣто 6581. Въздвиге дияволъ котору въ братии сеи Ярославичихъ. Бывѣши распѣри межю ими,

^а Из Ком., Ипат. и Радз. ^б Из Ком., Хлебн. и Радз. ^в Так поправляю; в Лавр.: въ. ^г Из Ком. и Ипат. ^д Так в Радз., Ком. и др.; в Лавр. и некоторых других: своего. ^е «погорѣ Подолие» из Синод. сп. * Так в Радз.; в Лавр.: «у Ятина».

¹ Засим в Нач. св. под 6578 г. вставлены два известия, по-видимому, из Выдубицкой летописи. ² Здѣсь в Нач. св. сообщения о волхвах, читавшіеся в Никоновом своде под 6573 г. (см. с. 418, примеч. 2). ³ В Нач. св. это заменено записью Вышегородской церкви.

быста съ себе Святославъ съ Всеволодѣмъ на Изя-
слава. Изиде Изяславъ ис Кыева, Святославъ же и
Всеволодъ вѣнидоста въ Кыевъ, мѣсяца марта 22,
и сѣдоста на столѣ на Берестовѣмъ, преступивъша
5 заповѣдь отню. Святославъ же бѣ начало выгнанию
братню, желая большая власти; Всеволода бо прель-
сти, глаголя: «яко Изяславъ сватиться съ Всеславѣмъ,
мысля на наю; да аще его не варивѣ,^а имать на прогъ-
нати»;^б и тако възостри Всеволода на Изяслава. Изя-
10 славъ же иде въ Ляхы съ имѣниемъ многѣмъ и съ
женою, упывая богатствомъ многѣмъ,^в глаголя: «яко
симъ налѣзу вой». Еже все взяша Ляхове у него,
показавъше ему путь отъ себе. А Святославъ сѣде
15 Кыевъ, прогнавъ брата своего, преступивъ заповѣдь
отню, паче же Божию. Велии бо есть грѣхъ престу-
пающимъ^г заповѣдь отъца своего; ибо испърва пре-
ступиша сынове Хамови на землю Ситову и по 400 лѣтъ
отъмыщение прияша отъ Бога; отъ племени бо Ситова
20 суть Еврѣи, иже,^д избивъше Хананѣиско племя, всъ-
прияша свои жребии и свою землю; пакы преступи
Исавъ заповѣдь отъца своего и прия убиство; не
добро бо есть преступати предѣла чюжаго.

^а Из Радз., Ком. и Ипат. ^б Так в Радз. и Ипат.; в Лавр.: прогнатье.
^в «и съ женою упывая богатствомъ многѣмъ» из Ипат., Ком. и
Соф. 1-й. ^г Так в Хлебн. и списках К. и О. Соф. 1-й; в Лавр. и Ком.:
преступающе. ^д Так в Ипат. и Ком.; в Лавр.: же.

Б. НОВГОРОДСКИЙ СВОД 1050 г.
С ПРОДОЛЖЕНИЯМИ ДО 1079 г.

Начало земли Русьстѣ. Быша три братия...^{*} и бѣша ратьни съ Деревлями и съ Угличи.

Въ си же времена Новѣгородьстии людие, рекомии Словѣне, и Кривичи, и Меря,¹ и Чюдѣ дань даяху Варягомъ отъ мужа по бѣлѣи вѣверици; а иже бяху у нихъ, то ти насилие дѣяху 5
Словѣномъ и Кривичемъ и Мери и Чюди. И вѣсташа Словѣне и Кривичи и Меря и Чюдѣ на Варягы, и изгѣнаша я за море, и начаша владѣти сами собѣ.² Словѣне свою волость имяху;^а и поставиша градъ и нарекоша ѿ Новѣгородъ, и посадиша старѣшину Гостомысла;^б а Кривичи свою, а Меря свою,^в ³ 10
а Чюдѣ *свою*.^г И вѣсташа сами на ся воевать, и бысть межю ими рать велика и усобица. И вѣсташа градъ на градъ, и не бѣ въ нихъ правды. И рѣша къ собѣ: «поищимъ собѣ кѣнязя,^д иже бы владѣлъ нами и рядилъ ны по праву». Идоша за море къ Варягомъ и рѣша:^е «земля наша велика и обильна, а наряда въ 15

^а «Словѣне свою волость имяху» в Ком. выше (вместо «имяху» — «имѣли»). ^б «и поставиша... Гостомысла» из другого места Новгор. св. 1448 г. (Соф. 1-й и Новгор. 4-й). ^в «а Кривичи свою, а Меря свою» в Ком. выше. ^г «а Чюдѣ» из Ком., «свою» вставлено по смыслу. ^д Порядок слов см. в Толст. ^е Так поправляю вместо «ркоша» ввиду предыдущего.

¹ Здесь в Нач. св. было вставлено из дальнейшего: «Словѣне свою волость имяху... а Меря свою», и далее: «къждо своимъ родѣмъ владаше, а Чюдѣ своимъ родѣмъ». ² Здесь в Нач. св. было, как кажется, вставлено: «и города ставити». ³ «Словѣне свою волость... а Меря свою» перенесено в Нач. св. выше.

* См. с. 359 и 360.

неи^а нѣту; да поидѣте къ намъ кѣняжитъ и владѣтъ нами». Избѣрашася три братия съ роды своими и пояша съ собою дружину многу и придоша Новугороду; и сѣде старѣишии Новѣгородѣ Рюрикъ, а другии на Бѣлѣозерѣ Синеусъ, а третии
5 Изборѣствѣ Труворѣ. И отъ тѣхъ Варягъ, находѣникъ тѣхъ, прозѣвашася Варягы, и суть Новѣгородѣстии людие до днѣшнѣяго дѣне отъ рода Варяжска.^б¹ И бысть у нихъ кѣнязь,² именѣмъ Ольгъ, мужъ мудръ и храбръ...^{*} и бѣша у него мужи Варязи Словѣне, и отътолѣ прозѣвашася Русию. Сии же Ольгъ³
10 нача грады ставити и дани уставити Словѣномъ Варягомъ⁴ и Кривичемъ и Мери,⁵ а отъ Новагорода 300 гривнѣ на лѣто мира дѣля, еже и нынѣ дають.^в⁶

По сихъ же иде Ольгъ на Грькы и приде къ Цѣсарюграду...^{**} И заповѣда Ольгъ данъ даяти на сѣто корабль по 12 гривнѣ
15 на чловѣкъ, а въ корабли по сороку мужъ. Самъ же възъзлато и паволокы, и възложи данъ, юже дають и доселѣ кѣняземъ Русьскимъ. И рече Ольгъ: «шиите пѣрѣ паволочиты Руси, а Словѣномъ кропинѣны»; и бысть тако. Повѣси же щитъ свои въ вратѣхъ, показая побѣду; и поиде отъ Цѣсаряграда. И възспаша
20 пѣрѣ Русь паволочитыя, а Словѣне кропинѣныя; и раздѣра ягъ вѣтрѣ. И рѣша Словѣне: «имѣмъся своихъ тѣлстинѣ; не даны суть Словѣномъ пѣрѣ». ⁷ Идѣ иде Ольгъ Новугороду и отътуда въ Ладугу,⁸ естъ могыла его Ладозѣ.^е

^а «въ неи» из Лавр.; в Ком.: «у насъ». ^б «Въ си же времена... отъ рода Варяжска» из Ком. ^в «Сии же Ольгъ ... еже и нынѣ дають» из Ком. и Рост. компиляции XV в. ^г Из Радз. и Ипат. ^д Из Толст. ^е «Самъ же възъзлато... естъ могыла его Ладозѣ» из Ком.

¹ Здесь в Нач. св. вставлено о кончине Синеуса и Трувора, рождении и возмужалости Игоря. ² В Нач. св.: воевода. ³ В Нач. св.: Игорь. ⁴ В Нач. св. прибавлено: даяти. ⁵ В Нач. св. прибавлено: «данъ даяти Варягомъ». ⁶ В Нач. св. исправлено: «еже даваше до смърти Ярославля». ⁷ В Нач. св. прибавлено: «И приде Олегъ къ Киеву и къ Игорю, несъ злато и паволокы и вино и овоць и всьяко узорочие. И прозваша ѿ Олегъ вѣщии, бяху бо людие погани и невѣгласи». ⁸ В Нач. св. прибавлено: «Друзии же сказаютъ, яко идущю ему за море, и уклону змѣя в ногу, и съ того умре».

^{*} См. с. 361—362. ^{**} См. с. 362.

По сихъ же Игорь съде Киевѣ кнѣжа; и приведе собѣ жену
отъ Пльскова, именемъ Ольгу; и бѣ мудра и съмыслѣна, отъ
неяже родися сынъ Святославъ. И бѣ у него воевода, именемъ
Свѣнелдъ...^{*} И вышѣдше изъ града Коростѣня Деревляне
убиша Игоря и дружину его; и погребенъ бысть Игорь; естъ мо- 5
гыла его у Коростѣня града въ Деревѣхъ и до сего дѣне.

Начало кнѣжѣния Святославля. Ольга же бѣше Киевѣ...^{**}
И иде Ольга по Деревѣстѣ земли съ сынѣмъ своимъ и съ дру-
жиною, уставляючи уставы и уроки; и уставы по Мьстѣ по-
госты и дани и по Лузѣ оброки и дани;^a и ловища ея суть по 10
вьсеи земли, знаменья же^b и мѣста и погосты; и сани ея стоятъ
Пльсковѣ и до сего дѣне.^{в 1}

По сихъ же иде Ольга въ Грькы...^{***} О сяковыхъ бо Давыдъ
глаголаше: въ память вѣчную правѣдникъ будетъ, отъ слуха
зѣла не убоится; готово сѣрдѣе его упѣвати на Господа, утвър- 15
дися сѣрдѣе его, и не подвижется.

По семь же Святославъ посади Яропѣлка Киевѣ, а Ольга
въ Деревѣхъ. Въ се же время идоша^г въ Русь^{д 2} людие Новѣ-
городѣстии, просяще кнѣзя собѣ, и рѣша:^е «аще не поидете къ намъ,
то налѣземъ кнѣзя собѣ». И рече къ нимъ Святославъ: «а бы 20
ны шѣлъ^ж кѣто къ вамъ». И отпѣрѣся Яропѣлкъ и Ольгъ. И
рече Добрыня: «просите Володимера». Бѣ бо Володимеръ^з отъ
Малѣфрѣди,^и ключѣницѣ Ользины, сестра же бѣ Добрынина,^к
отѣцъ же бѣ има Мьстиша Свѣнелдичъ,^л и^м бѣ Добрыня уи Во-
лодимеру. И рѣша Новѣгородѣци Святославу: «вѣдай ны Воло- 25

^a «и по Лузѣ оброки и дани» из Лавр. ^b Из утраченной Троицкой
(Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I, примеч. 377).

^в «и уставы по Мьстѣ... и до сего дѣне» из Ком. ^г Так поправляю; в
Лавр. и Ком.: приидоша. ^д Вставлено по смыслу. ^е То же. ^ж «а бы ны
шѣлъ» из Соф. 1-й; в Лавр.: «а бы пошелъ». ^з Порядок слов из Ком.
^и Так поправляю на основании § 219¹³; в Лавр. и Ком.: «отъ Малуши».
^к Так в Акад.; в Лавр.: Добрыни. ^л Так поправляю на основании
§ 219¹²; в Лавр.: «отецъ же бѣ има Малѣкъ Любечанинъ»; в Ком. и
Радз.: «Малко Любчанинъ» (вместо «Малѣ Кѣльчанинъ»). ^м Из Радз.

¹ В Нач. св. прибавлено из Древн. св.: «суть становища... и доселѣ».

² В Нач. св. вместо «идоша въ Русь» — «приидоша».

* См. с. 363—364. ** См. с. 364. *** См. с. 365—369.

димера». Онъ же рече имъ: «ото^а вы есть». И пояша Новъгородъци Володимера къ собѣ. И иде Володимеръ съ Добрынею уемъ своимъ Новугороду.¹

И сѣде Новъгородѣ. И бѣ Добрыня храбръ и наряднъ
5 мужъ;^{6 2} и посѣла къ Рогъволоду Полотъску и проси у него
дѣщере за Володимера.^{в 3} Онъ же рече дѣщери своеи: «хощеши
ли за Володимера?» Она же рече: «не хощю розути робичища,
нѣ Яропѣлка хощю». Бѣ бо Рогъволодъ пришълъ изъ заморія,
имяше власть свою Полотѣстѣ.⁴ И придоша отроци Володи-
10 мери и повѣдаша ему всю рѣчь Рогънѣдину, дѣщере Рогъво-
ложѣ, кѣнзя Полотѣскаго. Слышавъ же Володимеръ разгнѣвася
о тои рѣчи, юже^г рече: «не хощю азъ за робичища», и пожалиси
Добрыни; и испълнися ярости; и поимѣша вои, идоста на По-
лотѣскъ и побѣдиста Рогъволода. Рогъволодъ же въбѣже въ градъ,
15 и приступивѣше къ граду, взяша градъ, и самого Рогъволода яша
и жену его и дѣщеръ его. И Добрыня поноси ему и дѣщери его,
нарекѣши ей робичища, и повелѣ Володимеру быти съ нею предъ
отѣцмъ ея и материю.^д По томъ^{е 5} уби Рогъволода и сына его
дѣва, а дѣщеръ его Рогънѣдъ * поя *Володимеръ собѣ*³ женѣ.

20 И иде Святославъ Переяславъцю и затворишася Българе въ
градъ...* и посадъники своя посади Новъгородѣ. И бѣ владѣя
единъ въ Руси.

^а Так в Радз.; в Лавр.: «вотѣ». ^б «И бѣ Добрыня... мужъ» из статьи Лавр. 1128 г. ^в «и проси... за Володимера» из статьи Лавр. 1128 г. ^г Так поправляю вместо «оже». ^д «Слышавъ же Володимеръ разгнѣвася... предъ отѣцемъ ея и материю» из статьи Лавр. 1128 г. ^е Взято отсюда же. ^ж «а дѣщеръ его Рогънѣдъ» из Радз. и Ком.; в Лавр.: «и дѣщеръ его». ^з «Володимеръ собѣ» вставлено по смыслу.

¹ В Нач. св. следующая статья помещена ниже. ² «И бѣ Добрыня... мужъ» в Нач. св. опущено. ³ В Нач. св. вместо «и проси у него дѣщере за Володимера» — «глаголя: хощю пояти дѣщеръ твою собѣ женѣ». ⁴ В Нач. св. прибавлено: «а Туры Туровѣ, отъ негоже и Туровци прозвашася». ⁵ В Нач. св. вместо «Слышавъ же Володимеръ разгнѣвася... отѣцемъ ея и материю. Потомъ» — «Володимеръ же собра вои многъ, Варягы и Словѣны, Чюдъ и Кривичъ (см. это ниже) и поиде на Рогъволода. Въ се же время хотяху Рогънѣдъ вести за Ярополка; и приде Володимеръ на Полотескъ, и».

* См. с. 369—372.

Въ лѣто 6486. Начало кнѣзѣнія Володимерѣ. Приде Володимеръ съ Варягы Новугороду и рече посадѣнникомъ Яропѣлчемъ: «идѣте къ брату моему и рѣцѣте ему: Володимеръ ти идетъ на тя, пристраивайся противу битися». И събѣра вои мнѡгъ, Варягы и Словѣны, Чюдъ и Кривичѣ, и поиде на Яропѣлка...^{*} И нача 5 кнѣзѣжити Володимеръ Кыевѣ единѣ, и ^а посади Добрыню, уя своего, Новѣгородѣ; и пришѣдъ Добрыня Новугороду постави кумиръ надъ рѣкою Вѣлховѣмъ, и жѣряху ему людие Новѣгородѣстии акы Богу.

Въ лѣто 6489. Иде Володимеръ къ Ляхомъ и зая грады ихъ, 10 Перемышль, Чѣрвенъ и ины грады, иже суть и до сего дѣне подъ Русию.

Въ лѣто 6490. Заратишася Вятичи, и иде на ня Володимеръ и побѣди я.

Въ лѣто 6491. Иде Володимеръ на Ятвягы, и побѣди Ятвягы, 15 и вѣзя землю ихъ.

Въ лѣто 6492. Иде Володимеръ на Радимичѣ...^{**} повозъ везуть и до сего дѣне.

Въ лѣто 6493. Иде Володимеръ на Бѣлгары съ Добрынею, съ уемъ своимъ, въ лодияхъ, а Тѣрky берегѣмъ приведе на ко- 20 нихъ и побѣди Бѣлгары. И ^б рече Добрыня Володимеру: «сѣглядахъ колодѣникъ, и ^в суть всѣ въ сапозѣхъ; симъ дани намъ не даяти, поидѣвѣ ^г искать лапотѣникъ». И сѣтвори миръ Володимеръ съ Бѣлгары...^{***} И приде Володимеръ Кыеву.

Въ лѣто 6494. Придоша Бѣлгаре вѣры Бохѣмичѣ, глаголюще...^{****} то не бы баба твоя прияла, Ольга, яже бѣ мудрѣиши вѣсѣхъ чловѣкъ». *(Далее следовал не дошедший до нас рассказ о крещении Владимира в Киеве).* 25

Крыщену же Володимеру, предаша ему вѣру хрѣстіяньску...^{*****} до коньца вѣру сию. И поставиша ^д по вѣсѣмъ ^е градомъ епи- 30

^а Вставлено по смыслу. ^б Из Радз. и Ком. ^в Так в Радз. и Ком.; в Лавр.: оже. ^г Так в Ком.; в Лавр.: поидемъ. ^д «И поставиша» из Ком. ^е Так поправляю; в Ком.: «по инымъ» (ввиду предшествующей там вставки).

* См. с. 372—375. ** См. с. 376—377. *** См. с. 377. **** См. с. 377—380. ***** См. с. 381.

скопы и попы и дияконы,^а иже крѣстиша всю землю Русьску; ^б и бысть радость всюду.

Въ лѣто 6497. Приде Новугороду епископъ ^в Іоакимъ Кърсунянинъ и требища раздруши и *кумиры* посѣче.^г И уряди
5 собѣ църквѣ богоотѣцъ Іоакима и Анны, а святу ю Софію за-
ложи дубову конѣцъ Пискуплѣ улицѣ надъ Вѣлховѣмъ и съ-
вѣрши ю о 13 вѣрсѣхъ.^д ¹

Володимеръ же просвѣщенъ самъ и сынове его съ нимъ 12,
ихъже имена: 1. Вышеславъ, 2. Изяславъ, 3. Ярославъ, 4.
10 Святопѣлкъ, 5. Всеволодъ, 6. Святославъ, 7. Мѣстиславъ, 8. Бо-
рисъ, 9. Глѣбъ, 10. Станиславъ, 11. Позвиздъ, 12. Судиславъ.^е

И посади Вышеслава Новѣгородъ;² умѣрьшю же Вышеславу,³
посадиша Ярослава Новѣгородъ.⁴ И рече Володимеръ: се не до-
бро...^{*} и поча нарубати мужѣ лучшѣѣ отъ Словѣнъ и отъ
15 Кривичъ и отъ Чюди и отъ Вятичъ...^{**} и одалая имъ.

Въ лѣто 6499. Володимеръ помысли създати църквѣ прѣ-
святыя Богородица...^{***} И живяше Володимеръ по устроению
отню и дѣдню.

Въ лѣто 6522. Ярославу же сущю Новѣгородъ и урокомъ
20 дающю Киеву дѣвѣ тысящи гривнѣ отъ года до года, а ты-
сящю Новѣгородъ гридемъ раздаваху; тако даяху вѣси кѣнзѣи ^ж
Новѣгородѣстѣи, а Ярославъ сего не даяше Киеву ^з отцю
своему. И рече Володимеръ: «требите путь и мостите мосты ^и»;

^а «градомъ... дияконы» из Ком. ^б «иже крѣстиша... Русьску» из свода 1448 г. ^в Так поправляю вместо «архиепископъ». ^г «и бысть радость всюду... кумиры посѣче» из Ком. (но в нем вместо «кумиры» — «Перуна»). ^д «И уряди собѣ църквѣ... о 13 вѣрсѣхъ» вставлено на основаниі § 191. ^е «Володимеръ же... Судиславъ» из Ком. (но там: «3. Святополкъ. 4. Ярославъ»). ^ж Так в Ком.; в Лавр.: «даяху посадниці». ^з Из Ком. и Радз. ^и Так в Радз. и Ком.; в Лавр.: мость.

¹ В Нач. св. «и поставиша по вѣсѣмъ градомъ... и съвѣрши ю о 13 вѣрсѣхъ» опущено. ² Здесь в Нач. св. прибавлено: «а Изяслава Полотѣстѣ, а Святополка Туровѣ, а Ярослава Ростовѣ». ³ В Нач. св.: «старѣишему Вышеславу Новѣгородъ». ⁴ В Нач. св. продолжается перечень уделовъ сыновей Владимира.

* См. с. 385. ** См. с. 385. *** См. с. 387—390.

хотяшетъ бо на Ярослава ити, на сына своего.¹ Ярославъ же посълавъ за море, приведе Варягы, бояся отца своего; нѣ Богъ не въдастъ дияволу радости. Володимеру бо разболѣвъшюся съконъчася въ лѣто 6523.² И плакашася по немъ бояре акы заступника ихъ земли, убозии акы заступника и кърмителя; 5 и вѣложиша ѿ въ кърсту мраморяну и съкуташа тѣло его съ плачѣмъ, блаженаго князя. Съ есть...^{*} улучити вьсѣмъ хрѣсти-яномъ.

Святопѣлкъ же нача кнѣжити Киевѣ. Съзъвавъ люди, нача даяти овѣмъ кързна, а другимъ кунами, и раздая мнѡжѣство. 10 *(Далее рассказывалось сокращенно об убиении Бориса и Глеба).*

Ярославу же не вѣдущю отънѣ смърти, кърмляше Варягъ мнѡго, бояся рати;^а ³ и начаша Варязи насилие дѣяти ^б Новѣгородьцемъ и женамъ ихъ. Рѣкоша Новѣгородьци: «сего мы насилия не можемъ сѣмотрити». И събѣрашася въ ноцѣ и исѣкоша Варягы 15 въ Поромони дворѣ; ^б ⁴ Ярославъ же въ ту ноцѣ на Ракомѣ бѣше. И се слышавъ Ярославъ разгнѣвася на гражаны ^в и шѣдъ, сѣде въ дворѣ; ⁵ посълавъ къ Новѣгородьцемъ, рече: «уже мнѣ сихъ не крѣсити»; и позъва къ собѣ нарочитыя мужа, иже бяхуть исѣкли Варягы, и ^г обѣлстивъ я, исѣче вои славныхъ 20 тысяцю,^д а друзии бѣжаша из града.^б ^е И жъ въ ту ноцѣ

^а «кърмляше... рати» из Ком. ^б «и начаша... въ Поромони дворѣ» из Ком. (кроме слов «Новѣгородьцемъ и женамъ ихъ»). ^в «Ярославъ же въ ту ноцѣ ... на гражаны» из Акад. ^г Из Радз. ^д «вои славныхъ тысяцю» из Ком. ^е «а друзии... из града» из Ком. ^ж Из Ком.

¹ В Нач. св. прибавлено: «нѣ разболѣся. Въ лѣто 6523. Хотящю Володимеру ити на Ярослава». ² В Нач. и Древн. сводахъ подробнее сообщено о кончинѣ Владимира; предполагаю сокращение в Новгор. св. ³ В Нач. св. вместо «кърмляше Варягъ мнѡго, бояся рати» — «Варязи бяху мнози у Ярослава». ⁴ В Нач. своде вместо «Рѣкоша Новѣгородьци... въ Поромони дворѣ» — «Вставше Новгородьци избиша Варягы въ дворѣ Поромони». ⁵ В Нач. св. вместо «Ярославъ же въ ту ноцѣ... и шѣдъ сѣде въ дворѣ» — «и разгнѣвася Ярославъ, и шѣдъ нарокомъ, сѣде въ дворѣ». ^б В Нач. св. «вои славныхъ тысяцю... из града» опущено.

* См. с. 391.

приде ему вѣсть ¹ си: «отѣцъ ти умърлѣ, а братия ти избиена». ^{а 2}
И се слышавъ Ярославъ ^б печальнѣ бысть ³ о дружинѣ и рече: «о,
люба моя дружино, юже вы исѣкохъ вѣчера въ безумии моемъ, нѣ
топърво ми *васъ* златѣмъ окупити». Заутра же събра избытъкъ
5 Новъгородѣцъ и сѣтвори вѣче на поли и рече къ нимъ: ^{в 4} «брат-
ие, отѣцъ мой Володимеръ умърлѣ естъ, ^г а Святопѣлкѣ сѣдитъ
Киевѣ, избивая братию свою; хоцю на нь поити; потягнѣте по
мънѣ». ⁵ И рѣша ему Новъгородѣци: ^д «аще, кѣняже, братия
наша исѣчена суть, можемъ по тобѣ бороти». И събра вои
10 4000: Варягъ бѣшетъ тысяща, а Новъгородѣцъ 3000. ^{е 6} И
пойде на Святопѣлка. Святопѣлкѣ же, то слышавъ, събра бес-
числа мѣножьство вои, ^ж и стаща противу собѣ обаполь Днѣ-
пра, и стояща 3 мѣсяцѣ, не смѣюще ся съступити. И воевода
Святопѣлчъ, именѣмъ Вѣлчии Хвостъ, ѣзда подѣлѣ рѣку, укарати
15 нача Новъгородѣцѣ, ^з глаголя: «почѣто придосте съ хромѣцѣмъ
симъ? ^и а вы плотьници суще, а приставимъ вы хоромъ рубити». ^к
Се слышавъше Новъгородѣци рѣша Ярославу: «яко заутра пере-
веземъся на ня; аще кѣто не поидеть съ нами, сами потѣнемъ».
И нача Днѣпръ мързнути. ^{л *} Святопѣлкѣ же стояше межю

^а «а братия ти избиена» из Ком. ^б «И се слышавъ Ярославъ» из
Ком. ^в «вы исѣкохъ вѣчера... и рече къ нимъ» из Ком. ^г «братие...
умърлѣ естъ» из Ком. и Акад. ^д «хоцю на нь... Новъгородѣци» из Ком.
и Акад. ^е «И събра вои... Новъгородѣцъ 3000» из Ком. ^ж «Святопѣлкѣ
же... мѣножьство вои» из Ком. ^з «не смѣюще... нача Новъгородѣцѣ»
из Ком., Акад. и Синод. ^и Так в Лавр.; в Ком.: тѣмъ. ^к «почѣто придо-
сте... рубити» из Ком. и Синод. ^л «И нача Днѣпръ мързнути» из Синод.

¹ В Нач. св. вставлено: «ис Кыева отъ сестры его Передѣславы». ² В
Нач. св. вместо «а братия ти избиена» — «а Святопѣлкѣ сѣдитъ ти
Киевѣ, убивъ Бориса, а на Глѣба посла, а блюдися его по велику».
³ В Нач. св. прибавлено: «о отци и». ⁴ В Нач. св. вместо «И се слышавъ
Ярославъ ... и рече къ нимъ» — «И се слышавъ, печаленъ бысть о
отци и о дружинѣ; заутра же собравъ избытокъ Новгородецъ, Ярос-
лавъ рече: о, любо моя дружина, юже вѣчера избихъ, а нынѣ быша
надобѣ. Утерлѣ слезъ и рече имъ на вѣчи». ⁵ В Нач. св. «хоцю на нь
поити; потягнѣте по мънѣ» опущено. ⁶ В Нач. св.: «И събра Ярославъ
Варягъ тѣсячу, а прочихъ вои 40 000»; далее приведена молитва Ярослава.

* Отрывок «И пойде на Святопѣлка... Днѣпръ мързнути» пред-
ставляет местами сводную передачу соответствующего текста Древн.
св. (с. 396).

дѣвѣма озерома...^{*} и одолѣ Ярославъ. Святопѣлкѣ же бѣжа въ Ляхы. Ярославъ же сѣде Кыевъ на столѣ отъни и дѣдъни.

Бѣ же ^а тѣгда Ярославъ Новѣгородѣ лѣтъ 28 ¹ и, идя Кыеву, посади Новѣгородѣ Костянтина Добрынича. И родися у Ярослава сынѣ Илия, и посади ѿ Новѣгородѣ; онѣ же умьре.^{6 2} 5

По семь же поиде Болеславъ съ Святопѣлкѣмъ на Ярослава съ Ляхы...^{**} Ярославъ же не утягну испѣлчитися, и побѣди Болеславъ Ярослава. Ярославъ же убѣжа съ 4-ми мужи Новугороду. Болеславъ же вѣниде въ Кыевъ съ Святопѣлкѣмъ.

Ярославу же прибѣгъшу Новугороду, хотяше бѣжати за море, ¹⁰ и посадъникъ Костянтинѣ ³ съ Новѣгородѣци расѣкоша лодиѣ Ярославлѣ, рекуще: «хощемъ ся и еще бити съ Болеславѣмъ и съ Святопѣлкѣмъ». Начаша скотѣ събирати отъ мужа по 4 куны, а отъ старостѣ по 10 гривнѣ, а отъ боярѣ по 18 гривнѣ; и приведоша Варягы и ^в вѣдаша имѣ скотѣ. И съвѣкупи Яро- ¹⁵ славъ воя мѣногы,⁴ и поиде на Святопѣлка.⁵ Святопѣлкѣ же изиде противу его къ Любѣчу и сѣде ту на поли съ мѣножѣ- ствѣмъ вои.^г И бяше Ярославу мужѣ въ приязнѣ у Святопѣлка; и посѣла къ нему Ярославъ ношю отрокѣ свои, рекѣ къ нему: «онѣси, чѣто ты тому велиши творити? меду мало варено, а ²⁰ дружины мѣного». И рече ему мужѣ тѣ: «рыци тако Ярославу: даче меду мало, а дружины мѣного, да къ вечеру вѣдати». И разумѣ Ярославъ, яко въ ношѣ велитѣ сѣщися,^д и тои ноши по- идоша на сѣчу. И рече Ярославъ дружинѣ: «знаменаитеся, по- виваите собѣ убрусы голову». И бысть сѣча зѣла, и до свѣта ²⁵

^а Так в Радз.; в Лавр.: «и бы». ^б «и идя Кыеву... онѣ же умьре» из росписи князей новгородских. ^в Из Радз. ^г «Святополкѣ же изиде... съ мѣножѣствѣмъ вои» из Ком. ^д «И бяше Ярославу мужѣ... велитѣ сѣщи- ся» из Синод.

¹ В Нач. св. дальнейшее до конца известия опущено, но слова «и идя Кыеву» попали в Нач. св. в следующую статью: «В лѣто 6525. Ярославъ иде въ Кыевъ и погорѣ церкви». ² Известие о рождении Ильи в Нач. св. опущено. ³ В Нач. св. прибавлено: «сынѣ Добрынѣ». ⁴ Здесь в Нач. св. вставка из текста Древн. св. ⁵ Дальнейшее до конца статьи в Нач. св. опущено; из него заимствована только фраза «И бѣжа Святополкѣ въ Печенѣгы».

* См. с. 396. ** См. с. 397.

побѣдиша Святопѣлка. И бѣжа Святопѣлкѣ въ Печенѣгы, а Ярославъ иде Кыеву и сѣде на столѣ отъца своего Володимера. И нача воѣ своѣ дѣлити: старостамъ по десяти гривнѣ, а смърдомъ по гривнѣ, а Новѣгородѣцемъ по десяти гривнѣ^а
5 вѣсѣмъ, и отпусти ѣ домови вѣся; ^б и да^в имъ правду и уставъ съписа въ грамоту,^г тако рекъ имъ: «по сеи грамотѣ ходите; якоже съписахъ вамъ, тако же държите».^д *(Затѣмъ следовалъ текстъ не дошедшей до насъ Ярославовой грамоты).**

Начало кнѣзѣния Ярославля Кыевѣ. Въ лѣто
10 6525. Побѣди Ярославъ Брячислава. И иде Ярославъ къ Берестію. И придоша Печенѣзи къ Кыеву, и сѣкошася у Кыева, и едва къ вечеру одолѣ Ярославъ Печенѣгы, и отбѣгоша сътно и до сего днѣ. И заложи Ярославъ великыи градъ Кыевѣ и Златая врата постави и църквѣ святую Софію заложи камяну и уста-
15 ви митрополию и църквѣ многы постави. По семъ нача вѣра хрѣстіяньска простиратися въ Русьстѣ земли.^е **

Костянтинъ же бѣше тѣгда Новѣгородѣ, и разгнѣвася на нѣ Ярославъ, и поточи ѣ Ростову; на третіе лѣто повелѣ убити ѣ Муромѣ на Оцѣ рѣцѣ.^ж ¹

^а Из Ком. и Акад. ^б «и тои ноци поидоша на сѣчу... я домови вѣся» из Синод. ^в Так поправляю; в Ком.: давѣ. ^г Так поправляю; в Ком.: списавѣ, а в Соф. 1-й: «списавѣ грамоту». ^д «и давѣ имъ правду... тако же държите» из Ком., Акад. и Соф. 1-й. ^е «Побѣди Ярославъ Брячислава... простиратися въ Русьстѣ земли» заимствовано из Синод., Соф. 1-й, Новгор. 4-й, Львовской и др. (в частности: «Побѣди Ярославъ Брячислава» из Хронографа, Соф. 1-й и Новгор. 4-й под 6528 г.; «иде Ярославъ къ Берестію» из Синод. под 6525 г.; «придоша Печенѣзи... Ярославъ Печенѣгы» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й; «и отбѣгоша сътно и до сего днѣ» из Новгор. 4-й под 6525 г.; «и заложи... Софію заложи» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й под 6525 г.; «камяну... простиратися въ Русьстѣ земли» из Львовской и Ермолинской под 6525 г.). ^ж «Костянтинъ же бѣше... на Оцѣ рѣцѣ» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й.

¹ В Нач. св. известіе о поточении и убиении Константина опущено.

* Первоначальный текст Новгор. летописи, относящийся к событіям 6522—6525 гг., помещен в Доп. примеч. ** Статья «Начало кнѣзѣния Ярославля Кыевѣ... простиратися въ Русьстѣ земли» представляется сокращениемъ текста Древн. св.

Въ лѣто 6529. Приде Брячиславъ ¹ ис Полотьска на Новѣ-
городъ и взя ^а Новѣгородъ; и поимъ Новѣгородьцѣ и имѣние
ихъ, поиде Полотьску опять. И пришѣдъшю ему къ Судомѣ
рѣцѣ, Ярославъ, слышавъ то и съвѣкупивъ воя многы, ^б ис
Кыева въ седьмыи днь постиже ѥ ту, и побѣди Брячислава, ⁵
и Новѣгородьцѣ вороти Новугороду и полонъ отъ него отъя,
елико бѣше Новѣгородьскыя волости, и посъла я Новугороду, ^в
а Брячиславъ бѣжа Полотьску. И отътолѣ призъва къ собѣ
Брячислава и да ему дѣва града, Вѣсвачь и Витьбѣскъ, и
рече ему: «буди же съ мною единъ». * И воеваше Брячиславъ ¹⁰
съ Ярославѣмъ всѣ дни живота своего. ^г ²

Въ лѣто 6532. Ярославу сущю Новѣгородѣ, вѣсташа вѣлсви
лѣживи ^д Суждали и избиваху старую чадъ, по дияволю наущен-
ию и бѣсованию, глаголюще, яко си дѣржать гобино и жито,
и голодъ пушаютъ. ^е И ^ж бѣ мятежъ великъ и гладъ по вѣсеи ¹⁵
той странѣ, яко мужю своя жена даяти, да ю кѣрмятъ собѣ,
челядинѣмъ. ^з Идоша по Вѣлзѣ вѣси людие въ Бѣлгары, и при-
везоша пшеницю и жито, ^и и тако ожиша. Слышавъ же Яро-
славъ вѣлхвы, приде Суждалю; изимавъ вѣлхвы, расточи, и
домы ихъ разграби ^к и другими казнѣми ^л показни. И устави ²⁰
ту землю, ^м рекъ сице: «Богъ наводитъ по грѣхомъ на куюждо
землю гладъ или моръ, ли ведръ, ли иною казнию, а

^а «ис Полотьска... и взя» из Соф. 1-й. ^б «слышавъ то... воя мно-
гы» из Соф. 1-й. ^в «и полонъ отъ него отъя... посъла я Новугороду»
из Соф. 1-й и Новгор. 4-й. ^г «И отътолѣ призъва... всѣ дни живота
своего» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й. ^д Из Соф. 1-й и Новгор. 4-й. ^е «и
жито и голодъ пушаютъ» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й. ^ж Из Соф. 1-й и
Новгор. 4-й. ^з «яко мужю... челядинѣмъ» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й (в
последней именно: «да ю кормятъ собѣ челядиномъ»). ^и «пшеницю
и жито» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й. ^к «и дома ихъ разграби» из Соф.
1-й и Новгор. 4-й. ^л Вставлено по смыслу. ^м «И устави ту землю» из
Соф. 1-й и Новгор. 4-й.

¹ В Нач. св. прибавлено «сынъ Изяславъ, внукъ Володимеръ».
² Предыдущая статья вошла в Нач. св., но опущены слова «и полонъ
отъ него отъя, елико бѣше Новѣгородьскыя волости, и посъла я Но-
вугороду» и конец от слов «И отътолѣ призъва къ собѣ Брячислава».

* Следующие слова вставлены редактором Древнего Новгор. св.,
см. § 282.

чловѣкъ не вѣсть ничѣтоже; Христосъ Богъ единъ *вѣсть* на небеси». ^а И възвративъся Ярославъ приде Новугороду. ¹

И посъла за море по Якуна, по Варяжскаго кнѣзя. ^б И приде къ Ярославу. И поиде ^в Ярославъ на Мѣстислава Чѣрнигову. ^г Мѣстиславъ же изиде ^д противу на сѣчу ^е къ Листвѣну, и ту ся сѣрѣтоша. И бяше осень; ^ж и бывѣши нощи рябиной, бысть тѣма, и громъ шибаше и мѣлния и дѣждь. И рече Мѣстиславъ дружинѣ своей: «поидѣмъ на ня, то ны естъ корысть». ^з И бѣ гроза велика и сѣча сильна и страшна:
10 елико же мѣлния освѣщаше, толико меча видяху, и тако другъ друга убиваше. ^и И тако побѣди Мѣстиславъ Ярослава и Якуна, ^к *кнѣзя Варяжскаго*. ^л Ярославъ же приде Новугороду, а Якунъ иде за море и тамо умьре. ^м ²

Въ лѣто 6538. Иде Ярославъ на Чюдъ и побѣди я и по-
15 стави градъ Юриевъ. ³ И приде Новугороду. ^{*} И събра отъ старость и поповъ дѣтии 300 учить кнѣигамъ. И преставися

^а «Христосъ Богъ... на небеси» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й (но вмес-
то «вѣсть» — «есть»). ^б «по Якуна... кнѣзя» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й.
^в «И поиде» из Соф. 1-й; в Лавр.: «иде». ^г Из Соф. 1-й и Новгор. 4-й.
^д Из Соф. 1-й и Новгор. 4-й. ^е «на сѣчу» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й.
^ж «и ту ся сѣрѣтоша. И бяше осень» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й (где:
«и бяше осень, и ту ся сѣрѣтоша»). ^з «и бывѣши нощи... то ны естъ
корысть» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й (в последней именно: «дружинѣ
своей»). ^и «елико же мѣлния... убиваше» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й (в
последней именно: «освѣщаше», «убиваше»). ^к «И тако побѣди... и
Якуна» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й. ^л Вставлено по смыслу; ср. в Лавр.:
«побѣже съ Якуномъ, княземъ Варяжскимъ». ^м «и тамо умьре» из
Соф. 1-й и Новгор. 4-й.

¹ Предыдущая статья вошла в Нач св., но в нем после «яко си
держать гобино» опущено «и жито и голодъ пушаютъ»; далее опущены
слова «яко мужю своя жена дати, да ю кърмѣть собѣ, челядинѣмъ»;
вместо «и дома ихъ разграби и другими казнѣми показни» — «а дру-
гими показни»; опущено «И устави ту землю»; опущено «Христосъ
Богъ единъ вѣсть на небеси». ² В Нач. св. статья о походе Ярослава
на Мстислава и о Лиственской битвѣ соединена с соответствующею
статьей Древн. св. ³ Предыдущее известие вошло в Нач. св.

^{*} Следующая фраза принадлежит самому составителю Древнего
Новгор. св. (§ 281).

епископъ Іоакимъ;* и бяше ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше.^{а 1}

Въ лѣто 6540. Улѣбъ иде из Новагорода на Желѣзная врата, и опять мало ихъ приде.^{б 2}

Въ лѣто 6544. Ярославъ посади сына своего Володимера 5 Новѣгородѣ и епископа постави Жидяту,³ и людѣмъ написа грамоту, рекъ: «по сеи грамотѣ дадите дань».^в (*Затем следовал текст не дошедшей до нас Ярославовой грамоты*). Съ Ярославъ, аще и^г хромоногъ есть,^г нъ умѣмъ съвършенъ и храбръ на рати и хръстіянь, *почитая*^д самъ кънигы.^е И 10 иде Ярославъ веснѣ Кыеву, а на зиму ходи на Ятвягы, и не можаху ихъ взяти.^{ж 4}

Въ лѣто 6548. Ярославъ иде на Литву;⁵ а Володимеръ³ на весну заложити Новѣгородъ.^и

Въ лѣто 6649. Иде Ярославъ на Мазовѣшаны въ ло- 15 дияхъ.⁶

Въ лѣто 6550.^к Паки на весну^л иде Володимеръ на

^а «И приде Новугороду... иже ны учаше» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й. ^б «Улѣбъ иде из Новагорода... приде» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й (в последней именно: «иде»). ^в «и людѣмъ... дадите дань» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й. ^г Вставлено предположительно; в Соф. 1-й и Новгор. 4-й вместо этого: «И бяше» («Бяше же»). ^д Поправлено предположительно, вместо «чтяше» Соф. 1-й и Новгор. 4-й; ср. «почитая» в статье 6545 г. в Древн. св. ^е «хромоногъ, нъ умѣмъ съвършенъ... почитая самъ кънигы» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й. ^ж «иде Ярославъ... не можаху ихъ възяти» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й (в последней именно: «а на зиму» под 6546 г.). ^з Вставлено предположительно. ^и «а на весну заложити Новѣгородъ» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й (под 6552 г.). ^к Так поправляю, ввиду того что следующее известие о походе на емь отнесено в Нач. св. к 6550 г. ^л «Паки на весну» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й.

¹ Слова «И приде Новугороду... иже ны учаше» не вошли в Нач. св.

² Предыдущая статья не вошла в Нач. св. ³ В Нач. св. заимствовано только до сих пор, а дальше опущено. ⁴ Известие о походе на ятвягов помещено в Нач. св. ниже, под 6546 г., в сокращении: «Ярославъ иде на Ятвягы». ⁵ Это известие есть в Нач. св., а дальнейшее опущено.

⁶ Это известие есть в Нач. св.

* Следующая фраза принадлежит составителю Древн. св. (§ 281).

Грькы ^а съ ^б Варягы и съ Русию, ^в и поидоша ^г въ лодияхъ. И
прошьдъше пороги, придоша въ Дунаи. Рѣша Русь Володимеру:
«станѣмъ съдѣ на поли»; а Варязи рѣша: «поидѣмъ въ лодияхъ
подъ городъ». И послуша Володимеръ Варягъ, и отъ Дуная
5 поиде Володимеръ къ Цѣсарюграду съ вои по морю. Грьци же,
видѣвъше, изидоша на море и начаша погружати пелены Хри-
стовы въ море съ мощьми святыхъ; и Божиимъ гнѣвъмъ възму-
тися море, и громъ бысть великъ и сильнъ, и бысть буря ве-
лика, и начаша ся лодия разбивати; и побѣгоша Варязи
10 въспять; ^д прочии же вои Володимери сташа на брежѣ назѣ ^е и
рѣша: «не идемъ отъсюду». ^ж Видѣвъ же ^з се ^з Володимеръ съ
дружиною възвратися въ Русь. ¹ Тоѣ же осени ^и иде Володи-
меръ ² на Ёмъ и, побѣдивъ я, плѣни мнѡжъство Ёми; ^к и помъ-
роша кони у вои Володимеръ; яко и еще дышющемъ конемъ,
15 съдираху хъзы съ нихъ; толикъ бо бѣ моръ въ конихъ. ³

Въ лѣто 6552. Володимеръ ^л съдѣла *городъ Новъгородъ*. ^м ⁴

^а «Иде Володимеръ на Грькы» из Синод. ^б Вставлено по смыслу (ср. сл. примеч.). ^в Из Соф. 1-й и Новгор. 4-й (где, однако, «давъ ему воя многи, Варягы, Русь»; но в списках Новгор. 4-й: «давъ ему воя многи, Варягъ с Русью»). ^г Так поправляю, ввиду последующего, вместо «поиде Володимеръ». ^д «И прошьдъше пороги, придоша... и побѣгоша Варязи въспять» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й (в последней именно: «в Дунаи», «по морю»). ^е «сташа на брежѣ назѣ» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й. ^ж «и рѣша: не идемъ отъсюду» вставлено предположительно вместо «и рече: не иду къ Ярославу», как ниже в Соф. 1-й и Новгор. 4-й. ^з Вставлено по смыслу. ^и «Тоѣ же осени» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й, где эти слова отнесены к другому событию (заимствованному из Жития Антония, см. § 191¹⁸); ср. списки К. и О. Соф. 1-й и Новгор. 4-ю летопись, где поход на емъ читается, как и поход Владимира на греков, в статье 6551 г. ^к «плѣни... Ёми» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й. ^л Из Ком. ^м Так исправлено вместо другого известия, перенесенного в своде 1448 г. (Соф. 1-й, Новгор. 4-й и Ком.) под 6552 г. из статьи 6548 г.

¹ Отдельные фразы из предыдущего рассказа о походе Владимира на греков вошли в Нач. св. в текст, заимствованный из Древн. св. ² В Нач. св. прибавлено «сынъ Ярославль». ³ Это известие в некотором сокращении вошло в Нач. св., но отнесено к 6550 г. ⁴ Предыдущего известия нет в Нач. св.

Въ се же лѣто умре Брячиславъ,¹ и Всеславъ, сынъ его, сѣде на столѣ отьца своего.^а

* Сего^б же роди матери отъ вълхования; матери бо родивъши его, бысть ему язва^в на главѣ его; рекоша же^г вълсви матери его: «се язвѣно навязи на нь, да носить ѣ до живота своего»; еже носить Все-⁵славъ и до сего дѣне на собѣ; сего ради немилостивъ есть на крѣвопролитие.²

Въ лѣто 6553. Заложил Володимеръ святую Софию камяну^д Новѣгородѣ.³ 10

Въ лѣто 6557. Съгорѣ святая София въ субботу по заутрѣнии, въ часъ 3, мѣсяца марта въ 4 дѣнь; бѣше же чѣстью устроена и украшена, имущи върхъ 13, а стояла^е 60 лѣтъ.^ж⁴

Въ лѣто 6558. Священа бысть святая София на Въздвижение чѣстнаго крѣста, повелѣниемъ кѣнязя Ярослава и сына¹⁵ его Володимера и епископа Луки.^з⁵

** Въ се же лѣто^и преставился кѣнягыни Ярославля февралѣ въ 10 дѣнь.^к⁶

^а «отьца своего» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й; в Лавр.: его. ^б Так в Соф. 1-й и Новгор. 4-й; в Лавр.: его. ^в Из Ипат.; в Лавр.: язвѣно. ^г Так в Ипат.; в Лавр. и Новгор. 4-й: бо. ^д Из Хронографа. ^е «Съгорѣ святая София... а стояла» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й; порядок слов из Синод. сп.; оттуда же слова: «въ субботу по заутрѣнии, въ часъ 3». ^ж «60 лѣтъ» вставлено предположительно из соответствующего известия Новгородского летописца церквам Божиим и Летописца новгородских владык. ^з «Священа бысть... и епископа Луки» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й (в последней именно: «и сына его Володимера и архиепископа Луки»). ^и Так поправляю; в Соф. 1-й: «Того же лѣта». ^к «февралѣ въ 10 дѣнь» из свода 1448 г. (Соф. 1-й) и Ипат.

¹ В Нач. св. прибавлено: «внукъ Володимеръ, отецъ Всеславль». ² Все известие о смерти Брячислава и о Всеславе вошло в Нач. св. ³ Это известие вошло в состав Нач. св. ⁴ Предыдущее известие не вошло в состав Нач. св. ⁵ То же. ⁶ Это известие с пропуском слов «февралѣ въ 10 дѣнь» вошло в Нач. св.

* Следующая статья представляется позднейшею вставкою (см. § 290). ** Следующие два известия приписаны к Древнему Новгор. св. в 1052 г. (см. § 290, с. 348).

Въ лѣто 6560. Преставися Володимеръ мѣсяца
октября въ 4 днь въ недѣлю^а и положенъ бысть
въ святѣи Софии, юже бѣ самъ създалъ.¹

5 * Въ лѣто 6562. Преставися Ярославъ, и пла-
кашася по немъ людие. Изяславу тѣгда сущю² Новъ-
городъ,^б иде^в Киеву^г и посади Остромира Новъ-
городъ.^д³

10 Въ лѣто 6563. Клевета бысть на епископа Луку
отъ своего холопа Дудикы, и изиде из Новгорода,
и иде Киеву, и осуди ѿ митрополитъ Ефремъ на
Козму и Дамияна,^е и пребысть тамо три лѣта.^ж⁴

15 Въ лѣто 6566. Епископъ Лука прия столъ свои Но-
вгородъ и свою власть; Дудицъ же холопу оско-
мины биша, урѣзаша ему носа и руцъ обѣ усь-
коша, и събѣжа въ Нѣмцѣ.^з⁵

Поучение епископа Луки къ братии.
«Се, братие, пѣрвѣе всего сию заповѣдь извѣстно
дѣлжнии есмъ вси крѣстьяне дѣржати... Богъ же
мира съ всѣми вами, аминь».^и⁶

^а «мѣсяца октября... въ недѣлю» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й. ^б «Новгородъ» из части списков Соф. 1-й. ^в Так поправляю вместо «прииде» (см. сл. примеч.). ^г «Киеву» из списков К. и О. Соф. 1-й (где: «и прииде Изяславъ къ Киеву городу»). ^д «и посади Остромира Новгородъ» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й. ^е «Козму и Дамияна» из Никон. (см. § 184). ^ж «Клевета бысть... тамо три лѣта» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й. ^з «Епископъ Лука... събѣжа въ Нѣмцѣ» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й (а именно в Новгор. 4-й: «столъ»; ниже: «оскомины биша, урѣзаша ему носа и руцъ обѣ уськоша, и събѣжа в Нѣмцѣ»). ^и «Поучение епископа Луки... съ всѣми вами, аминь» из Новгор. 4-й.

¹ Это известие с пропуском слов «октября въ 4 днь въ недѣлю» вошло в Нач. св.; после «Володимеръ» прибавлено: «сынъ Ярославль старѣй Новгородъ». ² Слова «и плакашася по немъ людие», «Изяславу тѣгда сущю» вошли в состав соответствующей статьи Нач. св. ³ Предыдущее известие не вошло в состав Нач. св. ⁴ То же. ⁵ То же. ⁶ Поучение Луки не вошло в состав Нач. св.

* Следующие известия приписаны к Древнему Новгор. св. в 1060 г. (см. § 292).

Въ лѣто 6568. Преставися епископъ Лука, ида
ис Кыева, на Копысѣ, мѣсяца октября 15; того же
мѣсяца гробу преданъ бысть своимъ клиросѣмъ, бывшю
ему епископѣмъ лѣтъ 23.^а *Въ се же лѣто*^б иде
Остромиръ на Чюдъ съ Новѣгородѣци, и убиша ѿ 5
Чюдъ, и мѣного паде Новѣгородѣцъ съ нимъ.^в И
приде Изяславъ Новугороду.^г И паки Изяславъ иде
на Чюдъ и взя оуѣкъ Кедипивъ, сирѣчь Сълнѣча
рука.^д *И иде Кыеву*,^е а ж Новѣгородѣ посади сына
своего Мѣстислава.^з ¹ 10

* Въ лѣто 6569. Поставленъ бысть Новугороду
епископъ Стефанъ.^и ²

Въ лѣто 6571. Иде Вѣлховъ въспять дѣнии пять;
се же знамение не на^к добро бысть, на 4-е бо лѣто
пожѣже Вѣсеславъ градъ.³ 15

Въ лѣто 6573. Вѣсеславъ рать почаль,⁴ и по-
бѣди Мѣстислава на Чересѣ.^л ⁵

Въ лѣто 6574. Приде Вѣсеславъ и взя Новѣ-

^а «Преставися епископъ Лука... епископѣмъ лѣтъ 23» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й. ^б Вставлено по смыслу. ^в «иде Остромиръ на Чюдъ... Новѣгородѣцъ съ нимъ» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й (из последней взято размещение слов) (под 6562 г.). ^г «И приде Изяславъ Новугороду» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й (под тем же 6562 г., но выше). ^д «И паки Изяславъ иде... Сълнѣча рука» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й (в последней именно: «Кедипивъ») (под 6562 г.). ^е Вставлено по смыслу. ^ж То же. ^з «Новѣгородѣ посади сына своего Мѣстислава» из перечня князей новгородских. ^и «Поставленъ... Стефанъ» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й. ^к Из Хлебн. ^л «и побѣди Мѣстислава на Чересѣ» из перечня князей новгородских (где, впрочем: «побѣдиша на Черехи»).

¹ Ни одно из известий этого года не вошло в состав Нач. св. ² Предыдущее известие не вошло в состав Нач. св. ³ Это известие вошло в Нач. св.; в начале его прибавлено: «В се же лѣто Новѣгородѣ». ⁴ Эти слова вошли в Нач. св. ⁵ Это известие не вошло в Нач. св.

* Следующие известия приписаны к Древнему Новгор. св. в 1069 г. (см. § 293).

городъ, съ женами и съ дѣтьми,^а и до Неревьскаго
коньца пожъже;^б и колоколы сѣма у святыя Софиѣ.
О, велика бѣда въ часъ тыи! и поникадила
сѣма,^в и отѣиде.^г¹ Мьстиславъ же^д бѣжа Киеву.
5 Святославъ же^е посади *Новѣгородѣ* ж сына своего
Глѣба.^з² И иде владыка Стефанъ Киеву, и тамо
свои холопи удавиша ѱ.^и³

Въ лѣто 6577. Осень, мѣсяца октября въ 23,
на святого Іакова, брата Господня, въ пятницу,
10 въ часъ 6 дѣне, опять приде Вьсеславъ съ *Во-
жаны*^к къ Новугороду; Новѣгородьци же поставиша
пѣлкъ противу ихъ, у Звѣриньца, на Къземли; и по-
соби Богъ Глѣбу князю съ Новѣгородьци. О, ве-
лика бѣше сѣча Вожаномъ! и паде ихъ бещисльное
15 число; а самого князя отпустиша Бога дѣля. А на
заутрие^л обрѣте епископъ Ѳедоръ^м крѣсть чѣстными
Володимеръ въ святѣи Софии^н на полатѣхъ, егоже
възялъ бѣ Вьсеславъ князь ратию у святыя Софиѣ.^о⁴

* Въ лѣто 6585. Преставися епископъ Ѳедоръ,^п
20 уядень отъ своего пѣса, бывъ на епископии 9 лѣтъ.^р⁵

^а «Въ лѣто 6574. Приде... съ женами и съ дѣтьми» из Синод. ^б «и до Неревьскаго коньца пожъже» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й. ^в «и колоколы... сѣма» из Синод. ^г «и отѣиде» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й. ^д Вставлено по смыслу. ^е То же. ^ж То же. ^з «Мьстиславъ же бѣжа... сына своего Глѣба» из перечня новгородских князей. ^и «И иде владыка... удавиша ѱ» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й (в последней именно: «ѱ»). ^к Вставлено ввиду последующего. ^л «Осень, мѣсяца октября... А на заутрие» из Синод. ^м «обрѣте епископъ Ѳедоръ», так поправляю вместо «обрѣтется» Синод., Соф. 1-й и Новгор. 4-й; ср. в Синод. ниже: «при епископѣ Федоре». ^н «крѣсть чѣстными Софии» из Синод. ^о «на полатѣхъ... у святыя Софиѣ» из Соф. 1-й, Новгор. 4-й и Синод. ^п «Преставися епископъ Ѳедоръ» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й. ^р «уядень отъ своего пѣса... 9 лѣтъ» из Тверск. сб. и из росписи новгородских владык (§ 190).

¹ Из этого известия в Нач. св. заимствованы (под 6575 г.) только слова: «зая Новѣгородѣ». ² Предыдущее известие не вошло в состав Нач. св. ³ То же. ⁴ Ничего из предыдущей статьи не вошло в Нач. св. ⁵ Предыдущее известие не вошло в Нач. св.

* Следующие известия приписаны к Древнему Новгор. св. в 1079 г. (см. § 293).

Въ лѣто 6586. Поставленъ бысть епископъ Новгороду Германъ.^{а 1}

Въ лѣто 6587. Выгнаша из города князя Глѣба, и бѣжа за Волокъ, и убиша ѿ Чюдъ^б мѣсяца маия въ 30.^{в 2}

^а «Поставленъ... Германъ» из Соф. 1-й и Новгор. 4-й. ^б «Выгнаша из города... и убиша ѿ Чюдъ» из перечня князей новгородских. ^в «мѣсяца маия въ 30» из Синод., Соф. 1-й и Новгор. 4-й.

¹ Предыдущее известие не вошло в Нач. св. ² То же.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ

С. 359, стрк. 1 и сл. Текст статьи основывается на Лавр.; заимствования из других списков оговорены. Об основании Киева см. § 261. Стрк. 8. Быть может, предпочтительнее чтение «Кыевъ Поляне» (Троицк. сп. Новгор. 1-й), ср. замену «суть» через «есть» в Лавр. и чтение «Кыевъ» вместо «Киевъ» в Радз., Хлебн.; в Толст.: «нынѣ Поляне». Стрк. 10 и сл. Текст статьи о дани козарской основывается на Лавр. О происхождении статьи см. § 235. Возможно, что «По сихъ же лѣтъхъ» явилось уже только в Нач. св., а первоначально читалось: «По семь же». О словах «братия си изгыбоша» см. § 206³.

С. 360, стрк. 3—7. Даю решительно предпочтение чтениям Ком. сп., где козары относят дань князю и где затем происходит совещание князя со старейшинами; в Лавр. и др. козары совещаются одновременно и с князем, и со старейшинами, вследствие чего неясно, почему старейшины противопоставляются князю ниже, где они высказывают ему свое мнение; в Архангелогор.: «князь же съде съ бояры своими, и рече имъ». Стрк. 5. В Моск.-Акад. и Переясл.: «въ лѣсехъ на горахъ», но остаюсь при чтении «въ лѣсъ» ввиду Лавр., Ипат., Ком. Стрк. 10. В Ком. вместо «обоюду» — «обоямо», но остаюсь при чтении Лавр. и Ипат.; в Архангелогор. тоже «обоюду». Стрк. 12. Поправляю «рекоша» Лавр. на «рекышемъ» не только ввиду чтения Ком. сп. («рекше»), но и ввиду того, что на стрк. 7 и 14 «рѣша», не «рекоша». Стрк. 14. «старѣйшина Фараоня»: так читается в Лавр., между тем в Ком. «рѣша старѣйшины Фараоня», что, может быть, лучше, так как в старинном языке слово «старейшина» не имело собирательного значения; поправку «старьци» Ипат., Моск.-Акад., Соф. 1-й следует признать, по-видимому, позднейшею, но не читалось ли первоначально «старьци» на стрк. 3? Ср. «старьци Козарьстии» на стрк. 7. Стрк. 15. В Хлебн. «смѣрити», но в древнем тексте могло быть и «съмирити». Стрк. 19. В Ком. «князи Рускыи»; быть может, такой порядок предпочтительнее. Стрк. 21—22. Текст статьи основывается на Лавр. О словах «И по сихъ братии» см. § 206³.

С. 361, стрк. 1 и сл. Текст статьи о завладении варягами северных племен основывается на Ком.; см. § 195—203, 266. Стрк. 1. Замена слов «Въ си же времена» словами «Въ времена же Кыя и Щека и Хорива» в Нач. св. вызвана тем, что «Въ си же времена» читается в нем выше, перед заимствованием из Хронографа. Стрк. 2. Отвергаю чтение «по бѣлъ и вѣверици» (в Троицк. сп. Новгор. 1-й: «по бѣлки и вѣверици»); по-видимому, веверица — южное название для северной белки; в Архангелогор. «по бѣлъ векшицъ». Стрк. 4. Вопреки сказанному в § 200, 200¹ и 201 я дополнил слова «и отъ тѣхъ Варягъ прозвѣвашася Варягы» вставкой

не перед ними (слов «Словѣне же съдяху Новѣгородъ»), а вставкою «Новѣгородъци» после «прозъвашася». Чтение «Варягы» доказывается в § 199 и 201; «прежде бо бѣша Словѣне» см. § 200¹. *Стрк. 5 и сл.* Текст статьи о завладении Олегом Киева основывается на Ком. См. § 205¹–206⁴, 261. Чтение «у нихъ кѣнязь» см. § 206. *Стрк. 7–8.* «поидоша»: так в Ком., а в Толст. уже поправлено на «поидоста». *Стрк. 11.* Можно было бы ждать «излѣзе», но согласование по смыслу вполне понятно; ср. в Лавр. и др. под 6526 г. «и посадникъ Коснятинъ, сынъ Добрынь, съ Новгородъци расъкоша лодѣ Ярославлѣ»; под 6576 г.: «Изяславъ же, се видѣвъ, со Всеволодомъ побѣгоста». *Стрк. 12.* Ср. чтение Троицк. сп. Новгород. 1-й: «подъ угорьскими творящеся гостѣми».

С. 362, стрк. 2. Чтению «я», быть может, соответствует «и» Толст. сп.: «и погребоша ѿ, Асколда на горѣ...» *Стрк. 2–5.* Текст статьи о вокняжении Олега в Киеве основывается на Ком. Ср. § 201, 206⁵, 206⁷, 206⁹, 267, 268¹. *Стрк. 3.* Быть может, лучше: «съ же Ольгъ» (ср. в Троицк. сп. Новгород. 1-й: «се же Игоръ»). *Стрк. 6 и сл.* Текст статьи о походе Олега на Царьград основывается на Ком. Ср. § 207–209, 255, 261. Слова «По сихъ же» см. в Толст. (в Ком.: «По сихъ же паки временехъ») выше, в конце статьи 6362 г. *Стрк. 8.* В Ипат. «повель воемъ»; может быть, так и следует читать. *Стрк. 9.* Быть может, лучше: «много убийства». *Стрк. 13.* В Ком.: «убояшася Греци», но, кажется, порядок Радз. и Ипат. первоначальнее. *Стрк. 17.* О сравнении Олега со св. Димитрием см. § 255. *Стрк. 18.* В Ком.: «на 100, 200 корабль», в ПВЛ: «на 2000 корабль».

С. 363, стрк. 7 и сл. Текст статьи об Игорево м княжении основывается на Ком. Ср. § 70, 70¹ и сл., в особенности же § 70³; также § 219³–219¹⁰, 226, 261. *Стрк. 10.* Даю чтение «Свѣнелдъ», основываясь на Лавр.: Свенелдъ под 6453 и 6454 гг.; чтение Свеналдъ попало в ПВЛ из текста Святославова договора, откуда оно перенесено и в статьи 6480, 6483 гг., ср. в Радз. еще под 6479 и 6485 гг. *Стрк. 12.* Вместо «сѣде» не лучше ли «сѣдѣ» или «сѣдѣше», как в Ком.?

С. 364, стрк. 3–5. Относительно первоначального рассказа об убийнии Игоря см. § 219⁶ и 219⁷. *Стрк. 6.* Отсюда весь дальнейший текст основывается на Лавр. *Стрк. 7.* Быть может, в Древн. св. о погребении Игоря читалось: «о погребенъ бысть Игоръ на мѣстѣ у града Искоростѣня, и есть могила его у Искоростѣня града въ Деревѣхъ и до сего дѣне»; ср. сообщение о погребении Олега Святославица у города Вручаго (6485 г.). *Стрк. 9 и сл.* О вокняжении Святослава и походе на древлян см. § 72, 73, 261. В Ком. заглавие ниже, перед рассказом о походе на древлян; то же заглавие читается там же в Радз., Ипат., Лавр., но в последней оно искажено. *Стрк. 10.* Может быть, лучше: «а кѣрмильць его и воевода»; об этих словах см. § 219⁸. *Стрк. 11.* При «Асмудѣ» находим и «Асмолдъ» (Лавр. 6454 г.), древнесканд.: Asmundr. *Стрк. 15.* В Радз. «въ ногу»; можно ждать действительно или «въ ногу», или «въ нозѣ». *Стрк. 16.* После «побѣдиша Древляны» в ПВЛ вставка (см. § 13); держусь чтения Ком. и Акад. сп., ведущих к Нач. св. *Стрк. 19.* Быть может, лучше для древнего текста «Ольжинъ». *Стрк. 20.* Об уставлении Ольгой земли см. § 73, 116, 255, 266. Под всей землей разумеется Деревская, а отсюда следует, что составитель Древн. св. относил к этой земле и Подесенье.

С. 365, стрк. 3. Вместо «и доселѣ» в Ипат., Хлебн. и Соф. 1-й «и до сего дни». *Стрк. 4 и сл.* О крещении Ольги см. § 74, 74¹, 79 и 256. *Стрк. 9.* Во всех списках, кроме Лавр., вместо «хотѣть» читаем «имуть». Ниже в Радз., Ипат., Хлебн. «и въ послѣдний родъ», что, быть может, лучше. *Стрк. 13.* В Ипат., Ком., Соф. 1-й «учению», что, может быть, лучше, чем «учения» (Лавр. и Радз.). *Стрк. 17.* Возможно, что слова «нарекъ ю дѣщерію собѣ», относящиеся в Нач. св. и ПВЛ к царю, должны быть совсем опущены из текста Древн. св. *Стрк. 19.* Не совсем удовлетворительно чтение: «людие мои погани и сынъ мои»; Ком. прибавляет для ясности: «такъ же поганъ бѣ». Кроме того, отмечу, что первое обращение Ольги к патриарху — «Молитвами твоими, владыко, да сохранена буду отъ сѣти неприязньны» — весьма сходно по содержанию со вторым обращением: «Людие мои погани и сынъ мои, да бы мя Богъ съблюлъ отъ всякого зѣла». Нельзя ли думать, что в первоначальном тексте, источнике Древн. св. (для этой статьи), читалось: «Она же, поклонивши главу, стояше, акы губа

напаяема, внимаючи учения. Бъ же наречено имя еи въ крщении Елена, якоже и древняя цѣсарица, мати великаго Костянтина. Она же, хотящи домови, приде къ патриарху, благословения просящи на домъ; и рече ему: „Молитвами твоими, владыко, да съхранена буду отъ сѣти непрязньны; людие мои погани суть, да бы мя Богъ съблюлъ отъ всякого зѣла”. И рече еи патриархъ: „Чадо вѣрное... и отъ сѣтии его”. Благослови ю патриархъ, и иде съ мирѣмъ въ свою землю». Отчего произошли в Древн. св. соответствующие перестановки, неясно. *Стрк. 20.* Быть может, «еи» после «рече» лишнее; его нет ни в Лавр., ни в Ипат., ни в сходных с ними. *Стрк. 27.* В Нач. св. и ПВЛ «Се же бысть» относится к последующему «яко и при Соломонѣ», но сравнение Ольги с царицей южскою представляется мне вставкой, ср. § 74¹.

С. 366, стрк. 1 и сл. См. об этой статье § 114². *Стрк. 2.* В Ипат. и Соф. 1-й так и читается: «ни въ оуши внимаше», но дальше вставка; ср. ниже: «онъ же не внимаше того, глаголя». *Стрк. 3.* В Соф. 1-й «внимаше». *Стрк. 5.* В Соф. 1-й: «не браняху, но ругахуся». *Стрк. 5—6.* Текст 1 Коринф. I, 18 сильно переделан; вот как он читается: «Слово бо крестное погибающимъ оубо оуродство есть, а спасаемымъ намъ сила Божія есть». Ср. в Слове о законе и благодати: «и еже инѣмъ уродство мнится, тобѣ сила намѣнится» (ср. § 227¹). *Стрк. 7.* Вместо «ходящий» можно ждать в тексте псалма «ходить». *Стрк. 8.* Быть может, «сътворити» лучше, чем «творити». *Стрк. 11—12.* Текст Лев. XX, 9: «иже аще зло речетъ отцу своему или матери своей, смертію да оумретъ». *Стрк. 13.* В Радз., Ипат., Соф. 1-й «въсхоцетъ» вместо «хоцетъ». *Стрк. 16.* Быть может, лучше «моляшеться», как в Троицк. сп. Новгород. 1-й. Во многих списках «по вся дни и по вся нощи», что, может быть, лучше. *Стрк. 18 и сл.* О характеристике Святослава см. § 88 и 255. Род. мн. «вои многъ и храбръ» зависит от «свьѣкупляти»; опущение в Лавр. слов «бѣ бо самъ храбръ» объясняется тем, что перед ними стояло в оригинале Лавр. именно «храбръ», а не «храбры». *Стрк. 19.* Чтение «льгъкъ» ср. с эпитетом Святослава «легкий» (например, в Погод. № 1570, Толст. № 189); в Лавр. и др. после «льгъкъ», которое изменено в Лавр. в «легко», вставлено «ходя»; думаю, что поправка эта, сначала занесенная на поля, повлияла и на вставку слова «ходя» ниже, после «творяше», поэтому исключаю «ходя» в обоих случаях; в Троицк. сп. Новгород. 1-й изменено в стрк. 20: «творя ходяше».

С. 367, стрк. 1. Я понимаю «грядину» в значении «яко грядину» или «грядиною», т. е. в грубом виде; в Троицк. сп. Новгород. 1-й: «или грядину»; в характеристике Святослава указано именно, что он питался кониной и звериной, поэтому чтение «говядину» вместо «грядину» надо признать позднейшим. *Стрк. 5 и сл.* О походе Святослава на козар см. § 80, 234 и 261. Вставка «на Козары» оправдывается дальнейшим: «Иде Святославъ на Козары» (см. с. 367, примеч. 2). *Стрк. 7.* Чтение «данъ даемъ» вместо «даемъ» ср. с «да даемъ» Моск.-Акад., но, кажется, лучше: «Козаромъ данъ по шѣлягу отъ рала даемъ»; ср. в Ком.: «Козаромъ данъ даемъ по шѣлягу отъ рала». *Стрк. 10.* В Лавр. «градъ ихъ и Бѣлу Вежю взя», что вряд ли можно объяснить иначе, как ошибкой. Пишу «вежа» с «е», а не «ѣ», ср. соответствующее словенское слово, указывающее на «е». *Стрк. 11.* Неясно, как лучше: «на нихъ» (Лавр., Ком., Ипат.) или «на ня» (Хлебн.); в Троицк. сп. Новгород. 1-й: «на нь». Быть может, раньше читалось: «и данъ на нихъ имаше». Чтение «приведе», стрк. 10, находит себе соответствие и в Ипат. «приде»; в Архангелогор.: «и прииде въ Кіевъ». *Стрк. 12 и сл.* О походе на болгар см. § 81, 82 и 255. *Стрк. 16 и сл.* О нападении печенегов на Киев см. § 84, 85 и 261. *Стрк. 17—18.* Быть может, слова «съ вьнуки своими, Яропѣлькъмъ и Ольгѣмъ и Володимерѣмъ» вставлены в Нач. св., а в Древн. св. читалось: «Ольга въ градѣ Кіевѣ», ср. в Лавр. и Ком.: «Ольга въ градѣ съ вьнуки своими... въ градѣ Кіевѣ». *Стрк. 19.* Быть может, после «оступиша» следует вставить, как в Ипат., Радз., Соф. 1-й, Ком.: «Печенѣзи». *Стрк. 23.* Быть может, не «поидеши», а «придеши», как в Ипат., Соф. 1-й и Ком.

С. 368, стрк. 4. Вместо «сѣжались», быть может, «сѣжались», как в Ипат., Соф. 1-й, Радз., Переясл. *Стрк. 5.* Род. пад. «вои» в зависимости от «сѣбъра». *Стрк. 6.* Ср. в Ком. и Моск.-Акад.: «Въ лѣто 6477. И рече Святославъ». *Стрк. 7*

и сл. О речи Святослава см. § 86; о кончине Ольги см. § 75, 76, 78, 86, 114³ и 256. Стр. 8. Не понимаю, почему «въ Дунаи», а не «на Дунаи»; по-видимому, Дунай обозначало и область по Дунаю. Стр. 14 и сл. О кончине Ольги и похвале ей см. § 75, 76, 78, 79, 250. Стр. 17. В Соф. 1-й вместо «и бѣ» — «идѣже бѣ»: «на мѣстѣ, идѣже бѣ заповѣдала»; в сп. Царск. Соф. 1-й после «на мѣстѣ» вписано «инѣмъ». Стр. 18. Не могу настаивать на внесении в текст слов «въ таинѣ» из Ком. и Соф. 1-й после «презвутерь». Стр. 21—23. Не читалось ли первоначально так: «и акы луна въ нощи, акы бисерь въ калѣ, тако и си въ невѣрныхъ чловѣцѣхъ свѣташеся»? Стр. 23. Большинство списков (Ипат., Ком. и др.) дают чтение «грѣхомъ».

С. 369, стр. 2. «бысть» — это 2-е л. ед. ч. аориста; форма эта была непонята и потому заменена 1-м л. мн. ч. «быхомъ» (Лавр., Ипат., Ком. и др.). Вместо «Русьское познание» в Радз. «Руской земли познанье», но я держусь чтения Лавр., Ипат., Ком. Стр. 3. Неясно, почему «първое», а не «първая». Стр. 6. В тексте Притч. XXIX, 2 можно было бы ждать «похваляемымъ праведнымъ». Стр. 7. Списки дают чтение «бесмертие» (Ком., Лавр., Ипат., Соф. 1-й), «бесмерти» (Радз.); быть может, лучше читать «без смърти». Стр. 9. Вместо «въ тѣлѣ», может быть, было бы лучше «въ тѣлесе» (Троицк. сп. Новгород. 1-й). Стр. 14. Чтение «и не подвижится» или «не подвижется» находим в древних списках Псалтыри (вместо «не оубоиться» других списков). Стр. 15 и сл. О походе Святослава на болгар и греков см. § 81—83, 87—89 и 255. Стр. 16. О словах «а Володимера Новѣгородъ» см. § 117. Стр. 17. Нет ли пропуска после слов «и затворишася Българе въ градъ»? Например, «и осѣде Святославъ градъ»? Стр. 19. Форма «одалаху» правильная, ср. «одалая» на с. 385, стр. 9. Стр. 21. О неоконченной речи Святослава см. § 86. В Архангелогор. она комментирована: «Сей градъ мой; и казни въ немъ измѣнниковъ смертію».

С. 370, стр. 2. Быть может, первоначальное чтение: «нѣ възъмѣте дань на насъ и повѣжете ны». Стр. 3. Возможно читать «колико»; ниже, стр. 6, «толико» вместо «колько», «только». Стр. 4. Вместо «льстяще» в Троицк. сп. Новгород. 1-й «льстящеся». После «подъ Русію» в Радз., Соф. 1-й, Ком., Архангелогор.: «суть (бо) Греци льстиви и до сего дне», в Ипат.: «суть бо Гръци мудри и до сего дни»; эту вставку (со словом «льстиви») я отношу на счет составителя второй редакции ПВЛ. Стр. 9. Не думаю, чтобы следовало писать: «уже намъ нѣ, камо ся дѣти», «нѣкамо» давно срослось в одно слово. Стр. 11. Поправляю «лязѣмъ» вместо «ляжемъ» (Лавр. и др.) ввиду чтения Ипат. («ляземы»). Вместо «костьми» в Ипат. и Ком. «костью ту»; не могу дать предпочтения этому чтению; в Соф. 1-й: «костью туто». Стр. 11. В Ком. «мертви бо срама не имуть» (то же в сп. Царск. Соф. 1-й), в Соф. 1-й: «мертвый бо срама не имать», в Ипат.: «мертвы бо сорома не имать», в Радз.: «мертвыи бо срама не имають», в Троицк. сп. Новгород. 1-й: «мертви бо срама не имать»; предпочитаю чтение Лавр. сп. Стр. 14. Во всех списках, кроме Лавр.: «промыслите о собѣ». Стр. 20. Быть может, здесь читалось первоначально: «възъмѣ дань на насъ и на дружину свою», ср. ниже: «имашеть же и за убиенія» и замечание к стр. 2. Стр. 21. Вместо «даша» в Ипат. и Соф. 1-й: «вдаша». В Троицк. сп. Новгород. 1-й: «на убьенія». Стр. 24. Быть может, лучше «къ собѣ», как в Синод. № 789 («к себѣ»). Стр. 26 и сл. О возвращении Святослава и убиении его печенегами см. § 9, 90, 91, 261, 266.

С. 371, стр. 3. Вместо «бысть гладъ», как в Ипат., в Лавр.: «бѣ гладъ». Стр. 8. Вместо «по немъ» во всех списках, кроме Лавр.: «из него», «в немъ», «из ней», «в ней»; сохраняю чтение Лавр. ввиду соображений, высказанных Соловьевым (История России. Т. I. С. 150, примеч. 4). Стр. 9 и сл. О вокняжении Ярополка см. § 177, 182, 219, 220⁶, 220⁸. О походе Ярополка на Олега см. § 9, 219, 219¹, 219², 227, 262. Стр. 10. О словах «И воевода бѣ у него Блудъ» см. § 177, 182, 219, 220⁶. Стр. 11. Читаю «преими» вместо «прими» (Лавр.), «приимеши» (Ипат. и Ком.) ввиду дальнейшего: «прея власть его». Стр. 12. Во всех списках, кроме Лавр.: «противу ему», что, быть может, предпочтительнее (род. пад. после «противу» ср. с. 439, стр. 17 и 448, стр. 12). Стр. 13. Не стояло ли перед «и съразившемася пълкома» — «съступишася обои»? Ср. в

Соф. 1-й: «и съступишася обои, и побѣди Ярополкъ Олга». Стрк. 20. Может быть, «съльхнуша и», как в Соф. 1-й и Ипат. Стрк. 23. Во всех списках, кроме Лавр., вместо «трупия» — «под трупиемъ», что, быть может, предпочтительнее.

С. 372, стрк. 1. Относительно «Блуду» см. § 219. Относительно «яжъ» см. § 182. В Ком.: «яжъ, се ты сего хотяше», в Соф. 1-й: «яжъ, сего ты еси хотѣлъ»; в Переясл.: «яжъ, бѣ бо ихъ свадиль и ловищахъ звѣриныхъ, и того хотѣлъ»; в остальных вместо «яжъ» — «вижъ»; при этом в Ипат. сходно с Лавр.: «вижъ иже ты сего хотяше», а в Радз.: «вижъ, сего ты еси хотѣлъ». Стрк. 5. Чтение «прея» вместо «прия», ввиду Переясл. и предыдущего. Стрк. 7 и сл. О вокняжении Владимира в Киеве см. § 9, 11, 91, 118, 262. Стрк. 13. После «и затворися Киевъ съ людьми своими и съ Блудьмъ» в Лавр. и др. читаем: «Стояше Володимерь обрывъся на Дорогожичи, межю Дорогожичьмъ и Капичьмъ, и есть ровъ и до сего дьне». Эти слова, вопреки сказанному на с. 328, я считаю теперь вставкой, основываясь на том, что за ними находим: «Володимерь же посъла къ Блуду», а также и на том, что в начале их нет связи с предыдущим (можно бы ждать: «стояше же»). Быть может, вместо «и есть» первоначально читалось «есть»; иначе указание «межю Дорогожичьмъ и Капичьмъ» противоречит предыдущему «на Дорогожичи». Стрк. 15. Во всех списках, кроме Лавр., вместо «хощю» — «начну». Стрк. 16. Чтение «почахъ» дает Ком., остальные «почаль». Стрк. 17. Вместо «убоявься» Лавр. во всех остальных «убояхся (и)». Стрк. 19. Чтение «хлѣбъ мои» находим и в древних списках Псалтыри (например, Симон. XIII в.; другие списки имеют «хлѣбы моя»).

С. 373, стрк. 1. В тексте Псалма V, 10 находим «льщахуся» (Болонск. пс., Псалт. 1296 г.) и «льшаху», как в Радз. (Погод. XI в., Симон. XIII в.). Стрк. 4. Ср. в Симон. пс. XIII в.: «мужъ крѣви (вместо «крѣвии», ср. Погод. сп. XI в.: «крѣви») и льсти (вар. по списку XIV в.: «льстивъ») не преполовити днии своихъ». Стрк. 11. После «съ Яропѣлкьмъ» в Лавр. «льстя ему», а в Радз. и Соф. 1-й «льстя подъ нимъ»; думаю, что это позднейшая вставка. Стрк. 12. Вместо «пристряпати» (Лавр.) в остальных списках «приступити» (Ком.), «приступати» (Ипат., Соф. 1-я). Стрк. 17. Во всех списках, кроме Лавр., «из града», что, быть может, предпочтительнее. Стрк. 17—18. Вместо «предъ нимъ» в Ком. и Ипат. «пришедъ», в Соф. 1-й «преди», в Радз. это опущено; какое чтение предпочтеть, неясно. Стрк. 19. Вместо «осѣде» во всех списках, кроме Лавр., «осѣдяху (осѣдаху)», что, быть может, предпочтительнее; в Переясл. «обсѣдоша». Стрк. 21. Вместо «колько» возможно и «колико». Стрк. 22. Вместо «нѣ» (как читает Миклошич) возможно сохранить «не» списков.

С. 374, стрк. 1. Вместо «съ дружиною своею» в Радз., Ипат. и Ком. «съ вои и съ дружиною своею»; не вижу основания для предпочтения этого чтения чтению Лавр. сп. Стрк. 3. В Лавр. вместо «и поиде» — «поиде же», что хуже ввиду «же» в следующей затем фразе. Стрк. 5. «вои» это род. мн. Стрк. 7. Вместо «ити» — «внити» в Соф. 1-й и Ипат., «въити» в Радз. Стрк. 12. Быть может, «прежде» и лишнее ввиду глагольной формы «бѣше была». Стрк. 17 и сл. Об эпизоде с варягами см. § 11, 104, 262, 266. Принимаю поправку «преяхомъ» вместо «прияхомъ» ввиду выражения «прея власть его», ср. выше, с. 371 и 372. Стрк. 17. «преяхомъ я», ср. Лавр. «прияхомъ е», не «прияхомъ и», как в Ипат. и Ком., причем вместо «и» в Хлебн. «его»; «я» — это жителей Киева.

С. 375, стрк. 4. О словах «зѣло, яко и съде» см. § 262. Стрк. 6 и сл. Об убиении варягов-мучеников см. § 11, 96, 104, 257, 258. О словах «и постави кумиры... теремнаго» см. § 96. Стрк. 7. Во всех списках, кроме Лавр., «требу», ср. то же ниже, стрк. 18; ср. в Соф. 1-й ниже, стрк. 27: «да вдамы и на требу богомъ» (в Лавр. и др. нет «и не требу»). Стрк. 9. Вместо «на него же», быть может, лучше «на нь же», как в Переясл. Стрк. 10. Читаю «бѣшетъ», как в Ком. и Акад., не «бѣше» (как в Лавр.) ввиду последующих «не тѣрпя шетъ», «бѣшетъ». Исключаю союз «и» перед «бѣ дворъ» согласно с Ипат. Стрк. 12. Прибавку «въ таинѣ» после «дыршаше», которую находим в Ипат., Ком. и Соф. 1-й (в Переясл.: «отаи»), не решаюсь признать позднейшею. Стрк. 20. Прибавку «съкирою и ножемъ» после «въ дрѣвѣ», которую находим в Ипат., Ком. и Соф. 1-й,

быть может, следует признать позднейшею. *Стрк. 21.* Вместо «сътвориль», быть может, лучше «сътвори», ср с. 378, примеч. «а». *Стрк. 27.* Быть может, первоначальнее отмеченное выше чтение Соф. 1-й: «да въдамы и на требу богомъ». *Стрк. 28.* Вместо «имуть» во всех списках, кроме Лавр., «поимуть», что, быть может, предпочтительнее.

С. 376, стрк. 7. В тексте из пророка лучше «нареку» вместо «и нареку». *Стрк. 8.* Быть может, лучше «о апостолѣхъ же», как в Ипат. и Ком.; напротив, на стрк. 10, быть может, лучше чтение тех же списков «аще бо и тѣлмъ». *Стрк. 13.* Неясно, что такое «отъника», вместо чего в Лавр. и части списков Соф. 1-й «отъника», в других списках Соф. 1-й «отъгъника», в Радз. и Хлебн. «отечника», в Переясл. «оттеника», в Ипат. «отъченика», в Акад. «отъмника», в Троицк. сп. Новгород. 1-й «истинника». *Стрк. 15 и сл.* О походе на ляхов см. § 103, 254 и 263. *Стрк. 18 и сл.* О походе на вятичей см. § 103 и 263. Неясно, почему здесь «отъ плуга», между тем как в известии о покорении вятичей Святослав «отъ рала». *Стрк. 20 и сл.* О походе на ятвягов см. § 104 и 263. Быть может, вместо «и възъ землю ихъ и иде (в Ком., Ипат., Соф. 1-й: прииде) *Кыеву*» первоначально (в Древн. св.) читалось: «и възъ землю ихъ и приведе къ Кыеву», ср. такое выражение на с. 367; поправка вызвана помещением за этой статьей рассказа о варягах-мучениках, но я предпочел выпустить «и иде Кыеву», находя возможным, что эта вставка, вызванная следующей за нею статьей Нач. св. *Стрк. 22 и сл.* О походе на радимичей см. § 104, 263, 266. *Стрк. 24.* Вместо «Пищанѣ» не читалось ли «Пѣсчанѣ»? Ср. «песчане» Радз. и Моск.-Акад., «пѣшанѣ» Хлебн., «пѣшаньци» (ниже) Ипат.

С. 377, стрк. 2. Во всех списках, кроме Лавр., Акад., Ком., «и повозь». *Стрк. 4 и сл.* О походе Владимира на болгар см. § 104, 120 и 263. *Стрк. 5.* Во всех списках, кроме Лавр.: «и тако побѣди», что, быть может, предпочтительнее. *Стрк. 7.* В Лавр. «межю собѣ»; быть может, лучше исправить «межю себе». *Стрк. 8.* Быть может, чтение Лавр. «почнеть тонутѣ», нами отвергнутое, все-таки предпочтительнее. *Стрк. 10 и сл.* Об испытании вер см. § 105, 255, 266. *Стрк. 11.* После «смыслнь» «нѣ» опущено в Лавр. и др. вследствие гаплогграфии. *Стрк. 16.* В Хлебн., Соф. 1-й, Ком. «дасть бо», что, кажется, лучше. *Стрк. 22.* Я исключил слова «бѣ бо самъ любя жены и блужение мѣное, послушаше ихъ» (это «ихъ» доказывается Акад. и Моск.-Акад. списками) на основании повторения слов «послушаше ихъ», которые читаются перед ними (ПВЛ исправила их в «слушаше ихъ»); вставка эта стояла бы в связи с другими вставками, где Нач. св. сообщал о блудной жизни Владимира (§ 94, 95).

С. 378, стрк. 1. Во всех списках, кроме Лавр., прибавлено после «Нѣмци» — «изъ Рима» или «отъ Рима» (в Соф. 1-й: «отъ Римлянъ»); думаю, что эта прибавка позднейшая, сделанная на основании дальнейшего; ср. ниже: «слышахомъ же и се, яко приходиша отъ Рима». Обращаю внимание на чтение «посланий» Лавр. и др., не «послани»; оно доказывает, что слова «глаголюще: придохомъ» вставлены, ср. ниже: «и рѣша ему». *Стрк. 2—5.* Относительно слов, сказанных Владимиру немцами, см. § 104. *Стрк. 6.* Быть может, лучше прибавить после «како» — «есть», согласно с Ипат. («кака есть»), Акад. («какова есть»), Троицк. сп. Новгород. 1-й («како есть»). *Стрк. 7.* Текст Апостола передан неточно: «аще ясте или пиете, аще ли ино что вторите, все въ славу Божию творите». *Стрк. 10.* В Акад. и Соф. 1-й: «Се же слышавше». *Стрк. 19.* В Ипат. и Акад. вместо «онъ же» — «Володимерь же», но вряд ли это первоначальнее. *Стрк. 22.* Быть может, предпочтительнее чтение Ипат. и Ком.: «то же зло». *Стрк. 24 и сл.* Относительно речи философа см. § 50, 51, 105, 107, 108, 255. Относительно имени Кирилла см. § 105, 174 и 255. Здесь позволю себе указать на возможность того, что в первоначальном тексте могло читаться: «По семь придоста отъ Грькъ философъ Кирилъ и Мефодии»; ср. последующее «глаголюща» (им. дв.), которое неудобно понимать как вин. пад. («По семь же прислаша Грьци къ Володимеру философа Кирила, глаголюща»), причем вряд ли вероятно предпочесть чтение «глаголюще» Лавр. и др.; в таком случае обращение их к Владимиру начиналось словами «слышаховѣ». Самая речь и в древнейшем источнике могла быть написана одному Кириллу.

С. 379, стрк. 2. Вместо «Господь» в Ком. и Ипат. «Богъ»; быть может, «Господь» употреблено ввиду последующего «Богъ» (стрк. 4). *Стрк. 2.* Быть может, лучше «горящее», как в Ком., Хлебн. и Соф. 1-й, или «горушее», как в Ипат. *Стрк. 4.* Вместо «земли» — «на землю» в Соф. 1-й, Ком. (но не Акад.), Ипат. и Хлебн. Во всех списках, кроме Лавр., «безаконие», что, может быть, предпочтительнее. *Стрк. 5.* После «омывают оходы своя» в Ипат. «поливавшееся водою», в Ком. «поливавшие водою»; неясно, должно ли возвести это к первоначальному тексту. *Стрк. 6.* Вместо «поминающе» все списки, кроме Лавр. (где «поминають»), имеют «наричюще» или «нарицающе». *Стрк. 13—16.* Текст Лук. XXI, 19 и 20 передан неточно, ср., например, в Мар. ев.: «и приимъ хлѣбъ хвалу въздавъ прѣломи и дасть имъ глаголя: се естъ тѣло мое даемое за вы, се творити въ мою память; и чашу такожде по вечерънии глаголя: си чаша новы завѣтъ моею крѣвию, ѣже за вы пролѣяться» (юсы заменены здесь буквами у и я). *Стрк. 19.* В Ком. и Радз. вместо «тѣхъ бо» — «того бо», в Моск.-Акад. — «то бо», но «тѣхъ бо» относится к жидам, т.е. «пророки Жидовъ». *Стрк. 22.* Прибавка «древянными пилами» после «претираху» в Ком., вероятно, позднейшая.

С. 380, стрк. 7 и сл. Об окончании речи философа см. § 105. *Стрк. 13 и сл.* О совещании Владимира с боярами и старцами см. § 106. Быть может, надо дополнить «положи на сѣрдцы своемъ», как в Переясл., словами: «словеса та». *Стрк. 21.* Я сохранил «дѣть», хотя и имел в виду поправку Миклошича «дѣють»; в Переясл. «рече»; сводчик при этом мог иметь в виду философа. *Стрк. 25.* «баба твоя прияла, Ольга: так в Лавр., Радз., Ком., Соф. 1-й, между тем в Ипат., Толст. позднейшая поправка: «баба твоя Ольга прияла».

С. 381, стрк. 1—2. О крещении Владимира см. § 9, 13, 107, 108 и 258. *Стрк. 3 и сл.* О наставлении Владимира в вере см. § 109. Там же указано, что кроме символа Владимиру могло быть преподано увещание против латынян. *Стрк. 7 и сл.* О словах «Володимеръ же, просвъщенъ бывъ... И крѣстишася» см. § 110. Относительно перечня сыновей см. § 95, 110, 111, 121. Здесь отмечу, что даю предпочтение Лавр. сп., ставящему Ярослава на третье, а Святополка на четвертое место, перед Радз., Ком., Хлебн., Соф. 1-й, Переясл., где Святополк старше Ярослава; Ярослав, как сын Рогнеды, взятой Владимиром в замужество задолго до взятия Ярополковой вдовы, в представлении составителя Древн. св. должен был быть старше Святополка; между тем с точки зрения ПВЛ, полагающей брак с Рогнедой на 6488 г. (год убиения Ярополка), Ярослав должен был быть моложе Святополка; вот основание для поправки, внесенной в текст ПВЛ, по-видимому, составителем второй редакции. *Стрк. 12 и сл.* О крещении киевлян см. § 100. О сегованиях дьявола § 100, 104 и 258. *Стрк. 14.* В Радз. и Ипат. после «обращается» прибавлено «завтра»; отсутствие этого слова в Лавр., Переясл., Ком. и Соф. 1-й побуждает меня признать его вставкой; ср. ниже в Нач. св. (и ПВЛ, но не в Древн. св.): «наутрия же изиде Володимеръ». *Стрк. 15.* Едва ли лучше чтение Ипат. и Радз.: «работень, противникъ». *Стрк. 21.* Неясно, что такое «си» во фразе «и быше си видѣти радость».

С. 382, стрк. 1. Быть может, лучше: «толику душъ съспасаемымъ». В Радз., Соф. 1-й, Ипат.: «стѣняше, глаголя», что, может быть, лучше. *Стрк. 2.* В большей части списков «отъсюду», что, быть может, предпочтительнее. *Стрк. 4—5.* Во всех списках, кроме Лавр., «побѣжаемъ»; думаю, что «побѣжень» предпочтительнее, ср. «не имамъ уже цѣсарьствовати въ странахъ сихъ». *Стрк. 8 и сл.* О молитве Владимира и построении им церковей см. § 110. *Стрк. 9.* В Лавр. «Христе Боже», но «Христе» стоит ошибочно вместо «рече»; в Ком. «Боже», а в Радз. и Ипат. «Боже великыи». *Стрк. 16.* Относительно «потребы» вместо «требы» см. с. 375; в Ком., Радз., Ипат.: «требы». *Стрк. 19.* В Лавр. после «даяти» повторено «нача». *Стрк. 22 и сл.* О рассуждениях по поводу крещения Руси см. § 51, 258. *Стрк. 24.* Сохраняю союз «и» перед «яснь» ввиду Лавр. и Ком. *Стрк. 26.* Не думаю, чтобы чтение Радз. и Ипат. «словеса книжная» было предпочтительнее принятого в текст чтения Ком. сп., чтение Лавр. сп. («словесе книжного») отвергаю ввиду предыдущего «словеса книжная» (мн. ч.). *Стрк. 27.* Кажется, лучше, как, например, в Кирилло-Белоз. сп. XVI в. Исхода: «и помилую егоже аще помилую».

С. 383, стрк. 1. «паки банею бытия» во всех списках вместо «банею паки-бытия», как, вероятно, и читалось в Древн. св., ср. в Слове о законе и благодати: «Благословенъ Господь Израилевъ, яко поспѣти и створи избавленіе людемъ своимъ... въводя въ обновленіе пакибытія, в жизнь вѣчную» (§ 227¹). В послании к Титу: «спасе насъ банею пакибытія и обновленія Духа Святаго». Стрк. 6. «въздамы» в Лавр., Ком. и некоторых списках Соф. 1-й; в Ипат. и Радз. «въздамъ». Стрк. 8. В псалме 144: «Велии Господь и хваленъ зѣло, и величію его нѣсть конца. Родъ и родъ восхвалять дѣла твоя». Итак, видим умышленное изменение в тексте, для того чтобы изложить его в 1-м л. мн. ч.: «въ родъ и родъ въсхвалимъ» вместо «родъ и родъ въсхвалить» (ср. Лавр.: «въсхвалить»). Стрк. 12. В Лавр. «и Съпасу». Стрк. 13. В псалме 135: «исповѣдайтеся Господеви, яко благъ, яко въ вѣки милость его... яко избавилъ ны естъ отъ врагъ нашихъ» (Симон. пс. XIII в.); итак, «исповѣдающеся» вместо «исповѣдайтеся» исправлено умышленно. Стрк. 18 и сл. В тексте псалма: «благовѣстите день отъ дни спасение (вар. «спасения»: Псалт. XIV в.) его» (Симон. пс. XIII в.); ниже: «въ всѣхъ людехъ чюдеса его». Стрк. 22. В Толст. и Ком.: «коliko (колько) ти радости», что вряд ли предпочтительнее. Стрк. 23. В евангельском тексте ждем: «яко тако радость». Стрк. 26. В Лавр. «якоже и». Стрк. 26—28. В тексте Иезекииля: «и воскроплю на вы воду чисту и очиститеся отъ всѣхъ нечистотъ вашихъ и отъ всѣхъ кумировъ вашихъ». Стрк. 29 и сл. Во всех списках, кроме Лавр., «неправду», что, быть может, лучше. Текст пророка Михея: «Кто Богъ якоже ты, отъемляй беззаконія и оставляяй нечестія... яко волитель милости естъ. Той обратитъ и оушедритъ ны, и погрузитъ неправды наша и ввержетъ въ глубины морскія вся грѣхи наша». Итак, надо бы ждать: «хотѣи милости естъ».

С. 384, стрк. 3. Чтение «крѣстися», которому противопоставляется «крестихомся» Радз. и Хлебн., «крестишася» Ком. и Соф. 1-й (К. и О.), оправдывается, например, некоторыми списками Соф. 1-й, Акад., Ипат. В Апостолѣ 1307 г. и др. также читается: «елико насъ крестися» (в других списках: «елико крестихомся»); там же: «погребехомся» (в других списках: «съпогребехомся»); там же: «такое же» (в других списках: «такое»); там же: «житіа поидемъ» (в других списках: «житіа вѣчнаго поидемъ»). Стрк. 8—9. Можно бы ждать: «се быша вся нова». Стрк. 10. В Ипат. и Соф 1-й «оуспе»; Миклошич поправляет «оуспѣ», но чтение «успѣ» оправдывается, например, Карп. ап. XIII в. и др. Стрк. 12. Мы ожидали бы в тексте Римл. V, 2 «въ неже хвалимся и стоимъ»; замена «въ неже» на «имѣже» едва ли не стоит в связи с вставленными в текст словами: «кѣнзя нашего Володимера»; слова эти сохранились только в Ипат. и Хлебн., но возвожу их к Древн. св. именно ввиду последующего «имѣже». Ср. в Карп. ап. XIII в.: «Имѣже приведение обрѣтохомъ вѣроу въ благодѣть сию, в неже стоимъ и хвалимся»; в современном тексте: «имѣже и приведеніе» и т. д. Стрк. 13. В тексте Римл. VI, 22 можно ожидать «свободившася» (например, Апост. Толст. XIV в., Апост. № 32 XV в.), ср. это чтение в Ипат., Ком., Радз., Соф. 1-й, или «свободжшася» (например, Карп. ап. XIII в.), ср. «свободжшися» в Троицк. сп. Новгород. 1-й, но на основании Лавр. и Акад. заключаю, что автор умышленно поставил 1-е л. мн. ч.: «свободихомся»; сообразно с этим, он должен был дать ниже чтение «имама плодъ нашъ»; если находим в списках «имате плодъ вашъ» (как в Апостолѣ), то относим это на счет позднейшей правки. Стрк. 14. Вместо «священіе» — «освященіе» в Соф. 1-й, Хлебн., Акад., ср. в современном и древнем текстах: «во святыню». Стрк. 18. В Ипат. и Ком.: «къ владоцѣ Богу нашему», что вряд ли предпочтительнее.

С. 385, стрк. 3 и сл. О походе к порогам см. § 7, 9, 112 и 263. О построении городов см. § 112. Стрк. 6. Возможно, что лучше «Трубежеви», как в Моск.-Акад. и Соф. 1-й, ср. «Трубежо» Ком. Стрк. 7. Во всех списках, кроме Лавр., не «поча», а «нача». Стрк. 10 и сл. О походе на Корсунъ см. § 7, 9, 97, 98. Об эпизоде с присыпанием земли см. § 236. Стрк. 14—15. В Соф. 1-й: «приступати къ граду и персть сыпати»; в Ипат. было «приступати», но переделано в «приспу сыпати»; в Переясл.: «приспу сути къ граду».

С. 386, стрк. 3. Думаю, что чтения списков как «кладяже суть» (Ком.), «кладязи же суть» (Акад.), «кладязи яже суть» (Лавр., Радз., Ипат., Переясл.) объ-

ясняются предположенным чтением Древн. св. «кладязь же есть», где «же» имело себе соответствие в предшествующем тексте. Только в Архангелогор. «изъ того» изменено в «изъ нихъ». Отмечу, что и Миклошич поправил «кладязи» на «кладязь», читая затем «иже». *Стрк. 6.* Возможно, что в Древн. св. читалось «прекы трубъ», ср. выше «по трубъ». *Стрк. 11 и сл.* О женитьбе Владимира и взятии им из Корсуня икон и сосудов см. § 98 и 99. Я нахожу теперь вероятным, что в первоначальной редакции Древн. св. (т. е. до обработки его в 1073 г.) читалось: «Володимеръ же, поимъ цѣсарицю, въдасть за вѣно Грькомъ Кърсунъ опять, а самъ приде Киеву, поимъ съсуды църквъныя и иконы на благословение собѣ». Фраза эта разорвана на части благодаря вставке, сделанной сводчиком 1073 г., о поставлении Владимиром церкви в Корсуне. В пользу предложенного чтения говорит, между прочим, «приде», а не «иде» Киеву; далее лишнее «цѣсарицѣ дѣля» после слова «опять» в тексте Нач. св. (и, вероятно, свода 1073 г.); фразы «поимъ цѣсарицю» и «поимъ съсуды» сближены благодаря общему «поимъ», которое, однако, в обоих случаях имеет разное значение. *Стрк. 13—18.* О построенной Владимиром церкви Св. Василия см. § 236. *Стрк. 18.* Вместо «цѣсарицина», быть может, лучше «цѣсаричина».

С. 387, стрк. 1 и сл. О построении Св. Богородицы см. § 7, 9, 51, 101, 112, 221, 264. *Стрк. 2.* Кажется, в Нач. св. «камяну» было опущено, ср. пропуск в Лавр. и Ком.; Ипат. и Хлебн. могли получить его из какого-нибудь вспомогательного источника. *Стрк. 2.* Во всех списках, кроме Лавр., «святыя Богородица». *Стрк. 5 и сл.* О построении Белгорода см. § 7, 9, 12, 112, 255. Я пропустил перед «заложити» «Володимеръ», следуя Радз. сп. *Стрк. 8.* О походе на хорватов см. § 112, 254, 263. *Стрк. 9 и сл.* Об окончании Св. Богородицы см. § 7, 9, 101, 113, 254, 259. *Стрк. 10—18.* Молитву Владимира ср. с молитвой, произнесенною архиепископом Мартирием при окончании церкви Св. Преображения в Новгороде в 1198 г. (Новгор. 1-я): сравнением с текстом этой последней молитвы оправдываю свои поправки: «иже» (стрк. 12), «да аще» (стрк. 16), «отпусти грѣхы его» (стрк. 17, не «вся грѣхы», как Ипат.). В Симон. пс. и др.: «Боже силъ, обрати и призри съ небесе и виждь и посѣти винограда своего и съвърши... иже насади десница твоя». *Стрк. 16.* В Ком.: «приснодѣвья Марія», в Ипат. и Переясл.: «приснодѣвья Марья Богородица». *Стрк. 19.* Слова «рекъ сице» относятся к «положи», как ниже (с. 389, стрк. 7) «рекъ» относится к «повелъ».

С. 388, стрк. 5 и сл. Об основании церкви Св. Преображения см. § 113, 254, 264. *Стрк. 8.* В Ком., Соф. 1-й и Ипат. «отъ противныхъ», что, может быть, предпочтительнее; следует принять чтение Акад. и Ипат.: «и едва». *Стрк. 11 и сл.* В Переясл.: «И створи праздникъ, рассыти меду 300 преваръ и съзва боляры своя и посадники по вѣсьм градомъ и люди многы, розда 300 гривенъ убогымъ, и събура празднова 8 днѣи и възвратися в Кіевъ», т. е. всюду аористы. *Стрк. 17.* В Переясл.: «съзва многочисленныи народъ». *Стрк. 19 и сл.* О характеристике Владимира см. § 51, 102, 113, 114, 263.

С. 389, стрк. 1. В евангельском тексте мы ожидали бы: «и дадите милостыню». *Стрк. 2 и сл.* В евангельском тексте: «идѣже червь и тля тлѣть, и идѣже татѣ подкопываютъ и крадутъ; скрывайте же себѣ сокровище на небеси, идѣже ни червь, ни тля тлѣть, и идѣже татѣ не подкопываютъ, ни крадутъ». *Стрк. 5.* Я опустил дальнейшие тексты: заимствованный из Псалтыри (CXI, 5) на основании несколько искусственной связи с предыдущим: «и Давыда глаголюща», а заимствованный из Притч (XIX, 17) ввиду соображений, высказанных в § 114. *Стрк. 10.* Во всех списках, кроме Лавр., «бочкахъ», что, быть может, предпочтительнее. *Стрк. 16.* В Лавр., Радз., Соф. 1-й и Ипат.: «отъ мясъ», но чтение Ком. «множество отъ скота мясъ» доказывает, что «отъ» излишнее. Миклошич также читал: «множество мясъ отъ скота и отъ звѣрины». *Стрк. 17.* Быть может, лучше: «по избылию всего», ср. Ком. «изобило всего». *Стрк. 19.* «да» это 3-е или 2-е л. аориста. *Стрк. 25.* В Ипат. и Ком. «строении», в Соф. 1-й «устроении», что вряд ли лучше. *Стрк. 26 и сл.* Дальнейшую характеристику Владимира см. § 102, 254. В Ком.: «И бѣ бо, рече, живушу ему»; сомневался, чтобы это было более первоначальное чтение; непонятно «рече», как будто являющееся ссылкой на источник. *Стрк. 27.* Ипат. и Радз. поправили ошибочно «Ондроникомъ».

С. 390, стрк. 1. Замечательно чтение Ипат. и Хлебн.: «и рече епископъ»; впрочем, вероятно, оно обязано ошибке, ср. ниже в Ипат. и Хлебн. «они же». Стрк. 5—6. Во всех списках, кроме Лавр., «съ испытаниемъ», что, быть может, лучше. Стрк. 6. В Ком. и Ипат. вместо «оже» — «а еже». Стрк. 9. В Ком. и Ипат.: «дѣдню и отню» (в Ком.: «Божію и дѣдню и отню»). Стрк. 10 и сл. Об этом отрывке см. § 52, 53, 62—64, 221¹, 260 (в частности, о словах «и потаи и Святополкъ, бѣ бо Киевѣ» § 53, о посещении Святополком Вышегорода там же, о том, что Борис сидел во Владимире, § 62, о том, что он был выведен из Владимира, § 63, о словах «пришѣдъ изъ Вышегорода» § 64). Стрк. 10—12. Быть может, следует восстановить иначе: «Володимеру разболѣвъшюся, Печеньгомъ же идущемъ на Русь, посылъа противу имъ Бориса, его же имѣаше у себе, вывести изъ Володимеря зѣлобы ради Святопѣлка». Стрк. 12. Отмечу, что и Миклошич читает: «Печеньгомъ же», в Лавр. и др.: «и Печеньгомъ». Стрк. 14. В Соф. 1-й читается именно так, как мы предположили: «и скончася на Берестовѣ», но далее следует указание дня «мѣсяца іуля въ 15 день».

С. 391, стрк. 3 и сл. О погребении Владимира и о похвале ему см. § 14, 27, 53. Стрк. 8. Можно бы ожидать «акы заступницѣ ихъ земли, убозии акы заступницѣ и кѣрмители» (так и поправляет Миклошич); ср. выше «по немъ». Стрк. 10. В Хлебн. вместо «блаженнаго» — «великаго», а в Ком. и Ипат. вместо «съ плачемъ» — «с плачемъ великимъ» (Ипат.), «с плачемъ великимъ зѣло» (Ком.); я держусь чтения Лавр., Акад., Радз. Стрк. 13. В Хлебн. «сего бо память», но, быть может, предпочтительнее чтение Лавр., Радз., Ипат., ибо то же чтение в проложном сказании (§ 27). Стрк. 16. В Радз. и Хлебн. «Бога и Спаса». Стрк. 17. Быть может, правильнее было бы все-таки удержать чтение «трудомъ». Стрк. 19 и сл. Об убийении Бориса см. § 14 и сл., 54, 59, 60—63, 260, 264. Стрк. 25. О словах «и ста шатъры» § 59.

С. 392, стрк. 3. В Ипат. и Троицк.-Новгор. 1-й «не буди то мнѣ» (Ком.: «не буди того мнѣ»), но вряд ли это лучше. Форму «възняти» списков я не заменил формой «възяти», так как «възняти» (предполагающее «възняти») существовало и в старом языке (Хлебн.: «възднати» новообразование по аналогии «поднати»); ср. на с. 418, стрк. 1: «нѣ не хотя противу стрѣви своему оружию възяти». В Лавр.: «аще и отѣцъ ми умьре», но вряд ли это лучше. Стрк. 10. В большинстве древних списков Псалтыри «въсташа», но известно и «въстають». Стрк. 11. В Хлебн. «вънзоша», но, например, в Симон. пс. XIII в. «оунызоша». Стрк. 13. Мы ждали бы: «предъ мною естъ выну». Стрк. 15. Во всех списках, кроме Лавр., «с рабомъ твоимъ», что, может быть, предпочтительнее. Стрк. 17. Вместо «губить» в Радз. и Хлебн. «погубити», в Ипат. «погубить», но чтение Лавр. находит поддержку в Ком. «губить». Стрк. 18 и сл. В псалме 97: «обидоша мя тельци мнози, уныци тучнии одѣржаша мя, яко обидоша мя пси мнози, съборъ злобы ихъ (вар.: и съборъ злобивыхъ) осѣде мя».

С. 393, стрк. 18. В Ипат., Радз., Ком.: «веселяся с лики святыхъ», но чтение Лавр. поддерживается Акад. сп., где также «в лику». Стрк. 19. Вместо «възложивше» можно ждать «възложише», как на с. 391, стрк. 6 и с. 406, стрк. 3.

С. 394, стрк. 1. В Лавр. «и Тальць», что вряд ли лучше. В Лавр. «Еловить», конечно, описка. Стрк. 2 и сл. Об этом отрывке см. § 262. Стрк. 5. В Ком.: «отъ супротивнаго врага діавола»; в Ипат. «отъ супротивнаго врага»; остаюсь при чтении Лавр. Стрк. 8. За «скори суть», в Ипат. и Ком.: «Рече бо Богъ: кто идетъ прельститъ Ахава? и рече бѣсъ: се азъ иду»; думаю, что это вставка составителя второй редакции ПВЛ (восходит к Амартолу?). Стрк. 8. Читаю: «зѣлъ чловѣкъ» вместо «золь бо чловѣкъ» Лавр. и др.; в Ипат. нет «бо». В Ком.: «не хуже»; в Ипат. «не хужь»; в Лавр. «не хужи», очевидно, вместо «хужий»; в Радз. поправка: «горши». Стрк. 11. В Ипат. и Ком.: за «ни крѣста ся боить» следует отрывок, вставленный составителем второй редакции ПВЛ. (см. § 14). Стрк. 12 и сл. Об убийении Глеба см. § 47, 55—57, 59, 62, 260, 264. Стрк. 18. Лавр. и Радз. перед «Горясьрь» — «посланыи»; быть может, восходит к Нач. св., где «послании» было вставлено и выше перед словом «яша»; в Ипат. «оканьныи же Горясьрь». Стрк. 25. Вместо «братома» в псалме 132: «братии». Стрк. 27. В Ипат. за «грѣшници въ адъ» вставка, восходящая ко второй редакции ПВЛ (см. § 14).

С. 395, стрк. 3. В Ипат. и Радз. «сильне», напротив, в Хлебн. так, как в Лавр. Стрк. 4. За словами «умысли языкъ твои» в Ипат. вставка (§ 14). Стрк. 5 и сл. О перенесении мощей Глеба см. § 22. Конечно, упоминание здесь о Ярославе анахронизм, но не забудем, что и в ПВЛ в соответствующем месте говорится о перенесении мощей Глеба (без упоминания Ярослава). Стрк. 5. Замена слов «на пустѣ мѣстѣ» словами «на брезѣ» в ПВЛ стоит в связи с указанием на убийство Глеба на речке Смядине. Стрк. 14. Не «въ църкѣви», а именно «у църкѣве». Стрк. 15 и сл. Об убийстве Святослава см. § 62. Стрк. 17. Поправляю «преиму» вместо «прииму» по аналогии поправок на с. 371. Стрк. 19 и сл. О сборах Ярослава в Новгороде см. § 34, 56, 60, 123, 162. Стрк. 19—20. Слова «И се слышавъ... и о братии» извлекаю из дальнейшего рассказа Нач. св. (ПВЛ), после сообщения о получении Ярославом известия о смерти отца и избииении братьев. Стрк. 20. Фразу «събѣра вои мьногъ, Варягы и Словѣны» ср. со сходным выражением на с. 396, стрк. 4.

С. 396, стрк. 3 и сл. О битве Святополка с Ярославом при Любече см. § 123, 140, 142, 163, 274, 275. Стрк. 3. В Лавр.: «слышавъ же Святопѣлкѣ», но в Радз. нет «же». Стрк. 4. В Сильв. сб.: «противу себе»; ср. ниже: «и стояша мѣсяцъ 3 противу собѣ». Причина вставки, отделившей в Нач. св. слова «Руси и Печенѣгъ» отъ «сташа противу собѣ», приведена в § 275; это указание на Любеч и на 6524 г. Стрк. 5. Уже в Древн. св. могло читаться «обаполь» (вместо «обаполы», как в Сильв. сб.). Стоящее в Лавр. и Сильв. сб. после «ни они сихъ» — «начати» представляется излишним; лишнее также «найти» (Ипат.), «ити» (Хлебн.); Радз. обходится без этих вставок. Неясно, почему не «оны» и дальше не «сия», а «онѣхъ», «сихъ». Стрк. 6. В Лавр., Ипат., Радз.: «И воевода нача», переношу «нача» ниже, после «укарати», ввиду Новгор. 1-й. Стрк. 11. В Лавр. и др.: «бѣ бо уже въ заморозъ», но «бо» нельзя оправдать предыдущим. Стрк. 16. Без предположенной прибоки слова «съступишася на мѣстѣ» не имеют смысла. Стрк. 18. После «и обломися ледъ съ вои Святополчи» в Хлебн. прибавлено «и мнози потопоша въ водахъ»; думаю, что это позднейший комментарий; в Ипат. «и обломися с ними ледъ» опущено механически после предшествующего «ледъ». Стрк. 21. О вокняжении Ярослава в Киеве и пожаре Киева см. § 123, 262, 265. Стрк. 22. В Ипат., Радз. и Сильв. сб. нет «и дѣдъни»; возможно, что их следует исключить и в тексте Древн. св. Выше в Лавр. и др. «Ярославъ же»: исключаю «же», предполагая, что оно появилось в Нач. св. вследствие исключения из него предшествующих слов.

С. 397, стрк. 1 и сл. О битве Ярослава со Святополком и Болеславом см. § 242, 260, 265. Стрк. 2. В Радз. и Ипат. так, как предложено: совокупи. Стрк. 7. Быть может, лучше «ни на кони моги», как в Радз. и Ипат. Стрк. 9. Миклошич поправляет: «нѣ жалъ», но вряд ли это необходимо. Стрк. 13 и сл. О пребывании Болеслава в Киеве и удалении его см. § 242. О вставке, сообщавшей про бегство Болеслава, см. § 242. После «съ Святопѣлкѣмъ» я поставил многоточие как знак того, что до нас не дошло то место Древн. св., которое читалось вместо вставленного затем эпизода. Стрк. 15. В Радз., Ипат. и Сильв. сб. вместо «оканьныи» — «безумныи»; остаюсь при чтении Лавр. Стрк. 24 и сл. О битве на Альте и Святополковом пропадении см. § 32, 36, 59, 66 и 260. Стрк. 25. Сохраняю чтение Лавр. «възиде»; Ипат. «взииде» (в Радз. и Хлебн. «изыде») ввиду сходного чтения на с. 400, стрк. 4.

С. 398, стрк. 1. О причинах, почему я опускаю первую молитву Ярослава, см. § 59. После «Святопѣлкѣ» во всех списках «съ Печенѣгы»; исключаю эти слова в тексте Древн. св., предполагая, что это вставка Нач. св., вызванная предшествующей вставкой «и бѣжа Святополкъ в Печенѣгы». Стрк. 2. Быть может, лучше «отъсюду», как в Ипат., Хлебн., Моск.-Акад. Стрк. 3. Быть может, лучше, как в Ипат., «убицию гърдаго»; в Радз. «убицию и на гордаго». Стрк. 7—8. В Радз. и Ипат. «съступишася», что хуже. Стрк. 11. Радз. и Ипат. имеют «въ носилѣхъ», что вряд ли лучше. Не решаюсь поправить «бѣгающеи» вслед за Миклошичем (р. 210). Стрк. 13. Если оставить чтение «насъ» Лавр. сп., то придется допустить прямое вопросительное предложение, что вряд ли вероятно. Стрк. 17. В Радз., Ипат. и Сильв. сб. «пробѣжѣ», что едва ли обязательно.

Стрк. 18. «прибѣжа въ пустыню» в Лавр. вместо «прибѣжавъ въ пустыню» так же, как выше: «полетьское» вместо «поле Летъское». *Стрк. 21.* После «могила его» в Ипат. «въ пустыни тои», что, быть может, первоначальнее. *Стрк. 24.* О рождении Владимира Ярославича см. § 265.

С. 399, стрк. 1. О победе Ярослава над Брячиславом см. § 124, 164, 173, 177, 280. *Стрк. 2.* О походе Ярослава к Берестию см. § 172. Чтение «поиде» подтверждается и чтением Синод. сп. «иде»; ср. выше замену «поиде» через «приде» в Лавр. на с. 397, стрк. 1. *Стрк. 3 и сл.* О единоборстве Мстислава с Редедей см. § 282. *Стрк. 5.* Быть может, лучше «противу ему», как в Ипат., или совсем опустить «тому», как в Радз. *Стрк. 11.* Без слов «И съѣхастася» рассказ не совсем ясен; «сънидевъ» на стрк. 8 требует себе соответствия. *Стрк. 15.* Заменяя «пречистая» Лавр. (и также Соф. 1-й) чтением «пресвятая» Ипат. и Радз., имею в виду подобную же замену, принятую на с. 387, стрк. 18. *Стрк. 18.* Причастная форма подтверждается и чтением Ипат. «вынемъ». Вместо «зарѣза Редедю» в Ипат. явно подновленное чтение: «оудари и въ гортань ножемъ, и ту бысть зарѣзанъ Редедя». В Радз. и Ипат. «вшедь въ землю», что, быть может, лучше. *Стрк. 23 и сл.* О походе Мстислава см. § 125, 233. *Стрк. 25 и сл.* О Лиственской битве см. § 32, 125, 170, 233. О вставках в первоначальный рассказ см. § 233.

С. 400, стрк. 2. Ипат. и Радз. дают здесь и ниже чтение «Акунъ» (в Моск.-Акад. и частью в Хлебн. исправленное в «Якунъ»), что, может быть, первоначальнее (древнесканд. *Nákon*). Держусь чтения списков «слѣпъ» и не принимаю поправки Н. П. Ламбина «съ лѣпъ»; если бы дело шло о красоте Якуна, то при «лѣпъ» было бы «възрастѣмъ» или «лицѣмъ»; кроме того, «луда», как указал Карамзин, означает именно маску, а не шлем или латы; упоминание о луде стоит в связи со слепотой Якуна. В Соф. 1-й: «а луда бѣ у него вся златомъ исткана». *Стрк. 10.* Держусь чтения Лавр. и принимаю поэтому, что «Съверъ» определяет предшествующее «чело»; в Ипат. также: «съступися чело», но дальше это «чело» определено иначе: «Варязи съ Съверомъ» (мы ожидали бы в таком случае «съступистася челъ»); в Радз. и Хлебн. исправлено: «съступишася въ чело Варязи съ Съверы (Съверомъ)», и та же поправка внесена позже в Ипат. Не могу не отметить, что предложенная пунктуация на стрк. 10 совпадает с принятой Миклошичем. Следующий за этим в Лавр. пропуск явился по причине механической: Варягы—Варягы. *Стрк. 14.* В Соф. 1-й «отбѣжа» вместо «отбѣже». *Стрк. 15.* Даю чтение «освьтъ», не «освѣтъ» ввиду написания «осветъ» Лавр. сп., ср. в неопр. накл. «освѣнути». Ср. в одном списке Быт. XIV в.: «освену же Авраамъ заоутра» (ἁρῥῖσε; «Материалы для словаря древнерусского языка...» И. И. Срезневского). *Стрк. 19.* В Лавр. «сяди в своемъ Кыевъ», что вряд ли может быть принято.

С. 401, стрк. 1 и сл. О последствиях Лиственской битвы см. § 233. О рождении Изяслава Ярославича см. § 254 и 264. *Стрк. 3.* В Лавр. «бѣяху» что, быть может, и следовало бы удержать, но я дал «бяху» ввиду других мест. Кроме Лавр., во всех списках (включая и Соф. 1-ю): «бяху (Соф. 1-я: бѣша) сѣдаше» вместо «бяху», что, быть может, предпочтительнее. *Стрк. 5 и сл.* О мире Городецком см. § 265. После «вои мѣногъ» следует, быть может, читать «Варягы и Словѣны», как выше, на с. 397, и ниже, на с. 402. *Стрк. 7.* Может быть, следовало бы удержать чтение Лавр. сп. «Дѣньпръ» и не менять его на «Дѣньпръ». *Стрк. 8.* Вместо «сию» во всех списках (кроме Хлебн.) «сю», но, может быть, для XI в. лучше принять «сию». *Стрк. 11 и сл.* О рождении Святослава Ярославича см. § 254 и 265. О комете см. § 265. Замечательно, что в Ипат. и Хлебн. опущено известие о комете. Я отношу его не к 6536 г., а к 6535 г., между прочим, на основании Соф. 1-й. У Pingré (*Cométographie ou traité historique et théorique des comètes*. Paris, 1783) упомянуто о комете, бывшей видною в Европе в 1027 (6635) г. *Стрк. 14.* Радз. и Соф. 1-я дают чтение «Белзы», но останавливаюсь на чтении Ипат. (которая имеет «Белзь» и в других своих частях). О рождении Всеволода Ярославича см. § 254 и 265. *Стрк. 16 и сл.* О захвате Червенских городов см. § 254. Обращаю внимание на чтение Лавр. «вои мѣногъ», что в Ипат. и Радз. исправлено в «воя многы». *Стрк. 19.* Быть может, лучше порядок Ипат. сп.: «И посади Ярославъ своя»; в Радз. вместо «посади своя» — «посадивъ я». *Стрк. 21.* О смер-

ти Евстафия Мстиславича см. § 254. *Стрк. 22 и сл.* О смерти Мстислава см. § 233. *Стрк. 23.* В Лавр.: «у святого Спаса»; в Радз. «у церкви святого Спаса». Не прибавить ли после «положиша» — «Черниговъ», как в Соф. 1-й; может быть: «и положиша и Чьрниговъ у святого Спаса, иже бѣ самъ заложилъ»; но в таком случае ниже: «бѣ бо възьданъ», а не «въздано ея». В Ипат.: «юже создалъ самъ», Хлебн.: «юже бѣ самъ създалъ». *Стрк. 25.* В Ипат. и Радз. «рукою досячи», что, быть может, лучше (в Соф. 1-й: «яко на кони досячи стоя»).

С. 402, стрк. 1 и сл. О характеристике Мстислава см. § 233. *Стрк. 5.* В Лавр. «перая», а в Радз. и Ипат. «прия», ср. с. 371, стрк. 18. Я даю предпочтение чтению Ипат. и Хлебн. «единовластець» ввиду того же чтения у Длугоша (§ 217). *Стрк. 7 и сл.* О поездке Ярослава в Новгород и рождении Вячеслава см. § 254 и 265. *Стрк. 10 и сл.* Об осаде Киева печенегами см. § 126, 265. *Стрк. 11.* Быть может, лучше «обстоять», как в Хлебн. и Соф. 1-й. *Стрк. 12.* Не думаю, чтобы лучше было: «и въниде въ градъ съ вой» (как напечатано в издании Соф. 1-й). *Стрк. 16.* Быть может, лучше «приступати почаша», как в Радз. и Соф. 1-й (в Ипат. «приступати начаша»); впрочем, Хлебн. вместо этого дает «приступиша». *Стрк. 20.* В Ипат. вместо «ови бѣжаше» — «овии бѣгающе». Ср. «бѣгающе» на с. 406, стрк. 27. *Стрк. 22 и сл.* О заточении Судислава см. § 222. *Стрк. 23.* Чтение «оклеветанъ» имеют Лавр., Радз., Моск.-Акад., Хлебн.; в Ипат. «оклеветаны»; если не принять предложенной поправки, то придется вставить после «оклеветанъ» слова «бо бѣ» (как в Соф. 1-й). *Стрк. 24 и сл.* О закладке Св. Софии и проч. см. § 172, 177, 181, 184, 225—227. В Ипат. и Хлебн. после «великыи» вставлено «Кыевъ», что вряд ли первоначальнее. *Стрк. 25.* В Ипат.: «церковь святая Софья, Премудрость Божию, митрополью»; в Хлебн.: «церковь Премудрость Божию святый Софiei, митрополью»; но остаюсь при чтении Лавр. и Радз. *Стрк. 26.* После «вратѣхъ» в Ипат. и Хлебн. прибавлено «камену», что, быть может, вставлено позже. За словом «Благовѣщение» в Ипат. и Хлебн. явная вставка: «сии же премудрыи князь Ярославъ то того дѣля створи Благовѣщение на вратѣхъ, дати всегда радость граду тому святымъ благовѣщениемъ Господнимъ и молитвою святая Богородица и архангела Гаврила».

С. 403, стрк. 2. И в Ипат. было «раширяти», но потом исправлено в «расширятися», как в Радз. (в Хлебн. и Моск.-Акад. «расширяти»). *Стрк. 5.* Вследствие галлографии вместо «почитая я» во всех списках, кроме Лавр., где «почитая е», находим «почитая». *Стрк. 6.* Радз. и Ипат. дают «писмя» вместо «письмо» (но в Хлебн. «письмо»); Ипат.: «на Словеньскыи языкъ и писмя»; остаюсь при чтении Лавр. Неправильный перенос надстрочных букв в строку, ср. с чтением Лавр. сп. под 6562 г. «покоривыть» вместо «покорить вы». *Стрк. 8.* В Ипат. и Хлебн. «учения божественаго гласа», что вряд ли лучше. Извлекаю «кѣнигы» из Хлебн. сп., где читаем: «Ярославъ же сеи, якоже рекохомъ, любимъ бѣ книги и многи исписавъ»; но возможно, что уже в Нач. св. читалось, как в прочих списках ПВЛ: «Ярославъ же съ, якоже рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ, многи написавъ»; в таком случае наше чтение «книгы» является построенным на основании следующего «многы». *Стрк. 9.* Итак «сеи» изменено в «Софии»; конечно, конструкция «въ святѣи Софѣи церкви» (Лавр.) не может быть первоначальной. *Стрк. 10.* В Ипат., может быть, первоначальнее: «и украси ю иконами многоцѣнными и златомъ и сребромъ и съсуды церковными». *Стрк. 12.* Предположенное «си» находит себе соответствие в предположенном «сеи» предшествующей фразы. *Стрк. 13.* Быть может, следует дополнить «ставляше» именем «Ярославъ»; оно оказалось излишним в Нач. св. после выделения сообщения об освящении Св. Софии в особое известие. *Стрк. 15.* Поправка «попови» на «попомъ» необходима ввиду последующего «тѣмъ»; Ипат. сохранила «попови», но изменила «тѣмъ» на «тому». *Стрк. 15—16.* Можно бы допустить: «веля имъ приходити часто къ църкѣвамъ и учити люди», но пропуск в Лавр. слов «попомъ бо часто достоитъ учити люди», зависевший от механической причины (ср. выше «учити люди»), указывает на порядок, нами принятый.

С. 404, стрк. 1. Благодаря вставке в ПВЛ «зѣло» отделено от слов «И радовашеся Ярославъ»; вставка была, в сущности, излишняя, ибо в предыдущем читаем: «и умножишася прозвутери и людѣ хрестьянстии». *Стрк. 3 и сл.* О

походе Владимира на греков см. § 171, 225, 243. О трех вставках в первоначальный текст см. § 243. *Стрк. 9.* И Миклошич поправляет: хотящемъ. *Стрк. 12.* Ср. в похвале Борису и Глебу в житийном сказании: «якоже великии Димитрии в Селуни, рекъ бо онъ: аще в веселии с ними бѣхъ, то и погибающимъ имъ с ними оумру». Быть может, ввиду этого следует читать: «аще живъ съ ними бѣхъ, то и погину съ дружиною». В Лавр.: «аще живъ буду с нимъ, аще погину, то с дружиною»; в Ипат.: «аще живъ буду, то с ними, аще ли погибну с дружиною». Но предпочитаю предложенное в тексте чтение и думаю, что вставка «с ними» после «аще живъ буду» явилась под влиянием предшествующих: «не идяше с ними», «азъ поиду с ними»; ср. в Лавр. «высьде ис корябля с ними» вместо «къ нимъ». *Стрк. 16.* Я поправил «олядия» вместо «оляди», как в списках, ср. греч. *χελάνδιον*; впрочем, возможно и «оляди» (им. ед. «олядь» при «олядие» или «олядия»). И Миклошич поправляет: «възвратишася», но сохраняет «въ Русь».

С. 405, стрк. 1 и сл. О кончине Ярослава см. § 128, 223, 248, 253¹. *Стрк. 4.* В Ипат. «а вы, сынове мои», что, быть может, лучше. *Стрк. 9.* Во всех списках, кроме Лавр., «ненавистно», что, быть может, лучше. *Стрк. 13.* В Ипат. и Соф. 1-й «столь свои», что, может быть, лучше.

С. 406, стрк. 1. Вставку «мѣсяца февраля» перед «въ субботу» находим и в Ком., и в Соф. 1-й, и в Ипат., и в Хлебн.; кроме того, в Ипат. и Хлебн. за «мѣсяца февраля» приписано «въ 20», а в Ипат. после «поста» прибавлено: «въ святаго Федора день», чему соответствует в Ком. и Соф. 1-й «на святаго Θεοδора». Думаю, что все это позднейшие поправки, и остаюсь поэтому при чтении Лавр. и Радз. *Стрк. 6.* Ввиду вставленного выше «и плакашася по немъ людие» в Радз. здесь «и людие вѣси» заменено словами «и Кияне», а в Моск.-Акад. опущено; в Ипат. слова «и плакашася по немъ людие» опущены; в Соф. 1-й: «и плакашася по немъ вси людие», а ниже опущено: «И плакася по немъ Всье-володь и людие вѣси». *Стрк. 10 и сл.* О походе на торков см. § 222, 249. Возможно, что это и следующее известия попали в Нач. св. не из Древн. св. (в Печерской редакции), а из Выдубицкой летописи (о которой см. § 252); в особенности смущает меня то обстоятельство, что о нападении половцев на Русскую землю ниже, под 6569 г., сообщено, что в это время половцы «пришли первое» на Русскую землю. *Стрк. 13.* В Радз., Хлебн., Соф. 1-й: «и возвратишася Половци», но я держусь чтения Лавр. и Ипат. *Стрк. 15 и сл.* О кончине Вячеслава Ярославича см. § 249, 253¹. *Стрк. 18.* О победе над голядью и см. § 249. *Стрк. 19 и сл.* Об освобождении Судислава см. § 222, 249. *Стрк. 21.* В Радз. и Соф. 1-й «и бысть чернець», что вряд ли предпочтительнее. *Стрк. 22.* О кончине Игоря Ярославича см. § 249, 253¹.

С. 407, стрк. 4 и сл. О нашествии половцев и первой точной хронологической дате Древн. св. см. § 221. *Стрк. 10 и сл.* О начале Печерского монастыря см. § 191⁵—191¹², 223, 244—247. *Стрк. 20.* Быть может, «възложи», как в Ипат., ср. ниже «възложи сему Богъ въ сѣрдце». Быть может, первоначально читалось: «и постави Иларіона митрополитѣмъ», ср. пропуск местоимения «и» после «постави» в Радз., Хлебн. и первоначально также в Ипат. *Стрк. 21.* Чтение «въ святѣи Софії», а не «святѣи Софії», оправдывается Лавр., Радз.; ср. то же во всех списках, кроме Ипат., в самостоятельном известии о поставлении Илариона в начале статьи 6559 г. *Стрк. 22.* Сохраняю «такѡ ста» ввиду Лавр., Ипат., Хлебн.; в Радз., быть может, лучше: «такѡ оста». *Стрк. 25.* Любопытна поправка «въ страны» вместо непонятного «въ страну» (за пропуском «Гречьску») в Радз. и Моск.-Акад.; в Переясл.: «въ странство поити».

С. 408, стрк. 1. В Ипат. и Хлебн.: «въ единъ монастырь», но я опускаю «ма-настырь» ввиду последующего. *Стрк. 2.* Быть может, лучше «того монастыря». *Стрк. 5.* Слова «и рече ему» сохранились в Лавр. случайно; Радз. и Моск.-Акад. опустили их, хотя и имеют «яко», в Ипат. и Хлебн. опущено «рече ему яко». *Стрк. 15.* И в Ипат. «и не дадя». *Стрк. 18.* В Лавр. и Радз. «приноса же»; не читать ли «приносаще еже на потребу ему бѣ»; ср. Хлебн. «еже бѣ на потребу его»? *Стрк. 19.* Слова «прослу же (в Лавр. «якоже») великыи Антонии, и приходяще къ нему» исключаю ввиду последующего «И увѣданъ бысть вѣсьми ве-

ликий Антоний». *Стрк. 21.* Относительно чтения «прея» вместо «прия» списков см. 371.

С. 409, стрк. 5. Быть может, лучше «о собѣ», как в Радз. и Ипат.; в Хлебн. «особѣ». *Стрк. 6.* В Ипат. и Радз. вместо «ити» — «сѣсти», но это не согласовано с предшествующим «въ ону гору». *Стрк. 10.* В Радз. и Ипат.: «братия же и игумень», что вряд ли лучше. *Стрк. 16.* В Радз. и Ипат.: «църквьцю малу», что, быть может, лучше, ср. ниже «църквьцю малу». *Стрк. 19.* В Нач. св. (и ПВЛ): «Манастыреви же свершену, игуменьство держащу Варламови, Изяславъ же постави», уже это «же» доказывает непервоналичность чтения.

С. 410, стрк. 6—7. В Ипат.: «кто боли есть в васъ, акъ есть Феодосии, послушливъ и кротокъ, и смиренны»; в Переясл.: «якожь Феодосіи, послушливъ, и кротокъ, и смиренъ». *Стрк. 11.* В Лавр.: «и велико», но опускаю «и» ввиду следующего «и», а также ввиду отсутствия его в Ипат. и Радз.

С. 411, стрк. 8. Ставлю многоточие ввиду невозможности восстановить начало следующего отрывка; слова «а о житии Феодосіевѣ пакы съкажемъ» отношу теперь, вопреки сказанному на с. 300, на счет составителя Нач. св. *Стрк. 14.* В Ипат. и Хлебн. «сыро» опущено, а предшествующее «друзии» соединено с последующим: «а друзии в любви пребывающе».

С. 412, стрк. 18. В Ипат.: «Единою же ему разболѣвшюся», что вряд ли предпочтительнее. *Стрк. 26.* В Ипат. и Радз.: «смеживъ», что вряд ли предпочтительнее.

С. 413, стрк. 3—4. В Ипат.: «проповѣдаше, провидѣ будущая», в Хлебн.: «проповѣдаше и провидѣвъ будущая»; «провидѣ» едва ли не вызвано непонятным «предибудущая». *Стрк. 9.* Вместо «старьць» в Ипат. и Хлебн.: «братъ», что, кажется, лучше; ср. выше перед рассказом об Иеремии. *Стрк. 13.* В Радз. и Моск.-Акад. после «по объма странама» стоит «на крилосъ», что, вероятно, вставлено позже. *Стрк. 24.* Ср. ниже в конце рассказа о Матфее: «и повѣда старьць видѣние се игумену и всѣи братии». Оставляю форму «вида», ср. ее ниже на с. 420, стрк. 4, а также в Лавр. под 6545 г.: «вида множество церквий»; «вида» указывает на «виды», ср. старослав. «виждь», рус. «вижь», «завидушій». *Стрк. 27.* Может быть, лучше «идяху», ср. ниже «исхожаше», а в особенности «идушю же ему единою», если только принять чтение «единою» (Ипат.) вместо «единому» (Лавр.).

С. 414, стрк. 6. «сѣдѣи» вместо «сѣдѣ» (Лавр. и Ипат.) находим в Хлебн. *Стрк. 7.* В Радз. и Ипат.: «Толбоковича». *Стрк. 11.* В Ипат.: «яко выскочилъ», вероятно, испорчено вместо «яко давѣ скочилъ». *Стрк. 14.* В Лавр.: «в мирѣ, в житиѣ мирьстѣмъ», в Радз. и Ипат.: «в житиѣ мирьскомъ»; по-видимому, Лавр. представляет соединение двух редакций. *Стрк. 18.* Любопытно отметить формы с «тъ», вообще мало обычные в Древн. св.: «приятъ», ниже (стрк. 21): «въсприятъ», еще ниже (с. 417, стрк. 9): «въсприятъ». *Стрк. 20.* В Ипат.: «имя ему мирьское». *Стрк. 26.* В Ипат.: «и ту моляше Бога беспрестани день и ночь».

С. 415, стрк. 2. В Лавр.: «не лѣгавъ», но «не» лишнее; в Ипат.: «ни на ребрехъ лежа». *Стрк. 11—14.* В Лавр.: пропуск «съ ангелы. И въставъ... то ти Христосъ» явился по причине механической, после слова «Христосъ». *Стрк. 15.* «памяти» 3-е л. аориста глагола «памятити», известного в русских памятниках. *Стрк. 22.* В Лавр. здесь и ниже (с. 417, стрк. 6): «ать»; но в Ипат.: «ать»; поправляю ввиду «ать» на с. 427. *Стрк. 24.* В Ипат.: «ле жива»; в первоначальном тексте могло быть «лѣ жива». *Стрк. 28.* В Лавр.: «Господи, благослови, отче Исакие»; но в Ипат. и Радз. нет «Господи». *Стрк. 27—29.* Слова: «гласа... и не бысть» опущены в Лавр. по причине механической, после: «и не бысть».

С. 416, стрк. 11. В Ипат. и Радз.: «Болдину гору». *Стрк. 13.* В Лавр.: «и до сего мѣста»; в Радз.: «и до сего дни»; в Ипат.: «и до сихъ днии»; объясняя чтение Лавр. сп. как комбинацию двух источников: в одном было «близъ сего мѣста» (ср. в Патерике: «и до нынѣ, близъ Чернигова»), а в другом «и до сего дни», а может быть, было: «до сего дѣне близъ сего мѣста» (пропуск «дѣне близъ сего» механический).

С. 417, стрк. 4. В Лавр.: «ноли»; в Радз.: «оли»; в Ипат.: «олны»; «ноли» имеет здесь значение до тех пор, пока не; полнее было бы: «и не възьмаше его оли,

ноли вложить будяше». *Стрк. 10.* В Ипат. и Радз.: «дерзновение и въздержание жестоко». *Стрк. 17.* В Ипат. и Радз.: «в вѣки, аминь». *Стрк. 18 и сл.* О смерти Судислава см. § 238, 253¹. *Стрк. 20 и сл.* О тмутороканских событиях см. § 238. *Стрк. 20—24.* Пропуск в Лавр. произошел механически: Тмутороканю — Тмутороканю. В древних списках Тмуторокань муж. р., а в Соф. 1-й жен.; поэтому в ней: «бѣжа Ростиславъ Тмуторокани», ниже «изъ Тмуторокани».

С. 418, стрк. 2. И в Лавр. и в Ком.: «възвратися», а не «и възвратися»; ввиду этого, быть может, лучше читать выше «и посадивъ... възвратися», тем более что в Ком., Моск.-Акад. и Акад.: «и посади». *Стрк. 6 и сл.* Относительно этих явлений и знамений см. § 237, 238. *Стрк. 8.* В Радз. и Соф. 1-й: «по западѣ»; так было в Ипат., но переделано в «по заходѣ». *Стрк. 10.* Нашествие поганых — это то, о котором говорится под 6576 г. *Стрк. 12.* Вместо «крѣви пролитие», как в Лавр. и Ипат., в Радз. и Ком.: кровопролитие. *Стрк. 13.* В Ипат. и Ком.: «дѣтище ввержено», но в Соф. 1-й: «дѣтищъ ввержень». *Стрк. 14.* В Соф. 1-й и Ком. (но не Акад.): «вывлекоша». *Стрк. 19.* Быть может, лучше было бы «снѣдаема суца». *Стрк. 20 и сл.* Рассказ о волхве в Нач. св. вместе со всем последующим перенесен под 6579 (1071) г., о чем см. § 253. *Стрк. 21.* В Ипат. «явили ми ся», что, может быть, лучше и оправдывает чтение «глаголюще». *Стрк. 25.* В Ипат.: «на Руской земли», а в Ком. и Соф. 1-й: «на Русьской земли, а Русьской земли (в Акад. опущено) на Гречьской земли».

С. 419, стрк. 5. Может быть, лучше было бы «научивше ѳ». *Стрк. 5—6.* Во всех списках, кроме Лавр., «яко се», что, быть может, лучше. *Стрк. 7 и сл.* Относительно волхвов в Ростовской области см. § 164, 253. *Стрк. 16.* В Ком. и Акад. «взимашета», что, может быть, лучше; в Соф. 1-й: «взимахуть»; в Хлебн. «имашета»; в Ипат. «имаша». *Стрк. 17.* Держусь чтения Ипат. сп. «о нею» ввиду нижеследующего «около ею» (стрк. 23). В Радз., Ипат. и Хлебн. общая ошибочная поправка: «инѣхъ 300» вместо «нѣ 300» (Лавр.); в Ком., Акад. и Соф. 1-й: «нѣ» опущено. *Стрк. 23.* Быть может, первоначально читалось: «посылавъ къ нимъ, рече», а слова «иже около ею суть» интерполированы; ср. в Акад. и Соф. 1-й: «пославъ къ нимъ, иже около ею суть, рече къ нима» (Соф. 1-я: «къ нимъ»). *Стрк. 25.* Чтение «моя и моего кнѣзя» не только в Лавр., но и в Акад., а в Соф. 1-й: «моего князя и мои»; в Ком., Ипат. и Моск.-Акад.: «моего князя». *Стрк. 28.* Читаю «оружие» не «оружия», как в Лавр. и Радз., ввиду Ком., Ипат., ср. с. 375, стрк. 25: «възъмъше оружие».

С. 420, стрк. 1. Во всех списках, кроме Лавр., «къ лѣсу», что, может быть, предпочтительнее. *Стрк. 4.* Относительно формы «вида» см. с. 413, стрк. 24. *Стрк. 5.* Во всех списках, кроме Лавр., «оному же». *Стрк. 7.* Отсутствие в Лавр., Хлебн., Радз., Акад. союза «и» перед «повелѣ» наводит на мысль, что первоначально могло читаться «и ударъ и» (вместо чего «и удари и»), ср. «и удари» в Ипат., Радз. и Моск.-Акад. *Стрк. 11.* Во всех списках, кроме Лавр., «отъ васъ за лѣто», что, быть может, лучше. *Стрк. 13.* Возможно и «только», как в Радз. и Ком. *Стрк. 14—15.* В Ипат. и Переясл. в первом случае: «держать гобину»; во втором — в Ипат. «будеть обилье» (но в Переясл.: «то явится гобино»); не так ли было первоначально? *Стрк. 18.* Миклошич предложил читать «сѣставль» вместо «сѣставленъ»; я решаюсь дополнить «сѣставль» еще вставкой «ю» (т. е. землю). *Стрк. 19.* Поправляю здесь и ниже (стрк. 21) «рекоста» (Лавр.) на «рѣста» ввиду стрк. 28 и 29. По исключении, на основании соображений, высказанных в § 253, слов «и не вѣсть никтоже, нѣ тъкмо единъ Богъ вѣсть», слова волхвов оказываются как будто неожиданными: «вѣ вѣвѣ, како естъ чловѣкъ сѣтворенъ»; но сохранение предполагаемой вставки не улучшает дела: я не мог сказать, что не знает, как сотворен человек, и этим вызвать реплику волхвов (о сотворении человека учит Писание); следовательно, слова «и не вѣсть никтоже» и т. д. не относятся к сотворению человека. В Соф. 1-й: «а вы невѣсте ничтоже (К. и О.), токмо единъ Богъ вѣсть». *Стрк. 22.* В Лавр. находим «ветъхомъ»; в Радз. «ветхимъ»; в Соф. 1-й «ветхемъ»; ср. наше «ветошка»; в остальных списках «ветхемъ» (Моск.-Акад., Ипат., Хлебн., Ком., Акад., Переясл.); в пользу «ветъхъмъ» говорит и следующее на стрк. 23 «въ немъ»; «ветъхъ» было бы жен. р.

С. 421, стрк. 1. В Ипат. и Хлебн.: «То кьи естъ Богъ»; в Ком. и Соф. 1-й: «То кьи то Богъ»; в Акад.: «То кый той Богъ»; быть может, вместо «какьи то Богъ» предпочтительнее «то кьи то Богъ». Стрк. 17. Чтение «проскъпъмъ» оправдывается Лавр., Ипат., Хлебн., Акад., Ком.; в Радз. и Моск.-Акад.: «роскъпомъ»; в Соф. 1-й: «рощепомъ», но в К. и О.: «проскепомъ». Стрк. 19. Во всех списках, не исключая Лавр., «и повелъ». Стрк. 20. В Лавр. и Радз.: «и пусти пред собою лодъ», в Ипат.: «предъ собою лодьяхъ», а в остальных списках: «в лодии» (Хлебн., Акад. и Соф. 1-я); «в лодьи» (Ком.).

С. 422, стрк. 6. Вместо «убиша» в Ипат. «избиша»; в Хлебн. «възбиша»; быть может, лучше «избиша», ибо убитых не стали бы вешать. Ипат., Хлебн. и Акад. имеют «на древъ», Лавр. и др. «на дубъ»; возможно, что предпочтения заслуживает первое чтение. Стрк. 8. В Лавр. и Ипат.: «възлъзъ (влъзъ), угрызъ ею (я) и снъсть (снъде)»; но «угрызъ» — это прич. прошед. вр., следовательно, оно должно быть соединено с предшествующим «възлъзъ» союзом «и». Стрк. 10. Предложенная поправка находит поддержку в чтении Радз.: «инъмъ ведуща», не «въдуша», а также в словах «на зъло въводить» на с. 419, стрк. 4. Стрк. 20 и сл. См. § 253. Большинство списков указывают на чтение: «Въ си бо времена, в лъта си»: Лавр., Соф. 1-я, Ипат. и Хлебн. (где «и в сь лъта»); Акад. (где «и въ лъта си»); Ком. (где «и в лъта»); сомневаюсь, однако, чтобы такое чтение было первоначально. В Радз. только: «В си бо лъта». Стрк. 24. В Хлебн. и Соф. 1-й: «празъ», что, быть может, более первоначально. В Лавр. и др.: «кудесникъ же», но в Ипат. нет «же». Стрк. 25. В Лавр., Ипат. и Хлебн.: «оцъпъ»; в Радз.: «оцѣпъвъ»; в Соф. 1-й: «оцъпнъвъ»; в Моск.-Акад.: «оцѣпнѣвъ»; в Акад.: «оцѣпнѣвъ»; в Ком.: «оцѣпѣвъ»; «оцѣпъ» указывает на «оцѣпнути». Стрк. 30. Здесь «мьчѣтавъше» значит, вероятно, представив, изобразив, а «имъ» — через него, посредством него.

С. 423, стрк. 6. Принимаю поправку Миклошича: «крила ти хвосты», но рукописная традиция доказывает и иное понимание: Лавр. и Радз.: «крилаты»; Акад., Ком. и Соф. 1-я: «и крилати (крилатъ)»; в Ипат. находим: «крила ти хвостъ имущи»; в Переясл.: «крила имуще и хвосты»; в Хлебн.: «крила ти хвосты имуще». Стрк. 9. В Соф. 1-й: «аще ли кто отъ нашихъ людей умираеть». Стрк. 26. Во всех списках, кроме Лавр.: «иного» вместо «и иного», что, может быть, лучше; в Соф. 1-й вместо «въ иного образъ» — «во инъ образъ». Стрк. 27. В Лавр.: Анни и Маврии; в Радз.: Аньнии и Мамъврии; в Ипат.: Аньнии Заврии; в Соф. 1-й: Аній и Замврій; в Переясл.: «Аннии и Амбрии»; в Хлебн.: Аннии и Амврии; в Ком.: а ині и Абри; в Акад.: Иании и Абри.

С. 424, стрк. 5 и сл. О возмущении в Новгороде см. § 130, 253. Стрк. 6. Ввиду повторения слов «глаголашьте бо» ниже нельзя ли предположить, что первоначально читалось: «творящесь аки Богъ... глаголашьте бо людемъ, яко провъдъ всься? Ср. в Ипат.: «творяшьте бо ся аки («ся аки» на место зачеркнутого «людемъ») богомъ», в Хлебн.: «творяше бо ся аки богомъ». Стрк. 11. Прибавка имени епископа «Феодоръ» в Ком., Акад., Соф. 1-й возникла, думаю, в Новгородской редакции (1167 г.) ПВЛ (§ 177). Стрк. 13. В Соф. 1-й: «аще ли въруеть ко кресту, да идеть по нь», что, может быть, лучше. Стрк. 24. В Ком., Акад., Переясл. и Соф. 1-й: «погибе душою и тълъмъ», что, может быть, лучше. Стрк. 25 и сл. См. § 229, 240, 249.

С. 425, стрк. 1. Тем охотнее вношу поправку «на» вместо «у», что с этим «у» не согласовано в Лавр. дальнейшее: ср. «у инъхъ странахъ»; правда, можно признать, что «у» стоит вместо «въ» (ср. в Ипат.: «и в ыныхъ странахъ»), но списки держатся упорно «у», давая затем род. пад. («у инъхъ странъ» Хлебн. и Радз.; «у ыныхъ странъ» Ком., Акад. и Соф. 1-я). Стрк. 7. В Ипат. «вдасть князю», но зато ниже (стрк. 9) «дасть князю»; в Хлебн., Ком., Акад. и Соф. 1-й в обоих случаях «дасть». Оставляю чтение Лавр., подкрепленное и Радз. сп. Стрк. 11. Во всех списках: «котопанъ же пришедъ», но «же» лишнее. Стрк. 14. В Хлебн. и Соф. 1-й: «на рати»; в Ком.: «на ратъ», что вряд ли лучше. Стрк. 18 и сл. См. § 229, 238, 249. Стрк. 23. И в Хлебн.: «вдаша на щиты»; в Соф. 1-й: «дашана щить»; в Радз., Ком. и Акад.: «възяша на щить»; в Ипат.: «възяша на щиты»; вряд ли предпочтительнее чтение Радз. и сходных списков, ибо подле-

жащим является «си же братия». Стрк. 26. В Соф. 1-й: «мнози падоша» вместо «и мнози падоша».

С. 426, стрк. 4. В Лавр., Ипат.: «надыявсья (надыся) цѣловани»; в Хлебн.: «цѣлованию»; в Радз.: «на цѣлование»; держусь чтения «о цѣловани» Ком. и сходных списков. Стрк. 8. Чтение «приведъ», кроме Лавр., в Соф. 1-й; в остальных «приведе». Стрк. 10 и сл. О событиях 6576 г. см. § 1145, 1146, 240, 250. Стрк. 13. «побѣдиша Половци» читаем в Хлебн., но там опущено «и побѣгоша Русьстии князи»; в Ипат. «и побѣгоша Половци». Стрк. 14. В Соф. 1-й опущено поучение о казнях Божиих, но опущение это принадлежит редактору свода 1448 г. или свода 1423 г.; мы читаем: «и побѣгоша Русьстии князи. Изяславу же со Всеволодомъ къ Киеву прибѣгшу, а Святославу къ Чернигову, и людіе Кіевстии прибѣгоша къ Киеву». Стрк. 21. В Ипат.: «на Коснячъ»; в Хлебн., Ком., Акад. и Соф. 1-й: «на Косняча»; в Радз.: «на Кисняча»; держусь чтения Лавр., ср. ниже «Коснячъковъ» в Ипат., Радз. (но в Ком., Акад. и Соф. 1-й: «Коснячевъ»).

С. 427, стрк. 3. В Ипат., Хлебн., Радз. опущено «свою» после «дружину», но Ком. и Акад. поддерживают чтение Лавр. Стрк. 7. Только в Хлебн. «долу». Стрк. 10. В списках К. и О. Соф. 1-й: «възвысися»; в некоторых других списках: «възвылися» и «възвысилися». Ср. «людіе Новгородьстии възвысившесе идуть на тя» Воскр. VII, 72, причем в Рост. сп.: «възвышесе». Стрк. 14. Чтением Ипат. и Моск.-Акад. «проньзнути» поддерживается чтение Акад. и Лавр.; возможно, что надо поправить: «проньзнути». Стрк. 18—19. Слова «людіе же выскоша... двора княжа» опущены в Ком. и Акад. механически после читающегося теперь «съ двора князя» (стрк. 17), и это доказывает, что в первоначальном оригинале было «съ двора княжа». Стрк. 19. Чтение «прославиша» и в Лавр. и в Радз.; в Моск.-Акад. ошибочное «преставіся»; в Ипат., Хлебн. и Соф. 1-й: «поставиша». Стрк. 21. Замена «сороку» — «бѣлю» в Лавр., Радз. и Соф. 1-й, по-видимому, обязана северному редактору. Относительно слов: «злата и сребра, кунами и скорою» см.: Соловьев С. М. История России. Т. III, гл. I. Стрк. 27. В Ком., Акад., Соф. 1-й: «в тебе вѣровахъ»; в Ипат., как в Лавр. и Радз.; в Хлебн. «тебѣ вѣровахъ».

С. 428, стрк. 1. Не стояло ли первоначально: «на показание княземъ Русьскимъ»? Ср. засим «да не преступають». Стрк. 5. Во всех списках «побѣжени», но для XI в. вероятнее «побѣжены». Стрк. 5—6. В Ипат. и Хлебн.: «крестомъ бо Господь княземъ пособить в бранехъ»; ниже (стрк. 8) опять «крѣсть» заменено «крестомъ»: «крестомъ бо въскорѣ избавляетъ (в Хлебн. «избавляемся») отъ напасти». Замечательно чтение Акад.: «крѣсть бо княземъ въ бранехъ побѣда», ср. в Радз.: «крестомъ бо княземъ и вѣрнымъ людемъ въ бранехъ победа». Не читалось ли первоначально «побѣда» вместо «пособить»? Стрк. 9. Не лучше ли «призывающая»? Стрк. 13 и сл. О событиях 6577 г. см. § 242, 251. Стрк. 22. Поправка «зажегшемъ» оправдывается тем, что перед «ступимъ» нет «и»; ср. даже в Соф. 1-й: «зажегемъ градъ свой, ступимъ въ землю Гречьскую».

С. 429, стрк. 2. В Ипат. и Хлебн. вместо «гнѣвъ имѣти» — «гнѣвомъ ити», что, конечно, представляет испорченное чтение (ср. Хлебн. под 6542 г.: «великы имѣ очи» вместо «великыма очима»). Стрк. 7. В Ипат. и Хлебн.: «исъче Кыяны», что вряд ли первоначальнее. Стрк. 8. Во всех списках: «слѣпиша», «изслѣпиша»; только в Соф. 1-й: «слѣпи», что, быть может, первоначальнее. Стрк. 14. В Ком., Акад., Ипат., Хлебн.: «въ Ляхы» (как читается в Лавр., Радз. и Соф. 1-й) опущено: оставить чтение «въ Ляхы» нельзя ввиду следующего «въ землю свою». Стрк. 17. Вместо «онъ же» в Лавр., во всех остальных «иже», что, быть может, лучше. Стрк. 24. О перенесении мошей Бориса и Глеба см. § 43, 253. Стрк. 27 и сл. О событиях 6581 г. см. § 223, 229, 240. Стрк. 28. Казалось бы, что «въ братии сеи Ярославичихъ» возможно только ввиду «совокупившесе Ярославичи: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ» в предшествующей, нами опущенной для восстановления свода статье; но отметим «си же братия» в статье 6575 г. (с. 425).

С. 430, стрк. 7. В Радз. и Хлебн.: «сватається»; в Соф. 1-й и Переясл.: «свадится», что не лучше. Стрк. 10—11. Пропуск в Лавр. и Радз.: «и съ женою... многъмъ» явился по причине механической, ср. перед ним слово «многъмъ».

Стрк. 15. В Ипат.: «паче же и Божию», что, быть может, лучше. В Ипат., Ком., Соф. 1-й и др., кроме Лавр., Радз., Моск.-Акад.: «великъ» вместо «велии». *Стрк. 17.* Всюду «Сифову», «Сифову», но в списке К. Соф. 1-й здесь и ниже: «Симову», «Симова».

С. 431, стрк. 3. О вставке «Новъгородъстии людие, рекомии» см. § 201. *Стрк. 4.* О вставке «и Чюдъ» см. § 202, 288. *Стрк. 6.* О вставке «и Чюди» см. § 202, 288. *Стрк. 6 и сл.* Относительно сказания о призвании варягов см. § 195—205, 287; в частности, о словах «и поставиша... посадиша старѣишину Гостомысла» см. § 160¹, 177, 180, 202, 287. *Стрк. 8.* В Лавр., Радз., Ипат., Хлебн.: «в собѣ», но в утраченной Троиц., как в Ком. и Толст., «собѣ». *Стрк. 10.* В Ком.: «а Кривици свою, а Мере свою, кождо своимъ родомъ владаше, а Чюдъ своимъ родомъ», как указано в § 202, упоминание о владении родом принадлежит вставке составителя Нач. св. *Стрк. 12.* В Нач. св. «градъ на градъ» было изменено, кажется, в «родъ на родъ» (Лавр., Радз., Ипат., Хлебн.), причем Лавр., Ипат., Хлебн. указывают на «въста» перед этими словами, а Радз. на «въсташа». *Стрк. 13.* В Лавр., Радз.: «и рѣша сами въ себѣ», а в утраченной Троиц.: «рѣша сами себѣ». *Стрк. 14.* В Лавр. вместо «рядиль» — «судиль», но в Радз., Ипат., Хлебн.: «рядиль»; в Ипат.: «рядиль по ряду, по праву»; не было ли первоначально: «иже бы владѣль нами по ряду и судиль ны по праву»?

С. 432, стрк. 1. В списках ПВЛ нет «къ намъ», в Радз. вместо этого «у насъ». *Стрк. 3.* В Ком. и Толст.: «дружину многу и предивну», см. об этом с. 218, примеч. 1. *Стрк. 4.* Вместо «Рюрикъ» в Ком. «бѣ имя ему Рюрикъ»; ниже в Ком.: «сѣде на Бѣлѣозерьѣ»; ниже (стрк. 5) в Ком.: «имя ему Труворъ». *Стрк. 5.* О словах «находьникъ тѣхъ» см. § 204. *Стрк. 5.* В Лавр.: «Варягъ находьникъ тѣхъ» опущено по причине механической, после слова «тѣхъ»; в Радз., Ипат. опущено «находьникъ тѣхъ». *Стрк. 6—7.* О словах «и суть Новъгородъстии... Варяжска» см. § 200, 204, 288. *Стрк. 6.* Слова «и суть... Варяжска» в Лавр. переделаны в «Новугородьци, ти суть людье Новгородьци от рода Варяжска»; ср. Доп. примеч. к с. 361, стрк. 4. *Стрк. 9.* О вставке «Словѣне» см. § 201, 206⁸; ср. в Толст.: «и быша у него мужи Варязи Словени». *Стрк. 10.* О вставке «Словѣномъ» см. § 206⁸. *Стрк. 11—12.* О словах «а отъ Новагорода... еже и нынѣ дають» см. § 180, 182, 183, 201, 206⁷—209⁹, 268¹, 288. *Стрк. 15 и сл.* О дани, возложенной Олегом на греков, см. § 209, 287. *Стрк. 17—22.* О парусах руси и словен см. § 208. *Стрк. 17.* Вместо «шиите», быть может, лучше «исшиите» (Хлебн.), «ишиите» (Ипат.); в Переясл.: «ищите». *Стрк. 18—20.* Быть может, первоначально читалось «коприньны, коприньныя», ср. болг. «коприна», шелк (Миклошич). *Стрк. 20.* В Ком. и Толст.: «и раздра вѣтръ кропинныя», но я держусь чтения Ипат. и Радз. (§ 208). *Стрк. 21.* Поправляю «тѣлстинъ» вместо «толстинахъ» Ком.; в Радз., Ипат.: «своимъ толстинамъ». *Стрк. 22.* В Ипат.: «пре кропинныя» вместо «прѣ» (как в Радз. и Ком.); чтение Ипат., конечно, более позднее. *Стрк. 23.* О могиле Олега в Ладоге см. § 207, 287.

С. 433, стрк. 4 и 6. Коростень вместо Искоростень см. § 116. *Стрк. 9 и сл.* О даянх, уставленных Ольгой, см. § 116, 288. *Стрк. 10.* В Ком. и Акад.: «и до Лузѣ оброки и дани» опущено по причине механической, после слова «дани». Ввиду Ипат., быть может, следует читать: «и по Лузѣ погосты, оброки и дани». В Архангелогор.: «и устави помосты (быть может, вместо по Мсте) и погосты и дань». *Стрк. 11.* В Ком. и Акад.: «и знаменіе и мѣста по всей земли и погосты»; исключая «по всей земли» как лишнее. В Ком. и Акад.: вместо «сани» — «санки». *Стрк. 18 и сл.* О приглашении Владимира на стол новгородский см. § 171, 177, 219¹², 219¹³, 287. *Стрк. 21.* В Моск.-Акад.: «абы нашель» (очевидно, из Соф. 1-й); в Ком.: «да аще бы кто шель». *Стрк. 22.* В Ком.: «Добрыня к Новгородцемъ». *Стрк. 25.* Вместо «въдаи» (Лавр., Ипат.) в Ком. и Радз. «даи».

С. 434, стрк. 1. Вместо «ото» в Ком. «тѣй». *Стрк. 4 и сл.* Об эпизоде с Рогнедой см. § 118, 184⁴, 287. Слова «И сѣде Новъгородъ» см. под 6488 г.

С. 435, стрк. 5. О вставке «Чюдъ» см. § 118, 288. *Стрк. 6 и сл.* О посажении Добрыни в Новгороде см. § 119, 287. *Стрк. 8.* В Ком.: «постави Перуна кумиръ»; в Акад.: «постави кумира Перуна»; ср. эти чтения и в Ипат. и Хлебн., но я держусь чтения Лавр. и Радз., исправляя «кумира» на «кумиръ». *Стрк. 13—14.*

О походе Владимира на вятичей см. § 103. Стр. 21—24. О вставках имени Добрыни и эпизода с колодниками, обутыми в сапоги, см. § 120, 287. Стр. 30 и сл. О словах «и поставиша... и бысть радость всюю» см. § 161.

С. 436, стр. 3 и сл. О крещении Новгорода см. § 142, 161, 180. Вместо «и Перуна постъче» предлагаю читать «и кумиры постъче», ввиду того что выше я принял чтение «постави кумирь». Стр. 4 и сл. О поставлении церковей новгородских см. § 190. Стр. 12—13. О первых князьях новгородских см. § 121. Стр. 13. Вместо «посадиша» в Ипат. и Ком. «и посади»; держусь чтения Лавр. и Радз. Стр. 15. О вставке «и отъ Чюди» ср. § 118. Стр. 19 и сл. О событиях перед кончиной Владимира см. § 122, 162, 206, 206⁹, 271. Стр. 20. В Ком.: «дающе дань», но слова «дань» нет в Акад., Лавр., Радз. и др. Стр. 21. В Ком., Радз., Ипат.: «и тако»; в Лавр.: «и тако»; предпочитаю «такое». В Радз. и Ипат.: «вси посадници». Стр. 22. Вместо «сего не даяше» в Ипат. и Хлебн. «поча сего не даяти», что обязано, вероятно, позднейшей поправке. Стр. 23. В Ком. и Ипат.: «и мосты мостите», что, быть может, лучше.

С. 437, стр. 3. Вместо «вдасть» во всех списках, кроме Лавр.: «дасть». Стр. 9—10. Слова «Святопѣлкѣ же... мнѡжество» ср. в ПВЛ перед рассказом о новгородских событиях. Стр. 12 и сл. О сборах Ярослава против Святополка см. § 123, 273, 274. Стр. 14. Вместо «Новъгородыемъ и женамъ ихъ» в Ком. «на мужатыхъ женахъ», что, вероятно, представляет позднейшее чтение. Стр. 18. Слова «и шьдѣ, съде въ дворѣ» извлекаю из Лавр.: «и шедѣ на рокомѣ съде въ дворѣ»; отсюда же беру дальнейший текст включительно до слова «исъче»

С. 438, стр. 2—4. Я решился прибегнуть к перестановке, не допуская, чтобы слова «о, любя моя дружино» и т. д. были сказаны Ярославом на вече, и, напротив, видя ниже ту речь, с которою он обратился к вече. В ПВЛ (Нач. св.) вместо «нѣ топорво ми ихъ златѣмъ окупити» — «а нынѣ быша надобѣ». Между первою и второю речью вставлено «И утерлъ слезъ и рече имъ на вѣчи». Почему в Лавр. опущены слова «а нынѣ быша надобѣ. Утерлъ слезъ и рече имъ», неясно. В Лавр., Акад., Хлебн.: «о, любя (любая) моя»; в Ипат., Ком., Радз.: «о любимая (моя)»; даю предпочтение первому чтению. Поправляю «дружина» (Ком., Лавр. и др.) на «дружино» (Ипат. и Хлебн.), а ввиду этого сохраняю «вы» в дальнейшем: «юже вы исъскохъ» (Ком.), несмотря на «юже исъскохъ» (Акад.), «юже избихъ» (Лавр. и др.); ниже «ихъ златѣмъ окупити» поправляю на «вась златѣмъ окупити». Изменения в Нач. св. и ПВЛ произошли оттого, что речь, касающаяся дружины, представлена сказанною на вече. После «И се слышавъ Ярославъ» я вставил «печальнѣ бысть о дружинѣ», ср. в ПВЛ: «Се слышавъ Ярославъ печальнѣ бысть о отци и о дружинѣ» (в Ипат.: «по отци и по брату и о дружинѣ»; в Радз.: «по отци и по братѣ и о дружинѣ»; характерно «по» перед вставленными, по нашему предположению, позже словами). В Соф. 1-й: «печальнѣ бысть о отци и о братѣ». Стр. 9—10. В ПВЛ: «И събра Ярославъ Варягъ тысячу, а прочихъ вой 40 000»; итак, число новгородцев увеличено в 13 раз. Как предположено в § 274, в первоначальном новгородском источнике за словами «можемъ по тобѣ бороти» следовало «начаша скотѣ събирати отъ мужа по 4 кунѣ... и приведоша Варягы и въдаша имъ скотѣ» (ср. эти слова ниже). За указанием числа собранного войска следовало: «и поиде на Святопѣлка», и далее то описание Любечской битвы, которое дано ниже (с. 439, стр. 15 и сл.). См. ниже восстановление первоначального летописного текста.

С. 439, стр. 3—5. О словах «Бѣ же тѣгда Ярославъ Новѣгородѣ лѣтъ 28» см. § 123, 274. О словах «и, идя Киеву, посади Новѣгородѣ Костянтина Добрынича» см. § 123, 187. О рождении у Ярослава сына Илии и его смерти см. § 187. Стр. 10 и сл. О словах «Ярославу же прибѣгышю... по 18 гривнѣ» см. § 123, 274. Стр. 10. В Ипат. «хотяше», а в Лавр., Радз. «и хотяше». Стр. 11. Я опускаю «сынѣ Добрыниѣ» (так в Хлебн., в Лавр. «сынѣ Добрынь», в Ипат. «сынѣ Добрынь») после имени Константина ввиду предшествующего известия о посажении его в Новгороде. Стр. 14. Удерживаю чтение Лавр. «по 18 гривнѣ», между тем в Ипат., Радз. и Сильв. сб.: «по 80 гривнѣ». Стр. 16. Быть может, и здесь лучше «вои мнѡгѣ». Слова «и поиде на Святопѣлка» извлекаю из конца статьи 6526 г. ПВЛ («и поиде Ярославъ на Святопѣлка»). Стр. 16 и сл. О Лю-

бечской битве см. § 140, 163. *Стрк. 17.* После «сѣде ту на поли съ мѣножьствѣмъ вои» в своде 1167 г. (откуда Синод. сп.) была сделана вставка из ПВЛ (из статьи 6523 г. о Любечской битве); ср. в Ком. и Синод. отрывок «Ярославъ же пришедь... и нача Днѣпръ мѣрзнути». *Стрк. 19.* В Синод.: «отрокъ свой, рекъ к нему. И рекъ к нему онъси»; в Ком.: «отрокъ свой, рекъ к нему онъсѣй»; думаю, что «онъси» заменило неизвестное рассказчику имя мужа, бывшего в приязнь Ярославу; «онъси» — это несклоняемое слово, равносильное, быть может, нашему «имя рекъ». *Стрк. 23.* После «яко въ ночь велить съшися» в своде 1167 г. было вставлено применительно к ПВЛ: «и томъ вечере перевозися Ярославъ съ вои на другой полъ Днѣпра, и лодѣ отинуша отъ берега» (эти слова имеются в Синод. и Ком.); ср. в ПВЛ под 6524 г.: «Ярославъ же... противу свѣту перевозеса. И выѣдше на брегъ, отинуша лодѣ отъ берега». Соф. 1-я заменила вставку своего новгородского источника более точною выпиской из ПВЛ: «Ярославъ же заутра исполчився воемъ, противу свѣту перевозеса на ону страну Днѣпра, и выѣде на брегъ, и отинуша лодѣ отъ берега». *Стрк. 25.* В Синод.: «и бысть съчи зль»; поправляю по Ком.

С. 440, *стрк. 7—8.* О Ярославовой грамоте см. § 163, 277. *Стрк. 8.* Для наглядности привожу здесь текст событий 6522—6524 гг., как он предположительно читался в древнейшей Новгородской летописи 1017 г. ср. § 271, 272 и сл.). Этот текст в Новгородском своде 1050 г. подвергся вставкам и перестановкам вследствие соединения с текстом Древнейшего Киевского свода.

...И посадиша Ярослава Новѣгородъ. *Тѣгда же Новѣгородѣстии людие даяху Киеву двѣ тысячи гривнѣ отъ года до года, а тысящу Новѣгородѣ гридѣмъ раздаваху; тако даяху вси кѣнязи Новѣгородѣстии, а Ярославъ сего не дающе Киеву отцю своему. И рече Володимѣрь: «требите путь и мостите мосты»; хотяшеть бо на Ярослава ити, на сына своего. Ярославъ же, пославъ за море, приведе Варягы, бояся отца своего; нѣ Богъ не въдасть дияволу радости. Володимѣрь бо съконьчася, Святоплѣкъ же сѣде Киевѣ и нача избивати братию свою.*

Ярославу же не въдушю отънѣсмѣрти, кѣрмляше Варягъ мѣного, бояся рати; и начаша Варязи насиліе дѣяти Новѣгородѣцѣмъ и женамъ ихъ. Рѣкоша Новѣгородѣци: «сего мы насилія не можемъ сѣмотрити». И събѣрашася въ ночь и иськоша Варягы въ Поромони дворѣ. Ярославъ же въ ту ночь на Ракомѣ бѣше. И се слышавъ Ярославъ разгнѣвася на гражаны, и шѣдъ, сѣде въ дворѣ; пославъ къ Новѣгородѣцѣмъ, рече: «уже мнѣ сихъ не крѣсити»; и позва къ собѣ нарочитыя мужа, иже бяхуть иськли Варягы, и обльстивъ я, исьче вои славныхъ тысящу, а друзии бѣжаша из града. И въ ту же ночь приде ему вѣсть си: «отѣцъ ти умѣрль, а братія ти избіена». И се слышавъ Ярославъ печальнѣ бысть о дружинѣ и рече: «о, любя моя дружино, юже вы иськохъ вѣчера въ безумии моемъ, нѣ топѣрво ми *васѣ* златѣмъ окупити». Заутра же събѣра избытъкъ Новѣгородѣцѣ и сѣтвори вѣче на поли и рече къ нимъ: «братіе, отѣцъ мой Володимѣрь умѣрль естъ, а Святоплѣкъ сѣдитъ Киевѣ, избивая братию свою; хошю на нѣ поити; потягнѣте по мнѣ». И бѣша ему Новѣгородѣци: «аще, кѣняже, братія наша исьчена суть, можемъ по тобѣ бороти». И начаша скотѣ сѣбирати отъ мужа по 4 куны, а отъ старостѣ по 10 гривнѣ, а отъ боярѣ по 18 гривнѣ; и приведоша Варягы и въдаша имъ скотѣ. И съвѣкупи Ярославъ вои 4000: Варягъ бѣшеть тысяща, а Новѣгородѣцѣ 3000. И поиде на Святоплѣка. Святоплѣкъ же изиде противу его къ Любчю и сѣде ту на поли съ мѣножьствамъ вои. И бѣше Ярославу мужъ въ приязнь у Святоплѣка; и посла къ нему Ярославъ ношю отрокъ свои, рекъ къ нему: «онъси, чѣто ты тому величи твори? меду мало варено, а дружины мѣного». И рече ему мужъ тѣ: «рѣци тако Ярославу: даче меду мало, а дружины мѣного, да къ вечеру въдати». И разумѣ Ярославъ, яко въ ночь велить съшися, и тои ноши поидоша на сѣчу. И рече Ярославъ дружинѣ: «знаменаитеся, повиваите собѣ убрусы голову». И бысть сѣча зъла, и до свѣта побѣдиша Святоплѣка. И бѣжа Святоплѣкъ в Печенѣгы, а Ярославъ иде Киеву и сѣде на столѣ отца своего Володимѣра. И нача воѣ свои дѣлити: старостамъ по десяти гривнѣ, а смѣрдомъ по гривнѣ, а Новѣгородѣцѣмъ по десяти гривнѣ всѣмъ, и отпусти я домови всѣя, и да имъ правду и уставъ

съписа в грамоту, тако рекъ имъ: «по сеи грамотъ ходите; якоже съписахъ вамъ, тако же държите» (*Затем следовал текст не дошедшей до нас Ярославовой грамоты*).

Стрк. 9 и сл. О кратком перечне событий Ярославова княжения см. § 124, 172, 173, 177, 181, 183, 224. *Стрк. 10.* В Новгород. 4-й: «сътное идо сего дни» (Новорос., Фрол.), «иное и до сего дни» (Акад.), «сътное и до сего дни» (Голиц.); в Соф. 1-й вместо всего этого: «посрамлени». В Архангелогор.: «и отбъгоша, сътное и до его дни словеть». Слово «сътно» ср. церковнослав. «сътънъ» — печальный, грустный. Вряд ли «сътно» испорчено вместо «тоняху въ Сътмли». *Стрк. 17 и сл.* О заточении Константина посадника см. § 163, 188, 279, 280, 289.

С. 441, стрк. 1 и сл. О войне Ярослава с Брячиславом см. § 124, 164, 177, 180, 281, 289. *Стрк. 1.* В Соф. 1-й вместо «приде» — «поиде»; «прииде» в Новгород. 4-й и в ПВЛ. Вместо «съ вой ис Полотъска» (Соф. 1-я и Новгород. 4-я) удерживаю «ис Полотъска». *Стрк. 2.* Вместо «възя» в Лавр. и др. «зая». *Стрк. 3.* Принимаю поправку Карамзина и читаю «Судомъ рѣцъ» вместо «Судомири рѣцъ» (Лавр.); «Судомиръ рѣцъ» (Новгород. 4-я); ср. в Синод. летописи XVI в. № 793: «на Судомъ рѣцъ». *Стрк. 4.* Поправляю «слышавъ то» вместо «слышавъ ту вѣсть» (Соф. 1-я и Новгород. 4-я). Быть может, лучше «вой многъ». *Стрк. 7.* Слова «и посла я Новугороду» извлекаю из Новгород. 4-й; возможно, что в Нач. св. (ПВЛ) пропуск слов «и полонъ отъ него отъя... и посла я Новугороду» явился по причине механической, после слов «вороти Новугороду». *Стрк. 10.* В Соф. 1-й: «со мною заодинъ», но в Новгород. 4-й: «со мною единъ». *Стрк. 12 и сл.* О мятеже в Суздальской земле см. § 125, 164, 280. *Стрк. 12.* В Лавр. и др.: «Ярославу сущю Новѣгородъ тогда. В се же лѣто вѣсташа вольсви», ср. и в начале статьи 6532 г. «Ярославу сущю Новѣгородъ». *Стрк. 13.* В Соф. 1-й и Новгород. 4-й: «старую чадь, бабы». *Стрк. 16.* Слова «да ю кормятъ собъ» из Новгород. 4-й; в списках Соф. 1-й «да прекормятъ себе»; а в списках К. и О. «да кормятъ собъ»: я понимаю смысл фразы так: «яко мужю своя жена даяти челядиньмъ» (т. е. в рабство), чтобы прокормить ее (для себя). *Стрк. 18.* В Лавр., Радз. пропуск после «привезоша»; в Ипат. и Хлебн.: «и привезоша жито». *Стрк. 19.* В Лавр.: «расточи, а другими показни»; в Радз. и Ипат.: «расточи, а другия показни»; «другими» находим и в Новгород. 4-й: «убійца ты расточи, иже бяху бабы избили, и домы ихъ разграби, а другими показни»; так же в Соф. 1-й, но вместо «другими» — «другія». Совокупность всех этих данных приводит к предложенному в тексте чтению; вместо «убійца ты» читаю, согласно с Лавр., «вълхвы» и опускаю поэтому «иже бяху бабы избили».

С. 442, стрк. 1. Чтение «вѣсть» обязано догадке Строева вместо «есть», как во всех списках Соф. 1-й и Новгород. 4-й. *Стрк. 3 и сл.* О Лиственской битве см. § 170, 280. *Стрк. 4.* В Новгород. 4-й, как в Лавр.: «иде Ярославъ»; в Ипат. и Хлебн.: «и поиде». *Стрк. 5.* В Лавр.: «противу има», но это ввиду предыдущего, где Ярослав назван вместе с Якуном. *Стрк. 14 и сл.* О событиях 6538 г. см. § 126, 165, 281, 289. *Стрк. 15.* В Соф. 1-й: «собра»; в Новгород. 4-й: «и собравъ». *Стрк. 16.* «И преставися»: так в Новгород. 4-й; а в Соф. 1-й: «Того же лѣта преставися».

С. 443, стрк. 1. Вместо «епископъ» и в Соф. 1-й и в Новгород. 4-й «архиепископъ»; в Соф. 1-й прибавлено «Ноугородскый». В Новгород. 4-й: «и баше», а в Соф. 1-й: «баше». *Стрк. 2.* В Соф. 1-й ошибочно: «жены учааше». *Стрк. 3 и сл.* О походе Улеба см. § 165 и 280. *Стрк. 5 и сл.* О посажении на княжение Владимира и об Ярославовой грамоте см. § 126, 165, 188, 282. *Стрк. 6.* В Соф. 1-й и Новгород. 4-й: «Жиряту», но чтение Лавр. и др. предпочтительнее: «Жидята», — это, конечно, светское имя епископа Луки, ср. Жидислав, а для суффикса: Гюрята, Славята. *Стрк. 8 и сл.* О похвале Ярославу см. § 283. *Стрк. 11.* О походе на ятвягов см. § 165, 224¹, 290. В Соф. 1-й и Новгород. 4-й это известие под влиянием ПВЛ помещено под 6546 г. В Новгород. 4-й: «а на зиму»; в Соф. 1-й: «и на зиму». *Стрк. 12.* В Новгород. 4-й: «и не може»; в Соф. 1-й: «и не можаху». *Стрк. 13.* О походе на литву см. § 165, 224¹—224³, 290. *Стрк. 13—14.* О закладе Новгорода Владимиром см. § 224², 224³ и 290. В Соф. 1-й и Новгород. 4-й оба известия — о походе на литву и о закладке Новгорода — перенесены под 6552 г.,

под которым сообщалось об окончании строительства Новгорода. *Стрк. 15.* О походе на мазовшан см. § 191¹⁵, 191¹⁶ и сл., 224¹, 224³, 225, 290. *Стрк. 17 и сл.* О походе Владимира на греков см. § 171, 290.

С. 444, стрк. 2. Здесь и ниже чтением «ръша» заменяю «рекоша» Соф. 1-й и Новгород. 4-й. *Стрк. 11.* Слова «видѣвъ же Володимеръ съ дружиною възвратися въ Русь» извлекаю из ПВЛ, где читаем: «Володимеръ же видѣвъ с дружиною, яко идуть по немь... и възвратися в Русь». *Стрк. 12 и сл.* О походе Владимира на емь см. § 115, 126, 191¹⁸, 290. В ПВЛ «Ямь»; принимаю обычное для новгородских летописей чтение. В Лавр., Радз., Ипат.: «побѣдивъ»; только в Хлебн., как в Соф. 1-й и Новгород. 4-й: «побѣди»; ввиду «побѣдивъ» даю чтение «плѣни» вместо «и плѣни» в Соф. 1-й и Новгород. 4-й. *Стрк. 16.* О поставлении Новгорода Владимиром см. § 224³, 290.

С. 445, стрк. 1—2. О смерти Брячислава см. § 127, 224¹, 290. Об обстоятельствах рождения Всеслава см. § 290. *Стрк. 4.* В Соф. 1-й и Новгород. 4-й: «бѣ ему на главѣ (в Новгород. 4-й: «на главѣ» опущено) язвено, яма на главѣ его»; думаю, что «язвено» восходит к ПВЛ (ср. Радз., Лавр., Хлебн.), а «яма» стоит вместо «язва» другого источника (ср. Ипат.: «язва»); ср. в Соф. 1-й два раза: «на главѣ его»; «язвѣно» значит, следовательно, повязка на язве. *Стрк. 5.* В Ипат. ошибочно: «се язвено на главѣ его»; очевидно, слово «язвено» непонято. *Стрк. 6.* В Ипат. и Новгород. 4-й: «еже носилъ Всеславъ и до смертного дни на собѣ». *Стрк. 7.* Во всех списках, не исключая Новгород. 4-й и Соф. 1-й (где исключены слова «еже носилъ... дни»), «естъ»; только в Хлебн. «бысть». *Стрк. 9.* О закладке Св. Софии см. § 127, 177, 290. *Стрк. 11 и сл.* О пожаре Св. Софии см. § 140, 166, 290. *Стрк. 12.* В Соф. 1-й и Новгород. 4-й: «Мѣсяца марта в 4-й день суботный горѣ» и т. д. *Стрк. 13.* Быть может, лучше «13 верхы имущи», как в Соф. 1-й и Новгород. 4-й. После «стояла» в Соф. 1-й и Новгород. 4-й: «конецъ Пискупии улици надъ Волховомъ, идѣже нынѣ постави Сотко церковь камяну святого Бориса и Глѣба»; об этой прибавке, сделанной в своде 1167 г., см. § 149. *Стрк. 12—13.* Об освящении Св. Софии см. § 167, 177. *Стрк. 14.* Опускаю «Новѣгородѣ», которое читается в Соф. 1-й и Новгород. 4-й после «святая Софія». *Стрк. 16.* Вместо «епископа» в Соф. 1-й и Новгород. 4-й «архіепископа». *Стрк. 17—18.* О кончине жены Ярослава см. § 128, 167, 223, 290. Это известие в Новгород. 4-й опущено.

С. 446, стрк. 1 и сл. О кончине Владимира см. § 128, 140, 167, 177, 223, 290. Опускаю слова «сынъ Ярославль старѣи Новѣгородѣ», предполагая, что эти слова явились впервые в Нач. св. *Стрк. 4 и сл.* О смерти Ярослава см. § 128, 292. Слова «и плакашася по немъ людие» извлекаю из конца статьи о кончине Ярослава в ПВЛ (где они не у места ввиду нижеследующего). *Стрк. 5.* В Новгород. 4-й и списках К. и О. Соф. 1-й: «Новѣгородѣ» опущено; возможно поэтому, что это слово вставлено в других списках Соф. 1-й по догадке. *Стрк. 6.* О словах «иде Киеву» и о посажении Остромира см. § 167, 292. *Стрк. 8 и сл.* О клевете на епископа Луку см. § 167, 184, 291, 292. *Стрк. 10.* В Никон.: «и осуди его митрополитъ Ефрѣмъ по Дудикинымъ рѣчемъ и злыхъ его друзей Демьяна и Козмы клеветамъ; и пребысть тамо три лѣта»; ср. ниже под 6565 г., после сообщения о наказании Дудики: «сице же и его лукавымъ совѣтникомъ, Козмъ и Даміану, достойное воздаша по злодѣанію ихъ» (ср. § 184). *Стрк. 12 и сл.* О возвращении в Новгород епископа Луки см. § 167, 291, 292. *Стрк. 13—15:* «оскомины... уськоша» из Новгород. 4-й и Ком. сп. (который взял это известие из свода 1448 г.); в Соф. 1-й: «устну и носъ срѣзаша и обѣ руцѣ уськоша». *Стрк. 15.* Слова «и събѣжа въ Нѣмыцѣ» из Новгород. 4-й и Ком.; в Соф. 1-й они опущены. *Стрк. 16 и сл.* О поучении Луки, читающемся в Новгород. 4-й, см. § 167, 292.

С. 447, стрк. 1 и сл. О смерти Луки см. § 167, 190, 291, 292. *Стрк. 1.* В Соф. 1-й и Новгород. 4-й: «идя». *Стрк. 4 и сл.* О походе Остромира на чудь и последующих событиях см. § 167, 187, 292. О посажении Изяславом сына своего Мстислава в Новгороде см. § 185, 187, 292. *Стрк. 11 и сл.* О поставлении Стефана см. § 167, 177, 180, 293. *Стрк. 13 и сл.* Об обратном течении Волхова см. § 115, 291, 293. Известие это в Соф. 1-й опущено. *Стрк. 14.* В Лавр., Радз., Ипат.: «не добро», но в Хлебн., Новгород. 4-й: «не на добро». *Стрк. 16.* О начале

враждебных действий Всеслава см. § 129, 168, 293. О победе его над Мстиславом см. § 187 и 293. Вместо «почаль» в Моск.-Акад. «копиль»; в Новгор. 1-й по Ком.: «поча рать копити»; по Акад.: «нача рать строити»; в Ипат.: «Всеславъ съде рать почаль», что непонятно; в Синод.: «нача рать дръжати». *Стрк. 18 и сл.* О нападении Всеслава на Новгород см. § 129, 140, 168, 177, 180, 293. В ПВЛ: «Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полотъский и зая Новъгородъ».

С. 448, стрк. 4 и сл. О бегстве Мстислава в Киев и посажении в Новгороде Глеба см. § 187, 293. *Стрк. 6—7.* О смерти Стефана см. § 168. *Стрк. 8 и сл.* О нападении Всеслава на Новгород и его поражении см. § 140, 168, 291, 293. *Стрк. 17.* В Соф. 1-й и Новгор. 4-й вместо «у святыхъ София» — «въ святѣхъ Софѣи». В Синод.: «а на заутрие обрѣтесе крѣсть честныи Володимиръ у святѣхъ Софѣи Новъгородъ, при епископѣ Федоре». Последние слова непонятны; поэтому я позволил себе перестановку их в измененном виде. *Стрк. 19—20.* О смерти епископа Феодора см. § 140, 168, 180, 190, 293.

С. 449, стрк. 1—2. О поставлении епископа Германа см. § 168, 180, 293. *Стрк. 3 и сл.* Об изгнании Глеба и убиении его см. § 130, 140, 168, 187, 291, 293.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ

С. 67, стрк. 8. Отмечу чтение Архангелогородский летописи, комментирующей неясное сообщение летописи: «а бояре таиша Владимерово преставление того ради, дабы не дошла вѣсть до окаяннаго Святополка». В этом комментарии любопытно дополнение «таиша» словом «бояре»; Е. Е. Голубинский дополнил именно так предложенное им чтение.

С. 68, стрк. 17—18. Ввиду чтения Лаврентьевского списка, сопоставленного с другими в Доп. примеч. к с. 381, стрк. 9, должно исправить сказанное здесь о старшинстве Святополка: Святополк был моложе Ярослава, рожденного Рогнедой, быть может, еще в Новгороде.

С. 71, стрк. 12. В Архангелогородской летописи читается: «и пришедшу ему на Волокъ, и потчеса конь подъ нимъ во рвѣ».

С. 82, стрк. 41. Необходимо отметить, что Кубарев приходил к выводу, сходному с нашим. Говоря о житийном сказании (которое Кубарев знал, между прочим, по Сильвестровскому сборнику), он утверждает, что оно писано после Несторова Чтения о Борисе и Глебе. «Доказательством служит, во-первых, то, что в нем особенное сказание Нестора о Борисе и Глебе соединено со сказанием летописи; во-вторых, в нем упоминается о последнем перенесении мощей их, бывшем при Мономахе, о котором Нестор совсем не упоминает». См.: «Нестор, первый писатель Российской истории» (РИС. М., 1840. Т. 4. С. 423, примеч.).

С. 83, стрк. 3 снизу. Имею в виду статью Н. П. Ламбина «Источник летописного сказания о происхождении Руси» в ЖМНП (Ч. 173. С. 239 и сл.). С. М. Соловьев говорил о том, что хронологические даты вставлены в летопись позднее, в сплошной рассказ ее, в т. III Истории России (в нов. изд. т. I. С. 781). Н. И. Костомаров в 1861 г. писал: «Летописец имел под рукой уже готовые рассказы без годов, разлагал их на годы, а там, где не знал, к какому году отнести событие, ставил при нем несколько годов» (Лекции по русской истории. Т. I. С. 33).

С. 93, стрк. 3 снизу. Не решаюсь теперь утверждать, что чтение «бѣ бо имущи презвутера втайнѣ» восходит к Начальному и дальше к Древнейшему своду. В восстановленном тексте, следуя Лавр., Ипат. и сходным с ними спискам, я дал: «бѣ бо имущи презвутерь». Возможно, что слова «въ тайнѣ» Ком., Соф. 1-й, Новгор. 4-й летописей являются неудачным дополнением к словам «бѣ бо имущи». Ниоткуда не следует, чтобы Ольга скрывала свое обращение в христианство; священника мы видим даже в ее свите в поездке в Константинополь.

С. 98, стрк. 31. Кажется Д. И. Иловайский первый сопоставил известие о 80 городах дунайских, покоренных Святославом, с показанием Прокопия. В «Разысканиях о начале Руси» (2-е изд. М., 1882. С. 156) читаем: «Я полагаю, что число несколько объяснится, если сопоставим его с известием Прокопия о том, что Юстиниан построил вдоль дунайской границы 80 крепостей. Это число восьмидесяти дунайских городов, конечно, не раз повторялось у византийских и болгарских писателей».

С. 108, стрк. 12. В перечне сыновей Владимира, согласно со сказанным в поправке к с. 68 и с текстом на с. 381, надо для Нач. св. переставить имена Святополка и Ярослава. Стрк. 40. Предположение о том, что отрывок о блудной жизни Владимира позднейшая вставка, подтверждается тем, что фраза «бъ бо самъ любя жены и блуженье многое» в статье 6494 г. оказывается явную вставкой, ибо и перед нею и после нее повторяются слова «послушаше ихъ». См. в тексте, с. 377, стрк. 22.

С. 110, стрк. 6. Известный исследователь крымских древностей А. Л. Бертъе-Делагард любезно сообщил мне через посредство И. А. Линниченко свое замечание относительно того, что невозможно допустить, чтобы Владимир осадил Корсунь с моря, как я заключил на основании Корсунской легенды (ср. Житие Владимира особого состава, известное теперь по трем спискам: Плигинскому сборнику Академии Наук, сборнику Публ. библ.-ки. Q. Б. о. XVII. № 72 и сборнику Синод. библ.-ки № 964). Выражаю надежду, что А. Л. Бертъе-Делагард изложит печатно свои соображения относительно расположения Владимирова войска. Замечу, что я вообще не склонен придавать фантастическому рассказу Корсунской легенды значения исторического свидетельства.

С. 123, стрк. 2 снизу. Отмечу чтение летописного сборника Синод. библ.-ки XVI в. № 793: «принесени быша святїи в святоую Богородицю князи».

С. 128, стрк. 28. Здесь надлежало бы сказать о Вудубицкой летописи, бывшей, по-видимому, в числе источников Нач. св., как то предположено в § 252.

С. 130, стрк. 13. Прибавлю еще выписку. В сборнике Синод. библ.-ки XVII в. № 293 читаем: «и того ради убиша его Древляне внѣ града Коростеня близъ Стары Русы, и погребенъ бысть в Коростени; а нынѣ зовется Искорость подь могилою высокою, ушутю году отъ созданиа мира 6458, отъ Рождества же Христова 950». В этом сборнике имеется то же замечание, что в Степенной книге, относительно неизвестности, где была Деревская земля, а ниже при распределении уделов между сыновьями Святослава читаем: «Ярополку старѣйшему даде Кїевъ, Олгу среднему Древляны с Коростенемъ и Переяславлемъ города». Стрк. 27. Восполняю досадный пропуск ссылкой на следующее замечание Д. И. Иловайского. «Сказание о новгородском посольстве к варяжским князьям находится в непосредственной внутренней связи с одним из последующих эпизодов, именно с посольством новгородцев к Святославу, у которого они просили себе князя... Можно ли принимать на веру подобный рассказ, который противоречит зависимому отношению Новгорода к великому князю Киевскому?.. Гораздо естественнее предположить, что упомянутый рассказ о посольстве к Святославу сложился в позднейшую эпоху: он, скорее, выражает характер отношений Новгорода к великим князьям в то время, когда новгородцы уже добились некоторой самостоятельности, кичились своим вечевым бытом и действительно призывали к себе то того, то другого князя» (Разыскания о начале Руси. С. 50—51). Соглашаясь с этим замечанием, дополняю его указанием на то, что рассматриваемый рассказ сложился в Новгороде до 1050 г. и, быть может, под влиянием обстоятельств, сопровождавших посажение на новгородский стол Ярослава. См. с. 332.

С. 153, стрк. 3. Считаю теперь вероятным, что вторая редакция ПВЛ доводила летописный рассказ до известия о кончине императора Алексея Комнина (Ипат.: «Того же лѣта умре курь Олексїй, и взя царство сынъ его Иванъ»). Следовательно, составитель второй редакции работал после 15 августа 1118 г. Пропуск имени Романа в перечне сыновей Владимира Мономаха показывает, что он трудился после 6 января 1119 г. (6 января 6626 мартовского года). Итак, *вторая редакция Повести временных лет составлена в начале 1119 г., в конце мартовского*

6626 г. Указание на то, что Владимир княжил 4 года, стоит в связи с тем, что составитель второй редакции ПВЛ (как Ипат. летопись) полагал смерть Святослава и вокняжение Владимира на 6622 (1114) г.

С. 166, стрк. 22. Позднейший летописный Синодальный сборник № 293 XVII в. несколько раз называет философа Кириллом: «а Кирилль святыи отвѣща»; «по отшествіи святаго Кирилла философа».

С. 170, стрк. 17. Третий список того же летописного извода содержится в дефектном экземпляре Публ. библ-ки Q. IV. № 383 XVII в.; это, быть может, копия с Погод. № 2036.

С. 172, стрк. 30. Ошибочно возводил я сообщение «и раздѣлиша Смоленскъ на три части» под 6568 г. к Новгор. св. 1167 г. Вероятнее думать, что оно попало в общерусский свод 1423 г. из его смоленского источника. См. с. 349.

С. 173, стрк. 32. Думаю теперь, что в Нач. св., как и в ПВЛ, было опущено «воевода же бѣ у него Блудъ». Ком. список имеет эту фразу из Соф. временника, а в этот последний она попала из Новгор. св. 1167 г. и восходит к Новгор. св. 1150 г., а далее к Древн. св.

С. 177, стрк. 12. Важно отметить ту редакцию статьи 980 г. о Рогнеде, которую находим в Архангелогородской. Здесь Добрыня при сватовстве Владимира выступает в активной роли, но только в качестве посла (свата) Владимировича: «А самъ съде въ Новѣгородѣ, и посла во Полтескъ Добрыню ко князю Роговолоду... и приде посолъ Добрыня изъ Полтеска, и повѣда рѣчь Володимеру дщери Роговолодовы».

С. 181, стрк. 32. Я ответил бы теперь отрицательно на поставленный вопрос, убедившись в том, что со времени Владимира в Новгор. св., так же как в Древн. Киев., было немало хронологических дат.

С. 187, стрк. 22. Осторожнее выразиться так, что 6539 г. при сообщении о прибытии Моисея имеется в списке Кассиановской 2-й редакции № 305; ср. сказанное на с. 191.

С. 191, стрк. 19. Подобная же вставка читается в летописном сборнике XVII в. Толст. № 145; но она попала в него из Патерики. Стрк. 27. На связь сообщения о сорока годах, проведенных Антонием безвыходно в пещере, с разницей между 1073 г. (годом смерти Антония) и 1032 г. (годом прибытия к Антонию Феодосия по Кассиановскому Патерику), указал еще Кубарев в своем «Несторе» (РИС. Т. IV. С. 401), но, несмотря на это, Кубарев предлагал читать (с. 398) вместо «м лѣтъ» — «лѣта многа».

С. 194, стрк. 1 снизу. Не знаю, как могло явиться сообщение летописного сборника XVIII в. Эрмит. № 445 о том, что преп. Евстратий Печерский пострадал 28 марта 6604 г.

С. 201, стрк. 1 снизу. Отмечу в Синод. № 793 XVI в. Под 6560 (1052) г.: «и приидоша 3 челоувѣка отъ Грекъ с роды своими пѣвци; сии пѣвци выпѣша 8 главоу ермолю».

С. 206, стрк. 38. Уместно было бы сослаться на Д. И. Иловайского, а именно на то самое место, что приведено выше, в поправках к с. 130.

С. 211, стрк. 6—9. Слова «Предполагаю, что... прозвѣваша Варягы» должны быть исключены и замечены следующим: «Предполагаю, что о новгородцах составитель свода упомянул ниже, во фразе „и отъ тѣхъ Варягъ прозвѣваша Новѣгородьци Варягы“»; в таком именно виде читалась предположительно в Древн. св. фраза, изложенная в ПВЛ так: «И отъ тѣхъ Варягъ находникъ тѣхъ прозвѣся Руская земля, Новугородьци»; признаю именно слова «находникъ тѣхъ» вставкою, сделанною под влиянием Новгор. св. (ср. § 204, а слова «Руская земля» вставкою составителя ПВЛ (ср. § 199)). Стрк. 26—27. Ввиду только что изложенного необходимо исключить слова «дополняя это в предшествующем словами: Словоу же съдяху Новѣгородѣ».

С. 240, стрк. 2 снизу. Синод. № 293 XVII в. указывает на 7 ноября 6563, «отъ Рождества Христова въ 1055».

С. 241, стрк. 1 снизу. Любопытно «Секаль» в Синод. № 793 XVI в.

С. 255, стрк. 1 снизу. В Синод. № 964 XVII в. Олег воюет с древлянами, «и градъ ихъ Колецъ взяша и возложиша на Древлянъ дань тяшку и повеле съ

нихъ имать со всякаго челоуѣка по чернеку» (т. е. «по чернѣ кунѣ»?). Ольга, в свою очередь, разоряет Колец и убивает князя Мала.

С. 257, стрк. 20. Я упустил из внимания давно уже сделанное сопоставление села Будутина с современным Будником, деревней близ Пскова, где, по местному преданию, родился Владимир. Стрк. 25. Отчество Добрыни Никитича находим в летописных сводах начиная с XVII в., например в Румянц. № 1513 XVIII в. Стрк. 30. Выводы, к которым я пришел в статье «Мстислав Лютый в русской поэзии» (харьковский Сборник в честь Сумцова, оттиск 1907 г.), должны быть изменены сообразно со сказанным здесь. Сопоставление Мистиши Свенельдича с Микулой Селяниновичем признаю неудачным. Стрк. 39. Особенный интерес представляют некоторые киевские предания, связанные с именем Свенельда-Святолда. Белгородский старшина (старец), спасший своею находчивостью город, осажденный печенегами, был прозван Киселем, «а сказуютъ его быти отъ племени и колѣна Свинделда или Святолда, нарочита совѣтника Свѣтослава и Владимірова». Это предание было, по-видимому, связано с родом «Киселей»; ср. в маргинальной приписке при статье 6505 г. (об осаде Белгорода печенегами) в Ермолаевском списке: против слов «бѣ же одинъ старецъ не былъ въ вѣчи томъ» написано «предокъ пана Киселювъ» (ПСРЛ. 2-е изд. тома II, приложение. С. 81). Другое предание полагало родоначальником Киселей не белгородского старца, а какого-то славного гетмана Владимірова, отстоявшего Киев от печенегов около 1040 г.; гетман этот назывался Святолдицем; см.: *Niesieckie-go K. Herbarz Polski* (w Lipsku, 1840. Т. V); *Piekosińskiego Fr. Studya, rozprawę i materiały z dziedziny historii polskiej i prawa polskiego* (Т. II. S. 179) со ссылкой на кс. Окольского, причем у Несецкого на осаду Киева перенесены подробности осады Белгорода. Весьма любопытна форма Святолд вместо Свенельд; это, очевидно, ославянизированная форма варяжского имени, причем посредствующею ступенью было «Свентгельдъ» (Ермол.), «Свентелдъ» (последняя форма в Хлебн.). Замечательно, что Пахомиев Хронограф, судя по редакции 1512 г., имел эти позднейшие южнорусские переделки имени Свенельда: «Свентелдъ» и «Свѣтолдича Лютаго» (Изборник А. Н. Попова. С. 6, 8).

С. 265, стрк. 26 и сл. Некоторые из приведенных примеров я исключил бы из того соображения, что, быть может, в них чтения Лавр. списка новее чтений остальных списков. Так, я не уверен в том, что чтение Лавр. «почнеть тонуті» старше чтения «грязнути» других списков.

С. 273, стрк. 24. Н. И. Костомаров в «Лекциях по русской истории» (СПб., 1861. Ч. I. С. 29), сопоставив известия о торках 1059 и 1080 гг., приходил к тому же выводу, что изложен выше: «ясно, что писавший под 1059 г. был не тот, кто писал о событиях под 1080 г.».

С. 281, стрк. 5. 4 октября, как день освящения Св. Софии, дано уже в месяцеслове при Мстиславовом евангелии первой половины XII в.

С. 290, стрк. 26. Итак, Владимир построил церкви Св. Василия и в Корсуне, и в Киеве, а крестился в церкви Св. Иакова, но некоторые летописи сообщают о крещении его в церкви Св. Василия. Подобно этому другие летописи, сообщающие о построении им в Киеве церкви Св. Спаса, указывают на то, что он крестился в корсунской церкви Св. Спаса; ср. Синод. № 793 XVI в.: «и постави Владимиръ первую церковь святого Спаса на холму, идѣже стояху кумирь Перунъ...», а выше: «а Владимиръ крестился въ церкви святого Спаса посреди града Корсуня». О постройке Владимиром каменной церкви Св. Спаса в Киеве сообщает Румянц. № 1513 XVIII в.

С. 294, стрк. 29. Неясно, почему память св. Антония, празднующаяся ныне 10 июля, праздновалась раньше 7 мая (см.: *Кубарев. Нестор. С. 397*). В сборнике Эрмит. библ.-ки № 445 читаем под 6615 г.: «того же году установлено бысть праздновати преподобному Антонію Печерскому маія въ 3 день», но здесь «Антонію», конечно, по ошибке вместо «Феодосію».

С. 300, стрк. 39 и сл. Слова «В первоначальной редакции этой статьи за словами: „тѣмъ же почтенъ естъ монастырь старти всѣхъ“ читалось: „А о Феодосеевъ житіи паки съкажемъ“» — должны быть выпущены. Ср. в Доп. примеч. к этому месту летописного текста. Подобную же поправку надо внести на с. 303, стрк. 37.

С. 303, стрк. 1 снизу. Отмечу, что Синод. № 793 сообщает о смерти Ярослава под 6561 г. и указывает: «февраля 24 день субботу 1 недѣли поста, на память святаго мученика Феодора Тирона». Следующую статью названная летопись начинается словами: «В лѣто 6562. Начя княжити въ Кіевѣ Изяславъ». Один из летописных отрывков Синод. № 964 сообщает, что Ярослав умер 17 февраля 6562 г. на память св. мученика Тиронга Феодора, княжив лет 35 (см. в отрывке, начинающемся с л. 384).

С. 313, стрк. 25. Д. И. Иловайский близко подходил к предложенному объяснению сравнения Олега со св. Димитрием Солунским. «Что это за сравнение Олега со св. Димитрием? — спросим мы. Почему Димитрий, а не Георгий, или иной святой? Ключ к разгадке дает нам также Аммиан Марцеллин: он рассказывает, что во время упомянутого нашествия скифы, между прочим, осаждали и город Фессалонику, т. е. Солунь. А известно, что в Солуни местночитимый святой был Димитрий. Очень может быть, что составила местная Солунская легенда о нашествии варваров „въ дву тысячахъ корабляхъ”. Св. Димитрий также занесен в легенду; ибо она, конечно, не затруднилась тем, что Димитрий жил немного позднее нашествия. А так как в Солунской области в последующую эпоху обитало много болгарских славян, то, вероятно, Солунская легенда вошла и в болгарские переводные сборники, откуда с разными изменениями и переделками перешла и к нам».

С. 320, стрк. 34. Предание о смерти Олега от укуса змеи было известно и на севере, судя по тому что позднейшие баснословные летописи передают о смерти Избора, сына Гостомыслова: «Сынъ же его Изборъ зміємъ уядень умре» (Гиляров Ф. Предания русской начальной летописи. С. 22. Также Синод. № 964 и др.).

С. 322, стрк. 46. Ср. Синод. № 293: «посла таино къ воеводѣ Кіевскому именемъ и вещью Блуду». Отмечу здесь, что позднейшие своды переносят Блуда в княжение Святополка, заменяя его именем имя Святополкова воеводы Будыя (например, Соф. 1-я, Тверск., Никон.).

С. 326, стрк. 35. Вместо 6536 г. читайте 6535 г.; причина, почему следует отнести явление кометы именно на 6535 г., указана в Доп. примеч. к с. 401, стрк. 12.

С. 328, стрк. 11 и сл. Должно удалить слова «он вспоминает о рве между Дорогожичем и Капичем, когда говорит об осаде Киева Владимиром», ввиду соображений, высказанных в Доп. примеч. к с. 372, стрк. 13. Стрк. 31. Слова жидов козарских — «разгнѣвася Богъ на отци наши, и расточи ны по странамъ грѣхъ ради нашихъ, и предана бысть земля наша хрестеяномъ» — дали повод нашим историкам (С. М. Соловьеву, Д. И. Иловайскому в «Разысканиях...», с. 103 и 160, В. О. Ключевскому в «Курсе русской истории», ч. I, с. 91) утверждать, что сказание о крещении Руси при Владимире составлено после завоевания Иерусалима крестоносцами, т. е. после 1099 г., причем Д. И. Иловайский высказал мысль, что вложенные в уста евреев слова могли быть написаны только во время Иерусалимского королевства, «и судя по тону рассказа, не в начале его существования, — а оно только что сложилось в начале XII века». Возражая решительно против вывода, сделанного Соловьевым и другими. В «Корсунской легенде о крещении Владимира» я сопоставлял приведенные слова евреев с двумя местами Толковой Палеи, где обличитель, обращаясь к евреям, говорит в одном месте, что Господь предал их землю «отцемъ нашимъ», а в другом, что «земля же та обѣтованая», по расточении евреев, «вдана бысть крестьяномъ». Здесь приведу указанное уже на с. 282 аналогичное место из Слова о законе и благодати: «и отгнани быша Июдѣи и расточени по странамъ, и чада благодатная хрестьянии наслѣдници быша Богу и Отцю».

С. 346, стрк. 34 и сл. В § 289 следует упомянуть о статье 6532 (1024) г. о мятеже в Суздальской земле. Статья эта обнаруживает книжный источник, а именно Слово о казнях Божиих (ср. § 114⁵); фразу «Богъ наводитъ по грѣхомъ на куюждо землю гладъ или моръ, ли ведръ, ли иною казнию» нельзя не признать составленной на основании следующей фразы указанного Слова: «Земли же согрѣшивши которѣй любо, казнить Богъ смертию, ли голодомъ, ли

наведеньемъ поганыхъ, ли ведромъ, ли гусеницею, ли инѣми казнѣми». Обращаю внимание на то, что в статье 6532 г. нет слов «ли наведеньемъ поганыхъ», и на основании этого заключаю, что Слово могло быть известно составителю Новгород. св. 1050 г. (или Новгород. летописи 1036 г.) в более древней редакции, чем та, что внесена под 6576 г. в Нач. св. и ПВЛ; но редакция эта уже отличалась от того первоначального вида, которое Слово имело в Симеоновом Златоструе. Относительно влияния статьи 6532 г. на статью Нач. св. о белозерских волхвах см. § 253. Не было ли составлено по приказанию Ярослава поучение по поводу суздальских событий 1024 г. и не повлияло ли это поучение, с одной стороны, в Киеве на составление статьи о белозерских волхвах (Древн. св. под 6573 г.), а с другой — в Новгороде на составление статьи о суздальских волхвах (Новгор. св. под 6532 г.)? В таком случае должно исправить то, что сказано в примечании на с. 306.

УКАЗАТЕЛЬ К ИССЛЕДОВАНИЮ¹

- Авраамка, летописец 182 и сл.
 Академический список Новгородской
 1-й летописи младшего извода
 142, 258 и сл.
 Александрия 103
 Амартол, см. Георгий Амартол
 Архангелогородская летопись 82, 174,
 203
- Бальцер (Balzer) 199
 Барсов Н. П. 214
 Белёвский (Bielowski) А. 186
 Бертье-Делагард А. Л. 473
 Бестужев-Рюмин К. Н. 235, 241, 242
 Бобржинский (Bobrzyński) А. 186, 234
 Бодянский О. М. 38
 Бураковский 217
 Бялецкий (Białecki) А. 249
- Васильевский В. Г. 38, 98, 99, 103
 Воскресенская летопись 176 и сл., 236
 Востоков А. Х. 249
- Галл, см. Мартин Галл
 Гаркави А. Я. 221
 Георгий Амартол и его продолжатель
 27, 84, 86 и сл., 103, 225, 268 и
 сл., 458
 Герман Воята 137 и сл., 158, 259, 263
 Гиляров Ф. А. 93, 130, 249, 255, 314,
 476
 Голубинский Е. Е. 67, 144, 472
 Голубовский П. В. 48 и сл.
 Грушевский М. С. 45, 78, 221, 230, 296
- Длугош Ян 186, 197, 234 и сл.
- Евсевий, св. 64
 Ермолаевский список Хлебниковской
 летописи 23, 475
 Ермолинская летопись 103, 169
- Житие Авраамия Ростовского 79
 Житие Антония 76, 174, 183 и сл., 192,
 196 и сл., 200, 276, 279 и сл., 299
 и сл., 303
 Жития Владимира: древнее 32; особого
 состава 36, 106 и сл.; обычное
 109, 290; распространенная ре-
 дакция обычного 195
 Житие Ефрема Новоторжского 130
 Житие Константина Муромского 79
 Житие Ольги 129
 Житие Феодосия 57, 190, 195, 286, 292—294
- Зверинский В. В. 71, 73, 77
 Зотов В. Р. 140
- Иаков, мних 31 и сл., 40
 Иваническая минья 48
 Иларион, митрополит 283
 Илья, архиепископ 141 и сл.
 Иловайский Д. И. 473, 474, 476
 Иоаким, епископ 339
 Иоанн, игумен Печерский 29, 284
 Ипатьевская летопись 23, 24, 55, 236,
 274, 278
 Истрин В. М. 103

¹ В этот указатель внесены фамилии авторов и названия важнейших источников.

Калайдович К. Ф. 229
 Карамзин Н. М. 140, 238, 460, 470
 Карамзинский список Новгородской летописи 208
 Карлович (Kaŕłowicz) 296
 Кассиан, уставщик 192, 200
 Кедрин, см. Скилиций
 Кирик 137, 138
 Кирилл, св. 166, 474
 Кирилло-Белозерский список Уваровской летописи 169, 172
 Ключевский В. О. 77, 79, 215, 476
 Колосов И. 70
 Комиссионный список Новгородской 1-й летописи младшего извода 142, 144, 145, 157, 179, 258 и сл.
 Константин Багрянородный 85, 95, 225
 Костомаров Н. И. 472, 475
 Котляревский А. А. 68, 73, 94
 Краковский список Хлебниковской летописи 23
 Кубарев 300, 472, 474, 475
 Куник А. А. 124, 304, 308

Лаврентьевская летопись 23, 24, 175 и сл., 236
 Ламбин Н. П. 83, 103, 221, 460, 472
 Лебединцев П. Г. 230
 Лев Диакон 99, 100, 104, 251
 Летописец Женского Педагогического института 240
 Летописец Новгородский церквам Божиим 77
 Летопись Авраамки 174, 179, 182 и сл.
 Летопись Переяславля Суздальского (в первоначальном изводе) 177
 Линниченко И. А. 38, 132, 235, 238, 473
 Лихачев Н. П. 152
 Лобковский пролог 137, 138
 Лука, епископ 158, 159, 352
 Львовская летопись 169 и сл.

Макарий, преосв. 31
 Максимович М. А. 69
 Мартин Галл 186, 296
 Масуди 221
 Мефодий, св. 166
 Миклошич Фр. 232, 453, 455—460, 462, 464, 465, 467
 Миллер В. Ф. 130
 Московско-Академическая летопись 23

Н. Д. 144
 Начальный свод 353
 Неволин К. А. 129

Несецкий (Niesiecki) К. 475
 Нестор 24, 46 и сл., 57 и сл., 64 и сл., 82, 112, 188, 195, 282, 295
 Никольский Н. К. 38, 49 и сл., 119
 Никон преп. Печерский 286 и сл., 295, 297 и сл., 312, 353.
 Никоновская летопись 133, 173 и сл.
 Новгородская древнейшая летопись 469 и сл.
 Новгородская 1-я летопись младшего извода 26, 143, 145, 202
 Новгородская 1-я летопись старшего извода 26, 136 и сл., 145
 Новгородская 4-я летопись 23, 95 и сл., 145, 152, 156, 159, 166
 Новгородская 5-я летопись 144, 169, 172, 259
 Новгородский свод 1448 г. 145 и сл., 171, 182,
 Новороссийский список Новгородской 4-й летописи 28

Оппольцер (Oppolzer) 292

Павлов А. С. 119
 Палея хронографическая 83, 119, 120
 Память и похвала Владимиру мниха Иакова 31 и сл., 311
 Паримийник 56, 124 и сл.
 Паримийное чтение о Борисе и Глебе 50 и сл., 83
 Пастрнек Фр. 249
 Патерик Печерский 29, 66, 183 и сл.
 Пахомий Сербин 167
 Переяславская (Переяславля Суздальского) летопись 23, 45
 Пекосинский (Piekosinski) Фр. 475
 Песни, собр. Киреевским 257
 Петр, митрополит 175
 Петров Н. И. 69
 Pingré 292, 460
 Плигинский сборник 35, 106, 473
 Погодинская № 1409 169 и сл.
 Погодинская № 2036 169 и сл.
 Погодинский список Хлебниковской летописи 23
 Поликарп 76, 183 и сл., 192, 194, 199
 Порфирьев И. Я. 64
 Попов А. Н. 475
 Потеня А. А. 25
 Поучение о казнях Божиих 127
 Пресняков А. Е. 210
 Пржездзецкий 249
 Прозоровский Д. 137, 255
 Проложная статья об освящении Св. Богородицы 38, 121, 317

Проложная статья о мучении варягов
отца и сына 113 и сл., 315
Проложное сказание об Ольге 94, 314
Проложное сказание о Борисе и Глебе
49 и сл., 82
Проложное сказание о Владимире 315
и сл.
Псковские летописи 160

Радзивилловская летопись 23, 24, 177
Ратшин А. 77
Речь философа 64, 118 и сл., 310
Рогожский летописец 152
Розен В. Р., барон 38
Русская Правда 156, 338

Сафонович Феодосий 241
Семкович (Semkowicz) 235 и сл.
Сильвестр, игумен Выдубицкого мо-
настыря 23, 151
Сильвестровский сборник 44
Симеон Логофет 117, 225
Симон, епископ 183 и сл., 192, 194
Синодальный список Новгородской 1-й
летописи старшего извода 26, 136
и сл., 143, 145, 147 и сл., 155,
179, 209, 258 и сл., 263
Синописис 255
Сказание, страсть и похвала святым
мученикам Борису и Глебу 43 и
сл., 82
Скилиций (Кедрин) 78, 95, 97, 99, 102,
104, 117
Слово о законе и благодати 34, 282 и
сл., 476
Слово о полку Игореве 287
Служба святым Борису и Глебу 48 и сл.
Смит К. 256
Смолька (Smolka) 234
Соболевский А. И. 31, 32, 136, 290
Соколов М. И. 117, 120
Соловьев С. М. 68, 83, 214, 215, 229,
232, 234, 251, 452, 472, 476
Софийская 1-я летопись 23, 145, 157
Софийский временник 26 и сл., 142,
145, 157, 259 и сл.
Срезневский В. И. 31
Срезневский И. И. 66, 137, 460
Сркуль (Srkuļj) 38, 98
Степанов Н. В. 304
Степенная книга 256, 322
Стрыйковский 240, 249
Судебник греческого царя Константи-
на 156, 338
Супральский список 182

Татищев В. Н. 133, 202, 238, 314
Тверской сборник 71, 104, 169 и сл.,
182
Тимофей, пономарь 137, 138
Типографская летопись 169
Титмар Мерзебургский 68, 79, 196,
296, 323
Толковая Палея 476
Толстовская летопись № 145 305, 474
Толстовский список Новгородской
1-й летописи младшего извода
260
Трефолой по Погодинскому списку
№ 429 56
Троицкая утраченная летопись 23
Троицкой список Новгородской 1-й ле-
тописи младшего извода 144, 259

Уваровская летопись 169

Феофана продолжатель 117
Фотий, митрополит 175
Фотий, патриарх 120

Халанский М. Г. 255
Хлебниковская летопись 23, 24, 55, 71
Ходаковский З. Я. 70
Хронограф 1512 г. 166 и сл., 182, 475

Цейссберг (Zeissberg) 235, 249

Чаговец В. А. 127
Чтение о житии и о погублении стра-
сготерпцу Бориса и Глеба 46 и
сл., 57 и сл., 81

Шестаков С. 105
Шляков Н. В. 70, 71, 274, 285, 292,
304

Эрмитажная № 4166 169
Эрмитажная № 445 240, 274, 275

Ягич И. В. 98
Яковлев В. А. 183 и сл.
Ярослав 337 и сл.
Ярославы грамоты 156 и сл., 338 и
сл.

УКАЗАТЕЛЬ К ТЕКСТАМ¹

Авимелех 365	Вышеслав 381, 436
Авраам 365, 378, 393	Вячеслав 402, 405, 406
Адам 368	
Анастас 386, 388, 397	
Андрих 389	Герман, епископ 449
Анна, св. 436	Глеб, сын Владимира 381, 394, 395,
Анний 423	429, 436, 437
Антипа 407	Глеб, сын Святослава 417, 418, 424,
Антоний 408—410, 414—416	448, 449
Аскольд 361, 362	Горясер 394
Асмуд 364	Гостомysl 431
Блуд 371—374	Давид, пророк 365, 369, 372, 373, 383,
Болеслав 389, 397, 428, 429, 439	384, 394, 395, 433
Болуш 406	Дамиан 412
Борис 381, 390—395, 429, 436, 437	Даниил, пророк 362
Бохмит 377, 379, 435	Димитрий, св. Солунский 362
Брячислав 399, 427, 440, 441, 445	Дир 361, 362
Буды 397	Добрыня 433—435
	Дудика, 446
Варлаам 409, 410	Евстрафий Мстиславич 401
Варяжко 374	Елена, крестное имя Ольги 365
Владимир 367, 369, 372—382, 384—391,	Елена, мать императора Константина
404, 433—438, 440	365
Владимир, сын Ярослава 397, 402,	Елович 394
443—446, 448	Енох 365
Волчий Хвост 376, 396, 438	Еремия, см. Иеремия
Всеволод, сын Владимира 381, 436	Ефрем, митрополит 446
Всеволод, сын Ярослава 401, 405—407,	Ефрем, скопец 410
425—428, 430	Ефрем, ученик Иоакима 443
Всеслав 406, 416, 425—430, 445, 447,	
448	
Вышата, сын Остромира 417	
Вышата, отец Янев 404	Жидята, 443. См. Лука

¹ В этот указатель внесены только личные имена.

Иаков 378
Иван Творимирич 404
Иеремия, преп. 413
Игорь 363, 364, 433
Игорь, сын Ярослава 405, 406
Изяслав, сын Владимира 381, 436
Изяслав, сын Ярослава 401, 405, 406,
408—410, 416, 425—430, 446, 447
Иларион 407
Илия, сын Ярослава 439
Иоаким, епископ 436, 443
Исаак 378
Исаакий, преп. 414—417
Исав 430

Кирилл, св. 378
Кий 359
Константин, император 365, 391
Константин Добрынич 439, 440
Коснячко 426, 427
Куноп 424
Куря 371

Лот 365
Лука, епископ 445—447
Лыбедь 359
Ляшко 394

Маврий 423
Малфредь 433
Матфей, преп. 413
Михаль Тольбекович 414
Моисей, преп. 360, 365, 423, 424
Мономах, царь греческий 404
Мстислав, сын Владимира 381, 399—402,
436, 442
Мстислав, сын Изяслава 429, 447,
448
Мстислав (Мстиша), сын Свенельда
364, 433

Ной 365

Олег, князь Новгородский и Киевский
361—363, 432
Олег, сын Святослава 367, 369, 371,
372, 433
Ольга 363—368, 380, 433, 435
Остромир 417, 446, 447

Павел, апостол 378, 384
Позвизд 381, 436

Порей 417
Поромон 437
Путьша 390, 394

Редедя 399
Рогволод 434
Рогнедь 434
Ростислав 417, 418, 424, 425
Рюрик 432

Саул 365
Свенельд 363, 364, 433
Святополк, сын Владимира 374, 381,
390—393, 395—398, 437—440
Святополк, сын Изяслава Ярославича
429
Святослав, сын Владимира 381, 395,
436
Святослав, сын Игоря 363, 364, 366—371,
374, 433, 434
Святослав, сын Ярослава 401, 405, 406,
416—419, 421, 425, 426, 428, 430,
448
Симон волхв 423
Синеус 432
Сиф 430
Сокал 407
Соломон 369
Станислав 381, 436
Стефан, епископ 447, 448
Стефан, король Венгерский 389
Судислав 381, 417, 436

Талец 394
Торчин 394
Трувор 432
Туки 427

Улеб 443

Фараон 360, 365
Феодор, епископ 448
Феодосий 410—412, 416, 417
Феоппемт, митрополит 403

Хам 430
Хорив 359

Цимисхий Иоанн 365

Чернь 414
Чудин 427

Щек 359

Якун 400, 442
Янь, сын Вышатин 404, 419—422
Ярополк 367, 369, 371—374, 433—435
Ярополк, сын Изяслава Ярославича 429
Ярослав 381, 395—398, 400—408, 436—443,
445, 446
Ярославичи 425, 429

«Разыскания о древнейших русских летописных сводах» были опубликованы в Санкт-Петербурге в 1908 г. в 12-м выпуске Летописей занятий императорской Археографической комиссии. Рукопись находится в Архиве РАН ЛО. Ф. 134, оп. 1. № 29. 472 л. + 3. Сохранились черновик и предварительные материалы к этому исследованию (Ф. 134, оп. 1. № 140, 145, 146, 148, 284, 407/6). Судя по подготовительным материалам, первоначальный конспект этой важнейшей работы А. А. Шахматова относится к 1903 г. и помечен 4 ноября (Ф. 134, оп. 1. № 148. Конспект 1903—1904 гг., л. 1). В «Биографической канве» А. А. Шахматова, составленной его дочерью С. А. Шахматовой-Коплан, отмечено, что летом 1907 г., находясь в своем имении Губаревке, ученый готовил к печати рукопись «Разысканий», а летом 1908 г., опять же в Губаревке, вычитывал корректуру книги (см.: Алексей Александрович Шахматов. 1864—1920. Л., 1930. С. 50, 52). В тексте рукописи «Разысканий» находятся различные пометы, связанные с набором ее текста в типографии. Например, карандашом указаны фамилии наборщиков: л. 1 — Жуков, л. 11. — Ланионов, л. 131 — Лебедев и т. д. Встречаются карандашные пометы самого А. А. Шахматова, обращенные к типографским наборщикам. Работа над текстом велась и на этапе печатания; например, на л. 451 ученый карандашом написал: «Посылается взамен присланного (с. 216 оригинала). Таблица эта может быть напечатана на складывающемся листе большого размера!» На «с. 216 оригинала», по современной фолиации — л. 279, находится первоначальная таблица, которая в опубликованной книге и была заменена.

Текст исследования публикуется по изданию 1908 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>В. Зиборов. Академик Алексей Александрович Шахматов</i>	5

РАЗЫСКАНИЯ О ДРЕВНЕЙШИХ РУССКИХ ЛЕТОПИСНЫХ СВОДАХ

Предисловие	20
Глава I. Повести временных лет предшествовали более древние своды .	23
Глава II. Память и похвала Владимиру мниха Иакова	31
Глава III. Сказания о Борисе и Глебе	41
Глава IV. О некоторых вставках в тексте Начального свода	83
Глава V. Летописное сказание о Владимире и его крещении	105
Глава VI. К вопросу об источниках Начального свода	123
Глава VII. Следы новгородских известий в Начальном своде	128
Глава VIII. Данные для восстановления первого Новгородского свода XI в. Новгородская 1-я летопись	136
Глава IX. Данные для восстановления первого Новгородского свода XI в. Новгородский свод 1448 г.	145
Глава X. Данные для восстановления первого Новгородского свода XI в. Общерусский свод 1423 г. и общерусский свод начала XIV в.	166
Глава XI. Данные для восстановления первого Новгородского свода XI в. Перечни князей и владык новгородских	179
Глава XII. Житие Антония как источник Начального свода конца XI в. и общерусского свода 1423 г.	183
Глава XIII. Сказания о первых русских князьях	202
Глава XIV. Мистиша Свенельдич и сказочные предки Владимира Свято- славича	234
Глава V. К истории текста Новгородской 1-й летописи младшего извода	258
Глава XVI. Объем Древнейшего летописного свода; время и место его со- ставления	270
Глава XVII. Продолжение к Древнейшему Киевскому своду, составленное в 1073 г. преп. Никоном Печерским	284
Глава XVIII. О составе и об источниках Древнейшего свода	309

Глава XIX. О Древнем Новгородском своде и предшествовавшей ему Новгородской летописи	328
Глава XX. Главные результаты предыдущего исследования	350

ТЕКСТЫ

А. Древнейший Киевский свод 1039 г. в редакции 1073 г.	359
Б. Новгородский свод 1050 г. с продолжениями до 1079 г.	431
Дополнительные примечания	449
Поправки и дополнения	472
Указатель к исследованию	478
Указатель к текстам	481

Алексей Александрович Шахматов
ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

Т. I, кн. I

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ
И ДРЕВНЕЙШИЕ РУССКИЕ ЛЕТОПИСНЫЕ СВОДЫ

Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Е. И. Егорова*
Корректор *М. В. Орлова*
Компьютерная верстка *Л. Н. Напольской*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г. Сдано в набор 11.02.2002.
Подписано к печати 23.07.2002. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 39.6. Уч.-изд. л. 37.9.
Тираж 2000 экз. Тип. заказ № 3376. С 151

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

ISBN 5-02-026780-5

**В СЕРИИ «РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА»
ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ**

М. Д. Присёлков

ТРОИЦКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Троицкая летопись — одно из интереснейших исторических сочинений начала XV в. В научный оборот она была введена в XVIII в. Активно ее использовал Н. М. Карамзин при работе над своей знаменитой «Историей государства Российского». К сожалению, единственный список летописи сгорел во время московского пожара 1812 г. Все, что от нее осталось, — многочисленные выписки Н. М. Карамзина, а также материалы, которые были использованы при публикации в 1804 г. другой летописи — Лаврентьевской. Благодаря трудам гениального русского ученого А. А. Шахматова, открытой им Симеоновской летописи (сходной с Троицкой), стало возможным восстановление текста утраченного памятника. Эту работу проделал ученик А. А. Шахматова известный русский историк М. Д. Присёлков. На основании всех известных материалов с достаточной степенью полноты он практически возродил казалось бы навсегда исчезнувшую летопись.

Летопись содержит известия с древнейших времен и вплоть до начала XV в. Особый интерес представляет рассказ о событиях XIV в. — борьба Москвы с Тверью, политика Ивана Калиты, Дмитрия Донского и др.

Публикация давно ставшей библиографической редкостью работы М. Д. Присёлкова, во многом уникальной и не имеющей аналогов в отечественной науке, сделает Троицкую летопись доступной как для специалистов, так и для широкого круга читателей, интересующихся памятниками древнерусской исторической мысли.

**В СЕРИИ «СЛОВО О СУЩЕМ»
ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ ПЕРЕВОД
С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА КНИГИ:**

А. Кожев

ВВЕДЕНИЕ В ЧТЕНИЕ ГЕГЕЛЯ

В основу этого обширного произведения легли знаменитые «Лекции по „Феноменологии духа” Гегеля», читанные Александром Кожевым в Практической школе высших исследований с 1933 по 1939 год. Этими лекциями А. Кожев (наряду с Ж. Валем и Ж. Ипполитом) прочно вошел в историю философии как один из основоположников французского неогегельянства, оказавшего прямое влияние на формирование экзистенциализма.

Уже в первой лекции Кожев утверждает, что «для Гегеля сущность не является независимой от существования, равно как человек не существует вне истории». Таким образом, подобно феноменологии Хайдеггера феноменология Гегеля «экзистенциальна» и должна служить основой онтологии.

Постулируя «онтологический дуализм», содержательная сторона которого впоследствии была основательно разработана Ж.-П. Сартром, Кожев заостряет внимание на гегелевской философии истории, поскольку, как он считает, именно в истории экзистенциальная диалектика, освободившись от тяжелых оков гегелевского панлогизма, подлинно заявляет о себе.

Благодаря этому переводу русскоязычный читатель получает возможность увидеть другого, быть может не совсем привычного Гегеля, Гегеля-«экзистенциалиста», для которого, как полагает Кожев, безусловное признание человеческой конечности и факта смерти является краеугольным камнем подлинного философствования.

А. А. ШАХМАТОВ

ИСТОРИЯ
РУССКОГО
ЛЕТОПИСАНИЯ

А. А. ШАХМАТОВ
ИСТОРИЯ РУССКОГО
ЛЕТОПИСАНИЯ

I
Книга 1

